IZVESTIJA OTDELENIJA RUSSKAGO JAZYKA I SLOVESNOSTI IMPERATORSKOJ AKADEMII NAUK

XVII/1912
1/2

1967

AKADEMISCHE DRUCK- u. VERLAGSANSTALT
GRAZ - AUSTRIA

Photomechanischer Nachdruck der
Akademischen Druck- u. Verlagsanstalt
Graz / Austria

Printed in Austria
199.66

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

Т. XVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1912.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ, 1913 года.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *К. Залеманъ.*

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ

XVII тома (1912 г.) Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

СТРАН.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

Lituanica.

I. Къ вопросу о хронологіи литовскихъ заимствованій съ русскаго.

Само собою понятно, что не всѣ слова, заимствованныя литовцами съ русскаго (изъ западнаго, бѣлорусскаго нарѣчія), одинаковой древности. Древность заимствованнаго слова опредѣляется звуковымъ его составомъ. Датировка литовскихъ заимствованій (не всѣхъ!) стала возможною лишь съ тѣхъ поръ, какъ были обстоятельнѣе изучены звуковыя измѣненія русскаго языка въ его историческомъ прошломъ. Въ этой статьѣ я дѣлаю первую попытку дать, хотя бы и приблизительную, хронологію литовскихъ заимствованій съ русскаго, основываясь, главнымъ образомъ, на показаніяхъ исторической грамматики русскаго языка.

1. Въ концѣ X в. въ русскомъ носовыхъ гласныхъ болѣе не существовало, въ чемъ можно убѣдиться изъ русскихъ названій днѣпровскихъ пороговъ Νεασητ = неясыть (ц.-сл. неѩсыть), Ναπρεζή = напрязи (ц.-сл. напрѧзи), Βερούτζη=вьручи (ц.-сл. вьрѫшти). Ср. А. И. Соболевскій, Лекціи[4] 20. Поэтому литовскія слова lénkas, plur. lénkai «полякъ», unguras[1]) «венгерецъ» и pundùs ,-aũs, acc. sg. pùndų (Хвейданы — Kvėdarna, Ретово — Rietãvas, Довконтъ Būdas 182,6) или pùndas (Куршатъ, Ширвидъ Dictionarium trium linguarum 1713 г., стр. 82 s. v. kamień) «пудъ» должны считаться заимствованными не позже какъ въ началѣ X вѣка.

---

1) Засвидѣтельствованъ только loc. pl. Ungurâſę «въ Венгріи». Постилла Даукши 1599 г., стр. 444, 7.

Lénkas, plur. lénkai=лахъ, ласи.

Unguras=жгър-инъ, жгър-е (ср. угор-скій).

Pundùs интересенъ не только сохраненіемъ стараго ж, но и своимъ окончаніемъ -*us*. Pund*ù*s представляетъ собою передѣлку изъ *pund*ù* (ср. прусск. pek*u* «скотъ», med*u* «мёдъ»=лит. pẽku-+s «скотъ» въ Дятловской вол., Слонимскаго у., medù-+s «мёдъ»), заимствованнаго изъ nom. sg. пждъ, съ удареніемъ на *ъ* (ср. gen. sg. пуд*à*). Pùnd*a*s и lénk*a*s не могутъ считаться прямыми продолжателями древне-русскаго имен. ед. пждъ и лахъ. Окончаніе *-as* вм. *-us* явилось подъ вліяніемъ русскихъ косвенныхъ падежей, напр. пжд-*à* = др.-лит. pùnd-*ā*, пжд-*òмъ*=др.-лит. pund-*ùmus*.

Ung*u*ras=жгър- сохранилъ намъ не только ж, но и глухой ъ.

2. Данныя памятниковъ русскáго языка второй половины XII в. дѣлаютъ несомнѣннымъ, что въ это время *ъ* и *ь* уже перешли въ *о* и *е*. А. И. Соболевскій, Лекціи[4] 58. Литовскія заимствованія изъ русскаго, въ которыхъ на мѣстѣ *ъ* и *ь* имѣемъ *u* и *i*, вошли въ литовскій языкъ *до начала XII в.*

Древне-русскому *ъ* соотвѣтствуетъ краткое *u* въ слѣдующихъ литовскихъ заимствованіяхъ: 1) k*ù*bilas[1]) = *къбълъ* Срезн. Матер. I 1387, 2) k*ù*met-is «Instmann, Gärtner, der zu seinem Lohn die Benutzung eines Gartens erhält» (Тильзитъ) или kumet-ỹs «т. с.» (Хвейданы, Ретово)= къметь, польск. kmieć, м.-русск. kmet «Bauer», 3) вост.-лит. b*u*lvõnas=бълвáнъ, 4) ung*u*ras=жгър-.

Древне-русскому *ь* соотвѣтствуетъ краткое *i* въ слѣдующихъ литовскихъ заимствованіяхъ: 1) сѣв.-зап. жемайтское kr*i*styti «крестить» (Довконтъ Būdas 169,29; 170,15) или, со вставочнымъ k, krikstyti въ кат. 1547 г. стр. 12, 30,34=крьстити; 2) pìp*i*ras[2]) «перецъ»=

1) Нельзя считать kùbilas заимствованнымъ изъ нѣмецкаго въ виду слѣдующихъ, несомнѣнно русскихъ заимствованій изъ области бондарнаго искусства: viẽdras = вѣдро-Соболевскій, Лекціи[4] 72, ušḗtkas = ушатокъ, rèčkà, g. sg. rẽčkos = ряшка, bačkà = бочка, utãrai = утòры, kódis=кадь, dieška Ширвидъ Dict. 51 s. v. dzieża = дѣжка.

2) Не изъ нѣм. Pfeffer (откуда латышск. pipars) въ виду мѣста ударенія. Ср. герман. заимствованія kùni(n)gas, pìni(n)gas.

пьпьрь 1193 г. Срезн. Мат. II 1760; 3) kùbilas = къбьлъ; 4) Põvilas = Павьлъ, 5) kazìlaĩ «лежачее бревно на стойкахъ = козлы» = козълы; 6) bìrkavas и (съ замѣною суффикса -ava- чрезъ болѣе обычное -uva-) birkuvas (Хвейданы, Ретово) «берковецъ = 10 пудовъ» = бьрков-ьскъ; 7) šilkas, об. pl. šilkaĩ «шолкъ» = шьлкъ; 8) cìrkva «церковь» въ Хвейданахъ, Ретовѣ (въ остальныхъ говорахъ cer̃kvė) = цьрк[ъ]ва.

Kri(k)styti «крестить» почти во всѣхъ литовскихъ говорахъ подверглось передѣлкѣ въ krikštyti подъ вліяніемъ krikštinu, заимствованнаго изъ нѣмецкаго kristne (съ st = діал. št). Лит. apãštalas имѣетъ št вм. st (apãstalas = апостолъ) подъ вліяніемъ лит. заимствованія изъ нѣм. *apuštulas «Apostel». Что христіанская терминологія у литовцевъ вырабатывалась не подъ однимъ славянскимъ вліяніемъ, видно не только изъ krikštyti и apãštalas, но и изъ ilgės «праздникъ всѣхъ святыхъ», põdė «крестный отецъ», Jùrgis «Юрій», заимствованныхъ изъ нѣм. hilgen «Allerheiligenfest», Pathe, Jorge.

Krìkštas «могильный крестъ; крещеніе» передѣланъ изъ болѣе древняго *kri(k)stas (= вост.-латышск. krists = крьстъ) подъ вліяніемъ krikštinu = нѣм. діал. *krištne. Восточно-латышскому krists въ остальныхъ латышскихъ говорахъ соотвѣтствуетъ форма krusts, дающая право предполагать, что въ древне-русскомъ при крьстъ діалектически существовала форма *кръстъ. Krùstas въ значеніи «креста», повидимому, былъ извѣстенъ и литовцамъ; ср. ap-krùst-ėti «обвязать (верёвкою) крестообразно» Юшкев., Л. слов. I, 49.

*Kristas>krikštas «крестъ», Põvilas «Павелъ» и cìrkva «церковь» проникли въ Литву, внѣ всякаго сомнѣнія, только послѣ крещенія Руси (988 г.). Pipìras, šilkas, pundùs или pùndas «пудъ» и bìrkavas, повидимому, древнѣе чѣмъ, напр., cìrkva. Съ перцемъ—pipìras и шолкомъ—šilkas познакомились литовцы путемъ торговли отъ русскихъ купцовъ, продававшихъ имъ названный товаръ (= tavõraš) пудами—pundùs или даже берковцами—bìrkavas.

Ungùraš «угринъ» несравненно древнѣе, чѣмъ bùbinas = бубенъ «bęben», pùtilas «пу́то» = путьло́ (ср. польск. pętać). Послѣднія два слова заимствованы послѣ перехода «носовыхъ» во «ртовые» гласные.

3. Полногласныя формы встрѣчаемъ уже въ Остромировомъ Евангеліи 1056—7 г.; ср. Изслѣд. по русск. яз. I, 113. Финскія слова palttina «полотно», *vär*tänä «веретено» и латышскія kalp̃s «слуга, батракъ=холопъ», *žer̃*bīns «жребій» показываютъ, что нѣкогда русскіе вм. полотно̀, веретено̀, холо̀пъ, жеребъ говорили *poltьnò, *vertenò, *xolpъ, *žerbъ.

Въ числѣ литовскихъ заимствованій съ русскаго несравненно больше словъ съ полногласіемъ, чѣмъ безъ онаго. Съ отсутствіемъ полногласія пока я нашелъ не болѣе двухъ случаевъ. Skav*ar*dà,-ōs, acc. sg. skav*ár*dą «латка» (Солоки, Лынгияны) и čer̃pė «черепокъ» должны считаться одинаково древними, какъ и p*u*ndùs «пудъ», šil̃kas «шолкъ». Skav*ar*dà (ср. латыш. skavārds «ein Bratspiess») = сков*орода̀* и čer̃pė=чѐрепъ проникли въ Литву торговымъ путемъ. Изъ др.-русской формы *čerpъ «черепокъ» въ литовскомъ слѣдовало бы ожидать *čer̃p*as*. Имѣемъ же čer̃pė съ окончаніемъ -ė вм. -*as* подъ вліяніемъ чисто-литовскаго, однозначащаго съ *čer̃pas, слова šùkė.

Въ литовскихъ словахъ p*a*l̃vas «половой», pap*á*rtis «папоротникъ», s*ar*matà «срамъ», v*á*lkata «бродяга» и v*a*l̃stis «волость» [1]) нѣкоторые ученые видятъ древне-русскія дополногласныя формы *polvъ, *paportь, *sormota, *volk-yta и *volstь, но безъ достаточнаго основанія.

Pal̃vas «płowy» вполнѣ тожественъ съ с.-в.-н. val, g. valwes «bleich, verwelkt» изъ герм. *falva-z. Fick. III⁴, 239; ср. еще лит. pál-ša-s «fahl»=латышск. palss «fahl, gelblich»—гр. πολιός «grau». P*a*pártis не можетъ быть заимствованіемъ изъ *па́порть; въ случаѣ заимствованія литовцы произносили бы *p*ō*partiš, такъ какъ во всѣхъ древнихъ заимствованіяхъ русскому *а* соотвѣтствуетъ литовское *о* (долгое); ср. напр.: p*ō*mėtis=па́мять, P*ō*vilas=Павьлъ, z*o*kãnas=законъ, n*o*pr*ō*snas=напрасенъ и мн. др.

Papártis Тильзитъ, Хвейданы=papartŷs, pāparčio Дусяты, Тверечъ=papartŷš, papárčio Дусяты и латышское papar̃de «папорот-

---

1) Лит. álvas=латышск. alvs, al̂va «Zinn»=прус. alwis V. 527 не можетъ быть выводимо путемъ заимствованія изъ слав. олово. Изъ русской формы олово произошла восточно-литовская ãlavas (Дусяты, Лынгияны).

никъ» представляютъ собою удвоеніе типа *ka*-kar-lnė «глотка»: *pa*-par-t- и *pa*-par-d-. Имя папоротника не въ удвоенной формѣ имѣемъ въ: н.-в.-н. Farn изъ прагерм. *farna-z Fick III[4], 234=др.-инд. parṇá n. «Feder, Fittich, Blatt», ирл. raith «Farnkraut» изъ *prati- H. Pedersen, Vgl. Gr. d. kelt. Spr. I, 91.

Sarmatà, -ātos «стыдъ, срамъ» не можемъ считать заимствованнымъ въ виду существованія глагола sarmó-ties «стыдиться», образованнаго отъ существительнаго *sarmà «срамъ»; ср. деноминативные глаголы dienó-ti, šakó-ti, vagó-ti и др. при dienà, šakà, vagà. Само же *sarmà есть субстантивированное прилагательное; ср. лит. dorà «добро, добродѣтель» — dóras,-à «добрый, хорошій, добродѣтельный», raudà «красная краска» — raũdas «красный», гр. θέρμη «Hitze» — θερμός, -ή «warm». Прилагательное *sarma-s «красный» = и.-евр. *sor-mòs (для вокализма ср. лат. formus «warm») образовано отъ и.-евр. корня ser-(:sor-) «красный», сохранившагося въ слѣдующихъ словахъ: лит. sar̃-ta-s «fuchsig» = латыш. sàrts «красноватый», латыш. sar̂-k-ans «красный», лит. собственное имя рѣчки Sárkānis (съ двумя удареніями) въ Хвейданскомъ приходѣ, латин. sor-bus «Speerbaum» изъ и.-евр. sor-bhos «красный» (первоначально прилагательное; ср. лит. svar-*bùs* «тяжелый», важный» при svef̃-ti, gar-*bùs* «достойный похвалы, почтенія» при gìr-ti, лат. al-bus «weiss»=гр. ἀλφούς· λευκούς Hes., лат. gal-bus «χλωρός»), лит. sir̃-b-ti «чрезъ созрѣваніе дѣлаться красны мъ (объ ягодахъ)», serbeñtai «смородина».

Sarma-*tà* «стыдъ, срамъ» такъ относится къ прилагательному *sarma-s «красный» (>sarmóties «стыдиться»), какъ sveika-*tà* «здоровье», nuoga-*tà* «голизна», bjaura-*tà* «гадость» и gyva-*tà* «жизнь» (=гр. βιοτή) къ sveĩkas, núogas, bjaũras (въ Лынгмянахъ, Солокахъ) «bjaurùs» и gývas.

Válk-*ata* «бродяга» вмѣстѣ со своею параллельною формою vál-k-*eta*—литовскія образованія; ср. šik*ata*: šik*eta* въ моихъ Kalbos dalykai. Kaunas 1910, стр. 26.

Val̃stis, val̃sčius «волость» = латышск. val̂st(i)s, повидимому, аистійскаго, а не славянскаго происхожденія; ср. valdýti «править, владѣть», pa-véldu, -veldéti «получить въ наслѣдство».

4. Литовское названіе «властителя», «главы» (дома) valdýmieras[1]) можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ собственное имя властителя превращается въ нарицательное. Valdýmieras, безъ сомнѣнія, былъ не кто иной, какъ Володимѣръ Великій, ходившій походомъ на соплеменныхъ литовцамъ ятваговъ въ 983 году (П. с. р. лѣт. II², 69) и покорившій ихъ землю. Имя Володимѣра проникло къ литовцамъ, вѣроятнѣе всего, при посредствѣ ятваговъ.

Изъ формы Володимѣръ въ литовскомъ языкѣ мы ожидали бы *V*ala*dýmieras. Говорятъ литовцы v*a*ldýmieras подъ вліяніемъ своихъ словъ, родственныхъ съ именемъ Володи-мѣръ, -миръ, напр., valdýti «владѣть, править», valdõvas «правитель», valdžià «власть».

Не подлежитъ сомнѣнію, что имя Володимѣра — valdýmieras сдѣлалось литовцамъ извѣстнымъ еще при его жизни († 1015 г. П. с. р. лѣт. II², 115).

5. Вліяніе русскаго языка восходитъ къ тѣмъ временамъ, когда еще гласные *а*, *у*, *и* были долгими, а *ѣ* произносилось дифтонгически.

Русское долгое *а* въ заимствованныхъ словахъ въ древне-литовскихъ восточныхъ говорахъ передавалось посредствомъ *ā*. Древне-литовское *ā* въ чистомъ своемъ видѣ до нашего времени сохранилось въ твеečескомъ говорѣ Свенцянскаго у. Виленской губ., гдѣ донынѣ еще говорятъ, напр., tálimas «дальній» = tólimas, brális «братъ» = brólis. Въ другихъ восточныхъ говорахъ, напр., въ Дусятахъ, Ушполяхъ, Солокахъ, Гайдахъ, Лынгмянахъ старое *ā* сохранилось (какъ полудолгое *а*) въ концѣ слова и въ безударномъ положеніи, между тѣмъ какъ подъ удареніемъ, не въ концѣ слова, измѣнилось въ *å*, напр. tã výrã = tõ výro, lãpetà «лопата», но accus. sing. lãpetū. Въ другихъ восточно-литовскихъ говорахъ *å* во всѣхъ положеніяхъ съ теченіемъ времени перешло въ *о* (долгое). Былъ-ли извѣстенъ звукъ *å* въ началѣ русскаго вліянія на литовскій языкъ и въ другихъ, не восточныхъ, говорахъ, пока

---

1) Ср. жем. выраженіе: Numaĩ bè valdýmiero griũn(a) «домъ безъ главы гибнетъ» Хвейданы, Ретово, Масяды.

не можетъ быть рѣшенъ утвердительно. Звукъ *å*, или, можетъ быть, даже болѣе древній ā, былъ извѣстенъ въ нижне-литовскомъ клайпедскомъ (немельскомъ) говорѣ, гдѣ и теперь еще произносятъ напр., stā̃ti = stóti.

Въ литературномъ нарѣчіи діалектическимъ *ā* и *å* соотвѣтствуетъ *o* (долгое).

Привожу нѣсколько примѣровъ заимствованныхъ словъ, въ которыхъ на мѣстѣ русскаго *a* въ литературномъ литовскомъ нарѣчіи находимъ *o*: 1) donìs 1547 г. Кат.=дань; 2) grõmata=грамота; 3) kodỹlas= кадило; 4) stórasta 1579 г. у Вилента 49,23=стàроста; 5) sopã-gas = сапòгъ; 6) zokãnas 1547 г. Кат. = закòнъ; 7) nomẽtas = *намётъ; 8) svodbà 1579 г. у Вилента 61,4 = свадьба и мн. др.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ русскому долгому *y* соотвѣтствуетъ лит. *ū* (долгое): 1) kūmas = кумъ; 2) šiūbà = шуба; 3) čiūdas = чудо; 4) bliūdas = блюдо; 5) kūdas = худъ; 6) ko-pūstai = капуста; 7) dūdà = дуда; 8) kūčios = кутья и др.

Русск. *u* = лит. *y* (долгому, узкому *i*), напр.: 1) abydà 1579 г. у Вилента 66,5=обида; 2) čỹstas 1547 г. Кат.=чистъ; 3) kodỹ-las 1579 г. у Вилента 58,3; 59,4 = кадѝло; 4) velýkos «Пасха» = велѝкъ (день); 5) dỹvinas=дивьнъ; 6) krikštỹnos=крьстины и др.

6. На мѣстѣ древне-русскаго *ѣ* имѣемъ между прочимъ въ слѣдующихъ заимствованныхъ словахъ литовскій дифтонгъ *ie* (во многихъ говорахъ съ «узкимъ» *e*): 1) biẽdnas = бѣденъ; 2) ciẽlas и čiẽlas = цѣлъ; 3) diẽdas = дѣдъ; 4) griẽkas 1547 г. Кат. = грѣхъ; 5) iš-liẽčijimas глосса къ iż-waistimo 1595 г. Катих. 27,22 отъ глагола liẽčyti = лѣчити; 6) mierà 1547 г. Кат.=мѣра; 7) siẽras = сѣръ; 8) su-siẽdas 1579 г. у Вилента 13,10=сусѣдъ; 9) svíetas 1559 г. Forma Chr. 34,15=свѣтъ; 10) viẽdras 1579 г. у Вилента 61,12= вѣдро; 11) vierà 1547 г. Кат. 10,6=вѣра; 12) viẽžlyvas 1595 г. Кат. 27,10 = вѣжливъ.

Литовскій дифтонгъ *ie*, восходящій къ древне-русскому *ѣ*, въ сѣверо-западныхъ (Тельшевскій у.) и юго-восточныхъ (Россіенскій у.) жемайтскихъ говорахъ строго отличается отъ другого, пралитовскаго,

дифтонга *ie*. Въ сѣверо-западныхъ жем. говорахъ пралитовскій дифтонгъ *ie* звучитъ какъ дифтонгъ ĕi (съ «закрытымъ» краткимъ *e*), а въ юго-восточныхъ — какъ монофтонгъ ī. Напр. pieva «лугъ», liepa «липа», siẽti «вязать», rieti «складывать» (дрова), kielė «трясогузка» въ только-что названныхъ говорахъ произносятся: pėiva — pīva, lėipa — līpa, sẽitĕ — sĩtĕ, rėitĕ — rītĕ, kėilĕ — kīlĕ, между тѣмъ какъ заимствованныя vierà, svietas, viẽdras и др. произносятся на аукштайтскій ладъ съ дифтонгомъ *ie*.

Во всѣхъ аукштайтскихъ говорахъ оба дифтонга вполнѣ совпали въ одномъ *ie*. У аукштайтовъ одинаково произносится *ie* и въ исконно-литовскомъ sietas «сито» и въ заимствованномъ svietas «свѣтъ».

Встрѣчаемое въ аукштайтскихъ говорахъ названіе «гипса» miẽlas (дер. Засети, Дятловской вол., Слонимскаго у., Ширвидъ Dict.) можно было бы вмѣстѣ съ А. Брюкнеромъ Lit.-slav. Stud. I, 107 считать заимствованіемъ изъ рус. мѣлъ, но жемайтскія формы mẽils — mĩls «гипсъ» рѣшительно говорятъ въ пользу исконности этого слова у литовцевъ. Жемайтское miẽst(a)s «городъ» своимъ *ie* ясно показываетъ, что и аукштайтское названіе города — мѣста miẽstas не есть исконно-литовское слово.

Biẽdnas, viẽrnas заимствованы литовцами въ то время, когда западно-русскіе говоры еще сохраняли въ *ѣ* *дифтонгическое* произношеніе, но уже не произносили глухихъ, т. е. когда, напр., вм. вѣрьна, бѣдьна nom. sg. fm. уже говорили вѣ́рна, бѣ́дна. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, при помощи которыхъ могли бы рѣшить, заимствованы ли biẽdnas, viẽrnas *до* проясненія глухихъ въ закрытыхъ слогахъ, или *послѣ* ихъ проясненія.

Академикъ А. И. Соболевскій (Лекціи[4] 70) полагаетъ, что въ западно-русскихъ говорахъ сколько-нибудь замѣтное различіе между *ѣ* и *е* утрачено въ XII—XIII в.

На мѣстѣ *ѣ* имѣемъ литовское *ė* (въ части восточныхъ говоровъ = *ē* болѣе или менѣе открытому), на сколько мнѣ извѣстно, только въ двухъ заимствованіяхъ: nedėlia или nedėlià, -iõs, accus. sg. nedẽlią = недѣля и gavẽti «поститься (въ великомъ посту)» = говѣти. Въ обоихъ этихъ словахъ *ė* есть литовская замѣна болѣе древняго *ie*. Въ

слово nedélia введено *é* изъ *dėti «дѣлать» (ср. pa-*deio* arba padare. Ширвидъ Sak. Punktay 155,24, pa-dėti «помогать», gera-*dė*j-a-s «добро-дѣй»). Gavėti вмѣсто *gavieti по образцу другихъ глаголовъ на -ėti: tylėti, stovėti и др.

Лит. bėdà, какъ показываетъ обще-литовское *ē*, не можетъ быть славянскимъ заимствованіемъ. Bėdà = латыш. bèda BB. XXV 263 = бѣда находится въ этимологическомъ родствѣ съ лит. bãdas «голодъ», др.-инд. bádha-tē «drängt, bedrängt», bádhas «Drang».

7. Ѣ въ положеніи послѣ «шипящихъ» ш, ж и ч въ западно-русскихъ говорахъ не было дифтонгомъ *ie*, но довольно открытымъ монофтонгомъ ä̅. Древне-русское ä̅ въ заимствованныхъ словахъ литовцы передавали посредствомъ своего *ė*, который въ восточныхъ говорахъ былъ *открытымъ* (ср., напр., мѣну ē>ā въ купишскомъ говорѣ: tãvas «отецъ» = tẽvas съ болѣе или менѣе открытымъ *e* въ говорахъ Ново-александровскаго уѣзда).

Литовское *é* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выводимо изъ др.-русскаго *a* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ.

Древне-русскому *ä̅* соотвѣтствуетъ литовское *é* въ слѣдующихъ заимствованіяхъ: 1) čẽsas «время, пора» = часъ; 2) čẽrai = чары; 3) šẽstoti въ Тверечѣ = шастать; 4) žėlė́k Dievė! изъ žėlėti = жалѣть. Финское säăli (= жаль) также говоритъ въ пользу древне-русскаго *ä̅*.

Въ древнерусскихъ западныхъ говорахъ кромѣ *ä̅* изъ *ѣ* (послѣ ч, ж, ш) было извѣстно *ä̅* другого происхожденія, а именно: а) изъ пра-русскаго ѧ (ę) и б) изъ пра-русскаго *я* (*ịā*).

Изъ большого числа примѣровъ заимствованныхъ литовцами словъ, въ которыхъ русскому *я* (изъ ѧ) соотвѣтствуетъ литовское *é* (въ говорахъ и узкое и широкое) назовемъ только нѣкоторые: 1) mėtà = мята «mięta»; 2) prė́slas = прясло (ржи) Срезн. Матер. II, 1719; 3) plẽmė = племя. Слѣдуетъ замѣтить, что въ литовскихъ говорахъ встрѣчаются заимствованія, въ которыхъ русское *я* изъ ѧ передано посредствомъ литовскаго *'o*. Это *'o* имѣемъ, напримѣръ, въ сѣверо-западн. жем. peč*io*tis (ср. Довконтъ, Būdas 171,31) = печать, зап.-

аукшт. čiõbrai (при восточно-аукшт. čẽbrai) = чаберъ = čębrъ Berneker, Sl. et. Wb. 160. Čiõbrai, pečiotis, безъ сомнѣнія, заимствованы позже, чѣмъ čẽbrai, pečėtis.

На мѣстѣ русскаго *я* изъ пра-славянскаго ją̄ находимъ литовское *ė*, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: 1) pra-jė̃vas «чудесное явленіе, чудо» = проява; 2) kõšė = каша, но dūšià = польск. dusza, mišià = др.-польск. m̓ša «msza» (вмѣсто m̓ литовцы подставили mi, ср. еще др.-польское m̓nix «mnich» = minỹkas); 3) ragãžė = рогожа; 4) par-dõžė (съ введеніемъ литовскаго par- : par-dúoti) = продажа; 5) kočė̃las Дусяты, Волончевскій Pałąngos Juze 105,4, Довконтъ Būdas 231,30 «скалка для катанія бѣлья» = *качало, ср. качалка, но kočió-ti «катать бѣлье» = качати. Слова съ *ė* изъ русскаго *я* = праславянскому *ią̄* слѣдуетъ считать болѣе поздними заимствованіями, чѣмъ слова, въ которыхъ этому *я* соотвѣтствуетъ лит. *jo* или *'o*.

Русское *я* изъ пра-слав. *ią̄* = лит. jo, 'o, напримѣръ: 1) jõvyties «шалить» (со страннымъ переходомъ значенія!) = явитися : katės, besi-jovydamos, vieną (kamašį) numetė Басановичъ Liet. pasakos yvairios IV, 231; 2) jõvaras = яворъ; 3) jõrė «Grünspan» = ярь; 4) bezdžiona «малпа» Ширвидъ Dict. 141, изъ *bezdjānā вмѣсто *abezjānā = обезьяна, благодаря народному осмысленью : bezdėti, «pēdere»; 5) nedėlià = недѣля; 6) pėtnyčia = пятница; 7) kuojà «сосна» изъ kųajà = kvajà = хвоя.

8. Въ древнѣйшемъ слоѣ словъ, заимствованныхъ литовцами изъ русскаго, русское *ы* передается посредствомъ дифтонга *ui*. Примѣры: 1) buĩlis «былье?» = быль, ср. Federowski II, 12, 13; 2) kuila Ширвидъ Dict. 90 = кыла; 3) muĩlas 1579 г. у Вилента 69,10 = мыло; 4) muĩtas 1547 года Кат. 16,2 = мыто; 5) smuĩkas «скрипка» = смыкъ Срезнев. Матер. III, 447; 6) tuĩnas «колъ» Ширвидъ Dict. 96 = тынъ.

Со словомъ kùila, какъ показываетъ *ui*, литовцы познакомились еще тогда, когда русскіе вмѣсто кила произносили кыла. Переходъ кы въ ки для западно-русскихъ говоровъ впервые отмѣченъ въ договорной грамотѣ Смоленска съ Ригою 1229 г., гдѣ читается: ризкии, латинескии.

Соболевскій, Лекціи[4] 130. Итакъ, можно думать, что kùila вошла въ литовскій языкъ *до начала XIII вѣка*. Kýla въ Дусятахъ=кила, kýka=кика, magýlos въ Хвейданахъ «еврейское кладбище»=могилы, ȳdaš «насѣкомыя» collect.=hid, kȳtras=хитрый заимствованы послѣ перехода кы, гы, хы въ ки, ги, хи.

ui въ k*ùi*la, tuĩnas и т. д. могло образоваться только изъ ы «задняго ряда». Съ теченіемъ времени въ западно-русскихъ говорахъ, вліявшихъ на литовскій языкъ, ы постепенно измѣнилось въ ы «средняго ряда», приближаясь болѣе или менѣе къ ряду переднему.

ы средняго ряда въ литовскихъ заимствованіяхъ передается посредствомъ *i* (краткаго). Примѣры: 1) mislìs=мысль; 2) vìkadaŝ «сортиръ»=выходъ; 3) vìškoŝ=вышки; 4) bìstras=быстрый.

9. Большею частью христіанской терминологіи литовцы обязаны русскимъ. Русское происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію, напримѣръ, въ слѣдующихъ христіанскихъ терминахъ: 1) utárninkas и utárnykas=уторникъ Соболевскій, Лекціи[4] 120; 2) seredà=середа; 3) četveȓgas=четвергъ; 4) pẽtnyčia=пятница; 5) kalẽdos «Рождество»=коляда; 6) kũčios «сочельникъ»=кутья; 7) velýkos «Пасха»=великъ (день); 8) verbà «пальма»=верба, verbų nedélià=вербная недѣля (=воскресенье); 9) krĩkštai (литовскій переводъ, ср. krĩkštas=крьсть «крещеніе») «Крещеніе=Trzy króle» у восточныхъ литовцевъ; 10) *van(d)*-krĩkštis «Крещеніе» переводъ слова Водо-крещи; 11) bloviẽščios «Благовѣщеніе»; 12) desėtynà 1579 г. у Вилента 109,7=десятина; 13) gavėnià «великій постъ»=говѣніе, gavė́ti «поститься» (въ великомъ посту)=говѣть; 14) kũmas, kūmà=кумъ, кума; 15) svẽtastis f. «sacramentum» 1579 г. у Вилента 36,11; 37,17,20,25; 38,1,4=святость, ср. Срезневскаго Матер. III, 306; 16) Ulijonà=Ульяна. Всѣ эти христіанскія термины, безъ сомнѣнія, уже пользовались правами гражданства до 1386 г.; въ противномъ же случаѣ, на мѣстѣ русскихъ терминовъ мы имѣли бы польскіе.

Bloviẽščios «Благовѣщеніе» изъ blā[h]aviešč-=западно-русскому blahovẽšč-, съ исчезнувшимъ гортаннымъ фрикативнымъ *h* между

двумя гласными на литовской почвѣ; ср. западно-русское pohibeľ = aукшт. paibelis (ругательное слово), nahàjka = жем. náika.

Gavėnià «великій постъ» и četveȓgas «четвергъ» невполнѣ гармонирують съ blovièščios: въ первыхъ двухъ случаяхъ русское г даетъ литовское g, между тѣмъ какъ въ послѣднемъ случаѣ это, повидимому, то же самое г исчезаетъ. Считать первыя два слова заимствованными въ болѣе древнее время, чѣмъ послѣднее, врядъ ли возможно? Всѣ три слова вошли въ литовскій языкъ одновременно, различіе же передачи ихъ литовскими звуками объясняется нетожественностью ихъ г: въ первыхъ двухъ случаяхъ г было мягконёбнымъ (велярнымъ) фрикативнымъ γ, въ послѣднемъ же г — гортаннымъ фрикативнымъ h. Слово благовѣщеніе съ гортаннымъ h не западно-русское: оно пришло вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ южной Россіи; въ словахъ не южнорусскаго происхожденія западно-русскіе говоры на мѣстѣ мягконёбнаго (велярнаго) затворнаго g имѣли мягконебный фрикативный γ. Привожу еще нѣсколько случаевъ γ = литовскому g: 1) aglù «огулòмъ, оптомъ» : *óγlom, волог. óгломъ; 2) blõgas «плохой, тощій» = blaγ-; 3) brogà = braγa; 4) glũpas = γlup-; 5) grìvina (ivi изъ iv, такъ какъ въ литовскомъ невозможны ни *grivna, ни *griuna)=γrγvna (съ отвердѣвшимъ r; изъ ŕi было бы литовское ry = ŕi); 6) pagastas у Довконта Būdas 171,8,9 «волость?» = poγost; 7) plũgas = pluγ; 8) trivagà, -ãgos = tryvòγa.

Adynà «часъ», alìšius «голышъ» въ Лынгмянахъ, aršiaũ «хуже», ỹdas «насѣкомыя», bẽravas «берегъ» изъ *bẽra-as (у Ошмянскихъ литовцевъ) заимствованы литовцами у бѣлоруссовъ въ то время, когда старое γ перешло въ h, т. е. когда они уже произносили: hãďina, hãlỳš, hòrše, ȟid, berah.

Četveȓgas и verbà показываютъ, что болѣе замѣтное вліяніе восточной церкви въ Литвѣ началось послѣ перехода глухихъ въ ясные, во всякомъ случаѣ, не раньше конца XII вѣка.

10. Католическая церковь у литовцевъ называется bažnyčia. Bažnyčia первоначально обозначала не христіанскую церковь, но языческую божницу самихъ литовцевъ. Литовцы, подъ вліяніемъ

своихъ русскихъ сосѣдей, привыкшіе называть свой храмъ, но языческій, божницею — bažnýčia, сохранили это имя и послѣ принятія католичества при Ягайлѣ, въ виду того, что старый языческій храмъ почти ничѣмъ не отличался отъ новаго, католическаго.

Что литовцы язычники нѣкогда имѣли храмы, въ томъ нельзя сомнѣваться. Само собою понятно, что литовскіе храмы не могутъ быть сравниваемы ни съ греческими, ни съ римскими. Литовскіе храмы могли быть только деревянные. Они, быть можетъ, мало чѣмъ или даже ничѣмъ не отличались отъ теперешней bažnyč'ы въ деревенской глуши.

Намъ извѣстны слѣдующія свидѣтельства о языческихъ «божницахъ» у литовцевъ:

a) у Виганда подъ 1384 г. (Script. r. Pruss. II, 623—4) читаемъ: Eadem estate cum populo Wytaut transeunt in Wandeiagel (= Vandżiógala, Ковен. у.) terram non avisatam, ubi Lithwani stant ante domos sacras videntque preequestres et putant eos de numero eorum : fugiunt tamen ad edes sacras quas circumdederunt cum vexillis;

b) у Гіеронима Пражскаго, Scr. r. Pruss. IV, 238: Sacerdotes templi materiam, ne deficeret, ministrabant;

c) у Іоанна Длугоша, Historiae Polonicae libri XII, ed. Przezdziecki, tomus III, pag. 466: Wladislaus Rex ignem, qur perpetuus ab illis putabatur, in Vilnensi civitate, quae caput et metropolis gentis erat, servatum, et a sacerdote qui eorum lingua Zincz (вмѣсто Ziniz=žynỹs) appellabatur, et qui supplicantibus et de futuro rerum eventu Numen consulentibus falsa edebat (quasi haec a Numine accepisset) responsa, custoditum et sedula lignorum adiectione nutritum, barbaris inspectantibus, extingui, et templum et aram, in quibus hostiarum fiebat immolatio, disrumpi, silvas insuper, quae sacrosanctae putabantur, succidi et lucos eorum confringi... disposuit;

d) Тотъ же самый Длугошъ (т. IV, стр. 159 и сл.) въ описаніи крещенія Жемойти въ 1413 году сообщаетъ, что король Владиславъ (Ягайло) приказалъ разбросать и потушить священный огонь, горѣвшій на горѣ при р. Невяжѣ (= Nevėžis) въ башнѣ (turris), а самое зданіе сжечь.

Изъ Длугоша мы узнаемъ, что нѣкоторые «божницы» были похожи на *башни*.

Слово bažnýčia отличается удареніемъ отъ другихъ заимствованныхъ словъ съ суффиксомъ -yčia; напримѣръ: temnyčià, -ỹčios= темница, sveklyčià, -ỹčios (kl изъ tl!)=svetlića (заимствовано послѣ совпаденія ѣ съ е!), telyčià, -ỹčios=телица. Разница въ удареніи можетъ быть объяснена большею древностью слова bažnýčia сравнительно съ temnyčià и др.

Выводы:

Древнѣйшее вліяніе русскаго языка на литовскій началось:

α) до перехода носовыхъ ѫ и ѧ въ гласные чисто-ртовые (IX вѣкъ, начало X вѣка);

β) до появленія полногласія (IX вѣкъ, первая (?) четверть X вѣка);

γ) до проясненія глухихъ (до начала XII вѣка).

Древнѣйшій періодъ русскаго вліянія на литовскій языкъ тянется, приблизительно, отъ второй половины IX вѣка до начала (первой четверти?) XII вѣка.

II. Литовско-латышскія uo и ie въ заимствованныхъ съ русскаго словахъ на мѣстѣ ожидаемыхъ ū и ī.

Въ латышскихъ заимствованіяхъ изъ древне-русскаго очень часто находимъ дифтонгъ *uo*, замѣняющій, повидимому, русское (долгое) *у*, безразлично, восходитъ-ли оно къ пра-русскому *у*, или ѫ. Приводимъ примѣры (ср. И. М. Эндзелинъ. Живая старина, IX, стр. 305 и сл.):

A) латышское *uo*= русскому и пра-русскому *у*: 1) bľuõda= блюдо; 2) duõma=дума; 3) kažuõks=кожухъ; 4) kuods=худъ; 5) luõks=лукъ «Lauch»; 6) ľuòti «очень» = лютѣ; 7) uoma=умъ; 8) puõstaša=пустошь; 9) suòlît=сулить; 10) suõma=сума; 11) kuoma BW. 1283, 1291, 1299, 1325, 1378, 1423=кума; 12) kàpuôsti=капуста.

B) латышское *uo*=русскому *у* изъ ѫ: 1) ruòbeža=рубежъ; 2) kuokalis=куколь; 3) kuòdeľa=кудель; 4) muõka=мука;

5) puõds=пудъ; 6) pruods=прудъ; 7) skuôps=скупъ; 8) karuõgs=хоруıъı; 9) suòds=судъ, suògis=судій.

На почвѣ латышскаго языка *uo* не могло произойти изъ *ū*, такъ какъ оно въ другихъ заимствованіяхъ съ русскаго остается безъ всякаго измѣненія; ср., напр.: dũša=душа, kũma = кума, šũba = шуба, kũķi (ķ изъ t′) = кутья; ũsas = усы, pũds = пудъ, tũce = tùćă (изъ цокающаго говора) «туча» и мн. др.

uo нельзя считать латышскою замѣною болѣе древняго *ū*, оно можетъ быть лишь рефлексомъ древне-русскаго дифтонга *uo*, или *u*°. Въ пользу того, что въ части кривскихъ (латышское krìèvi) говоровъ древне-русское *у* (изъ у и ж) было дифтонгомъ, говорятъ не только латышскія, но и финскія заимствованія; ср. финское luotanen, кор. luota = блюдо, kuomina = гумьно, kuoma = кумъ, kuomikko = кумикъ; kuoseli=кужель, luokka «Kummetbogen»=лукъ, кор. muokka=мука, кор. šuovatta олон. suovattu=суббота.

Русскому *у* въ литовскихъ заимствованіяхъ съ русскаго обыкновенно соотвѣтствуетъ *ū*, *uo* (*ů*) же—въ очень ограниченномъ числѣ примѣровъ. Пока я нашелъ только три примѣра: 1) k*uo*dēlis «pensum lini» (обще-литовское слово=жем. kūdēlis : kůudēlis)=кудель (не -*ьль*, иначе было бы лит. -*ìē*lis. См. Vondrák, Vgl. Slav. Gr. I, 482); 2) зап. аукшт. прусское kuõčios[1]) «der heilige Abend vor dem Christfest» = кутья̀ : сѣверо-зап. жем. kũtěs «сочельникъ» изъ *kūtjās (ср. tòštěs nm. pl. fm.=tùščios «пустые») = восточн., западн. аукшт. kũčios; 3) ? duõbai «die Beize der Rotgerber» (Куршатъ пишетъ dõbai)=дубъ «Gerberlohe» : dũbos, dũbai «т. с.».

Сѣверо-западное жемайтское слово puokaĩ «пухъ» можетъ быть и чисто-литовскимъ словомъ; ср. paũk-štis «птица» : гот. fugls «Vogel» изъ и.-евр. puk-lo-. Славянское пухъ можетъ быть рефлексомъ и.-евр. праформы pa*u*k-*s*-o-=лит. paũ*k*-*š*- (*š* изъ *s* въ положеніи послѣ *k*). Такое чередованіе гласныхъ какъ въ p*uõ*kas : p*ũ*kas : p*aũ*k-š-tis

1) Куршатъ, Lit.-deutsches Wd. 195, пишетъ kocżios съ *o* вмѣсто ů. Въ говорѣ Куршата совпали *o* и ů (*uo*) въ одномъ звукѣ. чѣмъ и объясняется, почему онъ пишетъ рядомъ съ kůdas, kůdelis, kůsaitis также и kodas, kodelis, kosas.

извѣстно и въ другихъ словахъ; ср. p*uo*kỹs (Ретово) : pūkỹs (Тильзитъ) или pūgžlỹs (Лынгияны) : p*au*gžlỹs «ёршъ» (Водаклн) изъ *pauk-*žd*-lỹs, гдѣ -*žd*- изъ -*zd*- послѣ *g (k)*. P*uõ*kas : p*aũ*k-š-tė со стороны вокализма можно сравнить еще со слѣдующими формами: 1) spúogas Дусяты : spáugas Ушполи «прыщъ»; 2) лат. buoze лит. búožė : лат. bauze «Schlägel am Dreschflegel», лит. baužė «бапка» Kossarzewski, Lituanica 41b; 3) литовское bl*uõ*zgas : лат. blaũzga «Schinn, Schelfer»; 4) stúobas Понемунокъ Новоалекс. у. — Panemunẽlis : лат. staub-ens «ein Baumstumpf, ein Baum, der den obern Teil eingebüsst hat»; 5) duobà «дупло» : daubà «оврагъ, долина»; 6) gluodùs «гладкій» : glaudùs «przytulny»; 7) šliuõžti : šliaũžti «ползти, скользить»; 8) plúostas Дорбяны : pláustas Хвейданы «Fähre, Prahm».

И въ литовскихъ и въ латышскихъ заимствованіяхъ изъ древнерусскаго русское *ü* обыкновенно передается посредствомъ лит.-лат. I. Дифтонгъ *ie (ė)* на мѣстѣ русскаго *ü* встрѣчаемъ въ слѣдующихъ словахъ: 1) лат. krievs, gen. sg. krieva «русскій»=*кривъ, откуда кривичъ (ср. лат. latvis и latv-iẽtis «латышъ»); 2) лат. miêrs «Friede, Ruhe» : лит. mieras «Friede» въ Катихизисѣ 1547 г., стр. 26,7.

Въ пользу дифтонгизаціи древне-русскаго *ü* въ части сѣверо-западныхъ говоровъ говорятъ не только литовско-латышскія, но и финскія заимствованія съ русскаго; ср. фин. mielu «lieb»=милъ, кор. viehkuri «Wirbelwind» = вихърь (слав. вихъ- = лит. viesu- изъ айст. veisu- въ vĩesulas «Wirbelwind», ср. лат. *veĩs*-uô-ls «вихорь»).

Литовско-латышскія заимствованія съ русскаго, въ которыхъ русскому *у, ü* соотвѣтствуютъ дифтонги *uo, ie*, древнѣе заимствованій съ *ū, ī*. Заимствованія съ *uo* и *ie* восходятъ еще ко временамъ существованія глухихъ, какъ объ этомъ можно судить на основаніи финскихъ kuomina=гумьно и viehkuri=вихърь.

III. Этимологіи.

1. Литовское *alksnis* «ольха».

Литовскіе говоры свидѣтельствуютъ, что нѣкогда рядомъ съ *als-k-nis, откуда al̃ksnis, существовала параллельная форма *alis-k-nis съ

гласнымъ *i* послѣ *l*, какъ и въ др.-в.-н. el*i*ra, слав. ольх-а, кльх-а. Изъ *ali*s*-*k*-nis возникла восточно-литовская форма al*i*ksnis, извѣстная, напримѣръ, въ дусятскомъ, южинтскомъ, конайскомъ и др. говорахъ, Новоалекс. уѣзда.

Форма als*k*nis, извѣстная изъ словаря Ширвида (стр. 225), повидимому, есть опечатка вмѣсто al*k*snis : «*sk* + Consonans» въ литовскомъ даетъ «*ks* + Consonans»; ср. р. Мос*к*ва = лит. Ma*ks*và.

Прусское a*b*skande V. 602 «Erle», по моему мнѣнію, слѣдуетъ читать какъ a*li*skande : *b* у кописта получилось благодаря неправильному чтенію изъ слога *li*.

Въ пр. словѣ alisk-*an*-*d*ē имѣемъ основу alis*k*-*an*-, распространенную суффиксомъ -*d*-; ср. слав. жел*ж*-д-ь изъ g^{u}el-an-*d*- при греч. βάλ-αν-ος. Alisk-*an*- : alisk-*n*- возникли изъ болѣе простой праформы alis-*k*o-, съ такимъ же суффиксомъ, какъ и въ др.-в.-н. ask «Esche» изъ и.-евр. *os-*k*o- (при кельт. *os-n- «Esche» Fick, II[4], 51: лит. úosis, слав. ясень).

2. Прусское *angsteina* «рано».

Прусская форма angsteina неотдѣлима отъ литовской ankstéinai или ankstéinais «de multo mane» (Хвейданы, Россіен. у.). Въ формахъ angstein*a* ~ ankstéina*i* имѣемъ locativus sg. *anksteĩ (къ n. sg. añkstas «рань» : ìš añksto, prō añkstą), сложенный съ постпозиціею -na ~ -nai. Постпозицію -na ~ -nai находимъ въ слѣдующихъ словахъ: 1) cziô-*na*-g «здѣсь же» Постилла Даукши (ориг.) 382,37: czio-*nái*-ǧ l. c. 384,42; 2) isch-te*na* «оттуда» Forma chrikstima 1559 г., стр. 33,22, tena «тамъ» l. c. 40 изъ tę-*na* : tęnay Катих. 1598 г. (Вольтеръ, Лхр. 54,12), tęnái Постилла Даукши 570,1,5; 571,10; 577,8; 596,30,31,36 = tynaĩ или tŷnai Дусяты, Солы, Купишки, Лынгияны, изъ tę-*naĩ* : вост.-лит. *ti* «тамъ» (Дусяты, Лынгияны, Тверечъ) изъ tę̀ = айст. **tén*; ср. прусское is-*quen*-dau «von dannen», is-*stwen*-dau «daraus»; 3) jã «jō, его» ~ ja-nē «его же», tō «tuō» ~ tō-nē «тѣмъ же», tã «tō» ~ ta-nē «того же», tũ «tų» ~ tu-nē «тѣхъ же» дер. Пруселя, Вобольникской вол., Поневѣж. уѣзда = общелит. jo-*naĩ*, tuo-naĩ, to-naĩ, tų-naĩ; 4) dúotie-*nai* «дать», pìltie-*nai* «лить»

рядомъ съ dúotie, pìltie и dúoť, pìlť Дусяты, Купишки; 5) jý-*nai* «она» дер. Буйвидзи (= Buivýdžiai), Понедѣльской вол. : jì «она».

Прусское angst*ai*nai 51,10 «morgens», вопреки мнѣнію г. Траутманна, Die altpr. Sprdkm. 250, имѣетъ -*tai*- не изъ и.-евр. -*tei*-, но изъ и.-евр. -*toi*-, какъ это показываетъ литовская форма ankst*ái*-neis «рано» Юшкев., Лит. слов., I, 19. Партикула -*nei*s, повидимому, произошла изъ общелитовской -*niai*s, возникшей путемъ сложенія изъ -*ni* и *ai*-s; ср. anañ-dien-*ai*-s Юшкев., Лит. слов., I, 15 рядомъ съ anañ-dien-*ai* (Дусяты) изъ anañ-d*ien*[ą]; vẽliais-gi «опять» (Хвейданы) изъ vẽli + *ai*-s + gi ~ vẽl(i); жем. ràset-*ā*s Юшкев., Лит. слов. I, 402b, 584 изъ ràset-*ai*-s; жем. nórint-*ā*s l. c. 418a : nórint-*ē*s (Хвейданы, Ретово) изъ nórint-*ei*s < nórinti + ai-s = nórin*ti*-ģ Пост. Даукши, ориг., 284,31; жем. júogēs «jóg» Хвейданы изъ jógi+*ai*-s; жем. ẽk tin-ã-s-tēs или tin-ã-tēs! «уходи съ Богомъ! проваливай!» Хвейданы изъ eik te-naĩ-s-ti + ai-s или te-naĩ-ti-ais; kadaĩksčiai «kiedyś» Юшкев. I, 17b kadaĩksčiais l. c. 258 изъ kadaĩsti + ais : Mus wissus kad*ai*sgi mirsenczius tikrai ßinam. Пост. Бреткуна 1591 г. (см. Э. Вольтеръ, Лхр. 18,42): kad-*aĩ*-s-ia «когда уже; давно» Тверечъ.

Партикулы -*na* : -*nai* : -*ni* такъ относятся другъ къ другу, какъ и -*ta* : -*tai* : -*ti*, сохранившіяся въ формахъ be-*tá*-g Пост. Даукши, изд. Вольтера, 27,1, betáģ 44,2 : be-*tái*-g 53,5 : bę-*ti* l. c., изд. ориг. 336,20; ср. ne-*ta* Виленть, Е. Е. 1579 г., стр. 70,1 : ne-*te* Кат. 1598 г. Лхр. 54,35 : nie-*tti* «nawet» Olechnawicziaus Pasakos... Wilniui 1861, стр. 92,10.

Рядомъ съ ankst*ái*-ni-ais и ankst*éi*-nais существуетъ еще третья форма ankst*ie*-nais «рано» (Юшкевичъ, Лит. слов., I, 19); ср. жем. ankst*iẽ* «рано» : аукшт. ankst*ì* «т. с.» = греч. ἀσταχτεί : ἀσταχτί.

3. Литовское *aršùs* «celer, agilis».

Aršùs, acc. sg. aȓšų (Велёна — Veliuonà), повидимому, находится въ родствѣ съ греч. ἔρχομαι «komme», med. къ *ersk̑hō, др.-инд. ṛććháti «trifft, erreicht». Prellwitz EW[2]. 159.

4. Литовское *aržùs* «libidinosus, mulierosus».

Жем. aržùs, acc. sg. ar̃žų вмѣстѣ съ равнозначащимъ восточно-литовскимъ arškùs (Конан) находятся въ родствѣ съ греч. ὄρχις «Hode». Въ семасіологическомъ отношеніи aržùs ∼ ὄρχις вполнѣ аналогичны съ с.-в.-н. geil ∼ geile «Hode».

5. Литовское *ãt-kisas*.

Жем. слово ãt-*kisas* «segetes, quae (rursus) in hypocausto (= pakurà, duoba) siccandae rite locantur» (Хвейданы, Ретово), какъ уже отмѣтилъ Л. Гейтлеръ, Lit. Stud. 78, произведено отъ глагола už-*kìs*-ti linùs «die Flachsstengel zum Trocknen auf die ardaĩ legen» (Клайпеда — Memel). Литовское ki-*s*- «класть, складывать» К. Явнисъ сопоставляетъ съ др.-инд. činṓti, čáyati «schichtet, reiht»; ср. слав. činъ, Berneker EW. 156 и сл.

6. Литовскія *aukauti*, *auka*.

Слова aukauti «жертвовать», auka «жертва» и aukuras «алтарь» сдѣлались достояніемъ литовскаго литературнаго языка благодаря писателю С. Довконту (Daũkantas). Привожу нѣсколько цитатъ изъ сочиненій Довконта: Wadĩno jį Aukopĩrmas nu żôdiums auka ĩr pĩrmas, kajpo tas, kórį rejk wĩssópĩrmó aukautĩ arba garbintĩ. Būdas 81,28,29; meldies ąnt auksztajs kałnajs, kórius *auko* kałnais nu żôdio aukautĩ wadĩno l. c. 103,10; Tórieię dar tajpat óż szwentus aukurus arba ałtorius ąnt kałnais, kórius wadĩno *auko* kałnajs arba *ałko*- kałnajs ĩr wĩjszpiłajs ĩr dĩdelius akmĩnys, ąnt kórejs meldies ĩr Dĩjwams aukawo, arba jus wajszĩno, kajp szenden ĩsz Gudiszkumo yra sakoma apieras jems dare. l. c. 114; Pas ąngą buwęs aukóras, ąnt kóriu gywolus aukawusis ĩr ąmżĩna ugnĩs oużouła medejs kórstoma dĩjna ĩr naktĩ kurĩnusis. l. c. 105; Je auka atlĩjktama buo, karion ejtąnt, tad... 129,8; Iszejgĩniesĩ aukosĩ ...aukawo wĩrszajtis 129,29; ...pri aukóro ĩr stabo... meldies pakajtomis 130,4; Tujau atwedęs muni pas ałtoriû ąnkuriù ketieję aukauti... lĩjpę ...sijktĩ, iog asz niekados su Rimionimis nebendrausious. Giwatas didiujû Kar-

waidů 207,4; Buwo gili kriausza patio žiniczioie Ĩszpouszta aukomis arba apieromis. l. c. 2,16.

Глаголъ aukauti И. М. Эндзелинъ въ Изв. отд. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ, т. XIII, кн. 4 (1908 г.), стр. 208 и сл., считаетъ сложнымъ словомъ, состоящимъ изъ префикса *au-* = слав. *у-* и простого глагола káuti «бить». Съ подобнымъ толкованіемъ слова трудно согласиться. Мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что всѣ три слова — aukauti, auka и aukuras — изобрѣтеніе Довконта.

Кургановидные холмы, съ рощами и безъ нихъ, носятъ у литовцевъ названіе aĩko kálnas или aĩkos kálnas. Мнѣ извѣстны слѣдующіе холмы (или другія географическія имена, прозвавшіяся отъ холмовъ) съ именемъ aĩkas «священная роща»: 1) Aĩkas въ Чекишкахъ, Kossarzewski Lituanica 180b; 2) Aĩkos kálnas въ полѣ дер. Побиржуле, Ворненской вол., Тельш. уѣзда ~ Alkãlės, нивы l. c.; 3) Aĩkos kaktà, гора въ Полуксцѣ Ворненск. вол.; 4) Aĩko kálnas: a) на равнинѣ Álksnos, въ 1 в. отъ Кальваріи, Тельш. уѣзда, b) вблизи горы Rūškalnis и рѣчки Gervainis, Жоранской вол., Тельш. уѣзда, c) вблизи м. Повонденя, Тельш. у.; 5) Aĩkos kálnas: a) съ небольшою часовнею, въ полѣ дер. Erkšva, Иллокской вол., Тельш. у., b) въ двухъ верстахъ на NO отъ м. Вешвяны, Тельш. у., c) между м.-ками Кули и Плунгяны, d) въ Крожской вол., Россіен. у.; 6) Aĩkos sodà: a) въ Салантской волости, Тельш. у., b) въ Ольсядской вол.; 6) Aĩko sodà къ сѣверу отъ м. Ретова, близъ р. Júra; 8) Alk-upỹs, рѣчка: a) въ Опитолокскомъ приходѣ (Apýtalaukis), b) въ Попильскомъ приходѣ, Шавел. у.; 9) Aĩk-upis: a) деревня Хвейданскаго прихода, Россіен. у., b) застѣнокъ Шатскаго прихода, Вилкомирскаго у.; 10) Alkā-vietė, холмъ съ рощею вблизи дер. Vis-dievaĩ, Абельскаго прихода, Новоалександровскаго уѣзда.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, напримѣръ, около Шкудъ, aĩka или aĩkas kálns (діал.) произносится какъ айka или айkas kálns, со спорадическимъ измѣненіемъ *l* въ *u;* ср. вост.-лит. *au*kūnė вмѣсто a*l*kūnė «локоть». Въ говорѣ Довконта вмѣсто aĩka kálns произносилось также и *ай*ka kálns (ср. Būdas 114); ср. *Auka* kałnas arba pile, ąnt kuri senowej pagonis žemajtej degina aukas, taj ira apieras. Supiĺta

ra ties upalu Warlini wadinamu. Волончевскій, см. Э. Вольтеръ, Объ этнографической поѣздкѣ 21,15.

Про aĩko(s) или aũko(s) kálnas въ народѣ разсказываютъ, что на нихъ предки литовцевъ, будучи язычниками, приносили богамъ жертвы. Подъ вліяніемъ разсказовъ о жертвоприношеніяхъ на холмахъ, называющихся *aũka* kálns, Довконтъ пришелъ къ заключенію, что имя aũka kálns вполнѣ равнозначно съ apiẽras kálns «гора жертвы», отсюда выводъ—auka есть apiera «жертва».

Изъ возстановленнаго такимъ образомъ слова auka, принявшаго въ воображеніи Довконта значеніе «жертвы», впослѣдствіи были состряпаны производныя aukãuti «жертвовать» и aũkuras «жертвенникъ» (по образцу ugniã-*kuras* «очагъ»).

Слово auka въ живомъ разговорномъ языкѣ извѣстно только въ выраженіи aukos kálns (въ сѣверо-западномъ уголкѣ Тельшевскаго у.), первоначально обозначавшемъ «холмъ, вершина котораго покрыта *священною рощею*»; ср. aĩkas «роща» въ Вевиржанскомъ прих. (Veivìržėnai), Россіен. у. : elkas «šilas = боръ». Varpas 1893, стр. 55.

7. Литовское *aumenis*, славян. *умъ*.

Лит. слово aumenis въ лынгмянскомъ (Свенцянскаго у. Вил. губ.) восточно-аукштайтскомъ говорѣ употребляется въ значеніи «память»; ср. выраженія: bus geru aumeniu «будетъ обладать хорошею памятью» Вольтеръ, Лхр. 246,31, Jonas aumeniais du lapu išmoko «Иванъ выучилъ наизусть (на-память) двѣ страницы» (изъ рукописнаго сборничка характерныхъ словъ Лынгмянскаго [Linkmenes, -enũ] говора кс. Гимжевскаго). Восточно-лит. *aum*-en-is неотдѣлимо отъ славянскаго слова *умъ* «mens, animus» = и.-евр. **au*mo-s.

Рядомъ со слабою ступенью **aum*-en- существовала сильная въ видѣ и.-евр. *ā*men- (изъ *āu*m-en-). Сильная ступень *āmen*- сохранилась въ слѣдующихъ литовскихъ формахъ: 1) omen-a «przytomność»: nustóti omenos «stracić przytomność» въ Лаздунахъ, Вил. губ. (по сообщенію кс. Шопары); 2) omen-is f. «память, чувства» въ Ошкабоняхъ, Сув. губ.: pasigėrė be omenies Basanavičiaus Liet. pas. yv. IV 244; 3) сѣверо-зап. жем. omen-as > vomėns (ср. жем. lẽtina =

lĕtena, kēpinas = kēpenos) «память»: buwo jau iszdilī isz ômino tuli žôdei tie[w]û kalbos Вольтеръ, Лхр. 181,4, omīnį loc. sg. Довконтъ, Būdas 152,16.

При om-en- извѣстны еще формы om-īn- и om-: ю.-в. жен. ómynė «intellectus» (по Явнису) и «memoria, mens» (nẽ ómyniais man to nebuvo «даже въ памяти, на умѣ, этого не имѣлъ»), omẽ, acc. sg. õmę «инстинктъ» въ Ретовѣ.

8. Литовское *deñgti* «бѣжать».

Лт. dengiù, deñgti «cito currere» (Виштинецъ—Vištytis: arklys deñgė net žemė drebėjo) и danginúos, dangìnties «переселяться, перебираться» (Хвейданы, Ретово), по Явнису, находятся въ родствѣ съ греч. ταχύς «schnell» и польск. dążyć «wohin streben, trachten, eilen»: и.-евр. корень dheṇgh-.

9. Литовское *dienì* «forda, gravida».

Жен. dienì, acc. sg. diẽnią (kumẽlė) находится въ родствѣ съ лт. dielẽ, diẽlę «піявка» (Виштинецъ, Пильвишки). Die- возникло изъ и.-евр. dhei-, сохранившагося въ др.-инд. dhē-nu- «milchend», dhá-ya-ti «saugt» = и.-евр. *dhėje-ti. Dhē- ~ dhēj- имѣемъ, напримѣръ, въ лит. dėlẽ, dėlę «піявка» (Дусяты, Хвейданы), лат. fēlāre «saugen» Walde 215.

10. Литовское *dubuõ* «блюдо».

Dubuõ, g. sg. dubeñs (см. Būga, Kalbos dalykai 39 и сл.) находится въ родствѣ съ герм. duppa «kleines Gefäss, Topf» (Fick. III[4], 209), возникшимъ изъ и.-евр. праформы *dhub-n-ó-. Dhub-(e)n- обозначаетъ «глубокую» посуду; ср. лит. dubùs (bliūdas) Юшкевичъ, Лит. слов. I, 357.

11. Литовское *duoba* «овинъ (сушильня)».

Duoba «pakurà» (Векшни, Масяды, Довконтъ Būdas 25,31) въ говорѣ Волончевскаго (Саланты, Тельш. у.) имѣетъ значеніе «жилого» дома, «жилья»; ср. krumas ira taj... musa (=meszku) duoba «кусты — наше жилище». Вольтеръ, Лхр. 239,8. У Коссаржевскаго

(Lituanica 42b) duobas толкуется польскимъ словомъ «zrąb». Исходнымъ значеніемъ слова duoba(s), повидимому, было «срубъ» (=rentinȳs: rę̃sti «рубить»). Duoba(s) въ значеніи «срубъ» есть возможность производить отъ лит. глагола dóbju, dóbti «убивать, укокошивать» (Хвейданы), padôpi Пост. Даукши, изд. В. 145,15, padôbe l. c. 145,25.

12. Латышское *duga*.

Латышское duga «ein zäher Schleim, der auf dem Wasser schwimmt» BW. 23893 var. ближе всего стоитъ къ норв. діал. dunken «feucht, moderig» Fick. III[4], 201; ср. латыш. dūk-sne или dùkst(i)s «топкое мѣсто» (*k* можетъ быть и изъ *g*): латыш. *dù*-ńas «илъ».

13. Литовское *dùpinas*.

Dùpinas «шестъ съ набалдашникомъ, которымъ болтая въ водѣ, загоняютъ рыбу въ сѣти» (Дусяты) очевидно родственъ съ нѣм. duven «stossen, schlagen» Fick III[4], 210: латыш. dù-k-a «Faustschlag, Rippenstoss; Faust».

14. Литовское *dùres* «двери».

Восточно-литовская форма dùr-*es* (gen. dùr-ų. Дусяты, Уянполь, Солоки, Лынгияны, Тверечь, Сейны) полное себѣ соотвѣтствіе имѣетъ въ др.-сѣв. dyrr f. plur. изъ duriz «Tor, Tür» Fick III[4], 210 = и.-евр. *dhur-es.

15. Литовское *gãktos* «головяжки».

Gãktos, gen. gãktų (Дусяты, Лынгияны) «передняя часть саней вмѣстѣ съ загнутыми полозьями» находится въ родствѣ со сн. kōke f. «Schlittenschnabel» изъ герм. kōkōn- Fick III[4], 33.

16. Литовское *griebas* «грибъ»—гипернормализмъ.

Форму griebas (grēbas) вм. grȳbas «грибъ» даетъ А. Шлейхеръ въ Litauisches Lesebuch u. Glossar, стр. 81,8; 271. Шлейхеръ свой grēbas извлекъ изъ календаря Л. Ивинскаго—Kalendorius arba Metu Skajtlus ùkiszkas ant metu nuog użgimima wieszpaties

1851... Metaj śziasti... Wilniuje 1850, въ которомъ на стр. 44b, 9—10 читаемъ:

Du griebu
Par riebu.

Ивинскій былъ родомъ жемайтисъ (нижне-литовецъ), говоръ котораго принадлежалъ къ юго-восточной группѣ, отличающейся тѣмъ, что въ ней вмѣсто *ie* и *uo* являются ī и *ū*. Въ говорѣ Ивинскаго въ гласныхъ ī и *ū* совпали пралитовскія ī, *ū* и *iè*, *uò*. Что въ говорѣ Ивинскаго на мѣстѣ *ie*, *uo* было ī, *ū*, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ изъ его календарей: A) ī изъ *ie*: 1) aśzwinis VI 38b, aszwinej IV 33a=ašv*ie*nis «лошадь», 2) bridis XV 43b, XVII 33a= bríedis «олень», 3) diwas «Богъ» XVII 6a, dim. diwelis l. c. 9b, 4) garsesnijej IV 7 = garsesn*ie*jai n. pl., 5) ne gribk XIV 25b = griẽbk, 6) iszkojo XII 17a = *ie*škóti 7) iwiniu łazdelu g. pl. XI 44b = ievìnių, 8) digulis (L*i*lisza) VI 46a, gen. sg. liliszas XI 47b = líeleša, 9) milun g. pl. XV 32[a]b = mieliũ, 10) patis Atpirktoja IV 26a = patiẽs, 11) pir*misims* VI 44b = pirmíe[m]s-iems dat. pl., 12) isz plino XII 53a = pliẽno, 13) susi-rites iszbiega XI 41a = -riẽtęs, 14) żiwies g. sg. IV 32a, żiwe acc. sg. XI 38a, żiwiun g. pl. XV 34a = žievẽ;

B) *ū* изъ *uo*: 1) anżulelu i. sg. XII 54b = ą̃ž*uo*las, 2) aplink*u* XI 10a = сѣверо-зап. жем. apliñk*òu* изъ apliñkuo, 3) ant... dubies XI 43a = duobẽs, 4) gauruts VI 38a = gaurúotas, 5) guba XV 44b, gubos g. sg. VII 32b = guobà «ос. видъ вяза», 6) gusties XIV 18b, gudiese 3 praet. XV 32b, XVII 25b = gúostie-si «жаловаться», 7) ju... tu VI 45a=juõ... tuõ, 8) ku turu, tu duru VII 37b=с.-зап. жем. kõu tùru, tõu dùru, 9) łuszas XVII 29a = lúošas, 10) mienu VI 44a = mėnuo, 11) su sziaudun płuksztu XV 35a = plúokštas, 12) ant... skrusta XI 44b = skrúostas, 13) spugelejs i. pl. XV 33b = spúogas (прыщъ) въ Дусятахъ, spuõgas въ Хвейданахъ, Ретовѣ, 14) liepsnun srugomis... iszroda XV 49b = srúoga, 15) padoraus stumens XI 10b, XII 11a = stuomuõ «statūra», 16) sudzes XV 29[a]b, sudziu g. pl. XV 35a = súodžios, súodžių

«сажа», 17) useliu i. sg. XII 54b = úosis, 18) ing usles XIV 23a, uslie-mis XV 29a=úoslės, 19) ustus ac. pl. XI 44a=uõstai «усы», 20) wandu XI 4,4 = vanduõ.

Въ своихъ календаряхъ, предназначенныхъ для литовцевъ всѣхъ говоровъ, Ивинскій, желая быть болѣе понятнымъ, старался передавать свою рѣчь въ нормальномъ правописаніи. Читая литовскія книги, Ивинскій замѣтилъ, что гласнымъ его говора I и ū въ нормальномъ книжномъ языкѣ часто соотвѣтствуютъ *ie* и *uo*. Такъ онъ видѣлъ, что вм. dīna, gīdra, dīus, vīns, dūna, jūsta, jūts, nūdā(i) его говора принято писать diena, giedra, Diewas, wienas, duona, juosta, juodas, nuodai. Не будучи знакомымъ съ литовской діалектологіею, Ивинскій при нормализаціи довольно часто ошибался, т. е. вмѣсто нормальныхъ формъ давалъ *гипернормальныя*. Гипернормальныхъ формъ у нашего жемайтиса — гибель! Привожу нѣсколько примѣровъ.

α) Ивинскій пишетъ *ie* тамъ, гдѣ слѣдовало бы писать *i* (долгое): 1) aukszt*ie*n XI 39a, rieb*ie*n ejtė XV 36b=обще-лит. augštȳn, riebȳn, 2) ankst*ie*bas VIII 12a = ankst*ý*bas, 3) kajm*ie*nas XVII 25b (трижды) = kaim*ý*nas, 4) łazd*ie*naj XV 44b, smilt*ie*nas XV 29²a smiltienaj VII 27a smiltienun VII 27b = lazd*ý*nas, smilt*ý*nas, 5) l*ie*deka XV 44a, degin L*ie*deku żandus VI 46a = l*y*dekà, 6) l*ie*sė XV 46a, ant l*ie*siu VI 44a, b, 45a = l*ý*sė, 7) pradieja l*ie*tė XVII 38b = lȳti, 8) l*ie*ties g. sg. XI 10b, XII 11a = юго-вост. жем. lītīs изъ lytiēs «формы» nom. sg. lytìs, acc. sg. lȳtį, 9) śziaures r*ie*tunse XIV 22a = rȳtūsę̃ вм. rȳtuosę̃ loc. pl. «на востокѣ», 10) sk*ie*rimajs i. pl. XVII 8a = sk*ý*rimas, 11) śzejm*ie*nas g. sg. XVII 9b, śzejm*ie*nikszti żadinu XI 39a = šeim*ý*na, šeim*ý*nykštis, 12) śzn*ie*psztia XI 40b = šnȳpštė 3 praet, 13) ż*ie*dant IV 30b, pirm praż*ie*dus XV 29²a, żiediejima g. sg. IV 30a = ż*y*dėti, 14) ż*ie*dra dangu XV 50b, żiedrasis XV 30²b, żiedras akes XV 42b, 43a=žȳdras «himmelblau» K. Būga, Kalbos dalykai, стр. 41, 54, 15) żw*ie*najs XV 44a = žvýnas.

β) Ив. пишетъ *uo* тамъ, гдѣ слѣдовало бы писать *u* (долгое): 1) ałk*uo*nes VI 46b = обще-лит. alkūnė, 2) ant ko mieruota, o ant ko si*uo*ta VI 44a = siúta, 3) t*uo*kstantiemis IV 8a, t*uo*kstan-

ćziu XVII 32a = túkstantė, 4) wiłkuoti acc. sg. XI 41a = vilkútis «волчонокъ», 5) wirszuones XI 5, XIV 20b=viršúnė, 6) maudun ir żanskuolu XI 39b = žą̃s-kūlė «Kolbenschilf» Ретово (гдѣ произносятъ dóuna «dúona»), 7) żiamćziuogaj XV 50b = žemčiūgai.

Пословица du griebu par riebu «отъ двухъ грибовъ кушаніе — жирнѣе жирнаго» въ говорѣ Ивинскаго произносилась какъ du grību — par rību. Зная изъ книжнаго языка, что для rībus «жирный» его діалекта нормальною (книжною) формою есть riebus, могъ легко допустить, что и для grīps «грибъ» того же діалекта слѣдуетъ считать нормальною формою griebas.

Итакъ, мнимое жем. griebas есть гипернормальная форма вмѣсто grýbas,—форма, ничѣмъ неотличающаяся, напр., отъ liedeka= lydekà «щука», kajmienas = kaimýnas «сосѣдъ» и др.

17. Литовское *kainà, kainė* «цѣна».

Существованіе лит. словъ kainė (по Микуцкому) «Wert, Preis» и pus-kainiu (изъ лит. журнала Auszra, 1884, стр. 200) «um halben Preis» въ выраженіи «pùskainiu pardavjau sãvo žirgą» въ западно-европейской научной литературѣ впервые было отмѣчено, кажется, А. Лескиномъ въ его трудѣ, озаглавленномъ: Die Bildung der Nomina im Litauischen, Leipzig 1891, стр. 375. А. Брюкнеръ въ AfslPh. XXIX, 110 обвинилъ литовскихъ писателей, впервые ставшихъ употреблять слово kainė въ литературномъ нарѣчіи, въ подлогѣ, не имѣя для такого обвиненія никакого основанія.

Слово kainė: kaina было извѣстно составителямъ литовскихъ словарей уже въ первомъ пятидесятилѣтіи XIX вѣка. Въ рукописномъ словарѣ, озаглавленномъ «Słownik języka Litewskiego, Polskiego i Łacińskiego przez Dionizego Paszkiewicza, Żmuydzina» (хранится въ архивѣ Литовскаго Научнаго О-ва въ Вильнѣ), составленномъ до 1830 г., подъ словомъ Cena читаемъ: «Cena, y. f. Szacunek rzeczy.—Aestimatio, Pretium, Valor—Lit. Prekie, Kayne f.». Kaina «cena» около 1850 г. была извѣстна Амвросію Коссаржевскому, ср. его «Lituanica czyli Wiadomości o Litwie», стр. 178d (рукопись въ «Bibliotheca Seminarii Samogitiensis Scr. 29 № 160», въ Ковнѣ).

Kainà kainė изъ современныхъ говоровъ извѣстны, повидимому, только жемайтскимъ говорамъ. Въ Ольсядахъ (Alsėdžiai = жем. Alsíėdē), Тельшевскаго уѣзда, по сообщенію И. О. Яблонскаго, говорятъ, напр.: 1) menka kainà iš anõ bėr, 2) tokíos kainõs su-visu nenor(i)u, 3) už menką kaįną pardevė. Въ Гавряхъ (Gañrė), Россіенскаго уѣзда, можно еще слышать, напр., такое выраженіе: už pigią kaīnę pirkau.

Итакъ, существованіе лит. словъ kainà и kainé (мѣсто ударенія не извѣстно) не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію!

18. Лит. *káuti*.

Глаголъ káuti «бить» Куршатъ въ своемъ словарѣ помѣщаетъ въ скобкахъ, чѣмъ даетъ указаніе на то, что такое слово было чуждо его говору. Во многихъ другихъ говорахъ káuti вполнѣ обычное слово. Привожу цитаты: 1) Angelai iò kowe-se su Smaku 1579 г. EE. 152,24, Smaks kowe-se l. c. 152,25, 2) kâutis infin. Пост. Даукши, ориг., 533,20, 3) weiey kawo-si Ширвидъ PS. 113,9, kauiasi l. c. 150,19 iki krauiu notsispiret kaudamiesi l. c. 147,28, 4) Tebanaj jį nu-kau-n «убиваютъ» Довконтъ, Giwatas 49,6 kurius... kruwęno muszo nu-kôwes «которыхъ онъ, говорятъ, убилъ въ кровопролитномъ сраженіи» Довконтъ, см. Вольтеръ, Объ этногр. поѣздкѣ 123, giwentoius (juodu=Thorolf ir Figil) kaudamu «убивая жителей» l. c. 126, kausena buvo didei smarki «битва» Довконтъ, Lietuvos istorija 10,15, velydami iki paskûjo kautiesi nekaip Lietuvių klausyti l. c. 10,24, 5) norėjo nukáuti «убить» Jd. 649,8, nu-kāvo visì vaikaĩ pelėdą Jd. 649,5, 6) káucis «биться, драться» Ольkеники, Недзинга изъ káu-tis=skáucis Нача, Вил. губ.

Въ нѣкоторыхъ восточно-литовскихъ говорахъ извѣстенъ производный отъ káuti глаголъ káustau, káustyti «подковывать» (Дусяты, Лынгмяны, Ольkеники).

19. Лит. *kiáušas* «черепъ».

Въ восточно-литовскихъ говорахъ (напр., Дусяты, Ушполь, Лынгмяны) рядомъ съ káušas «ковшъ» и pa-káušis «затылокъ» существуетъ параллельная форма kiáušas въ значеніи «черепъ». Въ формахъ káušas—

kiáušas имѣетъ слѣды стариннаго чередованія гласныхъ,—чередованія, хорошо извѣстнаго изъ литовскихъ говоровъ. Привожу нѣсколько примѣровъ: 1) plaũtas, pl. plaũtai «дверка у ульевой колоды» Дусяты: pliaũtas «т. с.» Тверечъ: швед. fluster «Brettchen am Bienenkorb, das Flugloch des Bienenkorbs» изъ *plut-tro-m H. Petersson, IF. XXIV, 256 и сл., 2) šáu-tuvas «ткацкій челнокъ», ср. Kálvaitis, Prūsijos Lietuvių dainos 16: šiáu-tuvas «т. с.» Хвейданы, Ретово, латыш. šautuve BW. 1550, šiaudyklėlė. Kálvaitis, l. c. 168, 3) táup-ti lúpas «сжимать губы» Хвейданы, Ретово: čiáup-ti «т. с.» Тильзитъ, Владиславовъ = латыш. laîst «пускать»: лит. léisti «т. с.», 4) káugė «стогъ (сѣна)» Янишки, Круки, Лаукосодзе: kiaugė «т. с.» Юшкевичъ, Л. сл. I, 93, 5) žlaũg-tas «ein Geschirr mit einer Oeffnung am Boden zum Bierbrauen» Таврогины, Лынгмяны: žliaũgti «сильно течь».

Káušas = латышск. kaûss очень древнее слово, тожественное съ др.-инд. kṓça- «Behälter (Eimer, Kiste etc.)»; ср. греч. καυκ-ίον «κύλιξ».

Съ названными словами находятся въ родствѣ слѣдующія: 1) kĕu-k̑-: a) латышск. k̦ausis «Kochlöffel», b) лит. kiaũšis, kiaušinis «яйцо = *имѣющее скорлупу», c) латышск. k̦aukste «черепъ» изъ *kiaušt̄ē (латышск. k̦ вм. c изъ kaûss), 2) kĕu-k-: kiáuk-utas «łuska» Kossarzewski, Lituanica 45b, kiáuk-las «т. с.» Товрогины, 3) kau-k-: káukė «маска» Солоки ∼ sudžiúvęs kaĩp kalẽdų káukė, kauk-ẽlė «небольшое деревянное блюдо; ковшъ, которымъ вычерпываютъ воду изъ лодки» Дусяты, káuk-olas «черепъ» Шавли káukolė «черепъ» Иллоки, 4) kau-p-: латышск. kaupis «Muschelschale», 5) kau-s-: др.-свв. hauss «Schädel», 6) kĕu-l-: латышск. k̦aule «ein plumper derber Holzlöffel» вм. *caule, съ k̦ изъ kaûss, 7) keve-to- и kĕu-to- = лит. kẽvetas «скорлупа» Водакли ∼ kiáutas «т. с.» Дусяты, Лынгмяны: kẽv-a-la-s «скорлупа (яичная, орѣховая)».

Всѣ перечисленныя выше слова происходятъ изъ и.-евр. корня (s)kĕv(e) ∼ (s)kau- «покрывать». «Черепъ» или «скорлупа» семасіологически равнозначущи со словами «покрытіе», «покрышка». Значеніе «ковшъ» развилось изъ значенія «черепъ». «Кожа», «скора» значитъ то же самое, что и «покрытіе». Корень (s)kĕv(e) «покрывать»

сохранился не только въ перечисленныхъ выше словахъ, но и во многихъ другихъ; ср. др.-инд. čhavi- «Fell, Haut» изъ skev-i- ∼ лит. skvē-t-as «отрывокъ, отрѣзокъ ткани»: skiáutė «т. с.» Хвейданы, Янишки, изъ skeu-t-: skū̃tas, pl. skū̃tai «лоскутъ» Дусяты, Купишки = греч. σκῦτος «Haut, Leder»: прус. keuto V. 156, 497 «Haut» ∼ лит. kiáutas «скорлупа, шелуха» Буга, Aist. stud. I, 203: лит. pa-skiaunẽ «скрытое мѣсто» Дусяты, извѣстное только въ загадкѣ—Augštaĩ kãba, ředvai (< польск. ledwie) tùris, ãnas pàts paskiaunẽj.—Riešutỹs «Виситъ высоко, еле держится, онъ самъ въ paskiaunẽ. — Орѣхъ»: лит. kū̃tis, iẽs kū̃tį «хлѣвъ».

20. Литовское *kirmis*, *kermuõ*.

Въ лингвистическихъ сочиненіяхъ нерѣдко др.-инд. kṛmi-ṣ m. «Wurm, Made» сопоставляется съ лит. kirmis,-jo m. «Wurm»; ср., напр., Brugmann, Gr. II², 1, стр. 253 сл., Trautmann, Altpreuss. Sprachdenkm. 339. Такое сопоставленіе было бы вполнѣ безупречнымъ, если бы существованіе формы *kir̃mis m. было доказано изъ живыхъ говоровъ. Куршатъ этого слова не знаетъ (оно у него стоитъ въ скобкахъ). Нессельманнъ, Wb. 200, правда, приводитъ форму kirmis, mjo, но изъ его замѣчанія, что отъ этого слова употребляется только pl. kirmjei, между тѣмъ какъ «im Singular dafür gewöhnlich» стоитъ kirminis, kirminas, kirmėle, ясно, что *форма kirmis, mjo возстановлена самимъ Нессельманномъ*.

Nom. pl. kirmjai есть такое же новообразованіе, какъ и діал. vagiaĩ (напр., Дусяты, Солоки) вм. vãgys. Но при vagiaĩ еще сохраняется старый nom. sg. vagìs. Старое склоненіе основъ на *i* лучше всего сохранилось въ существительныхъ *женскаго* рода. Въ большинствѣ говоровъ *i*-основныя существительныя *мужескаго* рода, если они обозначали мущинъ, во множественномъ числѣ перешли въ *-ja-* склоненіе (ср. vagiaĩ при vagìs «воръ»), всѣ же другія слова остались *i*-основными, но зато измѣнили родъ. Kirmìs первоначально было словомъ *мужескаго* рода. Nom. pl. kir̃mys, послѣ того какъ при vagìs вм. nom. pl. vãgys появилось новообразованіе vagiaĩ, было вытѣснено формою kirmjai. Въ говорѣ Бреткунаса nom. pl. kir̃mys съ колеблющимся родомъ:

piktos kirmis и pikti kirmis Bezzenberger, Beitr. z. Gesch. d. Lit. Spr. 330 s. v. schmiszinjs; wissokie kirmis, kurie ant szemes replioy. Genesis I, 7,14 (Geitler, Lit. Stud. 14)∽ant wissas kirmes g. sg. = kirmiẽs fm. Genesis I, 1,26 (Geitler, Lit. Stud. 12). У Юшкевича kir̃mys женскаго рода: (Septýnios pačios) parė́dė širdį, kaĩp kir̃mys kókios. Liet. dainos 432,13; ср. Лит. слов. I, 283 s. v. dãgis.

Форма kirmìs (, iẽs, pl. kir̃mys,-jų̃) fm. «Wurm» вполнѣ обычна въ жемайтскихъ говорахъ (Būga, Aist. stud. I, 145, Вейвиржаны, Ольсяды). Названіе «червяка», происходящее изъ корня kᵘer-, извѣстно въ слѣдующихъ формахъ: 1) kirmìs f. и (старое) m. = др.-инд. kṛmiṣ, пруссв. girmis V. 786 «Made» вм. kirmis, 2) kirmuõ Юшкевичъ, Лит. слов. I, 283, 383, 418, 425, 591, 3) kir̃minas Хвейданы = лтш. cirmins BW. 12285, 15 var. ∽ cirmens 12285, 4, 4) обще-лит. kirmėlẽ, 5) лтш. kir-ķis «ein kleiner Holzwurm», 6) лтш. kir-pis «der Holzwurm», 7) слав. čьr-vъ Berneker, EW. 172, 8) лтш. cèrme «глиста» и cer̃me «Wurm» Bielenstein, Lett. Spr. I, 61 (*прерывистая* интонація въ говорѣ Биленштейна можетъ соотвѣтствовать и обще-латышской *нисходящей* = лит. восходящей, geschleift), пра-лит. *kermìs, откуда фин. kärme, корел. keärmis «serpens» Thomsen, BFB. 188, 9) ker-*men*-aĩ «die in den Brutzellen eingeschlossenen Bienenlärven» Купишки, изъ nom. sg. kermuõ (ср. akmenaĩ ∽ akmuõ) : kir̃menys, -enų̃ «robactwo (и pszczół)» Kossarzewski Lituanica 49ᵇ. Kirmìžolė «rdest wężownik, Polygonum bistorta» l. c. 26ᵃ.

21. Литовское *kliepas* «bochen chleba».

Въ словарѣ Ширвида (изд. 1713 г.), на стр. 16, подъ словомъ Bochen chlebá. Collyra, collyrida находимъ форму Kliepas duonas (= вост.-лит. dúonā̃s «duonos») и на стр. 17 — Kliep*eij*s подъ словомъ Bochenek chlebá, bułká. Pastillus, collyris. Kliep*eijs*, какъ показываетъ bochenek, должно быть уменьшительною формою къ kliepas. Kliep*eijs* — опечатка вмѣсто kliep*elis* (-ijs вмѣсто -lis прежняго изданія: *i* изъ *l* съ обломавшеюся верхушкою). Нессельманнъ (Wb. d. Lit. Spr. 217), согласно своему правописанію, kl*ie*pas и kl*ie*peijs (опечатка вмѣсто kliep*elis*) передѣлалъ на klēpas и klēpējis.

Слово kl*ie*pas внесъ въ свой словарь и Куршатъ въ написаніи klēpas, совершенно негармонирующемъ съ его правописаніемъ. Куршату слѣдовало бы писать kl*ié*pas.

Бернекеръ EW. 389 несуществующее въ такомъ видѣ литовское *klēpas считаетъ заимствованнымъ изъ б.-русскаго chlěb (произн. chlep). Изъ б.-русскаго chle*p*, g. sg. chle*b*a мы ожидали бы въ литовскомъ *klē*b*as, но не kl*ie*pas. Славянскія основы на *звонкіе* согласные при заимствованіи въ литовскій остаются тоже звонкими, ср. grā*b*-as = гроб-, grȳ*b*-as, pl. grȳb-ai = польск. grzyb-, skár*b*-as = польск. skar*b*-, zala*b*-as = покающему золоб- «жолобъ» при glū*p*-as = глуп-, krā*p*-as = польск. kro*p*-, pāta*p*-as = польск. poto*p*-, sklē*p*-as = польск. skle*p*-.

Литовское kl*ie*pas «bochen (chleba)» есть айстійское слово, родственное съ латышскимъ klaìps «коврига» изъ и.-евр. kloi-*po*-, гот. hlaifs «Brot» изъ и.-евр. kloi-*bho*-, лат. lībum «Kuchen, Fladen» изъ и.-евр. *sklei*-b(h)o- или *sklī*-b(h)o «*отрѣзокъ, *кусокъ»; ср. лит. sklȳ-*p*-as- «кусокъ» ~ skli*m̃p*is (žẽmės) «т. с.» Векшни, Шавельск. у.: sklimbis «ułomek, urwisko (góry)» Kossarzewski Litu. 52b, dúonos sklimb-ēlis «ломоть, кусокъ хлѣба» Хвейданы, oułos sklinbej Довконтъ, Būdas (Pratarme) 3,28 «куски скалы».

Дифтонгъ *ie* (*ē*) въ kl*ie*pas образовался изъ айстійскаго (= и.-евр.) *ei въ положеніи подъ удареніемъ*. Ср. статью И. Эндзелина «О происхожденіи литовско-латышскаго *ē*» въ Изв. отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XII, кн. 1 (1907 г.), стр. 40—66. Въ словахъ kl*ie*pas и латыш. kl*aì*ps имѣемъ обычное чередованіе *ie* (изъ и.-евр. *ei*) съ *ai* (изъ и.-евр. *oi*). Приводимъ нѣсколько примѣровъ подобнаго чередованія: 1) st*íe*bas «столбъ» Иллоки, Янишки, Довконтъ въ Būdas 78, 196, 200, yrá stiébu ir pástapu tiésos Постилла Даукши 547,11, stiébai, arba filôrius l. c. 14 = stíebas «стебель» Вобольники, Посволь, Хвейданы, Ретово: st*ái*bis «голень» Хвейданы, Ретово (paiñsiu áilį «палку» — dúosiu pař stáibį), ср. st*i*bū-kaulis «берцовая кость» Дусяты; 2) s*iẽ*tas, s*iẽ*tai «привязь» Вобольники, Хвейданы, Ретово, Довконтъ Būdas 238,26: saĩtas, plur. saĩtai «т. с.» Помпяны, pa-*saĩ*tas, plur. pa-*saĩ*tai «перевесло» Дусяты: *sie*-nù, siniaũ, *siẽ*-ti

«связывать (снопы)» Лынгмяны, Солоки, Тверечь (sinėjas «связыватель снопов» l. c.), sejù, siejaũ, siẽti «вязать» Хвейданы, Ретово, въ Дусятахъ говорили бы, если бы это слово существовало, sejù, séjaũ, siẽti, ср. дусятскія praeterita: šlḗjaũ отъ šliẽti, lḗjau отъ lieti, rḗjau отъ rieti; 3) skiedà-õs, acc. sg. skíedą «щепка» Дусяты, Лынгмяны, Тверечь, skíegalis «частичка» Akielewicz, Głosownia lit. 145 изъ skíed-galis (dg > g: drúgalis «конель» < drūd-galis : drútas + gãlas): латышское skaida «щепа»; 4) diegas «ростокъ» ~ deig-šlùs Būga, Aist. stud. I, 84: dáigas «т. с.»; 5) латыш. iela «улица» ~ eila, лит. eilà, -õs, eĩlą «рядъ» Вейвиржаны, Юшкев. Лит. слов. I, 694, Довконтъ Būdas 148,1,18, Лхр. 172,22: ailà, -õs, aĩlą «рядъ» Хвейданы, восточно-латышское aila «т. с.» BW. 24840,4 = норв. діалект. eil f. «längliche Furche, Rinne» изъ герм. ailō «Reihe» Fick III[4] 27, 6) латышское ieza «Spalte im Eise»: aĩza «т. с.» ~ éiži, éižėjo, éižėti «трескаться, лопать» Дусяты (lẽdas su-éižėjo), iẽžti «шелушить» Хвейданы, Ретово.

22. Прусское *klupstis* V. 140 «Knie.

Р. Траутманнъ, Die altpreuss. Sprdkm. XIII и 360, даже и не подозрѣваетъ, что прусское слово klupstis не стоитъ одиноко въ айстійскихъ языкахъ: тожественная форма извѣстна и въ литовскихъ говорахъ. Klùp-stis m. «Knie» говорятъ, напримѣръ, въ Ольконикахъ, Меретѣ и другихъ мѣстахъ Гродскаго уѣзда.

23. Латинское *cumulus* «Haufe, aufgetürmte Masse»..

Cumulus обыкновенно сопоставляется съ лит. kúgis «Heuhaufe», латышскимъ kaũdze «стогъ» (ср. Walde 157) и возводится къ и.-евр. праформѣ *kugmolo-s. Айстійскіе языки показываютъ, что cumulus, скорѣе всего, восходитъ къ и.-евр. *kumulos. Ближе всего какъ въ формальномъ, такъ и въ семасіологическомъ отношеніяхъ cumulus стоитъ къ латышскому *kum-u*-r(a)-s «куча, (рой)», сохранившемуся въ выраженіи — bites gãja kumuriem BW. 30360 «пчелы (про)летали роями (кучами)». Въ суффиксальномъ отношеніи kum-*u*-*lo*- и kum-*u*-*ro*- можно сравнить съ лит. gùm-u-*la*-s и gùm-u-*ra*-s «комъ, свертокъ,

жемокъ». Изъ литовскаго языка сюда можно привести слѣдующее: ap-si-*kùmu*-l-ioti «ubrać się, obwijać się grubo», ap-si-kumù-r-ž-ioti «grubo obuć się», ap-si-kum-ńoti «ubrać się grubo» (Юшкевичъ, Лит. слов. I, 68). Корень *kum-* возникъ путемъ распространенія изъ kev(e); ср. серб. čŭpa «Büschel Haare», русское чубъ «Schopf» ⁓ лит. kaũbrė «бугоръ, холмъ» Хвейданы ⁓ лит. kùžas и kùžulas «снопъ стребковъ» Дусяты ⁓ литовск. kaũ-k-aras «вершина горы».

24. Прусское *queke* V. 635 «Stakel».

Это слово г. Траутманнъ, Die altpr. Sprdkm. 412* (ср. также мои Aist. stud. I, 176), сопоставляетъ съ латышскимъ čaka «Knüttel mit Knorren oder Wurzelende als Griff». Семасіологически такое сопоставленіе вполнѣ безупречно. Queke я отдѣляю отъ фонетически темнаго латышскаго čaka и сопоставляю со слѣдующими литовскими словами: 1) kùkis «kablỹs = крюкъ» Пуня, Езно ⁓ mė̃šlą ìž vežìmo kùkiais tráukia, meškerė̃s *kuk*-ùtas «крючокъ» dim. l. c.; 2) kukà «clava» Būga, Aist. stud. I, 66; 3) словин. kę̂ka «кудри, голова» : лт. kukė̃ «кòмель палки = lazdos galva» Дусяты : русское кѝка, кичиться ⁓ лат. kùk-ums «горбъ»; 4) su-kùkę miẽžiai «созрѣвшій ячмень, поникшій (колосьями)» Вилкавишки Aist. stud. I, 25; 5) nèšti añt kuk-ùrių Пильвишки, Кракополь, Олита = латыш. kukuruos nest «(ein Kind) auf dem Rücken tragen»; 6) kùk-štera «Rücken» Иллоки, Довконтъ Būdas 130,28, Liet. istorija II, 227, 386, Pałąngos Juze 6; 7) kaũkas «дуга, при помощи которой притягиваютъ неводную жердь къ проруби подо льдомъ» Дусяты, Лынгмяны, Серее (Сувалкской губ.) = сербск. kȕka «Haken»; 8) kaũkuras «вершина (горы)» Иллоки ⁓ kaukurė̃ «cacumen» Хвейданы. Разновидности корня k*v*ek-, kuk- и kauk- хорошо объясняются изъ праиндоевропейскаго kevek-. Греч. κύκ-λο-ς «Kreis», повидимому, также относится сюда. Ср. Эндзелинъ, Изв. отд. русск. языка и слов. XIII, 4, стр. 210.—Корельское kukkuri «верхняя часть плечъ» — заимствованіе изъ айстійскихъ языковъ.

25. Литовское *láikštis*.

Láikštis, -ies «достатокъ, безпечность, досугъ» (: ãnas láikšty gyvẽna «gyvena be vargo, be rūpesčių, nedaug tedirbdamas» Лын-

гиины) восходить къ литовской праформѣ *láik-stis; ср. rūg-štis «кислота», skìl-stis «Klauenspalte», rak-štis «заноза» (Дусеты) ∽ ràk-ti. Láik- же имѣемъ въ лит. laĩkas «время; конецъ ∽ смерть (gál tù, sãko, laĩko ĩeškai «ищешь смерти, кончины», bè čẽso nebùs laĩko «прежде времени не будетъ смерти», laĩką rãdo «умеръ» Дусеты, Южинты), núo-laikas, -à «досужный (человѣкъ, пора)» (Дусеты). По интонаціи láikštis вполнѣ совпадаетъ съ латышскимъ laĩks «время» (политовски было бы *láikas, pl. *láikai).

26. Прусское *lunkis* V. 199 «Winkel».

Р. Траутманнъ, Altpreuss. Sprachdenkm. 373, это слово сопоставляетъ съ и.-евр. корнемъ lenk- «гнуть», повидимому, допуская, что айст. *un* восходитъ къ и.-евр. *n̥*. Изъ и.-евр. *l̥nko-s въ прусскомъ, какъ и въ другихъ айстійскихъ языкахъ, слѣдовало бы ожидать не lunkis, но *linkis; ср. латыш. lìks «кривой». Въ большинствѣ случаевъ айстійское *un* есть и.-евр. u-n. Въ прусскомъ словѣ lunkis изъ *lunka-s имѣемъ корень leu-k- ∽ lu-k- «гнуть» (съ носовымъ инфиксомъ), сохранившійся въ латыш. *luk*-n(a)-s «biegsam» BW. 22762 var., nuo-ĩukuse cepure BW. 14508 (съ «мягкимъ» *l* изъ исчезнувшаго ĩauk- изъ leuk-). Корень *luk*- «гнуть, искривлять» очень распространенъ въ водныхъ названіяхъ; ср. Lùknas, озеро въ Вижунскомъ приходѣ, Вилкомирскаго уѣзда, Luknà, рѣка въ Кулевскомъ (Kuliaĩ) приходѣ, Тельш. уѣзда, Lùknė, рѣка въ Шидловскомъ приходѣ, Шавельскаго уѣзда, Lukõjus, озеро въ Лынгмянскомъ приходѣ, Свенцянскаго уѣзда, прусское Luko, рѣка въ Галиндіи. Корень *luk*- съ носовымъ инфиксомъ имѣемъ въ слѣдующихъ айстійскихъ словахъ: 1) латыш. luñc-inât «wedeln», refl. «wie eine Katze mit krummen Rücken sich schmiegen» ∽ Kas ap mani luncĩjās BW. 11341 var., kaķeniñš... asti vien luncinâja BW. 19300, cũka... ausis... luncenâja BW. 22832 var.; 2) лит. lùnk-ausis «вислоухій» Būga, Aist. stud. I, 112, латыш. luñk-ans «гибкій» BW. 1711 var.

Корень luk- ∽ lu-n-k- возникъ путемъ распространенія изъ *le-v(e)-* ∽ *lu-*, который извѣстенъ намъ не только съ детерминантомъ *k*, но также и со многими другими; напримѣръ: 1) лит. liáu-*na*-s «гибкій»

Хвейданы, Шавли = латыш. ļaũns «злой»; 2) лит. liùmpa, liumpéti «колебаться, трястись» Лынгмяны, Тверечь, съ «мягкимъ» *l* изъ liaun- или liaum-; 3) лит. lùn-g-inti «úodegą draũbinti» Юшкевичъ, Лит. слов. I, 341, *Янишки*; 4) латыш. lum-stīties «schmeicheln, scherwenzeln»; 5) латыш. lu-*t*-ausis = lu-*k*-ausis «вислоухій»; 6) лит. lù-*g*-nas «geschmeidig, biegsam» ∼ греч. λυγίζω «biegen, winden, drehen», др.-сѣв. lykna «die Knie beugen»; 7) др.-сѣв. lū-*t*-a «sich neigen, niederbeugen» ∼ лит. liū-d-éti «скучать (поникнуть головою)» съ «мягкимъ» *l* изъ *liau-d-.

27. Литовское *miẽtas* «колъ».

Miẽtas, pl. miẽtai (Ретово, Хвейданы, Жогиня — Žaigin̄s Leskien, Bild. 535 и сл.) = латыш. miêts «Zaunpfahl» есть литовско-латышское образованіе отъ глагола miè-*ti*, miè-t «вбивать въ землю тычину частокола». Miẽ-*ta*-s восходитъ къ и.-евр. прафорию *meī-to-s; ср. liẽp-*tas*, pl. liẽptai «перекладина черезъ рѣчку или ровъ» ∼ lìp-ti; piẽstas, pl. piẽstai «пестъ» (Дусяты, Лынгмяны : piestà, -õs, piẽstą «ступа» l. c.) ∼ pìs-ti, paisýti; siẽtas, pl. siẽtai «веревка, которою корова привязывается къ стѣнѣ въ хлѣву» (Вобольники, Хвейданы, Ретово) ∼ siẽti «вязать»; svíestas, illativus sg. svíestan «масло» ∼ svíedžiu, svíesti ratùs «мазать колеса» (Шавли).

28. Славянское *мычати*.

Ту же ступень, что въ *мычать*, имѣемъ, напримѣръ, въ восточно-литовскомъ mũkti : kárvė mũkia «корова мычитъ» Дусяты; ср. словин. múkati «мычать». Далѣе, съ корнемъ mū-k- родственны слѣдующія айстійскія слова: 1) латышское maû-t «мычать»; 2) латышск. maũruôt «brüllen (von Rindvieh)» : литовское mauróti Янишки, muróti «т. с.» Дусяты.

29. Литовское *ovyje* «на яву».

Литовское ovyties «sich im Gesicht sehen lassen» Бернекеръ EW. 34 вслѣдъ за А. Брюкнеромъ считаетъ заимствованіемъ изъ славянскихъ языковъ. Какъ показываетъ *o*, *o*vyties можетъ быть только искони литовскимъ словомъ. Ни польское jawić, ни русское *явить* не

могло на литовской почвѣ потерять *j*; ср. *яворъ* > лит. *jõvaras*, ярь > jõrė, явиться > jõvyties (къ начальству).

Ovijuo-s, ovyties есть деноминативный глаголъ (ср. viẽliju, viẽlyti «продѣвать въ носъ проволоку, свиньѣ» ∼ vielà Хвейданы, Ретово), произведенный отъ *ovis, -ies «явь» = др.-инд. āviṣ́ «offenbar, vor Augen». Отъ ovis f. сохранился лишь locativus singularis ovyje, извѣстный намъ изъ Постиллы Даукши 1599 г.: szwę̃ntiei nę̃kurie rôdżęs żmonémus né tiktái sapnę, bet ir owiię 273,25, karãlus ne owiie, bet sapné anã pawéikslą regéio 583,2.

Ovyties и ovyje, повидимому, находятся въ родствѣ съ дусятскимъ словомъ *óv*aidas «странный шалунъ, сорвиголова»: dũksta kaĩp óvaidas; eĩna kaĩp óvaidas; nenusìturi kaĩp óvaidas. Ovaidas, повидимому, есть слово сложное, возникшее изъ **óvi*-vaidas «являющійся на яву»: vaid-ìnties «показываться (видѣніямъ)»; ср. naktì-*balda* «производящій шумъ по ночамъ = являющійся по ночамъ».

Латышскія параллели къ литовскому ovyties приводитъ И. М. Эндзелинъ въ Изв. отд. рускаго языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ, XV, 2, стр. 216.

30. Литовское *pẽlūs* «полова» *женскаго* рода.

Pẽlūs нѣкогда въ восточно-литовскихъ говорахъ было словомъ женскаго рода, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго мѣста Постиллы Даукши 1599 г. (цитирую по оригиналу): idą̃nt ne butúmbime hożęis, *tomís* pę̃lumís 86,17. Въ современныхъ говорахъ, въ которыхъ еще сохранилось старое *u* -основное склоненіе во множественномъ числѣ, pẽlūs стало словомъ мужескаго рода. Въ дусятскомъ говорѣ старое образованіе множественнаго числа *u* -основныхъ существительныхъ сохранилось донынѣ лишь при условіи *неупотребительности ихъ въ единственномъ числѣ*, иначе говоря, когда эти существительныя были pluralia tantum. Въ Дусятахъ рядомъ съ sũn*aĩ* (: sūnùs «сынъ»), šešk*aĩ* (: šẽškus «хорекъ») еще и теперь можно слышать piẽtūs «обѣдъ» (kũ vĩrẽ pẽtúm? «что варили на обѣдъ?» = ką̃ virė pietùm?), pẽlūs «полòва» (pelúm dat., pęlũs loc.).

31. Славянское *пишж* «scribo».

Изъ литовскаго языка сюда относятся: жен. piešiù, piẽšti «carbone lineam facere», paišaũ, paišýti «fuligine contaminare», piẽšos ∼ paĩšos: puĩšos «fuligo». Въ языкѣ пѣсенъ, напримѣръ, у Юшкевича (ср. Liet. dainos. № 637,5 и Лит. слов. I, 408[a]) piẽšti (gromatẽlę) имѣетъ значеніе, тожественное съ rašýti «писать».

32. Русское *потка*, литовское *pùtė*.

Слово *nómка* «половой членъ у маленькихъ мальчиковъ» Живая Старина III (1893), стр. 384 неотдѣлимо отъ жен. pùtė «cunnus», др.-сѣв. fuð f. «т. с.» Fick III[4], 242: лит. paũtas «Ei; Hode».

33. Мало-русское *пýздро*, сербское *pȕzdro* «penis animalium».

Пуздро восходитъ къ и.-евр. праформѣ *pout + *dhro-*, гдѣ pout- = лит. paũtas «Ei, Hode». Суффиксъ *-dhro-*, *-dhrā-* (ср. Brugmann Gr. II[2], 1, стр. 377 и сл.) имѣемъ, напримѣръ, въ: 1) славянск. мѧздра = *mems + *dhrā*; 2) лит. gaĩz-*dras* «зарево» Subăčius : gaĩsas «т. с.» Маріамполь ∼ gaĩs-*tras* «т. с.» Велёна, «пожаръ» Довконтъ, Būdas 18,25 ∼ gaĩs-*ras* «зарево, пожаръ» ∼ латыш. gaìs-*ma* «свѣтъ»; 3) лит. žaĩzdras «горнъ кузнечный» Южинты Miteil. d. Litauisch. lit. Gesellsch. II, 146,8, žaĩzdrė «т. с.» Янишки, Шавел. у. ∼ žiẽzdras «т. с.» Дусяты : žaidas «печь» Mitt. d. Lit. lit. Gesellsch. II, 145.

34. Литовское *sólymas* «Salzlake».

Старое названіе *соли*, сохранившееся въ латышскомъ sàls, прусскомъ salli (Грунау, у Гарткноха, см. Trautmann, Die altpr. Sprdkm. 95[11]), въ литовскомъ языкѣ было вытѣснено словомъ druskà, g. sg. drùskos, первоначально обозначавшимъ только «крупинку, кропку (соли)». Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкогда и литовцы соль называли *sālis f. = *solis. Слово *solis сохранилось донынѣ лишь въ производномъ *só*lymas «разсолъ» Буга, Aist. stud. I, 131; ср. sūr-*ýmas* «разсолъ» Дусяты, pūd-*ýmas* «паровое поле» Дусяты = pū́dymas «т. с.» Хвейданы, Ретово.

35. Литовское *spėnỹs «Zitze».

Несуществующая въ живомъ языкѣ форма *spėnỹs, въ такомъ написаніи извѣстная изъ лишь Куршата (у него она въ скобкахъ), уже попала въ языковѣдную литературу (ср. Fick II[4], 299, III, 508; Pedersen, Vergl. Gr. d. Kelt. Spr. I, 75), откуда ее нелегко будетъ изгнать, какъ и многія другія, существующія только на бумагѣ, а не въ живомъ языкѣ, формы; ср. *šešiũras Pedersen, Vergl. Gr. d. Kelt. Spr. I, 75, вмѣсто šẽšuras (Дусяты, Лынгмяны), *stė́giu l. c. 97 вмѣсто stíegiu (Велёна, Вилкэвишки), *giñčias l. c. 108 вмѣсто giñčas (съ «твердымъ» č!), *stal̃biai l. c. 116 вмѣсто stáibjai «голени» (Хвейданы, Ретово, Масяды, Вевиржаны), *lė́kna «niedriege Wiese» l. c. 125 вмѣсто líekna (по Шлейхеру было бы lëkna), ср. Буга, Aist. stud. I, 151[12], латыш. liẽkns «Niederung» Bielenstein, Lett. Spr. I, 74, lieknā loc. sg. BW. 14244; *nuotrìnė l. c. 186, 189 вмѣсто notrýnė (ср. Kálvaitis, Prūsijos Liet. dainos 149), ср. gen. pl. gailiųjų noter-ẽlių (Basanavičius, Ožkabalių dainos № 204,36), notr-ėlẽ или notėrẽ «Nessel» Хвейданы, Ретово, notrẽ Дусяты; далѣе слѣдуютъ примѣры изъ Р. Траутманна, Die altpr. Sprachdenkmäler: *skrė̃ti 111 вмѣсто skrẽti (= skriẽti), praes. skrejù (Хвейданы, Ретово), *rė́klas, *rė́ti 120 вмѣсто ríeklės (= rė̃klės) Буга, Aist. stud. I, 91, 214, ríeti, praes. rejù (Хвейданы, Ретово), *atoretei 124 вмѣсто atúoriečiai (Дусяты, ср. Ширвидъ Dict. 74 s. v. jarka: atuorieciey), *kosėrė 124 вмѣсто koserẽ, acc. sg. kóserę (Вилкавишки, Пильвишки), *pū̃ta 129, 186 вмѣсто puotà, -õs, puõtą Явнисъ у К. Гуковскаго, Поневѣжскій уѣздъ. Ковна 1898, стр. 129, *wýtis 131 вмѣсто vytìs, -iẽs, vỹtį (Хвейданы, Ретово, Вевиржаны, Кретингенъ, Вобольники, Поневѣжъ, Дусяты), *slė̃kas 142, 214 вмѣсто slė̃kas (slíekas) Хвейданы, Ретово, Дусяты, Лынгмяны, *bė́sas 186 вмѣсто bíesas < р. бѣсъ, *prė̃kalas 213 вмѣсто príekalas (Янишки; дер. Билейши, Дусятской вол.) или priekãlas (Дусяты), *žẽdas 216 вмѣсто žíedas, *gródas 343 вмѣсто grúodas (Дусяты, Хвейданы, Ретово); *glodenà Berneker EW. 300 вмѣсто gluodenà, ср. жем. glūdėns Хвейданы = glõudėns Рет. «anguis fragilis», *klė̃pas Berneker EW. 389 вмѣсто kliepas, *sūbóti l. c. 413 вм. siūbúoti (Хвейданы, Ретово, Шавли, Бартники, Дусяты), *ìszczos

l. c. 434 вмѣсто įsčios (Даукша, Бреткунасъ), *jáuti l. c. 458 вм. jaũti (Радвилишки, Хвейданы); *ė́lektis Lidén, Arm. Stud. 96, 97 вмѣсто *ie*lektìs Būga, Aist. stud. I, 100[9], *stė́bas Walde 613 вмѣсто stíebas (Янишки, Шавли, Ольсяды), *svaĩnė Brugmann, Gr. I[2], 269 вмѣсто sváinė (Дусяты, Конан, Лынгмяны; ср. sváinis Дусяты, Конан, Ушполь), *bū̃dėti Brugmann, Gr. I[2], 156 вмѣсто bodė́ti (ср. bõdis, bodė́jos, bodė́ties Дусяты, Хвейданы, Лынгмяны), *gelonis l. c. 469 вмѣсто geluonìs (Лынгмяны) или gė́luõ, gen. sg. gė́luonies acc. sg. gė́luonį (Дусяты), *rim̃tas, *rim̃ti l. c. 415 вмѣсто rìmtas, rìmti, *tri-rą̃žis, *rą̃žas Brugmann, KGr. 328 вмѣсто -rãžis, rãžas (Дусяты), *gìr*ia* l. c. 133 изъ діалект. формы gìr*e*, съ *-e* изъ *ė* ∼ gìr*ė* и girià, g. sg. gìrios.

Слово spenỹs «сосецъ» мнѣ извѣстно не менѣе чѣмъ изъ двадцати разныхъ мѣстъ Ковенской, Виленской, Сувалкской и Гродненской (дер. Засеть, Дятловской вол., Слонимскаго уѣзда) губерній только съ *краткимъ e*.

36. Литовское *spė́rus*, славянское спѣхъ «festinatio».

Жем. spė́rus dárbas «opus, quod citc conficitur» (Хвейданы, Довконтъ Būdas 128,18), spė́mẽ «pośpiech» (Kossarzewski, Lituanica 59b), слав. спѣхъ показываютъ, что въ и.-евр. праязыкѣ существовалъ корень *spē-* со значеніемъ «поспѣшности», «торопливости». Корень *spē-* находится въ отдаленномъ родствѣ съ греч. σπεύδω «тороплюсь, спѣшу».

37. Литовское *staugti* «выть».

Stáugiu, stáugti «выть» (Дусяты, Кунишки, Лынгмяны) или staugiù, staũgti (Куршатъ) находится въ родствѣ съ лит. staurė́ju, staurė́ti «wyć niezgrabnie» (Kossarzewski, Lituanica 54).

38. Литовское *stùguras* «столбъ».

Stùguras (Хвейданы, Ретово) и stùburas (Дусяты, Лынгмяны) «столбъ, нѣкогда стоявшій вблизи печки (въ курныхъ хатахъ)» родственны съ герм. stūkōn f. «Baumstumpf» Fick III[4], 494, латышск. stuburis «т. с.» : греч. στύ-μο-, στέλεχος, κορμός; σταυ-ρό-ς «Pfahl».

39. Литовское *šūtis* «acervus».

Šútis, -ies f. «ein Haufen Steine, Holz und dergl.» (Хвейданы, Ретово, Ширвидъ Dict. 354 s. v. stos) находится въ родствѣ со слѣдующими словами: 1) šú-snis, -ies f. «т. е.» Хвейданы, Ретово, Векшни; 2) šiuβiemetis «chałastra» Ширвидъ, Dict. 24, Siuśiemetis «motłoch» l. c. 156 = šiūšémetis m. «hominum concursus, turba» Хвейданы или šiúšemetis m. «zgraja, шайка» Дусяты ~ taĩ — nemãtęs šiúšemečio! «šiuršto, piemenų ~ snarglių būrẽlio»; «мякость» š въ šiáuš- = айст. *šeu-š-* : лит. šiáuš-ties «пыжиться»; 3) др.-инд. çávas- «Kraft», çū- «anschwellen», греч. κῦμα «Welle», κύαμος «Bohne».

40. Прусское *schuwikis* V. 496 «сапожникъ».

Польское szewc, м.-русск. švec «сапожникъ» имѣютъ себѣ соотвѣтствіе не только въ прусскомъ schuwikis = šuvikis, но и въ литовскомъ siuvìkis (съ тѣмъ же значеніемъ); ср. siúwikei «сапожники» Постилла Даукши 1599 г., изд. В. 190,5, siuwikiús acc. pl. l. c., изд. ориг. 378,21.

41. Литовское *taũras*, славянское *туръ*.

Туры водились въ литовскихъ пущахъ (girios) еще въ историческія времена. Въ литовской лѣтописи (П. с. р. лѣт. XVII, 261) читаемъ: «... поехал... княз великии Кгидимин к ловы ѿ Трокок за четыре мили. и наиде гору красну над рекою Вилнею. на которои наиде зверя великог(о) тура і оубьет его на тои горѣ гдѣ нинѣ зовут Турья гора...».

Слово taũras изъ старинныхъ писателей знали, повидимому, только Бреткунасъ (конецъ XVI в.) и Довконтъ (начало XIX в.). Цитаты: 1) Бреткунасъ, переводъ Библіи, V. Mos. 14,5 глосса къ слову Stumbras — «Püffel. Bubalį. *Tauras*» BGLS. 331; 2) Довконтъ: tauras въ Lietuvos istorija, I, 322, «Bujwidas... medioklièse diena ir nakti grumies su szernajs, taurajs ir meszkomis» Вольтеръ, Объ этнографической поѣздкѣ 131,25. Шкуру тура Довконтъ называетъ taurĩna Būdas 234,8 = жмуд. taur-*enà*.

Въ древности *турьи рога* служили питейною посудою многимъ племенамъ сѣверной Европы; ср. O. Schrader, Reallexikon 378. Эта посуда у литовцевъ, по имени тура, называется taurẽ и taũragė. Послѣ того, какъ туры перевелись въ литовскихъ лѣсахъ и вслѣдствіе этого слово taũras было забыто, имена taurẽ и taũragė были перенесены на *всякую* питейную посуду, будь она деревянная, жестяная или стеклянная.

Слово taurẽ извѣстно въ слѣдующихъ значеніяхъ: α) «чаша, кубокъ»: 1) taure «poculum, phiala» Ширвидъ Dict. 319; 2) gierę (sc. lietùvjai) paprastaj undenį, mîdu, ałų, berżînę ar klewînę sółą îr gîrą îsz kauszû îr ragû paauksytû wadînamû tauriemis ir tauragiemis. Nu ko kajp sakiau iki szè dîjnà kîjkwîjną géramą stotkelî medio, molo ar skardos senó iprotió taurelî tebwadin. Довконтъ, Būdas 1845 г., стр. 43 (ср. еще стр. 130, 133, 134, 139, 151); 3) Daugieł sek Jezusa lig łanżima duonas; bet maż kas lig gierimȧ tauries kanczes arba munkas. Волончевскій, Tamoszians isz Kempis apej Sekima Jezaus Kristaus Kaingas Kietures... Wilniuje 1852, стр. 104: Paperiek mani Wieszpatie duonu werksma ir pagirdik taurį aszaru l. c. 56,4 (ср. еще 308,12); 4) Gersva taurę bėro pyvọ. Kálvaitis, Prūsijos Lietuvjų dainos, стр. 36 (ср. 122);

β) «рюмка»: 1) tauri arba kiliczkó instr. sg. Довконтъ, Būdas 243,12; 2) Kiek taurelių, tiek bučkelių «сколько рюмокъ, столько поцѣлуевъ». Kalvaitis, Pr. L. d. 20 (ср. еще стр. 173);

γ) «рожо̀къ = снарядъ для пусканія крови»: 1) taũrė Хвейданы; 2) taurẽ, acc. sg. taũrę Дусяты, Лынгмяны: taurẽm (instr. plur.) léistie «ставить банки»; 3) srienoms skaustąnt taurès pîrtie statî. Довконтъ, Būdas 67,31.

Въ Сейнахъ (Seinaĩ), Сувалкской губ., приходилось слышать выраженіе grìkių taũrės, кажется, въ значеніи «гречишный колосъ» (при váltys n. pl. «колосья овсяные», várpos «колосья ржаные, пшеничные, ячменные»).

Taũragė = *tau[ra]* + ragė (со слоговымъ расподобленіемъ) въ значеніи роговой «рюмки», по Довконту, была еще извѣстна въ началѣ XIX вѣка; ср.: 1) taurage Būdas 182,3 (написаніе конечнаго *-ge* съ *-e*

показываетъ, что на немъ не было ударенія); 2) deszĩnoje rąnko taurage mĩdaus tóriedamos stowieię l. c. 139,22; 3) medû ir ałû... gér isz tauragiû, kures kauszû węito diewie. Вольтеръ, Лтр. 193,34.

Слово taũras — обще-айстійское: оно было извѣстно не только литовцамъ, но также пруссамъ и латышамъ; ср. прусское tauris V. 648 «Wisund» = латыш. taùrs «бабочка», уменьш. *taùr*-iñš «Schmetterling, eig. Büffelchen, wegen der langen Fühlhörner». Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes 171, 288 (: Das «tertium comparationis» bei Schmetterling und Stier ist das Gehörntsein; die «Hörner» des Schmetterlings sind seine Fühlfäden), taùre «Blaseinstrument, heute von Blech oder von Holz und Rinde, Hirtenhorn, ursprünglich gewiss ein Stierhorn».

Что taũras въ жизни айстійскаго племени имѣлъ громадное значеніе, видно не только изъ перечисленныхъ выше нарицательныхъ, но и изъ *собственныхъ* именъ, какъ личныхъ, такъ и географическихъ, весьма обычныхъ въ айстійскихъ языкахъ. Пока я могу назвать слѣдующія собственныя имена, производныя отъ taũras; 1) Taur-akỹs «Βοῶπις», откуда названіе деревни Taurakiaĩ въ Груздскомъ приходѣ, Шавельскаго уѣзда; 2) Tauragễ, acc. sg. Taũragę «мѣстечко Таврогенъ» = *Taura-ragễ «поселеніе при Турьемъ *рогѣ (= Taũro rãgas), образуемомъ изгибомъ рѣки Júra»: rãgas «часть суши, вдающаяся въ озеро, рѣку = мысъ, полуостровокъ» ⁓ Ventės ragas «die Windenburger Ecke» Kálvaitis, Pr. L. d. 33, 34 ⁓ Gudainia rags «cypel ziemi, wsunięty do Biržula (озера) przy ujściu Gudajnia (рѣки)» Kossarzewski, Lituanica 174a ⁓ Obelų̃ rãgas «полуостровъ (kulỹs), вдающійся въ озеро Ũsiai» въ Лынгмянскомъ приходѣ ⁓ Aĩka-ragis «полуостровъ озера Ũsiai близъ деревни Kùpriai, весь поросшій лѣсомъ» l. c. (: aĩkas «лиственный, чисто содержимый, лѣсъ = роща» Веиржаны — Veivìržėnai, Россіенскаго уѣзда: gaius [kaip ghe wadina alkus] постилла 1573 г. Mitteil. d. Lit. litter. Gesellsch. V, 150: alkúš acc. pl. Катих. Даукши 1595 г. 24,25) ⁓ латыш. K'eñǵu-ragi собственное имя луговъ, находящихся въ лукѣ рѣки Rakstu krãjums... Rĩgas latv. biedr. IV, 110 ⁓ на лѹцѣ на Шкинторозе. П. с. р. лѣт. XVII, 261,

ωвєрєт совѣ вєликии кнѧз Швинъторогъ мѣстцо на пущы вєлми хорошо подлє рєки Вєлѧи гдѣ рєка Вилна Ѹпадывает Ѹ Вєлѧю l. c. 305 = вост.-лит. (старый говоръ г. Вильна) Švintã-*ragis* (in изъ en) «Святая лука»: Švent-*ragiai*, имѣніе и деревня надъ рѣкою Kražanta Крожской вол., Россіенскаго уѣзда; 3) Taurag-ė̃nai, д. Тришской вол., Шавельскаго уѣзда; 4) Taurãgnai, мѣстечко Товрогины Новоалександр. уѣзда, такъ прозвавшееся отъ имени озера Taũragnas изъ *Taũrag-*ina*-s (ср. áuk*s*nas «złoty = 15 коп.» Товрогины, Дусяты, Лынгияны = áuks-*ina*s другихъ говоровъ), прилагательнаго къ существительному taũragė «cornu ũri»; озеро Taũragnas своею формою напоминаетъ туры *рога;* 5) Taurã-pilis, деревня и pìlia-kalnis на берегу озера Taũragnas; 6) Taure, рѣка 1384 г. Scr. r. Pruss. II, 685; 7) латыш. Taures kalns. Rakstu krãjums... Rîgas latv. b. IV, 110; 8) Taur-ìnė, заст. Роговской вол., Вилкомірскаго уѣзда; 9) др.-латыш. Taurynen (dat. sg.), личное имя. Bielenstein, Die Grenzen 288; 10) прусское Tauro, собственнее имя лѣса въ Галиндіи 1326 г. Monumenta historiae Warmiensis I, 387: Pa-tauris, campus l. c.; 11) Tauro-gal, гора въ Прусской Литвѣ, имя которой по Hennenberger'у (I, 451) значило «der Ochsenburg»: Tauró-*gala*, ср. Dievó-*gala*, гора около Сапежишекъ, Сувалкской губ.; 12) Taũr-olis, рѣчка въ Новомѣстскомъ приходѣ, Поневѣжскаго уѣзда; 13) Taur-ósta, рѣка въ Скорульскомъ приходѣ, Ковенскаго уѣзда; ср. Avin-*ósta*, заст. Солокской вол., Новоалекс. уѣзда (: ãvinas «баранъ»); 14) латыш. Taur-upe BW. 12859; 15) Taur-ùpis, рѣчка близь мѣстечка Олькеникъ, Трокскаго уѣзда; 15) прусское Taurus-galwo, гора подлѣ Langwald'а въ Варміи 1280 г. Monum. hist. Warmiensis I, 103 = *Taura-s* galvō «caput ũri»; Taur*u*s, повидимому, опечатка, или описка вмѣсто Taur*a*s (gen. sg.).

Интонація слова tauras была восходящая (geschleift), въ чемъ насъ убѣждаютъ не только литовскія собственныя имена, но и латышское нарицательное taùrs «бабочка» (по П. Шмидту). Латышскому *ай* съ нисходящею интонаціею въ литовскомъ языкѣ должно соотвѣтствовать *ай;* ср. И. Эндзелинъ, BB. XXV, 263.

Слово Taurã-pilis «castrum ũri» своимъ мѣстомъ ударенія пока-

зываетъ, что множественное число отъ слова taũras нѣкогда было: tauraĩ, -ų̃, -áms, -ai̇̃s, -uosè; ср. вост.-лит. vorã-tinklis «паутина» ∽ vorai̇̃, Vilkã-miestis мѣстечко въ Иллукстскомъ уѣздѣ ∽ vilkai̇̃ «волки», но rãta-lankis «ободъ колеса» ∽ rãtai, bérža-grybis «подберёзовикъ» ∽ béržai; ср. еще grėbliã-kotis «грабловище» ∽ grėblỹs, но kir̃vja-kotis «топорище» ∽ kir̃vis.

Довконтъ въ своемъ Būdas (1845 г., стр. 61, 188, 189, 208, 218) тура называетъ tauris, именемъ, неправильно возстановленнымъ изъ taurẽ. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ Довконтомъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ Būdas'а, туръ называется tauras. Замѣна tauris формою tauras можетъ быть объяснена тѣмъ, что Довконтъ послѣ выхода въ свѣтъ Būdas'а гдѣ-нибудь въ народѣ самъ натолкнулся на послѣднюю форму, или ему сообщили его товарищи и почитатели. Иначе трудно было бы понять, почему онъ, спустя нѣсколько лѣтъ, отказался отъ формы tauris.

Итакъ, изъ всего сказаннаго въ этой статьѣ слѣдуетъ, что тура называли литовцы taũras, nom. pl. taurai̇̃.

42. Литовское *stum̃bras* «зубръ», славянское зѫбръ.

Зубры перевелись въ литовскихъ лѣсахъ сравнительно позже, чѣмъ туры. Литовскій писатель начала XVII вѣка, Константинъ Ширвидъ, зналъ только *зубра,* литовское названіе котораго сохранилъ намъ въ своемъ Dictionarium trium linguarum. Въ пятомъ изданіи названнаго Dictionarium названіе *зубра* дается въ двоякой формѣ: 1) stumbras, medinis iaućias: stumbre, medine karwe 8a; 2) stumbris 374b, gen. sg. stumbrio 8a. Нессельманнъ и Куршатъ знаютъ только первую форму, т. е. stum̃bras.

Stum̃bras оставилъ слѣды своего существованія, между прочимъ, въ слѣдующихъ названіяхъ деревень: 1) Stum̃briai въ Ретовскомъ и Водактскомъ приходахъ = Stumbriai̇̃ въ Словикскомъ приходѣ ∽ Stumbrai, Dorfname Nesselmann, Lt. Wb. 505; 2) Stum̃briškis въ Вобольникскомъ приходѣ; 3) Strum̃ba-galvė путемъ метатезы изъ Stum̃bra-galvė, въ Рудоминской гминѣ, Сувалкской губ.: 4) Stumbra-giriai̇̃ Kurschat, L.-d. Wb. 409; 5) Stumbra-kiemjai Nesselmann, Wb. 505.

Слово stum̃bras кромѣ литовцевъ извѣстно еще и латышамъ: stumbrs «Auerochse» (Ульманнъ, Брапе), deminut. stumbr-ītì voc. sg. BW. 30493 var.

Въ латышскомъ болѣе обычною формою названія зубра, повидимому, есть форма безъ *t*, т. е. sumbrs или sūbrs Bielenstein, Lett. Spr. I, 146 (въ говорѣ Б—на съ прерывистою интонаціею, которая можетъ восходить къ пралатышской *нисходящей*, соотвѣтствующей литовской *восходящей* — geschleift), sumbris Хр. Вальдемаръ Русско-латышскій словарь 111, dimin. sūbr-ītì voc. sg. BW. 30493.

Въ латышскихъ формахъ sumbrs : sūbrs сохранилось древнее, литовско-латышское названіе зубра. Лит.-лат. **su*m̃bra-s представляетъ собою слабую ступень къ прусскому wissambris V. 649 «Auer» = visambra-. *Sum̃bras изъ **v*[i]sum̃bras.

Visambra- : [v]sumbra- находятся въ родствѣ съ германскимъ visund- m. «Wisent» (др.-сѣв. visundr, др.-в.-н. wisunt, wisant Fick III⁴, 413), восходящимъ къ индоевропейской праформѣ *visn̥t-. Лит.-латыш. sumbra- восходитъ къ и.-евр. праформѣ *v(i)sm̥t-ro-. Изъ *vsm̥tro-, послѣ выпаденія *t*, образовавшееся *vsm̥ro- еще въ айстійскомъ праязыкѣ должно было превратиться въ *vsm̥bro-. *Vsm̥bro- въ конечномъ результатѣ дало лит.-латышскую форму sumbra-.

Слово s*t*um̃bras, по мнѣнію К. Явниса, обязано своимъ *t* народной этимологіи, по которой stum̃bras принялъ значеніе упрямаго, упорнаго звѣря. *Su*m̃bras s*t*émbja «der Auerochse trotzt» съ теченіемъ времени переходитъ въ s*t*um̃bras stémbja. Stémbju, stémbjau, stémbti «trotzen» извѣстно изъ Даукши и другихъ писателей; ср. tauta... butû... priesz sawa neprietelus:.. stembuse Довконтъ (Вольтеръ, Лтр. 201,15), Nebijaus tukstanĉiu prieß manę stembianĉiu 1653 г. Лтр. 76,37.

Славянская форма зѫбрь должна считаться заимствованною, вѣроятнѣе всего, изъ ятвяжскаго языка. Ятвяжское названіе зубра *sum̥bris (ср. латыш. sumbris) въ устахъ славянъ должно было звучать **с*ѫбрь. Замѣна *с* чрезъ *з* произошла не безъ вліянія слова зѫбъ «зубъ» = лит. žam̃bas «край чего-нибудь, уголокъ», *зѫбрь «нѣчто зубообразное, острое» = лит. žam̃bris «соха», русское *зубрина* «суко-

ватый шесть, какіе кладутся на крышу, а поперёкъ ихъ жерди или слеги, для пригнётки соломы» Даль I³, 1735, *зубр-ить* «насѣкать зубцы». Замѣна *з* чрезъ *г* могла произойти и на ятвяжской почвѣ.

43. Русское *тута* = литовскому *tautà* «тоска, унынiе».

Калужское *тута* «тоска, уныніе, грусть, скука», словинское tûta «человѣкъ, вѣчно молчащій» находятся въ этимологическомъ родствѣ съ литовскимъ словомъ tautà «tęsknota», извѣстнымъ по Коссаржевскому (Lituanica, стр. 161а) въ Пушолатахъ (Pùšalotas), Поневѣжскаго уѣзда. Рядомъ съ tautà «tęsknota» существуетъ и глаголъ taučiù, taučiaũ, taũsti «tęsknić» Kossarzewski, l. c. 161а, Юшкевичъ, Лит. слов. I, 427 s. v. gẽras.

Taũsti «тосковать» въ сложеніи съ префиксомъ *nu-* получаетъ значеніе «*перестать* тосковать». Привожу нѣсколько примѣровъ употребленія глагола nu-taũsti : avìs nù-*tautė* sàvo gėrẽlį «овца болѣе не тоскуетъ по своемъ ягнёнкѣ, не даетъ сосать», negalieje jis dar butinay nu-taustĩ sawo numû ir norieję dar kalbietĩ bey rasziti̇̃ grażĩ Letuwiû ir Żemaitiû kałbù «онъ еще не могъ совершенно забыть своего дома (отвыкнуть отъ него, перестать тосковать по немъ) и желалъ еще говорить и писать красивымъ языкомъ литовцевъ и жемайтовъ» Довконтъ, Giwatas Didiujû Karwaidû... Petropĩlie 1846, стр. VI,13, jis negalieję sawo tiewainês nu-taustĩ «онъ не могъ перестать тосковать по своемъ отечествѣ (забыть его)» l. c. 65,8, su wissù nu-tautusis sa[w]ô pirmuiû numû «говорятъ, что (выходцы изъ Швеціи) совершенно отвыкли отъ прежней своей родины» Довконтъ, см. Вольтеръ, Объ этногр. поѣздкѣ 125,21.

Въ Лынгмянахъ (Свенцянскаго уѣзда) говорятъ: gėriùkas až-*taũto* «ягнёнокъ сталъ хирѣть (вслѣдствіе того, что мать не даетъ ему сосать; чаще всего бываетъ, когда овца имѣетъ близнятъ)», až-*taũtęs* gėriùkas; ср. ap-taũtęs vaĩkas «nuskuřdęs» ср. Юшкевичъ, Лит. сл. I, 92.

Далѣе, *тута* = *tautà* «tęsknota» этимологически неотдѣлимо отъ слова *тоска* = *тъска*.

44. Литовское *tautà* «племя, нація».

Слова tautà извѣстно языковѣдамъ (ср. напримѣръ, Fick III[4], 185, Trautmann, Altpr. Sprdkm. 446) только въ значеніи «Oberland, Deutschland», т. е. въ такомъ, какого не знаютъ ни старые, ни новые литовскіе писатели, если не считать словарей Ruhig'a, Mielcke и Nesselmann'a.

Слово tautà, -õs, acc. sg. taũtą встрѣчаемъ у писателей только въ значеніи «племя, нація», «gens, natio». Привожу цитаты: 1) изъ постиллы Даукши 1599 года, по изданію Э. Вольтера: tautós g. sg. 171,24 (дважды), táutos n. pl. 163,16, tautų̃ g. pl. 11,5; 20,7; 75,19; 81,20; tautás acc. pl. 124,27; 300,6,9; 340,18 (откуда видно, что *au* имѣло *восходящую* — geschleift — интонацію), tautômus dat. pl. 215,7; 2) изъ Довконта: tauta Būdas 203,10, 214,25, 220,16,20, Żodrodys (словарчикъ, приложенный къ Epitome Historiae Sacrae. Auctore C. F. Lhomond, in Universitate Parisiensi, Professore Emerito. Petropoli 1838, p. 63 + 42) стр. 18 подъ словомъ gens и стр. 26 подъ словомъ natio; 3) изъ описанія литовскихъ говоровъ И. Юшкевича, озаглавленнаго «Kałbos lëtuviszko lëżuvo... Peterburge 1861», гдѣ на стр. 42 находимъ слово tauta «giminė» въ спискѣ словъ *восточно-литовскаго* нарѣчія.

45. Литовское *liáudis* «populus».

Существованіе литовскаго слова liáudis, -ies fm., родственнаго съ латышскимъ ľaũdis «люди», славянскимъ людъ «Volk», людиѥ «Menschen», др.-в.-н. liut «Volk», пока еще никѣмъ не отмѣчено въ лингвистической литературѣ.

Liáudis въ значеніи «людъ», «populus» довольно часто встрѣчаемъ въ постиллѣ Даукши 1599 г. (цитирую по оригиналу), напримѣръ: laudis n. sg. 258, 268, láudies g. sg. 22, láudį músu mil 77 «lud nasz kocha», anai laudi arba żmonémus 505,28. Въ дусятскомъ говорѣ слово liáudis извѣстно только старшему поколѣнію со значеніемъ «необразованная толпа», «nieokrzesana rzesza»: tokià liáudis, mat, ne išjuõks! «какъ не осмѣять такой (глупой, необразованной) толпѣ!».

А. Коссаржевскій въ своей Lituanic'ѣ (стр. 39) приводитъ изъ рукописнаго словаря Юшкаго слово liaudis въ значеніи «chłop» (мужикъ).

Въ Олькеникскомъ (Valkininkas) приходѣ, Трокскаго уѣзда, находимъ наше слово съ другимъ суффиксомъ и значеніемъ, а именно liaudžià «всѣ домашніе, какъ свои, такъ и наёмные»: dzidelẽ jõ liaudzià; sù tokiù liaudziu (къ сожалѣнію не отмѣчено удареніе!), taĩ, žinoma, dúonos graĩtai neteñka. Жем. liaude «familia» (Явнайце, Ворненской вол., Тельшевскаго уѣзда), вѣроятно, образовалось изъ пралитовскаго *Iaudjā (ср. жем. valdè = valdžià): Tava visa liaude tokia «twoja cała familja taka».

46. Литовское ūmė́dē «сыроѣжка».

Восточно-литовское (напримѣръ, Дусяты, Солы — Sãlos) названіе сыроѣжки ūmė́dē, acc. sg. úmėdę есть слово сложное, въ пралитовскомъ произносившееся какъ *ūma-ēdē, гдѣ ūma- семазіологически равно русскому *сыро-*, -ēdē — *-ѣжка*. Прилагательное ′*ma*s «сырой» извѣстно не только въ сложеніи, но и въ отдѣльномъ, самостоятельномъ употребленіи. Въ Ретовскомъ и Хвейданскомъ приходахъ еще и теперь можно слышать, напримѣръ, такое выраженіе: *úmus* javùs kùlti «сырой, несушоный хлѣбъ молотить».

Слово úmas К. Явнисъ (Поневѣжскіе говоры литов. языка, ч: II. Ковно 1899, стр. 26) считаетъ возникшимъ изъ **úo*mas (= греч. ὠμός «сырой») подъ вліяніемъ губного. Со мнѣніемъ К. Явниса я не могу согласиться въ виду формы *u*mėdē «сыроѣжка» съ краткимъ *u*. Краткость *u* въ *ų*mėdē не можетъ быть результатомъ сокращенія долгаго *ū* въ положеніи передъ удареніемъ, такъ какъ въ тѣхъ говорахъ, гдѣ произносятъ *u*mėdē (Прены, Лынгмяны, Дусяты, Оникшты), не дѣйствуетъ законъ сокращенія предшествующихъ ударенію долгихъ гласныхъ. Um-ėdē и ūm-ėdē не можетъ быть фонетическимъ путемъ объяснено изъ литовской праформы **u*oma-ėdē. Лит. uma- : ūma- «crūdus, non siccātus» можетъ быть только индоевропейскими umo- : ūmo-, отношеніе которыхъ, къ и.-евр. ōmo- (греч. ὠμός, др.-инд. āmá-) таково, какъ и между: 1) лит. šliužaĩ «коньки», šliuž-inė́-ti «кататься на конькахъ» ⁓ šliūžė̃ «Rutschspur» ⁓ šliuōžti «ползти, сколь-

зить»; 2) sùk-ti «крутить, вертѣть» ∾ pra-sūkas «глубокая выбоина, врѣзанная колёсами» Дусяты, kēlio są-sūka «перекрёстокъ» Хвейданы ∾ suōkti «принуждать, заставлять, протяжно пѣть», ср. Лит. слов. Юшкевича I, 645, 658; 3) sùpti «качать» ∾ *sú*puoklės Солы, *sú*pauklės Дусяты, *sú*plaukės «качели» Олькеники ∾ жен. súopuoti «качать», ср. Довконтъ, Būdas 48,28, Волончевскій, Pałąngos Juze 57,10.

47. Литовское *žalktỹs* «ужъ».

Вмѣсто žaltỹs, žálčio «ужъ» (Хвейданы, Ретово, Шавли, 1595 г. Кат. Даукши, изд. В. 24,24) = латыш. zaĩtis (П. Шмидтъ) въ части восточно-литовскихъ говоровъ (Дусяты, Твереч) употребляется форма съ *k*, т. е. žal*k*tỹs m. Форма žałk*e*ius, встрѣчающаяся въ восточно-литовскомъ переводѣ катихизиса Ледесмы 1605 г. (изд. доктора J. Bystronia, стр. 65,8), есть опечатка вмѣсто žalkcius = žálkčius.

Žal*t*ỹs не могло возникнуть изъ žal*k*tỹs. Обѣ формы, какъ съ *k*, такъ и безъ него, одинаково древни; ср. латыш. smi*l*-tis∾smilk-*tis* pl. «песокъ» (: лит. smėlỹs, smēlio «т. с.» Дусяты). Слово žalktỹs имѣетъ интересную параллельную форму želektỹs, žēlekčio (съ «мягкимъ» *l*; слѣдовало бы ожидать вмѣсто le *la*) «ужъ», извѣстную въ Лынгмянахъ (Linkmenes, gen. Linkmenų), Свенцянскаго уѣзда.

49. Литовское *žiáunos* «челюсть».

Žiáunos (Дусяты, Солоки, Лынгмяны) находится въ родствѣ съ болгар. *жу́на* ∾ *жу́ка* «губа, уста» (иначе А. Л. Погодинъ, Слѣды 237) и съ герм. kaunō «Kiefer, Kinnbacken, Wange» Fick III[4], 45, ср. l. c. 561.

К. К. Буга.

С.-Петербургъ. Декабрь, 1910 г.

Корректурныя поправки и дополненія.

1. *Jōvytis* «шалить» (Владиславовъ Сув. губ.) въ виду значенія нельзя считать заимствованіемъ изъ р. явиться. *Jōvijuosi* «шалю» находится въ родствѣ съ лт. jáudausi, jáudžiausi, jáudytisi «ludere=inter se percutere cursitareque, kùlties» Vilkijà, Ковенскаго у., Юшкевичъ Лт. слов. I 685ᵃ.

2. Куршатова форма *dõbai*, на основаніи которой я возстановилъ duõbai, взята не изъ живого языка, но изъ словаря Mielcke, у котораго во II томѣ, стр. 78ᵃ, читаемъ dobbai. Въ концѣ словаря, въ спискѣ опечатокъ, Mielcke проситъ форму dobbai *исправить* въ d*u*bbai (ср. у него же dûbai II 329ᵃ).

3. *Al̃ksnis*. Восточно-аукштайтская форма alik*s*nis «ольха» возникла не изъ балт. *alis*k*-n-is (ср. прусск. alis*k*-andē), но изъ *alis-n-is; въ противномъ случаѣ имѣли бы *alikšnis: звукосочетаніе -isk- въ литовскомъ даетъ -išk-. П. Эндзелинъ, Славяно-балтійскіе этюды, 54 и сл. Въ словѣ ali*k*snis *k* вставочное.

4. *At-kisas*: kisimą džiovina duobose, Довконтъ, Lietuvos istorija I 7 — kisìmas v. klúonas v. klojimas. Viekšniaĩ по Коссаржевскому, Litu. 32ᵃ.

5. *Aukauti*: Коссаржевскій, Litu. 112ᵃ, пишетъ: «u Litwinów zamiast *aukos* kałns mówią *ałkas* kałns (ofiarne góry litwinów liczne, o których tak częste wspomnienia)».

6. *Aumenis*: форма omen*a*s «памяти» (g. sg. Волончевскій, Tamosziaus isz Kempis... 126,18) показываетъ, что удареніе находится не на окончаніи (я читаю ómena).

7. *Dienì* ничего общаго не имѣетъ съ др.-инд. dhēnu- «milchend». Dienì и dien-ìnga производныя отъ слова dienà «день».

8. *Ovyje: owijos'*, waidinos' «sehen sich lassen, erscheinen» Mielcke, Wb. II 435[a].

9. Слово *spenys* съ краткимъ *e* засвидѣтельствовано и для Прусской Литвы: spennys «die Huck, das Zäpflein über der Zunge» у Mielcke, Wb. I 253[a], spenys II 280[a]. Ср. кельт. spenio- Zäpfchen, Zitze» Fick. II[4] 299 (III[4] 508).

10. *Stūguras*: лтш. staubens «Baumstumpf», bērza staubere BW. 13158, 8, 4 var. loc., stuburs BW. 7357 «т. с.», лт. stubér-galis Солы, Дусяты=stubùr-galis «подкожное продолженіе крестцовой кости» Купишки: лтш. stumburs BW, 25367: лтш. sturbuls «stùburas» Miežinis 229: герм. stuþila m. «Pfosten» Fick III[4] 495: лтш. stul̂mi «голенища»∽лт. stul̃pas=слав. stъlpъ∽жем. stul̃bas Būga, Aist. stud. I 171=слав. stъlbъ, герм. stulpan Fick. III[4] 489.

11. *Šūtis* Юшкевичъ, лт. слов. I 10, 398, 463: šústis,-ies (medžių, mėšlų, akmenų) «куча» Salantaĩ.

12. *Stum̃bras*. Форму stum̃bris даетъ также и Кенигсбергская библія (Deuter. 14. Kossarzewski, Litu. 35[a]). Слово stumbr[a]|[i]s извѣстно даже въ загадкахъ: Dù durùkai, dù *stumbrùkai*, šešios ãkys, trỹs šikinės.—Norãgai sù jáučiais ir̃ sù výru. Schleicher, Lsb. 62.

Литовско-латышское названіе зубра *st*umbra- ∽ *s*umbra- не имѣетъ ничего общаго съ герм. visund-. Форма stumbra- такъ относится къ sumbra, какъ лт. stìrna, лтш. stir̃na, къ слав. sьrna, старо-лтш. sirna, или слав. stěna къ лт. siena. И. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды 44.

Въ словѣ s<t>umbra- дифтонгъ *um*, какъ показываетъ лтш. s*ū*bra-, восходитъ къ айстійскому (балтійскому) *un:* въ латышскомъ языкѣ подвергается вокализаціи *только n* (тавтосиллабическое). И. Эндзелинъ, Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. XV, 2, стр. 198 и сл. Латышская форма s*ū*bra- показываетъ, что s<t>umbra- не можетъ быть чисто-латышскимъ (земиголо-лотигольскимъ) словомъ. S<t>u*m*bra- проникло въ латышскій языкъ, благодаря облатышѣнію *корси* (лтш. kur̃sis= лт. kur̃šis), изъ языка послѣдней. Корсь, жившая въ сѣверо-западной части Курляндской губерніи, говорила на особомъ айстійскомъ языкѣ,

переходномъ отъ латышскаго къ литовскому. Ср. статью И. М. Эндзелина въ Finnisch-Ugrische Forschungen, Bd. XII, 59 и сл.

Литовско-латышскій дифтонгъ *un* никогда не восходитъ къ и.-евр. ņ, но всегда, или къ *un* (ср. jùngas «иго», lùnkas «лыко»), или къ *ōn* (ср. aštuñtas «восьмой», tũ «τῶν»), или къ *ₒn* (ср. Эндзелинъ, Слав.-балт. этюды, 18).

Казимиръ Буга.

Дусяты (Dùsetos, -etũ). Ков. губ. 11 марта 1912 г.

Подлинная рукопись Поморскихъ Отвѣтовъ и ея изданіе.

ПОМОРСКІЕ ОТВѢТЫ I. Сія святая книга, Поморскіе отвѣты, напечатася съ подлиннаго оригинала за подписями Выговскихъ пустынножителей, первымъ тисненіемъ, въ Христіанской Тvпографіи, при Преображенскомъ Богадѣльномъ домѣ, въ Москвѣ въ лѣто 7419. Въ листъ—2. Поморскіе отвѣты, напечатаны съ подлинника. Москва, 1911. Типографія П. П. Рябушинскаго. Изданіе Московскаго старообрядческаго братства Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Въ л. 8—3. Поморскіе отвѣты. Отвѣты пустынножителей на вопросы іеромонаха Неофита. Уральскъ. Старообрядческая типографія Симакова. 1911 года. Въ 4.

Передъ нами три изданія Поморскихъ отвѣтовъ: два, первое и второе, напечатаны съ подлинника, а третье съ рукописи Императорской Публичной библіотеки, Собранія Погодина № 1248. Объ изданіи въ листъ было объявлено въ каталогѣ типографіи (Г. К. Горбунова), что «въ скоромъ времени выйдутъ изъ печати извѣстные въ старообрядчествѣ знаменитые *Поморскіе Отвѣты*, печатающіеся въ двѣ краски, съ портретомъ Андрея Діонисовича, золоченными заставицами и точнымъ воспроизведеніемъ рукъ, крестовъ, просфорныхъ печатей, заглавныхъ буквъ и всѣхъ другихъ особенностей съ самаго подлинника-рукописи, которая была подана іеромонаху Неофиту за подписями Выговскихъ пустынножителей: и съ приложеніемъ указовъ Петра Перваго, и инструкціей, данной на имя іеромонаха Неофита, и краткой исторіей о вопросахъ и отвѣтахъ». Для описанія этого изданія приходится пользоваться каталогомъ (проспектомъ) типографіи потому, что издатель не снабдилъ книги

предисловіемъ, въ которомъ бы далъ необходимыя свѣдѣнія о самомъ изданіи.

Изданіе исполнено съ большой роскошью. Чудная бумага, крупный, разгонистый шрифтъ, въ концѣ приведены снимки съ рукоприкладства выборныхъ, подписавшихъ Отвѣты. На поляхъ изображены ручьки съ перстосложеніемъ въ краскахъ. Надъ оглавленіемъ и предисловіемъ—заставки въ краскахъ съ золотомъ, а передъ отвѣтомъ «портретъ» А. Денисова въ рамкѣ; заглавіе Отвѣтовъ—въ большой заставкѣ; всѣ узоры выведены красками и золотомъ. Начальныя буквы предисловія (л. 1) въ краскахъ съ золотомъ; первая буква Увѣщанія напечатана киноварью и роскошно разрисована. Заглавія и заглавныя буквы киноварныя. Обѣщанныя въ проспектѣ приложенія на лицо.

За семью листами (съ отдѣльной пагинаціей) Оглавленія, начинается Предисловіе, т. е. обращеніе къ Неофиту; на л. 11 об. заставка съ «портретомъ» А. Денисова; л. 12-титулъ съ заглавіемъ: Отвѣтъ пустынножителей на вопросъ іеромонаха Неофита въ роскошной заставкѣ во весь листъ. Съ л. 12 об. начинается текстъ вопросо-отвѣтовъ, и оканчивается на л. 379 об.; на л. 380-надглавіе отвѣтовъ; на л. 384 и 385 рукоприкладство въ литографированномъ снимкѣ; съ л. 386—397 указы и инструкція Неофиту; съ л. 397 об. Исторія краткая о отвѣтахъ сихъ до л. 411 об.; на л. 412 выходъ книги.

Видимо, издатели, имѣя въ своемъ распоряженіи экземпляръ Отвѣтовъ, который считаютъ подлинникомъ, потщилися издать его соотвѣтственно значенію памятника образомъ и не пожалѣли на то средствъ, такъ какъ несомнѣнно экземпляръ изданія обошелся выше продажной его цѣны (12 рублей въ кожанномъ переплетѣ). При ссылкахъ на это изданіе, для краткости, мы будемъ обозначать его литерой П.

Изданіе Братства св. Креста проще, хотя тоже изящно. На обложкѣ красивая Поморскаго пошиба заставка въ трехъ краскахъ съ киноварнымъ заглавіемъ. Титула въ книгѣ почему то нѣтъ, а за заглавіемъ прямо начинается Исторія о Поморскихъ Отвѣтахъ въ той же заставкѣ, но отпечатанной одной лишь черной краской. На оборотѣ этого листа слово «Отъ издателей». Это краткое предисловіе. Въ немъ излагается, что настоящее изданіе тщательно провѣрено съ подлинникомъ Поморскихъ

Отвѣтовъ, тѣмъ самымъ, который былъ лично врученъ Выговцами-пустынножителями синодальному миссіонеру іеромонаху Неофиту и доставленъ въ Св. Синодъ. Въ этомъ изданіи сохранены всѣ особенности подлинника, оно слово въ слово, буква въ букву воспроизводитъ оригиналъ. По счастію, издатели догадались привести описаніе оригинала въ слѣдующихъ словахъ. «Подлинная рукопись Отвѣтовъ скрѣплена по всѣмъ листамъ слѣдующими двумя подписями: «Ко всепустыннымъ симъ нашимъ общесобраннымъ и написаннымъ извѣстительнымъ отвѣтамъ общежитель Даніилъ Викуловъ по совѣту Выгорѣцкаго общежительства братіи руку приложилъ». Другая подпись: «Ко всепустынному нашему общесобранному и написанному сему извѣстительному отвѣтословію Выгорѣцкій староста Ипатій Ефремовъ по совѣту Выгорѣцкихъ жителей руку приложилъ». Обѣ подписи начинаются съ перваго листа и повторяются до конца рукописи нѣсколько разъ. Подпись Даніила Викулова идетъ ближе къ корню книги, а Ипатія Ефремова-ближе къ полямъ книги. Кромѣ этихъ двухъ подписей оригиналъ скрѣпленъ и синодальнымъ секретаремъ. На первомъ листѣ значится предъ самымъ началомъ рукописи: «1743 года ноября 8-го дня нижеслѣдующія отвѣты по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода скрѣпилъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода секретарь Иванъ Муриновъ». Подпись «Иванъ Муриновъ» идетъ по всѣмъ листамъ въ корнѣ книги и повторяется нѣсколько разъ. Подписи другихъ выборныхъ отъ Поморскихъ скитовъ значатся въ концѣ рукописи. Тамъ онѣ приведены и въ настоящемъ изданіи».

За такимъ предисловіемъ слѣдуетъ Исторія о отвѣтахъ сихъ (стр. I—XVI), напечатанная четкимъ гражданскимъ шрифтомъ; послѣ исторіи съ новой славянской пагинаціей, въ черной, той же заставкѣ, начинается текстъ Отвѣтовъ, набранный славянскимъ шрифтомъ. Надъ обращеніемъ къ Неофиту (стр. 1), надъ началомъ Отвѣтовъ (стр. 15), и надсловіемъ (стр. 583) тоже черныя заставки. Текстъ занимаетъ 690 страницъ, за которымъ слѣдуютъ опечатки, въ весьма маломъ числѣ, и оглавленіе. Всего 603 страницы этой пагинаціи. На страницѣ 590 приведены тѣ же подписи, что и въ предыдущемъ изданіи, но безъ рукоприкладства Д. Викулина и Ипата Ефремова, такъ что ихъ всего только семь. Кромѣ того, нужно замѣтить, что на поляхъ нѣтъ изобра-

женій ручекъ, а эти изображенія всегда цѣнились въ рукописныхъ Отвѣтахъ.

Третье изданіе исполнено по рукописи Императорской Публичной Библіотеки № 1248, изъ собранія Погодина, съ записью, что написана она въ 1728 году (на л. 470 об.). Въ немъ воспроизведены Отвѣты и таже «Краткая исторія о отвѣтахъ сихъ», что и въ предыдущихъ изданіяхъ, заимствованная изъ той же рукописи. Изданіе тоже изящно, титульный листъ украшенъ черной большой заставкой, посреди которой киноварью напечатано заглавіе. Надъ оглавленіемъ (стр. 1), предисловіемъ (стр. 1 новой пагинаціи), увѣщеніемъ (стр. 16) началомъ Отвѣтовъ (стр. 19), надсловіемъ (стр. 627) и Краткой исторіей (стр. 687) напечатаны черныя заставки. Нѣкоторыя начальныя буквы черныя въ Поморскомъ вкусѣ, другія киноварныя, нѣкоторые заголовки тоже киноварные, равно какъ заголовокъ отвѣтовъ по страницамъ. Къ изданію приложено пять автотипій, напечатанныхъ на мѣловой бумагѣ: это портретъ А. Денисова, сидящаго за писаніемъ Отвѣтовъ, картина-поклоненіе Выговцевъ Печерской иконѣ Богоматери, а подъ этимъ изображеніе обителей; древо настоятелей, и два изображенія, одно — написаніе отвѣтовъ, а другое — подача ихъ Неофиту. Издатель не указываетъ ихъ происхожденіе. Въ рукописи ихъ нѣтъ. Мы должны признаться, что картины взяты изъ нашего собранія. На стр. 715 приведены «замѣченныя» опечатки, а на слѣдующей-указаніе съ какой рукописи напечатано изданіе. На поляхъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отпечатаны ручьки и печати.

Такъ какъ первыя два изданія воспроизводятъ одинъ и тотъ же оригиналъ, то мы сначала разсмотримъ ихъ вмѣстѣ, а послѣднее, стоящее особнякомъ, впослѣдствіи, отдѣльно.

Первый вопросъ, съ котораго приходится начать обслѣдованіе изданій — это вопросъ о степени достовѣрности извѣстія, что въ рукахъ издателей былъ дѣйствительно подлинникъ отвѣтовъ, поданный Выговцами іеромонаху Неофиту.

Мы знаемъ изъ описанія Архива Св. Синода и рукописей въ немъ находящихся, что тамъ нѣтъ не только подлиннаго экземпляра Отвѣтовъ, но и вообще никакого, такъ что, очевидно, онъ когда то былъ утраченъ. Поморцы сохранили намъ извѣстіе, что Выговцы подали два экземпляра

отвѣтовъ: одинъ, Неофиту, подписанный 21-го іюня 1723 г., а другой, черезъ ландрата Олсуфьеву для передачи Государю [1]).

О первомъ экземплярѣ извѣстно, что онъ былъ подписанъ Д. Викулинымъ, старостой Ипатомъ Ефремовымъ и другими выборными, всего девятью лицами [2]); но ихъ имена въ Описаніи не упомянуты.

По счастью, мы имѣемъ болѣе подробное описаніе подлиннаго экземпляра, составленное по слѣдующему поводу.

Какъ извѣстно, опроверженіе Отвѣтовъ было поручено Θеофилакту Лопатинскому [3]), который представилъ Синоду свой трудъ въ 1734 году; Питиримъ, епископъ Нижегородскій взялъ этотъ трудъ для просмотра, а въ 1742 году его послали на новое разсмотрѣніе и дополненіе Арсенію Маціевичу, тогда митрополиту Тобольскому (впослѣдствіи Ростовскому) Замедленіе въ доставленіи отзыва вызвало запросъ Св. Синода, на который преосвященный Арсеній 7-го октября 1743 года, за № 80, писалъ: «Надѣюсь неподолжительно въ томъ исправиться; однакожъ къ тому исправленію весьма мнѣ потребны тыя подлинныя Отвѣты содержателей Олонецкихъ Выгорецкихъ раскольническихъ скитовъ, данныя упоминаемому, въ тѣ скиты посыланному іеромонаху Неофиту, которыхъ о присылке требую вашего святѣйшества опредѣленія [4])».

Доношеніе было подано 27 октября, «слушано», а въ протоколѣ засѣданія отъ 4-го ноября значится [5]):

(л. 435). Въ протоколѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода ноября 4-го дня 1743 года написано. По указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сvнодъ, по доношенію синодальнаго члена пре-

1) Краткая исторія о отвѣтахъ, П. л. 404 об.

2) Описаніе Архива Св. Синода т. I, стр. 479. Описатель заимствовалъ свѣдѣніе изъ донесенія Неофита въ Св. Синодъ отъ 21 іюля 1723 г.: «а въ нынѣшнемъ 723-мъ году июлія въ 1 день на наши вопросныя пункты подали і они, раскольники, къ намъ Андрея Денисова келейникъ его Мануйло Петровъ с товарыщи за руками Данила Викулова да старосты Ипата Ефремова и прочихъ, *а по числу девети* человѣкъ вопросоотвѣты такожъ числомъ сто шесть». Дѣло Архива, № 403, л. 140.

3) Описаніе Архива, т. I, стр. 482. Объ этомъ говорится кратко и въ изданіи 1745 г. «Обличенія неправды раскольническія», въ «краткомъ изъясненіи» на л. 2 (не нумированномъ).

4) Дѣло, Архива Св. Синода № 403, л. 434.

5) Тамъ же, л. 435 об.

освященного Арсенія, митрополита Ростовского, коимъ его преосвященство репортуетъ на посланной Ея Імператорскаго Величества ізъ Святѣйшаго Сѵнода къ его преосвященству указъ, что де присланного къ его преосвященству учиненного покойнымъ Ѳеофилактомъ архіепископомъ Тферскимъ на отвѣты раскольническія возраженія разсмотреніе продолжилось не инаго ради чего токмо за недопущающими къ скорому тогда исполненію долго обдержащими тягчайшими болѣзньми и ежели де впредь помѣшательствъ къ тому недопущающихъ не будетъ, то де надѣется непродолжительно въ томъ исправтися. Однакожде къ тому исправленію весьма его преосвященству потребны тыя подлинныя отвѣты содержателей Олонецкихъ и Выгорецкихъ раскольническихъ скитовъ, данныя въ тѣ скиты посланному иеромонаху Неоѳиту которыхъ о присылке его преосвященство требуетъ опредѣленія (л. 435 об.), приказали: Означенныя подлинныя раскольническия отвѣты скрепя по листамъ и учиня опись, отослать Святѣйшаго Сѵнода въ кантору чрезъ почту, а із той канторы отправить къ его преосвященству чрезъ вѣрную оказію немедлѣнно и отдать его преосвященству самому съ роспискою, которую росписку той канторѣ прислать въ Святѣйшій Сѵнодъ неукоснительно, и о томъ въ тое кантору сообщить вѣдѣніе, а ко оному сѵнодальному члену преосвященному Арсенію, митрополиту Ростовскому послать указъ.

Подлинной протоколъ подписанъ тако: Амвросій архиепископъ Новгородскій. Сѵмонъ, епископъ Суждолскій. Кириллъ архимандритъ Троицкій. Платонъ, архимандритъ Рождественскій. Сѵмонъ архимандритъ Ѵпадскій. Петръ протопопъ Благовѣщенскій. Оберъ-секретарь Яковъ Леванидовъ. Секретарь Иванъ Муриновъ. Съ подлиннымъ читалъ канцеляристъ Амосъ Філиповъ [1]).

Вслѣдствіе такого постановленія была составлена слѣдующая опись самой книги Отвѣтовъ.

(л. 437). И по вышеозначенному Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода опредѣленію, подлинные отвѣты содержателей Олонецкихъ и Выгорецкихъ раскольническихъ скитовъ, данныя въ тѣ скиты посыланному иеромонаху Неоѳиту осматриваны и описаны, а по осмотру явились писанные въ десть, полууставомъ, по означеннымъ на нихъ нумеромъ на триста тритцать одномъ листѣ и полустранице, въ томъ числѣ подъ двести шездесятъ шестымъ нумеромъ значится два листа, не писанныхъ же между осмымъ и девятымъ нумерами два листа; при окончаніи не писанныхъ же полторы страницы з двумя листы. Оные отвѣты по листамъ подписаны Данилою Викуловымъ і Ипатомъ Еѳремовымъ, а во окончаніи подписаны тако: К симъ нашимъ общесовѣтнымъ отвѣтамъ Боровскаго скита выборной Петръ Ануѳриевъ по совѣту того жъ скита жителей руку приложилъ. К симъ нашимъ общесовѣтнымъ отвѣтамъ Верховского скита выборной Михаилъ Андрѣевъ по совѣту Верховского скита жителей руку приложилъ. К симъ нашимъ обще совѣтнымъ отвѣтамъ Шелто пороского скита выборной Ілья Еѳремовъ по совѣту Шелто пороского скита жителей руку приложилъ. К симъ нашимъ обще совѣтнымъ отвѣтамъ Тагозер-

1) Дѣло Арх. Св. Синода № 403, л. 435—435 об.

скаго скита выборной Иванъ Михайловъ по совѣту Тагозерскаго скита жителей руку приложилъ (л. 437 об.) К симъ нашимъ общесовѣтнымъ отвѣтамъ Волозерскаго скита выборной Павелъ Дементьевъ по совѣту Волозерскаго скита жителей руку приложилъ. К симъ нашимъ обще совѣтнымъ отвѣтамъ пустынножитель Сивостьянъ Савиновъ вмѣсто Гавшезерскаго скита выборного Матвѣя Яковлева по его велѣнію по совѣту того скита жителей руку приложилъ. К симъ нашимъ обще совѣтнымъ отвѣтамъ пустынножитель Титъ Евсевьевъ вмѣсто Выговскаго скита выборного Антонія Лукина по ево велѣнію по совѣту того скита жителей руку приложилъ. Тѣ жъ отвѣты въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ по листамъ скрѣплены тако: 1743 года, октября [1]) 8 дня нижеслѣдующія отвѣты по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода скрепилъ Святѣйшаго жъ Правительствующаго Сѵнода Секретарь Иванъ Муриновъ. Оныя жъ отвѣты обернуты кожею, на которыхъ надпись такова «52: отвѣты раскольническія».

Вышеписанную опись чинилъ канцеляристъ Міхайло Поповъ [2]).

Затѣмъ было послано въ Московскую Св. Синоду контору слѣдующее «вѣдѣніе» отъ 8 ноября 1743 г. за № 2261 [3]).

(л. 439). Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода въ Московскую Святѣйшаго Сѵнода Кантору. Вѣдѣніе. По Ея Імператорскаго Величества указу и по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода велѣно подлинныя отвѣты содержателей Олонецкихъ и Выгорецкихъ раскольническихъ скитовъ данныя въ тѣ скиты посыланному иеромонаху Неофиту, скрепя по листамъ и учиня опись, отослать Святѣйшаго Сѵнода въ кантору чрезъ почту (которыя и посланы при семъ) а изъ той канторы отправить къ сѵнодальному члену преосвященному Арсенію, митрополиту Ростовскому чрезъ вѣрную оказію немедленно и отдать его преосвященству самому съ роспискою, которую росписку той канторѣ прислать въ Святѣйшій Сѵнодъ неукоснительно и Московской Святѣйшаго Сѵнода канторѣ учинить о томъ по Ея Імператорскаго Величества указу, а о томъ же Ея Імператорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода и къ его преосвященству указъ посланъ.

Одновременно былъ посланъ указъ за № 2262 преосвященному Арсенію о препровожденіи ему подлинныхъ Отвѣтовъ [4]).

(л. 439 об.) Указъ Ея Імператорскаго Величества самодержицы Всероссійскія ізъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода сѵнодальному члену преосвященному Арсенію, митрополиту Ростовскому и Ярославскому. По Ея Імператорскаго Величества указу и по опредѣленію Святѣйшаго Правительствую-

1) Очевидная ошибка вмѣсто ноября, такъ какъ указъ о скрѣпѣ послѣдовалъ лишь 4 ноября (см. выше, л. 435 на стр. 57).

2) Тоже дѣло, л. 437 и 437 об.

3) Тамъ же, л. 439 до 439 об.

4) Тамъ же, л. 439 об.—440 об.

шаго Сvнода, а по требованію вашего преосвященства, велѣно подлинныя отвѣты содержателей Олонецкихъ и Выгорецкихъ раскольническихъ скитовъ, данныя въ тѣ скиты посланному иеромонаху Неоѳиту, скрепя по листамъ и учиня опись, отослать Святѣйшаго Сvнода въ Кантору чрезъ почту (и посланы) а із тоі Канторы отправить къ вашему преосвященству чрезъ вѣрную оказію немедленно и отдать вашему преосвященству самому съ роспискою, которую росписку той Канторѣ прислать въ Святѣйшій Сvнодъ неукоснительно, и сvнодальному члену преосвященному Арсенію, митрополиту Ростовскому и Ярославскому о томъ вѣдать и учинить по Ея Імператорьскаго Величества указу.

(л. 440). Подлинные вѣдѣние и указъ за закрѣпами оберъ-секретаря господина Левандова, секретаря Ивана Муринова, за справою канцеляриста Михаила Попова.

Ноября 8 дня, 1743 года і послано чрезъ почту того-жъ числа во вторникъ въ пакетѣ за сvнодалною печатью, а на почту относилъ дворянинъ Іванъ Тыртовъ.

Вышеописанное вѣдѣние и указъ съ ответами на почту въ ямскую канцелярию дворянинъ Іванъ Тыртовъ подалъ въ чемъ и подписуюсь.

Московская Св. Синода Контора за № 1835 донесла о посылкѣ Отвѣтовъ слѣдующимъ «Вѣдѣніемъ» [1]).

(л. 441). Подано 24 дня ноября 1743 года. Записавъ сообщить къ дѣлу.

Святѣйшему Правительствующему Сvноду Московской Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода Канторы вѣдѣние.

По Ея Імператорскаго Величества указу и по опредѣлению Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода Канторы, присланные із Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода Святѣйшаго Сvнода въ Кантору при вѣдѣніи подлинные Олонецкихъ і Выгорецкихъ раскольническихъ скитовъ содержателей отвѣты въ пакете за сінодалною печатью къ сvнодалному члену преосвященному Арсенію, митрополиту Ростовскому і Ярославскому Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода из Канторы (со отправленнымъ въ Костромской уѣздъ для взятья некоторого колодника) копістомъ Петромъ Ільинымъ сего ноября 16-го дня посланъ, о чемъ Святѣйшему Правительствующему Сvноду во извѣстие симъ сообщается. Ноября 17-го дня, 1743-го года. Варлаамъ, архімандритъ Кирилловскій. Секретарь Петръ Боголюбовъ. Канцеляріст Ѳилипъ Донской.

Самъ же преосвященный Арсеній увѣдомилъ Св. Синодъ о полученіи Отвѣтовъ слѣдующимъ доношеніемъ [2]):

(л. 446) № 1779. Подано 1743-го декабря 12-го дня. Записавъ, сообщить къ дѣлу и написать въ реэстръ.

Святѣйшему Правительствующему Сvноду доношеніе. Указъ Ея Імператорскаго Величества самодержицы Всероссійския въ Святѣйшаго Правитель-

---

1) Тоже Дѣло, л. 441.

2) Тамъ же, л. 446—л. 446 об.

ствующаго Сѵнода къ моему смиренію сего ноября 8 дня 1743 году пущенный, і при немъ по требованію моему подлинныя отвѣты содержателей Олонецкихъ і Выгорецкихъ раскольническихъ скитовъ данныя въ тѣ скиты посыланному іеромонаху Неофиту сего-жъ ноября 24 дня чрезъ нарочно посланного Святѣйшаго Сѵнода изъ Канторы кописта я получилъ, о чемъ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду симъ доношеніемъ моимъ и репортую съ таковымъ мнѣніемъ моимъ, что учиненное покойнымъ Ѳеофилактомъ, архіепископомъ Тверскимъ, на тѣ раскольническія отвѣты возраженіе надлежитъ по исправленіи выпечатать незамедля, дабы злохульники и суевѣрцы раскольники на церковь святую блевотинъ своихъ не испущали, чего ради тое подлинное возраженіе, елико за краткость времене возможно, і ежель часто обдержащая меня болѣзнь не воспрепятствуетъ, разсмотря, Святѣйшему Правительствующему Сѵноду при доношеніи своемъ представлю вскорости, а потомъ, въ дополненіе тоя книги і я, по крайней возможности моей, въ отвѣтахъ противъ раскольщиковъ трудится буду (446 об.) сочиненіемъ вновь книги-жъ, о чесомъ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду и доношеніемъ моимъ октября отъ 16 дня пущеннымъ, предложено.

Святѣйшаго правительствующаго Сѵнода послушникъ смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій своеручно. Ноября, 26-го дня, 1743-го года.

На полѣ л. 446 помѣта: Слушано декабря 12-го дня 1743-го года. Въ реэстръ оберъ-прокурорской записано.

Получивъ «доношеніе», Св. Синодъ счелъ нужнымъ подтвердить, чтобы онъ ускорилъ присылку своего труда [1]).

(л. 447) № 70. Въ протоколѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода декабря 20-го дня, 1743 года написано.

По указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, по доношенію сѵнодальнаго члена преосвященнаго Арсенія, митрополита Ростовскаго, коимъ его преосвященство репортуетъ на посланной Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Сѵнода указъ о полученіи его преосвященствомъ подлинныхъ отвѣтовъ раскольническихъ со внесеніемъ въ томъ доношеніи его преосвященства мнѣния, что де учиненное покойнымъ Ѳеоѳилактомъ, архіепископомъ Тферскимъ на оные раскольническіе отвѣты возраженіе надлѣжитъ по іспраленіи выпечатать не замедля, дабы злохульники и суеверцы раскольщики на церковь святую блевотинъ своихъ не изпущали, чего ради то подлинное возраженіе, елико за краткость времени возможно, и ежель де часто обдержащая его преосвященства болѣзнь не возпрепятствуетъ, разсмотря, представить въ скорости, а въ дополненіе тоя книги и его преосвященство въ отвѣтахъ противъ раскольщиковъ трудиться будетъ сочиненіемъ вновь книги-жъ, приказали: его преосвященству подтвердить еще указомъ, дабы во первыхъ, (л. 447 об.) безъ всякаго продолженія въ какой возможно скорости вышепоказанное возраженіе свидѣтельствомъ окончивалъ, которое по окончаніи

1) Тоже дѣло, л. 447—447 об.

со мнѣніемъ своимъ прислать Святѣйшему Правительствующему Сvноду немедленно.

Подлинной протоколъ подписанъ тако: Сvмонъ, епископъ Суждольскій. Кириллъ, архимандритъ Троицкій. Платонъ, архимандритъ Рождественскій. Сvмонъ, архимандритъ Vпацкій. Петръ, протопопъ Благовѣщенскій. Оберъ-секретарь Яковъ Леванидовъ, Секретарь Іванъ Муриновъ. Съ подлиннымъ читалъ канцеляристъ Амосъ Філиповъ.

О возвращеніи подлинныхъ отвѣтовъ обратно въ св. Синодъ свѣдѣній нѣтъ.

Обращаясь къ описанію рукописи, помѣщенному въ предисловіи къ изданію Р и сличая со снимкомъ подписей въ изданіи П (лл. 384 об. и 385), мы находимъ полное соотвѣтствіе ихъ съ приведеннымъ выше современнымъ описаніемъ рукописи, составленномъ въ 1743 году. Кромѣ того, объясняется и запись на книгѣ отъ 8-го ноября 1743 г. и скрѣпа по листамъ секретаря Ивана Муринова. Къ этому мы можемъ еще прибавить отъ себя, что и подпись Д. Викулина вполнѣ соотвѣтствуетъ встрѣченной нами на письмѣ, имъ подписанномъ, а подпись Петра Ануфріева, находящаяся на одномъ документѣ въ дѣлѣ Св. Синода № 403 на л. 300, тоже вполнѣ сходна съ изданной въ П; только въ дѣлѣ онъ подписался такъ: «Петръ Ануфриевъ руку приложилъ». На основаніи всего вышеизложеннаго мы вполнѣ склонны принять, по сколько это можетъ быть сдѣлано заочно, т. е. не имѣя передъ глазами оригинала, по которому исполнено изданіе, что въ рукахъ издателей была *дѣйствительно подлинная рукопись Отвѣтовъ*, которая въ свое время была подана Выговцами іеромонаху Неофиту[1]).

Столь цѣнный оригиналъ, воспроизведеніе котораго выпало на счастливую долю издателей П и Р, естественно налагалъ на нихъ нравственную обязанность воспроизвести его возможно точно, что не столь трудно достижимо при помощи славянскаго шрифта.

Обратимся же теперь къ разсмотрѣнію перваго и второго изданій, т. е. П и Р.

---

1) Мы можемъ еще сообщить, что слышали, будто въ распоряженіи издателей былъ и второй экземпляръ Отвѣтовъ, переданный Олсуфьеву; говорятъ также, будто черновой экземпляръ Отвѣтовъ хранится въ библіотекѣ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ.

Здѣсь надо еще сдѣлать оговорку. Несомнѣнно, подлинникъ, по которому печаталось изданіе, заключаетъ въ себѣ лишь текстъ Вопросовъ и Отвѣтовъ съ обращеніемъ къ Неофиту и наделовіемъ: указовъ, исторіи отвѣтовъ и инструкціи, данной Неофиту въ ней быть не могло. Далѣе, что касается орнаментировки и заставокъ въ П и Р, киноварныхъ заглавій, то, судя по ихъ характеру, онѣ несомнѣнно взяты изъ очень поздней нарядной рукописи Отвѣтовъ и воспроизведены грубовато; тоже должно сказать и о снимкахъ съ подписей въ П: современная намъ техника даетъ возможность воспроизвести все это значительно ближе къ подлиннику и при томъ гораздо изящнѣй. Наконецъ и самый снимокъ съ подписей въ П сдѣланъ неумѣло. Какъ извѣстно изъ приведеннаго выше описанія рукописи, подписей должно быть не восемь, а девять; къ тому же, двѣ строки за подписью Д. Викулина составляютъ окончаніе скрѣпы Ипата Ефремова, съ которой и составится девять подписей. Этого издатели не сообразили. Портретъ А. Денисова, воспроизведенный на заставкѣ въ П, совершенно не передаетъ черты лица знаменитаго учителя. Вѣдь если бы они потрудились спросить кого либо, или просто поискали бы въ моленныхъ своихъ одновѣрцевъ, они нашли бы, безъ сомнѣнія, портреты, писанные акварелью, воспроизводящіе подъ именемъ А. Денисова совершенно опредѣленное лицо. Кромѣ того, вѣдь существуетъ и гравированный на мѣди портретъ А. Денисова, указанный у Ровинскаго [1]). Изъ простого уваженія къ издаваемому труду и его автору, неужели нельзя было поискать портрета, а не ограничиваться какимъ то безобразнымъ, лубочнымъ снимкомъ.

Въ упрекъ издателямъ надо также поставить и то, что они не сочли нужнымъ привести подробное описаніе воспроизводимой рукописи и снимка съ почеркомъ, коимъ она писана. Вѣдь датированныхъ Поморскихъ рукописей очень малое число и настоящее изданіе дало бы цѣнный матеріалъ для палеографіи ихъ.

Изъ какой рукописи взяты указы, исторія и инструкція, данная

1) Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. I, столб. 657. Мы имѣемъ икону въ 6 вершковъ съ изображеніемъ А. Денисова; на ней надпись: Андрей пустынникъ; есть еще двѣ иконы съ болѣе мелкимъ изображеніемъ, также и акварельныя изображенія; всѣ онѣ весьма близки между собой и сходны съ гравированнымъ портретомъ.

Неофиту не извѣстно; все это часто встрѣчается въ рукописяхъ Отвѣтовъ и особаго значенія не представляетъ.

Надо еще замѣтить, что изданіе Р менѣе полно: въ немъ нѣтъ на поляхъ ручекъ благословящихъ, нѣтъ указовъ и инструкціи. Отсутствіе ручекъ составляетъ важный ущербъ, такъ какъ и прежде всегда цѣнились только рукописи, имѣвшія на поляхъ ручьки: очевидно и это было неизвѣстно издателямъ.

Обратимся къ сличенію текста и начнемъ съ перваго листа.

П.	Р.
л. 1. Предисловіе	с. 1. *нѣтъ.*
Гд҇ину	господину
оучителю	учителю
Неѡфиту	Неофіту
смиреномоудрагѡ	смиренномудраго
правагѡ	праваго
милосердагѡ	милосердаго
всеусерднѡ	всеусердно
покорнѡ	покорно
ст҇ѣйшіи	святѣйшій
ѡбьяви	ѡбъяви
с҆нами	съ нами
происшедшемъ	произшедшем'
без҆опасное	безѡпасное
насилна	насильна
произволнѣй	произвольнѣй
всебл҇датное	всеблагодатное
премⷣрое	премудрое
цр҇ское	царское
чл҇колюбіе	человѣколюбіе
восхвалиют	восхваляютъ
возблажаю҇	возблажаютъ

Здѣсь приведены буквенныя разночтенія. Можно подумать, что одно изданіе сохраняетъ титлы (П), а другое (Р) ихъ раскрываетъ, не ого-

варивая только этого; или: одно (П) употребляетъ оу вмѣсто у, ѡ на ряду съ о, а другое (Р) упрощаетъ правописаніе только тоже безъ оговорки. Но такое предположеніе не оправдывается; на той же сличенной страницѣ обоихъ изданій, на ряду съ приведенными разночтеніями, встрѣчаемъ: оубо, оуказъ, ѡбъяви; въ Р. безѡпасное, а въ П безопасное; Р чрез'—въ П чрезъ; въ обоихъ срцемъ. Опечатками тоже нельзя оправдать приведенныя разночтенія.

Особенно странно видѣть разночтенія въ отвѣтѣ девятомъ, въ «третьемъ омышленіи», гдѣ авторъ строитъ свои доводы о подложности дѣянія собора на Мартина еретика на основаніи сличенія текстовъ харатейнаго оригинала и напечатаннаго съ этого оригинала въ Пращицѣ текста. Въ этихъ страницахъ передача подлинника требуетъ безукоризненной точности, иначе получится новый, вымышленный текстъ и смыслъ доказательства утратится, т. е. иначе говоря, издатели введутъ читателя въ то самое заблужденіе, въ которое введенъ былъ авторъ Отвѣтовъ и которое онъ разъяснилъ и раскрылъ въ этомъ девятомъ отвѣтѣ. Печатать такой текстъ сличеній безъ совершенной точности равносильно совершенному непониманію смысла того, что печатается.

Обратимся опять къ сличенію изданій въ передачѣ сличенія текста соборнаго дѣянія.

	П.		Р.
л. 53 об.	В'лѣто	с. 78.	въ лѣто
	Хртова		Хва
	в'лѣто		въ лѣто
	ѡктября в' ꙁ днь		октября въ ꙁ день
	из' Цря града		изъ Царя града
	в Русію		въ Руссію
	сей		сѐ
	в' лѣто		въ лѣто
	ѡктября в' І днь		октября въ г҃ день
	в' семъ	с. 79.	всем'
л. 54.	Латини		Латіни
	литургіи		литоргіи

	и все цѣло		и всецѣлю
	чиновное		чинѡвное
	вкая		въ кая
	прикоемъ		при коемъ
	разсоуднѣ		разсуднѣ
л. 54 об.	гл҃ати	с. 80.	глаголати
	аллилоуіа аллилоуіа		аллилуіа аллилуіа
	в'его		въ его
	показоуется		показуется
	явно		явнѡ
	соуща		суща
	тако		такѡ
л. 55.	вѣровахъ		вѣроваⷯ
	арменскаго		арменскагѡ
	держахъ		держаⷯ
	В'Рѡссіи	с. 81.	Врѡссіи
	В'хожденіи		Вхожденіи
	Мартіне		Мартине
	с'начала		сначала
	Ѡллилоуіа, оллилоія		ѡллилуіа, оллилоіа
л. 55 об.	Ѡаллилоіа, оаллилоіа		ѡ аллилоіа, ѡ аллилоіа
	ѡаллилоіа		ѡ аллилоіа
	блюзнериш'		блюзнериⷲ҃
	Мартина	с. 82.	Мартіна
	Тако		Такѡ
	в' римъ		въ римъ
	в'новъ		вновъ
	смыш'ляхъ		смышляхъ
	с'плотію		сплотію
	с'н҃бси		съ н҃бси

Такія же разночтенія мы встрѣчаемъ и при сравненіи выписокъ, приведенныхъ изъ харатейнаго списка и печатнаго текста дѣянія. Мы не будемъ ихъ выписывать, а отмѣтимъ лишь нѣкоторыя. Заглавіе въ П на

л. л. 54 и 54 об. обозначено: «Въ харатейно^м^ и печатно^м^», а на л. 55 «Въ харатей^м^ и печат^м^»; въ Р всѣ заглавія выписаны полностью, т. е. «Въ харатейномъ и печатномъ». На л. 54 въ П на правомъ полѣ выноска «Митрополитъ рече» поставлена посреди листа и отнесена замѣткой къ тексту: «то довлѣетъ ти сказати»; также ниже противъ «Аще же древле» поставлено: л. з҃. Въ Р замѣтки л. з҃ нѣтъ вовсе, а на ея мѣстѣ поставлена выноска: «Митрополитъ рече».

Если обратиться къ спискамъ Отвѣтовъ, то принадлежащіе намъ два современные подлиннику списка №№ 159 и 590 оправдываютъ написаніе П.

Приведемъ еще нѣсколько разночтеній.

П		Р	
л. 20 об.	Первое свидѣтельство[1]).	с. 27.	Свидѣтельства. Первое[1]).
	Въ лѣта		Въ лѣто
	взя ис' корсоуня кр҃тъ		взя из' Корсуня крестъ
л. 21 об.	съ этого листа обозначеніе доказательствъ ведутся цифрами на поляхъ.		продолжаетъ вести обозначенія прописью въ строку.
	На поляхъ ручьки		ручекъ нѣтъ
л. 62 об.	Въ томъ же новопечатномъ дѣяніи		Въ томъ же новопечатнѣмъ дѣяніи
	Θеѡгностовъ		Θеогностѡвъ
	Θеѡгностовъ		Θеогностовъ
	Кипріанъ		Кѵпріанъ
л. 65	Склаяяющыяся	с. 95.	склаяящыяся
л. 65 об.	настоящымъ		настоящимъ
	символѣ		сѵмволѣ

Итакъ, всюду встрѣчаемъ разночтенія.

---

1) Это заглавіе.

Любопытно также прослѣдить ихъ въ сличеніи старопечатныхъ и новопечатныхъ книгъ въ отвѣтѣ 31. Здѣсь также важно точное воспроизведеніе текста.

	П.		Р.
л. 142.	Въ завѣтѣ новопечатномъ	с. 213.	Въ завѣтѣ новопечатаннѣмъ
л. 142 об.	Въ требницѣ: что сотворивъ жизнь вѣчную наслѣждоу		Въ требницѣ: что сотворивъ жизнь вѣчную наслѣжду
	А в' завѣтѣ: что сотворю в' животъ вѣчныи наслѣдую	с. 214.	А въ завѣтѣ: что сотворивъ, животъ вѣчный наслѣдую

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рукописи даютъ чтеніе Р.

Вотъ еще нѣсколько сличеній:

л. 142 об.	злѣ имоущія	с. 214.	злѣ имущыя
л. 143	немощьствующихъ	с. 215.	немощствующихъ
л. 143 об.	ивслѣдъ		и въ слѣдъ
л. 144	своимъ языкомъ	с. 216.	своимъ языкωмъ
	единъ кождо	с. 217.	единъ коиждо
л. 144 об.	ѿ окрестныхъ градовъ		отъ окрстныхъ градωвъ
	ходящія		ходящыя
	соущія		сущыя
	бл҃гоговѣинъ	с. 218.	бл҃гоговѣинѣ
л. 145	оубω боудетъ		оубω будетъ
	Савлъ		Саѵлъ
л. 145 об.	Павлови	с. 219.	Паѵлови

Но особенно поучительно сравнить во всѣхъ трехъ изданіяхъ рукоприкладства лицъ, подписавшихъ Отвѣты; онѣ приведены въ П на л. л. 384 об. и 385; въ Р на стр. 590, а въ У на стр. 685 и 686. Замѣтимъ еще странность: издатели Р, приведя въ предисловіи скрѣпу

по листамъ рукописи Отвѣтовъ, не нашли нужнымъ привести именъ Д. Викулина и Ипата Ефремова въ числѣ другихъ подписавшихъ.

Приводимъ полный текстъ подписей по тремъ изданіямъ для удобства сравненія.

П.	Р.	У.
Данило Викуловъ по совѣту Выгорѣцкагѡ общежительства братіи руку приложилъ 1723 іюня 21	нѣтъ ѧѱкг Іюнѧ ка	Даніилъ Викуловъ по совѣту Выгорѣцкагѡ общежительства братіи Выгопустынныхъ жителей руку приложилъ ѧѱкг Іюнѧ ка
К*) симъ нашимъ ѡбщесовѣтнымъ[1] ѿвѣтамъ[2] Боровьскаго[3] скита выборной Петръ Ануѳріевъ[4] по совѣту тогожъ[5] скита жителей руку приложилъ.		*) Къ симъ
	[1]общесовѣтнымъ	[1] общесовѣтнымъ
	[2]отвѣтамъ	[2] ѿвѣтамъ
	[3]Боровеского	[3] Боровскагѡ
	[4]Ануфріевъ	[4] Ануфріевъ
	[5]тогоже	[5] тогѡжъ
К**) симъ нашимъ ѡбщесовѣтнымъ[6] ѿвѣтамъ[7] Верховского[8] скита выборной Михаилъ Андреевъ по совѣту Верховского[9] скита жителей руку приложилъ.		**) Къ симъ
	[6]общесовѣтнымъ	[6] общесовѣтнымъ
	[7]отвѣтамъ	[8] Верховскогѡ
	[8]Верховскаго	
	[9]Верховскаго	[9] Верховскогѡ
К***) симъ нашимъ общесовѣтнымъ ѿвѣтамъ[11] Шелгопорожскаго[12] скита выборной Илья Ефремовъ[13] по совѣту Шелгопо-		***) Къ симъ
	[10]общесовѣтнымъ	[10] общесовѣтнымъ
	[11]отвѣтамъ	[11] ѿвѣтамъ
	[12]Велгопороскаго	[12] Велгопороскагѡ
	[13]Ефремовъ	[13] Ефремовъ

роскаго[14] скита жи-	[14]Велтопороскаго	[14] Велтопороскагѡ
телей руку приложил[15].	[15]приложилъ	[15] приложилъ
К****) симъ на-		****) Къ симъ
шимъ общесовѣтнымъ		
ѿвѣтамъ[16] Тагозерска-	[16]отвѣтамъ	[16] ѿвѣтамъ
го*****) скита выбор-		*****) Тагозерскагѡ
ной Иванъ Михайлов[17]	[17]Михайловъ	[17] Михайловъ
по совѣту Тагозер-		
скаго†) скита жите-		†) Тагозерскагѡ
лей[18] руку приложилъ.	[18]жителей	[18] жителей
К††) симъ нашимъ		††) Къ симъ
общесовѣтнымъ[19] ѿ-	[19]общесовѣтнымъ	[19] общесовѣтнымъ
вѣтамъ[20] Волозерска-	[20]отвѣтамъ	
го[21] скита выборной[22]	[21]Волозерскаго [22]выбо-	[21] Волозерскаго
Павел[23] Дементиев[24] по	рной [23]Павелъ [24]Деман-	[22] выборной
совѣту Волозерскаго[25]	таевъ [25]Волозерскаго	[23] Павелъ
скита жителей†††) ру-		[24] Дементіевъ
ку приложилъ.		[25] Волозерскаго
К сим[26] нашимъ ѡб-	[26]симъ	†††) жителей
щесовѣтным[27] ѿвѣ-	[27]общесовѣтнымъ	[26] Къ симъ
тамъ[28] пустынножи-	[28]отвѣтамъ	[27] общесовѣтнымъ
тел[29] Савастьян[30] Сави-	[29]пустынножитель	[29] пустынножитель
новъ вмѣсто††††) Гав-	[30]Савостьянъ	[30] Савастьянъ
шезерскаго[31] скита вы-	[31]Чавшезетскаго	††††) вмѣстѡ
борного[32] Матѳея Яко-	[32]выборного	[31] Чавшезерскагѡ
влева по его†††††) велѣ-		[32] выборнагѡ
нию[33] по совѣту того*)	[33]вѣлѣнью	†††††) егѡ
скита жителей руку		[33] велѣнію
приложил[34].	[34]приложилъ	*) тогѡ
К**) симъ нашимъ		[34] приложилъ
ѡбщесовѣтнымъ[35] ѿ-	[35]общесовѣтнымъ	**) Къ симъ
вѣтамъ[36] пустынно[37]	[36]отвѣтамъ	[35] общесовѣтнымъ
житель Титъ Евсѣ-	[37]пустынной	[37] пустынножитель
вьевъ***) вмѣсто****)		***) Евсѣевъ

Выговскаго†) скита		****) вмѣстѡ
выбо^р^ного[38] Антония[39]	[38]выборнаго	†) Выговскагѡ
Лукина по его вѣлѣ-	[39]Антонія	[38] выборнагѡ
нию[40] по совѣту того[41]	[40]вѣлѣнію	[39] Антонія
скита жителей руку		[40] велѣнію
приложилъ.		[41] тогѡ

Приведенныхъ выписокъ вполнѣ достаточно, чтобъ убѣдиться въ несоотвѣтствіи одного изъ изданій, а быть можетъ и обоихъ, съ обѣщаніемъ издателей дать текстъ подлинника «слово въ слово, буква въ букву», да еще текстъ какого подлинника! Это уже не замѣна однихъ буквъ другими, а даже цѣлыхъ словъ, что конечно совершенно подрываетъ довѣріе къ обоимъ изданіямъ.

Кромѣ того, замѣчаемъ, что издатели Р. не съумѣли прочесть рукоприкладства и изобрѣли Боровескій (3), Велтопороскій (14), Чавшазерскій (31) скитъ, а также выборнаго Павла Демантаева (25)!

Но все же напрашивается вопросъ: которое же изъ двухъ изданій имѣетъ большое право стать на первомъ мѣстѣ. Правильный отвѣтъ можетъ быть данъ, конечно, только при сличеніи обоихъ изданій съ подлинникомъ; но все же, судя по близости П къ хорошимъ спискамъ Отвѣтовъ, можно, быть можетъ, отдать ему предпочтеніе передъ Р. Но и это гадательно, такъ какъ списки Отвѣтовъ тоже допускаютъ буквенныя разночтенія.

Теперь обратимся къ третьему изданію. Издатель его не былъ столь счастливъ, какъ первые два: оригиналъ Отвѣтовъ ему не былъ доступенъ. Онъ воспользовался рукописью Отвѣтовъ изъ Погодинскаго собранія Императорской Публичной Библіотеки № 1248: такъ значится на послѣдней страницѣ книги. Описанія рукописи нѣтъ, нѣтъ и объясненія, почему онъ выбралъ именно эту рукопись. Но выборъ нужно признать удачнымъ.

Приведемъ здѣсь описаніе рукописи, такъ какъ она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Рукопись въ 8, близка по времени къ оригиналу, какъ по бумагѣ[1])

1) У Н. П. Лихачева № 70, знакъ филиграни относится къ 1681 г.

такъ и по почерку. На л. 470 об. имѣется слѣдующая запись: «Преписася въ лѣто отъ сотворенія міра 7237: отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1729 индикта 7 мѣсяца сентеврія». Странно, что годъ въ перечисленіи не вѣренъ: слѣдуетъ 1728: это можетъ внушить подозрѣніе въ подлинности записи; впрочемъ, сама рукопись достаточно свидѣтельствуетъ за себя. Съ палеографической стороны она не заслуживаетъ такого упрека[1]). Переплетъ на ней типичный Поморскій съ выбитыми узорами, извѣстными по переплетамъ другихъ хорошихъ Поморскихъ рукописей. Вотъ содержанія ея.

Л. 1. Оглавленіе. Сверху черная заставка.

л. 8. Предисловіе. Такъ озаглавлено обращеніе къ Неофиту. Сверху заставка.

л. 16. Увѣщаніе.

л. 18. Начало Отвѣтовъ въ роскошной заставкѣ въ краскахъ съ золотомъ съ колонками по бокамъ текста.

л. 249. Съ этого листа начинается въ рукописи другой почеркъ.

л. 290. Отсюда до конца рукописи третій почеркъ.

л. 447. Окончаніе Отвѣтовъ: на оборотѣ заставка.

л. 448. Надсловіе Отвѣтовъ. По окончаніи Надсловія приписка: «Божіею помощію и заступленіемъ Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ Всепустынное Общетрудное Совѣтоотвѣтное Извѣщеніе Наше Егда Довершихомъ Итогда Е Рукоприкладываніемъ Достовѣрствовахомъ Нынѣ Аминь. Лѣто отъ мірозданія 7231-го мѣсяца Іюня 21-го».

л. 453 об. Послѣ окончанія надсловія на л. 453-мъ, на этой страницѣ почти во всю ея длину, заставка рѣдкаго рисунка[2]).

л. 454. Краткая исторія съ заставкой надъ текстомъ.

л. 470 об. Лѣтопись. Рукоприкладствъ нѣтъ.

Непонятно, почему лѣтопись и приписка на л. 453 въ изданіи пропущены. Между тѣмъ, послѣдняя приписка встрѣчается только въ весьма

---

1) Сошлемся здѣсь на авторитетный отзывъ уважаемаго И. А. Бычкова.

2) Такія заставки мы пока встрѣтили еще лишь въ ркп. Древлехранилища Погодина № 1659 (Риторика) и въ нашей № 535, заключающей нотную книгу священнаго пѣснохваленія духовнаго сладкогласія... праздниковъ господскихъ.

раннихъ спискахъ и впослѣдствіи утратилась 1)). Она любопытна еще и потому, что въ подчеркнутыхъ литерахъ скрыто имя автора Отвѣтовъ; если прочесть ихъ съ конца къ началу; получится: АНДРЕЙ ДЕНИСОВЪ.

Въ рукописи рукоприкладства нѣтъ: оно взято, очевидно, изъ П или Р и какъ видѣли выше, искажено.

Теперь обратимся къ сличенію печатнаго текста съ оригиналомъ. Начнемъ опять съ Предисловія.

	Въ рукописи:		въ У.
л. 1.	Сп͠сенія	с. 1.	Спасенія
	смиренномоудрагѡ		смиренномудраго
	правагѡ		праваго
	милосердагѡ		милосердаго
	раз͗сужденія		разсужденія
	всеоусерднѡ		всеусердно
	покорнѡ		покорно
	Імператор͗ское		Императорское
	с заводѡвъ		съ заводѡвъ
	ѡб͗яви		ѡбъяви
	бл͠годатное		благодатное
	Імператорское		Императорское
	премоудрое		премудрое
	цр͠кое		царское
	ч͠лколюбіе		человѣколюбіе
	оублажаютъ		оублажаютъ
	воз͗бл͠жаютъ	с. 2.	возблажаютъ
	оусерднѡ		оусерднѡ

И въ этомъ изданіи встрѣчаемъ тоже неумѣніе буквальной передачи текста рукописи. И здѣсь эти разночтенія нельзя объяснить какимъ

1) Напримѣръ, нашъ № 590, современный написанію Отвѣтовъ, имѣетъ запись, а № 159, по бумагѣ и по письму очень похожій на оригиналъ изданія (№ 1248), записи не имѣетъ.

либо пріемомъ издателя, онѣ являются простымъ послѣдствіемъ невѣжества и нерадивости его. Одновременно въ обоихъ текстахъ находимъ: оучителю, Неѡфиту, оубо, бл҃годарными, такъ что нѣтъ, очевидно въ типографскомъ отношеніи недостатка средствъ для точнаго, буквальнаго воспроизведенія текста рукописи. Нѣтъ и системы въ раскрытіи титлъ. Теперь перейдемъ къ сличенію отвѣта 9-го.

Въ рукописи:		въ У.
Константінъ	с. 87.	Константинъ
и избѣжа ис҃ Кіева		и избѣжа из'Кіева

Въ передачѣ текста «въ спискѣ»

еретіка	с. 90.	еретика
Мартіна		Мартина
в'лѣто	с. 91.	въ лѣто
день		дн҃ь
в'семъ		въ семъ
литургіи	с. 92.	литоргіи
всецѣло		всецѣлѡ
соблюдаю҃		соблюдаютъ
Вл҃ка		Влады́ка
в'се^м		въ семъ
в'кая		въ кая
разсоуднѣ		разсуднѣ
въ предъ		впредъ
глава^х	с. 93.	главахъ
показоуется		показуется
Мартіна		Мартина
еретіка		еретика
держа^х	ст. 94.	держахъ
держа^х		держахъ
В'Рѡссіи		Въ Россіи
Мартіне		Мартине
Гд҃и мои Вл҃ко		Господи мой Владыко
сначала	с. 95.	с'начала

пріяхо^м	пріяхомъ
аллилуїа	аллилоія
ѡллилоія	ѡаллилоія
блюзнеришь	блюзнеришъ
присланъ	прислан'
архімандрітъ	архимандритъ
Мартіна	Мартина
исповѣдуе^м	исповѣдуемъ

Чтобы не затруднять безконечными сравненіями мы ограничимся лишь на стр. 95 въ сличеніи харатейнаго списка съ печатнымъ.

Въ рукописи:	въ У.
ѡллилуія, ѡллилуія, ѡллилуія	ѡ аллилуія, ѡ аллилуія, ѡ аллилуія

Сравнимъ еще параллельныя мѣста въ 31-мъ Отвѣтѣ, въ сопоставленіи приводимыхъ авторомъ отвѣта разночтеній въ разныхъ новопечатныхъ изданіяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Въ рукописи:		въ У.
ѿ Іѡанна в' зач̑ ѕ҃	с. 248.	ѿ Іѡанна въ ѕ҃
Іи҃съ		Іи҃с
знаменіе^м		знаменіемъ
сгкомѡрію		сикоморію
приходя^т	с. 249.	приходятъ
глаголющыя		гл҃ющія
уч҃нки		оученики
чесо		чесѡ
вашъ		ваш'
немощьствоующихъ		немощствующихъ
болящ^их		болящихъ
аг҃глъ		анг҃лъ
коиждо	с. 250.	кождо
іюдеи		іудеи

Мы могли бы, при желаніи, умножить число выписокъ, но врядъ ли это представляется необходимымъ. Видимъ уже изъ приведенныхъ нами, что существуетъ различіе текстовъ не только въ буквахъ, но есть и пропуски и измѣненія словъ. То титлы раскрыты, то опять, неожиданно, буквы подведены подъ титлы безо всякой видимой надобности. Однимъ словомъ, изданіе далеко отстоитъ отъ оригинала.

Перейдемъ наконецъ къ приведенному выше воспроизведенію рукоприкладствъ. Оно очевидно заимствовано изъ II со внесеніемъ еще новыхъ ошибокъ, вслѣдствіе неумѣнія прочесть подписи. Опять видимъ не существующіе «Велтопоросскій» и «Чавшезерскій» скиты; но что особенно забавно, такъ это то, что издатель, взявъ подписи изъ П, не понялъ, что Д. Викулинъ не могъ писать одновременно разными почерками: слова: «Выгопустынныхъ жителей руку приложилъ» составляютъ, какъ видно изъ предисловія къ Р, окончаніе подписи И. Ефремова; они писаны другимъ почеркомъ. Издатели Р оказались хитрѣй: они прямо начали воспроизведеніе рукоприкладства съ подписи П. Ануфріева. Къ чему, также понадобилось писать годъ и число славянскимъ шрифтомъ, когда въ подлинникѣ, воспроизведенномъ въ П, это писано арабскими цифрами и шрифтомъ русскимъ.

Вотъ, слѣдовательно три изданія Отвѣтовъ, а ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ даже самому снисходительному требованію точнаго воспроизведенія рукописей и оригиналовъ. Это тѣмъ болѣе странно, что всѣ три исходятъ изъ рукъ людей, такъ строго чтущихъ букву. Жаль, что они забыли завѣты своихъ отцовъ, и не назидались текстомъ отвѣтовъ 9-го и 31, издаваемаго сочиненія. Заключающаяся въ нихъ работа была по времени первымъ палеографическимъ изслѣдованіемъ рукописныхъ текстовъ на Руси.

Нашъ разборъ оконченъ. Объяснимъ же, для чего мы заняли имъ время читателя. Задача наша вовсе не заниматься полемикой или порочить изданія. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе старообрядцевъ во первыхъ на то, какую макулатуру преподносятъ имъ ихъ же одновѣрцы-коммерческіе издатели ихъ священныхъ книгъ; во вторыхъ, указать на то, что издавать памятники съ рукописей дѣло вовсе не столь простое, какъ то на первый взглядъ кажется. впрочемъ должны сказать, и не имъ

одним. Намъ приходилось слышать отъ лицъ даже причастныхъ къ научнымъ развлеченіямъ, что издать вполнѣ удовлетворительно памятникъ литературы по рукописямъ можетъ любой не только начетникъ, но просто грамотный человѣкъ. Вотъ на лицо три примѣра такихъ изданій, и при томъ мы ни на минуту не сомнѣваемся, что всѣ три издателя были преисполнены самаго искренняго желанія и усердія сдѣлать ихъ образцовыми по точности выполненія; но, къ сожалѣнію, результаты у всѣхъ трехъ оказались неудовлетворительными. Наконецъ, въ четвертыхъ, мы желаемъ предупредить издателей, затрачивающихъ большія средства на такія изданія, о необходимости примѣнять научные пріемы при ихъ исполненіи, и рекомендуемъ обращаться для этого къ ученымъ, въ которыхъ, слава Богу, въ Москвѣ недостатка нѣтъ. Это избавитъ издателей отъ безплодной траты денегъ, дастъ читателямъ дѣйствительно хорошіе тексты, а литературу облегчитъ отъ такой макулатуры, какъ напримѣръ, изданія текста Матѳѣя Властаря по какой то рукописи XVIII вѣка, исполненнаго въ 1908 г. въ Бальхнѣ г. Овчинниковымъ.

В. Дружининъ.

Забытый эпизодъ изъ борьбы Католицизма противъ Реформаціи въ Западной Россіи.

Сатира въ виршахъ, приведенная ниже, написана неизвѣстнымъ авторомъ, но, какъ можно предполагать, она принадлежала перу іезуита. Во-первыхъ, въ Литвѣ ни одинъ духовный орденъ не велъ такой ожесточенной борьбы съ иновѣрцами, какъ іезуитскій, а во-вторыхъ, никто не обладалъ столь обширными лингвистическими познаніями, какъ отцы коллегіи Академіи Св. Яна. Брошюра, издана въ 1642 году, явилась вслѣдствіе того, что новоназначенный лютеранскій пасторъ въ Вильнѣ въ своей вступительной рѣчи привелъ нѣсколько греческихъ цитатъ.

Іезуиты, зная что въ опытной рукѣ ни одно орудіе такъ не дѣйствуетъ, какъ насмѣшка, издѣвались надъ этимъ, выведя на сцену бабъ, доставившихъ, при спутываніи словъ grek[a] и gryka, gryczka [гречиха], автору случай посмѣяться надъ несоблюденіемъ постовъ у лютеранъ, послѣдователей «Doctora» Мартина Лютера. За старыми бабами слѣдуетъ крестьянинъ Sienko Nalewayko, казакъ, дающій своимъ грубымъ мужицкимъ слогомъ на малороссійскомъ говорѣ краткое описаніе состоянія церковныхъ дѣлъ въ Кіевѣ, гдѣ трудно ладить съ Ляхами, но еще труднѣе съ «Leretycy», т. е. Уніатами. Наконецъ появляются на сценѣ Евреи, которые, въ лицѣ своего раввина Lachmann'а и его ученика, Leyba разсуждаютъ на своемъ жаргонѣ о желательности обращенія

пастора въ іудейскую вѣру, дабы избѣжать того, что всѣ Евреи станутъ учиться по-гречески и забудутъ свой Талмудъ.

По этому поводу можно замѣтить, что знаменитѣйшіе талмудисты того времени были именно польскіе, о чемъ очень недавно написалъ одинъ ученый іезуитъ, S. v. Dunin-Borkowski, въ первомъ томѣ своей прекрасной книги о молодости Баруха Спинозы [1]), гдѣ онъ рисуетъ жизнь и дѣятельность Евреевъ въ Амстердамѣ около половины XVII столѣтія. Польскихъ талмудистовъ онъ называетъ мастерами своего дѣла и выдѣляетъ изъ нихъ особо еще такъ называемаго «Schach'а изъ Вильны», имѣвшаго отъ роду 20 лѣтъ, знавшаго объемистую талмудскую литературу въ такомъ совершенствѣ, что онъ превзошелъ даже старыхъ польскихъ талмудистовъ.

Напечатанная ниже брошюра находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ подъ нумерами 6. 75. 1. 553. Брошюрка эта форматомъ въ четверть листа, длиной въ 180 мм., шириной въ 150 мм. Она состоитъ изъ 8 страницъ, изъ которыхъ 6 ненумерованныхъ, а двѣ намѣчены сигнатурой A2, A3. Обложка ея оторвана. Книжка эта представляетъ собою библіографическую рѣдкость; Estreicher отмѣтилъ только экземпляръ Библіотеки Варшавскаго Университета, не знавъ приведеннаго ниже, который принадлежалъ Залускому и вмѣстѣ съ его библіотекой перешелъ въ Императорскую Публичную въ Петербургѣ. Она очень интересна не только по остроумному содержанію, по намекамъ на тогдашнія обстоятельства, но еще больше по языку. Мы приводимъ текстъ буквально, со всѣми особенностями типографіи, печатавшей книжку. Каждая изъ этихъ типографій имѣла своего ученаго корректора, почему мы и оставили вполнѣ нетронутыми какъ знаки препинанія, такъ и способъ письма малыхъ и прописныхъ буквъ и знаки надъ буквами: a, e, s, z.

Мѣсто изданія Виттенбергъ фиктивное; нужно понимать Вильна, на каковой городъ указываетъ все содержаніе книжки, гдѣ этотъ городъ напоминаютъ многочисленныя мѣстныя особенности; изъ нихъ нѣкоторыя отмѣчены нами въ примѣчаніяхъ внизу текста.

---

1) «Der junge De Spinoza; Leben und Werdegang im Lichte der Weltphilosophie», Münster in W., 1910.

Брошюра эта упоминается A. Bełcikowsk'имъ въ его сочиненіи: «O satyrykach polskich XVII wieku», помѣщенному въ изданіи: «Ze Studyów nad Literaturą Polską», напечатанномъ по случаю 25-лѣтняго юбилея его писательской дѣйтельности д-ромъ P. Chmielowsk'имъ. A. Brückner приводитъ ее неоднократно; въ послѣдній—разъ въ первой части своей статей: «Pieśni polsko-russkie», напечатанной въ журналѣ «Pamiętnik Literacki» во Львовѣ[1]).

Witanie
ná
Pierwszy Wiazd
z Krolewca
do Kadłvbka
Sáskiego Wileńskiego
Ixa Hern+Lvter-
machra.

* * * * * * * * *

Ná własne kleynoty Lutermáchrá.

Nie prożny kleynot do was Minister oddawam,
Ale troiáki świetny, co y sam przyznawam.
Szczećyny z gnipiem krzywym po mieczu, kopyto
Po kądźieli, á pole album grek pokryto.

Drukowano w Witembergu Roku 1642.
dniá wczorayszego.

|| Przedmowá
do Auszpurskiego Czytelniká.

Załosnym był nie pomáłu owdowiáłe wásze zborzyszcźe, álbo ráczey owdowiáłe wásze Sáski bez Meystrá y Błáznodźiei widzac: wzdycháły one po ośiádłym tu v Sásow Krużyku, choć záwsze w nim chodzą, y nigdy dla pámiatki z szyie swey nie skłádáią; wysłucháne są z głębokośći ięczenia ich, posłány iest teraz dźiwnie glęboki á práwie bezdenny Meyster poćieszyćiel Gręcki;

---

1) т. X 1911 г., стр. 194.

z czym się w przeszła Niedźielę ná predygu przed niemi odkrył. A ią rozumieiąc o wysokim mozgu iego, że iest poiętny rozmaitośći duchow ięzycznych, ku temu Greckiemu, Polski, Litewski, Ruski, Láćinski, Niemiecki, y po częśći Zydowski, ták nowemu słoncu text iáśńie przypisuię. A z przywitániem Ruśi Schysmátykow, Niemcow, Láćinnikow, y sámych Wileńskich Zydow ná świát wydawam, ábyś álbo ty Auszpurski Czytelniku bárźiey olśnął; á ow przeyrzał; álbo żebyś ty przeyrzał, á on ieśli chce olśnął.

Bilger Reinhercigius.

A_2. || **Przywitanie**
nowych wespoł
Sześciu Językow iáko mądremu.

Kaip ad nos il tes Hencher Lichá duszká Minister.
Ar tanis bolsz Alloon Ewoná litewska gut est
Od galgen pryszodł lecz Entade Sydera weyzdy
Su dich przyniosłeś Hreckoie gamma tibi.
Du kanst greckie Logos kádu tua burna hłáholi
Os nori fránćie Sásow ducere flux ná hłáholi.

Na przesławne iegoz kazanie
Gryką potrząśnione.

Lvterska práwa krewka, ze psá ogar práwy
Przyszedł skądśi, á stárey wiął się zábáwy.
Z Gárbárzá wielki Swinister, á z pártáczá kráwcá,
Sáskiey Bożnicy w Wilnie czekány oprawcá.
Więc smołę odrzućiwszy y gnypie ná stronę,
Do Graeckich wrzkomo xiążek bieży po obronę.
Zbywa mu ná Laćinie, y włąsney niemczyznie,
Nie życzy w tym Lácmanom, y miłey Oyczyznie.
Przed báby Bábilończyk po Graecku wywija,
Kieliszki przed Sáskámi Atheńskie wypija.
Dobraż wászá brunwasser, y wein gęśie źłopáć,
A przynamniey z Niemiecká, iáko przedtym kłopáć.

Trzy drewná to po Grecku Gamma odpráwuie,
Y ná dwuch zádźiergniesz się, ieślić to smákuie.

V. **|| Podźiękowánie Sáskich Bab Ministrowi zá Szprach y Praedic Graecki z Spiewnániem ná Notę postraconey o Polskich Synach.**

Biádá biádá Kmoszki miłe,
Mowy Ministrá záwiłe
Paćiorkom mym przeszkadzáią,
Gdy nas gryką otykáią,
Gdźie greká przedtym bywáłá,
Bá zgołá tu nie postałá.
Wołę ia mieć stare moie
W Postyli Lutrá pokoie.
Bez gryki on nas wychwała,
Roskoszy wszelkiey pozwała.
Teraz się lękać potrzebá,
By nam pszennego chlebá
Nie zákazał potym iadáć,
Będziem prożne głodno śniadáć.
Wykupiem wszytkie gryczaki,
Zá przykazáne przysmáki.
Dźieći nasze osłábieią,
Grecką ruczone nádźieią,
Y sam Hoctor Marćin Luter
Jadał w Piątki kęs Lausbuter.

A Gryczakow nie wspominał,
Gdy Efángelią wszczynał.
Pierwsze gryczane kazánie,
Powatliło dżdżu wylanie.
Dáiac znáć że się vszárga,
Co ták dźielnie Greką marga,
Bo go dźiecká Farskiey szkoły,
Do greckiey wprowádza smoły,
Albo co wezmą z kámienia,
Dadzą iemu dla vczczeniá,
Album graecum známienite,
Máiące cnoty zákryte.
Przestánie ná Grekę ważyć,
Gdy będźie mogł tego zażyć.
Bá y Nálewáycy sámi
Będą nas zwáć złodźieiámi,
Ze Greczyznę odeymuiem,
Nią się dármo popisuiem.
Dość nam drek, szpek szmeh szprach ieden.
Greką zginie Sás nie ieden.

Sieńko Náleiwáyko Poućzyćiełowi Sáskiemu Pouczenie o Hreczyśie Pryiatelskoie posyłáiet.

Vżoż heto po lichu Sásy podureli,
Koli nám tut hreczychu vśieńka odnieli;

Ochćimnie po Hreczesku bruśisz wielmi mnoho,
A sztob tobie daw w hubu nie tućie nikoho;
A3. || Prydet ná tia Mohiłá szto y horsz vmieiet,
Koli tolko hreczychá nowáiá pospieiet.
V Mohiłu bládin syn, k Moskwie ná Náuku,
Lichoie hádyniszcze Niemiecki páuku;
Skupawśiabieś w Nieglenney, zábywśieb skohliti,
Aż Sáská po hreczesku dumno hłáholiti.
Odrekbyś śia Lutorá y biesá sámoho,
Pobywawszy v Cárá związán Moskowskoho.
Dá y v nás Dutká ieść y Zolud wieliki,
Dionyzey, Dorohfiey, vmieiut láliki.
A w Kiiewi tmá ludey so wśiemi świátcámi,
Vpierod hutoryli z stárymi hrekámi:
Da czy dietko tebe daw wśio nam odbieriáesz,
A Niemcá wźo zábywszy po hrecku ihráiesz:
Y tak nudno v Troycy ná obraz hledeti,
Po hreczesku podpisan, nielza zrozumieti
Vśim Nálewáyczykom; Horá Sinayskáiá,
Strách wielik Kátáryná hdie leżyt świátáiá.
Z Láchámi tiażyśia; dietki máleńkiie,
Bolsz v nich vkiemili niż wśi Lutorskiie,
Vczásiew ty począwszy brázgáć po hreczesku,
Dá koniec pouczeniá prydawieś po czesku.
Naydem ná tia sukin rod inszy iázyk w wodie,
Po siekiersku hłáhołát budiesz w tom chołodie.
Tiászko nám y z Láchámi, á horsz z Vnitámi,
Jżtob Cerkwi nie vźieli dobrymi práwámi.
A wy pák nás nudite iák my leretycy,
Albo kák Láchi zowut sámi Schismátycy.
V. || Nie twoim łysy bieśie nosom záczynáiesz
Woynu z námi: á z Láchi zá toho poznáiesz,
Y Kiśiel Kułażyn syn, ach nábrawśia pudu,
A ty reczesz pozdawszy; hdie ia Jutro budu.

Sposob witánia Sásom zálecony, ktorym swego Ixá Lutermáchrá Błáznodźieie witáć po Predygu máią.

Lálá, lálász go lálá Sásowie wołayćie,
Vrlálá lálá Swinistrá vrlálá witayćie.
Szczwányli czy nie szczwány ten wilk poznawayćie,
Do gorliwośći lá lá sá vpominayćie.
Wypytáią się Zacy ná nim álá śmiele,
Jeśli gryką będźie chćiał lálowáć w Niedźiele:
Nie ná álphá z niem poczną ále ná Omegá,
Wyszczuią go láláiąc, iák znácznego zbiegá.

Rozmowá Leyby Zydá Szkolniká, z Łáchmánem Rábinem o przybyćiu do Wilná nowego Thálmudysty Lutermáchra.

Leyba, szkolnik.

Słyszałem od Hánusá co chodźi do Sásow,
Ze tu przybył do Wilná Mámzer[1]) máterklasow,
Zacny Rábin, po Grecku práwi im kazánia,
Nie opuszczaymy y my o sobie stáránia.
|| Podobno im śiedmiudźiesiąt tłumáczą Biblią
Pospołu z swą wykłáda tu Ewángelią.
Wie też o Lewiásan[2]), o czápli stołokiet,
Y o kufie win stárych[3]), gdźie przedáie Blokiet:
Spytamy go czy vmie keser Nááśmiy[4]),
Alboli też tłumáczyć Thalmudyskie dymy.

---

1) Mamzer [=mamser]—еврейское слово, значитъ незаконный сынъ; употребляется здѣсь какъ собственное имя.

2) Leviathan—морское чудовище, о чемъ рѣчь идетъ въ книгѣ Іова въ главахъ XXXIX, XL и д.

3) Въ этихъ же главахъ книги Іова описывается будущее счастье праведныхъ. Между наслажденіями ихъ находится и вино.

4) Keser Naasmiy [=Kesser ha-szomaim]—еврейское слово, значитъ вѣнецъ небесъ.

Łachman Rabin.

Dobrze wierny szkolniku, że to nam donośisz,
Y z niem gádáć o wierze dozwolenia prośisz.
Spytay go o Szorobor[5]) okrutnego wołu,
Dla czyiego Armeni chowáią go stołu:
Czemu to dwánaśćie dni od rogu do rogu
Jáskołká leći; á zgołá nie dochodźi progu.
Muśi to być wielki byk, łeb ná sto mil bieży;
Zęby mu są podobne Swiętoiánskiey wieży[6]);
Bá co mowię iák Wilno; Sierść álboli włosy
Ják zły duch Nálewáykow wlecze się do Rosy[7]):
Z tyśiąc gor w Armeniey w dźień wyiada trawę,
Połmorzá záś w śię wlewa; táką o nim sławę
Rábin Lewek wypuśćil: ná niem Izráelczyk,
Y Mámzer, y Lebtáhorczyk, reinherc Idumeyczyk,
Będą po dniu sądnym się woźić dla vćiechy,
A z Schismátykow Grekow, będą czynić śmiechy.
Dobrze czyni że grekę mámzer odeymuie,
Y Náleawáykow w Zborze swym Kátechizuie.
Boć zgołá nie vmieią swoiey wiáry bronić,
Grecy są ále greki nie zmogą ochronić.
|| Powiedz o Cházbi, Chácklu[8]), y złey Jeczerhorze[9]),
Ze będźiem rádźi słucháć w tym Luterskim Zborze.

Leybá.

A coż mam ia do niego pryszedszy powiedźieć,
Y o śiebie tey prawdy istenney dowiedźieć?

---

5) Какъ Левіаөанъ въ морѣ, такъ на землѣ Szorobor [=Szoor ha-Bar]— громадное чудовище, о чемъ также рѣчь идетъ въ книгѣ Іова. Мясо его тоже играетъ роль въ будущей жизни избранныхъ.

6) Kościół Św. Jana въ Вильнѣ, принадлежавшій Іезуитамъ съ конца XVI вѣка, славится высокой башнею.

7) Кладбище въ Вильнѣ.

8) Chackal — нынѣ еврейское собственное имя.

9) Jeczerhorze [=Jezer ha-Ra] — злой духъ, который склоняетъ людей къ дурному.

Łáchman.

Gotowe masz ná derech [10]) násze te szołhery,
Ná Kázubales [11]) dźięgi y lewki talery:
Osol go iák nalepiey, żeby Tálmud czytał,
A do Zydowskiey wiáry co prędzey záwitał.

Leybá.

To bárzo rad vczynię moy wierny Rábinie,
Y słowo to rzeczone dáremno nie zginie.

Łáchman.

Nie, nie, cháydunáy [12]), ieśli będźie Chrześćianinem,
Zginą násze Thálmudy y my wśi pohiniem.
Náuczy nas świni ssáć, wieprzowinę iádać,
Náuczy nas po Grecku, iáko y sam gádać.
Juny [13]), śliźe [14]), y świeszcze, mientusy [15]) y ráki
Będą v nas ná stole zá zacne przysmáki,
Choć tego zákazano: ráczey radż onemu,
Zeby przystał Zakonu ku Movzeszowemu
Nie wielka rzecz, powiesz mu: Tego po nim chcemy,
Iź go iáwnie w Bożnicy w Wilnie obrzeżemy.

Latinum.

Illotis manibus tractas metra Graeca Minister
Quorum nempe notas dinumerare nequis.

Germanicus finis.

Schlaff grafunds pusz den chundt áus pundt.

** ** **

А. Круазэ ван-дер-Копъ.

---

10) Derech — еврейское слово, значитъ дорога.

11) Kazubales — названіе одного налога на Евреевъ въ пользу питомцевъ учебныхъ заведеній, чтобы они не нападали на Евреевъ.

12) Chaydunay [=Chaj Adonaj]—еврейская клятва. (Какъ живъ Господь!)

13) *Jun—вюнъ;* 14) *ślis — голецъ;* 15) mientus — желѣзница: маленькія рыбки, которыя въ Вильнѣ во время поста потреблются въ большомъ количествѣ; онѣ воспрещены Евреямъ.

Памятникъ и образецъ народнаго языка и словесности сѣверо-Двинской области.

Между многочисленными и разнообразными по содержанію столбцами, вывезенными И. К. Зинченко изъ монастырей далекаго сѣвера и хранящимися въ Архивѣ Святѣйшаго Синода [1]), имѣется небольшая тетрадь въ четвертку, изъ 11-ти листовъ, писанныхъ плохою скорописью половины XVII вѣка; изъ нихъ 1-ый и 2-й порваны съ ущербомъ для текста, а 11-ый размѣромъ въ половину четвертки. Содержаніе рукописи составляютъ сказанія о чудесахъ, совершившихся отъ иконы Спаса Нерукотвореннаго въ церкви того же наименованія въ Красномъ Бору Устюжскаго уѣзда. Заглавіе и начало текста этой рукописи слѣдующее: «Лѣта 7149 году июня въ 30 день. Списокъ сь явления чюдесъ отъ Нерукотворенаго Образа Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ Устюжескомъ уѣздѣ на рекѣ на Двине пониже усть праведнаго Прокопія надъ рѣчкою Нечмежемъ на Красномъ Бору поставленъ и освещенъ во имя храмъ Нерукотвореный Образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ 136 году августа въ 13 день и стоялъ безъ явления со 140 году да до 149 году іюня въ 9 (день)».

---

1) Акты Холмогорской и Устюжской епархій изданы въ трехъ частяхъ въ Русской Исторической Библіотекѣ: т. XII. Часть первая. 1500—1699 годы. СПБ. 1890 г. Акты, напечатанные въ этомъ томѣ, сообщены Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ И. К. Зинченко. Томъ XIV. Часть вторая. СПБ. 1894. Томъ XV. Часть третья. СПБ. 1908 г., т. XXV.

Означенная церковь неоднократно упоминается въ «Актахъ Холмогорской и Устюжской епархіи». Въ благословенной храмовой грамотѣ, данной митрополитомъ Ростовскимъ, Ярославскимъ и Великоустюжскимъ Варлаамомъ «Прокопьевскому попу Михаилу» Устьевской волости Устюжскаго уѣзда и писанной въ Ростовѣ 7132 лѣта марта въ 30 день, говорится: «Въ нынѣшнемъ во 132 году, марта въ 30 день, билъ намъ челомъ и прислали челобитную за своей и за иныхъ поповъ руками Устюжского уѣзду, Комарицкого стану, Нижнего Конца крестьянинъ Кирилко Ивановъ сынъ Пановъ и во всѣхъ сродичъ мѣсто, а сказали: въ Устюжскомъ де уѣздѣ, въ Комарицкомъ стану, на Двинѣ на рѣкѣ усть Нечменжа новое мѣсто, и въ томъ де мѣстѣ образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа нерукотворенный, и отъ того де образа великое Божіе милосердіе; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти на томъ мѣстѣ храмъ воздвигнути и лѣсъ ронить, и новую церковь воздвигнути во имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа нерукотвореннаго образа на томъ де мѣстѣ». Попу Михаилу вмѣняется въ обязанность наблюдать за построеніемъ церкви, при основаніи ея говорить молитвы, пѣть молебны, воду святить и святою водою церковное мѣсто кропить, а по окончаніи постройки «взять въ Ростовѣ у соборнаго протопопа Тимоѳея съ братьею на освященіе святые Божіе церкви наше благословеніе святый антиминсъ, призвать съ Устюга соборного Пречистенского протопопа или попа да дьякона соборныхъ и тотъ новый храмъ освятить и божественную литургію служить», равно «и четыредесятницу въ той новой церкви служить потомужъ по преданію и по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, якоже достоитъ, неотложно» [1]). Въ тѣхъ же «Актахъ» мы имѣемъ «Списокъ съ суднаго дѣла по челобитью Григорія Мыльникова отъ лица посадскаго и всеуѣзднаго земскихъ старостъ съ товарищи и отъ лица всѣхъ устюжскихъ и посадскихъ и уѣздныхъ людей на Ивана Ожегова въ завладѣніи церковью Спаса на Красномъ Бору и всѣмъ ея имуществомъ». Въ челобитной, которою начинается означенное дѣло, читаемъ: «Въ прошлыхъ, государи, годѣхъ на Красномъ Бору изволилъ, государи, Богъ прославить святый свой Спасовъ образъ нерукотворенный

1) Т. XIV. 1203—1205 ст.

многими чюдесы и исцѣленія, въ прошломъ во 149 году, іюня въ 9 день, и почали къ тому Спасову образу приходить для моленія многіе люди отъ многихъ мѣстъ, и почала быть въ зборѣ отъ тѣхъ приходящихъ богомолцовъ казна многая, и выбрали къ той церквѣ мірскіе люди въ церковные старосты Бѣлослуцкого стану крестьянина Пятого Перфирьева Зашихина», который въ долговременное свое служеніе церковнымъ старостой «собралъ много казны» и построилъ на эти деньги «всякое церковное строеніе, образы, оклады, книги, колокола и вновь построилъ другую церковь Срѣтенія Господня да Іоанна Предтечи да Алексѣя человѣка Божія, построилъ вновь же колокольню рубленую, верхъ шатровой, да тою же казною купилъ деревни и пожни для церковнаго строенія и церковникомъ на пропитаніе. И послѣ своего старощенья онъ отдалъ церкви и всякую церковную казну, и деревни, и пожни иному выборному церковному старостѣ сполна съ росписковю; и иные выборные старосты то все такоже отдавали другъ другу съ росписковю. И послѣ того своимъ насильствомъ и мочью тѣмъ всѣмъ завладѣлъ отецъ его, Ивановъ, Степанъ Ожеговъ»[1]). Нѣсколько иначе говорится о построеніи церкви Спаса Нерукотвореннаго въ Красномъ Бору въ грамотѣ митрополита Ростовскаго Іоны о переписке имущества церкви Всемилостиваго Спаса на Красномъ Бору для отдачи онаго во владѣніе постриженнику Сійскаго монастыря старцу Онуфрію по его челобитной патріарху Іоасафу отъ 27 іюня 1678 года, а именно: «Въ Устюжескомъ уѣздѣ Юрьева Наволока на Двинѣ Красной Боръ пустое мѣсто дозорной писецъ Юрье Строминовъ съ товарищи дали на оброкъ дядѣ его (старца Онуфрія, постриженника Антоніева Сійскаго монастыря, челобитчика) Игнатью Яковлеву сыну Рудакову на роспашъ, и со 131 году, по писцовымъ же книгамъ Никиты Вышеславцова съ товарищи, владѣлъ дядя его Игнатей, и на томъ пустомъ мѣстѣ устроилъ пустыню и въ ней поставилъ церковь Всемилостиваго Спаса нерукотвореннаго образа, и трапезу съ келарскою, и мѣстные образа, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строеніе, и собравъ братію старцовъ; и та братія въ нужные годы отъ хлѣбные недороды и отъ иные всякіе скудости розбрелись. Изволе-

---

1) Тамъ же, 1154 ст.

ніемъ Божіимъ съ прошлого 149 году отъ мѣстнаго нерукотвореннаго Спасова образа почали быть различные чюдеса, во всякихъ скорбехъ многимъ людямъ исцѣленія; и при смерти своей дядя его приказалъ пустыню вѣдать отцу его Ивану, тое же церкви священнику» [1]).

Наконецъ, означенная церковь упоминается въ дѣлѣ Архива Святѣйшаго Синода 1724 года отъ 13 апрѣля за № 375/178 «по доношенію архіепископа Холмогорскаго Варнавы о разглашеніи вкладчикомъ Сестринскаго монастыря Холмогорской епархіи Пименомъ Волковымъ мнимыхъ чудесъ отъ образа Спасителя, находившагося въ церкви села Краснаго Бора Устюжскаго уѣзда, вотчины Соловецкаго монастыря». Преосвященный отъ 20 марта доноситъ о слѣдующемъ (этимъ доношеніемъ начинается дѣло): Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, полученнымъ 12 сентября 1723 года, велѣно ему прислать въ Синодъ «Красноборской волости священника Даніила, дьячка Максима и обрѣтающихся у него въ церкви и въ домѣ о чюдесахъ книгъ и тетрадей, также Важескаго уѣзда Севтринскаго монастыря вкладчика Пимина Волкова и сына ево Василія и невѣстки Маремьяны» и изслѣдовать о тѣхъ чудесахъ. Въ силу этого указа произведенъ былъ розыскъ; поименованные священникъ, дьячекъ, Волковъ съ сыномъ и невѣсткою доставлены были въ домъ преосвященнаго, а также найденныя въ церкви «двѣ письменныя книги, одна въ четверть, другая въ полдесть да два письма Пимена Волкова о чюдесѣхъ», а 29-го того же сентября преосвященный Варнава послалъ въ Синодъ донесеніе о произведенномъ розыскѣ съ приложеніемъ письменной книги въ четверть и двухъ писемъ; священника, дьячка и Волкова съ сыномъ и невѣсткою сначала удержалъ въ своемъ домѣ за карауломъ, «такъ какъ послать ихъ въ Канцелярію Святѣйшаго Правительствующаго Синода было невозможно за великими стужами и безмѣрными морозами, понеже они самые скудные, ни одежды, ни обуви, наги и босы и подводъ себѣ нанять и провожатыхъ и себя иначе прокормить не имѣютъ чѣмъ» и просилъ у Св. Синода повелѣнія и указаній о томъ, что съ ними дѣлать. Потомъ же преосвященный отпустилъ домой сына и невѣстку Волкова «за совершенное убожество», а также потому,

1) Т. XII, 493—494 ст.

«что они не весьма по дѣлу винны». Не получая изъ Св. Синода просимаго указа, видя, что «попъ Данило, Пименъ Волковъ и дьячекъ пріемлютъ великую нужду за карауломъ, межъ дворы скитаются, прося милостыни, и бьютъ челомъ непрестанно объ отпускѣ, преосвященный, принимая во вниманіе невозможность отослать ихъ въ Канцелярію Св. Синода, а также то, «что тое все учинено отъ простоты ихъ кромѣ непристойнаго Божіяго противленія да и тогда еще и духовные регламенты были о такихъ сновидцахъ невѣдомы и нераспубликованы», «наказавъ священника и дьячка въ свою ихъ Устюжскую епархію, а Пимена Волкова смиривъ плетьми жестоко сего марта съ Холмогоръ отпустилъ въ домы ихъ, взявъ по нихъ крѣпкіе поруки». Изъ справки, учиненной въ Канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода 12 января 1724 года и слушанной 17 іюня и 9 сентября того же года, видно, что священникъ села Краснаго Бора Устюжскаго уѣзда, вотчины Соловецкаго монастыря, Даніилъ «своеручнымъ письмомъ» отъ 25 мая 1722 года объявилъ инквизитору Холмогорской епархіи іеродіакону Александру Тихонову о слѣдующемъ: «Важескаго уѣзду Сестринскаго монастыря вкладчикъ Пименъ Козминъ сынъ Волковъ, пришедъ въ село Красный Боръ къ церкви Всемилостиваго Спаса, сказывалъ священникамъ и причетникамъ, что вышеобъявленнаго жъ де мая 9 дня нѣкоимъ случаемъ отъ древа отскочи стреженка и пронзе длань его сквозь и бысть болѣзнь велія въ руцѣ его. И мая-жъ де 12 дня въ тонцѣ снѣ явися ему Всемилостивый Спасъ и глагола ему тако: Пимине, обѣщайся Всемилостивому Спасу, что̀ на Красномъ Бору, пѣть молебенъ со звономъ. И возбнувъ де онъ отъ сна своего противъ явленія его все тако сотворити обѣщался, и того де часа рука его бысть здрава. Въ тоже время его, Пименовъ, сынъ Василій болѣлъ горломъ шесть дней, отъ которой болѣзни ни пилъ, ни ѣлъ, и обѣща(л)ся Всемилостивому Спасу пѣть молебенъ и отъ того часа исчезе болѣзнь его и бысть здравъ, якоже и прежде. Его жъ, Пименова, невѣстка, сына его Аѳанасія жена, Маремьяна мучилась къ рожденію младенца и была мертва часа съ два и больше, и онъ де, Пименъ, Всемилостивому Спасу обѣщался пѣть молебенъ, и въ то время роди сноха его младенца, и бысть здрава». Священники Красноборской волости Андрей и Даніилъ съ діакономъ Ѳедотомъ Петровымъ,

дьячкомъ Максимомъ Андрѣевымъ и пономаремъ Иваномъ Ивановымъ показали, «что вышеозначенная книга (въ четверть) о чудесахъ отъ образа Всемилостиваго Спаса обрѣтается въ церкви съ давнихъ лѣтъ, а ту де книгу кто писалъ и слагалъ, про то они не вѣдаютъ, а той де книги копію (въ полдесть), которая въ переплетѣ, писалъ Устюжскаго уѣзда Черевковской волости дьяконъ Георгій Ивановъ сынъ Галкинъ, который умре въ давнихъ же лѣтахъ, другимъ де людямъ о чюдесѣхъ со оныхъ книгъ списковъ никому они не давали. Пименъ Волковъ о вышеписанныхъ чудесахъ сказывалъ Соловецкаго монастыря (а той Красноборской службы приказному) іеромонаху Исаіи и далъ письмо за рукою означеннаго Севстринскаго монастыря іеромонаха Иліи и то де письмо оставилъ у того Соловецкаго монастыря на казенномъ дворѣ у означеннаго іеромонаха Исаіи». 9-го сентября того же 1724 года состоялось слѣдующее опредѣленіе Св. Синода: означеннаго попа Даніила, «который о помянутыхъ Волкова съ сыномъ и невѣсткою про мнимыя ими чудеса розглашеніяхъ инквизитору объявилъ и никакой его вины непризнавается, изъ подъ ареста свободивъ отпустить въ домъ его безъ задержанія, а дьячку Максиму Соловецкаго монастыря со іеромонахомъ Исаіею, между которыми о объявленномъ про тѣ мнимыя чудеса отъ Пимена Волкова за рукою Сестринскаго монастыря іеромонаха Иліи подлинномъ письмѣ явились разные рѣчи, взявъ на Холмогоры дать очные ставки, такъ же и онаго іеромонаха Илію допросить и изслѣдовать о всемъ все совершенно самою сущею правдою при инквизиторѣ безъ послабленія и взыскавъ то письмо, также и оставленную тамо на Холмогорахъ о мнимыхъ чудесахъ книжку и протчіе буде о томъ списки или какіе письма найдутся истребить при достовѣрномъ свидѣтельствѣ съ запискою сжечь, и о тѣхъ духовнаго чина людяхъ подлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить, какъ Его Императорскаго Величества указы повелѣваютъ. А помянутого села Красного Бора попамъ съ причетники (какъ и всѣмъ долженствуетъ) заказать накрѣпко, дабы впредь нигдѣ такихъ мнимыхъ чудесъ отъ суевѣрныхъ невѣждъ ложно сказуемыхъ отнюдь не токмо письменно, но ни словесно ни отъ кого не принимали и не разглашали и къ молебнамъ, кромѣ Государскихъ тезоименитствъ и благодарственныхъ молебновъ, не звонили подъ опасеніемъ

тяжкаго штрафованія. А онаго Волкова, такъ же и сына его и невѣстку и другихъ, кто по тому дѣлу приличенъ, допросить вновь всѣхъ порознь со увѣщаніемъ, чтобъ они тѣ о себѣ мнимые весьма благочестію противные въ сонныхъ мечтаніяхъ и суевѣрныхъ помышленіяхъ притворенные чудеса отринули и вины свои объявили безъ боязни, и ежели по тѣмъ допросамъ и увѣщанію безъ принужденія явятся непротивны, то велѣть имъ оное ложное мнимыхъ чудесъ прежнее разглашеніе испровергнувъ самимъ объявить въ церкви всенародно съ присягою, чтобъ никто въ томъ никакого сумнительства впредь не имѣли и потомъ ихъ свободить, а оное съ присягою объявленіе въ пристойныхъ мѣстахъ распубликовать, а ежели по его архіерейскому увѣщанію кто изъ нихъ въ своей прелести о тѣхъ ложныхъ чудесахъ явятся упорны и станутъ себя въ томъ утверждать, то отослать ихъ изъ того Холмогорскаго архіерейскаго дома къ гражданскому розыску въ свѣтскій судъ и о немедленномъ исполненіи всего вышеписаннаго къ преосвященному Варнавѣ, архіепископу Холмогорскому и Важескому, а для вѣдома въ томъ и въ Московскую Синодальнаго Правленія Канцелярію и ко Инквизиторскимъ Дѣламъ послать указы, по которымъ что учинено будетъ, о томъ въ Святѣйшій Синодъ велѣть репортовать немедленно». Объ исполненіи въ точности сего рѣшенія Св. Синода архіепископъ Холмогорскій Варнава сообщаетъ Св. Синоду въ донесеніи отъ 29 января 1725 года, изъ котораго видно, что Пименъ Волковъ «ложное мнимыхъ чудесъ прежнее свое разглашеніе объявилъ въ Холмогорскомъ Спасскомъ соборѣ всенародно съ присягою «и подписался, а оставленная въ архіерейскомъ домѣ книжка о мнимыхъ чудесахъ сожжена при инквизиторѣ и при протчихъ духовнаго чина людяхъ съ запискою» [1]).

Въ нашей рукописи 18 сказаній о чудесахъ, послѣднее безъ конца; они представляютъ безыскусственную запись плохихъ простыхъ грамотеевъ народнымъ языкомъ. Въ этихъ записяхъ лица называются по имени и прозванію, иногда и по отчеству, указывается ихъ мѣсто жительства

1) Приведенныя нами данныя изъ дѣла Св. Синода 1724 г. за № 375/178 изложены кратко въ «Описаніи документовъ и дѣлъ хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода, т. IV (1724 г.)», 370 столб.

или родины, рисуется обстановка временного народнаго быта, но въ описаніи чудесъ, въ изложеніи фабулы и деталей ихъ сильно сказывается фантастическій элементъ, который сближаетъ эти записи съ простонародными сказками. Интересно слѣдующее обстоятельство. Въ процитованномъ дѣлѣ имѣется копія съ упомянутой выше и сожженной по опредѣленію Св. Синода «рукописной книжки о мнимыхъ чудесахъ», въ коей всего 6-ть чудесъ. Изъ нихъ 1—4 чудеса по содержанію имѣютъ сходство съ сказаніями нашей рукописи, а именно: первое съ четырнадцатымъ, второе съ пятнадцатымъ, третье съ шестнадцатымъ и четвертое съ восемнадцатымъ. Въ нихъ тѣ же лица, таже обстановка быта, но редакція совершенно отличная,—книжная, равно и подробности описанія иныя: такъ, въ первомъ сказаніи копіи чудо происходитъ въ праздникъ Нерукотвореннаго Спаса и годъ не указывается, въ рукописи же оно совершается въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы и годъ указывается; во второмъ сказаніи копіи чудо происходитъ 27 августа 7149 года, въ рукописи же въ неизвѣстный день 7159 года; въ рукописи имѣется только начало 16-го сказанія, въ копіи соотвѣтствующее сказаніе о четвертомъ чудѣ полное. Въ текстѣ нашей рукописи замѣчаются звуковыя (діалектологическія) особенности народной рѣчи дѣятелей далекаго сѣвера Россіи, обитателей селеній по рѣкѣ Двинѣ (Сѣверной) и ея притокамъ. О діалектологическихъ особенностяхъ языка говорятъ слѣдующія особенности написанія словъ: 1) замѣна ѣ чрезъ и: болизни, не имили, Евсивьеву, пити (=пѣти), Андриева. 2) За *и* и *ы* въ срединѣ и концѣ словъ весьма часто стоитъ еще другое *и* [1]), это

---

1) Двойное *и*, т. е. слѣдованіе за *и* другого *и* отмѣчено академикомъ А. А. Шахматовымъ въ Двинскихъ грамотахъ XV вѣка: подлиі нихъ 4 раза, Фідину нихъ, ии пожнямъ, на великои пожнии, тоии же землѣ (род), тои же землии (дат). («Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ XV в.», 1903 года, стр. 67—68). Частое удвоеніе *и* въ разнообразныхъ положеніяхъ въ словѣ Л. Л. Васильевъ указываетъ въ описанномъ имъ вологодскомъ евангеліи XVI в., хранящемся въ Архивѣ Св. Синода за № 58. Въ томъ же евангеліи имъ отмѣчено написаніе *и* вообще за гласною буквою, рѣже встрѣчающееся, чѣмъ ии: не умиовенама, открыити, взяиъ быихъ, молитвою и постоимъ, плодіи не дастъ такмои, написаи вамъ и др. (Русскій Филологическій Вѣстникъ за 1907 годъ № 2. Вологодское евангеліе XVI в.). Въ сочиненіи профессора А. И. Соболевскаго: «Опытъ русской діалектологіи. Выпускъ I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское», СПБ.

второе *и* всегда пишется надъ строкою: Божиимъ, дверими сѣверными, ко всемилостиивому, милостии, пилии, ходитии, каминиемъ, лии (=ли), холмии, весии (=веси), волостии, слобо(д)кии, пакии, въ немощии, не браниилиись, не пиилии, людии, о согрѣшениие, со крестыи, съ крылошаныи, женыи, священницыи, съ образыи, быи (=бы), хмельныие, православныие, жытии, хлѣбыи, верыи, вашыи, горыи, скверныи (=скверны), тыи (=ты), отцыи, выи (=вы), годыи, чтобыи. 3) Послѣ *ж* и *ш* пишется *ы* вмѣсто *и*: жыли, жывуще, жытии (=жити), жывота, вашыи (= ваши), Олешыхиныхъ, вражыемъ навожениемъ, домашные, Божымъ, Божыимъ промысломъ, Божыя силы, положыша. 4) Послѣ *ч* почти во всѣхъ случаяхъ пишется *я* вмѣсто *а*: почясту, чясть, чясъ, чяса, почяла (но въ одномъ случаѣ: учали, почели). 5) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается смѣшеніе *ш* и *щ*: щелъ (=шелъ), удивищися, пѣща (=пѣша), положыща (=положыша). 6) *в* вмѣсто *г* въ словѣ: по повостамъ, съ повоста, на повость, въ повосте [1]). Отмѣтимъ еще особенности употребленія буквъ въ единичныхъ случаяхъ, которыя отчасти могутъ свидѣтельствовать объ особенностяхъ произношенія. Особенности эти слѣдующія: употребленіе *е* вмѣсто *я*: у нее, молние огненое, пети (= пять), покаелись, отнеся (= отняся); замѣна *е* чрезъ *и*: ками-

---

1897 г. на 51 стр. въ 1-мъ примѣчаніи читаемъ: «Вообще жители Архангельской губ. говорятъ нѣсколько протяжно, особенно на послѣднемъ слогѣ, удвояя гласныя: новоой, говориишь. Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 134 (=Арханг. Губ. Вѣд., 1847, № 30). По Далю «пѣвучесть говора на западѣ Архангельской губ. уменьшается, она сильнѣе на Печорѣ, Мезени, Двинѣ».

1) Замѣтимъ, что ни одной изъ перечисленныхъ подъ цифрами 1—6 діалектологическихъ особенностей нѣтъ въ Двинскихъ грамотахъ XV вѣка. (Академикъ А. А. Шахматовъ, процитованное выше изслѣдованіе). Сравни «Вологодское Евангеліе XVI в.»: моляшоуся 86 об., о виноградѣ притче—80 л. (Л. Васильевъ. Вологодское евангеліе XVI в., 248 и 251 стр.). Въ говорахъ села Черевкова и деревень Черевковской волости Сольвычегодскаго уѣзда: жыто, жылъ, кожы; села Богоявленскаго Городищенскаго и окружающихъ его деревень Устюжскаго уѣзда: петь, грезь; вешь, шшетка; того же уѣзда Устье—Алексѣевской волости Троицкаго общества: шыть, шыло; города Яренска и окрестныхъ селеній: жыръ, шыть, нашыхъ; Куракимской волости Тотемскаго уѣзда: вешъ (=вещь). (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, т. 87 № 5. Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Выпускъ IX, страницы: 57, 71, 78, 84, 86, 87.

ніемъ, первие, за ихъ непослушании (?), нижнемъ; — *и* чрезъ *е*: Леонтей, Василей, вражыемъ, на площаде, дочере, однемъ;—*ѣ* чрезъ *я*: видяла; *а* чрезъ *е*: Ѳекле, Богородице (трижды). Изложенныя нами данныя говорятъ за то, что наша рукопись имѣетъ несомнѣнно историко-литературное значеніе, почему мы ниже и печатаемъ ее. При изданіи текста мы соблюдали орѳографію подлинника въ тѣхъ случаяхъ, когда особенности графики могутъ быть признаны показателями особенности въ произношеніи. Въ примѣчаніяхъ къ сказаніямъ объ 14-мъ и 18-мъ чудесахъ мы приводимъ текстъ тѣхъ же сказаній книжной редакціи, сохранившейся въ процитованномъ дѣлѣ Синодальнаго Архива, для того, чтобы дать понятіе о ней и восполнить утраченный текстъ послѣдняго сказанія въ нашей рукописи.

Лѣто 7149 году июня въ 30 день. Списокъ сь явления чюдесъ отъ нерукотворенаго образа Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ Устюжескомъ уездѣ на рекѣ на Двине пониже усть праведнаго Прокопія надъ рѣчкою Нечмежемъ [1]) на Красномъ Бору [2]) поставленъ и

1) Нерчмежъ—рѣчка Устюжскаго уѣзда. Мѣстоположеніе ея опредѣлено такимъ образомъ въ Спискѣ съ писцовой данной отъ 4 февр. 7128 года: «Есть де . . . въ Каморицкомъ стану въ Нижномъ Концѣ въ Юрьевѣ Наволокѣ на рѣкѣ на Двинѣ отъ Лябельсково ручья да по осѣку въ гору прямо, а отъ того осѣку къ Усть—Евдѣ на Полутовской ручей да по Полутовскому ручью внизъ до Нерчмежа рѣчки, да по Нерчмежу рѣчкѣ внизъ до Двины и по Двинѣ рѣкѣ внизъ до Лябельсково ручья». (Русская Историческая Библіотека, т. XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархій, 1201 ст.). Въ книгѣ священника Іоанна Вѣрюжскаго «Историческія сказанія о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи, прославляемыхъ всею церковію и мѣстно чтимыхъ», Вологда, 1880 г., читаемъ: «Съ правой стороны большой рѣки Усьи двѣ рѣчки, въ полуверстѣ одна отъ другой впадающія въ Усью, образуютъ между собою ровный, испещренный цвѣтами, лугъ. Двѣ церкви, высокая шатровая деревянная, уже почернѣвшая отъ времени, и бѣлѣющаяся каменная красивой архитектуры, съ массивной и высокой колокольней, стоятъ на уступѣ высокой горы, къ лугу круто въ видѣ отвѣсной стѣны обрывающейся». Въ одной изъ этихъ церквей Введенской (нынѣ Верюжской Вельскаго уѣзда) почиваютъ мощи праведнаго Прокопія Усьянскаго. «До 1682 года мѣстность эта принадлежала къ Новгородской, а съ этого года причислена къ открывшейся тогда Холмогорской, потомъ перешла къ Великоустюжской и, наконецъ, къ Вологодской епархіи». (547—548 стр.).

2) Церковь Прокопія чудотворца въ Усть-Евской волости («Акты», т. XIV, 896 и 1185 ст. и др.).

освященъ во имя храмъ Нерукотвореный образъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ 136 году августа въ 13 день и стоялъ безъ явления со 140 году да до 149 году июня въ 9 (день).

Божиимъ промысломъ бысть чюдо отъ того (?) нерукотвореный образъ Господа Бога нашего Иисуса Христа нѣкия вѣси Лябенески [1]) волостиˣ просвирнице имянемъ Варваре въ видение бысть гласъ отъ того образа востани Варвара и возвести и шедъ во всемъ народе священьникомъ и дияконъмъ и всемъ криликомъ чтобыˣ съѣжалися священицы и дияконы со образыˣ на Красной Боръ ко всемиˣлостивому Спасу и веру быˣ держали велию и молилися Господу Богу и все бы православные християне съѣжалися и молилиˣся Господу Богу и греховъ своихъ почасту каелись.

Чюдо 2 июля въ 9 день. Бѣ нѣкия веси Юрьева Наволока [2]) жена нѣкая имянемъ Акилина Никитина дочь Башмаковыхъ и въ то время былъ съѣзъ ко всемилостивому Спасу отъ многихъ.... и приходовъ священицы со крестыˣ и съ крылошаныˣ и все християне. Бысть явление у всемилостиваго Спаса на той жене Акилине во церквиˣи какъ ея исцелилъ Господь ото очныя болизни и въ то время после соборнаго молебена восхоте изыти исъ церкви вонъ и пошедъ исъ церкви знаменаяся кресныимъ знаямениемъ лице своѐ абие рука у нее десная къ челу прилпе и усще и некиия женыˣ тоя руки отняти ˣ не могли что та рука къ челу приросла и некая Божия сила поверже ея о землю и бысть аки мертва на долгъ часъ и те женыˣ подвигнути не могли и Божиимъ промы(с)ломъ какъ и она и отъ того труда стала говорити даите мне трехъ женъ имянемъ Өитинью Игнатьеву дочь да Мароу Измаилову дочь третью Өедотью Иванову дочь Абакумовыхъ что стоятъ у меня въ головахъ тои иконыи (?) первая икона Пречистыя Богородицы Юрьева Навалока исъ церкви вторая и вторая Пречистыя Богородицы Лябеньские волостии исъ церкви отъ Спаса Преображения Господа нашего Іисуса Христа третья икона

---

1) Лябельская волость Устюжскаго уѣзда (Тамъ же, 1092, 1156 ст. и др.).

2) Юрьевъ-Наволокъ — мѣстность на р. Двинѣ Устюжскаго уѣзда, обнимавшая собою нѣсколько волостей. Не однократно упоминается тамъ же.

Красноборская тутъ исъ церкви что стоятъ тѣ иконы межъ церковными дверми" северными" да стоитъ жена свѣтлообразная лицемъ покрывшися убрусомъ и велитъ мнѣ Акилине призвати" трехъ женъ и сказывати" во всемъ миру и тѣ жены" пришедъ подоимутъ тебя съ места и будеши здрава якоже и первие. И три жены" пришедъ подняли ту жену Акилину и Божыиимъ промысломъ изволениемъ руку нея Акилины" отъ головы отвели и умомъ стала цела якоже и первие. И та жена Акилина почяла говорити" ставъ въ трапезе перекрестяся лице свое при священицахъ и при въсемъ народе что мне Акилине наказы"ваетъ свѣтлообразная жена и велела сказывати во вьсемъ мирѣ что священицы" приходилии со образы" и съ крылошены" и все православными християне на Красной Боръ ко всемилостивому Спасу и молились бы" и милости" просили у него а хмельны"е бы люди отнюдъ въ церковь не ходи(ли) и табака бы отнюдъ не пили" и матерно бы" отнюдъ не бранились и жыли быи по (?) святыхъ отецъ правилу и другъ на друга гнева не имили никотораго и буде православны"е християне не почнутъ греховъ своихъ каятися и не почнутъ в чясть (?) де жы"ти" по святыхъ отецъ правилу и почнутъ табаку пити" и хмелные люди во храмъ ходити" и будетъ на нихъ за ихъ окаяньствьо мразъ лютыи снегъ и ледъ и камение горящее снегъ спадетъ и будетъ молъ"ние огненое и лица своего вооображенаго и храмовъ не пощажу и ихъ камини"емъ побью и по инымъ мѣстомъ хлебы" и трава озябьнетъ и скоти вашы" з голуду погибнутъ а то сказываетъ светлообразная жена и что тобя не во всемъ мирѣ тружати" и миръ тебе веры" не поимъть (?) и бысть гласъ отъ нерукотворенаго образа Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа....... ли" украсилъ я горы" и холми" и всю селеную а отъ хмелныхъ людеи и отъ табака и отъ всякия скверны" лице свое отвращаю и зрести" на нихъ не могу и неподобною вашею бранию якоже зрети" и слы"шати не можемъ.

Чюдо 3 отъ нерукотвореного образа Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 149 году іюля въ 9 день. Бысть отъ нерукотворенаго образа на Красномъ Бору нѣкия веси"жена имянемъ Акилина Никитина дочь Башмаковыхъ, не видела очми" 6 лѣтъ и бысть здравъ (?) якоже и первие.

Чюдо 4 149 году іюля въ 21 день. Бысть гласъ отъ нерукотворенаго образа Господа нашего Іисуса Христа 149 году на Красномъ Бору некия веси Стедимы[x] девица имянемъ Марѳа Семенова дочь не видела очими 14 лѣтъ и бысть здрава якоже и первие.

Чюдо 5 отъ нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа 149 году іюля въ 30 день. Бѣ некия веси жена имянемъ Марья Павлова дочь Оленыхиныхъ и та жена не видяла очими три лета и бысть чюдо отъ того нерукотвореннаго образа и далъ е (й) светъ видети и бысть здрава якоже и первие.

Чюдо 6 отъ нерукотвореннаго образа. Простилъ Господь и ицелилъ на Красномъ Бору девицу имянемъ Ирину Кирилову дочь, не видела очими десять лѣтъ и бысть здрава якоже и первие.

Чудо 7 отъ нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа. Того же дни[x] бысть некия веси Лябеньские волости неки[x] человекъ имянемъ Емельянъ Васильевъ сынъ Мини[x]евъ, не видялъ очими три годы и бысть здравъ якоже и первие.

Чудо осмое. Тогожъ дни бысть чудо отъ нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа некия веси Юрьева Навьлока имянемъ Леонтей Матвиевъ сынъ Круновъ въ раслаблені[x]е петь летъ не възладелъ левою стороною рукою и ногою и бысть здравъ якоже и первие и отоиде въ домъ радуися.

Чудо 9. Бысть чудо отъ образа Господа нашего Іисуса Христа. Некия веси Пермогормогорския [1]) волости[x] простилъ Господь девицу именемъ Неонилу Явсивееву дочь отъ очныя болезни не видяла очи[x] осмь лѣтъ и бысть здрава якоже и первие и отоиде въ домъ свои[x] радуися.

Августа въ 8 день некая жена Белослуцкаго стану [2]) Бучень-

---

1) Пермогорская область въ Устюжскомъ уѣздѣ упоминается тамъ же.

2) Бѣлослудскій станъ Устюжскаго уѣзда. Ильинская церковь этого стана упоминается тамъ же: 899 ст., 1093 ст. Крестьянинъ Бѣлослудскаго стана Пятый Переѳирьевъ Зашихинъ выбранъ церковнымъ старостой къ церкви въ Красномъ Бору: 1154 ст.

скиа[1]) слобо(д)ки^н^ Харитонова дочь имея веру неоскудну всемилостивому Спасу на Красную Гору бысть болез(нь) у нея во чреве отрава и того вражыемъ навоженіемъ зародися во чреве ея зми^е^и та жена моляся всемилостивому Спасу итти^х^ на Красную Гору[2]) и обещася неложено а име же во чреве своемъ младенца отрока и взя ея некая невидимыя Божия сила и поверже ея о землю и въ то время выде исъ чрева ея две зми^х^ и после того жывота жена три дни и роди^в^ младенца а не вредиша младенца но свитающися облизаху его и домашные не смеша приступитии ко младе(н)цу и паки^х^ приступиша къ нему и взяща его на руки и понесоша въ домъ свои радуися радостию велию а те змии убища жезломъ и заверъгоша въ ровъ глубоки^х^ и бысть та жена здрава и поиде на празникъ ко всемилостивому Спасу радующися радостию велию славяще всемилостиваго Спаса и пречистую Его Богоматерь и приступиша народъ къ той жене удивящися о чюдеси славяще Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

Августа въ 15 день бысть чудо отъ нерукотворенаго (образа) Господа нашего Іисўса Христа. Некия веси Юрьева Наволока имянемъ Θекла Спиридонова дочь а Нехорошево Клеме(н)тьева жена и бысть на тою чюдо велие отъ нерукотворенаго образа Господа нашего Іисуса Христа во Успеневъ день и Божымъ промысломъ отнеся у нея левая рука и некая Божыя сила удари ея о землю и бысть мерътва на долгъ часъ и отъ того труда изнеможе и почяла она Θекла сказывати^х^ въ Юрьеве Наволоке на площаде при всемъ мирѣ дайтѣ мнѣ съ погостьца Ксению Васильеву дочь а Даниилову жену Нерадовскаго да Θеклу Архипову дочь Кузнецову да Марθу Измаилову дочь и те жены пришедъ подняли и почяла Θекла говорити пришли^х^ де ко мъне вьявь всемилостивый Спасъ нерукотвореныи образа (?) да Пречистыя Тиоиньская и учели мнѣ говорити^х^ наказывати^х^ велели^х^ питии молебеныи звономъ на Красномъ Бору всемилостивому

1) Букинская деревня Ростовской волости Подвинской четверти Важскаго уѣзда упоминается тамъ же: 328, 331 ст. Бучневская деревня Попонаволочской волости. Упом. т. XV, 642 ст.

2) Красная Гора на Устюгѣ Великомъ. Красной Горы Покровской церкви попъ Петръ упоминается въ XII томѣ Русской Исторической библіотеки, 1263 ст.

Спасу да въ Юрьеве Наволоке Гегоргию страстотерьпьцу вцеле ея отъ того чяса и бысть здрава.

Августа въ 16 день бысть чюдо отъ нерукотворенаго образа на Красномъ Бору. Некая весии жена имянемъ Θети"ни"я Иванова дочь Бли"нова и была въ раслабьление пять лѣтъ и бысть здрава якоже и первие и ко всемилостивому Спасу пришла на своихъ ногъхъ и певъ молебенъ и поиде въ домъ свой радуися славяще Бога и Пречистыю Богоматерь и всехъ святыхъ.

Того же дни" чюдо отъ нерукотворенаго образа Господа Бога Iисуса Христа. Бѣ некия весии Стуровъца[1]) жена имяномъ Акилина Андриева дочь а Пятаво Шилникова жена, лежала де язъ въ (м)ногое время въ немощи" и явися въ сновидени" Спасъ нерукотвореныи образъ поиди ты" жена ко всемилостивому Спасу на Красной Боръ и молилися отъ всего сердца своего и язъ Акилина обещася неложно после соборнаго молебена ити" на празнедстъво его и бысть здрава въ то время якоже и первие и пошедъ пеща на своихъ ногахъ ко всемилостивому Спасу и пришедъ по отпении молебена моляся всемилостивому Спасу и поиде въ домъ свои радуися славяще Пречистую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа и ныне и присно и во веки вековъ ами"нь.

Августа въ 16 день за заутриною бысть чюдо отъ нерукотворенаго образа Господа нашего Iисуса Христа на Красной Горе надъ тою же женою имянемъ Θекле Спиридоновѣ дочере и почяло тружати при всемъ народе и явися еи въ то время всемилости"вый Спасъ и Пречистая Богородице Тиоиньская съ Паче езера[2]) и почели" еи въ то наказывати тои жене" сказывати" жена во всемъ народе чтобы" всякихъ чиновъ люди молилися со слезами" стоя всемилостивому Спасу и Пречистой Богородицы" беспрестани" и стоя ничево не говорить и отъ того де ныине вся зе-

---

1) Туровецкая волость (Туровецъ) Комарицкаго стана Устюжскаго уѣзда. Богоявленская церковь на Туровцѣ. Упом. т. XIV, 895, 1088 и 1092 ст.

2) Пачеозерская волость Усольскаго уѣзда. Упом. т. XIV, 1088 ст.—Сольвычегодскаго уѣзда. Упом. т. XII, 818, 1302 и 1749 ст. Пачеозеро упом. т. XIV, 899 ст.

мля трясеться а Богородице у Христа стоитъ со слезами чтобы Господь пощадилъ весехъ православъныхъ христианъ и отвратилъ свои праведныи гневъ а табаки (!) бы христіяне отнюдь не пили и матерно бым отнюдь не брани ли сь и хъмельные бы люди отнюдь въ церковь не ходили а то де ихъ питье неподобное что они въ носъ и то святіии отцы на вселеньскомъ соборѣ прокляли а въ которое время хто матерьно избраникъ (?) и въ то время небо и земля потрясеться и Богородица стоя востренещетъ а о токовомъ словеси а уста его того дни кровью воскипаютъ и теми устами не подобаетъ таины Господнии вкушати ни креста целовати и во церкви бы стояли со страхомъ и съ трепетомъ на молитве и другъ на друга гнева не имили никотораго и жыли бы по святыхъ отецъ правилу какъ жыли святии отцы и Пречистая Богородице бысть гласъ въ то время а я зде стою Богородице у Христа безпрестани своего царя небеснаго милости прошаю о всемъ народе чтобы пощадилъ Господь и помиловалъ всехъ православныхъ христіянъ и вся воя небесная со страхомъ предстоитъ а вы християня своимъ безумиемъ уклоняетеся и (с)о страхомъ въ церкви часу не постоите и християня бы въ празники Господнии никакия работы не (ра)ботали и травъ не косили и хлеба не жали а буде что и вы жнутъ и то все зъ грезью станетъ а молилися бы всемилостивому Спасу на Красной Горе и Пречистой Богородице и росписи бы росписывали по всемъ городомъ и по повостамъ и по волостемъ чтобы вестъно былло про все наказание и везде христия(не) бы обратились ко Господу Богу ин греховъ своихъ покаелись. Господь дастъ всякаго изообилья моногое множестъво боле и прежново а буде християня сему явлению и наказанию не повирятъ и Господу Богу не обратя(т)ся и не почнутъ молитися всемилостивому Спасу приходя на Красную Гору и почнутъ пити табаку и хмельны е въ храмъ ходити и во храму почнутъ другъ зъ другомъ стоя глаголати поставятъ се явленіе вoплошно и за ихъ неправду и непослушание будетъ на землю камини е много спущу (?) съ небесъ молние огненое и лица своего вообращенаго и храмовъ не пощажу и ледъ и мразъ лютыи спущу на страдъное время на хлебъ и на скотъ вашъ и на все жывуще(е) и по вся годы хлеба не будетъ и тотъ де трусъ что ныне натобе то и на всехъ христианехъ будетъ съ велика и до мала за ихъ непослушани и за (и)хъ неправду а се явление ни-

салъ на Красной Горе при свещенницѣ и при всемъ народе Титко Дмитреевъ сынъ Рычковъ [1]).

159 году бысть чюдо отъ нерукотворенаго образа Господа Бога Іисуса Христа бысть чюдо отъ нерукотвореннаго Господа Іисуса Христа. Бысть некия веси Соли"-Вычегоцкие [2]) уезду съ Пещаницы" отъ церкви

---

1) Книжная редакція этого сказанія въ дѣлѣ Синодальнаго Архива 1724 г. такова: «Въ праздникъ Всемилостиваго Спаса преславно чудо и ужаса исполнено. Бысть жена нѣкая Ѳекла Спиридонова дщи по званію Нерадовскихъ. Во время заутренняго пѣнія взять жену невидимая нѣкая сила Божія и поверже на землю предъ всѣмъ народомъ и въ томъ трудѣ явися Спасъ человѣколюбецъ и Пречистая Богородица Тихвинская яко на иконѣ написаны. И нача ей Спасъ человѣколюбецъ глаголати и Пречистая Богородица сице: жено, слышы и вникай глаголы яже глаголемъ тебѣ и проповѣждь вѣрнымъ человѣкомъ и засвидѣтельствуй и возвѣсти глаголы сія священникомъ и причетникомъ церковнымъ и во услышаніе предъ всѣмъ народомъ яко дапокаются съ постомъ и плачемъ къ Господу Богу и Пречистѣй Богородицѣ и да исповѣдають грѣхи своя вси православніи христіане зъ женами зъ дѣтьми своими, и въ церковь мою иже есть въ селѣ на Красномъ Бору да приходятъ и тамо да помолятся прилежно Господу Богу своему и Пречистѣй Богоматери просящи милости и разрѣшенія согрѣшеніемъ своимъ и избавленіемъ нужды и печали, и туги и отъ (т)летворныхъ вѣтръ вражьихъ свободитися да милость и щедроты и человѣколюбіе мое не отъидетъ отъ васъ. Такожде и Пречистая наша Богородица Марія глагола ей: жена Ѳекла, подщися скоро повѣдати людемъ дабы молилися Господу Богу и милости и человѣколюбія просили и каялися грѣховъ своихъ и въ цѣломудріи и вчестнѣ жили, среду и же пятокъ во все лѣто честно сохраняли не объяденіемъ, не пьянствомъ и иными всякими козлогласованіи и матерны бы отнюдь не бранились [неподобною тою бранію] и въ церковь пьяни сами бы не ходили и инымъ пьянымъ хотящимъ внити возбраняли и травы глаголемые табаку отнюдь бы не держали и пити не велѣли, понеже сія діяволя прелесть есть на пагубу душамъ человѣческимъ, Богу же отнюдь мерзко есть и святыми отцы проклята суть. И аще отъ всѣхъ сихъ не покаются и таковыхъ ради градетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія. И сія глаголы глаголаше ей, абіе невидима быша. Она же не пожда не замедля но вскорѣ предъ всѣмъ народомъ исповѣда вся сія глаголемая ей, Спаса и Господа нашего Іисуса Христа и Пречистыя его Богоматери явленіе и наказаніе. Тогда вси людіе слышавше отъ жены оныя глаголы ужасошася и убояшася, воздаша хвалу Богови и Пречистѣй Богородицѣ глаголюще: буди воля Господня надъ нами и, якоже восхощетъ, тако и содѣетъ, вся бо содѣваетъ и творитъ на пользу людемъ своимъ. Жена же она послѣ того бысть здрава и цѣломудренна умомъ, якоже и прежде, и отъиде въ домъ свой славя и благодаря Всемилостиваго Спаса и Пречистую его Богоматерь».

2) Сольвычегодскій посадъ не разъ упоминается въ т. XII. Песчанская волость Устюжскаго уѣзда упоминается въ т. XII, 567 ст.

Божия и святителя Христова Николы^х^ и бысть у той церкви диаконъ имянемъ Василее прозвищемъ Моловъ и почялъ пити питье проклятую табаку и самъ онъ реклъ хотя мне то питье Спасъ не ве(ле)лъ пити въ носъ а я изопью а какъ тотъ дияконъ испилъ закрывъся лице свое дланми своими^х^ и бысть надъ нимъ чюдо въ то время не виде очим^х^ своими и бысть и очи его запълывъ пускомъ (?) и каяся диаконъ о томъ моногомъ согрешени^х^е и плакася и приехавъ на Красную Гору предъ образомъ Божыимъ Господа нашего Іисуса Христа ничтоже ему прилыне за его согрешение отъехавъ въ домъ свой плакася со слезами^х^ о томъ недузе и о согрешени^х^е.

150 году сеньтября въ 1 день бысть некия веси человекъ имянемъ Троеимъ бысть чюдо отъ образа нерукотворенаго Господа нашего Іисуса Христа пришедъ тотъ человекъ въ Белые Слуды съ повоста и почялъ пити^х^ табаку и поразн его некоторая Божия сила о земълю и бысть тотъ человекъ мерътъвъ и взяша его домашъннн и свезоша его на повостъ и положынща его въ земълю неотпевана а священицы^х^ не смеяша отпети страха ради Божиия и погребе его тако.

150 году октября въ 3 день некия Лябеньские волости младенецъ неки имянемъ Михеи Тимоеиевъ и бысть въ немощи три недели отъ тоя немощы^х^ весь отекълъ и не виде однемъ окомъ и бысть чюдо отъ нерукотворенаго образа Господа Спаса нашего Іисуса Христа, простилъ того младеница и бысть здравъ якоже и первие и отоиде въ домъ свои радуися радостию велию славяще Бога и Пречистую Богородицу и всехъ святыхъ.

Ино чюдо на Двине на реце во Уетюжеско(й) волосте [1]) 149 году августа въ 9 день бысть чюдо отъ нерукотворенаго образа Господа нашего Іисуса Христа тружало человека на Нижнимъ Уетюжескомъ повоасте имянемъ . . . риса Лукоянова сына Сметани^х^ныхъ щелъ онъ путемъ и въ то время на пути^х^ впаде въ раслаблени^х^е сталъ аки древъленъ и отъ того недуга лазя чрезъ огорода и яся рукою за колъ хотя чрезъ ого-

1) Уетюжская (Угтюжская) волость Тотемскаго уѣзда. Упом. въ т. XIV.— Уфтюжская (Угтюжская) волость Устюжскаго уѣзда. Упом. нерѣдко въ т. XII.

родъ лести и единою ногу чрезъ огорода и въ то время прихвати его руку правую колу и сталъ вне ума своего и явися ему нерукотвореный образъ Господа Бога Іисуса Христа что Ниженомъ Увътюге во храму[1]).

А. И. Никольскій.

---

1) Книжная редакція этого сказанія въ дѣлѣ Синодальнаго Архива такова: «Бысть ино чудо веліе отъ Всемилостиваго Спаса нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа. Бѣ нѣкій человѣкъ Борисъ Лукьяновъ сынъ по званію Сметаныхъ Устюжскіе волости Нижняго погоста, сей человѣкъ идяше путемъ своимъ и въ то время впаде въ недоумѣніе, якобы внѣ ума, и бысть яко разслабленъ и отъ того недуга яся рукою своею за колъ и ста внѣ ума и абіе въ томъ своемъ страданіи пречистый нерукотворный образъ Господа нашего Іисуса Христа въ церкви Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія на Устюге на Плащаницѣ написанъ еже глаголется херуговъ и бысть гласъ ему отъ образа того сице: О человѣче Борисе, молися Всемилостивому Спасу нерукотворенному образу даже исцелѣеши отъ одержащія тя болѣзни и паки глогола ему: Борисе, потщися скоро исповѣдати въ церкви се явленіе мое яже ты видиши и слышише отъ мене глаголы яже глаголю тебѣ и засвидѣтельствуй священникомъ и причетникамъ и всему народу, чтобъ молилися здѣ у Пречистыя Богородицы въ церкви предъ образомъ моимъ вси православніи христіане зъ женами и съ дѣтьми своими и каялися о согрѣшеніи своемъ и отпущеніи просили о содѣянныхъ ими и миръ и любовь другъ съ другомъ велію имѣли просяще милости и щедротъ и человѣколюбія отъ мене и избавленіе отъ всякихъ бѣдъ и золъ и свобожденія вѣчныхъ мукъ и въ цѣломудріи и въ чистотѣ жили и пѣли бы молебны Спасу человѣколюбцу августа въ 1 день и до шестогонадесятъ числа тогоже мѣсяца. Такожде Всемилостивый Спасъ человѣколюбецъ заповѣда и глагола: повѣждь, Борисе, церковному старостѣ Никифору, чтобъ не держали подъ церковью Успенія Пресвятыя Богородицы вина и пива, да не отъидетъ Божія благодать и щедроты отъ храма сего. Аще ли не покаются грѣховъ своихъ и не пріидутъ въ чувство, то погублю ихъ гладомъ и моромъ и нашествіемъ иноплеменныхъ за ихъ злая прегрѣшенія. Онъ же вся сія слышавъ и возбнувъ отъ недоум(ѣн)ія своего и бысть здравъ и цѣломудръ и поиде на погостъ къ Пресвятѣй Богородицѣ и повѣда все по ряду явленія и наказаніе Спасово предъ всѣмъ народомъ. Людіе же видѣша и слышаша отъ человѣка того и умилишася и воздаша хвалу Господу Богу и Спасу человѣколюбцу».

Великорусскія пѣсни въ старинныхъ карпато-русскихъ записяхъ.

Интересный и сложный вопросъ о взаимоотношеніяхъ великорусской и малорусской пѣсни, какъ народной, такъ и искусственной, въ начальный періодъ ихъ развитія XVI—XVIII вѣковъ, хотя, повидимому, и поставленъ въ послѣднее время на очереди, но разработанъ еще далеко не удовлетворительно и весьма неравномѣрно. Кое-что въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, отчасти сдѣлано уже, или только еще намѣчено — въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ и цѣлесообразныхъ, спеціальныхъ работахъ, но въ общемъ, тѣмъ не менѣе, приходится признать, что при этомъ не только вовсе не обслѣдованы и не выяснены многія и существенныя частности вопроса, но даже не соблюдены, если можно такъ выразиться, основныя требованія историко-литературной соразмѣрности и перспективы.

Дѣло въ томъ, что все вниманіе изслѣдователей было обращено всецѣло только на одну, правда, болѣе выпуклую и яркую сторону вопроса, а именно—на малорусскія вліянія и отраженія въ великорусской пѣснѣ, степень и характеръ которыхъ, такимъ образомъ, удалось въ общемъ установить и выяснить довольно широко и подробно, хотя все-таки еще, конечно, далеко не съ достаточной полнотой и точностью [1]).

---

1) См. напр. работы В. Н. Перетца: Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв., I—XIV и XV—XXII, Спб. 1899; Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I, ч. 1 и 2. Спб. 1900; Замѣтки и матеріалы для

Обратная же сторона вопроса, можетъ быть, не столь цѣльная и яркая и поэтому не такъ легко поддающаяся историко-литературному изслѣдованію и учету, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ равноцѣнная и равноправная по существу, такъ и осталась почему-то въ наукѣ до сихъ поръ въ полномъ пренебреженіи и загонѣ. Мы имѣемъ именно въ виду ту обратную великорусскую струю, тѣ старыя великорусскія воздѣйствія и отраженія въ пѣснѣ малорусской, которыя, въ свою очередь, хотя, можетъ быть, и не въ столь широкой и сильной степени, существовали издавна и проявлялись иногда довольно опредѣленно и ярко.

Внѣшніе слѣды этой обратной великорусской струи, въ видѣ оригинальныхъ, болѣе или менѣе близкихъ и удовлетворительныхъ записей или списковъ великорусскихъ пѣсенъ, во всѣхъ ихъ главнѣйшихъ видахъ, попадаются въ старинныхъ малорусскихъ пѣсенникахъ и альбомахъ, какъ будемъ имѣть случай видѣть ниже, довольно часто и устойчиво, такъ что, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи ихъ механической распространенности и популярности въ малорусской средѣ стараго времени никакого сомнѣнія быть не можетъ. Очевидно, параллельно съ проникновеніемъ малорусской пѣсни въ великорусскую среду, происходило также одновременно обмѣнное распространеніе пѣсни великорусской среди малорусскихъ любителей пѣнія, главнымъ образомъ, конечно, въ предѣлахъ Россіи, причемъ этотъ пѣсенный обмѣнъ, въ мѣру общаго усиленія и расширенія взаимныхъ общественно-культурныхъ сношеній и воздѣйствій, долженъ былъ, естественно, увеличиваться и углубляться со временемъ все болѣе и живѣе.

Съ другой же стороны, какъ это уже давно, хотя и съ особой, болѣе

исторіи пѣсни въ Россіи, Спб. 1901; Очерки старинной малорусской поэзіи, Спб. 1903; Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи, I—IV и V—VIII, Спб. 1905—07; Новыя данныя для исторіи старинной украинской лирики, Спб. 1907; а также: А. А. Веселовскаго: Любовная лирика XVIII в., Спб. 1909; М. Н. Сперанскаго: Малорусская пѣсня въ старинныхъ русскихъ печатныхъ пѣсенникахъ — *Этнограф. Обозрѣніе*, 1909 г., кн. 81—82; В. В. Данилова: Малорусскія нар. пѣсни въ старыхъ и новыхъ лубочныхъ изданіяхъ — *Рус. Филол. Вѣстникъ*, 1910 г., № 3—4; Н. Ѳ. Сумцова: Малюнки з життя українського народного слова, Харьковъ 1910, и др.

или менѣе узкой и тенденціозной точки зрѣнія, отмѣчено въ наукѣ, также и въ современномъ народномъ малорусскомъ пѣсенномъ репертуарѣ имѣется довольно много значительныхъ и яркихъ слѣдовъ непосредственныхъ великорусскихъ вліяній и отраженій, наглядно свидѣтельствующихъ о томъ, что великорусская пѣсня далеко не оставалась только случайнымъ и мертвымъ балластомъ старинныхъ малорусскихъ пѣсенниковъ, но, очевидно, давно уже вошла въ живой пѣсенный оборотъ малорусскаго народа и производила на него постоянно нѣкоторое вліяніе по существу[1]). Правда, значительная часть этихъ великорусскихъ вліяній должна быть отнесена къ новѣйшему времени, къ современнымъ бытовымъ условіямъ и формамъ общественно-культурнаго, главнымъ образомъ—солдатско-фабричнаго общенія, но, рядомъ съ этими новыми, устными заимствованіями, которыя легко могутъ быть опознаны и выдѣлены особо, сохранился также цѣлый рядъ несомнѣнно старыхъ отзвуковъ и переживаній, о которыхъ есть основанія думать, что они про-

1) Еще въ 30-ыхъ годахъ минувшаго столѣтія горько сѣтовалъ по поводу широкаго распространенія великорусской пѣсни среди украинскаго народа, сильно преувеличивая, впрочемъ, какъ размѣры этого распространенія, такъ и самую опасность, угрожающую будто-бы отъ этого мѣстной малорусской пѣснѣ, одинъ изъ первыхъ малорусскихъ этнографовъ-романтиковъ, издатель «Малороссійскихъ и червоннорусскихъ народныхъ думъ и пѣсенъ» (Спб. 1836) — П. А. Лукашевичъ: «народныя пѣсни—увѣрялъ онъ въ предисловіи къ своему сборнику—давнымъ давно здѣсь уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно замѣнены солдатскими или великорусскими пѣснями». (Ср. А. Н. Пыпинъ: Исторія русской этнографіи, Спб. 1891, III, 140—142). Къ тому же времени относятся также подобныя же, только, конечно, нынѣ уже значительно запоздалыя и притомъ узко-тенденціозныя нареканія А. С. Грушевскаго — въ *Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1911 г., январь, стр. 103.—Относительно новѣйшаго времени см. М. П. Драгомановъ: Нові українські пісні про громадські справи, Женева 1881, стр. 81—89; *его-же* (Р. Н. Л.): Порча украинскихъ нар. пѣсенъ—*Кіевская Старина*, 1893 г., іюнь, стр. 459—473, = Розвідки про укр. нар. словесність і письменство, Львовъ 1900, II, 197—212; Ѳ. Кудринскій: Къ вопросу о порчѣ малорусскихъ пѣсенъ — *Кіев. Старина*, 1893 г., ноябрь, стр. 332—334; Б. Д. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, Черниговъ 1899, т. III, стр. XXII—XXIII, и др.—Объ отдѣльныхъ случаяхъ непосредственнаго усвоенія малорусской народной средой также и литературныхъ русскихъ пѣсенъ (напр. Пушкина, Некрасова) см. В. В. Даниловъ: Ненародныя пѣсни въ укр. фольклорѣ — *Сборникъ Харьк. Ист.-фил. О-ва*, 1909 г., XVIII, 284—285.

никли въ народную среду и претворились въ ней уже давно, и не только путемъ устной передачи, съ живого голоса, но вѣроятно также и книжнымъ путемъ, главнымъ образомъ, конечно, черезъ рукописные и печатные пѣсенники и альбомы.

Къ сожалѣнію, однако, какъ уже было замѣчено выше, весь этотъ темный и сложный вопросъ о старыхъ великорусскихъ воздѣйствіяхъ на малорусскую пѣсню, какъ ни интересенъ и важенъ онъ, не только въ общей исторіи взаимныхъ литературныхъ отношеній русскихъ нарѣчій, но и самъ по себѣ, почему-то ускользалъ до сихъ поръ отъ вниманія изслѣдователей и совершенно не былъ затронутъ въ наукѣ. Напротивъ даже, когда нелицепріятный сырой матеріалъ, въ видѣ подлинной «московской пѣсни» въ старинномъ малорусскомъ пѣсенникѣ, какъ-бы самъ, въ силу логики вещей, подвертывалъ и выдвигалъ его на видъ, то застигнутые этимъ въ расплохъ изслѣдователи — съ тенденціознымъ ли умысломъ, или по случайному недомыслію—только пренебрежительно отмахивались отъ него какой-нибудь легкомысленной отговоркой, въ родѣ, напримѣръ, той, что это, молъ, только случайная, не заслуживающая вниманія, «шутливая пародія», не болѣе [1])...

Такимъ образомъ, въ виду полнаго отсутствія какихъ бы то ни было предварительныхъ разысканій и крайней скудости извѣстнаго нынѣ сырого матеріала, этотъ интересный и важный вопросъ, какъ въ общей сути и сложности своей, такъ и, тѣмъ болѣе, въ своихъ частностяхъ и оттѣнкахъ, долженъ быть признанъ пока-что совершенно нетронутымъ и открытымъ.

И если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся поднять и выдвинуть его нынѣ на очередь изслѣдованія, то при этомъ мы нисколько не имѣемъ въ виду сводить и разсматривать его здѣсь по существу и во всемъ его сложномъ объемѣ, для чего у насъ не имѣется еще ни необходимой предварительной разработки, ни достаточно фактическихъ указаній и данныхъ, — а только, натолкнувшись попутно на неизвѣстный и нетронутый еще матеріалъ, открывающій новыя стороны и указывающій новые

---

1) См. напр. М. С. Грушевскій: Сьпіванник з початку XVIII в.—*Записки Т-ва им. Шевченка*, XV, 5; В. Н. Перетцъ: Изслѣд. и матеріалы, I—1, 215.

пути въ области изученія вопроса, считаемъ своевременнымъ и цѣлесообразнымъ, по крайней мѣрѣ, ввести его въ научный оборотъ и, по возможности, возстановить вновь его непризнанное, а даже впередъ уже опороченное, историко-литературное значеніе.

Какъ ни значителенъ и цѣненъ самъ по себѣ этотъ новый историко-литературный матеріалъ, найденный нами столь неожиданно въ старыхъ карпато-русскихъ пѣсенникахъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка, то въ общемъ, во всякомъ случаѣ, необходимо признать, что онъ является все-таки, такъ сказать, въ территоріально-историческомъ отношеніи, настолько одностороннимъ и случайнымъ, что дѣлать на основаніи его, внѣ связи и сличенія съ аналогичными явленіями и данными остальной малорусской этнографической площади, какія-нибудь болѣе широкія и общія предположенія или заключенія—едва-ли возможно и умѣстно. А между тѣмъ, именно эта остальная, самая существенная и крупная, а вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, и исторически самая естественная и цѣльная сторона вопроса — относительно распространенія и роли великорусской пѣсни въ предѣлахъ собственной Малороссіи, находившейся всегда въ болѣе тѣсной и живой исторической и культурной связи съ великорусской народностью, чѣмъ давно заброшенная и забытая ею Карпатская Русь, — вслѣдствіе полной неизвѣстности и недоступности даже того скуднаго историко-литературнаго матеріала, который до сихъ поръ такъ или иначе былъ отмѣченъ въ печати, должна быть оставлена нами здѣсь, къ сожалѣнію, безъ надлежащаго разсмотрѣнія и вниманія.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, тѣ нѣсколько старинныхъ малорусскихъ пѣсенниковъ и альбомовъ, содержащихъ, между прочимъ, также и великорусскія пѣсни, которые были въ разное время описаны на страницахъ «*Кіевской Старины*», нынѣ же, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, сохраняются ревниво, подобно заповѣдному кладу, въ собраніи бывшаго редактора этого журнала В. П. Науменка [1]).

---

1) Не обладая, къ сожалѣнію, достаточно сильнымъ и вразумительнымъ словомъ заклинанія, мы тщетно пытались было поднять этотъ заколдованный

Такимъ образомъ, намъ остается пока-что ограничиться только простымъ библіографическимъ перечнемъ этихъ глухихъ и случайныхъ, разбросанныхъ отрывочно и вскользь, историко-литературныхъ данныхъ, въ надеждѣ, что они сдѣлаются со временемъ болѣе доступными и, слѣдовательно, будутъ лучше и цѣлесообразнѣе использованы болѣе счастливыми изслѣдователями.

Наиболѣе содержательной и цѣнной для интересующаго насъ вопроса является здѣсь библіографическая замѣтка Н. А. Янчука о двухъ малорусскихъ пѣсенникахъ Шимона Гловинскаго 1814 и 1818 гг., описанію которыхъ авторъ предпосылаетъ также нѣсколько небезъинтересныхъ для насъ общихъ замѣчаній и наблюденій. «Въ старыхъ тетрадяхъ стиховъ, — говоритъ онъ между прочимъ, — написанныхъ гдѣ-нибудь на Волыни или въ Бѣлоруссіи..., вы найдете ту же пестроту, какая наблюдалась и въ жизни соотвѣтствующаго періода времени: польскій, малорусскій, великорусскій и другіе элементы укладываются иногда здѣсь въ самую причудливую мозаику подъ руками семинаристовъ, разныхъ другихъ студіозусовъ, военныхъ и т. п... Здѣсь вы встрѣтите и базиліанскій стихъ, выписанный изъ «Богогласника» почаевскаго, и польскую пѣсню изъ ченстоховской «Кантычки», и гимнъ Костюшку, и «Боже царя храни», и стихи Пушкина и другихъ поэтовъ, русскихъ и польскихъ, и народную пѣсню» [1]). Что же касается, собственно, пѣсенниковъ Гловинскаго, то въ нихъ заключается въ общемъ 14 великорусскихъ пѣсенъ самаго разнообразнаго содержанія, а именно [2]):

украинскій кладъ: сколько мы ни обращались къ владѣльцу собранія съ просьбой разрѣшить намъ разсмотрѣть данныя рукописи и ознакомиться съ интересующими насъ текстами, мы все-же не только не получили желаемаго разрѣшенія, но даже, — подобно П. К. Симони, котораго по другому аналогичному случаю постигла съ той же самой стороны такая же нелѣпая неудача и который по этому поводу справедливо вознегодовалъ на этотъ «скверный россійскій (или вѣрнѣе — «украинскій») обычай», — не удостоились никакого отвѣта! Ср. П. К. Симони: Камеръ-гуслистъ В. Ѳ. Трутовскій и изданный имъ первый русскій нотный пѣсенникъ, М. 1905, стр. 23.

1) Н. А. Янчукъ: Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ — *Кіев. Старина*, 1888 г., октябрь, отд. 3, стр. 2.

2) *Тамъ-же*, стр. 7, 9—10. — Замѣчательно при этомъ, что въ то время, какъ малорусскія пѣсни переданы здѣсь польскими буквами, всѣ великорусскія написаны по русски.

1) «Калину съ малиной вода поймала,
на ту пору матушка меня родила».
2) «Нуте, русскіе солдаты,
пойдемъ нѣмцевъ выручать».
3) «Я въ пустыню удаляюсь».
4) «Прости, милая моя,
ѣду въ дальніе края».
5) «Тучи темны, тучи грозны по-подъ небесамъ текутъ,
наши храбры гренадеры ко Измайлову идутъ».
6) «Я вечоръ въ лугахъ гуляла».
7) «Соловей, мой соловей».
8) «Ахъ, монахъ съ думными очами,
посмотри, что смерть за плечами».

Остальныхъ великорусскихъ пѣсенъ Н. А. Янчукъ, къ сожалѣнію, не счелъ нужнымъ отмѣтить даже по начальнымъ стихамъ, ограничив шись по отношенію къ нимъ только самыми общими упоминаніями, изъ которыхъ можно узнать только, что въ числѣ ихъ находятся «двѣ-три солдатскія пѣсни довольно циничнаго содержанія», далѣе—«пѣсня о купающейся пастушкѣ, которая, завидѣвъ подсматривающаго пастуха, хотѣла утонуть со стыда, но онъ ее вытащилъ и получилъ хорошую награду»[1]), наконецъ—какая-то великорусская «передѣлка извѣстной польской пѣсенки: «Córuś moja, dziecie moje, coś w komorze stuka»[2]).

Подобная же пестрая смѣсь самыхъ разнообразныхъ великорусскихъ пѣсенъ встрѣчается также и въ другихъ старыхъ малорусскихъ пѣсенникахъ. Такъ, въ одномъ пѣсенникѣ начала XIX в., происходящемъ изъ лѣвобережной Украйны, находятся слѣдующія великорусскія пѣсни[3]):

---

1) Повидимому, это извѣстная «пастушеская» пѣсня: «Лишь только занялась заря, какъ солнце вверхъ взошло, горя». См. Книга Письмовникъ (Н. Курганова), изд. 3-е, Спб. 1788, стр. 430—431; Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ (Н. И. Новикова), М. 1780, ч. I, стр. 77—78, № 66; Избранный пѣсенникъ, Спб. 1792, ч. II, стр. 35—36, № 34; Избр. пѣсенникъ, М. 1798, ч. III—IV, стр. 162—163, № 162; Самой новѣйшій... пѣсельникъ, М. 1799, стр. 282—283, № 4, и др.

2) Н. А. Янчукъ: *тамъ-же*, стр. 9—10.

3) В. П. Науменко: Тетрадки-альбомы начала XIX в.—*Кіев. Старина*, 1900 г., октябрь, отд. 2, стр. 12.

1) «Ой, за реченькой слободушка была,
въ той слободки хороша вдова жила».
2) «Житие велико море,
въ немъ челнокъ я малій».
3) «Днесь миръ, играя, торжествуеть,
всякъ другъ съ другомъ и сосѣдъ».
4) «Ахъ, вы реки, речушки, холодныя водушки,
хотять мене потопить, съ милимъ другомъ разлучить» [1]).

Въ пѣсенникѣ «подканцеляриста полкового гадяцкого», Петра Навроцкаго, написанномъ до 1782 г., имѣется также, кромѣ какой-то поэмы Ломоносова, «нѣсколько сентиментальныхъ стихотвореній, въ родѣ: «Рыдаеть, бьется, вопіеть слезно, лишившись горлица дѣтокъ», и здѣсь же — солдатская пѣсня временъ Екатерины: «Наши въ полѣ не робѣють, всякій хощеть городъ взять» [2]).

Въ альбомѣ писца золотоношской сотенной канцеляріи, Андрея Ищенка, 1780—82 гг., находится одна великорусская «пастушеская» пѣсня:

«Пойди прочь, не досаждай мнѣ, молодецъ,
я привыкла здѣсь пасти одна овецъ» [3]).

Наконецъ, подобная же «пѣснь свѣтова російска пастушкамъ», о которой, однако, ничего болѣе не извѣстно, кромѣ того, что она «безвкусна и сентиментальна», встрѣчается также въ пѣсенникѣ XVIII в. собранія Т. В. Кибальчича [4]).

Такимъ образомъ, уже изъ этого бѣглаго и поверхностнаго библіографическаго обзора явствуетъ, кажется, съ достаточной очевидностью, что великорусская пѣсня въ старыхъ малорусскихъ пѣсенникахъ далеко не была рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ, а тѣмъ менѣе какой-нибудь случайной и курьезной диковинкой, предметомъ мѣстной лите-

1) Ср. ниже—наши тексты № 1.
2) *Кіев. Старина*, 1889 г., январь, стр. 243.
3) *Тамъ-же*, 1889 г., февраль, стр. 495.
4) Ц. Г. Нейманъ: Малорусскій пѣсенникъ XVIII в. — *Кіев. Старина*, 1884 г., май, стр. 156.

ратурной насмѣшки или пародіи, но, напротивъ, пользовалась въ нихъ издавна довольно значительною распространенностью и популярностью. Изъ этихъ старыхъ рукописныхъ пѣсенниковъ великорусская пѣсня, съ одной стороны, какъ уже было замѣчено выше, проникала непосредственно въ живой пѣсенный оборотъ малорусскаго народа, съ другой же, перешла преемственно также и въ позднѣйшіе лубочные малорусскіе пѣсенники, въ которыхъ она, конечно, въ болѣе или менѣе измѣненномъ и подновленномъ видѣ, удержалась и понынѣ [1]).

Обращаясь теперь къ найденнымъ нами стариннымъ карпато-русскимъ записямъ великорусскихъ пѣсенъ и желая, по возможности, объединить и обобщить ихъ, по крайней мѣрѣ, на мѣстной карпато-русской почвѣ, мы попытаемся сперва, въ связи съ общимъ ихъ характеромъ и значеніемъ, съ одной стороны, опредѣлить историческую основу и роль великорусскаго элемента въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ также произвести общую сводку и установить взаимную связь тѣхъ скудныхъ и разбросанныхъ въ наукѣ крупицъ и слѣдовъ, которые такъ или иначе имѣютъ какое-нибудь прямое отношеніе къ интересующему насъ вопросу.

Что касается самихъ этихъ записей, относящихся къ различнымъ видамъ великорусской народной и искусственной поэзіи и принадлежащихъ разнымъ періодамъ времени, начиная съ 20-ыхъ годовъ XVIII-го и до начала XIX-го вѣка, то прежде всего необходимо замѣтить, что они отличаются, въ большей или меньшей степени, какой-то необычной и на первый взглядъ какъ-бы карикатурной даже испорченностью и уродливостью текста, доходящей иногда до полнаго его искаженія и потери имъ всякаго смысла. И хотя, конечно, значительная часть этихъ искаженій и ошибокъ можетъ быть отнесена на долю простой небрежности или безграмотности писцовъ, то все-таки, въ виду сплошной устойчивости ихъ въ текстахъ разныхъ временъ и рукъ, а равно и по ихъ

---

1) См. В. В. Даниловъ: Малорусскія нар. пѣсни въ старыхъ и новыхъ лубочныхъ изданіяхъ—*Рус. Филол. Вѣстникъ*, 1910 г., № 3—4, стр. 241.

чрезвычайнымъ размѣрамъ и нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ и чертамъ, необходимо, во всякомъ случаѣ, признать, что главная ихъ причина должна заключаться въ какихъ-то особыхъ, выходящихъ изъ обычныхъ условій древне-письменной практики, обстоятельствахъ.

Эти обстоятельства, по нашему разумѣнію, были двоякаго рода. Съ одной стороны, какъ это съ достаточной ясностью обнаруживается уже изъ самихъ формъ и пріемовъ написаній словъ и, въ особенности, изъ характера ихъ фонетическихъ ошибокъ и искаженій, всѣ эти карпато-русскія записи были произведены, безъ сомнѣнія, по слуху, съ живого голоса, да еще къ тому же, очевидно, неопытными и малограмотными писцами, что̀ уже само по себѣ представляетъ достаточно случаевъ для всевозможныхъ недоразумѣній и ошибокъ [1]). Если же, съ другой стороны, принять во вниманіе, что и самъ великорусскій языкъ пѣсенъ, особенно въ такомъ живомъ и скоромъ произношеніи, являлся для обезличенныхъ и полу-ополяченныхъ русскихъ галичанъ того времени не совсѣмъ удобопонятнымъ и малодоступнымъ вообще, то всѣ искаженія и несообразности этихъ записей, какъ ни многочисленны и уродливы они сами по себѣ, становятся, такимъ образомъ, вполнѣ естественными и понятными. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, только въ такомъ именно жалкомъ и исковерканномъ видѣ и могли эти далекіе великорусскіе звуки, въ данныхъ историческихъ и бытовыхъ условіяхъ, отражаться въ отчужденныхъ и отсталыхъ ушахъ старинныхъ карпато-русскихъ слушателей, и только недочетами и недоразумѣніями подобныхъ неумѣлыхъ и зыбкихъ записей съ голоса, а не какимъ-нибудь сознательнымъ и умышленнымъ передразниваніемъ и извращеніемъ ихъ въ пародіи или карикатурѣ, какъ мудрствуютъ лукаво нѣкоторые недогадливые или не въ мѣру усердные «украинскіе» ученые, и объясняется въ данномъ случаѣ вся эта невольная и безпомощная, скорѣе трогательная и достойная сочувствія, чѣмъ заслуживающая порицанія или насмѣшки, уродливость и спутанность ихъ текста.

---

1) На такое же изустное, съ голоса, происхожденіе данныхъ текстовъ указываютъ, повидимому, также музыкальныя ремарки, которыми снабжены нѣкоторые изъ нихъ: «милюдійне», «тріля».

Въ связи съ этимъ возникаетъ также другой важный и существенный вопросъ, а именно, въ какихъ обстоятельствахъ и какимъ образомъ могли быть произведены въ данныхъ условіяхъ мѣста и времени такія непосредственныя записи подлинныхъ великорусскихъ пѣсенъ, какими способами и путями могли подобныя прямыя и живыя великорусскія воздѣйствія, хотя-бы только въ легковѣсной области пѣсни, проникнуть сквозь твердую и глухую толщу національнаго и культурнаго чужевластія, сквозь вѣковые налеты чужой культуры, мысли и даже рѣчи, въ этотъ глухой и темный, давно оторванный и отчужденный, уголокъ русской земли?

Не останавливаясь здѣсь на этомъ общемъ и сложномъ вопросѣ болѣе подробно и по существу, мы укажемъ только, въ связи съ интересующимъ насъ предметомъ, на два болѣе крупныхъ и яркихъ обстоятельства, которыя, повидимому, въ теченіе XVIII-го и въ первой половинѣ XIX-го вѣка, являлись главными и чуть-ли не единственными средствами и проводами такого прямого перехода живой великорусской рѣчи и пѣсни въ затерянную и отсталую карпато-русскую среду.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду, съ одной стороны, тотъ широкій торговый путь, который, соединяя Россію съ Западной Европой, пресѣкалъ въ XVIII в. въ двухъ направленіяхъ территорію Карпатской Руси и имѣлъ на ней нѣсколько постоянныхъ транзитныхъ стоянокъ, причемъ объ оживленности и прочности его свидѣтельствуетъ не только значительное количество проѣзжавшихъ по немъ товарныхъ подводъ, достигавшее иногда нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ годъ, но также и то обстоятельство, что многіе купцы изъ Россіи имѣли въ галицкихъ городахъ, какъ, напр., въ Бродахъ, Жолквѣ и Львовѣ, собственные дома, конторы и склады, которые со временемъ, послѣ перехода Галичины подъ австрійское владѣніе, получили даже особыя преимущества и льготы [1]). Въ этомъ-то торномъ торговомъ пути, какъ въ лицѣ проѣзжихъ купцовъ и чумаковъ, такъ и постоянныхъ ихъ агентовъ и приказчиковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Гали-

1) См. И. С. Свѣнцицкій: Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую пол. XIX в., Спб. 1906, стр. 14; *его-же*: Матеріалы по ист. возрожденія Карп. Руси, Львовъ 1905, I, 9—10; А. А. Русовъ: Русскіе тракты въ концѣ XVII и нач. XVIII вв., К. 1876, стр. 88—98.

чины, входившихъ такъ или иначе въ близкое соприкосновеніе съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ, и слѣдуетъ, очевидно, признать одинъ изъ такихъ прямыхъ и болѣе или менѣе значительныхъ проводовъ, черезъ который въ данное время могла проникать сюда живая великорусская рѣчь и пѣсня [1]).

Еще большее значеніе должны были имѣть въ данномъ отношеніи тѣ частые, а иногда и довольно продолжительные, военные походы и постои русскихъ войскъ, которые по разнымъ поводамъ, начиная съ конца XVII-го в., выпадали на долю карпато-русской территоріи и, такимъ образомъ, неоднократно предоставляли мѣстному русскому населенію случай непосредственнаго и близкаго общенія съ его далекой и недоступной родней. Какъ на важнѣйшіе этапы этого общенія въ данный періодъ времени, укажемъ прежде всего на частые Петровскіе походы по случаю шведской войны, съ неоднократными и болѣе или менѣе продолжительными постоями русскихъ гарнизоновъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галичины и даже съ личными остановками самого Петра въ городахъ Равѣ русской, Жолквѣ, Яворовѣ, Ярославѣ и Львовѣ (въ 1698, 1706—07, 1711 и 1716 гг.), на неоднократныя же выступленія русскихъ войскъ, въ продолженіе почти всего XVIII в., противъ разныхъ польскихъ конфедерацій въ Галичинѣ, на Наполеоновскіе походы 1799, 1809 и 1813—14 гг., причемъ въ періодъ 1809—1815 гг. два галицкихъ уѣзда—тернопольскій и чортковскій—находились даже въ непосредственномъ владѣніи Россіи, наконецъ, уже въ позднѣйшее время, на венгерскій походъ 1849 г. [2])

Подобныя частыя и болѣе или менѣе длительныя побывки русскихъ войскъ въ предѣлахъ Карпатской Руси, среди единокровнаго и единовѣрнаго населенія, встрѣчавшаго ихъ всегда съ горячимъ родственнымъ

1) Можетъ быть, живыми слѣдами такого именно торговаго происхожденія нѣкоторыхъ изъ нашихъ записей является встрѣчающееся въ нихъ упоминаніе о «чумакѣ», хотя, впрочемъ, какъ будемъ видѣть ниже, послѣднее свойственно иногда также и пѣснямъ солдатскимъ.

2) См. О. А. Мончаловскій: Петръ Великій въ Галицкой Руси, Львовъ 1903, стр. 14—29; И. С. Свѣнцицкій: Обзоръ, стр. 13—16; Я. Ѳ. Головацкій: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, М. 1878, ч. III, отд. 2: Распредѣленіе и оглавленіе нар. пѣсенъ, стр. 11—12; А. А. Русовъ: Русскіе тракты, стр. 51—52.

радушіемъ и сочувствіемъ и взиравшаго на нихъ при этомъ съ особой радостью и надеждой, какъ на естественныхъ своихъ заступниковъ и освободителей, не могли здѣсь, конечно, помимо общаго національнаго подъема, оставаться безъ извѣстныхъ воздѣйствій и отзвуковъ также и въ отношеніи народной литературы, въ частности же — въ наиболѣе доступной и общительной области народной пѣсни.

Такимъ образомъ, не останавливаясь на другихъ, болѣе мелкихъ и случайныхъ видахъ непосредственныхъ встрѣчъ и сношеній Карпатской Руси съ великорусской народностью, можно уже и въ указанныхъ выше торговыхъ и военныхъ обстоятельствахъ усмотрѣть достаточно благопріятныхъ условій и случаевъ для прямого и болѣе или менѣе широкаго проникновенія великорусскаго элемента въ карпато-русскую народную среду. Очевидно, несмотря на всѣ крѣпкіе и глухіе пограничные затворы и вѣковыя чужекультурныя наслоенія, подъ которыми неизбывно изнывала и задыхалась многострадальная Карпатская Русь, даже и въ этомъ глухомъ и безпросвѣтномъ періодѣ ея исторической жизни встрѣчались отдѣльные, болѣе или менѣе значительные и благопріятные моменты, въ которыхъ ей время отъ времени, тѣмъ или другимъ образомъ, являлась возможность прямыхъ и близкихъ сношеній съ великорусской народностью, причемъ, конечно, проникали къ ней не только разныя историческія, бытовыя и злободневныя свѣдѣнія о Россіи, которыми полны мѣстныя лѣтописныя записки того времени, но перенимались ею при случаѣ также и вещи болѣе общаго, литературнаго характера, какъ повѣсти, легенды, пѣсни.

Въ особенности пѣсни, какъ наиболѣе легковѣсный и доступный литературный матеріалъ, повидимому, усваивались мѣстными любителями, какъ въ простомъ народѣ, такъ и въ болѣе образованныхъ кругахъ, довольно широко и устойчиво, о чемъ свидѣтельствуютъ не только рядъ подлинныхъ великорусскихъ пѣсенъ, обращающихся и понынѣ въ пѣсенномъ репертуарѣ карпато-русскаго народа, но также и довольно значительные слѣды прямыхъ великорусскихъ отраженій въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ.

Изъ числа великорусскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ подлинномъ, хотя, конечно, болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, въ живой пѣсенный обо-

ротъ карпато-русскаго народа, отмѣчены въ печати, насколько намъ извѣстно, слѣдующія:

1) «Волга рѣченька широка,
тяжко мнѣ плыть чрезъ тебя» [1]).
2) «Сильны тучи, сильны громы
съ-за Дуная къ намъ идутъ» [2]).
3) «Гдѣ паритъ орелъ россійскій,
гдѣ герои нашихъ странъ» [3]).
4) «Всякому на свѣтѣ есть правда, привѣтъ,
одному солдату только правды нѣтъ» [4]).
5) «Нашъ батюшка Николай
пошелъ въ походъ за Дунай» [5]).
6) «При долинушкѣ стояла,
калину ломала» [6]).
7) «Чѣмъ я тебя огорчила,
скажи, другъ любезный мой» [7]).
8) «Всякому городу нравы, права,
всяка имѣетъ свой умъ голова» [8]).

Конечно, этотъ краткій перечень, основанный, главнымъ образомъ, на случайныхъ записяхъ или только упоминаніяхъ Я. Ѳ. Головацкаго, далеко не можетъ считаться полнымъ и сколько-нибудь исчерпывающимъ дѣйствительный составъ усвоенныхъ Карпатской Русью въ разное время великорусскихъ пѣсенъ, число которыхъ, какъ это извѣстно намъ

---

1) О Суворовѣ. Головацкій: Нар. пѣсни, ч. III, отд. 2: Распредѣленіе, стр. 13—14. Ср. Свѣнцицкій: Обзоръ, стр. 15.

2) Головацкій: *тамъ-же*, стр. 14. Ср. выше—рукописный пѣсенникъ Гловинскаго 1818 г.

3) На взятіе Варны 1828 г. Головацкій: *тамъ-же*, стр. 12—13. Ср. рукописный сборникъ о. Михаила Петрушевича 1840-ыхъ гг.—*Вѣстникъ Народнаго Дома во Львовѣ*, 1911 г., № 1, стр. 15.

4) Головацкій: *тамъ-же*, стр. 15.

5) *Тамъ-же*, стр. 15—16.

6) *Тамъ-же*, стр. 12.

7) *Тамъ-же*, стр. 12.

8) Извѣстная пѣсня Сковороды. *Тамъ-же*, стр. 12.

даже по личнымъ воспоминаніямъ юности, должно быть, безъ сомнѣнія, значительно больше; во всякомъ случаѣ, можно заключать объ этомъ хотя-бы изъ того обстоятельства, что эти пѣсни пользовались и понынѣ пользуются здѣсь значительной популярностью и особымъ почетомъ. «Русскій народъ въ Галичинѣ — говоритъ Головацкій — любитъ пѣть великорусскія пѣсни, преимущественно солдатскія... Поютъ ихъ вмѣстѣ, общимъ хоромъ, при собраніяхъ и пирушкахъ... Также и дьяки и поддьячіе любятъ похвастаться россійскими пѣснями; они тоже иногда поютъ ихъ въ обществахъ, но болѣе книжнаго издѣлія» 1). Такое же отношеніе къ великорусскимъ пѣснямъ наблюдалъ Головацкій еще въ 1830-ыхъ годахъ и въ образованныхъ кругахъ русскихъ галичанъ, причемъ даже поляки, по его словамъ, «не чуждались пѣть московскія пѣсни» 2).

Къ разряду такихъ же подлинныхъ великорусскихъ слѣдовъ въ карпато-русской народной литературѣ слѣдуетъ отнести, наконецъ, также и тѣ скудные остатки великорусскихъ пѣсенъ и репликъ, перенятыхъ, по-видимому, также непосредственно съ живого голоса, которые сохранились въ устахъ кукольнаго «москаля»—въ нѣкоторыхъ карпато-русскихъ вертепныхъ сценахъ 3).

Кромѣ оригинальныхъ великорусскихъ пѣсенъ, сохранившихся въ карпато-русскомъ пѣсенномъ репертуарѣ въ болѣе или менѣе подлинномъ и полномъ видѣ, замѣчается въ немъ также рядъ мѣстныхъ, малорусскихъ пѣсенъ, частью переложенныхъ или передѣланныхъ изъ великорусскихъ, частью же вновь сложенныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ и въ духѣ послѣднихъ. Не имѣя возможности, по указаннымъ выше причинамъ, касаться здѣсь этого интереснаго и, можетъ быть, существеннѣйшаго вопроса, заслуживающаго особаго и самаго живого и глубокаго вниманія, сколько-нибудь близко и подробно, мы укажемъ только при этомъ случаѣ на нѣсколько такихъ, болѣе или менѣе очевид-

---

1) *Тамъ-же*, стр. 11—12.

2) *Литературный Сборникъ Гал.-рус. Матицы*, 1885 г., вып. 2—3, стр. 182.

3) См. И. Я. Франко: До історії укр. вертепа XVIII в., Львовъ 1906, стр. 57—58, 89, 116; И. С. Свѣнцицкій: Опис рукописів Народного Дому з колекції Ант. Петрушевича, Львовъ 1911, II, 194—195.

ныхъ и яркихъ примѣровъ прямыхъ великорусскихъ заимствованій или отраженій въ карпато-русской народной поэзіи.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько карпато-русскихъ пѣсенъ, являющихся, по всей видимости, какъ по своему общему характеру и складу, такъ и по отдѣльнымъ оборотамъ и языковымъ слѣдамъ, прямыми переложеніями или передѣлками великорусскихъ солдатскихъ пѣсенъ:

1) «Гей, на горѣ, на горѣ,
   тамъ гуляли гусари» [1]).
2) «Ой, съ-подъ луга, съ-подъ темного,
   та съ-подъ гаю зеленого» [2]).
3) «Ой, у полѣ густый теренъ росте,
   а тѣмъ терномъ вбита стежка иде» [3]).
4) «По-подъ теремъ тамъ дороженька вбита,
   не такъ дороженька, якъ убитый шлячокъ» [4]).
5) «Гей, въ полѣ тамъ доропжка була,
   не дорожка, тилько битый слячокъ» [5]).
6) «А що-жъ тото за бѣда, бѣлая береза,
   а съ-подъ тои березы вода протекае» [6]).

Преимущественно солдатскій характеръ этихъ пѣсенъ, число которыхъ, безъ сомнѣнія, при болѣе тщательныхъ и подробныхъ поискахъ,

---

1) Wacław z Oleska: Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego, Львовъ 1833, стр. 485—486, № 4; Головацкій: Нар. пѣсни, I, 122, № 32.

2) Головацкій: Пѣсни, I, 138, № 11. Ср. П. П. Чубинскій: Труды этногр.-стат. экспедиціи въ зап.-рус. край, Спб. 1874, V, 975 и 983—985, № 66 и 72; М. П. Драгомановъ: Нові укр. пісні про громадські справи, стр. 84.=А. И. Соболевскій: Великорусскія народныя пѣсни, VI, 68—73, № 85—90.

3) Головацкій: Пѣсни, III—1, 110, № 33; И. Колесса: Гал.-рус. нар. пісні—*Етногр. Збірник Т-ва Шевченка*, XI, 257; O. Kolberg: Pokucie, Краковъ 1883, II, 215—216, № 400—401. Ср. Чубинскій: Труды, V, 994—995, № 89. =Соболевскій: Великорус. пѣсни, VI, 101—103, № 125—126.

4) Варіантъ предыдущей пѣсни. Головацкій: Пѣсни, I, 146, № 21.

5) Варіантъ предыдущихъ двухъ пѣсенъ. Żegota Pauli: Pieśni ludu ruskiego w Galicyi, Львовъ 1840, II, 47, № 4.

6) Головацкій: Пѣсни, I, 148—149, № 24. Великорусскій текстъ и параллели см. ниже—текстъ № 6.

можетъ быть значительно увеличено, указываетъ ясно на путь, которымъ они, по всей вѣроятности, проникли въ карпато-русскую среду: должно быть, они были занесены сюда въ свое время, по случаю упомянутыхъ выше военныхъ походовъ, русскими солдатами, а затѣмъ уже были постепенно передѣланы и приспособлены къ новымъ условіямъ мѣстнаго языка и быта [1]).

Съ другой стороны, очевидно, также подъ живымъ впечатлѣніемъ тѣхъ же русскихъ походовъ и проникавшихъ вмѣстѣ съ ними солдатскихъ разсказовъ и пѣсенъ, слагались здѣсь, въ свою очередь, новыя, оригинальныя народныя пѣсни—о военныхъ подвигахъ русскихъ войскъ, какъ, напримѣръ, пѣсня о взятіи Хотина 1739 г. [2]), пѣсня о разгромѣ кон-

---

1) Относительно послѣдней изъ этихъ пѣсенъ («А що-жъ тото за бѣда, бѣлая береза»), благодаря нашедшемуся нынѣ въ мѣстной старинной записи непосредственному великорусскому оригиналу ея, сохранившему ясно живыя черты своего солдатскаго происхожденія, такой именно путь перехода можетъ быть установленъ, повидимому, вполнѣ опредѣленно и точно (см. ниже № 8).— Замѣтимъ кстати, что только общностью такого именно солдатскаго происхожденія и распространенія данныхъ пѣсенъ и объясняется, очевидно, также и то, странное на первый взглядъ, обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ, и притомъ съ подобными же явными великорусскими чертами, встрѣчаются также и среди малорусскаго народа въ Россіи, въ виду чего могло бы явиться предположеніе, что они не были восприняты Карпатской Русью непосредственно отъ захожихъ великороссовъ и претворены здѣсь на мѣстѣ, а перешли сюда уже въ готовомъ, такъ сказать, обмалорусѣвшемъ видѣ—изъ близкой Малороссіи. Такъ какъ, однако, эти украинскіе варіанты значительно отличаются отъ карпато-русскихъ, и не только въ отношеніи своихъ великорусскихъ чертъ, но и по общей своей редакціи и окраскѣ, то приводить ихъ въ какую-нибудь прямую взаимную связь, кромѣ естественнаго параллелизма по общему великорусскому источнику, едва-ли возможно. Что же касается мнѣнія, высказаннаго въ свое время В. Н. Перетцомъ, будто данныя пѣсни (въ частности—«Ой у полѣ густый теренъ росте»), въ своемъ малорусскомъ видѣ, являются именно первоначальными оригиналами, а ихъ великорусскія параллели только производными ихъ отраженіями (Изслѣд. и матеріалы, I—1, 333), то оно въ данномъ случаѣ, въ виду обнаружившихся нынѣ новыхъ данныхъ, должно быть признано также совершенно неправильнымъ и несостоятельнымъ.

2) W. z Oleska: Pieśni polskie i ruskie, стр. 481; Головацкій: Нар. пѣсни, I, 21, № 16; П. В. Кирѣевскій: Пѣсни, М. 1872, IX, 365—366; М. П. Драгомановъ: Політичні пісні укр. народу XVIII—XIX ст., Женевá 1885, I—2, 165—166, № 12. Ср. И. С. Свѣнцицкій: Обзоръ, стр. 15; И. Я. Франко: Студії над укр. нар. піснями—*Записки Т-ва Шевченка*, т. XCIV, стр. 46—48.

федератовъ подъ Станиславовомъ 1764 г., [1]) или, наконецъ, позднѣйшія пѣсни о венгерскомъ походѣ 1849 г. [2])

Пѣснями послѣдняго разряда, имѣющими, впрочемъ, уже только косвенное и болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ интересующему насъ здѣсь вопросу, и исчерпываются въ сущности тѣ скудные и отрывочные слѣды прямыхъ великорусскихъ заимствованій и отраженій въ карпато-русской народной поэзіи, которые мы считали умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, не претендуя, впрочемъ, нисколько на новизну и полноту матеріала, свести здѣсь воедино и отмѣтить кстати, въ связи съ издаваемыми ниже текстами, какъ отправныя вѣхи для дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ и подробныхъ разысканій въ этой глухой и нетронутой еще области изученія старинныхъ литературныхъ взаимодѣйствій обоихъ главныхъ русскихъ нарѣчій.

Предлагаемые далѣе тексты извлечены нами, за исключеніемъ одного, изъ пяти карпато-русскихъ рукописныхъ пѣсенниковъ XVIII-го и начала XIX-го вѣка собранія А. С. Петрушевича въ библіотекѣ «Народнаго Дома» во Львовѣ—№ 135, 181, 194, 280 и 406 [3]),

1) См. И. Я. Франко: Студії над укр. нар. піснями —*Записки*, т. XCIV, стр. 48—53.

2) Головацкій: Нар. пѣсни, II, 460—461; Драгомановъ: Нові укр. пісні, стр. 62—68. Ср. Свѣнцицкій: Обзоръ, стр. 15.—Повидимому, къ такимъ же непосредственнымъ, живымъ отголоскамъ русскихъ военныхъ походовъ и занесенныхъ ими въ карпато-русскую народную среду солдатскихъ пѣсенъ слѣдуетъ отнести, наконецъ, также довольно широко распространенныя и излюбленныя здѣсь пѣсенныя выраженія: «ты *дунъчи* козаче», «вы хлопци *дунцы*» или «*донцы*» и т. п., восходящія, несомнѣнно, къ представленію о *донскихъ* козакахъ, о которыхъ, кстати сказать, говорится также и въ нѣкоторыхъ изъ издаваемыхъ ниже старинныхъ великорусскихъ пѣсенныхъ текстовъ (№ 2 и 3). На такое заносное, «закордонное» происхожденіе даннаго представленія даже прямо указывается въ одной «коломыйкѣ»: «ой, вы хлопци *закордонцы*, ой, вы хлопци *дунцы*». См. В. М. Гнатюкъ: Коломыйки, Львовъ 1905, I, 208, № 2090. Ср. *тамъ-же*, № 2092 и 2549; а также: W. z Oleska: Pieśni, стр. 485; Головацкій: Пѣсни, I, 122 и 140; O. Kolberg: Pokucie, II, 54.

3) Нѣкоторые изъ этихъ пѣсенниковъ сдѣлались уже извѣстными въ наукѣ: такъ, № 135 подробно описанъ и почти цѣликомъ изданъ М. С. Грушевскимъ: Співанник з початку XVIII в.—*Записки Т-ва Шевченка*, т. XV и XVII, а также недавно И. С. Свѣнцицкимъ: Опис рукописів Нар. Дому з колекції А. Петрушевича, II, 248—258; № 181 описанъ въ томъ же «Описѣ» Свѣнцицкаго, II, 194—200; № 194 —*тамъ-же*, стр. 242—248.

послѣдній же изъ нихъ, а именно — Петровскій «кантъ» (№ 15)—изъ принадлежащаго намъ пѣсенника Дамьяна Левицкаго, поповича Нововесскаго, 1739—40 гг.[1]). Всѣ они издаются здѣсь съ буквальной точностью и даже съ сохраненіемъ ихъ многочисленныхъ и уродливыхъ ошибокъ и искаженій, совершенно затемняющихъ иногда смыслъ стиховъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже было замѣчено выше, столь естественныхъ и характерныхъ для среды и условій, въ которыхъ они возникли, а притомъ также, можетъ быть, не лишенныхъ нѣкотораго интереса и въ качествѣ живыхъ и болѣе или менѣе яркихъ мѣстныхъ фонетическихъ воспріятій современныхъ имъ великорусскихъ формъ и звуковъ[2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ видахъ надлежащаго уразумѣнія и опредѣленія тѣхъ чувствительныхъ и своеобразныхъ измѣненій и искаженій, которымъ подверглись въ этихъ старыхъ карпато-русскихъ воспріятіяхъ залетныя великорусскія пѣсни, такъ и болѣе опредѣленнаго и точнаго установленія ихъ историко-литературнаго происхожденія и родства вообще, мы считали необходимымъ, не вдаваясь, впрочемъ, нисколько въ ихъ подробный сравнительный анализъ, отыскать и сличить съ ними, по возможности, ихъ ближайшіе оригиналы или варіанты, которые приходилось иногда разыскивать и возстановлять, такъ сказать, мозаически, по отдѣльнымъ отрывкамъ и клочкамъ, для чего были привлечены и использованы нами не только многіе рукописные и печатные великорусскіе пѣсенники XVIII-го и начала XIX-го вѣка, но также,—главнымъ образомъ, по монументальному сборнику академика А. И. Соболевскаго: Великорусскія народныя пѣсни (т. I—VII, Спб. 1895—1902),—и современ-

---

1) Рукопись въ продолговатую 8-ку, 236 листовъ, писанная полууставомъ нѣсколькихъ почерковъ, пріобрѣтена нами въ 1908 г. въ с. Крампнѣ, ясельскаго у., въ Галичинѣ; содержитъ почти исключительно духовныя вирши и пѣсни. См. *нашу* замѣтку въ *Отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ за 1908 г.*, стр. 47.

2) Текстуальныя вставки и восполненія очевидныхъ пропусковъ заключаются нами въ косыя скобки, всякія же другія критическія исправленія и поясненія испорченныхъ рукописныхъ чтеній, по подлиннымъ ли параллелямъ, или просто по догадкѣ, конечно, насколько таковыя вообще были возможны, выносятся, вмѣстѣ съ другими подобными примѣчаніями, подъ строку. Раздѣленіе стиховъ и знаки препинанія принадлежатъ намъ.

ныя, новыя записи великорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Если же для нѣкоторыхъ изъ нашихъ текстовъ все-таки не нашлось при этомъ не только соотвѣтственныхъ прямыхъ оригиналовъ, но даже сколько-нибудь близкихъ параллелей, то, можетъ быть, уже въ самихъ этихъ родословныхъ пробѣлахъ, поскольку послѣдніе, конечно, не обусловлены какими-нибудь случайными недочетами нашихъ библіографическихъ разысканій, слѣдуетъ признать явныя доказательства того, что данныя пѣсни были почему-то на своей родинѣ давно уже утеряны и забыты, а сохранились только въ этихъ случайныхъ и неумѣлыхъ записяхъ старинныхъ карпато-русскихъ грамотѣевъ, которыя въ такомъ случаѣ уже и сами по себѣ, помимо ихъ особаго, частнаго значенія, получили бы, естественно, болѣе существенную и широкую значительность и цѣнность.

Въ качествѣ ближайшихъ литературныхъ источниковъ нашихъ текстовъ, использованы нами здѣсь, въ большей или меньшей степени, слѣдующіе старинные, рукописные и печатные, сборники великорусскихъ пѣсенъ [1]):

1) Рукописный пѣсенникъ Имп. Академіи Наукъ, конца XVIII в., № 16. 6. 33.=*РАа* [2]).

2) Рукописный пѣсенникъ И. Акад. Наукъ, к. XVIII—нач. XIX в., № 32. 16. 16.=*РАб* [3]).

3) Рукописный пѣсенникъ И. Публичной Библіотеки, к. XVIII—нач. XIX в., № Q. XIV. 124.=*РПа* [4]).

---

1) При этомъ случаѣ обозначаемъ курсивомъ условныя помѣты, подъ которыми въ дальнѣйшемъ будемъ цитировать данные пѣсенники.

2) Описанъ подробно (но съ ошибкой въ библіотечной сигнатурѣ: 16. 6. 32) В. Н. Перетцомъ: Изсл. и мат., I—2, 96—104, а также вкратцѣ А. А. Веселовскимъ: Любовная лирика XVIII в., стр. 14.

3) Описанъ В. И. Срезневскимъ: Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатн. изд. и др. предметахъ, поступившихъ въ рукоп. отд. библіотеки И. Акад. Наукъ въ 1902 г., Спб. 1905, Приложеніе, стр. 145—150.

4) Описанъ вкратцѣ А. А. Веселовскимъ: Любовная лирика, стр. 15.

4) Рукописный пѣсенникъ И. Публ. Библіотеки, XVIII и нач. XIX в., № О. XIV. 11.=*РПв*[1]).

5) Рукописный, т. наз. Микулинскій пѣсенникъ, половины XVIII в., нынѣ собранія П. К. Симони.=*РМ*[2]).

6) Рукописный пѣсенникъ нашего собранія, полов. XVIII в. =*РЯ*[3]).

7) Новое и полное собраніе россійскихъ пѣсенъ (изд. Н. И. Новикова), ч. I—VI, М. 1780—81.=*ПН*.

8) Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсельниками. Спб. 1790.=*ММ*.

9) Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ, гармониз. Ив. Прачемъ (изд. А. С. Суворина), Спб. 1896[4]).=*ПЛП*.

10) Избранный пѣсенникъ или собраніе наилучшихъ... россійскихъ пѣсенъ, ч. I—II, Спб. 1792.=*ИПа*.

11) Избранный пѣсенникъ или собраніе наилучшихъ старыхъ и самыхъ новѣйшихъ россійскихъ пѣсенъ, М. 1795. =*ИПб*.

12) Избранный пѣсенникъ или собраніе лучшихъ старыхъ и новѣйшихъ... россійскихъ пѣсенъ, ч. I—IV, М. 1798.=*ИПв*.

13) Самой новѣйшій отборнѣйшій Московской и Санктпетербургской пѣсельникъ, М. 1799.=*СНП*.

---

1) Описанъ А. Ѳ. Бычковымъ: Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Публ. Библ., содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни,— *Труды IV Археолог. Съѣзда*, Казань 1891, II, 164—180, а также В. Н. Перетцомъ: Изсл. и мат., I—2, 114—128; ср. также А. А. Веселовскій: Любовная лирика, стр. 15.

2) Описанъ и отчасти изданъ А. Н. Пыпинымъ: Народные стихи и пѣсни—*Отечественныя Записки*, 1858 г., январь, стр. 301—320.—Даннымъ пѣсенникомъ мы пользовались не въ подлинникѣ, а только частью по изданію Пыпина, частью же по выпискамъ, любезно сообщеннымъ намъ нынѣшнимъ его владѣльцемъ.

3) Рукопись въ 108 листовъ продолговатой 8-ки, красивой круглой скорописи одной руки, пріобрѣтена нами въ 1906 г. въ Москвѣ; содержитъ 58 свѣтскихъ и 1. духовныхъ пѣсенъ, въ томъ числѣ также цѣлый рядъ малорусскихъ

4) Первое изданіе, какъ извѣстно, вышло въ 1790 г., послѣдующія — въ 1802, 1806, 1815 и 1816 гг.

14) Новѣйшій и отборнѣйшій россійскій всеобщій пѣсенникъ, ч. I—IV, Спб. 1806.=*НОП*.

15) Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ, М. 1822. =*НВП*.

Въ заключеніе считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность: Г. А. Ильинскому, В. А. Кордту, Ф. И. Свистуну, П. К. Симони, М. Н. Сперанскому, Т. Д. Флоринскому и А. А. Шахматову, которые тѣмъ или другимъ образомъ, книгами или указаніями и справками, оказали намъ любезное содѣйствіе въ настоящей работѣ.

1.

а) *Рукопись Музея А. С. Петрушевича, полов. XVIII в., № 181, л. 66 об.—67.*

Пѣснъ свѣтова москевска[1]).

Ахъ, ретушки, ретушки[2]), холодние водюшки,
хотꙗтъ меніе потопи', с милимъ друґомъ разлучитъ,
ахъ, ніе такто разлучитъ, какъ докупи случитъ.
А в моего батюшки три ѕелоние сада:
в первомъ саду оу ѕелономъ тамъ зозулꙗ куетъ,
‹во› второмъ саду оу ѕелономъ соловейко поетъ[3]),
оу третомъ саду оу ѕелономъ тамо[4]) ґрушица стоитъ,
а подъ тоею ґрушою красна дв҃ца сидитъ,
горко плачетъ и ридаетъ, ґ земи[5]) припадаетъ.
Красовици діевушки, приходѣте[6]) ґ ретюшки, ||
пособите плакати, мила друґа искати[7]):
зачимъ[8]) милий ніе бижитъ, если[9]) его хто[10]) діержитъ?
А первaꙗ красовица та задіержуваетъ,
а ‹в›тораꙗ красовица лошатей сѣдлаетъ,
а третаꙗ красовица з двора спроважаетъ[11]).

---

1) Напечатана весьма неудовлетворительно и небрежно И. С. Свѣнцицкимъ: Опис, II, 198—199.

2) Должно быть: *рѣчушки*; во всѣхъ другихъ варіантахъ: *рѣченьки*.

3) У Свѣнцицкаго весь этотъ стихъ почему-то пропущенъ.

4) У Свѣнц. послѣднія четыре слова пропущены.

5) Д. б.: *къ земли*.

6) Свѣнц.: *приходѣтъ*.

7) У Свѣнц. весь стихъ пропущенъ.

8) Свѣнц: *затимъ*.

9) Вѣроятно д. б.: *али*, какъ въ большинствѣ варіантовъ.

10) Свѣнц.: *кто*.

11) Свѣнц.: *спроваживаетъ*.

Буду ґрамоти писатъ, буду слуґи ро<з>силатъ.
А <въ> моего батюшки калавуръ[1]) на дворѣ,
ѡфицѣри с палашами, всо са<л>дати со ружомъ.

б) Рукопись Музея А. С. Петрушевича, нач. XIX в., № 406, л. 18—об.

Пѣснь московска.

Ахъ, речушки, речушки, халастіе батюшки,
хотятъ мене потопѣть, зъ миломъ другомъ разлучить,
какъ не такъ разлучить, якъ докупи зълучить.
А въ моего батюшки три зелони во(?)сада:
в первомъ саду во зелономъ тамъ зазулка куетъ,
<во> второмъ саду во зелономъ тамъ с<о>ловіейко поетъ,
в трет<ом>ъ саду во зелономъ тамъ грушица стоитъ,
а подъ тою грушицею красна девушка сидетъ,
горко плачетъ и ридаетъ, къ земли припадаетъ.
Красовѣци девушки, пріходѣте к речушки, ||
пособѣте плакати, зъ мило друго[2]) искати:
зачомъ милій не бѣжитъ, если его кто держитъ?
А первая красовѣца та задержуваетъ,
а вторая красовѣца зъ двора випроважаетъ,
а третая красовѣца коня усѣдлаетъ.
Буду грамотѣ писать, буду слуги разсилать.
А в моего батюшки карнумъ[3]) на дворе,
ѡфѣцирѣ съ палашами, вся солдати зъ ѡружами.

Сравнивая оба варіанта между собою, необходимо прежде всего признать, что они, несмотря на раздѣляющій ихъ значительный промежутокъ времени, въ общемъ вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ, въ виду чего могло бы возникнуть предположеніе, что второй изъ нихъ является только механическимъ спискомъ съ перваго, или что оба они произошли параллельно отъ какой-то неизвѣстной, общей имъ обоимъ,

1) Д. б.: *караулъ.* 2) Д. б.: *мила друга.* 3) Д. б.: *караулъ.*

первичной записи. Такъ какъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только нѣкоторыя текстуальныя разночтенія обоихъ варіантовъ, но также и отдѣльныя фонетическія ихъ особенности и черты настолько оригинальны и своеобразны, что приписывать ихъ только какимъ-нибудь случайнымъ корректурамъ или ошибкамъ писцовъ никакъ не возможно, то приходится, очевидно, въ настоящемъ случаѣ оставить въ полной силѣ наше общее предположеніе о непосредственномъ, изустномъ происхожденіи данныхъ записей, съ той, однако, существенной оговоркой, что только первая изъ нихъ произведена была непосредственно съ подлиннаго великорусскаго голоса, вторая же, повидимому, является уже только позднѣйшимъ, вторичнымъ ея воспроизведеніемъ — со словъ какого-нибудь мѣстнаго любителя великорусскихъ пѣсенъ.

Въ отношеніи къ другимъ, подлиннымъ великорусскимъ варіантамъ, наши записи не обнаруживаютъ уже такой цѣльной текстуальной близости, какъ между собою. Помимо частыхъ и мѣстами довольно значительныхъ разночтеній въ самомъ текстѣ, они рѣзко отличаются отъ послѣднихъ, главнымъ образомъ, въ размѣщеніи отдѣльныхъ пѣсенныхъ мотивовъ, которые перемѣшаны въ нихъ и сцѣплены другъ съ другомъ вполнѣ своеобразно и произвольно, причемъ къ нимъ даже пристегнуты въ концѣ совсѣмъ некстати два совершенно постороннихъ стиха (17—18), явно солдатскаго происхожденія. Изъ извѣстныхъ намъ подлинныхъ варіантовъ пѣсни въ общемъ ближе всего подходитъ къ нашимъ записямъ варіантъ *ПН*, II, 181, № 170:

«Ахъ, рѣченьки, рѣченьки, холодные водоньки,
вы дѣвушки, сударушки, пособите плакати,
пособите плакати, мила друга кликати:
что мой милой не бѣжитъ, али кто его держитъ?
Его прежняя милая за ручку держала,
а другая то милая въ уста цѣловала,
его третья то милая съ двора провожала [1]).
Есть у моего милаго три зеленые сада:

1) Въ другомъ варіантѣ того же пѣсенника (IV, 67—68, № 68) слѣдуютъ здѣсь, между прочимъ, слѣдующіе 3 стиха, соотвѣтствующіе нашему ст. 16-му:
«Пиши, пиши грамотки, миленькій дружочекъ,

въ перьвомъ саду кукушечка жалобно кукуетъ,
въ другомъ саду соловейко громко воспѣваетъ,
въ третьемъ саду грушица вельми зеленая.
Подъ грушею зеленою дѣвица сидѣла,
она плачетъ, возрыдаетъ, къ землѣ припадаетъ,
митькалиннымъ платочкомъ слезы утираетъ»[1])...

См. другіе варіанты: *ПН*, IV, 67—68, № 68; *РПв*, л. 68, № 85; *ПЛП*, стр. 77, № 77; *НОП*, II, 190—191, № 139; *НВП*, II, 151—152, № 261; А. И. Соболевскій: Великорус. нар. пѣсни, V, 543—546, № 698—701; Н. М. Петровскій: Рукописный пѣсенникъ XVIII в., Спб. 1907, стр. 12. Ср. также украинскую запись въ пѣсенникѣ Науменка — *Кіев. Старина*, 1900 г., октябрь, отд. 2, стр. 12 (см. выше).

Въ связи съ нахожденіемъ данной великорусской пѣсни въ старыхъ малорусскихъ пѣсенникахъ вполнѣ естественнымъ становится также и то обстоятельство, что она не только уже давно подверглась въ малорусской средѣ значительнымъ языковымъ и текстуальнымъ измѣненіямъ, но даже была здѣсь со временемъ и совсѣмъ воспринята и передѣлана на малорусскій ладъ. Замѣчательно при этомъ, что и въ такомъ новомъ, обмалорусѣвшемъ видѣ она, въ свою очередь, по прихоти случайной обратной волны, попала опять въ составъ родныхъ себѣ великорусскихъ пѣсенниковъ. Одинъ старинный текстъ такой малорусской передѣлки нашей пѣсни, сохранившійся въ великорусскомъ пѣсенникѣ полов. XVIII в. Тверского музея № 152/3199, изданъ недавно В. Н. Перетцомъ, но при томъ, очевидно, по предвзятому недоразумѣнію, совершенно неправильно причисленъ имъ къ разряду природныхъ, оригинальныхъ мало-

либо грамотки пиши, или служанку пришли;
ты ни грамотъ не писалъ, ни служанки не прислалъ»...

Нѣсколько иначе редактировано это мѣсто въ вар. *РПв*:

«Пиши, пиши грамотку, пришли ко мнѣ служеньку,
утѣшь мою душеньку, развесели головку,
обрадуй сердечко»...

1) Дальше слѣдуетъ еще 9 стиховъ, не имѣющихъ уже къ нашимъ текстамъ никакого отношенія.

русскихъ пѣсенъ [1]). Приведемъ кстати другой подобный варіантъ, приблизительно того же времени, находящійся въ принадлежащемъ намъ великорусскомъ же пѣсенникѣ *РЯ*, л. 64 об. — 65, № 45, и представляющій, сравнительно съ первымъ, довольно существенныя разночтенія, которыя при этомъ случаѣ также отмѣчаемъ особо:

«Быстренкия реченки, холодныя водо"ки,
помозите плакати, миленкаго чекати [2]):
чи [3]) кто его тамъ де'жи", що до мене не бѣжи",
чи иншую милую маетъ, що до мене не бываетъ [4])?
Охъ, листонки пиши, охошъ [5]) служе"ку при"ли [6]),
пришли, пришли служенку, развя" бѣ'ную мою туже"ку [7]).
Ни листонку [8]) не писа", ни служинку [9]) не присла".
Хвалю" тебѣ, Боже мо', що са" се'денко пребываетъ [10]).
Бѣри коня [11]) і сайдакъ, а я пойду пеша такъ;
у мене ношки [12]) не болятъ с миле"ки" [13]) ма"дровать,
у мене рученки не боля" милинкаго [14]) о'нимать,
у мене уста не болятъ [15]) мили"каго [16]) целовать» [17]).

---

1) В. Н. Перетцъ: Новыя данныя для исторіи старинной укр. лирики, стр. 34—35; ср. *его-же*: Изслѣд. и мат., I—1, 287.

2) Тверской вар.: *шукати*.

3) *албо*.

4) Въ Тв. цѣлаго этого стиха нѣтъ.

5) ? Можетъ быть: *а хочъ*?

6) Въ Тв. этотъ стихъ читается такъ: *албо листон'ку писалъ, албо служен'ку прислалъ*.

7) *вовеселы мою тужен'ку*; ср. вар. *РПе*—выше.

8) *и листон'ки*.

9) *и служен'ки*.

10) Вмѣсто этого стиха, въ Тв. имѣется другой: *сѣдлай коня ворона, поедемъ мой милый, с тобой долговат* (*до Львова?*).

11) *стрѣлы*.

12) *мене ножен'ки*.

13) *с тобой, милен'ки мой*.

14) *тебе, милен'ки мой*.

15) *мене устон'ки не свербятъ*.

16) *тебе, милен'ки мой*.

17) Въ Тв. слѣдуетъ еще одинъ стихъ: *мене глазон'ка не болятъ на тебя, милен'ки мой, вглядовать*.

Кромѣ этой старинной малорусской передѣлки, имѣющей, собственно, только въ первой своей половинѣ прямое генетическое отношеніе къ нашей пѣснѣ и нѣсколько испорченной и спутанной вообще, сохранился въ пѣсенномъ репертуарѣ малорусскаго народа также другой, болѣе цѣльный и проникновенный слѣдъ ея, восходящій несомнѣнно къ тому же великорусскому оригиналу. Это—современная малорусская народная пѣсня, извѣстная въ двухъ различныхъ и болѣе или менѣе самостоятельныхъ варіантахъ: 1) «А позъ мои нови ворота тече ричка широка» [1]) и 2) «Кругомъ рички бережечки, все холодная вода» [2]).

2.

а) *Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 181, л. 67 об.—68 об.*

Писнъ свитова.

Ахъ, ви браца [3]), ви браца, ви || товариши мои,
холостие, молодие, оудолие ви мое [4]).
Ахъ, ніе знаете ви, браца, ніещастиꙗ моево:
ніещаслива оучинила, с миломъ друґомъ разлучила,
какъ билъ ꙗ молодіецъ, ахъ, какъ сталъ ꙗ оудовіецъ.
Билъ ꙗ оу діевушки оу ґосцꙗхъ, спалъ на тонких
постелꙗхъ.
А оу славнаво купца, оу Есеꙗ Ґригора,
а оу любимой его дочери Ефимушки,
тамъ стоꙗла избушка на переплетю високомъ.
Поймали чумака, донскаго козака;
козакъ доку п...толокъ [5]), чукъ чукъ [6]) ноґи оуволюкъ [7]).

---

1) П. П. Чубинскій: Труды этногр.-стат. экспедиціи, V, 66, № 143.

2) Б. Д. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, III, 188, № 389.

3) Д. б.: *братцы.*

4) Д. б.: *удалые вы мои.*

5) Нѣсколько буквъ нельзя разобрать.

6) ? М. б.: *чуть-чуть?*

7) Въ вар. *ПН* этому испорченному стиху соотвѣтствуетъ, повидимому, слѣдующій: *скочилъ съ печи на порогъ, только ножки въ потолокъ.*

Качаласꙗ, брацаласꙗ[1]) Ефимушка по двору;
будъто плаче, будъто тужить, ѡна ложно ра<з>суждаеть,
поймать, подоптать и кафтанъ с него содрать,
на сладкомъ міеду пропить, на зелономъ винѣ.
Петербурскіе || рабята[2]) здоровитие[3]) були,
скоро в городъ оуступили, в той часъ дієвокъ полюбили,
девъкамъ лента покупили:
котораꙗ високаꙗ, на той лента широкаꙗ,
котораꙗ низенкаꙗ, на той лента гарненкаꙗ,
котораꙗ рабенкаꙗ, на той лента оузенкаꙗ,
которая поштѣршей[4]), на той лента покращей,
а своему дружку на зеленомъ жанчужку[5]).

б) *Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 406, л. 20—об.*

Пѣснь московска.

Ахъ, ви браца, ви браца, ви товариши мои,
халастіи, молодіе, ви удалие мои[6]).
Какъ не знаете ви, браца, нещастіе мое[7]):
нещаслива учинила, з милимъ другомъ разлучила[8]), ||
какъ былъ ꙗ молодецъ, а какъ сталъ ꙗ удовецъ.
Былъ ꙗ въ девушки въ гостяхъ, спал ꙗ в тенкихъ.....[9])
А у славнаго купца, а въ Есеꙗ регена[10]),
тамъ стояла изба на подпецахъ висока.
Поймали козака, сербскаго чумака;

1) Д. б.: *бросалася.*
2) Д. б.: *ребята.*
3) ? М. б.: *тароватые.*
4) Д. б.: *поширӗй.*
5) ? М. б.: *жемчужку.*
6) Этотъ стихъ повторяется.
7) Первоначально въ рук. было: *моею*, но затѣмъ послѣдній слогъ былъ перечеркнутъ.
8) Повторяется.
9) Въ рук. пропущено, судя по вар. *а*, слово: *постеляхъ.*
10) ? М. б.: *регента* (дьяка)?

козакъ до неи потолечь, чукъ чукъ ногѣ уволочь [1]).
Кацалася, брацалася якъ девушка по двору;
будьто тужитъ, будьто плачитъ, все на ложно разсуждать,
на сладкомъ меду пропѣть, на зелономъ виніе.
Патербушке зорабять даровитіе быти [2]),
скоро въ городъ доступили, въ той часъ діевкѣ полюбили,
девкамъ кафти [3]) покупилъ [4]):
которая високая, на ту лянка [5]) широкая,
которая низен'кая, на ту ланка вузенкая,
а своему дружку та на саму чужку [6]).

О взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ этихъ варіантовъ между собою приходится полностью повторить то, что было сказано выше относительно варіантовъ первой пѣсни: оба они, по всей видимости, живого, изустнаго происхожденія, причемъ, однако, только первый изъ нихъ былъ записанъ непосредственно изъ устъ великорусса, второй же, гораздо болѣе испорченный и спутанный, является уже только позднѣйшимъ его отраженіемъ — въ неумѣлыхъ устахъ какого-нибудь мѣстнаго пѣвца.

Сама пѣсня состоитъ, повидимому, изъ трехъ частей, механически сцѣпленныхъ другъ съ другомъ, конечно, еще на великорусской почвѣ. Къ сожалѣнію, однако, изъ подлинныхъ великорусскихъ варіантовъ сохранилось очень немного—всего одинъ болѣе или менѣе полный и два частичныхъ, да и тѣ далеко не во всемъ соотвѣтствуютъ нашимъ записямъ, такъ что возстановить по нимъ подлинный текстъ не вездѣ является возможнымъ.

Сравнительно довольно цѣльнымъ и близкимъ по отношенію къ нашимъ записямъ является старинный варіантъ *ПН*, IV, 128—129, № 144:

---

1) Ср. вар. *а*.
2) Sic! ср. вар. *а*.
3) Д. б.: *кофты*, хотя по аналогіи слѣдовало бы ожидать: *ленты*.
4) Д. б.: *покупили*.
5) Д. б.: *лента*.
6) Sic! ср. вар. *а*.

«Ахъ, братцы, вы братцы, удалые молодцы,
вы не знаете, братцы, несчастія моего.
Всѣмъ я объявлю: подъ Донскимъ дружка люблю.
Отъ калужскихъ то воротъ, да на первой тамъ верстѣ,
ахъ, на первой тамъ верстѣ, да на красной головѣ,
ахъ, на красной головѣ, во угольномъ во дворѣ,
у Никиты бузника я жену его люблю,
Натальюшку свѣтъ Никитишну.
Скочилъ съ печи на порогъ, только ножки въ потолокъ.
Ой, Настасья встосковалась, сама по двору бросалась,
будьто тужитъ, будьто плачетъ, будьто жаль же ей меня.
Ой, дай, Боже, пожить, кафтанъ съ шубою сложить,
да за стойку положить, Обуховыхъ ребятъ виномъ,
пивомъ напоить.
Обуховы ребята пива та не пьютъ, вина въ ротъ не берутъ,
только платье содерутъ и рукавчики соймутъ».

Недостающій въ этомъ варіантѣ заключительный мотивъ нашей пѣсни—объ одареніи дѣвушекъ лентами—встрѣчаемъ только въ другой связи—въ концѣ одной современной народной пѣсни изъ курской губ.:

«Расховецкіе ребята разжилися, разбылися,
они къ торгу приступили, увесь товаръ поскупили,
усѣхъ дѣвокъ одарили:
которая хороша, ей ленда два гроша,
которая чистолика, ей ленда невелика,
которая рябая, ей ленда голубая,
которая косая, ей ленда полосами» [1]).

Наконецъ, послѣдній, отрывочный слѣдъ нашей пѣсни сохранился въ начальныхъ стихахъ другой народной пѣсни — изъ вологодской губ., причемъ онъ, въ свою очередь, даже нѣсколько ближе подходитъ къ началу нашихъ записей, чѣмъ варіантъ *ПН*:

1) Соболевскій: Великорус. пѣсни, VII, 343—344, № 387.

«Ужъ вы, братцы, вы братцы, товарищи мои,
вы не знаете, братцы, несчастья моего:
несчастливъ я уродился, со дѣвушкой поводился»[1]).

3.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 406, л. 17—об.

Пѣснъ московска.

Ахъ, подъ ꙗблоньной, под той,
подъ захарной, болшой,
га, подъ захарной,
стоитъ гулакъ молодій,
держитъ гусла подъ полой,
га, держи<тъ> гусла под полой.
А ви гусла мои,
ви гуселща мои;
га, ви гуселща мои, ||
та заграйте ви мне,
ꙗ вамъ піесенки спое,
га, ꙗ вамъ піесенки спое.
Протѣвъ церкви на горе,
а въ маіωра на дворе,
га, въ маіωра на дворе,
стоитъ гулакъ молодій,
держитъ гусла подъ полой,
га, держит гусла под поло^{й}.
Стоитъ дочь харашой,
а въ Гануши душа,
га, а въ Гануши душа.
А въ Ганушиной сестре
тамъ галавушка болет,
га, та^{м} галавушка болет.

1) *Тамъ-же*, III, 200, № 249.

Пойдѣте по попа,
по духовнаго[1]) ѿца,
га, по духовнаго ѿца.
Пойди, чарте, изъ попомъ,
изъ духовни* ѡтцо*,
га, из духовни* ѿцомъ.
Приведѣте козака,
сербскаго чумака[2]),
га, сербскаго чумака.
Нехай ксзакъ прійде,
скля*ницу принесе
и по чарки поднесе.

Пѣсня, очевидно, составлена изъ двухъ различныхъ частей, довольно неуклюже связанныхъ другъ съ другомъ посредствомъ произвольно повтореннаго образа козака, играющаго на гусляхъ, который вообще, какъ будемъ видѣть ниже (см. № 4), встрѣчается неоднократно, въ видѣ эпическаго запѣва или связующаго звена, также и въ нѣкоторыхъ другихъ пѣсенных сочетаніяхъ.

Для обѣихъ составныхъ частей пѣсни находимъ подлинныя, болѣе или менѣе близкія паралели только въ составѣ современныхъ народныхъ великорусскихъ пѣсенъ, въ старыхъ же пѣсенникахъ, за исключеніемъ упомянутаго общаго мотива объ играющемъ на гусляхъ козакѣ, не встрѣчено нами для нихъ никакого соотвѣтствія.

Такъ, первымъ 15-ти стихамъ отвѣчаетъ, по всей видимости, народная пѣсня, сведенная въ пяти варіантахъ въ сборникѣ А. И. Соболевскаго — I, 325—333, № 247—251, причемъ къ нашему тексту сравнительно ближе всѣхъ стоитъ слѣдующій самарскій варіантъ (№ 250):

«Какъ подъ яблоней такой,
подъ кудрявой, зеленой,

---

1) Въ рук.: *доховнаго.*

2) Въ рук.: *чомака.*

сидитъ парень молодой,
держитъ гусли подъ полой.
Разыграйте, гусли, мысли [1]),
а я пѣсенку спою.
Я вамъ пѣсенку спою
про женитьбу про мою:
какъ женила молодца
чужедальна сторона,
чужедальная сторонка,
макарьевская ярмонка.
Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ,
у Макарья въ ярмонкѣ [2]),
солучилася бѣда,
да не маленькая:
что не сто рублей украли
и не тысячу, —
пропадала у него
дочь любимая его.
Какъ искали ту пропажу
по болотамъ, по лѣсамъ,
по ракитовымъ кустамъ.
Какъ нашли эту пропажу
у Мошкова на дворѣ,
въ новой банѣ на софѣ»...

Какъ видимъ, при несомнѣнной тождественности запѣва, которая, впрочемъ, въ виду обнаруживаемой послѣднимъ вообще передвижности,

---

1) Въ № 247 это мѣсто болѣе соотвѣтствуетъ нашей записи:

«Ахъ, вы гусли, мои гусли,
вы гуселечки (№ 248: гусельки) мои,
разыграйте, гусли, мысли»...

2) Здѣсь пропущены два стиха, повторяющіеся во всѣхъ другихъ варіантахъ:

«близъ гостинаго двора,
у Софронова купца»...

могла и въ данномъ случаѣ произойти только механически и случайно, собственно, изъ самой пѣсни — о женитьбѣ молодца и о пропавшей купеческой дочкѣ—въ нашей записи не осталось почти ничего, кромѣ незначительнаго слѣда въ ст. 13—15, несомнѣнно восходящихъ къ данной пѣснѣ и, такимъ образомъ, оправдывающихъ въ извѣстной степени предполагаемый здѣсь нами, хотя и сильно выцвѣтшій и стертый, внутренній параллелизмъ.

Значительно цѣльнѣе и ярче представляется соотвѣтствіе народной пѣсни съ второй частью нашей записи (ст. 19—36). Изъ трехъ варіантовъ ея въ сборникѣ А. И. Соболевскаго, приведемъ здѣсь, какъ самый близкій, слѣдующій отрывокъ народной пѣсни изъ пермской губ. [1]):

«У стараго старика молода жена,
молода жена пріобманчива была;
обманула, провела,
право, старѣе себя;
заболѣла голова,
на полати спать легла.
Ужъ ты, жонушка, жена,
не болитъ-ли голова?
не сходить-ли по попа,
по духовнаго отца?
Убирайся ты съ попомъ,
со духовнымъ со отцомъ.
Вы пойдите, приведите
чумака изъ кабака,
чумака изъ кабака,
сына Ивановича [2]).

1) Великорус. пѣсни, VII, 284, № 256; два другихъ варіанта—V, 64, № 78, и VII, 282, № 255; см. также: П. В. Шейнъ: Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ и т. п., Спб. 1898—1900, I—1, 171, № 643.

2) Въ другомъ, пермскомъ же, варіантѣ (V, № 78), вмѣсто «чумака», здѣсь говорится о «*граздонскомъ казакѣ*», что, въ свою очередь, болѣе соотвѣтствуетъ упоминанію о «*козакѣ*» въ нашей пѣснѣ. (Ср. также выраженіе: «*чумака—дон-*

Вотъ чумачекъ-отъ идетъ,
вина скляницу несетъ,
вина скляницу несетъ,
мнѣ полегче Богъ даетъ».

Остается еще замѣтить нѣсколько словъ по поводу страннаго, встрѣчающагося какъ въ данной, такъ и въ предыдущей пѣснѣ, выраженія: «козака—сербскаго чумака». Откуда взялся здѣсь этотъ посторонній и, казалось бы, въ данномъ случаѣ совсѣмъ неумѣстный, этнографическій эпитетъ «сербскій», очевидно, замѣнившій здѣсь собою, судя по другимъ варіантамъ, отечественнаго «козака донского»?

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эпитетъ этотъ, повторяющійся послѣдовательно въ двухъ различныхъ пѣсняхъ, не пристегнутъ здѣсь случайно и зря, но, являясь умышленной, такъ сказать, автобіографической интерполяціей самихъ пѣвцовъ, заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстный историческій смыслъ и интересъ. Повидимому, сами пѣвцы, со словъ которыхъ произведены были данныя карпато-русскія записи, безразлично—настоящіе-ли чумаки, или солдаты изъ чумаковъ, были сербами, конечно, уже болѣе или менѣе обрусѣвшими, можетъ быть, второго или третьяго поколѣнія, но сохранившими еще живую память о своемъ сербскомъ происхожденіи и любовно отмѣтившими его при удобномъ случаѣ — въ своей русской пѣснѣ.

Что же касается вообще вопроса о томъ, какимъ образомъ могли очутиться сербы, да еще вполнѣ обрусѣвшіе, въ составѣ русскихъ войскъ или чумацкихъ обозовъ, проходившихъ въ XVIII в. черезъ Карпатскую Русь, то стоитъ только припомнить нѣкоторые, болѣе или менѣе извѣстные уже, историческіе факты, чтобы признать подобное явленіе вполнѣ естественнымъ и вѣроятнымъ.

скаго козака» — въ первомъ варіантѣ предыдущей пѣсни). Впрочемъ, какъ уже было нами упомянуто раньше, отдѣлить и разграничить эти два понятія—«козака» и «чумака»—въ народныхъ пѣсняхъ, какъ малорусскихъ, такъ и, въ особенности, великорусскихъ, часто совершенно невозможно, такъ какъ они неоднократно, даже въ одной и той же самой пѣснѣ, смѣшиваются и переплетаются другъ съ другомъ. См., кромѣ нашихъ текстовъ № 2 и 8, также: Соболевскій: Пѣсни, IV, 383; Гринченко: Этногр. матеріалы, III, 625, и др.

Нахожденіе сербовъ въ составѣ русскихъ, преимущественно козацкихъ полковъ въ XVIII в.—явленіе не случайное и не новое. Извѣстно, что еще въ XVI в. въ Польшу и Южную Русь стали въ значительномъ числѣ стекаться, въ поискахъ заработка или приключеній, болѣе предпріимчивые элементы изъ южныхъ славянъ — сербовъ и болгаръ, которые затѣмъ поступали здѣсь на службу къ мѣстнымъ вельможамъ, въ качествѣ солдатъ, гайдуковъ, музыкантовъ и т. п.[1]) Со временемъ, въ XVII в., встрѣчаемъ уже значительное количество сербовъ на службѣ въ гетманскихъ войскахъ[2]). Но особенно громадно начали сербы поступать на русскую военную службу при Петрѣ Великомъ, въ особенности послѣ прутскаго похода, въ которомъ они, впрочемъ, тоже принимали уже численное участіе. Въ 1717 г. образовалось изъ сербовъ особое военное поселеніе при сѣверномъ Донцѣ[3]). Въ 1723 г. уже существовалъ на Украйнѣ цѣлый гусарскій полкъ, состоявшій преимущественно изъ сербовъ, который впослѣдствіи, уже въ царствованіе Анны Іоанновны (въ 1733 г.) былъ значительно усиленъ новыми выходцами изъ Сербіи. Наконецъ, въ 1748 г. вступилъ въ русскую военную службу вліятельный венгерскій сербъ Петръ Текели, за которымъ, вслѣдствіе тяжелыхъ преслѣдованій со стороны мѣстнаго правительства, двинулись въ Южную Россію цѣлыя сотни тысячъ его земляковъ, изъ поселеній

---

1) Ср. Н. П. Дашкевичъ: Нѣсколько слѣдовъ общенія Южной Руси съ юго-славянами — *Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому*, К. 1904, стр. 123—128; Н. Ѳ. Сумцовъ: Малюнки з життя укр. нар. слова, стр. 35. — Литературные отголоски похожденій этихъ южно-славянскихъ кондотьери на Украйнѣ, повидимому, сохранились въ шутливыхъ народныхъ пѣсняхъ о «сербинѣ», напр.: «Ой, сербине чорноусый» (*Кіев. Старина*, 1884 г., декабрь, стр. 757), «Ходитъ сербинъ по-надъ рѣку» (Головацкій: Пѣсни, I, 206, II, 582; Kolberg: Pokucie, II, 45) и др., а также, можетъ быть, въ отрывочныхъ пѣсенныхъ упоминаніяхъ о танцѣ или напѣвѣ—«гайдукѣ», о которомъ будетъ рѣчь ниже (см. № 9).

2) С. М. Соловьевъ: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Спб. 1897, III[2], 19; Н. И. Петровъ: Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими, К. 1876, стр. 49; Н. П. Дашкевичъ: Нѣсколько слѣдовъ общенія, стр. 127—128.

3) Н. К. Петровъ: Истор. взглядъ, стр. 50.—Не въ этомъ-ли послѣднемъ обстоятельствѣ и слѣдуетъ искать объясненія отмѣченнаго выше пѣсеннаго смѣшенія эпитетовъ «сербскій» и «донской»?

которыхъ образовались здѣсь со временемъ даже особыя области — Новая Сербія и Славяно-Сербія [1]).

Такимъ образомъ, уже изъ указанныхъ историческихъ фактовъ можно видѣть въ достаточной степени, что между русскими солдатами или чумаками, пѣвшими въ XVIII в. передъ карпато-русскими слушателями наши пѣсни, легко могли находиться и обрусѣвшіе сербы, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣсту и роду своей военной службы, могли быть также и донскими козаками, что и отразилось такъ или иначе въ ихъ своеобразныхъ пѣсенныхъ интерполяціяхъ.

4.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 181, л. 69—70.

Пѣсnъ свитова москіев‹с›ка. ||

Самъ панъ, самъ панъ, самъ пиетъ, гулꙗетъ,
меніе младіехенку гулꙗтъ ніе пущаетъ.
Ахъ, пойду ꙗ младехенка в чистое поле,
в чистомъ полю тамъ погулꙗю,
какъ біелаꙗ рибица по тихомъ [2]) Дунаю.
Над Дунайчукомъ та надъ бережечко
тамъ стоꙗла сосна зелонаꙗ,
а под тоею сосною, под ѕелоною,
тамъ стоꙗлъ русачокъ [3]),
мила дш҃а козачокъ,
держалъ гусли [4]) под полою,
под полою, под правою.

---

1) С. М. Соловьевъ: Исторія Россіи, IV[2], 1413—1414; Н. И. Петровъ: Истор. взглядъ, стр. 49—52; П. А. Заболотскій: Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени, Варшава 1908, I—1, 58—59.

2) Въ рук.: *тихоаъ*.

3) Въ другихъ варіантахъ пѣсни этого выраженія нѣтъ; повидимому, оно представляетъ здѣсь такую же личную интерполяцію пѣвца, какъ въ другихъ случаяхъ отмѣченный нами выше эпитетъ «сербскій».

4) Въ рук. послѣднее слово повторяется.

Гусли жъ мои, гусли звонѧтии[1]),
струни жъ мои[2]), струни сребраніи[3]),
заграйте мнѣ, гусли, думи до мисли,
думи до мисли молодецкои.
Что чужаѧ жена то потѣха моѧ, ||
а мужикъ с киемъ то бѣда моѧ.
Начто билю оумиватъсѧ,
когда нѣ с кимъ целоватсѧ,
нашто по мѣсту ходить,
когда ничово купить?
А в городѣ качанъ
широкой листъ пущалъ;
ѧ качана за головку,
а ѡнъ менѧ через ножку:
а постой ти, качанъ,
не гаразꙋ҃ъ[4]) ти почавъ;
ѧ качана за листокъ,
а ѡнъ менѧ за пупокъ:
а постой, барзохенко, оузохонќо,
ніе поміестимосѧ.

Составъ и характеръ данной пѣсни нѣсколько неясны и странны. Уже А. Н. Пыпинъ, издавшій ее по Микулинскому пѣсеннику, замѣтилъ, что «первые четыре стиха какъ-будто случайно приставлены къ пѣснѣ, да и вся она отличается отрывочностью и недостаткомъ связи»[5]). Повидимому, въ данномъ случаѣ произошло довольно обычное въ народныхъ пѣсняхъ явленіе—механическое сцѣпленіе нѣсколькихъ различныхъ мотивовъ въ одну пѣсню, которая, однако, въ отличіе отъ другихъ по-

---

1) Д. б.: *звончатыя.*

2) Послѣднія два слова въ рук. повторяются.

3) Очевидно: *серебряныя*; въ другихъ варіантахъ: *золотыя.*

4) Въ рук.: *гараз*ъ; вѣроятно—малорусское: *гараздъ*=благополучно, хорошо?

5) А. Н. Пыпинъ: Народные стихи и пѣсни—*Отечеств. Записки*, 1858 г., январь, стр. 319.

добныхъ пѣсенъ, распадающихся обыкновенно снова такъ же случайно и легко, какъ и сложились, сохранилась въ этой случайной сложности своей, несмотря на ея внутреннюю пестроту и безсвязность, болѣе устойчиво и прочно, вѣроятно, благодаря тому обстоятельству, что она своевременно была фиксирована въ популярныхъ старыхъ пѣсенникахъ, черезъ которые затѣмъ, въ свою очередь, получила дальнѣйшее распространеніе въ народной средѣ, а даже случайной волной была занесена въ далекую Карпатскую Русь. По крайней мѣрѣ, въ такомъ именно сложномъ видѣ она повторяется послѣдовательно и болѣе или менѣе устойчиво какъ въ старыхъ пѣсенникахъ, такъ и въ близкой къ нимъ по времени карпато-русской записи и, наконецъ, въ современной народной пѣснѣ, хотя въ то же время, какъ будемъ видѣть далѣе, отдѣльные ея мотивы встрѣчаются также и порознь — въ составѣ другихъ пѣсенъ, въ чемъ, кажется, нельзя не видѣть явнаго доказательства ихъ природной раздѣльности и независимости другъ отъ друга.

Помимо общей разорванности и взаимной безсвязности составныхъ мотивовъ пѣсни, въ особенности же ея начала, нѣсколько загадочнымъ является также, въ частности, неожиданно встрѣчающееся въ ней и упорно повторяющееся во всѣхъ варіантахъ польско-малорусское слово «панъ», на основаніи котораго, вѣроятно, новѣйшій изслѣдователь и всю пѣсню зачислилъ въ разрядъ излюбленныхъ имъ малорусскихъ заимствованій и даже сгоряча пріискалъ для нея соотвѣтствующій малорусскій источникъ—въ пѣснѣ Чубинскаго (V, 584, № 191): «Ой, пропою, пропою, пропала я съ тобою» [1]).

Что касается этого послѣдняго предположенія — о малорусскомъ происхожденіи данной пѣсни и, въ частности, о генетической связи ея съ указанной пѣсней Чубинскаго, то, конечно, почтенный изслѣдователь, очевидно, соблазнившись упомянутымъ яркимъ полонизмомъ или малоруссизмомъ, съ одной стороны, а нѣкоторымъ наружнымъ сход-

1) В. Н. Перетцъ: Малорусскія вирши и пѣсни, I—XIV, 48; *его-же*: Изслѣд. и мат., I—1, 289 и 383. — Впрочемъ, выраженія «панъ» и «панья» встрѣчаются въ великорусскихъ пѣсняхъ, даже коренныхъ и сѣверныхъ губерній, довольно часто и устойчиво. См. напр. П. В. Шейнъ: Великоруссъ, I—1, № 409, 415, 416, 457, 464, 595, 979, 980, 981, 1078, 1200.

ствомъ въ начальныхъ стихахъ пѣсни, съ другой, впалъ здѣсь въ досадную ошибку: кромѣ общаго эпическаго объекта — мужа-пьяницы — въ началѣ обѣихъ пѣсенъ и случайнаго, впрочемъ, вполнѣ естественнаго, совпаденія въ его эпитетѣ «пропоецъ» и «пропой», наша пѣсня, какъ по своему дальнѣйшему содержанію и характеру, такъ и по внѣшнему виду и складу, ничего общаго не только съ данной пѣсней Чубинскаго, но и вообще съ малорусскими пѣснями не имѣетъ. Въ крайнемъ же случаѣ, если ужъ и придавать этому наружному сходству начальныхъ стиховъ какое-нибудь болѣе глубокое и существенное значеніе, то все-таки рѣчь здѣсь могла бы быть исключительно только о малорусскомъ происхожденіи одного лишь начала пѣсни — первыхъ нѣсколькихъ стиховъ, не болѣе, которые, въ такомъ случаѣ, могли быть пристегнуты къ этой сложной великорусской пѣснѣ, въ моментъ ея образованія, совершенно механически и произвольно, причемъ они, конечно, къ самой пѣснѣ и къ ея дальнѣйшимъ составнымъ мотивамъ никакого отношенія не имѣютъ.

Обращаясь къ наличнымъ варіантамъ пѣсни, мы видимъ, что старѣйшій изъ нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, является для нашей карпато-русской записи и самымъ близкимъ. Это—*РМ*, л. 24—об., № 32[1]):

«Панъ мой, панъ мой, па^{н} пропоецъ,
я пропала, я пропала, панъ, за тобою,
за твоею, панъ, головою!
Са^{м} пьешъ, са^{м} та^{н}цуешъ,
п'ро меня, про па^{н}юшку[2]), не ^{в}спомятуе^{ш}.
Пойду я, младешинька, в лѣ̂, погуляю,
что бѣлая рыбица внисъ по Дунаю.
Та^{м} на Дуна<ѣ>[3]), та^{м} на тихіе^{м}[4]),

1) Изданъ въ современной транскрипціи и вообще не совсѣмъ удовлетворительно А. Н. Пыпинымъ: Нар. стихи и пѣсни, стр. 318—319.

2) Вар. *ПН* (II, № 185) здѣсь ближе къ нашему тексту: *про меня младешеньку*.

3) Послѣдняя буква въ рук. пропущена.

4) Въ вар. *ПН* этотъ стихъ тоже болѣе соотвѣтствуетъ нашей записи: *тамъ на Дунаѣ, да на бережечкѣ*; такъ же и въ современной вологодской пѣснѣ: *тамъ на Дуночкѣ* (! ср. наше: *надъ Дунайчукомъ*), *здѣсь на бережочкѣ*.

стои^{т} со^{с}на зеленая,
под тей сосной, по^{д} зеленою,
стои^{т} казакъ, держитъ гу^{с}ли
по^{д} полою зво^{н}четые.
Гу^{с}ли мои, гусли, гусли зво^{н}четые,
струны моі, струны золотые,
заиграйте вы, мои гу^{с}ли,
разпотеште молодца
до единого ко^{н}ца.
Мы^{с}ли мои, мысли молодые[1]),
заставили ходи^{т} по чужей сторонѣ,
застави^{ли} люби^{т} чужуму^{ж}нею жену:
какъ чужае та жена
лебе^{д} бѣлая моя,
а своя та жена
полы^{н} го^{р}кая трава;
пустила сухоту
по мое^{му} животу,
ра^{с}сыпала печа^{л}
по мои^{х} ^{с}яны^{х} оча^{х}.
Начто хорошо ходи^{т},
когда никово любить, ||
начто мыло^{м} умыва^{т}ся,
когда не с ки^{м} целова^{т}ся,
начто ба⟨н⟩юшку[2]) топить,
когда не с ки^{м} в нее ходить?
С'пи в тосках на голы^{х} дωска^{х}!
У^{ж} какъ чей его^{т} садокъ? — погуля^{л} бы в нем;
ч'я во садике капу^{ст}ка? — залома^{л} бы ее,
залома^{в}ши бы капу^{ст}ку, за ты^{х} по^{к}раса^{х}.
У^{ж} какъ чей его^{т} тере^{м}? — побывал бы в немъ;

1) Вар. *ПН* опять ближе къ нашему: *мысли молодецкія мои.*
2) Въ рук.: *батюшку.*

40. чья во тереме девица? — по̑мотре[2] бы ее,
по̑мотре[2]ши дв҃цу, за себя бы взялъ»[1]).

Такимъ образомъ, при довольно близкомъ совпаденіи даннаго варіанта съ нашей записью, не только въ цѣломъ, но и во многихъ частностяхъ, а даже въ порядкѣ слѣдованія отдѣльныхъ составныхъ частей, мы замѣчаемъ въ послѣдней, помимо обычной блеклости и спутанности нѣкоторыхъ мѣстъ, болѣе рѣзкое отступленіе только въ самомъ концѣ — въ отношеніи пѣсенной метафоры о «ломаніи капусты», которая подверглась здѣсь, очевидно, довольно значительному и своеобразному развитію или извращенію. Что, однако, это циническое развитіе мотива, по крайней мѣрѣ, въ основѣ своей, не произошло, какъ можно бы предполагать, спеціально по случаю самой этой записи и не обусловлено ея солдатскимъ происхожденіемъ, но тоже существовало уже раньше, на великорусской же народной почвѣ, слѣдуетъ заключать изъ того, что въ подобномъ же смыслѣ этотъ мотивъ встрѣчается также въ одномъ подлинномъ старинномъ варіантѣ — *ПН*, III, 155—156, № 155:

«Ой, во городѣ въ Ростовѣ, тамъ капусту продаютъ,
по немножечку капустки за денешку даютъ...
Я ли молода въ огородѣ не была,
я бѣлыя капустки не заламывала:
я лишь за качанъ, а мой милой невзначай,
я начала ломать, а онъ въ борозды бросать»...

Самъ по себѣ этотъ послѣдній варіантъ представляетъ, впрочемъ, только небольшой отрывокъ нашей пѣсни (=ст. 29—41 *РМ*), въ свою очередь, совершенно произвольно пристегнутый къ другой, посторонней пѣсенной основѣ. Однако, въ томъ же самомъ пѣсенникѣ имѣется на другомъ мѣстѣ также и настоящій, полный варіантъ пѣсни — *ПН*. II, 191—192, № 185: представляя, сравнительно съ *РМ*, нѣкоторыя, впрочемъ, мало существенныя отличія, какъ въ расположеніи со-

1) Нѣкоторые стихи, судя по находящейся при нихъ цифрѣ «2», должны повторяться.

ставныхъ мотивовъ, такъ и въ самомъ текстѣ, онъ въ то же время, какъ это видно уже изъ отмѣченныхъ выше разночтеній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подходитъ къ нашей записи нѣсколько ближе, чѣмъ послѣдній. Наконецъ, кажется, подобный же полный старинный варіантъ сохранился также въ одномъ казанскомъ рукописномъ пѣсенникѣ конца XVIII в., но онъ, къ сожалѣнію, не былъ намъ доступенъ и извѣстенъ намъ только по приведенному въ описаніи рукописи начальному стиху· «Ѡй, панъ мой, панъ, панъ прапойца» [1]).

Кромѣ перечисленныхъ старинныхъ варіантовъ пѣсни, имѣется также одна современная народная версія ея — изъ вологодской губ., сохранившая довольно цѣльно и вѣрно не только весь старый пѣсенный составъ, но даже тотъ же самый порядокъ размѣщенія отдѣльныхъ мотивовъ [2]).

Кромѣ того, раздѣльно, въ другой связи, встрѣчается также частный мотивъ: «Начто щегольно ходить, когда некого любить» и т. д. — въ составѣ одной архангельской народной пѣсни [3]).

Что касается, наконецъ, въ частности, мотива о козакѣ, играющемъ на гусляхъ, извѣстнаго намъ уже по предыдущей пѣснѣ, то, помимо этой послѣдней, онъ встрѣчается въ старинныхъ пѣсенникахъ также еще въ другой связи — въ видѣ вводнаго эпизода одной женской любовной пѣсни:

«Подъ сосною, подъ зеленою,
стоитъ козакъ, стоитъ донской,
держитъ гусли подъ полою,
звончатые подъ правою.
Козакъ играетъ, себя забавляетъ,
ко мнѣ молоденькѣ приговариваетъ»...

См. *ММ*, стр. 75 — 76, № 64; *ИПб*, II, 182, № 182; *ИПв*, III—IV, 113, № 89. Замѣчательно при этомъ, что въ то время, какъ

1) Н. М. Петровскій: Рукописный пѣсенникъ XVIII в., стр. 12.
2) Соболевскій: Великорус. пѣсни, III, 369—370, № 455.
3) *Тамъ-же*, VII, 257, № 286.

въ первомъ, основномъ изданіи (*ММ*) данная пѣсня не имѣетъ еще никакого особаго ярлыка, слѣдовательно, считается обыкновенной великорусской пѣсней, въ обѣихъ позднѣйшихъ ея перепечаткахъ она причислена уже къ разряду пѣсенъ «малороссійскихъ», что произошло, очевидно, заднимъ числомъ, должно быть, подъ такимъ же обманчивымъ впечатлѣніемъ образа «козака», какъ то, которое въ наше время, какъ мы видѣли выше, произвело на ученаго изслѣдователя подобное же залетное слово «панъ»...

5.

а) *Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 181, л. 68 об.—69.*

Пѣснъ свитова московска.

Віесолъ ꙗ, віесолъ во нинѣшнѣи денъ,
видѣлъ ꙗ, видѣлъ надежду свою.
Ходитъ, гуляетъ в зелономъ саду,
щипіетъ да ломіетъ[1]) зелони виноґра^{д},
кидаетъ, брацаетъ[2]) каміенꙗ[3]) кроватъ,
слова ніе промовитъ, ѿвету ніе дастъ.
Ніе люблю старово, сіедой бароди, ||
люблю ꙗ молодчика младюхенково[4]),
которій, д҇ша моꙗ, в' віечоръ приходитъ,
приноситъ[5]) подарокъ харошъ.
Ꙗ подарокъ приняла, взаймъ[6]) ѿдала,
а с милимъ друґомъ віечоръ стоꙗла.
Чемъ, чемъ, д҇ша моꙗ, вчера ніе билъ?
Любимаво шурина з ⟨д⟩вора спроважалъ,

---

1) Д. б.: *щиплетъ да ломаетъ.*
2) Д. б.: *бросаетъ.*
3) Д. б.: *ко мнѣ на.*
4) Въ другихъ вар.: *молоденькова.*
5) Въ рук.: *приносиситъ.*
6) Д. б.: *взаимно.*

<съ> супружной женою побранка била,
ругала, брани<ла> тебꙗ и менꙗ.
Чи ꙗ тобѣ, д҃ша, ніе ґоворила,
оуби<й>, оуби<й>, д҃ша моꙗ, ринву[1]) жену,
возми, возми, д҃ша моꙗ, менꙗ за себꙗ!
Ахъ, какъ ти ґлупа, ніерозумнаꙗ!
<съ> супружною женою віекъ свой каратать,
а с тобою, шелмою, віечор постоꙗть,
циловать, миловать тай в домъ твой пускать.

б) Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 406, л. 19 об.—20.

Пѣснъ московска.

Какъ веселъ я, веселъ во нинѣшній день,
какъ видялъ я, видялъ надежду свою.
Ходитъ ѡвчаръ (?), ходитъ въ зелѡномъ граду,
чапъ ли да ломотъ (!) зелѥѡнъ виноградъ,
кедаетъ, брацаетъ мене на право (!).
Да кто мене не любытъ, растоку мать его!
Оубый, молодецъ, родную жену,
возми, молодецъ, мене мо<ло>ду[2]).
А з родною женою свой векъ коротать,
а съ тобою, молодою, вечеръ постоять.
Ходи, ходи со мною пити пиво и вино,
толко ти не буди со мно гневна. ||
Не пію ꙗ молоденка пива нѣ вина,
тилко ꙗ ся напиваю медка солодка,
медка солодка, солоденкаго,
полюбяю молодчика молоденкаго.
Не любю ꙗ старого, нѣ духа его,
толко ꙗ полюбꙗю молоденкаго.

---

1) ? Повидимому д. б.: *ревнивую*, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ варіантахъ.
2) Въ рук.: *моду*.

А нашеи салдати все Бг҃а хвалять,
толко во всякъ празникъ винца вихилять,
винца вихилять, надобно хвалять,
да чтобы[1]) им' допомогль турковъ порубать,
турковъ порубать, за Дунай загнать,
а с҃таго Николушка всегда вихвалять.

Въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ двойныхъ текстовъ, оба эти варіанта, по своей записи, безъ сомнѣнія, вполнѣ независимы другъ отъ друга, т. е., другими словами, были записаны непосредственно отъ двухъ разныхъ великорусскихъ пѣвцовъ, причемъ второй изъ нихъ, отличаясь нѣсколько большей пестротой состава, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе испорченъ и обезличенъ въ отношеніи языка и текста вообще.

По своему составу, данная пѣсня принадлежитъ тоже къ разряду пѣсенъ сложныхъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ различныхъ частей, которыя обыкновенно встрѣчаются только раздѣльно, въ другихъ пѣсенныхъ сочетаніяхъ. Такъ, варіантъ *а* состоитъ изъ трехъ такихъ отдѣльныхъ частей (ст. 1—6 + 7—12 + 13—23), варіантъ *б*—изъ четырехъ (ст. 1—5 + 7—10 + 11—18 + 19—24), причемъ въ первыхъ трехъ частяхъ, хотя и въ другомъ порядкѣ, оба варіанта совпадаютъ другъ съ другомъ, конецъ же второго варіанта, очевидно, прицѣпленъ къ нему уже совершенно произвольно пѣвцомъ-солдатомъ, подобно тому, какъ мы видѣли выше—въ пѣснѣ № 1.

Что касается первой изъ этихъ составныхъ частей нашей пѣсни, болѣе или менѣе совпадающей въ обоихъ варіантахъ, то она принадлежитъ, повидимому, къ числу самыхъ распространенныхъ и излюбленныхъ, какъ въ старину, такъ и въ нынѣшнее время, народныхъ пѣсенъ, причемъ она, конечно, въ своемъ подлинномъ видѣ, сравнительно съ нашимъ разорваннымъ и выцвѣтшимъ текстомъ, представляется гораздо больше и цѣльнѣе. Изъ значительнаго числа старыхъ и новыхъ ея варіантовъ приведемъ для сравненія соотвѣтствующія нашему отрывку строки — изъ *ПН*, II, 198, № 193:

---

1) Въ рук.: *втобы*.

«Веселъ я, веселъ севоднишній день,
радостенъ, радостенъ теперешній часъ;
видѣлъ я, видѣлъ надежу свою,
что ходитъ, гуляетъ въ зеленомъ саду,
щиплетъ, ломаетъ зеленъ виноградъ,
коренья[1]) бросаетъ ко мнѣ на кровать.
Спишь-ли ты, милой мой, али ты не спишь,
слова не промолвишь, отвѣту не дашь?
Буду я, буду сама такова,
слова не промолвлю, отвѣту не дамъ.
Выди, выди, Аннушка, на красно крыльцо,
выпьемъ мы, Аннушка, по чарѣ вина
и мы про здравье твое и мое»...

Другіе варіанты см.: *РАб*, л. 15, № 22; *ИПа*, II, 109—110, № 93; *ИПб*, II, 109—110, № 93; *ИПв*, III—IV, 88, № 68; *НОП*, I, 90, № 78, III, 379, № 307; *НВП*, II, 143—144, № 254; А. И. Соболевскій: Великорус. пѣсни, III, 12, № 13, V, 481—484, № 618—623; П. В. Шейнъ: Великоруссъ, I—1, 189 и 350, № 729 и 1209. О большой популярности этой пѣсни свидѣтельствуетъ, наконецъ, также и то обстоятельство, что ея начальные стихи были пристегнуты даже къ одной театральной свадебной пѣснѣ— въ пьесѣ «Невѣста подъ фатою или мѣщанская свадьба» 1790 г.[2])

Послѣдніе, приведенные нами, три стиха («выйди... выпьемъ») являются здѣсь, такъ сказать, какъ-бы переходнымъ, связующимъ звеномъ къ слѣдующей, второй части нашей пѣсни (по вар. *а*,—по вар. *б*— третьей), которую въ отдѣльности находимъ только въ слѣдующей краткой «театральной» пѣснѣ—*СНП*, 113, № 127:

«Не пью я младешинька пива и вина,
только я выпью медку съ холодку.

---

1) Въ другихъ вар.: *кисти, вѣтки, вѣточки*; у Соболевскаго № 618 и 619 такъ же, какъ у насъ: *кидала, бросала*.

2) См. А. М. Лобода: Народность въ русской музыкальной драмѣ сто лѣтъ назадъ, К. 1899, стр. 14.

Полюблю дѣтинушку молоденькова,
которой, душа моя, вечоръ приходилъ».

Тотъ же самый мотивъ встрѣчаемъ также въ *РМ*, № 12 [1]), но уже, подобно, какъ въ нашихъ записяхъ, въ связи съ мотивомъ о любовницѣ, подговаривающей мужа убить нелюбимую жену:

«Не пью я, молодешенька, пива ни вина,
только я кушаю медку съ холодку.
Люблю я молодчика молоденькова,
которой, душа моя, вечеръ приходилъ,
дорогихъ подарочковъ кулёкъ приносилъ.
Кулёкъ то приму, въ ларецъ положу,
въ ларецъ положу, замочкомъ запру.
Зачѣмъ, зачѣмъ, молодецъ, давно не пришелъ?
Затѣмъ, затѣмъ, дѣвица, давно не бывалъ [2]),
съ угрюмой [3]) женою побранка была,
бранила [4])... срамница тебя и меня,
корила... срамница тобою меня [5]).
Убей, убей, молодецъ, угрюму жену,
возьми, возьми, молодецъ, меня за себя!
Ахъ, глупая дѣвица, неразумная!
Съ угрюмой женою мнѣ вѣкъ вѣковать,
съ тобою, душа моя, мнѣ часъ часовать» [6]).

Впрочемъ, въ подобномъ соединеніи эти два мотива встрѣчаются, помимо нашихъ записей, только въ этомъ одномъ варіантѣ *РМ*. Во всѣхъ

1) А. Н. Пыпинъ: Народные стихи и пѣсни, стр. 308.

2) У Соболевскаго, III, № 498, здѣсь слѣдуетъ стихъ: *богатаго шурина во Казанъ провожалъ;* № 499: *молодаго шурина въ Питеръ отряжалъ;* у Шейна, I—1, № 777: *любезную свою своячину со двора я провожалъ, любезному своему шурину добра коня сѣдлалъ.*

3) Въ другихъ вар. здѣсь и дальше: *съ ревнивою* или *съ худою.*

4) Въ нѣкоторыхъ др. вар.: *журила, бранила тебя и меня.*

5) У Соболевскаго, III, № 498, здѣсь слѣдуетъ ст.: *сколько тебѣ, миленькій, (я) говорила;* тоже № 492 и 494.

6) Соболевскій, III, № 493: *одну ночeньку гулять;* № 500: *лишь ночь ночевать;* Шейнъ, I—1, № 775: *одну ночку ночевать.*

же остальныхъ случаяхъ, а именно, какъ въ другомъ старинномъ пѣсенникѣ—*НОП*, III, 410, № 327, такъ и во всѣхъ новѣйшихъ народныхъ записяхъ, сведенныхъ въ сборникахъ А. И. Соболевскаго—III, 398—407, № 492—503, и П. В. Шейна—I—1, 203—204, № 775 и 777, послѣдній мотивъ—разговоръ мужа съ любовницей о нелюбимой женѣ—встрѣчается уже только раздѣльно, въ видѣ особой, болѣе или менѣе самостоятельной и цѣльной пѣсни, отдѣльные варіанты которой, отличаясь между собою, по своему составу и тексту, довольно значительнымъ разнообразіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ отмѣченныхъ нами разночтеній, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подходятъ къ нашимъ текстамъ гораздо ближе, чѣмъ приведенный выше, наиболѣе соотвѣтствующій имъ по своей общей редакціи, сводный варіантъ *РМ*. Замѣчательно при этомъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ современныхъ народныхъ варіантовъ упорно повторяется также одинъ стихъ, являющійся, собственно, принадлежностью первой части нашихъ текстовъ и соотвѣтствующей ей особой пѣсни вообще: «Спишь-ли ты, дѣвица, или такъ съ горя лежишь?» Если это только не позднѣйшая, случайная вставка, по ассоціаціи идей, то не является ли здѣсь данный стихъ, въ связи съ указанными раньше сцѣпленіями нашихъ мотивовъ, послѣднимъ живымъ слѣдомъ существованія уже и на великорусской почвѣ подобной же сводной, троичной пѣсни, какъ та, которую представляютъ въ сложности своей наши карпато-русскія записи?

Наконецъ, замѣтимъ еще кстати, что отдѣльныя составныя части нашей пѣсни, конечно, въ своемъ раздѣльномъ видѣ, проникли также въ пѣсенный репертуаръ малорусскаго народа и были здѣсь, въ большей или меньшей степени, передѣланы и приспособлены на свой ладъ. Такъ, первую часть нашей пѣсни находимъ въ двухъ украинскихъ варіантахъ у Чубинскаго—V, 288 и 346, № 570 и 674. Пѣсня о мужѣ и любовницѣ встрѣчается, въ свою очередь, въ трехъ близкихъ украинскихъ варіантахъ, сохранившихъ еще довольно ярко свои природныя великорусскія черты,—*тамъ-же*, стр. 622—623, № 225. Наконецъ, можетъ быть, что также и та лишняя, солдатская приставка, которая находится въ концѣ нашего второго варіанта, имѣетъ какое-нибудь прямое генетическое отношеніе къ слѣдующимъ заключительнымъ

стихамъ одной карпато-русской, кажется, тоже въ общемъ заимствованной изъ великорусскаго, солдатской пѣсни:

«Помолюся Богови
и святому Миколѣ,
а чей донця узволи<тъ>
изъ тяжкои неволи» [1]).

6.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича, нач. XIX в., № 194, л. 23—24.

Пѣснь свѣцка москевска [2]).

Гей, що то есть за ґародъ,
біелаа біереза,
гей, біелаа біереза, ||
а з по<дъ> той біерези
вода протѣкае,
гей, вода протѣкаетъ.
Не жаль, не жаль [3]) воду пѣть,
вода холоднаа,
гей, вода холоднаа,
не жаль, не жаль жонку бѣть,
жонка молодаа,
гей, жонка молодаа.
Ей, побѣлши [4]) во той часъ,

---

1) W. z Oleska: Pieśni, стр. 486; Головацкій: Нар. пѣсни, I, 122.

2) Послѣднее слово дописано другою рукою.

3) Въ рук. это повтореніе, какъ здѣсь, такъ и сейчасъ ниже, только намѣчено цифрой б̃. Что же касается самого этого выраженія *«не жаль»*, которое здѣсь какъ-будто не совсѣмъ умѣстно, то оно, по всей вѣроятности, замѣнило собою, по созвучію, первоначальное, непонятое карпато-русскимъ записывателемъ, слово *«нельзя»*, встрѣчающееся на этомъ мѣстѣ во всѣхъ другихъ, подлинныхъ варіантахъ.

4) ? Вѣроятно д. б.: *побиюши*.

заплакалъ в неделю,
гей, заплакал' в неделю,
сучилъ, кручилъ[1]) чарни ѡчи
ажъ до темной ночи,
гей, аж' до темной ночи.
З тамтой страни ґараду
пошла девка по воду,
гей, пошла девка по воду;
салдатъ за нѧо[2]) поступѣлъ,
какъ ѡн ея доґонѣлъ,
гей, какъ || ѡн ея доґонѣлъ.
Копѣнюжки[3]) не хочу,
за салдата не пойду,
гей, за салдата не пойду.
Оу салдата чужа хата,
срака ему, какъ гармата,
гей, срака ему, какъ гармата[4]).

Подобно всѣмъ другимъ, разсмотрѣннымъ нами до сихъ поръ, текстамъ, также и эта пѣсня, безъ сомнѣнія, составлена изъ двухъ различныхъ частей, сцѣпленныхъ здѣсь другъ съ другомъ совершенно механически и случайно. Главная, основная часть, обнимающая ст. 1—18, заключаетъ въ себѣ довольно извѣстную народную пѣсню, остальные же стихи составляютъ уже другую, особую пѣсню, очевидно, солдатскаго происхожденія.

Что касается подлинныхъ параллелей первой пѣсни, то всѣ онѣ, какъ старыя, такъ и современныя, въ общемъ болѣе или менѣе совпадаютъ другъ съ другомъ и въ то же время довольно близко соотвѣтствуютъ нашему тексту. Для сравненія приведемъ старѣйшій изъ извѣстныхъ намъ варіантовъ—*ПН*, IV, 141—142, № 156:

---

1) Д. б.: *сушилъ, крутилъ.*
2) Д. б.: *за ней или за неѣ?*
3) ? М. б.: *коньюшки?*
4) Издана также И. С. Свѣнцицкимъ: Опис, II, 244.

«Ахъ, на горѣ дубъ, дубъ,
что бѣла береза,
промежъ дубу и березы [1])
рѣка протекала.
Рѣка, рѣка глубокая,
вода студеная,
нельзя воды пити,
нельзя почерпнути.
Какъ у стараго мужа
жена молодая,
нельзя жену бити,
нельзя поучити.
Я билъ жену единъ часъ,
а плакалъ недѣлю,
сушилъ, крушилъ ясны очи
по четыре [2]) ночи».

Другіе варіанты см.: *ПЛП*, стр. 27, № 27; *РПв*, л. 103 об., № 136; А. И. Соболевскій: Великорус. пѣсни, III, 461—464, № 570—574, VII, 119, № 117.

Изъ числа указанныхъ народныхъ варіантовъ, въ частности, обращаетъ на себя вниманіе одинъ—изъ ярославской губ. (Соболевскій, III, № 572), въ которомъ, послѣ обычнаго состава пѣсни, слѣдуетъ въ концѣ, подобно нашей записи, еще слѣдующая лишняя приставка:

«Какъ во новомъ городѣ
во трубы трубили,
что во трубоньки трубили,
указы читали:
кому деньги, кому платье,
кому красная дѣвка».

---

1) Соболевскій, III, № 573, ближе къ нашему чтенію: *изъ-подъ бѣлыя березы*; ср. также: III, № 570, и VII, № 117.

2) Соболевскій, III, № 571, тоже ближе къ нашему: *во всѣ темны ночи*; ср. еще № 570.

Хотя данный отрывокъ, по своему тексту, и не соотвѣтствуетъ второй части нашей пѣсни въ такой степени, чтобы можно было установить какой-нибудь прямой параллелизмъ между ними, но оба они, во всякомъ случаѣ, какъ по своему общему характеру и содержанію, такъ и, въ особенности, по странному совпаденію повторяющихся въ нихъ упоминаній о «городѣ» и о «дѣвкѣ», въ связи съ принадлежностью ихъ обоихъ къ одной и той же пѣснѣ, находятся, повидимому, въ какой-то взаимной связи, уяснить степень и характеръ которой, въ виду совершеннаго отсутствія другихъ, промежуточныхъ звеньевъ, не представляется нынѣ возможнымъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, можетъ быть, уже изъ этого частнаго соотвѣтствія обоихъ этихъ отрывковъ можно заключать о томъ, что подобный сводный варіантъ пѣсни, какъ въ нашей записи, существовалъ уже и на великорусской почвѣ, откуда и былъ занесенъ въ Карпатскую Русь въ своемъ настоящемъ, болѣе или менѣе готовомъ видѣ.

Что касается второй части нашего текста самой по себѣ, то, кромѣ указаннаго сейчасъ случая частичнаго соотвѣтствія, мы никакихъ другихъ подлинныхъ параллелей, ни въ старыхъ, ни въ новыхъ записяхъ, для нея не нашли.

Замѣчательна дальнѣйшая судьба нашей пѣсни — на новой уже, карпато-русской почвѣ. Здѣсь она, какъ уже было нами замѣчено раньше, скоро перешла, если не прямо изъ нашей рукописной тетрадки, то, во всякомъ случаѣ, съ такого же самаго солдатскаго голоса, какъ и въ послѣдней, въ живой народный оборотъ и получила, послѣ соотвѣтственнаго мѣстнаго подбора и приспособленія, довольно широкое распространеніе. А что перешла она сюда именно въ такомъ своеобразномъ, сложномъ видѣ, какой имѣется въ нашей записи, явствуетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, изъ слѣдующаго мѣстнаго ея варіанта:

«А що-жъ тото за бѣда,
бѣлая береза, гей, гей!
А съ підъ той березы
вода протікае, гей, гей!
Не жаль тую воду пити,

вода студеная,
не жаль дѣвку полюбити,
дѣвка молодая.
Сушитъ, крушитъ чорни очи
тамъ до темной ночи.
Съ той стороны города
стоитъ дѣвка молода,
жовніръ до ней приступае
та до неи промовляе:
Ой, нá тобѣ грошей купу,
купи собѣ нову шубу.
Я твоихъ грошей не хочу
и за тебе не піду,
бо въ жовніря нема хаты,
нужда, бѣда его мати, гей, гей!» [1])

Такимъ образомъ, помимо случайной испорченности и спутанности центральнаго мотива о битьѣ жены, которое здѣсь, очевидно, подъ логическимъ воздѣйствіемъ неумѣстно употребленнаго выраженія «не жаль»—вмѣсто «нельзя» (ср. выше), замѣнено любовью къ дѣвушкѣ, но которое именно, въ свою очередь, какъ увидимъ сейчасъ, одно только и получило болѣе широкое распространеніе въ другихъ мѣстныхъ варіантахъ,—данная карпато-русская пѣсня, какъ по общей, сложной редакціи своей, такъ и въ многихъ существенныхъ подробностяхъ и даже отдѣльныхъ чертахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей старой великорусской версіи, отъ которой именно, по всей видимости, она и произошла здѣсь болѣе или менѣе непосредственно и прямо. Что же касается, въ частности, нѣкоторой своеобразности и какъ-будто даже самостоятельности ея во второй, солдатской части, то на повѣрку, при болѣе внимательномъ разборѣ, оказывается также и здѣсь, какъ и въ отношеніи мотива о битьѣ жены, что, собственно, эпическая основа здѣсь несомнѣнно одна и та же, а все это кажущееся отступленіе отъ великорусскаго оригинала, въ сущности,

1) Головацкій: Нар. пѣсни, I, 148—149, № 24.

не что иное, какъ только логическое, болѣе осмысленное и цѣлостное восполненіе или развитіе, внутри самой же пѣсни, того же самаго солдатскаго мотива, который имѣется также, но только въ болѣе разорванномъ и выцвѣтшемъ видѣ, и въ самомъ этомъ великорусскомъ источникѣ.

Относительно другихъ карпато-русскихъ варіантовъ пѣсни, заключающихъ въ себѣ уже исключительно только чистый мотивъ о битьѣ жены съ его народно-эпическимъ параллелизмомъ питья воды, необходимо прежде всего замѣтить, что всѣ они, конечно, въ виду этого послѣдняго обстоятельства, должны быть признаны совершенно независимыми отъ только-что разобраннаго полнаго варіанта Головацкаго, въ которомъ именно этотъ центральный мотивъ значительно испорченъ и измѣненъ и который, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, а также благодаря своей излишней сложности, вовсе не принялся и скоро затерялся въ народной памяти. Всѣ же остальные наличные варіанты, являясь только частными, болѣе или менѣе усѣченными и поблекшими отраженіями первой части пѣсни и въ общемъ довольно близко совпадая между собою, въ то же время восходятъ гораздо ближе и къ общему великорусскому оригиналу, отъ котораго они, повидимому, въ свою очередь, произошли непосредственно и прямо, или же, можетъ быть, черезъ посредство какого-нибудь другого, неизвѣстнаго нынѣ, промежуточнаго варіанта. Замѣчательно при этомъ, что почти всѣ они — угро-русскіе, изъ Галичины же дошли до насъ, помимо означеннаго выше полнаго варіанта, происхожденіе котораго, впрочемъ, Головацкимъ ближе не указано, только отдѣльные, незначительные отрывки. Изъ числа этихъ варіантовъ приведемъ слѣдующій, сравнительно наиболѣе полный и яркій, угро-русскій варіантъ:

«Не буду я воду пити,
бо вода нечиста,
нападало въ тую воду
кленовое листя.
Не буду я воду пити,
вода студененька,

не буду я жену бити,
жена молоденька.
Ударилъ я голый разъ,
тѣло почернѣло,
а я плакалъ цѣлый годъ,
абы побѣлѣло»[1])...

Въ другихъ случаяхъ встрѣчаются уже только либо вторая и третья строфа[2]), либо даже лишь одна изъ нихъ въ отдѣльности[3]), наконецъ, также и первая строфа, представляющая уже, впрочемъ, только дальнѣйшую мѣстную варіацію общаго мотива, сама по себѣ[4]).

Такимъ образомъ, изъ изложеннаго видно достаточно ясно, какъ сложная и спутанная великорусская пѣсня, проникнувъ съ солдатскаго голоса, безразлично — прямо ли, или же черезъ посредство нашей записи, въ карпато-русскую народную среду, постепенно была здѣсь усвоена и приспособлена къ мѣстному языку и складу, а затѣмъ, утративъ нѣкоторыя старыя, лишнія черты и въ замѣнъ логически развивъ въ себѣ недостающія новыя, въ концѣ концовъ отлилась въ ту сжатую и стройную форму излюбленной здѣсь «коломыйки», въ которой она, въ болѣе или менѣе полномъ и связномъ видѣ, и удержалась въ мѣстномъ народномъ репертуарѣ и нынѣ.

---

1) Г. А. Де-Волланъ: Угро-русскія нар. пѣсни, Спб. 1885, стр. 122.

2) Напр.: Головацкій: Нар. пѣсни, II, 557, № 38; М. Врабель: Угро-русски нар. спѣванки, Будапештъ 1901, I, 311—312, № 852.

3) Напр.: Ż. Pauli: Pieśni, II, 169, № 19; Головацкій: Пѣсни, III—2, 511, № 104; Врабель: Спѣванки, I, 44 и 120, № 167 и 374.

4) Напр.: Головацкій: Пѣсни, II, 411, № 479, и 620, № 29; Врабель: Спѣванки, I, 219, № 624; Гнатюкъ: Коломыйки, II, 15, № 2779. — Замѣтимъ кстати, что послѣдній изслѣдователь на другомъ мѣстѣ (т. I, стр. XIX введенія) считаетъ данную «коломыйку» отрывкомъ другой пѣсни—«про дѣвушку, которая несла воду, и Христа, который просилъ у нея напиться воды» (ср. *наши* Очерки по ист. рус. нар. словесности, II: Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ и легенда о нерожденныхъ дѣтяхъ, К. 1905), но это предположеніе, очевидно, въ виду указанныхъ нами выше данныхъ, должно быть признано совершенно неправильнымъ.

7.

а) Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 181, л. 71.

(Безъ заглавія.)

Воспой, воспой, соловей [1])!
Ѡхъ, радъ же бъ ‹я› воспивать [2]),
в меніе ґолосу ніетути;
потиралъ ꙗ свой ґолосокъ,
по чужихъ садкахъ летꙗчи,
горкіе ꙗблучка клуючи,
а по батюжки а матушку плачучи:
а за батюжку ѡденъ діенъ,
а за матушку друґой діенъ,
а за милою оувесъ тижденъ.
Не тужи, не тужи [3]), соловей [4]),
ніе тужи, молодой [5]),
ѡ своемъ бѣдно^м^ житиѣ.

б) Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 406, л. 19.

Пѣснь московска.

Ахъ, воспой, воспой, соловіей [6])!
Ахъ, радъ же бы ꙗ вѡ̑певатъ,
в мене галаску не тупѣтъ [7]);
потиралъ [8]) ꙗ свуй галасокъ,
по чужомъ садку летячи,
горкія ꙗблучка клюючи,
а по батюшки тужачи:

1) Нѣкоторые стихи, повидимому, повторяются, такъ какъ въ рукописи при нихъ помѣщена цифра в҃.

2) Въ рук. «я» пропущено, а послѣднее слово надписано сверху строки.

3) Въ рук. это повтореніе тоже лишь намѣчено цифрой в҃.

4) Въ рук.: *солоовецъ*.

5) Цѣлый стихъ надписанъ сверху строки.

6) Въ рук.: *солосіей*.

7) Sic! это, повидимому, искаженіе—вм. *нѣтути*, какъ въ вар. *а*.

8) Въ рук.: *тотиралъ*.

а по батюшки ѡденъ день,
а по матюшки другой день,
а по милой ввесъ тижденъ[1]).

Въ общемъ, какъ видимъ, оба варіанта вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ и происходятъ, безъ сомнѣнія, изъ одного и того же источника, причемъ только во второмъ изъ нихъ почему-то утрачены послѣдніе три стиха,—однако же, въ виду нѣкоторыхъ, не лишенныхъ интереса, частныхъ отличій ихъ въ отношеніи мѣстныхъ фонетическихъ чертъ и искаженій, мы все-таки привели здѣсь оба полностью и раздѣльно.

Изъ подлинныхъ великорусскихъ параллелей намъ удалось найти только незначительные отрывки, или, вѣрнѣе, одни лишь намеки на данную пѣсню—подъ видомъ вводнаго, параллельнаго эпическаго мотива въ составѣ другихъ, современныхъ народныхъ пѣсенъ. Такъ, напр., въ одной курской хороводной пѣснѣ встрѣчаемъ этотъ мотивъ въ слѣдующихъ начальныхъ стихахъ:

«Посвищи, соловьюшка, въ саду!
Ужъ я радъ бы посвисталъ,
да свой голосъ потерялъ —
по вишнямъ, по садамъ,
по вечернимъ зарямъ»[2])...

Въ другой пѣснѣ—о молодцѣ, попавшемъ въ острогъ,—тотъ же мотивъ отсталъ и выцвѣлъ еще больше:

«Зеленый садочекъ,
что-жъ ты рано не цвѣтешь?
Молодой соловьюшекъ,
что-жъ ты пѣсенъ не поешь?
Запѣлъ бы я пѣсенку,
да голосу нѣтъ,
клевалъ бы я зернышки,
да волюшки нѣтъ»[3])...

1) Послѣдніе три стиха въ рук. повторяются.
2) Соболевскій: Великорус. пѣсни, II, 65, № 81.
3) Соболевскій: *тамъ-же*, VI, 379, № 474; ср. также № 475 и 476.

Тѣмъ не менѣе, однако, довольно полный и сходный варіантъ нашей пѣсни все-таки сохранился, хотя и не на великорусской, а на малорусской почвѣ, а именно, въ слѣдующей близкой передѣлкѣ ея изъ харьковской губ.:

«Соловейко маленькій,
въ тебе голосъ тоненькій,
защебечи ты мені,
на червоній калині сидючи!
Ой, радъ бы я защебетать,
та въ мене голосу зовсімъ нема;
истерявся голосочокъ,
истерявся мій тоненькій,
по чужихъ садахъ літаючи,
ягоду гіркую клюючи,
по матери й батькови тужучи,
по батькови тужучи,
по матери плачучи» [1]).

Кромѣ этой прямой и цѣльной малорусской передѣлки, болѣе или менѣе соотвѣтствующей нашимъ стариннымъ записямъ и сохранившей еще даже явные слѣды своего изначальнаго языка и склада, существуетъ здѣсь также и другая, болѣе свободная и отдаленная версія, которая, однако, въ свою очередь, какъ по своей подчиненной, вводной роли, такъ и по краткой и своеобразной редакціи своей, восходитъ уже, повидимому, не прямо къ нашему основному, цѣльному типу, а скорѣе къ тѣмъ сокращеннымъ и выцвѣтшимъ его отраженіямъ, которыя приведены нами выше:

«Да чомъ, соловей, да не щебечешь?
Да голосу не мае,
да потерявъ соловей голосъ
да черезъ яшный колосъ,

---

1) Чубинскій: Труды экспедиціи, V, 479, № 69.

да черезъ ранне да уставанне,
да черезъ щебетанне»[1])...

8.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 181, л. 67—об.

Пѣснъ свѣтова.

Ахъ, девица Кумина, — друѓъ, Кумина,
што по полю ходила, — друѓъ, ходила,
а біелий лонъ сеꙗла, — друѓъ, сеꙗла,
и посеꙗвши полола, — друѓъ, полола,
билие ручки колола, — друѓъ, колола.
Пришолъ до ней молодіецъ, — друѓъ, хорошъ,
сталъ меніе молодую циловать, — друѓъ, циловать, ||
надіеждою називать, — друѓъ, називать:
Роди да[2]) сн҃а сокола, — друѓъ, сокола,
а ґлазами оу[3]) меꙗ, — друѓъ, а оу меꙗ,
чорними бровами <въ> соболꙗ, — друѓъ, <въ> соболꙗ!
За нашими воротами
стоитъ да діевокъ каговъ[4]), — друѓъ, караговъ[4]);
една діевка краща всѣхъ,
та на ней лента ширша всѣхъ, — друѓъ, ширша всѣхъ.
Пойшла дівка танцоватъ, — друѓъ, танцоватъ,
рукавчикомъ смахнула, — друѓъ, смахнула,
сердіохонко здихнула:
Московскаꙗ сторону<ш>ка, сторона,
знать меніе и в ней ніе бивать, — друѓъ, ніе бивать,

---

1) Чубинскій: *тамъ-же*, V, 23, № 61. Замѣчательно при этомъ, что послѣдняя версія, конечно, совершенно независимо отъ нашихъ записей, проникла также, въ свою очередь, и въ карпато-русскій пѣсенный репертуаръ. См. Головацкій: Нар. пѣсни, III—1, 329; № 58.

2) *Да* надписано сверху строки.

3) Въ рук.: *и*—очевидно, польской графики; ср. сейчасъ дальше—припѣвъ.

4) Sic! очевидно д. б.: *хороводъ*.

сладкого медку ніе пиватъ, — друґъ, ніе пиватъ,
ѡрешечковъ ніе щолґатъ [1]), — друґъ, ніе щолґатъ!

Составъ пѣсни распадается самъ собою на двѣ отдѣльныя, равныя части, представляющія двѣ различныя пѣсни, опять совсѣмъ механически сцѣпленныя другъ съ другомъ вмѣстѣ: ст. 1—11+12—22.

Соотвѣтствующихъ, сколько-нибудь полныхъ и близкихъ, подлинныхъ параллелей для первой части, въ ея цѣломъ, мы, къ сожалѣнію, не нашли, а потому должны ограничиться лишь указаніемъ на частичныя и болѣе отдаленныя, хотя несомнѣнно родственныя, соотвѣтствія для составляющихъ ее двухъ частныхъ мотивовъ. Такъ, начальному мотиву — о сѣяніи льна — въ общемъ болѣе или менѣе отвѣчаетъ слѣдующее начало одной популярной плясовой пѣсни:

«Посѣяли дѣвушки ленъ,
посѣяли, пололи,
бѣлы ручки кололи.
Повадился во ленокъ
молоденькій щеголекъ,
со льну цвѣты сорывалъ,
въ Дунай-рѣчку побросалъ» [2])...

Что касается второго мотива этой части (ст. 6—11), то онъ, повидимому, имѣетъ прямое отношеніе къ слѣдующему общему мѣсту нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсенъ:

«Спороди сына сокола,
captured станомъ, ростомъ, другъ, въ меня,
бѣлымъ лицемъ, другъ, въ себя,
брови черны въ соболя,
очи ясны въ сокола» [3])...

---

1) Д. б.: *щелкать*.

2) Соболевскій: Великор. пѣсни, III, 383, № 473; ср. № 472, 474—478 и 480; см. также: Шейнъ: Великоруссъ, I—1, 97—98, 126 и 356, № 429—430, 528 и 1229; П. В. Кирѣевскій: Пѣсни, М. 1911, нов. серія, I, 310, № 1124.

3) Кирѣевскій: Пѣсни, нов. серія, I, 7—8, № 11; см. также: № 7, 73, 85, 116, 268, 303, 365 и 780; Шейнъ: Великоруссъ, I—2, 479, 579, 589, 681, 698 и 727, № 1614, 1904, 1943, 2257, 2287 и 2346; И. П. Сахаровъ: Русскія нар. пѣсни—*Сказанія русскаго народа*, Спб. 1841, I—3, 196.

Гораздо лучше и цѣльнѣе сохранилась въ великорусской народной словесности вторая составная часть нашей записи, являющаяся уже вполнѣ самостоятельной и законченной хороводной пѣснью и извѣстная здѣсь въ одномъ старомъ и въ цѣломъ рядѣ новыхъ народныхъ варіантовъ, причемъ первый изъ нихъ (*ПН*, II, 186, № 178) болѣе всего, вплоть до припѣва даже, соотвѣтствуетъ нашему тексту:

«У нашихъ то у воротъ, — да у воротъ,
у точеныхъ у верей, — да у верей,
стоялъ дѣвокъ хороводъ, — да хороводъ.
А всѣ дѣвки веселы, — да веселы,
одна дѣвка лучше всѣхъ, — да лучше всѣхъ,
Авдотьюшка вдовина, — да вдовина;
по бережку гуляла, — да гуляла,
рукавчикомъ махала, — да махала,
сердечушкомъ вздыхала, — да вздыхала,
словечушко сказала, — да сказала:
Ахъ, свѣтъ моя сторона, — да сторона,
Покровская слобода, — да слобода,
ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать, — да не бывать,
пивца, винца не пивать, — да не пивать,
сладкихъ яблоковъ не ѣдать, — да не ѣдать,
съ молодцами не гулять, — да не гулять!»

Съ этимъ стариннымъ варіантомъ болѣе или менѣе совпадаютъ также и двѣ новыя народныя записи у Сахарова — I—3, стр. 34 и 56—57, въ которыхъ весь составъ пѣсни сохранился еще въ полномъ видѣ. Во всѣхъ же остальныхъ варіантахъ не только утрачена уже цѣлая и довольно существенная часть пѣсни — воздыханія дѣвушки о родной сторонѣ, но и сама пѣсня вообще подверглась, въ связи съ этимъ, болѣе или менѣе значительной передѣлкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также потеряла и свой цѣльный, самодовлѣющій характеръ и, наконецъ, слилась совершенно съ другой подобной, хороводной пѣснью[1]). Замѣчательно при

1) Соболевскій: Великорус. пѣсни, IV, 233—237 и 677, № 305—307 и 855; ср. еще № 707, 797 и 798; Шейнъ: Великоруссъ, I—1, 96, № 431—432.

этомъ, однако, что именно въ этихъ послѣднихъ, болѣе отдаленныхъ и выцвѣтшихъ варіантахъ, въ свою очередь, сохранилась одна интересная черта, встрѣчающаяся также и въ нашей записи (ст. 15), но отсутствующая совсѣмъ во всѣхъ трехъ основныхъ, цѣльныхъ варіантахъ, а именно, упоминаніе о лентѣ:

«одна дѣвка лучше всѣхъ,
въ косѣ лента шире всѣхъ»...

9.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича, нач. XVIII в., № 135, л. 52.

Пѣсниꙗ московскаꙗ 1).

Моꙗ милейкаꙗ,
чо[р]нобривѐкаꙗ,
по[д]лꙗ мене седи[т]
да какъ свіечка ґори[т].
Да у на҇ на Дону
да не по[ва]шему 2):
да ра҇туть пероґи
да ґарачие из' масе[з]ко[м];
да мо҇ко[в]ка пекла
ис Пустелꙗ 3) ґарода,
на ней сукниꙗ зеліона,
сапоґи че[р]вони.
Та ну, та ну 4),
десъ мой мужъ на Дону.

---

1) Издана дважды: М. С. Грушевскимъ: Съпіванник з поч. XVIII в., стр. 47, и И. С. Свѣнцицкимъ: Опис. рук. Нар. Дому, II, 254—255.

2) Въ рук.: *непо[ва]вему*; принятое нами чтеніе предложено уже М. С. Грушевскимъ, причемъ оно вполнѣ подтверждается, какъ сейчасъ увидимъ, и нѣкоторыми другими варіантами.

3) ? Грушевскій предполагаетъ здѣсь: «изъ Путивля».

4) Въ рук. это повтореніе лишь намѣчено цифрой ҂.

Она [1]) дома була,
трое дѣтокъ привела;
да какъ сини поросту^{т},
бачьку [2]) за ло^{б} приведу^{т},
ѿ кута до кута
кинутʻсꙗ гайдука.
Лѣпше пиво, нѣ^{ж} вода!
Ой, зʻмерзъ на печи,
стару бабу гнетучи.
Человѣче рудій,
не полоха̀ людій,
ꙗ^{к} сполоши^{ш} люде,
лихо тобѣ буде.

Хотя данная пѣсня и является древнѣйшею изъ всѣхъ, извѣстныхъ нынѣ, карпато-русскихъ, да и вообще малорусскихъ записей великорусскихъ пѣсенъ, тѣмъ не менѣе, она, какъ видимъ, испорчена и стерта болѣе всѣхъ другихъ нашихъ текстовъ, такъ что не только утратила почти совершенно свой внѣшній великорусскій характеръ, но потеряла даже въ значительной степени и свою логическую осмысленность и связность вообще. Очевидно, что сама запись была произведена не непосредственно отъ великорусскаго пѣвца, а позже, по памяти, со словъ какого-нибудь мѣстнаго любителя, который къ тому же, должно быть, изрядно перезабылъ и спуталъ подлинный текстъ и смыслъ пѣсни и, наконецъ, перешелъ даже совсѣмъ на малорусскій ладъ.

Что же касается самого состава пѣсни, то, насколько можно судить по этимъ, сохранившимся въ записи, скуднымъ и спутаннымъ оригинальнымъ обрывкамъ и слѣдамъ ея, она составлена тоже, помимо явно произвольной малорусской приставки въ концѣ, изъ нѣсколькихъ, повидимому — трехъ, различныхъ мотивовъ, наобумъ сцѣпленныхъ другъ съ другомъ вмѣстѣ. Первый и послѣдній изъ этихъ мотивовъ (ст. 1—4 и

---

1) У Свѣнцицкаго ошибочно: *о н*.
2) У Свѣнц.: *батьку*.

13—20), равно какъ и заключительный малорусскій куплетъ, кромѣ даннаго случая, не были встрѣчены нами нигдѣ болѣе. Что же касается второго, повидимому, центральнаго мотива (ст. 5—12), то онъ, по всей видимости, восходитъ къ небыличному разсказу о привольной жизни на Дону, которымъ въ одной пѣснѣ козакъ, гуляющій въ «польской корчмѣ«, сманиваетъ съ собою молодую «шинкарку» [1]). Приведемъ соотвѣтствующее мѣсто по старѣйшему изъ извѣстныхъ намъ варіантовъ — *ММ*, стр. 80:

«Поѣдемъ, шинкарочка,
къ намъ на тихій Донъ!
У насъ на Дону
не ткутъ, не прядутъ,
не ткутъ, не прядутъ,
все вино пьютъ» [2]).

Нѣсколько болѣе развитъ этотъ мотивъ и въ то же время болѣе отвѣчаетъ нашему тексту—въ современныхъ народныхъ варіантахъ той же пѣсни, какъ напримѣръ:

«У насъ на Дону
не по вашему:
не ткутъ, не прядутъ —
во шелку ходятъ,
не пашутъ, не сѣютъ —
бѣлый хлѣбъ ѣдятъ,

---

1) Другой подобный небыличный разсказъ, не имѣющій уже, однако, прямого отношенія къ нашему мотиву, заключается также въ пѣснѣ объ Агафонушкѣ въ сборникѣ Кирши Данилова:

«Ай, на Дону, Дону,
в избе на дому,
на крутыхъ берега*,
на печи на дровахъ»...

См. П. Н. Шефферъ: Сборникъ Кирши Данилова, Спб. 1901, стр. 110. Ср. также: *ПН*, III, 152—153, № 151; Кирѣевскій: Пѣсни, нов. серія, I, 88 и 118, № 266 и 376.

2) Другіе старые, близкіе варіанты (въ пѣсенникахъ 1791, 1792 и 1819 гг.) см. у Соболевскаго: Великорус. пѣсни, I, 305—306.

бѣлый хлѣбъ ѣдять,
медъ-горѣлку пьють»[1]).

Но ближе всего подходитъ къ нашей карпато-русской записи, какъ по своему общему, нарочито небыличному тону, такъ и, въ частности, по характерной подробности относительно «пироговъ», слѣдующая малорусская версія:

«Що въ насъ на Дону
не по вашому:
ни жнуть, ни косять —
жупаны носять,
ни тчуть, ни прядуть —
хороше живуть,
солому січуть —
пироги печуть,
а сіно смажуть —
пироги мажуть»[2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что именно этотъ послѣдній, малорусскій варіантъ, какъ самый цѣльный и яркій изъ всѣхъ, а при томъ также болѣе другихъ отвѣчающій древнѣйшей по времени — карпато-русской записи, долженъ быть признанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самой ранней, наиболѣе приближенной къ первичному, основному тексту, редакціей пѣсни, восходящей въ общемъ далеко вглубь XVII-го вѣка. Въ то же время уже само существованіе подобнаго малорусскаго варіанта, въ связи съ явной несообразностью всего содержанія, характера и склада пѣсни съ великорусской народной обстановкой вообще, указываетъ достаточно ясно на то, что мы имѣемъ здѣсь вообще дѣло не съ оригинальной великорусской пѣсней и ея малорусскимъ отраженіемъ, а наоборотъ, что сама пѣсня, въ основѣ своей, по своему происхожденію и характеру, принадлежитъ именно къ числу пѣсенъ чисто малорусскихъ, великорусскіе же

1) Соболевскій: *тамъ-же*, I, 299, № 218; ср. еще № 216—217 и 219—224.

2) Чубинскій: Труды экспедиціи, V, 1082, № 218.

ея варіанты являются уже только производными ея отраженіями или передѣлками, усвоенными и натурализованными на великорусской почвѣ, вѣроятно, черезъ посредство смѣшанной козацкой вольницы на Дону, довольно рано и прочно. Въ такомъ новомъ, великорусскомъ видѣ эта пѣсня, а собственно, только одна, небылична часть ея, была занесена, должно быть, тѣми же донскими козаками, также и въ далекую карпато-русскую среду, причемъ здѣсь она, въ свою очередь, помимо ряда внѣшнихъ, постороннихъ наслоеній, снова подверглась вся довольно значительному мѣстному, малорусскому вліянію.

Не касаясь этихъ частныхъ особенностей и чертъ нашей записи вообще, замѣтимъ только въ заключеніе, по поводу встрѣчающагося въ ней упоминанія о танцѣ «гайдукѣ», что подобныя же пѣсенныя упоминанія объ этомъ, кажется, неизвѣстномъ уже нынѣ, танцѣ или напѣвѣ, являющіяся, повидимому, какъ уже было упомянуто выше, живыми отголосками былого культурно-историческаго общенія съ южными славянами, повторяются въ народныхъ пѣсняхъ, какъ малорусскихъ, такъ и великорусскихъ, довольно устойчиво и часто [1]).

10.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича, к. XVIII—нач. XIX в., № 280, тетр. 1, л. 1 об.—2.

Пѣснь московска милiодiне [2]).

1. Весола віесна цвіеты пріносі^{т},
пастушо^{к} пастуш^{ка} [3]) до себа [4]) проси^{т} [5]);

---

1) См.: Ż. Pauli: Pieśni, II, 153—154; W. z Oleska: Pieśni, стр. 369; Головацкій: Нар. пѣсни, II, 477, 478, III—1, 475, 486; И. Колесса: Гал.-рус. нар. пісні, стр. 236; Чубинскій: Труды экспедиціи, V, 576, 686, 687, 1075; Соболевскій: Великорус. пѣсни, IV, 332—334, № 426—428. Ср. также: Н. П. Дашкевичъ: Нѣсколько слѣдовъ общенія, стр. 126—127; Н. Ѳ. Сумцовъ: Малюнки, стр. 35.

2) *Варіанты*—по спискамъ *РАа* и *РПа*.

3) *РПа: пастушка пастушекъ; РАа: пастушекъ в луга.*

4) Въ рук.: *оеба*.

5) Приписано на полѣ.

пастушкы чтої радѣ [1]),
ωвіечкы поґналѣ
в ґустіе [2]) луґа.
Приґналѣ по^{х} кущы [3]), ґдіе розгѣ былѣ [4]),
тамъ піеснѣ запіелѣ и сами сіелѣ;
сталѣ [5]) рват' цвіеточкы,
взіелѣ [6]) плієсть віеночкы,
всакъ про сіеба [7]).
Толко сніе^{х} свіерелка [8]) доплієсть ніе моґла,
пошла падаліеча [9]) в ґустіе [10]) луґа,
разни^{х} цвіетко^{в} [11]) искатѣ,
ґдіебъ лўшы^{х} нарватѣ
на свô віенокъ [12]).
Оуслышала падаліеча [13]) ґаласокъ [14]) свіерелкѣ,
гадала, думала, что ґулають діевкы [15]);
поблѣжѐ к не^{х} прійшла [16]),
та^{х} пастушка знâ^{х}ла
при струа^{х} водъ [17]).

---

1) *стомъ рады.*
2) *РПа: в тихи; РАа: в тые.*
3) *кусты.*
4) Sic! *РПа: гдѣ розы были; РАа: алы.*
5) *РПа: взяли.*
6) *стали.*
7) *всяка себѣ.*
8) Sic! *РАа: толко Бѣлиза; РПа: одна Бѣлиза.*
9) *подалѣ.*
10) *РПа: в зелены.*
11) *РПа: цветочков; РАа: розы в' лѣсъ.*
12) Въ рук. пропущена цѣлая строфа, которую приводимъ по сп. *РПа*:

«Сыскала кусточки, где розы алы,
которы^{х} другие дѣвки не рвали;
села тамъ на лужокъ,
стала рва^{т} в фартушокъ,
доплесть венокъ».

13) *РПа: слышала далече; РАа: слышанъ показался.*
14) *голосъ.*
15) *РПа: мнило ей, что и та гуляю девки; РАа: мнилось, что пасутъ овечекъ дѣвки.*
16) *поближе къ нимъ пошла.*
17) Слѣдующія двѣ строфы (ст. 21—25+26—30) помѣщены въ рук. въ обратномъ порядкѣ (ст. 26—30+21—25), мы же переставили ихъ здѣсь не

В' тіе поры ужасно искричала [1]): аˣ! аˣ!
гадала, думала, что діевки в луѓаˣ [2]);
пастушокъ [3]) к ніѐ поˣбіежаˣ,
за ручку еѧ взаѓь,
сказаѓь [4]): ніе бойсѧ [5])! ||
В те поры испужалась [6]), хоць была сміела,
в п<а>стушка на рукаˣ почтіе сомліела [7]);
в'друѓъ <г>лаза ѿкрила,
на ніево смотрила [8])
съ пріѧтностію.
В тіе пори исказала [9]): мѣлὸ мὸ [10]) пастушокъ,
пріймѣ сѐ ѿ мене [11]) спліетіоній віенокъ,
спущаю [12]) ѡнъ буˣ [13]) тіебе,
толко ти буˣ віеˀной <мнѣ> [14])
по мою жизнь!

Какъ эта, такъ и слѣдующія далѣе три пѣсни (№ 11—13), являясь уже произведеніями не народной, а книжной, искусственной поэзіи, принадлежать къ разряду такъ называемыхъ пасторалей или пастушескихъ пѣсенъ, которыя, возникнувъ и получивъ значительное распро-

---

только по соотвѣтствію съ обоими другими варіантами, но и согласно ихъ очевидной логической послѣдовательности.

1) *РАа: увидѣвъ, спужалась, вскричала; РПа: видевши, спужалаˀ, кричала.*

2) *думала, что дѣвки, анъ пастухъ въ глазахъ.*

3) *пастухъ.*

4) *РПа: мо̂вилъ.*

5) *небось.*

6) *РПа: пастушка спужалаˀ; РАа: еще же вспужавшись.*

7) *РПа: почти омлѣла; РАа: соснула.*

8) *РАа: взглянула.*

9) *въ то время сказала.*

10) Въ обоихъ варіантахъ послѣдняго слова нѣтъ.

11) *РПа: прийми сей изъ цвѣтовъ; РАа: возми из цвѣтковъ сей.*

12) Sic! *РПА: пускай; РАа: пусть.*

13) *РАа: будетъ;* въ *РПа* это слово пропущено.

14) Въ рук. послѣдняго слова нѣтъ; возстановляемъ его по другимъ двумъ варіантамъ.

страненіе на Западѣ, съ половины XVIII-го вѣка, съ усиленіемъ французскаго вліянія при Елизаветѣ, широко привились и, такъ сказать, вошли въ литературную моду также и въ Россіи, сдѣлавшись со временемъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и излюбленныхъ отдѣловъ не только популярныхъ, рукописныхъ и печатныхъ, пѣсенниковъ, но также и многихъ чисто литературныхъ поэтическихъ сборниковъ — вплоть до 20—30-хъ годовъ XIX-го вѣка [1]).

Что касается, въ частности, данной пѣсни, то въ печатномъ видѣ она не встрѣчалась намъ вовсе и извѣстна намъ только по двумъ рукописнымъ варіантамъ конца XVIII-го в.—*РАа*, л. 102 об.—103 об., № 84, и *РПа*, л. 15 об.—16, по которымъ и подведены нами выше болѣе яркія и существенныя разночтенія, причемъ оказывается, что наша запись, произведенная несомнѣнно, какъ это явствуетъ не только изъ ея фонетическихъ особенностей и искаженій, но также и изъ особой ремарки въ заглавіи: «милiодійне», тоже съ живого голоса, сохранила въ общемъ оригинальный текстъ сравнительно довольно удовлетворительно и вѣрно, ближе примыкая, въ частности, къ болѣе исправному чтенію *РПа*.

11.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 280, тетр. 2, л. 5 об. — 6.

Пѣснь московскаа трілꙗ [2]).

1. Хоть ꙗ пастушко[х] [3]) сливу,
волни[х] мыслей [4]) віек живу,

---

1) См. А. А. Веселовскій: Любовная лирика XVIII в., стр. 94—191; В. Н. Перетцъ: Очерки по ист. поэтическаго стиля въ Россіи, I—IV, 57.

2) *Варіанты*—по *РПа*, *РАб* и *СНП*.—Въ заглавіи послѣдняго варіанта имѣется тоже объяснительная ремарка: «Пастушья вольная жизнь. Голосомъ протяжнымъ».

3) *РАб: пастушкою;* такъ же само въ ярославскомъ пѣсенникѣ 1755 г. (И. А. Вахрамѣева № 555).

4) *РПа* и *СНП: въ вольныхъ мысляхъ; РАб: въ веселыхъ.*

жизнь толь сла^{х}ку [1]) провождаю,
лучше в' свіетіе не желаю;
ни на скип'тръ, ни злать віеніецъ
проміенаю [2]) (г̃.) си^{х} [3]) ѡвіецъ.
Оутро [4]), какъ зора дойдеть [5]),
на траву роса спадеть,
гона [6]) ѡвци [7]), в дутку граю [8]),
п‹а›ствіе времꙑ возвіещаю [9]),
пасу и [10]) в сла^{х}ки^{х} трава^{х} [11]),
любо [12]) бит мніе (г̃.) в пасту^{м}ка^{х}.
В сл‹а›^{х}ки^{х} трава^{х} [13]) беріезнику
ищу свою пастушку [14]);
вслие^{х} за ніею поспіешаю,
нагна^{в} еа [15]), ѡбнимаю,
потомъ стану ѿдихат',
взꙑвши флієйту (г̃.), начну грат' [16]). ||
Буди [17]) жъ мніе ґрушно [18]) станіет',
разніе піеснѣ начну піет',

---

1) *РПа* и *РАб*: *сладко; СНП: время пріятно.*
2) *СНП: не промѣняю.*
3) *РАб: я; СНП: стада.*
4) *РПа* и *РАб*: *утромъ.*
5) *заря взойдетъ.*
6) *гоню.*
7) *РАб: овецъ; СНП: стадо.*
8) *РАб* и *РПа*: *играю; СНП: цвѣты срываю.*
9) *РАб* и *СНП*: *въ пастеѣ время провождаю; РПа: к патѣн в время поп̃ѣщаю.*
10) *РПа: и^{х}; РАб* и *СНП*: *я.*
11) *СНП: въ прекрасныхъ лугахъ.*
12) *СНП: мило.*
13) *СНП: въ прекрасныхъ лугахъ.*
14) *РАб: пастушечку; СНП: подружку.*
15) *РПа: мило; РАб: милую; СНП: догнавъ ее я.*
16) *РПа* и *РАб*: *стану играть*; въ *СНП*, вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ, читаются слѣдующіе:

«и пукетъ розъ свяжу,
тѣмъ ее я подарю».

17) Слѣдующія далѣе двѣ строфы (ст. 19—24 + 25—30), помѣщенныя въ рук. въ обратномъ порядкѣ (ст. 25—30 + 19—24), опять переставляются нами, согласно другимъ варіантамъ, въ ихъ настоящей послѣдовательности.
18) *когда скучно мнѣ.*

на коштурѣ [1]) ѡбопруса,
или в росіе пр<о>хожуся [2]),
или в свіерель воспою [3]),
тіех всю печаль ѿдобю [4]).
Жажда ли, ґалюд нападіет' [5]),
смотрю [6]) міеста [7]), ґдіе ключъ біет',
хліебъ и соль [8]) а в' сунки [9]) ношу,
взя<в>ши сухарь, въ воду брошу;
разсуди всякъ про сіебіе [10]),
ах, как [11]) сладко ест'ся [12]) мніе [13]).
Собачка, віерной [14]) ѕвіерокъ,
всіегда ліежит' в' [15]) моих ноґъ;
когда сонъ мя [16]) склонит' сильно,
ѡнъ біережет' ѡвецъ пильно [17]),
ѿ всякій біед [18]) біережет',
поки [19]) темна (г҃.) нощъ пройдет' [20]).

---

1) *РПа: на котыле; РАб: на костылечикъ; СНП: на посохъ.*

2) *РПа: или в рощах прохожуся; СНП: или въ рощѣ расхожусь;* въ *РАб* весь этотъ стихъ пропущенъ.

3) *РПа: или свирелку возму; РАб: за свирѣль свою возмуся; СНП: потомъ пѣсню запою.*

4) *РПа: разобью; РАб: разгоню; СНП: прогоню.*

5) *РАб: мя беретъ.*

6) *СНП: ищу.*

7) *РАб: въ воду.*

8) *РПа: хлебъ и сыръ; СНП: хоть и соль;* въ *РАб* этотъ стихъ читается совсѣмъ иначе: *хлѣба, соли въ сумѣ нетъ.*

9) *въ сумкѣ.*

10) *СНП: про себя; РАб: по себѣ; РПа: то всякъ себѣ.*

11) *РПа: скоз.*

12) *РАб: кушат.*

13) Въ *СНП* этотъ стихъ гласитъ иначе: *сколь пріятна мнѣ пища сія,* на чемъ и обрывается наличный текстъ этого варіанта.

14) *РАб: мой верной.*

15) *у.*

16) *меня.*

17) *РАб: стережетъ она овечекъ смирно.*

18) *РПа: ѿ всехъ бѣдъ меня;* въ *РАб* этотъ стихъ пропущенъ.

19) *пока.*

20) *РАб: ночь придетъ.*

Изъ числа наличныхъ оригинальныхъ текстовъ пѣсни, привлеченныхъ нами къ сличенію съ нашей записью, которая, впрочемъ, опять-таки, по всѣмъ признакамъ, восходитъ къ живому, изустному источнику, ближе всего подходитъ къ ней, какъ видно изъ отмѣченныхъ выше разночтеній, варіантъ *РПа*, л. 9 об.—10, который, такимъ образомъ, и долженъ быть признанъ ея ближайшимъ, хотя, конечно, и не непосредственнымъ оригиналомъ. Другіе варіанты см.: *РАб*, л. 30 об.—31, № 39, *РПв*, л. 135, № 183, *СНП*, стр. 287—288, № 7. Кромѣ того, еще одинъ, повидимому—древнѣйшій списокъ пѣсни находится также въ ярославскомъ пѣсенникѣ 1755 г. собранія И. А. Вахрамѣева № 555, л. 125 [1]).

12.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 280, тетр. 1, л. 2.

Пѣснь пастушка моско^{в}ска.

Прочъ ѡбманъ всѧкой слави,
прочъ инны всіе забавы,
        прочъ (в҃.) инне все забаві!
И толко, ѡвцы ґона,
тіешу в' луґа^{х} сіеба,
        тіешу (в҃.) в луґа^{х} сіебѧ.
Ѧ живу в мисли волни,
а всіеґда всіе^{м} доволны,
        а в^{се}гда (в҃.) все^{м} доволны.
Бил бы пастухъ мой
равенъ в' мисли со мнѡ,
        раве^{н} (в҃.) в мыслы со мнѡ.
Кушаніе мніе ніе в думки,
хлебъ и сиръ ношу в сунки [2]),
        хлебъ и си^{р} (в҃.) ношу в су^{н}ки.

---

1) См. А. А. Титовъ: Рукописи славянскія и русскія, принадл. И. А. Вахрамѣеву, М. 1892, II, 348.

2) Д. б.: *въ сумкѣ*.

Сладкую воду пю,
в роща[х] по[д] тіенію спю,
в роща[х] (в҃.) по[д] тіенію спю.
Буди жъ мніе ᴦрушно [1]) станіе̑,
друᴦъ свіетли[х] лице[х] ᴦлꙗніет',
друᴦъ (в҃.) свіетли[х] ‹лицемъ глянетъ› [2]).
Ѧ в то[т] часъ взалъ свіере[л],
взбудилъ во птица[х] трель,
взбудилъ (в҃.) во птица[х] трель.

Кромѣ настоящей карпато-русской записи, сохранившей сравнительно довольно удовлетворительно подлинный великорусскій текстъ, мы никакихъ другихъ слѣдовъ данной пастушеской пѣсни, ни въ рукописныхъ, ни въ печатныхъ пѣсенникахъ, не встрѣчали.

13.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 280, тетр. 2, л. 7—8 об.

Пѣснь пастирска ѡ погибшой ѡвци.

С перви[х] ве́сни дней, какъ ꙗ веселилъсѧ,
какъ толко блиснулъ свіетъ в си[х] полꙗ[х],
какъ толко травной цвіетъ поꙗвилъсꙗ
и зашумѣли води в струꙗхъ,
ꙗ тогда билъ южъ с краиніимъ желаніемъ,
какъ дхнули віетри слюдкимъ диханіемъ,—
мой поручилъ ѡтецъ
‹въ› страніе [3]) сей страшной,
кра̂ніе ѡпасной
па‹с›тву ѡвецъ.

---

1) Д. б.: *грустно.*
2) Послѣднія два слова въ рук. пропущены.
3) ? Въ рук.: *сртаніе.*

Паству врученну всꙗкой годины
азъ до сих поръ здесь охраналъ,
же с целой сотнѣ ниже едины
здесь ꙗ ѡвечки не потералъ.
Нинѣ, ахъ, случай сталъса нещасно̀:
згибла ѡвечка, ах, какъ напрасно,
что или зайшла куда, ||
или пораженна,
или похищенна,
ніетъ и следа.
Ви, мои любезніи ѡвіечки,
ви ѡставатесь зде, в сих полꙗх,
или на брегу сей прекрасной речки
ѡпочивайте в сладких травах.
Ꙗ оуже л'щуса такой надіежды:
не свели (?) еꙗ съ ѡвчей ѡдіежди
всезлобнѣ‹й›шой той волкъ,
в дебре безводной
и непроходной,
где ѕвѣрей полкъ.
Ви, мои любезніи пастушки,
ви не вѣдались 1) зде, в сих полꙗх,
ніетъ ли бродꙗщой здесь, па ꙗрушкы,
згибшой ѡвечки, или при луѓах?
Ꙗ оуже в'віерилъ сіеба судбинѣ,
скоро ꙗ пайду к' той мрачной долинѣ,
что всю покрилъ туманъ,
ніе туда ли біежит' ѡвца, свіеденна
чрезъ злой ѡбманъ? ||
Хоть пут' жестокъ мніе, но ніе ѡбіедно 2),
хот' нощъ мрачнаꙗ міенꙗ страши,

1) ? М. б.: *не видали-ль?*

2) ? М. б.: *обидно?*

но мніе сквозѣ мракъ аже (?) там чтос' видно.
ніе то ли моꙗ ѡвца біежить?
Пастой, пастой, глупаꙗ скотина,
куда біежишъ ли сама едина,
или в пустих ꙗрах
лутше с' волками,
нежели с' ѡвцами
пасти въ лугах?
Девꙗтдесѧт и девꙗт ѡставилъ,
а за тобою сам пашолъ въслıедъ,
ибо ніе толко мніе ѡ тіех слава (?),
чтобъ тіебꙗ вивіелъ ѿ всꙗких біедъ.
Се моѧ радост', се віерх блаженства,
да тіебѧ изму ѿ сего біедства
на прежднѡ край,
гдіе свіетъ блистает
и процвіетает
прекраснѡ рай.
Ахъ, ви, драгіи мои пастушки,
ви радуйтесꙗ со мною днесь: ||
ꙗ в' тѡ пустѡ, безводнѡ ꙗрушки
з'гибшу ѡвечку ѡбрелъ, приніесъ;
искахъ азъ, какъ пастиру должно,
взꙗвши на рамо, ніеслъ [1]) сколко можно,
чтобъ показалъ ѿцу,
что мніе врученну
и погубленну
сни<с>калъ ѡвцу.
Се тѡ то пастиръ, грѣшниче ѕлобніи,
коль твою душу чтол' (?) біережет',
что если зблудишъ пут' непотребніи,
ѡнъ сам за ніею в' тѡ часъ вслıех идет'.

1) Въ рук.: *міелсь*.

Се та оутроба, та милосерда,
тебе [1]), грѣшничка жестокосерда,
движет' на преждно край,
хощет' втѣшит'ся,
всюду стреби'ся (?)
послѣ'но разъ.

Оригинальные варіанты этой замѣчательной пѣсни, являющейся, повидимому, по всему своему характеру и складу, какъ-бы промежуточнымъ звеномъ между старой духовной виршей и новой пастушеской поэзіей, намъ тоже, подобно предыдущей пѣснѣ, совершенно не извѣстны.

14.

Рукопись Музея А. С. Петрушевича № 280, тетр. 2, л. 1 об.—3.

Пѣснь московскаѧ [2]).

В чем ма [3]) скажете [4]), какъ [5]) вам ніе нравлю,
повѣрте, а в' то часъ [6]) сіе исправлю;
в том, что мніе сіѧ чест' послужила,
ніе плачте, ніе моѧ [7]) то була сила.
И сам ѧ не знаю,
ѿкуду то [8]) маю,
что свіерх желаніѧ чест' по<л>учаю [9]). ||

---

1) Въ рук.: *табе.*

2) *Варіанты*—по списку дьяка І. Даниловича 1770-хъ гг. (См. В. Н. Перетцъ: Новыя данныя для ист. стар. украинской лирики, стр. 25—27).

3) *ми.*

4) *скажите.*

5) *ахъ, какъ;* то же междометіе «ахъ» повторяется въ варіантѣ Даниловича также нѣсколько разъ дальше.

6) *поверте совести.*

7) *не мною.*

8) *сіе.*

9) Въ рук.: *поучаю.* Здѣсь кончается оборотъ 1-го л., продолженіе же нашей пѣсни слѣдуетъ только на оборотѣ л. 2-го.

Знать, кто сѣдит' днесь [1]) на престолѣ.
благоволит' бити в' егѡ то [2]) волѣ;
ѡнъ то все творит' промежду [3]) нами,
что хощет', то творит' со [4]) мною и вами;
его то всецѣла [5])
его власт' [6]) и сила,
ему то Госпо'на рука здарила [7]).
Если жъ [8]) судѣте, в' че" сталъ виною,
что ѡнъ по власти все [9]) творит' съ [10]) мною,
то если ваша сер'ца [11]) снѣдаетъ,
что ѡнъ ко всѣмъ ѡбщимъ [12]) милость явл<я>ет.
Ахъ, какъ [13]) вы оупрами,
ра'суждате [14]) сами [15]).
Еднакъ вы силни в су<дь>бахъ [16]) без мѣри,
пусть будетъ еди" два, а два четири;
если [17]) не станетъ поленъ [18]) свѣтъ вамы,
не впішут' ли бо [19]) васъ между бгамы.
Да мене ѿтуду [20])

1) *здесь.*
2) *онъ его.*
3) *помежду.*
4) Этого слова въ вар. *Дан.* нѣтъ.
5) *всецѣлю.*
6) Въ рук.: *всвласт'.*
7) Въ вар. *Дан.* далѣе слѣдуютъ стихи 28—34.
8) *ежели.*
9) Въ вар. *Дан.* нѣтъ.
10) *со.*
11) *ваше, ахъ, сердце.*
12) *опрічь.*
13) *якъ.*
14) *разсудите сіе.*
15) Въ вар. *Дан.* здѣсь слѣдуетъ еще одинъ стихъ: *не всѣмъ ли онъ равно пече"ся намы.*
16) *однакъ в судбахъ, ахъ, сильніи.*
17) *ежели же.*
18) *поле.*
19) *и.*
20) *Отсюду.*

не гонѣте повсюду,
а ꙗ вам [1]), какъ богам [2]), кланатись [3]) буду.
Ꙗвна же ваша зависть ѿвсюду [4]),
что вдругъ бит' хощете вы [5]) всему люду; ||
толко не можна такъ [6]) сему [7]) стат'сꙗ,
лутше с тѣмъ нравом намъ попращат'сꙗ [8]).
Да жійте [9]) едними [10])
ѡброки своимы [11]),
единъ бо [12]) не может' бити двоимы [13]).
Если жъ ꙗ тажекъ вамъ, в том не тужѣте [14]),
прошу васъ, в' гладза мѣнѣ [15]) скажѣте.
Ꙗ никогда в том [16]) спорить не стану,
в чем ѡсужденъ буду, к' тому престану [17]).
Толко [18]) пакой дайте,
мене не вмерщляйте [19]),
лутше, какъ [20]) мертвим, ви живимъ [21]) играте.

Хотя наша запись въ общемъ, по сравненію съ варіантомъ дьяка І. Даниловича, представляетъ, повидимому, нѣсколько лучшее и болѣе

1) *вонъ.*
2) *якъ б҃гомъ.*
3) *кланятися.*
4) *ѿтуду.*
5) *чтобы вы друга хотѣли чест.*
6) *такъ не можна.*
7) *тому.*
8) *и и всьмъ налогомъ нашимъ (?) прощатся.*
9) *да живйте жъ.*
10) *єдними.*
11) *своима.*
12) *б҃о.*
13) *двоима.*
14) *еслиж вамъ тяжко, ахъ, ви не скорбьте.*
15) *прошуж васъ, лучше мнь въ очи.*
16) *и никогда же, ахъ.*
17) *на те пристану.*
18) *толко жъ.*
19) *не умерщвляйте.*
20) *якъ.*
21) *мною живымъ.*

вразумительное чтеніе, чѣмъ послѣдній, но, тѣмъ не менѣе, не только отдѣльныя мѣста, но даже общій смыслъ и характеръ этой странной и замысловатой пѣсни или вирши, относящейся, повидимому, къ какимъ-то особымъ, частнымъ обстоятельствамъ и переживаніямъ ея автора, остается все-таки еще настолько запутанными и темными, что разгадать и сколько-нибудь установить ея настоящій смыслъ и видъ, по крайней мѣрѣ, на основаніи наличныхъ двухъ варіантовъ, не представляется пока возможнымъ. Во всякомъ случаѣ, однако, несмотря на всю эту спутанность и испорченность самой пѣсни, одно въ ней, на нашъ взглядъ, вполнѣ очевидно и ясно, а именно, что она на самомъ дѣлѣ является тѣмъ, за что выдаетъ ее совсѣмъ опредѣленно наша запись, то есть— подлинно великорусскимъ, хотя, впрочемъ, уже нѣсколько обезличеннымъ и стертымъ попутно, литературнымъ произведеніемъ, зачислять которое въ разрядъ малорусскихъ, какъ это дѣлаетъ, по своему обычному предубѣжденію или недоразумѣнію, ученый издатель варіанта Даниловича, нѣтъ никакихъ основаній.

15.

Рукопись Дамьяна Левицкаго, поповича Нововесскаго, 1739—1740 г., собранія Ю. А. Яворскаго, л. 165—об.

Пѣснъ албо вѣват̓ пѣацкѣй.

Орле рос⟨і⟩йскѣ⟨й⟩ (в҃.), пусти своа стрилы,
ту битва шведска (в҃.) оутробы пожерла.
Мы же дне̑ вопиеⷨъ,
радостъми принесѣмъ:
вѣваⷮ Петръ, вѣватъ цр҃ъ (в҃.) росийскѣй,
разоритель, побѣдитель шведскѣй,
императоръ рускѣй вѣватъ! ||
Иже хоташе (в҃.) Росию пожерти
и в ней жывуще избавити смр҃ти.
Мы же дне̑ вопиеⷨъ,
радоⷭ҇тми принесѣмъ;

вѣваⷮ Петръ, вѣваⷮ цр҃ъ (в҃.) російскѣй,
разорителъ, побѣ⟨дитель⟩ [1]) шве⟨дскій⟩,
императ⟨оръ⟩ рускѣ⟨й⟩ вѣватъ!

Этотъ замѣчательный «пѣацкѣй вѣватъ» въ честь Петра Великаго, относящійся, очевидно, къ Полтавской побѣдѣ надъ шведами 1709 г., вскорѣ послѣ которой, вѣроятно, онъ и былъ занесенъ въ Карпатскую Русь русскими войсками, составляетъ, въ сущности, только небольшой отрывокъ—начало и конецъ—извѣстнаго Петровскаго «канта», встрѣчающагося изрѣдка въ великорусскихъ рукописныхъ пѣсенникахъ XVIII-го вѣка и изданнаго полностью въ собраніи пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, по которому и приводимъ, для сравненія, относящіеся къ нашему тексту стихи:

«Орле россійскій, пусти свои стрѣлы,
дабы льва шведска утробу пронзили,
иже хотяше Россію пожерти,
а живущихъ въ ней всѣхъ предати смерти»...

И затѣмъ конецъ:

«Мы же днесь вопіемъ,
радостно сице рцемъ:
виватъ Петръ, виватъ царь,
виватъ царь россійскій!
виватъ, виватъ,
виватъ разоритель,
виватъ побѣдитель,
побѣдитель шведскій!» [2])

Такимъ образомъ, изъ сличенія нашего варіанта съ оригинальнымъ текстомъ обнаруживается наглядно, что, помимо весьма значительнаго

---

1) Въ рук. это и слѣдующія три слова недописаны.

2) П. В. Кирѣевскій: Пѣсни, М. 1870, VIII, 239—240. Ср. также: В. Н. Перетцъ: Изслѣд. и мат., I—2, 69; *его-же*: Новые труды по источниковѣдѣнію др.-рус. литературы и палеографіи, К. 1911, 2-я серія, XXVI—XXXII, 52.

сокращенія и нѣкоторой частной порчи отдѣльныхъ мѣстъ, онъ подвергся также,—вѣроятно, въ видахъ болѣе удобнаго приспособленія къ условіямъ застольнаго, «пѣяцкаго» пѣнія, на которыя прямо указываетъ само заглавіе,—совершенно произвольной и нелѣпой разбивкѣ на два отдѣльныхъ, перебитыхъ припѣвомъ, куплета, вслѣдствіе чего, конечно, послѣдніе и получили въ немъ такой разорванный и лишенный всякаго смысла видъ.

Что касается, наконецъ, самого этого припѣва, составляющаго, собственно, главную основу нашей записи, то слѣдуетъ кстати замѣтить, что онъ, по всей видимости, является только свѣтскимъ, болѣе или менѣе своеобразнымъ и свободнымъ подражаніемъ слѣдующимъ стихамъ старой и весьма популярной въ свое время, духовной вирши на Воскресеніе Христово:

«Мы же на земли вопие[м]
и весело вси во̑кли[ц]не[м]:
алилуѧ!
раду̏сѧ, просвѣтителю
и ада побѣдителю,
алилуѧ!» [1])

Къ сожалѣнію, только въ самую послѣднюю минуту, когда наша статья находилась уже въ печати, были получены нами—въ новыхъ описаніяхъ того же рукописнаго собранія А. С. Петрушевича во Львовѣ — краткія свѣдѣнія еще о двухъ старыхъ карпато-русскихъ пѣсенникахъ, въ составѣ которыхъ оказался также рядъ оригинальныхъ великорусскихъ пѣсенъ, но съ которыми мы въ свое время, вслѣдствіе временнаго отсутствія ихъ въ библіотекѣ, ближе ознакомиться не успѣли.

Такъ, въ пѣсенникѣ № 254, половины XVIII в., находится слѣдующая, несомнѣнно великорусская, «пѣснь свѣтовая»: «Вахъ, оулѣца, вахъ, ти широкая,

---

1) См. В. Н. Перетцъ: Малорус. вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв., I—XIV, 38; *его-же*: Изслѣд. и матеріалы, I—1, 92. — Случаи подобныхъ превращеній духовныхъ пѣсенъ въ свѣтскія, равно какъ и наоборотъ, представляютъ вообще довольно заурядное явленіе въ древне-русской письменности. Ср. П. А. Безсоновъ: Калѣки перехожіе, М. 1863, IV, Предисловіе, стр. XLV—XLVI; В. Н. Перетцъ: Замѣтки и матеріалы для ист. пѣсни въ Россіи, стр. 75—76.

Ѡ (?) травушка, муравушка». См. И. С. Свѣнцицкій: Опис рукописів Нар. Дому з колекції А. Петрушевича, 1911, III, 167.

Въ другомъ же пѣсенникѣ—№ 107, относящемся къ 1839—57 гг., но восходящемъ, безъ сомнѣнія, въ значительной своей части, въ глубь XVIII-го в., имѣется даже цѣлыхъ десять великорусскихъ пѣсенъ, а именно:

1) «Гей, при горѣ высокой, при долинѣ широкой брала дѣевѣца».

2) «Да велятъ ступать оу походъ».

3) «Какъ вы, бранци (!), вы товаришѣ мои». См. наши тексты № 2.

4) «Ахъ, веселъ я, веселъ во ніенѣшній діенъ». См. наши тексты № 5.

5) «Пора приходіетъ по щастю тужитъ». (?)

6) «Да по мосту, мосту, да по каленову». (?)

7) «Чимъ я тіебіе огарчѣла, скажи ты, любіезной мой».

8) «Гдіе-жъ ты ся забавѣла, сама душа моя».

9) «Молодая оудовушка по сіенюшкахъ ходѣла».

10) «Ахъ,васпой, васпой, соловіей». См. наши тексты № 7.

См. О. О. Марковъ: Описаніе рукописей XIX в. собранія А. С. Петрушевича—*Вѣстникъ Народнаго Дома во Львовѣ*, 1912 г., № 1, стр. 6—7.

Такимъ образомъ, наличный объемъ обращавшихся въ старинномъ пѣсенномъ репертуарѣ Карпатской Руси великорусскихъ пѣсенъ, благодаря указаннымъ новымъ находкамъ, значительно пополняется и расширяется, въ виду чего и наши общія, относящіяся къ нимъ, предположенія и заключенія, въ свою очередь, пріобрѣтаютъ тѣмъ бóльшую опору и силу. Очень жаль только, что эти новые матеріалы, по досадному случаю, не удалось намъ разыскать раньше и использовать болѣе подробно уже въ настоящей нашей работѣ—въ непосредственной связи съ остальнымъ кругомъ другихъ родственныхъ историко-литературныхъ явленій и данныхъ.

Ю. А. Яворскій.

Отвѣтъ на статью А. И. Томсона *).

Въ XV томѣ, кн. 2, на стр. 73—82 «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ» (1910) появилась статья А. И. Томсона подъ заглавіемъ «Поправки и разъясненія къ статьѣ Н. П. Некрасова», въ которой почтенный авторъ весьма замѣтно кичится современностью своихъ лингвистическихъ знаній и ссылками на «современную лингвистику» и «современныхъ лингвистовъ» думаетъ, какъ говорится, опѣшить пишущаго эти строки; а между тѣмъ, если попристальнѣе всмотрѣться въ эту «современную лингвистику» г. Томсона; то оказывается, что за нею скрывается отсутствіе не только солиднаго знакомства съ такими старославянскими памятниками, каковы: Остромирово, Зографское и Маріинское евангелія, и самостоятельности

*) Для сокращенія ссылокъ въ скобкахъ обозначаются мои статьи арабскими цыфрами 1 и 2; статьи г. Томсона-римскими I и II. Всѣ эти статьи напечатаны въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ».Арабскою цыфрою 1 обозначается изслѣдованіе «О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ русскомъ языкѣ» т. X, кн. 2, стр. 31—65 (1905 года); цыфрою 2—рецензія «По поводу двухъ статей А. И. Томсона о родительномъ—винительномъ падежѣ» т. XIV, кн. 3, стр. 35—74 (1909 г.). Римскою цыфрою I обозначается изслѣдованіе «Родительный-винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ» т. XIII, кн. 2, стр. 232—264 (1908 г.); цыфрою II—статья «Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. п. въ славянскихъ языкахъ. Приглагольный род. п. въ праславянскомъ языкѣ» т. XIII, кн. 3, стр. 281—302 (1908 г.). Числа, стоящія въ скобкахъ послѣ указанныхъ цыфръ, обозначаютъ страницы статей.

взгляда, но иной разъ даже, какъ увидимъ ниже, и здраваго смысла. Прежде всего нельзя не замѣтить, что само заглавіе статьи не точно: можно подумать, что какъ «поправки», такъ и «разъясненія» одинаково относятся къ моей статьѣ (2); но это — не такъ: «поправки» дѣлаются г. Томсономъ на основаніи моей рецензіи (2) и относятся къ его же собственной статьѣ (1), а къ моей статьѣ относятся только «разъясненія», Въ нихъ авторъ преимущественно обвиняетъ меня въ искаженіи, извращеніи, словомъ, въ совершенномъ непониманіи его объясненій вслѣдствіе, конечно, моего невѣжества. Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Томсона, я не знаю, что̀ въ лингвистикѣ означаетъ терминъ *«опредѣленное значеніе»* (78)... Если бы я былъ знакомъ съ логикою, то зналъ бы, что *«неограниченный пространственно»* и пр. научные термины имѣютъ опредѣленный смыслъ (81)... Я и не подозрѣвалъ, что г. Томсонъ употребляетъ слово *«случайно»* въ качествѣ научнаго термина, «какъ въ другихъ мѣстахъ *«обычно»*, которые соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ occasionell и usuell, и что пониманіе ихъ значенія сообщается въ «элементарномъ ученіи о значеніяхъ языка» (82) и т. п. Признаюсь, *«элементарнаго ученія о значеніяхъ языка»* я не знаю. Къ сожалѣнію г. Томсонъ не объясняетъ въ своей статьѣ, какъ именно должно было бы мнѣ понимать въ извѣстномъ какомъ либо мѣстѣ его статей то, или другое его выраженіе, и потому его обвиненія большею частью оказываются голословными, а вслѣдствіе этого и не подлежащими разсмотрѣнію; но тѣ случаи, въ которыхъ обвиненія сопровождаются объясненіями автора, будутъ здѣсь разсмотрѣны мною. Прежде однако считаю необходимымъ замѣтить слѣдующее: недостойно ученаго то, что въ своихъ обвиненіяхъ г. Томсонъ доходитъ до явной клеветы: на страницѣ 75 онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующую фразу: «Вѣдь въ наукѣ даже «твердое мнѣніе», *вопреки взглядамъ г. Некрасова* (курсивъ мой) (стр. 36) никого не убѣдитъ безъ доказательствъ». Гдѣ же эти нелѣпые взгляды были высказаны мною? На страницѣ 36 (2)? Посмотримъ. На страницѣ 36 моей рецензіи (2) сказано мною слѣдующее: «На стр. 58 своей статьи (1) я выражаю свое твердое мнѣніе, что собственныя имена на -*ъ* (=осн. *о*) лицъ муж. пола служатъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго языка для объясненія появленія родительнаго падежа вмѣсто

винительнаго въ существительныхъ именахъ предметовъ одушевленныхъ». На страницѣ же 58 своего изслѣдованія (1) это мое твердое мнѣніе обосновано тѣмъ, что сказано выше на стр. 57 и что вкратцѣ повторено на стр. 38 моей рецензіи (2), а именно: «Наблюденія надъ употребленіемъ въ памятникахъ старославянской и древнерусской письменности прямыхъ дополненій отъ именъ существительныхъ муж. р. на -ъ показываютъ, что одни только собственныя имена на -ъ (=осн. *о*) лицъ муж. пола на мѣстѣ прямого дополненія постоянно, можно сказать, замѣняютъ форму винит. падежа на-ъ формою род. падежа на *-а*; нарицательныя же имена лицъ и предметовъ одушевленныхъ муж. р. на -ъ на мѣстѣ прямого дополненія нерѣдко сохраняютъ старую форму винительнаго падежа сходную съ формою именительнаго». Ясно, что мое «твердое мнѣніе»— не бездоказательно: доказательства приведены и въ моемъ изслѣдованіи (1, 57—58) и въ моей рецензіи (2, 38). Добросовѣстно ли послѣ этого приписывать мнѣ такіе взгляды, какіе приписываетъ г. Томсонъ?... Правда, мое «твердое мнѣніе» могло причинить ему особую досаду: ему, извѣстному современному лингвисту, пришлось volens-nolens не *прежде*, а *послѣ* моего «твердаго мнѣнія» поставить въ своемъ изслѣдованіи (I) *собственныя имена* не «въ числѣ» (I, 239), а во главѣ (I, 253) всѣхъ другихъ категорій словъ, служащихъ исходнымъ пунктомъ возникновенія родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) падежа. Inde ira.

Статья г. Томсона начинается двумя «поправками» къ его же статьѣ (I), сдѣланными имъ на основаніи моей рецензіи (2). Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ вторая. Г. Томсонъ говоритъ (73): «Другой поправкой г. Некрасова я охотно воспользуюсь для слѣдующаго исправленія въ своей статьѣ. У меня сказано (I, 255): «Преимущественное употребленіе род.-вин. при опредѣленномъ и стараго вин. при неопредѣленномъ значеніи сохранилось въ нѣкоторыхъ другихъ нарицательныхъ именахъ, напримѣръ, чловѣкъ». Вмѣсто «сохранилось» нужно читать «видно» и къ концу можно прибавить» (а можно и не прибавлять?): «такъ какъ чловѣкъ сохранило старый винит. только при неопредѣленномъ значеніи». Такое исправленіе сдѣлано на основаніи слѣдующихъ замѣчаній моей рецензіи: 1) «Случаи употребленія слова *человѣкъ* въ евангеліяхъ: Остромировомъ, Зографскомъ и Маріинскомъ показываютъ, что оно

употреблялось въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) чловѣка не только въ опредѣлительномъ значеніи, обозначаемомъ въ греческомъ языкѣ членомъ τόν, но и въ значеніи неопредѣленномъ, притомъ въ послѣднемъ значеніи чаще, чѣмъ въ первомъ; именно: изъ 16 случаевъ форма чловѣка въ опредѣленномъ значеніи встрѣчается 5 разъ». 2) «Что касается формы стараго винит. падежа чловѣкъ, то она встрѣчается въ нашихъ памятникахъ на мѣстѣ прямого дополненія только одинъ разъ (Матѳ. IX, 32)». (2, 39—40). Согласно ли исправленіе г. Томсона съ этими двумя замѣчаніями? «Видно» ли изъ нихъ преимущественное употребленіе стараго винит. падежа чловѣкъ при неопредѣленномъ значеніи?

Послѣ «поправокъ» г. Томсонъ заявляетъ. что «Во всемъ остальномъ мы расходимся не только въ частностяхъ, но и въ общемъ *міровоззрѣніи* (курсивъ мой) на языкъ и потому нѣтъ взаимнаго пониманія: Я, напримѣръ, не понялъ слѣдующаго: г. Некрасовъ сказалъ (2, 37), что славянскому языку съ теченіемъ времени естественно было почувствовать» (и языкъ чувствуетъ?... впрочемъ дѣлаю это банальное замѣчаніе только въ виду такихъ же въ рецензіи г. Некрасова, напр., на стр. 62) «необходимость въ болѣе ясномъ, чѣмъ порядокъ словъ, различеніи подлежащаго отъ прямого дополненія» (73—74). Возвращаться вновь къ объясненію того, какъ слѣдуетъ понимать мое выраженіе «чѣмъ порядокъ словъ» я не буду: объ этомъ достаточно сказано въ моей рецензіи (2, 37). Я остановлюсь нѣсколько на томъ замѣчаніи г. Томсона, которое онъ самъ справедливо назвалъ «банальнымъ». Но прежде сдѣлаю слѣдующее небольшое отступленіе: на мои слова въ рецензіи, что для слав. языка при свободной постановкѣ словъ въ рѣчи нужно болѣе ясное различеніе подлежащаго отъ дополненія, чѣмъ какое могъ бы представить порядокъ словъ, который едвали удержался бы въ языкѣ даже и при исключительномъ его употребленіи въ именахъ на ъ муж. рода» (2, 37) Г. Томсонъ возражаетъ: 1) «отчего бы ему не удержаться, какъ онъ удерживается въ русскомъ языкѣ? 2) Большинство языковъ міра, въ томъ числѣ французскій языкъ и даже общерусскій, показываетъ, что *порядокъ словъ служитъ вполнѣ яснымъ средствомъ различенія подлежащаго отъ дополненія* (мать любитъ дочь—дочь любитъ мать)» (курсивъ мой) (74)

Несостоятельность этихъ возраженій по отношенію къ русскому языку ясно видна изъ слѣдующаго простого сравненія выраженія «мать любитъ дочь» съ выраженіемъ «мать любитъ дочь, а не сынъ», и выраженія «дочь любитъ мать» съ выраженіемъ «дочь любитъ мать, а не отецъ»... Обращаюсь къ банальному замѣчанію г. Томсона. Оно, дѣйствительно, банально само по себѣ и по своей неумѣстности. «И языкъ чувствуетъ?» вопрошаетъ г. Томсонъ.—Отвѣчаю: «да, и языкъ чувствуетъ!» Ни голоду, ни холоду, конечно, онъ не чувствуетъ; но онъ несомнѣнно чувствуетъ, насколько въ данное время та или другая звуковая форма его соотвѣтствуетъ выражаемой посредствомъ его мысли. Языкъ народа не есть нѣчто отвлеченное отъ народа; онъ не существуетъ внѣ народа: живетъ народъ, живетъ и языкъ его; умираетъ народъ, умираетъ и языкъ его. Недаромъ признается существованіе языковъ живыхъ и мертвыхъ: есть языки живые, есть и языки мертвые. Въ славянскомъ языкѣ и самое слово «языкъ» значитъ и «языкъ» (γλῶσσα, lingua) и «народъ» (ἔθνος, populus). Чувствуетъ народъ—чувствуетъ и языкъ его; но чувствованія языка ограниченнѣе, такъ сказать, спеціальнѣе чувствованій народа сообразно съ природою того и другого. Словомъ, мое выраженіе «языку съ теченіемъ времени естественно было почувствовать» не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, ничего такого, что могло бы вызвать вопросъ: «и языкъ чувствуетъ?» Да и не одинъ я приписываю языку способность чувствовать: и «современный лингвистъ» г. Мюленбахъ, напримѣръ, выражается о языкѣ, между прочимъ, такъ: «Въ особенности *языкъ долженъ былъ чувствовать* (курсивъ мой) потребность отличить формою»... и т. д. (Изв. т. IV, стр. 1209) или «*въ чутьѣ языка* (курсивъ мой) функція родительнаго стала брать верхъ» (ibid. стр. 1208). Ясно, что банальность вопроса г. Томсона «и языкъ чувствуетъ?» не имѣетъ никакой связи съ тѣми словами моего изслѣдованія (1, 56), къ которымъ онъ приставленъ. Совсѣмъ не то представляютъ мои замѣчанія: они стоятъ въ непосредственной связи съ самымъ смысломъ объясненій г. Томсона. Правда, они могутъ казаться банальными, но только казаться; въ дѣйствительности же они являются наглядною характеристикою смысла послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, Patiens г. Томсона, сильно стремящійся занять мѣсто Agens'а, сдѣлаться Agens'омъ, невольно представляется мнѣ чѣмъ-

то вродѣ пронырливой личности; а двойня—падежъ, родительный—винительный, оттѣсняющій Patiens'а и водворяющій его на надлежащее мѣсто дополненія, — чѣмъ-то вродѣ полицейскаго чина. Слѣдовательно, есть огромная разница между банальнымъ замѣчаніемъ г. Томсона и моими замѣчаніями, вытекающими изъ самихъ его объясненій.

«Не понимаю я также», говоритъ г. Томсонъ, «какъ ученый берется за разслѣдованіе вопроса, не справившись, не разрѣшенъ ли уже онъ давно и какъ... Если каждый начиналъ бы съ начала и писалъ бы для себя, то никакой науки не было бы и т. д.». Слѣдуютъ поучительныя разсужденія на эту благодарную тему (74—75). Жаль, что г. Томсонъ не понимаетъ того, что случается въ ученомъ мірѣ не рѣдко. Да вотъ, напримѣръ, чтобы не пускаться далеко за поисками, можно указать на г. Мюленбаха: онъ взялся за разслѣдованіе того же вопроса, именно: «Объ употребленіи родительнаго падежа вм. винительнаго въ славянскихъ языкахъ» (Изв. т. IV, стр. 1192—1217, 1899 г.), не справившись съ изслѣдованіемъ А. Мелье: «Recherches sur l'emploi du génitif—accusatif en vieux—slave. Paris. 1897», на которое ему указалъ впослѣдствіи академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Я не вижу никакой особенной бѣды для науки въ томъ, что ученый иногда берется за разслѣдованіе какого-либо вопроса, не справившись, «не разрѣшенъ ли онъ уже давно и какъ», лишь бы его самостоятельное изслѣдованіе было ясно и доказательно. Я даже осмѣливаюсь думать, что иногда незнакомство съ предшествующею литературою вопроса можетъ быть полезнѣе, чѣмъ знакомство, требующее много времени, трата котораго можетъ оказаться напрасною; когда, напримѣръ, рѣшеніе вопроса основано въ ней главнымъ образомъ на гипотезахъ, или на какихъ-либо придуманныхъ тонкостяхъ психологіи. Притомъ вліяніе ея можетъ оказаться на столько сильнымъ, что ученый, вращаясь въ ней, иногда уподобляется влетѣвшей въ паутину мухѣ, которая, какъ ни бьется, бѣдная, не можетъ высвободиться изъ опутавшей ее тонкой ткани. Такъ г. Томсонъ въ своемъ изслѣдованіи (I), очевидно, находится подъ сильнымъ вліяніемъ теоріи Мелье, несмотря на то, что «въ противоположность Мелье»... видитъ «исходную точку въ процессѣ возникновенія род.-вин. въ семасіологической сторонѣ языка» (I, 245) и переставляетъ категорію личныхъ мѣстоименій съ перваго мѣста на

послѣднее. Впрочемъ, самъ г. Томсонъ свидѣтельствуетъ о томъ, какое вліяніе имѣла на него книга Мелье. «Я уже слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ», говоритъ г. Томсонъ, «искалъ объясненія совпаденія опредѣленности значенія съ род.-вин. при своемъ изслѣдованіи армянскаго языка (см. т. XIV, кн. 1, стр. 63) и несмотря на сравненія съ осетинскимъ языкомъ ничего не нашелъ тогда. Понятно, что когда появилась книга Мелье, въ которой этотъ пытливый изслѣдователь обращалъ вниманіе на совпаденіе род.-вин. съ опредѣленностью значенія въ нѣкоторыхъ нарицательныхъ словахъ старославянскаго языка, я не могъ уже сомнѣваться, что между этими явленіями органическая связь» (78). А я до сихъ поръ дерзаю думать, что искомаго г. Томсономъ совпаденія опредѣленности значенія съ род.-вин. (съ родительнымъ замѣнительнымъ) нѣтъ въ старославянскомъ языкѣ.

За этимъ уже до конца статьи слѣдуетъ изложеніе фактовъ моего непониманія объясненій г. Томсона.

Г. Томсонъ полагаетъ согласно съ ученіемъ Мелье (I, 241), что «начала род.-вин. нужно такъ же» (т. е. какъ въ собственныхъ именахъ лицъ муж. пола на -ъ) «искать между прочимъ въ опредѣленныхъ прилагательныхъ въ качествѣ существительныхъ» (75). Противъ этого мнѣнія я высказалъ свои соображенія въ рецензіи (2, 38—41), «которыя», по словамъ г. Томсона, «современному лингвисту могутъ показаться какъ разъ образцомъ «измышленія» и «произвольнаго обращенія съ фактами» (75). Такимъ «образцомъ моего измышленія» служитъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто, указываемое г. Томсономъ изъ моей рецензіи: «Въ современномъ русскомъ языкѣ опредѣленныя (?—этотъ знакъ вопроса поставленъ, неизвѣстно почему, г. Томсономъ) прилагательныя: *прохожій*, *нищій*, *убогій*, *слѣпой*, *хромой* и др. употребляются въ качествѣ существительныхъ подъ тѣмъ лишь *непремѣннымъ условіемъ, что подъ ними подразумѣвается существительное имя* лица муж. пола, *именно* (курсивъ г. Томсона), *человѣкъ*. Подъ словомъ, напримѣръ, *прохожій* никто не подразумѣваетъ какого либо животнаго, напримѣръ, *барана*, *козла*, *волка* и т. п.». «На основаніи этого», продолжаетъ г. Томсонъ, «г. Некрасовъ полагаетъ, что и въ старославянскомъ языкѣ при такихъ опредѣленныхъ прилагательныхъ подразумѣвались существи-

тельныя, обыкновенно *человѣкъ*» (не «подразумѣвались существительныя, обыкновенно *человѣкъ*», а подразумѣвалось существительное имя лица муж. пола, именно: *человѣкъ*. А почему: *именно* человѣкъ? Потому что въ объемъ общаго родового отвлеченнаго понятія *человѣкъ* входятъ видовыя понятія: *мужчина* и *женщина*. Только потому прилагательныя, вродѣ *прохожій*, и могутъ употребляться въ качествѣ существительныхъ, что имъ присуще отвлеченное понятіе *человѣкъ*), «и род.-вин. подразумѣваемаго существительнаго» (не всякаго, а только существительнаго *человѣкъ*, которое въ разсмотрѣнныхъ мною старославянскихъ памятникахъ почти постоянно употребляется въ формѣ род. падежа чловѣка на мѣстѣ прямого дополненія) «и вызвалъ род.-вин. этихъ прилагательныхъ» (75—76). Да, я полагаю это и убѣжденъ, что это вѣрно. Въ самихъ памятникахъ встрѣчается указаніе на то, что подъ вышеуказанными прилагательными должно подразумѣвать понятіе «*человѣкъ*». Сравни Марка VIII, 22: I приведоша къ немоу слѣпа Зогр. съ Іоан. IX, 1: I мимо Iды видѣ ч҃ка слѣпа отъ р҃са ibid. Въ Маріин. Марка VIII,22: I привѣса къ немоу слѣпа; Іоан. IX. 1: I мимо иды і҃с видѣ ч҃ка слѣпа отъ рождъства. Потому и не употребляется при прилагательныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, постоянно слово *человѣкъ*, что выражаемое имъ понятіе обязательно подъ ними разумѣется, присуще имъ. Измѣняясь по родамъ эти прилагательныя въ формѣ муж. р. (на -й) не приложимы ни къ какому иному понятію, кромѣ понятія «*человѣкъ*». Мое «измышленіе» и «произвольное обращеніе съ фактами» состоитъ въ слѣдующемъ: «Въ дѣйствительности», говоритъ г. Томсонъ, «потому именно *прохожій, слѣпой* и пр. не обозначаютъ и *барана*, что при этихъ словахъ *никто не подразумѣваетъ слова человѣкъ*, а напримѣръ слово *слѣпой* обозначаетъ просто понятіе *слѣпой мужчина*, какъ *учитель* обозначаетъ *учащій мужчина*». И такъ, слово *слѣпой* обозначаетъ просто понятіе *слѣпой мужчина*, а—не просто понятіе *слѣпой человѣкъ!* «Всякому привыкшему къ психологическому самонаблюденію не трудно убѣдиться въ отсутствіи такого подразумѣваемаго слова въ представленіяхъ, когда онъ произноситъ или слышитъ слово *слѣпой* и пр. въ связной рѣчи. Поэтому мы не въ правѣ приписывать и старославянскому языку, напримѣръ, въ възлюбиши ближъняаго своего (2, 39)

подразумѣваемаго слова *человѣка*, которое вдобавокъ должно было бы возбуждаться на столько сильно и ясно, что своей формой род. обусловливало форму род. падежа прилагательнаго, и тѣмъ не менѣе *по необъяснимой причинѣ* (курсивъ мой) послѣдовательно не произносилось» (76). И такъ, слово ближънꙗаго въ заповѣди възлюбиши ближънꙗаго своего «обозначаетъ просто понятіе *ближняго мужчину*!»... Простой здравый смыслъ говоритъ противъ этого ученія. Пословица «пѣшій конному не товарищъ» можетъ одинаково относиться и къ мужчинѣ, и къ женщинѣ. Слово *пѣшій* обозначаетъ понятіе «идущій пѣшкомъ», слово «конный» обозначаетъ понятіе «ѣдущій на лошади»; идти пѣшкомъ и ѣхать на лошади можетъ и мужчина, и женщина. Для этихъ двухъ видовыхъ понятій: «мужчина» и «женщина» есть въ славянскомъ языкѣ общее имъ отвлеченное родовое понятіе «*человѣкъ*», которое присуще всѣмъ тѣмъ прилагательнымъ, о которыхъ идетъ рѣчь, когда они употребляются въ рѣчи въ формѣ муж. рода. Поэтому «пѣшій конному не товарищъ» значитъ тоже, что «пѣшій (человѣкъ) конному (человѣку) не товарищъ», относясь одинаково къ мужчинѣ и къ женщинѣ; но вовсе не значитъ «пѣшій (мужчина) конному (мужчинѣ) не товарищъ». Такъ я понимаю подразумѣваніе слова *человѣкъ* подъ прилагательными опредѣленными: *прохожій*, *слѣпой*, *пѣшій* и др.: понятіе *человѣкъ* имъ присуще. Г. Томсонъ говоритъ: «И то обстоятельство, что прилагательныя могутъ измѣняться по родамъ (2, 38) не мѣшаетъ имъ быть самостоятельными, вопреки мнѣнію г. Некрасова. Правда «нельзя назвать лицо женскаго пола «*нищимъ*»; но нельзя назвать его и *учителемъ, ученикомъ, братомъ* и пр. Но отсюда не слѣдуетъ, что эти слова «не самостоятельны» и что родъ ихъ обусловливается фиктивнымъ *подразумѣваемымъ* словомъ» (76). Правда, лицо женскаго пола нельзя назвать *учителемъ*, *ученикомъ*, *братомъ* и пр., потому что есть для лица женскаго пола соотвѣтструющія особыя слова: *учительница, ученица, сестра;* а если нѣтъ слова женскаго рода, соотвѣтствующаго слову муж. рода; то послѣднее присоединяется прямо къ существительному «*женщина*», напр. говорятъ «*женщина-врачъ*». Притомъ эти слова, какъ имена существительныя и самостоятельныя, не измѣняются по родамъ. Но чѣмъ же обусловливается само измѣненіе-то по родамъ прилагательныхъ: *нищій, ни-*

щая; прохожій, прохожая; слѣпой, слѣпая; пьшій, пьшая и пр., если эти прилагательныя самостоятельны?

Г. Томсонъ продолжаетъ: «Такъ же г. Некрасовъ придумываетъ *совершенно произвольно* (курсивъ мой), будто (2, 41) при употребленіи формы стараго вин. глоухъ гжгъникъ подъ этими прилагательными подразумѣвается доухъ (нечистый), а при употребленіи формы род.-вин. глоуха, гжгъника подъ этими прилагательными подразумѣвается чловѣка» (76). Это не правда! Не совершенно произвольно: въ моей рецензіи (2, 40—41) указаны основанія для моего объясненія, взятыя изъ самихъ памятниковъ. Къ нимъ могу прибавить здѣсь еще слѣдующее Маріин. Луки XI, 14: І бѣ изгонѧ бѣсъ и тъ бѣ нѣмъ. бысть же бѣсоу изгънаноу прогла нѣмы; Зогр. І бѣ изгонѧ бѣсы. І тоу бѣ нѣмъ бы же бѣсоу ізгънаноу прогла нѣмы. Если г. Томсонъ читалъ внимательно мою рецензію, то онъ не имѣлъ никакого права сказать, что мое объясненіе, относящееся къ употребленію неопредѣленныхъ прилагательныхъ глоухъ и жгъникъ на мѣстѣ прямого дополненія въ Зографск. ев. въ формѣ стараго вин. падежа, а въ Остромировомъ и въ Маріинскомъ евангеліяхъ въ формѣ род. замѣнительнаго (род.-вин.), придумано мною *совершенно произвольно*. Для меня ясно, что г. Томсонъ недостаточно знакомъ съ вышеуказанными памятниками. Это особенно видно изъ слѣдующихъ словъ его, проникнутыхъ чувствомъ неумѣстной самоувѣренности: «Факты показываютъ только то, что старый вин. является только при неопредѣленномъ значеніи, и только на этомъ я основывался, не приспособляя «фактическихъ данныхъ» посредствомъ «измышленій» къ какому либо предвзятому «твердому мнѣнію». О какихъ фактахъ говоритъ это г. Томсонъ? Рѣчь идетъ объ одномъ только фактѣ, именно: объ употребленіи неопредѣленныхъ прилагательныхъ глоухъ и гжгъникъ на мѣстѣ прямого дополненія. Оба эти неопредѣленныя прилагательныя въ одномъ памятникѣ (Зогр.) употреблены въ формѣ стараго винительнаго падежа; въ двухъ другихъ (Остр. и Маріин.)—въ формѣ родительнаго замѣнительнаго, или род.-вин. Марка VII, 32. Примѣнимы ли вышеприведенныя слова г. Томсона къ этому факту разногласія между памятниками?... Но какъ же объяснить это разногласіе? Въ другихъ случаяхъ, именно: Матѳ. XII, 22 и Марка VIII, 22

наши памятники согласны между собою относительно употребленія формъ: стараго винительнаго и родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) въ прилагательныхъ при ихъ неопредѣленномъ значеніи на мѣстѣ прямого дополненія. Изъ нихъ видно, что прилагательныя при неопредѣленномъ значеніи на мѣстѣ прямого дополненія встрѣчаются какъ въ формѣ стараго винит., такъ и въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) падежа; причемъ въ формѣ стараго вин. падежа въ томъ случаѣ, если между прилагательными находится или прилагательное бѣсьнъ или причастіе отъ глагола бѣсьновати сѧ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ *человѣкъ* представляется какъ бы носителемъ, образомъ бѣса; а имя бѣсъ или доухъ (нечистый) на мѣстѣ прямого дополненія въ нашихъ памятникахъ постоянно употребляется въ формѣ стараго вин. падежа. Въ другихъ случаяхъ прилагательныя при неопредѣленномъ значеніи на мѣстѣ прямого дополненія употребляются въ формѣ род. замѣн. (род.-вин.) падежа. Спрашивается: какіе же это факты, на которыхъ основывался г. Томсонъ и которые «показываютъ только то, что старый вин. является только при неопредѣленномъ значеніи» и, слѣдовательно, они не показываютъ ничего другого? Приведенные факты показываютъ, что при неопредѣленномъ значеніи является и форма род. замѣн. (род.-вин.) падежа. Какъ видно, факты-то именно и мало извѣстны г. Томсону. Но положимъ, что г. Томсонъ правъ, т. е. что «факты показываютъ только то, что старый вин. является только *при неопредѣленномъ значеніи*» (76) (курсивъ мой); т. е. что старымъ вин. п. обозначается *неопредѣленность значенія*. Какъ же согласить съ этимъ ученіе г. Томсона о слѣдующемъ чередованіи между конкретнымъ представленіемъ множества отдѣльныхъ предметовъ (вин. п.) и конкретнымъ представленіемъ сплошной массы предметовъ въ совокупности (вещественнымъ представленіемъ съ род. п. объекта)? У Л. Толстого: «Собирался сапожникъ купить овчинъ». «Куплю *овчинъ*» (*неопредѣленное конкретное значеніе*). «Думалъ сапожникъ въ долгъ взять *овчины*—въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ» (конкретное *опредѣленное значеніе*, такъ какъ имѣются въ виду тѣ извѣстныя овчины, которыя онъ хочетъ купить. Въ нѣмецкомъ переводѣ здѣсь стоялъ бы опредѣленный членъ: er wollte die Schaffelle auf Schuld nehmen, между тѣмъ какъ въ предыдущемъ примѣрѣ членъ не умѣстенъ:

ich kaufe mir Schaffelle). «*Денежки* принеси» (*конкретныя опредѣленныя*, которыя слѣдуетъ уплатить за овчины). «Выпилъ *водки*» (конкректное *неопредѣленное*) (II, 291—292). Здѣсь винительному падежу на мѣстѣ прямого дополненія приписывается обозначеніе *опредѣленности* значенія, а не *неопредѣленности*.

На стр. 76—77 г. Томсонъ, сдѣлавши о моемъ краткомъ изложеніи сущности теоріи о род.-вин. падежѣ (2, 42—46) слѣдующій отзывъ: «Эволюцію объясненій возникновенія род.-вин. г. Некрасовъ рисуетъ слѣдующими краткими штрихами, которые даже издали ненамекаютъ на дѣйствительность» (за то вблизи вполнѣ ей соотвѣтствуютъ): «Изъ двухъ формъ вин. надежа мѧ и мене послѣдняя употреблялась будто бы тогда, когда нужна была бо́льшая выразительность на мѣстѣ прямого дополненія и пр.», говоритъ далѣе: «Если г. Некрасовъ не пренебрегалъ бы работами предшественниковъ, то онъ замѣтилъ бы, что его «будто бы» направлено прежде всего противъ «Грамматики старославянскаго языка» Лескина, гдѣ въ переводѣ Шахматова и Щепкина на стр. 96 говорится: «вин. мѧ, тѧ — энклитики; находясь подъ логическимъ удареніемъ, они замѣняются родительнымъ мене, тебе и пр.». Да, мое «будто бы» направлено противъ Грамматики старославянскаго языка» Лескина единственно потому, что я не могу признать положеніе, приведенное изъ нея г. Томсономъ, *вѣрнымъ*. Въ моей рецензіи (2, 43—44) приведено не мало примѣровъ, опровергающихъ это положеніе. Къ нимъ можно прибавить эще случаи, въ которыхъ мѧ, тѧ, сѧ и пр. употребляются послѣ предлоговъ: *въ, за, на;* наприм. Маріин. Іоан. XII, 44: вѣроуѩи въ мѧ не вѣроуоутъ въ мѧ нъ въ посълавъшааго мѧ; Іоан. XIV, 1: вѣроуите въ б҃а и въ мѧ вѣроуите; Мате. XVII, 27: Ї обраштеши статиръ тъ въземъ даждъ имъ за мѧ и за сѧ; Іоан. XIII, 37: нынѣ д҃шѫ моѭ за тѧ положѫ; 38... д҃шѫ ли твоѭ за мѧ положиши; Луки XVIII, 9: рече же и къ единѣмь надѣѭштемъ сѧ на сѧ; Мате. XII, 30: Їже нѣстъ съ мноѭ на мѧ естъ; Іоан. X, 33: о добрѣ дѣлѣ не метемъ камениѣ на тѧ нъ о власфимии и др. г. Томсонъ прежде самъ сомнѣвался въ энклитизмѣ формъ мѧ, тѧ и пр. Въ своемъ изслѣдованіи (I, 264) онъ говоритъ: «Бернекеръ показалъ, что распространенное мнѣніе, будто старые вин. мѧ, тѧ, сѧ употреблялись

только энклитически, едва ли вѣрно». Бернекеръ (Der genetiv-accusativ bei belebten wesen im slavischen. Zeitschrift für vergl. sprachforsch. v. A. Kuhn und I. Schmidt. B. XXXVII, neue folge B. XVII, 1904 S 366) указалъ на Матѳ. XXII, 39: възлюбиши искрънѣго твоего ѣко самъ сѧ и на примѣръ, приведенный Вондракомъ: Матѳ. X. 40: Іже вы приемлетъ мѧ приемлетъ І иже приемлетъ мѧ приемлетъ посълавъшаако мѧ. Развѣ во всѣхъ этихъ примѣрахъ мѧ, тѧ, сѧ и др. не находятся подъ логическимъ удареніемъ?.. Что мѣшало г. Томсону самому провѣрить положеніе грамматики Лескина по памятникамъ, если онъ сомнѣвался въ справедливости мнѣнія Бернекера? Впрочемъ, г. Томсонъ 20 лѣтъ назадъ искалъ объясненія совпаденія опредѣленности значенія съ формою род.-вин. п. но такъ и не нашелъ его самъ; появилась книга Мелье и г. Томсонъ вполнѣ увѣровалъ въ это совпаденіе. Точно также г. Томсонъ когда-то сомнѣвался въ исключительно энклитическомъ употребленіи формъ мѧ, тѧ, сѧ и пр. на мѣстѣ прямого дополненія; но появилась Грамматика старославянскаго языка Лескина въ переводѣ Шахматова и Щепкина, въ которой эти формы прямо названы энклитиками, и у г. Томсона исчезло всякое сомнѣніе въ ихъ энклитизмѣ. По моему мнѣнію, никакъ нельзя вносить въ Грамматику старославянскаго языка положеніе, что «вин. мѧ, тѧ, сѧ, ны, вы — энклитики». Формы мѧ, тѧ и пр. на мѣстѣ прямого дополненія употребляются въ нашихъ памятникахъ чаще, чѣмъ формы мене, тебе и пр. (2, 48). Особеннаго вниманія заслуживаетъ употребленіе той и другой формы въ одинаковомъ случаѣ, напр., при глаголѣ прињати; сравни: Матѳ. X, 40: Іже вы приемлетъ мѧ приемлетъ І иже приемлетъ мѧ приемлетъ посълавъшаего мѧ съ Іоан. XIII, 20: приемлаи аште кого посълѭ мене[1]) приемлетъ а приемлаи мене приемлетъ посълавъшаего мѧ. Маріин. Послѣ этого можно ли утверждать, что мене есть forme accentuée, а мѧ — forme atone и признавать мѧ, тѧ и пр. энклитиками? — г. Томсонъ продолжаетъ: «какъ извѣстно, между опредѣленностью значенія и ударенностью никакой непосредственной связи нѣтъ. Значенія словъ мѧ и мене всегда одинаково опредѣленны и потому мене не мо-

1) ф. мене употреблена здѣсь аналогично формѣ кого.

жетъ быть какимъ-то «типомъ болѣе опредѣленнаго дополненія». Правда; но вѣдь я не говорилъ нигдѣ, что между опредѣленностью значенія и ударенностью есть связь непосредственная. На эту связь указываетъ теорія Мелльe о formes accentuées и formes atones; а равно и признаніе самимъ г. Томсономъ и другими учеными, что формы **ма**, **та**, **са** и пр. энклитики и что подъ логическимъ удареніемъ онѣ замѣняются формами **мене**, **тебе** и пр.; а по этой теоріи и **мене**, какъ форма, служащая исходнымъ пунктомъ возникновенія род.-вин., можетъ быть и типомъ болѣе опредѣленнаго дополненія.

Г. Томсонъ говоритъ: «Если г. Некрасовъ заглянулъ бы въ лингвистическую литературу или въ означенную Граматику, то замѣтилъ бы, что названія «именительный-винительный», «род.-мѣстн.», «род.-вин.» и проч. въ этомъ смыслѣ общеупотребительны и обошелся бы безъ «легкой руки г. Мелльe». На это я скажу г. Томсону, что если бы даже я заглянулъ въ лингвистическую литературу или въ означенную граммaтику, то и тогда не обошелся бы безъ «легкой руки г. Мелльe»; потому что онъ первый написалъ обстоятельное и стройное изслѣдованіе о родительномъ-винительномъ падежѣ въ старославянскомъ языкѣ; а за нимъ, кромѣ г. Мюленбаха, начали учить и другіе вмѣстѣ съ г. Томсономъ о существованіи род.-вин. падежа въ славянскихъ языкахъ. Г. Мюленбахъ, не читавшій изслѣдованія Мелльe, написалъ: «Объ употребленіи родительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ славянскихъ языкахъ», а не «Объ употребленіи родительнаго-винительнаго падежа въ славянскихъ языкахъ» и въ своемъ изслѣдованіи употребляетъ иногда терминъ «родительно-винительный» падежъ, а не «родительный-винительный». Говоря вообще, едва ли правильно считать научными термины, которые обозначаютъ связь двухъ разныхъ и даже взаимно противоположныхъ одно другому граматическихъ значеній въ словѣ. Такіе термины, какъ «именительный-винительный» падежъ, противорѣчатъ здравому смыслу. Если подобные термины особенно нравятся г. Томсону, такъ какъ онъ съ паѳосомъ защищаетъ раціональность термина «родительный-винительный» (I, 243); то его покровительству можно рекомендовать въ соотвѣтствіе термину «именительный-винительный» еще, по крайней мѣрѣ, два термина, отличающіеся не меньшею раціональностью, именно: *«дѣйствительный-*

страдательный» залогъ и «*единственное-множественное*» число. Состоятельность ихъ можно доказывать на слѣдующихъ примѣрахъ: въ баснѣ Крылова «Лисица и Сурокъ». Лисица говоритъ Сурку:

«Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину и выслана за взятки.

Здѣсь глаголъ «терплю» — *дѣйствительнаго-страдательнаго залога:* по прямому дополненію при немъ въ винительномъ падежѣ «напраслину» онъ имѣетъ значеніе дѣйствительнаго залога, а по смыслу и связи съ другимъ сказуемомъ въ страдательной формѣ «и выслана» онъ получаетъ также и страдательное значеніе. У Кольцова:

«На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ».

Слово «рыбу» имѣетъ значеніе винительнаго падежа *единственнаго-множественнаго числа;* потому что подъ словомъ «рыбу» разумѣется не единичность, а множественность однородныхъ предметовъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести, сколько угодно. Если наученъ двойня-падежъ «именительный-винительный», то наученъ и двойня-залогъ «дѣйствительный-страдательный», научно и двойня-число «единственное-множественное».

Г. Томсонъ продолжаетъ: «Род.-вин. не «*долженъ* употребляться» при опредѣленномъ значеніи, а въ дѣйствительности *употребляется* такъ въ памятникахъ». Я говорю въ своей рецензіи (2, 44—46) только то, что правило объ употребленіи род. замѣнительнаго (род.-вин.) въ существительныхъ опредѣленнаго значенія и стараго винительнаго въ существительныхъ неопредѣленнаго значенія на мѣстѣ прямого дополненія не оправдывается данными нашихъ старославянскихъ памятниковъ (т. е. Остр., Зогр., Мар. евв.), что оно отличается шаткостью и лишь частичною, такъ сказать, примѣнимостью. Поэтому я считаю невѣрнымъ положеніе г. Томсона, что «въ дѣйствительности при опредѣленномъ значеніи въ памятникахъ употребляется род.-вин.». Въ дѣйствительности употребляется при опредѣленномъ значеніи и старый вин. падежъ; достаточно привести Мате. XVII,15: г҃и помилоуи с҃нъ мои (μου τὸν υἱόν).

На стр. 79 г. Томсонъ, между прочимъ, говоритъ: «На стр. 49 (т. е. 2,49) по поводу моего замѣчанія, что *ни одно собственное имя, встрѣчающееся въ разсмотрѣнныхъ г. Некрасовымъ памятникахъ не восходитъ къ эпохѣ первоначальнаго возникновенія род.-вин.*, и что громадное большинство собственныхъ именъ того времени не отличалось отъ нарицательныхъ вродѣ *Волкъ, Зубъ, Завихвостъ*, откуда род.-винительный могъ распространяться и на нарицательныя *волкъ, хвостъ*, и пр. г. Некрасовъ спрашиваетъ удивленно: «даже имя Авраама?!» (знаки его) приходится отвѣтить: да, даже имя Авраама, и даже Адама!» Во-первыхъ, эта выписка изъ своей же статьи сдѣлана г. Томсономъ несовсѣмъ точно и небрежно: въ ней на первый взглядъ кажутся собственныя имена перепутанными съ нарицательными; во-вторыхъ, мой вопросъ «даже имя Авраама?!», заключенный въ скобки, указываетъ только на неточность выраженія той мысли, которую имѣлъ въ виду г. Томсонъ: если бы онъ сказалъ: «ни одно изъ собственныхъ именъ въ славянской формѣ, встрѣчающихся въ разсмотрѣнныхъ авторомъ памятникахъ, и пр.» то не было бы и моего вопроса; но во всякомъ случаѣ на него не «приходится отвѣтить» такъ, какъ отвѣтилъ г. Томсонъ. Вѣдь, рѣчь идетъ о собственныхъ именахъ, встрѣчающихся въ Остром., Зогр. и Маріинск. евангеліяхъ; а въ нихъ имени Адама не встрѣчается; встрѣчается лишь однажды прилагательная форма «Адамовъ». Если бы имя Адама въ нихъ встрѣчалось, то я самъ непремѣнно сказалъ бы: «даже имя Адама?!» Слѣдовательно, отвѣтить на мой вопросъ: «даже имя Авраама?!» не приходится такъ: «да, даже имя Авраама, и даже Адама»! Такой отвѣтъ даетъ лишь поводъ сомнѣваться въ знакомствѣ г. Томсона съ памятниками. Г. Томсонъ продолжаетъ: «Ибо эти имена попали въ славянскій языкъ въ 9 вѣкѣ, т. е. въ то время, когда род.-вин. успѣлъ уже сдѣлаться обычнымъ въ собственныхъ именахъ, такъ что эти вновь вошедшія въ славянскій языкъ имена сразу получили форму род.-вин., и не восходятъ къ эпохѣ возникновенія род.-вин. въ славянскомъ языкѣ. Слѣдовательно болѣе древнія собственныя имена славянскаго языка, въ которыхъ выработался род.-винительный собственныхъ именъ, былъ вродѣ указанныхъ мною». Положимъ, что на славянской почвѣ собственныя имена, какъ Авраамъ и пр. встрѣчающіяся въ Остр., Зогр. и Маріин.

евв. появились позже, чѣмъ собственныя имена вродѣ *Волкъ*, *Зубъ*, *Завихвостъ* и т. п. и что было время, когда въ славянскомъ языкѣ собственныя имена не отличались отъ нарицательныхъ; все таки отсюда никакъ нельзя вывести, что род.-вин. въ славянскомъ языкѣ могъ отъ собственныхъ именъ прямо, непосредственно распространиться на нарицательныя. Противъ этого ясно свидѣтельствуетъ собственное имя Владимирова воеводы «Волчій хвостъ», упоминаемое въ лѣтописи подъ 984 годомъ и указанное въ моей рецензіи (2,49). Род.-вин. отъ этого собственнаго имени не распространяется прямо на нарицательное имя «волчій хвостъ». Допущеніе прямого, непосредственнаго перехода род.-вин. отъ собственныхъ именъ (образовавшихся отъ нарицательныхъ же) на нарицательныя никоимъ образомъ не можетъ считаться удовлетворительнымъ научнымъ объясненіемъ возникновенія родит. замѣнительнаго (род.-вин.) падежа въ нарицательныхъ именахъ существительныхъ извѣстной категоріи. Предложенное мною объясненіе перехода родит. замѣн. (род.-вин.) падежа отъ собственныхъ именъ лицъ муж. пола на -ъ на нарицательныя имена живыхъ существъ муж. пола на -ъ (см. 1,59—60) представляется пока болѣе удовлетворительнымъ въ научномъ отношеніи, не смотря на то, что г. Томсонъ призналъ его «искусственнымъ» (1,240; см. также мою реценз. 1,48—49). На мои слова: «Да, если мы покинемъ историческую почву и вознесемся мысленно къ тому времени, когда громадное большинство собственныхъ именъ не отличалось отъ нарицательныхъ т. е. ко времени смѣшенія собственныхъ именъ съ нарицательными, или ко времени воображаемаго хаоса...» (2,49) г. Томсонъ говоритъ: «Отвѣчу: 1) *Имя* «Авраамъ» въ славянскомъ языкѣ и *время* Авраама не одно и тоже». Святая истина! «2) Что *волкъ*, *зубъ* и пр. были одновременно собственными и нарицательными именами свидѣтельствуетъ не больше о смѣшеніи» или «хаосѣ», чѣмъ подобныя же имена въ нынѣшнемъ языкѣ». Конечно, весьма возможно, что «*волкъ*» и «*зубъ*» и пр. были а можетъ быть даже и теперь употребляются какъ имена собственныя и нарицательныя; но совершенно невозможно, чтобы родительный замѣн. (род.-вин.) падежъ прямо переходилъ отъ нихъ, какъ отъ собственныхъ именъ «*Волкъ*», «Зубъ» на нарицательныя «*волкъ*» «*зубъ*». Род.-вин. «Зуба» отъ собственнаго имени «*Зубъ*» не переходитъ

на нарицательное «*зубъ*», которое въ вин. падежѣ имѣетъ форму «*зубъ*», а не «*зуба*». 3) «Это время не представляется хаосомъ тому, кто соблюдаетъ историческую перспективу и хронологію, какъ принято въ историческихъ наукахъ, въ томъ числѣ и въ лингвистикѣ» (79—80) Прекрасно! Но нельзя искать въ этомъ времени основаній для рѣшенія научныхъ вопросовъ вродѣ, напримѣръ, того, что вотъ, дескать, было когда-то смѣшеніе собственныхъ именъ съ нарицательными, родительнаго падежа съ винительнымъ; но впослѣдствіи съ теченіемъ времени *случайно* (occasionell) родительный падежъ отдѣлился отъ винительнаго на мѣстѣ прямого дополненія и сталъ въ извѣстныхъ только случаяхъ употребляться вмѣсто винительнаго, именно при опредѣленности значенія; а это явленіе въ собственныхъ именахъ, по отдѣленіи ихъ отъ нарицательныхъ, перешло отъ нихъ прямо на эти послѣднія;—и считать это удовлетворительнымъ научнымъ рѣшеніемъ съ соблюденіемъ исторической перспективы и даже хронологіи. 4) «Вслѣдствіе несоблюденія хронологіи г. Некрасовъ не замѣчаетъ, что всѣ его разсужденія о возникновеніи род.-вин. относятся ко времени «воображаемаго имъ хаоса», ко времени общей жизни славянъ, когда еще и старославянскаго языка не было, ибо никто не сомнѣвается, что род.-вин. возникалъ въ *праславянскую пору*». (80) Основаніемъ или исходною точкою для всѣхъ моихъ разсужденій о возникновеніи родит. замѣн. (род.-вин.) падежа въ славянскомъ языкѣ служатъ мои *наблюденія* надъ данными языка по его памятникамъ письменности, слѣд., относящимися къ исторической порѣ его бытія; а не мои *предположенія* о томъ, что̀ могло происходить въ праязычную пору возникновенія, смѣшенія и раздѣленія формъ языка. Что родительный замѣнительный (род.-вин.) появился въ доисторическое время жизни славянскаго языка, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: на это указываютъ сами извѣстные намъ древнѣйшіе письменные памятники; но это доисторическое время весьма далеко отстоитъ отъ той древности, къ которой относятся разныя предположенія современныхъ лингвистовъ, полагаемыя ими въ основаніе объясненія возникновенія род.-вин. въ старославянскомъ языкѣ. Они восходятъ къ тому времени, которое задолго предшествовало самому появленію славянскаго языка. Мои разсужденія совсѣмъ не то, что предположеніе, напримѣръ,

такой основной праязычной формы личнаго мѣстоименія 1-го лица съ значеніемъ винительнаго падежа, отъ которой впослѣдствіи, можетъ быть, черезъ нѣсколько тысячелѣтій, произошли славянскія формы: **мєнє и мѧ** и т. п. Отъ подобныхъ предположеній, витающихъ въ отвлеченныхъ сферахъ разныхъ праязыковъ, и объясняющихъ возникновеніе родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) падежа, всѣ мои разсужденія весьма далеки и потому никакъ нельзя сказать, что они относятся ко времени «воображаемаго мною хаоса».

На стр. 81 г. Томсонъ говоритъ: «Въ абсурдѣ, который г. Некрасовъ вывелъ на стр. 60 (2,60), истолковывая смыслъ моего термина словами Потебни, не повиненъ ни Потебня, ни я, а лишь логика г. Некрасова: изъ того, что по Потебнѣ «присутствіе и функція формы узнается не иначе, какъ по смыслу», совершенно не слѣдуетъ, что мое «*даже по формѣ* равносильно выраженію *даже по значенію*»». Дѣло заключается въ слѣдующемъ: г. Томсонъ, защищая раціональность термина «род.-вин.» падежъ (I,243), говоритъ о падежѣ такъ: «*падежъ заключается прежде всего въ падежномъ значеніи* (курсивъ мой). Поэтому современное русское *сына*, напр., въ «приведи сына» есть настоящій вин. падежъ, такой же, какъ вин. *жену, столъ*. А им. падежъ *сынъ, столъ* и пр. никогда не былъ *даже по формѣ* вин. п.». Подробный разборъ этого замѣчательнаго мѣста находится въ моей рецензіи (2,54—61); въ концѣ разбора (2,60) сказано мною слѣдующее: «Можно ли сказать, что, напр., современные русскіе именительные падежи: *камень, любовь, люди, рабы, столы, волки* и мн. др. не были никогда даже по формѣ винительными падежами?.. Если же г. Томсонъ, говоря «*даже по формѣ*» разумѣетъ: «по формѣ», «присутствіе» и функція коей узнается не иначе, какъ по смыслу, т. е. по связи съ другими словами и формами въ рѣчи и языкѣ» (Потебня, Изъ записокъ» 2,86); то его выраженіе «даже по формѣ» равносильно выраженію «*даже по значенію*». Въ такомъ случаѣ положеніе: «А им. падежъ *сынъ, столъ* и пр. никогда не былъ даже по формѣ (понимай: по значенію) вин. п.»—есть не болѣе, какъ топтаніе на одномъ и томъ же мѣстѣ: именительный падежъ всегда по значенію именительный, винительный падежъ по значенію всегда есть винительный и т. д.». Въ чемъ же здѣсь абсурдъ моей логики?

На той же 81 стран. г. Томсонъ говоритъ: «Сущности моего объясненія род.-вин., основаннаго на тонкостяхъ психологіи г. Некрасовъ совершенно не понялъ». Что же это за непостижимые для меня тонкости психологіи, на которыхъ г. Томсонъ основалъ свое объясненіе род.-вин.? Постараюсь вкратцѣ изложить сущность объясненія род. вин. г. Томсона, основаннаго на этихъ тонкостяхъ, придерживаясь словъ самого автора во избѣжаніе обвиненія въ искаженіи. Г. Томсонъ придумалъ два новыхъ термина, начинающихся, по его правописанію, съ большой буквы: Agens и Patiens. Значеніе ихъ опредѣляется такъ: «Въ предложеніяхъ «рабочіе строятъ домъ» и «домъ строится рабочими» только въ первомъ «домъ» объектъ, но въ обоихъ предложеніяхъ «домъ»—Patiens, «рабочіе»—Agens. (I,243—244). «Въ предложеніи «Иванъ родился въ Москвѣ и его воспитывали сначала дома» чувствуется неудобство, происходящее отъ перемѣны исходной точки — подлежащаго. Невольно напрашивается «(Иванъ родился въ Москвѣ и) воспитывался дома». Это естественное стремленіе возбужденнаго представленія *психологическаго подлежащаго* (курсивъ мой) занять и сохранить свое положеніе и какъ грамматическое подлежащее, т. е. какъ именительный падежъ, настолько сильно, что вызывало въ разное время въ разныхъ языкахъ новое образованіе страдательнаго (пассивнаго) спряженія. Благодаря страдательному спряженію психологическій субъектъ можетъ оставаться въ своей обычной формѣ подлежащаго, въ имен. падежѣ въ томъ случаѣ, когда онъ по реальному значенію предложенія является Pat. при переходномъ глаголѣ и слѣдовательно долженъ занять мѣсто дополненія, стать въ винит. падежѣ. Напр., если Иванъ узналъ Петра, и въ тоже время представленіе «Петръ» возбуждено заранѣе и стремится стать подлежащимъ, то есть только одна возможность удовлетворить это стремленіе: «Петръ былъ узнанъ Иваномъ», такъ какъ «Петръ узналъ Ивана» извращаетъ смыслъ, дѣлаетъ Pat. «Петръ» Agens'омъ» (I,248—249). И такъ, винительный падежъ прямого дополненія при переходномъ глаголѣ въ качествѣ психологическаго подлежащаго можетъ перейти въ именительный падежъ, т. е. въ грамматическое подлежащее при страдательномъ глаголѣ, оставаясь въ томъ и другомъ случаѣ Patiens'омъ, тогда какъ именительный падежъ при переходномъ глаголѣ въ качествѣ грамматическаго подлежащаго можетъ

переходить въ творительный падежъ дополненія при страдательномъ глаголѣ, оставаясь и въ томъ и другомъ случаѣ Agens'омъ. Слѣдовательно, *Agens* есть по преимуществу *подлежащее грамматическое* а *Patiens*—по преимуществу *подлежащее психологическое*. Но далѣе.

«Въ тѣхъ случаяхъ», говоритъ г. Томсонъ, «когда Pat. стремился стать подлежащимъ и такимъ образомъ сдѣлался бы Ag., и когда страдательное спряженіе не удовлетворяло говорящаго [1]), оставалось только одно средство—оттѣснить всплывающее психическое подлежащее въ положеніе дополненія, въ надлежащее мѣсто Pat., и для этого требовался особый знакъ вин. падежа». (I,252) Но какой же? Предположимъ, что Pat. будетъ слово «домъ»... Далѣе.

«Но чѣмъ можно доказать», продолжаетъ г. Томсонъ, «что именно въ тѣхъ случаяхъ, когда Pat. былъ психологическимъ субъектомъ и стремился сдѣлаться грамматическимъ субъектомъ, именительнымъ падежомъ, слѣдовательно Agens'омъ, родительный падежъ сталъ появляться въ славянскомъ языкѣ для опредѣленія Pat. и затѣмъ сталъ утверждаться здѣсь какъ род.-вин.?».. (I,252—353). Но позволительно спросить, почему для опредѣленія Patiens'а сталъ впервые появляться въ славянскомъ языкѣ родительный падежъ, а не другой какой-либо?.. Это, впрочемъ, объясняется г. Томсономъ очень просто; на стр. (I,262) онъ говоритъ: «Если мы отрѣшимся отъ разныхъ невѣрныхъ толкованій род. раздѣлительнаго, особенно при вещественныхъ именахъ и признаемъ, что оба падежа» (т. е. винит. и родит.) «обозначали прямое дополненіе, но съ извѣстнымъ различіемъ первоначально въ отношеніи дѣйствія къ объекту, то возникновеніе род.-вин. станетъ совершенно понятнымъ» и т. д. На поставленный же выше самимъ авторомъ вопросъ находимъ слѣдующій отвѣтъ: «Психологическій субъектъ имѣетъ всегда опредѣленное значеніе, такъ какъ только представленіе, знакомое слушателю и заранѣе возбужденное въ немъ, можетъ стремиться стать у него исходной точкой» (до сихъ поръ понятно, а дальше..), «къ которой говорящій пристегиваетъ сказуемое, какъ новое въ данномъ случаѣ само по себѣ или по отношенію

---

1) «Такъ какъ въ страдательномъ спряженіи значеніе глагола измѣнялось, блѣднѣло, дѣйствіе представлялось одностороннее» (I,252).

къ сочетанію съ даннымъ подлежащимъ». (Но ясно! какъ это говорящій *пристегиваетъ* сказуемое къ исходной точкѣ, т. е. къ психологическому подлежащему, какъ новое само по себѣ или и пр.?) Далѣе идетъ уже рѣчь о тѣхъ категоріяхъ словъ. которыя всегда имѣютъ опредѣленное значеніе и потому служатъ началомъ возникновенія род.-вин. падежа. На первомъ мѣстѣ стоятъ *собственныя имена;* за ними на 2-мъ мѣстѣ слѣдуютъ *указательныя мѣстоименія;* потомъ на 3-мъ мѣстѣ *сложныя прилагательныя имена* въ качествѣ существительныхъ; наконецъ на 4-мъ мѣстѣ *личныя мѣстоименія* (I,253—254). Въ этихъ категоріяхъ форма род.-вин. (родительнаго замѣнительнаго) обусловливается опредѣленностью ихъ значенія. Вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ заключается сущность объясненія род.-вин. г. Томсона и тѣ тонкости психологіи, на которыхъ оно основано. Г. Томсонъ доказываетъ мое совершенное непониманіе такъ: «Это видно», говоритъ онъ, «изъ его заявленій, напр., на стр. 64 (2) «Не ясно! не мѣшало бы объяснить примѣромъ». На стр. 70 (2) «не ясно»! Остановимся пока на этомъ. Мое первое «Не ясно! не мѣшало бы объяснить примѣромъ» относится къ тому мѣсту статьи г. Томсона, которое уже было приведено нѣсколько выше, въ которомъ говорится о *пристегиваніи* сказуемаго къ исходной точкѣ; второе мое «не ясно!» относится къ слѣдующимъ словамъ г. Томсона (II,237): «Вѣдь род. падежъ не былъ первоначально и не могъ быть знакомъ этого различія» (т. е. различія между вещественнымъ и предметнымъ пониманіемъ вещей) «въ реальныхъ значеніяхъ объекта» (до сихъ поръ ясно, а дальше). «Онъ обозначалъ первоначально лишь то различіе въ отношеніи дѣйствія къ объекту, которое само было лишь послѣдствіемъ означенныхъ различій въ самыхъ представленіяхъ объекта». Ясно ли это?

Въ объясненіи род.-вин. падежа, основанномъ на тонкостяхъ психологіи, Patiens, Agens и форма род.-вин. падежа представляются, какъ дѣйствующія лица: «Patiens сильно стремится занять мѣсто Agens'а, или сдѣлаться Agens'омъ; форма род.-вин. падежа оттѣсняетъ его и водворяетъ на надлежащее мѣсто дополненія. Такая конкретность въ изображеніи психологическихъ тонкостей, какъ неумѣстная, и вызвала мѣстами въ моей рецензіи тѣ характеризующія ея наглядность замѣчанія, кото-

рыя г. Томсону угодно было назвать «шутливыми вставочками и глумленіемъ самодовольнаго невѣдѣнія», признавъ ихъ доказательствомъ моего совершеннаго непониманія его объясненій. Напрасно также говоритъ г. Томсонъ, что я на стр. 68 обратилъ въ шутку его «опредѣленіе вещественныхъ значеній»; совсѣмъ не то: выводя, какъ необходимое слѣдствіе, изъ толкованій г. Томсона о родительномъ раздѣлительномъ, что «если кто-нибудь за обѣдомъ скажетъ: «дай мнѣ курицы», то у лицъ, слышавшихъ эти слова, тотчасъ возникнетъ представленіе не о кускѣ, или какой нибудь части жареной или вареной курицы, а о *неограниченномъ пространственно безпрерывномъ куриномъ веществѣ съ извѣстнымъ вкусомъ*»,—я имѣлъ въ виду указать на несостоятельность не «опредѣленія вещественныхъ значеній», а всей теоріи о родительномъ раздѣлительномъ, которую г. Томсонъ предлагаетъ вмѣсто общепринятой.

Что касается до помощи, которую г. Томсонъ оказываетъ моему знанію французскаго языка фразою: «ce livre, si populaire autrefois, est encore aujourdhui acheté et lu par un certain nombre d'admirateurs», въ которой книга не *куплена;* то я могу съ своей стороны также помочь знанію французскаго языка г. Томсона болѣе короткою фразою: «ce livre est déjà acheté, въ которой книга *не покупается*. Словомъ, французское выраженіе: le livre est acheté не совпадаетъ по объему своего значенія ни съ нѣмецкимъ выраженіемъ: das Buch wird gekauft, ни съ русскимъ: «книга покупается».

На стр. 82 г. Томсонъ говоритъ: «Дальнѣйшія разсужденія г. Некрасова до конца представляютъ почти сплошной рядъ непониманія, недоразумѣній и невольныхъ искаженій моихъ взглядовъ. Напримѣръ, будто по моему род. есть знакъ опредѣленности значенія словъ» (2,71). Изумительно! «Будто» это не такъ? Не желая дѣлать многихъ ссылокъ на тѣ мѣста какъ въ изслѣдованіи (I),такъ и въ самой этой статьѣ г. Томсона, въ которыхъ говорится о род.-вин. именно какъ о формѣ, обозначающей опредѣленность значенія, я укажу лишь на одно мѣсто статьи г. Томсона, о которой теперь идетъ рѣчь: не говоритъ ли въ ней на стр. 78 самъ г. Томсонъ, что онъ 20 лѣтъ назадъ напрасно искалъ объясненія *совпаденія опредѣленности значенія съ род.-вин.* при своемъ изслѣдованіи армян-

скаго языка и что онъ наконецъ убѣдился въ существованіи *этого совпаденія*, когда появилась книга Мелье «объ употребленіи род.-вин. въ старославянскомъ языкѣ»? Что же иное можетъ значить это *совпаденіе опредѣленности значенія съ род.-вин.* падежомъ, какъ не то, что род.-вин. есть форма, обозначающая опредѣленность значенія, или знакъ опредѣленности значенія? А въ самомъ изслѣдованіи г. Томсона не обусловливается ли появленіе впервые въ славянскомъ языкѣ род.-винительнаго падежа опредѣленностью значенія словъ извѣстныхъ категорій? (I,252—254). Но, можетъ быть, мое непониманіе взглядовъ г. Томсова въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ о род.-вин. падежѣ, т. е. о такомъ род. падежѣ, который употребляется на мѣстѣ прямого дополненія; а я думаю, что г. Томсонъ говоритъ о род. падежѣ вообще, на что указываютъ слова его: «будто по моему род.» (а не род.-вин.) «есть знакъ опредѣленности значенія слова». Если бы это было такъ, то я, конечно, былъ бы не правъ. Приведу то мѣсто изъ моей рецензіи, на которое ссылается г. Томсонъ стр. 71 (т. е. 2,71). На стр. 71, между прочимъ, я говорю слѣдующее: «я нахожу, что она (т. е. вторая статья г. Томсона) по характеристикѣ родительнаго падежа стоитъ въ значительномъ противорѣчіи съ первой: первоначальный родительный падежъ, какъ знакъ представленія неопредѣленнаго пространственно неограниченнаго вещества, не ладитъ съ родит. падежомъ, какъ *знакомъ опредѣленности значенія словъ, когда и тотъ и другой употребляются на мѣстѣ прямого дополненія*». Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о такомъ род. падежѣ, который употребляется на мѣстѣ прямого дополненія, т. е. по терминологіи г. Томсона, о род.-вин., а не вообще о родительномъ падежѣ. Если же существуетъ *совпаденіе опредѣленности значенія съ род.-вин.*, въ чемъ послѣ книги Мелье, г. Томсонъ вполнѣ увѣренъ; то что же препятствуетъ признать род.-вин. знакомъ опредѣленности значенія словъ (конечно, склоняемыхъ)? Въ чемъ же состоитъ въ данномъ случаѣ мое непониманіе, недоразумѣніе, или невольное искаженіе взглядовъ г. Томсона? Одинъ этотъ образчикъ моего непониманія, избранный изъ всѣхъ остальныхъ, конечно, какъ самый сильный, г. Томсономъ, можетъ достаточно и ясно свидѣтельствовать о томъ, насколько справедливы, основательны и вѣрны прочія его обвиненія.

Въ концѣ своей статьи г. Томсонъ говоритъ (82): «Г. Некрасовъ, (2,74), желая резюмировать мое объясненіе род.-вин., даетъ курсивомъ такую безсмыслицу, которая имѣетъ не больше сходства съ моимъ, чѣмъ съ какимъ угодно объясненіемъ. Считаю лишнимъ разбираться въ ней и прошу лишь читателя не обращаться къ статьѣ г. Некрасова, не ознакомившись предварительно съ подлиннымъ смысломъ моихъ статей, хотя бы по стр. 243—264, т. XIII, кн. 2». Что касается обращенія автора къ читателю, то я вполнѣ согласенъ съ его просьбою,—и съ своей стороны прошу читателя не читать моей рецензіи прежде тѣхъ двухъ статей г. Томсона, по поводу которыхъ она написана; но что касается до первой половины приведенныхъ словъ г. Томсона, то я не могу не выразить своего крайняго сожалѣнія, что авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія мое резюмированіе, не исправилъ его надлежащимъ образомъ, не постарался вкратцѣ выразить въ собственномъ резюмированіи «подлинный смыслъ» того объясненія род.-вин., которое изложено имъ на стр. 262, кн. 2, т. XIII Извѣстій».

Н. П. Некрасовъ.

20 октября
1911 года.

Наблюденія надъ говоромъ крестьянъ деревень Масловки и Хитровки Суджанскаго уѣзда Курской губ.

(Отвѣты на вопросы «Программы для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ»).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя записи сдѣланы мною въ Масловкѣ и Хитровкѣ—маленькихъ деревушкахъ Суджанскаго уѣзда, Курской губ., гдѣ я служу учительницей съ 1903 года. Здѣсь записаны мною дѣтскія игры, святочныя «йгришша» взрослыхъ, гаданье и др. этнографическіе матеріалы, которые Курская Ученая Архивная Коммиссія будетъ печатать этой зимой вмѣстѣ съ другими этнографическими матеріалами, собранными мною въ другихъ селеніяхъ, гдѣ мнѣ приходилось быть учительницей.

Говоръ Масловцевъ и Хитровцевъ мнѣ знакомъ довольно хорошо, но писать отвѣты на память я не рѣшилась, и все записанное тщательно провѣрено. Въ затруднительныхъ случаяхъ я обращалась къ своимъ двумъ взрослымъ вечернимъ ученикамъ, вполнѣ заслуживающимъ довѣрія,—В. Кв. (32 лѣтъ) и Ал. К.' (34 лѣтъ). Первый, В. Кв., хорошо грамотный крестьянинъ, заинтересовался этнографіей и самостоятельно записываетъ (раньше онъ дѣлалъ это подъ моимъ руководствомъ) различныя повѣрья, почитаніе праздничныхъ дней и т. под. Второй, Ал. К., научившійся читать самоучкой и приходившій ко мнѣ учиться писать, ариѳметикѣ и географіи,—говоритъ чистымъ народнымъ языкомъ; у меня

записано немало его выраженій, напр.: «Я точку за нихáй пустѝлъ» (т. е. не обратилъ вниманія на точку и написалъ послѣ нея маленькую букву); разсматривая картинку, изображающую дно морское, и выслушавъ мои объясненія, онъ сдѣлалъ выводъ: «абы́-чивò напхàта въ мори!»

Масловка и Хитровка — двѣ деревушки, раздѣленныя логомъ, находятся къ сѣверо-востоку отъ уѣзднаго города Суджи, въ 46 — 47 верстахъ отъ него. Жители этихъ деревень чаще всего ѣздятъ въ Косторну̀ю,— селеніе, находящееся въ 3-хъ верстахъ отъ нихъ, гдѣ находится волостное правленіе, больница, нѣсколько лавокъ и булочныхъ; молодежь идетъ работать на свеклосахарный заводъ Сабашниковыхъ въ Любимовку (въ 6-ти верст.); хлѣбъ продаютъ крестьяне въ с. Дьяконовѣ— близъ станціи Дьяконово Кіево-Воронежской жел. дор. (въ 25 верст.); за болѣе крупными покупками (лошадью, коровой, телѣгой и т. п.)— ѣздятъ на ярмарки въ окрестныя селенія—Сулу̀, Волоконскъ (Судж. у.), Колпакову (Льгов. у.

Между говоромъ Масловцевъ и Хитровцевъ есть небольшое различіе, которое я отмѣтила въ своихъ записяхъ (главное различіе относится къ § 211). Къ востоку отъ Масловки и Хитровки въ 3—4 верстахъ, находится приходское село Тарасово; съ жителями этого села мнѣ совсѣмъ не приходится бесѣдовать, и нѣкоторыя свѣдѣнія о говорѣ ихъ записаны мною исключительно со словъ упомянутыхъ выше двухъ крестьянъ, моихъ вечернихъ учениковъ. Различіе говора они замѣчаютъ сами. По словамъ Ал. К., «у Тарàсавай и у насъ — ро́зьня есть, а у Житяню̀—другая розьня». С. Житёнь находится на западъ отъ Хитровки, въ 3-хъ верстахъ; о говорѣ Житенцевъ не могу сообщить никакихъ свѣдѣній, также и о жителяхъ другихъ деревень и селъ, лежащихъ вблизи: Ли̇̀пника, Гриди̇ной, Нѣ̀мчи. Съ жителями упомянутыхъ селеній Масловцы и Хитровцы роднятся, иногда арендуютъ у нихъ землю, такъ какъ своей у нихъ чрезвычайно мало,—но общими угодьями не владѣютъ. Крестьянки различныхъ селеній встрѣчаются во время полки свекловичныхъ плантацій и научаются однѣ отъ другихъ пѣснямъ.

О времени возникновенія дер. Масловки и Хитровки я не могла ничего узнать, также и о томъ, откуда вышли первые поселенцы: никто не могъ отвѣтить мнѣ на эти вопросы.

Въ произношеніи старшаго и младшаго поколѣній разницы не наблюдается. Какъ старшіе, такъ и младшіе, мужчины и женщины, говорятъ: рика̀, лѐвай, нясѝтя, вязѝтя, у минѐ, къ табѣ̀ или хъ табѣ̀ и проч. Только молодые люди, работавшіе на свеклосахарномъ заводѣ Сабашниковыхъ (въ дер. Любимовкѣ Суджанскаго у.), или жившіе гдѣ нибудь въ помѣщичьихъ экономіяхъ, приносятъ въ деревню новыя слова, которымъ научаются ихъ сверстники, причемъ придаютъ имъ своеобразный смыслъ. Напр., слово *тажу̀рка* (вм. тужурка) означаетъ парадную рубашку изъ сѣрой полушерстяной матеріи; разъ я слышала, какъ одинъ юноша съ нѣкоторой завистью говорилъ товарищу о комъ-то: «Ка̀жнай день у *тажу̀рки* хо̀дить!» Между тѣмъ, мой вечерній ученикъ (20 лѣтъ) надѣваетъ «тажу̀рку» только въ большіе праздники, когда идетъ въ гости къ тещѣ. Такъ какъ наши крестьяне носятъ обыкновенныя рубашки съ косымъ воротомъ, то блуза возбуждаетъ ихъ удивленіе: «у яво̀ рубаха *зъ* блу̀заю!» (*блузой* называется не вся блуза, а только верхняя ея часть).

Среди молодежи можно услышать «мерсѝтя васъ» тогда какъ старшіе говорятъ «спасѝба» и «благодарѝмъ пако̀рна».

Наши крестьяне, повидимому, считаютъ самымъ лучшимъ свой говоръ и смѣются надъ тѣми, кто говоритъ иначе. Напр., одинъ очень старый старикъ говоритъ вм. впере̇̈дъ — перѐшъ, вм. дырка — дѝрькя, и это кажется всѣмъ очень смѣшнымъ. Смѣются надъ говоромъ бабъ, уроженокъ другихъ деревень. Напр., одна изъ нихъ, уроженка дер. Шага̀ровки (Судж. у. въ 10 верст. отъ Маслов.), вм. черезъ тынъ, черезъ порогъ говоритъ *пирисъ* ты̀нъ, *пирисъ* паро̀хъ; яблоко она называетъ я̀блакъ (муж. рода): яблакъ упалъ, ёнъ кислай; все это очень забавляетъ окружающихъ.

Масловцы смѣются надъ произношеніемъ Хитровцевъ и Тарасовцевъ: хо̀дя, но̀ся, во̀зя и проч. (Масловцы произносятъ хо̀дить, но̀сить, во̀зить и проч.). Школьники жалуются, что родные смѣются надъ ними, если они дома заговорятъ литературнымъ языкомъ, — напр., скажутъ течётъ вм. тикѐть, несётъ вм. нисѐть, разо̀рвана вм. разарва̀та и проч.: «Во̀, па гаспо̀цки гаварить!» — Одинъ Масловскій крестьянинъ, долгое время жившій на различныхъ заводахъ и другихъ мѣстахъ, давшій среднее обра-

зованіе своимъ сыновьямъ, говоритъ болѣе или менѣе литературнымъ языкомъ; однажды онъ попросилъ своихъ односельчанъ за водку скосить траву на его участкѣ и свезти сѣно къ нему въ огородъ; онъ такъ и произнесъ: *свезтѝ*, а не *свесть* (какъ говорятъ всѣ Масловцы); пользуясь сходствомъ произношенія свезтѝ и свистѝ, крестьяне острили: «Ты ни «свистѝ», а давай полведра!»

Удареніе.

(При записываніи словъ я сохраняю въ точности произношеніе крестьянъ, напр. хòлатъ, а не холодъ, падрỳшки, а не подружки и т. п.).

1. Крестьяне деревень Масловки и Хитровки произносятъ: ручéй, хòлатъ, кòрапъ; зимчỳгъ (вм. жемчугъ), тварòгъ, гòваръ, вòсинь, вòсинью; óтдыхъ, бизъ аддыху; кòлкалъ (вм. колоколъ), пастỳхъ, кòршунъ, мèчикъ (вм. мячикъ), нòжикъ. Слово «валежникъ» не употребляется (лѣса здѣсь нѣтъ). Паталòкъ, заклàтка, падрỳга, падрỳшки, успѣ̀хъ, застàва, атстàвка, пастàвка, закỳска, прастинà (вм. простыня), сèрца (вм. сердце), знакòмства; вòпшиства и апшаствò; мнòжиства, балѣ̀сть, гадàнья, уставàнья (вм. вставанье), питьё́, житьё́ («житьё́», употребляется рѣдко, обыкновенно говорятъ у насъ «жисть»); спинà и спѝна, вин. пад. спинỳ; пападьѝ, зимà, зимлѝ, сирябрò, сирябрòмъ, чàшша, скварадà, слабадà, калакòльня, дипьгà, сажèнь, казнà, дòчка, саснà, дѣ̀вочка; вм. ольха говорятъ алё́хъ, альшѝна; салòнка, рòдина, судьбѝна, дишавѝсть (вм. дешевизна), сѣ̀ра, вòйска, сѝта, журавéль, алèнь, крыльцó, вèрба, тучà, пашнѝ, кипѝтакъ (вм. кипятокъ), питьлѝ, у питьлю̀; гòрла, вòлна (овечья шерсть), кỳликъ, лèдникъ. «Жниво» не употребляется: уборка хлѣба называется «жнитва», а скошеное поле — жнèвья (сред. рода). Дòнца (ед. ч.), травà, паслỳшникъ, шалухà, шшàвиль (вм. щавель), вỳшка (вм. ушко), салавèй, мѝласть; случàй и слỳчай, абы́чай, маланьѝ, Успéнья, Видяньё́, Хришшèнья; свáтанья (чаще сватавствò). Калèчка, славèчка, мистèчка.

Род. пад.: звирѝ, валкà, мидьмидѝ (вм. медвѣдя), варà, гусѝ; атъ радà и òтъ раду; зъ дòму. Языкà, тварагỳ.

Валкòмъ, видьмидёмъ, нóсамъ, падъ мастòмъ, падъ низòмъ, падъ бакòмъ, за рòжью; абýхамъ. Съ нòчи, у станỳ, на пàмяти, у вòласти, у кавтàни; у дòми, у гòради; на лòшади.

Галавỳ, гарỳ, цанỳ (вм. цѣну), старанỳ, свинью̀, скварадỳ, замлю̀, зимỳ; баранỳ, нагỳ, рукỳ, шшакỳ (вм. щеку), у рикỳ, у самью̀. Дòску, сèриду.

Манастырь — манастыря̀, багатырь — багатыря̀, каpàпъ — карабля̀.

Дат. пад. къ галавѣ̀, къ старанѣ̀ и къ стòранѣ, къ зимѣ̀ и къ зѝмѣ, къ спинѣ̀. Предл. пад. на стинѣ̀, на старанѣ̀, объ зимѣ̀.

Валкѝ, вары̀, дяды̀; аряхѝ и арѣ̀хи, кàмушки, кòзы; игòлки (*иглы* не говорятъ), маты̀, кавтàны. Стараста̀, пригавара̀; ахвицыра̀ и ахвицèры. Вм. волосы говорятъ вискѝ.

Дамы̀, брады̀. Стòршины, вýсы (вм. усы), дары̀, памѝнки и пòмины, камèнья, прагòны.

Мужья̀, зятья̀; зàрабатки, зàрабатакъ, прѝгаваръ.

Срèства, балòта, плèчи, вòбручи. Варата̀, калиса̀. Миста̀.

Внучàты, игняты, шшаняты (вм. щенята), рибяты, симина̀.

Баяря; брàтья, плàтья, камèнья; род. пад. брàтьявъ, камèньявъ. Акòнъ, зирёнъ, яицъ. Ябланей, диривèнь; дѣти говорятъ дирèвней. («Ветла» не употребляется).

Па слухàмъ, дитя̀мъ, людя̀мъ, па силàмъ (вм. по сёламъ), па балòтамъ.

Малатàми, людя̀ми, лашыдя̀ми, двиря̀ми, диньгàми, видрàми, дитя̀ми; вѝлами, грàблями, балòтами.

На людя̀хъ, при дитя̀хъ, у видрàхъ (вм. въ ведрахъ); у рòшшахъ, у балòтахъ.

Да вутра, съ вугла̀, зъ двара̀; да сýда и да суда̀: икъ дòжжу, ключёмъ; кòламъ и калòмъ; канèй, кастèй, на каня̀хъ, у гастя̀хъ, апъ кудря̀хъ.

На̀ зла, на̀ вирьхъ, на̀ лита; на вýшка (на ушко), на штò, падъ вèчиръ, падъ вуглы̀, абъ вýгалъ, падъ избý, пра пàрня, за Масквý; за̀ саху и за сахý; за сына, за сѣнамъ. Далъ денегъ на сòль, заплатилъ за сòль; благодарятъ за̀ хлипъ-за̀ саль, за чàй-за сàхаръ. На̀ зиму, на̀ висну, на вòсинь; на галавỳ, на рукỳ, на нагỳ.

На нарѣч. *не* ударенія не бываетъ, и *е* въ этомъ случаѣ переходитъ въ *и:* ни бӣлъ, ни баю́сь, ни бы́лъ, ни было́. Нидо̀мка.

Па лбу̀, па насу̀, по̀ палю, за̀ маря, на̀ пали (вм. на полѣ), на̀ лухъ.

Соединеніе двухъ словъ подъ однимъ удареніемъ: два̀-дни, паслиза̀втря, хто̀-знаитъ (такъ говорятъ вм. не знаю).

Въ именахъ прилагательныхъ оконч. *ой* слышится подъ удареніемъ, если же удареніе переносится къ началу слова, то слышится оконч. *ай:* дико̀й, пашо̀й, атступно̀й, старшо̀й, ритиво̀й и ря̀тивай, сильско̀й; глупо̀й и глу̀пай, люто̀й и лю̀тай, хитро̀й и хѝтрай[1]). Мило̀й, пухаво̀й и сизо̀й встрѣчается только въ пѣсняхъ, въ разговорѣ же — мѝлай, пухо̀вай, сѝзай.

Бу̀рнай, врѐминнай, удо̀вай, гря̀знай, гало̀днай, гла́ткай, го̀лай, дубо̀вай, жа̀ркай, жо̀лтай, зилёнай, крѣ̀пкай, ядрёнай (вм. крупный), ка̀миннай, ло̀вкай, дро̀бнай (вм. мелкій), мядо̀вай, но̀вай, атста̀лай, прѣ̀снай, пѐрвай, прапа̀шшай, рѣ̀ткай, ро̀пкай, суро̀вай, стра̀шнай, то̀пкай, то̀лстай, тѣ̀снай, тёмнай, то̀шшай, тя̀шкай, чѐснай, тьвёрстай (вм. черствый), ша̀ткай, ѣ̀ткай. Третій.

Гу̀стай, дря̀ннай, про̀стай и прасто̀й; па̀рная малако̀, пря̀май, ря̀бай, ро̀днай, сёмай и сямо̀й, шо̀стай и шасто̀й; басо̀й, друго̀й (друго̀ва, друго̀му), маладо̀й, васьмо̀й, плахо̀й, сыро̀й. Любо̀й (выбирая любо̀й) и лю̀бай (любимый).

Питна̀тцатай, шишна̀тцатай, симна̀тцатай и т. д. Симна̀тцать, васимна̀тцать и т. д.

Тритьёва-дни, да Питрава̀-дни, ни сӣнь-по̀раху, да била̀ дня сидѣли, смалада̀ и смо̀ладу, дапьяна̀.

Прилагат. въ краткой формѣ: галадёнъ, кѝсилъ, жѝринъ, смѝринъ, тёпилъ, бу̀инъ, мо̀латъ (вм. молодъ), лёгакъ, мя̀какъ (вм. мягокъ; уменьшит. мя̀кинькай), шырака̀, слипа́, жива̀, малада̀, стара̀, вилика̀ и вяли̇ка, дарага̀, слабо́дна, здарава̀ (въ смыслѣ велика, сильна) и здаро̀ва; бага̀та.

Апа̀сна, висо̀ка и висако̀ («литя̀ть висо̀ка», дерево — «вотъ ви-

---

1) Хитро̀й или хѝтрай употребляется въ смыслѣ странный, чудной или смѣшной.

сако́-та!») далёка, далѐча, глыбо́ка, мо̀жна, тёмна, ду̀жа, ла́дна, халаднѐ, тру̀дна, широ̀ка, мно̀га, тёпла, лёхка, бѣла.

Маленякъ, малѐнька; каро̀такъ и карато̀къ. Каро̀тка (вм. коротко). Бо̀жья мѝласть.

Я̀блашнай, талчёнай.

Чатырёхъ, ка̀жнай, самаво̀, маяво́, тваяво̀, тваяму̀, аднаво̀, аднаму̀, никаво̀, никаму̀, ничаво́ и ничёва (послѣднее рѣдко); у тибе́, у минѐ; дат. пад. минѣ̀, табѣ́. Вм. иногда говорятъ кой-када̀.

Никада̀, павсигда̀, увиздѣ̀, спирва̀, папирёкъ, пасля̀, апасля̀, по̀тамъ и пато̀мъ, умѣ̀сти, издаля̀, здаля̀, адаля̀ (вм. поодаль) али̇ (вм. или).

Двѣ вярсты̀, три души̇, чатыри изб́ы и т. п. — ударенія правильны.

Два ряда̀, три бра̀та, два до̀ма; два раза̀, три вара̀. Пять сажо̀нъ, пять са̀жинъ и пять сажинѐй.

Йика̀ть (вопить — не употребляется), палажи̇ть, пануди̇ть и пану̀дить, падайти̇ть, разагна̀ть, давѐсть, багатѣ̀ть, атсырѣ̀ть, рабо̀тать, ка̀шлить. Глаголъ кашля̀ть имѣетъ другой смыслъ: накашля̀лъ долгу (много задолжалъ), накашля̀лъ па шѐѣ (побилъ).

Несть, принѐсть, месть, развѐсть, атвѐсть, тьвѣсть (вм. цвѣсти), весть (вм. везти и вести), пирстряли̇лъ, дастряли̇лъ; написана, ни сло̀манъ, привѐдинъ; привѐзинъ и привизёнъ, принѐсинъ и принисёнъ, ко̀нчина (вм. окончена), палу̀чина, пару̀чина. Вм. возвращена говорятъ принисёна, адда̀дина. Принѐсина и принисёна, привѐдина и привидёна, привѐзина и привизёна.

Въ глагольныхъ формахъ удареніе подвигается иногда на одинъ слогъ къ началу. Говорятъ: ни хо̀чу, упа̀ну, при̇дишь, при̇шлить (вм. пришлетъ), павѐрнишь, растёгнисси, но — гавари̇шь, разарвѐшь (чит. *е*, а не *ё*; также и въ слѣдующихъ словахъ), атагнѐшь, падайде́шь, пайдѐшь, азьмѐшь; клюѐть (не *ё*), вѐрнитца, пи̇лить, гро̀зитца, ради̇ть (3-е лицо) ради̇тца, гавари̇ть, идѐть, стигнѐть, вазьмѐть, разабьѐть.

На̀йдимъ, кладѐтя. До̀ють, по̀ють, аклѐють, адалѣ̀ють, иду̀ть (ед. ч. идѐть), зво̀нють.

Кава́лъ, синѣ̀лъ, дани̇ла, запы̀халась, пабѣ́гла, была́, пакриви̇лись, гавари̇лъ, прасти̇лъ, пусти̇лъ; вазьми̇, казырну̀ть, павярну̀ть, ужасну̀тца, аддахну̀ть.

Сабрàлъ, пагнàлъ, пазвàлъ [1]), паслàлъ.

Удареніе иногда подвигается къ концу слова. Говорятъ: онъ лянѝтца, ни магу̀тъ; умѐръ, памѐръ, принялъ, запѐръ, запѐрли, панялъ, прапилъ, прадàлъ, раздàлъ, ни далъ, ни взялъ. Запѐрта, распѐртай, атпѐрта (эти выраженія употребляются рѣдко; чаще говорятъ: дверь закỳтана, аткỳтана. Пов. накл. закỳтай; ни закутàй). Памѐрли. Асталàсь, былò, случилòсь, гадилòсь, асталòсь; пражѝли, ни жѝли, прапѝли, пирнідàли, запѐрлись (закỳтались).

Дѐржисси, насỳшишь, забòтисси, смòтришь удàришь, бỳдить, пасòдють, пасòдишь, ёнъ станòвитца, ёнъ рассѐрдитца, скàжуть.

Ёнъ кòсить, вы кỳритя. Спѝтя, хòчитя, нисѐтя и проч. Повел. накл. спитя, нясѝтя, ѣшьтя.

Спàла, брàла, жрàла, прарвàла, гнàла; прабылà, пампрлà, радилà. Насѝли.

Шшѝпанай, жвàнай (вм. жеваный), растрёпаная.

Брàвши, напѝвши (вм. напившись), взявши.

На окончаніи *ся* ударенія не бываетъ, и *я* переходитъ въ *и*: напѝлси, радѝлси, брòсилси, остàлси и т. под.

2. Наши крестьяне произносятъ протяжно прилагательныя, если ихъ хотятъ сказать въ превосходной степени: сярдѝ-и-тà-ай (очень сердитый)! зда-арòвишшà-ай (очень большой)! крà-аснà-ай и т. под. При этомъ на ударяемомъ слогѣ голосъ повышается, остальные же — произносятся нѣсколькими нотами ниже; на концѣ слова на протягиваемомъ звукѣ появляется второе удареніе, нѣсколько слабѣе настоящаго.

Также произносятъ нараспѣвъ (преимущественно бабы, но нерѣдко и мужики) нѣкоторыя слова въ предложеніи для картинности разсказа, или—чтобы изобразить продолжительность или многократность дѣйствія. Напр.: «Мы ѣдимъ съ Дьяканавай, а ёнъ (дождь) поливà-аѝть! ёнъ паливà-аѝть [2])»! Или: «Андраѝниха абажмàла [3]) мальчишка, да ужò галò-

---

1) Вм. позвалъ чаще говорятъ паклѝкалъ.

2) Въ данномъ случаѣ второе удареніе (на *и*) сильнѣе настоящаго; также и въ словѣ «галò-осѝть».

3) Обняла.

осѝть!» — Охъ, кума, я надысь палтѝнникъ патяря́-ала! «Дянѝсъ паткра́лси, да ка-а-акъ да́сть яму̀ па гарбу́ (по спинѣ)»!

Звуки а, о и ихъ замѣны.

21. *О* вм. *а* подъ удареніемъ мнѣ приходилось слышать въ слѣдующихъ словахъ: въ ко́зану, ско́мьи, ко́ймы, по́льты; ёнъ то́шшить [1]), падо́рить, пасо́дють, пло́тють, ко́титца, бро́нитца; но — ва́рить, ва́лить, глаза̀, красу̀.

Вм. зацѣпится у насъ говорятъ зацо̀питца, вм. цѣдить (молоко) — ццо̀дить.

Говорятъ ра̀зумъ, ра̀зная и ро̀мная (вм. ровный; слово равный не употребляется).

22. Вм. *о* подъ удареніемъ говорятъ *а* въ слѣдующихъ словахъ: ла̀вить, ла̀вють, валъ (вм. волъ), человѣкъ да̀ ста, сѣда̀къ, хада̀къ.

Ву̀галья, ву̀галь; никада̀.

Удва̀ивать, унава̀живать, устра̀ивать, замара̀живать, пригата̀вливать.

Заве́ртавать, аптё́савать, пиридё́ргавать.

23. Въ произношеніи нашихъ крестьянъ звуки *о* и *а* не подъ удареніемъ звучатъ совершенно одинаково, какъ и въ нашемъ произношеніи: саха̀, сады̀, трава̀, сава̀ и т. под.

24, 25 и 26. *А* переходитъ въ *ы* послѣ шипящихъ, но рѣдко: жылѐть, лашыдей; но—жара̀, шалѝть. При другихъ согласныхъ *а* въ *ы* не переходитъ никогда [2]). Говорятъ: царя̀, вода̀, трава̀, траву̀, карѝта, граница и проч.

---

1) Звукъ *щ* встрѣчается у насъ въ произношеніи только хорошо грамотныхъ крестьянъ и все-таки рѣдко; обыкновенно этотъ звукъ замѣняется удвоеннымъ *ш*.

2) Исключеніе составляютъ выраженія: во̀тынъ (вм. вотъ онъ), дыкъ штошъ (такъ чтожъ, въ смыслѣ хорошо) и союзъ и междометіе да, произносимое *ды*. «Дѣти гдѣ карандашъ?» спрошу, напр. во время урока. —Вотынъ! отвѣчаетъ кто-нибудь изъ нихъ, подавая карандашъ.—Петя, когда пойдешь домой, скажи старостѣ, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ!—«Дыкъ штошъ!» соглашается Петя.— —...А гдѣ жъ ёнъ?—«Ды до̀ма.»—Хто-ѝта пришелъ?—«Ды нихто̀». Ты ды я. Братъ ды сестра̀.

27. Въ словахъ: *та*ргавàть, *ба*радà, *ба*ранà, *ста*ри̇́ки, *ста*ршинà, *па*лячи̇ть, *па*нясу̇—ясно слышится *а*. Также *га*спадà, *ла*шыдѐй, *па*гадѝ и проч.

28. Всюду ясно слышно *а*: багачà, харашà, гàлавнòй, запашѝ и др.

Вообще, неясныхъ звуковъ у насъ не наблюдается: каждый звукъ слышенъ прекрасно.

29. Въ произношеніи словъ: вы́гнали, ѐтаму, Хвѐдару, ворòнами—ясно слышно *а*.

30 и 31. Въ слогахъ неударяемыхъ, непосредственно слѣдующихъ за удареніемъ, въ слогахъ, отдѣленныхъ отъ ударенія другими, неударяемыми слогами, въ неударяемыхъ конечныхъ и предпослѣднихъ слогахъ—всюду ясно слышно *а*: ѐт*а*ва, ву̇мн*а*ва, мàлиньк*а*ва, харòшиньк*а*му, ѣ̀х*а*лъ, ву̇г*а*ль, Хвѐд*а*ру, гòраду и проч. *Ы* вм. *а*—*о* встрѣчается только послѣ шипящихъ *ш* и *ж*, но рѣдко: жылѣ̇ть, лашыдѐй (см. выше).

32. Въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ, за которыми не слѣдуетъ согласной, вм. *о* также ясно слышно *а*: сляпòва, дòбрава, сѣ̀на, слòва, мàсла; также: бàтюшка, си̇ла, дòма и др.

33. Масловцы и Хитровцы говорятъ: жанà, жалу̇докъ, жалту̇ха, шастòй, шаршàтай; царя̀.

Паку̇шала, паку̇шать, лòшади; вы̇шалъ, манàшакъ, нòжакъ, лòжакъ, зàмужамъ,—всюду ясно слышно *а*. Но—гарòшыкъ—слышно *ы*.

Ху̇жа, бòльша, тàмъ жа, вы̇ша, дàжа, ду̇жа; глу̇пша и глыбя̇, далжѣ̀й; дàля вм. дальше.

Ёнъ ужу̇ вышалъ, типѐрь ужу̇ пòзна. Говорятъ иногда (преимущественно бабы) ту̇льки, шту (вм. только, что). «Ту̇льки шту я лягля̀, глять—отваря̀итца дверь...»

34. У насъ говорятъ: Васили̇са (уменьшит. Васюта), василёкъ, басикòмъ, басикà.

(Въ с. Любачѣ и дер. Саломыковой Обоянскаго уѣзда я слышала произношеніе Висили̇са,—уменьшит. Висѝля; висилёкъ).

35. Говорятъ: пирипе́лачка, ла́стачка, дѣвачка и друг. — всюду *а*; ни *ы*, ни *у* не слышно. Появленіе *ы* вм. *а* я слышала только въ предлогѣ по: пы ржи. Но тутъ повидимому *ы* составилось изъ двухъ звуковъ—*а* и *и*: па иржѝ (рожь, род. и дат. пад.=иржѝ). Въ другихъ случаяхъ предлогъ *по* не измѣняется: па ву̀лицы, па даро̀ги. Другіе предлоги также не измѣняются: на масла, за йимъ (вм. за нимъ).

Вм. да говорятъ ды (см. примѣч.). Ты ды я. «Кто разбилъ стекло?—«Ды Ва̀ся».

36. Въ словахъ мо̀ю, кро̀ю, во̀нть и друг. *о* никогда не переходитъ въ *ы* или другой звукъ.

Замѣны звуковъ е, ѣ, я.

37. *Я* переходитъ въ ё въ словахъ: трёсъ, запре́хъ (но—запрѐчь, запря̀жина), пе́тны, павёва; но—хрякъ; нипрагля̀днай произносятся съ *я*.

38. Въ слогахъ неударяемыхъ буквы *е*, *ѣ* и *я* произносятся различно: свято̀й, пасу̀, питна̀тцать, слиза̀, гиаздо̀, рика̀, пляса̀ть, мясно̀й, стяны̀ (вм. стѣнѣ), глядѣ̀ть, васны̀ (вм. веснѣ), васной — ясно слышно *я* и *и*, но нигдѣ нѣтъ *е*.

39. Говорятъ: нивѣ̀ста, бирѐть, гряшы̀ть, вя̀ликъ; у лѣси (вм. въ лѣсу). Пляту̀, паднясу̀ (вм. нести говорятъ несть), лижы̀, лигла̀, биру̀, бирѐмъ[1]). Послѣ *ж* и *ш* тоже различное произношеніе: жана̀, жылѣ̀ть, шалу̀нъ, шасто̀й, лашыдѐй. Послѣ ч: чаво̀, часы̀, чално̀къ, чилавѣ̀къ.

40. Переходъ *е* и *я* въ *и* передъ слогомъ съ ударяемымъ *а*, повидимому, постоянный: рика̀, висна̀, пита̀къ, питнадцать, гриха̀, слиза̀, пляса̀ть, лиса̀, ширстина̀я. То же произношеніе наблюдается передъ слогомъ съ ударяемымъ *е* (или *ѣ*): нисѐшь, видѐшь, висилѣ̀я, нивѣ̀ста, митѐшь (вм. метёшь) грибѐшь. Тѣ же звуки (*е*, ѣ и я) переходятъ въ *я* передъ ударяемыми слогами съ другими гласными: васло̀, вясны, грахѝ, сляз̀ой, ширстяно̀й; нясу̀, вяду̀, висялю̀ся, мяту̀, грябу̀. Исключ. питсо̀тъ, шисо̀тъ, симсо̀тъ; но можно услышать и пятсо̀тъ, шассо̀тъ, сямсо̀тъ.

---

1) Чит. бирѐмъ, а не бирёмъ.

41. Звуки *я* и *и* появляются передъ ударяемымъ слогомъ и съ твердой гласной, и съ мягкой: нясу̀, пяту, систра̀, вила̀; нисёшь, видѐшь, вадѝ, нясѝ; вм. сестрѣ говорятъ састры̀; слизинка. Шышнатцать.

42. *Е*, *ѣ* и *я* въ другихъ неударяемыхъ слогахъ: дисятѝ, дивятна̀дцать, нисаѣ̀тъ, чижало̀, лисавѝкъ, йиравòй, чилавѣ̀къ, сиребро̀, сирида̀, висила̀, нириво̀съ, диревушка, питачо̀къ, питу̀ха, верставо̀й, гречѝха, лидяно̀й, на силу̀ (по селу), лятѝть, литàить, бигàть и бигу̀ть (вм. бѣгутъ), пярѝна, пяро̀, пира̀, лячѝть, ликàрства, лягу̀шка, принясѝ, принисла̀, лигла̀, диглѝ, лянѝвай, гавариио̀.

43. У насъ говорятъ: жанѝлся, цана̀, цылѣ̀й, цалавàть, оцанѝть, царко̀вная, жаних̀и, въ шыстаро̀мъ.

44. Въ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ, звуки *е*, *ѣ* и *я* переходятъ въ *и*: прѐжнину, вѐсила, во̀зира, сѐмира, чѐтвира, мѣ̀сяца, вы̀мила. Также: дѐвиря, во̀синью, у тѐрини, вы̀види. Вм. померли говорятъ памёрли; тысяча произносятъ ты̀щча.

45. Въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ передъ твердой согласной звуки *е*, *ѣ* и *я* переходятъ большею частью въ *и*, но встрѣчается и *я*. Говорятъ: па̀лицъ, встро̀илъ, по̀гринъ, вы̀писъ, капѐнкъ, вѝдилъ, мѣ̀сицъ, дѐнихъ, по̀исъ, за̀ицъ, я̀стрипъ, но — вѣ̀тяръ, кры̀льявъ, стульявъ, перьявъ, даже «Ка̀тявъ» (Катей, дѣвочекъ. Такъ выразились мои школьники: «Усѣ пришлѝ, то̀льки двухъ Ка̀тявъ нѣ̀ту»).

46. Въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ передъ мягкой согласной буквы *е*, *ѣ* и *я* переходятъ въ *и*: бу̀дить, хо̀чить, во̀синь, ка̀минь, ко̀ринь, дѐвить, дѐсить, дѐвирь, ду̀ринь, лѐбить.

Звукъ *е* во 2 и 3 лицѣ ед. ч. и въ 1 л. мн. ч. переходитъ въ *и*: бу̀дишь, лѣ̀зишь, то̀пишь (вм. тэнешь); бу̀димъ, лѣ̀зимъ, то̀пимъ; бу̀дить, лѣ̀зить, то̀пить, хо̀чить. Такъ говорятъ въ Масловкѣ. Хитровцы же въ 3 л. ед. ч. вм. будетъ, лѣзетъ и проч. говорятъ: бу̀дя, лѣ̀зя, хо̀чя, хо̀дя, но̀ся; если же удареніе на послѣднемъ слогѣ, то произносятъ такъ же, какъ въ Масловкѣ: нисётъ, бирѐтъ, кричи́тъ и т. под.

47. Въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ, если за ними не слѣдуетъ согласной, на мѣстѣ звуковъ *е*, *ѣ* и *я* стоитъ или *я* или *и*, но

не *е*. Наши крестьяне говорять: насѝтя, христя̀ня и христѝни, хадѝтя, дваря̀ня и дваря̀ни, вязя̀тя. Второстепеннаго ударенія не замѣчается.

Говорять: тро̀я, дишѐвля (и дишѐвша), бо̀ля, шѝря, да̀ля, старѐя, ны̀нча и но̀нчи, тинѐря, бу̀дя (въ смыслѣ довольно: «бу̀дя табѣ руга̀тца!»); то̀льки.

Умѣсти, двѣсти, на рабо̀ти, у го̀ради, на база̀ри, у по̀ли. У въ астро̀ги, на гаро̀хи, у ска̀ски; на бѐригу.

Прилагат. мн. числа оканчив. на *я*: такія, худы̀я, слѣпы́я, малады̀я и проч.

Произносять одинаково: скатѝна пошла у по̀ля, пришла съ по̀ля (ясно слышно *я*). Я иду на̀ паля, я былъ на̀ палягь.

48. Произносять: ма̀пинька, ма̀линькая, ма̀линькай, го̀линькай.

Съ буквой *я*: дядо̀въ, сяло̀, высло̀, питу̀хъ; нябо̀сь, нянько̀га; но — ни тро̀нь, ни ду̀май, ни хо̀чу произнос. съ *и*.

Бизъ го̀ду и бѐзъ гаду, чиризъ дво̀ръ, пиринòсить, пиривòзить, нирядъ акна̀ми (и во̀кнами).

49. На мѣстѣ звука *ѣ* подъ удареніемъ звукъ *и* я слышала только въ словѣ сѝварка (въ смыслѣ холодно). Но — ѣсть, надоѣсть, сѣять; также — врѐмя, верьхъ — никогда не говорять съ *и*.

50. Вм. неудареннаго ы я слышала *а* въ говорѣ нашихъ крестьянъ въ слѣдующихъ случаяхъ: въ частицѣ *бы*: пашѐлъ ба, говорилъ ба и т. под., въ окончаніяхъ прилагательныхъ ед. ч. и мн. ч.: кра̀снай, зилёнай, до̀брай, кра̀сная, сѐрая, зилёная; въ глаголѣ вы̀мать (вм. вымыть). Второстепеннаго ударенія не наблюдается.

51. Неударяемое *у* звучить ясно и въ *а* не переходить. Говорять: за̀мунъ, во̀кунь, мужикѝ и проч.

Гласныя.

52. Протяжныхъ гласныхъ не наблюдается.

53. Въ говорѣ нашихъ крестьянъ дифтонговъ нѣтъ. Также не бываетъ прибавки короткаго и невнятнаго *а* послѣ гласной съ удареніемъ въ концѣ слова.

Замѣны звуковъ о, у.

54. У вм. *о* подъ удареніемъ я слышала только въ словахъ: ту̀льки, шту, ужу,—такъ говорятъ нѣкоторыя бабы. Во всѣхъ другихъ случаяхъ ясно слышно *о*: дочь, ко̀сють, ло̀шать, тро̀гай, плохъ и т. п.

Двойного звука *уо* вм. ударяемаго *о* никогда не бываетъ.

55. Вм. *о* и *а* не бываетъ *у* и въ слогахъ неударяемыхъ: Говорятъ: адіяла, агурцы̀, тапаро̀мъ, бало̀та. Бара̀нъ, сапаги́, Аликсѣ̀й и проч.

Встрѣчается только: хуть, хучь. Хоць-што̀.

56. Вм. *у* никогда не произносятъ *о*. Говорятъ: паву̀къ, друго̀й, утю̀гъ и проч.

57. *И* на мѣстѣ *о* я слышала въ словѣ хвинари́.

58. Вм. ударяемаго и неударяемаго *о* я слышала *ы* послѣ р и *л* въ словахъ: крыши̇ть, кры̀шить, аткры̀шить, склы̀ка.

Пади́, падя̀тя, кладѝ, сматрѝ.

59. *А* переходитъ въ *у* въ словахъ: музалѝ, музо̀ль. Въ другихъ словахъ такого перехода не наблюдается. Говорятъ: дурака̀, гусака̀, рукава; кружава̀, мужикѝ и проч.

Замѣны звуковъ а (я).

60. *Е* вм. *я* встрѣчается въ отдѣльныхъ словахъ: мѐчикъ, плимѐнникъ, здучѐть, здучѐлъ (вм. стучать, стучалъ). Въ другихъ случаяхъ подъ удареніемъ слышно *я*, не подъ удареніемъ *я* и *и* (см. § 40); пять, питьдися̀ть, грясь, пря̀жа, узя̀ть (вм. взять); узила̀ (вм. взяла), питно̀, язы̀къ, визя̀ть, мясно̀й, свято̀й, пита̀къ, пяти, дисяти́, глидѐть, ма̀нтца, ма̀слинай, нича̀янnай, часы̀, жилѐть, шалу̀нъ.

Бая̀тца, спужа̀лси, бро̀сился, убира̀йси (см. выше § 1). Ягада, я̀шшыкъ. До̀чка. Кляну̀, кля̀ли, кля̀лъ. За̀йицъ, ма̀слиница.

Звуки е, ѣ, э.

61. Буквы *е* и *ѣ* произносятся у насъ совершенно одинаково: день, тѣнь, мѣлъ, мѐлка, атѐцъ, кузнецъ (произн. мягко).

62. Звукъ *ё* вм. *е* я слышала въ слѣдующихъ словахъ: дёрскай, Лёвъ (имя; названіе же звѣря произносится черезъ *е*: левъ), нёба (небо), но—вѐтхай, дѐржить, задѐршка, хрестъ, хрѐстикъ, абъ ей (о ней), са всѐю, есть, чѐшитца: здѣсь всюду произносится *е*.

Сплѐтни, падёньникъ.

63. Изъ всѣхъ перечисленныхъ въ этомъ параграфѣ словъ наши крестьяне произносятъ съ *ё* только вёдры, да и то не всѣ,—многіе говорятъ вѐдры. Вм. трезвый говорятъ тьвирёзай.

64. Вм. *ё* у насъ произносятъ *е* всегда въ глагольныхъ формахъ: устаѐмъ (вм. встаемъ), видѐмъ, бирѐмъ, пьѐти, идѐти, махнѐти, бьѐсси, наткнѐсси, нападѐтца и т. под. Лѐжмя.

Также *е* вм. *ё* я слышала въ слѣдующихъ словахъ: далбѐшка (голова), тѐшша, липѐшка, жѐскай. Въ словахъ далбѐшка и жескай *ё* никогда не бываетъ, слова же тѐшша и липѐшка произносятся съ *е* очень рѣдко (чаще тёшша, липёшка). Слово жѐскай наши крестьяне употребляютъ въ смыслѣ быстрый и говорятъ обыкновенно о лошади: «жѐская лошадь» т. е. рысистая. «Жѐска бягитъ».

Вм. её, на неё, у неё говорятъ іѐ, на іѐ (не *ё*) у ей.

Передъ слѣдующимъ мягкимъ звукомъ *ё* не переходитъ въ *е*. Говорятъ: чёрнинькай, зилёнинькай, крючёчикъ, сучёчикъ и т. п.

Гнёзды, звёзды, вёдры и вѐдры, сёдлы.

Кромѣ упомянутыхъ, не могу припомнить словъ, въ которыхъ слышно *е* вм. *ё*.

65. *Э* въ началѣ слова никогда у насъ не произносятъ. Говорятъ: ёсли, ишшò, ёлка; ѐтатъ, ѐта, ѐтакай. Послѣ гласной: раѐвня, даѐмъ, падаѐмъ (чаще даваимъ, падаваимъ).

Э произносятъ у насъ въ косвенныхъ падежахъ прилаг. женск. р. ед. ч. и мѣстоименій: на Святэй нидѣли, на худэй лошади, нѣту галубэй лѐнды, былъ у Кастарнэй (дер. Косторная); съ тэю, аднэю, съ самэю (послѣ гортанныхъ слышно *е*: съ другѐю, такѐю). Но — у въ адныхъ, худыхъ, святыхъ, и проч.: *э* не встрѣчается. Также: громъ, дымъ, Владимиръ.

Звукъ и и его замѣны.

66. *И* въ началѣ слова бываетъ простое и іотованное: инàча, йѝва, йѝстиннай, йѝдалы, йѝпшуть, Иванъ, имѣнья, йикàть, испытàлъ; йихъ, къ йимъ, абъ йихъ.

Въ срединѣ слова и на концѣ послѣ гласной *и* іотованное: май, твайѝ, свайи (здѣсь *и* никогда не переходитъ въ *ѣ* и *е*), майимъ, твайихъ, свайими; напайѝли, яйѝцъ, падайѝли, вòйинъ, йицò (вм. айцо). Вм. напоивши говорятъ напаёвши; падаёвши, нариде̋вши (вм. нарядившись).

67. Вм. *й* никогда не бываетъ *г*.

68. *Е* вм. *и* послѣ согласной подъ удареніемъ встрѣчается иногда: Пр. Дѣва Марèя, Рассèя, Кèивъ, карвèга, мундеръ; но — Мѝтрій[1]), смѝрнай, вѝхаръ, прасвѝрня, патстѝлка, набѝрка, пачѝнника, лѝвиць, наливка, тачѝльникъ, малатѝльникъ—произносятся съ *и*. *И* не подъ удареніемъ въ *е* не переходитъ: тринàтцать, винавàть, бàринъ, минỳта, дастòйинъ и т. под. Владѝмиръ и Валадѝмиръ.

Въ словахъ иностранныхъ на мѣстѣ *и* иногда бываетъ *е*, но только подъ удареніемъ: гарахвèнъ (графинъ), кадрèль, хватèра и — гимнàзія, áглицкай.

69. Въ словахъ дивàнъ, смирнà, рисавàть, билèтъ слышно *и*, а не *я* (передъ слогомъ съ ударяемымъ *а* не бываетъ *я*); бàринъ, вы̀пилъ, палилъ, атвятѝлъ; хадѝли, кусàли, кричàли; нѣтути.

Въ 3 л. ед. ч. въ дер. Хитровкѣ и селѣ Тарасовѣ (Судж. у., въ 3-хъ верст. отъ Масловки) говорятъ: хòдя, нòся, прòся, гòня, мòча и т. под. (см. § 46). Въ Масловкѣ же говорятъ: хòдить, нòсить, прòсить, гòнить, мòчить и проч.

70. Вм. *и* послѣ звука *р* слышится *ы* въ слѣд. словахъ: стрычь, стрыгỳ, грыпъ, грыбы̀, рыга. Но — крикъ, таварищъ, брѝтай, Григòрій, Трѝхванъ—произносятъ съ *и*. Крыло̀, карыстъ.

Въ другихъ случаяхъ *ы* вм. *и* я не слышала. Говорятъ: вѝшня, сиарòдина, гарахвèнъ.

---

1) Въ пѣсняхъ поютъ Митрèюшка.

71. Наши крестьяне произносятъ звукъ *и* мягко, какъ и мы: гаспадинъ, адинъ, жанитца и т. под.

И вм. *ы* я слышала въ словѣ високай, висока. Но—выша уже съ *ы*. Также рыба, прышшыкъ.

72. У насъ говорятъ: пойла, стойла, Михайла; маяво и майво; што такоя и што такой.

Звуки ы, у.

73. Вм. *ы* я не слышала *о*. Наши крестьяне произносятъ: бирёзанька, косачка, свашачка и сваманька, мамачка.

74. Вм. *ы* звукъ *э* не встрѣчается.

75. *У* вм. *ы* встрѣчается часто: умуватца, було, бувалъ, бувантъ, кружовникъ; уменьшит. имена средн. рода имѣютъ оконч. *ушка* вм. *ышко*: стёклушка, донушка; перушка, солнушка и проч.

76. *Ы* вм. *у* слышно въ слѣд. словахъ: глыбока, слыхамъ не слыхать, пакыда, откыда и аткыдава, аттыда и аттыдава. Но въ словахъ мужики, кулачишша, супастатъ и др. ясно слышно *у*. Также сутки, буйнай и проч.

Вм. *ю* слышно *и* въ словѣ чигунъ; но говорятъ и чугунъ. Вм. *ю* бываетъ *ы*: съ атсыдава, насыдава.

Говорятъ: очинь и вочинь.

77. Въ конечномъ неударяемомъ слогѣ вм. *ю* слышно *я* послѣ ударенаго *у*: какуя, другуя, маладуя, васьмуя и васьмую; но—добраю, сѣраю, зилёнаю и проч.

У какъ *уо* никогда не произносится.

78. Вм. *ый* и *ій* послѣ гортанныхъ въ оконч. прилагательныхъ слышно всегда *ай*: крѣпкай, лёхкай, нѣгай; руская и руцкай, земскай, хорошинькай, тонкай, хорошай, маленькай и т. под. Послѣ другихъ согласныхъ оконч. прилаг. *ій* ясно слышно во всѣхъ случаяхъ: синій, бараній, авечій, висенній, зимній, ранній, нароній.

Въ окончаніяхъ прилагат. подъ удареніемъ ясно слышно *ой*: слѣпо̀й, худо̀й, гнядо̀й, друго̀й.

Оконч. глагола *ивать* произносится *авать*: пану̀кавать, паття̀гавать, апа̀хавать, пакрѝкавать и др.

Вм. *ый* произносятъ *ай*: хало̀днай, до̀брай, палатня̀най, сѐрай; оконч. *ій* не измѣняется (см. выше): асѐнній, паро̀жній, вичѐрній, бара̀ній.

Говорятъ: Васѝлій, Григо̀рій, Аркадій. Въ окончаніяхъ именъ вм. *ій* появляется *ей* только подъ удареніемъ: Гурѐй (вм. Гурій), Хватѐй (вм. Фо̀тій), Аникѐй (вм. Іоанникій) и т. п. Также: Тимахвѐй, Илисѐй, Матвѐй.

Пирохъ сла̀дакъ, хрѐнъ го̀рикъ и проч.

Вставки и пропуски гласныхъ, полногласіе, стяженіе.

79. Неударяемые слоги произносятся нашими крестьянами ясно и отчетливо: галава̀, барана̀ и т. под.; иногда встрѣчается выпаденіе неударяемыхъ гласныхъ (ко̀лкалъ, скварада̀, виртяно̀). Удареніе слабое. Произношеніе у насъ не московское и не владимирское, а особенное *Курское*, не похожее на говоръ сѣверянъ (я слышала Владимирцевъ и Москвичей).

80. Опущеніе гласной въ началѣ словъ: Лякса̀ндра (и мужск. и женск.), Лизавета, Катярѝна, Кулѝна; но — Аликсѣй. Манѝны, спужа̀лси, здо̀хла; зли поля (вм. возлѣ); но—во̀кала поля.

Въ концѣ словъ отпаденіе гласной не замѣчается.

Въ срединѣ словъ: виртяно̀, ко̀лкалъ, скварада̀, на̀валка, пирвазѝлъ, пирнасѝлъ, пирвадѝлъ; но—пу̀гавки, вѝдила, чирѐмуха; мо̀ю, мо̀нть.

81. Выпаденіе неударяемыхъ гласныхъ 1) въ слогахъ не сосѣднихъ съ удареніемъ: пархаво̀й («э сардѝтай, какъ сѐрьникъ пархаво̀й!»), калкала̀, пирхадѝть, пирстриля̀лъ; 2) въ слогахъ, сосѣднихъ съ удареніемъ: курпа̀тка, карва̀й, зѐркла (вм. зеркало). На мѣстѣ выпавшаго звука не слышно никакого его остатка.

82. Бываетъ отпаденіе начальной неударяемой гласной въ положеніи за другой гласной: усѐ дно̀ (вм. все одно), надѝнъ (вм. ни одинъ;

здѣсь сліяніе *и* и *а* въ *я*), за ибарь, на кнѣ, на днòмъ, за рѣками; но — двѣ альмѝны, при атцу̀.

83. Замѣчается выпаденіе звуковъ *я—и*: пирвязѝ, пиркусѝть, пирвирну̀ть, виртинò; пирдъ абѣ̀дамъ; но передъ удареніемъ гласный звукъ не выпадаетъ: пиридъ ву́жинамъ, пиривòзить, пирипòсить.

Вм. сейчасъ говорятъ счасъ и сичàсъ.

Въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ, *е* не выпадаетъ: сѐрдцу, пѐрить, зѐлина. Величаютъ, Илюшка.

84. Говорятъ у насъ пхàть, чхàть, ткать (вм. тыкать), чѝкнуть и чкну̀ть. Послѣднія два слова имѣютъ различное значеніе: «чѝкнулъ нòжикамъ па пальцу» (порѣзалъ палецъ); «какъ чкну̀лъ, такъ ку̀барамъ пакатился!» (ударилъ).

85. Полногласіе я замѣтила только въ словѣ бирявнò (бревно), причемъ встрѣчается произношеніе бярнò. Въ другихъ словахъ полногласія не замѣчается.

87. Говорятъ рòта, у рòти (вм. рта, во рту), рòва, мòху, лѐва; но — на паталку̀[1]), сну̀, илбà, ильду̀ (вм. лба, льду), на льду̀, кàмня. Далинà, но—абирàть; вм. обняла, говорятъ абажмàла.

88. Къ началу слова часто приставляется гласная: илбà, ильду, иржѝ, аржанòй, автòрникъ, аграмàтнай, алляной (вм. вдова говорятъ удавà), амшанѝкъ (и машанѝкъ), ильнà, иржѐть (вм. ржёть), ирвѐть, ильѐтця, ильвòвъ (род. п. мн. ч.), Иглѣ̀пъ, иструпъ (срубъ), ишòлъ. Но—Засѝма; мянѝны.

89. Встрѣчается вставка гласной въ серединѣ слова: папанò, папаницa, каравàть, лигòта; но — крапѝва; тварòхъ, шкварѐцъ, грачѝха. *А* слышно ясно. Талкану̀ть, махану̀ть, маргану̀ть, шапану̀ть и шапну̀ть, рубану̀ть. Смарòдина.

Иногда гласный звукъ приставляется на концѣ: Ликсàндра, Михàйла, Пётра и Патрò; типѐря (и типѐрь), здѣся (и здѣсь), учирася (и учирась).

Увѐсь, патшòлъ.

1) Въ с. Любачѣ, Обоянскаго уѣзда, говорятъ на паталòкѣ, Ку́ресккъ.

90. Вм. двухъ гласныхъ слышится одна во многихъ словахъ: пабѣдали, зарыставать, варужитца; самахотка; тваво; сваво (но—сваё дабро, сваю старану), маму.

(Андреивъ, Андреичъ, Сиргѣивъ. Скарѣй, смилѣй и проч.).

Припиша́ть, прибрита́ть, прибрѣтилъ; Прибраже́нья. Пыгра́ть (но—пайма́ть), признасить; прима́ть, выма́ть.

Вм. Кто это, что это, кто-то, что-то говорятъ: хто-ита, што-ита.

Пайдемъ, пайду, пайдешь, пайдеть.

Запригай-ка, наливай-ка; панижай, занижай.

Ніизвѣсная люди; ни умѣлъ, ни узялъ, ни узналъ; наны (вм. не они).

91. Думайишь, дѣлайишь, прападайить, бувайить и т. под. слова имѣютъ окончанія *йишь, йить, йимъ*. (*И* въ говорѣ нашихъ крестьянъ большею частью іотованное).

92. Въ окончаніяхъ глагольныхъ формъ сохраняются обѣ гласныя: умѣйишь, имѣйить, ни слушайить, вырайимъ. Хазяйинъ, хазяйива.

Вм. произведёмъ говорятъ призвидемъ.

93. Звуки *ю* не замѣняются звукомъ *у*. Говорятъ: знаю, качаютца, бываютъ; бѣлаю, сѣраю и т. под. Шляю.

Я работаю, дѣлаю; цалуйить; дѣлаютъ, работаютъ.

Бѣлая, старая, бальшо́я, скарѣя, чижалѣя (*я* не замѣняется звукомъ *а*) Андрея, сарая. Сочетанія *аа, уу, оо* никогда не встрѣчаются.

Каво, чаво и чиво.

Согласныя. Звуки в, ў, ф, л.

94. *В* въ началѣ слова передъ согласной часто замѣняется звукомъ *у*: уся, урѣмя, устаёть, удава, унукъ, узялъ. Но передъ гласною и послѣ гласной слышно чистое *в*: гадовъ, дваровъ, дирѣвня, лавка, кровь (вм. кровь); авечка, восимъ, Вася и проч.

Встрѣчается *ув*: увесь, увпадѣ.

96. Вм. *у* часто является *в*, еще чаще — ў: вдарилъ (рѣдко) и ударилъ, навчить (и навучить), вывчить, ни ўнимишь, ни ўмѣйить, ни ўзялъ, ни ўзналъ, ни ўгадалъ; нивдалай, удалай; уражай, ни ўрадило.

Увъ является вм. предлога *въ* передъ словами, начинающимися гласной буквой: увъ ухàхъ (въ ушахъ), ỳвъ однòмъ, увъ астрòги, увъ акнѐ, увъ автòрникъ, увъ анбàри, увъ иржù. Произносятъ и *ува*: ува всѣ̀хъ, уваш̀ли (изъ хàты усѣ̀ уваш̀ли), увайтùть.

97. Къ гласнымъ *о* и *у* приставляется чистое *в*, вòкаракъ, вòчинь, вòсинь, вòзира, Вòльга, Вòсипъ, вòкунь, вòвцы, вòкны (вм. окна). Вỳтка, вỳлица, вỳха (вм. ухо), вỳхи (вм. уши), вỳскай (узкій), вỳтрамъ (чаще увъ ỳтрахъ); учùть и вучùть, вỳчить. Вьюнашъ и вьюнаща.

Къ гласной *а* не приставляется *в*: авёсъ, акнò, àнгаль, Анютка, асвà (вм. оса).

98. *В* передъ *н* переходитъ въ *м*, но не всегда: дамнò, дàмнасть, нàдамня, срамнàйтца, рòмнай; но — диревня, самапрàвна, Сиргѣ̀вна, Фатёвна.

В никогда не переходитъ въ *г* и *х*.

99. Звукъ *ф* всегда у насъ произносится *хв* или *х*: хвинàрь, сарахвàнъ, хвàртукъ, Хвёдаръ, Митрахвàнъ; хунтъ, Яхùмъ, Сòхья, хранцỳзы, картòхи, картòха, картòхъ (род. п. мн. ч.); Ахванàсій, хватèра, кỳхня, хватирỳнть, сахьàнъ.

Вм. *ф* встрѣчается *п*, но очень рѣдко: Апрасùнья (Ефросинья), Апроська и Хроська; но — лявшà, съ лявши.

Вм. *хв* никогда не слышно *ф*. Звукъ *ф* вообще отсутствуетъ въ говорѣ крестьянъ Курской губерніи, сколько мнѣ приходилось слышать [1]). Въ школахъ дѣти съ трудомъ выучиваются произносить этотъ звукъ.

Говорятъ: хвостъ, хварòстъ, хватàнть; ахòта, ахотникъ.

100. Звукъ *л* произносится у насъ чисто и твердо. *Ль* произносятъ, гдѣ слѣдуетъ: калакòльня, бальшòй, бальнòй, альховай и т. под. Тòльки, кòльки и скòльки; малчùть, садùлся; жàлча. Пàкля.

---

1) Въ уѣздахъ Курскомъ, Обоянскомъ, Бѣлгородскомъ, Рыльскомъ, Суджанскомъ и Фатежскомъ.

Звуки д, т.

101. Вм. Рождество говорятъ Раштвò; ражáть, уражáй, абижàть; между. Вм. свящу воду говорятъ свячỳ воду.

102. *Д* не выпадаетъ въ срединѣ словъ.

Говорятъ глядù, пайдèмъ, падù, хòдютъ; глядѣлъ, кладù.

103. *Д* никогда не является вм. *т*; говорятъ: тѝха, тюрьмà, любùть и проч. Также не бываетъ *дз* вм. *д*. Говорятъ: дѣвка, день и проч. *Д* и *т* чистыя.

Звуки г, к, х.

104. Звукъ *г* произносится какъ французское h aspirè и никогда какъ g (франц.); *га*, а не *глаголь* (древне-славян.). Покойный академикъ Я. К. Гротъ называетъ его спирантомъ ɣ. Если этотъ звукъ слышенъ неясно, то онъ всегда замѣняется звукомъ *х*: снѣхъ, пирòхъ, друхъ, Бохъ.

105. Въ оконч. родит. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ вм. *г* у насъ произносятъ *в*: тавò, дòбрава, сляпòва, сùльнава, маяв̀о, нáшаво, сивòдни и сигòдни[1]). *В* слышится ясно.

Карагòтъ.

106. *Г* на концѣ словъ замѣняется звукомъ *х*: друхъ, долхъ, тилѣхъ, нашлèхъ, читьвèрыхъ, сапòхъ, рохъ, зажòхъ. Звукъ *к* вм. *г* я слышала только въ словѣ мягкій: мàкакъ и мàкинькай; но мàхкай — слышится *х*.

107. Въ говорѣ нашихъ крестьянъ слышится *ги*, *ки*, *хи* (а не гы, кы, хы): такія и такіа, плахія и плахіа, другія, какихъ, диривèнскихъ. Также *ге*, *ке*, *хе* (а не гэ, кэ, хэ): у другèй, у такèй, на плахèй.

У насъ говорятъ: надъ èтымъ, у èтатъ, у èтамъ, къ èтаму, абъ èтамъ.

Мèлкай, крѣпкай, рỳскай, дòлгай.

Кахùкать, бухùкать (кашлять), аттáлкавать, запáхавать, затрòгавать.

---

1) Въ дер. Саломыковой Обоянскаго у. говорятъ: тугó, кугó; дòбрага, сляпóга, маягó.

108. Вм. когда, тогда говорять кадà, тадà или тады̀; никадà, усигдà, павсигдà. Гасударь, Гаспòть, идѣ̀, гинирàлъ. Вм. Георгій говорять Дывòргій, а чаще Ягòрій.

109. Ясно слышное г (передъ гласной) звукомъ *х* не замѣняется. Говорять: шàга, дёгать, гарохъ, гòрать, гарòтъ (огородъ).

Вм. *к* не бываетъ г. Говорять: зёркла, ключъ, мòрква и проч. Но *х* иногда встрѣчается вм. *к*: христàни (вм. крестьяне), Хришшёнья, хто, хвитàнція, хвитòкъ[1]).

Вм. *х* не слышно *к*. Говорять правильно: пàзуха, хỳтаръ, Христòсъ.

110. Масловцы и Хитровцы говорять твердо: *ка, ку, ко*: чайкỳ, хазàйка, пинькà, чайкòмъ. Чайкю̀, чайкёмъ, хазàйкя и т. под. говорили въ Масловкѣ старики, которые теперь уже умерли. Но въ с. Тарасовѣ Суджанскаго у. (въ 3-хъ верстахъ отъ Масловки), въ с. Любачѣ и дер. Саломыковой Обоянскаго у. говорять и теперь: чайкю̀, Кàтькя, капейкю и т. под.; послѣ *ш* тамъ сохраняется твердое произношеніе: Сàшка, бàбушка, сòлнушка. Въ Масловкѣ и Хитровкѣ и въ трехъ упомянутыхъ выше деревняхъ произношенія *кь* не встрѣчается,—звукъ *к* произносится твердо: крючòкъ, дрючòкъ, нòжикъ и проч.

Также: царкòвнай, губерскай, на вирхỳ, диньгà, дёргаю. Вòльга, àнгалъ.

111. *К* никогда не произносится какъ *т*; не бываетъ и обратнаго перехода *т* въ *к*.

Г въ *д*, а *д* въ г тоже не переходитъ.

112. Предлогъ *къ* иногда переходитъ въ *хъ* и въ г (*h aspiré*). Говорять: хъ папỳ, хъ куяницỳ, хъ царю (причемъ часто къ предлогу приставляется *и* не іотованное: ихъ папу и проч.; икъ вамъ); гъ дèриву (также игъ дèриву) гъ жилѣ̀зу и къ жилѣ̀зу.

Х въ *ф* не переходитъ.

У насъ произносятъ: мàхкай, лёхкай; уменьшит. мàкинькай, лёгинькай.

---

1) Такъ называются ордера, выдаваемые въ помѣщичьихъ экономіяхъ женщинамъ, работающимъ поденно, съ обозначеніемъ цѣны рабочаго дня. Отъ окончившихъ школу дѣвицъ я слышала произношеніе фитòкъ.

Къ ей, икъ намъ, къ тяплу̀, икъ гораду.

Вм. *к* встрѣчается *х*: хто, та́хъ-та, до̀хтаръ, трахти̇ръ, хъ табѣ; хрисья̀нинъ, хресть, пирхрястѝлся; но — къ чаму̀, васкрисёнья.

Вм. гдѣ у насъ произносятъ идѣ̀. Такое произношеніе мнѣ приходилось слышать всюду въ Курской губ. въ деревняхъ съ великорусскимъ населеніемъ.

Вм. *з* не говорятъ *ɣ*, а вм. *с* также не бываетъ *х*.

113. Въ звукъ ф не переходитъ никакой другой звукъ, такъ какъ наши крестьяне не умѣютъ его произносить (см. выше § 99).

Звуки ж, ш.

114. Вм. *з* я слышала *ж* въ словѣ *дражнить*. Но въ словахъ друзья̀, змія̀, зипу̀нъ и др. ясно слышно чистое *з*.

Вм. *ж* говорятъ иногда *з*: зя̀бры, грызь (грыжа), зимчу̀хъ (жемчугъ). Но — заржа̀ть, рагòжа, жыле̇за и др. слышно твердое *ж*.

115. Вм. *с* слышно *ш* въ словахъ: шышна̀тцать, шкаралу̀пка, иногда шпи̇чки. Здѣсь чистое *ш*. Са́бля, касѝли, шастòй, сьперва̀ — здѣсь чистое *с*. Средняго звука между *ш* и *с* у насъ не наблюдается.

Говорятъ шъ чѣмъ, шъ читьвирьга̀, шъ ча̀ямъ, шъ шубай, но — съ йимъ. (Повидимому, здѣсь только ассимиляція, какъ напр. зъ зипунòмъ, зъ зимой и др.).

Говорятъ салàшъ и шала̀шъ, сипитъ, са́шка (вм. шашка), саша̀ (вм. шоссе). Шаба̀шъ.

116. *Ж* и *ш* наши крестьяне произносятъ всегда твердо: жыръ, мужы̀къ, кòжы, шы̀ла, на̀шы, шы̀на; жа̀рка, жана̀, жòлтай, жохъ (вм. жёгъ), шахъ, шу̀ба, сижу̀, шòлкавай. Мòжьна, тòшьна. Рожъ, мышъ. На собаку кричатъ: «шашòлъ!» Пажа̀луста.

Звуки ц, ч.

117. Звукъ *ц* у насъ всегда произносится твердо; послѣ него слышутся *ы*, *а*, *о*: канцы̀, ву̀лицы, ста̀нцыя, царь, цана̀, кальца̀, йицò, зацòпитца (вм. зацѣпится), маладе̇цъ, купе̇цъ.

118. Въ говорѣ Масловцевъ и Хитровцевъ *ц* не переходитъ въ *с*. Они говорятъ: ку̀рица, цàпля, цàрква и проч. Но въ дер. Салоныковой Обоянскаго у. мнѣ приходилось нерѣдко слышать: пя̀тьниса, сарѝса (вм. царица), куриса и проч. «Ты бъ у насъ была сарь-птиса!» декламировали нѣкоторые школьники (изъ басни «Ворона и *Лисѝса*»), несмотря на многократныя поправки съ моей стороны.

Переходъ *с* въ *ц* у Масловцевъ и Хитровцевъ бываетъ, хотя рѣдко: цыцарѐвичъ (вм. цесаревичъ), атцы̀ль, съ атцы̀ль (вм. отселѣ). Но—сарàй, сàбля, на томъ свѣ̀тя.

Ц переходитъ въ *т*: тьвѣтъ, тьваты̀, тьвѣсть, тьвитёть.

119. Вм. *ц* никогда не говорятъ *ч*; обратно, вм. *ч* не говорятъ *ц*. Вообще, у насъ нѣтъ ни «цоканья», ни «чоканья». Не слышно также средняго звука между *чь* и *ть*; *ч* и *ц* всегда слышны ясно; чёрнай, чаты̀ри, ночь, птѝца, царѝца, цалавàть.

120. Звукъ *ч* произносится нашими крестьянами всегда мягко: чѝстай, чàшка, чай, чюлóкъ. Стоящіе рядомъ звуки *тч* слышны ясно, но *т* при этомъ смягчается: лу̀тьчи, кабáтьчикъ, пòтьчивать, бухвѐтьчикъ, млàтьчій, умòтьчи.

121. *Что* у насъ всегда произносится *што*.

122. *Ч* передъ *н* часто переходитъ въ *ш*: канѐшна, привы̀шнай, на вѐшная вѣки, пашанѝшнай, снарòшна; рушнѝкъ, давѝшникъ, яѝшня, малòшнай. Передъ *л* *ч* переходитъ въ *ш*, но рѣдко: нашлёкъ (ночлегъ); но—дураслѝвай, членъ.

Вм. почта говорятъ пòштва; паштѝ и пачтѝ; сòчнай, вастòчнай. Мòжна, бàрышня.

Звуки щ, жд, жж.

123. Звукъ *щ* я слышала у мѣстныхъ крестьянъ только въ словѣ ты̀ща. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вм. этого звука всегда слышно удвоенное *ш*: шшу̀ка, шшòтка, шшакà, памѣшшыкъ, лашшы̀на, ишшò, пишшàть, угашшу̀, шшотъ (счётъ), ташшы̀. Иногда слышно одно *ш*: боршъ, бòршу, вешъ, тавàришъ; но вѐшши, тавàришши.

Звукъ *шш* всегда твердый: шшàвиль, рòшша, шшѐлка, прашшàйтя.

Вм. *сш* слышно также *шш*: шшы̀ли, рашшыбỳ (по ассимиляціи, какъ шъ шубай, шъ шапкай).

124. У насъ произносятъ: дажжà, выйижжàть, дрòжжи. (Вм. визжать говорятъ вишшàть). Идетъ дошъ, нѐту дòжжу.

Вм. ждётъ, жди говорятъ: дажидàить, дажидàй; ждали, падаждѝ.

Важжàтца, лашшы̀на, награмòшшана. (Выраженіе верещать не употребляется вовсе).

Вм. *жж* и *шш* никогда не бываетъ *зьзь* и *сьсь*.

Уподобленіе и расподобленіе согласныхъ.

125. Наши крестьяне рѣдко мѣняютъ одинъ изъ двухъ одинаковыхъ звуковъ на другой. Они говорятъ: прòлупъ, прарѐхъ, аллинàя, трахтиръ. Чаще встрѣчается перестановка звуковъ: карàхтеръ, канцырàлія, даже старàлъ (вм. столяръ); послѣднее произношеніе я слышала, главнымъ образомъ, отъ дѣтей—школьниковъ.

Вм. ярмарка говорятъ ѐрманка. Пракурòръ. Свяшшéльникъ, кỳханнай, акòнница, мякѝнница. Машанѝкъ, кòникъ, машѐйникъ, назòйливай.

Вм. сейчасъ говорятъ шчасъ, счасъ и сичàсъ; мàлинькай, намалѐньку; живаписцы. (Вм. косцы говорятъ косари).

Предыдущій согласный звукъ замѣняется послѣдующимъ въ сочетаніяхъ *сш* и *зж*, но не *дн*, *бм* и т. п. У насъ говорятъ лàдна, бѣ̀днай, вòбмаракъ и вòмаракъ, абманъ и проч. Пòлдни, сукнò.

Сочетаніе *бв* не измѣняется: абвипчàлси, абвадѝть, абварнòй и т. п.

Окончаніе глагола *шься* у насъ произносятъ *сьси*: старàйсьси, занимàйсьси, вỳчисьси, наткнѐсьси (не *ё*), дирѐсьси и проч.

Вм. двухъ звуковъ *бм* слышенъ одинъ въ словѣ вòмаракъ (обморокъ).

Произносятъ: замкнỳть, талканỳть, пѝскнить, застагнỳть. Рассвѣ̀нить, упàнишь, аслабанѝли.

Вм. уронешь говорятъ утопнишь; утòпли, утòпъ. Амётъ.

126. Произносятъ правильно: судьѧ̀, брàтья, кутьѧ̀, питьё, свиньѧ̀, Натàлья, сỳчья, нòчью и иногда нòчьчу.

Замѣна однихъ согласныхъ другими.

127. Наши крестьяне произносятъ, какъ и мы: ротъ, сутъ, гропъ, мардсъ; только въ словахъ, оканчивающихся на *в*, никогда не слышится *ф* (этотъ звукъ не употребляется совсѣмъ, см. выше § 99): каровъ, дровъ, бра̀тьявъ, карандашо̀въ. Вм. ежъ говорятъ ё́жикъ.

Вм. рогъ, другъ, дорогъ у насъ говорятъ рохъ, друхъ, до̀рахъ, такъ какъ у насъ южное, мягкое произношеніе звука *г* (*h*)—см. § 104.

Масловцы и Хитровцы говорятъ: лопъ, хлба̀, хлбо̀мъ; про̀пка, про̀бачка; ло̀тка, ло̀*т*ачка, во̀тка, во̀*т*ачка; сла̀ткай, сла̀динькай. Буташникъ.

Звукъ *ш* не переходитъ въ *ж*. Говорятъ: ча̀шачка, вито̀шичка [1]), мальчѝшачка; род. п. мн. числа мальчѝшкавъ.

128. Согласные звуки иногда замѣняются одни другими: вм. берлога говорятъ мирлу̀га, вм. надобно—на̀дамна, вм. духобо̀ры (секта)—духамо̀ры.

В не замѣняется звукомъ *б*.

Вм. *в* звукъ *р*: скрость (сквозь).

Вм. *в*—*л*: слабо̀да, аслабанѝлся, Алдо̀тья (и Авдотья), Алдакѐя, Алдакѝмъ. Но—траво́жить, трязво̀нъ, пу̀гавка.

М замѣняется звукомъ *н*: нѐбиль, Нихвё́тка (вм. Меѳодій), анба̀ръ, ла̀нпа. Но—мѝма, мѝска, вазьмѝ, во̀бъ зимъ.

Н замѣняется *м*: Микала̀й, Микѝтъ, Микѝхварь; замузда̀ть лошадь вм. взнуздать; заму̀здавай. Но—ныря̀ть, нутро̀, нѝшшай и проч.

Вм. *н*—*л*: прѝсталь.

Вм. *т*—*ч*: чижо̀лай, чижалѝсть (вм. тяжесть). Но—тьвирё́зай.

Обратно—вм. черствый говорятъ тьвё́рстай.

П замѣняется *б*: вм. царапать—шкаря̀бать.

Вм. *п*—*м* не наблюдается.

Л замѣняется *й*: ай вм. аль («хто поѣдить: я, ай ты?»). Но вм. картофель говорятъ карто̀ха, карто̀хи, карто̀хъ (род. п. мн. ч.). Обратно, вм. *й*—*л*: муравѐль, муравлѝ.

Н вм. *л*: зинианѐръ. Но—кармѝлицъ.

---

1) Вето̀шка—тряпка.

Вм. *д р* встрѣчается только въ словѣ Суржа (Суджа). Свàдьба, усàдьба, маладьбà, ѐтакъ. Говорятъ у насъ: пòмачь, вòнчій, вòинства и апнаствò. Пирчàтки.

129. Вм. *бн—мн*: пàданна.

Вм. *бм—гм* и *дм* не бываетъ; также вм. *бд—гд* не бываетъ.

Вм. *вн—мн:* дамнò, нидàмна, рòмнай, срамнàнтца; но—диревня, санапрàвна, унỳкъ.

Вм. *мн—вн* не встрѣчается.

Вм. *мн—мл*: сумливàтца, сумлѣнья.

Дд, *тт* не замѣняются *нд*, *нт*.

Мп, *мб* замѣняются *нп*, *нб:* лàнпа, тỳнба, анбàръ, Танбòвъ.

Узàмши (рѣдко) и узàвши, напѝмши (вм. напившись), ни снàмши. Кушѝнъ, укỳснай (вм. вкусный); наштѝ вм. почти.

130. Перестановка звуковъ: карвѐга, пратàнка, баркỳютъ (вм. бракуютъ), жилвакѝ, абчакованія (и абыкновенія), канцырàлія, карáктеръ, хвѐршалъ (вм. фельдшеръ), летинàртъ (вм. ветеринàръ).

Вставки и пропуски согласныхъ.

131. Пропускъ согласныхъ звуковъ встрѣчается очень часто: пòснай, нивѣ̀ска, багàства, сиротства, жѐскай, пòзна, грỳска (вм. грустно), празьникъ, чѐсенъ, слать; срòсьтьвинникъ, бѣ̀стьмія, трасьнѝкъ, Ахванàсьюская (вм. Аѳанасьевскіе), стрѣ̀лся (вм. встрѣтился). Въ словахъ страсть, украсть *т* не выпадаетъ. Также—нòздри, гвòзьди. Кушѝнъ, рàзи, ѝстьвинна, здрàстуйтя и здрàстя; но—збварѝть, абвиньчáть, крàсиинькай, чѐрьнинькай, патстрилѝть, мостъ, хвостъ.

Мускòй; наѝтъ, дикàнъ, карàпъ, рупъ.

Между гласными въ срединѣ слова *ж* не выпадаетъ: мòжитъ, скáжитъ, скажỳ.

Начальное *в* въ приставкѣ *вс*, *вз* отпадаетъ: спамянишь, спархнỳлъ, збисѝлась, стрѣ̀лся, стрѣ̀ча, здỳмалъ, здоръ, наздòрили. (Иногда *в* переходитъ въ *у*: устàнь съ пастѐли, узмѝлилъ, усѐ).

С также иногда отпадаетъ: трашшàть (вм. стращать), натрашшалъ.

Передъ гласнымъ звукомъ начальный согласный не отпадаетъ. Говорятъ: вирёвка, зарòкъ (произношеніе Масловцевъ) и зарòкъ (произношеніе Хитровцевъ).

132. Согласные между гласными не выпадаютъ никогда: бабушка, табѣ, сабѣ и проч. *В* передъ у въ срединѣ словъ не выпадаетъ также: дѣвушка, галòвушка, карòву и т. п.

133. Въ говорѣ нашихъ крестьянъ можно услышать пропускъ нѣсколькихъ звуковъ, но рѣдко: вм. ну такъ что же говорятъ нукштòшь, вм. да вѣдь—дыть; стрѣлся.

Одинъ изъ школьниковъ (Масловецъ) говорилъ «я мгъ» вм. я думалъ, а его отецъ—«онъ скать» вм. онъ скажетъ.

134. Вставка согласныхъ звуковъ: стражèнія, стрампъ, дòстакъ и дастòкъ, струпъ и иструпъ; вм. обязанъ—абвязанъ; абваратитца (и абаратитца).

Д, *р* и *л* не вставляется. Произносятъ: нрàвитца, зря, жрать. Паздрàвить, Успèнья. Баславенья.

Говорятъ: сымàть, надымàть; разымàть и разнимàть.

135. Удвоеніе согласныхъ не наблюдается. Иногда слышится одна согласная вм. двухъ: бистыдникъ, расѣлсь, расòлъ, но—расеѣкъ, длининькая. Разарѝть.

136. Въ началѣ словъ звуки *а*, *о*, *у* не обращаются въ *я*, *ё*, *ю*: агòнь, аддàй, вòзира, вòсинь, вулица, вуха (ухо). Только въ словѣ уха *у* переходитъ въ *ю*: юшка.

*Л*ёжели вм. ежели говорилъ одинъ изъ моихъ школьниковъ,—въ ихъ семьѣ такъ говорятъ; но больше ни отъ кого мнѣ не приходилось слышать такого произношенія. *Л* въ началѣ словъ не приставляется.

Случаи твердости и мягкости согласныхъ.

137. Семъ, гòлубъ, кровъ (*крофъ* у насъ произнести не могутъ, такъ какъ звукъ *ф* не употребляется—см. § 99), любòвъ, астàвъ, на-

бàвъ, пригатòвъ, насыпъ [1]) и т. под. слова произносятся твердо. Также рупъ, карàмъ. Свакрòвья.

Н произносится мягко: вòчинь, ичмèнь, кòринь, вынь, кинь. Сирѐтъ пòля, сирѐдъ дарòги.

138. У насъ произносятъ: замълю, дишèвъля, сèмъдисятъ, дирèвъня, крѣпъча, крѣпъкая, сирèбърниная; дѣвъки, щщèпъки.

П, б, в произносятся твердо: малèпъствія, хлѣбъня, личèбъница, харчèвъня, купъца. Мягко: бью, пью, вью, бьèть, пьèть и т. п.

139. Масловцы и Хитровцы говорятъ: дьвèри, дьвѝнуть, падьмѐтки, атьвѣдать, падьмèсть; сьмѝрна, сьниму̀, дьвѣ. Абвѣтърить. Скòтьникъ, плòтьникъ, радьнѝ.

Т передъ *с* выпадаетъ: сросьтьвинникъ, бѣсьтьвія (вм. бѣдствія). (Слово вслѣдствіе не употребляется).

140. *Н* смягчается въ словахъ: Вòлинька, маминька, душинька, но произносится твердо въ словахъ: пѣсинъка, асѝнъка, лахàнъка, сàнъки; сòнъца.

Въ говорѣ нашихъ крестьянъ никогда не слышно носовыхъ звуковъ.

141. У насъ говорятъ: вèрьхъ, свèрьху, двòрьникъ, гòрьница, карьмѝть, карьзѝна и—пèръвай, цèръква, зèръкла, серъпъ, пòръча.

Стàрьша, дѝрька, титèрька [2]) и—дверъка, сèръца, цàръскай, сàхаръ, базаръ; ру̀шать. Мèрьскай, дѐръгать, задèръживать и т. п.

142. Гортанные звуки у насъ произносятъ твердо: лѐхъкая, лèхъша и лèхъча, палèхъчила, мяхъча. Бакшà (вм. бахча).

143. *Ш* и *ж* произносятся твердо: здѣшъній, прèжъній, нашълèжъникъ, грѣшъникъ. Ружъè, ружъà, ру̀жъи.

144. Говорятъ: Казьмà, вазьму̀, письмò, мèньши, ràньши; вазьмѝ, вазьмèть.

---

1) Вм. бровь говорятъ бравà, вм. журавль—журавèль.

2) Тетерькой у насъ называютъ глиняный свистокъ въ видѣ птички, собачки, барана и т. под.

145. Ба́рьскай, ца̀рьскай, дириве̇ньскай, ру̀ськай (даже иногда руцькай), маско̀вськай—произносятся твердо.

146. Мягкія гласныя вм. твердыхъ я слышала въ словахъ: стю̀днь, дя̀рька, мѝластина, шкаря̀бать и диря̀пкать вм. царапать. («Ета я абдиря̀пкала», отвѣтила одна ученица на мой вопросъ,—что̀ съ ея рукой).

Говорятъ: де̇ржить; рыба, крапѝва и проч.,—какъ слѣдуетъ. Ныньча и но̀ньчи, чаты̀ри.

147. Говорятъ твердо: бальны̀я, каранны̀я, сѝльная. Также твердо: бальна̀я, мальна́я, сѝльна, снаро̀шна (нарочно).

Гало̀днай, хало̀днай и т. п. Мн. ч.: гало̀днаи, хало̀днаи, маро̀зная, сѝльнаи.

148. Здѣшній, прежній, вутринній, по̀зьній—произношеніе мягкое.

Канюшня, калако̀льня, ба̀сьня, башня—тоже мягкое произношеніе.

Вм. въ имѣніе, въ этомъ и проч., произносятъ: увъ имѣнія, у е̇тамъ, абъ е̇тамъ, къ е̇таму.

Существительныя. Мужескій родъ.

149. При обращеніи говорятъ сокращенно: Микѝтъ! Патру̀хъ! Матре̇нъ! Вань! Кать! Рибятъ! Наде̇шкъ! (Наде̇жкой зовутъ Надежду). Соньхъ! (Для большей выразительности имя повторяется два раза съ прибавленіемъ междометія *а*: «Вань, а̀ Вань! Наде̇шкъ, а̀ Наде̇шкъ!»). Но если призываемый находится далеко отъ зовущаго, то окончаніе имени протягивается: Мо̀тькаа-у̀! Ва̀нькаа-у̀!...

Во множ. числѣ при окончаніи *ы, и*, сокращенія не наблюдается: «Эй, бабы! Дѣвки, а̀ дѣвки!»

А въ *о* при обращеніи не переходитъ. Говорятъ: здрастуй, бабушка! (а не бабушко). «Го̀споди знаѝть», говорятъ у насъ; но другихъ случаевъ употребленія звательнаго падежа вм. именител. не могу припомнить.

150. У насъ произносятъ: у ба̀тюшки, у сынишки; у мальчѝшка, къ мальчѝшку, за мальчѝшкамъ, абъ мальчѝшку. Ихъ дѣдушки; ба̀тюшкай, сынѝшкай.

Имен. п. мн. ч.: вòкны, сёлы, палòтны, стёклы, адіàлы, сёдлы; вòбручи, плèчи.

151. *У* вм. *а* въ род. пад. встрѣчается: съ тавò гòду (говорятъ и съ тавò гòда), бисъ сну̀, зъ базàру, съ паталку́, съ йичмяню̀ (вм. изъ ячменя: предлогъ *изъ* не употребляется). Но—зъ гòрада («изъ гòраду» говорили старики), съ вугалкà, три гòда, съ самувàра.

Род. пад. слова день—днà и днѝ: двà дни, съ тавò дни, сивòдни и сивòдня, третьёва дни (это выраженіе употребляется рѣдко и замѣняется словомъ надысь, анадысь). Дат. пад.—дню̀: къ Ильиню̀ дню; къ Питраву̀ дню. Род. пад. мн. ч.—дёнъ: семъ дёнъ, дватцать дёнъ. (Нѣкоторые говорятъ кажидёнъ вм. каждый день).

Въ предлож. пад. встрѣчается *ѣ* вм. *у* и обратно: на лбѝ, у лѣси, увъ углѣ; на чирдаку̀, на паталку̀, на валаску̀, на кàмню, на кàмушку. Но—у саду̀, у дòми. На кашцу̀, на кастылю̀, на каню̀, абъ рублю̀, при бòльшамъ брàту, при отцу̀, при вèчиру; у писку̀, на дьячку̀, на дивѝнинику, на бальшаку̀, на затылку, на стòлику, на праулку, на платку̀, у платку̀ (вм. въ платкѣ). На вазу̀, на биргу̀, на снягу̀; на ручью̀.

152. *Ы*—*и* вм. *а*—*я* въ оконч. именит. пад. мн. ч. часто наблюдается въ сред. родѣ, въ мужескомъ же—рѣдко: дамы̀, но—глазà, лугà, насà, валасà, лисà (вм. лѣса), рукавà, абразà, снѣгà, писарà.

Обратное явленіе—*а* вм. *ы* встрѣчается чаще: рагà, пригаварà, старастà, валасà, ахвицырà, гадà; но—кусты̀, астры̀, жукѝ.

Ильны̀, насà, халòпы, чèрти и—очень рѣдко—чарты̀.

Христàни, татàры, цыгàни и цыгàня, дварàня. (Баре не говорятъ, а господà и паны̀).

Род. пад. мишшàнъ, дварянъ; мишшàнамъ.

*Шч*анàты, жирибàты и жирибàта, тилàта, игнàты и апёнки.

153. Собирательную форму имѣютъ слѣдующія слова: валòсья, у валòсьяхъ, гвòздья, камèнья, пèнья (и пни), абру̀чья. Но—сапаны̀, у сапанàхъ, вилдьядѝ. Оконч. *ьё* вм. *и* не употребляется Масловцами и Хитровцами. Но въ Обоянскомъ уѣздѣ въ селѣ Ивнѣ, записывая

сказку отъ мѣстнаго крестьянина, я встрѣтила выраженіе «звѣрьё—левьё»[1]).

Въ Масловкѣ говорятъ иногда съ этимъ окончаніемъ только сватьё.

Стаканы, тараканы, сваты̀. Браты̀, сыны̀; братòвъ, сынòвъ. Бра̀тья, бра̀тьямъ.

154. Въ род. пад. мн. ч. иногда появляется оконч. *овъ* тамъ, гдѣ его не бываетъ: мнòга салдатавъ (и салда̀тъ), дèсить разòвъ; но—дèсить чилавѣкъ, нѣту глазъ.

Рибёнкавъ, жирибёнкавъ, главнымъ образомъ, говорятъ бабы, и всегда послѣ числительнаго: я дèвить рибёнкавъ схаранила, пять жирибёнкавъ ходють на выгани, а шòстай—хтò-знаить идѣ̀. Безъ числительнаго говорятъ жириба̀ть, дитèй: у насъ лѣтася (въ прошломъ году) ни былò жириба̀ть; у ей дитèй нѣту.

Нѣкоторыя бабы говорятъ зубòвъ, въ большинствѣ же случаевъ можно услышать произношеніе зубъ: у явò зупъ нѣту; корова безъ рохъ говорятъ всѣ безъ исключенія. Но всегда—дварòвъ.

Оконч. *овъ, евъ* иногда употребляется вм. *ей:* карандашòвъ, пріятилевъ, калиндарёвъ. Но—рублèй, ключèй, нажèй. Атцòвъ, агурцòвъ, мѣсяцавъ. Малатцы̀, агурцы̀.

155. Вм. окончанія *ми* ни *мы*, ни *ма* не употребляется. Говорятъ: карòвами, грыбами, съ ребя̀тами, тьватòчками и проч. Также вм. оконч. *ахъ* не бываетъ *яхъ*.

Глаза̀ми, уха̀ми; слязьмѝ (вм. слезами).

156. Вм. медвѣдя говорятъ видьмядѝ; род. пад. видьмидèй.

Говорятъ нахтèй, лаптèй. Гастьмѝ, кастьмѝ.

Женскій родъ.

157. Вм. свекровь говорятъ свякрòвья. Мать, дочь, ба́рыня, ба́рышня, суда́рыня; рожъ (вм. рожь). Цèрква, у цèркви.

---

1) Сказки и другіе матеріалы, собранные мною въ разныхъ мѣстахъ, будутъ напечатаны въ будущемъ году Курской Ученой Архивной Коммиссіей.

158. Вм. окончанія *ы* иногда слышно *и*: съ рабо́ти, со служби; говорятъ и съ рабо́ты, съ службы. У ста́расты, для шко́лы; у нивѣсты, для скатины.

Смѣшеніе падежей наблюдается у насъ въ говорѣ всѣхъ крестьянъ: ходилъ къ сястры̀, пришолъ атъ сястры̀; приказалъ жаны̀, нѣту жаны̀. Съ рѣчки, во̀кала галавы̀, къ у̀трини, къ зимы̀, на або́и сто̀раны, на гарѣ̀, у въ избѣ̀, на пя̀тай варсты̀, на рѣ̀чки; къ гары̀, къ бирё́зы, къ вады̀.

Въ дат. пад. *ѣ* не употребляется, и родительн. пад. не замѣняется дательнымъ.

159. Въ творит. пад. ед. ч. жен. рода чаще слышится окончаніе *ой*, но бываетъ и *ою*.

Вм. *ой* оконч. *эй* не наблюдается въ существительныхъ. (Встрѣчается только въ прилагательныхъ—худэй лошади, на святэй нидѣли—см. § 65).

Оконч. *омъ* вм. *ою* встрѣчается только въ словѣ сило̀мъ (вм. сѝлою), изъ этого слова наши крестьяне произвели нарѣчіе—силкамя̀ (насильно).

160. Вм. *ѣ* въ дательн. пад. слышится *и* и *ы*, а въ предл. пад. вмѣстѣ съ *ы* и *и* встрѣчается и *ѣ*: икъ зарѝ, къ жаны̀, къ раднѝ, къ зямлѝ, на зямлѝ, у самьѝ, на душѝ, на нагѣ̀, на рукѣ̀.

Вм. *и* не слышно *ѣ*. Говорятъ: на пичѝ, на стянѝ, у грязѝ, на ло̀шади; къ ма̀тири, къ до̀чири.

161. Винит. пад. ма̀тиря, до̀чиря, ло̀шать. Видѣла ма̀теря, узяла̀ дочиря къ сабѣ̀; украли ло̀шать. У во̀синь многа рабо́ты.

Въ творит. пад. въ подобныхъ словахъ никогда не встрѣчается окончанія *ьей, ьюй* и *юй*.

У насъ говорятъ тыщій: два ахвицѐра пришли съ тыщій салдатъ (во время манёвровъ въ 1902 г.). Но̀ччу вм. но̀чью.

162. Говорятъ я̀мы, лапа̀ты, тра̀вы, бирё́зы. Во̀си (оси).

«Лашидьё» говорятъ только про толпу хохочущихъ взрослыхъ дѣ̇вушекъ и молодыхъ людей. Вообще же—ло̀шади, дѣ̀вки, ли̇сы. На паласа̀хъ, на гря̀ткахъ.

Въ именит. пад. мн. ч. вм. оконч. *ы*, *и* иногда употребляется *а*, *я*: хлапатà, старастà, диривнѝ, падатѝ, валастѝ; зилнинѝ вм. озимь; стипѝ. Но—лòшади, вòшины, двéри, яблаки.

Рѣчки, мàкавки.

163. Въ родит. пад. мн. ч. жен. рода оконч. *овъ* мнѣ не приходилось слышать. Говорятъ: книхъ и кнѝжакъ, птицъ, хатъ, пàлакъ, чашакъ и проч.

Камнатèй (им. пад. кòмнатъ), пѣснеи; мальчѝшкавъ. Двухъ Кáтявъ нѣгу (т. е. двѣ Кати не пришли—выраженіе дѣтей школьниковъ). Дéнихъ, пèчикъ, рюмакъ. Бáрышнявъ.

Въ род. пад. мн. ч. жен. р. окончаній *ахъ*, *яхъ* не бываетъ.

Пѣсней, бáрышанъ и бáрышнявъ, диривéнь.

164. Вм. оконч. *ами* въ твор. пад. мн. ч. жен. р. иногда говорятъ *ьми*: слязьмѝ, са свячьмѝ, пать саньмѝ, лашадьмѝ; но—карòвами, рукàми, ягàдами, душàми.

Вм. оконч. *ами*, *ями*, не бываетъ *ыми*, *ими* или *има*.

Средній родъ.

165. Въ предл. пад. ср. р. бываетъ окончаніе *у* при предлогѣ *о*, произносимомъ *абъ*: «штò ны (вм. они) абъ акнỳ талкỳютъ!» Также апъ сѣну, абъ адiàлу, абъ вòзиру. Но — у пòли, увъ акнѣ̀, на сѣни [1]). У кàжнамъ акнỳ.

166. Въ имен. пад. мн. ч. средн. р. подъ удареніемъ бываетъ оконч. *а*, безъ ударенія—*ы* или *и*: варатà, балатà, дравà, азирà, и—бирёвны, вёслы, вòкны, стёклы, вèдры, блюды, плèчи, плàтьи.

Рибятѝшки, далѝшки и проч.

167. Род. пад. мн. ч.—палèй.

Оконч. *овъ* въ род. пад. мн. ч. средн. р. иногда употребляется: дялòвъ, мистòвъ, кружавòвъ; но — сёлъ, палèй, вòканъ.

---

1) Неударяемое *ѣ* переходитъ въ *и*.

168. Въ именахъ существ. ср. рода на *мя* оконч. *мя* не измѣняется: врéмя, сѣ̀мя, ѝмя (чаще ѝмянó). Род. пад. врéмя, сѣ̀мя, ѝмя, (или ѝмянѝ); дат.—врѐмю, сѣ̀мю, ѝмю (ѝмяну̀). Род. пад. мн. ч. ѝмяно̀въ, сѣмяно̀въ (время во мн. ч. не употребляется).

Вм. дитя говорятъ дитё. Склоненіе: дитё, дитя̀, дитю̀, дитё, дитёмъ, абъ дитѐ.

169. Гортанныя *г*, *к*, *х* не переходятъ въ *ц*, *з*, *с* въ упомянутыхъ въ этомъ параграфѣ словахъ и имъ подобныхъ.

170. Никогда не употребляется твор. пад. вм. дательнаго и обратно. Даютъ корму «лошыдя̀мъ», идутъ «къ людя̀мъ»; съ лашадьмѝ, надъ нагами и т. под.

171. Въ дат. пад. не бываетъ *ёмъ* вм. *ямъ* и въ предложн. не бываетъ *ёхъ* вм. *яхъ*. Говорятъ: каня̀мъ, людя̀мъ, къ сѣ̀нцамъ; у сѣ̀нцахъ, у глазя̀хъ, на людя̀хъ; угѣ̀сти.

172. Древняго окончанія двойственнаго числа не наблюдается.

173. Вм. подъ ноги нѣкоторые говорятъ падъ нага̀, иные — по̀дъ наги.

Прилагательныя.

174. Вм. им. пр. муж. р. ед. ч. окончанія *ой* и *ай*: маладо̀й, залато̀й, друго̀й; кра̀снай, сѣ̀рай. Храсто̀вай братъ, йильмо́вай шкапъ. Мая̀ мѝлая.

175. Произносятъ полныя оканчанія: кра̀сная солнца, тёмная ночь, до̀брая люди, харо̀шинькая дѣ̀вачка. Говорятъ: зъ бѣ̀лымъ, зъ до̀брымъ и проч.

Средн. родъ: до̀брая, бальшо̀я, маладо̀я; жен. р.: сѝнія, бѣ̀лая, другу̀я, маладу̀я, бѣ̀лаю.

176. Въ винит. пад. прил. женск. р. вм. *ую* у насъ бываетъ не подъ удареніемъ оконч. *аю*, а подъ удареніемъ — *уя*: кра̀сную дѣ̀вку, бѣ̀лаю руку̀, ря̀бою сабáку; на бальшу̀ю даро̀гу, худу̀я крышу, галубу̀я лѐнту и т. п.

177. Въ род. пад. прилаг. женск. рода им. оконч. *ой* бываетъ подъ удареніемъ оконч. *эй*, *ей*, не подъ удареніемъ —*ай*: атъ маладэ̀й жаны̀, зъ бальшэ̀й галавы̀, злэ̀й сабаки, сырѐй травы̀, никакѐй тилѣ̀ги, другѐй жаны̀, галубэ̀й лѐнды; кра̀снай лѐнды, бѣ̀лай ко̀хты, сѣ̀рай глины.

178. Въ им. пад. мн. ч. прилаг. въ краткой формѣ оконч. *и* слышно только послѣ гортанныхъ: до̀раги, гла̀тки, пло̀хи; въ другихъ случаяхъ слышно *ы*: пра̀вы, пья̀ны, бага̀ты, сы̀ты. Прилаг. съ мягкими окончаніями въ краткой формѣ я не слышала (говорятъ: сѝнія, древнія).

Полная форма прилагательныхъ: пья̀ная, гало̀дная; пья̀ныхъ, гало̀дныхъ; пья̀ными, гало̀дными, хало̀дными и проч.

Въ другихъ падежахъ, кромѣ родит. (см. § 177) слышно оконч. эй, ей и ой (подъ удареніемъ): залато̀й грѝвною, жанѝлся на другѐй жанѣ; съ маладэ̀ю и съ маладо̀ю; на худэ̀й ло̀шади, абъ аднэ̀й нагѝ. (Другѐй, а не другэй).

179. Въ им. пад. мн. ч. прилагат. всѣхъ родовъ на концѣ слышно подъ удареніемъ *ыя*, *ія*, не подъ удареніемъ — *ая*: злыя люди, ясная дни, бѣлая каровы, сѝльная лошади, то̀щая балата̀, худы̀я каровы, малады̀я ба̀бы, плахі̀я хаты, дарагія сѝтцы.

180. Вм. предл. пад. творит. пад. не употребляется въ прилаг. муж. и средн. рода. Говорятъ: у зилѐнамъ саду, на внсо̀камъ дѐрияи, у дирива̀ннамъ стойли; на худо̀мъ канцу̀, на друго̀мъ мѣсти.

181. Не употребляется также вм. дат. творит. падежъ. Говорятъ: икъ до̀брымъ людя̀мъ, икъ кра̀снымъ дѣ̀вушкамъ и проч.

Вм. творит. пад. дат. также не употребляется.

Въ творит. пад. слышно оконч. *ми*: залаты̀ми, малады̀ми, бальшѝми; дат. пад.: сыры̀мъ, малады̀мъ.

182. Въ род. и предл. падежахъ слышно оконч. *ыхъ*, *ихъ*: до̀брыхъ, малады̀хъ, хазя̀йскихъ, ма̀линькихъ; въ дат. пад. мн. ч. — оконч. *ымъ*, *имъ*: ра̀нымъ, малады̀мъ, хазя̀йскимъ, ма̀линькимъ.

Послѣ гортанныхъ слышно *и*: такѝхъ, никакѝмъ, дарагѝхъ, плахѝмъ.

183. Произносятъ: на сабя̀тьчу, на сабя̀ччу, на чилавѣ̀тьчу, на чилавѣ̀ччу.

Вм. до завтра, до утра, говорятъ: да зàвтрива и да зàвтря, да вутрà; къ зàвтрину, къ вутрỳ.

Говорятъ: съ аткỳдава и съ аткỳда, съ аттыдава и съ аттыда.

Названія городовъ какъ им. прилаг. не склоняются.

184. Говорятъ: скарѣ̀й и скарѣ̀я, хитрѣ̀й и хитрѣ̀я, дабрѣ̀й и дабрѣ̀я и т. под. Въ нѣкоторыхъ словахъ оконч. *ѣя* и *ѣй* замѣняются оконч. *ши*: длѝньши, чижѐльши; но—здаравѣ̀й. Глыша и глыбя, слàдша, крѣ̀пша и крѣ̀нча, лѐхша и лѐхча, мàхча; дишѐвля.

Шѝрьши, шѝрьша и шѝря; прòшша, блѝжа. Вм. меньше — мѐня; бòля и бòльши. Тоньши и тонѝ; вм. дальше—дàля. Багàча, гранчѣ̀я, шынчѣ̀й, жарчѣ̀й, далжѣ̀й и далжѣ̀я, хỳжа, тѝша, лỳччи.

(Въ с. Любачѣ Обоянскаго уѣзда я слышала выраженія: скарѣ̀нча, висялѣ̀нча, смилѣ̀нча, употребляемыя при повелит. наклоненіи: иди скарѣ̀нча! Пой висялѣ̀нча! и т. п. Но въ Масловкѣ и Хитровкѣ такъ не говорятъ).

Дурѣ̀я йигò нѣту; гарчѣ̀я ѐтай жѝсти ни бувàитъ.

Мѣстоименія.

185. Вм. *онъ* говорятъ *ёнъ*; анà; мн. ч. анѝ. Вм. её — іѐ; у ей, на ей; надъ йимъ, ни да йихъ, къ йимъ. Ёнъ, явò, ямỳ, явò, йимъ, абъ ёмъ. Съ ѐю, абъ ей.

Род. пад.: минѐ, тибѐ, сибѐ; дат. пад.: минѣ̀, табѣ̀, сабѣ̀. Ёнъ минѣ̀ далъ хлѣ̀бушка; ёнъ минѐ пхнулъ. Я тибѐ ишшỳ. Спасиба шъ табѣ̀! Куды шъ тибѐ нисѐть? Ета я сабѣ̀ вазьмỳ.—Ишь, ёнъ сибѐ ни забувàитъ!

Мнòй, табòй, сабòй.

186. Склон.: мы, вы; насъ, васъ; намъ, вамъ; съ нами, съ вами; абъ насъ, абъ васъ.

187. Вм. въ немъ говорятъ у ёмъ; дат. пад. мн. ч. йимъ; твор. п. мн. ч. съ йими; вин. пад. жен. р. іѐ (не ё); за іѐ, у ей; твор. п. ед. ч. муж. р. съ йимъ, за йимъ.

188. Склон. *весь*: усѣ̀, усѣ̀хъ, усѣ̀мъ, усѣ̀ми, аба всѣ̀хъ. Род. п. ед. ч. м. р. усявò. Вин. п. ед. ч. жен. р. усю̀ и усіѐ (не ё).

Вм. эти, этихъ у насъ говорятъ ѐты, ѐтыхъ, ѐтымъ и т. д. Ѐта, ѐту.

189. Наши крестьяне говорятъ тотъ, та, то; съ тэй старанѣ̀, на тэй дарòги; тыѐ хату, тыѐ шапку. Вонъ тѣ̀ лòшади; съ тѣ̀хъ поръ; на тòмъ бакỳ. Кромѣ̀ того, у насъ часто говорятъ тòтъ-та (вм. этотъ), тà-та, тò-та (вм. эта, это). «Тòтъ-та мужы̀къ учирà у насъ былъ». «Тà-та хàта скòра завàлитца». «Тò-та малакò пракисла, а тò ишшò харòшая».

190. Твор. п. ед. ч. тѣмъ, даг. мн. ч.—тѣ̀мъ; твор. мн. ч. тѣ̀ми, предл.—апъ тѣхъ.

Та; род.—тэй; дат. тэй; вин. тыѐ (не ё); твор. тэ̀ю и тэ̀й; пр.— апъ тэй.

191. Говорятъ: маѐй, тваѐй, сваѐй. Вм. той, одной, самой говорятъ (въ род. пад.): тэй, аднэ̀й, самэ̀й (у тэй бабы, увъ аднэ̀й бабы, у самэ̀й барыни); также и въ твор. пад.: съ тэй бàбай, падъ аднэ̀й кры̀шай. Вин. пад. тыѐ, адныѐ, самыѐ, усіѐ (всюду *е*, а не ё).

Е вм. *ю* не употребляется. Говорятъ: у сваѝ кòмнать, у прàваю рукỳ.

192. Говорятъ кѣмъ, чѣмъ.

193. Говорятъ: майѝ, твайѝ, свайѝ, чіѝ; въ другихъ падеж.: майѝхъ, твайѝмъ, свайѝми. Вм. они, одни, говорятъ: аны̀, адны̀, адны̀хъ, адны̀ми; увъ аднòмъ.

Сàми, самѝхъ, самѝмъ.

Съ какѝхъ поръ, да сѐхъ поръ.

194. Род. п.: мавò, тавò, свавò; дат.—мамỳ, твамỳ, свамỳ. Сваё, сваѝ.

Усѐй, маѐй, тваѐй, сваѐй.

195. Мѣстоим. *кой* не употребляется.

Вм. который говорятъ какой: «вилѣли тѣхъ рибятъ сабрать, какія у школу ходють». «Тòтъ-та мужикъ памёръ, какой съ кавунàми па дирѐвни ѣздилъ».

Вм. ихъ домъ говорятъ ѝхній домъ; ѝхнія систрà; вм. ея, его мать—іѐ мать, явò мать. Вм. каждый—кàжнай.

196. Въ мѣстоим. ėтать никакіе звуки не вставляются.

Вм. сколько, столько, говорятъ: кòльки, тòльки. Вм. кто это? говорятъ: хтò ėта? Хтòйта? Хтòйта ėта?

---

197. Вм. оба и обѣ говорятъ абòи; род. п.—абòихъ; дат.—абòимъ. Двàихъ, двàимъ и двухъ, двумъ.

Твор. пад.: двумѝ, трюмѝ, чатурьмѝ, съ пятьмѝ, съ шастьмѝ, съ самѝ, съ дивятѝ чилавѣками и т. д.

Оконч. *ёхъ* не употребляется, кромѣ трёхъ, чатырёхъ; говорятъ: двадцатѝ, у пятѝ, у самѝ.

Вм. однажды, дважды говорятъ: адѝнъ расъ, два разà и т. д.

Двѣсти, трѝста, чатыряста и т. д.

Па пять капѐякъ, на шесть рублей и т. п.

Стò, нò ста чилавѣкъ, нѣту ста чилавѣкъ, дали ста чилавѣкамъ;— *ста* во всѣхъ косвенныхъ падежахъ. Палтарà не измѣняется: нѣту палтарà, дали на палтарà рубля. Палтарàста тоже не измѣняется.

(Двадцать десять, тридцать десять и проч.—никто не считаетъ).

Произносятъ: пидьдисятъ, шэздисятъ, сѐмдисятъ, вòсимдисятъ и т. д.

198. Частицы *то, та, тѣ* и друг. послѣ словъ у насъ никогда не употребляются.

Глаголъ. Неопредѣленное наклоненіе.

199. Въ неопредѣленномъ наклоненіи оконч. *ти* нашими крестьянами не употребляется. Говорятъ: сѣсть, спать, шить, любить, несть, плесть, свесть, месть (вм. мести), рость (вм. расти), гресть, скресть, весть (вм. везти), спасѝть, итѝть, притѝть. Лечь, берѐчь, жечь, печь, стерѐчь, сѣчь.

Узять, гнать, дастàть. Тирѐть, вытирать, намирѐть.

200. Вм. оконч. *ять* подъ удареніемъ не употребляется оконч. *ить*, Говорятъ: глидѣть, смятрѣть, сидѣть и проч. Такъ же не бываетъ и обратнаго перехода (вм. *ить—ять*); говорятъ: ходѝть, говорѝть; гасила, лавѝла, тапѝлась и т. п.

Переходъ оконч. *ѣть* въ *ять* я слышала въ словахъ владя̀ть, завладя̀ть.

Оконч. *ать* переходитъ въ *ѣть* въ словахъ здучѣ̀ть (вм. стучать), рычѣ̀ть, мычѣ̀ть; здучѣ̀лъ, заздучѣ̀ли; левъ зарычѣ̀лъ, корова мычѣ̀ла. Такъ говорятъ въ Масловкѣ, Хитровкѣ, Тарасовѣ Суджанск. у. и въ дер. Саломыковой, с. Любачѣ и Шелковкѣ Обоянскаго уѣзда.

Но — стриля̀ть, миня̀ть, скуча̀ть, крича̀ть и др., — окончанія правильныя.

Оконч. *ять* вм. *еть* не употребляется.

Нить вм. *нуть* также не употребляется.

Говорятъ: вы̀нуть, вы̀нулъ. Напнять и найнять, занимать, и займять, занимятца и займятца.

Вм. перенимать говорятъ пиринять.

201. Говорятъ: бѣ̀ствавать, савѣ̀тавать, савѣ̀тать и савитать.

Скида̀ть, кида̀ть, скѝдавать. Вм. ставить—станавѝть (повел. накл. стано̀въ и станавѝ).

Вм. жать, сжать говорятъ жнать, сажнять; вм. жевать — жвать (жву, жвешь, жви). Барѐчь, начарпну̀ть, начарпну̀ла.

Садѐржавать, направля̀ть.

Вм. оконч. глаголовъ *овать, евать, ывать*, иногда употребляется *увать, ювать*: унува̀ть, унува̀тца, клювать, клюя̀ть; но большей же части *авать* и *ивать*: распра̀шавать, таргавя̀ть, начивя̀ть, гарявя̀ть, запа̀шавать.

Оконч. увать и ювать не наблюдается.

Изъявительное наклоненіе.

202. Въ изъявительномъ наклоненіи наблюдается такое произношеніе: устрашу̀, пракачу̀, затаплю̀, скажу̀, сплю̀, наряжу̀, куплю̀, люблю̀ и—калятю̀сь, катю̀сь, пакалятю̀сь и накалячу̀сь.

Карплю̀, храплю̀, нара̀влюсь, сы̀плю, дрямлю̀ и—сы̀пишь, ка̀пишь, дрѐмишь, трѐпишь, трѐпить, сы̀пить, дрѐмить и т. п.: смягченіе губныхъ посредствомъ *л* бываетъ въ 1 лицѣ ед. ч., въ другихъ случаяхъ *л* отбрасывается.

Зя̀бну, зя̀бнишь, азя̀бну.

Хачу̀, хо̀чишь, хо̀чить, хо̀чимъ, хо̀читя, хо̀чуть. Отрицат. — ни хо̀чу и ни хачу̀.

Говорятъ: магу̀, сижу̀. Ля̀жу, ля̀жишь, ля̀жуть—всюду *ж*.

203. Вм. течёшь, течётъ и т. д. говорятъ тикѐшь, тикѐть, тикѐтя. Бирягу̀, биригѐшь, биригѐть, биригѐмъ, биригѐтя, бирягу̀ть; ляжѐшь[1]), талкѐшь, пикѐшь, мо̀жишь.

204. Вм. каплешь, зыблешь, говорятъ ка̀паишь, зы̀баишь; вм. машу̀, ма̀шешь, ма̀шетъ говорятъ маха̀ю, маха̀ишь, маха̀итъ. Дрѐмишь.

Говорятъ: трѐбаваю, ра̀даваюсь, савѣ̀таваю, христо̀саваюсь; падава̀ю (и падаю̀), дастава̀ю, нидастава̀итъ. Садѐржавать, садѐржаваитъ. Сумлива̀юсь.

205. Ѣжжу, ѣздить, палѐзить, ялѐзить, палѐзють, му̀чуть.

206. Говорятъ: сниму̀, разниму̀ и разайму̀; съѣмъ; вм. обниму̀ говорятъ абажму̀; абажма̀лъ.

207. Между *т* и *р*, *п* и *р* не вставляется *е*. Произносятъ: тру, абатру̀, утрѝ; прѐтца, прѐсси (вм. прёшься).

208. Говорятъ: надѣ̀ну, збѣ̀гаю; стига̀ю (наст. вр.) и стигну̀ (будущ. вр.).

Вм. выть говорятъ *вдить*; заво̀илъ, зано̀илъ.

209. Произносятъ: надива̀ю, паспива̀итъ, адива̀ютца, дѣ̀лаитца. Выраженіе «падѣ̀лилась» употребляется только когда бранятся. «У насъ бабы ругаютца: штопъ табѣ падѣ̀лилась!» сообщилъ мнѣ одинъ крестьянинъ.

210. Передъ оконч. *те* вставка *й* не наблюдается. Говорятъ: нисѐтя, идѐтя, кладѐтя, съѣдѝтя и т. п.

211. Въ третьемъ лицѣ един. и множ. ч. у насъ всегда слышится *ть*, твердаго окончанія никогда не бываетъ: игра̀итъ, бирѐть, во̀дють, прихо̀дють, плату̀ть.

---

1) Это слово вообще употребляется рѣдко; обыкновенно говорятъ брѐшишь.

Въ Масловкѣ говорятъ: ёнъ хòдить, нòсить, прòсить, любить, а въ Хитровкѣ—ёнъ *хòдя, нòся, прòся,* люба (мать ваду нòся, атèцъ навосъ вòзя [1]). Такія окончанія бываютъ только въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ удареніе не на послѣднемъ слогѣ: хòдя, ѣдя, пиша, читàя, пàша, игрàя, гуля́я и проч. Если же удареніе на послѣднемъ слогѣ, то Хитровцы произносятъ оконч. глаголовъ такъ же, какъ и Масловцы: нисèть, визèть, бягить, кричи̂ть и т. п.

Такъ же, какъ въ Хитровкѣ, говорятъ съ с. Тарасовѣ (въ 4-хъ верст. отъ Хитровки). Такое же произношеніе (нòся, гуля́я, хтò-зная) я слышала въ Обоянскомъ уѣздѣ: въ с. Любачѣ, Шелковкѣ и дер. Саломыковой (о послѣдней см. въ «Курскомъ Сборникѣ» выпускъ III статью Этнографическіе матеріалы, собранные въ дер. Саломыковой Обоян. у. учительницей Е. И. Рѣзановой». Тамъ, въ отдѣлѣ «Почитаніе праздничныхъ дней» и «Повѣрья» записаны сообщенія крестьянокъ ихъ подлинными словами съ соблюденіемъ ихъ произношенія).

Во множ. ч. оконч. *ть* не отбрасывается ни у Масловцевъ, ни у Хитровцевъ. Тѣ и другіе произносятъ: аны любють, нòсють, сидя́ть, нясу̀ть, вязу̀ть, игрàють; сабаки гàвкають, звя́гають, брéшуть (лають не употребляется).

212. Вм. *з* и *ь* въ окончаніяхъ глаголовъ никогда не появляется *о*.

213. Оконч. *атъ, ятъ,* въ 3 л. множ. ч. употребляются правильно только подъ удареніемъ: аны́ кричàть, здучàть, йидя́ть (вм. ѣдятъ), сидя́ть, лижàть; неударяемыя оконч. мн. ч. всегда *утъ, ютъ*: хвàлють, хòдють, нòсють, ру̀бють, су̀шуть, дéржуть, пилють, мòчуть и т п. Письмо пришлють.

Вм. бережешь говорятъ биригéшь; бирягу̀ть. 3 лицо множ. ч. глаг. бѣжать—*биг*àть (дѣти за йимъ бигàть) и бягу̀ть, пабигàть и пабягу̀ть. Вм. ѣдятъ, говорятъ йидя́ть.

Набирéмъ, надирèмъ, пагаваримъ, паидимъ.

214. Въ окончаніяхъ глаголовъ *ешь, есси* (вм. ешься), *еть, етца, етя всегда слышно е, а не ё*: идèшь, плитèшь, бирèшь, бьèсси, даж-

1) Въ этомъ главное различіе говора Масловцевъ и Хитровцевъ.

дёсси, апибёсси, бирéть, писéть, бьётца, дастаётца, трéтца, вазьмётца, идёти, вазьмёти, бирёти, закладёти. Также въ окончаніи 1 лица мн. ч. *емъ всегда слышно е, а не ё*: бьéмъ, писéмъ, привизёмъ, бирéмъ, вазьмёмъ, даждёмси, бьéмси. Слѣдов., *е* слышно вм. *ё* во 2-мъ и 3-мъ лицѣ ед. ч. и въ 1-мъ и 2-мъ лицѣ множ. ч. Въ этихъ случаяхъ никогда не бываетъ *ё*.

215. Оконч. глаголовъ *ся, сь* произносится нашими крестьянами въ однихъ случаяхъ такъ, какъ пишется, въ другихъ—*ся* переходитъ въ *си*. *Ся* и *сь* слышно въ 1 лицѣ ед. ч. настоящ. вр.: учу́ся и учу́сь, лажу́ся и лажу́сь, малю́ся и малю́сь, баю́ся и баю́сь и проч. Также— въ повелит. наклоненіи, если *ся* слѣдуетъ за гласной: мали́ся, мали́сь, пакланися, пакланѝсь, учѝся, учѝсь; если же *ся* слѣдуетъ за согласной или полугласной, то оно переходитъ въ *си*: адѣ́ньси, уся́тьси (вм. усядься), аставàйси, закрòйси, пагрѣ́йси и т. под.

Въ прошедшемъ времени въ муж. родѣ произносится *си:* вы́вчилси, стрѣ́лси (вм. встрѣтился), кòнчилси, пабаялси, наѣ́лси, убѝлси (вм. упалъ) и т. под. Въ женск. родѣ слышно *ся* и *сь:* стрѣ́лася, кòнчилась, пабаялася, убѝлась, наѣ́лась и проч. Во множ. ч. тоже слышно *ся* и *сь:* кòнчилися, стрѣ́лися, садѝлися, лажѝлись, падралѝсь. Послѣ гласной произносится *ся* и *сь*, послѣ согласной—*си*; другихъ окончаній (*са, сы, се, сё*) никогда не бываетъ.

Оконч. глаголовъ *тся* и *ться* произносятъ *тца*—одинаково и въ неопредѣленномъ наклоненіи, и въ изъявительномъ: парà табѣ жанѝтца, ёнъ жёнитца; дрàтца, дирётца (не ё), дару́тца, напѝтца, напьётца (не ё), напьютца.

Вм. оконч. *чься* также слышно *тца*: абжётца, виски стàли сѣтца (волосы стали сѣчься) и проч. Въ этихъ случаяхъ другихъ окончаній, кромѣ *тца*, не наблюдается.

216. Оконч. 1-го лица ед. ч. *аю* въ *у* и въ *ую* не переходитъ. Говорятъ: дѣлаю, бѣгаю, рабòтаю и т. п. Также дѣлаютъ, рабòтаютъ бѣгаютъ.

Я знаю произносятъ правильно.

Вм. убѣжалъ говорять убёгъ, вм. запрягъ—запрёхъ (неопредѣленное наклоненіе запрягать).

Говорятъ: пѣли, паютъ. Мóжишь, хóчишь.

---

217. Въ повелит. накл. иногда появляется оконч. *и*, гдѣ его обыкновенно не бываетъ: вы̀браси (но говорятъ и *вы̀брась*). Вмѣстѣ съ этимъ вы̀кинь, сять, сятьтя. *И* отбрасывается въ словахъ вы̀лашь (вм. вы̀ложи), палóжь (и палажѝ). Но—падѝ, принясѝ, згани̇̀, пирланѝ.

Говорятъ: ни трóгай, ни рабѣй и т. п.: сокращенія не наблюдается. Говорятъ павѣсь (объ одномъ предметѣ: павѣсь зипунъ) и павѣшай (о многихъ предметахъ: павѣшай рубахи); *смотри* говорятъ очень рѣдко, обыкновенно *глядй, глянь*; принясѝ, атлажитя, махайтя (вм. машите). Повелит. накл. отъ ѣхать—йижжай; вм. поѣзжай говорятъ панѝй [1]); зайижжай.

Къ слову «пашóлъ!» *те* не прибавляется; пашли! пашла!

---

218. Въ причастіяхъ вм. оконч. *ный* иногда употребляется *тый* (которое произносится *тай*): убрàтай, разарвàтай, паламàтай; прагнàть; праминяты и прамѣнины, атадрàта и атадрàна, вы̀рвать и вы̀рванъ. Брѝтай, жжàтай, гну̀тай, загну̀тай, праклятай, задвѝнуты. Мóланая, насы̀пана, саткàнъ; звàнай, сажжóнай.

Вм. грызены, видѣны говорятъ грызаны, глёжаны. Дàдинъ, дàдина (вм. данъ, дана); бра̀ты, узяты.

Утвиржóна и утвиржанó (вм. утверждено).

Вм. разогнаны, разогнано говорятъ разагнàты, разагнàта. Запёрта (чаще закутана). Вм. запутано—заплутàта. *Путаютъ* только лошадей (связываютъ имъ переднія ноги веревкой—«пу̀тами»); нитки *плутàютъ* и *расплу̀тываютъ*; вм. смѣшалъ или спуталъ (напр. названія книгъ или авторовъ)—*сплутàлъ*.

Вм. оконч. *вши*, *вшись* употребляются *вши, ѐши* (*сь* въ этихъ случаяхъ всегда отбрасывается): успрасёвши, ни вспрасёвши (и ни вспра-

1) «Панѝй» говорятъ и въ Обоянскомъ уѣздѣ: въ д. Саломыковой и селахъ Любачѣ и Шелковкѣ.

ся), пустёвши, памалёвши, схаранёвши, зацапёвши и зацапивши, аблажовши и аблажывши, асидлавши, сплёвши; задумавши (вм. задумавшись), наѣвши, напивши, нарядёвши. Вм. уѣхавъ, зайдя, говорятъ уѣхавчи и уѣхавши, зашотчи; вм. нося—насёвши.

Причастія настоящаго времени у насъ употребляются рѣдко: нистоюшшай (негодный), нигадашшай; зряшшай въ смыслѣ ненужный: зряшшая работа, наброть зряшшай набился у хату (ненужный народъ).

Дѣепричастіе настоящаго времени не употребляется. Встрѣчается слово «маля» (отъ глагола молиться), но употребляется въ прошедшемъ времени. «Богу маля!» поздравляютъ хозяевъ, въ избѣ которыхъ священникъ служилъ молебенъ. Иногда говорятъ: «Богу намаля!»

Дѣепричастіе у насъ никогда не оканчивается на *е*. Произносятъ: думавши, бравши, сказавши и т. п.

219, 220 и 221. Наши крестьяне никогда не ставятъ слова *есть* тамъ, гдѣ оно обыкновенно не ставится въ русскомъ языкѣ. Говорятъ же это слово безъ сокращеній: у насъ *есть* мука. Отрицаніе въ этихъ случаяхъ произносится *нѣту* или *нѣтути:* у насъ муки нѣту (или нѣтути). Если же отрицается какое-нибудь дѣйствіе или явленіе, то говорятъ *нѣтъ*, а иногда *нѣ*. Напр.: «Ты авёсъ малатилъ, ай нѣтъ? спрашиваетъ одинъ крестьянинъ другого.—Нѣ! отвѣчаетъ тотъ.

Другихъ сокращеній я не замѣчала.

222. Иногда вмѣсто босикомъ говорятъ *басика*, вм. пѣшкомъ—*пишака*; вм. рысью—*рысикомъ* и *рысика*.

У насъ въ большомъ употребленіи безличные глаголы. Напр.: «Вотъ ни съѣздили ночи на витракъ [1]) за мукою!» замѣчаетъ кто нибудь изъ семьи.—Ета ишшо съѣздитца (т. е. успѣемъ съѣздить)! возражаетъ глава семьи. Или: «нада итить за карасирамъ у лавку!» — Ета ишшо сходитца!—«Маладайка, штомъ ты гаршки ни замыла?»—Ишшо памоитца.— Ета ишшо ляжитца, ишшо купитца, ишшо набѣдаитца (т. е. успѣемъ пообѣдать) и т. под.

У насъ употребляется выраженіе «*халсты слять*» т. е. разо-

---

1) Вѣтряная мельница.

стланы (для выбѣливанья «холстовъ», т. е. полотна домашняго приготовленія,—ихъ мочатъ въ рѣкѣ и разстилаютъ на берегу на солнышкѣ). «Я сваи халсты асабпрàла, а Патрùхины—яшшò слять»—«Я тòльки анадỳ [1]) снилà скàтирть, а то ана усё слѣла» (т. е. была разостлана на столѣ).

Записи, сдѣланныя въ дер. Салошниковой Обоянскаго уѣзда Курской губерніи [2]).

—Охъ, Катярина Иванавна, какъ я ить анадỳ [3]) убилась [4])! разсказывала мнѣ недавно Максимовна (жена школьнаго сторожа, старушка). Ночь — тё-ёмная, хтò-зная какàя... А карòва наша — мы iè (не ё) ни закỳтали [5])—придѝ ды ляшь али крыльцà. А я: «пайду ить я варатà закỳтаю». Вышла, ды какъ заздучỳ на iè! «Гòспади Суси Христè, што ить èта я задавила? Ды лахмàтая штой-та. Сказать — кабéль, дыкъ валùкъ дỳжа». Палàпала, палàпала тàхъ-та (старуха показала, какъ она ощупывала корову),—ажнò èта карòва! И кудỳ ить припéрлась! Пать сàмая крыльцò.—«И ты не ушиблась? спросила я.—Нѣтъ! отвѣчала она:— ды ана ить мяхкая: я ей на пуза пряма лиглà».

— Катярùна Ивàнавна, ты бỳдишь учùть зàвтра? спросила меня Максимовна (см. выше) 27 октября.

— Буду, отвѣчала я.—А у васъ развѣ праздникъ?

— А кàкжа: Риминнàя Пятница [6]).

— Какая же «пятница», когда завтра среда? возразила я.

---

1) Анадỳ—недавно, два-три дня тому назадъ.

2) Записи эти представляютъ дополненіе къ моему сборнику этнографическихъ матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Курскомъ Сборникѣ», изд. Курскимъ Губерн. Статистич. Комитетомъ. Курскъ, 1902, вып. III, ч. 2-я.

3) Недавно.

4) Упала.

5) Не заперли.

6) Такъ называютъ крестьяне день св. Параскевы, наречен. Пятницы, 28-го октября.

— Ды ана абы-када бувая: у сѐриду—у сѐриду, увъ автòрникъ—увъ авторникъ... Ета нъ *Риминная* Пятница,—ни такая.

— Васѝлиха! дай минѣ прятку (прядь пеньки): пайду, привяжу на выганя тилёнка, а то ёнъ усё двару бягѝть,—говорила Максимовна невесткѣ. — «А ты его — палкой, пошутила я.—Ды ёнъ ни гнѣвинъ, ни сирчая на минѐ, возразила она мнѣ: я иго ужучу палкай, пайду,—а ёнъ утѣмижа [1]) за мной бягѝть: нэ-э!...

Гаспада усё цыбулястаи, тòнинькаи, а наши мужики пузатаи: напихтѐрютца хлѣбушка, и сила у йихъ есть.

Устный пересказъ школьника разсказа «Левъ и собачка».

...«Сабачка на дыбачки взвивалась пиридъ лѐвамъ...» Когда собачку бросили въ клѣтку льва, она «лигла на горпъ [2]), задрала нòшки и завиртѣла хвòстикамъ. Левъ іѐ пирварнулъ: ана патскачила и пашла пиридъ имъ на цыпачкахъ», т. е. на заднихъ лапкахъ.

— Наша старая карòва—гòлосъ у ей лидачій [3]), —какъ рыпитъ усё-одно: какъ-та хитра [4]).

— Прилòшь заслòпачку, а то вѣтаръ нашугакая—палну хату (т. е. вѣтеръ надуетъ холоду «полную хату»).

Скороговорка.

Шшытъ калпакъ, да ни такъ скалбать [5])— ни па-калпакòвски.

---

1) Утѣмижа — тотчасъ же.

2) Спину крестьяне назыв. «горбомъ».

3) Лидачій—плохой.

4) Хитра—странно.

5) Скалбать—кое-какъ сшить.

— Хата *слухмѐнная*, учительница кричить звòнка—я и разбирàю, говорилъ глухой мальчикъ о школѣ. «Хата *гаварлѝвая*». (Повидимому, рѣчь идетъ о резонансѣ).

Акавàлакъ—толстый короткій «дрюкъ», т. е. бревно.

Аканѐлакъ—старый обломанный вѣникъ.

Благавѣньѐ—26-е марта (слѣдующій за Благовѣщеньемъ день).

Дивавàлся— удивлялся.

Дратянòя—прòволочное.

Замыкала—дѣвала («куды жъ я замыкала тряпку?»).

Занигỳнуть—перестанутъ болѣть, ныть. («Чалэкъ намарѐвши—кости-та у агò балять; выпьишь стаканчикъ—ани̇ занигỳнуть»).

Крòквы—стропи̇ла.

Маргỳнки—рѣсницы.

Милàкъ—домовой.

Нàўпару—иногда.

Нажижи̇калась—очень нарядилась.

Пахушшàя—пахучая.

Па-серпàмъ—съ досады, по причинѣ вражды,

Я табѣ пристàтчу—возвращу въ цѣлости.

Пàня—спадетъ («пàня» съ неба огонь на жертву прор. Ильи).

Разари̇та—разорена.

Сястрỳшка—сестра.

Свàжить—взвѣсить.

Углàдилъ—убилъ.

Умитàть—ѣсть. («У насъ Василиха какъ зàчиня умитàть! — въ см. много ѣстъ).

Шкуриннàя—кожаная.

Ядрѐнай—крупный, большой.

Ядрѐная чтенія—крупная печать.

К. И. Рѣзанова.

Пропавшая западно-русская книга «Діалогъ о смерти» 1629 г. *)

Текстъ «Діалога о смерти» издается здѣсь, по единственному списку XVIII-го вѣка Кіево-Михайловскаго монастыря № 495/1660, л. 254 об. — 273, съ возможной, буквальной точностью, причемъ, однако, оставлены нами безъ вниманія надстрочные знаки придыханія и ударенія, какъ не имѣющіе въ этой поздней рукописи никакого осмысленнаго значенія, а также справлены на современный ладъ произвольно спутанные въ ней знаки препинанія. Всякія же другія, произведенныя нами, исправленія очевидныхъ описокъ и восполненія не возбуждающихъ сомнѣнія пропусковъ заключаются въ скобки и оговариваются каждый разъ особо.

л. 254 об. **Роз̓мова ѡ смерты чл҃вѣка со агг҃ломъ.**

Человѣкъ: Я то и ꙋже з̓ болѣзни ꙋмираю.

Аг҃глъ: Постановлено то естъ ра^{з} ꙋмира^{ти} человѣкꙋ.

Ч. Але молодїй ꙋмираю.

А. Тѣшса з̓ того, ижъ часꙋ замѣроноⷢ ти^{хъ} ри^{х}лей доходишъ, дармо на тимъ, хота̓ хто мало а̓бо много з̓ѣжитъ; тилко жебы добѣгалъ, где повиненъ.

Ч. Але в молоды^{х} своихъ лѣте^{х}.

А. Ти^{мъ} болшей скоро, з̓ доситкою в̓дя^{ч}ности, що ѿ кого взялъ, ѿдавати.

---

*) См. *Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ*, т. XVI (1911). кн. 4, стр. 216—242.

Ч. Але родичи имѣю, и тимъ их засмꙋчꙋ своею смертїю. ||

А. Абы еси самаго себе не замꙋтилъ, бо по ꙋмерших недолгїй час плачꙋ позни них. л. 255.

Ч. А где ѧ свои богатства и маетности и такъ самꙋю своею власт великꙋю комꙋ ѿдаваю?

А. И тебѣ радылъ, чтобы ти ¹) давно е них переставалъ сѧ кохати, ѡхотнѣйше сего часꙋ ꙋмиралъ бы еси.

Ч. И теперъ варзо радъ ѿ того богатства ѿстꙋпилъ, тилко абы длѧ покаѧнїѧ на единъ годъ живъ зосталъ.

А. А кто тебѣ бꙋде вѣрити, поневажъ когда еси могалъ, того не ꙋчинылъ.

Ч. Понеже ѧ сподѣвалсѧ долго жити, а тилко сѧ живити, имѣючи вли имени своемꙋ добро творити.

А. Поневаж вѣдалъ еси и тое, же немашъ певнѣйшаго над смерть, а не есть непевнѣйшаго над час ей.

Ч. Чтожъ розꙋмѣешъ, жебы доброе пред ложенїе мое и приемное быти мѣло створителевѣ своемꙋ? ||

А. Прїимꙋе Гдь Бгъ доброе намѣренїе, кода до скꙋткꙋ кто прїйти не може. об.

Ч. И такъ же без всѧкой надѣи и потѣхи мѣю ꙋмерты?

А. Ежели себѣ за живота что доброго не готовалъ, ѧ ѡ томъ варзо воитпаю.

Ч. Повѣждъ же мнѣ, прошꙋ, чтожъ ѧ, когда живъ былъ, чинити мѣлъ? І если тое ѡпꙋстилъ, чого ѡпꙋстити не мѣлъ, а если сѧ тежъ допꙋстилъ, чого допꙋстити не мѣлъ, а чого сѧ злого допꙋстилъ, абы заразъ сердечне жаловалъ и дабы пред лицемъ ѿкꙋпителѧ моего ласкꙋ себѣ зеднаалъ?

А. Ежелибъ еси былъ чинилъ росказанїе Бжїе, хранѧчи того, что заказалъ, а теперъ за тое, что ꙋчинилъ злое, жаловалъ, пошли би были речи твои лꙋчшїи.

Ч. Дай Бже, жебымъ еще тое, что ѡпꙋстилъ, жаловалъ и милостинею тое ѿкꙋпити могалъ.

1) Въ рукописи слѣдуетъ лишнее: а.

л. 256. А. Давно бы̑ тое ѹчиниⷧ҇ и милоⷭ҇тиню || за живота давалъ.

Ч. Жаль мнѣ, же того не чинилъ.

А. И мнѣ того жаль, ижъ еси той ча̑, которїй для хвали Бж҃ой, чтобы даваⷧ҇ з своиⷯ скаⷬбовъ, а то еси на тѣле̑нїе роскоши даⷬмо тратилъ.

Ч. Азали Гдь Бгъ і тепеⷬ дасть ѹблагати ся скрѹхою сеⷬдечною и жалемъ великиⷨ грѣшнаго человѣка?

А. Даⷭ҇, если не з самиⷯ ѹстъ, але з самого сеⷬдечнаго воздиханїя походити бѹдетъ сокрѹшенїе сеⷬдечное и в ней тривати до конца житїя своего бѹде̑.

Ч. Понеже я послѣдный свой часъ преⷣ собою виждѹ, а прето з великимъ жалѹю сеⷬдцемъ.

А. В сей часъ ѹже дѹха Гдѹ Бгѹ ѿдаешъ, а преⷨніи свои всѣ лѣта ѿдавале̑ свѣтѹ и роскошамъ тѣле̑нымъ.

Ч. Єднакъ же Гдь Бгъ не пришолъ призвати праведныⷯ, но грѣшныхъ на покаянїе, и тое ѡбѣщалъ, ижъ якого колвекъ=
об. часѹ человѣкъ до Гда Бга воздхнѹлъ з сокрѹшенаго сердца, спсенъ быти мѣлъ.

А. Воздиханїе до Гда Бга поневолное не бывае̑ Гдѹ Бгѹ приемъное, еднакъ же мл̑ю Гда Бга, абисъ такъ трвалъ до коⷩца.

Ч. Ѹже вижѹ конецъ живота моего и с тобою мл̑лию и преⷣложенїемъ добримъ безпечне ѹмираю.

А. І ѡвшемъ, ѹже тепеⷬ (и)мѣешъ на себе небезпечеⷭ҇ство болшое, бо настѹпѹю̑ покѹси.

Ч. Якъ же то, добрїй мой агг҃ле, наѹчи мя, прошѹ, что то такое быти имѣе, абымъ я того всегда перестерѣгалъ?

А. Я тебе ча̑то ѡстерѣгалъ, абы еси на тѹю годинѹ смеⷬтнѹю памяталъ, и воправдѹ ваⷬзо ти жаловаⷧ҇ и з плачемъ что ча̑ за тобою ходилъ, але ти мене слѹхати не хотѣлъ.

Ч. Вѣдаешъ тое, ижъ в̑ по̑ребѣ злой приятеля познати доб-
л. 257. рого, але ти мене теперъ при коⷩцѹ || ѡставляешъ, а мнѣ тебе дано за сторожа ѿ Гда Бга.

Д. З' глѹхи̑ что мовити, а тобо с каменемъ сварити̑ трѹдно, бо видишъ, ѹже не ча̑ до поправи, тылко до заплати.

Ч. Мнѣй милосердіе надо мною, аггле мой добрій, а скажи мнѣ, что на мене прійти мѣетъ ѡстанней годинни житія моего, а если чего ѹстерегтися или ѕнести возмогѹ.

Д. Дай Бж̃е, дабы тая вѣдомо что помогла, але ѹстерегтися того естъ рѣчъ трѹдна.

Ч. Кто неприятелеви ѹстѹпи̑ не може, той з нымъ к ѡборонѣ мѹжне постѹпае̑.

Д. Твое тѣло, которое̑ такъ роскошне и коштовне ¹) кохалъ, ѹже тепе, бѣдный чл̃вѣче, слабѣетъ, а по малой филѣ ї ѡдеревинѣетъ; что за сила твоя бѹде̑, ѹбогі̑й чл̃вѣче, нижъ дрижаніе серд̾ца настѹпѹе̑, перси зодмѹтся, пѹлси ѹстанѹтъ, ѡчи мглою зайдѹтъ, язикъ ѹмолкне̑, || горло ѡхрапѣетъ, зѹбы почорнѣютъ и всѣ члени якъ камень стверд̾ѣютъ ²) и побледѣютъ? докторѣ тебе ѿстѹпя̑, лѣкарства не помогѹ̑, ѡтецъ и мати и братия и приятелѣ ѹже тебе не поратѹю̑, потрави жадніе и пива добріе коштовати не бѹдешъ, з мѣсца на мѣсце, з лѡка на ложко переносити тебе бѹдѹ̑; бѹдешъ хотѣти що мовити, але язикъ слѹжити не бѹде̑, схочешъ воздхнѹти, але перси не допѹстятъ, бѹдешъ хотѣти з приятелями розмовитися, але не возможешъ; вънѹ̑рности бѹде̑ горячка пекти, а звнѣ хладъ и потъ зимный, знакъ дефектовъ тѣлесныхъ на тебѣ ся покажетъ ³); приятелѣ при тебѣ бѹдѹ̑ стояти, а ты их видѣти не бѹдешъ, бѹдѹ̑ с тобою мовити, а ты их слышати не бѹдешъ, бѹдѹ̑ надъ тобою плакати, але тебѣ нѣчого не помогѹ̑, бѹдѹ̑ ти напоминати, а ты того розѹмѣти не бѹдеш; || а потомъ, когда ѿ тебе л. 258.
смродъ заходити бѹдетъ, нѣжъ прежде ѹмрешъ, ѹже тебе всѣ ѡставя̑.

Ч. Але презвитеръ дхѡвный бѹде̑ при мнѣ, молячися за мене

---

1) Въ рук. слѣдуетъ лишнее: его.

2) Въ рук.: ствердѣетъ.

3) Въ рук.: покажѣтъ.

и дꙋшꙋ мою Гдꙋ Бгꙋ полѣцаючи, дабы Гдь Бгъ простилъ вся
моя прегрѣшенїя; такъже и повиннїи мои всѣ при мнѣ бꙋдꙋт.

А. Не вѣрь томꙋ, абы повиннїи твои на той час ѡ тебе дбати
имѣли, але бꙋдꙋт старанная ¹) імѣти ѡ твои гроши, ключи и
скринѣ, а тебе всѣ ѡстави̃т, навѣт и всѣ слꙋги твои; бꙋдꙋт на
твои скарбы всѣ чигати, дабы ²) себѣ что з нихъ потаеннымъ спо-
собомъ достати; тое все, е чомъ ти ся найлꙋчше кохалъ, и
найскрытшїи рѣчи всѣ твои вынайдꙋтъ, такъ ижъ и ѡдръ твой, на
которомъ ти лежалъ, и кѡдрꙋ твою, что ся ѡдѣвалъ в своей хоробѣ,
об. насилꙋ тебѣ зоставят; а потомъ || из постелѣ твоей еля живого
выкинꙋтъ и на землѣ голой тебе положат, а ты еще не конаешъ,
ѡчи и ꙋста твои завязовати бꙋдꙋт, а до того и шїи наломлят, абы
еси что найскорѣй сконалъ; что в той час бꙋдешъ чинити, бо ꙋже
помочи жадной тебѣ не бꙋдет нѣ ѿ кого.

Ч. Еще то меншая шкода бꙋдетъ, когда тѣло ꙋмирает, и бо-
гатство(т)во мое хто хоче нехай себѣ беретъ, тилко абы дша збав-
ленна была.

А. Когда тѣло з собою працꙋетъ, не розꙋмѣй, жебы тогда дша
не тяжшей працовати мѣла; в той час тяжшая война бꙋває дꙋшѣ,
нѣжели тѣлꙋ.

Ч. Рѣчъ вельми страшнꙋю повѣдаешъ.

А. Але велми правдивꙋю.

Ч. А кто такъ знести может и витривати?

А. Самая добрая совѣсть то витривати может, а ꙋмаленїе
л. 259. злое, дамо и говорити, тое ся велми встидитъ || и ꙋстрашаетъся,
дрижати, плакати мꙋсит; станꙋт бо пред ѡчима твоима всѣ твои
слова, всѣ ꙋчинки, всѣ мысли твои, которїи чрез весь вѣкъ житїя
твоего волею или неволею ꙋчинилъ, и что когда колвекъ сердъ-
цемъ и ꙋсти и ꙋчинкомъ явно и тайно ся допꙋстилъ, тое все
разомъ даст ся видѣти, такъже и всѣ грѣхи твои, ѡ которых еси
певнѣй не мыслилъ и ѡныхъ нѣ за що важилъ, анѣ ихъ за грѣхъ

---

1) Въ рук.: старанная.
2) Въ рук. слѣдуетъ лишнее: ихъ.

себѣ причиталъ, и ѡвшемъ за жа̑тъ и за смѣхъ розумѣлъ себѣ, тамъ в ѻномъ часѣ все покажетсѧ; а что болшое, потомъ ѹвидишъ полкъ великій кусителей пекелныхъ, діаволовъ проклятих, страшних, шпѣних, которіи не тилко з хорого, але и здорового человѣка душу вы[1]) своею страшною постаю вибавли. А что ѡны чинити будут? На початокъ розмантіи и предивніи рѣчи и дива ѹказовати || и страхи нєносніи тебѣ показовати будутъ, об.
потимъ злости твои на ѡчи викидати будут и насмѣватисѧ з тебе, на ѡстатокъ тѣло твое ѹмілое торгати мут. Якій же на той ча̑ ѿвѣтъ даси? Хочай бы и хотѣлъ запрітисѧ своих злых ѹчинковъ, але не мона; и хотѣлъ вы еси ꙗкъ вимовитисѧ, и то не вѣдаю, ꙗкій способомъ; хотѧй би и моглъ того доказати, але тое не поможе [2]), бо сами ѿ себе тебѣ в ѡчи мовити будут и тыи слова: «Мы естѣмо власніи ѹчинки твои; если би ти на̑ не ѹчинылъ, ми тута не били (бы) [3]), мы без тебе тѣпѣти не повинны; если ты на̑ ѹчинылъ, твоѧ злаѧ мыль, твой ꙗзикъ, руцѣ твои чинили насъ и всѣ твои ѹды, и длѧ того твои естѣмо, до тебе пришлы».—И речѣ лакомъство: «Я себѣ спокойно сидѣло в пеклѣ и на лонѣ Плꙗтоновымъ (sic!) ѿпочивало, а ты мене ѿтолъ || силою вывалъ; чрез мене еси чужіи добра, ꙗкъ развой- л. 260.
никъ, видиралъ, ѿнѣмалъ еси чужие маетъности и в кого що найлучшое повидѣвши, ѿнѣмалъ злото, сребро, конѣ добріе и що сѧ подобало в кого, тое еси бралъ, жадной не давши причини; а тое в людей наѿнѣмавши силою, в мура̑х подземнихъ ꙗкъ найскрытше еси ховалъ, а до того алчущаго еси не накормилъ, прагнучого не напоилъ, нагого не ѡдѣлъ, м'зду наемникомъ ѹдержовалъ, будинки строилъ, села, винограды, а все кволѣ пожитковѣ своему чинылъ еси и боронилесь злой и несправедливой рѣчи; и такъ в лакомствѣ своемъ былъ ѹтонулъ, ижъ і того жаловалъ еси, что твои дробета, полѧ, ѡгради, сады, винограды,

1) Въ рук. вы заключено въ скобки.
2) Въ рук. слѣдуетъ лишнее, впрочемъ, заключенное въ скобки: чму.
3) Въ рук. нѣтъ.

в рѣках и в горах щирое злото не родило и власный твой хлѣбъ,
которого еси идалъ, и напой, что еси пивалъ, в самое ||
об. злото не шворочалося, і радъ бы еси былъ, чтоби з нєба самое
злото падало в твой двор; а до того частокротъ створителя
своего еси блюзнилъ и ближнего своего гордо шправовалъ».—
Пиха рече: «И в шца своего Люцифера в великой чести и поважѣ была, и ти мене штолъ визвавъ; чрез мене занехалесь еси
створителя своего, наругалъся з ближнего, инѣхъ (?) шбражалъ,
покорнін понижалъ, пищни еси покою не давалъ, убогими еси
гордилъ, богатін дранилъ и всѣми ся речами мѣшалъ (?), а
чого самъ всему свѣту не росказовалъ, того тебѣ было жаль;
хотѣлъ, абы над тебе не було, розумѣлъ еси себе над доброго
лучшимъ, над мудрого мудрѣйшимъ, над богатого богашимъ,
над злого горшимъ; на пойзреню билъ еси сродій, в суконях
л. 261. звит(н)ій [1]), в посидѣню височомыльный, || в мовѣ ви(т)ворный [2]), во всякой потатѣ тѣлесной варзо завидный; любылъ еси
тое и в пиху ся подносилъ с того, ижъ во всяких частях [3]) свѣта
того, во всѣхъ нациях мѣлъ дворянъ [4]) и слугъ много и урядників властелствующых варзо много, которіи кволѣ тебѣ свѣтомъ мѣшали (?) и ш воєн пожиткы або ш зискъ або ш утрату
пилное старане чинили».—Гнѣвъ тежъ виступил и мовити
буде: «И я тех межи издцами пекелними перестерѣгалъ своей
повинности, а ти мя штоля викелъ; и чрез мене много еси укривдилъ и внѣвечъ нѣкого не ставылъ, здоровя и худоби позбавлялъ; маетности шнѣмалъ и чести имъ уймовалъ, всюди войни,
мордерства, мужеубійства зачиналъ еси и всякого нещастя былъ
еси причиною; былъ еси шкрутнѣйшій нѣжели левъ, небезпечнѣй-
об. шій || нѣжъ василискъ, ядовитѣйшій нѣжъ ужъ; палали тебѣ искри
из шчей, тварь была сурова, мова страшная, постать шкрутная; мо-

1) Въ рук.: [illegible].
2) Въ рук.: [illegible].
3) Въ рук.: частях.
4) Въ рук.: дворяни.

де(й)[1]), которіи под тобою были, роз(г)нѣвавшися[2]) всѣхъ би єси
постинал, хочай бы били всѣ ѡ єдно головѣ, і того, что єси не
доказалъ, что хотѣлъ єси чинити, и тое тебе смѹтило, и нє того
былъ єси жалостенъ».—Ѡбжирство рече: «И я є богатого ѡб-
жирскаго (?) досить пишно и препишно ѹживало, роскошовало, а
ты мене до себе визвалє и всякіи рѣчи, которіи сут под небом и на
земли, для своего ѡбжирства шѹкал єси; пред тобою не скрился
звѣръ жадный на свѣтѣ, анѣ птицы на повѣтрѹ, анѣ рибы в
морѣ; переворочалъ єси зѣлю дивними способами, чтобы своемѹ
ѡбжирствѹ догодилъ, припособъляялъ єси зелія новіи дивніи,
ѡвощи розмантіи, своими вимыслами змацалъ єси гори, || ѧкини, л. 262.
пропасти, пещери, ѿхлани земныя, навет и глибокія мора и тай-
ныя ихъ входи пред тобою не скрилися для ѡбжирства твоего;
хотяй же былъ єси далеко ѿ мора, єднакъ же риби з него див-
ними способами ловилъ єси, хотяй былъ єси далеко ѿ земли,
єднакъ же шѹкалъ єси звѣрей по горах, по лѣсах, ажъ до самих
границъ свѣта; а не тилко єси такъ их, яко их прироженьє ство-
рило, не ялъ, але тисячѹ разъ вимишлялъ, якъ бы их розвиран,
рѹбан, и новие природи створеня и (к)штальти[3]) з них єси собѣ
формовалъ; вимишлялъ єси себѣ питіє и напои розніи и розман-
тіи, ѿмѣнялъ єси и мѣшал єси природѹ их власнѹю; ѡбжи-
ралъся єси, ажъ и горло здержати не могло, позвивалъ єси з
горла, чтобы заразъ зновѹ ѡбожрался, а хочай бы и не хотѣ-
лося исти, єднакъ же || чрез силѹ тое чинилъ, а до того, хочай и об.
пити тебѣ не хотѣлося, єднакъ и тое чрез силѹ, яко бестія, творилъ
єси; нѹж далей слѹгъ розмантих, кѹхарокъ, пѣкарокъ, шафаровъ
и пивничих нещасних ховалє барзо много, без которих можна[4])
ѡбійтися; а лѣпше было, абы тимъ часом за дѹшѹ свою що кол-
векъ справилъ, анѣжели своемѹ ѡбжирствѹ день и нощь дога-
жати мѣлъ».—Нечистота рече: «И я тако в кролевствѣ Венери

---

1) Въ рук. послѣдняя буква пропущена.
2) Въ рук. г пропущено.
3) Въ рук. начальная буква пропущена.
4) Въ рук.: мощна.

и Кѹпидина (sic!) доси роскошне жила, а ти мене ѿтолъ ви-
зывалъ, дабы чрез мене ненасищенную похоть тѣла своего наситилъ
и всѧких грѣховъ брид̾кихъ (и) 1) богомерзских, ѧких трудно
и глаголати, скоштовалъ еси; не токмо сам себе еси ѡсквернилъ, але
и иних зопсовалъ; жадная 2) чистота анѣ встидъ предъ тобою
безпечнїи не были, жадное малжен̾ство покою ѿ тебе не мѣло,
л. 263. навет церкви анѣ монастирѣ 3) ѿ твоеѧ || нечистоти волними не
били; грѣхи нечистїи: чужолоство, содомство, малакїѧ, жарти
и смѣхи у тебе выкали; не пре̑ставале на бегу природномъ, але
самъ себе ницовалъ, а где не моглъ достати грѣха тѣлеснаго,
тамъ безпрестанно злою мислїю грѣшити не преставалъ еси; а
когда не моглъ еси вшетечной своей жадѣ догодити, то чинилъ
еси себѣ примаки дивними вимислами, покармами, потравами
вимишленными и заправленими, а до того еще мастми, салонками
(sic!), парфумами и убїорами, малюванемъ вшетечнымъ, то
будинками ѡбытими, то кветками панучими, лазнями, балса-
мами, музикою, спѣваками и иними играми, до нечистоти спо-
собними; не доси тебѣ было на томъ.... 4) перлами ѡпракати,
аксамитомъ и злотогл̾авомъ ѡбывати, але тежъ и конѣ, мули, псы
и иншїи бестїи, такъже возы, лектики и колибки перлами, зло-
об. тоглавомъ и дорогими || матерѧцами (sic!) и возглавницами слати,
ѡбивати и прикривати; мало еще на томъ, але бовшъ, з леда
начинѧ идалъ и пикалъ, а еднакъ в сребное начинѧ тое не пере-
корочало; диравилъ еси себѣ уши часто, а приправлѧлъ 5) еси
заушницѣ з перелъ и с каменїѧ дорогого, украшалъ еси себѣ
руки и палцѣ дорогими каменми и перстенями, без чого било
можно ѡбийтися; ховале и живилъ еси на тое слу̑жки непотребнїи,
жебы еси мѣлъ до всѧких звыковъ и плюгавства, мѣлъ еси па-
холѧта и скочнїи слуги до своихъ роскошей, которїе били наду-

1) Въ рук. нѣтъ.
2) Въ рук.: жадного.
3) Въ рук. слова переставлены неправильно: навет анѣ церкви монастирѣ.
4) Здѣсь, повидимому, пропущено какое-то слово.
5) Въ рук.: прикрашалалъ.

тіє, хрістіє, wстроєнїє длѧ справъ и кштетчностїи твоей, и таких єси
мѣлъ за найщирѣйший и найзичливѣйших быти розсмѣлъ».—
Зайзрост (sic!) тежъ своєго не замолчитъ і речетъ: «И
такожъ себѣ [1]) в кѫтѣ Отца своєго сидѣла, плачѫчи на попра-
вою и полѣпшенємъ многих людей, але мене и ти хотѣлъ в томъ
зажити, || абы вличнемѫ твоємѫ к добрих справах постѫпкѫ слави л. 264.
и милости людской, щастѧ, маєности, годности, чести и иншиx,
такъ тѣлесных, ꙗко и дѫшевных добръ, завидѣлъ, на доброй
славѣ его щипалъ, доброй w немъ розмовѣ ѫймовалъ, его доб-
рїи справи и слова иначей, нѣжели в речи были, ѫдавалъ и wво-
рочалъ; когда комѫ добре поводилосѧ, сердце твоє ѿ завистн
схло и дѫшѣ не ставало, на добрїи люде и милостивїи нѣгди
ласкавих wкомъ анѣ веселою тварїю без марщеного чела на та-
кого не пойзрѣлъ, але згола здихалєсь, взираючи на тое, когда
прїѧтелевѣ твоємѫ [2]) на маєности и добромъ їмѣнїи не сходило
и добре поводилосѧ».—Лѣнивство тежъ речетъ: «И такоже
w справах і w мовах людскихъ мало що когда мислило, ѫже
быломъ свой покой, прохнование, теплость ѫлюбило, на ложкѫ wсо-
бливе wсиплѧючисѧ || і витѧгаючисѧ, а ты мене зобѫдилєсь, жевы
тебе такъже поронїовати а нѣ w що не дбати наѫчило; а за-
правди, в таких твоих рѣчахъ незле постѫпалєсь, легце себѣ
важилъ єси приказанѧ створителѧ своєго, такъ же єси ихъ и
рѫкою доткнѫтисѧ не хотѣлъ; многокротне, не длѧ ꙗкого достаткѫ,
але длѧ самого лѣнивства, тѧжко было тебѣ на прошенїє ѫбогаго
и рѫкѫ простерти, хорих не навѣжалъ єси, вязнєвъ не викѫпилъ
єси, а ѫпадших в ꙗкѫю бѣдѫ не воздвигнѫлъ; не могли тебе ѿве-
сти ѿ танцовъ, ѿ комедїй, ѿ жартовъ, а когда до исповѣди или
до сакраментѫ.... [3]) скорѣйше тихъ бы єси послѫхалъ, когда би
тобѣ совѣтовали на злое дѣло, а хотѧй и пошолъ, то встидалсѧ
єси повѣдати того, что ѫчинилъ; єще и того не хотѣлъ творити,

1) Въ рук.: ксвѣ.
2) Въ рук. слѣдуетъ лишнее: алео приятелевѣ.
3) Здѣсь, очевидно, что-то пропущено.

л. 265. что тебѣ назначилъ епитемію, и мовилъ еси || тое, же Г҃дь Б҃гъ м҃лостивъ прости мнѣ вся моя согрѣшенія, а того не мы̑слилъ еси, же то проклятій ч҃л҃вѣкъ, же в надѣю грѣшитъ; а когда до цеʳкви еси пришолъ, то яко поругатель создателевѣ своему и пр҃чтой его м҃три и всѣмъ с҃тымъ, любо чрез силу единъ поклонъ учинилъ еси, да и то поˣстилалъ еси возглавницу под колѣна, даби не мулило; а ежели когда хотѣлъ еси ваʳзо набожнимъ показатися и мовити еденъ Ѿченашъ аˣво Б҃городице Д҃во, то мы̑сль твоя ходила по каʳвахъ, по пивницаˣ, по лѣохаˣ, по фоʳъ-ваʳкахъ, безпрестаˣно лѣтала ѡколо гуменъ...1) ѡ товарахъ, ѡ музицѣ и таˣцаˣ, а до цеʳкви когда разъ в гоˣ пойти, да и то для встиду люˣскоᴳᴼ».—Тыи и иншии тимъ подобнїи сеˣмъ грѣ-

об. ховъ смеʳтелныхъ, которими еси Г҃да Б҃га || ѡбразилъ, буду тебѣ на ѡчи преˣставляти и такій декрет подаду, же достоинъ еси вѣчно муки, а ты в той часъ, ѡ, мѣзеʳный ч҃л҃вѣче, что будешъ чинити? И не будешъ нѣчого ѿповѣдати, бо труˣно, понеже самая совѣсть стане преˣ ѡчи твои, которими грѣхами ѡбразилъ еси створителя своего: Видѣнїемъ своимъ лучше еси взиралъ на лице жеˣское, анѣжели на страсти Х҃ртови албо на пр҃чтую Д҃ву, и лучше еси почиталъ книги їеретицкїе, анѣжели Ѱалтиʳ албо Новій Завѣтъ, в котори бы еси ѡбрѣлъ поˣзу д҃ши своей великую. Ѡбонянїемъ своимъ волѣлъ еси з Аравїи, з Иˣдїи, з Пеʳсїи роскошнїи запахи, пафума и кадила ѡбоняти 2), нѣжели к шпиталѣ, где Х҃рта Г҃да лежатъ убогїе люде, потребнее 3) имъ дати и смроˣ ихъ з'носити, албо иˣ ѡчистити

л. 266. кого наиялъ, ежели саˣ не похотѣлъ. || Вкусомъ волѣлъ еси роскошныˣ и роˣманты потравъ и питїя заживати, анѣжели до сакрамеˣту приступати. Слишанїемъ лучше еси желалъ неподобныˣ пѣсней слухати, нѣжели пропов'ѣди Б҃жїя. Ѡсязанїемъ твоимъ лучшей еси дотикалася мягкиˣ 4) рѣчей, нѣжели ѡстриˣ

1) Здѣсь опять чего-то недостаетъ.

2) Въ рук.: ѡвонати.

3) Въ рук.: и поʳребное.

4) Въ рук.: мяккиˣ.

постовъ, лꙋчше желалъ еси ходити в̓ шовковой ѡдеждн, нѣжели во власѧницѣ. Тимъ же способомъ и сами четири стихїѧ, ѧкꙋю ѿ тебе кривдꙋ имѣли, слнце и мцъ, когда во дни или в' нощи злїе ꙋчинки творилъ еси, бꙋдꙋт на тебе просити ѿмщенїѧ предъ Гдемъ Бгомъ и ѡбѧснѧ и ѧвне покажꙋтъ, како ꙋбо розꙋмѣеши; радостъ принесꙋт [1]) всѧ сїѧ ѡнимъ сꙋпостатомъ твоимъ бѣсомъ, ѡколо тебе стоѧщимъ, і ꙋбиднишъ, что ѡни томꙋ бꙋдꙋт свѣдителствовати и радоватисѧ; и покажꙋт тебѣ своѧ ||
книги, в ныхже лѣта, мци, дни, годинни, минꙋты, такожде всѧкїѧ причини, способи и пꙋти твоѧ, ѧко когда и с кимъ творилъ еси, и ѿ кого походили и походити могли согрѣшенїѧ твоѧ, виписали. Наветь сама совѣсть твоѧ твоими власними рꙋками, ногами и иншими рѣчами, которими допꙋстилсѧ еси.... [2]) а за тое, что ꙋслишиш страшнїе гласи их, егда до дши твоей глаголат бꙋдꙋт: «Изїйди, злаѧ дꙋше, изїйди, Бга создателѧ своего возненавидѣвшаѧ! ꙋже еси ты наша, наша знаменїѧ носиши на себѣ, наша печати і ѡбычаѧ, нашꙋ ꙋтвā, и ѧко еси себѣ заслꙋжила, таковꙋю тебѣ и заплатꙋ покажемъ; рци ꙋже противо Бгꙋ и стрелѧй блѧдословїемъ своимъ на всемогꙋщꙋю его силꙋ, а ꙋмри!» Ты же, воистинꙋ, мѣзенаѧ и бѣднаѧ дꙋше, ѿ Бга ѡставленнаѧ в' томъ своемъ полꙋмѣтвомъ тѣлѣ, что помислиши и что ||
возглаголеши, до кого ꙋдасисѧ и на кого надѣѧтисѧ бꙋдеши? л. 267.
аще еси ѿ всѧкаго блга ѡбнаженна, то ꙋже зле ѡ тебѣ, ꙋже еси ѡсꙋжденна и потопленна. И подобно бы еси не рада слꙋхати, что глаголю на тѧ и что предъ ѡчи представлѧю, ѡбаче безъ того невозможно бꙋде, бо твой же власный разꙋмъ и твоѧ совѣсть власнаѧ ꙋтинне тебе ѿ(в)сюдꙋ [3]) и такъ сама бꙋде мовити до тебе тїи слова: «Не возможешъ ꙋже, бѣдный члвѣче, самаго себе видѣти и не возможешъ слꙋхати и чꙋти и своемꙋ власномꙋ разꙋмꙋ и совѣсти вѣрити. Радъ бы еси каѧтисѧ и жалѣти, але

---

1) Въ рук. слѣдуетъ лишнее: тебѣ.

2) Здѣсь опять что-то пропущено или спутано.

3) Въ рук.: ѿсюдꙋ.

ѹже да́мо, во ѹже того не возможеши творити; радъ бы еси
ѡстати, але того тебѣ не допѹ҇тѧ; аще же воспѧ воз'вратишися,
коль много жилъ еси, скорѣйше той часъ, нѣжели мгновеніе ѡка,
переминетъ, а тых грѣхѡвъ, которіе за тобою ити мѹтъ, ѕѣло
об. ѹстрашатися вѹдеши; аще же || пред себе возриши, и ѹвидиши на
вѣки вѣкокъ конца не имѹщиѧ, е́ нихже каз'ни за ѣони злїе
ѹчинки терпѣти бѹдеши долженъ». Бѹдѹ҇ тебе ѹстрашати запо-
вѣди Бж҃їѧ, котории презиралъ еси, страшити мѹ҇ тебе зака-
заныѧ речи, которих допѹскалѧся еси, бѹдѹ҇ тебе страшити ѡныѧ
дны, е́ которыѧ ѿ зла во зло и ѿ грѣха во грѣх приходилъ еси.
Слѣпимъ былъ еси и слѣпимъ быти хотѣлъ еси, во ѹзах былъ
еси, а ѹзилища не боѧлъся еси, ѹслаждалъ еси себѣ вещъ горкѹю,
а горест роззѹмѣлъ еси быти сладостию. И сего ради бѹдетъ
тебѣ ѿвсюдѹ безчестїе велїе, безчестїе ѿ помыловъ твоихъ, без-
честїе ѿ дѣлъ, безчестїе ѿ словъ, безчестїе ѿ ѡбычаевъ, ѿ верхѹ
твоеѧ главы ажъ до ѿтопи ножнїѧ, ѿвсюдѹ великое безчестїе.
Трыкро҇ и четирикро҇ разїй щасливый и блгословенный члвѣкъ, ко-
л. 268. торїй часъ, день и годинѹ || ѹставине на см(е)ртъ памѧтае҇, щасли-
вїй той члвѣкъ, что на всѧкъ днь помышлѧе҇, же ко вечерѹ живъ
не бѹдетъ, а во вече҇ помышлѧетъ, что ѹтра не дочекаетъ, та-
ковїи бо никогда жадной смерти не боѧсѧ; которїи томѹ единомѹ
поѹчаюсѧ, абы могли добре ѹмрѣти, таковїи не ѹстрашаюсѧ ни
единаго множества диѧволовъ проклѧтий, противно ихже чрезъ все
времѧ живота своего воѡрѹжалися, и не токмо таковїѧ бѣди
понѧти, но и тисѧщокро҇не желали бы ѹмрѣти, нежели единимъ
грѣхомъ смертнымъ Гд҃а Бг҃а ѡбразити. Сего рады теплѣ мо-
лилися, сего рады постили, млтвою творили, сердце свое сокрѹ-
шали, слези изливали, во вретища ѡблачалися, нази ходили,
сего ради тисѧщѹ працъ, тисѧщѹ гоненїй и тисѧщѹ смертїй пре-
терпѣвали, изганѧеми бывали, посѣкаеми, попалѧеми, каме-
об. нїемъ || побиваеми, с кожи живо совлѣкаеми, дабы создателѧ
своего не ѡбразили; ихъже и мир не бѣ достоинъ, и бѹде҇ ли та-
ковъ, чтобы разѹмѣлъ, абы таковый досталъ з ними заплати (?),
которїи разнїѧ попеченїѧ и дѣла рознїе ѡ спсенїи своемъ имѣли.

Блгъ єстъ Гдь Бгъ стый, ѝтинный и млсердный, но такоже єстъ и ѕѣло страшенъ: ѿпꙋщаетъ, знаетъ і караетъ.

Ч. Воистинꙋ, мнѣ ми сѧ, же то ꙋже все тоє предъ собою вижꙋ, или хотѧй єще не вижꙋ, ѡвачє ꙋже ꙋстрашаюсѧ, и ѡслабѣваю силы, ѡжидаючи того.

А. Аще бы єси імѣлъ совѣсть добрꙋю, не бы ꙋжасалсѧ, совѣсть бо добраѧ того не видитъ и нѣчесо ѡ томъ не вѣдаетъ.

Ч. Азъ же грѣшній члвѣкъ, и междꙋ всѣми, колико ихъ єстъ, найгрѣшнѣйшій; ѡвачє єсмъ добрымъ хртіаниномъ и сномъ єдиніѧ стыѧ восточніѧ церкве, Бга Ѿца, Бга Сна, Бга Дха || стаго вѣдаю и исповѣдꙋю, и во кратцѣ рекꙋще, что колвекъ намъ црковь стаѧ кадолическаѧ приказала, твердо вѣрꙋю и несꙋмнѣнно содержꙋ; и всю надеждꙋ и ꙋпованіє моє в заслꙋзѣ страстей [1]) Гда Бга и Спса ншего Іисъ Хрта полагаю и певный того єсмъ, что не хощетъ Гдь Бгъ смрти грѣшнаго, но покаѧніѧ хощетъ; извѣстенъ єсмъ такожде, же не пришолъ призвати праведники, но грѣшники; вѣрꙋю и ѡ томъ несꙋмнѣнно, ѧко млсердію єго нѣстъ конца. л. 269.

А. Добрѣ сіє все глаголеши, но зри, єгда ѡный ѡстаный час искꙋшеніѧ прийдетъ, ѡ немъже глаголахъ вишше, жебы єси в чомъ не ꙋстꙋпилъ сꙋпостатовѣ: не вѣрꙋй ємꙋ, не поддавайсѧ ємꙋ, не ꙋпадай, не ѿчаевайсѧ, ажебы єси тоє исполнити ѧко найлацвѣйше [2]) моглъ, поки єще чꙋєшисѧ; ꙋдайсѧ до црци милосердиѧ, црци нбсной, црци всѣхъ агглов || і архангеловъ, об. призивай дѣвцꙋ Марію и млти, абы при тебѣ во времѧ тоє была, жебы за тобою млилася и справꙋ твою ꙋ Сна своєго боронила, жебы єси с тобою вѣрою и ꙋпованієм дотривалъ до ѡного часꙋ, когда дха твоєго Гдꙋ Бгꙋ предавати бꙋдеши. Оупова́й ꙋбо, снꙋ милій, блгаго Гда имами, готовѣйшій ѡнъ сотворити длѧ насъ, нежели мы, когда єго просимъ о ѧкоє блгодѣѧніє имами; ѧ такоже, длѧ того ꙋпованіѧ, длѧ такой вѣры, юже имаши, тебе не ѡставлѧю и всегда с тобою бꙋдꙋ, донелѣже сꙋдіѧ живых и

1) Въ рук.: и страстій.

2) Въ рук.: найметнѣйше.

меⷬтвыⷯ, Бг҃ъ сп҃ситель нш҃ъ Іис҃ъ Хрⷭ҇тосъ, ѡ твоиⷯ дѣлахъ декре҃ ꙋчини҃, которій правеⷣный и истиⷩный бꙋде҃.

Ч. Аще таꙗ тривога, такаꙗ брань, таковое бѣдствіе преⷯ смеⷬтію, чтожъ по смеⷬти бꙋде҃?

А. Гдь҃ Бг҃ъ бꙋде҃ хранителеⷨ твоимъ и всѣхъ своихъ вѣр-
л. 270. ныⷨ и сохрани҃ Ѿ таковіꙗ тривоги || и бѣдствіꙗ. Неподобнаꙗ то еⷭⷮ рѣчъ, абы ты [1]) то поняти возмоглъ; заразъ боѣмъ, скоро декретъ погибелный Ѿ справеⷣливого сꙋдии виданый бꙋде҃, диꙗволъ возрадꙋе҃ся, пекло все восклицати и играти бꙋде҃, дш҃ꙋ твою поⷬвꙋтъ ѡныи страⷲныи пекеⷧнии дивовиⷦка, а поⷬвавши бꙋдꙋ҃ ю носити по мѣстаⷯ прикриⷯ и пропаⷭⷮныⷯ и вовеⷬгꙋтъ ю на мѣсто, диꙗволꙋ и агг҃ломъ его ꙋготоваⷩное, на мѣсто мꙋкъ и страданіꙗ, на мѣсто полное страхꙋ и скрежета зꙋбнаго, на мѣсто нꙋⷥное и нещаⷭ҇ливое, на мѣсто полное ѡгня без свѣтлости, на мѣсто мꙋкъ безконечныⷯ, на мѣсто болѣзны без ꙋпокоꙗ, в неⷨже ѡгнь пали҃, а не спалитъ, мразъ стꙋжаетъ, а не заморозитъ, чеⷬвъ гризетъ, а не снѣдае҃, где плачъ и скреже҃ зꙋбомъ, гдѣ
об. алканіе, проклинаніе и страшное блюзнѣрство на создателя || своего, а томꙋ, ѡ чомъ глаголѣся, никогда конца не бꙋде҃, на вѣки вѣкомъ проⷨно его надѣятися; кромѣ того еще всего, не меⷩшая бꙋде҃ болѣзнь и мꙋка снѣдающой внꙋтръ непрестаⷩно совѣсти, которая его жаловати и сама себе проклинатⷯ бꙋдетъ, же не ꙋразꙋмѣла еси посѣщеніа своего; но Ѿ тихъ всѣхъ найбоⷥшꙋю и тяⷤчайшꙋю мꙋкꙋ бꙋде҃ теⷬпѣти бѣдная дꙋша, яко лица Бж҃ія видѣти не бꙋде҃ и Ѿлꙋчеⷩна бꙋде҃ Ѿ ѡныⷯ щасливыⷯ роскошей, которіи Ѿ найвысшаго [2]) и вѣчнаго добра походити бꙋдꙋⷮ [3]); яже ѡко не видѣ и ꙋхо не слиша, анѣ изглаголати, анѣ ѡписати и мислію постигнꙋти кто може҃, иⷤже сами тилко тии заживати мꙋ҃, что на семъ свѣтѣ в Гд҃а Бг҃а вѣровали, емꙋ слꙋжили, на смеⷬть и послѣдній дн҃ь безпрестаⷩно памятали [4]).

---

1) Въ рук.: абы и то.
2) Въ рук.: найвышшаго.
3) Въ рук.: бꙋде҃.
4) Въ рук.: помятали.

Ч. Ѡ, добрїй мой агг҃ле, блг҃одарꙋ тебѣ ѕѣло за тое, что еси мнѣ из'рекл ъ [1]) || сїѧ; молю бо тѧ, бꙋди со мною и ѡстави мнѣ, л. 271.
что тѧ многокрᷣне ѡбражалъ и твоего вꙺхновенїѧ и совѣтꙋ не слꙋхалъ, а найпаче ѿ того ꙋдалѧхсѧ, чесо нн҃ѣ всѣмъ серᷣцемъ жалꙋю. А понеже тебѣ такъ барзо блг҃опрїѧ҃но е моє спасенїе, мл҃ю тѧ, причинисѧ за мною хотѧй едини словомъ до Бг҃а Ѡц҃а, глюще: «Ѡ, Бж҃е Ѻч҃е и Гд҃и, избавителю дшъ человѣческы, е(г)да [2]) всꙋе создалъ еси сн҃ы члв҃ѣческїѧ, ибо не всꙋе пренайдражайшꙋю кровь ѿ бокꙋ своего излилъ еси, ибо не мертвїи бонстинꙋ восхвалѧ҃ тѧ, Гд҃и, ни вси нисходѧщїи во адъ; помѧни, Гд҃и, ѧко во безаконїихъ зача҃ есмъ и во грѣсе роди мѧ мати моѧ; почто трос сꙋхꙋ из'слѣдꙋеши и хощеши мѧ грѣхами юно҃ти моеѧ стерти? призри с висоти ст҃ыѧ твоеѧ и возри на пренайст҃ѣйшꙋю жертвꙋ, юже тебѣ приноси҃ единорѡ҃ный сн҃ъ твой Гд҃ь нашъ || Іс҃ъ [3]) Хр҃тосъ за моѧ и всѣхъ вѣрꙋющи согрѣшенїѧ, а ꙋмоленъ бꙋди на множествомъ безаконый моихъ, се гласъ крове избавителѧ моего, сн҃а твоего, Гд҃а нш҃его Іс҃а Хр҃та, вопи҃ со кр҃та до тебе; призри на лице его, Бж҃е Ѻч҃е, призри не на мои, но на его заслꙋги многїѧ, еже тебѣ послꙋшливъ бывъ даже до смерти, смерти же кр҃тныѧ; помѧни на тое, како тебѣ ѿ него за грѣхи наша доволно ꙋдовлетворенїе стало; блг҃оволи, Ѻч҃е нб҃сный, правен҃ымъ мѣриломъ из'мѣрити грѣхи, имиже на гнѣвъ тебе подвигохомъ, и страданїе, еже за ни претерпѣлъ невымный и вселюбезнѣйшїй сн҃ъ твой; ꙋзриши, бонстинꙋ, Бж҃е Ѻч҃е и Гд҃и, ѧко множае болшаѧ и тѧ҃чайшаѧ из'ѧвисѧ, и сего ради достойна бꙋдетъ, да еѧ ради излиеши мл҃осердїе свое на ны, а не грѣхъ и престꙋпленїѧ рады нашего во гнѣвѣ своемъ щедроти || своѧ ꙋдержиши; чрез того бо кр҃тнаго страданїѧ за- л. 272.
слꙋги, мл҃ю тѧ и милъ сѧ дѣю во ꙋмиленїи: не блг҃оволи погꙋбити мѧ, Гд҃и!»

А. Добре идетъ все, но еще призови ст҃ымныки, ап҃ы и ѡны

1) Въ рук. здѣсь повторено: еси.

2) Въ рук.: єда.

3) Въ рук.: и Іс҃ъ.

млилисѧ за тѧ, ти же непрестанно ѡграждайсѧ знаменіемъ крта стаго, а знаменающесѧ гли: «В рѹцѣ твои, Гди, предаю дхъ мой!» Яще же еще воз'можеши, такъ ꙗко и на початкѹ болѣзны твоеѧ сотворилъ еси, пѡкторе исповѣдай грѣхи своѧ Гдѹ Бгѹ, тѣло же и кровь Гда ншего Іса [1]) Хрта пріими и ѡстанее помазаніе стымъ елеемъ кажи возложити на сѧ. Напослѣдокъ положисѧ на волю Гпднюю, аще же бы диаволъ, грѣх ради твоих изновѹ нападалъ на тѧ и до ѿчаѧніѧ приводилъ, если ѹже не возможешъ ѹсти, мовъ же сердцемъ: «Гди Іисе Хрте, сне Бга
об. живаго, положи кртъ и страданіе || твое междѹ сѹдомъ твоимъ а дшею моею!» И поки не скончаешъ [2]), повторяй словеса сіѧ. Яще же благда полѹчиши, ѡ, како щасливаѧ дша твоѧ, ꙗко прійде до жениха своего Хрта Гда, егоже любила еси и боѧласѧ еси, абы на лонѣ его во цртвіи его небесномъ жила и веселиласѧ еси без'конечно и того заживала во вѣки. Ѹзриш тѧ дщери сиѡнъскіѧ, ѹвидиш вси хори аггласкіѧ, ѹвидятъ всѣхъ стых соборы и благословенною тѧ именовати бѹдѹт. Ѹслышиш [3]) также ѡблюбенца своего, глаголюща: «Востани и прійди, ближнѧѧ моѧ, добраѧ моѧ, голѹбице моѧ, ꙗко се зима прейде, дождъ ѿиде и пройде в' себѣ, цвѣти ꙗвишасѧ на земли нашой; прійди, да возрадѹешисѧ пред лицемъ моимъ, се посаждаю тѧ на пртолѣ моемъ, зане возделѣхъ доброти твоеѧ; вныйди к радост Гда твоего, еже никто ѿ тебе ѿдалити може!» Яле ꙗко вижд ѹ, || ѡчи твои во
л. 273. мѹ заходѧт и слух тѹпѣетъ, а такъ тилко глаголи в сердци своемъ: «Гды Іисе Хрте, сне Бжій, Бже ншъ, рады пртыѧ Дѣвы Бцы помилѹй мѧ грѣшнаго! престаѧ Дво Бце, помилѹй мѧ грѣшнаго!» И в томъ ѹпованіи Гдѹ Бгѹ порѹчайсѧ и в его пртіи рѹцѣ дшѹ свою полѣцай, азъ же тѧ не оставлю до послѣднего твоего издыханіѧ, но при тебѣ бѹдѹ, донелѣже Гдѹ Бгѹ предаси твоего дха. Яминь.

Ю. А. Яворскій.

---

1) Въ рук.: и Іса.
2) Въ рук.: сканаешъ.
3) Въ рук.: ѹслышиш.

Библіографія.

И. Эндзелинъ. Славяно-балтійскіе этюды. Харьковъ. 1911.

Настоящее изслѣдованіе вызвано, по словамъ автора, настоятельною необходимостью пересмотрѣть вопросъ о существованіи славяно-балтійской эпохи, послѣ того какъ онъ подвергся отрицательному отношенію сначала со стороны И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, а въ послѣднее время со стороны А. Мейе. Приведя мнѣніе А. Мейе, по которому славянскіе и балтійскіе языки являются потомками одной и той же группы говоровъ индоевропейскаго праязыка, причемъ, можетъ быть, существовала даже болѣе или менѣе продолжительная эпоха единства, не произведшая, однако, никакихъ значительныхъ общихъ новообразованій, проф. Эндзелинъ заявляетъ въ предисловіи къ своему труду, что онъ съ выводами А. Мейе не вполнѣ согласенъ, признавая, подобно большинству языковѣдовъ, предположеніе общей славяно-балтійской эпохи не только возможнымъ, но даже правдоподобнымъ. Въ концѣ труда (с. 200—201) авторъ подводитъ итоги своему изслѣдованію. Изъ нихъ видно, что въ сущности онъ пришелъ къ двойственному выводу, и эта двойственность представляется значительною уступкой тѣмъ языковѣдамъ, которые отрицаютъ славяно-балтійское единство. «Уже въ эпоху общаго индо-европейскаго праязыка—говоритъ авторъ—«славянскій» говоръ кое-чѣмъ отличался отъ «балтійскаго» говора, занимая приблизительно срединное положеніе между «арійскимъ» и «балтійскимъ» говорами. Когда же при распаденіи общаго праязыка арійцы отдѣлились территоріально отъ славянъ, послѣдніе, оставаясь ближайшими сосѣдями балтійскаго племени, вступили съ нимъ въ эпоху совмѣстной жизни, во время которой ихъ языки были еще настолько близки другъ къ другу, что славяне еще понимали балтійскую рѣчь и наоборотъ. Въ то время ихъ языки обогатились цѣлымъ рядомъ

общихъ имъ новыхъ словъ и подверглись нѣкоторымъ (немногимъ) общимъ измѣненіямъ въ области фонетики, морфологіи и синтаксиса. Можно, значитъ, на мой взглядъ, говорить о «славяно-балтійской эпохѣ»; терминомъ же «славяно-балтійскій праязыкъ» лучше будетъ не пользоваться, такъ какъ это выраженіе легко порождаетъ мысль о полномъ единствѣ въ лингвистическомъ отношеніи».

Итакъ, съ одной стороны, допускается славяно-балтійская эпоха, совмѣстная языковая жизнь славянъ и балтійцевъ, съ другой, предполагается исконное различіе языковъ славянскаго и балтійскаго, восходящее къ эпохѣ индоевропейскаго праязыка. Авторъ оба основныя свои положенія обставляетъ доказательствами.

Первое положеніе—необходимость допустить славяно-балтійскую эпоху—доказывается, во-первыхъ, наличностью значительнаго числа общихъ новообразованій въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, во-вторыхъ, наличностью въ нихъ значительнаго числа общихъ остатковъ старины, унаслѣдованныхъ изъ индоевропейскаго праязыка. Собранныя проф. Эндзелиномъ доказательства въ общемъ весьма убѣдительны; они основываются на глубокомъ и обширномъ знакомствѣ какъ съ фактами языковъ, изслѣдованныхъ авторомъ, такъ и съ научной лингвистической литературой [1]). Мы имѣемъ въ трудѣ проф. Эндзелина подборъ данныхъ изъ фонетики, морфологіи и синтаксиса, свидѣтельствующихъ, какъ думали до сихъ поръ, о существованіи славяно-балтійскаго праязыка или, какъ думаетъ авторъ, славяно-балтійской эпохи.

Къ сожалѣнію авторъ воспользовался далеко не всѣми данными, представляемыми славянскими и балтійскими языками, при опредѣленіи общихъ имъ явленій. Такъ особенно замѣтенъ пробѣлъ въ отношеніи къ явленіямъ, связаннымъ съ долготой и удареніемъ. На стр. 105 авторъ замѣчаетъ, что сказать въ области славяно-балтійской акцентологіи что-нибудь новое почти невозможно безъ предварительнаго детальнаго изученія въ этомъ отношеніи всѣхъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ; но для цѣлей автора важно было бы, чтобы онъ повторилъ въ своемъ изложеніи кое-что старое, уже доказанное. Такъ имъ не указано то соотвѣтствіе въ природѣ удареній (при извѣстныхъ, впрочемъ, условіяхъ), какое

---

1) Напрасно авторъ настаиваетъ на праслав. переходѣ *з* въ *з* передъ удареніемъ (стр. 75—76). Возможность того, что въ мяздра и ноздри является индоевроп. суффиксъ -dhro-, -dhrā-, допускается на стр. 77; малор. мя́знути ,толстѣть' не стоитъ въ связи со словомъ мясо, ср. малор. мяз, мязь: толщина, плотность; мязкій, мяскій: мягкій, мясистый. Въ пользу теоріи Zupitza остается только одно слово: слав. грозá при лит. grasà ,отвращеніе, угроза, страхъ'.

замѣчается между славянскими и балтійскими языками. Славянскому нисходящему ударенію соотвѣтствуютъ литовское восходящее и древне-прусское нисходящее удареніе; славянскому восходящему ударенію соотвѣтствуютъ литовское нисходящее и древне-прусское восходящее удареніе (для древне-прусскаго см. изслѣдованіе Ф. Ѳ. Фортунатова въ РФВ т. XXXIII, Beiträge zur Kunde der indogerm. Spr. XXII). Правда, различія въ долготахъ восходятъ къ индоевропейскому праязыку, но ни въ одномъ изъ другихъ индоевропейскихъ языковъ, различія эти не отразились въ такой закономѣрности на самомъ качествѣ ударенія, какая замѣчается въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ. Авторъ останавливается на другомъ общемъ этимъ языкамъ явленіи въ области удареній, на переносѣ ударенія на «акутированную» гласную; но это явленіе излагается имъ не точно; удареніе переносится не только съ предшествующаго «циркумфлектированнаго» слога, но также и съ краткаго: ср. литовск. ratù им. дв. при ra͂to р. ед., слав. rogà им. дв. при ròga р. ед. (русск. рогà при рòга) 1).

Не выяснено авторомъ, почему онъ не воспользовался цѣлымъ рядомъ общихъ славянскимъ и балтійскимъ языкамъ явленій въ области глагольныхъ формъ. Изслѣдованія Г. К. Ульянова и Ф. Ѳ. Фортунатова доказали тѣсную связь между глагольными видами въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ. Сложеніе глаголовъ съ предлогами, очевидно, еще въ славяно-балтійскую эпоху вносило значеніе совершеннаго вида. Изъ выводовъ Ульянова и Фортунатова можно заключить, что при этомъ между балтійскими и славянскими языками существуетъ различіе: въ славянскихъ языкахъ предлогъ вноситъ значеніе совершеннаго вида, все равно, имѣетъ ли онъ только значеніе префикса или сохраняетъ реальное значеніе предлога; между тѣмъ въ литовскихъ и латышскихъ язы-

---

1) Нежеланіе автора углубиться въ «дебри славяно-балтійской акцентологіи» было причиной многихъ ошибочныхъ его сужденій. Вопреки сказанному имъ на с. 148, сербскія формы вродѣ mrı̏, pèci не указываютъ на акутированность конечнаго слога; какъ видно хотя бы изъ чакавск. sestrȁ, sestrù, въ общеслав. конечныя гласныя вообще сокращались независимо отъ качества исконной долготы; первоначальное качество ударенія сохранялось только въ односложныхъ словахъ (ср. сербск. trî, діалект. mí, ví) и въ первомъ слогѣ двусложныхъ. Что до долготы въ сербск. kćî (о чемъ у автора на стр. 149), то она новаго происхожденія и вызвана выпаденіемъ глухого въ предшествующемъ слогѣ; ср. сербск. stô изъ sъtò, dvâ изъ dъvá (съ акутированнымъ *a*). Кстати замѣчу, что общеслав. удареніе vólci (русск. вóлки, сербск. vûci) свидѣтельствуетъ, вопреки автору (с. 144, 14), о циркумфлектированной долготѣ дифтонга—*oi*.

какъ значеніе совершеннаго вида вносится только тѣми предлогами, которые имѣютъ значеніе префикса. Сдѣланныя проф. Эндзелиномъ указанія въ другомъ трудѣ его (Латышскіе предлоги, ч. II, с. 106) дѣлаютъ вѣроятнымъ, что значеніе совершеннаго вида по крайней мѣрѣ въ латышскомъ языкѣ принадлежитъ и тѣмъ сложнымъ глаголамъ, въ которыхъ сохранилось реальное значеніе предлоговъ. И въ частностяхъ видимъ совпаденіе въ видахъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ; напр. сложныя съ ра—ро въ литовско-латышскомъ и въ славянскихъ языкахъ могутъ имѣть то особое значеніе, которое Ульяновъ опредѣлилъ терминомъ детерминативное (pakukūti, покуковать); настоящее время совершеннаго вида получило въ литовско-латышскомъ и славянскихъ языкахъ какъ значеніе готовности, такъ и нѣкоторыя другія общія значенія (Ульяновъ, «Знач. глаг. основъ», II, 31, 154, 336 и др.)[1]).

Не остановился авторъ и на общемъ славянскимъ и балтійскимъ языкамъ образованіи средняго или, какъ его называютъ многіе изслѣдователи, возвратнаго залога. Думаю, что В. К. Поржезинскій вѣрно указалъ на то, что въ славяно-балтійскомъ языкѣ исчезла индоевропейская форма средняго залога и что тогда же языку пришлось прибѣгнуть къ словосочетаніямъ, состоящимъ изъ глагола и возвратнаго мѣстоименія, для того чтобы вознаградить себя за эту утрату. Проф. Поржезинскимъ вѣрно отмѣчено, что какъ славянскими такъ и балтійскими (литовскимъ и латышскимъ) языками употреблялся для этой цѣли не только дательный, но и винительный падежъ возвратнаго мѣстоименія (ср. латыш. sa и se). При этомъ въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ наблюдаются одни и тѣ же оттѣнки въ значеніи формъ средняго залога, какъ это указано Поржезинскимъ («Возвратная форма глаголовъ въ литовск. и латышск. языкахъ», М. 1903).

Второе свое положеніе — наличность исконныхъ различій между славянскими и балтійскими языками—авторъ доказываетъ критическимъ разсмотрѣніемъ старыхъ различій между этими языками, а старыми авторъ признаетъ различія въ непосредственной передачѣ того или иного общеиндоевропейскаго звука. Проф. Эндзелинъ правильно отвергаетъ доказательную силу многихъ изъ такихъ отличій (напр. соотвѣтствіе индо-

---

1) Правда, въ готскомъ языкѣ сложные съ предлогами глаголы могутъ имѣть, какъ и въ славяно-балтійскихъ, недлительное значеніе (ср. Ульяновъ, назв. соч., стр. 301 и сл.), но ближайшая связь славяно-балтійскихъ и готскихъ явленій сюда относящихся не опредѣлена. О различіи въ значеніи кельтскихъ (ирл. и брит.) сложныхъ съ предлогами глаголовъ и славянскихъ см. у H. Pedersen'a, Vergl. Gramm. der kelt. Spr. II, § 578.

европейскому *ā* звука *a* въ балтійскихъ, *o* въ славянскихъ, а индоевропейскому *ō* звука *o* въ славянскихъ, *a* въ балтійскихъ)[1]. Только два звуковыя явленія представляются автору относящимися къ исконнымъ различіямъ между славянскими и балтійскими языками: это, во-первыхъ, измѣненіе индоевроп. звука *s*, во-вторыхъ, измѣненіе индоевроп. звука *kh* въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ. Подробное разсмотрѣніе славянскихъ словъ, содержащихъ звукъ *x*, убѣдило проф. Эндзелина въ томъ, что славянское *x* восходитъ, во-первыхъ, черезъ посредство *š* къ индоевропейскому *ks* и *s* (стр. 69—74), во-вторыхъ къ индоевропейскому *kh* (стр. 115—127); между тѣмъ балтійскіе языки (собственно литовскій), хотя и имѣютъ *š* вм. *s*, но при иныхъ условіяхъ, чѣмъ славянскіе, а индоевропейское *kh* перешло въ нихъ въ *k*. Судьба *s* въ славянскихъ языкахъ, какъ указано и предшествовавшими проф. Эндзелину изслѣдователями, сходна съ судьбою *s* въ арійскихъ языкахъ, а именно *s* переходитъ въ *š* и въ тѣхъ и въ другихъ языкахъ послѣ *i*, *u*, *r*, *k*. На стр. 74 авторъ допускаетъ, что переходъ *s* въ *š* діалектическое явленіе еще общеиндоевропейскаго языка; слѣдовательно, славянскіе и арійскіе языки восходятъ къ однимъ діалектамъ, а балтійскіе къ другимъ. Сходную аргументацію находимъ у автора и относительно *kh*. Какъ извѣстно, восточные діалекты (арійскіе) сохраняютъ индоевропейскіе глухіе придыхательные *kh*, *ph*, *th*, между тѣмъ какъ западные (всѣ европейскіе) замѣнили ихъ черезъ *k*, *p*, *t*; но въ славянскихъ языкахъ индоевропейскому *kh* соотвѣтствуетъ, по мнѣнію автора, звукъ *x*; отсюда выводъ: славянскій языкъ восходитъ къ восточнымъ индоевропейскимъ діалектамъ, гдѣ *kh* (*ph*, *th*) сохранялись какъ придыхательныя.

Эти положенія автора, по своей важности, заслуживали бы обстоятельнаго разсмотрѣнія. Не соглашаясь съ ними, я принужденъ, однако, ограничиться немногими замѣчаніями. Признаю за авторомъ заслугу пересмотра вопроса о судьбѣ славянскаго *s* и нахожу, что его изслѣдованія подтвердили положеніе Бодуэна-де-Куртенэ, Зубатаго, Бругмана, Педерсена и др. о томъ, что *s* перешло въ славянскомъ въ *x* въ положеніи послѣ *i*, *u*, *r*, *k*. Въ особенности важна работа автора въ отношеніи судьбы *s* въ литовскомъ языкѣ; онъ доказалъ, что *s* въ литовскомъ языкѣ переходитъ послѣдовательно въ *š* послѣ звуковъ *r* и *k*; кромѣ того, имъ доказано, что *s* переходитъ въ *š* послѣ *i*, но не всегда, а только тогда,

---

1) Напрасно авторъ на стр. 107, слѣдуя Кречмеру, утверждаетъ, что передача слав. *a* черезъ *o* въ греческихъ заимствованныхъ словахъ свидѣтельствуетъ о произношеніи слав. *o* какъ *a*; вѣдь греки заимствовали эти слова у южныхъ славянъ, уже по распаденіи общеслав. праязыка.

когда за *s* слѣдуетъ еще *k* (стр. 54). Невыясненными остались случаи, гдѣ *š* вмѣсто *s* является послѣ *u* (напр. vetušas, kriuša, jušė), а также послѣ дифтонга, исконно оканчивавшагося на *i* (rěšutas, maišas). Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ измѣненіи *s* послѣ *i* и *u* въ славянскихъ и балтійскихъ языкахъ, видимъ что между этими языками наблюдается тождество въ отношеніи судьбы *s* послѣ *k* и *r*: и въ литовскомъ и въ славянскомъ оно переходитъ въ такомъ положеніи послѣдовательно въ *š*. Это обстоятельство дѣлаетъ для меня совершенно непонятнымъ, почему авторъ отдѣлилъ славянское явленіе отъ литовскаго (балтійскаго) и сблизивъ его съ арійскимъ, нарушилъ при этомъ то мудрое правило, которое преподано имъ самимъ на стр. 173 (гдѣ указано на необходимость сопоставлять славянскія явленія прежде всего съ балтійскими). Впрочемъ, рѣзкаго отдѣленія относящихся сюда литовскихъ и славянскихъ явленій въ изслѣдованіи автора не замѣчается; на стр. 73 онъ допускаетъ возможность того, что «возникшая среди лингвистическихъ предковъ арійцевъ и славянъ тенденція къ замѣнѣ *s* шипящимъ *š* охватила также зачатки теперешнихъ балтійскихъ языковъ, проявляясь однако тутъ въ менѣе широкихъ размѣрахъ (только послѣ *r* и *k*)». Правда, на с. 74 авторъ самъ отвергаетъ эту возможность и, сославшись на нѣмецкій языкъ, находитъ «по крайней мѣрѣ очень возможнымъ, что также литовское *š* изъ *s* только случайно (да и то лишь частично) совпадаетъ съ аналогичнымъ звукомъ арійскихъ и славянскихъ языковъ». Но еще на стр. 58 проф. Эндзелинъ признавалъ правдоподобною гипотезу Педерсена, по которой «какъ въ арійскихъ языкахъ и въ литовскомъ, такъ и въ праславянскомъ *s* первоначально при извѣстныхъ условіяхъ перешло въ *š* не только передъ гласными, но и передъ согласными» (авторъ ошибается: Педерсенъ не допускалъ перехода *s* въ *š* и далѣе въ *x* въ славянскомъ передъ мгновенными согласными и это—въ противоположность арійскому языку, гдѣ измѣненіе *s* въ *š* наступало и передъ мгновенными согласными, ср. IF. V, 75, 71). Во всякомъ случаѣ авторъ не представилъ никакихъ основаній для признанія перехода *s* въ *š* въ литовскомъ и *s* въ *x* въ славянскомъ явленіями, не стоящими въ прямой связи между собою, а это дѣлаетъ совершенно невѣроятнымъ предположеніе о какой-то тѣсной связи соотвѣтствующаго славянскаго явленія съ арійскимъ. Необходимо, думаю, при изслѣдованіи относящихся сюда явленій остановиться еще на слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Во-первыхъ, нельзя согласиться съ предположеніемъ автора (ср. въ особенности стр. 72), что славянское *x* восходитъ къ палатальному *š* и что, слѣдовательно, *s* въ положеніи послѣ *r*, *k*, *i*, *u* переходило въ палатальное *š*; подобный переходъ былъ бы въ особенности страненъ

послѣ *k* и послѣ *u*[1]). Вѣроятнѣе думать, что *s* послѣ указанныхъ звуковъ, не измѣняясь въ *š*, получало ту или иную специфическую окраску, обусловленную вліяніемъ на *s*, съ одной стороны, палатализованныхъ звуковъ (*i*, можетъ быть, и *ŕ*), съ другой, лабіализованныхъ (*u*, *r*ᵘ и *k*). То обстоятельство, что *s* измѣняется одинаково послѣ тѣхъ и другихъ звуковъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что въ аффектированномъ произношеніи *s* соединялись два оттѣнка—палатализаціи и лабіализаціи, т. е. что *s* переходило въ лабіализованное палатальное *s*. Возможно, что подобное аффектированное *s* восходитъ по крайней мѣрѣ къ славяно-литовской эпохѣ; послѣ согласныхъ (*k* и *r*) оно удержалось и въ балтійскомъ и въ славянскомъ (отсюда литовское *š* и славянское *х*); послѣ *i*, *u* аффектированное *s* вообще удержалось въ славянскомъ (отсюда *х*), между тѣмъ какъ въ балтійскомъ оно удерживалось только при наличности какихъ-то сопровождающихъ условій, вѣроятно, дававшихся въ звукахъ, слѣдовавшихъ за *s*; передъ шумными согласными *s* въ славянскомъ теряло аффектацію, а въ балтійскомъ нѣтъ (ср. слав. -ьск- при лит. -išk-).

Во-вторыхъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора о томъ, что индоевроп. сочетаніе *sk̑* послѣ *i*, *u*, *r* перешло въ славянскомъ въ *х*, а въ литовскомъ въ *š* (ср. с. 58, гдѣ напр. слав. мѣхъ, литовск. maišas возводятся къ *moisko̯s или *maiskos). Повидимому, еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ *sk̑* послѣ *i*, *u* чередовалось съ *sk*, причемъ въ славяно-балтійскомъ являются формы съ *sk*; ср. слав. искати, лит. jëškoti при древнеинд. iccháti; слав. тъщь (изъ *tuskjos) ср. древнеинд. tuccha-; слав. пискати ср. древнеинд. picchorā, piccholā «Pfeife, Flöte», и др. (ср. J. Wackernagel, Altindische Grammatik. I, 155).

Въ-третьихъ, славянскіе и балтійскіе языки въ отношеніи судьбы *s* послѣ *k* сближаются между собою еще и тѣмъ, что сочетаніе *gz* подверглось въ нихъ аналогичному измѣненію, а именно переходило въ литовскомъ въ *gž*, а въ началѣ слова въ *ž*, въ славянскомъ же въ γ, т. е. въ звонкую фрикативную согласную. Переходъ *gz* въ *gž* въ литовскомъ разсматривается авторомъ на стр. 112—113. Приведу случаи, гдѣ сочетанію *gz* въ началѣ слова соотвѣтствуетъ въ литовскомъ *ž*, а въ славянскомъ γ. Сюда относятся: литовск. žvirblis, воробей, при великорусск.

---

1) Мнѣ не ясно, почему авторъ не приводитъ и не опровергаетъ объясненія хромъ изъ *kromos, ср. древнд. srāmás изъ *krāmas (Pedersen, IF, V, 70; Wackernagel, Altindische Gramm., I, 232), прибѣгая къ весьма сомнительному предположенію о палатализаціи *s* въ словахъ, обозначающихъ нѣчто, къ чему относятся съ презрѣніемъ или отвращеніемъ (стр. 71, 72).

воробей, веребей, малорусск. горобець, горобель, воробець, гворобець, старослав. врабии (общеслав. *γvorь-); литовск. žvairiù žvairéti ,косить глаза' при сербск. гвúрити ,смотрѣть пристально на что-нибудь' и вирити ,глядѣть' (общеслав. *γvīr-); литовск. žvirzdai, žvirgždas, žvirgždai ,крупный песокъ, дресва, гравій' при великор. гверста ,самый крупный песокъ, гравій' (общесл. *γvьrst- причемъ γ свидѣтельствуется произношеніемъ γверстá, извѣстнымъ мнѣ изъ Петрозав. уѣзда). Возможность сочетанія *gz* въ началѣ индоевроп. слова свидѣтельствуется напр. возможностью сочетанія *ghs* (изъ ghas) въ началѣ слова, откуда арійское gžh, древнеинд. *kṣ* (kṣāyati ,сжигаетъ', ср. Wackernagel, l. c., S. 239)[1]).

Перехожу къ вопросу о соотвѣтствіи славянскаго *x* индоевропейскому *kh*. Впервые онъ былъ выдвинутъ рано скончавшимся и много обѣщавшимъ лингвистомъ И. И. Козловскимъ (Archiv für slav. Ph., B. XI). Педерсенъ въ извѣстной своей статьѣ о переходѣ *s* въ славянское *x* (IF V, 50) поддерживалъ положеніе Козловскаго во всемъ его объемѣ, т. е. допускалъ, что индоевроп. *kh* перешло въ слав. въ *x*, въ греч. *χ*, въ латинск. въ *h*, въ герм. въ *h* (ср. готск. hlaibs, латинск. libum, слав. хлѣбъ). Мейе въ Introduction à l'étude compar.², p. 62, держался того же мнѣнія, допуская между прочимъ, что *ph*, *kh* переходили въ греческомъ въ φ, χ. Проф. Эндзелинъ занялъ въ этомъ вопросѣ своеобразную позицію, впрочемъ, отчасти напоминающую точку зрѣнія Мейе, высказанную имъ въ Les dialectes indo-europ., 83. Указавъ на то, что въ италійскихъ языкахъ на мѣстѣ *kh*, *ph*, *th* получились *k*, *t*, *p*, проф. Эндзелинъ строитъ гипотезу, по которой колебаніе между tenues aspiratae и tenues было отраженіемъ діалектической волны индоевропейскаго праязыка, имѣвшей исходную точку на крайнемъ востокѣ и ослабѣвавшей по направленію къ западу (стр. 117—118); Мейе держится противоположнаго взгляда, принимая, что діалектическая волна, ведущая къ совпаденію tenues aspiratae и tenues, двинулась съ запада на востокъ. Германскіе, равнымъ образомъ и кельтскіе языки, какъ указано проф. Эндзелиномъ, должны быть оставлены въ сторонѣ вслѣдствіе особыхъ условій, сопровождавшихъ въ нихъ измѣненіе придыхательныхъ согласныхъ (въ германскихъ языкахъ индоевроп. *p*, *t*, *k* и *ph*, *th*, *kh* могли совпасть въ глухихъ спирантахъ, въ кельтскихъ, при совпаденіи mediae aspiratae съ mediae, могло произойти и совпаденіе tenues aspiratae съ tenues). Уже это обстоя-

---

1) Замѣчу, что проф. Эндзелиномъ не приняты во вниманіе статьи А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. П. 1905, май) и С. К. Булича (т. ж., іюль), гдѣ сообщены нѣкоторыя важныя замѣчанія по вопросу о слав. *x* изъ *s*.

тельство заставляетъ усомниться въ томъ, чтобы проф. Мелье и Эндзелинъ имѣли достаточное основанiе для построенiя подобной гипотезы о дiалектической волнѣ, шедшей съ запада на востокъ или обратно съ востока на западъ. Относительно славянскихъ языковъ замѣчу, что, если дѣйствительно въ нихъ существовали нѣкогда tenues aspiratae, то ихъ ожидала та судьба, которую авторъ опредѣляетъ на стр. 118: въ славяно-балтiйскихъ языкахъ «при совпаденiи mediae aspiratae съ mediae могло произойти и совпаденiе *ph*, *th*, *kh* съ *p*, *t*, *k*». Поэтому, казалось бы, искать въ славянскихъ языкахъ особыхъ отраженiй для tenues aspiratae такъ же безнадежно, какъ въ балтiйскихъ или въ кельтскихъ. Но авторъ на с. 120 дѣлаетъ иное заключенiе: «Итакъ,—читаемъ мы—, послѣ этихъ апрiорныхъ соображенiй приходится признать, что рѣшенiе вопроса о славянскомъ *x* при индоевр. *kh* всецѣло зависитъ отъ качества этимологiй, приведенныхъ въ пользу мнѣнiя Педерсена». Разсмотрѣнiе этихъ этимологiй привело автора къ отрицательному выводу: приведенные Педерсеномъ примѣры еще не доказываютъ прaславянскаго *x* изъ индоевр. *kh* (стр. 125)[1]. Совершенно неожиданно дальнѣйшее разсужденiе автора (стр. 126): «На этомъ я и могъ бы покончить съ вопросомъ о слав. *x* изъ индоевр. *kh*, если бы нѣкоторыя другiя данныя меня не побуждали всетаки считать эту гипотезу Педерсена возможной и, пожалуй, даже вѣроятной». Данныя приводятся ниже, а самое привлеченiе ихъ оправдывается двумя соображенiями: 1) если отрицать славянское *x* изъ индоевр. *kh*, то остается слишкомъ много славянскихъ словъ съ загадочнымъ *s*; 2) нѣкоторыя балтiйскiя слова съ *k* и нѣкоторыя германскiя слова съ *h* очень похожи на славянскiя формы съ *x*, причемъ мысль о заимствованiи, кажется, исключена. Авторъ перечисляетъ эти слова, признавая, что они доказываютъ гипотезу Педерсена лучше, чѣмъ только что отвергнутыя авторомъ этимологiи самого Педерсена.

Но по поводу большинства приведенныхъ авторомъ сближенiй возможны сомнѣнiя. Относительно слова хохо́лъ едва-ли не правъ Бернекеръ, признавшiй въ немъ удвоенiе. Приведя при словѣ хомя́къ латышское kāmis, авторъ (отличный знатокъ латышскаго языка) выражаетъ неувѣренность относительно того, существуетъ ли такое латышское

---

1) Слово сѣръ восходитъ, однако, къ *xoiros (стр. 122); словацкiй языкъ, какъ и всѣ прочiе западнослав. языки, замѣнилъ общеславянское *š* (изъ *x*) черезъ *š*, что ясно изъ словъ какъ však, veškerý, všetok; въ словацкихъ trose, muse, ženisi звукъ *s* замѣнилъ *š* подъ влiянiемъ *s* (изъ *h*) въ словахъ какъ noze, bozi. Всего вѣроятнѣе, что слав. *xoiros (откуда сѣръ) заимствовано изъ германскаго.

слово; является вопросъ объ отношеніи kamis къ нѣмецк. Hamster. Славянское *xorbrъ (старослав. храбръ) удачно сопоставляется авторомъ съ латышск. skarbs ,острый, строгій, суровый, задорный' и древне-исл. skarpr ,острый'; *xorbrъ въ виду этого естественно возводить къ *ksorbros; ср. сдѣланное авторомъ на с. 43 указаніе на возможность происхожденія балтійскаго *sk* и германскаго *sk* изъ *ks* (ср. лит. skubinti ,торопить' готск. -skiuban ,пихать, толкать' при древнеинд. kšubhyati, kšōbhatē). Слово хвѣяться самъ авторъ сопоставляетъ съ хвой, а хвой, сопоставленное съ лит. skujá, представляетъ, согласно даннымъ авторомъ на с. 43 указаніямъ, *x* изъ *ks*. Напрасно авторъ допускаетъ въ общеслав. *grьbьtъ при *xrьbьtъ; польское grzbiet, grzybiet ведетъ къ общеславянскому xrьbьtъ; слѣдовательно, предположеніе о чередованіи въ этомъ словѣ индоевроп. *kh* и *gh* падаетъ. Русское хробость, польск. chrobak, robak ,червякъ' сопоставляются авторомъ съ латышскимъ krabinât ,царапать', литовск. krebždėti ,тихо шелестить, шумѣть', латышск. krabas ,какая-то морская рыба'; авторъ упустилъ при этомъ изъ виду связь латышск. словъ съ нѣмецк. krabbeln ,царапать', krabbe ,краббъ' (передъ нами, очевидно, заимствованіе, ср. финск. rapu ,ракъ' изъ средне-верхнѣм. krabba) и связь литовскаго слова со словами skrebėti, слав. скрести. Сопоставленіе общеслав. *xormъ (старослав. храмъ) съ древнеинд. harmyam представляетъ чередованіе *kh* съ *gh*, а потому недоказательно. Остаются изъ всего ряда приведенныхъ авторомъ словъ только общеслав. *xvorstъ (русское хворостъ) при герм. *xursluz, кустарникъ ,лѣсокъ' и хъrtъ (русск. хортъ) при герм. *hrudio (Rüde). Разумѣется, этихъ двухъ словъ, если прибавить къ нимъ и слав. соха при лит. šakà[1]), недостаточно для доказательства защищаемаго авторомъ положенія о соотвѣтствіи славянскаго *x* индоевропейскому *kh*.

Такимъ образомъ проф. Эндзелину не удалось подтвердить наличности исконныхъ чертъ различія между славянскими и балтійскими языками. Тѣмъ сильнѣе выясняется необходимость согласиться съ главнымъ его положеніемъ о существованіи славяно-балтійской эпохи. Но, конечно, нѣтъ основанія признавать ее наступившею въ результатѣ позднѣйшаго сближенія, позднѣйшаго сожительства славянъ и литовцевъ.

А. Шахматовъ.

---

1) Не слѣдуетъ упускать изъ виду связи древнеинд. çâkhâ съ древнеинд. çankúš ,колъ', сопоставляемымъ съ слав. сѫкъ (Педерсенъ, l. c., 50).

Проф. Мих. Грушевскій. Кіевская Русь. Т. I: Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства. Спб., 1911.

Профессоръ Львовскаго университета М. С. Грушевскій предпринялъ изданіе, имѣющее цѣлью сдѣлать его обширный трудъ—«Історію Украіни Руси»—болѣе доступнымъ для русскихъ читателей не украинцевъ. Своеобразна судьба въ нашей исторической литературѣ этого труда, доведеннаго въ 7 большихъ томахъ до 1625 г. Основанный на проработкѣ обширнаго матеріала источниковъ и научныхъ трудовъ, онъ незамѣнимъ для русскаго историка не только какъ цѣнный продуктъ самостоятельнаго научнаго творчества, обращеннаго на изученіе судебъ Южной Руси и украинской народности, но и какъ современный итогъ добытаго коллективной работой въ этой области изученій, отличающійся значительной полнотой и тщательностью. Однако трудъ М. С. Грушевскаго нельзя, повидимому, назвать распространеннымъ въ средѣ занимающихся русской исторіей: этому долго препятствовали запретъ, лежавшій на книгахъ украинской печати, и—сильно преувеличенное—представленіе о затрудненіи, какое встрѣчаетъ русскій читатель въ чтеніи книгъ на украинскомъ языкѣ. М. С. Грушевскій издалъ сжатый «Очеркъ исторіи украинскаго народа» на общерусскомъ литературномъ языкѣ (2 изданія: Спб., 1904 и 1906), ознакомившій съ общей схемой его исторической концепціи. Теперь онъ даетъ намъ извлеченіе изъ своего украинскаго труда—исторію Кіевской Руси (предположено 5 т. т.), имѣя въ виду «отсутствіе въ русской исторической литературѣ книги, которая бы вводила интересующагося въ основные вопросы культурнаго и общественнаго процесса древней Руси». Съ этою цѣлью М. С. Грушевскій нѣсколько приспособляетъ свое «извлеченіе» изъ «работы, ставившей себѣ другія цѣли», выпуская кое-что, касавшееся спеціально южной жизни, сокращая библіографію. За то, въ другихъ отношеніяхъ, «извлеченіе» является пересмотрѣннымъ изданіемъ украинскаго труда: значительно освѣжены литературныя указанія, мѣстами и само изложеніе. Но «мѣстная исторія сѣверозападныхъ и сѣверовосточныхъ областей, лежащихъ внѣ украинской колонизаціи» останется внѣ разсмотрѣнія, и это, неизбѣжно, наложитъ

на «Кіевскую Русь» печать неполноты и односторонности. Изученіе «общаго культурнаго наслѣдія, которымъ располагали восточно-европейскія племена въ эпоху созданія Кіевскаго государства, и тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ развивался культурный и общественный процессъ, захватившій провинціи Кіевскаго государства»,—не исчерпывается разсмотрѣніемъ Кіевской Руси, какъ явленія украинской исторіи. М. С. Грушевскій признаетъ это и самъ, а мы предпочли бы имѣть просто переводъ «Исторіи Украйны», который вполнѣ сохранилъ бы оригинальную концепцію М. С. Грушевскаго, не приспособляя ея къ чуждому понятію «исторіи древней Руси». Научно-существенныхъ результатовъ такое приспособленіе все равно не дастъ, разъ авторъ, относя образованіе украинской, великорусской и бѣлорусской культурно-этнографическихъ индивидуальностей ко временамъ «доисторическимъ», отрицаетъ возможность «общерусской» исторіи даже для такъ наз. «Кіевскаго періода» [1]). Впрочемъ, и съ такой точки зрѣнія исторія Кіевской Руси должна бы включить въ себя исторію всѣхъ «провинцій Кіевскаго государства».

Оговорки эти касаются, отчасти, и появившагося теперь перваго тома. Онъ содержитъ введеніе въ исторію Кіевской Руси—обзоръ судебъ «территоріи, колонизированной южной группой восточно-славянскихъ племенъ», славянскаго разселенія на ней и характеристику культурнаго состоянія и общественнаго строя «мѣстнаго славянскаго населенія» съ древнѣйшихъ временъ и до эпохи образованія Кіевскаго государства, включительно. Съ большой осторожностью далъ М. С. Грушевскій критическій итогъ свѣдѣній о прошломъ восточно-европейской равнины, какія добыты доисторической археологіей, антропологіей, сравнительнымъ языкознаніемъ, изученіемъ иноземныхъ письменныхъ источниковъ. Тщательно отмѣчаетъ онъ спорный характеръ многихъ основныхъ проблемъ, недостатокъ данныхъ для ихъ разрѣшенія, сомнительность формулированныхъ выводовъ. Эта осторожность очень цѣнное качество труда, который можетъ служить хорошимъ общимъ введеніемъ въ эти вопросы, тѣмъ болѣе, что снабженъ обстоятельной и хорошо подобранной библіографіей. Конечно, на пути по ученому поприщу, еще столь зыбкому, трудно не допустить иной разъ утвержденій, которыя вызовутъ на возраженія. Такъ едвали большинство археологовъ согласится съ увѣренностью М. С. Грушевскаго относительно будто «несомнѣнной» связи между «погребеніями съ конемъ» и каменными бабами; сложный вопросъ о значеніи этихъ па-

1) Ср.: Мих. Грушевській, «Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії Східнього Словянства» въ сб. «Статьи по славяновѣдѣнію», вып. I, и тамъ же: «Спірні питання староруської етнографії».

мятниковъ во всемъ разнообразіи ихъ типовъ правильнѣе считать, по прежнему, открытымъ. По вопросу о Венедахъ М. С. Грушевскій не могъ еще считаться съ статьей, гдѣ А. А. Шахматовъ съ значительной, на мой взглядъ, убѣдительностью выдвигаетъ теорію ихъ кельтизма, и, кромѣ того, собралъ рядъ новыхъ лингвистическихъ наблюденій надъ вліяніемъ кельтскаго языка на языкъ нашихъ предковъ праславянской эпохи и слѣдами кельтовъ въ топографической номенклатурѣ Восточной Европы [1]).

Трудно сомнѣваться, что не будетъ принято то опредѣленіе, какое даетъ М. С. Грушевскій «славянской прародинѣ» или даже «славяно-литовской территоріи передъ разселеніемъ»: южной границей ея онъ полагаетъ «области по верхнему Днѣстру и Ю. Бугу» [2]). Отодвигать эту границу далѣе къ сѣверу побуждаетъ хотя бы то, что славянъ не захватила ни культура «предмикенская», господствовавшая, между прочимъ, въ бассейнѣ средняго Днѣстра, ни даже—много позднѣе—черноморская культура готовъ. Во второй главѣ М. С. Грушевскій изображаетъ южнорусскую территорію передъ славянскимъ разселеніемъ—судьбы Черноморья съ эпохи греческихъ колоній до прихода Аваровъ. Авторъ сохраняетъ предположеніе, что въ Неврахъ и Меланхленахъ Геродота можно видѣть славянъ; рѣшающее значеніе имѣетъ для него сомнительное представленіе о славянской прародинѣ: ему трудно предположить въ Поднѣпровьи иное населеніе, кромѣ славянскаго. Но въ общемъ глава даетъ дѣльный обзоръ дославянской исторіи южныхъ областей, а въ слѣдующемъ отдѣлѣ изображено славянское разселеніе, развивающееся среди движенія разныхъ народностей въ этихъ пространствахъ. Отмѣтивъ слѣдъ движенія славянъ на юго-западъ передъ ихъ великимъ переселеніемъ, М. С. Грушевскій въ общей характеристикѣ этого послѣдняго останавливается съ особымъ вниманіемъ на Антахъ, въ которыхъ справедливо видитъ предковъ восточнаго славянства. Этотъ отдѣлъ представляетъ, быть можетъ, наибольшій интересъ. Оговорки требуетъ только утвержденіе авторомъ тождества Антовъ спеціально съ *южными* восточно-славянскими племенами. Исходя изъ преувеличеннаго представленія о рѣшительной этнографической дифференціаціи восточнаго славянства, которое будто до разселенія сложилось въ видѣ позднѣйшей его трихотоміи, М. С. Грушевскій видитъ въ Антахъ предковъ украинской народности на

1) Archiv Ягича, т. XXXIII.

2) М. С. Грушевскій (стр. 298) съ увѣренностью признаетъ «похоронныя поля въ окрестностяхъ Кіева и далѣе на западъ»—славянскими погребеніями «времени, предшествующаго разселенію».

томъ сомнительномъ основаніи, что «намъ неизвѣстно, какъ далеко заходило имя Антовъ на сѣверъ», а сохранившіяся извѣстія о нихъ говорятъ о событіяхъ, совершавшихся на югѣ. Но рядомъ съ этимъ находимъ у М. С. Грушевскаго удачное объясненіе различенія въ извѣстіяхъ VI в. Славянъ и Антовъ — выдѣленіемъ восточно-славянскихъ племенъ. Имя Славянъ, между которыми и Антами границей оказывается на нѣкоторое время Днѣпръ, относится тутъ спеціально къ южнымъ племенамъ, двигавшимся на Балканскій полуостровъ. Мимоходомъ отмѣчу двѣ частности. М. С. Грушевскій сохраняетъ, какъ «наиболѣе вѣроятное», толкованіе имени Славянъ отъ «слу, слово: люди, говорящіе понятно, въ противоположность инородцамъ-нѣмцамъ»; пора бы оставить эти толкованія той «народной этимологіи», которой они принадлежатъ[1]). М. С. Грушевскій, слѣдя за судьбой аварской орды, колеблется въ пониманіи ихъ отношеній къ восточному славянству: отмѣчая, что нѣтъ у насъ никакого положительнаго свидѣтельства о господствѣ аваровъ надъ антами, а разсказъ Ѳеофилакта о событіяхъ 602 говоритъ противъ такого господства, авторъ не хочетъ, однако, разстаться съ извѣстіемъ о «примучиваніи» аварами дулѣбовъ и отнести его къ дулѣбамъ чешскимъ; приходится ему предположить, что тутъ имѣемъ воспоминаніе объ аварскомъ погромѣ антовъ, разсказанномъ у Менандра: предположеніе невозможное потому, что въ лѣтописной замѣткѣ объ Обрахъ рѣчь идетъ о длительной тиранніи, въ духѣ разсказовъ Фредегарія о притѣсненіи аварами славянъ западныхъ, а не о единовременномъ погромѣ; само собой разумѣется, что источникъ лѣтописной замѣтки, если она относится къ чешскимъ дулѣбамъ, могъ быть только книжный, изъ западно-славянской письменности. Не буду останавливаться на характеристикѣ разселенія восточно-славянскихъ племенъ у М. С. Грушевскаго. Отмѣчу только, что злополучное слово «Русь» авторъ считаетъ относящимся искони къ Полянской землѣ, видитъ въ «русинахъ» (странно, что М. С. Грушевскій употребляетъ такое множ. число) — полянъ. Этого нельзя выдержать на текстахъ «Начальной лѣтописи», ни «Повѣсти временныхъ лѣтъ», ни договоровъ съ Греками. Думается, что безъ нужды предполагаетъ авторъ для славянскаго населенія Подонья какое-то особое и неизвѣстное кіевскимъ книжникамъ восточно-славянское племя. Но, оставивъ частныя оговорки, характеристику разселенія восточныхъ славянъ, а также значенія для нихъ «тюркскаго натиска» (хазары, угры, печенѣги) — нельзя

---

1) Для слова «нѣмцы» — ср. упомянутую статью А. А. Шахматова въ Архивѣ Ягича.

не признать весьма цѣнной. Это итогъ современнаго состоянія свѣдѣній нашихъ, обогащенный во многомъ самостоятельными изученіями и выводами М. С. Грушевскаго; что тутъ не мало еще спорнаго и неяснаго и для самого автора и для другихъ, это результатъ скудости данныхъ; но тѣмъ цѣннѣе всякій новый ихъ пересмотръ въ полномъ объемѣ.

Четвертая глава собираетъ данныя для изученія «культуры восточно-славянскихъ племенъ эпохи разселенія и послѣдующей», сливая въ одну картину свѣдѣнія, по даннымъ языкознанія, о матеріальной культурѣ «праславянской» эпохи съ извѣстіями о хозяйствѣ IX — XI в. в. Кромѣ полноты итога, очерки эти цѣнны выдержаннымъ сопоставленіемъ данныхъ письменныхъ источниковъ съ данными археологіи. Съ особымъ интересомъ читается сводъ свѣдѣній о торговлѣ внѣшней, съ древнѣйшихъ ея слѣдовъ, вскрываемыхъ археологическими находками. Изображеніе древнихъ торговыхъ путей вызываетъ, однако, на нѣкоторыя примѣчанія. М. С. Грушевскій не разъ отмѣчаетъ первостепенное значеніе волжскаго пути, главной артеріи восточной торговли, но общая оріентировка его труда, какъ извлеченія изъ исторіи Украйны, не даетъ ему поставить это значеніе главнаго нерва исторіи сѣверной въ должную историческую перспективу. Относительно южныхъ путей отмѣчу, что въ «солономъ» пути нельзя видѣть пути крымскаго и нѣтъ основанія предпочитать гипотетическую для данной эпохи доставку соли изъ Крыма весьма опредѣленнымъ извѣстіямъ о томъ, что главное значеніе на Кіевскомъ рынкѣ принадлежало соли галицкой. Лучшее возстановленіе этого пути, какъ и «залознаго»—см. въ статьѣ А. А. Спицына: «Торговые пути Кіевской Руси»[1]), которой М. С. Грушевскій еще не могъ воспользоваться для своей работы. Въ особомъ параграфѣ М. С. Грушевскій даетъ краткую, но интересную по конкретной фактичности характеристику торговли внутренней, и заключаетъ главу сравненіемъ юга и сѣвера въ отношеніи къ иноземной торговлѣ.

Менѣе другихъ удовлетворяетъ читателя послѣдняя глава: «населеніе и его общественный бытъ». Въ началѣ ея мы имѣемъ попытку характеристики физическаго типа восточныхъ славянъ, весьма осторожную, съ должными оговорками о смѣшеніи антропологическихъ чертъ, какое встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ ужъ данныхъ относительно не только славянства, но индоевропейскихъ племенъ вообще; только на такомъ фонѣ получаютъ у М. С. Грушевскаго значеніе отзывы иноземцевъ о славянскомъ типѣ, которыя авторъ удачно сопоставляетъ именно съ юж-

---

1) Въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову», Спб. 1911.

нымъ, украинскимъ типомъ. Но переходъ къ «психофизическому типу» сводитъ насъ съ твердой почвы; тутъ простое сопоставленіе отзывовъ иноземцевъ съ чертами, отмѣчаемыми по памятникамъ туземной письменности, даетъ, неизбѣжно, рядъ общихъ мѣстъ, среди которыхъ мудрено выдѣлить характерное для данной племенной индивидуальности. Остро чувствуется недостатокъ выработаннаго метода такихъ построеній; онъ, конечно, можетъ быть только сравнительнымъ, чтобы выдѣлить, буде возможно, черты племенной индивидуальности изъ типичнаго для извѣстной стадіи культурной эволюціи; довольно сопоставить соотвѣтственныя страницы Грушевскаго хотя-бы съ характеристиками нѣмцевъ у Лампрехта или въ книгѣ Мейера «Das deutsche Volkstum», чтобы въ этомъ убѣдиться. Въ этой области едва-ли и начатки научнымъ наблюденіямъ заложены. Слѣдующіе параграфы, посвященные «міровоззрѣнію и религіи», наводятъ на такія же размышленія о «молодости» нашей науки. Свѣдѣнія о славянскомъ язычествѣ такъ скудны, что М. С. Грушевскій готовъ притти къ выводу: «славянское племя не имѣло особой склонности къ религіозному творчеству». Но, кромѣ бѣдности данныхъ, это впечатлѣніе выростаетъ на традиціонномъ пріемѣ изучать язычество путемъ реконструкціи его Олимпа, отождествленія религіи съ «миеологіей». Путь этотъ ведетъ мимо цѣли, потому что, съ одной стороны, вводитъ въ «религію»—продукты поэтическаго творчества, образы и олицетворенія, далекія отъ культа, отъ религіознаго дѣйства, часто книжныя и вовсе не народныя, а, съ другой, отвлекаетъ усилія изслѣдователей древняго религіознаго міровоззрѣнія и быта отъ ихъ основной задачи—изученія активнаго культа, какъ носителя религіознаго творчества и его подлинныхъ проявленій. Примѣненіе новыхъ пріемовъ, созданныхъ трудами Маннхардта, Фразера, Узенера, Рейнака, Фарнелля,—къ изученію славянскаго язычества еле намѣчается, и, конечно, не вина М. С. Грушевскаго, что его изложеніе вѣрно отражаетъ прискорбное состояніе этого отдѣла славянскихъ древностей. Но и тутъ не мало меткихъ частныхъ замѣчаній и наблюденій; и тутъ авторъ даетъ, что возможно, пользуясь матеріаломъ не только письменности, но и археологіи.

Послѣднія страницы—посвящены чертамъ древне-славянскаго общественнаго быта. М. С. Грушевскій исходитъ изъ представленія о господствѣ во времена праславянскія, какъ и ранѣе, въ эпоху праиндоевропейскую—патріархальной семьи, основываясь на данныхъ сравнительнаго языкознанія и критической оцѣнкѣ обрядовыхъ переживаній. Критицизмъ его могъ бы итти дальше, захвативъ мнимую «идею патріархальнаго рода» въ княжескихъ отношеніяхъ кіевской династіи или въ исключеніи дочерей изъ наслѣдства по древне-русскому праву. М. С. Грушевскій—для

временъ историческихъ—справедливо признаетъ основной ячейкой быта «большую семью», такъ наз. «задругу» [1]), сопоставляя ее съ дворищемъ и посябриной. Подчеркивая значеніе для этихъ формъ быта кровныхъ связей, М. С. Грушевскій, однако, готовъ признать, что тутъ передъ нами не пережитки «родового быта», а союзы, которые настолько элементарно-практичны, что диктуются самими условіями быта, и могутъ не только «безконечно долго держаться какъ остатки родовыхъ организацій», но и «образовываться независимо отъ нихъ». Въ древней Руси, говоритъ М. С. Грушевскій, уже не встрѣчаемъ слѣдовъ какихъ либо крупныхъ родовыхъ организацій, вродѣ греческихъ фратрій или южнославянскихъ братствъ. Изъ эпохи разселенія восточное славянство выходитъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ отношеній сосѣдскихъ и общинныхъ надъ семейными и родовыми. Со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Но въ дальнѣйшемъ построеніи «общиннаго строя», возникновенія «городскихъ поселеній» и «системъ городовъ», М. С. Грушевскаго иногда покидаетъ обычная осторожность, питаемая уваженіемъ къ конкретному, критически изученному матеріалу, и онъ идетъ, неожиданно, путемъ раціоналистическихъ построеній, принимая логически-возможное за исторически-дѣйствительное. Упрекъ этотъ не уничтожается тѣмъ, что въ построеніи своемъ М. С. Грушевскій и самъ видитъ не больше, чѣмъ предположеніе: онъ часто повторяетъ—«могло быть» такъ то, но изъ этихъ голыхъ «возможностей» (безъ разсмотрѣнія иныхъ) слагается картина, рисуемая для того, чтобы дать читателю представленіе о почвѣ и средѣ, на которой развивается историческій процессъ.

Вервь древне-русскую М. С. Грушевскій опредѣляетъ, какъ «сельскую группу родовъ-дворищъ», но съ значительнымъ индивидуализмомъ: къ союзу верви принадлежатъ тѣ, кто въ него вложился [2]). Отъ этой

---

1) Съ легкой руки Пейскера пошло въ ходъ мнѣніе, что Новаковичъ («Село») «усматриваетъ въ задружной организаціи вліяніе византійской и турецкой податной системы, слѣд. явленіе позднѣйшее» (Грушевскій). На дѣлѣ Новаковичъ признаетъ «происхожденіе села изъ задруги, расширенной семьи и племени», знаетъ задругу во времена Душана, но настаиваетъ, что въ XIII в. задруга не велика (7—11 мужей, иногда 13—16). «Вліяніе податной системы» у Новаковича отнюдь не сила, создающая задругу, и эта послѣдняя—отнюдь не «позднѣйшее явленіе». Новаковичъ не при чемъ въ парадоксахъ Пейскера и В. И. Сергѣевича.

2) Тутъ у М. С. Грушевскаго два недоразумѣнія: 1) «вервь платила за своихъ членовъ «дикую виру», если не желала выдать убійцу или убійство было случайное»; вервь платила «дикую виру», когда убійца не разысканъ, не за, а безъ головника—убійцы; помощь головнику—сочлену Русская Правда отли-

«сельской общины»—переходъ къ городу съ помощью тезиса: «жизнь города была лишь дальнѣйшей ступенью развитія сельской общины». Исключивъ изъ городского строя «позднѣйшіе элементы» княжеской администраціи и дружиннаго строя, М. С. Грушевскій получаетъ представленіе о докняжеской городской общинѣ: ею правитъ совѣтъ—вѣче старцевъ, самое названіе которыхъ указываетъ, что это «старѣйшины семей-дворищъ». М. С. Грушевскій находитъ и примѣры такихъ совѣщаній въ Кіевѣ, подъ 983 г., и въ Бѣлгородѣ, подъ 997. Но первое—изображаетъ намъ князя Владиміра «съ людьми своими», а говорятъ съ нимъ «старци и бояре»: не разрушается ли такое собраніе, если изъ него вынуть «позднѣйшіе элементы», князя и дружину? А въ 997 г. въ Бѣлгородѣ видимъ вѣче горожанъ, послѣ котораго «единъ старецъ» созвалъ «старѣйшины градскія», въ которыхъ можно видѣть только должностныхъ лицъ, а не «старѣйшинъ семей-дворищъ». Въ историческое время терминъ «старци» встрѣчаемъ какъ синонимъ десятниковъ, сотскихъ, атамановъ, тіуновъ, назначаемыхъ властями, какъ указываетъ М. С. Грушевскій; но откуда знаетъ онъ, что они «ранѣе бывали либо выбранными, либо наслѣдственными»? Онъ ищетъ опоры въ аналогіи другихъ славянскихъ земель: но мы и отъ него знаемъ, что тамъ вся эволюція была иной, напр. развились болѣе широкія «родовыя» организаціи, вродѣ братствъ, которыхъ восточное славянство не знаетъ. Разъ основы общиннаго строя были различны, то нельзя ихъ детали переносить изъ одной страны въ другую, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о реконструкціи городской общины по типу общины сельской, да еще инославянской. Возникновеніе «городовъ» М. С. Грушевскій связываетъ съ вопросомъ о «городищахъ», выдѣляя изъ разныхъ ихъ типовъ тотъ, который можно признать центральными укрѣпленіями «группы нѣсколькихъ родовъ (дворищъ?) или селъ», затѣмъ рисуетъ стройную картину, какъ забота о такомъ мѣстномъ «городкѣ» могла дать толчекъ къ развитію болѣе широкихъ связей—сельскихъ общинъ или ихъ группъ и т. д. Въ дальнѣйшей эволюціи нѣкоторые изъ «городовъ-укрѣпленій»—становились, подъ вліяніемъ особаго стратегическаго или торговаго значенія, центрами «болѣе сложныхъ и постоянныхъ общественныхъ и политическихъ отношеній». Очень сдержанно относится М. С. Грушевскій къ воп-

---

чаетъ отъ дикой виры («любо си); 2) невозможно пониманіе верви, какъ какого-то союза взаимнаго страхованія на случай совершенія убійства; статью: «аже кто не вложится въ дикую виру, тому людье не помогаютъ, но самъ не платитъ» понимаю, какъ санкцію обязательнаго участія въ общей отвѣтственности, состоящую въ исключеніи неисправнаго изъ опеки союза.

росу о томъ, въ какой мѣрѣ было существенно для этой эволюціи развитіе княжеской власти: строить ее на «болѣе широкомъ развитіи родового элемента» нѣтъ повода, но «точно также можно лишь гадательно говорить о значеніи резиденцій племенныхъ князей и старѣйшинъ». И также осторожно касается М. С. Грушевскій вопроса о возникновеніи «земель-волостей». Усилившійся городъ становится вліятельнымъ центромъ для цѣлаго округа (съ неизбѣжной цитатой: «что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди станутъ»—замѣчаніе суздальскаго книжника конца XII в., который едва-ли о «докняжескихъ» временахъ зналъ больше насъ, да о нихъ и не думалъ). М. С. Грушевскій, однако, заканчиваетъ попытку набросать эволюцію отъ племенного быта къ «землямъ-волостямъ», съ ихъ «городской—чисто территорьяльной группировкой», признаніемъ, что «сильное развитіе городскихъ центровъ приводитъ къ разложенію племенной территоріи на нѣсколько волостей—*княжествъ*», и что «на укрѣпленіе связей города съ пригородами, на преобразованіе этихъ связей въ формальную зависимость пригородовъ отъ города, несомнѣнно, повліяло самымъ рѣшительнымъ образомъ уже княжеско-дружинное устройство». М. С. Грушевскій допускаетъ даже, что «вполнѣ конкретной и реальной зависимость отъ «города» его «пригородовъ» стала уже тогда, когда въ городѣ явился князь или его намѣстникъ съ наличностью военной силы». Остается только отказаться отъ представленія объ отношеніяхъ, чуждыхъ «конкретности и реальности», замѣнить «укрѣпленіе связей» ихъ созданіемъ и признать строй «волостей княженій» результатомъ работы «княжеско-дружинныхъ» силъ, чтобы вернуться изъ міра предположеній, не подсказываемыхъ матеріаломъ, на реальную почву историко-соціологическаго обобщенія.

Таково богатое содержаніе этого тома, несомнѣнно, восполняющаго насущный пробѣлъ въ нашей ученой и учебной литературѣ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія всего плана предпринятаго М. С. Грушевскимъ изданія, и не пожалѣть, что мысль о выпускѣ одновременно трехъ томовъ (2-го: «Образованіе Кіевскаго государства» и 4-го: «Общественный строй, культура и бытъ Кіевской Руси») встрѣтила неодолимыя затрудненія. Эти книги нужны всѣмъ, кто интересуется русской исторіей, особенно учащимся, которыхъ затрудняетъ пользованіе украинскимъ текстомъ.

А. Прѣсняковъ.

Отзывъ о книгѣ:

«И. С. Бѣляевъ. *Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій.* Со снимками: устава и полуустава, азбуки, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, чернописи, заставокъ и заглавныхъ цвѣтныхъ буквъ, вязи и бѣлорусскаго письма. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1911». 8°. 2 ненумеров.+100.

О цѣли и задачахъ труда, заглавіе котораго приведено, говоритъ самъ авторъ въ предисловіи: «Чтобы облегчить возможность непосредственно приступать къ занятію старинными документами, пріобрѣсти соотвѣтственныя знанія, не тратя времени на предварительное изученіе механизма ихъ чтенія въ архивахъ, а имѣть наоборотъ въ запасѣ въ своемъ распоряженіи подъ руками болѣе или менѣе необходимыя для того свѣдѣнія, нами и выпускается настоящая книга, которая тѣмъ и отличается отъ другихъ подобныхъ трудовъ въ этой области, что въ своемъ основаніи имѣетъ прежде всего *практическій* способъ изученія древней русской скорописи».

Если обратимся къ самой книгѣ г. Бѣляева, то найдемъ, что авторъ ея практически хорошо знаетъ великорусскую скоропись и приступающимъ къ чтенію ея даетъ полезныя указанія, значительно облегчающія ихъ трудъ. Авторъ сначала предлагаетъ снимки съ отдѣльныхъ строчныхъ буквъ, затѣмъ разсматриваетъ выносныя буквы, писавшіяся надъ строкой, касается титлъ, потомъ приводитъ снимки цѣлыхъ строкъ и нѣкоторыхъ особенно характерныхъ словъ, даетъ образцы вязей въ заглавіи книгъ и документовъ и, наконецъ, помѣщаетъ XX таблицъ снимковъ, съ соотвѣтствующей транскрипціей и объясненіями нѣкоторыхъ болѣе замѣчательныхъ написаній, съ разныхъ документовъ съ XVIII до XV в.; тутъ же имѣются образцы древнѣйшаго русскаго полуустава и даже устава. Благодаря тому, что для перваго изданія «Практическаго курса» графомъ С. Д. Шереметевымъ была оказана щедрая поддержка, давшая возможность изготовить хорошія клише, и настоящее изданіе съ внѣшней стороны производитъ пріятное впечатлѣніе. Таковы бросающіяся въ глаза достоинства книги. Къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить невысокую цѣну изданія (1 р. 25 к.).

Но эти достоинства нѣсколько ослабятся, когда мы присмотримся къ нимъ внимательнѣе. Такъ въ азбукѣ скорописи помѣщены далеко не всѣ типичныя начертанія, обыкновенно дававшіяся даже въ старинныхъ русскихъ прописяхъ, не говоря уже о собраніи ихъ въ разныхъ мѣстахъ у П. Иванова (Сборникъ палеографическихъ снимковъ... М. 1844 г.); то же слѣдуетъ сказать и относительно выносныхъ буквъ и титлъ. Снимки отдѣльныхъ строкъ въ большинствѣ случаевъ воспроизводятъ довольно однообразное письмо; слишкомъ похожи одна на другую и вязи; кромѣ того, онѣ очень легки для чтенія; наконецъ, и таблицы или снимки съ подлинныхъ рукописей (обыкновенно частей страницъ) даютъ довольно однообразное письмо; нѣтъ матеріала для сужденія объ отношеніи полуустава къ скорописи, не имѣется данныхъ для характеристики почерковъ по мѣстностямъ; вообще снимки недостаточно многочисленны (со скорописи лишь 12 №№-овъ); промежутки между датами рукописей слишкомъ не равномѣрны: 1781, 1766, 1753, 1711, 1699, 1689, 1677, 1661, 1629, 1613, 1592, 1543. Какъ превосходятъ ихъ и по качеству скорописи и по количеству №№-овъ скорописные образцы хотя бы у того же П. Иванова!

Еще слабѣе, малоцѣннымъ въ научномъ отношеніи окажется «Практическій курсъ» г. Бѣляева, если мы разсмотримъ его детально какъ со стороны построенія, такъ и со стороны тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются въ немъ, такъ сказать, попутно, въ качествѣ вводныхъ статей и разныхъ поясненій, не имѣющихъ прямого отношенія къ старинной русской скорописи.

Если не считать таблицъ, вся книга распадается на девять главъ, очень неравномѣрныхъ по объему (5-ая двѣ, 6-ая три неполныхъ страницы), часто не находящихся одна съ другой въ логической связи. Такъ послѣ главъ, разсматривающихъ отдѣльныя начертанія и титла (III—V), передъ разборомъ снимковъ съ цѣлыхъ строкъ (VIII) вставлены двѣ главы (VI и VII), имѣющихъ къ данному «Практическому курсу» мало отношенія и во всякомъ случаѣ поставленныхъ не на мѣстѣ, это: а) поясненіе словъ, встрѣчающихся въ прежнихъ актахъ (выть, соха, сошка, четь, осмина, уменьшительныя имена и под.), б) «грамматика древняго русскаго письма, вліяніе на нее церковно-славянской и греческой», гдѣ идетъ рѣчь не о начертаніи буквъ и не объ ореографіи, а о нѣкоторыхъ чертахъ языка (о родительномъ падежѣ вмѣсто винительнаго, о дательномъ множ. чис., объ употребленіи формъ вспомогательнаго глагола и т. п.).

Но всѣ подобныя логическія отступленія были бы терпимы, если бы въ нихъ сообщались свѣдѣнія, цѣнныя въ научномъ отношеніи. Этого однако въ большинствѣ случаевъ сказать нельзя. Какъ въ ввод-

ныхъ главахъ (I и II), такъ и въ отмѣченныхъ выше авторъ нерѣдко сообщаетъ или такія поверхностныя свѣдѣнія, которыя разсчитаны развѣ на еле грамотныхъ читателей, или же прямо обнаруживаетъ очень ничтожное знакомство съ древнимъ ц.-слав. языкомъ и др. русскимъ, а часто и вообще незнаніе предмета, о которомъ берется говорить. Подтвержу сказанное нѣсколькими примѣрами.

Стр. 1. «у насъ въ Россіи на послѣдней (берестѣ) были начертаны «деревца» Преподобнаго Сергія». Въ «Отвѣщаніи любозазорнымъ» преподобнаго Іосифа Волоколамскаго «деревца» не упоминаются, а говорится лишь слѣдующее: «самыя книги не на хартіяхъ писаху, но на берестѣхъ». Въ описи Троицкой Лавры 1642 г. упоминаются «свертки на деревцѣ», подъ которыми, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть обыкновенные свитки, навернутые на деревцо.

Стр. 3. Бумага «къ намъ въ Россію привезена была, вѣроятно, вмѣстѣ съ другими предметами Западнаго искусства изъ Италіи или Польши». Очень смутное представленіе о путяхъ, какими шла бумага на Русь. Не видно хотя бы поверхностнаго знакомства съ извѣстными трудами Н. П. Лихачева.

Стр. 4. «Заставки» почему то называются «вставками».

Тамъ же. Отмѣчается положеніе, что нѣкоторыя буквы кириллицы взяты изъ латинской азбуки.

Тамъ же. Про уставныя буквы сказано, что «общимъ своимъ видомъ онѣ близко напоминаютъ теперешній печатный церковно-славянскій текстъ». Ниже, какъ признакъ устава, отмѣчается остроконечность буквъ.

Стр. 5. Въ уставѣ строчная буква «иже восмеричное» пишется какъ буква «нашъ» (русское *н ?*); «буква «како» большею частью (въ уставѣ) или соединена въ обѣихъ своихъ частяхъ, или же соединительный штрихъ къ палочкѣ вполнѣ не подходитъ, но замѣтенъ». Наконецъ, въ заключеніи объ уставѣ читаемъ что-то совершенно непонятное: «при образованіи словъ чередуются въ текстѣ въ серединѣ словъ большія, или заглавныя, буквы съ прописными»...

Тамъ же. Полууставное письмо ограничивается только XIV и XV столѣтіями, тогда какъ оно въ рукописныхъ книгахъ (особенно церковныхъ) употребляется еще и въ XVIII в.

Тамъ же. «буква «како» начинаетъ писаться (въ полууставѣ) двумя палочками съ округлой второй и безъ соединенія съ первой»... Въ полууставѣ это довольно рѣдкій способъ письма.

Стр. 8. Странный критерій указывается для отличенія скорописи отъ полуустава: «разъ въ рукописи конца XIV и начала XV вѣка, написанной мелкимъ полууставомъ, встрѣчается рядъ верхнихъ выносныхъ

буквъ «в», «д», «т», «х» и др., не менѣе трехъ-четырехъ, употребленныхъ въ однихъ и тѣхъ же или въ различныхъ словахъ на одной страницѣ подлинника, служащихъ по нашему мнѣнію характерными признаками скорописи, то такія рукописи слѣдуетъ считать скорописными, а не полууставными».

Стр. 17. Неправильно утвержденіе, что ѕ въ скорописи не встрѣчается: въ младшемъ полууставѣ и въ московской скорописи это начертаніе очень обычно и для обозначенія звука. Его (ѕ) слѣдовало вынести изъ «земли» (з) въ особую группу.

Стр. 21. Не слѣдовало бы въ одну группу соединять ꙗ и ѧ, такъ какъ въ скорописи ихъ начертанія различались и только въ концѣ концовъ совпали въ одномъ *я*.

Тамъ же. Утвержденіе, что въ гражданской азбукѣ (чит. скорописной) нѣтъ ѯ, тоже не вѣрно: въ скорописныхъ документахъ эта буква дѣло очень обычное; даже Петръ I удержалъ ее между прочимъ для написанія своего отчества «Алеѯѣевичъ»; окончательно она была изгнана изъ гражданской азбуки, по утвержденію Тредьяковскаго, лишь въ 1735 году.

Стр. 22, 27. Выносныя буквы читаются примѣнительно къ нашей современной орѳографіи, напр.: «б» надъ «что» «означала, что нужно ее прочесть съ твердымъ знакомъ»; «поставленная вверху съ обведенной дужкой (ч), буква эта читается, какъ «чъ» или «чь»; то же замѣчено и относительно *ш* и *щ*, что ихъ нужно читать, какъ «шъ» или «щъ», «шь» и «щь».

Стр. 28. Не понятны автору обычныя полууставныя и скорописныя написанія съ ъ въ группѣ согласныхъ: невъскій, крупъный и под.

Тамъ же. Не указано, откуда *э* зашло въ московскую скоропись.

Стр. 30, 31. Надстрочные знаки представляются очень смутно: волнообразное титло (҃, ҇) смѣшано съ ', ставившимся на мѣстѣ пропущенныхъ ъ, ь, а иногда *й*; мало того, «титлами» названы знаки придыханій («остатки титлъ придыханія»).

Стр. 35—38. Особенно много всякихъ несуразностей представляетъ VII глава: «грамматика древняго русскаго письма», гдѣ идетъ рѣчь не объ орѳографіи, а о старомъ русскомъ языкѣ до XVIII вѣка. Тутъ, напр., встрѣчаемъ такія мѣста (курсивъ мой): «по составленіи Св. Кирилломъ и *Меѳодіемъ* азбуки, формы многихъ молитвъ и пѣснопѣній, содержащихся въ привезенныхъ изъ Византіи греческихъ книгахъ, буквально были переведены на *славяно-русскія* таковыя же, передавъ при этомъ многіе обороты, не свойственные живому *русскому* языку»... Какъ примѣръ, приводится «иже» въ началѣ Херувимской пѣсни, допущенное въ

русскомъ переложеніи на мѣстѣ греческаго *οἱ*. Вліяніе греческаго языка усматривается въ такихъ древне-русскихъ выраженіяхъ, какъ «воевода спрашивалъ вдовы Марьи», «допрашивать княгини Вѣры». Перешедшія еще изъ общеславянской эпохи древне-русскія окончанія дат. п. мн. ч. на *-омъ* и *-емъ* (нашимъ бояромъ, имъ великимъ государемъ) объясняются, какъ заимствованныя изъ ц.-слав. грамматики; также изъ церковныхъ книгъ выводится въ твор. п. мн. ч. *-ы* и *-и* (съ товарыщи, съ рабы). Старинныя формы род. п. жен. р. на *-ѣ* представляются неправильно: «писалось «у неѣ», «ѣе» вмѣсто: «у нея», «ея», вообще звукъ ё, («іо») часто передавался буквою «ѣ». Слишкомъ рѣшительно утвержденіе, что у всѣхъ писцовъ была различная орѳографія.

Стр. 39 и др. Очень странно называть ȣ, написанное вязью, «печатнымъ» церковно-славянскимъ.

Стр. 40. Говоря объ употребленіи *и* и *і*, авторъ обыкновенно исходитъ изъ современной нашей орѳографіи: въ мот'чаниѧ неправильно написано «и» восмеричное.

Стр. 42. Въ «по мѣстомъ» «удержано окончаніе церковно-славянской грамматики «омъ» вмѣсто должнаго «амъ».

Стр. 90. Дешифрируя снимокъ изъ Минеи 1095 г., авторъ замѣчаетъ, что ь неправильно употребленъ въ словахъ: тѣмьже, крестомь, гнѣвомь и др. (вездѣ твор. п.). Очевидно онъ не имѣетъ никакого представленія объ окончаніяхъ творит. падежа въ др. ц.-славянскомъ и др. русскомъ языкахъ.

Въ заглавіи своей книги авторъ обѣщаетъ дать образцы между прочимъ бѣлорусскаго письма. Однако въ книгѣ г. Бѣляевъ этого письма нигдѣ не касается, а даетъ лишь одинъ снимокъ (табл. XVI) подъ именемъ бѣлорусскаго письма съ малорусскаго документа 1691 г., не представляющаго типичной югозападнорусской скорописи. Очевидно палеографическія изданія снимковъ Виленской Археографической коммиссіи и Кіевской подъ редакціей Каманина не извѣстны г. Бѣляеву.

«Практическое руководство» не свободно и отъ разныхъ корректурныхъ недосмотровъ: «мѣстоименіе» встрѣчается съ двумя *ѣ* (стр. 35, 37); извѣстные греч. членъ и мѣстоименіе написаны *οἱ* и *οἷ* (стр. 35); въ вязи на стр. 50 прочитано «уѣзда» вмѣсто «уѣздȣ»; на стр. 62 и др. напрасно рукописное конечное *и*, примѣнительно къ современной орѳографіи, передается черезъ *й;* непослѣдовательно приписывается или отсутствуетъ ъ въ окончаніи предлоговъ тамъ, гдѣ его нѣтъ въ рукописи. На стр. 62, 9 строка св. должна быть «ево» вмѣсто «его», 11 строка св. должно быть «случае» вмѣсто «случаѣ»; стр. 64 вмѣсто «надобностяхъ» слѣдуетъ читать «надобнастяхъ»; стр. 68 вмѣсто «росиискою

Діакъ Иванъ» должно быть «роспискаю. Діакъ Іванъ». Стр. 88 вм. «вѣтъхааго» д. б. «ветъхааго». Стр. 90. Въ чтеніи снимка съ уставнаго письма Минеи 1095 г. нѣсколько недосмотровъ, отчасти объясняемыхъ недостаточнымъ знакомствомъ съ особенностями др.-русскаго языка: с҃тго невозможно съ полной увѣренностью прочесть, какъ «святого»; вм. «поклонятися» д. б. «поклонятисѧ»; вм. «поетсь» д. б. «поетьсѧ»; вм. «дасть зн.» д. б. «дасть зн.».

Въ предисловіи (I) и въ заключеніи IX-ой главы (стр. 60) авторъ говоритъ, что его руководство является «первою попыткою изученія древней русской скорописи научно-практическимъ путемъ». Подобное утвержденіе можетъ быть объяснено развѣ малымъ знакомствомъ автора съ литературой предмета: не говоря уже о научныхъ трудахъ по палеографіи (съ однимъ изъ которыхъ—акад. А. И. Соболевскаго—авторъ обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство во 2-мъ изданіи своего труда), гдѣ вопросъ о скорописи и связи ея съ полууставнымъ письмомъ разсматривается научно,—мы имѣемъ и нѣсколько довольно цѣнныхъ пособій для ознакомленія со скорописью практически, напр. Есипова, П. Иванова, Трусевича, В. Майкова и др.

Е. Карскій.

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

составляемое А. Л. Бемомъ, В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ

под редакціей В. Н. Бенешевича.

1911 г. **Выпускъ II (до 1 Декабря).**

(Продолженіе).

Араловъ, А. В. Памятка о графѣ М. Н. Муравьевѣ - Виленскомъ. (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1—8).

Дѣло «о безвозмездной раздачѣ сельскому православному населенію крестиковъ». Къ характеристикѣ гр. М—а, какъ защитника православія.

Ардашевъ, Н. Н. Росписи помѣстнаго Приказа 7135 года: 1) писцовымъ книгамъ, что писаны писцамъ и на приправку и 2) подъячимъ, кто сколько книгъ написали и за сколько денегъ взяли. Съ 16-ью фототип. табл. (ЗМАК, т. VII, X, 1—32).

***Аркомедъ, С. Т.** Рабочее движеніе и соціалъ-демократія на Кавказѣ. Ч. I. Съ предисловіемъ **Г. В. Плеханова.** Женева, 1910. XVI+151. Реценз.: **А. Рыкачевъ** (РМ, іюль, кр. об., 276—277).

Арктуръ. Основные законы внѣшней политики Россіи въ связи съ программой нашей военно-морской политики. Т. I. Одесса, 1910, 539+6 нен. стр. Реценз.: **Н. Голубевъ** (ЮрБибл, 1910, № 2, 68—69).

Арлъ, К. Отбитая тюрьма. (РБ, апр., отд. I, 167—200; май, отд. I, 49—70).

Воспоминанія объ Одесской тюрьмѣ.

— Записка Людовика XVIII къ Н. И. Арсеньеву. Сообщ. **В. С. Арсеньевъ** (РС, май, 392—394).

— Документы о французскихъ военноплѣнныхъ 1812—1813 гг. въ Витебской губерніи. Изъ дѣлъ, находящихся въ Архивѣ Витебской Ученой Архивной Комиссіи. Сообщ. **В. С. Арсеньевъ.** (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1—40).

Содержаніе: Рапортъ командира корпуса волонтеровъ барона Дибича Витебск. губернатору отъ 28 янв. 1812 г. и переписка военноплѣнныхъ французовъ въ Витебскѣ 1812—1813 г.

— Документы 1813 г. изъ дѣлъ Витебскаго Губернскаго Правленія. Сообщилъ **В. С. Арсеньевъ.** (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1—32).

Арсеньевъ, К. К. Императоръ Александръ II (ВелРеф, V, 1—13).

Арсеньевъ, К. Полвѣка тому назадъ и теперь. (ВЕ, февр., 303—315).

Къ юбилею 19 февр.

Арсеньевъ, С. В. Дмитрій Самозванецъ и Ганзейскій союзъ по документамъ Бременскаго Архива. (СбНовгОбЛюбДр, III, 4 стр.)

Приведенъ текстъ и переводъ «Посланія Любекскаго Сената Бременскому

Сенату отъ 3 окт. 1605 г.» по поводу вступленія на престолъ Дмитрія Самозванца).

Арсеньевъ, С. В. Латинское стихотвореніе XVII в. о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ. (СбНовгОбЛюб Др, III, 2 стр.)

Стихотвореніе помѣщено въ рѣдкой книгѣ, озаглавленной: I. Widekindi. Historia belli Sueco—Moscovitici decennalis Holmiae 1672.

Ассоновъ, В. И. Къ исторіи войны 1812 г. въ Калужской губ. (ИзвКалАрхКом, XXI, прил. 12—25)

Ассоновъ, В. И. Замѣтка о быломъ богатствѣ рода Гончаровыхъ (Калужскихъ). (ИзвКалАрхКом, XXIX, 50—55)

—Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Вып. 1-й: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806—1811 годы (I томъ). Подъ ред. и съ примѣчаніями **Е. И. Тарасова.** Изданіе Отдѣленія Русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ. Спб. XXXII+512+1 портр. 2 автогр. и 2 карты.

—Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Ч. VIII; т. VI. Акты о землевладѣніи въ Юго-Западной Россіи XV—XVIII вв. Кіевъ. 4 нен.+113+435+48+XXIV+2 нен. Ц. 2 р.

—Изъ Архива тайныхъ дѣлъ (СтарНов, XV, 34—179).

Документы получены изъ книгохранилища Кіевск. Выдубицкаго монастыря. Въ документахъ описываются день за днемъ событія придворной жизни царя Алексѣя Михайловича. Запись начинается со второго сентября 1666 г.

Астрябъ, М. Г. Процессы Андрея Марковича (Глуховскаго сотника 1709—1714, Лубенскаго полковника 1714—1727, Войскового подскарбія 1729—1744 г.) (Тр ПолтАрхКом, вып. VI, ч. 1, 81—145; вып. VII, 47—90)

Афанасьевъ, В. Переправа черезъ Нѣманъ 12 іюня 1812 г. и начало Отечественной войны. (ВМ, іюнь—іюль, 36—56).

Аѳанасьевъ, А. Н. Изъ студенческихъ воспоминаній (РА, № 2, 182—188)

Рѣдкинъ, С. М. Соловьевъ, Т. Н. Грановскій.

—О понудительномъ обученіи дѣтей въ 1743 г. Сообщ. **И. С. Б.** (РС. ноябрь, 343—344)

—Отпускъ въ Москву на коронацію Имп. Елизаветы Петровны комедіантовъ. Сообщ. **И. С. Б.** (РС, ноябрь, 298).

Багалѣй, Д. И. Русская исторіографія. Изд. о-ва взаимопом. студ.-филолог. Харьк. унив. Харьковъ. 462.

***Багалѣй, Д. И.** Русская исторія. Курсъ, составленный по лекціямъ. Часть 7-я, вып. 1-ый. (Удѣльный и Московскій періоды). Подъ ред. В. А. Барвинскаго. Харьковъ. 400.

Багалѣй, Д. И. Очерки изъ русской исторіи. Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Харьковъ. III+624. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, іюнь, кр. об., 233—235); **Н. Рожковъ** (СМ, авг. 352—353).

Багалѣй, Д. И. Костомаровскіе дни въ Воронежѣ (ВХИФО, вып. I, 21—30).

Между прочимъ на стр. 29 приведено письмо Гр. Сав. Сковороды къ неизвѣстному (Тевяшову?) отъ 10 іюня 1788 г. Приведено содержаніе нѣкот. писемъ

Н. Н. Костомарова къ И. И. Срезневскому.

***Баіовъ, А.** Отзывы, составл. по порученію Академіи Наукъ о сочиненіяхъ: а) **П. Паренсова**—«Изъ Прошлаго» ч. 4 и 5 и б) **Н. Ухачъ-Охоровичъ**—«Набѣгъ на Инкоу». Спб. 48.

Балабановъ, М. Промышленность въ 1904—1907 гг. (ОбщДвиж XX в, т. IV, ч. 1, 33—135).

Балабановъ, М. Промышленность Россіи въ началѣ XX в. (Общ Движ XX в., I, 39—88).

Барриве, Л. Общественное движеніе въ царствованіе Александра II. Историческіе очерки. М. 154.

***Барсуковъ, Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга III. Изд. 2-е. Спб. VII+387.

Барсуковъ, Н. П. Два письма. (СтарНов, XIII, 269—274)

Письма къ гр. С. Д. Шереметьеву. Относятся къ 1877 и 1882 г. г.

<Бартеневъ, П.>. Дополненія, поправки, замѣтки (РА, № 4, 648—652).

Исправленіе опечатокъ въ № 8 РА. О разысканіяхъ П. Е. Щеголева въ вып. 14 «Пушкинъ и его современники». Замѣтки о реформѣ 19-го февр. очевидца реформы; имп. Павелъ и Грибоѣдовъ и ихъ значеніе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

***Бархатовъ, М. Е. и Функе, В. В.** Исторія Русско-Японской войны. Т. III и IV. Спб. 1907 и 1908. 4°. 503—1032. Съ рис.

Батуринскій, В. П. Западники 40-хъ годовъ. (ВелРеф, III, 194—204).

***Баухръ, Г. Ѳ.** Старѣйшая гимназія въ Россіи. Очерки изъ прошлаго ревельской гимназіи Имп. Николая I-го. Ревель. 1910. 59+1. Съ рис.

Бенкендорфъ, К. К. Воспоминанія. (РС, янв., 97—112; февр., 270—284; мартъ, 457—470).

Бережковъ, М. Н. Нѣжинскія преданія о Полтавскомъ боѣ 1709 г. (Рѣчь). Нѣжинъ. 1909. (=СбНИ, т. VII, отд. II, отд. нум. 1—16).

Бережковъ, М. А. Ф. Шафанскій и его трудъ: Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. (Замѣтки къ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще). Нѣжинъ. 1910. (=Сб НИ, т. VII, отд. II, отд. нум. 1—120).

—Изъ архива князя В. Д. Голицына: письма разныхъ духовныхъ лицъ ко вдовѣ стародубскаго полковника Маріи Самойловичевой, урожденной Сулимовой, къ ея зятю Михаилу Корсаку и сыну послѣдняго Максиму, за 1691—1773 гг., съ предисловіемъ **Е. А. Корноухова** и примѣчаніемъ **проф. М. Н. Бережкова** (ТрЧернАрх Ком, VIII, 115—151.

—Берлинскій дворъ въ 1888 г. въ воспоминаніяхъ русской дамы. (РС, янв., 153—164).

Выдержки изъ «Revue contemporaine» 1910, № 10—12. La cour de Berlin en 1888. Journal d'une dame russe.

Берлинъ, П. Паденіе крѣпостного права (къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ). (НЖВ, февр., 100—108).

Бильдерлингъ, А. Николай Николаевичъ Обручевъ. (ВСб, янв. 1—20).

Н. Н. Обручевъ, видный военный и ученый дѣятель.

***Бирюковъ, С. И.** Историческій очеркъ о селѣ Коробовѣ, населенномъ бѣлопашцами, потомками

Ивана Сусанина. Н.-Новгородъ. 1910. 16.

Боборыкинъ, П. Д. Крѣпостные развиватели. (ВелРеф, IV, 76—86).

Изъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ.

Боголюбовъ, В. А. Удѣльные крестьяне. (ВелРеф, II, 234—254).

***Богдановичъ, Я.** Участіе Харьковскаго драгунскаго полка въ отечественной войнѣ 1812—1814 г. Спб. 18 и 6 рис.

Боголѣповъ, М. Государственное хозяйство и финансовая политика правительства. (ОбщДвиж XX в., I, 151—183).

Богословскій, М. М. Введеніе подушной подати и крѣпостное право (ВелРеф, I, 52—65).

Богословскій, М. М. Поморье въ XVII вѣкѣ. (ВелРеф, I, 37—51).

Богословскій, М. Русское дворянство въ XVIII в. (Кн. для чтен. по ист. нов. вр., т. II, 549—566).

Богучарскій, В. Я. Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ *(выше XV/$_2$, 299, XV/$_2$, 388).* (РМ, янв, отд. II, 1—48; март., отд. II, 49—76; май, отд. II, 22—45).

Богучарскій, В. В. А. Карауловъ въ «Запискѣ» ген. Новицкаго. («Рѣчь», № 6, 7 янв.).

Богучарскій, В. Русское освободительное движеніе и война за освобожденіе Болгаріи (Совр, мартъ, 181—220).

Богучарскій, В. Я. Я. И. Ростовцевъ. (ВелРеф, V, 62—68).

—*Война русскаго народа съ Наполеономъ въ 1812 г. Подъ редакціею: рисунки Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго, текстъ **И. Н. Божерянова.** Спб. 1910. f°. 132. Реценз.: **Л. Н.** (ИВ, май, 649—650).

Борецкій-Бергфельдъ, П. 19 февраля 1861 г. передъ судомъ европейской печати. (Историческая справка).

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. *(выше XVI/$_1$, 304).* Реценз.: **М. Соколовскій** (ИВ, февр. 720—723).

Бочкаревъ, В. Н. Бытъ помѣщичьихъ крестьянъ. (ВелРеф, III, 22—40).

Бочкаревъ, В. Н. Русское общество Екатерининской Эпохи и французская революція (ОтВ, I, 44—63).

Бочкаревъ, В. Н. Екатерина и Франція. (ОтВ, I, 26—43).

Бочкаревъ, В. Н. Дворянскіе проекты по крестьянскому вопросу при Николаѣ I. (ВелРеф, III, 155—174).

Бочкаревъ, В. Н. Юрій Өедоровичъ Самаринъ (ВелРеф, V, 92—107).

—Копіи подлинныхъ Высочайшихъ грамотъ, хранящихся въ Сарептѣ, Цариц. у., Сар. губ. въ вол. правленіи. Сообщ. **П. М. Боярскій.** (ТрСарАрхКом, XXVII, 5, 1—15).

фонъ-Брадке, В. М. Очеркъ боевой службы Е. И. В. Гос. Насл. Цесаревича и В. Кн. Александра Александровича во время Освободительной войны 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Съ 5-ю схемами. (СтарНов, XV, 214—231).

Браунъ, Ө. А. Записка Отдѣленію русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ (отъ 8 окт. 1910 г.) (ИзвАк, № 1, 24—32).

Записка представляетъ собою отчетъ о работѣ надъ изслѣдованіемъ состава и источниковъ скандинавскаго матеріала о Россіи и Востокѣ.

***Бродскій, Л. К.** Священникъ Ѳеодосій Левицкій и его сочиненія, поднесенныя императору Александру I. Матеріалы къ исторіи мистицизма въ началѣ XIX вѣка. Спб. XXXV+860+III.

Бугославскій, Г. Сокращенная Литовская лѣтопись начала XVI в. (СмолСт, в. I, ч. 2, 1+19)

Содержитъ: 1) сокращенную Лит. лѣтопись, 2) родословіе Лит. княжества въ двухъ спискахъ. Изъ рукописнаго сборника XVI в., принадлежавшаго Сійскому Антоніеву монастырю, нынѣ хранится въ б-кѣ Архангельскаго Древнехранилища.

Бузескулъ, В. «Харьковскій Грановскій» (Профессоръ М. М. Лунинъ). (Историч. этюды).

Бузескулъ, В. Профессоръ-гуманистъ. (Памяти М. С. Карелина). (Историч. Этюды) *(выше XVI/₁, 304)*.

Булычовъ, Н. И. Архивныя свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губерніи (Калужское Дворянское ополченіе). Калуга, 1910. f°. 1 печ. л.+34 стр+1 печ. л.+161+X табл. и 1 карта. Реценз.: **В. Рудаковъ** (ИВ, май, 659—660).

Буняковскій, В. Подготовка арміи и народа въ видахъ поднятія военнаго могущества Россіи (ВМ, янв., 5—30).

Бурминъ, А. К. и Смирновъ М. Г. Освобожденіе крестьянъ (19 февр. 1861 г.—19 февр. 1911 г.) Краткая записка объ историческомъ ходѣ и развитіи крестьянской реформы въ примѣненіи ея во Владимірской губ. Владиміръ. 4°. 26.

Бутенко, В. А. Реформа французской арміи при революціи и Наполеонѣ (ОтВ, I, 118—130).

Франція передъ столкновеніемъ съ Россіей.

Бутенко, В. А. Очеркъ исторіи русской торговли. М. 120.

Бѣлозерскій, М. Исчезнувшія могилы русскихъ генераловъ въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ (РС, авг., 237—240).

Бѣлоконскій, И. П. Крестьянство и народное образованіе (ВелРеф, VI, 278—302).

В. Изъ переписки имп. Александра I съ вел. княг. Екатериной Павловной (ТвСт, апр., 52—54).

В. В. Аграрный вопросъ въ первой Государственной Думѣ. (Совр. февр., 215—230).

В. В. Вопросы соціальной эволюціи Россіи (Совр., мартъ, 270—286).

В. В. Крестьянскія волненія 1905—06 гг. (Совр., май, 229—250).

В., Вл. Е. 50-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (АрхЕпВѣд., № 5, 339—352; № 6, 379—381).

Вакаръ. 19 февр. 1861—19 февр. 1911 г. Краткій историческій обзоръ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій Кіевской губерніи за 50 лѣтъ въ связи съ очеркомъ современнаго положенія крестьянскаго дѣла. Кіевъ 19.

***Валишевскій, К.** Иванъ Грозный. Перев. съ франц. В. П. Потемкина и В. П. Херсонской. М. VII+494+II.

Валишевскій, К. Смутное время. *(выше XVI/₁, 304)*. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, февр. кр. об. 41—48); **Н. Рожковъ** (СМ, февр. 36).

***Валишевскій, К.** Петръ Великій. По новымъ документамъ. Со многими рисунками и портретами. Съ

четвертаго изданія. М. 155 5 лист. рис.

***Валишевскій, К.** Происхожденіе современной Россіи. Первые Романовы. Перев. съ франц. В. Ф. М. 476+III.

***Валишевскій, К.** Романъ Императрицы. Екатерина Вторая по ея запискамъ, письмамъ и неизд. документамъ госуд. архивовъ. Изд. «Образованіе», 4-е, испр. М. 155. Съ 4 рис.

***Вандаль, А.** Императрица Елисавета и Людовикъ XV. Перев. съ франц. А. Грегманъ. Вступительная статья **И. Н. Бороздина.** (=Истор. библ. Сфинкса, т. II). М. 369+32+10 портр.

Вандаль, А. Переправа Наполеона I черезъ Нѣманъ. (Съ французскаго). (ВИВ, № 3—4, 87—96; №№ 5—6, 83—98; №№ 7—8, 119—133).

— Изъ записокъ ген.-м. А. И. Варженевскаго. Сообщ. **А. К. Варженевскій** (СтарНов, XIV, 480—499).

Василенко, Н. П. Ростъ французскаго вліянія въ Россіи до французской революціи (ОтВ, I, 20—25).

Василенко, Н. П. Отношенія между Россіей и Франціей до французской революціи. (ОтВ, I, 1—19).

Василенко, В. И. Описаніе отдѣльныхъ поселеній посполитыхъ (Тр ПолтАрхКом., вып. VI, ч. 2, 174—313).

Василенко, В. И. Перечень поселеній съ посполитыми, входящихъ въ составъ Гадячскаго казачьяго полка въ 1785 г. (ТрПолтАрхКом. вып. VI, ч. 2, 159—173)

Василенко, В. И. Посполитые Гадячскаго казачья полка по описи 1785 г., хранящейся въ архивѣ Полтавской Казенной Палаты. (Тр ПолтАрхКом., вып. VI, ч. 2, 147—157).

Василенко, Н. П. Крестьянскій вопросъ въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ при Николаѣ I и введеніе инвентарей. (Вел Реф., IV, 94—109).

Василенко, Н. Новая книга по древней русской исторіи. (ВЕ, мартъ, 296—303).

О кн. проф. Мих. Грушевскаго. Кіевская Русь. Т. I.

***Василичъ, Г.** Легенда о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ. Имп. Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ. По воспоминаніямъ современниковъ и документамъ. Изд. 4-е. М. 156. Съ рис.+5 л. рис.

— Записки крѣпостной. Сообщ. **М. Г. Васильева.** (РС, янв. 140—151).

***Васинъ, Н.** Демидовы. Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи. М. 32.

Васинъ, Н. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Сб. статей о крѣпостномъ правѣ отъ его начала до паденія. М. 143. Съ рис.

Введенскій, А. И. Переломъ въ современномъ общественномъ сознаніи. (БВ, янв. 104—132).

Авторъ иллюстрируетъ свои положенія сб. «Вѣхи» и повѣстью А. Золотарева «Въ старой Лаврѣ».

— Великая реформа. 1861—19 февр. 1911. М. 191+1. Съ портр. и рис. Реценз.: **А. Н-къ** (ИВ, апр, 300—301); **И. Б.** (См. апр., 364).

Содержаніе: 1. **А. И. Яковлевъ** «Очеркъ исторіи крѣпостного права до половины XVIII в.» 2. **В. П. Семевскій** «Правительство, общество и народъ въ исторіи крестьянскаго вопроса во второй половинѣ

XVIII и первой половинѣ XIX в.» 3. **В. Я. Улановъ** «Ходъ и исходъ крестьянской реформы» 4. **В. Е. Чешихинъ-Вѣтринскій** «Отраженіе крѣпостного права въ общественной мысли и литературѣ».

—Великая реформа... *(выше XVI/₁, 304).* Т. I. Реценз.: (Совр, янв. 436—438). Тт. I, II и III. Реценз.: (РБ, мартъ, отд. II, 116—119). Т. I и II. **Б. Глинскій.** (ИВ, февр., 710—714). Т. I, II, III (Иск, февр., 95); (КіевскЕпВѣд., №.4, 95—96). Т. IV, V, VI. Реценз.: (РБ, іюнь, отд. II, 154—157).

— Великая Россія. Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Кн. I-я. Ред.-изд. **В. П. Рябушинскій.** Москва, 1910. VIII+302. Реценз.: **С. М.** (ВМ, февр., 167—169).

Содерж.: *** Міросозерцаніе народа и духъ армій (1—20). Кн. **Г. Н. Трубецкой.** Россія, какъ великая держава (21—137). **Брутъ.** Казенное возсозданіе флота (139—175). **Я.** На новый путь (177—194). **Л. М. Болховитиновъ.** Россія на Дальнемъ Востокѣ 195—216). **Л. М. Болховитиновъ.** Колонизаторы Дальняго Востока 217—235). **Н. Л. Кржижановскій.** Развитіе и роль подвижного флота при современныхъ условіяхъ войны (237—302).

Вережниковъ, А. Съ кѣмъ мы воевали. (Совр, іюнь, 58—76).

Къ исторіи боксерскаго движенія.

Вершинскій, А. Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ (по старицкому списку). (ТвСт, мартъ, 47—56; стр. 26—35; май, 16—23).

Рукопись начала XIX в.

Вершинскій, Ан. Къ 50 лѣтнему юбилею со дня освобожденія крестьянъ. (ТвСт, февр. 3—9, мартъ, 3—10).

Вершинскій, Ан. Микулинская лѣтопись. (ТвСт., февр. 49—53; мартъ, 38—45; апр. 36—46; май, 41—44).

Переработка I-го изд. 1854 г.

Вершинскій, Ан. Пора ли писать исторію Тверского крестьянства? (ТвСт, февр. 11—14).

Веселовскій, Б. Движеніе землевладѣльцевъ. (ОбщДвиж XX в., I, 291—313, т. II, ч. 2, 1—29).

Массовыя движенія въ Россіи въ періодъ 1904—1907 г.

Веселовскій, Б. Исторія земства.. Т. IV. Спб. VIII+696+104+XXIX. *(выше XV/₂, 389 XVI/₁, 304).* Реценз.: **Вас. Голубевъ** (Рѣчь, № 2—3 янв.); **С. Сватиковъ** (СМ, іюнь, 346—348).

Веселовскій, Н. И. Татарское вліяніе на польскій церемоніалъ въ Московскій періодъ русской исторіи. (Отч. Спб. Универс. за 1910 г., отд. X, 1—19).

Веселовскій, С. Б. Смѣты военныхъ силъ Московскаго государства. 1661—1663 гг. (ЧтОНЛ, III, отд. I, 1—59).

Витбергъ, Ф. А. Эпизодъ изъ слѣдственнаго дѣла о царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ. (Съ прилож. портрета на отд. листѣ). (ТрВлад АрхКом., X, мартъ, 1—69).

Витмеръ, А. «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ» *(выше XVI/₁, 304).* Генералъ Церпицкій (Константинъ Викентьевичъ) (РС, апр., 34—40).

Витошинскій, Е. М. Краткій обзоръ исторіи Холмской духовной семинаріи. (БВ, февр., 387—402).

Витчевскій, В. Торговля, тамож. и промышлен. политика Россіи... *(выше XIV/₂, 340).* Реценз.: **Ст. Веселовскій.** (ЮрБибл. 1910, № 5 (15), 207—209).

Вишняковъ, Е. И. Главный Комитетъ и редакціонная комиссія. (ВелРеф, IV, 166—193).

Ходъ крестьянской реформы.

Вишняковъ, Е. И. Начало законодательныхъ работъ. (ВелРеф, IV, 138—146).

Ходъ крестьянской реформы.

Водовозова, Е. Захолустный деревенскій уголокъ послѣ паденія крѣпостного права. (РБ, февр. 114—140).

Водовозовъ, В. Среди петербургской молодежи 60-хъ годовъ. Изъ личныхъ переживаній (Совр, мартъ, 221—269; іюнь, 331—368).

Военскій, К. А. Континентальная система. (ОтВ, I, 221—232).

Волгинъ, В. П. Соціально-экономическій строй Франціи при Наполеонѣ I. (ОтВ, I, 103—118).

Франція передъ столкновеніемъ съ Россіей.

***Вороновъ, Л. Н.** Крестьянская реформа. 19 февр. 1861—1911 гг. I. Крѣпостное право. II. Освобожденіе крестьянъ. III. Выкупъ надѣловъ. IV. Общинное землевладѣніе. V. Завершеніе реформы. М. 115+2 портр.

В-ъ. Петръ Кузьмичъ Козловъ (Русскій изслѣдователь центральной Азіи) (РС, май, 231—241).

—Вѣдомость о намѣстничествѣ Казанскомъ. (СбМатКазКр, отд. II, 159—367).

Вѣтринскій, Г. «Колоколъ» и крестьянская реформа. (ВелРеф, IV, 194—219).

Вѣтринскій, Г. А. Н. Муравьевъ и другіе декабристы во время крестьянской реформы. (ВелРеф, V, 229—236).

***Гавриловъ, А. В.** Очеркъ исторіи С.-Петербургской Синодальной типографіи. Вып. I. 1711—1839. Спб. IV+401+XLVI+56+13 рис.

Гарусовъ, И. Д. Провинціальныя училища въ 30-хъ и 40-хъ г.г. (РШк, 1910, IV, 1—19; V—VI, 42—43).

Ге, Н. Н. Кіевская первая гимназія въ сороковыхъ годахъ (Шк, № 8—9, 365—378).

Настоящая статья была помѣщена въ сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра, изд. въ Спб. въ 1905 г.

***Гейсманъ, П. А.** Столѣтіе Военнаго Министерства. Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи генеральнаго штаба въ 1825—1902 гг. Вып. II. Спб. 4°. 414 и 12 картъ. Томъ IV. Часть 2.

Геккеръ, Н. М. М. Стасюлевичъ и старый русскій либерализмъ (Совр апр., 230—253).

Гераклитовъ, А. А. Мелочи изъ прошлаго Саратовскаго края (Тр СарАрхКом, XXVIII, 2, 1—19).

I. Къ исторіи Саратовскихъ пожаровъ 1754 и 1757 гг.—II. Изъ быта Саратовскаго чиновничества половины XVIII в.—III. «Слово и дѣло». — IV. Учрежденіе почты отъ Саратова до Москвы.

Гераклитовъ, А. А. Учрежденіе въ Саратовѣ Соляного Коммиссарства (1747 г.) (ТрСарАрхКом, XXVIII, 1—37).

Гершензонъ, М. Русскій юноша сто лѣтъ назадъ (РМ, авг., хрон., 18—25).

О Н. И. Тургеневѣ по его дневникамъ 1806—1811 гг. См. «Архивъ бр. Тургеневыхъ», изд. Академіи Наукъ, вып. I.

— *Эпоха Николая I. Подъ ред. **М. О. Гершензона.** М. 176. Съ рис.

Гессенъ, Ю. И. Смѣна общественныхъ теченій: I. И. Б. Левинзонъ

и д-ръ М. Лиліенталь. II. Первый русско-еврейскій органъ (Пережитое, III, 1—59).

Глинскій, Б. Б. Эпоха мира и успокоенія (Историческіе очерки) (ИВ, янв., 262—288; апр., 218—255).

Гнѣвушевъ, А. М. Сельское населеніе Новгородской области по писцовымъ книгамъ 1495—1505 г. (КУИ, № 3, II, 129—152).

Гнѣвушевъ, А. М. Писцовая книга Обонежской пятины второй московской описи. Кіевъ. 1910, II + 96.

Гнѣвушевъ, А. Церковное землевладѣніе въ Новгородской области во второй половинѣ XV в. и конфискація земель Іоанномъ III (БВ, іюнь, 368—380, іюль—авг., 560—566).

Годуновъ, В. И. Краткій очеркъ исторіи Эстляндіи къ 200-лѣтнему юбилею завоеванія ея Россіею. Ревель. 1910. 94 + 7 нен. стр.

— Изъ Московской жизни сороковыхъ годовъ. Дневникъ Елисаветы Ивановны Поповой, подъ ред. **кн. Н. В. Голицына.** Спб. XV + 283. Съ рис.

— Мемуары графини Головиной, урожденной графини Голицыной (1766—1821). Предисловіе и примѣчанія **К. Валишевскаго.** Полный переводъ съ франц. **К. Папудогло.** Съ портр. гр. Головиной и принцессы Луизы Баденской (Историч. б-ка Сфинкса. Т. I). М. 410 + 2 портр. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, май, кр. об., 196); **Л. Марковъ** (НЖ, № 6, 269—271 столб.); (РБ, апр., отд. II, 84—85); **Н. Рожковъ** (СМ, іюнь, 349—350).

Горталовъ, Н. К. Изъ прошлаго Императорской казанской 1-й гимназіи. Съ 2 портр. и видомъ гимназіи въ началѣ XX ст. Казань, 1910. 47. Реценз.: **В. Р<удако>въ** (ИВ, янв., 348—349). Ср. XVI/1, 305.

Содержаніе: I. С. Т. Аксаковъ, какъ ученикъ казанской гимназіи.—II. Несостоявшаяся посылка учениковъ казанской гимназіи въ петербургскую учительскую гимназію.— III. Ученики-надзиратели казанской гимназіи въ началѣ XIX столѣтія.

Готье, Ю. В. Десятни по Владиміру и Мещерѣ. 1590 и 1615 гг. (ЧтОИД, 1910. № 1, I, 51—89).

Это десятня денежной раздачи. Находится въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ Румянцевскомъ Музеѣ (см. Моск. Публ. Музей № 3277, лл. 180—212. Отчетъ Моск. Публ. и Рум. музеевъ за 1889 г., стр. 24—25).

Готье, Ю. В. Крестьяне въ XVII столѣтіи (ВелРеф, I, 14—36).

Готье, Ю. Къ вопросу объ изученіи внутренней торговли Россіи въ XVIII столѣтіи (СбПлат, 454—461).

— Грамота (жалованная), данная Ивану Палицыну царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, 7170 (1662) г. (ТвСт, февр., 30—33).

Изъ собранія проф. И. А. Шляпкина. Даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи землевладѣнія Бѣжецкаго уѣзда.

— Грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны 1687 г. (Изъ архива Жегаловыхъ) (СмолСт, в. I, ч. 2, 57—58).

— Грамота царя Михаила Θеодоровича 1621 года. Переписалъ **В. Грачевъ** (СмолСт, вып. I, ч. 2, 35—38).

Имѣетъ большое историческое значеніе, такъ какъ дополняетъ собою тѣ извѣстныя грамоты, которыя были раз-

даваемы при царѣ Василіи Шуйскомъ за Московское осадное сидѣніе и подтверждены затѣмъ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ. Хранится въ Смоленск. Городскомъ Ист.-Арх. Музеѣ.

— Грамота царя Михаила Θеодоровича 1639 г. (СмолСт, вып. I, ч. 2, 39—40).

Изъ семейнаго архива Жегаловыхъ.

— Грамоты (двѣ) царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (1691 и 1683 гг.) (СмолСт, в. I, ч. 2, 74—77).

***Грачевъ, В.** Крѣпостное право и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. (Смоленскіе дворяне въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ). Историческая справка. (1861—1911 г. 19 февр.). Смоленскъ. 44.

***Грачевъ, В.** Письмо французскаго офицера изъ г. Смоленска въ 1812 г. Смоленскъ. 24.

— О дачахъ, пожалованныхъ г. Смоленску королемъ польскимъ Сигизмундомъ III, о количествѣ и захватѣ ихъ посторонними силами. Сообщ. **В. Грачевъ** (СмолСт, в. I, ч. 2, 169—181).

***Грейфенгагенъ, В.** Осада и капитуляція Ревеля въ 1710 г. Къ празднованію 200-лѣтней принадлежности Ревеля и Эстляндіи къ Россійской Имперіи. Перераб. **О. В. Грейфенгагенъ**. Ревель. 1910. 33+1.

— Изъ бумагъ А. В. Храповицкаго. Сообщ. **К. Я. Гротъ** (СтарНов, XV, 1—19).

Содержаніе: Замѣтка библіографа г-на Л. Х. Бакмейстера. Письма кн. Е. Р. Дашковой. 1. Къ импер. Екатеринѣ. 2. Къ А. В. Храповицкому. Письмо бывшаго фаворита А. М. Дмитріева-Мамонова къ импер. Екатеринѣ II. Письмо архіеп. Евгенія (Булгариса) къ А. В. Храповицкому. Письмо гр. И. Г. Чернышева къ импер. Екатеринѣ II. Письмо Ив. Ив. Бецкого и его дочери А. И. де-Рибасъ къ импер. Екатеринѣ II, и г-жи Рибасъ къ Храповицкому. Всеподданнѣйшее прошеніе маіора Дюбоска.

Гротъ, К. Я. Къ біографіи барона Г. М. Спренгтпортена (Нѣсколько писемъ 1790 г.) (ЗМАИ, т. VII, IX, 1—8).

Гротъ, Я. К., академикъ. Изъ записокъ. Празднованіе полуторавѣкового юбилея Императорской Академіи Наукъ въ 1876 г. (РА, № 6, 261—273).

***Грушевськиий, М.** Ілюстрована Історія України. Кіевъ. Львовъ. 226. Съ рис.

***Грушевскій, М., проф.** Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Изд. 3-е. Кіевъ. 468+II нен. Ц. 2 р. 50 к.

Гудзь, И. К. Матеріалы для исторіи тверского губернскаго земства 1866—1908 гг. Т. VIII. Народное образованіе. Охраненіе народной нравственности. Подъ ред. А. Н. Полтева. Тверь. 1910. XXI+1105. Съ портр.

— Письмо графа М. Ил. Голенищева-Кутузова графинѣ А. Гр. Гудовичъ рожд. баронессѣ Энгельгардтъ. Сообщ. **гр. А. В. Гудовичъ** (СтарНов, XIV, 500—501).

***Гуревичъ, Я. Г.** Историческая хрестоматія по русской исторіи. Т. III. Спб. Изд. 3-е перераб. XVI+569.

Даниловъ, Вл. Изъ дореформенной административной практики въ Екатеринославской губ. (ЛѣтЕкатКом, в. II, 194—197).

Даниловъ, Ф. Общая политика правительства и государственный строй къ началу XX в. (ОбщДвиж XX в., I, 422—483).

I. Созданіе и упроченіе строя. II. Передъ ликвидаціей.

Данъ, Ф. Общая политика правительства и примѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 гг. (ОбщДвиж XX в., т. IV, ч. 1, 279—392).

Дживедеговъ, А. К. Гр. В. Н. Панинъ (ВелРеф, V, 147—155).

Дживелеговъ, А. К. Николай Алексѣевичъ Милютинъ (ВелРеф, V, 68—87).

Дживелеговъ, А. К. Революція и Европа (ОтВ, I, 74—89).

Дживелеговъ, А. К. Революція и Бонапартъ (ОтВ, I, 89—102).

Франція передъ столкновеніемъ съ Россіей.

Джиджора, І. Економічна політика росийського правительства супроти України в 1710—1730 рр. (ЗШ, 1910, кн. VI, 55—74).

Довнаръ-Запольскій, М. В. Крѣпостники въ первой четверти XIX в. (ВелРеф, II, 124—156).

Довнаръ-Запольскій, М. В. На зарѣ крестьянской свободы. Публичныя чтенія о крѣпостномъ правѣ наканунѣ раскрѣпощенія и краткій ходъ реформы. Кіевъ. 238+2 нен. и 2 карты: 1) карта надѣловъ на душу, 2) карта распредѣленія общиннаго и подворнаго крестьянскаго землевладѣнія. Реценз.: **Т. С.** (ИВ, апр., 302); **А. Кизеветтеръ** (РМ, іюнь, кр. об., 232—233); **И. Б.** (СМ, апр., 364—365).

***Довнаръ-Запольскій, М. В.** Что было сдѣлано въ наукѣ для изученія хозяйственнаго развитія въ Россіи (ВЗн, 1910, IV, 480—487; VI, 648—657).

Докудовскій, Вл. О намѣреніи захватить и въ случаѣ необходимости лишить жизни Государя Императора Николая (ТрРязАрхКом, XXIII/1, 40—45).

— Документъ дер. Чернушекъ 1680 г. (СмолСт, ч. I, в. 2, 41—45).

— Документы, извѣстія и замѣтки. Сообщ. **И. Ф. Павловскій** (ТрПолтАрхКом, вып. VI, ч. 2, 315—318).

I. О переселенія въ Западныя губерніи русскихъ и обратно.—II. Объ уничтоженіи плотничьяго цеха «русской породы» въ Черниговѣ.

— Документы, извѣстія и замѣтки. Сообщ. **И. Ф. Павловскій** (ТрПолтАрхКом, вып. VII, 167—179).

Содержаніе: 1) О безпорядкахъ и упущеніяхъ по службѣ чиновъ Полтавской казенной палаты (167).—2) О присоединеніи посада Крюкова къ Полтавской губ. (169—170).—3) Правила о переселеніи раскольниковъ вредныхъ ересей въ Закавказскій край Высочайше утвержденныя 14-го декабря 1842 года (170—171).—4) О сектѣ молоканъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. (171—172).—5) О школахъ для раскольничьихъ дѣтей (172—174).—6) О желаніи помѣщика колежскаго ассесора Петра Галагана передать свое имущество въ пожизненное вѣдѣніе женѣ своей (174).—7) О растеніи червецѣ въ Малороссіи (174—176).—8) Статистика помѣщиковъ Лубенскаго и Кременчугскаго уѣздовъ въ 1806 г. и число владѣемыхъ ими душъ въ первомъ (176).—9) Просьба землемѣра о награжденіи его чиномъ (177—178).—10) Письмо къ Репнину Черниговскаго губернскаго предводителя Степана Ширая (178—179).—11) Стоимость ревизской души въ 1827 г. (167—179).

— Три царскія грамоты XVII в. изъ собранія Е. А. Судіенка съ примѣчаніемъ **М. А. Доброгаева** (ТрЧернАрхКом, VIII, 106—114).

I. Царя Алексѣя Михайловича еписк. Черниг. Зосимѣ (1649 г.) о присылкѣ въ Москву, для справки библіи, иноковъ Кирилла, Арсенія и Дамаскина.—II. Ѳео-

дора Алекс. (12 апрѣля 1677 г.) на имя полковника Чигиринскаго Григорія Карпова о присылкѣ на Украину войскъ, въ виду возамѣренія Юф. Хмельницкаго передаться султану.—III. Петра Алексѣевича (1 апр. 1682 г.) на имя Кіевскаго полковника Григорія Карпова съ извѣщеніемъ о смерти Θеодора Алексѣевича.

— Семейная хроника рода Искрицкихъ, со вступленіемъ **П. Я. Дорошенко** (ТрЧернАрхКом, VII, 152—194).

***Дорошенко, П.** Очеркъ крѣпостного права въ Малороссіи и крестьянской реформы въ Черниговской губ. (Отт. изъ журн. «Земскій Сборн.») Черниговъ. 36.

***Дунинъ, В. О., Стеблевъ, А. П.** и **Толстой, А. С.** 1861 г. 19 февраля. Очеркъ исторіи крѣпостного права на Руси и отмѣна его. М. 192.

Дунинъ, А. Взятіе народнаго дома въ Самарѣ (изъ воспоминаній о 1905 годѣ) (ИВ, апр., 147—166).

***Дьяконовъ, К. П.** Крѣпостное право и 19 февраля 1861 г. Казань. 18.

***Евреиновъ, Н.** Крѣпостные актеры. Историческій очеркъ. Спб. 80. Съ рис.

Егоровъ, В. Записныя холопьи книги дьяка Алябьева (СбПлат, 462—470).

— Письмо импер. Екатерина къ гр. Н. И. Салтыкову объ Александрѣ Павловичѣ. Сообщ. **Н. К. Шильдеромъ** (РА, II, 309).

— Чистосердечная исповѣдь Екатерины II Потемкину (РА, май, 107—108).

— Импер. Елисавета Петровна Письмо къ гр. М. Л. Воронцову (РА, VI, 35)

Епанчинъ, Н. Очеркъ событій 1812 г. въ предѣлахъ Кіевскаго военнаго округа (ВИВ, №№ 7—8, 5—11).

Епанчинъ, Н. А. Датская экспедиція (РС, окт., 112—127).

Ерманскій, А. Крупная буржуазія до 1905 г. (ОбщДвиж XX в., I, 313—349).

Ерманскій, А. Крупная буржуазія въ 1907 г. (ОбщДвиж XX в., II, ч. 2, 30—100).

Ефимова, Г. А. А. М. Унковскій (ВелРеф, V, 118—128).

Жариновъ, Д. А. Первыя войны съ Наполеономъ и русское общество (ОтВ, I, 198—212).

***Жерве, Н. П.** Имп. Александръ II и освобожденіе крестьянъ. 1861 г. 19 февраля. 1911 г. Спб. Изд. военно-ист. об-ва. 64. Съ 20 рис.

— Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго. Сообщ. **А. В. Жиркевичъ** (РС, янв., 195—202; мартъ, 579—587; апр., 103—110).

***Жиркевичъ, А. В.** Изъ-за русскаго языка. (Біографія каноника Сенгиковскаго, въ двухъ частяхъ съ алфавитнымъ указателемъ (Минская старина. Вып. III. Ч. I). На родинѣ Бѣлоруссіи. Ч. II. Въ изгнаніи (=Труды Минскаго Церк.-Ист.-Арх. Ком. Вильна. 8°. XXXIII+669+1+684+1+LIX и 2 портр. Реценз.: **В. Р⟨удако⟩въ** (ИВ, авг., 714—716).

***Завитневичъ, В.** Манифестъ 19-го февраля въ историческомъ освѣщеніи. Кіевъ. 40.

Заозерскій, А. Крѣпостное право и Отечественная война (Рѣчь, № 49—19 февр.).

Заозерскій, А. Къ характеристикѣ Московской дипломатіи XVII вѣка (СбПлат, 335—356).

Зеленый, П. А. О послѣднихъ пяти годахъ крѣпостного состоянія (ВелРеф, IV, 86—93).

— Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (РА, № 6, 301—304).

Извлеченія изъ неопубликованной книги князя Н. Н. Голицына.

Златовратскій, Н. Н. Какъ это было. Очерки и воспоминанія 60-хъ годовъ. М. 293. Реценз.: **Ч. В—скій** (ВЕ, мартъ, 357).

Ивковъ, Д. Историческій очеркъ полевыхъ инженерныхъ войскъ (ВИВ, №№ 3—4, 39—60; №№ 5—6, 23—65; №№ 1—8, 59—94).

Игнатовичъ, И. И. Бездна (ВелРеф, V, 211—219).

Игнатовичъ, И. И. Встрѣча на мѣстахъ (ВелРеф, V, 172—178).

Игнатовичъ, И. И. Крестьянскія волненія (ВелРеф, III, 41—65).

Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изд. 2-е, дополн. М. 1910. 312. Реценз.: **Б. Веселовскій** (СМ, янв., 370); (РБ, мартъ, отд. II, 119—121).

Иконниковъ, В. С. Августъ-Людвигъ Шлецеръ, съ образомъ его жизни и дѣятельности (ЧтОНЛ, XXII/$_{1-2}$, 41—43).

Иконниковъ, В. С. Пребываніе Петра Великаго въ Кіевѣ (ЧтОНЛ, XXII/$_{1-2}$, 21—24).

Сокращенное изложеніе сообщенія.

Иконниковъ, В. С. Императрица Екатерина II, какъ историкъ (ВИВ, № 1—2, 13—24).

Ильинъ, В. Наши упразднители (о г. Потресовѣ и В. Базаровѣ) (Мысль, № 2, 37—46; № 3, 45—53).

Къ исторіи русской интеллигенціи. По поводу статей Потресова («Наша заря», февраль 1910) и Базарова (ibid., апрѣль 1910).

— Императрица Елисавета Петровна. Очеркъ ея жизни и царствованія (РА, 5—35).

Перепечатка статей **П. Пек.** (П. П. Пекарскаго), **П. П.** и **А. Г.** изъ «Энциклопед. Словаря, составл. русскими учеными и литераторами. Отд. II, т. I. Е.-Елиз.». Спб. 1863, стр. 459—475).

—*Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ *(выше XIV$_3$, 341)*. Вып. 34, 80—160. Вып. 35, 161—267. Реценз. вып. 29—34 (РБ, янв. II. 167—169).

— *Исторія русской арміи и флота. Вып. I. М. 191 и 18 лист. рис. Т. II. Изд. кн-изд. «Образованіе». М. 175+20 фототип. и 2 карты. Т. III. М. 170+17 лл. рис. Т. IV. М. 155+II+2 нен. Съ 23 рис.

— *Исторія (русская). Т. III, кн. 6. Изд. т-ва «Міръ». М. 145—232+72+14 лл. рис.

— *Исторія Торговли и Промышленности въ Россіи подъ ред. **П. Х. Спасскаго.** Т. I, вып. 3. Спб. 4°. 41—76. Съ рис.

К., А. П. Святое дѣло (РА, № 4, 497—505).

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

К., А. П. Очеркъ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ (РА, II, 313—318).

К., М. Нѣсколько листковъ изъ семейнаго архива въ связи съ воспоминаніями объ Импер. Александрѣ II (РС, ноябрь, 283—297).

Кабановъ, А. Выборы представителей отъ Переяславля Ряз. на Земскій Соборъ 1648—1649 г. (ТрРязАрхКом, XXIII/$_1$, 1—16).

***Кабановъ, А.** Грамота патріарха Гермогена въ Нижній-Новгородъ. (Начало нижегородскаго ополченія). 1611—1911. 25 августа. Изд.

Нижегор. Арх. Ком. Н.-Новгородъ. F°. 1.

***Кабановъ, А. К.** Смута Московскаго государства и Нижній-Новгородъ. Очеркъ. Н.-Новгородъ. 32.

Каганъ, Маркусъ. Къ исторіи національнаго самосознанія русско-еврейскаго общества. По личнымъ воспоминаніямъ. (Пережитое, III, 136—157).

Воспоминанія относятся ко второй половинѣ 70-хъ годовъ XIX в.

Каменевъ, Ю. Либерализмъ, демократія и 19 февраля (Мысль, № 3, 14—24; № 4, 43—57).

***Кандаратскій, М. Ф.** Наброски изъ временъ сѣдой старины гор. Казани. Казань. 1910. 51.

Карповъ, полковникъ. Записки. 1807—1837 (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1 нен. л.+11+1—136).

Карцовъ, Ю. и Военскій, К. Причины войны 1812 г. Спб. XIV+115. Реценз.: **Б. Глинскій** (ИВ, апр., 293—297).

— Карантины и заставы Кавказской Области (1831 г.). (Тр СтаврАрхКом, вып. II, отд. I, 16, 1—4).

Карѣевъ, Н. Краткая исторія прошлаго столѣтія. Обзоръ главныхъ политическихъ событій въ Европѣ, преимущественно западной, между 1800 и 1900 г. Спб. 288. Реценз.: **Н. Борецкій-Бергфельдъ** (РМ, апр., кр. об., 146—147); (СМ, мартъ, 361—362).

Кастанье, І. А. (сообщ.). Документы о военно-плѣнныхъ французахъ 1812—1813 г. въ Оренбургск. губ. (ТрОренбАрхКом, XXV, 223—249).

Приложеніе 6-е къ протоколамъ засѣданій.

Кизеветтеръ, А. Великая реформа (РусскВѣд, № 40—19 февр.).

Кизеветтеръ, А. Императоръ Александръ I и Аракчеевъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ (РМ, февр., II, 1—33).

Кизеветтеръ, А. Русскій чортъ XVIII ст. (Кн. для чтенія по ист. нов. вр., II, 639—664).

Кизеветтеръ, А. А. Русское общество и реформа 1861 г. (ВелРеф, IV, 110—137).

***Клетнова, Е.** Отзвуки отечественной войны въ преданьяхъ и сказаніяхъ Вяземскаго уѣзда. Вып. I. Смоленскъ. 85. Съ рис. Реценз.: **М—о** (ИВ, авг., 712—714).

Клочковъ, М. В. Павелъ и Франція (ОтВ, I, 64—73).

Клочковъ, М. Крестьяне и крѣпостное право въ Россіи въ XVIII в. (Кн. для чтенія по ист. нов. вр., т. II, 567—638).

Клочковъ, М. В. Посошковъ о крестьянахъ (ВелРеф, I, 66—79).

— Книга для чтенія по исторіи новаго времени... *(выше XV/3, 393).* Реценз.: **М. К—въ** (ИВ, янв., 315—316). Т. II. М. IV+748+VII. Реценз.: **С. Фортунатовъ** (РусскВѣд, № 38—17 февр.).

Ст. 14-я II-го тома посвящена Польшѣ; статьи 15—21—Россіи.

Князьковъ, С. А. Графъ П. Д. Киселевъ и реформа государственныхъ крестьянъ (ВелРеф, II, 209—233).

***Князьковъ, С.** Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время. Истор. очеркъ. Изд. 3-е. М. 118.

***Князьковъ, С.** Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право въ Россіи. Историческій очеркъ. Подъ

ред. А. А. Кизеветтера. М. Изд. 4-е У. Кнебеля. 102.

Ковалевскій, А. Освободительная реформа Импер. Александра II и осуществленіе ея въ предѣлахъ Черниговской губерніи (1858—1861 гг.). Юбилейное изданіе къ 19 февраля 1911 г. Кіевъ. 4°. XIV+84.

Ковалевскій, М. О подготовкѣ и дѣятеляхъ реформы 19-го февраля (РусскВѣд, № 40—19 февраля).

Ковалевскій, П. И. Завоеваніе Кавказа Россіей. Историч. очерки. Спб. 12°. 334. Съ карт. и рис.

— Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи студента Михаила Ковригина на тему: «Историческія воззрѣнія славянофиловъ». 1) проф. **М. М. Богословскаго** (БВ, іюнь, журн. совѣта, 533—534). 2) проф. **П. П. Соколова** (ib. 535—536).

Козловскій, И. П. Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго (РС, апр., 177—211).

***Козловскій, И. П.** Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго (1641—1717). Спб. 79.

Козловскій, И. П. Значеніе XVII в. въ русской исторіи, его связь съ предыдущими и послѣдующими эпохами (изъ вступительной лекціи, читанной въ Ист.-Фил. Инст. князя Безбородко 14 янв. 1908 г.) (СбНИ, VI, отд. II, 1—13).

Козловскій, И. П. Сношенія древней Руси (ВУИ, V, 6, 1—23).

Козловскій, И. П. Новые матеріалы для біографіи Михаила Θеодоровича Романова и ихъ значеніе въ наукѣ (ЗОИФП, V, отд. II, 76—91).

***Колчинъ, М.** Ссыльные и заключенные въ острогахъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историческій очеркъ. Съ предисл. А. С. Пругавина. М. Реценз.: **Вл. Бончъ-Бруевичъ** (ВЕ, іюнь, 343—346).

Кольцовъ, Д. Рабочіе въ 1890—1904 гг. (ОбщДвиж XX в., I, 183—230).

Кольцовъ, Д. Рабочіе въ 1905—1907 гг. (ОбщДвиж XX в., т. II, ч. 1, 185—341).

***Колюбакинъ, Б. М.** Воспоминаніе графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. Спб. 123. Съ рис.

***Колюбакинъ, Б.** Прейсишъ-Эйлауская операція. Сраженіе у Прейсишъ-Эйлау (26 и 27 янв. 1807 г.). Спб. 32 и планъ.

***Колюбакинъ, Б. М.** 1812-й годъ. Воспоминанія офицера французскаго кирасирскаго № 2 полка о кампаніи 1812 года. Спб. 4°. 56. Съ рис.

Кони, А. Θ. Великая княгиня Елена Павловна (ВелРеф, V, 14—34).

Кони, А. Θ. Великій князь Константинъ Павловичъ (ВелРеф, V, 34—51).

Кони, А. Θ. К. К. Гротъ и В. А. Арцимовичъ (ВелРеф, V, 223—228).

— Копіи съ документовъ, заключающихъ въ себѣ предварительныя распоряженія по открытію Казанской губерніи, въ ея теперешнихъ границахъ (1780—1781 гг.) (СбМатКазКр, отд. II, 1—19).

— Копіи съ документовъ, относящихся къ открытію и къ первымъ годамъ существованія Казанскаго намѣстничества (1780—

1783 гг.) (СбМатКазКр, отд. II, 21—122).

Корберонъ. Изъ записокъ 1775—1780 (РА, май, 27—104; іюнь, 161—204).

***Корененко, К. И.** Просвѣщеніе и школы въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Историческій обзоръ возникновенія и развитія школъ въ Россіи со времени введенія христіанства до царствованія Петра Великаго. Севастополь. 30.

Корниловъ, А. Великая реформа 19-го февраля (Рѣчь, № 49—19 февр.).

Корниловъ, А. А. Губернскіе дворянскіе комитеты 1858—1859 г. (ВелРеф, IV, 146—166).

Корниловъ, А. А. Реформа 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ (ВелРеф, V, 285—308).

Корниловъ, А. А. Дѣятельность мировыхъ посредниковъ (ВелРеф, V, 237—252).

Коробка, Н. Декабристы братья Борисовы и общество Соединенныхъ Славянъ (Совр, май, 11—35).

Короленко, Вл. Легенда о царѣ и декабристѣ. (Страничка изъ исторіи освобожденія) (РБ, февр., отд. II, 113—140).

Къ характеристикѣ А. Н. Муравьева, какъ губернатора Нижняго-Новгорода.

Коссаговская, Е. Я. Къ статьѣ «Силуэты времени реформъ». (ИВ, апр., 399—400).

Къ событію 1-го марта 1881 г. О П. П. Коссаговскомъ — директорѣ департамента полиціи. Статья Н. Н. Фирсова «Силуэты времени реформъ» (выше XV/2, 310) помѣщена въ ИВ 1910 г.

Котляревскій, Н. Изъ исторіи общественнаго настроенія шестидесятыхъ годовъ (ВЕ, апр., 234—261; іюнь, 59—84).

Кречетовичъ, І. П., прот. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Т. I. Подготовка реформы (ЧтОИД, № 2. I—VIII, 1—627 и отд. M. VIII+628). Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, май, кр. об., 195).

Кречетовичъ, І. П., прот. Объявленіе воли въ г. Саратовѣ и Саратовской губерніи (по даннымъ архива Саратовской Духовной Консисторіи). Саратовъ. 16°. 24. Рец.: **П. Б⟨артеневъ⟩** (РА, III, вн. обл.).

Круковскій, Анд. Могила одного изъ участниковъ войны 1812 года (РС, сент., 425—426).

Могила Жозефа Лефевра, графа Данцигскаго, бригаднаго генерала великой арміи. Приведенъ текстъ надписи съ надгробнымъ стихотвореніемъ.

Крыжановскій, П. А. «Весьма секретное» дѣло (ИВ, февр., 617—622).

О доставленіи въ Абиссинію транспорта оружія по предложенію И. С. Леонтьева.

— Крѣпостные рабы крѣпостныхъ крестьянъ. (Къ матеріаламъ по исторіи крѣпостного права). (ТрОренбАрхКом, XXV, 220—222).

— Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля. Историческая коммиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. М. 399. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, апр., кр. об., 145—147); (Рѣчь, № 30—31 янв.); **В. П.** (РусскВѣд. № 19—25 янв.); (РБ, апр., 85—86); **Н. Рожковъ** (СМ, авг., 353—355).

— Крѣпостное право и крестьянская жизнь въ разсказахъ, стихахъ, пѣсняхъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Общедоступный сборникъ подъ ред. **С. П. Мельгунова** М. IV+327. Реценз.: (РБ, мартъ, отд. II, 121—122); (Рѣчь,

№ 30—31 янв.); (КіевскЕпВѣд, № 5, 119—120).

***Кубаловъ, Б.** Къ исторіи Московско-Крымскихъ отношеній конца XVII вѣка. Одесса. 44.

***Кудринскій, Ѳ. А.** Исторія развитія и паденія крѣпостничества въ Россіи (въ связи съ положеніемъ крестьянства Сѣверо-Западной Россіи). Общій историческій очеркъ. Въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ. Вильна. 1 нен.+75+1 портр. Ц. 25 к.

***Кузнецовъ, Я. О.** Изъ переписки помѣщика съ крестьянами. Страничка изъ быта крестьянъ XVIII ст. Владиміръ губ. 32.

***Кукаретинъ, М. В.** Ко дню 50-лѣтія великой реформы въ Пермской губ.; 19 февраля 1861—19 февраля 1911 года. Краткій очеркъ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій. Пермь, 110+13.

Кулишеръ, I. М. Торговая политика и финансы Англіи въ 1793—1812 г. (ОтВ, I, 213—220).

Кульманъ, Н. Письма Е. А. Энгельгарда къ М. Д. Деларю (Сб Плат, 485—501).

М. Д. Деларю, современникъ Пушкина и другъ Дельвига. Всего приведено 5 писемъ (1839 г., 1840, 1846). Интересны для біографіи Е. А. Энгельгардта и отношенія питомцевъ лицея къ нему.

Курдюмовъ, М. Записки о церемоніяхъ, происходившихъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича по случаю объявленія похода противъ польскаго короля Яна-Казиміра (СбПлат, 311—334).

Лавриновичъ, Ю. Крѣпостное право и крестьянскій вопросъ въ Россіи (Совр, февр., 189—212).

Лавровъ, Д. Святый страстотерпецъ, благовѣрный князь Углическій, царевичъ Димитрій Московскій и всея Россіи Чудотворецъ (БВ, окт., 345—363).

***Лабунскій, В.** Промыслы и торговля въ древней Руси. (Образованіе русскаго государства). Изд. 2-е М. 47. Съ рис. Ц. 15 к.

Ламоновъ, *А. Д. Къ матеріаламъ для исторіи 1-го Кавказскаго Кубанскаго казачьяго войска (Кубанск Сб, XV, 367—384).

Воспоминанія о «Баязетскомъ сидѣніи» урядника Сергѣя Севастьянова и казака Сергѣя Ткачева.

Лаппо-Данилевскій, А. С. Екатерина II и крестьянскій вопросъ (ВелРеф, I, 163—190).

Ларіоновъ, А. М. Исторія Инст. Инженеровъ Путей Сообщенія Имп. Александра I за первое столѣтіе его существованія 1810—1910. Спб. 1910. VIII+409.

Лачиновъ, Н. По поводу статьи г. А. А. Сигова: «Драгомировъ и Скоболевъ» (ИВ, май, 732—736).

Поправки къ статьѣ А. А. Сигова, помѣщенной въ апр. кн. ИВ.

***Лебедевъ, Н. К.** XVI столѣтіе о ратномъ дѣлѣ. М. 158+IV+1 карта.

Лебедевъ, Е. Е. Св. князь Всеволодъ-Гавріилъ въ Новгородѣ и Псковѣ (СбНовгОблЛюбДр, III, 19 стр.).

Ленскій, З. Національное движеніе (ОбщДвиж XX в., I, 349—372).

Линдеманъ, I. К. Маринкина башня въ Коломнѣ и вопросъ о смерти Марины Мнишекъ. М. 1910. 35.

Линдъ, В. Н. Московское студенчество въ 1861 г. и его отношеніе къ освобожденію крестьянъ (Изъ воспоминаній) (ВелРеф, V, 269—278).

Линдъ, В. Воспоминанія о моей жизни (РМ, іюль, отд. II, 104—125; авг., отд. II, 35—63).

***Линникъ, Гр.** Крѣпостное право въ Россіи (Экономическія его основы). Кіевъ. 26.

***Литвиновъ, В. В.** Воронежская учительская семинарія (1875—1910). Историческій очеркъ. Воронежъ. 159.

Лосицкій, А. Надѣлъ и выкупъ. Къ характеристикѣ раскрѣпощенія крестьянства (СМ, мартъ, 228—239).

Лузинъ, А. В. Значеніе трудовъ И. Е. Забѣлина въ русской исторической наукѣ (ЖМНПр, янв., отд. IV, 1—29).

Лундъ, К. П. Съ полкомъ отъ Хайчена до Айсандзяна. (Страничка изъ походного дневника) (ВМ, мартъ, 73—85).

Лыкошинъ, А. С. Военныя поселенія (ВелРеф, II, 86—106).

Любавскій, М. К. Начало закрѣпощенія крестьянъ (ВелРеф, I, 1—13).

Любавскій, М. К. Оч. ист. лит.-русск. государства... *(выше XVI/₁, 308)* (ЧтОИД, № 1, I—IV+1—376+I—IV). Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, май, кр. об., 195—196); **J. Borozdin** (ZOEG, I, 250—253); **В. Рудаковъ** (ИВ, февр., 714—716); **Jg. B.** (BiblWarsz, III, 579—581).

Любавскій, М. Послѣдные бояре въ Жмудской землѣ въ XVI в. (Сб Плат, 439—449).

***Любичъ-Кошуровъ, I. А.** Партизаны 1812 г. М. 166. Съ рис.

М., В. Книги кормовыя (Стар Нов, XIII, 132—151).

Приведенъ списокъ «Книгъ Кормовыхъ» Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря изъ сборника Имп. Публ. Б-ки (инвентарный № 75—1904 г.).

Маевскій, Евг. Массовое движеніе съ 1904 по 1907 г. Общая картина движенія (ОбщДвиж XX в., т. II, ч. 1, 35—185).

***Майковъ, В. В.** Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI вѣка. Спб. XLVIII+307+4 табл.

Малининъ, Д. И. Отголоски Пугачевщины въ Мещовскомъ уѣздѣ (ИзвКалАрхКом, XXI, 9—29).

По секретнымъ дѣламъ Мещовской воеводской канцеляріи.

***Малиновскій, Н.** Причины освобожденія крестьянъ въ 1861 г. М. 32.

Мануиловъ, А. А. Реформа 19 февраля и общинное землевладѣніе (ВелРеф, VI, 54—75).

Марина, М. М. Гетманша Скоропадская, урожденная Анастасія Марковна Марковичъ (1667—1729) (ИВ, авг., 534—550).

Марковъ, А. В. Вопросъ о подлинности церковныхъ грамотъ, входящихъ въ составъ Новгородскихъ лѣтописей (БВ, іюнь, 361—367; сент., 136—147; окт., 331—344).

Марковъ, Вл. Генералъ-лейтенантъ А. А. Уеддинскій (изъ далекаго прошлаго Кавказа) (РС, янв., 203—208; февр., 320; мартъ, 588; апр., 102).

Мартовъ, Л. Общественныя и умственныя теченія 70-хъ годовъ (ИстЛит XIX в., вып. 18, 1—52).

Мартыновъ, А. Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма (ОбщДвиж XX в., т. II, ч. 2, 285—339).

Марусинъ, А. Пріемный покой. Изъ тюремныхъ воспоминаній пе-

ріода ликвидаціи революціи (ВЕ, апр., 143—155).

Масловъ, П. Земледѣльческое хозяйство послѣ революціи (ОбщДвиж XX в., т. IV, ч. 1, 1—32).

Масловъ, П. П. Развитіе земледѣленія и положеніе крестьянъ до начала XX в. (ОбщДвиж XX в., I, 1—39).

Масловъ, П. П. Развитіе народнаго хозяйства и вліяніе его на борьбу классовъ въ XIX в. (Общ Движ XX в., I, 643—663).

—*Масонство или Великое царственное искусство братьевъ вольныхъ каменщиковъ, какъ культуро исповѣданіе. Историко-философскій очеркъ. Спб. 80. Рец.: **Тира Соколовская** (ИВ, сент., 1143—1149).

— Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губ. Въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ. Саратовъ. Изд. Сарат. уч. арх. ком. 2 нен.+IX+23+196+29+46+16 и 1 портр. Реценз.: **В. Рудаковъ** (ИВ, апр., 302—304).

Мацѣевичъ, Левъ (сообщилъ). Два анекдота о царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ (РА, № 6, 297).

— Письмо о кончинѣ Императора Александра I, найденное въ бумагахъ барона Петра Казиміровича Мейендорфа, среди другихъ бумагъ того же года. Сообщ. бар. **А. Мейендорфъ** (РС, апр., 41—42).

Мельгуновъ, С. П. «Александровъ день» 5-е марта 1861 г. (ВелРеф, V, 164—171).

Мельгуновъ, С. П. Дворянинъ и рабъ на рубежѣ XIX вѣка (Вел Реф, I, 241—260).

Мельгуновъ, С. П. Матеріалистъ Филаретъ—дѣятель крестьянской реформы (ВелРеф, V, 156—163).

Мельгуновъ, С. П. Эпоха «офиціальной народности» и крѣпостное право (ВелРеф, III, 1—21).

Мельниковъ, А. П. Къ трехсотлѣтію Смутнаго времени. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій Край. I. Историческій очеркъ Нижняго-Новгорода. II. Этнографическій очеркъ Нижегородскаго края. М. 177+1. Съ рис.+2 карты.

Мердеръ, А. (сообщилъ). Изъ переписокъ, имѣющихъ отношеніе къ мятежу 1831 г. (ВИВ, №№ 3—4, 121—127; №№ 7—8, 113—118).

Мерцаловъ, В. По поводу статьи Е. В. Корша «Восемь лѣтъ въ Сибири» (ИВ, февр., 809—814). Отвѣтъ **Е. В. Корша** «По поводу замѣтки В. И. Мерцалова (ИВ, мартъ, 1178—1181).

Статья Корша находится въ ИВ, 1910, май, іюнь и іюль.

— Дневникъ статскаго совѣтника Мизере о службѣ при Петрѣ Третьемъ (РА, май, 5—20).

***Миловидовъ, А.** Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ Сѣверо-Западнаго Края. Вильно. 55.

Минхъ, Н. Волжское войско (Тр СтаврАрхКом, отд. I, 5, 1—2).

Мироновъ, А. А. Изъ жизни археологическихъ учрежденій (ИВ, мартъ, 1077—1084).

Содержаніе доклада **П. О. Соколовской**: «Новыя данныя по исторіи масонства въ Россіи»; рѣдкое явленіе патріотизма въ масонствѣ.

Михайловъ, А. Б. Вновь найденная страница прошлаго. (Изъ переписки между Александромъ I и вел. княгиней Екатериной Павловной) (ИВ, янв., 166—181).

— Письмо Ѳ. Михайлова къ А. Ѳ. Лабзину (РС, сент., 511—526).

Михневичъ, Н. П., проф. Первое столкновеніе Россіи съ революціей. Походъ Суворова въ 1799 г. (ОтВ, I, 131—151).

***Михеевъ, С.** Исторія русской арміи *(выше XVI/$_1$, 309)*. Вып. II. Эпоха Румянцева и Суворова. М. 1910, 68, съ рис. Вып. III. Эпоха войнъ съ Наполеономъ I. М. 84. Съ рис. Вып. IV. Переходная эпоха (1815—1856). М. 72. Вып. V. Эпоха реформъ. М. 112.

Модзалевскій, В. Л. Отрывки изъ Стародубовской мѣстной книги за 1664—1673 г. (ТрЧернАрхКом, VIII, 71—105).

Морской, А. Исходъ россійской революціи 1905 г. и правительство Носаря. М. 128. Реценз.: **К. А.** (ВЕ, февр., 399—400).

Мукосѣевъ, В. Торговля и кредитъ. (Процессъ образованія рынка и его положеніе передъ революціей) (ОбщДвиж XX в., I, 88—151).

I. Внутренняя торговля. II. Внѣшняя торговля. III. Кредитъ.

— Изъ архива графа В. В. Муравьева-Амурскаго. Бумаги Николая Назарьевича Муравьева («Припоминанія мои» съ 1778 г.) (СбНовгОбщЛюбДр, вып. II. 2 нен.+1—53 и 1 портр.

— Переписка по поводу событій въ Грузинѣ 1825 года (СбНовгОбЛюбДр, III, 15 стр.).

***Муравьевъ, М. В.** Матеріалы по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Новгородской губ. 1861—1911 гг. Новгородъ. 30.

Мѣщаниновъ, И. В. Изъ воспоминаній о П. С. Ванновскомъ (ИВ, май. 491—514).

***Мятлева, Т. П.** Исторія русскаго государства и православной церкви. Ч. II. Вып. I—III. Спб. 187+143+187. Съ рис.

***Мятлева, Т. П.** Происхожденіе самобытной русской народности и Россія въ стародавнія времена до образованія русскаго государства. Ч. I. Вып. I—III. Спб. 1910. XXIV+130+2 нен.+III+142+II+71. Съ рис.

Назаревскій, В. В. Великія историческія годовщины. 1612—1613—1812. Междуцарствіе и народныя ополченія. Трехсотлѣтіе избранія на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 г. М. 1910. 210. Съ 146 рис. Реценз.: **В. Рудаковъ** (ИВ, мартъ, 1092—1093); (ЖМНПр, мартъ, 202—203).

***Назаревскій, В. В.** Трехсотлѣтіе съ освобожденія Москвы отъ поляковъ и избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство 1612—1613. М. 1910. 104. Съ рис.

— Необходимое разъясненіе (СтарНов, XIII, 275).

Разъясняется, что статья: «Привѣтствіе стараго воспитателя къ Великому Князю въ день его совершеннолѣтія», помѣщенная въ XII книгѣ СтарНов, принадлежитъ перу К. П. Побѣдоносцева.

Несмѣловъ, Н. Н. Страничка изъ недавняго прошлаго (ИВ, апр., 174—180).

Къ возстанію «Потемкина-Таврическаго».

***Нечаевъ, В.** Чума 1771 г. въ Москвѣ. М. 52.

***Ниве, П. А.** Отечественная война 1812 г. Спб. 160 и 49 рис. и карта.

Николай Михайловичъ, вел. князь. Переписка императора Александра I съ сестрой вел. княг. Екатериной Павловной. Съ 8 рис. и 2 факсим. рукописей. Спб. 1910, XXX+320. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, янв., кр. об. 2—3); **П. Б‹артеневъ›** (РА, I, вн. обл.).

— Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ имп. Александру I. Съ предисловіемъ **вел. кн. Николая Михайловича.** 1806 и 1807 гг. (Французскіе подлинники и русскій переводъ) (РА, I, 129—172).

— Изъ архива Н. Н. Новосильцова. О невпускѣ князя Александра Кантакузина въ Царство Польское. Сообщ. **И. Г. Попруженко** (РА, II, 302).

***Норцовъ, А. Н.** Норцовы—Изюмскіе гусары. Историческій очеркъ. Тамбовъ. 27+1 л. рис.+1 табл.

Обнинскій, В. П. Послѣ освобожденія (ВелРеф, V, 279—284).

Овсянниковъ, Н. Н. Мартовскія событія въ Петербургѣ въ 1801 г. (РА, май, 113—130).

Переводъ страницъ изъ «Исторіи консульства и имперіи» А. Тьера, относящихся къ смерти имп. Павла съ дополнительными замѣчаніями.

Окрейцъ, С. С. Листки изъ записной тетради (ИВ, май, 428—446).

Воспоминанія о коронаціонныхъ торжествахъ 1898 г. Ходынка.

Онипко, Федотъ. Мой побѣгъ (РБ, мартъ, отд. I, 160—166).

Ф. Онипко — членъ I-й Госуд. Думы, приговоренный къ ссылкѣ на поселеніе по дѣлу о возстаніи въ Кронштадтѣ въ іюлѣ 1906 г.

—*Описаніе архива Александро-Невской лавры за время царствованія имп. Петра Великаго.' Т. II. 1717—1719 гг. Спб. 1928. Реценз.: **Ан. Титовъ** (ИВ, іюль, 288—291). I т. 1713—1716 г., изд. въ 1903 г. подъ ред. **С. Г. Рункевича.**

—Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы. Изданіе Научнаго Слова. М. XXXII+342. Съ портр. Реценз.: **В. Б.** (РА, № 4, вн. обл.); **А. Кизеветтеръ** (РМ, апр., крит. об., 143—144); **И. Б.** (СМ, апр., 364); (РБ, іюнь, отд. II, 157—158); **Н. Рожковъ** (СМ, май, 351—354).

— Освобожденіе крестьянъ. Сборникъ статей. Изд. «Жизни для всѣхъ». Спб. 330. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, апр., крит. об., 144—145); **Ал. Попельницкій** (СМ, іюль, 348—350); (РБ, апр., отд. II, 86—87).

Содержаніе: **И. Игнатовичъ.** Борьба крестьянъ за свое освобожденіе (18—68). **В. Евгеніевъ.** Борьба съ крѣпостничествомъ въ русской художественной литературѣ (69—187). **А. А. Корниловъ.** Выработка крестьянской реформы 19 февраля и главныя ея участники (188—238). **В. В.** Крестьянская реформа и аргарный вопросъ (239—274). **А. С. Посниковъ.** Освобожденіе крестьянъ (275—285). **М. Слобожанинъ.** Земская реформа въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ (285—330).

— Изъ переписки дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ. Сообщены **А. А. Островскимъ** (=Матеріалы по исторіи русской литер. и культ.) (РМ, мартъ, 106—116).

Содержаніе: 1. Письмо В. Д. Анненкова къ А. Н. Татаринову. 2. Изъ писемъ А. Н. Татаринова къ его женѣ. 3. Письмо М.Н.Островскаго къ П. М. Грибовскому. 4. Письмо Вал. А. Татаринова къ А. Н. Татаринову. 5. Письмо П. П. Семенова къ А. Н. Татаринову. 6. Письмо Вал. А. Татаринова къ А. Н. Татаринову. 7—8. Письма Ю. Ѳ. Самарина къ А. Н. Татаринову. 9. Письмо помѣщика Н. Попова къ А. Н. Татаринову.

— Отечественная война и Русское общество. 1812—1912. Юбилейное изданіе. Историческая Ком-

миссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Джпвелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Т. I. М. 4°. VIII+232+1 нен. Т. XV. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (Іюнь—Декабрь). Спб. V+181+XIV.

—*Отечественная война 1812 г. Спб. 4°. 302. Съ 270 рис. и карт.

— *Къ столѣтію Отечественной войны 1812—1912. Вып. I. М. 2+50 лл. рис. и портр.

***Парійскій, С. М.** Нижегородецъ Кузьма Мининъ Сухорукъ выборный всея земли и Нижегородцы въ 1611 г. Изд. Нижег. Арх. Ком. Н.-Новгородъ. 16°. 32.

— Очеркъ Исторіи города Чернигова 907 — 1907. Юбилейное изданіе Черниговской Городской Управы. Черниговъ. 1908. 71.

Павловичъ, М. Внѣшняя политика Россіи отъ Портсмутскаго мира до нашихъ дней (ОбщДвиж XX в., т. IV, ч. 1, 222—278).

Содержаніе: 1) Англо-русское соглашеніе и средне-азіатскій вопросъ (Россія въ Средней Азіи). 2) Россія на Дальнемъ Востокѣ: а) Россія и Японія; б) Россія и Китай. 3) Россія на Балканахъ.

— О цѣнѣ за ревизскую душу въ 1827 г. въ Малороссіи. Сообщ. **И. Ф. Павловскій** (РС, ноябрь, 270).

Павловскій, И. Ф. Евреи въ роли политическихъ сыщиковъ (ИВ, февр., 649—652).

Боязнь проникновенія тайныхъ агентовъ изъ Западной Европы въ Южную Русь въ половинѣ XIX вѣка.

Павловскій, И. Ф. Магистратскіе крестьяне города Полтавы (ТрПолтАрхКом, вып. VII, 125—136).

Павловскій, И. Ф. Массонская ложа въ Полтавѣ (ТрПолтАрхКом, вып. VI, ч. 1, 3—15).

Павловскій, И. Ф. О мѣрахъ къ пресѣченію дворянамъ уклоняться отъ выборной службы (ТрПолт АрхКом, вып. VII, 115—124).

Изъ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Павловскій, И. Ф. Планъ военнаго воспитанія при Александрѣ первомъ и пожертвованіе Полтавскаго дворянства (ТрПолтАрхКом, вып. VII, 137—142).

Павловскій, И. Ф. Учрежденіе Полтавскаго Института и постройка для него зданія Приказомъ Общественнаго Призрѣнія (ТрПолтАрхКом, вып. VI, ч. 1, 16—30).

Павловскій, И. Ф. Малороссійскіе казачьи полки въ борьбѣ съ Поляками въ 1831 году (ТрПолтАрх Ком, вып. VII, 108—114).

Павловскій, И. Ф. Малороссійское казачье ополченіе въ Крымскую войну (ТрПолтАрхКом, вып. VII, 159—166).

Павловъ, И. Исторія 1-й батареи 4-й артиллерійской бригады (1796—1896 г.г.) (ВИВ, №№ 5—6, 99—116).

Падалка, Л. Историческая обстановка формированія бытового уклада народной жизни въ Полтавщинѣ (ТрПолтАрхКом, в. VII, 91—107).

—Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Шведскимъ государствомъ. Т. I. 1556—1586 гг. (=Сборн. Импер. Русск. Ист. Об-ва. Т. 129). Спб. 1910.

Паренсовъ, П. Историческіе труды Великаго Князя Николая Михайловича (ВСб, № 2, 205—209).

Пархоменко, Вл. Къ вопросу о времени крещенія св. княгини Ольги (ВР, № 19, 100—102).

Пархоменко, В. О крещеніи св. княгини Ольги (ВР, № 10, 429—446).

— Адмиралъ гр. Н. С. Мордвиновъ и его «способъ вспомоществованія» участникамъ Отечественной войны. (Матеріалы для войны 1812 г.). Сообщ. **В. Пасенко** (РС, сент., 441—448).

— Петръ Великій въ его изреченіяхъ. Спб. 1910. Первая серія VIII+112. Реценз.: **В. Р—въ** (ИВ, февр., 725—726).

— *Переворотъ 1762 г. Сочиненія и переписка участниковъ и современниковъ. Изд. «Образованіе», 5-е, испр. М. 159. Съ рис.

— Переписка (дипломатическая) императр. Екатерины II. Ч. VIII. 1774—1775. (=СбРИО. Т. 135). Спб. XXXIX+553+IX. Ц. 3 р.

— *Перечень (систематическій) изданій Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (съ 1845—1910 гг.). Кіевъ. 12.

***Петинъ, С.** Собственный Его Императорскаго Величества Конвой. 1811—1911 г. Историческій очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 498. Съ 47 рис.

—— То же. Краткій очеркъ. Спб. 4°. 121. Съ 49 рис.

— *По поводу столѣтія Казанской періодической печати. Казань. 14.

— Три письма Петра III изъ Ропши къ Екатеринѣ II (РА, май, 21—24).

По спискамъ изъ бумагъ Н. К. Шильдера.

Петровскій, Н. По поводу столѣтія Казанской періодической печати (ИКО, XXVII/3, 221—233).

Перечень періодической печати въ хронолог. порядкѣ.

Петрункевичъ, И. Манифестъ 19 февраля въ провинціи (Изъ личныхъ воспоминаній (Рѣчь, № 49—19 февраля).

Пичета, В. И. Помѣщичье хозяйство наканунѣ реформы (ВелРеф, III, 105—138).

Пичета, В. И. Помѣщичьи крестьяне въ Великороссіи XVIII в. (ВелРеф, т. II, 1—24).

Пичета, В. И. Поссессіонные крестьяне (ВелРеф, I, 127—146).

Пичета, В. И. Противники крѣпостного права въ началѣ XIX в. (ВелРеф, II, 107—123).

Пичета, В. И. Международная политика Россіи въ началѣ царствованія Александра I (до 1807 г.) (ОтВ, I, 152—174).

Платоновъ, С. Подлинное дѣло о строеніи города Смоленска (Смол Ст, вып. I, ч. 2, 21—28).

Старинныя копіи 4-хъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ постройкѣ Смоленскихъ стѣнъ въ концѣ XVI в. Хранятся подъ № 18 въ библ. Казанской духовной Академіи.

Плехановъ, Г. «Освобожденіе» крестьянъ (СМ, февр., 236—262).

Плехановъ, Г. М. П. Погодинъ и борьба классовъ (СМ, мартъ, 188—211; апр., 166—191).

— *Пожаръ Москвы. По воспоминаніямъ и перепискѣ современниковъ. Изд. т-ва «Образованіе». М. 158 и 7 лист. рис. Ч. II. М. 150+5 лл. рис.

***Покровскій, И. П.** Государственный бюджетъ Россіи за послѣдніе десять лѣтъ (1901—1910 г.). Спб. 4°. 118. Реценз.: **А. Айзенштадтъ** (СМ, май, 359—361).

Покровскій, М. Н. Русская исторія... *(выше XV/3, 396)*. Т. I;

кн. 1-я и 2-я. Т. II, кн. 3-я. М. 1910. 160. Реценз.: **Н. Рожковъ** (СМ, янв., 365—368). Т. II, кн. 4-я. М. 161—306+49 и 9 л. рис. Реценз.: **Н. Рожковъ** (СМ, мартъ, 358—360). Т. III, кн. 5-я. М. 145+12 л. рис.

***Поликарповъ, Н. П., полк.** Къ исторіи Отечественной войны 1812 г. (По первоисточникамъ). Забытыя и неописанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 г., вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26 августа 1812 г. при селѣ Бородинѣ. Вып. I. М. 55+1 карта.

Поликарповъ, Н. Очерки отечественной войны. (По архивнымъ даннымъ). (НовЖ, X, 148—179).

Поліевктовъ, М. Герцогъ де-Лиріа и его проектъ учрежденія испанскаго консульства въ Россіи (Сб Плат, 375—414).

— Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XIV. Первая половина: 1) Повѣсть о честномъ житіи Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича Всея Руси. 2) Новый лѣтописецъ. Спб. 1910. Изд. Археогр. Комм. 4°. 1+154.

Попельницкій, А. З. Дневникъ крестьянина 1861 г. (ВелРеф, V, 219—222).

Дневникъ крестьянина Костромской губерніи, Варнавинскаго уѣзда, Баковской волости, деревни Поляны, содержащій запись о томъ: «какъ была введена команда солдатъ въ дер. Поляны для смиренія, почему была введена, почему чиновники стояли, къ чему они принуждали, объ какихъ дѣлахъ во всемъ показано, и всякая статья, коя статья въ кое число».

Попельницкій, А. Дѣло освобожденія крестьянъ въ Государственномъ Совѣтѣ 28 января—17 февраля 1861 г. Историческая справка по неизданнымъ источникамъ (РМ, февр., II, 126—160).

Попельницкій, А. Какъ принято было положеніе 19 февраля освобожденными крестьянами (СМ, февр., 211—235; мартъ, 167—187).

Попельницкій, А. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ (РусскВѣд, № 40—19 февраля).

Попельницкій, А. З. Первые шаги крестьянской реформы (по донесеніямъ свитскихъ генераль-майоровъ и флигель-адъютантовъ) (ВелРеф, V, 179—211).

Попельницкій, А. Письмо депутата перваго призыва (къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ) (РС, февр., 344—362) и отд. Спб. 21.

Приведено письмо, приписываемое А. Кошелеву, съ отмѣтками имп. Александра II.

Попельницкій, Ал-сѣй. Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (ВЕ, февр., 48—70; мартъ, 127—153).

Поповъ, И. И. Переселеніе крестьянъ и землеустройство въ Сибири (ВелРеф, VI, 249—267).

Поповъ, И. И. Николай Петровичъ Семеновъ (ВелРеф, V, 87—91).

Поповъ, И. И. Петръ Петровичъ Семеновъ-Тяньшанскій (ВелРеф, V, 129—135).

Попруженко, И. Г. Могила полковника Сливицкаго (РА, II, 177—181).

Приведена переписка о погребеніи полк. Сливицкаго и сооруженіе ему памятника въ Варшавѣ.

Попруженко, И. Г. Финалъ Польскаго мятежа 1830—1831 годовъ (РА, № 4, 524—526).

***Порфирьевъ, С.** Нѣсколько данныхъ о приказномъ управленіи въ Казани въ 1627 г. (Отд. отт. изъ XVII т. «Изв. об-ва арх., ист. и этн. за 1911 г.). Казань. 12.

Посниковъ, А. Земельный надѣлъ крестьянъ (РусскВѣд, № 40—19 февраля).

Посниковъ, А. Земельный надѣлъ крестьянъ. (Памяти 19-го февраля 1861 г.) (ВЕ, февр., 71—91).

Потресовъ, А. Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху (ОбщДвиж XX в., I, 538—643).

I. Періодъ безнародности. II. Предварительная работа. Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма. III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революціоннаго народничества. Революціонный марксизмъ. IV. Періодъ партійной политики.

— Дневникъ **М. Н. Похвиснева.** 1853 и 1870 гг. (РА, II, 189—215).

Мих. Ник. Похвисневъ, позднѣе начальникъ Гл. Упр. по дѣламъ печати, род. 1813 г. † 1882. Извлечено изъ IX кн. «Щукинскаго Сборника».

Прозрителевъ, Г. Н. Нападеніе горцевъ на Моздокъ, въ 1843 г. (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. I, 13, 1—5).

Прозрителевъ, Г. Н. Воронцовъ и Завадовскій. (По воспоминаніямъ современниковъ) (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. I. 14, 1—24).

Прозрителевъ, Г. Н. Печатное дѣло на Сѣверномъ Кавказѣ (Ставропольская губернія) (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. I, 6, 1—12).

Прозрителевъ, Г. Н. Матеріалы для исторіи города Ставрополя и Ставропольской губ. (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. IV, 1, 1—63).

Прокоповичъ, С. Н. Крестьянство и пореформенная фабрика (ВелРеф, VI, 268—276).

Пругавинъ, А. Декабристъ князь Ф. П. М. Шаховской въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. (По неизданнымъ источникамъ) (РБ, янв., I, 55—83).

Прѣсняковъ, А. Е. Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ Екатерининской коммиссіи (ВелРеф, I, 204—217).

Прѣсняковъ, А. Е. Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ наказахъ (ВелРеф, I, 191—203).

Прѣсняковъ, А. Иванъ III на Угрѣ (СбПлат, 280—298).

Прѣсняковъ, А. Политическія настроенія русскаго общества въ XVIII ст. (Кн. для чтенія по ист. нов. вр., т. II, 665—689).

Путинцевъ, Н. «Атаманство» и «старшинство» на Дону въ прежнее время (въ XVII и XVIII ст.). (Историч. справка) (ВМ, май, 88—100).

***Пфлугъ-Гартунгъ.** Всемірная Исторія. Отъ Вестфальскаго мира до паденія Наполеона (1650—1815). Пер. съ доп. подъ ред. проф. **Н. И. Карѣева** и **С. Г. Лозинскаго.** Отдѣлъ русской исторіи—**Н. П. Василенко.** Спб. 479. Съ 67 рис. Ч. II. Спб. 4°. 483+942+59. Съ рис. и 1 картой.

Пѣвницкій, В. Ѳ., свящ. Мои воспоминанія. Студенческіе годы. 1851—1855. Кіевъ. II+202. Реценз.: (КіевскЕпВѣд, № 9, 214—215).

Пѣшехоновъ, А. В. Экономическое положеніе крестьянъ въ порефор-

менное время (ВелРеф, VI, 200—248).

— Изъ писемъ С. А. Рачинскаго (СтарНов, XIII, 284—286).

Письма къ гр. С. Д. Шереметеву. Относятся къ 1899—1901 гг.

Риттихъ, А. Ф. Обиженный край (РС, іюль, 61—87; авг., 303—325).

Западно-Русскій край и его исторія.

Рождественскій, С. М. М. Сперанскій и комитетъ 1837 года о степени обученія крѣпостныхъ людей (СбПлат, 254—279).

Розенбергъ, В. А. Цензура и крѣпостное право (ВелРеф, III, 221—234).

***Романовскій, В. Е.** Наполеонъ I и Александръ I до и послѣ войны 1812 г. М. 1912. 106.

***Романовскій, В. Е.** Руководство по русской исторіи. М. Реценз.: **Н. Рожковъ** (СМ, май, 354—355).

Ромашковъ, Д., свящ. Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны (ЧтОЛДПр, 1910, ноябрь, 641—655).

— *Росписной списокъ города Москвы 1638 г., подъ ред. **И. С. Бѣляева.** М. XXXVI + 313 (=ТрМоскОтдИмпРусскВоенИсторОбщ, т. I). Реценз.: **В. Афанасьевъ** (ВМ, май, 175); **Н. Скворцовъ** (ЧтОЛДПр, май—іюнь, 390—395).

— Россія и Италія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Т. III, в. 1. Спб. 181. Съ табл. Изд. Ак. Наукъ.

— Россія въ концѣ перваго десятилѣтія XX вѣка. (РусскВѣд, № 1—1 янв.).

Сод.: **К. Арсеньевъ.** На рубежѣ двухъ десятилѣтій. — **М. Ковалевскій.** Итоги. — **А. Кизеветтеръ.** Замѣчательное десятилѣтіе. — **Бѣлоруссовъ.** Къ итогамъ десятилѣтія.

Рыбаковъ, Г. С. Воспоминаніе о С.-Петербургской духовной академіи (ХрЧт, февр., 262—271).

Рыльскій, К. Вліяніе Наполеона на событія русско-шведской войны 1808—1809. (РС, іюнь, 524—538).

Рябининъ, И. С. Къ вопросу о побѣгахъ русскихъ крестьянъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой въ концѣ XVIII вѣка (по письмамъ Игнатія Омульскаго къ Іоахиму Хрептовичу (ЧтОИД, III, отд. III, 12—20).

С., Л. Н. Халатное отношеніе къ историческимъ свѣдѣніямъ (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 132—136).

Искаженіе случая изъ Вятской старины въ передачѣ газеты «Вятская Рѣчь» (№ 66).

Сакулинъ, П. Н. Крѣпостная интеллигенція (ВелРеф, III, 66—104).

***Самаринъ, Ю. Ѳ.** Сочиненія. Т. IV. Крестьянское дѣло съ 1 іюня 1859 по апрѣль 1864 г. М. LVI + 559 + 2 нен.

— Сборникъ матеріаловъ по исторіи Казанскаго края въ XVIII в. Отд. II. Казань. 1908. 2 нен. лл. + 367 + 32 + III + 1 нен. л.

Содержитъ документы, касающіеся открытія Казанскаго намѣстничества (1780—1783 гг.).

***Сегюръ, де, гр.** Походъ въ Москву въ 1812 г. (Мемуары участника). Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія **Брониславы Рунтъ.** М. 224 + 7 лист. рис.

Селивановъ, А. Опись бумагъ А. Д. Повалишина (ТрРязАрхКом, XXIII/1, 71—74).

Матеріалы для исторіи крѣпостного права въ Рязанской губ.

Семевскій, В. И. Декабристы и крестьянскій вопросъ (ВелРеф, II, 176—193).

приказахъ его по военнымъ поселеніямъ. По поводу 100-лѣтія устройства поселеній. 1810—9 ноября—1910 (РС, мартъ, 549—570).

Семевскій, В. Кирилло-Меѳодіевское общество (1846—47 г.) (РБ, май, отд. I, 98—127; іюнь, отд. I, 39—67).

Окончаніе (іюнь, 39—67) изъято, вслѣдствіе наложенія ареста.

Семевскій, В. И. Петрашевцы и крестьянскій вопросъ (ВелРеф, III, 205—220).

Семевскій, В. Н. Г. Чернышевскій о крестьянскомъ вопросѣ (Русск Вѣд, № 40—19 февр.).

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. Начало эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Изъ воспоминаній послѣдняго оставшагося въ живыхъ участника законодательныхъ работъ этой эпохи (ВЕ, февр., 3—47; мартъ, 3—39).

***Семеновъ-Тянъ-Шанскій, П. П.** Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 г.). Т. I. На правахъ рукописи. Спб. XI+III+440.

Сементковскій, Р. И. Уставъ и наука (ИВ, мартъ, 1004—1013).

Университетъ при уставѣ 63 г.

***Семинъ, Орестъ.** Великая годовщина (Аграрный вопросъ и крестьянская (крѣпостная) реформа на Кавказѣ). Историч. очеркъ. Кіевъ. 164. Реценз.: **Б. Веселовскій** (СМ, іюнь, 346).

Середонинъ, С. Къ «Плану всеобщаго государственнаго образованія» 1809 г. (СбПлат, 533—544).

Сиговъ, А. А. Драгомировъ и Скобелевъ (ИВ, апр., 181—199).

Сидоровъ, Н. П. Массонство и крѣпостное право (ВелРеф, II, 157—175).

***Сидоровъ, А.** Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19-го февраля 1861 г. — 19-го февраля 1911 г. М. 40.

Слезкинъ, Н. Ф. Изъ архивныхъ дѣлъ Витебскаго губернскаго правленія (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1—13).

Содержаніе: I. Темное дѣло (№ 61).—II. Результаты оффиціальныхъ архивныхъ и археологическихъ изысканій 1837 г.—III. Справки о женскихъ пансіонахъ, состоявшихъ при римско-католическихъ монастыряхъ въ 1837 г.—IV. Семейное недоразумѣніе.—V. Дѣло о медали.

Слонимскій, Л. Ложный патріотизмъ (ВЕ, апр., 391—396).

По поводу сборника «Великая Россія». Кн. I.

***Смирновъ, М. И.** Переяславль-Залѣсскій. Его прошлое и настоящее. М. XII+240+II.

Смольяниновъ, В. Н. Отклики прошлаго. Извлечено изъ архива князя Ѳедора Алексѣевича Куракина (СтарНов, XIV, 1—184).

Содержаніе: I. Высочайшія грамоты, указы и рескрипты князьямъ Куракинымъ (№№ 1—12).— II. Изъ бумагъ кн. Бориса Ивановича Куракина († 1727 г. №№ 13—17).—III. Духовныя завѣщанія и рядная запись. 1727—1789 гг. (№№ 18—23).—IV. Письма разныхъ лицъ кн. Куракинымъ и сихъ послѣднихъ разнымъ лицамъ (№№ 24—78).

Смѣльницкій, М. Происхожденіе потѣшныхъ войскъ (ВСб, мартъ, 101—110).

Соколова, А. И. Встрѣчи и знакомства (ИВ, янв., 97—115; февр., 558—577; мартъ, 919—936; апр., 116—131; май, 481—490; іюнь, 832—844; іюль, 50—63; авг., 395—403).

***Соловьевъ, М. С.** Указатель къ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ Сергѣя Михайловича Соловьева. Спб. 616.

Солодовниковъ, Д. Изъ жизни Рязанской гимназіи (ТрРязАрхКом, XXIII/$_1$, 17—20).

Переполненіе гимназіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

— Сказанія иностранцевъ о Казани. IV. P. Artamof et J. G. D. Armengaud. Перев. съ франц. **В. Н. Андерсонъ.** Казань. 15.

— *Списки воеводъ и дьяковъ по Казани и Свіяжску, составленные въ XVII ст. (Отд. отт. изъ XXVII т. «Изв. об-ва арх., ист, и этн.» за 1911 г.). Казань. 14.

— Списокъ селеній Казанской провинціи за 1771—1773 гг., съ подраздѣленіемъ провинцій на даруги (СбМатКазКр, отд. I, 38—56).

Стаховичъ, А. А. Таинственное потопленіе (РА, № 6, 298—300).

Разсказъ очевидца о потопленіи неизвѣстнаго заключеннаго Алексѣевскаго равелина по личному распоряженію имп. Павла.

Сташевскій, Е. Десятни Московскаго уѣзда 7086 и 7094 г. (ЧтОИД, № 1, I, 1—50) и отд. М. 1910. 50.

Находятся въ архивѣ Кіевскаго университета (см. С. И. Масловъ. Опись рукописей Кіевскаго ун-та № 75). Интересныя данныя для установленія подмосковныхъ окладовъ дѣтей боярскихъ въ промежутокъ 1550—1587 г.

Сташевскій, Е. Д. Смѣта военныхъ силъ Московскаго государства въ 1663 году (ЧтОНЛ, XXII/$_{1-2}$, 27—30).

Сокращенное изложеніе сообщенія.

***Сташевскій, Е. Д.** Землевладѣніе московскаго дворянства въ первой половинѣ XVII вѣка. Изд. Истор. родосл. об-ва. М. 237.

— *Столѣтіе Кіевской Первой Гимназіи (1809—1811—1911 г.). Т. I. Именные списки и біографіи должностныхъ лицъ и воспитанниковъ гимназіи. Кіевъ. XII+548 и 26 портр. Т. II, ч. 1. Кіевское Главное Народное Училище (1789—1809). Кіевская Гимназія (1809—1836). Кіевская 1-я Гимназія (1836—1854). Кіевъ. XXXVIII+549. Съ рис.+6 лл. рис. и портр.

— Кіевская Русь. Сборн. статей подъ ред. **В. Н. Сторожева** *(выше XV/$_3$, 393).* Реценз.: **Н. Рожковъ** (СМ, мартъ, 361).

Сторожевъ, В. Н. Раскрѣпощеніе дворянъ и закрѣпощеніе крестьянъ (ВелРеф, I, 80—107).

Стороженки. Фамильный архивъ Pro domo sua. Т. IV. II+608. Т. VIII. IX+IV+720+20+228. Кіевъ. 1910. Реценз.: **В. Рудаковъ** (ИВ, май, 664—666); (ЖМНПр, май, отд. III, 188—191).

Тт. I—III и VI—VII вышли до 1908 г.

Строевъ, В. Бироновщина... *(выше XIV/$_2$, 384 и XV/$_3$, 398).* Реценз.: **I. Джиджора** (ЗШ, 1910, кн. VI, 178—182).

Сумцовъ, В. Н. Аракчеевцы въ Грузино и Аракчеевку. Экскурсіонный очеркъ. Съ 22 рис. и 2 схемат. картами. Нижній-Новгородъ. 1910. XIII+175+20. Реценз.: **Я.** (ИВ, февр., 719—720).

Сыромятниковъ, Б. Абсолютная монархія XVIII ст. въ Россіи (Кн. для чтенія по ист. нов. вр., т. II, 511—548).

Сыромятниковъ, Б. И. К. Д. Кавелинъ (ВелРеф, V, 136—146).

***Тавастшерна, А. В.** Столѣтіе

Военнаго Министерства. Военно-тюремныя учрежденія. 1802—1902. XII. Ч. III. Спб. 583.

***Тарапыгинъ, Ѳ. А.** Годъ русской славы. (Незабвенный 1812 г.) Редакція **Ѳ. А. Витберга.** Спб. XIV+221).

***Тарапыгинъ, Ѳ. А.** Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Ред. **А. Витберга.** Вып. I—III. Спб. 1910. 24+36+31. Вып. IV. Ред. **Ѳ. А. Витберга.** Спб. 25. Съ рис. Вып. V. Ред. **Б. Б. Глинскаго.** Спб. 23. Съ рис. Вып. VI. Ред. **П. И. Ковалевскаго.** Спб. 22. Съ рис. Вып. VII. Ред. **Б. Б. Глинскаго.** Спб. 4°. 24. Вып. VIII. Ред. **А. П. Коптяева** (о композиторахъ). Спб. 24. Вып. IX. Ред. **Вл. Пруссака** (о полководцахъ). Спб. 51 и 9 портр. Вып. X. Ред. **Вл. Пруссака.** Спб. 4°. 45. Вып. XI. Ред. **Вл. Пруссака.** Спб. 37. Вып. XII. Ред. **П. П. Аникіева.** Спб. 24.

***Тарапыгинъ, Ѳ. А.** Извѣстные русскіе военные дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Ред. Влад. Пруссака. Спб. 190. Съ рис.

***Тарапыгинъ, Ѳ. А.** Извѣстные русскіе дѣятели. Редакція **Ѳ. А. Витберга.** Спб. 1910. Выпуски 1—12. Реценз.: **В. Р<удако>въ** (ИВ, май, 658—659).

Тарасовъ, Е. Къ исторіи массонства въ Россіи. Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ (СбПлат, 202—234).

Татищевъ, С. С. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Въ 2-хъ томахъ, съ 53 иллюстраціями. Спб. Реценз.; **Б. Г<линскій>** (ИВ, янв., 316—318): (ЖМНПр, мартъ, отд. III, 201—202).

***Терентьевъ, М. А.** История завоеванія Средней Азіи. (Съ карт. и планами). 3 тома. Спб. 1906. 510+547+523 и 23 черт. и план. и 2 карты.

— ***Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера.** I и II. Спб. 1910—1911. I—10+347+8+322.

Терновскій, Ф. А. Императоръ Петръ I въ его отношеніяхъ къ царевичу Алексѣю. (По поводу выхода въ свѣтъ VI тома исторіи царствованія Петра В. Устрялова) (ЧтОНЛ, XXII/$_{1-2}$, отд. II, 1—41) и отд. Кіевъ. 41.

Работа напечатана въ 1860 г.

Тимощукъ, В. Имп. Николай I и цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1830—1831 г. (Изъ переписки Николая I и царевича Константина Павловича съ 14 янв. 1830 по 15 іюня 1831 г.) (РС, май, 376—391; окт., 128—145; ноябрь, 369—384).

Тимощукъ, В. Пребываніе Имп. Александра I въ Лондонѣ въ 1814 г. (Вел. кн. Николай Михайловичъ). Переписка Импер. Александра I. (РС, февр., 363—378).

***Thirion de Metz.** Воспоминаніе офицера французскаго кирасирскаго № 2 полка о кампаніи 1812. Перев. Б. М. Колюбакинъ. Спб. 56. Реценз.: **С. Аваліани** (ИВ, іюль, 293—294).

— *Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1796—1869 г.). Т. I. (1796—1803 г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями прот. **Ѳ. И. Титова.** Кіевъ. LX+791+1.

— Карамзина Екатерина Николаевна впослѣдствіи княгиня Ме-

щерская. Изъ <ея> дневника. Сообщ. граф. **М. Н. Толстая** (СтарНов, XIII, 3—26).

Къ біографіи Н. М. Карамзина.

— Статья графа **М. В. Толстого** по случаю объявленія наслѣдникомъ престола Великаго Князя Александра Александровича (Стар Нов, XIII, 257—258).

Толь, С. Д., гр. (урожденная гр. Толстая). Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія о массонствѣ въ Германіи. Спб. 92.

***Тризна, Д. С.** Финляндія за 100 лѣтъ въ составѣ Россіи (1809—1909). Спб. V+73.

Трощанскій, В. Ф. Наброски о якутахъ Якутскаго округа. Подъ редакціей и съ примѣчаніями **Э. К. Пекарскаго.** Казань. (ИКО, прил. къ XXVII/$_2$, 1 нен.+1—48; XXVII/$_3$, 49—96).

Трубецкая, О. Н., кн. Кн. Владиміръ Александровичъ Черкасскій (ВелРеф, V, 108—118).

— Труды слушательницъ Одесскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Т. I. Вып. 1. Подъ ред. проф. **И. А. Линниченко.** Одесса. 1910. II+157+1. Реценз.: **С. Авалiани** (ИВ, мартъ, 1118—1120).

Содержаніе: **Атласъ, Д.** I.— Джемсъ Гаррисъ, его дипломатическая миссія и письма изъ Россіи. II.—Дневникъ французскаго дипломата Мари-Даніэля де Карберона. **Помпадато, Л.** Неизданная французская рукопись Наказа Императрицы Екатерины II.

Туганъ-Барановскій, М. Крѣпостная фабрика (ВелРеф, III, 139—154).

Туганъ-Барановскій, М. Почему пало крѣпостное право (Рѣчь, № 49, 19 февр.).

Тукалевскій, Вл. Н. Изъ исторіи философскихъ направленій въ русскомъ обществѣ XVIII в. (ЖМНПр, май, отд. II, 1—69).

Опытъ характеристики идейныхъ теченій въ русскомъ массонствѣ.

***Тукалевскій, Вл.** Исканія русскихъ массоновъ (Извлечено изъ ЖМНПр, за 1911 г.). Спб. 71.

Тураева-Церетели, Е. Французская генеалогія XVI—XVII вв. о русск. государяхъ (СбПлат, 81—94).

Улановъ, В. Я. Славянофилы (Вел Реф, III, 175—194).

Славянофилы о крѣпостномъ правѣ.

Фальборкъ, Г. А. Всеобщее образованіе въ Россіи. М. 1908. Реценз.: **K. V.** (PR, XXIV, 126—127).

***Фальская, Л. С.** Къ исторіи 19-го февраля. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ дворянства XVIII вѣка. М. 24.

Фарфоровскій, С. В. Графъ С. С. Ланской (ВелРеф, V, 52—56).

Фарфоровскій, С. Страничка изъ исторіи крѣпостного права наканунѣ его отмѣны. (Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ) (PC, сент., 421—424).

Фарфоровскій, С. Дѣятельность гр. С. С. Ланского въ проведеніи крестьянской реформы. (Къ юбилею крестьянской реформы) (PC, авг., 220—223).

Фарфоровскій, С. В. Литературная дѣятельность Попко (ТрСтавр АрхКом, II, отд. I, 17, 1—14).

Фарфоровскій, С. В. Изъ быта чиновниковъ въ дореформенное время на Кавказѣ (ТрСтаврАрх Ком, II, отд. I, 9, 1—6).

Фарфоровскій, С. Переправа черезъ Березину и дѣятельность П. В. Чичагова по мемуарамъ французскаго генерала Марбо (къ 1812 г.) (ВИВ, № 2—3, 83—85).

Федоровъ, В. П. Аракчеевъ въ приказахъ его по военнымъ поселеніямъ. По поводу 100-лѣтія устройства поселеній. 1810—9 ноября—1910 (РС, мартъ, 549—570).

Фигнеръ, В. Партизанъ Фигнеръ (изъ семейнаго архива Н. Н. Фигнера) (ВМ, авг.—сент., 69—80).

— *Джильсъ Флетчеръ. О государствѣ Русскомъ. Подъ ред. **кн. Н. В. Голицына.** (=Всеобщ. Библ. №№ 120, 121). Спб. 16°. 183.

***Флоровскій, А. В.** Изъ матеріаловъ по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Южной Россіи. Одесса. 25.

Фрумкинъ, Б. М. Зубатовщина и еврейское рабочее движеніе (Пережитое, т. III, 199—230).

Хованскій, Н. Къ исторіи учрежденія университета въ Саратовѣ (ТрСарАрхКом, XXVI, отд. I, 1—8).

— Письмо А. С. Хомякова къ К. А. Коссовичу (РА, III, 481—492).

— *Изъ бумагъ А. В. Храповицкаго. Спб. Изд. Об-ва ревнителей Русск. Ист. Просв. 146.

Хрептовичъ-Бутеневъ, гр. Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ Русской исторіи XV в. Краткій иллюстрированный очеркъ. Съ 40 рисунками (ЗМАИ, т. VII, II, 1—60).

I. Флорентійскій соборъ 1439 г. II. Бракъ Софіи Палеологъ съ Іоанномъ III.

— *Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. Т. III. 1826—1854 г. Спб. 202.

***Чарнецкій, С.** Исторія 179 пѣхотнаго Усть-Двинскаго полка. 1711—1811—1911. Спб. 311. Съ рис.

Череванинъ, Н. Движеніе интеллигенціи. (До эпохи «довѣрія» кн. Святополкъ-Мирскаго) (Общ Движ XX в., I, 259—291).

I. Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній. — II. Студенческое движеніе въ 90-хъ годахъ. — III. Движеніе земской интеллигенціи («третьяго элемента») въ 90-хъ годахъ. — IV. Движеніе интеллигенціи въ 90-хъ годахъ въ его цѣломъ. — V. Студенческое движеніе въ 1899 г. — VI. Революціонныя выступленія студенчества и интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ. — VII. Оппозиціонныя выступленія интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ.

Череванинъ, Н. Движеніе интеллигенціи (отъ «эпохи довѣрія» кн. Святополкъ-Мирскаго до конца періода общественнаго подъема) (ОбщДвиж XX в., т. II, ч. 2, 146—202).

Чернушевичъ, М. Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Ч. II. Служба пограничной стражи въ военное время. Вып. 2-й. Участіе въ отечественной войнѣ 1812 г.; въ усмиреніи польскихъ мятежей 1830—1831 и 1863—1864 годахъ, въ войнѣ 1877—78 года; въ китайской войнѣ 1900 года и въ войнѣ съ Японіей 1904—1905 гг. 1910. Реценз: **Ѳ. Тютчевъ** (ИВ, февр., 731—732).

Черняевъ, П. Н. Изъ прошлаго Саратовской гимназіи (ТрСарАрх Ком, XXVIII, 8, 1—30).

***Чижовъ, С. И.** Первыя русскія государственныя ассигнаціи. М. 16+1 л. рис.

— Записки В. Г. Чубинскаго съ предисловіемъ **В. В. Литвинова** — «В. Г. Чубинскій — біографическій очеркъ» (ВоронСт, вып. IX, 97—145).

Чупровъ, А. А. Дворянское земле-

владѣніе послѣ реформы (РусскВѣд, № 40—19 февр.).

— *Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Подъ ред. **Ю. А. Кулаковскаго** и **А. М. Лободы**. Кн. 22, вып. I—II. Кіевъ. 6 нен. + XIII + 69 + 79 + XIV + 66 + 9 + 8 + 17—32.

Шамрай, В. Къ картѣ Черноморской кордонной линіи 1847 г. (КубанскСб, XV, 589—590 и 1 карта).

Шатровъ, Г. Изъ прошлаго. (Нѣмецкая печать объ актѣ 19 февраля) (Рѣчь, № 51—22 февраля).

Шахматовъ, А. А. Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ (ИзвАк, № 9, 707—724; № 10, 791—812).

— Сказка А. Т. Шахматова 1722. Сообщ. **В. А. Шахматовъ** (ТрСарАрхКом, XXVIII, 11, 1—3).

— Письма графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго и Василія Владиміровича Шереметева съ 1798 по 1804 г. Сообщ. **Б. Б. Шереметевъ** (СтарНов, XIV, 456—479).

— Графъ Н. П. Шереметевъ и кн. П. И. Багратіонъ. Сообщ. гр. **С. Д. Шереметевъ** (РА, II, 301).

— Изъ записной книжки графа **Д. Н. Шереметева**. Сообщ. гр. **С. Д. Шереметевъ** (РА, № 4, 505).

Къ реформамъ 19 февраля 1861 г.

Ш‹ереметевъ›, С. Д., гр. (сообщ.). Документъ, присланный въ Москву изъ Вѣны отъ правительства императора Рудольфа; полученъ отъ Г. Ѳ. Штендмана (СтарНов, XIV, 454—455).

Шереметевъ, С., гр. Татьяна Васильевна Шлыкова 1773—1863. Спб. Изд. 2-е. 42.

— Черкешенка для императрицы Екатерины Первой. Донесеніе Дербентскаго коменданта Юнгера главнокомандующему на Кавказѣ М. А. Матюшкину. 1725. Сообщ. гр. **П. С. Шереметевъ** (РА, № 6, 293—296).

Шестаковъ, С. П. Очерки по исторіи Херсонеса въ VI—X вѣкахъ по Р. Хр. Москва, 1908, 142, 4°. Реценз.: **М. Грушевський** (ЗШ, 1911, т. 102, 194—195).

Шимапскій, М. Рязанскій уѣздъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вв., по писцовымъ книгамъ (ТрРязАрхКом, т. XXXIV, вып. I, отд. I, 1—58).

***Шиманъ, проф.** Исторія Россіи. Александръ I. Перев. съ нѣмецк. № 4. М. 157 + 1 нен. стр. съ рис. и 4 грав.

Шишкинъ, А. Пугачевцы въ Пензенскихъ и Тамбовскихъ вотчинахъ (РА, № 4, 507—523).

Шлосбергъ, А. Н. Начало періодической печати въ Россіи (ЖМНПр, сент., 63—135).

Шмурло, Е. Ф. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства (ЖМНПр, окт., 315—340).

— Изъ разсказовъ о Петрѣ Великомъ, записанныхъ **Я. Штелинымъ** (РА, № 4, 653—655).

Содержаніе: Справедливое воздаяніе по заслугамъ врачамъ. Остроумный отвѣтъ англійскому королю Вильямсу. Переводъ изъ книги: «Originale Anekdoten von Peter dem Grossen Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau u. Petersburg vernommen und der Vergessenheit entrissen von Jacob v. Staehlin. Leipzig. 1785.

Штрайхъ, С. Я. Изъ эпохи освобожденія крестьянъ (По неиздан-

нымъ матеріаламъ) (РС, февр., 401—418).

Приведенъ «Всеподданѣйшій отчетъ гр. А. С. Строганова за 1857—61 гг.» о состояніи Новороссійскаго края.

Шульгинъ, С. Н. Преданіе о шамилевскомъ наибѣ Хаджи-Муратѣ (съ портретомъ наиба) (СбМат Кавк, вып. 40, отд. I, 54—70).

Продолженіе статьи «Разсказъ очевидца о Шамилѣ и его современникахъ (СбМат, XXXII вып.).

Шумовскій, В. А. Къ 50-лѣтію крестьянской реформы. Воспоминанія ея участника (ИзвКалАрхКом, XXI, 70—73).

— Старинные документы, сообщенные **С. А. Щегловымъ** (ТрСар АрхКом, XXVIII, 11, 3—10).

1. Мѣновая запись 1673 г.—2. Грамота на поимку бѣглыхъ вотчинныхъ крестьянъ 1689 г.—3. Отказная грамота 1694 г.

Щегольниковъ, Ник. Историческія свѣдѣнія о городѣ Арзамасѣ. Арзамасъ. 4°. 281. Съ рис.

— Письма М. П. Погодина къ М. П. Щепкину. Сообщ. **Д. М. Щепкинъ** (РА, № 4, 643—647).

Первое письмо обращено къ К. Н. Щепкиной. Письма къ М. П. Щепкину касаются главнымъ образомъ дѣлъ Московскаго городского общественнаго управленія.

Щербачевъ, Ю. Н. «Путешествіе Его Княжеской Свѣтлости Герцога Ганса Шлезвигъ-Голштинскаго въ Россію 1602 г.» (ЧтОИД, III, отд. II, 1—63).

«Путешествіе» представляетъ собою дневникъ Акселя Гюльденстіерне, старшаго изъ пословъ, сопровождавшихъ герцога. Подлинный документъ, писанный по-датски, хранится въ Копенгагенскомъ государственномъ архивѣ.

Энгельгардтъ, Н. А. Давніе эпизоды. V. Потемкинскіе милліоны (ИВ, май, 527—559). VII. Екатерининскій полковникъ (іюнь, 98—124). IX. Смерть Павла Энгельгардта (сент., 897—927).

— Энциклопедія (военная). Подъ ред. **В. Ѳ. Новицкаго, А. В. ф.-Шварца, В. А. Апушкина и К. Г. ф.-Шульца.** Первый полутомъ. П. XVI+106. Реценз.: **В. Н.** (ВМ, янв., 180—181); **Л. Н.** (ИВ, мартъ, 1095—1096). Вып. II (Адмиралтействъ-коллегія—Алжирскіе пираты). Конецъ I тома. Спб. 161—320. Съ рис. и портр. и 22 л. рис. Вып. II. Алжирскія экспедиціи—англо-франц.-китайск. война. Спб. 321—480.

— *Юбилейные годы 1611—1613, 1711—1715 и 1806—1814. Изд. Унив. св. Владиміра. Кіевъ. 4°. 255+5 лл. рис.

Я., В. XVIII вѣкъ въ освѣщеніи проф. В. О. Ключевскаго. (Отъ младенчества Петра В. до переворота 1762 г.) (РС, янв., 113—128).

Я., В. 19 февраля 1861 г. (РС, февр., 419—456).

***Яблоневъ, С.** Исторія г. Скопина. Къ 300-лѣтнему юбилею Дома Романовыхъ. Рязань. 25.

— Записки Семена Ивановича Яновскаго (ИзвКалАрхКом, XXI, особое прил., 1 нен.+32).

«Записки о путешествіи, совершенномъ въ 1821 и 1822 гг. изъ Америки въ Петербургъ».

Яковлевъ, А. Служилое землевладѣніе по даннымъ Приказа сбора ратныхъ людей (1638 г.) (СбПлат, 450—453).

Яцимирскій, А. И. Извѣстія о св. Ольгѣ въ древнѣйшемъ русскомъ лѣтописномъ сводѣ (ТрПскЦерк АрхКом, т. I, отд. 1, 31—51).

Рефератъ по поводу «Разысканій» академика А. А. Шахматова.

Ѳедоровъ, В. П. Походъ 1805—1807 года (ОтВ, I, 174—188).

Ѳирсовъ, Н. Н. Крестьянскія волненія до XIX в. (ВелРеф, т. II, 25—69).

***Adam, Julliette.** Après l'abandon de la Revanche. Paris. 1910.

. Выдержки, касающіяся русскихъ и Россіи, приведены въ ИВ за мартъ 1911 г. (стр. 1127—1137) подъ заглавіемъ «Воспоминанія г-жи Жюльетты Адамъ 1877—1880 г.

Auhagen, O. Die Zukunft der russischen Landwirtschaft (Nach einem Vortrage) (Zeitschrift f. Sozialwisseschaften, 1907, X, 65—661, 763—776).

Baillen, P. Napoleon und die grossen Mächte 1806 (ZOEG, 1910, I, 90—95).

***Chlebowski, B.** Warszawa za książąt Mazowieckich. Warszawa. 72.

Creuteburg, H. Die Entwickelung der kurlandischen Agrarverhältnisse seit Aufhebung der Leibeigenschaft unter besonderer Berücksichtigung der Privatbauern. Königsberg. Diss. 1910. 96.

Faure, A. Beiträge zur Geschichte der Deutschen in Russland (DE, 1909, VIII, 53—56).

Godlewski, M. O kardynalacie Stanisława Siestrzeńcewicza-Bohusza. II. Rokowania Rządu rosyjskiego z Kuryą rzymską w sprawie kardynalatu Stanisława S.-B. za panowania Pawła I (KwLit, 1910, I, 3, 51—58). III. ...za panowania Alexandra I (I, 4, 13—24).

Gorialnow, S. Die Grossfürstin Katharina Alexejewna (Kaiserin Katharina II) und ihr geheim. Briefwechsel mit Sir Charles Hanbury Williams. (Deutsche Revue, 1909, XXXIV, Heft 3 u. 4).

***Greifenhagen, W.** Die Belagerung und Kapitulation Revals im Jahre 1710. Bearbeitet von **O. Greifenhagen** Rewal. 1910. 66+1.

Hauff, W. Die Auswanderung der Schwaben nach Russland am Anfang des vorigen Jahrhunderts (DE, 1909, VIII, 107—111).

Haumant, E. La culture française en Russie (1700—1900). Ouvrage couronné par l'académie des sciences morales et politiques. Paris. 1910. Реценз.: **J. Bidlo** (ČČH, 1911, XVII, 352—353).

Heinz, G. Die Beziehungen zwischen Russland, England und Nordamerika im Jahre 1823. Beiträge zur Genesis der Monroe-Doktrin. Berlin, Diss. Ebering. 123.

***Jelin.** In Russland 1812. Aus dem Tagebuch des württembergischen Offiziers. Verl. Otto Gmelin. München. 99. Реценз.: **С. Авалiани** (ИВ, іюль, 293—294).

Keller, K. Die Kutschurganer deutschen Kolonien in Südrussland (DE, 1908, VII, 213—217).

Keller, K. Die Beresaner deutschen Kolonien in Südrussland zu ihrem hundertjährigen Jubiläum 1809/10—1909/10. (DE, 1909, VIII, 206—212).

Korduba, M. Die Lage der Ukraine und die Politik Mazepas vor der Schlacht bei Poltava. (Bukowiner Post, 1909, № 2423—2424). Рец.: **З. Кузеля** (ЗШ, 1910, кн. VI, 178).

Kulczycki, L. Rewolucya rosyjska. II część. Od wędrówki w lud do upadku «Narodnej Woli» 1870—1886. Lwów.

Leger, L. Quelques publications françaises sur la Russie (ZOEG, I, 214—215).

***Luniński, Em.** Napoleon. Jego zycie i czyny w obrazach. (Legiony i Księstwo Warszawskie). Zesz. IV. Warsz. 4°. 121—160. Zeszyt V. Warsz. 4°. 161—200. Zeszyt VI. 4°. 201—240.

***Maire, S.** Die ersten Schweizer Kolonisten in Litauen. (Altpreuss. Monatsschr., 1909, XLVI, 418—458).

***Maire, S.** Französische Ackerbauer aus den Pfalz und der Uckermark in Litauen. (Ztschr. d. Altertumsges. Insterburg, 1909, XI, 1—28).

***Osten-Sacken, P., Baron.** Die estländische Ritterschaft im ersten Jahre russischer Herrschaft. Vortrag. Riga. 34.

Paczkowski, J. Zur Geschichte der russischen Handelspolitik nach dem Wiener Kongress (ZOEG, I, 163—176).

Palme, A. Die russische Verfassung. Berlin, Did. Reimer, 1910, VI+230. Реценз.: **O. Hötzsch** (ZOEG, I, 256—259).

Pokorny, H. Die Deutschen an der Wolga (DE, 1908, VII, 138—142).

***Raschdau, L.** Die Botschafter-Konferenz in Konstantinopel und der russisch-türkische Krieg (1877—1878) (Deutsche Rund., 1910, XXXVI, Heft 1).

Rüdiger v. Schoeler. 1812. Der Feldzug in Kurland nach den Tagebüchern und Briefen des Leutnants J. v. Hartwich. Berlin, 1910. Рец.: **M.** (ИВ, апр., 326—328).

Schiemann, Th. Ein Brief Rankes aus dem Jahre 1852 (ZOEG, I, 241—245).

Schiemann, T. Kaiser Nikolaus I in der Krise des Dezembers 1825 (ZOEG, I, 246—249).

Stach, J. Die deutschen Kolonien in Südrussland. Theil I: Kulturgeschichtliche Studien und Bilder über das erste Jahrhundert ihres Bestehens. Prischib bei Halbstadt in Taurien, G. Schaad 1909. 216. Реценз.: **H. Pokorný** (DE, 1909, VIII, 122—123).

Velemínský, K. Buditelé školství ruského (PR, XXIV, 561—566, 681—686).

Velemínský, K. Ruská škola budoucnosti (PR, XXIV, 1—6, 117—120, 230—233, 343—348, 449—453).

Wadler, A. Die politischen Verbrecher in Russland (Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Berlin, 1909, XXIX, 33—73).

***Wille, A** Die Gewerkschaftsbewegung in Russland (Volkswirtschaftlichen Abhandlungen der Badischen Hochschulen. B. X, 3). Karlsruhe, 1909. 83.

***Wolberg, Adam.** Aus dem Buche u. d. T. «Ich beschuldige die polnische Presse!» Geschichte der s. g. Revolution der 1905—1907. Sowie Bemerkungen über die gegenwärtige Politik des Landes. (Polnisch-russische Beziehungen). Ченстоховъ. 1910. 16°. 16.

В. Исторія славянъ.

Акаёмовъ, Н. Ѳ. Кретингенскій факторъ и его сынъ (ИВ, янв., 198—215).

Берекъ Іоселовичъ, полковникъ «старозаконнаго полка», организованнаго Костюшко въ 1794 г., и его сынъ Юзефъ Берковичъ.

Александровъ, А. Политическая и церковная жизнь славянства въ XIX вѣкѣ (ПрС, янв., 64—91) и отд. Казань. 33.

Вступительная лекція.

Анастасиjeвић, Д. Н. Година смрти Немањине (Глас, 1911, II, 51, 135—140). Реценз.: **J. Радонић** (ЛМС, св. 3, 65—67).

Баласчевъ, Г. Златопечатното слово отъ царь Иоанъ Шишманъ, дадено на Рилския мънастирь (Миналo, I, 400—411).

Баран, С. З поля національноï статистики галицьких середніх шкіл. У Львові, 1910, 75. Реценз.: **І. Кревецький** (НШ, III, 43—44).

Барвинскій, В. Изъ исторіи казачества лѣвобережной Украины (ЖМНПр, 1910, кн. 1). Реценз.: **М. Залїзняк** (ЗШ, CII, 199—200).

Бербенко, К. Черна Гора и Черногорцитѣ (СлГ, IX, 57—72).

Бережковъ, Н. Г. «Устава замковъ, державъ и дворцовъ» Сигизмунда-Августа, предшествовавшая «волочной уставѣ» (ЖМНПр, май, отд. II, 99—105).

Бернгардъ, Л. Борьба поляковъ за существованіе въ Пруссіи. Съ предисловіемъ **П. Б. Струве** и вступительной статьей **А. С. Изгоева.** М. XXIV+584 и 2 карты.

Богучарскій, В. Русское освободительное движеніе и война за освобожденіе Болгаріи. Реценз.: **J. С.** (СКГ, XXVII, 74—78).

Бойчевъ, Т. Н. Съединението на Южна България съ Сѣверна, 6 септемврий 1885—1910. Софиja 1910. Реценз.: **J. М. J.** (СКГ, XXVI, 643).

Борисављевић, М. К. Забрана «Шумадинке» (1850 године). Књижевно-историjска слика. Из XXX књиге «Годишњице» Ник. Чупића, Београд, 1910. Реценз.: **J. С.** (СКГ, XXVI, 327—329).

***Бречкевичъ, М. В.** Введеніе въ соціальную исторію княжества Славіи, или Западнаго Поморья. Изслѣдованіе по исторіи прибалтійскихъ поморянъ за первые полтора вѣка со времени принятія ими христіанства (1128—1278). Юрьевъ VI+267.

Васиљевић, Љ. А. Анексиja Македониje, Београд, 1910.

— *Венгерско-Хорватское соглашеніе 1860 г. Краткій историч. очеркъ и переводъ съ прил. Спб. 1910. 46.

Венцелидес, А. Модерни историк Дубровника. (Л. Воjновић) (Бос Вила, XXVI, 181—186).

Вулић, Н. Прилози к историjи доњашње Србиjе у римско доба (Глас, LXXXII, 1909, 40—100).

Галантъ, Г. Арендовали-ли евреи православныя церкви на Украинѣ? (Еврейская старина, Спб., 1909, т. I, 81—87). Реценз.: **M. Bałaban,** (Ruś, I, 217—219).

Гехтер, М. Економічне житте України в 1910 р. (ЛНВ, т. LIII, 578—598).

Гехтер, М. Нова культура на Украïнї (ЛНВ, т. LIV, 307—322).

Гехтер, М. Украïнське житте в Росиї в 1910 р. (ЛНВ, т. LIII, 123—148, 317—340).

Глѣбовъ, А. Аграрный вопросъ въ Босніи. Письмо изъ Австріи (РМ, іюнь, отд. II, 103—118).

Грушевський, М. На украïнські теми. Хедоцїнюванне (ЛНВ, LV, 80—88). Фабрикація сепаратизма (ЛНВ, LIV, 128—134).

Грушевський, М. Ілюстрована історія України. Київ-Львів. 556 + 400 карт. Реценз.: **М. Залїзняк** (ЛНВ, LIV, 534—536).

— * Грюнфельде - Танненбергъ. 15-го іюля 1410 г. (Грюнвальденскій бой). Юбилейный иллюстрированный сборникъ статей членовъ Имп. Русск. Военно-Историческаго Об-ва. Кіевъ, 1910. 76 + 16 лист. рис. Съ картами и схемами.

Даниловъ, В. «Кіевлянинъ» М. А. Максимовича (Изв, 1909, кн. 3, 286—306). Реценз.: **М. Возняк** (ЗШ, CI, 183—185).

Димитровъ, А. Спомени отъ русско-турската война за града Одринъ (РодНапр, VIII, 227—230, 266—269).

Дитмаръ, Б. Королевство Болгарія. М. 1910. 60. Рец.: **В. Линдъ** (РМ, февр., пр. об. 68—70).

Дорошенко, В. Український науковий рух в 1910 роцї (ЛНВ, XIV, т. LIII, 361—372).

Ердељановић, Ј. Број Срба и Хрвата (СКГ, XXVI, 33—45, 132—144).

Завитневичъ, В., проф. Отзывъ о сочин. студента **Антона Янакіева** на тему: «Историческія причины греко-болгарской распри (ТКА, янв., прил., 627—631).

Веремски, И. Српска колонија у Ердељу у XV—XVI веку (БранКоло, XVII, 74—77, 90—92).

Ивић, А. Из историје Срба у Угарској (ЛМС, св. 9, 13—32; св. 10, 12—27).

X. Од погибије Павла Бакића до смрти последњих Јакшића (1537—1543). XI. Од смрти последњих Јакшића до смрти Петра Бакића (1543—1552).

Ивић, Г. А. Споменицы Срба у Угарској, Хрватској и Славонији током XVI и XVII столећа. (Зборник историјских докумената, III). Реценз.: **Х. Радојчић** (БранкКоло, XVII, 77—79).

Ихчиевъ, Д. Турскитѣ вакъфи въ Българското царство и документи върху тѣхъ (Миналo, I, 346—354).

Јеленић, Ђ. Новопазарски санџак и политичка равнотежа на Балкану. Београд, 1910, 26. Реценз.: **Ј. М. Ј.** (СКГ, XXVI, 333—334).

Иширковъ, А. Градъ Солунъ. Политико-географски и народостопански бѣлѣжки. София. Реценз.: **С.** (РодНапр, VIII, 272—274); **А. С.** (Наблюдатель, 1911, II, 422—424).

Јиречек, К. Историја Срба. Превео Ј. Радонић. I deo (do 1371). Београд, 1911. Реценз.: **Зм.** (БосВила, XXVI, 159); **L. V.** (Savr, VI, 436—437).

См. еще: Jireček, C.

Јовановић, К., Златаровъ, И. Сръбско-български комитетъ за икономическо сближение на България и Сърбия (СКГ, XXVII, 221—224).

Клинчаровъ, И. Г. Христь Ботйовъ. Биография. София. 1910. Реценз.: **Ј. С.** (СКГ, XXVII, 149—155).

Ботйовъ — болгарскій революціонеръ въ шестидесятыхъ годахъ.

— Конгрес, перший український просьвітноекономічний, улаштований Товариством «Просьвіта» в 40 літе заснованя у Львові в днях 1 і 2 лютого 1909 року. Протоколи і реферати зредагували Др. **Іван Брик** і Др. **Михайло Коцюба.** Львів, 1910. XV + 655. Реценз.: **E. Horský** (ČMKČ, LXXXV, 291—293).

Кормош, Т. Розвій руських інституций кредитових в Галичині (Конгрес, 564—577).

Корольковъ, І., прот. Отзывъ о сочин. студента **Антона Янакіева** на тему: «Историческія причины греко-болгарской распри» (ТКА, янв., прил., 625—627).

Кревецький, І. З секретив польської полїтики у Галичині 60—70 рр. м. ст. (ЛНВ, т. LV, 22—38).

Кревецький, І. Неоправдани докори. До історії т. зв. «Руського Інституту» (Studium Ruthenum) на львівськім унїверситетї (ЗШ, т. 102, 116—126).

Крипякевич, І. Народні библїотеки (Конгрес, 201—208).

Куракинъ, А. Б., кн. ген.-губерн. Письма изъ Малороссіи, переводъ **Л. А. Несвитской,** подъ редакціей **И. Ф. Павловскаго** (ТрПолтАрхКом, вып. VI, ч. 1, 41—75).

Левицький, О. Ганна Монтовт (Історичне оповіданне з життя волинського панства XVI ст.) (ЛНВ, XIV, т. LIII, 250—274, 454—488).

Левицький, Е. Національне і партійне групованне в новім парламенті (ЛНВ, т. LV, 416—424).

Лозинській, М. Литовське національне відродженe (ЛНВ, 1910, XIII, червень, 488—503; липень, 71—81, серпень, 258—276).

Лозинській, М. Національна боротьба серед австрійської соціальної демократії (ЛНВ, т. LIV, 500—512; т. LV, 114—140).

Лукьяненко, А. М. Политическая и литературная дѣятельность братьевъ Зринскихъ и Франца Франкопана. Изъ исторіи политич. и экономич. жизни хорватовъ XVII в. и изъ исторіи развитія у хорватовъ литературы и выработки литературнаго языка (КУИ, № 9, 1—117).

Любовичъ, Н. Н. Грюнвальдская битва (ЗОИФП, V, отд. II, 28—48).

***Мартиновић, Ђ.** Како ће радити босанско-херцеговачки сабор. Banja-Luka, 1910. 40. Реценз.: **J. P.** (SlPr, 1910, XIII, 97—98).

Минић, Н. Р. Кратак преглед рада на народном просвјећивању у Ц. Гори од године 1860 до данас. Цетиње, 1910. 54.

Новаковић, Ст. Пиво у Србији XIII и XIV века. Прилог к објашњавању старих српских споменика (Глас, II, кн. 51, 151—166).

Новіна, А. Білоруський національний рух (ЛНВ, т. LIII, 533—545).

Нушић, Б. Ђ. Прве културне ласте (СКГ, XXVII, 105—110).

Паренсовъ, П. Черногорія. (Русская депутація на юбилейныхъ торжествахъ 1910 г.) (ВСб, № 1, 191—204, мартъ, 173—192).

Краткій историческій очеркъ. Черногорская армія.

Петровскій, Н. Serbica. III. Къ біографіи Христофора Жефаровича; IV. Доносъ митрополита черногорскаго Василія Петровича на архіепископа карловацкаго Павла Ненадовича (1754 г.) (Изв, XV, 1910). Реценз.: **J. C.** (СКГ, XXVI, 405—406).

Пичета, І. Факты и воспоминанія изъ школьной жизни Герцеговинца (ВР, № 2, 201—228; № 3, 360—376; № 4, 511—524; № 5, 648—660; № 7, 74—83).

Прокић, Б. Іован Скилица као извор за историју маћедонске словенске државе (Глас, II, кн. 50, 61—156).

***Радојчић, Н.** Александар Стојачковић као историк. У Срем. Карловцима. Реценз.: **J. Радонић** (ЛМС, LXXXVII, св. 8, 71—74).

Ристић, М. Бој на Каменици, 19 маја 1809 године. Београд, 82+карта. Реценз.: **А.** (СКГ, XXVI, 333).

Руварац, Д. Архимандрит Сава Павишевић (1825—1883) (БГл, XIX, 131—137, 219—227, 283—295).

Руварац, Д. Покушаји о штампању кронике деспота Ђорђа Бранковића, Карловци, 19. Реценз.: **J. Р.** (ЛМС, св. III, 74—75).

Руварац, Д. Свитак Висарнјона Павловића бачког владике од 1749 (БГ, XIX, 44—48, 121—126).

Рябининъ, И. С. Великое герцогство Варшавское (ОтВ, I, 189—198).

Рябининъ, И. Польша въ XVIII в. (Кн. для чтен. по ист. нов. вр., т. II, 468—510).

Савић, М. О Сими Матавуљу с изводима из Матавуљевих писама (ЛМС, 1910, св. I и II).

Свѣнцицкій, И. С. Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. Ч. II: а) Карпаторусское славянофильство; б) Угрорусское движеніе періода возрожденія (Научно-Лит. Сборникъ Гал.-Рус. Матицы, 1908, т. VI, кн. 3—4). Львовъ. 1909. 159. Реценз.: **І. Кревецький** (ЗШ, CI, стр. 171—175).

Скварко, З. Просьвітна організація читалень і філїй «Просьвіти» (Конгрес, 173—184).

Созанський, І. З минувшини м. Бродів. (Причинки до історії міста в XVII в.). III. Промисл і торговля (ЗШ, 1910, кн. VI, 10—30; 1911, CII, 88—115).

Стадник, М. Гадяцька унія *(выше XVI/₁, 317)*. II. Гадяцька угода (ЗТ, VIII, 5—39).

Уста-Генчовъ, Д. Князъ Хилковъ и Червениятъ Кръстъ прѣзъ Сръбско-българската война (СлВ, 12—19).

Флоринскій, Т. Д. Рабство и торговля рабами въ Дубровникѣ по даннымъ статута 1272 г. и его продолженій (SertaBorysth, 335—342).

Цар, Марко. Мала психологија укуса српској омладини (ЛМС, LXXXVII, св. 8, 1—12).

Цегельський, Л. Соймова кріза в Галичині (ЛНВ, 1910, XIII, т. LII, 414—419).

Ћоровић, В. Забрана пировања о красном имену и другим светковинама у Боци Которској из 1772 године (ГлЗМ, XXIII, 351—354).

Ћоровић, В. Утјецај и одношај између старих грчких и српских записа и натписа (Глас, 1910, II, кн. 50, 1—60).

Черовић, Б. Поклон др. Л. пл. Талоција земаљскоме музеју у Сарајеву (неколико писама са старе Крајине) (ГлЗМ, XXIII, 163—174).

Шпитковский, І. «Proiekt konfederacyi chłopskiey» (ЗШ, т. 102, 148—157).

Яричевський, С. Українці в німецькій гімназії у Сереті (НШ, III, 19—22).

Яцимирскій, А. И. Романскій митрополитъ Макарій *(выше XIV/₁, 354)*. Реценз.: **І. Франко** (ЗШ, 1910, XCIV, 224—226).

Яхонтовъ, С. Изъ исторіи польскихъ повстаній. 1. Юліанъ и Анеля Бокшанскіе (ТрРязАрхКом, XXIII/$_1$, 30—39).

Ющишин, I. Сербське шкільництво в другій половині XIX і на початку XX ст. (Уч, XXIII, 48—51).

***Adámek, K. V.** Josef Čejka, český emigrant a uhersky emissař evangelický. Příspěvek k dějinám náboženského hnutí lidu východočeského v XVIII věku. Praha, 1910, 45. Реценз.: **J. Volf** (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 378—381); **J. Volf** (PAM, 1910, t. XXIV, 64).

Adámek, K. V. K dějinám českých Adamitů (ČL, XIX, 65—69, 122—130, 161—166, 267—269, 305—309).

***Adámek, K.** Památce kartografa Jos. Homolky (ČR, II, 649—659, 723—745).

Adámek, K. V. Urbáře statků svobodnohamerského a dřevíkovského (VČSN. č. VII, 1909, 54).

Крѣпостная жизнь XVIII в.

***Altkemper, J.** Deutschtum und Polentum in politisch-konfessioneller Bedeutung. Leipzig. 1910.

***Ankert, H.** Zur Geschichte des Leitmeritzer Kreisgerichtes. (Leitmeritz. Zeitung, 1909, 14 and 15). Реценз.: (MVGD, 1910, XLVIII, Beilage 38—39).

Ankert, H. Grabinschriften vom alten Friedhofe in Leitmeritz (MVGD, 1910, XLVIII, 292—301).

Ankert, H. Zur Geschichte der Kreishauptmannschaft Leitmeritz. (Leitmeritz. Zeitung, 1909, № 84 и 85). Реценз.: (MVGD, 1910, XLVIII, Beilage, 36).

Appel, K. Polszczyzna i Francuszczyzna. Charakterystyka porównáwcza (SprTNjęz, IV, № 1—4).

— Arbeiten des ersten Baltischen Historikersages zu Riga, 1908. Riga, 1909, XXX + 322. Реценз.: **P. von Osten-Sacken** (ZOEG, I, 261—267).

— *Archiwum Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego. Nakładem hr. Maurycego ord. Zamoyskiego... Warszawa. Tom I, 1553—1579, wydał dr. **Wacław Sobieski.** LIII + 530 (1904). Tom II. 1580—1582, wydał dr. **Józef Siemieński** XXXI + 445 (1909). Реценз.: **E. Kuntze** (KwH, 1910, XXIV, 663—669).

— *Archiwum XX. Sanguszków w Sławucie. Tom VI. Lwów, 1910, 305, 360, 4°. Реценз.: **A. Prochaska** (KwH, 1910, XXIV, 669—673).

***Askenazy, Sz.** Lukasinski. T. I. 420. T. II. 416. Warszawa. Реценз.: **Л. Меерсонъ** (РМ, янв., кр. об., 4—5).

Askenazy, S. Pitt Starszy spółuczestnik myśłi podziałowej (KwH, XXIV, 495—524).

Aškerc, A. Francoska posadka na gradu pa Ljubljančani l. 1813 (Carn, II, 248—250).

***Auerhan, J.** Průmysl pivovarský v král. Českém. (Pivovarské Listy. 1909, 3, 16, 29, 42, 51, 63).

***Bachmann, A.** Das Geschichtswerk des Klosters Sazawa (ZVGMG, XIII, 25—59).

Badecki, K. Walna wyprawa do Wołoch ministrów na wojnę (1617 r.). Kraków, Akad. Umiejęt., 1910. 49.

Bąkowski, K. Dzieje Krakówa z 12 planami i 150 rycinami. Kraków. XV + 491.

Bąkowski, K. Kronika krakowska. Cz. III (*выше XV/$_3$, 406*). Реценз.: **J. S.** (PgP, CX, 271—272).

Balzer, O. Chronologia najstarszych kształtów wsi słowiańskiej i polskiej. 1910. 359—406 (отд. отт. изъ KwH, 1910).

Baranowski, J. T. Ze studyów nad stosunkami prawno-agrarnemi wsi Małopolskiej w ostatnich wiekach istnienia Rzeczypospolitej (Spr TNhist, IV, № 5, 65—67).

Baranowski, J. T. Udział Stanisława Augusta i jego otoczenia w przygotowaniu Kodeksu dyplomatycznego Polski (PgH, XII, 251—256).

Barlé, J. Ljubljanski kongres l. 1821 po dnevniku zagrebškega škofa Maksimilijana Vrhovca (Carn, II, 239—248).

Bartocha, J. O zřízení stolice jazyka polského při bývalé universitě v Olomouci (ČMKČ, LXXXV, 73—75).

Barwiński, E. Dyaryusze i akta sejmowe z r. 1591—1592. Kraków, XXX+457.

***Bergmann, H.** Das philosophische Werk Bernard Bolzanos. Halle a. S. 1909. XIV+230.

***Berka, V.** Zápas Vladislava Lokýtka o korunu polskou (Progr. st. reálky v Pardubicích, 1909. 8. 4°).

***Bersohn, M.** Dyplomataryusz dotyczący Żydów w dawnej Polsce, na źródłach archiwalnych osnuty 1388—1782). Warszawa. Реценз.: (Bibl Warsz, t. I, 615—616).

Białkowski, L. Ziemia Sandeska stan jej społeczno-gospodarczy w pierwszej połowie XVI wieku, skreślony na podstawie ksiąg grodzkich sandeckich (z lat 1516—1550) i niektórych akt ziemskich czchowskich (PgH, XII, 89—114, 216—242, 352—384).

— Bibliografie České Historie V, 2. Jan Amos Komenský. Sestavil pomocí Dra **Jos. Volfa,** Dr. **Č. Zíbrt.** Praha, 1911, 231—240, IV. Реценз.: **Č. Zíbrt** (ČMKČ, LXXXV, 405—409).

Bidlo, J. Jednota bratrská v prvním vyhnanství (*выше XIV/$_2$, 381*). Реценз.: **J. Tenora** (H, 1910, XXVII, 566—568).

Bidlo, J. Z jubilejní literatury o bitvě Grunwaldské (ČČH, XVII, 238—242).

Содержитъ отзывы о книгахъ: **Любовичъ, Н. Н.** Грюнвальдская битва. Историческое значеніе ея.—**Oehler, M.** Der Krieg zwischen dem deutschen Orden und Polen-Littauen 1409—1411.—**Sommerfeldt, L.** Die Lage des deutschen Ordens nach der Schlacht bei Tannenberg und die Anfänge der Verschwörung des Georg von Wirsberg.— **Prochaska, A.** Długosz a Cronica conflictus o grunwaldskiej bitwie.

***Bieliński, J.** Szubrawcy w Wilnie (1817—1822). Zarys historyczny. Wilno, 1910. 242. Реценз.: **Jot. Zet.** (Krytyka, XIII, 2, lipiec—sierpień, 82—85); **H. Mościcki** (Bibl Warsz, II, 167—178).

Bilecki, A. Das Herzogtum Schlesien. Troppau, 1910. 119.

Binički, J. Učiteljsko pitanje u Krvatskoj. Zagreb, 1910. Реценз.: **Kd.** (PR, XXIV, 16—17).

Blau, J. Der Böhmerwald im spanischen Erbfolgekriege (MVGD, 1910, XLVIII, 451—488).

Blau, J. Eine Schandbrief-Androhung im alten Eisenstein. Ein Beitrag für Geschichte der Glasindustrie des Böhmerwaldes (MVGD, 1910, XLVIII, 346—355).

***Blumgrund, E.** Deutsche Kolonien in Bosnien (Deutschtum im Auslande, 1909, XXVIII, № 2).

Boczkowski, H. Ukrajinská osázka (SlPř, XII, 213—222, 437—444, XIII, 18—22, 56—59).

Bogatyński, W. Hetman Jan Tarnowski. 1488—1561. (W 350 rocznicę zgonu hetmana) (BiblWarsz, III, 323—343).

Bojničić, J. Preslušavanje svjedoka proti susjedgradskomu silniku Franji Tahiju god. 1567 (VZA, XII, 1910, 16—47).

***Boniecki, Ad.** Herbarz polski tom XIII: zesz. VIII str. 281—320 (Kuszlowie — Lachniccy). Kraków, 1910.

Borodzicz, J. Pod vozem i na wozie. Pamiętniki ks. Józefa Borodzicza czyli kilka lat pracy duszpasterskiej na Litwie, Białej Rusi i w głębi Rosyi. Kraków, 264. Реценз.: **E. Zechenter** (SSł, II, 172—175).

Botto, J. Kulturny a dejepismý obrazok zo života slovenského mestečka (SlP, XXXI, 397—415).

Botto, J. Slováci. Vývin ich národného povedomia. Svazok II. Turč. sv. Martin, 1910, 180. Реценз.: **S. K.** (SlPř, XIII, 51—52).

Bouffał, B. Kartka z przeszłości Stokliszek (KwLit, 1910, I, 107—110).

***Bozděch, V.** Volební jednání roku 1306. 1909. 4°. 9.

***Braniš, J.** Staročeské hrady. (Progr. české státuí reálky v kladně, 1909, 27, 4°). Реценз.: **A. Hořčička** (MVGD, 1910, XLVIII, 57—59).

***Braun, A.** Z dziejów bartnictwa w Polsce. W sprawie art. 3-go ustaw bartn. Mazowieckich z roku 1401. Warszawa, 46. Рец.: **J. Baranowski** (Książka, XI, 60).

Brawer, A. J. Galizien, wie es an Oesterreich kam. Eine historisch-statistische Studie über die inneren Verhältnisse des Landes in Jahre 1772. Leipzig — Wien, 1910. 107. Реценз.: **J. B.** (BiblWarsz, t. III, 184—186).

Bruns, F. Der dritte Teil des Chronicon Slavicum und sein Verfasser (HGBl, 1910, XVI, 103—129).

Buzek, J. Historja polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec Polaków. Lwów, 1909. Реценз.: **J. Dąbrowski** (Sfinks, XIV, 438—447).

***Caro, L.** Die Statistik der österreichisch-ungarischen und polnischen Auswanderung nach den Vereinigten Staaten von Nord-Amerika. (Zeitschrift für Volkswirtschaft, XVI, 68—113). 1907. Реценз.: **З. Кузеля** (ЗНІ, CI, 144—158).

***Celichowski, Z.** Cronica conflictus Wladislai, Regis Poloniae cum Cruciferis anno Christi 1410. Wydano z rękopisu Biblioteki kurnickiej. Poznań.

Černý, A. Běloruské snahy národní a literární (Čas, č. 48, 49).

***Chadt, J. E.** Dějiny lovu a lovectví (myslivosti) v Čechách, na Moravě a ve Slezsku. Louny, 1909. 416.

—P. Chelčický O boji duchovním a o trojím lidu. Vydal **Kamil Krofta.** Praha. Реценз.: **J. Glücklich** (ČČH, XVII, 447—451).

Chlebowski, B. Warszawa za książąt Mazowieckich. Реценз.: **B. Wł.** (Sfinks, XV, 426—428). **J. Giemieński** (BiblWarsz, III, 391—393).

Chołodecki-Białynia, J. Trynitarze (BiblLw, XIII). Lwów.

***Chołodecki-Białynia, J.** Białynia Chołodeccy uczestnicy spisków, więźniowie stanu, wychodzcy z ziemi ojczystej. W świetle aktów procesów politycznych i dokumentów archiwum familijnego. 1831—1863. Lwów. 101.

Chrzanowski, B. Lipowa aleja króla Jana w Rucewie (Gryf, 1910, II, 54—55).

Chwalewik, E. Z badań statystyczno-ekonomicznycę nad klasą robotniczą w Królestwie Polskiem (PgPA, XXXVI, 853—871).

***Cleinow, G.** Deutsch-slavische Beziehungen (Grenzboten, 1909, № 1).

Cuvaj, A. Grada za povijest školstva kraljevinâ Hrvatske i Slavonije od najstarijih vremena do danas. Sa 99 slika. 1909. 1108. Реценз.: **J. Martinović** (Napr, 1910, LI, 94—95, 184—186, 236—239, 283—287).

Czaykowski, K. Kopernik w świetle nowych szczegółów (PgP, CX, 46—59).

Czołowski, A. Wysoki Zamek. Lwów, 1910. 126. (Biblioteka Lwowska, tom IX i X). Реценз.: **N. Michalewicz** (Ruś, I, 207—217); **J. Baranowski** (Książka, XI, 199—200).

***Dalchow, O.** Die Warthe und die Warthestädte. Ein Beitrag fur Landeskunde der Provinz Posen. (Beilage zum 57. Jahresbericht des kgl. Gymnasiums zu Fraustadt, 1910. 22. 4°).

***Dembiński, H.,** gienerał wojsk polskich. Pamiętnik. Warszawa, 237, 8°. (Bibl. Dziel. Wyb. 690—691). Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, 373—

Demel, B. Liczmanymennicze, zwane podskarbiówkami. Kraków, 32 + 2 (нен.) + 6 табл. Реценз.: **W. Wittyg** (Książka, XI, 244—245).

Deželić, V. Slovenci za sjedinjenje s Hrvatskom g. 1848 (VZA, 1910, XII, 54—61).

***Dieckmann, Jul.** Preussen und die französische Revolution bis zur zweiten Teilung Polens (Sonntagsbeilage der Nationalzeitung, 1909, № 18).

Divéky, A. «Felsö» Magyarország kereskedelmi összeköttetése Lengyelországgal «fölog a XVI—XVII században». Budapest, 1905. Реценз.: **B. Jaroszewska** (PgH, XII, 385—388).

«Торговыя сношенія сѣверной Венгріи съ Польшей, особенно въ XVI—XVII вв.».

Dolenský, A. Příspěvek k dějinám rodu Hollarů z Práchně (ČMKČ, LXXXV, 159—164).

Dolenský, A. Svatojanská legenda ve světle pravdy vědecké (VMyšl, VI, 6—9).

Dragutin, M. O školskim reformama u Galiciji (Napr, 1910, LI, 23—26, 79—83).

Drtina, F. Křesťanství husitství, české bratrství (ND, XVIII, 731—736, 821—824).

Dubiecki, M. X. Hugo Kołłątaj na Wołyniu. Fragment biograficzny (Ruś, I, 1—35).

***Dubiecki, M.** Romuald Traugutt i jego dyktatura padczas powstania styczkiowego 1863—1863. Kiew. 256 и 3 л. рис.

Dvořák, R. Diety zemských poslanců na Moravě roku 1848 (ČMM, XXXIV, 361—372).

Dvorský, F. O starožitném panském rodě Benešoviců. Část II. O rodě pánů z Kravař. Brno, 1910. Реценз.: **V. N.** (ND, XVIII, 708).

Dybowski, B. Przed półwiekiem. Wspomnienia z czasów uniwersyteckich I (BiblWarsz, II, 44—67); II (238—266). III (531—559).

Dzwonkowski, W. A. Młode lata Kościuszki (BiblWarsz, CCLXXXIV, 22—54).

Engliš, K. Stávky v Rakousku v l. 1899—1908 (ND, 1910, XVIII, 22—27, 123—130, 279—284).

— *En marge de la correspondance de Napoleon I. Pièces inédites concernant la Pologne. 1801—1815. Varsovie et Paris.

***Exner, H.** Brandenburg-Preussen und Polen in den Jahren 1648—1649 (64 Schulnachrichten d. kgl. Gymnasiums in Ostrawa, 1910, 17, 4°).

Federowski, M. Wspomnienia o Swisłoczy Tyszkiewiczowskiej, Dereczynie i Różanie Leona hr. Potockiego (KwLit, I, 2, 129—160).

de Fedorowicz, W. 1809 Campagne de Pologne, Volume I. Documents et matériaux français. Paris, 1911, IV+447. Реценз.: **І. Франко** (ЗШ, CII. 200—202).

Fijałek, J. Tarłowie. Znamienitego rodu początki i świetność. Część II: Tarłowie Zygmuntowscy (PgH, 1910, X, 34—65, 168—205, 310—350).

***Filippi, T.** Uwagi o handlu węglem w Galicji. Kraków, 1910, 4°. 12.

Finkel, L. Elekcya Zygmunta I. Sprawy dynastyi Jagiellońskiej i unii polsko-litewskiej. Kraków, 1910, VII+286. Реценз.: **K. Konopka** (PgP, CXII, 83—85).

Finkel, L. Elekcya Zygmunta I (*выше XVI/₁, 320*). Реценз.: **С. Томашівський** (ЗШ, CII, 196—198).

***Fischer, E.** Die Kulturarbeit des Deutschtums in Rumänien. Ein Versuch zur Grundlegung ihrer Geschichte. Hermannstadt, W. Krafft, XVII+398.

Flach, J. W sprawie Muzeum Narodowego w Rapperswylu (PgPol, CLXXXI, 267—291).

Flach, J. Jescze w sprawie Muzeum w Rapperswylu. (PgPol, CLXXXII, 85—93).

Francev, V. A. Humpolečtí soukeníci· dodavatelé bána Jelačiće roku 1848 (ČL, 1910, XX, 113—116).

G., F. H. Z dziejów wsi wołyńskiej. (Ruś, I, 177—187).

***Gerő, J.** A cseh husziták Magyarországon. Bańska Bystrica, 372.

«Чешскіе Гусситы въ Венгріи». Трудъ совсѣмъ некритическій и съ явной политической тенденціей.

***Glatman, L.** Wielka Wojna. Szkic historyczny. Warszawa, 1910. 185. Реценз.: **J. Baranowski** (Książka, XI, 108).

W pięćsetną rocznicę zwycięstwa pod Grunwaldem 1410—1910.

***Gnau, H.** Die Zensur unter Josef II. Strassburg.

Glücklich, J. Václava Budovce z Budova korrespondence z let 1579—1619. (Historiský archiv, č. 30, 1908) XLIV+177. Реценз.: **H. Traub** (ČMM, 1910, XXXIV, 173—176).

Glücklich, J. O historických dílech Václava Budovce z Budova z let 1608—1610 a jejich poměru k Slavatovi, Skálovi a neznámému dosud diariu lutherána Karla Zikmundova (Rozpravy Čes. Akademie. Tř. I, č. 42). Praha, 132. Реценз.: **—an—** (LF, 159—160); **H. Opočenský** (ČČH, XVII, 323—328).

***Gościcki, J.** Import zboża niemieckiego do Królestwa Polskiego. Warszawa, 1910.

***Grabiec, J.** Współczesna Polska w cyfrach i faktach («Życie». T. XX). Kraków. Реценз.: **L. Riegeleisen** (Książka, 397—399).

*__Grabiec, J.__ Dzieje narodu polskiego (*выше XV/₃, 407*). Реценз.: **K. Konopka** (PgP, CXI, 253—254).

***Groos, W.** Brigidau, eine stramm deutsche Bauerngemeinde in Galizien (Deutschtum im Auslande 1908, XXVII, № 11).

***Groos, W.** Deutsche Sprachinseln im Bakonyer Wald (Deutschtum im Auslande, 1908, XXVII, № 11).

*__Groos, W.__ Die Deutschen in der Stadt Stryj (Galizien), (Deutschtum im Auslande, 1909, XXVIII, № 4).

*__Gruden, J.__ Zgodovina slovenskega naroda. 1 zv. Celovec, 1910. Реценз.: **Lončar** (LZ, 1910, XXX, 756—757).

Grzegorzewski, J. Stronnictwa bułgarskie za Aleksandra Battenberga (SSł, II, 81—144).

*__Günther, A.__ Beziehungen zwischen Habsburgern und Zollern von ihren Anfängen bis zum Tode Albrechts I (1308). (Programm d. Staatsgymn. in Mährisch-Schönberg, 1909. 4⁰. 22).

H. A. Kronika mesta Štiavnice. Dla starého rukopisu (ČMSlovS, 20—23, 50—53).

За 1602—1808 гг.

Hajdecki, A. Vestigia artificum Polonorum Viennensia (1793—1810) (PwN, XXXIX, 225—233, 337—350, 433—444, 626—634, 733—739).

Hajný, T. Vývoj národního školství na Černé Hoře (PR, XXIV, 599—603, 712—714).

См. тоже: Минчъ, Н. Р.

Hajný, M. Srbské školy v říši turecké (PR, XXIV, 823—827, 935—938).

Hajný, M. Srbské školství autonomní v Zalitavsku (PR, XXIV, 153—155).

***Hallwich, H.** Die Schlacht am Weissen Berge Wallensteins Anfang. Wallensteins Ende. Die Schlacht bei Nördlingen. Реценз.: (MVGD, 1910, XLVIII, Beilage 51—54).

***Handelsman, M.** «Souvenirs d'un diplomate» Bignon'a, jako źródło do dziejów Księstwa Warszawskiego (SprTNhist, IV, № 3, 57—60).

***Handelsman, M.** Napoléon et la Pologne 1806—1807. Paris, Alcan, 1909, IV+280. Реценз.: **A. M. Skałkowski** (KwH, 1910, XXIV, 676—678).

Handelsman, M. Przyczynek do historyi powstania ustawy konstytucyjnej Księstwa Warszawskiego (Spr TNhist, IV, № 1, 1—5).

Handelsman, M. Napoleon i Polska. Pola Polaków w r. 1809 podczas pertraktacji pokojowych. Warszawa, 1910. 26.

Handelsman, M. Bignon w dobie restauracyi i jego wspomnienia o Polsce (PgH, XII, 334—351).

Handelsman, M. Przyczynek do historyi powstania ustawy konstytucyjnej Księstwa Warszawskiego (SprTNhist, IV, № 1, 1—5).

Handelsman, M. Studja historyczne. Warszawa, 309+2. Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, XI, 108—109).

Содержитъ статьи, печатанныя уже въ журналахъ, въ исправленномъ и

дополненномъ видѣ. Эти статьи слѣдующія: «Zamach stanu Augusta II», «Materyały do dziejów wsi polskiej», «Konstytucja 3 maja 1791 r. a spółczesna opinja publiczna we Francji», «Z dziejow Księstwa Warszawskiego: Gieneza Księstwa i jego Statutu», «Sejm roku 1809 w oświetleniu urzędowym francuskim» и еще двѣ критики.

Hanuš, J. Mikuláš Adaugt Voigt (*выше XVI/₁, 321*). Реценз.: —**š**— (ČMysl, XII, 82—84).

Hanuš, J. Počatky Král. Čes. Společnosti Nauk (*выше XVI/₁, 321*).

—— Dodatek k počátkům Král. České Společnosti Nauk (ČČH, 1910, XVI, 306—315).

Handeck, J. Denkschriften in Turmknopfen von Leitmeritz (MVGD, 1910, XLVIII, 355—360).

Havelka, E. Vzájemnost národů a národnostní boj (PR, XXIV, 929—934, 1042—1049).

О славянствѣ на стр. 931—1049.

Havelka, E. Protestantské školství v Čechách a na Moravě. Praha, 1910. Реценз.: **Kd.** (PR, XXIV, 574—575).

***Hecke, W.** Die ungarische Volkszählung vom 31 Dezember 1910. (Statistische Monatschrift, Brünn, 1910, XV, 861—876). Реценз.: **З. Кузеля** (ЗШ, т. 102, 224—226).

Heidler, J. O vlivu hegelismu na filosofii dějin a na politický program Františka Palackého (ČČH, XVII, 1—12, 152—166).

***Heidrich, K.** Preussen im Kampfe gegen die französische Revolution. Bis zur zweiten Teilung Polens. Auttgart—Berlin, J. G. Cotta, 1908, 491. Реценз.: **F. C. Wittichen** (MF, 1909, XXII, 356—360).

***Hejnic, O.** Hrádek nad Vrchlicí čili nad Páchem. Studie historicko-architektonická. Kutná Hora, 71.

Helfert, J. A., Frhr. von Geschichte der österreichischen Revolution im Zusammenhange mit der mitteleuropäischen Bewegung der Jahre 1848—1849. Bd. II. Freibung, Herder, 1909. XV+382. Рец.: —**r-r**— (MVGD, 1910, XLVIII, Beilage 1—2).

— Helmoldi presbyteri Bozoviensis cronica Slavorum... (*выше XIV/₄, 343*). Реценз.: **M. Mass** (MF, 1910, XXIII, 576—577).

***Hepp, A.** Ferdinande de Bulgarie intime. Paris, 1909. Реценз.: **J. M. J.** (СКГ, XXVI, 247).

Herbaczewski, J. A. Litwa i kwestya Polska (SSł, 1910, t. I, 353—369).

Herzig, F. Tarnów, Miasto od roku 1567 — 1907. Szkic historyczny. Tarnów, 186.

Hiltebrandt, Ph. Die polnische Königswahl von 1697 und die Konversion Augusts des Starken. (Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken, X, 1907, 152—215).

***Hiltebrand, Ph.** Die römische Kurie und die Protestanten in der Pfalz, in Schlesien, Polen und Salzburg Teil I (Quellen und Forschungen aus ital. Archiven und Biblioth., 1910, XIII, 135—216).

Historicus. Istorija Srpskoga naroda (Savr, VI, 100—105).

Рецензія книги Ст. Станојевића: Историја Српскога народа, II изд. поправљено и попуњено, Београд, 1910.

Hnidek, Fr. Rakousko za Františka Josefa I (Progk. st. reál. gymnasia v Chrudimi). Chrudim, 1909, 20, 4°.

Hniličká, Franz. Hradec Králové a okolí za panování J. V. císaře a

krále Františka Josefa I. (Progr. st. reálky v Král. Hradci). Králové Hradec, 1909, 22, 4°.

*Hoffmann, L. Die Beziehungen des Königs Przemysl Ostokars II von Böhmen zu Schlesien und Polen II. (Programm des Staatsgymnasiums in Czernowitz, 1909. 4°. 41).

Holeček, J. Tragedie Julia Grégra (Lum, XXXIX, 305—312, 356—367, 420—429, 459—471, 478—527).

Юліусъ Грегръ († 1896), основатель, издатель и редакторъ Národních Listů.

Horák, L. K. S. Amerling s hlediska pedagogiky národní (PR, XXIII, 582—584).

Horský, E. Západěd' turecké vlny 1652 (ČMKČ, LXXXV, 276—277).

Horvat, R. Borba za Samobor god. 1625 (VZA, 1910, XII, 249).

Horvat, R. Cijena raduje i robe u Varaždinu g. 1705 (VZA, 1910, XII, 244—246).

Horvat, R. Hrvatske carine god. 1539 (VZA. 230—235).

Horvat, R. Nekadašnja kapela sv. Trojstva u Varaždinu (VZA, 1910, XII, 250).

Horvat, R. Beriva gradskih činovnika u Varaždinu g. 1742 (VZA, 1910, XII, 246).

Horvat, R. Poziv k vjenčanju grofa Sigismunda Erdeda (VZA, 1910, XII, 239—240).

Horvat, R. Proračun i obračun kraljevine Slavonije za god. 1553 (VZA, XIII, 35—41).

Horvat, R. Zastupanje grada Varaždiną na saborima u Požunu god. 1708 i 1710 (VZA, XIII, 54—60).

Horvat, R. Vojničko nasilje u Bregima kod Ivaniča (VZA, 1910, XII, 249—250).

Horvat, R. Zlatno runo bana Nikole Zrinskoga (VZA, 1910, XII, 137—146).

*Hötzsch, O. Die Schlacht von Tannenberg (Velhagen und Klasings Monatshefte, XXIV, 1910, Heft XI).

*Hranić, B. Kmetovsko pitanje u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 54, 4°. Реценз.: J. Dedujep (CKT, XXVII, 220—221).

*Hrudička, A. Topografie diecese brněnské. Brno, 1908. 730. Реценз.: A. Kratochvíl (ČMMZ, XI, 151—153).

Hýsek, M. O vývoji žurnalistiky na Moravě (Pozor, č. 52, 53).

— Bergdirektion Idria. Die erste Okkupation Idrias durch die Franzosen im Jahre 1797 (Carn, II, 251—260).

Ilešić, J. Hrvati i Hrvatska u dnevniku optujskoga župnika Kellnera (VZA, XIII, 174—182).

Ilešič, F. Korrespondence iz dobe našega preporoda (IMK, 1909, XIX, 92—00).

Ilešić, F. «Slovenci za sjedinjenje s Hrvatskom god. 1848 (VZA, 1910, XII, 241—242).

*Isaak, Frz. Die Molotschnaer Mennoniten. Ein Beitrag zur Geschichte derselben. Halbstadt (Taurien), H. J. Braun, 1908. 354. Реценз.: Heinrich van der Smissen (DE, 1909, VIII, 188—189).

*J. S. Die deutschen Siedelungen in Westgalizien, welche von Deutschen aus Westböhmen gegründet worden sind. (Deutsches Volksblatt f. Galizien 1909, № 35—39).

Jabłonowski, A. Stosunki rodzinne na Wołyniu na przełomie XVI-go i XVII-go wieku (PgH, XII, 84—

88, 210—215, 325—333; XIII, 57—66).

Jaffé, M. Die Stadt Posen unter preussischer Herrschaft (*выше XIV/$_4$, 339)*. Реценз.: **M. Laubert** (MF, 1909, XXII, 367—371).

Jaksch, R. von. Notiz über das Rektoratssiegel der deutschen Universität in Prag (MVGD, 1910, XLVIII, 507—508).

Janowicz. Refleks Cenowizmu (Cryf, 1910, 199—200).

***Jarosz, M.** Śląsk cieszyński. Kraków, 1910. 172. Реценз.: **Nie-Ślązak** (PgP, CIX, 254—260); **W. Dunin** (Bibl Warsz, 1910, wrzesień, 582—586).

Jasiukowicz, S. Zarys dziejów powstania towarzystwa kredytowego ziemskiego (PgN, VIII, 121—156, 250—284).

***Jaskłowski, W. J.** Zarnowiec i jego okolica. Zarys historyczno-etnograficzny. Lwów, 1910, 127. Реценз.: **S. J. Czarnowski** (Książka, XI, 109).

Jaworski, F. Lwów stary i wczorajszy. Z ilustracjami. Wyd. II, poprawione. Lwów, 362 + 3 карты. Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, XI, 241—242); **K. Hartleb** (PwN, XXXIX, 571—575).

***Jentsch, C.** Breslau. Betrachtungen über seine Geschichte. (Die Grenzboten, 1909, LXVIII, Heft 43 und 44).

Jireček, C. Geschichte der Serben. I Band. (Bis 1371). Gotha, XX + 442. Реценз.: **J. P.** (ЛМС, св. 6, 68—80); **K. Kadlec** (ČMKČ, LXXXV, 387—393).

Jorga, N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, F. A. Perthes, Bd. I (bis 1451) 1908. Bd. II (bis 1538) 1909. Bd. III (bis 1640) 1910. Bd. IV (bis 1774) (= Allgemeine Staatengeschichte hgb. von K. Lamprecht, Werk 37).

***Jungfer, Th.** Die Beziehungen der Julimonarchie zum Königreich Polen in den Jahren 1830—1831. Berlin, Diss. 1909. 88. Реценз.: **O. Hötsch** (ZOEG, I, 259—261).

Junius. Współcześni politycy Polscy (Krytyka, 1, kwiecień, maj, 270—274, 311—319).

Продолж.: XXIV. Ig. Karol hr. Korwin-Mileswki. XXV. Prof. Wł. Leopold Jaworski. XXVI. Andrzej Kędzior. XXVII. Jędrzej Moraczewski. XXVIII. Dr. Alek. Lisiewicz.

***Kaindl, R. F.** Die Bukowina im Jahre 1809 (*выше XV/$_2$, 295)*. Реценз.: **M. Кордуба** (ЗНІ, 1910, кн. VI, 167—168).

Kaindl, R. F. Geschichte von Czernowitz von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Auf Veranlassung der Czernowitzer Stadtgemeinde. Czernowitz, 1908. XIV + 281. Реценз.: **M. Кордуба** (ЗНІ, 1910, кн. VI, 163—166).

Kalousek, J. Rády selské a instrukce hospodářské 1781—1850. 1910. Реценз.: **H. Traub** (ČMMZ, XI, 317—319); **J. Kapras** (ČMM, XXXV, 248—251).

***Kamiński, J.** Otto z Chodcza, wojewoda krakowski (Sprawozd. dyr. gimn. w Złoczowie za 1911).

Kamín. «O záležitostiach a Obyčajoch Stolice Trenčianskej a Svob. a Král města Trenčína». Podává **J. L. Holuby** (SlP, XXX, 129—134).

Kamshoff, O. Aus der böhmischen Kapuzinerprovinz (MVGD, 1910, 496—506).

Kandel, D. Nowosilkow a żydzi (BiblWarsz, III, 141—155).

Kaniowski, S. Przyczynki do dziejów wojny Polsko-krzyżackiej z r. 1331 (Z mapką) (PgH, XII, 129—148).

***Kapras, J.** Český úřední jazyk ve Slezsku. Studie historická. Mor. Ostrava, 1909, 119. Реценз.: **J. M. Novák** (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 475—476).

Karácson, J. Evlia Cselebi török világutazó Magyarországi utazásai 1664—1666. A. M. Tud. Akadémia történeti bizottságának megbizásából forditotta és jegyzetekkel kisérte Dr. K. J. II. kötet, Budapest, 1908, VI+272. Реценз.: **J. P.** (ЛМС, св. 2, 60—63).

Описаніе путешествія извѣстнаго пут. Эвліа Челеби изъ XVII в.; книги V и VI касаются Балканскаго полуострова.

Karbowiak, A. Młodziez szkolna akademicka zagranicą 1795—1910. Kraków, 1910, 435. Реценз.: **Z. B.** (BiblWarsz, T. 2, 387—390).

***Kassian, J.** Sprawa instygatorów na sejmie piotrkowskim w r. 1565. (Sprawozd. dyr. c. k. gimn. w Stryju za 1911).

Kepka, E. Několik slov o c. k. rakouských statních drahách se zvláštním zřetelem na Čechy. (ČR, II, 212—232).

Kidrič, F. Paberki o Korytku in dobi njegovega delovanja v Ljubljani. (LZ, 1910, XXX, 298—306, 364—368, 431—438, 490—497, 552—560, 745—754).

Kipa, E. Fryderyk Gentz a Polska 1794—1831. (Monografie w zakresie dziejów nowożytnych, T. XV). Kraków-Warszawa, 1910. XV+166 Реценз.: **H. M.** (BiblWarsz, III, 379—382).

Klaić, V. Prilozi za povjest grada Zeline. (VHA, 1910/11, XI, 13—17).

Klaić, V. Regnum Croatiae et Dalmatiae. (1059—1359). (VZA, XIII, 114—127).

Klaić, V. Zaključci hrvatskih sabora i njihova sankcija za prva tri Habsburgovca. (1527—1608). (VHA, XI, 1910/11, 18—22).

***Klein, F.** Planty Krakowskie. Kraków. Реценз.: **M. Skrudlik** (PgPol, CLXXXI, 248—252).

Klíma, S. Pověst a historie o Janošíkovi. (Lud, 1910, XXIX, 117—125).

Klíma, S. Ze statistiky slovenského školství. (PR, XXIV, 151—153).

Klíma, S. Náboženská výchova v evangelických školách na Slovensku. (PR, XXIV, 163—164).

Kliment, F. Přirozený výklad pověstí o ohnivém draku 1787 a 1818. (ČL, 1910, XX, 43—45).

Köferl, J. Entstehungsgeschichte der Waldhäuseln auf der Herrschaft Tachan. (MVG, 1910, XLVIII, 439—451).

Kolankowski, L. Polityka ostatnich Jagiellonów. (KwH, XXV, 55—63).

Kolischerówna, Z. Kwarantanna Kluczewskiego. (KwH, XXV, 63—75).

Kollmann, H. K úbytku obyvatelstva v království Českém za války třicetileté. (ČČH, 1910, XVI, 52—56).

Konarski, Kaz. Marcin Kątski kasztelan krakowski general artyleryi i piechoty koronnej. (PgN, VII, 599—624, 673—716).

Koneczny, F. Polska a kwestya Litewska. (SSł, 1910, II, 16—35).

Koneczny, F. Rzekomy separatyzm morawski. (SSł, 1910, t. I, 224—241).

Konopczyński, W. «Prawdziwi Polacy» w XVIII wieku. (PwN, XXXIX, 720—732, 837—844).

Konopczyński, W. Spór o wrota morza Baltyckiego. (PgN, T. VII, 284—317).

***Konopczyński, W.** Dyaryusze sejmowe z wieku XVIII i dyaryusz sejmu z r. 1748. Warsz. 8. XXVII+401+3 нен.

Konopczyński, W. Anglia wobec niedoszłej pacyfikacyi prusko-rosyjskiej 1760—1 г. (KwH, XXV, 35—54).

Konopczyński, W. «Feniks Samojedny». (Z życia księcia Udalryka Radziwiłła). (BiblWarsz, II, 316—353).

Konopczyński, W. Dyaryusz Sejmu 1748. Warszawa, XXVII+404. Реценз.: **Ig. B.** (BiblWarsz, T. III, 388—390).

Konopka, K. Nieznany dokument Władysława IV. (PgP, CX, 90—96).

Kościński, K. Służba żeńska w Chełmnie w wieku 18-tym. (ZTNT, 1910, 200—204).

Kościński, K. Wyprawa IMCipani Trzcińskiej. (ZTNT, 1910, 231—238).

***Kosík, J.** Krátká kronika university olomoucké. Olomouc, 1909.

Kot, S. Szkoła Lewartowska..., *(выше XV/₁, 322)* Реценз.: **A. Brückner** (Książka, XI, 59).

Koss, R. Zur Kritik der ältesten böhmisch-mährischen Landesprivilegien. Prag, 1910, 143. Реценз.: **V. Chaloupecký** (ČČH, XVII, 225—238).

***Kötschke, R.** Neuere Forschungen zur Geschichte der ostdeutschen Kolonisation (Deutsche Geschichtsbl., 1910, XI, 279—300).

Kozicki, S. Bułgarya współczesna. Warszawa, 1910, 76. Реценз.: **T. S. Grabowski** (SSł, VII, 224—229).

Kozłowski, W. M. Karol Lee w służbie Stanisława Augusta. (PwN, XXXIX, 635—644, 740—755).

Kazłowski, W. M. Pierwsza historja filozofji polskiej. (Sfinks, XIV, 400—408).

Král, J. Kde byl vězněn Vratislav z Mitrovic? (LF, 158).

Kramář, K. a Tobolka, Z. V. Dějiny české politiky. *(выше XV/₃, 408)*. Реценз.: **jm** (PR, XXIV, 352—354, 463—465).

Kratochvíl, A. Svobodné Dvory na Moravě od 17. století podnes. (ČMMZ, X, 1—24, 177—189).

Kraushar, A. Raptularz notatek o uniwersytecie królewskim w Warszawie 1816—1831. Warszawa, 19. (PgH, T. XIII, 108—124).

Kraushar, A. Zycie potoczne Warszawy. *(выше XVI/₁, 323)*. Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, XI, 200—201).

Kraushar, A. Zagadkowy korespondent... *(выше XVI/₁, 323)*. (-Miscellanea historyczne. XLIII). Warszawa, 1910, 15. Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, XI, 16—17).

Kraushar, A. Sprawa Józefa kr. Załuskiego, generała brygady w sztabie wojsk polskich 1831 r. (Ze źródła archiwalnego). (PgN, VII, 9—18).

Kraushar, A. Raporty ministerialne Lelewela... *(выше XVI/₁, 323)*. Warszawa, 1910, 12.

Krebs, N. Die landeskundliche Literatur der österr. Karstländer in den Jahren 1897—1905, 1906. Реценз.: **J. Cerk** (Carn, II, 216—218).

***Krecar, J. V.** Za vlády Jeho Veličenstva císaře a krále Františka Jozefa I. Tři kapitoly dějin kulturnéch. (Progr. st. gymnasia v Dvoře Králové). Dvůr Králové 1909. 4°. 21.

***Kreiner, J.** Die Teilnahme des ersten Böhmenkönigs an dem deutschen Hof- und Reichstage. (Programm des Deutschen Staatsgymnasiums in Prag-Neustadt, Graben. 1909. 4°. 16).

Krejčík, A. L. O zakládací listině klaštera Třebického. Příspěvek k monasterialogii morawské. (ČMM, XXXV, 192—199).

***Kroess, Alois.** Geschichte der böhmischen Provinz der Gesellschaft Jesu. I: Geschichte der ersten Kollegien in Böhmen, Mähren und Glatz von ihrer Gründung bis zu ihrer Auflösung durch die böhmischen Stände 1556—1619. (Quellen und Forschungen zur Geschichte, Literatur und Sprache Oesterreichs und seiner Kronländer hgb. J. E. Wackernell, Bd. XI. 1910. XXVII+1008).

Krofta, K. Boj o konsistoř pod obojí letech 1562—1575 a jeho historický základ. (ČČH, XVII, 28—57, 178—199, 283—303, 383—420).

Krofta, K. Jižní Čechy a české hmití náboženské. (Jihočeský kraj, I, 121—139).

Krofta, K. Hus a pražská universita. Praha, 1910, 23.

Krofta, K. Václav Mitmánek List z českých dějin náboženských za Ferdinanda I. (Lud, XXXIX, 367—375, 412—419, 453—459, 481—486).

Krofta, K. Konec Rusworműv. Pražský obrázek z r. 1605. (Lum, 1910, XXXIX, 107—112).

Krofta, K. Sněmy roku 1605. (*выше XV/₂, 409*). Реценз.: **Kameníček** (ČMM, XXXV, 119—123).

Krollmann, C. Die Schlacht bei Tannenberg... (*выше XVI/₁, 324*). Реценз.: **A. Prochaska** (KwH, 1910, XXIV, 646—648).

Krotoski, K. Emigracya polska da Francyi w najświeższej dobie. (PgP, CX, 26—45, 231—247).

Krotoski, K. Z powodu broszury «Plemię Kadłubka». (PgP, CX, 338—348).

Kubíček, V. Z dějin města Loštic. (*выше XV/₃, 409*) 3. Boček Poděbradský z Kunstátu a synové. (1414 až asi 1430). (H, XXVIII, 7—14, 73—80).

Kujot, S. Wojna 1410 r. z mapą. (RTNT, 1910, 56—378). Реценз.: **A. Prochaska** (KwH, 1910, XXIV, 639—644).

Kukiel, M. Wezwanie Austryi na tron Polski w r. 1794. (BiblWarsz, II, 225—237).

Kutschera, G. Pfaffengrün, eine verschollene Ansiedlung. (MVGD, 1910, XLVIII, 489—495).

von Kutschera, H. Die Chasaren. Historische Studie. Wien, 1910, 271. Реценз.: **М. Грушевський** (ЗНІ, CII, 192—194).

Kutrzeba, S. i **Ptaśnik, J.** Dzieje handlu i kupiestwa krakowskiego. (Rocznik krakowski XIV). 1910, 1—183.

Kutrzeba, S. Unia Polski z Litwą. Problem i metoda badania. Krawów. Реценз.: **Y. B.** (BiblWarsz, III, 390—391).

Kutrzeba, S. Ordo coronandi regis Poloniae. Kraków. 88. Реценз.:

I. Baranowski (Książka, XI, 243—244).

Kvačala, I. I. A. Komenského prvé styky s Francûzmi (Komenzký, XXVII, 439—446, 451—453, 467—469, 489—492). Реценз.: **W. E. Schmidt** (Zeitschrift f. Brüdergeschichte, III, 128—130).

Kybal. V. Etude sur les origines du mouvement hussite en Bohême. Matthias de Janov. (Rèvue historique, CIII, 1—31).

Lamač, J. O staročeských měrách polnísh, část II. (Progr. st. reálky Malé Straně) Praha, 1909, 11, 4°.

Langner, J. J. Franciszek Fiedler. (SSł, VII, 26—37).

Lanović, M. Zbirka matičnih propisa, valjanih u kraljevinama Hrvatskoj i Slavoniji. Реценз.: **M. Novak** (MPDZag, 1910, XXXVI, 473—475).

***Latosiński, J.** Monografja miasteczka Wilamowic na podstawie źródeł autentycznyct. Kraków, 1910, 456. Реценз.: **I. Baranowski** (Książka, 406—407).

***Leblond, M. A.** La Pologne vivante. Paris, 1910. 475+карта. Реценз.: **L. Włodek** (BiblWarsz, 1910, pazdziernik, 177—181).

Ledr, J, Dějiny města Uhlířských Janovic. Kutná Hora, 1909. 313.

***Leniek, J.** Tarnów za czasów Leliwitow. Tarnow, 79. Реценз.: **S. Peszke** (PgPol, CLXXXI, 358—362).

Ličman, A. Nástin dějepisný Nového Rousinova. Nový Rousinov, 36.

***Linhart, Frz.** Dějiny Paskova. (Progr. st. gymnasia w Místku). Místek, 1909, 15, 4°.

Litwinowicz, M. Die Hypothekarverschuldung des Grossgrundbesitzer physischer Personen in der Bukowina, des Grundbesitzes in der Landeshauptstadt Czernowitz u. des Kleingrundbesitzes physischer Personen im Gerichtsbezirke, Czernowitz, 1907, 93. (Mitt. des statist. Landesamtes des Herz. Bukowina, Heft XII). Реценз.: **M. Кордуба** (ЗНТ, 1910, кн. VI, 169—172).

Łodyński, M. Węgry lennem Stolicy Apostolskiej. (KwH, XXIV, 36—65).

Łodyński, M. Stosunki w Sandomierskiem w latach 1234—1239. (KwH, XXV, 1—34).

Lombardini, A. Beckov a prepošstvo v Novom Meste nad Váhom. (SlP, 1910, XXX, 533—544).

Loret, M. Zamach na Stanisława Augusta. (W świetle źródel watykańskich). (BiblWarsz, I, 541—551).

Loserth, J. Der Unglückselige. Ein Mitglied der Fruchtbringenden Gesellschaft aus dem Hause Stubenberg. (Hans Wilhelm Herr von Stubenberg). Skizzen aus dem Tagen des böhmischen Aufstandes von 1618 und seiner Nachwehen, (MVGD, 1910, XLVIII, 247—291).

***Luniński, Ernest.** Napoleon jego życie i czyny w obrazach. (Legiosny i księstwo Warszawskie). Zeszyt III. Warszawa. 81—120.

Łuniński, E. Napoleon. (Legjony i Księstwo Warszawskie). Warszawa, 1910. Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, XI, 60—61).

Łuniński, E. Spisek Smadłowskiego a książę Reichstkatu. (Sfinks, 1910, styczeń, 105—118, luty, 192—206, marzec, 369—388).

M., H. Mikołaj Krysztof Radziwiłł Sierotka i jego przyjęcie katolicyzmu w r. 1567. Przyczynek do

dziejów reformacyi w Polsce (PgH-XII, 1—10).

Maciszewski, M. Brzeżany w czasach Rzeczypospolitej polskiej. Monografia historyczna. Brody. XII+4 (нен)+223. Реценз.: **E. Kipa** (Lud, XVII, 115—116). **I. B.** (Bibl Warsz, III, 581—583); Реценз.: **S. Peszko** (PgPol, T. 182, 94—100). **I. Baranowski** (Książka, 407—408).

Maćkowski, J. K. Ekonomiczne odrodzenenie zaboru Pruskiego. (SSł, 1910, I, 73—116).

Maćkowski, J. K. Po dwudziestu latach. (Garść wsponień z dziejów odzyskania. Górnego Sląska). (SSł, 1910, I, 369—376).

Maćkowski, J. K. Uwaga o czechach w Racieborskiem. (SSł, VII, 309—323).

***Mączeński, W.** Dziennik zdarzeń w mieśie Krakowie w czasie konfederacyi barskiej. Wydał W. Konopczyński, Kraków. (Bibl. Krak., T. 43).

Majkowski, Dr. Dwa przyczynki do historyi stanu gburskiego na Kaszubach. (Gryf, III, 146—149).

Maister, R. Vipava, prenočišče cesarja Karola VI. (Carn, II, 156—159).

Malý, J. Bristol věnem Anny dcery Karla IV, manželky Richarda II. (ČMKČ, 1910. LXXXIII, 439—441).

Malý, J. Příspěvek k poznání povahy jihočeského lidu v polovici 19 stol. (ČL, 1910, XX, 148—163).

Manojlović, G. Studije o spisu «De administrando imperio» cara Konstantina VII. Porfirogenita. U Zagrebu 1910—1911, 65+69+81+132, также въ (Rad, кн. 182, 186, 187). Реценз.: **J. Радонић** (ЛМС, LXXXVII, св. 8, 66—71).

Marcinkowski, K. Dawne dobra i lasy rządowe w królestwie kongresowem. (PgN, VII, 186—213, 263—283).

Markus, A. Slavovské apologie z roku 1618. (ČČH, XVII, 58—74, 200—217, 304—315, 421—435).

***Martínek, A.** Soupis památek historických ą uměleckýchp v olitickém okresu jičínském (Progr. st. reálky v Jičíně) Jičín, 1909. 22. 4°.

Máša, I. Die čechische Landeskultur in Mähren. (ČRev, 1910. IV, 33—41).

Mejbaum, W. Galicya wiosną roku 1812. (BiblWarsz, II, 569—580).

Merczyng, H. Polscy deiści i wolnomyśliciele za Jagiellonów. (PgN, XII, 257—284).

Mestwin. Swiecie a Koszuby. (Gryf, III, 119—122).

Mienicke, R. Stanislav Radziejowski, wojewoda Łeczycki. (PgN, VII, 648—672).

Mienicke, R. Utrata Smoleńska w r. 1654—i Sprawa Obuchowicza. (KwLit, 1910, I, 4, 41—66).

Miłkowski, Z. Z racyi dzieła Antoniego Karbowieka o polskich koloniach akademickich. (Krytyka, XIII, 1. lipiec-sierpień 6—21).

***Mohl, A.** Chmelařství. Díl I—II. Dějiny chmelařství. Praha, 1906, 222. Реценз.: **J. Salaba** (ČČH, XVII, 463—464); **D. J. S.** (Národní Listy, Příloha k číslu 50).

Исторія напитковъ у славянъ.

—Monumenta historica dioeceseos Wladislaviensis XXIV. (Wydawca **ks. Stanisław Chodyńtki**). Wladisław, 1910. 135.

—Monumenta Reformationis Polonicae et Lithuanicae. Zabytki z wieku XVI. Staraniem Synodu Jednoty Ewangelicko - Reformowane.

Litewskiej. Wilno. Реценз.: **J. Baranowski** (BiblWarsz, III, 384—386).

Morawski, K. M. August Sułkowski a Komisya Edukacyjna. (KwH, XXV, 75—79).

Morawski, K. M. Prokonsulat Stackelberga. (Przyczynek z archiwum spraw zagranicznych w Moskwie). (BiblWarsz, II, 560—568).

Morawski, K. M. Ze studyów nad kobietą polską w XVIII-tym wieku. Wielki świat. (PgH, XII, 31—42).

Morawski, K. M. Ze studyów nad kobietą polską w XVIII-tym wieku. (MLA, I, 18—31).

***Moysett, H.** La politique de la Prussie et les Polonais (Revue des deux mondes, 1908, LXXVIII, 108—138, 519—550).

***Muck, P.** Ueber Duppau und Umgebung (Programm des Privat-Gymnasiums in Duppau). 1909. 4°. 58.

***Muczkowski, I.** Dawne warownie Krakowskie, z rysunkami architektonicznymi Z. Hendla i K. Szpondrowskiego. W. Krakowie, 1910, 48+XXI. Реценз.: **Č. Zíbrt** (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 386—387).

Muka, E. Přinoški k slawiznam přeněmčenych stron Delnjeje Łužicy. (ČMS, LXIV, 33—131).

Müller, V. Kon 1410—1910. Der Tag von Tannenberg und seine Folgen. (Konservative Monatsschr. f. Politik Literatur u. Kunst, 1910, LXVII Heft 9 и 10).

Nadobnik, M. Przysiółki w Galicyi wschodniej. (Ruś, I, 135—151).

Navrátil, K. Poměry na selských statcích v kraji podblanickém v 17 18 stol. (Kodym 1909, 138—140).

Neubauer, A. Kněz Prokop Holý. (ČČH, 1910, XVI, 29—43, 153—190, 265—297, 373—406).

Niedzielski, K. Polacy pod sztandarami obcemi 1) Saragossa i somo-Sierra 1808 r. 2) Wojna z Austryą 1809 r. 3) Kampanja z Rossyą 1812 r. 4) Oblężenie Gdańska 1813 r. 5) Lipsk 1813 p. 6) Chłop polski pod Wörth 1870 r. 7) Lipowski pod Châteaudun 1870 r. Warsz. 1910. 287+1. Съ рис.

Nikodem, J. Słowiency wobec Iliryzmu. (SSł, 1910, I, 155—162).

Nistor, J. J. Zur moldauisch-pokutischen Grenzfrage. (Jahrb. des Bukowiner Landes-Museums 1909, XVI, 3—16). Реценз.: **M. Кордуба** (ЗІІІ, 1910, VI, 166—167).

Noršić, V. Još jedan prinos k progonu vještica u Hrvatskoj. (VZA, XIII, 42—44).

Noršić, V. Dva priloga za povjest porodice Završki (VZA, 1910, XII, 186—196).

Novák, J. B. Gli Italiani a Praga e in Boemia nel medio evo. (Rivista d' Italia, XIV, fasc. X, 525—548).

Интереснѣйшая часть этого изслѣдованія касается итальянскаго вліянія въ Чехіи, чѣмъ и доказывается тенденціозность стремленія во всемъ чешскомъ находить только нѣмецкое вліяніе.

Novotný, V. K tradici o smrti Svatoplukově (ČMF, I, 10—14).

Novotný, V. Kritické příspěvky k starším dějinám českým. (ČČH, XVII, 271—282).

Novotný, V. České dějiny. Seš. 1. Praha, 1911. Реценз.: **Z. F.** (ND, XVIII, 299—301).

Novotný, V. Ku kritice zpráv Kl. Ptolemaia o zemích českých. Praha, 1910, 34+карта. Реценз.: **B. Horák** (ČMKČ, LXXXV, 395—396).

Nowodworski, W. Stosunki Rzeczypospolitej ze Szwecyą i Danią Batorego. (PgH, XII, 11—30, 165—184, 308—324).

Observator. Отъ Шевченко до нашихъ дней. («Кіевск. Почта». № 620—26 февр.).

Краткій обзоръ роста украинскаго самосознанія за послѣднія 50 лѣтъ.

***Oehler, Max.** Tannenberg (Unterhaltungsbeilage der Täglichen Rundschau, 1910, № 161 и. 162).

Ogończyk. Z dziejów towarzystwa dobroczynności w Wilnie. (PgN, VIII, 314—344).

Orłowski, W. Pieśń legionistów «Jeszcze Polska nie zginęła». Jej powstanie i historya. (PgP, CXI, 183—200, 375—387).

Ostaszewski-Barański, D. Pierwsze spory o alfabet na Rusi Czerwonej. (Ruś, I, 96—105).

— Patent toleranční. Upomínky na toleranční patent z Hlinecka ve sbírce Dra. K. V. Adámka. (ČL, 1910, XX, 94—98).

Pavlík, V. Český král Jiří a kompaktata. (ČKD, 1910, 41, 42 и пр.).

Pawłowski, B. Grzegorz XVI a Polska po powstaniu listopadowem (BiblWarsz, T. 2, 498—513).

Pęckowski, I. Handel Rzeszowa w XVII i XVIII wieku. Rzeszów, 1908, 47.

Pekař, J. Kniha o Kosti. Kus české historie. Díl II. Praha, 205.

***Perrier, E.** Un primat de Pologne à Marseille en 1776—1777, Gabriel Podoski. Aix-en-Provence, 1909. 93. Реценз.: **M. Loret** (PgH, XII, 125—128). **K. M. Morawski** (KwH, 1910, XXIV, 674—676).

***Peřinka, F. V.** Ze starého Kroměříže. Kroměříž, 1910, 97.

Pietraszkiewiczówna, S. Dzieje filomatów w zarysie. (PgP, CIX, 85—98).

Pigoń, St. Stanisław Witkiewicz, jako wychowawca narodu. (Sfinks, XV, 3—36).

Pilz, A. Erzherzog Maximilian der Deutschmeister, seine Beteiligung an der Nachfolgerfrage unter Kaiser Rudolf II (Programm des Staatsgymnasiums in Mährisch—Neustadt 1909. 4°. 30).

Piotrowski, A. Powstanie i rozwój polskich związków zawodowych pod zaborem pruskim. Poznań, 1910. 148+III.

Pivko, L. Zgodovina Slovencev. 2. snopič. Doba 1276—1800. Ljubljana. Реценз.: **J. Grunden** (Carn, II, 323—324).

Plichta, P. S. Pamiętnik z czazów 1863—1872. Warszawa, 203. Реценз.: **J. Bieliński** (Książka, 408—409).

***Pokorný, B.** Karel starší z Žerotína v úřadě zemského hejtmana moravského. Německý Brod, 186. Реценз. **K. Krofta** (ČČH, XVII, 459—463).

Polívka, J. Vzpomínky ruského, učence o ruských a českých poměrech literárních. (LF, 122—129, 258—268).

Ponikło, S. Testament Stanisława z Leszny Leszczyńskiego dziedzica Krużlowy z r. 1687. (PwN, XXXIX, 713—719).

Potocki, L. Wspomnienia o Swisłoczy Tyszkiewiczowskiej, Dereczynie i Różanie. (KwLit, 1910, I, 3, 131—160, I, 4, 135—160).

Potočnik, M. Vojvodina Koroška. II. zvezek. Zgodovinski opis. Ljubljana, 1910. 148.

***Prasek, V.** Advokacie (fojtství) městske i dědinské. Příspěvek k jejich dědinám. (SA, VIII, 23—26).

Pražák, F. České dítě na Těšínsku. (PR, XXIV, 413—416).

Prazmovska, T. Dzieje trzech rozbiorów Polski Реценз.: **L. Trzcińska** (Wych, IV, 166—168).

Prijatelj, I. Slovenščina pod Napoleonom. K stoletnici «Ilirije oživljene». (Veda, I, 27—42, 125—137, 223—237, 320—336, 417—434).

Prochaska, A. Z powodu wydawnictwa latopisów litewskich. (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, томъ XVII, СПБ. 1907 (1910). (PgH, XII, 115—125).

***Profeld, B.** Náhod v letech 1624—1629. Náchod, 29.

Profeld, B. Poddanské poměry na panství Náchodském v první polovici XVII. století. (ČL, 1909, XIX, 21—23).

Profeld, B. K dějinám Náchodska v I. polovici 17. století. Náchod. 10. 8°.

***Profeld, Fr.** Náchod v letech 1620—1623. (Programm der Staatsrealschule in Nachod 1909, 4°, 13).

Prohaska, D. Povijest grada Osijeka. (Savr, VI, 105—110).

***Pröll, R.** Der slovenische Rassen-und Bürgerkrieg (Das Deutschtum im Auslande, 1908, XXVII, № 10).

Ptaśnik, J. Włoski Kraków za Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Kraków, 1910. 61. Реценз.: **A. Kłodziński** (KwH, XXV, 81—96).

Ptaśnik, J. Gli Italiani a Cracovia dal XVI secolo al XVIII. Roma, 1909. VII+109.

Pułaski, F. Nieznane listy Barbary Radziwiłłowny do Mikołaja Radziwiłła Rudego i do Zygmunta Augusta. Warszawa, 1906. Реценз.: **K. Harfleb** (KwH, 1910, XXIV, 656—657).

Rawita-Gawroński, F. Sąsiedstwo historyczne Ukrainy kozackiej. (Bibl Warsz, III, 74—94).

Rawita-Gawroński, F. Nazwa Ukrainy jej początek i charakter. (Ruś, I, 36—45).

Rawita-Gawroński, F. Polityka Pruska wobec Rosyi i Austryi. (PgN, VII, 334—360).

Reichert, J. Stavové moravští povolili r. 1684 na opravu krtdeb u Vídně vyslati 2000 dělníků ą ustanovují jak a čím výlohy na ně krýti. (ČMMZ, XI, 143—144).

Reichert, I. Hospodářské a poddauské poměry na statku Hobrí r. 1627 (ČMMZ, IX, 139—142).

Pené, B. Ferdinand I. Реценз.: **J. M. J.** (СКГ, XXVI, 245—246).

Řezníček, V. Jakub baron Wimmer. Vzpomínka na vzácnéko lidumila a nejvěťšího dobrodince král. hl. města Prahy před sto lety. (ČMKČ, LXXXV, 329—342).

Řezníček, V. «Lidé boží» na Náchodsku. (ČL, XX, 161—168).

***Rokyta, A.** Nevolnost a výhost poddaných v XVI a XVII století. Holešovice-Bubna, 18).

Roloff, G. Die Errichtung des Grossherzogtums Warschau (MF, 1910, XXIII, 181—189).

Rostafiński, I. Historya trzech kopców krakowskich. I. Kopiec Kościuszki. II. Historya «Krakusa». III. Historya Wandy. (PgPol, 1910, Wrzesień, 275—297) IV. Legenda o kopcach. V. Historya kopców. (1910, Październik, 22—39).

*Rostworowski, M. Dyaryusz sejmu z r. 1830—1831. T. V. Od 20. czerwcą do 21 lipca 1831 r. Kraków, XXIII+627.

Ruppeldt, F. Slovenská vedecko—kultúrna práca. (SlP, 1910, XXX, 339—350).

Rybarski, R. Sprawa włościańska na sejmie w r. 1831. (CPE, 1910, XI, 158—214). Реценз.: J. Bieliński (Książka, 374—375).

*Ryll, G. Die böhm. Politik bei der Königswahl Adolfs v. Nassau. Dissert. Marburg, 1909. 66.

Rypáček, F. J. K dějnám živností řemeslnických na Morave. (ČMM, XXXV, 103—114).

Sasinek, F. V. Sv. Vladislav, král uhorský. (SlP, 1910, XXX, 525—533, XXXI, 37—46, 163—164).

Schallenberger, A. O zanedbaných dětech na Ostravsku. (PR, XXIV, 872—875, 982—984, 1098—1101).

Schindler, J. S. Bolzano als Sozialpolitiker (DA, VIII, 683—699).

Schlenz, J. Johann Lixt von Lerchenfels Propst von Leitmeritz, (MVGD, 1910, XLVIII, 384—438).

Schmidt, G. Die Handwerksordnung der Manzerzunft in Neumarkt, 1690 (MVGD 1910, XLVIII, 209—220).

Schmidt, J. Das Deutschtum in Galizien (DE, 1909, VIII, 145).

Schmidt, Rob. Tannenberg-Literatur (Oberland. Geschichtsbl., 1910, XII, 231—235).

Schmidt, Val. Die kulturelle Bedeutung der Stadt Krummau (MVGD 1910, XLVIII, 135—144).

*Schmitz, H. Schlesisch-polnische Grenzfehden. Ein Beitrag zur Geschichte der Ostmark. (Beilage zum 56. Jahresber. d. kgl. Gymnasiums zu Rawisch 1909. 4°. 38).

*Schnippel, E. Das Rittergrab von Tannenberg (Oberland. Geschichtsbl. 1909, XI, p. 69—80).

Schnidl, J. J. Národnostní poměry v rakouských ministerstvech (ND, XVII, 258—261, 321—324).

*Schottmüller, K. Brandenburgische Kampfe und Unterhandlungen mit dem Posener Adel im schwedische Kriege 1655—1657 (Histor. Monatsbl. f. d. Provinz Posen 1908, IX, 185—194).

*Schrutz, O. Česká universita v stát. rozpočtu na r. 1909 se zřetelem k jiným universitám v Rakousku. (Osvěta, 1909, 123—129, 214—224).

*Schubert, H. von. Schleswig-Holstein Deutsche, Dänen und Wenden un Mittelalter. (Nach: Kirchengeschichte Schleswig-Holsteins auf Grund von Vorlesungen an der Kieler Universität) Kiel, R. Cordes, 1907. 419. Реценз.: R. Hansen (DE, 1909, VIII, 113—114).

Schulte, W. Die Anfänge des St. Marienstifts der Augustiner-Chorherrn auf dem Breslauer Sande. (Kritische Studien zur schlesischen Geschichte, 1. Heft.) Gross-Strehlitz, 1906. 120. Реценз.: O. Górka (KwH, 1910, XXIV, 633—637).

*Schulz, A. Jich Milosti královen Českých urození páni podkomoří a hofrychtéři. Archiv král. věnn. m. Dvora Králové u L. Dvůr Králové, 1910, 91. Реценз.: V. N. (ND, XVIII, 708—710).

(Окончаніе слѣдуетъ)

Къ біографіи Гоголя въ Полтавскій періодъ.

Каждая болѣе или менѣе важная черта въ жизни и дѣятельности выдающихся культурныхъ дѣятелей представляетъ интересъ для ихъ біографовъ и заслуживаетъ изученія и правильнаго освѣщенія.

Въ жизни одного изъ достойнѣйшихъ представителей нашей новой литературы, Н. В. Гоголя, не дождавшагося и черезъ 100 лѣтъ послѣ своего рожденія обстоятельной и всесторонней біографіи, есть цѣлый періодъ жизни, крайне слабо изученный и освѣщенный. Это—Полтавскій періодъ его жизни.

Правда, этотъ періодъ былъ очень непродолжителенъ; правда, затѣмъ, что въ этотъ періодъ не успѣли еще сказаться тѣ черты личности и таланта Гоголя, которыя обезсмертили его имя. Нельзя однако не признать, что не только для Гоголевскаго біографа-спеціалиста, которому интересны каждый штрихъ и мелочь, касающіеся изучаемаго лица, но и для не столь узкихъ спеціалистовъ, этотъ періодъ жизни Гоголя не безинтересенъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ является первою стадіей въ исторіи систематическаго образованія будущаго великаго писателя; на Полтавскій періодъ падаютъ первые отзывы школьныхъ учителей о Гоголѣ; къ Полтавскому періоду относится и первая проба Гоголевскаго пера въ видѣ его писемъ къ родителямъ и бабушкѣ.

Извѣстно, что Полтавскій періодъ жизни Гоголя падаетъ на время между дѣтскими годами, проведенными въ родительскомъ домѣ въ Васильевкѣ, и годами ученія въ Нѣжинѣ. На основаніи точныхъ архивныхъ данныхъ Гимназіи Высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ выяснено,

что отецъ Гоголя послѣ вторичнаго письма своего отъ 12 февраля 1821 г. къ директору Кукольнику [1]) опредѣлилъ своего сына въ Нѣжинскую гимназію, куда мальчикъ былъ принятъ 1 мая 1821 г. [2]) въ число своекоштныхъ воспитанниковъ. Изъ Нѣжинскихъ архивныхъ дѣлъ не видно, обучался ли Гоголь до поступленія въ Нѣжинскую Гимназію высшихъ наукъ въ какомъ-либо другомъ учебномъ заведеніи или нѣтъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей Гоголевскаго вопроса, касающіеся біографіи писателя, какъ напр. С. А. Венгеровъ [3]), Вѣтринскій [4]), ак. Котляревскій [5]) и др. совершенно и не упоминаютъ о годахъ ученія Гоголя въ Полтавѣ и подъ годами ученія разумѣютъ лишь Нѣжинскій періодъ его жизни. Однако, какъ изъ писемъ Гоголя, такъ и изъ свидѣтельства его перваго біографа Кулиша [6]), а равно изъ воспоминаній о Гоголѣ, напр. Данилевскаго [7]), извѣстно, что до поступленія въ Нѣжинъ Гоголь жилъ и учился въ Полтавѣ, откуда и послалъ, по мнѣнію Кулиша 4 [8]), а по мнѣнію Шенрока 3 [9]) письма къ своимъ роднымъ въ 1820 г. Намъ извѣстно, что дата «1820 г. изъ Полтавы», помѣченная въ изданіяхъ Кулиша и Шенрока въ скобкахъ, сдѣлана предположительно, но во всякомъ случаѣ послѣднимъ годомъ пребыванія Гоголя въ Полтавѣ приходится принять 1820 годъ. Имѣя въ виду свидѣтельство перваго біографа Н. В. Гоголя Кулиша о томъ, что взятый изъ Полтавы на каникулы Гоголь оставался послѣ брата Ивана и до поступленія въ Нѣжинскую гимназію *нѣкоторое*

---

1) Первое письмо Гоголя-отца къ директору Кукольнику въ архивѣ не сохранилось, но извѣстно, что оно было послано въ январѣ 1821 г. Второе письмо отъ 12 февр. 1821 г. хранится въ Нѣжинскомъ Гоголевскомъ Музеѣ и напечатано въ Нѣжинскомъ Гоголевскомъ сборникѣ 1902 г., стр. 313.

2) См. въ Гоголевскомъ Музеѣ витр. № 2 «Изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ» [II № 2 (2)].

3) С. А. Венгеровъ. Писатель-гражданинъ.

4) Біографическій очеркъ, составленный Вѣтринскимъ (при изданіи Гоголя. «Нар. Польза» 1902 г.).

5) Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь. СПб. 1909.

6) Кулишъ. Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 16.

7) Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I, Москва 1892, стр. 100.

8) Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, т. V. Письма съ 1820—42 г., изд. П. А. Кулиша, СПб. 1857, стр. 3—4.

9) Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока. Томъ I, изд. Маркса. СПб. стр. 7—9.

время дома, мы держимся того мнѣнія, что, вернувшись изъ Полтавы въ Васильевку лѣтомъ 1820 года, Гоголь осень и зиму 1820—21 годовъ жилъ дома, пока съ января 1821 г. или хлопоты его отца объ опредѣленіи сына въ только что открытую Нѣжинскую Гимназію. Смерть брата Ивана, болѣзненность самого Николая Васильевича [1]) естественно могли побудить родителей Гоголя продержать мальчика конецъ 1820 и начало 1821 года дома.

Признавая 1820 годъ заключительнымъ годомъ Полтавскаго періода жизни Гоголя, мы можемъ съ точностью опредѣлить начальный годъ Гоголевскаго школьнаго обученія въ Полтавѣ на основаніи документа, не использованнаго прежними біографами Гоголя и поступившаго въ юбилейные Гоголевскіе дни 1909 г. отъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа въ собственность Гоголевскаго Музея при Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Этотъ документъ, проливающій новый свѣтъ на нѣкоторыя стороны Гоголевской біографіи,—«Дѣла Полтавскаго уѣзднаго училища за 1819 г.» [2]). Въ находящихся въ этихъ «дѣлахъ» «вѣдомостяхъ объ ученикахъ перваго класса высшаго отдѣленія» (л. 108, 132, 142, 152) около именъ «Николай Яновскій» и «Иванъ Яновскій» показано *3 августа 1818 г.*, какъ время поступленія обоихъ мальчиковъ въ Полтавское повѣтовое училище. Точныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, жили ли въ Полтавѣ Николай и Иванъ Яновскіе до опредѣленія ихъ 3 авг. 1818 г. въ Полтавское повѣтовое училище, мы не имѣемъ; съ увѣренностью же можемъ хронологическую дату обученія Гоголя въ Полтавскій періодъ его жизни опредѣлить 1818—1820 гг. Свидѣтельство друга Гоголевскаго дѣтства А. С. Данилевскаго о томъ, что въ Полтавѣ «вмѣстѣ съ нимъ (Гоголемъ) мы пробыли года два» [3]) является подкрѣпленіемъ нашего положенія, хотя вообще воспоминанія Данилевскаго требуютъ осторожнаго и критическаго къ себѣ отношенія, какъ и всѣ воспоминанія о Гоголѣ его родныхъ, друзей и враговъ.

---

1) См. Письма Гоголя, ред. Шенрока, т. I, стр. 8.

2) Хранится этотъ документъ въ Гоголевскомъ Музеѣ при И. Ф. Институтѣ кн. Безбородко въ витринѣ № 2 подъ № 1 (II № 1).

3) Матеріалы, I, 100.

Обращаясь къ свидѣтельствамъ біографовъ Гоголя о Полтавскомъ періодѣ его жизни, мы можемъ намѣтить нѣсколько основныхъ группъ этихъ свидѣтельствъ.

Не говоря уже о тѣхъ изслѣдователяхъ и біографахъ, которые, игнорируя Полтавскій періодъ, совершенно о немъ не упоминаютъ, есть группа біографовъ, упоминанія которыхъ о пребываніи Гоголя въ Полтавѣ носятъ настолько общій характеръ, что не представляютъ для насъ интереса. Типичнымъ для этой группы является напр. свидѣтельство Яковенко въ Павленковскомъ изданіи 1908 г., гласящее: «*сначала* Гоголь учился въ Полтавѣ». Гдѣ, когда, у кого, чему онъ учился, на эти вопросы отвѣта не дается.

Группа біографовъ опредѣляетъ время и мѣсто обученія Гоголя въ Полтавѣ.

При опредѣленіи времени обученія Гоголя въ Полтавѣ мы не встрѣчаемъ у біографовъ точныхъ хронологическихъ датъ Полтавскаго періода, а обыкновенно указывается лишь, сколькихъ лѣтъ Гоголь привезенъ былъ въ Полтаву; одни біографы утверждаютъ, что Гоголю было въ это время 9 лѣтъ (Анненская, Трублаевичъ), другіе, что—10 лѣтъ (Шенрокъ, Пыпинъ, Кирпичниковъ, Морозовъ), наконецъ третьи утверждаютъ, что его въ 12-лѣтнемъ возрастѣ отвезли учиться въ Полтаву. Тѣ же разногласія наблюдаемъ мы въ свидѣтельствахъ Гоголевскихъ біографовъ о мѣстѣ обученія Гоголя въ Полтавѣ. Извѣстно, что наиболѣе обстоятельными біографическими трудами о Гоголѣ являются до сихъ поръ труды Кулиша и Шенрока. У Кулиша по интересующему насъ вопросу мы находимъ: «Гоголь получилъ первоначальное воспитаніе дома отъ наемнаго семинариста, а *потомъ* готовился *къ поступленію въ гимназію* въ Полтавѣ, *на дому у одного учителя* гимназіи вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Иваномъ. Но когда ихъ взяли на каникулы и младшій братъ умеръ (9 лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (онъ былъ старше брата однимъ годомъ) оставался нѣкоторое время дома, пока не былъ отданъ въ Нѣжинскую Гимназію Высшихъ Наукъ въ маѣ 1821 г.» [1]).

1) Кулишъ, Записки о жизни Гоголя, т. I, 16.

Приблизительно то же читаемъ и у Шенрока: «Около десяти лѣтъ отъ роду Гоголь былъ отвезенъ въ Полтаву и отданъ вмѣстѣ съ братомъ *для приготовленія въ* мѣстную гимназію *къ одному изъ служившихъ* въ *ней учителей*» [1]).

Изъ этихъ свидѣтельствъ вытекаетъ, что во 1) Гоголь готовился къ поступленію въ Полтавскую гимназію, во 2) что готовилъ его у себя на дому одинъ изъ учителей Полтавской гимназіи, имени котораго не указывается.

Съ Кулишомъ и Шенрокомъ сходятся въ мнѣніяхъ и Пыпинъ, Анненская, Кирпичниковъ, Ивановъ, Морозовъ и др., такъ что господствующимъ является взглядъ, будто Гоголь въ Полтавѣ: а) лишь *готовился* къ поступленію въ школу, но еще не учился въ ней; б) будто этой школой была *гимназія;* в) будто готовилъ его у себя *на дому учитель гимназіи.*

Нѣкоторые біографы Гоголя однако утверждаютъ, что онъ не только готовился къ поступленію въ Полтавскую гимназію, но и поступилъ въ нее, и учился въ ней. Такъ въ изданіи «Просвѣщеніе» у біографа Гоголя г. Каллаша [2]) читаемъ: «Послѣ домашняго приготовленія (училъ Гоголя какой-то семинаристъ) его отдаютъ съ братомъ Иваномъ въ Полтавскую гимназію, но тамъ пришлось пробыть недолго; братъ умеръ и родители поспѣшили взять Н. В. домой». То же свидѣтельство имѣло мѣсто и въ «Справочномъ Энциклопедическомъ словарѣ» 1854 г. [3]), гдѣ указывалось, что Гоголь пробылъ въ Полтавской гимназіи 2 года. Наконецъ и въ передаваемомъ В. И. Шенрокомъ воспоминаніи А. С. Данилевскаго читаемъ: «Въ 1818 году я (Данилевскій) поступилъ въ *Полтавскую гимназію. Тутъ* послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ мы (Данилевскій и Гоголь) вспомнили другъ друга. *Вмѣстѣ* съ нимъ мы пробыли *года два.* Онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ у *учителя Спасскаго*» [4]).

По утвержденію біографовъ этой группы выходитъ такимъ образомъ,

---

1) Шенрокъ, Матеріалы, I, 60.

2) См. Сочиненія и письма Н. В. Гоголя (изд. Просвѣщенія, СПб. 1909), редакція и біогр. очеркъ В. В. Каллаша.

3) Справ. Энцикл. Словарь 1854, III.

4) Шенрокъ, Матеріалы, I, 100.

что а) Гоголь *состоялъ ученикомъ* Полтавской гимназіи и б) учился въ Полтавѣ *2 года*, в) жилъ у учителя *Спасскаго*.

Наконецъ, есть еще категорія свидѣтельствъ, наименѣе извѣстныхъ, но наиболѣе близкихъ къ истинѣ; это свидѣтельство сборника «Русскіе люди» [1]) 1866 г. и свидѣтельство г. Житецкаго 1909 г. Въ сборникѣ «Русскіе люди» мы читаемъ: «Гоголь первоначальное воспитаніе получилъ въ Полтавскомъ *повѣтовомъ училищѣ, по окончаніи* котораго учился *2 года* въ первомъ классѣ *Полтавской* гимназіи». Житецкій же въ своемъ трудѣ «Гоголь-проповѣдникъ и писатель пишетъ [2]): «Гоголь съ младшимъ братомъ Иваномъ *болѣе года* жилъ въ Полтавѣ, *готовился у одного* учителя, и *поступилъ* тамъ въ *повѣтовое уѣздное* 4-классное училище. Къ лѣту 1820 г. Н. В. Гоголь возвратился домой, братъ его умеръ, а онъ уже въ Полтаву не возвращался».

Если воспоминаніе Данилевскаго, принятое на вѣру В. И. Шенрокомъ въ «Матеріалахъ» въ 1892 и повторенное А. И. Кирпичниковымъ въ «Опытѣ хронологической канвы къ біографіи Н. В. Гоголя» [3]) вносило нѣчто новое въ смыслѣ сообщенія фамиліи Гоголевскаго Полтавскаго учителя, нѣкоего Спасскаго, то въ свидѣтельствахъ Вольфовскаго изданія «Русскіе люди» и упомянутаго изслѣдованія Житецкаго мы встрѣчаемся съ новымъ фактомъ, а именно обученіемъ Гоголя въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, что, какъ увидимъ дальше, подтверждается оффиціальными документами. Это обстоятельство тѣмъ интереснѣе отмѣтить, что благодаря Кулишу, Шенроку, Пыпину и др. авторитетнымъ въ Гоголевскомъ вопросѣ ученымъ установилось повторяющееся въ біографіяхъ Гоголя утвержденіе, что Гоголь въ Полтавѣ либо только готовился къ поступленію въ гимназію, либо даже поступилъ въ нее; о повѣтовомъ же училищѣ обыкновенно нѣтъ и рѣчи.

Въ Гоголевскій Музей, основанный въ память 100-лѣтія рожденія великаго питомца Нѣжина при его «alma mater», поступилъ въ 1910 г., какъ упомянуто, даръ попечителя Кіевскаго учебнаго округа проливаю-

---

1) «Русскіе люди», изд. Вольфа, СПб. 1866.

2) Житецкій. Гоголь проповѣдникъ и писатель. Кіевъ, 1909, стр. 13.

3) Кирпичниковъ. Опытъ хронологической канвы къ біографіи Н. В. Гоголя, стр. III.

щій новый свѣтъ на Полтавскій періодъ жизни Гоголя. Этотъ цѣнный даръ,—«Дѣла Полтавскаго повѣтоваго училища за 1819 годъ». «Дѣла» представляютъ собою переплетенную въ красноватый переплетъ книгу въ 199 листовъ, распадающуюся на слѣдующіе отдѣлы.

1) Реестръ исходящимъ бумагамъ по должности смотрителя Полтавскаго повѣтоваго училища въ теченіи (sic) [1]) 1819 года, лл. 1—13.

2) Реестръ Входящимъ бумагамъ, л. 13—106.

3) Вѣдомость Объ ученикахъ перваго класса Высшаго отдѣленія Полтавскаго Повѣтового училища за мѣсяцъ февраль за 1819 годъ, л. 106—110.

4) Вѣдомость объ ученикахъ второго класса Полтавскаго Повѣтоваго училища за мѣсяцъ февраль на 1819-й годъ, лл. 110—114.

5) Вѣдомость учениковъ Полтавскаго повѣтоваго училища перваго класса низшаго отдѣленія за мѣсяцъ мартъ 1819 года, лл. 114—118.

6) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса Высшаго отдѣленія Полтавскаго повѣтоваго училища на 1819-й годъ за́ мѣсяцъ апрѣль, л.л. 118—122.

7) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса высшаго отдѣленія Полтавскаго повѣтоваго училища на 1819 годъ за мѣсяцъ май, лл. 122—126.

8) Вѣдомость объ ученикахъ второго Повѣтоваго класса Полтавскаго училища за мѣсяцъ май 1819 года л.л. 126—130.

9) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса высшаго отдѣленія Полтавскаго повѣтоваго училища за 1819 годъ. За мѣсяцъ іюнь л.л. 130—134.

10) Вѣдомость объ ученикахъ второго класса Полтавскаго Повѣтоваго училища. За мѣсяцъ іюнь 1819 годъ лл. 134—138.

11) Имена учениковъ отличившихъ себя прилѣжаніемъ и добрымъ поведеніемъ удостоенныхъ по предварительному испытанію къ переводу въ высшіе классы 1819 года іюня 30 дня, л.л. 138.

12) Имена учениковъ, которые за отличные успѣхи въ наукахъ и прилѣжное доброе поведеніе награждаются книгами л. 139.

---

1) Орѳографію подлинника всюду сохраняемъ.

13) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса высшаго отдѣленія Полтавскаго Повѣтоваго Училища за вторую половину 1819 года—л. 140—144.

14) Вѣдомость объ ученикахъ второго класса Полтавскаго повѣтоваго училища за вторую половину 1819 года—л. 144—148.

15) Вѣдомость объ ученикахъ Полтавскаго повѣтоваго училища перваго класса Нижняго отдѣленія за ноябрь мѣсяцъ 1823 года [1])—л. 148—150.

16) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса высшаго отдѣленія Полтавскаго повѣтоваго училища. За вторую половину 1819 г.—л. 150—4.

17) Вѣдомость объ ученикахъ 2 класса Полтавскаго повѣтоваго училища. За вторую половину 1819 года л. 154—158.

18) Вѣдомость объ ученикахъ Полтавскаго Повѣтоваго училища перваго класса нижняго отдѣленія за первую половину 1819 года. л. 158—162.

19) Вѣдомость объ ученикахъ Полтавскаго повѣтоваго училища перваго класса нижняго отдѣленія за вторую половину учебнаго 1819 года л. 162—164.

20) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса высшаго отдѣленія Полтавскаго повѣтоваго училища за 18—19-й годъ. За первую половину л. 164—168.

21) Вѣдомость объ ученикахъ второго класса Полтавскаго повѣтоваго училища за первую половину 1819 года л. 168—170.

22) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса нисшаго отдѣленія Полтавскаго повѣтоваго училища за мѣсяцъ ноябрь 1819 г. л. 170.

23) Вѣдомость объ ученикахъ перваго класса нисшаго отдѣленія Полтавскаго повѣтоваго училища за мѣсяцъ декабрь 1819 года л. 171—173.

24) Мѣсячныя вѣдомости 1819 года о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по Полтавскому повѣтовому училищу и журналы о свидѣтельствѣ суммъ въ семъ же году л. 173—195.

---

1) Эта вѣдомость, повидимому, по ошибкѣ переплетена съ дѣлами 1819 г.

25) Педагогическіе журналы Полтавскаго повѣтоваго училища съ августа мѣсяца 1818-го по 1-е Генваря 1819 года, за пять мѣсяцевъ, т. е. Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь, а также и за 1819 годъ л. 195—199.

Мы нарочно даемъ подробный перечень содержанія неизданнаго архивнаго документа, чтобы видно было, насколько обстоятельныя свѣдѣнія могутъ быть изъ него извлечены о состояніи и характерѣ учебнаго заведенія, о составѣ и успѣхахъ его учащихся, среди которыхъ значатся поступившіе въ него 3 августа 1818 года сыновья майора Николай Яновскій 9 лѣтъ и Иванъ Яновскій 8 лѣтъ. Оба мальчика, какъ видно изъ вѣдомостей мѣсячныхъ и полугодичныхъ, состоятъ въ 1818/9 учебномъ году въ высшемъ отдѣленіи перваго класса.

Такимъ образомъ первый выводъ на основаніи разсматриваемаго документа тотъ, что *съ августа 1818 года Н. В. Гоголя слѣдуетъ считать*, вопреки Кулишу, Шенроку и другимъ авторитетнымъ біографамъ, *ученикомъ Полтавскаго повѣтоваго училища*, а не получающимъ исключительно домашнее образованіе у одного изъ учителей гимназіи и не ученикомъ Полтавской гимназіи по крайней мѣрѣ съ августа 1818 года и по 30 іюня 1819 года, когда закончились экзамены и состоялся переводъ въ старшіе классы учениковъ, среди именъ которыхъ однако уже не находимъ ни Николая, ни Ивана Яновскихъ въ качествѣ переведенныхъ въ слѣдующій классъ.

Изъ всѣхъ вѣдомостей, входящихъ въ составъ разсматриваемаго архивнаго документа, особенно интересными для біографіи Гоголя и его брата являются вѣдомости, помѣченныя въ нашемъ перечнѣ №№ 3, 6, 7, 9, 13, 16, 20; здѣсь мы находимъ отзывы Гоголевскихъ учителей о способностяхъ, прилежаніи и поведеніи будущаго великаго писателя и его брата за февраль, апрѣль, май и іюнь 1819 года, а равно по полугодіямъ 1819 года; изъ записей учителей о пройденномъ мы узнаемъ, кто и чему училъ Гоголя и его брата въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ въ 1819 г. Къ сожалѣнію, отсутствіе вѣдомостей за августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1818 г. и за январь, мартъ 1819 года не даютъ намъ возможности представить себѣ полную картину Гоголев-

скаго ученія въ 1818—19 учебномъ году, но и наличныя вѣдомости даютъ цѣнный и интересный матеріалъ.

Въ февралѣ 1819 г. [1]) Николай Яновскій аттестуется по способностямъ—*посредственъ*, по прилежанію—*средственъ*, по поведенію—*благонравенъ;* совершенно также аттестуется за этотъ мѣсяцъ и его младшій братъ Иванъ.

Въ маѣ [2]) по способностямъ Николай Яновскій признается *средственъ*, по прилежанію *лѣнивъ*, по поведенію *благонравенъ;* такова же совершенно аттестація его брата.

По мѣрѣ приближенія къ лѣту, какъ видимъ, аттестація мальчика ухудшается и въ іюнѣ [3]) дается ему уже такая характеристика: способности—*тупъ;* прилежаніе—*слабъ;* поведеніе—*рѣзвъ;* при оцѣнкѣ Ивана Яновскаго лишь поведеніе встрѣчаетъ помѣтку *тихъ*, тогда какъ способности и прилежаніе расцѣниваются такъ же, какъ и у брата.

Что касается полугодичныхъ вѣдомостей о состояніи высшаго отдѣленія I класса, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ путаницей. Въ самомъ дѣлѣ, на *лл.* 140—144 и 150—4 мы имѣемъ вѣдомости за 2-ю половину 1819 г. объ успѣхахъ учениковъ высшаго отдѣленія I класса, а на *лл.* 164—168 вѣдомость объ успѣхахъ тѣхъ же учениковъ за первую половину того же года. Сличивши эти вѣдомости между собою, мы видимъ, что въ первыхъ двухъ (л. 140—4, 150—4) фамиліи учениковъ однѣ и тѣ же [Яковъ Локощенко, 2) Андрей Вайда и т. д. 40) Николай Яновскій, 41) Иванъ Яновскій—всего 41 ученикъ], тогда какъ въ 3-й вѣдомости фамиліи (л. 164—8) встрѣчаются и иныя и ихъ гораздо больше, чѣмъ по первымъ двумъ вѣдомостямъ, а именно фамиліи 61 ученика; братьевъ Яновскихъ въ этой 3-й вѣдомости совсѣмъ не значится. Изъ сказаннаго мы прежде всего заключаемъ, что три перечисленныхъ вѣдомости не относятся всѣ три къ двумъ полугодіямъ одного и того же года и одного и того же класса; тогда какъ первая

---

1) л. 108.
2) л. 124.
3) л. 123.

(л. 140—4) и вторая (150—4) вѣдомости могутъ бы отнесены къ двумъ полугодіямъ одного и того же года, третья вѣдомость должна быть пріурочена къ учебному иному году. Обращая вниманіе на характеръ бумаги, письма и на начертаніе даты 1819-го года на л. 164 и сравнивая съ письмомъ, бумагой и датами того же года на 140 и 150 л.л., мы убѣждаемся, что все это не одинаково во всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ мѣстахъ и вполнѣ допустимо предположеніе, что мы имѣемъ дѣло на л.л. 164—8 съ вѣдомостью не 1818—19, а 1819—20 учебнаго года. Укрѣпляетъ насъ въ этомъ предположеніи и заставляетъ допустить, что 3-я вѣдомость относится не къ 1818—19, а къ позднѣйшему году то обстоятельство, что возрастъ учениковъ, фамиліи которыхъ встрѣчаются во всѣхъ трехъ вѣдомостяхъ, показанъ въ третьей вѣдомости на 1 годъ выше у цѣлаго ряда учениковъ, напр. Е. Коробка (л. 151—13 лѣтъ, л. 165—14 лѣтъ), Т. Левенецъ (12 лѣтъ—13 лѣтъ), Е. Кочуковъ (11 л.—12 л.), Цимбалистовъ Ег. (11 л.—12 л.), Цимбалистовъ Іос. (10 л.—11 л.) и т. д.; есть случаи указанія лѣтъ ученика въ 3-й вѣдомости на 2 года выше, чѣмъ въ первыхъ двухъ, напр. у Д. Сушицкаго (л. 151—12 лѣтъ, л. 165—14 лѣтъ), но обратнаго явленія, т. е. чтобы въ первыхъ двухъ вѣдомостяхъ годы учениковъ были показаны выше, чѣмъ въ третьей, мы не наблюдаемъ. Намъ представляется въ виду всего сказаннаго возможнымъ признать 3-ю вѣдомость изъ перечисленныхъ вѣдомостью объ ученикахъ высшаго отдѣленія I класса не за 1818—19, а за слѣдующій 1819—20 уч. годъ; въ пользу этого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что ученики, фамиліи которыхъ имѣются во всѣхъ трехъ вѣдомостяхъ, напр. А. Порохова, Е. Коробки, Т. Левенца, Д. Сушицкаго, братьевъ Волковыхъ, братьевъ Мокрицкихъ, братьевъ Мельниковыхъ и т. д., и т. д., не значатся на л. 138 въ числѣ переведенныхъ въ 1819 г. изъ 1-го класса во 2-й. Если считать всѣхъ этихъ Мельниковыхъ, Мокрицкихъ, Волковыхъ и т. д. оставшимися на повторительный курсъ въ высшемъ отдѣленіи I класса, а рядъ учениковъ съ новыми по сравненію съ двумя первыми вѣдомостями фамиліями признать вновь поступившими, напр. В. Давидовича, Анд. Лубенскаго, Вас. Дьяченко, Гр. Петраша и т. д., то наше пріуроченіе третьей вѣдомости къ 1819—20 уч. году вмѣсто

1818—19 врядъ ли вызоветъ противъ себя возраженія [1]). Въ такомъ же случаѣ отсутствіе въ 3-й вѣдомости, пріурочиваемой нами къ 1819—20 уч. году, фамилій Н. Яновскаго и И. Яновскаго явится для насъ немаловажнымъ и понятнымъ; не попавшіе въ списокъ переведенныхъ въ 1818—19 уч. году изъ I-го класса во II-й (см. 138 л.) Николай и Иванъ Яновскіе, повидимому, были взяты въ 1819—20 уч. году изъ Полтавскаго повѣтоваго училища, пробывши въ немъ лишь съ августа 1818 года по іюнь 1819 года.

Что же была за школа, въ которой Гоголь началъ получать систематическое образованіе, кто были его учителя и чему они его учили за тотъ годъ, который, по оффиціальному документу, будущій писатель провелъ въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ?

Напрасно искали бы мы отвѣта на эти вопросы у біографовъ Гоголя: громадное большинство ихъ, какъ мы отмѣчали, совсѣмъ даже не отмѣчаетъ факта обученія Гоголя въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, а тѣ біографы, которые упоминаютъ объ этомъ, какъ напр. въ изд. Вольфа 1866 г., въ трудѣ Житецкаго 1909 г. и т. д., ограничиваются лишь констатированіемъ этого факта безъ всякихъ комментаріевъ.

Мало того, біографъ Гоголя въ изданіи Вольфа «Русскіе люди», являющійся первымъ, кому принадлежитъ честь установленія, что первою школою Гоголя были не Полтавская гимназія и не Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко, а Полтавское повѣтовое училище, допускаетъ, на нашъ взглядъ, неточность; онъ утверждаетъ, что Гоголь окончилъ курсъ Полтавскаго повѣтоваго училища и затѣмъ 2 года учился въ I классѣ Полтавской гимназіи. Данныхъ для утвержденія, что Гоголь окончилъ курсъ повѣтоваго училища, у насъ нѣтъ; извѣстно лишь, что онъ былъ въ 1818—1819 уч. году въ высшемъ отдѣленіи I класса

---

1) Въ пользу высказаннаго нами мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что помѣщенная на л. 168 «вѣдомость объ ученикахъ второго класса Полтавскаго повѣтоваго училища за первую половину 1819 года» содержитъ фамиліи всѣхъ учениковъ, переведенныхъ изъ высшаго отдѣленія I кл. во II классъ въ 1818—19 уч. году и фамиліи тѣхъ учениковъ II кл. 1818—19 уч. года, которые не значатся въ числѣ окончившихъ курсъ училища и удостоенныхъ аттестата (см. л. 188 об.).

этого училища и не попалъ въ списокъ переведенныхъ во II-й классъ учениковъ; если правильно наше предположеніе, что вѣдомость 3-я на л. 164 «Дѣла» содержитъ списокъ учениковъ высшаго отдѣленія I кл. повѣтоваго училища за 1820 г., то Гоголь не попалъ и въ число второгодичныхъ учениковъ того-же класса, а былъ взятъ изъ Полтавскаго повѣтоваго училища, не окончивши его. Въ такомъ случаѣ неправильно утвержденіе біографа, что Гоголь поступилъ въ Полтавскую гимназію *по окончаній* повѣтоваго училища.

Если же допустить, что будутъ найдены вѣдомости Полтавскаго повѣтоваго училища за 1820 г. и окажется, что наше предположеніе о выходѣ Гоголя изъ Полтавскаго повѣтоваго училища неправильно и что Гоголь въ 1819—1820 учебномъ году продолжалъ ученіе въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, то не будетъ выдерживать критики утвержденіе того же біографа, что Гоголь *2 года* учился въ Полтавской гимназіи *по окончаніи* повѣтоваго училища: вѣдь извѣстно по оффиціальнымъ документамъ, что 1 мая 1821 года Гоголь былъ уже въ числѣ учениковъ Нѣжинской гимназіи кн. Безбородко.

Неудовлетворительными представляются намъ и тѣ немногія замѣчанія о Полтавскомъ періодѣ Гоголевской жизни, которыя дѣлаетъ второй извѣстный намъ изъ біографовъ Гоголя, знающихъ объ его обученіи въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, г. Житецкій. Все время пребыванія Гоголя въ Полтавѣ г. Житецкій опредѣляетъ словами «около года». Не говоря о неопредѣленности подобной хронологической даты, оставляющей открытымъ вопросъ даже о томъ, разумѣется ли здѣсь промежутокъ времени болѣе года или менѣе года, мы, сопоставляя утвержденіе самого г. Житецкаго, что лишь къ лѣту 1820 г. Гоголь покинулъ Полтаву и свидѣтельство нашего оффиціальнаго документа о поступленіи Гоголя въ Полтавское повѣтовое училище 3 авг. 1818 г., должны придти къ заключенію, что болѣе $1^1/_2$ лѣтъ, а не около года Гоголь учился въ Полтавѣ. Невѣрнымъ затѣмъ является наименованіе г. Житецкимъ Полтавскаго повѣтоваго училища 4-классным, тогда какъ оно имѣло лишь 2 класса, изъ которыхъ I-й имѣлъ два, а II-й одно отдѣленіе.

Въ «вѣдомость о состояніи Полтавскаго повѣтоваго училища находящагося Малороссійской Полтавской губерніи въ городѣ Полтавѣ за учеб-

ный годъ съ 1 августа 1818 г. по 1 іюля 1819 года», мы находимъ въ § 2 слѣдующее [1]): «Полтавское училище состоитъ изъ 2 классовъ и низшаго отдѣленія 1-го класса».

Изъ прошлаго той школы, въ которой Гоголь впервые сталъ получать образованіе, извѣстно, что она была «преобразована въ повѣтовое училище 2 февраля 1818 года Его Сіятельствомъ Господиномъ Попечителемъ Императорскаго Харьковскаго Университета графомъ Северниномъ Осиповичемъ Потоцкимъ». Ко времени поступленія Гоголя въ эту школу во главѣ Харьковскаго университета и округа стоитъ извѣстный біографамъ Нѣжинскаго періода Гоголевской жизни З. Карнѣевъ; религіозно-мистическое настроеніе имп. Александра I (въ послѣдніе годы его царствованія) и министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн. Голицына вызывало стремленіе со стороны окружного попечителя и подвѣдомственныхъ послѣднему лицъ Харьковскаго округа насаждать въ сердцахъ учащагося юношества сѣмена религіозности, выдвигая на первый планъ въ ученіи Законъ Божій; рядъ распоряженій какъ министра Голицына, такъ попечителя Карнѣева и наконецъ директора училищъ Полтавской губерніи Ив. Дим. Огнева клонится, какъ видимъ изъ «дѣлъ» 1819 г. Полтавскаго повѣтоваго училища, къ вышеуказанной цѣли сообщенія всему дѣлу воспитанія и образованія юношества религіознаго направленія по преимуществу [2]). Въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, въ которое поступилъ Гоголь, предписанія начальства въ указанномъ направленіи выполнялись въ точности, какъ видно изъ протоколовъ и дѣлъ училища. Не даромъ въ апрѣльскомъ протоколѣ 1819 года [3]) мы читаемъ, что на немъ «читано было предписаціе Его Превосходительства Господина Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа и разныхъ орденовъ кавалера Захара Яковлевича Карнѣева, данное Императорскому Харьковскому Университету Генваря 25 дня 1819 годъ № 59: о прилѣжнѣйшемъ наблюденіи, дабы всѣ науки преподаваемыя въ учебныхъ заведеніяхъ имѣли основаніемъ животворящее Слово Божіе, содержащееся

---

1) л. 148.
2) л. л. 34, 40, 49, 50, 63, 66, 67, 75.
3) л. 198.

въ Священномъ писаніи, то есть въ книгахъ ветхаго и новаго завѣта; и учащіе при наставленіи юношества никогда не упускали бы изъ виду поселять въ сердцѣ учащагося живую вѣру къ слову Божію и послѣдованію Христову образу жизни воврема хожденія его на землѣ, наблюденіемъ благочестія, первыхъ познаній Закона Божія, Христіанскаго благоговѣнія въ храмахъ Божіихъ и сохраненія строгой нравственности». «По сему», читаемъ мы далѣе въ протоколѣ, «опредѣлено: исполнять въ точности предписаніе Его Превосходительства называющее души и сердца юношества».

При указанномъ основномъ характерѣ и направленіи всего дѣла обученія въ разсматриваемое нами время отъ университета до приходскаго училища, мы узнаемъ изъ оффиціальнаго документа Полтавскаго повѣтоваго училища, что въ немъ «ученіе преподается на основаніи устава учебныхъ заведеній» [1]). Точно опредѣленнымъ является «росписаніе учебныхъ предметовъ для Гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, утвержденное Главнымъ Правленіемъ училищъ» [2]). Согласно этому росписанію въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ являются включенными въ програму слѣдующіе предметы: пространный катехизисъ и изъясненіе Евангелій; чтенія изъ Священнаго писанія; Россійская грамматика; латинское и нѣмецкое чтеніе и письмо для приготовляющихъ себя въ гимназію; чистописаніе, правописаніе; правила слога по книгѣ, приспособленной къ практическимъ упражненіямъ, наиболѣе употребительнымъ въ общежитіи, каковыя суть письма и проч.; краткая всеобщая географія совокупно съ начальными основаніями Математической географіи и съ описаніемъ Россійскаго Государства; краткая всеобщая исторія съ употребленіемъ хронологическихъ таблицъ; краткая Россійская исторія; ариѳметика; начальныя правила геометріи; первыя начала физики; рисованіе». Въ училище принимались всѣхъ сословій мальчики и дѣвочки, при чемъ въ 1818—19 уч. году мальчиковъ было 135, а дѣвочекъ 6.

По сословіямъ дворянъ было 33 мал. и 2 дѣв., оберъ-офиц. дѣтей 68 м. и 3 д., духовнаго зв. 7 м. и 4 д., купцовъ—3 м., мѣщанъ—7 м.,

1) л. 148.
2) л. 66.

солд.—2 м.; учились и крестьянскія дѣти, а именно каз. поселянъ 5 м. и помѣщичьихъ — 10 м. Итакъ, въ первой школѣ, гдѣ учился Гоголь, обучались дѣти всѣхъ сословій и обоего пола. Характернымъ однако для обрисовки направленія въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ разсматриваемой школы является циркуляръ Министерства отъ 5 іюня 1819 г. [1]) 1) о замѣнѣ «употребляемой нынѣ въ уѣздныхъ училищахъ книги о должностяхъ человѣка и гражданина» чтеніями изъ Священнаго писанія, «каковыя нынѣ по Высочайшему повелѣнію издаются большими таблицами для училища по методѣ взаимнаго обученія» и 2) объ исключеніи изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ по Уставу въ уѣздныхъ училищахъ, «по излишеству», начальныхъ правилъ естественной исторіи и начальныхъ правилъ технологіи.

Изученіе документовъ Полтавскаго повѣтоваго училища въ годъ обученія въ немъ Гоголя приводитъ насъ къ выводу, что какъ начальство, такъ и педагогическій персоналъ училища были точными исполнителями предписаній своихъ начальствующихъ лицъ, были добросовѣстными и аккуратными службистами; ревизовавшій въ апрѣлѣ Кіевскую губернію, въ томъ числѣ и Полтавское повѣтовое училище орд. профессоръ Харьковскаго университета Гавр. Петр. Успенскій [2]) нашелъ въ этомъ училищѣ «совершенный порядокъ», и по его донесенію училищный комитетъ Харьковскаго университета изъявилъ черезъ директора училищъ Огнева смотрителю училища Зозулину и учителю Фатѣеву «признательность за устройство по училищу и усердное прохожденіе должности» [3]). Духа инииціативы, серьезныхъ педагогическихъ интересовъ у педагогическаго персонала училища мы не наблюдаемъ: въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта либо трактуются вопросы дисциплинарнаго свойства (протоколъ педагог. собранія за августъ 1818) [4]), либо читаются тѣ или иныя главы «Устава» о народныхъ училищахъ (протоколы за декабрь 1818 и февраль 1819 г.) [5]) и предписанія начальства (протоколъ

1) л. 64.
2) л. 43.
3) л. 81.
4) л. 196.
5) л. 197

за апрѣль 1819 г.)[1]); порой же встрѣчаются въ протоколахъ и такія мѣста, которыя свидѣтельствуютъ, что педагоги по обязанности собирались на ежемѣсячныя «педагогическія собранія», но расходились «по неимѣнію предмета (sic!) для разсужденія» (протоколы за январь 1819 г., за мартъ 1819 г.[2]). Лишь въ немногихъ протоколахъ находимъ мы слѣды заботъ учителей о повышеніи успѣшности учениковъ (протоколъ за октябрь 1818 г.), хотя врядъ ли цѣлесообразной въ педагогическомъ отношеніи мѣрой являлось принятое педагогическимъ собраніемъ училища рѣшеніе поднимать успѣшность слабыхъ учениковъ путемъ усиленнаго задаванія имъ особыхъ уроковъ[3]).

Врядъ ли могли содѣйствовать престижу первой Гоголевской «alma mater» и такія мѣропріятія начальства, какъ переводъ учениковъ гимназіи въ повѣтовое училище въ видѣ наказанія. Характерный въ этомъ отношеніи документъ имѣется въ дѣлахъ училища отъ 30 мая 1819 г.[4]), слѣдовательно во время пребыванія въ немъ Гоголя. «Симъ предписывается Вашему Благородію, писалъ директоръ училищъ Огневъ смотрителю Зозулину, принять въ число учениковъ II класса подвѣдомаго вамъ училища переведеннаго мною изъ I класса Гимназіи *въ наказаніе за шалость*[5]) ученика Григорія Саницкаго и поручить учителямъ, дабы они имѣли за поведеніемъ его неослабное смотрѣніе. Онъ долженъ наряду съ прочими учениками выдержать и испытаніе въ предметахъ къ тому классу относящихся при наступающемъ годовомъ экзаменѣ; заслужить притомъ вновь рекомендацію о своемъ поведеніи, чтобы *быть удостоеннымъ опять къ переводу* въ Гимназію; знать на память правила для учащихся».

Являясь какъ бы мѣстомъ ссылки для провинившихся гимназистовъ, Полтавское повѣтовое училище стояло однако, повидимому, выше другихъ провинціальныхъ повѣтовыхъ училищъ, разъ бывали случаи опредѣленія въ него юношей для усовершенствованія «въ латинскомъ и нѣ-

1) л. 199.
2) л. 198.
3) л. 196.
4) л. 52.
5) курсивъ нашъ.

мецкомъ языкахъ и другихъ наукахъ» по окончаніи курса въ другомъ повѣтовомъ училищѣ; такъ 9 апр. 1819 г. [1]) съ указанною цѣлью дворянинъ Кобелякскаго повѣта Д. Ф. Колодяжный проситъ принять во 2-й классъ Полтавскаго повѣтоваго училища его сына Семена, окончившаго курсъ Кобелякскаго повѣтоваго училища и получившаго хорошій аттестатъ [2]) по всѣмъ предметамъ, не исключая и «начатковъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ», по которымъ именно «по экзамену для опредѣленія въ Полтавскую губернскую гимназію оказался неспособнымъ».

Во главѣ школы, въ которой учился Гоголь, стоялъ смотритель титулярный совѣтникъ Иванъ Никитичъ Зозулинъ; происходя изъ купцовъ Черниговской губерніи, онъ, по полученіи аттестата отъ главнаго народнаго Черниговскаго училища и считаясь, какъ видно изъ его послужного списка [3]), спеціалистомъ по математическимъ и историческимъ наукамъ, поступилъ 15 окт. 1799 г. въ Полтавское главное народное училище учителемъ «по физико-математическимъ частямъ», а съ 29 іюня 1807 года былъ «Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ опредѣленъ смотрителемъ Полтавскаго повѣтоваго училища».

Тщательный въ веденіи училищныхъ дѣлъ, одобряемый за свою исправность начальствомъ, Зозулинъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ ежемѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи учениковъ «многократно» посѣщалъ классы, неукоснительно предсѣдательствовалъ на ежемѣсячныхъ педагогическихъ собраніяхъ и вообще являлъ собою, насколько можно судить по сухимъ даннымъ оффиціальныхъ документовъ, типъ того исполнительнаго, аккуратнаго и забитаго смотрителя училищъ, который такъ знакомъ намъ по одному изъ героевъ «Ревизора», смотрителю училищъ Л. Л. Хлопову.

Законоучителемъ Гоголя былъ протоіерей Георгій Слюсинскій, окончившій курсъ Переяславльской семинаріи; въ вѣдомости за іюнь мѣсяцъ [4]) онъ знакомитъ насъ съ тѣмъ, что по его предмету было пройдено въ классѣ, въ которомъ учился Гоголь, а именно: «изъ катихизиса прой-

---

1) л. 61.
2) л. 62.
3) л. 178.
4) л. 132.

дено до 8-й заповѣди и изъ исторіи пройдена исторія церкви ветхаго завѣта и изъ новаго до 14 параграфа». Несмотря на то, что министерскими и попечительскими циркулярами усиленно выдвигалось значеніе Закона Божія [1]), предписывалось, «дабы всѣ науки имѣли основаніемъ священное писаніе и вообще христіанское ученіе» и указывалось, что при ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ первымъ экзаменомъ долженъ быть экзаменъ по Закону Божію [2]) и т. д., протоіерей Слютинскій, какъ видно изъ дѣлъ училища, не стремился играть роль въ училищѣ и оказывать свое давленіе на своихъ сотоварищей и учениковъ. Надо полагать, что, какъ это обыкновенно наблюдалось и раньше, да наблюдается нерѣдко и теперь, законоучитель училища, обремененный своими прямыми священническими обязанностями, не могъ удѣлять училищу много времени, и ни на одномъ напр. засѣданіи педагогическаго совѣщанія училища мы не находимъ его фамиліи въ числѣ присутствовавшихъ.

Помимо смотрителя Зозулина и законоучителя Слютинскаго, преподавателями училища въ 1818/19 г. состояли Ѳед. Ил. Фатѣевъ, Анаст. Анаст. Савинскій и Влад. Дав. Рыковъ, при чемъ послѣдній преподавалъ лишь въ низшемъ отдѣленіи I класса; въ классѣ же, гдѣ учился Гоголь, преподавали лишь два первыхъ учителя. Преподаватели Фатѣевъ и Савинскій происходили изъ дворянъ Полтавской губерніи, окончили оба «курсъ наукъ математическихъ и историческихъ», при чемъ Фатѣевъ имѣлъ аттестатъ отъ Харьковскаго университета, а Савинскій отъ Петербургскаго Педагогическаго Института [3]). Учитель Фатѣевъ, получившій, какъ мы отмѣчали, благодарность въ 1819 году отъ ревизовавшаго Полтавское повѣтовое училище Харьковскаго профессора, преподалъ въ Гоголевскомъ классѣ, какъ видно изъ вѣдомостей [4]), всю первую часть ариѳметики, которая къ тому же была повторена, и изъ второй части дѣйствія съ дробями до десятичныхъ дробей.

Для умственнаго и нравственнаго развитія учащихся до введенія въ курсъ училища чтеній изъ священнаго писанія учитель Савинскій про-

---

1) л. 40.
2) л. 84.
3) л. 179.
4) л. 107, 119, 123, 132.

ходилъ книгу «о должностяхъ человѣка и гражданина», изученіе которой, какъ видно изъ послѣдней іюньской вѣдомости 1818—19 г., было доведено до статьи 2-й [1]); тотъ же учитель преподавалъ Россійскую грамматику, которая была пройдена вся; подъ его же руководствомъ ученики занимались разборами грамматическими и «чтеніемъ и письмомъ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ», при чемъ, какъ видно изъ іюньской вѣдомости, къ концу года къ чтеніямъ по латинскому языку было добавлено изученіе латинскихъ молитвъ и заповѣдей. Таковъ былъ объемъ изученнаго Гоголемъ въ училищѣ. Что касается учебныхъ руководствъ, употреблявшихся въ училищѣ, то въ § 4 отчета за 1818—19 уч. годъ, мы находимъ указаніе [2]): руководства учениками употребляются изданныя отъ Главнаго правленія училищъ, учителями для объясненія тѣже».

Помимо учебниковъ пріобрѣтались въ училищную библіотеку и другія книги, число которыхъ въ отчетѣ за 1818—19 уч. годъ показано 55; въ число пріобрѣтенныхъ для чтенія педагогическаго персонала изданій, опредѣляющихъ до извѣстной степени кругъ интересовъ Гоголевскихъ учителей въ Полтавѣ, мы находимъ: «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ» (10 р. 50 к. отъ 7 марта 1819 г. [3]), «Харьковскія Университетскія Извѣстія» (съ 1820 г., отношеніе 3 іюня 1818 г. [4]), «Труды студентовъ любителей отечественной словесности» (5 р. 55 к. 16 дек. 1819 [5]), «Опыты въ стихахъ, соч. кандидата Склабовскаго» (4 р. 45 к. 16 дек. 1819 г.) [6]), «Московскія Вѣдомости» (25 р. 48 к. январь 1819 г.) [7]), «Украинскій Вѣстникъ» (18 р. 9 к.—декабрь 1819) [8]) и др.

Что касается товарищей Гоголя по высшему отдѣленію I класса Полтавскаго повѣтоваго училища, то число ихъ за всѣ мѣсяцы 1818—19 г., вѣдомости о которыхъ имѣются, было устойчиво, 46, а именно:

---

1) л. 182.
2) л. 141.
3) л. 89.
4) л. 58.
5) л. 104.
6) л. 104.
7) л. 174.
8) л. 188.

1) Кошевой Гавр. Мих. (11 л., отецъ—корнетъ, учится съ 1818 г.).
2) Зборовскій Мих. Ив. (11 л., тит. сов., 1817).
3) Корецкій Петр. Ив. (12 л., колл. секр., 1818).
4) Ольденбургеръ Кир. Іак. (13 л., купецъ, 1818).
5) Бѣлавинъ Як. Петр. (11 л., колл. секр., 1818).
6) Гилюкинниковъ Ант. Марк. (10 л., губ. рег., 1818).
7) Миренъ Фед. Андр. (10 л., колл. асс., 1818).
8) Лысенко Анд. Петр. (13 л., маіоръ, 1818).
9) Вельсовскій Ник. Ив. (11 л., полковн., 1818).
10) Вайда Андр. Як. (12 л., штабъ-ротм., 1816).
11) Блиновъ А-ръ Ал. (12 л., подпоруч., 1816).
12) Поповъ Андр. Никол. (10 л., капит., 1817).
13) Трощинскій Ант. Евст. (10 л., двор., 1817).
14) Салпиковскій Петръ Вл. (13 л., маіоръ, 1817).
15) Старицкій Петръ Ив. (11 л., капит., 1818).
16) Пащенко А-ръ Ив. (12 л., подпор., 1818).
17) Мафиловъ Ник. Ив. (9 л., поруч., 1818).
18) Сосновскій Сем. Іос. (12 л., двор., 1818).
19) Локощинко Як. Як. (12 л., купеч., съ 1816).
20) Давидовичъ Викт. (14 л., прапор., съ 1816).
21) Пороховъ Анд. Як. (12 л., поруч., съ 1816).
22) Коробка Еф. Кар. (13 л., тит. сов., съ 1816).
23) Левенецъ Титъ Гр. (12 л., губ. секр., 1816).
24) Жертовскій Андр. (12 л., тит. сов., 1816).
25) Сушицкій Дим. М. (12 л., губ. секр., 1817).
26) Кардашевскій Ник. (10 л., капит., 1817).
27) Хилецкій А-ръ Гр. (11 л., протоіер., 1818).
28) Тригубенко Вл. Фед. (12 л., крест., 1818).
29) Дротаевскій Петръ (13 л., маіоръ, 1818).
30) Бровковъ Ив. Петр. (11 л., надв. сов., 1818).
31) Шишковъ А-ръ Фед. (10 л., стат. сов., 1818).
32) Мельниковъ А-ръ Дан. (14 л., маіоръ, 1818).
33) Мельниковъ В-ръ Дан. (11 л., маіоръ, 1818).
34) Цимбалистовъ Ег. Вас. (11 л., поруч., 1818).

35) Цимбалистовъ Іос. Вас. (10 л., поруч., 1818).
36) Волковъ А-ръ Емел. (12 л., капит., 1818).
37) Кочуковъ Ев. Ром. (12 л., майоръ, 1818).
38) Жуковскій Левъ Ив. (11 л., поруч., 1818).
39) Волковъ Алексѣй Ем. (9 л., кап., 1818).
40) Каменскій Петръ Фед. (12 л., кол. асс., 1818).
41) Носовъ Матв. (15 л., поруч., 1818).
42) Мокрицкій Мих. Н. (11 л., тит. сов., 1818).
43) Мокрицкій Ал. Н. (10 л., тит. сов., 1818).
44) Жуковскій Викт. Ив. (10 л., поруч., 1818).
45) Яновскій Ник. Вас. (9 л., майоръ, 1818).
46) Яновскій Ив. Вас. (8 л., майоръ, 1818).

Въ полугодичныя вѣдомости изъ 46 учениковъ включены лишь 41 (не включены Давидовичъ, Кардашевскій, Дротаевскій, Жертовскій и Носовъ). Первыхъ 9 учениковъ по списку поименованы въ числѣ тѣхъ, «которые за отличные успѣхи въ наукахъ и примѣрное доброе поведеніе награждаются книгами» [1]; первые 18 учениковъ по списку включены въ число «отличившихъ себя прилѣжаніемъ (sic!) и добрымъ поведеніемъ и удостоенныхъ по предварительномъ испытаніи къ переводу изъ 1-го класса во 2-й классъ» [2]. Всѣ же ученики съ № 19—46, въ томъ числѣ и *оба Гоголя, въ число переведенныхъ въ высшій классъ не попали*. Процентъ успѣвающихъ, какъ видимъ былъ невысокій!

Среди старшихъ товарищей Гоголя по Полтавскому повѣтовому училищу мы встрѣчаемъ Герасима Ив. Высоцкаго, съ которымъ, какъ извѣстно, Гоголь сдружился въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ и по окончаніи Высоцкимъ въ 1826 году [3]) Нѣжинской гимназіи переписывался съ нимъ [4]); въ бытность свою ученикомъ повѣтоваго училища Высоцкій въ противоположность Гоголю аттестовался хорошо, напр.

1) л. 139.
2) л. 138.
3) Лицей кн. Безбородко, изд. гр. Г. А. Кушелевъ Безбородко, СПб. 1889, 147.
4) Письма Гоголя, изд. В. И. Шенрокъ, т. I, 54, 60, 74.

«очень хорошъ» (способн.), прилеженъ (прилеж.), тихъ (поведеніе) [1]), и послѣ экзаменаціонныхъ испытаній 30 іюня 1819 былъ выпущенъ изъ училища съ аттестатомъ [2]).

Гоголь же, какъ мы отмѣчали, не только не удостаивался въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ одобрительныхъ отзывовъ о своихъ способностяхъ и прилежаніи, но, повидимому, не отличался исправностью и при посѣщеніи училища; такъ, въ апрѣльской вѣдомости у него показано 18 пропущенныхъ уроковъ (у его брата Ивана—25) [3]), въ вѣдомости за 2-е полугодіе 1819 отмѣчено, что онъ 4 раза не былъ въ классѣ и 11 разъ поздно приходилъ (Иванъ Гоголь не былъ 13 разъ, опаздывалъ же 2 раза) [4]).

Если стало ходячимъ мнѣніе, что Гоголь не былъ узнанъ Нѣжинской школой, то въ еще большей степени примѣнимо это къ Полтавской первой его школѣ, т. е. повѣтовому училищу.

Помимо весьма цѣннаго и до сихъ поръ не использованнаго Гоголевскими біографами документа, только что нами разсмотрѣннаго, источниками для обрисовки Полтавскаго періода жизни Гоголя являются 3 его письма изъ Полтавы. У Кулиша, какъ извѣстно, къ Полтавскому періоду отнесено и письмо Гоголя къ родителямъ, помѣченное у Шенрока № IX и отнесенное къ 1821 г. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ возможности по правописанію, транскрипціи, бумагѣ подлинника и т. д. провѣрить мнѣнія Кулиша и Шенрока, однако мы склоняемся къ мнѣнію Шенрока, полагая, что слова спорнаго письма объ «Иванѣ Семеновичѣ» относятся къ директору Орлаю [5]).

Изъ 3 писемъ Гоголя, помѣченныхъ и у Кулиша, и у Шенрока «Изъ

---

1) май 1819 г., л. 127; іюнь 1819, л. 135.

2) л. 138 об.

3) л. 120.

4) л. 152.

5) Ср. Шенрокъ, Письма Гоголя, I, 12. Въ своей статьѣ «Опытъ обзора матеріаловъ для біографіи Гоголя въ юношескую пору», помѣщенной въ «Изв. отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ 1902, кн. II, 32—78 я оставлялъ открытымъ этотъ спорный у Кулиша и Шенрока вопросъ (стр. 44, прим. 1-ое). Замѣчанія покойнаго В. И. Шенрока по этому поводу (см. тамъ же, стр. 77) заставляютъ меня присоединиться въ настоящее время къ его мнѣнію.

Полтавы 1820», наименованіе Полтавы въ текстѣ письма упоминается лишь въ первомъ письмѣ Гоголя къ родителямъ, гдѣ онъ говоритъ: «если вы будете въ Полтаву сами, то я увѣренъ, что все устроите для моей пользы». Въ письмѣ къ бабушкѣ и во второмъ письмѣ къ родителямъ такихъ прямыхъ [1]) указаній на мѣсто написанія нѣтъ.

Косвеннымъ указаніемъ на Полтавское происхожденіе письма Гоголя къ бабушкѣ являются слова: «Обрадуйте папеньку и маменьку, что я успѣлъ въ наукахъ,—то, что въ первомъ классѣ гимназіи—и учитель мною доволенъ» [2]). Ясно, что къ Нѣжинскому періоду эти слова относиться не могутъ, такъ какъ въ этотъ періодъ не могла идти рѣчь объ учителѣ, а шла бы объ учителяхъ, да къ тому же въ Нѣжинской гимназіи но экзамену 21—28 іюня 1821 г. Гоголь сразу принятъ во 2-й классъ [3]), а въ разсматриваемомъ письмѣ лишь идетъ рѣчь о прохожденіи курса I класса гимназіи. Косвеннымъ образомъ устанавливается болѣе или менѣе опредѣленно и хронологическая дата этого письма Гоголя къ бабушкѣ: оно не можетъ быть отнесено ни къ году пребыванія Гоголя въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, гдѣ учили его, какъ мы знаемъ, *учителя*— прот. Слютинскій, уч. Фатѣевъ и уч. Савинскій, а не одинъ *учитель*, ни къ году Нѣжинскаго періода, т. е. ни къ 1818—19 уч. году, ни къ 1821 г., а потому вполнѣ пріемлема дата Кулиша и Шенрока 1820 г., равно какъ возможна дата и второй половины 1819 года. Третье изъ Полтавскихъ писемъ Гоголя содержитъ въ себѣ рядъ собственныхъ именъ, которыя Шенрокъ раскрываетъ, какъ имена Полтавскихъ знакомыхъ Гоголя [4]); интересна для насъ и фраза: «ученіе въ гимназіи начнется черезъ недѣлю, а до того времени я слегка занимаюсь повтореніемъ» [5]); изъ послѣдней фразы видно, что Гоголь либо готовится къ поступленію въ гимназію, либо уже поступилъ въ нее и ждетъ лишь

---

1) Даты и у Кулиша, и у Шенрока поставлены въ скобкахъ, и будь онѣ въ подлинникѣ не могло бы возникнуть разногласія у Кулиша и Шенрока о датѣ письма № IX (см. Письма Гоголя, Шенрока, стр. V).

2) Письма Гоголя, Шенрока, I, 8.

3) Н. А. Лавровскій, Гимназія в. наукъ, Нѣж. 1879, 52 стр. Кирпичниковъ, Опытъ хронол. канвы, стр. IV.

4) Ср. о Тишевскомъ, стр. 8, 52 I т. «Письма Гоголя», ред. Шенрока.

5) Письма Гоголя, ред. Шенрока, стр. 8.

начала занятій, слѣд. это письмо относится по времени не раньше 1818—19 уч. года и не позже 1821 г.

Признавая всѣ 3 письма Гоголя, помѣченныя у Шенрока №№ 1, 2 и 3, Полтавскими, мы въ интересахъ освѣщенія на основаніи ихъ Полтавскаго періода Гоголевской жизни должны помимо отмѣченныхъ уже въ нихъ мѣстъ, касающихся Гоголевскаго ученія, подчеркнуть слѣдующее мѣсто его перваго письма: «Вакаціи быстро приближаются; я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться вакаціями, чтобы поспѣть съ честію во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ» [1]).

Рѣчь идетъ во всѣхъ 3 письмахъ о гимназіи: ясно, что Гоголь стремится во 2-й классъ ея, что проходитъ курсъ I класса, что у него есть учитель, который имъ доволенъ, но что для него нуженъ еще математикъ; о повѣтовомъ училищѣ—ни слова.

Допускаемъ, что не перейдя въ 1818—19 уч. году изъ I кл. повѣтоваго училища во II-й, Гоголь въ 1819—20 учебномъ году взятъ изъ него и либо опредѣленъ въ I классъ Полтавской гимназіи и учится въ немъ, имѣя кромѣ того у себя на дому учителя-репетитора, либо готовится на дому у учителя къ поступленію во 2-й классъ гимназіи, проходя курсъ I класса. Вообще же приходится признать, что сохранившіяся Гоголевскія письма Полтавскаго періода ничего намъ не даютъ для освѣщенія пребыванія его въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ. Ни въ одномъ изъ Полтавскихъ писемъ, какъ мы видимъ, нѣтъ упоминаній о Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ. Зато отголоски Гоголевскихъ воспоминаній о повѣтовомъ училищѣ можно усматривать въ извѣстномъ изображеніи имъ Гадячскаго повѣтоваго училища, въ которомъ учится герой его повѣсти «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька» [2]). Подобно тому, какъ въ «Мертвыхъ Душахъ» мы находимъ отзвуки Гоголевскихъ Нѣжинскихъ школьныхъ воспоминаній, такъ и въ упомянутой повѣсти изображеніе учителей въ родѣ Никифора Тимоѳеевича Дѣепричастіе съ ихъ примитивными педагогическими пріемами, а равно всего школь-

1) Письма Гоголя, ред. Шенрока, стр. 7.

2) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10-ое. Москва 1889, т. I, стр. 187—188.

наго строя съ его аудиторами, подкупами, розгами и т. д. настолько живы и ярки, что нельзя не видѣть въ нихъ отзвуковъ непосредственныхъ впечатлѣній и переживаній; тѣмъ болѣе это наше предположеніе кажется имѣющимъ основаніе, что неизвѣстныя до сихъ поръ біографамъ Гоголя или по крайней мѣрѣ не использованныя ими «Дѣла Полтавскаго повѣтоваго училища» рисуютъ намъ и самого Гоголя въ обстановкѣ повѣтоваго провинціальнаго училища той же эпохи и того же строя, что и изображаемыя имъ въ повѣсти «Ив. Ѳед. Шпонька». Особенно интересно для вывода о непосредственности Гоголевскихъ впечатлѣній при обрисовкѣ повѣтоваго училища слѣдующее мѣсто повѣсти [1]): «Было уже ему (Шпонькѣ) безъ малаго 15 лѣтъ, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби». Просматривая программы 2 класса Полтавскаго повѣтоваго училища въ пору обученія въ немъ Гоголя, мы находимъ и указываемое писателемъ различіе проходимаго въ 1 и во 2 классахъ матеріала, и наличность въ училищѣ такихъ великовозрастныхъ учениковъ, какъ изображаемый писателемъ, и наконецъ, что особенно важно, какъ разъ въ годъ обученія Гоголя въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ произошла замѣна книги о должностяхъ человѣка чтеніями изъ Священнаго писанія; слѣдовательно, Гадячское повѣтовое училище въ повѣсти «И. Ѳ. Шпонька» изображалось Гоголемъ не по изученіямъ и наблюденіямъ позднѣйшаго времени, когда программа и курсы училищъ измѣнились, а по воспоминаніямъ о годахъ своего ученія. Указанное обстоятельство сообщаетъ особую цѣну даннымъ объ обученіи Гоголя въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ не только для его біографіи, но и для его творчества.

Подводя итоги сказанному, мы приходимъ на основаніи вновь открытаго и разсмотрѣннаго нами документа къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Господствующія у біографовъ Гоголя мнѣнія, что онъ въ Полтавѣ либо готовился только къ поступленію въ школу, либо учился только въ гимназіи, должны быть отвергнуты и надлежитъ установить, что съ 3 авг. 1818 г. по 30 іюня 1819 г. Н. В. Гоголь (9 л.—10 л.) вмѣстѣ

1) Тамъ же, стр. 188.

съ своимъ братомъ Иваномъ (8 л.) обучались въ высшемъ отдѣленіи I класса Полтавскаго повѣтоваго училища;

2) по аттестаціи Полтавскаго повѣтоваго училища Гоголь стоялъ не высоко и не удостоился перевода въ слѣдующій классъ;

3) образованіе въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ давалось въ пору обученія въ немъ Гоголя лучшее, чѣмъ въ другихъ провинціальныхъ училищахъ, объемъ преподаваемаго былъ значителенъ; что же касается общаго духа преподаванія и направленія въ воспитаніи, то Гоголь засталъ въ первый годъ своего ученія какъ разъ переломъ въ духѣ послѣднихъ лѣтъ царствованія импер. Александра I;

4) эпоха пребыванія Гоголя въ первой въ его жизни школѣ нашла отраженіе въ его творчествѣ, не оставивши слѣдовъ въ его перепискѣ.

П. Заболотскій.

Нѣжинъ, іюнь 1911 г.

Болгарское лѣтосчисленіе.

Списокъ первыхъ болгарскихъ государей, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ «Именника», который покойный проф. А. Н. Поповъ открылъ между статьями «Еллинскаго и Римскаго лѣтописца» и обнародовалъ еще въ 1866 г.[1]), уже давно интересовалъ собою ученыхъ, какъ славистовъ такъ и оріенталистовъ; однако, всѣ попытки объяснить значеніе находящихся въ самомъ Именникѣ загадочныхъ выраженій, въ родѣ: «диломъ твиремъ, шегоръ вечемъ, дохсъ твиремъ, верени алемъ, дванштъ ахтемъ» и т. д., въ большинствѣ случаевъ оказались не совсѣмъ удовлетворительными, а потому и смыслъ этого интереснѣйшаго памятника болгарской древности оставался до сихъ поръ непонятнымъ. Но въ 1910 г. проф. Кэмбриджскаго университета г. J. B. Bury въ ст. «Хронологическій циклъ болгаръ» (The Chronological Cycle of the Bulgarians)[2]) далъ новое объясненіе и толкованіе этихъ непонятныхъ словъ, которое, по нашему мнѣнію, можно считать вполнѣ удачнымъ въ виду его весьма удовлетворительнаго практическаго приложенія.

Указавъ на то, что упомянутыя выраженія въ Именникѣ не что иное, какъ числительныя имена, г. Bury, на основаніи разныхъ комбинацій только надъ тѣми данными, которыя даетъ самый памятникъ, пришелъ къ слѣдующимъ несомнѣнно вѣрнымъ заключеніямъ: 1) изъ двухъ

---

1) Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Москва, 1866, выпускъ 1, стр. 25—26.

2) Byzantinische Zeitschrift, XIX (1910), 1—2 (Doppel-) Heft, S. 127—144.

словъ, образующихъ одно число, первое представляетъ собою *единицы*, а второе, оканчивающееся на *емъ* (имъ) или *омъ*,—*десятки*; при этомъ первое показываетъ, сколько единицъ взято изъ того или другого десятка, а единицы эти слѣдующія: *верени*=1, *дванишъ* (дванъ)=2, *тохъ*=3, *соморъ*=4, *диломъ*=5, *дохсъ*=6, ?=7, *шегоръ*=8, *томъ*=9; 2) хронологическою системою болгаръ-основателей государства былъ циклъ изъ 60 лѣтъ, или изъ шести декадъ, а именно: *ехтемъ* (шехтемъ)=10, *алтомъ*=20, *твиремъ*=30, *вечемъ*=40, *алемъ*=50 и *тутомъ*=60; 3) болгары вели свое лѣтосчисленіе испоконъ вѣка по луннымъ годамъ, при чемъ до перехода къ югу отъ Дуная они не имѣли систематизированной хронологіи. Кромѣ того, несомнѣнно также вѣрно и то, что 1) славянскія числа, представляющія продолжительность царствованій отдѣльныхъ государей, не вездѣ точны; такъ, напр., для намѣстника Гостуна въ Именникѣ показано, что онъ правилъ 2 года, тогда какъ по болгарскимъ числамъ онъ правилъ не менѣе 12 лѣтъ, и 2) что записи нѣкоторыхъ государей перемѣшаны, именно: Телецъ предшествовалъ Винеху, что также доказывается болгарскими числами.

Принимая эти установленные г. Вигу пункты за вѣрные, мы, однако, значительно расходимся съ нимъ въ способѣ вычисленій хронологическихъ данныхъ, сообщаемыхъ намъ Именникомъ, а отсюда и въ общихъ результатахъ, полученныхъ изъ этихъ вычисленій. Не входя здѣсь въ подробный разборъ способа г. Вигу[1]), мы укажемъ только, въ чемъ, главнымъ образомъ, мы расходимся съ нимъ, а также сообщимъ и наши общіе результаты изслѣдованія Именника.

Прежде всего г. Вигу производитъ свои вычисленія при помощи арабскаго лѣтосчисленія отъ Гиджры, предполагая, что арабскій лунный годъ совпадаетъ съ болгарскимъ. «Мы знаемъ, пишетъ г. Вигу, изъ греческихъ хроникъ, что Исперихъ (Аспарухъ), переведшій свой народъ черезъ Дунай, жилъ въ седьмомъ столѣтіи. Его годъ былъ *верени алемъ* (=1 алемъ), и единственный годъ этого обозначенія, могущій быть принятымъ въ соображеніе, есть соотвѣтствующій отъ Гиджры 19=отъ

---

1) См. нашу статью «Имали ли са българитѣ свое лѣтостроение» въ «Списание на Българ. Академия на наукитѣ», I, 1 (1911), стр. 16—24.

Р. Х. 640 (2 января—20 декабря)». И въ самомъ дѣлѣ, 622+19=641 : 60 въ остаткѣ 41, т. е. какъ разъ *верени алемъ*, или 622+18 (солн. г.)=640 отъ Р. Х. Но возможно ли и правильно ли такое вычисленіе? Допустимъ на время, что оно вѣрно и правильно; тогда оно должно быть таковымъ, если при провѣркѣ и другимъ способомъ (конечно, въ границахъ, принятыхъ г. Вигу гипотезъ), получимъ тѣ же результаты.

Какъ и самъ г. Вигу признаетъ и почти доказалъ, болгары испоконъ вѣка вели свое лѣтосчисленіе по луннымъ годамъ, слѣдовательно, если полученный лѣтосчисленіемъ отъ Гиджры годъ *верени алемъ* (641) соотвѣтствуетъ солнечному году 640 отъ Р. Х., и, наоборотъ, если 640 солн. годъ переведемъ въ лунный отъ Р. Х., что легко намъ сдѣлать, зная точное отношеніе солнечнаго года къ лунному (0.79 : 1), то мы должны получить тотъ же результатъ. И такъ, 97 : 100 = 640 : X, откуда X=659.97 лунному году или, какъ обыкновенно округляютъ, =660, что получается и по общепринятому сокращенному способу для превращенія солнечныхъ годовъ въ лунные (т. е. 640+20 [интеркаляція]=660); но 660 лунный годъ не даетъ ожидаемаго *верени алемъ*, а только *тутомъ* лунный годъ, такъ какъ этимъ годомъ заканчивается извѣстный 60-лѣтній лунный циклъ, слѣдов. и 640 солн. годъ отъ Р. Х. не соотвѣтствуетъ болгарскому *верени алемъ* году. Тогда, въ чемъ же заключается погрѣшность? По нашему мнѣнію, погрѣшность можетъ заключаться или въ способѣ вычисленій, употребленномъ г. Вигу, или въ томъ, что онъ принялъ годъ *верени алемъ* за лунный, или же, наконецъ, въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ.

Посмотримъ, такъ ли это. Способъ вычисленія, выбранный г. Вигу, не можетъ быть принятъ главнымъ образомъ потому, что онъ противорѣчитъ принятымъ г.Вигу гипотезамъ; ибо, если допустить, что болгарскіе годы вычислены помощью лѣтосчисленія отъ Гиджры, то, во 1-хъ, нужно будетъ принять, что болгары до 622 г. отъ Р. Х. считали по солнечнымъ годамъ, что̀ будетъ противъ принятаго г. Вигу положенія, что болгары испоконъ вѣка вели свое лѣтосчисленіе по луннымъ годамъ, а послѣднее вполнѣ справедливо, какъ увидимъ далѣе, и, во 2-хъ, если принять, будто арабскій лунный годъ совпадалъ съ болгарскимъ, то нужно будетъ

признать, что болгары въ VII вѣкѣ, еще до перехода черезъ Дунай усвоили арабское лѣтоисчисленіе отъ Гиджры, что недопустимо, такъ какъ мохамеданская пропаганда къ этому времени не достигла еще береговъ Чернаго моря, и кромѣ того, такое допущеніе противорѣчило бы другому положенію г. Вигу, что болгары до перехода къ югу отъ Дуная не имѣли систематизированной хронологіи, что также вѣрно, какъ это мы укажемъ ниже. Какимъ же тогда образомъ у г. Вигу получился результатъ, который, повидимому, удовлетворяетъ всѣмъ даннымъ? Согласно первой изъ только что приведенныхъ гипотезъ, г. Вигу долженъ былъ бы сперва опредѣлить, каковъ полученный 641 (=622+19) годъ, но этого онъ не сдѣлалъ, а допуская, что болгарскій лунный годъ совпадалъ съ арабскимъ для того, чтобы сдѣлать свои вычисленія отъ Р. Х., отступилъ отъ своей гипотезы и, такъ какъ 622+19 даетъ случайно искомый *верени алемъ* (641) годъ, г. Вигу удовольствовался этимъ, принявъ безъ всякаго обоснованія 641 г. за болгарскій, въ которомъ, собственно, нѣтъ ничего болгарскаго: одно изъ слагаемыхъ — 622 солнечные года отъ Р. Х. до Гиджры, или до начала арабскаго лѣтосчисленія, а другое—19 лунные года отъ Гиджры. Употребленный г. Вигу способъ вычисленія есть и останется пріемлемымъ только для превращенія годовъ отъ Гиджры въ годы отъ Р. Х., потому что мы знаемъ начало этого лѣтосчисленія—622 г. отъ Р. Х., и считаемъ лунные годы только отъ этой даты далѣе; однако тамъ, гдѣ мы не знаемъ начала извѣстнаго лѣтосчисленія, а желаемъ опредѣлить извѣстные годы отъ Р. Х., какъ въ данномъ случаѣ, мы прежде всего должны найти исходный хронологическій пунктъ, потомъ узнать и опредѣлить, по какимъ годамъ—луннымъ или солнечнымъ—былъ опредѣленъ этотъ пунктъ и, наконецъ, оперировать только однородными элементами, т. е. слагать и вычитать лунные годы съ лунными и солнечные съ солнечными; впослѣдствіи, когда мы установимъ начало болгарскаго лѣтосчисленія, мы увидимъ, что употребленный г. Вигу способъ вычисленія найдетъ свое приложеніе при опредѣленіи болгарскихъ годовъ отъ Р. Х.

Итакъ, разъ установлено, что болгарскій годъ *верени алемъ* не можетъ быть вычисленнымъ помощью арабскаго лѣтосчисленія, остается посмотрѣть, не выведенъ ли онъ по византійскому отъ Р. Х., потому что,

по гипотезѣ г. Б., что болгары до перехода черезъ Дунай не имѣли систематизированной хронологіи, оно (визант. лѣтосч.) могло быть единственнымъ, которое они, по той или другой причинѣ, могли усвоить послѣ своего поселенія на византійской территоріи. Но раньше нужно рѣшить, каковъ 641 годъ, который даетъ *верени алемъ:* лунный ли, или солнечный? О лунномъ годѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, потому что это противорѣчило бы даннымъ, которыя даютъ намъ какъ византійскія хроники, такъ и Именникъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно будетъ указать на слѣдующее: допустимъ, что годъ восшествія Исперниха 641—лунный. Именникъ даетъ намъ, что послѣдній правилъ 61 лун. годъ, а преемникъ его Тервель—21 лун. годъ, отсюда Тервель умеръ бы въ 723 (=641+61+21) лун. году или въ 701 солн. отъ Р. Х., а изъ византійскихъ хроникъ (Теофанъ) мы знаемъ, что онъ жилъ еще въ 718—719 году отъ Р. Х. Итакъ, остается только одно—считать, что 641 годъ солнечный, и, какъ таковой, онъ вычисленъ отъ Р. Х. по византійскому лѣтосчисленію, потому что 641+59+20 солнечн. лѣтъ даютъ для смерти Тервеля 720 солн. г. отъ Р. Х., т. е. вполнѣ согласно съ датою византійскихъ хроникъ. Но если 641 годъ—солнечный, отсюда яснымъ становится, что *и всѣ другія болгарскія числа, а также и славянскія,* означающія продолжительность царствованій, *въ первой части Именника* (отъ Исперниха до Авитохола) *показываютъ также солнечные годы по византійскому лѣтосчисленію съ Р. Х., превращенные только по 60-лѣтней численной системѣ болгаръ.*

Кромѣ того, нужно будетъ обратить вниманіе еще на одну особенность въ текстѣ Именника, которую г. Bury толкуетъ ошибочно. Передъ всѣми болгарскими числами во всемъ текстѣ стоитъ выраженіе «а лѣ҃ ємоу», съ исключеніемъ только при числѣ въ концѣ записи Винеха, гдѣ текстъ, очевидно, испорченъ, какъ и г. Bury указалъ на это. Но онъ принимаетъ, что выраженіе «а лѣ҃ ємоу» нужно читать «а лѣто ємоу», т. е. «лѣто» въ един. числѣ, но этого нельзя принять, потому что тамъ, гдѣ это выраженіе написано цѣликомъ, напр., въ записи Авитохола и Ирника, ясно видно, что нужно читать не иначе какъ «а лѣтъ ємоу», т. е. «лѣтъ» въ множ. чис. род. п., который зависитъ отъ числительныхъ именъ, слѣдующихъ сейчасъ же за нимъ; отсюда яснымъ стано-

вится, что *въ болгарскихъ числахъ мы должны видѣть не годъ восшествія извѣстнаго князя*, какъ думаетъ г. Bury, *а число лѣтъ, которыя вполнѣ истекли отъ извѣстной даты или эры до восшествія его.* Такимъ образомъ, такъ какъ мы имѣемъ византійскіе годы отъ Р. Х., то и 641 означаетъ не годъ восшествія Испериха отъ Р. Х., а истекшіе полные 641 солн. года или же 660 лунныхъ лѣтъ отъ Р. Х. до года восшествія Испериха; слѣдов., послѣдній взошелъ на престолъ въ 642 году отъ Р. Х. Тогда для годовъ *Безмѣра*, правившаго 3 года, *шегоръ вечемъ*, получимъ 641—3=638 солн. год. или же 658 лун. год. отъ Р. Х., или онъ взошелъ въ 639 солн. году отъ Р. Х.; годы *Курта*, правившаго 60 лѣтъ солн.—одинъ циклъ, также *шегоръ вечемъ*, т. е. 638—60=578 солн. лѣтъ, или же 596 лун. лѣтъ, или взошелъ на престолъ въ 579 г. отъ Р. Х.; для *намѣстника Гостуна* даны *дохсъ твиремъ* солн. лѣтъ отъ Р. Х., а правилъ не 2, а 12 лѣтъ, слѣд. его годы отъ Р. Х. будутъ 578—12=566 солн. лѣтъ или же 583 лун. лѣтъ отъ Р. Х., т. е. онъ принялъ управленіе въ 567 г. отъ Р. Х. Что же касается лѣтъ Ирника, г. Bury доказалъ, что ни 108, какъ показано въ Именникѣ, ни 118, ни 150, предполагаемыя поправки, не могутъ быть приняты за вѣрныя числа, потому что ни одно изъ нихъ не даетъ *диломъ твиремъ;* съ другой же стороны, и конъектура, которую г. Bury дѣлаетъ въ текстѣ, именно предполагая, что до Испериха было 6, а не 5 князей, какъ показано въ текстѣ, также не можетъ быть принятою, такъ какъ для этого у насъ нѣтъ никакого основанія[1]), слѣд., остается принять, что число 108 испорчено, и вм. р҃ и и҃ должно стоять р҃ и ка҃ = 121, которое единственно даетъ намъ *диломъ твиремъ*. Итакъ, годы Ирника будутъ: 566—121=445 солн. лѣтъ, или же 459 лун. лѣтъ отъ Р. Х., т. е. онъ взошелъ на престолъ въ 446 солн. году отъ Р. Х.; отсюда годы Авитохола будутъ 145 солн. л. (=445—300), т. е. какъ разъ *диломъ твиремъ*, или же 150 лун. л. отъ Р. Х., т. е. онъ взошелъ въ 146 солн. г. отъ Р. Х.

Изъ всего до сихъ поръ изложеннаго можно съ положительностью утверждать, что 1) *при составленіи первой части Именника* (до

1) Подробно объ этой конъектурѣ см. нашу статью, стр. 19—20.

перехода черезъ Дунай) *авторъ его оперировалъ не съ лунными, а съ солнечными годами и въ качествѣ исходнаго хронологическаго пункта имѣлъ византійскій—отъ Р. Х.*, чтò вполнѣ подтверждаетъ гипотезу, что у болгаръ до перехода къ югу отъ Дуная не было систематизированной хронологіи; 2) съ другой же стороны, принимая вполнѣ гипотезу г. Вигу, что болгары испоконъ вѣка считали по луннымъ годамъ, мы можемъ на томъ же основаніи думать, что *они регулировали и систематизировали свои лунные годы также по византійскому лѣтосчисленію, т. е. отъ Р. Х.*, какъ это мы укажемъ при вычисленіи годовъ второй части Именника; наконецъ 3) *болгарскія числа показываютъ не годъ восшествія того или другого князя, а вполнѣ истекшіе годы отъ Р. Х. до года восшествія на престолъ*, чѣмъ и объясняется, почему составитель Именника даетъ только цѣлыя числа для датъ—только годы, но нѣтъ ни мѣсяцевъ, ни дней. Такимъ образомъ, годы продолжительности царствованій будутъ:

Авитохолъ жилъ и правилъ	...	300	солн. лѣтъ или	309	лун. лѣтъ	отъ Р. Х.
Ирникъ » » »	...	121	» » »	125	» »	»
Гостунъ намѣстникъ »	...	12	» » »	12[1])	» »	»
Куртъ	...	60	» » »	62	» »	»
Безмѣръ	...	3	» » »	3[1])	» »	»

Или всего отъ Авитохола до восшествія Исперика прошло 496 солн. лѣтъ или 511 лун. лѣтъ отъ Р. Х.

Но тутъ возникаетъ самъ по себѣ слѣдующій вопросъ: если при вычисленіи годовъ первой части Именника авторъ его имѣлъ, какъ исходный хронологическій пунктъ, византійское лѣтосчисленіе—отъ Р. Х., то почему онъ велъ вычисленія свои отъ Р. Х., а не отъ С. М., какъ считали въ то время въ Византіи и какъ впослѣдствіи считали въ самой Болгаріи? Мы думаемъ, что это странное повидимому явленіе слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ счетной системы болгаръ съ 60-лѣтнимъ цикломъ, отъ которой они на первыхъ порахъ не могли отказаться. При-

1) Разница между лунными и солнечными годами до 15 такъ не велика, что мы ихъ уравняли, поэтому и здѣсь оставили то же самое число.

нятое въ Византіи и приспособленное къ индиктіонной системѣ число 5508 отъ С. М. до Р. Х. не кратное 60-ти, а между тѣмъ оно представляетъ собою нѣчто законченное, неизмѣняемое, слѣд. имъ нельзя было оперировать при 60-лѣтней счетной системѣ. Но въ сущности 5508 также не кратное и 15-ти. Дѣло однако тутъ въ томъ, что настоящее число лѣтъ отъ С. М. до Р. Х.—5505, которое кратное 15-ти; прибавленіе къ нему 3 единицъ произошло отъ того, что при введеніи индиктіонной системы въ Византію съ 1 сентября 312 года, не хватило 3 единицъ для полнаго индиктіона, считая обратно съ этой даты къ Р. Х., и потому онѣ были прибавлены къ 5505 для того, чтобы при вычисленіи годовъ послѣ Р. Х. отъ С. М. сразу получать искомый индиктіонъ, тогда какъ при вычисленіи годовъ отъ Р. Х. по индиктіонамъ нужно всегда прибавлять тѣ же 3 единицы къ остатку[1]). Но и 5505, которое было принято впослѣдствіи въ Болгаріи, какъ увидимъ ниже, послѣ установленія болгарскаго лѣтосчисленія и принятія христіанства, также не кратное 60-ти, слѣд. для того, чтобы можно было вычислять свободно съ 60-лѣтней счетной системой, болгары должны были, или имъ было указано изъ Византіи, принять другой счетъ — отъ Р. Х., введенный въ 525 г. римскимъ аббатомъ Діонисіемъ Малымъ (Dionysius Exiguus † 556) съ цѣлью вытѣснить употребляемое въ то время лѣтосчисленіе по императору Діоклетіану, гонителю христіанъ[2]). Этотъ счетъ отъ Р. Х. былъ признанъ также Византіей, но тутъ онъ не получилъ правъ гражданства, такъ какъ византійцы, повидимому, не захотѣли отказаться отъ своей индиктіонной системы или такъ называемой Константинопольской или Византійской эры, тѣмъ болѣе, что эта система, какъ мы уже сказали, точно не совпадала съ счетомъ отъ Р. Х. Почему болгары приняли этотъ счетъ отъ Р. Х. именно изъ Византіи, на этотъ вопросъ мы попытаемся отвѣтить ниже. А теперь обратимся снова къ Именнику.

Въ Именникѣ означено, что отъ Авитохола до перехода Испериха черезъ Дунай прошло 515 лѣтъ, которыя, несомнѣнно, также солнечныя,

---

1) См. B. M. Lersch, Einleitung in die Chronologie, Freiburg im B., 1899. S. 68 u. folg.

2) Ibidem, 231 u. folg.

потому что, какъ мы показали, славянскія числа, означающія продолжительность царствованій, даютъ также солнечные годы, и соотвѣтствуютъ 531 лунному году отъ Р. Х. Теперь нетрудно найти, сколько лѣтъ прошло отъ восшествія Испериха до перехода его черезъ Дунай, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ г. Вигу, нѣтъ никакой причины предполагать, что Исперихъ перешелъ Дунай именно въ годъ своего восшествія; прошло 20 (=531—511) лунныхъ, или 19(=515—496) солнечныхъ, а отсюда уже легко вывести, въ какомъ году произошелъ и переходъ его черезъ Дунай: это событіе совершилось по истеченіи 680 (=660+20) лун. годовъ или же 660 (=641+19) солн. годовъ отъ Р. Х. Но дату перехода можно опредѣлить еще точнѣе. Такъ какъ болгары испоконъ вѣка считали по луннымъ годамъ, то возьмемъ исходнымъ пунктомъ именно лунные годы и будемъ по нимъ вычислять солнечные; тогда 680 лунныхъ лѣтъ=659.60 солнечн. годамъ, что составитъ: 659 солн. лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 9 дней[1]), т. е. *переходъ Испериха и его орды черезъ Дунай совершенъ былъ не раньше 10-го августа 660 года*, или *въ послѣдній мѣсяцъ 660 сентябрьскаго года*, *какъ считали византійцы и болгары въ средніе вѣка*.

Но начинается ли этимъ событіемъ новая эра? Г. Вигу высказался по этому вопросу въ положительномъ смыслѣ, выведши, что *годъ 659 отъ Р. Х.—дата болгарскаго переселенія и начала болгарскаго хронологическаго цикла*. Однако, наши вычисленія дали другой результатъ. Выше мы видѣли, что отъ Р. Х. до перехода черезъ Дунай прошло полныхъ 680 лунныхъ лѣтъ или 660 сентябрьскихъ солнечныхъ лѣтъ, слѣдов., мы имѣемъ здѣсь лунный годъ (680), который даетъ *алтомъ* лѣтъ (680.60 въ остаткѣ 20=алтомъ), т. е. съ 680 лун. годомъ кончается одна декада меньше 6-й декады *тутомъ*, именно, вторая декада даннаго 60 лѣтняго цикла; и если намъ удастся доказать, что слѣдующая декада начинается съ единицею первой декады новаго цикла — *верени ехтемъ*, то тутъ не можетъ уже быть никакого сомнѣнія, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ новой эрой. И въ самомъ дѣлѣ, преемникъ

---

1) Наши вычисленія мы дѣлаемъ съ точностью до 0.01, годъ считаемъ въ 365 дней, а мѣсяцъ въ 30 дней.

Терведя взошелъ на престолъ по Именнику, послѣ того какъ прошло *дванисъ ехтемъ* лѣтъ; для царствованія Терведя даны 21 годъ, слѣдов. чтобы получить годы *дванисъ ехтемъ*, нужно къ 21 прибавить 41, что дастъ намъ 62, т. е. какъ разъ *дванисъ ехтемъ;* отсюда яснымъ становится, что Исперихъ царствовалъ къ югу отъ Дуная 41 годъ, а по Именнику онъ царствовалъ всего 61 годъ, слѣдов. не хватаютъ 20 лѣтъ, и они суть какъ разъ тѣ 20 лунныхъ лѣтъ, которыя онъ процарствовалъ, какъ мы видѣли выше, къ сѣверу отъ Дуная до переселенія болгаръ на правый берегъ рѣки, а отсюда, какъ 41 годъ, которые Исперихъ процарствовалъ къ югу отъ Дуная, такъ и 61 годъ всего царствованія его, суть также лунные годы. Изъ этого сопоставленія вышеуказанныхъ лѣтъ мы получаемъ: 1) что годы Исперихa послѣ перехода черезъ Дунай начинаютъ считаться не по порядку слѣдующихъ за *алтомъ* (680) лунныхъ лѣтъ, т. е. *верени твиремъ*, *дванисъ твиремъ* и т. д., а съ *верени ехтемъ*, т. е. съ перваго года новаго цикла, потому что въ противномъ случаѣ для годовъ Терведева преемника мы должны бы были получить *дванисъ твиремъ* (680+62=742). Итакъ, если мы имѣемъ данную, что *при одномъ неоконченномъ циклѣ, въ случаѣ послѣ второй декады, начинается новый циклъ съ первой единицы первой декады*, то болѣе чѣмъ очевидно, что здѣсь мы имѣемъ 1) *новую эру*, т. е. *послѣ перехода черезъ Дунай, совпадавшаго съ истеченіемъ декады «алтомъ», болгары начали новое лѣтосчисленіе и этимъ положили основаніе новой собственной эры*, взявъ за основу византійское лѣтосчисленіе; но при этомъ 2) нужно замѣтить, что *они сохранили старый свой 60-лѣтній циклъ и считали опять таки по луннымъ годамъ*. Что болгары считали по луннымъ годамъ послѣ учрежденія своего лѣтосчисленія, а слѣдовательно и во второй части Именника, всего яснѣе покажетъ намъ Чаталарская надпись.

Согласно даннымъ послѣдней, основаніе Преславы относится къ 15-му индиктіону и къ *сигоръ елемъ* (шегоръ алемъ) году болгарской эры[1]). Разъ мы знаемъ, что 15-й индиктіонъ (по сентябрьскому году)

1) См. Извѣстія Русск. Археол. Института въ Кон-полѣ, т. X, Абоба-Плиска, 1905, стр. 545, табл. CXVIII.

продолжался съ 1-го сентября 821 г. до 31-го августа 822 г. отъ Р. Х. съ одной стороны, а съ другой—знаемъ и начало болгарскаго лѣтосчисленія, то намъ легко опредѣлить, какъ было получено число *шегоръ алемъ.* Допустимъ сперва, что болгары считали по солнечнымъ годамъ и послѣ установленія своей эры, тогда 822 — 660 = 162 болгарскихъ года; однако они не даютъ *шегоръ алемъ,* ибо 162:60 въ остаткѣ даетъ 42, т. е. *дванишъ алемъ.* Посмотримъ теперь, что мы получимъ, если допустимъ, что болгары считали по луннымъ годамъ: 821/822 солн. годъ отъ Р. Х. соотвѣтствуетъ 847/848 лунному году отъ Р. Х.; отсюда 848 — 680 = 168 лунныхъ лѣтъ отъ Б. Э., т. е. какъ разъ *шегоръ алемъ* (168:60 въ остаткѣ 48). Еще яснѣе это докажется при дальнѣйшихъ вычисленіяхъ. Послѣ всего изложеннаго мы имѣемъ полное основаніе утверждать, 1) что *какъ болгарскія, такъ и славянскія числа во второй части Именника даютъ намъ не солнечные, а лунные годы,* и 2) что *новая болгарская эра начинается послѣ истеченія 680 луннаго года отъ Р. Х., что совпадаетъ почти вполнѣ съ истеченіемъ 660 солнечнаго сентябрьскаго года отъ Р. Х., или же начало болгарской эры совпадаетъ съ началомъ 661 византійскаго (сентябрьскаго) года отъ Р. Х.*

При такомъ общемъ выводѣ возникаетъ весьма важный вопросъ: возможно ли, чтобы въ одномъ и томъ же памятникѣ встрѣчались два счета по различнымъ—солнечнымъ и луннымъ—годамъ? Вообще: какъ объяснить присутствіе этихъ двухъ лѣтосчисленій въ нашемъ памятникѣ?— Всѣ, занимавшіеся нашимъ памятникомъ, указывали на то, что Именникъ раздѣляется извѣстіемъ о переходѣ Дуная болгарами на двѣ части; мы же думаемъ, что имѣемъ достаточно основаній утверждать, что эти двѣ части не составлены въ одно и то же время. Такъ, въ концѣ первой части читается: «и потомъ приде на страноу Доунаа Испери[x] кнѧѕь тож҄е и доселѣ[1]). Послѣднія слова не безъ значенія поставлены какъ

---

1) Г. Н. М. Петровскій въ своемъ переводѣ статьи г. J. B. Bury (Хронологическій циклъ болгаръ. Съ приложеніемъ замѣчаній В. Н. Златарскаго, Казань, 1912, отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и

разъ въ концѣ первой части: они ясно указываютъ, что эта (первая) часть нашего Именника была составлена еще во время царствованія Испериха; очевидно, что составитель ея, бывъ Исперихов̂ымъ современникомъ, ограничился только тѣмъ, что въ общее число лѣтъ пятерыхъ князей къ сѣверу отъ Дуная включилъ и годы Исперяха до переселенія къ югу отъ той же рѣки, слѣдов. первая часть Именника была составлена вскорѣ послѣ этого событія. На несовременность двухъ частей указываетъ и нѣчто другое, что невольно бросается въ глаза, а именно, въ первой части имя современнаго князя написано въ началѣ съ И—Испєрихъ, а во второй съ Є — Єспєрихъ, — различіе, которое, сколь ни незначительно на взглядъ, всетаки обнаруживаетъ, что эти двѣ части нашего Именника вышли изъ-подъ рукъ двухъ различныхъ лицъ, иначе мы бы ожидали встрѣтить одну и ту же транскрипцію этого имени. Наконецъ, уже самое различіе лѣтосчисленій не мало свидѣтельствуетъ о томъ, что эти двѣ части не были составлены въ одно и то же время. Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что *нашъ Именникъ состоитъ изъ двухъ частей, написанныхъ въ разное время и разными лицами и при томъ первоначально на греческомъ языкѣ, какъ это признается всѣми занимавшимися этимъ памятникомъ.*—Но представляютъ ли эти двѣ части два совершенно отдѣльныхъ документа, вполнѣ самостоятельныхъ, которые были соединены, скомпилированы впослѣдствіи, или же вторая часть ни что иное, какъ продолженіе первой? Г. Вигу принимаетъ, какъ видно, первое, потому что онъ предполагаетъ, что Именникъ былъ скомпилированъ вскорѣ послѣ даты, на которой онъ оканчивается, т. е. къ началу 70-ыхъ годовъ VIII вѣка, при преемникѣ Умора, ссылаясь на то, что для царствованія послѣдняго князя (Умора) дано 40 дней, тогда какъ для другихъ отмѣ-

---

Этнографіи» въ Казани, стр. 71[2]) предлагаетъ вм. тожє и досєлѣ читать тоужє и насєли [или тоужде и въсєли]. Считая исправленіе тожє на тоужде весьма вѣроятнымъ и возможнымъ, мы не можемъ согласиться съ второй конъектурой, такъ какъ едва ли возможно допустить подобное искаженіе текста въ такомъ обыкновенномъ словѣ со стороны переписчиковъ, которые даже въ непонятныхъ для нихъ болгарскихъ словахъ сдѣлали сравнительно очень немного ошибокъ.

чены только годы, но нѣтъ ни мѣсяцевъ, ни дней. Такое предположеніе было бы весьма вѣроятнымъ, если бы только мы знали, что дѣйствительно нашъ памятникъ оканчивался какъ разъ Уморомъ и не продолжался далѣе; однако, самый Именникъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, производитъ впечатлѣніе скорѣе отрывочнаго, а не законченнаго текста; кромѣ того, весьма характерная связь между двумя частями, на которую укажемъ ниже, заставляетъ насъ принять, что тутъ не могло произойти никакой компиляціи, а слѣдовательно обѣ части Именника не были первоначально двумя отдѣльными документами, а во второй мы имѣемъ продолженіе первой; наконецъ, случайное, очевидно, появленіе нашего текста среди статей «Еллинскаго и Римскаго лѣтописца», вмѣстѣ съ только что указанными его особенностями, наводитъ насъ на слѣдующія соображенія о происхожденіи и судьбѣ этого чрезвычайно цѣннаго памятника.

Первая часть Именника, какъ мы сказали, была составлена при Испериxѣ и, можетъ быть, по его приказанію, вскорѣ послѣ перехода болгаръ къ югу отъ Дуная. Движеніе Исперихa вмѣстѣ съ его ордой на западъ изъ приазовскихъ жилищъ подъ натискомъ хазаръ и его поселеніе при устьѣ Дуная, какъ и мирное затѣмъ переселеніе на византійскую территорію въ нынѣшнюю Добруджу, произошли при императорѣ Констансѣ II (642—668), вѣроятно, въ силу извѣстнаго договора, чтобы болгары, какъ союзники, охраняли дунайскую границу имперіи отъ набѣговъ другихъ варваровъ[1]). Къ этому именно періоду полузависимости Исперихa отъ византійскаго императора мы и относимъ составленіе первой части нашего памятника, когда, не имѣя систематизированной хронологіи, болгары подъ византійскимъ вліяніемъ, принимая греческій языкъ какъ оффиціальный языкъ, были принуждены перелагать годы своего стараго лѣтосчисленія по лунным годамъ въ годы византійскаго, сохранивъ свою счетную 60-лѣтнюю систему. Однако позднѣе, когда Исперихy въ союзѣ съ мизійскими славянами удалось отложиться отъ Византіи и основать самостоятельное государство въ 679 г., болгары по

1) Какимъ образомъ мы пришли къ этимъ выводамъ, мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ.

чисто политическимъ, а, быть можетъ, и культурнымъ соображеніямъ, какъ во внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ своихъ отношеніяхъ снова обратились къ старинной своей хронологической системѣ съ ея 60-лѣтнимъ луннымъ цикломъ и, принявъ за основаніе годъ своего перехода на Балканскій полуостровъ, — событіе, которое является исходнымъ пунктомъ ихъ новой политической жизни, положили начало своей собственной эры.

Ко времени какого болгарскаго князя относится учрежденіе этой новой эры, изъ нашего памятника нельзя установить; но, имѣя въ виду, что вычисленія по ней начались, какъ увидимъ далѣе, отъ времени Тервеля, съ одной стороны, а съ другой — что именно при этомъ болгарскомъ государѣ болгарское государство было оффиціально признано независимымъ византійскимъ императоромъ послѣ царьградскихъ торжествъ въ 706 г.[1]), мы склонны отнести введеніе болгарской эры ко времени Тервеля, т. е. къ началу VIII вѣка, съ каковаго времени болгары и начали вести хронологическій списокъ болгарскихъ государей по новому лѣтоисчисленію. Поэтому и вторая часть Именника, которая, очевидно, относится ко времени послѣ введенія новой эры, не можетъ разсматриваться какъ отдѣльный документъ, а только какъ продолженіе первой части.

Но на чемъ и какъ велся хронологическій списокъ болгарскихъ князей? — Сохранившіеся до нашего времени эпиграфическіе памятники отъ языческой эпохи болгарской исторіи, главнымъ образомъ изъ первой половины IX вѣка, ясно показываютъ, что, если болгарскіе князья этой эпохи записывали на греческомъ языкѣ свои административныя распоряженія, разные виды оффиціальныхъ актовъ, договоры съ сосѣдями, лѣтописныя записи и вообще все, что должно было быть не только объявленнымъ населенію, но и сохраненнымъ для послѣдующихъ поколѣній, — если это все записывалось на каменныхъ столбахъ, которые украшали, какъ думаютъ, колонады передъ дворцами болгарскихъ князей

---

1) См. В. Н. Златарски, Българскитѣ князе отъ рода Дуло, въ Пер. Спис. кн. LXIII (1903), стр. 32—41.

и передъ другими общественными постройками[1]), то едва ли мы можемъ сомнѣваться, что и хронологическій списокъ болгарскихъ государей языческой Болгаріи велся на греческомъ языкѣ также на такихъ столбахъ послѣдовательно еще съ самаго начала, до и послѣ введенія болгарскаго лѣтосчисленія, на что прямо указываетъ и лапидарный характеръ самого текста. Весьма возможно, что этотъ княжескій списокъ продолжался на нѣсколькихъ такихъ столбахъ, сосѣднихъ одинъ съ другимъ, и первый изъ нихъ оканчивался княземъ Умором. Но позднѣе, въ христіанское время, когда нужды новой вѣры требовали возведенія новыхъ построекъ, особенно церквей, тѣ же самые столбы, какъ памятники прошлаго, заслуживавшіе быть сохраненными, были употреблены и въ качествѣ строительнаго матеріала для новыхъ построекъ, какъ это показали раскопки близъ с. Абоба; при этомъ они потерпѣли перемѣщеніе, когда переносились изъ старой резиденціи болгарскихъ князей (Плиска) въ новую (Преслава) и по окрестнымъ монастырямъ. Еще большее перемѣщеніе постигло ихъ позднѣе, когда послѣ опустошенія и разоренія восточныхъ столицъ перваго болгарскаго царства и вообще сѣверо-восточной Болгаріи при первомъ (Цимисхіемъ) и второмъ (Василіемъ II) завоеваніяхъ и особенно при набѣгахъ печенѣжскихъ ордъ въ теченіе 2-й половины XI вѣка, многіе изъ этихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ болгарской древности были унесены далеко отъ своего прежняго мѣстонахожденія, особенно во время второго болгарскаго царства, съ цѣлью сохраненія. Въ этомъ отношеніи наилучшіе примѣры представляютъ два такихъ столба отъ времени Омортага съ надписями—Чаталарскій и Терновскій. Первый, какъ говоритъ и самая его надпись, первоначально былъ поставленъ на мѣстѣ старой Преславы, на берегу р. Тыча (Голѣма Камчия)[2]), а былъ найденъ на поляхъ между сс. Чаталаръ (нынѣ Крумово) и Труджи (нынѣ Троица) къ югу отъ г. Шумлы, гдѣ были раскопаны фундаменты довольно большой церкви и гдѣ въ средніе вѣка возвышался монастырь, существовавшій еще въ XVII вѣкѣ, какъ это мы объяснили въ другомъ мѣстѣ[3]).

---

1) К. Иречекъ, Княжество България, т. II, стр. 238.—Извѣстія Русск. Арх. Института въ Кон-полѣ, т. X (1905), Абоба-Плиска, стр. 116, 217.

2) См. Абоба-Плиска, стр. 544—554.

3) См. Български Прѣгледъ, год. IV (1897), кн. 3, стр. 54—61.

Второй столбъ—тотъ, который теперь находится въ терновской церкви св. 40 мучениковъ[1]); о немъ въ настоящее время можно достовѣрно сказать, что онъ былъ перенесенъ изъ старой резиденціи болгарскихъ государей перваго царства или же изъ окрестностей ея и поставленъ рядомъ съ другими колоннами еще при постройкѣ церкви около 1230 г., при болгарскомъ царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II (1218—1241).

Мы склонны думать, что точно такая же была судьба и того каменнаго столба, на которомъ былъ вырѣзанъ хронологическій списокъ первыхъ болгарскихъ князей до Умора включительно. Занесенный, быть можетъ, по какой-нибудь случайности въ какой-нибудь монастырь и попавъ въ строительный матеріалъ какой-нибудь церкви, этотъ столбъ обратилъ своей интересной надписью вниманіе если не самого монаха-составителя «Еллинскаго и Римскаго лѣтописца», который въ своей первой древнѣйшей редакціи получилъ свое начало въ Болгаріи[2]), то по крайней мѣрѣ какого-нибудь его переписчика, который, побужденный патріотическимъ чувствомъ, счелъ нужнымъ перевести его съ греческаго на древне-болгарскій и, какъ памятникъ болгарской царской древности, стоящій и по содержанію и по характеру близко къ библейской IV книгѣ Царствъ, помѣстилъ его какъ разъ послѣ нея. Это, безъ сомнѣнія, могло случиться въ эпоху, когда у болгаръ появился особый интересъ къ ихъ древности и къ ея изученію, т. е. не ранѣе XIII вѣка, а можетъ быть, и въ XIV вѣкѣ, къ каковому времени относится и появленіе первой редакціи «Еллинскаго и Римскаго лѣтописца».

Вернемся снова къ объясненію хронологическихъ данныхъ второй части нашего памятника. По Именнику, Исперихъ царствовалъ 61 полный лунный годъ, изъ коихъ 20 лунныхъ лѣтъ провелъ, какъ мы показали выше, къ сѣверу отъ Дуная, а 41 лунный годъ къ югу; мы видѣли также, что начало новой болгарской эры совпадаетъ съ началомъ

---

1) В. Н. Златарски, Два извѣстни български надписа отъ IX вѣкъ. Сб. МПр. XV (1898), стр. 131 и сл.—Ѳ. И. Успенскій, О древностяхъ города Тырнова. Извѣстія Русск. Арх. Инст. въ Кон-полѣ, VII (1901), стр. 1—24.

2) См. К. Иречекъ. Исторія болгаръ, Одесск. изд., стр. 566—567.—П. А. Сырку. Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго, Спб., 1899, стр. 501 и слѣд.

681 луннаго года или съ началомъ 661 солнечнаго сентябрьскаго года отъ Р. Х., слѣдовательно, если къ 680 полныхъ лунныхъ лѣтъ прибавимъ полные годы царствованія Испериха къ югу отъ Дуная—41 лунный годъ, то мы получимъ, сколько полныхъ лунныхъ лѣтъ прошло съ Р. Х. до окончанія 41 луннаго года съ Б. Э., а именно: 680+41=721 лунныхъ лѣтъ съ Р. Х. или безъ 22 интерполяціи=699 полныхъ солнечныхъ лѣтъ, каковое число даетъ какъ разъ *текъ вечемъ* (=текоучетемъ по конъектурѣ г. Bury) лѣтъ Именника, слѣдовательно въ этихъ годахъ *текъ вечемъ* (=39) мы должны видѣть не лунные, а солнечные годы. Тотъ же результатъ мы получимъ, если будемъ имѣть дѣло только съ солнечными годами: 660+39 (потому что 41 лунный годъ = 39 солнечнымъ годамъ) = 699 солнечныхъ лѣтъ, слѣдовательно Тервель воцарился въ 42-мъ году отъ Б. Э., т. е. такъ, какъ бы и слѣдовало ожидать, или въ 700/701 году отъ Р. Х. Но мы въ состояніи опредѣлить точнѣе, между какими именно датами воцарился Тервель: отъ Р. Х. до начала болгарской эры прошло, какъ мы видѣли, не точно 660 солнечныхъ лѣтъ, а 659.50; также и 41 лунный годъ отъ Б. Э. для царствованія Испериха даетъ не ровно 39 солнечныхъ лѣтъ, а 39.77, отсюда 41-й лунный годъ окончился въ 659.60+39.77=699.37 солнечному году, или 41-й болгарскій годъ окончился 15-го мая 700 г. отъ Р. Х.; 42-й же лунный болгарскій годъ окончился въ 659.60+ +40.74=700.34 солнечномъ году или 4-го мая 701 г. отъ Р. Х. И такъ, *Тервель вступилъ на престолъ между 16 мая 700 г. и 4 мая 701 г. отъ Р. Х.*—Выше мы сказали, что продолжатель первой части Именника отмѣтилъ полные годы царствованія Тервеля отъ начала болгарской эры солнечными годами. Это онъ сдѣлалъ или потому, что въ первой части Именника, какъ мы видѣли, даты вычислены по солнечнымъ годамъ, и этимъ онъ хотѣлъ, съ одной стороны, показать связь двухъ частей, а съ другой — отмѣтить яснѣе, что начинается новое лѣтосчисленіе, или же потому, что онъ долженъ былъ поставить для годовъ Тервеля то же самое число *верени алемъ* (41) отъ Б. Э., какое уже стоитъ и для годовъ Испериха отъ Р. Х., т. е. онъ хотѣлъ просто избѣгнуть одинаковости этихъ двухъ чиселъ. Послѣднія два обстоятельства самымъ очевиднымъ образомъ должны подтвердить наши

предположенія, 1) что *нашъ памятникъ не компиляція двухъ отдѣльныхъ документовъ, но что вторая часть его есть только продолженіе первой*, и 2) что *дѣйствительно учрежденіе болгарской эры относится ко времени Тервеля.*

Что же касается слова *твиремъ*, которое поставлено въ текстѣ тотчасъ же послѣ годовъ Тервеля *текоучетемъ*, то по добытымъ нами результатамъ оно можетъ быть объяснено двояко: или, во-первыхъ, оно не имѣетъ никакого отношенія къ годамъ Тервеля, конечно, если примемъ, согласно съ г. Вигу, «текоучетемъ» = *текъ вечемъ*, и попало, вѣроятно, вмѣсто имени слѣдующаго князя по недосмотру позднѣйшихъ славянскихъ переписчиковъ, для которыхъ эти слова были непонятны; или же, если видѣть въ «текоучетемъ» скорѣе *текъ шехтемъ*, что по нашему мнѣнію вѣроятнѣе, то, во-вторыхъ, здѣсь мы имѣемъ одно число *текъ шехтемъ твиремъ*, въ которомъ единицы 9.10 совсѣмъ независимы отъ десятковъ 30, и потому оно будетъ обозначать 9.10 + 30 = 39, т. е. ожидаемое число, чѣмъ составитель списка легко избѣгъ повторенія *верени алемъ;* въ такомъ случаѣ имя преемника Тервеля было, вѣроятно, пропущено еще при переводѣ на древне-болгарскій, потому что оно было или неразборчиво, или совершенно стерто на камнѣ. Что это такъ, покажетъ намъ самый Именникъ. Мы уже показали, что Исперихъ царствовалъ къ югу отъ Дуная, или съ начала болгарской эры, 41 лунный годъ; мы видѣли также, что славянскія числа для продолжительности царствованій во второй части Именника являются также лунными годами, слѣдовательно, если къ 41 лунному году прибавимъ годы Тервеля, 21 лунный годъ, то должны получить число полныхъ годовъ царствованія Тервеля отъ начала болгарской эры. Такъ на самомъ дѣлѣ и есть: 41 + 21 = 62 лунн. года, а это какъ разъ *дванишъ ехтемъ* (или дванъ шехтемъ) лѣтъ, т. е. по истеченіи 62 полныхъ лунныхъ годовъ отъ болгарской эры неизвѣстный преемникъ Тервеля вступилъ на престолъ, т. е. онъ вступилъ въ 63 лунномъ году, а этотъ годъ продолжался съ 719.74 (=659.60 + 60.14) до 720.71 (659.60 + 61.11) солнечн. года, или *преемникъ Тервеля воцарился между 1 октября 720 г. и 19 сентября 721 г. съ Р. Х.*

Невѣрно показаны въ текстѣ Именника годы неизвѣстнаго преемника Тервеля. Эти годы не могутъ быть болѣе 11, потому что для того, чтобы перейти съ *дваниъ ехтемъ* (2 ехтемъ) къ *тохъ алтомъ*, при предположеніи, что *тохъ* = 3, нужно только *1 алтомъ* = 11, а именно 2 ехтемъ + 1 алтомъ = 13, т. е. *тохъ алтомъ*. И дѣйствительно это такъ: 62 + 11 = 73, а это какъ разъ *тохъ алтомъ* полныхъ лунныхъ лѣтъ отъ болгарской эры, откуда становится яснымъ, что данныя Именникомъ 28 лѣтъ для царствованія безъименнаго преемника Тервеля нужно будетъ признать ошибочными и поправить ихъ на 11. Итакъ, слѣдующій князь *Севаръ* воцарился по истеченіи 73 лунныхъ годовъ отъ болгарской эры, или вступилъ на престолъ въ 74 лунномъ году, который продолжался съ 730.41 (= 659.60 + 70.81) до 731.38 (= 659.60 + 71.78) солнечнаго года отъ Р. Х., или *Севаръ воцарился между 30 мая 731 г. и 18 мая 732 г. отъ Р. Х.*

Что касается года, по истеченіи котораго воцарился Севаровъ преемникъ *Кормисошъ*, то и онъ получается весьма легко и опять согласно съ данными Именника. По послѣднимъ Севаръ царствовалъ 15 полныхъ лунныхъ лѣтъ, слѣдовательно, его полныхъ лѣтъ отъ болгарской эры было 88 (= 73 + 15) лунныхъ лѣтъ, а это какъ разъ *шегоръ вечемъ* лунныхъ лѣтъ, или Кормисошъ воцарился въ 89 лунномъ году съ болгарской эры, который продолжался съ 744.96 (= 659.60 + 85.36) до 745.93 (= 659.60 + 86.33) солнечныхъ года, или *Кормисошъ вступилъ на престолъ между 22 октября 745 г. и 10 декабря 746 г. отъ Р. Х.*

Нѣсколько затрудняется вопросъ при опредѣленіи года восшествія преемника Кормисоша, который, какъ мы видѣли, вступилъ на престолъ по истеченіи *шегоръ твиремъ*, т. е. спустя 88 полныхъ лунныхъ лѣтъ отъ болгарской эры; Кормисошъ царствовалъ, по Именнику, 17 лунныхъ лѣтъ, слѣдовательно должно было бы получиться *диломъ алемъ* или 105 (= 88 + 17), а въ нашемъ памятникѣ стоитъ *соморъ алтемъ* (вмѣсто соморъ алемъ) или 104 лунныхъ года отъ болгарской эры, причемъ *соморъ* = 4, какъ это прекрасно доказалъ г. Вигу. Въ такомъ случаѣ, какъ нужно объяснить это повидимому противорѣчіе?—Въ сущности здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Телецъ, преемникъ Кормисоша,

по Именнику, воцарился по истеченіи *соморъ алемъ*, т. е. по истеченіи полныхъ 104 лунныхъ года отъ Б. Э., слѣдовательно онъ былъ избранъ болгарскимъ княземъ въ 105 лунномъ году отъ Б. Э., или въ 17 лунномъ году царствованія Кормисоша, или между 760.48 (=659.60+100.88) и 761.45 (=659.60+101.85) солнечными годами, или между 26 іюня 761 г. и 14 іюня 762 г. отъ Р. Х. Отъ Теофана мы узнаемъ, что выборъ Телеца произошелъ въ 6254 г. отъ С. М. по александрійской эрѣ, или въ 762 сентябрьскомъ году отъ Р. Х., который продолжался съ 1 сентября 761 г. до 31 августа 762 г.[1]); отсюда яснымъ становится, что Телецъ могъ вступить на престолъ только между 1 января и 14 іюля 762 года, слѣдовательно Кормисошъ царствовалъ болѣе 16½ лѣтъ, потому что 761 солнечный январскій годъ равняется 104.53 (761—659.60=101.40 солн. годамъ, или=104.53 луннымъ годамъ) лунному году отъ Б. Э.; если теперь къ 104.53 мы прибавимъ 3 полныхъ лунныхъ года царствованія Телеца, то мы получимъ 107.53 лунныхъ лѣтъ отъ Б. Э., т. е. что его царствованіе окончилось ранѣе истеченія *шегоръ алемъ* = 108 лунныхъ лѣтъ; этого однако нельзя принять за несомнѣнный фактъ, во-первыхъ, потому, что преемникъ Телеца, Винехъ (у визант. хрон. Сабинъ), по Именнику, воцарился по истеченіи этого 108 луннаго года и, во-вторыхъ, потому, что въ такомъ случаѣ вышло бы, что Телецъ правилъ меньше 3 лѣтъ, тогда какъ по даннымъ Именника нужно понимать болѣе 3 лѣтъ. Остается, слѣдовательно, принять только, что Кормисошъ царствовалъ болѣе 104.53 лунныхъ лѣтъ и меньше 105 лунныхъ лѣтъ отъ Б. Э., при положительной данной, что Телецъ правилъ немного болѣе 3 лунныхъ лѣтъ. Разъ мы имѣемъ эти данныя, теперь не трудно опредѣлить довольно точно конецъ царствованія Кормисоша.

Именникъ даетъ намъ для его царствованія 17 лунныхъ лѣтъ; если ҂ѯі не ошибочно вмѣсто ѕі въ текстѣ, то мы имѣемъ полное основаніе принять, что Кормисошъ умеръ или былъ сверженъ съ престола незадолго до конца 105 луннаго года отъ Б. Э.; напримѣръ, за мѣсяцъ или

---

1) Theophanes, ed. C. de Boor, I, 432.

полмѣсяца до истеченія этого года, что и заставило составителя этой даты округлить годы царствованія Кормисоша до полныхъ 17 лѣтъ, сохранивъ въ то же самое время точно прошедшіе 104 года отъ Б. Э. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно принять, что избраніе Телеца княземъ произошло къ концу мѣсяца мая, предположимъ къ 1 іюня 762 или къ 761.41 солнечнаго года; такъ какъ мы знаемъ, что Телецъ правилъ болѣе 3 лунныхъ лѣтъ или 2.91 солн., то 761.41 + + 2.91 = 764.32, или на 0.04 солн. года меньше 764.36 солн. лѣтъ, которыя даютъ 108 лунныхъ лѣтъ отъ Б. Э., слѣдовательно Телецъ, должно быть, царствовалъ не менѣе 2.95 солн. лѣтъ, или 3.04 лунныхъ лѣтъ; въ такомъ случаѣ Винехъ, должно быть, воцарился въ самомъ началѣ 109 луннаго года отъ Б. Э. Итакъ, мы должны принять, что *Телецъ былъ выбранъ между 104.96 луннымъ годомъ и 105 луннымъ годомъ отъ Б. Э., именно между 1 и 14 іюня 762 года отъ Р. Х.*, а такъ какъ онъ правилъ не менѣе 3.04 лунныхъ лѣтъ (или 2.95 солнечныхъ), то *онъ былъ сверженъ и убитъ не раньше истеченія 108 луннаго года отъ Б. Э., или 764.36 солнечнаго года, или не раньше 12 мая 765 года отъ Р. Х.* Отсюда уже легко опредѣлить года слѣдующаго князя. Мы уже указали на то, что Телецъ былъ сверженъ и убитъ по истеченіи 108 луннаго года отъ Б. Э., слѣдовательно и избраніе Винеха (= Сабина). произошло въ 109 лунномъ году отъ Б. Э., или между 764.36 и 765.33 солнечными годами, или между 12 мая 765 г. и 1 мая 766 года отъ Р. Х., а такъ какъ «Именникъ» отмѣчаетъ для его царствованія 7 полныхъ лунныхъ лѣтъ, или 6.79 солнечныхъ, то *онъ абдикировалъ и бѣжалъ изъ Болгаріи не раньше 115 (=108+7) луннаго года отъ Б. Э., т. е. какъ разъ по истеченіи диломъ тутомъ лѣтъ*, какъ стоитъ въ «Именникѣ», т. е. *не раньше 771.15* (=659.60+111.55) *солнечнаго года и не позднѣе 772.12* (=659.60+112.52) *солнечнаго года, или между 25 февраля 772 г. и 13 февраля 773 года отъ Р. Х.* Къ тому же времени относится и 40-дневное правленіе Умора.

Итакъ, наши выводы наглядно можно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Отъ. Р. Х. прошло полныхъ солнечныхъ сентябрьскихъ лѣтъ:

до воцаренія *Авитохола*	. . . . . . *диломъ твиремъ*	= 145;	воцарился	въ	теченіе	146 года отъ Р. Х.
» » *Ирника*	. . . . *диломъ твиремъ*	= 445;	»	»	»	446 » » » »
» » *Гостуна намѣстника*	. . *дохсъ твиремъ*	= 566;	»	»	»	567 » » » »
» » *Курта*	. . . . *шегоръ вечемъ*	= 578;	»	»	»	579 » » » »
» » *Безмѣра*	. . . . *шегоръ вечемъ*	= 638;	»	»	»	639 » » » »
» » *Исперiха*	. . . . *верени алемъ*	= 641;	»	»	»	642 » » » »

До перехода черезъ Дунай и до начала болгарской эры . . . . 659.95 круглымъ счетомъ *тутомъ* = 660 сентябрьскимъ годамъ.

Отъ болгарской эры: прошло полныхъ лѣтъ:		лунныхъ:	солнечныхъ:	*Отъ Р. Х.:* годъ воцаренія:
до *Тервеля* [верени алемъ]	. . *текъ вечемъ*	= [41]	39.77	16 мая 700— 4 мая 701
» *Неизвѣстнаго*	. . . . *дванш ехтемъ*	= 62	60.14	1 октября 720—19 сентября 721
» *Севара*	. . . . *тохъ алтомъ*	= 73	70.81	30 мая 731—18 мая 732
» *Кормисоша*	. . . . *шегоръ твиремъ*	= 88	85.36	22 декабря 745—10 декабря 746
» *Телеца*	. . . . *соморъ алемъ*	= 104	100.88	1 іюня 762—14 іюня 762
» *Винеха*	. . . . *шегоръ алемъ*	= 108	104.76	12 мая 765— 1 мая 766
» *Умора*	. . . . *диломъ тутомъ*	= 115	111.55	25 февраля 772—13 февраля 773

Нѣтъ сомнѣнія, что достигнутые нами результаты — установленіе особаго болгарскаго лѣтосчисленія — получили бы еще большее подкрѣпленіе и подтвержденіе, еслибы намъ удалось указать на даты, вычисленныя по этому лѣтосчисленію. Къ счастію, мы успѣли отыскать такія даты въ нѣсколькихъ памятникахъ.

1. Хронологическія данныя, находящіяся на Чаталарской надписи,

гдѣ основаніе Преславы относится къ *15-му индиктіону* и къ болгарскому *шегоръ елемъ* (σιγορ ελεμ) году. 15-й индиктіонъ (по сентябрьскому году) продолжался съ 1 сентября 821 г. до 31 августа 822 года, отсюда и болгарскій годъ *шегоръ алемъ* долженъ совпадать по крайней мѣрѣ отчасти съ этимъ 12-мѣсячіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, если основаніе Преславы относится къ *шегоръ алемъ* году отъ болгарской эры, то до этого событія прошло полныхъ *7 алемъ* лунныхъ лѣтъ, или 167 (=822—660=162+5 [интеркаляція]=167) лунныхъ лѣтъ; но 167 лунныхъ лѣтъ отъ болгарской эры равны 161.99 солнечнымъ годамъ или 821.59 (= 659.60 + 161.99) солнечныхъ лѣтъ отъ Р. Х., или = 821 году 7 мѣсяцевъ и 5 дней, т. е. *8 алемъ* (шегоръ вечемъ) лунный годъ отъ болгарской эры начинался съ 6 августа 822 г., или же въ началѣ послѣдняго мѣсяца 15-го индиктіона, что вполнѣ согласуется съ данными надписи, отсюда и *основаніе Преславы относится къ августу 822 года отъ Р. Х.*

2. Въ концѣ такъ называемаго «Поучительнаго евангелія», составленнаго епископомъ Константиномъ болгарскимъ (рукопись XIII вѣка), помѣщена хронологическая таблица подъ заглавіемъ: **Историкии ҳа ба въкратъцѣ одрьжащи лѣ отъ Ядама до ха пришьствиꙗ. и пакы отъ хва до настоꙗщаго ·въ ві· индикта·:·...** продолжаетъ: **въкоупѣ же отъ адама до хва въплъщениꙗ ѥсть ·лѣ· ,єфнє...** и кончаетъ: **василь ·к· лѣ· львъ снъ ѥго ·ꙁ·лѣ· вьсѣхъ же лѣ· ѿ пропатиꙗ хка до льва цра нынѣшьнꙗаго· девать сътъ ·иг· а ѿ адама до настоꙗщаго въ ві индикта· ѥсть лѣ ·ѕ·ѵѕ·** [1]). Данныя здѣсь 5555 лѣтъ отъ Адама до Р. Х. не встрѣчаются ни у византійскихъ, ни у русскихъ лѣтописцевъ, а отсюда можно положительно сказать ни у болгарскихъ, такъ что, очевидно, здѣсь годъ отъ С. М. искаженъ. Однако епископъ Константинъ самъ даетъ и другія хронологическія данныя, по которымъ можно легко исправить этотъ погрѣшенный годъ. Онъ отмѣчаетъ, что когда писалъ свою хронологическую таблицу, тогда, во-первыхъ, былъ 12-й индиктіонъ, во-вторыхъ,

1) Горскій и Невоструевъ, Описаніе славянскихъ рукописей Московск. Синод. Библіотеки, Москва, 1859, отд. II, 2, № 163, стр. 421—422.

отъ царствованія Льва VI Мудраго (886—911) прошло 7 лѣтъ и, въ третьихъ, отъ Адама до «настоѧщаго» въ 12 индиктіонъ прошло 6406 лѣтъ. 12-й индиктіонъ продолжался съ 1 сентября 893 г. до 31 августа 894 года. Осьмой годъ царствованія Льва VI будетъ 894 г., который въ самомъ дѣлѣ даетъ 12 индиктіонъ, единственный во всемъ его царствованіи. Итакъ 894 годъ отъ Р. Х. соотвѣтствуетъ, по даннымъ епископа Константина, 6407 году отъ С. М., такъ какъ въ теченіе 12-го индиктіона окончился 6406 годъ. Но какъ получилась эта дата?

Какъ уже мы указали, 12-й индиктіонъ по сентябрьскому году продолжался съ 1 сентября 893 г. до 31 августа 894 года; въ этомъ 12-мѣсячіи, по таблицѣ, истекъ 6406 годъ, потому что самъ епископъ Константинъ пишетъ: Ѿ адама до настоѧщаго въ ві҃· индикта· єсть лѣ҃ ·҂ѕ҃· ѵ҃ѕ҃, гдѣ предлогъ «въ» ясно указываетъ, что 6406 годъ окончился въ теченіе 12-го индиктіона. При этихъ данныхъ мы имѣемъ достаточно основанія утверждать, что число 6406 вычислено по болгарскому лѣтосчисленію. И дѣйствительно, 894 годъ отъ Р. Х. даетъ 241 (= 894 — 660 = 234 + 7 интеркаляцій) лунный годъ, или *верени ехтемъ* лѣтъ отъ болгарской эры, который отъ Р. Х. безъ интеркаляцій = 901 (=660+241); если теперь изъ 6406 вычтемъ 901, то должно получить годы, которыми епископъ Константинъ считалъ отъ С. М., именно 5505 — число, которое ясно показываетъ, что данный въ нашемъ памятникѣ годъ «отъ Адама до воплощенія Христова» 5555 искаженъ и что слѣдуетъ его исправить на ҂є҃ф҃· и· є҃ (5505), какъ онъ стоялъ навѣрное въ первоначальномъ текстѣ, и впослѣдствіи при переписываніи соединительное и обратилось въ цифру н҃ (50). Далѣе, лунный 241 годъ отъ болгарской эры не равняется ровно 234 солнечнымъ годамъ, а даетъ только 233.77 (241 × 0.97) солн. годы; тогда 233.77+659.60=893.37 или 241 лунный годъ отъ болгарской эры истекъ 15-го мая 894 года отъ Р. Х., т. е. раньше 31 августа 894 года, или до окончанія 12-го индиктіона, что вполнѣ согласуется съ данными еп. Константина, что 6406 г. (=5505+901) окончился въ теченіе 12-го индиктіона. Итакъ, выражаясь точнѣе, «Историкии къкратъцѣ» были составлены между 16 мая и 31 ав-

густа 894 года отъ Р. Х.—Что касается даты: «вьсѣхъ же лѣ· ѿ пропатіа х҃ва до льва цра нынѣшьнаго девать сътъ и҃і», то она, сопоставленная съ другими около нея датами, является настолько же безсмысленной, насколько и недопустимой. Очевидно, здѣсь ошибочно самое вычисленіе: 918 получено изъ 885 (истекшихъ отъ Р. Х. лѣтъ до года восшествія Льва VI—886)+33 (годы отъ Р. Х. до пропятія Христова); если составитель таблицы, т. е. епископъ Константинъ, хотѣлъ вычислить годы отъ пропятія Христова до года восшествія Льва VI, то онъ долженъ былъ не сложить, а вычесть 33 года, другими словами, должно было бы стоять не 918, а 852. Мы не допускаемъ, чтобы епископъ Константинъ могъ сдѣлать такую ошибку; послѣдняя могла вкрасться впослѣдствіи, когда переписчики, не будучи въ состояніи объяснить себѣ происхожденіе 6406 года, подбирали искусственно разныя числа къ ошибочному 5555, подставляя произвольныя цифры, каковой является 918.

И такъ, поскольку мы убѣждены, что объясненія происхожденія 6406 года болгарскимъ лѣтосчисленіемъ нельзя считать простою случайностью, вышеизложенные результаты даютъ намъ возможность установить во-первыхъ, *что самыя «Историкии въкратъцѣ» были составлены въ 894 году* и, во-вторыхъ, *что въ это время въ Болгаріи считали отъ С. М. до Р. Х. 5505*, каковое число въ сущности правильное, потому что 5508 было установлено индиктіоннымъ лѣтосчисленіемъ, какъ мы показали выше.

3. Въ русской передѣлкѣ славянскаго перевода «Лѣтописца вскорѣ», который вошелъ въ составъ русскихъ хронографовъ, отмѣчаются слѣдующія даты: для крещенія болгаръ—6376 и 6377 г., а для «переложенія книгъ на словенскій языкъ»—6406 г., который опредѣляется еще 30-ю годами отъ крещенія болгарскаго, т. е. «переложеніе книгъ» можно отнести или къ 6406, или къ 6407 году, смотря по тому, какой годъ слѣдуетъ принять за годъ болгарскаго крещенія — 6376-ли, или 6377. Эту альтернативу окончательно разрѣшаетъ извѣстіе изъ пространнаго житія св. Климента Охридскаго, гдѣ въ IV главѣ отмѣчено: «призваніе (т. е. крещеніе) этого (болгарскаго) народа совершилось въ лѣто отъ сотворенія міра въ шесть тысячъ триста семьдесятъ седьмомъ

году» (ἐν ἔτει γὰρ ἑξακισχιλιοστῷ τριακοσιοστῷ ἑβδομηκοστῷ ἑβδόμῳ τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως ἡ τούτου τοῦ γένους κλῆσις γεγένηται). Изъ этого извѣстія яснымъ становится, что крещеніе болгаръ совершилось въ 6377 году, причемъ самый годъ отмѣченъ не цифровыми буквами, а полными словами, что отстраняетъ всякое предположеніе о какихъ бы то ни было искаженіяхъ текста со стороны переписчиковъ, слѣдовательно, и переложеніе книгъ относится къ 6407 году, или же до года болгарскаго крещенія прошло отъ С. М. полныхъ 6376 лѣтъ, и до переложенія книгъ полныхъ 6406 лѣтъ. Въ русской лѣтописи «Повѣсти временныхъ лѣтъ» болгарское крещеніе отмѣчено также подъ тѣмъ же 6377 годомъ. Но какимъ образомъ вычисленъ этотъ годъ?

По извѣстнымъ пока другимъ даннымъ, крещеніе князя Бориса можно отнести ко времени между 864 и 866 гг.[1]. Однако, по византійскому лѣтосчисленію 6377 годъ не даетъ намъ ни одного изъ означенныхъ годовъ, съ какимъ бы годомъ отъ С. М. мы ни вычисляли (5500, 5505 и 5508); но если мы обратимся къ болгарскому лѣтосчисленію, то получится какъ разъ искомый годъ. Въ самомъ дѣлѣ: 6377—5505 = 872 г. отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію, или 212 (= 872 — 660) лунный годъ отъ болгарской эры, который продолжался съ 9 апрѣля 865 года до 27 марта 866 года. Впрочемъ, этотъ промежутокъ времени можно еще болѣе ограничить, если мы обратимся къ вычисленію года «переложенія книгъ» 6407 по тому же самому способу: 6407—5505=902 отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію, или 242 (= 902—660) лунный годъ отъ болгарской эры, который продолжался съ 16 мая 894 г. до 4 мая 895 года, т. е. «переложеніе книгъ» нельзя отнести позже 4 мая 895 года. Если теперь изъ этой даты вычтемъ 30 лѣтъ, то мы получимъ, что крещеніе болгаръ совершено было не позже 4 мая 865 года и не раньше, какъ мы видѣли, 9 апрѣля 865 года. Итакъ, *болгарское крещеніе относится къ самому началу: 6377 года отъ С. М., или 872 г. отъ Р. Х.*

---

1) См. В. Н. Златарски, Извѣстія за българитѣ въ хрониката на Симеона Метафраста и Логотета, София, 1908, стр. 60 и 81—82.—Имали ли ся българитѣ свое лѣтостроение, стр. 51 и 52.

по болгарскому лѣтосчисленію, или 212 лун. года отъ болгарской эры, или же, наконецъ, между 9 апрѣля и 4 мая 865 года отъ Р. Х.

4. Для крещенія болгаръ существуетъ еще одна дата, находящаяся въ записи черноризца Тудора Доксова къ переводу словъ Аѳанасія Александрійскаго на аріанъ. Въ этой записи читаемъ: сіа книги благоуестныа; нарицемыа Аданасіи· повелѣніем кназа нашего болгарска· именем Сімеона преложи и епископ Константин; в словенскъ язык; ѿ греуьска † в лѣто ѿ науала мира ·҂ѕуі҃д инъ і,... написа же и Тоудωр уерноризе Доѯов· тѣмже кнѕем повелѣлъ; на ѹстіи Тыуа въ лѣ ҂ѕуі҃е индікта ід... к се ѹбо лѣто ѹспе рав бжіи сего кнаѕа оць... великіи и утны и блговѣрны госпо нашъ кнаѕ болгарскъ· именем Борисъ; христіаное же има ему Михаил· мсца маіа въ в҃ днь; в сѹботны уеуер. Сей же Борисъ болгары крестилъ есть въ лѣто етхъ бехти[1]).

Прежде чѣмъ показать, что собственно означаетъ выраженіе *етхъ бехти*, мы остановимся сперва на двухъ другихъ датахъ, которыя намъ даетъ приведенная запись, а именно: 1) для перевода епископа Константина 6414 г. отъ С. М., которому, по записи, соотвѣтствуетъ 10-й индиктіонъ, и 2) для смерти князя Бориса и для списка Тудора Доксова 6415 г. отъ С. М., которому соотвѣтствуетъ по записи 14-й индиктіонъ. Однако, ни одна изъ этихъ двухъ датъ не отвѣчаетъ указанному при нихъ индиктіону, ибо разница между двумя слѣдующими одинъ за другимъ годами не можетъ быть 4 индиктіона. Но этимъ не исчерпываются, повидимому, погрѣшности: если для 6414 года отмѣченъ въ записи 10-й индиктіонъ, то для 6415 года долженъ былъ бы стоять 11-й индиктіонъ; въ сущности же 6415 годъ отвѣчаетъ 10-му индиктіону, отсюда слѣдовало бы предположить, что и данный 10-й индиктіонъ для 6414 года также погрѣшенъ; однако дѣлать такое предположеніе мы не имѣемъ никакого основанія. Съ другой же стороны, неоспоримо вѣрнымъ является 6415 годъ, или 907 отъ Р. Х., для смерти Бориса и для списка Тудора Доксова, потому что 2 мая въ этомъ году

1) Горскій и Новоструевъ, ibid., № 111, стр. 32—33.

приходится какъ разъ въ субботу. Отсюда яснымъ становится, что вычисленіе данныхъ двухъ датъ (6414 и 6415) не было сдѣлано по византійскому лѣтосчисленію съ 5508 года отъ С. М. Не получимъ мы удовлетворительнаго результата, если будемъ вычислять и съ 5505 и 5500 отъ С. М., потому что въ такомъ случаѣ получились бы послѣдовательно для 6414 года 12-й и 2-й индиктіоны, а для 6415 года—13-й и 3-й. Остается, значитъ, посмотрѣть, не вычислены ли онѣ по болгарскому лѣтосчисленію. Но и здѣсь, если будемъ считать съ 5505 отъ С. М., то получимъ: для 6414 года—249 (6414—5505==909—660=249) лунный годъ отъ болгарской эры, который продолжался съ 23 марта 901 г. до 17 февраля 902 года отъ Р. Х. и отвѣчаетъ 4/5 индиктіону, а для 6415—250 (6415—5505=910—660=250) лунный годъ отъ болгарской эры, который продолжался съ 18 февраля 902 г. до 6 февраля 903 года отъ Р. Х. и отвѣчаетъ 5/6 индиктіону. Однако, если мы будемъ считать съ 5500 отъ С. М., то мы получимъ какъ разъ искомое. И въ самомъ дѣлѣ, 6414 годъ дастъ намъ 914 (=6414—5500) солн. годъ отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію, или 254 (=914—660) лунный годъ отъ болгарской эры, который продолжался съ 3 января 906 г. до 27 декабря 906 года отъ Р. Х., т. е. съ 1 сентября до 27 декабря онъ совпадалъ съ 907 сентябрьскимъ (византійскимъ) годомъ, или съ 10 индиктіономъ, слѣдовательно, епископъ Константинъ окончилъ свой переводъ между 1 сентября и 27 декабря 906 года. Тогда смерть князя Бориса 2-го мая, какъ и списокъ Тудора Доксова, относятся къ 255 лунному году отъ болгарской эры (6415—5500=915—660=255), который продолжался съ 28 декабря 906 г. до 16 декабря 907 года отъ Р. Х., т. е. съ 1 сентября до 16 декабря 907 года онъ совпадалъ съ 908 сентябрьскимъ (византійскимъ) годомъ, или съ 11-мъ индиктіономъ, откуда яснымъ становится, что 10-й индиктіонъ при 6414 г. вѣрный, а данный къ 6415 году въ записи 14-й индиктіонъ слѣдуетъ исправить на ҃ІА, что весьма легкобыло обратить при переписываніи на ҃ІД. Итакъ, Тудоръ Доксовъ окончилъ свой списокъ между 1 сентября и 16 декабря 907 г., а смерть князя Бориса, предшествовавшая, очевидно, окончанію списка, въ самомъ дѣлѣ относится къ 2 мая

907 года, такъ какъ эта дата входитъ какъ разъ въ 12-мѣсячіе съ 28 декабря 906 г. до 16 декабря 907 г. отъ Р. Х.

Полученные здѣсь результаты указываютъ еще на одну особенность въ старой болгарской хронологіи, а именно на то, что въ X вѣкѣ въ Болгаріи рядомъ съ 5505 отъ С. М. считали и съ 5500, когда нужно было вычислять годы отъ С. М. по болгарскому лѣтосчисленію. На первый взглядъ это могло бы показаться страннымъ, но мы думаемъ, что это слѣдовало бы объяснить непосредственнымъ вліяніемъ Византіи, т. е. какъ въ Византіи считали съ 5508 и съ 5500, такъ и въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ начали считать какъ съ 5505, такъ и съ 5500 отъ С. М.; кромѣ того, сами разсмотрѣнныя даты въ записи были вычислены, какъ видно, не епископомъ Константиномъ, который употребилъ бы въ этомъ случаѣ, быть можетъ, тотъ же самый способъ вычисленія, какъ и при составленіи «Историкии єъкратъцѣ», а Тудоромъ черноризцемъ Доксовымъ, который, какъ двоюродный братъ царя Симеона [1]), находился подъ его сильнымъ литературнымъ вліяніемъ и проводилъ византійскія тенденціи своего царя-писателя. То же самое византійское вліяніе проявляется у Тудора Доксова и въ обозначеніи чиселъ 2-го десятка — ӏд = 14 по греческому образцу ιδ', тогда какъ епископъ Константинъ пишетъ, какъ мы видѣли, кі = 12, иі = 18, — способъ, который былъ усвоенъ навсегда только для чиселъ съ 11—19 и въ которомъ мы видимъ остатокъ болгарскаго способа для обозначенія чиселъ съ единицами передъ десятками.

Разъ мы установили, что въ X вѣкѣ въ Болгаріи считали рядомъ съ 5505 и съ 5500 отъ С. М., то намъ не будетъ трудно объяснить, что собственно значитъ выраженіе *етхъ бехти* въ приведенной выше записи Тудора Доксова. Нѣтъ сомнѣнія, что по аналогіи съ болгарскими числами Именника въ выраженіи «етхъ бехти» слѣдуетъ видѣть также болгарское число, въ которомъ единицы «етхъ», а десятки — «бехти». Отожествленіе «бехти» г. Bury съ *вечемъ* (βεχτε[μ], βετχεμ, βετζεμ = вечемъ) является весьма правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ годѣ

---

1) См. В. Н. Златарски, Кой е билъ Тудоръ черноризецъ Доксовъ? — Български Прѣгледъ, г. IV (1897), кн. 3, стр. 3—11.

болгарскаго крещенія 212 отъ болгарской эры, дѣйствительно, входитъ десятокъ *вечемъ*, такъ какъ 212 : 60 даетъ въ остаткѣ 32, т. е. *дванимъ вечемъ*. Но что же значитъ *етхъ*? Послѣ окончательнаго установленія, что годъ крещенія отъ С. М. по болгарскому лѣтосчисленію— 6377 и что Тудоръ черноризецъ вычислялъ другія даты (6414 и 6415) въ своей записи съ 5500 отъ С. М. по болгарскому же лѣтосчисленію, мы склонны думать, что и при вычисленіи «етхъ бехти» Тудоръ Доксовъ оперировалъ тѣмъ же самымъ способомъ надъ готововыведеннымъ 6377 годомъ крещенія. И въ самомъ дѣлѣ: 6377—5500=877—660=217 : 60 даетъ въ остаткѣ 37, т. е. *7 вечемъ*. Итакъ мы получили число, которое нисколько не противорѣчитъ основнымъ болгарскимъ численнымъ принципамъ и въ которомъ десятки вполнѣ сходны съ десятками въ «етхъ бехти»—*вечемъ*, а въ единицахъ его «етхъ» мы должны видѣть цифру 7, отсюда *етхъ* = 7, которое, сопоставленное, напримѣръ, съ турецкимъ «еди» = 7, является весьма возможнымъ и приемлемымъ. Если этотъ нашъ выводъ вѣренъ, а сомнѣваться намъ въ немъ нѣтъ никакого основанія, то онъ пополняетъ оставшійся отъ Именника пробѣлъ въ рядѣ болгарскихъ единицъ, которыя можно представить въ слѣдующемъ видѣ:

1—верени	6—дохсъ
2—дванъ (или дванимъ)	7—етхъ
3—тохъ	8—шегоръ (или сигоръ)
4—соморъ	9—текъ
5—диломъ	10—шехтемъ (или ехтемъ).

5. По болгарскому же лѣтосчисленію вычислены и слѣдующія даты, которыя даетъ намъ русская лѣтопись для событій изъ болгарской исторіи въ сентябрьскихъ годахъ:

6410 годъ, подъ которымъ разсказывается о нашествіи угровъ въ Болгарію при императорѣ Львѣ VI Мудромъ, и который соотвѣтствуетъ 902 году отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію (съ 5508 отъ С. М.), или 242 лунному году отъ болгарской эры, продолжавшемуся съ 16 мая 894 г. до 4 мая 895 года отъ Р. Х., а такъ какъ на основаніи другихъ

источниковъ мы знаемъ, что это событіе относится къ 895 году [1]), то точнѣе слѣдуетъ его отнести къ веснѣ 895 года.

6422 годъ, подъ которымъ разсказано о первомъ походѣ царя Симеона на Константинополь, и который соотвѣтствуетъ 922 году отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію (съ 5500 отъ С. М.), или 262 лун. году отъ болгарской эры, продолжавшемуся съ 12 октября 913 года до 30 сентября 914 года отъ Р. Х., или же событіе относится ко времени съ 12 октября до 31 декабря 913 г., т. е. къ осени 913 года отъ Р. Х.

6423 годъ, подъ которымъ разсказано о второмъ походѣ царя Симеона, о неудачныхъ переговорахъ византійскаго правительства съ печенѣгами относительно совмѣстнаго нападенія на Болгарію и о взятіи Адріанополя царемъ Симеономъ, и который (годъ) соотвѣтствуетъ 923 г. отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію (съ 5500 отъ С. М.), или 263 лунному году отъ болгарской эры, продолжавшемуся съ 1 октября 914 г. до 19 сентября 915 года отъ Р. Х., или же событіе относится ко времени съ 1 октября до 31 декабря 914 года, т. е. къ осени того же года [2]).

6437 годъ, подъ которымъ разсказано о походѣ царя Симеона на Византію и о его знаменитомъ свиданіи съ императоромъ Романомъ Лакапиномъ подъ стѣнами Царьграда 9 сентября 12 индиктіона, и который соотвѣтствуетъ 932 году отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію (съ 5505 отъ С. М.), или 272 лунному году отъ болгарской

---

1) См. В. Н. Златарскій, Извѣстията за българитѣ въ хрониката на Симеона Логотета, стр. 105—107.

2) Въ нашей статьѣ «Имали ли ся българитѣ свое лѣтостроение?» мы высказали мнѣніе, что этотъ годъ 6422, какъ и слѣдующій 6423, вычислены по византійскому лѣтосчисленію, т. е. съ 5508 отъ С. М.; однако теперь, когда уже установлено, что въ Болгаріи въ X вѣкѣ считали и съ 5500, какъ мы показали выше, нѣтъ никакого сомнѣнія, что обѣ эти даты вычислены также по болгарскому лѣтосчисленію, именно съ 5500 отъ С. М. (6422—5500=922—660=262 лунному году отъ болгарской эры, и 6423—5500=923—660=263 лунному году отъ болгарской эры). Что это такъ, показываетъ еще точное опредѣленіе ихъ, которое вполнѣ сходится съ данными византійскихъ хроникъ. Ср. *Geor. Hamart.* ed. Muralti, p. 804—805.— *Theophanis Contin.* ed. Bon., p. 386—387.— *Symeon Magister*, ed. Bon., p. 734—735.

эры, продолжавшемуся съ 22 іюня 923 г. до 10 іюня 924 года отъ Р. Х., т. е. событіе относится къ 9 сентября 923 года.

6450 — погрѣшенный вмѣсто 6441 г., подъ которымъ отмѣчена смерть царя Симеона и который соотвѣтствуетъ 936 году отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію (съ 5505 отъ С. М.), или 276 лунному году отъ болгарской эры, продолжавшемуся съ 8 мая 927 г. до 26 апрѣля 928 года отъ Р. Х., т. е. вполнѣ согласно съ византійскими хрониками, которыя относятъ смерть царя Симеона къ 27 мая 15 индиктіона (1 сентябри 926—31 августа 927).

6451 — погрѣшенный вмѣсто 6441 г., подъ которымъ отмѣчено заключеніе мира между Болгаріей и Византіей при царѣ Петрѣ, и который соотвѣтствуетъ 936 году отъ Р. Х. по болгарскому лѣтосчисленію (съ 5505 отъ С. М.), или 276 лунному году отъ болгарской эры, продолжавшемуся, какъ мы видѣли, съ 8 мая 927 г. до 26 апрѣля 928 года отъ Р. Х., т. е. вполнѣ согласно съ византійскими хрониками, которыя относятъ миръ и бракъ царя Петра съ внучкой Романа Лакапина къ 8 октября 1 индиктіона (1 сентября 927—31 августа 928), т. е. событія эти относятся къ 8 октября 927 года [1]).

Вполнѣ удовлетворительное объясненіе приведенныхъ выше датъ, взятыхъ изъ различныхъ источниковъ, убѣждаетъ насъ не только въ томъ, что у болгаръ дѣйствительно существовало собственное лѣтосчисленіе, но еще и въ томъ, что по этому лѣтосчисленію они продолжали вычислять даты и послѣ принятія ими христіанства, приспособивъ его къ счету отъ С. М., во все время существованія перваго болгарскаго царства, съ VII по X вѣкъ.

В. Н. Златарскій.

Софія. 19/III. 1912.

1) Въ чемъ заключается погрѣшность послѣднихъ двухъ годовъ, и вообще, какимъ образомъ вычислены приведенные здѣсь года русской лѣтописи, подробно см. нашу статью «Имали ли ся българитѣ свое лѣтостроение», стр. 74—78.

ГОГОЛЬ и ПЛЕТНЕВЪ.

Къ вопросу объ отношеніяхъ между ними въ связи съ указаніемъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ душевномъ настроеніи Гоголя [1]).

Въ жизни каждаго писателя вопросъ о складѣ его міровоззрѣнія, о направленіи и развитіи его творчества и о тѣхъ вліяніяхъ, которыя въ той или иной степени отразились на его произведеніяхъ въ разные періоды его дѣятельности, слѣдуетъ признать такимъ, который представляетъ тѣмъ больше интереса, чѣмъ сложнѣе душевная жизнь писателя, создающая цѣлый рядъ разнообразныхъ отношеній къ современнымъ ему дѣятелямъ и къ явленіямъ современной ему жизни. Эта сложность и разнообразіе душевной жизни, свидѣтельствуя о ея богатствѣ и представляя поэтому захватывающій интересъ для изслѣдователя, можетъ лишь только при внимательномъ анализѣ дать основаніе, во-первыхъ, для выясненія тѣхъ разнообразныхъ изгибовъ его душевной жизни, которые далеко не вполнѣ обнаруживаются даже при самомъ внимательномъ чтеніи его произведеній, а затѣмъ для выясненія особенностей его личности, и въ связи съ этимъ мотивовъ, вызвавшихъ къ жизни тѣ или иныя его произведенія, и наконецъ тѣхъ вліяній, какія отразились на его душевномъ настроеніи, то благопріятствуя, то наоборотъ не благопріятствуя его творческой работѣ.

---

1) Эта статья служила предметомъ доклада, сдѣланнаго 3 апрѣля 1910 года въ Обществѣ Исторіи, Филологіи и Права при Варшавскомъ Университетѣ.

Къ числу нашихъ писателей, поражающихъ необыкновенной сложностью своей душевной жизни, слѣдуетъ отнести великаго Гоголя. Чествованіе его памяти по случаю 100-лѣтія со дня его рожденія овладѣло въ первой половинѣ 1909 г. всецѣло вниманіемъ русскаго общества и составило свѣтлую страницу въ исторіи и жизни нашего отечества. Это чествованіе создало цѣлый рядъ статей и монографій, которыя выразили въ большей или меньшей степени удачную попытку охарактеризовать творчество Гоголя, освѣтить его личность, выяснить его заслуги въ исторіи литературы и языка, проанализировать то духовное наслѣдство, которое онъ оставилъ для общества своими произведеніями и наконецъ выяснить обстоятельства его личной жизни и дѣятельности. Въ числѣ этихъ разнообразныхъ и сложныхъ, какъ и сложна вся душевная жизнь Гоголя, вопросовъ вопросы біографическаго характера стояли на второмъ планѣ. Между тѣмъ представляется заслуживающимъ особеннаго вниманія вопросъ біографическій—вопросъ личной жизни Гоголя, его душа, жизнь коей поражаетъ своей сложностью и разнообразіемъ. Интимная сторона ея открывается главнымъ образомъ, и даже почти исключительно въ его письмахъ, сдѣлавшихся, благодаря труду Шенрока, издавшаго ихъ, достояніемъ широкихъ слоевъ публики; здѣсь можно прослѣдить во всѣхъ главнѣйшихъ фазисахъ исторію его души, пережившей цѣлый рядъ настроеній до тяжелаго драматизма, и видѣть, чѣмъ эти настроенія возбуждались, и подъ вліяніемъ чего они смѣнялись и, наконецъ, какъ они вліяли на его творчество.

Имѣя въ виду эту точку зрѣнія, я разсмотрѣлъ его письма къ П. А. Плетневу, а также нѣкоторыя письма послѣдняго, и результаты моей работы составляютъ предметъ настоящей статьи. Въ выборѣ именно писемъ Гоголя *только* къ Плетневу я руководился слѣдующими соображеніями. Изъ всѣхъ друзей Гоголя Плетневъ имѣлъ огромное вліяніе на судьбу Гоголя, и притомъ это вліяніе было самымъ продолжительнымъ, начинаясь въ 1830 г. стремленіемъ устроить Гоголя, а затѣмъ направить его на литературное поприще, и выражаясь Затѣмъ въ разнообразныхъ совѣтахъ и указаніяхъ насчетъ его литературной дѣятельности, закончившихся незадолго до смерти Гоголя. Во-вторыхъ, Плетневъ, который ввелъ Гоголя въ кружокъ литераторовъ, находился въ близкихъ дру-

жескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и другими писателями. Не являясь среди нихъ звѣздой первой величины, онъ тѣмъ не менѣе стоялъ въ центрѣ литературнаго движенія эпохи, созданной твореніями Жуковскаго, Пушкина и ихъ послѣдователей, а затѣмъ и Гоголя. Кромѣ того свѣтлая личность Плетнева, достаточно охарактеризованная въ письмахъ къ нему Жуковскаго, Пушкина и кн. Вяземскаго, производила свое обаяніе и привлекала къ нему симпатіи корифеевъ нашей литературы, находившихъ въ немъ живой откликъ на ихъ симпатіи, и притомъ откликъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Своимъ авторитетнымъ голосомъ критика-публициста Плетневъ ободрялъ своихъ друзей писателей въ моментъ душевныхъ тревогъ и сомнѣній, а также неудачъ ихъ личной жизни; своимъ вліяніемъ пользующагося широкимъ кругомъ знакомствъ педагога и общественнаго дѣятеля Плетневъ оказывалъ незамѣнимыя услуги этимъ лицамъ по вопросамъ и разнымъ затрудненіямъ, касавшимся печатанія сочиненій и т. п. [1]). Переписка Гоголя съ этимъ педагогомъ и общественнымъ дѣятелемъ уясняетъ интимную сторону его душевной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ключъ къ пониманію отношеній между ними, на фонѣ коихъ представляется въ главныхъ и существенныхъ чертахъ исторія его душевной жизни.

Первое знакомство Гоголя съ Плетневымъ относится къ 1830 году (къ концу его). Въ это время, какъ утверждаютъ Кулишъ и Шенрокъ, а равно и біографъ Плетнева Я. К. Гротъ, Жуковскій сдалъ Гоголя Плетневу съ просьбой позаботиться о немъ» [2]). Послѣ нѣкотораго промежутка времени (въ февралѣ 1831 года), когда Плетневъ ближе познакомился съ Гоголемъ, онъ рекомендуетъ его на должность младшаго учителя въ Патріотическомъ Институтѣ, гдѣ самъ былъ инспекторомъ классовъ, а затѣмъ вводитъ его въ кругъ писателей и тѣхъ интересовъ, коими они жили и кои были близки и родственны душѣ Гоголя. На основаніи близкаго знакомства съ Гоголемъ Плетневъ неоднократно говорилъ

---

1) Объ этомъ подробно изложено въ моей статьѣ: «П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину». Русская Старина, 1904 г., кн. XI, стр. 594—627.

2) Кулишъ. Записки о жизни Гоголя, т. I, стр. 84. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. I, стр. 296.

Жуковскому, что Гоголь не представляетъ собою обыкновенной, заурядной личности изъ безчисленнаго множества лицъ, имъ протежированныхъ и обласканныхъ, что въ немъ очень замѣтны несомнѣнные признаки таланта и что для Гоголя дѣйствительно дороги и цѣнны интересы литературы и искусства. Съ особенной настойчивостью онъ говорилъ это послѣ появленія первыхъ литературныхъ опытовъ Гоголя и его замѣтки по поводу «Бориса Годунова» Пушкина,—замѣтки, посвященной Плетневу. Такое участіе Плетнева вызываетъ со стороны Жуковскаго не только особенное вниманіе, но и сочувственное отношеніе къ Гоголю и его трудамъ.

Принявъ Гоголя подъ свое особое покровительство, Плетневъ послѣ опредѣленія Гоголя на службу въ Патріотическій Институтъ помогаетъ ему получить частныя занятія у Лонгиновыхъ, Балабиныхъ и Васильчиковыхъ. Затѣмъ, когда появились въ печати статьи Гоголя: «Учитель, «Женщина», «Мысли о преподаваніи географіи», а также «Вечера на хуторѣ», хвалитъ Пушкину эти произведенія и ихъ автора [1]). Этимъ путемъ онъ создаетъ возможность подвести Гоголя «подъ благословеніе Пушкина», вліяніе котораго на Гоголя было неизмѣримо велико.

Такимъ образомъ, въ короткій сравнительно промежутокъ времени, происходитъ рѣшительный поворотъ въ судьбѣ Гоголя: отъ невиднаго положенія мелкаго, затеряннаго въ департаментѣ, петербургскаго чиновника къ сферѣ умственной аристократіи, къ близкимъ сношеніямъ съ корифеями нашей отечественной литературы. Въ этомъ отношеніи честь перваго теплаго привѣта въ жизни, рѣшившаго судьбу Гоголя, принадлежитъ Плетневу, который умѣлъ во́-время понять и оцѣнить выдающуюся натуру, а затѣмъ ввести его въ кружокъ Пушкина. Благодаря дѣятельной поддержкѣ Плетнева, ободрявшаго Гоголя послѣ появленія его первыхъ литературныхъ произведеній, благодаря затѣмъ знакомству съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, Гоголь окончательно выходитъ и становится твердо на поприщѣ литературной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи самъ Гоголь придавалъ огромное значеніе дѣятельному участію Плетнева. Постоянное сознаніе этого значенія Плетнева при общности личныхъ

---

1) Сочин. и Переп. Плетнева, т. III, стр. 366.

интересовъ кладетъ основаніе для дружескихъ сношеній, которыя, укрѣпляясь постепенно, прекращаются только со смертью Гоголя.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ литературы А. Н. Пыпинъ говоритъ, что Гоголь искалъ сочувствія для своихъ великихъ стремленій и находилъ его между людьми, стоявшими въ первомъ ряду русской литературы. Такими друзьями Гоголя, среди которыхъ онъ находилъ опору для своего творчества, были Жуковскій, Пушкинъ и Плетневъ [1]). Къ этому надо прибавить, что Плетневъ не ограничился только тѣмъ, что поставилъ Гоголя на правильную дорогу: Плетневъ постоянно цѣнилъ въ немъ крупную художественную силу, и это опредѣленно выражалъ въ своихъ письмахъ, при чемъ особенно рельефно выразилъ это въ письмѣ 1844 года, говоря слѣдующее: «Что ты, какъ литераторъ? Человѣкъ, одаренный геніальной способностью къ творчеству, инстинктивно угадывающій тайны языка, тайны самаго искусства, первый нашего вѣка комикъ по взгляду на человѣка и на природу, по таланту вызвать изъ нихъ лучшіе комическіе образы и положенія, но писатель, презрѣвшій необходимыя усилія, чтобы покорить себѣ сознательно всѣ сокровища языка и всѣ сокровища искусства» [2]). Въ полномъ сознаніи этихъ достоинствъ личности Гоголя и его творчества Плетневъ съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдитъ за литературною дѣятельностью Гоголя. Кромѣ того, зная хорошо впечатлительность Гоголя, непріятно поражавшагося разнообразными разборами его произведеній, Плетневъ въ своихъ письмахъ и черезъ посредство Жуковскаго старается ослабить это вліяніе. Замѣтивъ въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому, что Гоголь «любитъ читать глупыя на него критики» [3]), Плетневъ проситъ Жуковскаго выяснить Гоголю всю неосновательность многихъ нападокъ на него и вообще несостоятельность многихъ критическихъ разборовъ, такъ какъ «отъ этихъ бредней можно развѣ только сойти съ ума или просто разозлиться» [4]). Это доказываетъ, что Плетневъ не только былъ близокъ къ Гоголю по литературнымъ интересамъ, но и, какъ человѣкъ близкій, дорожилъ правильнымъ развитіемъ его таланта,

---

1) Вѣстникъ Европы 1895 года, кн. XII, стр. 697.
2) Русскій Вѣстникъ 1890 г., кн. XI, стр. 36.
3) Сочин. и Переп. П. А. Плетнева, т. III, стр. 583.
4) Ibid. т. III, стр. 580.

на проявленіе дѣятельности коего вліяло душевное настроеніе Гоголя. Эти дружественныя отношенія принимають особенно близкій характеръ съ 1844 года, когда Гоголь и Плетневъ пишутъ другъ другу: «ты». Дальнѣйшее сближеніе обусловливается какъ участіемъ Плетнева въ судьбѣ Гоголя, такъ и тѣмъ, что со стороны Плетнева Гоголь получалъ больше пріятныхъ вѣстей, чѣмъ отъ другихъ напр., московскихъ друзей, и что Плетневъ раздѣлялъ и поддерживалъ взгляды Гоголя, развившіеся на почвѣ мистицизма. Это подтверждается нѣкоторыми письмами Плетнева. Отношенія ихъ однако этимъ не исчерпываются. Плетневъ, цѣня въ Гоголѣ талантъ, неоднократно спрашиваетъ мнѣній его по вопросамъ литературы и публицистики, и письмо Гоголя, напр. отъ 4 декабря 1846 г., гдѣ онъ вполнѣ опредѣленно и вѣрно говоритъ о недостаткахъ издававшагося Плетневымъ журнала «Современникъ», вполнѣ подтверждаетъ то, что Плетневъ не ошибался, полагаясь на авторитетное слово Гоголя.

Всѣ письма Гоголя къ Плетневу обнимаютъ время съ 1832 года (1-е письмо 9 Октября) по 1851 годъ (послѣднее 30 ноября). Перерывы въ перепискѣ были съ 1832 по 1837 и съ 1837 по 1839 годъ. До наступленія 1841 года было немного писемъ, именно не болѣе двухъ для каждаго года. Наибольшее количество писемъ относится къ 1842 году, и затѣмъ 1844, 1846 и 1847 годамъ, т. е. къ тѣмъ годамъ, въ которые душевная драма личной жизни Гоголя выразилась вполнѣ ярко и опредѣленно.

Что касается вопросовъ, которые затронуты-были въ перепискѣ, то они самаго разнообразнаго характера, а именно: хлопоты Плетнева въ цензурномъ комитетѣ по изданію сочиненій Гоголя, печатаніе и исправленіе этихъ произведеній, продажа ихъ, высылка Гоголю денегъ за нихъ, присылка критическихъ отзывовъ объ этихъ произведеніяхъ, разборъ Плетневымъ этихъ произведеній; кромѣ того важнымъ вопросомъ является вопросъ объ отношеніяхъ къ друзьямъ, читателямъ, обществу; наконецъ однимъ изъ особенно важныхъ вопросовъ, которые затрогиваются въ письмахъ, былъ вопросъ, касающійся внутренней, душевной жизни Гоголя и тѣхъ фактовъ, которые оказывали то или иное вліяніе на его душевное состояніе, на его настроеніе. Мало того, на основаніи писемъ Гоголя

къ Плетневу можно прослѣдить исторію душевной жизни Гоголя, начиная съ 1832 года. Было бы однако преувеличеніемъ сказать, что эта жизнь открывается здѣсь со всею полнотою, но тѣ годы, въ которые процессъ его душевнаго перелома опредѣляется въ своихъ существенныхъ, специфическихъ чертахъ, представляютъ въ письмахъ Гоголя вполнѣ опредѣленныя данныя: раскрывая въ разные моменты жизни всѣ важнѣйшія настроенія своей души Плетневу, Гоголь въ тоже время иллюстрировалъ свои дружескія сношенія съ нимъ.

По справедливому замѣчанію Шенрока 1831 и 1832-й годы, когда Гоголь, благодаря Плетневу, вступилъ въ кружокъ литераторовъ, характеризуются у него необыкновеннымъ подъемомъ духа. Проведя лѣто 1831 года въ обществѣ Жуковскаго и Пушкина, которые относятся къ нему, какъ молодому собрату, и чувствуя подъ собою твердую почву новой, симпатичной ему обстановки, Гоголь не безъ самодовольства говоритъ о важной перемѣнѣ въ его жизни. Этотъ общій подъемъ духа отражается въ его письмахъ къ Плетневу, при чемъ такія явленія, какъ встрѣча и разлука съ нимъ необыкновенно сильно реагируютъ на его душевное состояніе. Насколько близокъ былъ Гоголь съ Плетневымъ и насколько эта близость выражается въ стремленіяхъ быть вмѣстѣ, говорить, дѣлиться мыслями, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писемъ, гдѣ Гоголь называетъ Плетнева «виновникомъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ своей жизни, другомъ милымъ, искреннимъ и т. п.» [1]). Между прочимъ въ письмѣ 9 октября 1832 г. Гоголь пишетъ Плетневу слѣдующее: «Я ежеминутно думаю о васъ и рвусь поскорѣе повѣситься вамъ на шею», и въ другомъ мѣстѣ: «Вы не можете себѣ представить, какъ я сгораю жаждою васъ видѣть. Одинъ только любовникъ, летящій на свиданіе, можетъ со мною сравниться» [2]).

Такое свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, какое наблюдается въ нѣсколькихъ письмахъ къ Плетневу, можно признать доминирующимъ до 1837 года. Этотъ періодъ жизни Гоголя богатъ какъ въ отношеніи его

1) Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ редакціею В. Н. Шенрока, т. I, стр. 461 и др.

2) Ibid., стр. 223—224.

творчества, такъ и въ особенности въ отношеніи тѣхъ духовныхъ замысловъ, кои относятся къ этому времени. Въ это же время пробуждается въ Гоголѣ интересъ къ исторіи, и онъ изучаетъ народныя пѣсни, увлекается поэтической стороной прошлаго; вмѣстѣ съ симъ зарождаются и осуществляются планы о занятіи профессорской кафедры, въ дѣлѣ осуществленія коихъ Плетневу принадлежитъ огромная заслуга. Наконецъ, къ этому же періоду относится печатаніе и постановка на сценѣ комедіи: «Ревизоръ». Уже одинъ перечень этихъ фактовъ свидѣтельствуетъ о большомъ богатствѣ и разнообразіи. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливостью утверждать, что настроеніе Гоголя на всемъ протажеіи этого періода было исключительно свѣтлымъ, жизнерадостнымъ; нѣтъ, въ немъ были и грустные мотивы. Ихъ вызывала оборотная сторона жизненной медали. Въ то время какъ нѣкоторые и даже большинство изъ перечисленныхъ мною фактовъ вліяли благотворно на Гоголя, сообщая подъемъ духа, возбуждая энергію, другіе дѣйствовали подавляющимъ образомъ, вызывали грустное настроеніе. Къ числу первыхъ слѣдуетъ отнести успѣхъ въ дѣлѣ полученія профессорской кафедры, нравственное удовлетвореніе, вызванное появленіемъ въ свѣтѣ его произведеній и особенно «Ревизора», похвалами ихъ автору, а равно изученіемъ народной лирики и наконецъ первымъ знакомствомъ съ Италіей и Римомъ. Ко вторымъ относится вынужденное прекращеніе профессорской дѣятельности, а затѣмъ тѣ огорченія, какія явились результатомъ хлопотъ и затрудненій, связанныхъ съ печатаніемъ комедіи: «Ревизоръ», а также нападки общества и критики на ея автора. Эти послѣдніе факты жизни Гоголя слѣдуетъ считать виновниками его грустнаго настроенія, и въ немъ то можно видѣть зародыши той душевной рефлексіи, которая, развиваясь постепенно, увлекала Гоголя съ пути продуктивнаго творчества на путь мистицизма и привела къ тяжелымъ душевнымъ страданіямъ.

Первымъ крупнымъ по своимъ послѣдствіямъ для Гоголя фактомъ была смерть Пушкина, который, какъ принято думать, далъ Гоголю сюжеты для «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Этотъ фактъ, а именно смерть Пушкина, выбилъ Гоголя впервые изъ колеи того душевнаго спокойствія и равновѣсія, которое для успѣха его литературной дѣятельности является

необходимой стихіей. До этого факта, хотя въ жизни Гоголя были явленія, вызывавшія грустное настроеніе, и между прочимъ болѣзнь, вызвавшая поѣздку за границу, но общій характеръ, общій тонъ настроенія—приподнятый. Съ этого момента—смерти Пушкина—грусть и тоска постепенно усиливаются. И никогда Гоголь не выражалъ такъ ярко и такъ задушевно охватившихъ его грустныхъ чувствъ, какъ въ письмѣ къ Плетневу изъ Рима 16 марта 1837 года. По поводу смерти Пушкина Гоголь пишетъ: «Все высшее наслажденіе моей жизни исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не вообразилъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы..... Тайный трепетъ невнушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу. Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе.... Я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ я принимался за перо, и перо падало изъ моихъ рукъ. Невыразимая тоска!» [1]). Въ этомъ письмѣ ярко обрисовывается то огромное значеніе, какое имѣла для Гоголя смерть Пушкина. Гоголь чувствуетъ и сознаетъ, что потерялъ важную опору въ жизни, опору нравственную, регулировавшую его душевное равновѣсіе, что онъ лишился вдохновителя своихъ творческихъ работъ, что онъ лишился своего идеала, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивались всѣ его поэтическія грёзы и думы.

Это тяжелое душевное состояніе тоски и безпочвенности, поддерживаемое сознаніемъ отсутствія важнѣйшей опоры въ жизни, вполнѣ гармонировало и съ состояніемъ его здоровья. На послѣднее онъ жалуется еще въ 1835 и 1836 годахъ, и главнымъ побужденіемъ его поѣздки за границу было желаніе поправить здоровье, которое легко поддавалось вліянію тѣхъ впечатлѣній, какія вызывались обстоятельствами жизни и какія приходилось переживать Гоголю. На основаніи писемъ къ Плетневу можно категорически утверждать, что ухудшеніе здоровья наступало всегда непосредственно послѣ ряда неудачъ личной жизни Гоголя. Такъ, послѣ глубоко лирическихъ строкъ, гдѣ онъ изливаетъ свое горе по случаю

1) Письма Н. В. Гоголя, изд. подъ ред. В. Н. Шенрока, т. I, стр. 432.

смерти Пушкина, онъ говоритъ и объ ухудшеніи состоянія своего здоровья. Та теплота, съ которой онъ относится къ Плетневу до наступленія смерти Пушкина, становится теперь сильнѣе и постояннѣе. Гоголь развиваетъ Плетневу свои планы и намѣренія, навѣянныя пребываніемъ своимъ въ Италіи и Римѣ. Обстановка этого города и всей страны, производившая на Гоголя чарующее впечатлѣніе, приводитъ его къ намѣренію создать записки. Въ этихъ записках «должны вѣрно отразиться», говоритъ Гоголь,—«впечатлѣнія моей души, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности» [1]). Съ такими словами обращается Гоголь къ Плетневу въ письмѣ отъ 2 октября 1837 года. До какой степени велико было увлеченіе Гоголя Римомъ и Италіей, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что послѣ двухлѣтняго перерыва своей переписки съ Плетневымъ (1837—39 гг.) Гоголь убѣждаетъ Плетнева пріѣхать въ Италію, отдохнуть и отвлечься отъ тѣхъ горестныхъ мыслей и чувствъ, какія навѣяны были смертью первой жены Плетнева Степаниды Александровны, урожденной Раевской, умершей въ 1839 году. Выражая Плетневу теплое дружеское сочувствіе, Гоголь не можетъ воздержаться отъ упоминанія о смерти Пушкина. «Я никакъ не могъ предчувствовать смерти Пушкина, и я разстался съ нимъ, какъ будто разлучаясь всего на два дня».

Въ ноябрѣ 1839 года, мы видимъ Гоголя въ Москвѣ; сюда онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы устроить своихъ сестеръ и свои финансовыя дѣла. Побывалъ онъ и въ С.-Петербургѣ; непріятныя впечатлѣнія родины побуждаютъ Гоголя отправиться опять въ путешествіе за границу, и въ маѣ 1840 года онъ опять ѣдетъ въ Италію. Первыя впечатлѣнія послѣ пріѣзда, описанныя въ письмѣ къ Плетневу, свидѣтельствуютъ объ его удовлетворенности и о подъемѣ духа. Гоголь проситъ Плетнева помочь ему устроиться секретаремъ при Директорѣ русскихъ художниковъ въ Римѣ Кривцовѣ. Онъ приходитъ въ восторгъ при мысли о возможности удачи. «Вообразите себѣ: я въ Римѣ и обезпеченъ. Только работай да наслаждайся. Это было бы такъ хорошо» [2]). Вслѣдъ засимъ «почуявъ просыпающееся

1) Письма Н. В. Гоголя, т. I, стр. 462.

2) Ibid., т. II, стр. 51.

вдохновенье», онъ съ жаромъ отдается работѣ. Но его постигаетъ тяжелая болѣзнь, которая опять накладываетъ мрачный отпечатокъ на его мысли и настроеніе, котораго не можетъ изгладить предпринятое имъ путешествіе. «Теперь»,—пишетъ онъ Плетневу, «въ моемъ больномъ грустномъ, часто лишенномъ надежды душевномъ состояніи, доставляетъ для меня радость это перебирать въ мысляхъ моихъ немногихъ, но любящихъ прекрасныхъ друзей, вычислять всѣ случаи жизни, гдѣ дружба ихъ обнаруживалась ко мнѣ, и сердце у меня начинаетъ такъ сильно биться, какъ можетъ только биться у ребенка, который не изумляется отъ радости, но остается какъ будто перепуганъ радостью» [1]). Оправившись затѣмъ отъ болѣзни, Гоголь съ трудомъ заканчиваетъ къ началу осени 1841 года свою работу надъ первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», и съ сознаніемъ выполненнаго долга отправляется въ Россію для напечатанія ихъ, предполагая пробыть въ Россіи продолжительное время.

Его взорамъ открывалась блестящая будущность, о которой онъ мечталъ въ юности, та будущность, въ которой онъ видѣлъ цѣлый рядъ своихъ благородныхъ подвиговъ на пользу дорогой ему родины. Это свѣтлое душевное настроеніе, вызванное успѣшнымъ окончаніемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ», соединялось еще съ мыслью о томъ, что будущее его въ матеріальномъ отношеніи тоже будетъ вполнѣ обезпеченнымъ; все это настроеніе, соединенное съ надеждой довершить подвигъ, состоящій въ окончаніи поэмы «Мертвыя Души» и притомъ посреди итальянской природы, дѣлало въ глазахъ Гоголя жизнь прекрасною. «Неопровержима вѣра моя въ свѣтлое будущее», — пишетъ онъ Плетневу изъ Москвы въ январѣ 1842 г.: «и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой» [2]), и въ мартѣ того же года: «Ничѣмъ другимъ не могу заняться я теперь кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ. Это (т. е. первый томъ «Мертвыхъ Душъ») больше ничего, *какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится*. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться

1) Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 86—87.
2) Ibid., стр. 143.

отъ него на минуту есть уже мое несчастье»[1]). Но это бодрящее настроеніе Гоголя окончательно разбилось о тѣ непріятности, какія созданы были цензурными затрудненіями при печатаніи его произведенія. Эти затрудненія были обусловлены недовѣріемъ органовъ цензуры къ взглядамъ и убѣжденіямъ Гоголя, общими пріемами дѣятельности цензуры, и главнымъ образомъ превратнымъ пониманіемъ и толкованіемъ всего того, что писалъ Гоголь. Другою не менѣе важной причиной, разрушившей это настроеніе, были нападки критики на его трудъ, нападки, оказавшія огромное и, можно сказать, роковое вліяніе на его впечатлительную натуру.—Жалуясь на несправедливость цензуры, которая обвиняла автора поэмы «Мертвыя Души» даже въ отрицаніи безсмертія души, Гоголь, «разстроенный тѣломъ и духомъ», пишетъ Плетневу о томъ, что «непостижимъ Вышній произволъ для человѣка, и то, что кажется намъ гибелью, есть наше спасеніе»[2]). Примирившись съ мыслью о томъ, что необходимо отложить печатаніе труда, въ которомъ есть недостатки, Гоголь горюетъ о томъ, что у него хотятъ «вырвать кусокъ хлѣба, выработанный семью годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и его выгодъ»; между тѣмъ «все средства и все существованіе заключено въ этой поэмѣ»[3]). Цѣлый рядъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ личной жизни, связанныхъ съ печатаніемъ «Мертвыхъ Душъ», приводитъ Гоголя къ рѣшимости отправиться снова за границу, «такъ какъ», говоритъ онъ, «въ самой природѣ моей заключена *способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него.* Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ; только тамъ она предстанетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ.... а здѣсь открытаго горизонта нѣтъ передо мною»[4]). Тяжелое душевное состояніе Гоголя не изглаживается даже послѣ принятія этой опредѣленно выраженной рѣшимости. Въ томъ же письмѣ къ Плетневу онъ говоритъ: «вы сами въ душѣ вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому не видны мои страданія. Давно остывшій

1) Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 157.
2) Ibid., стр. 143.
3) Ibid., стр. 138.
4) Ibid., стр. 157.

и угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и *тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе, выше всѣхъ мірскихъ несчастій*». Эти послѣднія слова важно отмѣтить потому, что Гоголь, во-первыхъ, опредѣленно говоритъ самъ о нарушеніи въ немъ душевнаго равновѣсія, и во-вторыхъ, о началѣ и значеніи для него душевной тревоги. И въ этомъ состояніи для Гоголя дорога поддержка Плетнева, какъ поддержка человѣка, который можетъ оказать свою помощь и участіе. Объ этомъ участіи проситъ Гоголь Плетнева въ письмѣ изъ за-границы (Рима) отъ 2 ноября 1842 г., гдѣ называетъ Плетнева «другомъ души своей»; участіе это должно выразиться еще въ томъ, чтобы Плетневъ содѣйствовалъ представленію рукописи «Мертвыхъ Душъ» Государю Императору, и чтобы Плетневъ самъ написалъ разборъ этого произведенія [1]).

1842 годъ въ душевной жизни Гоголя важенъ тѣмъ, что у него созрѣваетъ планъ собственнаго душевнаго воспитанія. Этотъ планъ, совпадающій съ тѣмъ душевнымъ переломомъ, въ процессѣ коего выступаетъ на главное мѣсто личность моралиста, заслоняя собою все больше и больше художника, подготовлялся цѣлымъ рядомъ предшествующихъ обстоятельствъ. Я уже обратилъ вниманіе на колебанія въ его настроеніи, начиная съ 1837 года, когда грустные мотивы за нѣкоторыми счастливыми исключеніями постепенно становятся преобладающими, и что эти мотивы обусловливаются неблагопріятными обстоятельствами его жизни, а затѣмъ его болѣзненнымъ состояніемъ. Среди этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ обращаютъ на себя особое вниманіе неудачи, вызванныя печатаніемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ», а также несочувственное отношеніе публики во время перваго представленія «Ревизора», и въ особенности несправедливые толки и пересуды угрожающаго характера по поводу этой комедіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что еще съ 1836 года становится замѣтнымъ мистическое настроеніе Гоголя, который смотритъ на всѣ посылаемыя ему несчастія, какъ на благо, а въ 40-хъ годахъ онъ вполнѣ опредѣленно говоритъ, что «во всемъ, что съ нимъ случалось, ясно видна святая воля Бога; подобныя вещи не приходятъ отъ

1) Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 231—232.

человѣка, никогда не выдумать ему такого сюжета» [1]). Поэтому Гоголь легко примиряется съ мыслью о недостаткахъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» и, прося Плетнева написать разборъ этого произведенія, пишетъ ему изъ Рима слѣдующее: «Мнѣ теперь больше, чѣмъ когда-либо, нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы будьте взыскательны, и постарайтесь отыскать во мнѣ побольше недостатковъ, хотя бы они вамъ самимъ казались неважными. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ передъ всѣмъ свѣтомъ. Безъ сознанія не можетъ быть исправленія. Но вы меня поймете, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что есть годы, когда разумное безстрастіе воцаряется въ душу и когда возгласы, шевелящіе юность и честолюбіе, не имѣютъ власти надъ душою» [2]). Продолжая жить за границей, Гоголь опредѣленно выражаетъ свою задачу—*воспитать въ себѣ внутренняго человѣка*. Для осуществленія этой задачи Гоголь поручаетъ веденіе своихъ дѣлъ друзьямъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему необходимо создать благопріятныя условія для осуществленія своей цѣли. Изъ Дюссельдорфа онъ пишетъ Плетневу въ октябрѣ 1843 г. о томъ, что не надѣется выпустить скоро что-либо новое, такъ какъ «трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ» [3]). Выражая свою надежду на то, что впослѣдствіи онъ будетъ творить полнѣе и быстрѣе, Гоголь въ томъ же письмѣ говоритъ слѣдующее: «Сочиненія мои такъ тѣсно связаны съ духовнымъ образованіемъ меня самого, и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее, сильное воспитаніе душевное и притомъ глубокое, что нельзя надѣяться на скорое появленіе моихъ новыхъ сочиненій».

Къ этому времени Гоголь попадаетъ въ общество Смирновой, Вьельгорскихъ, Соллогуба и др. лицъ. На почвѣ вопросовъ, связанныхъ съ религіозно-нравственнымъ совершенствованіемъ, происходитъ между ними сближеніе, и 1844 годъ имѣетъ особенно важное значеніе въ жизни Гоголя, такъ какъ Гоголь, проведя значительную часть времени въ религіозно-

1) Сочин. и письма Гоголя, т. V, стр. 486.
2) Письма Гоголя, т. II, стр. 281.
3) Ibid., т. II, стр. 345.

мистической атмосферѣ, созданной кружкомъ упомянутыхъ выше лицъ, проникается тѣми взглядами, которые имѣли роковое вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія его творчества. Этотъ же годъ можно отмѣтить фактами особенной близости его къ Плетневу, къ которому Гоголь обращается съ просьбой выяснить возникшія недоразумѣнія между нимъ и московскими друзьями, разразившимися на Гоголя цѣлымъ рядомъ упрековъ и обвиненій. Признавая основательность упрековъ, Гоголь старается доказать пристрастіе къ нему друзей и даже самого Плетнева. Послѣдній дѣлаетъ—по словамъ Гоголя—ошибку въ томъ, что берется высказывать свое сужденіе о Гоголѣ, который «еще въ душѣ своей воспитывается, и всякое движеніе его производитъ одно недоразумѣніе» [1]). Несмотря однако на отмѣченное со стороны Плетнева пристрастіе, Гоголь оказываетъ ему предпочтеніе передъ всѣми другими друзьями; это предпочтеніе свидѣтельствуетъ о глубокой нравственной связи между ними, которая съ годами становилась все сильнѣе. Эта связь даетъ основаніе Гоголю быть болѣе откровеннымъ передъ Плетневымъ въ томъ, что касалось обвиненій его въ скрытности и замкнутости. Оправдываясь противъ этихъ обвиненій, Гоголь замѣчаетъ слѣдующее: «Другъ! кто воспитываетъ еще себя, тому не слѣдуетъ и на время заглядывать въ свѣтъ..... жизнь моя среди свѣта будетъ безполезна, пока я не выучусь тому, безъ чего мнѣ и ступить нельзя въ свѣтѣ и выносить все то, что выносятъ другіе люди» [2]).

Отъ переживаемаго имъ процесса внутренняго воспитанія, ставшаго цѣлью его жизни въ данный періодъ, Гоголь выноситъ нравственное удовлетвореніе на основаніи результатовъ, и этими результатами пользуется для защиты отъ разнообразныхъ нападковъ друзей. «И если человѣкъ уже дошелъ до того, что самъ можетъ видѣть свои недостатки и пороки, и видѣть свою природу, онъ одинъ можетъ знать, какой дорогой онъ можетъ итти» [3]), и далѣе: «Богъ знаетъ, что дѣлается въ глубинѣ души человѣка; иногда положеніе можетъ быть такъ странно, что онъ похожъ на одержимаго летаргическимъ сномъ.....онъ видитъ и слышитъ, что готовятся его зарывать въ землю. Если же»,—заканчиваетъ письмо свое

1) Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 521.
2) Ibid., т. II, стр. 525.
3) Ibid., стр. 524.

Гоголь, «тебѣ покажется, что я заблудился и иду не той дорогой, помолись такъ въ своей душѣ: Боже! просвѣти его и научи тому, что ему нужно на пути его. Дай ему выполнить то именно назначеніе, для котораго онъ и созданъ тобою же.... Если же отшатнется, то пожалѣй его бѣдную душу и снеси съ лица земли» [1]). Этотъ тяжелый процессъ внутренняго воспитанія, какъ необходимаго условія для надлежащей и продуктивной литературной дѣятельности, заканчивается въ Гоголѣ къ концу 1845 года; объ этомъ можно судить на основаніи его же письма къ Плетневу въ ноябрѣ этого года. «Много въ это время совершилось въ глубинѣ души моей», говоритъ Гоголь: «и да будетъ благословенна во вѣки воля пославшаго мнѣ скорби и все то, что мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія. Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя, какъ слѣдуетъ, для труда моего; мертво и холодно было бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама природа» [2]).

Въ связи съ этимъ окончаніемъ внутренняго душевнаго воспитанія слѣдуетъ поставить важный и печальный фактъ именно сожженіе втораго тома «Мертвыхъ Душъ», которое объясняется недовольствомъ Гоголя, явившимся подъ вліяніемъ новыхъ, предъявленныхъ къ этому произведенію требованій, а также усилившимся къ этому времени тяжелымъ болѣзненнымъ его состояніемъ. Этотъ фактъ заставилъ Гоголя пережить тяжелыя минуты, неблагопріятно отразившіяся на состояніи его здоровья и усилившія болѣзненное состояніе его организма до того, что онъ совершенно теряетъ нравственную почву и выражаетъ полную безнадежность своего положенія: «Одному Богу возможно излѣчить меня». Уничтоженіе втораго тома «Мертвыхъ Душъ» побудило его искать успокоенія. Такое успокоеніе Гоголь находитъ въ надеждѣ совершить путешествіе по сѣверной Европѣ. Указывая Плетневу на то, что два средства ему помогаютъ, а именно купанье и путешествіе, Гоголь говоритъ: «Видно на то воля Божія, и мнѣ нужно болѣе, чѣмъ кому-либо, считать свою жизнь безпрерывной дорогой и не останавливаться ни въ какомъ мѣстѣ иначе, какъ

1) Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 27.
2) Ibid., т. III, стр. 12.

на временный ночлегъ и минутное отдохновеніе» [1]). Вторымъ утѣшеніемъ является по его словамъ мысль о томъ, что ему надлежитъ выполнить одну работу. Этой работой была работа надъ «Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями», о напечатаніи коихъ Гоголь проситъ Плетнева въ письмѣ отъ 30 іюля 1846 года. До этой просьбы Гоголь старается насколько возможно объяснить Плетневу свое душевное состояніе и жалуется на непониманіе его друзьями и обществомъ. «Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя, и всякія горькія и трудныя минуты, и всякія недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, и все на то, чтобы разрѣшилась во мнѣ та трудная задача, которая безъ того не разрѣшилась бы во вѣки.....все остальное тебѣ договоритъ мое же твореніе, если угодно будетъ святой волѣ Его ускорить» [2]). Попытка объяснить свое состояніе, отразить нападки общества и вмѣстѣ съ тѣмъ заслужить довѣріе выражается въ такихъ словахъ: «Другъ, мнѣ тяжело!..... Не требуйте отъ меня покуда ничего, не создавайте изъ меня своего идеала, не заставляйте меня работать но какимъ-нибудь планамъ, отъ васъ начертаннымъ.... У меня душевное дѣло.... Жизнь моя другая, жизнь моя внутренняя, покуда вамъ невѣдомая. Потерпите и все объяснится» [3]). Что касается «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», то этой книгѣ Гоголь придавалъ огромное значеніе. «Она нужна слишкомъ нужна всѣмъ.... и разойдется она больше, чѣмъ всѣ мои произведенія [4]). Дѣло мое правда и польза... я надѣюсь на Бога, что онъ укрѣпитъ меня въ сей работѣ». «Книга эта», продолжаетъ Гоголь въ другомъ мѣстѣ,—«нужна для общаго добра. Мнѣ говоритъ это мое сердце и необыкновенная милость Божія, давшая мнѣ силы потрудиться тогда, когда я уже не смѣлъ думать о томъ, не смѣлъ и ожидать потребной для того свѣжести душевной».

Несмотря однако на тотъ подъемъ духа, какой вызывался надеждой на успѣхъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ его переписки», у Гоголя можно наблюдать также и моменты крайней подавленности духа, состояніе той

1) Письма Н. В. Гоголя, т. III, стр. 190.
2) Ibid., т. III, стр. 148.
3) Ibid., т. III, стр. 192—194.
4) Ibid., т. III, стр. 199.

душевной тяжести, какая вызывалась ложнымъ представленіемъ о его собственной литературной дѣятельности. Неудовлетворенность послѣднею, какую можно наблюдать еще въ 1841 и 1842 годахъ послѣ первыхъ нападокъ критики на первый томъ «Мертвыхъ Душъ», выражается въ словахъ его къ Плетневу (въ январѣ 1842 г.): «И теперь уже начинаю видѣть многіе недостатки этого труда, и когда сравню эту первую часть съ тѣми, которыя имѣютъ быть впереди, вижу, что нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье-углубить» [1]). Эта неудовлетворенность Гоголя своею литературной дѣятельностью съ годами все болѣе и болѣе усиливается, принимая какой-то особый болѣзненный отпечатокъ. Въ письмѣ, помѣченномъ 21 ноября 1846 г., Гоголь подводитъ довольно грустный итогъ своей дѣятельности, говоря слѣдующее: «Мнѣ доставалось трудно все, что достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой—первыя необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ другихъ писателей.... Все написанное замѣчательно только въ психологическомъ отношеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности» [2]). Однако облегчавшая Гоголя твердая надежда на то, что «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» удовлетворятъ друзей, общество и читателей, не оправдывается, и это усиливаетъ мрачное настроеніе Гоголя до того, что онъ приходитъ къ убѣжденію въ полной безполезности своей литературной дѣятельности, а потому выражаетъ по временамъ желаніе совершенно отказаться отъ нея. Онъ ищетъ и находитъ удовлетвореніе въ религіозныхъ подвигахъ, руководителемъ коихъ является съ 1847 года Ржевскій священникъ О. Матвѣй. Неудовлетворенный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели его «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», Гоголь говоритъ слѣдующее: «Я никогда не обольщался словами, и *драгоцѣнный даръ слышать душу человѣка мнѣ уже былъ издавна дарованъ Богомъ*, и въ неразвитомъ своемъ состояніи онъ руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми, и *передо мною сами собой отдѣлялись звуки истинные словъ отъ*

1) Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 142.
2) Ibid., т. III, стр. 276.

звуковъ фальшивыхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ» [1]). «Не мы управляемъ своими дѣйствіями: ими незримо правитъ Богъ. Мы только орудія его воли, и *нами же онъ говоритъ намъ»* [2]). Подъ вліяніемъ этого настроенія, а также руководства О. Матвѣя Гоголь задумываетъ отправиться въ Іерусалимъ, чтобы дать полное удовлетвореніе своему религіозному чувству. Съ полнымъ сознаніемъ покорности Провидѣнію Гоголь выражаетъ полное примиреніе съ тѣмъ, что дѣйствительность обманула его надежды относительно его книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», такъ какъ не только не было похвалъ, но друзья и критика старались втолковать Гоголю ошибочность его взглядовъ и міросозерцанія. Отзывы объ этой книгѣ присылаетъ ему Плетневъ, и къ августу 1847 года Гоголь резюмируетъ эти отзывы, говоря о нихъ въ письмѣ къ Плетневу слѣдующее: «Вездѣ сказана часть какой-нибудь правды. Но рѣдко кто могъ понять, что мнѣ нужно было оставить литературное поприще, а заняться душой и внутренней жизнью своею для того, чтобы потомъ возвратиться къ литературѣ создавшимся человѣкомъ. . . . и не вышли бы мои сочиненія блестящими побрякушками» [3]). Критика и друзья не въ силахъ были разрушить коренное убѣжденіе Гоголя, которое было въ тоже время и заблужденіемъ его, и которое состояло въ слѣдующемъ: Гоголь полагалъ, что онъ призванъ силою свыше освященнаго добра обратить всѣхъ къ добру [4]). Поэтому теперь его не особенно смущаютъ нападки критики по поводу его «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». «Путь мой твердъ и во всемъ надо довѣриться Провидѣнію и молиться» [5]). Присутствіе этой твердости Гоголь «считаетъ знакомъ особенной милости Божіей къ себѣ». Мало того онъ питаетъ глубокую надежду на то, что «Богъ воздвигнетъ его духъ до надлежащей свѣжести совершить работу всюду, на всякомъ мѣстѣ и въ какомъ бы то ни было тяжеломъ состояніи тѣла: лежа, сидя и даже не двигая руками». Такое успокоеніе, несмотря на дружныя нападки критики, объясняется тѣмъ религіозно-ми-

---

1) Письма Н. В. Гоголя, т. III, стр. 103.
2) Ibid., стр. 304.
3) Ibid., т. IV, стр. 61.
4) В. Н. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 447.
5) Письма Н. В. Гоголя, т. III, стр. 479.

стическимъ настроеніемъ, какое къ этому времени окончательно овладѣло Гоголемъ. Неосуществившаяся надежда на ту необъятную пользу, какую должны были принести «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», находитъ выходъ въ новыхъ намѣреніяхъ Гоголя разъяснить то, что не разъяснила «Переписка» посредствомъ «Авторской Исповѣди», которая должна была внести необходимыя поправки и дополненія. О цѣли изданія «Авторской Исповѣди» Гоголь въ іюнѣ 1848 г. пишетъ Плетневу слѣдующее: «пусть и нелитераторъ увидитъ, я ли виновенъ въ недѣятельности, или Тотъ, Кто располагаетъ всѣмъ и противъ Кого трудно итти человѣку.... Мнѣ чувствуется, что мы сойдемся съ тобой душа въ душу относительно дѣла литературы. Молю только Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы изложить все просто и правдиво»[1]). Объ изданіи этой книги Гоголь опредѣленно пишетъ Плетневу въ іюлѣ того же года. Послѣднее письмо этого года характерно въ томъ отношеніи, что Гоголь подчеркиваетъ свое одиночество, говоря: «Я одинъ; со мною нѣтъ никого, кто бы поддержалъ на пути въ мои малодушныя минуты, равно какъ и минуты безсилія моего тѣлеснаго». Жалуясь на то, что онъ долго не получаетъ писемъ отъ Плетнева, Гоголь замѣчаетъ: «Мнѣ теперь такъ нужны письма близкихъ, самыхъ близкихъ людей».

Подъ вліяніемъ той душевной тяжести, какая создалась подъ вліяніемъ неосуществившихся надеждъ, а равно связаннаго съ симъ сознанія безполезности своей дѣятельности и наконецъ тяжелаго сознанія одиночества, Гоголь выражаетъ рѣшимость поѣхать въ Іерусалимъ, «поблагодарить Бога за все, что случилось» и запастись новыми свѣжими силами. Рѣшимость эта приведена была въ исполненіе въ первой половинѣ 1848 года, но поѣздку эту нельзя считать благопріятной для душевнаго настроенія Гоголя; хотя въ письмахъ его къ Плетневу и нѣтъ прямыхъ указаній на это, но можно опредѣлительно сказать, что и здѣсь надежды Гоголя не вполнѣ оправдались. Единственно, что заслуживаетъ вниманія, какъ результатъ поѣздки, это твердая рѣшимость закончить поэму «Мертвыя Души».

Періодъ съ 1848 по 1851 годъ не богатъ фактическими данными,

---

1) Письма Н. В. Гоголя, т. III, стр. 480.

какія могли бы иллюстрировать внутреннюю интимную жизнь Гоголя, поскольку она характеризуется его письмами къ Плетневу. Въ письмахъ Гоголя къ Плетневу, относящихся къ этому періоду, мы встрѣчаемъ тѣ же просьбы объ улаживаніи личныхъ дѣлъ, присылкѣ денегъ, изліянія чувства привязанности и т. п. Характерно впрочемъ лишь отмѣтить здѣсь то, что́ имѣетъ отношеніе къ исторіи его душевной драмы. Въ іюлѣ 1848 г. Гоголь изъ Васильевки пишетъ: «Чувствую, что можетъ быть еще *никогда не былъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумываній моихъ и помышленій*, какъ въ нынѣшнее время. *Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина*[1]). Что подъ этимъ трудомъ Гоголь разумѣлъ «Мертвыя Души», свидѣтельствуетъ письмо его изъ Москвы, помѣченное ноябремъ 1848 года. «Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ «Мертвыхъ Душъ», говоритъ Гоголь. Затѣмъ въ нѣсколькихъ письмахъ жалуется на то, что его работа надъ составленіемъ второго тома «Мертвыхъ Душъ» идетъ очень медленно. И неудивительно. Въ маѣ 1849 года Гоголь пишетъ Плетневу слѣдующее: «*я до того расколебался, и духъ мой пришелъ въ такое волненіе*, что никакія медицинскія средства и утѣшенія не могутъ дѣйствовать. Уныніе и хандра овладѣли мною»[2]). Въ маѣ 1851 года Гоголь сообщаетъ Плетневу, что «второй томъ «Мертвыхъ Душъ» умнѣе перваго. Это могу сказать», пишетъ Гоголь: «какъ человѣкъ, имѣющій вкусъ. Но какъ разсмотрю весь процессъ, вижу, что уменъ только Тотъ, Кто творитъ и зиждетъ все»[3]). Кромѣ того въ этотъ періодъ жизни Гоголь переживаетъ цѣлый рядъ состояній безпокойства, обусловленныхъ убѣжденіемъ въ томъ, что «наступаетъ такое время, въ которое нельзя думать о собственномъ удовольствіи и мирномъ провожденіи времени; *нужно покрѣпче молиться*». Это состояніе чередуется съ усиліями, направленными на окончаніе поэмы. Послѣднее письмо Гоголя къ Плетневу помѣчено 30 ноября 1851 года и предста-

---

1) Письма Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 196.
2) Ibid., т. IV, стр. 257.
3) Ibid., т. IV, стр. 383.

вляетъ собою изложеніе жалобъ на болѣзнь, на утомленіе, на небольшое количество свѣтлыхъ минутъ и наконецъ на желаніе поскорѣе окончить свой трудъ. Общій характеръ душевнаго настроенія Гоголя, выраженнаго въ этомъ письмѣ, суммируетъ все то, что переживалъ Гоголь послѣ поѣздки въ Іерусалимъ.

Такимъ образомъ, письма Гоголя къ Плетневу, главныя черты содержанія коихъ здѣсь изложены, иллюстрируютъ тѣсныя дружескія отношенія между ними, которыя можно наблюдать на протяженіи цѣлаго ряда лѣтъ (1831—1851), причемъ основаніемъ для этихъ отношеній служитъ теплое участіе Плетнева въ судьбѣ Гоголя, который часто обращался за совѣтами къ нему, какъ къ своему старшему другу, а затѣмъ солидарность общихъ интересовъ, возбуждавшихся явленіями литературы и искусства преимущественно, а затѣмъ и жизни. Будучи вполнѣ преданнымъ другомъ, устроившимъ судьбу Гоголя, какъ писателя и заботившимся о его внѣшнихъ, матеріальныхъ интересахъ, снабжая его наконецъ разнообразными совѣтами и наставленіями, Плетневъ не всегда понималъ Гоголя, именно не понималъ вполнѣ тѣхъ внутреннихъ, душевныхъ переживаній, какія характеризовали настроеніе Гоголя послѣ наступленія въ немъ перелома. Такъ, насколько можно судить по письму Гоголя въ декабрѣ 1844 г. [1]), Плетневъ предполагаетъ, что *славолюбіе* Гоголя является единственнымъ побужденіемъ всѣхъ его дѣйствій, между тѣмъ какъ Гоголь въ это время былъ занятъ внутреннимъ воспитаніемъ своимъ, и подобнаго рода упрекъ былъ неоснователенъ. Затѣмъ, напоминая Гоголю о его трудѣ и о необходимости закончить его, Плетневъ въ отвѣтъ на письмо Гоголя о его недугахъ физическихъ, обусловленныхъ въ значительной степени болѣзнью души, пишетъ 14 декабря 1850 года: «Недуги твои, сколько могу судить по твоимъ разсказамъ, происходятъ отъ разстройства нервовъ, обыкновенно послѣдующаго за напряженными умственными трудами, а еще болѣе превращеніемъ ночи въ день и обратно» [2]). И затѣмъ довольно пространно излагаетъ ему систему леченія, которой самъ пользовался и которая

1) Русскій Вѣстникъ 1890 г., кн. XI, стр. 62.
2) Письма Н. В. Гоголя, т. II, стр. 521—522.

способствовала его выздоровленію, но которая въ то время для Гоголя была уже безполезна. Затѣмъ въ эпоху душевнаго перелома, когда въ Гоголѣ происходилъ процессъ внутренняго воспитанія и когда зарождалось стремленіе къ проповѣдничеству, отъ котораго удерживалъ Гоголя С. Т. Аксаковъ, Плетневъ въ 1844 году наставляетъ Гоголя такъ: «Я только желалъ бы, чтобы ты возвысился до настоящаго нравственнаго чувства, проливающаго въ сердце свѣтъ на обязанности наши къ Богу, людямъ, отечеству и даже нашему здѣсь призванію и принятымъ уже убѣжденіямъ. Ты долженъ строже опредѣлить себѣ, какъ надлежитъ тебѣ содѣйствовать развитію въ человѣчествѣ высшаго религіознаго и моральнаго настроенія, распространенію въ отечествѣ вѣчныхъ началъ науки и искусства, какъ устроить въ себѣ недостатки литературные.... Изъ генія—самоучки ты возвысишься до генія-художника и генія-просвѣтителя» [1]). На основаніи этихъ словъ можно сказать, что Плетневъ содѣйствовалъ завершенію того душевнаго процесса, въ результатѣ котораго и явились «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», появленіе коихъ Плетневъ восторженно привѣтствуетъ такими словами: «Вчера совершено великое дѣло: книга твоихъ писемъ пущена въ свѣтъ, но это дѣло совершитъ свое вліяніе только надъ избранными; прочіе не найдутъ себѣ пищи въ книгѣ твоей. А она по моему убѣжденію есть начало собственно руской литературы. Все, до сихъ поръ бывшее, представляется» —говоритъ Гоголю Плетневъ: «какъ ученическій опытъ на темы, выбранныя изъ хрестоматіи. Ты первый со дна почерпнулъ мысли и вынесъ ихъ на Божій свѣтъ» [2]). Этими словами Плетневъ укрѣплялъ Гоголя въ правильности выбраннаго имъ пути жизни и дѣятельности, цѣль которой по словамъ Плетнева должна состоять въ содѣйствіи развитію «въ человѣчествѣ высшаго религіознаго и моральнаго настроенія». Такія идеи лучше всего отвѣчали сложившимся убѣжденіямъ Гоголя, поколебать коихъ не удалось московскимъ друзьямъ. Поэтому вліяніе Плетнева на Гоголя можно признать вполнѣ благотворнымъ, лишь имѣя въ виду *первую* половину его дѣятельности, именно до наступленія душевнаго перелома. Что же касается *вто-*

---

1) Русскій Вѣстникъ 1890 г., кн. XI, стр. 37.
2) Русскій Вѣстникъ 1890 г., кн. XI, стр. 42.

рой половины жизни и дѣятельности Гоголя, когда онъ отдается дѣлу своего внутренняго воспитанія, то заслуга Плетнева здѣсь сводится къ умѣнію устроить и уладить преимущественно матеріальныя дѣла Гоголя, а также къ стремленію успокоить Гоголя въ томъ душевномъ настроеніи, которое вызывается сознаніемъ неудовлетворенности своею литературною дѣятельностью, и осложняется болѣзнями. При всемъ дружескомъ отношеніи къ Гоголю, Плетневъ давалъ Гоголю въ этотъ періодъ его жизни такіе именно совѣты и поддерживалъ его на томъ именно ложномъ пути, на который онъ вступилъ подъ вліяніемъ душевнаго перелома. Поэтому можно категорически утверждать, что Плетневъ внесъ свою значительную лепту въ кругъ тѣхъ отрицательныхъ вліяній, которыя сдѣлали для Гоголя его поэму «Мертвыя Души» той «подвижнической келіей, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока онъ», по выраженію Анненкова, «не былъ вынесенъ изъ нея бездыханнымъ».

Итакъ, письма Гоголя къ Плетневу, характеризуя ихъ отношенія, даютъ въ тоже время вѣрную картину важнѣйшихъ эпохъ его личной жизни, въ изображеніи которыхъ явленія внутренней, интимной жизни занимаютъ главное мѣсто. Эти эпохи слѣдующія: созданіе «Ревизора» и др. произведеній, жизнь за границей, планъ и работа надъ поэмой «Мертвыя Души», окончаніе перваго тома поэмы «Мертвыя Души», душевный переломъ и забота о внутреннемъ воспитаніи, и, какъ результатъ перемѣны взглядовъ, появленіе «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» и «Авторской исповѣди» и наконецъ тяжелый процессъ безнадежной работы надъ окончаніемъ поэмы: «Мертвыя Души». Судя по тѣмъ настроеніямъ, какія получили свое яркое выраженіе въ письмахъ Гоголя къ Плетневу, ихъ можно свести къ двумъ группамъ: Гоголь выразилъ здѣсь два настроенія: веселое, жизнерадостное, и грустное, мрачное. До 1837 года преобладающимъ является веселое, жизнерадостное настроеніе; послѣ же смерти Пушкина грустныя ноты постепенно берутъ перевѣсъ, и во вторую половину жизни Гоголя окрашиваютъ вполнѣ яркимъ цвѣтомъ его душевное настроеніе. Послѣ 1837 года былъ правда одинъ небольшой періодъ, совпавшій съ окончаніемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ», когда душевное настроеніе Гоголя было жизнерадостное и соединялось съ надеждами на свѣтлое будущее. Но послѣ этого факта письма Гоголя не говорятъ о

проявленіи такого настроенія, свидѣтельствуя въ лучшіе моменты его жизни лишь о внѣшнемъ спокойствіи. Такимъ образомъ, всѣ важнѣйшія эпохи внутренней, душевной жизни Гоголя, отражая перемѣны въ его настроеніи, совпадають почти съ исторіей созданія его поэмы «Мертвыя Души».

То душевное равновѣсіе, которое обусловливало собою продуктивность творческой дѣятельности Гоголя, нарушено было смертью Пушкина. Затѣмъ непріятности, которыя наступили послѣ окончанія перваго тома «Мертвыхъ Душъ», а также разнообразныя неудачи и неосуществленныя надежды способствують тому, что душевное равновѣсіе все болѣе и болѣе нарушается и является безпокойство. Правда, религіозно-аскетическія убѣжденія помогаютъ Гоголю примириться по крайней мѣрѣ въ нѣкоторые моменты жизни съ неудачами, однако въ душѣ его не было уже того спокойствія, которое необходимо было для успѣшной литературной дѣятельности, а была тяжелая, внутренняя душевная борьба. Объ этой борьбѣ говоритъ онъ самъ, когда сообщаетъ Плетневу о томъ, что онъ не покидаетъ надежды довести свою поэму до конца, и въ тоже время подробно пишетъ о тѣхъ трудностяхъ, какія ставятся ему его болѣзнями и тяжелымъ душевнымъ состояніемъ. Попытка на пути къ осуществленію его завѣтной надежды приводитъ къ изданію «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», а затѣмъ и «Авторской Исповѣди». Неудача, постигшая особенно первое изъ этихъ произведеній, усиливаетъ тяжелое душевное состояніе Гоголя, которое не могло измѣниться уже потому, что съ каждымъ годомъ Гоголь все больше и больше замѣчалъ, что его завѣтная мечта, съ которой онъ не разставался до смерти, а именно окончаніе поэмы «Мертвыя Души», отдаляется отъ своего осуществленія. Въ минуты этого сознанія онъ переживаетъ крайнее безпокойство, о которомъ онъ упоминаетъ неоднократно въ своихъ письмахъ къ Плетневу. Это безпокойство смѣняется затѣмъ по временамъ крайнимъ напряженіямъ силъ, направленнымъ на осуществленіе завѣтной мечты и истощавшимъ его слабый организмъ. Но это не приводило ни къ чему, такъ какъ по словамъ И. С. Аксакова «и задача, поставленная Гоголемъ, была неразрѣшима: она заключалась въ тщетныхъ усиліяхъ его найти примиреніе и свѣтлыя стороны тамъ, гдѣ ни то, ни другое невозможно

въ обществѣ» [1]). Такимъ образомъ, итогъ пережитымъ душевнымъ настроеніямъ Гоголя подводитъ эта именно тяжелая душевная драма, отъ тяжести коей не могли уберечь Гоголя ни его собственныя усилія и настойчивость, ни глубокая религіозность, ни высокій идеализмъ души, ни наконецъ даже такіе преданные друзья, какъ Плетневъ, для котораго значительно менѣе ясными и опредѣленными, чѣмъ для другихъ друзей Гоголя, представлялись сущность и особенности того тяжелаго и сложнаго душевнаго процесса, какой былъ переживаемъ Гоголемъ въ послѣдній періодъ его жизни.

Вячеславъ Каминскій.

2-го апрѣля 1910 г.
Варшава.

1) Русское Обозрѣніе 1894 г., VIII, стр. 464.

О говорѣ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я попалъ въ Шенкурскій уѣздъ лѣтомъ 1910 года и занимался тамъ, разъѣзжая по деревнямъ, собираніемъ матеріаловъ, относящихся къ живой крестьянской рѣчи, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Цѣль моей поѣздки была первоначально нѣсколько иная. Но затрудненія, помѣшавшія осуществленію первоначальной задачи, заставили меня измѣнить намѣченный планъ. Я заинтересовался говоромъ, и такъ началась настоящая работа.

Я прекрасно сознаю, что нижеслѣдующія строки спокойно могли-бы подождать какого-нибудь коллективнаго изданія въ родѣ «Матеріаловъ для изученія великорусскихъ говоровъ», гдѣ для нихъ нашлось-бы скромное мѣсто среди другихъ «отвѣтовъ на программы», но чисто случайныя причины побудили меня издать ихъ въ такомъ отдѣльномъ видѣ.—Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить глубокую признательность академику А. А. Шахматову и профессору Гельсингфорскаго университета И. И. Миккола, которые съ любезнымъ сочувствіемъ отнеслись къ моей работѣ.

Шенкурскій уѣздъ составляетъ самую южную часть Архангельской губерніи. На западѣ онъ граничитъ съ Каргопольскимъ уѣздомъ Олонецкой губ., а на югѣ и востокѣ его ближайшіе сосѣди—Вельскій и Сольвычегодскій уѣзды Вологодской губ. Важное культурное значеніе для уѣзда имѣютъ протекающія черезъ него рѣки Двина и Вага. Можно думать, что побережья этихъ рѣкъ и ихъ многочисленныхъ болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ очень рано способствовали заселенію

края. Названія мѣстностей [1]) и глухое народное преданіе приходятъ на помощь скуднымъ историческимъ даннымъ, касающимся колонизаціи уѣзда. Говорятъ о первоначальномъ «чудскомъ» племени, заселявшемъ въ доисторическое время весь сѣверъ, показываютъ курганы, «чудскія могилы», и городища, въ которыхъ еще недавно находили кое-какіе слѣды (оружіе и орнаменты) отъ дикихъ аборигеновъ края, и прибавляютъ, что съ прибытіемъ сюда русскихъ и съ водвореніемъ здѣсь христіанства «чудь» исчезла безслѣдно. Хотя мы не можемъ принять всѣхъ подобныхъ преданій за чистую монету, такъ какъ къ «чуди» причисляются и раскольники и другіе бѣглецы, которые скрывались въ огромныхъ лѣсахъ сѣвера, изслѣдователь исторіи края все-таки не можетъ не воспользоваться ими.

Кромѣ благопріятныхъ условій мѣстоположенія на долинахъ рѣкъ, земледѣлію, главному промыслу страны, содѣйствуютъ—лучшій по сравненію съ другими уѣздами губерніи климатъ и сравнительно хорошая почва. Между тѣмъ одного хлѣбопашества не хватаетъ для пропитанія народа. Приходится искать занятія и заработка въ окружающихъ лѣсахъ: рубятъ лѣсъ и сплавляютъ его рѣками до Архангельска, курятъ смолу и занимаются охотой (бьютъ бѣлку, горностаевъ и птицу). Многіе прибѣгаютъ къ рыболовству. Помимо всѣхъ названныхъ промысловъ предпріимчивый и подвижной народъ отлучается массами на отхожіе промыслы. Уходятъ въ Петербургъ, Архангельскъ, на Бѣлое море и въ центральныя губерніи, преимущественно въ Ярославскую. Трудно найти, въ особенности среди мужчинъ, человѣка, который-бы не «бурлачилъ» на чужой сторонѣ или который-бы по крайней мѣрѣ посредственно не подвергался чужому вліянію. Изслѣдователю старины прямо приходится радоваться рѣдкому случаю, когда ему удается черпать изъ такого непочатаго источника.

Чужое вліяніе сказывается въ измѣненіи внѣшнихъ условій жизни, умственнаго горизонта и—языка. Наблюдателю нетрудно притти къ заключенію, что старина доживаетъ послѣднія минуты своей жизни, хотя кое-гдѣ въ сторонѣ старинный укладъ жизни еще преобладаетъ надъ новой культурой. Дѣйствительно, еще до настоящаго времени въ захолуст-

---

1) Многія изъ нихъ, несомнѣнно, финскаго происхожденія.

ныхъ мѣстахъ можно встрѣтить «черную» избу на ряду съ крашеннымъ двухъэтажнымъ домомъ, примитивную лучину и огниво рядомъ съ болѣе усовершенствованными средствами для освѣщенія и добыванія огня. Такое-же близкое сосѣдство двухъ культуръ встрѣчаетъ насъ и въ области фольклора и языка. На ряду съ стариннымъ пѣсеннымъ и сказочнымъ преданіемъ получили права гражданства грубыя фабрично-городскія пѣсенки и анекдоты. Носителями поэтическаго преданія, которое, кстати говоря, кромѣ свадебныхъ и лирическихъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ ничего интереснаго не представляетъ, являются главнымъ образомъ женщины и люди «стараго вѣка». Среди нихъ-же сохраняется первоначальное «деревенское», «низкое» нарѣчіе края въ противоположность «чистому», «высокому» языку литературы и образованныхъ людей, который посредствомъ «бурлачества», солдатчины и школы все больше и больше завоёвываетъ себѣ распространеніе. Неоднократно наблюдателю приходится отмѣчать въ свою записную книжку, что «подростающее поколѣніе и люди средняго возраста забыли свое родное нарѣчіе, отвѣчаютъ на разспросы не одинаково и противорѣчатъ другъ другу». Услышишь напр. какую-нибудь форму или звуковую особенность и выразишь свое сомнѣніе взглядомъ или вопросомъ, сразу получишь другой отвѣтъ, который болѣе подходитъ подъ рамки древняго говора. Самъ народъ сознаетъ, что въ его языкѣ за послѣдніе годы пошла быстрая перемѣна. «Нынѣ стали рѣчь переминеть», слышно повсюду изъ устъ народа. «Обрусяли против прежняво», увѣряли меня сплошь и рядомъ. Деревенская рѣчь уже начинаетъ подвергаться насмѣшкамъ со стороны самихъ крестьянъ, которые презрительно отзываются о ней какъ о «бабьихъ поговоркахъ», точно такъ-же какъ они вообще смѣются надъ консервативностью женщинъ, прежде всего надъ соблюденіемъ суевѣрныхъ обрядовъ. Какъ извѣстно, старые предразсудки искореняются очень медленно, даже медленнѣе, по крайней мѣрѣ здѣсь, чѣмъ старинное нарѣчіе. Боясь такихъ-же насмѣшекъ со стороны образованныхъ людей, тѣ, которые еще говорятъ на своемъ природномъ нарѣчіи, часто стыдятся его и старательно скрываютъ характерныя слова и выраженія. Многіе нарочно перемѣняютъ свою рѣчь на литературный ладъ въ присутствіи нашего брата. Всякихъ записей страшно боятся, опасаясь гибельныхъ для себя послѣдствій.

Самъ народъ отзывается о своемъ языкѣ самымъ отчаяннымъ образомъ. Вездѣ увѣряютъ наблюдателя, что «хуже нашей говóри нѣт» или «наша нарицья сама послѣдня». Говоръ называется низкимъ или толстымъ («нам язык-от потолшине»), и нѣкоторые шутя объясняютъ, что подобное названіе происходитъ оттого, что у нихъ «рожаетсе не с зуба (какъ по московски), а с нижной губы», или, съ другой стороны, что у нихъ «язык не промятой».

Чужое вліяніе легче всего проникаетъ въ область звуковыхъ и морфологическихъ явленій. Лексическое содержаніе природнаго языка за то удерживается болѣе стойко. Особая интонація рѣчи, протяженіе конечныхъ слоговъ въ живой, выразительной рѣчи (вопросъ: «как не вы́нмот?»—утвержденіе: «сбѣгаю̄т, не убѣжа̄т», восклицаніе: «здорово, дѣ̄в! куда пошла̄, иди цай пӣть»), сохранилась мѣстами; надъ ней уже смѣются, но тѣмъ не менѣе можно думать, что она еще въ недавнее время была извѣстна въ болѣе распространенныхъ кругахъ и широкихъ размѣрахъ. Изъ области гласныхъ звуковъ можно отмѣтить, что въ «оканьи» не происходитъ значительныхъ измѣненій. Частичные примѣры аканья въ родѣ слѣдующихъ: кампанія, каравод, карапь, нацёвать (=ночевать), параход, патрет, саўдат, халера, объясняются самымъ естественнымъ образомъ: это культурныя слова, заимствованныя съ юга. Иначе обстоитъ дѣло со старымъ звукомъ *ѣ*. Въ южной части уѣзда, какъ ниже увидимъ, легко подвести его измѣненія подъ извѣстный законъ. Середина и сѣверъ повидимому не признаютъ установленныхъ правилъ, тамъ можно встрѣтить *ѣ* вмѣсто ожидаемаго *и* и наоборотъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно ударяемаго *е* вмѣсто *я* (ǎ) передъ мягкимъ согласнымъ; все больше и больше распространяется употребленіе *я*. Наконецъ, переходъ *е* и *ѣ* въ '*о* (ŏ) въ слогахъ неударяемыхъ не вездѣ обнаруживается въ одной и той-же степени.

Что касается до согласныхъ звуковъ, то главное вниманіе мы должны обратить на *ć* (мягкое ц), въ которомъ совпали *ц* и *ч*. Тѣ, которые побывали на чужой сторонѣ и учились въ школѣ, легко усваиваютъ литературное произношеніе и въ этомъ отношеніи. Женщины и отчасти молодое поколѣніе независимо отъ пола придерживаются «цёканья». Вообще, мнѣ думается, что въ этомъ вопросѣ развитіе идетъ индиви-

дуально.—Большую склонность къ правильному литературному произношенію обнаруживаетъ еще произношеніе неслогового *ў*, которое въ южной части уѣзда замѣняетъ *л*, находящееся въ концѣ слога послѣ гласной.

Шенкурскій говоръ распадается на двѣ части: южную и сѣверную, изъ которыхъ территорія первой меньше территоріи второй. Граница между ними идетъ по рѣкѣ Паденгѣ, которая втекаетъ въ Вагу съ лѣвой стороны. Какъ ни странно, только двѣ деревни южнѣе Паденги, на рѣкѣ Сулондѣ, Желтиковская и Боровская, Верхосулондскаго сельскаго общества, примыкаютъ къ сѣверному типу, хотя онѣ расположены рядомъ съ деревнями, гдѣ уже говорятъ южнымъ нарѣчіемъ, между тѣмъ какъ онѣ находятся на значительномъ разстояніи отъ родственныхъ по языку деревень. Что касается до праваго побережья Ваги, то граница идетъ, какъ мнѣ передавали мѣстные жители, по рѣкѣ Шѐренгѣ. Кромѣ того, Ко́дема, Шахановская волость при рѣкѣ Кодемѣ, принадлежитъ къ группѣ южнаго говора. Изъ территоріи сѣвернаго поднарѣчія Калежское сельское общество въ сѣверной части уѣзда, на Двинѣ, составляетъ переходное мѣсто къ Холмогорскому говору.

Отличительныя свойства южнаго поднарѣчія въ общемъ совпадаютъ съ характерными чертами ближайшихъ Вологодскихъ говоровъ. Назовемъ здѣсь главныя изъ нихъ: Во-первыхъ, употребленіе неслогового *ў* вм. *л* въ извѣстномъ положеніи. Во-вторыхъ, окончаніе родительнаго падежа ед. числа именъ прилагательныхъ и мѣстоименій въ муж. и средн. родахъ на *-во*. Въ третьихъ, правильный переходъ *ѣ*>*и* въ положеніи передъ мягкимъ согласнымъ и произношеніе звуковъ *е* и *ѣ* передъ удареніемъ какъ ё. Изъ второстепенныхъ явленій отмѣтимъ слѣдующія: Глагольное окончаніе III лица—*тъ* никогда не отпадаетъ. Въ творительномъ падежѣ ед. числа въ именахъ существительныхъ женскаго рода на *-я́* употребляется не *-ёй*, а *-ей* (землей, Ильей). Въ томъ-же падежѣ именъ существительныхъ женскаго рода съ мягкой основой на -ь встрѣчается правильное окончаніе *-ю* (ноцью, осенью). Мѣстами, на самомъ югѣ и на Кодемѣ *щ* произносятъ какъ *шч*. Вмѣсто окончаній *-ах*, *-ях*, *-ых*, *-их* въ склоненіи существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій встрѣчаются мѣстами *-аф*, *-яф*, *-ыф*, *-иф* (въ Липовкѣ).

Сѣверный типъ говора въ главныхъ чертахъ входитъ въ одну группу съ говорами сосѣднихъ уѣздовъ Архангельской и Олонецкой[1]) губерній. Его характерныя особенности сводятся къ слѣдующему: *л* сохраняется; родительный падежъ прилагательныхъ и мѣстоименій оканчивается на *-го* (-go); переходъ *ѣ>и, е>ё* наблюдается гораздо рѣже и менѣе правильно, чѣмъ на югѣ, между тѣмъ какъ *ѣ>ё* почти нигдѣ не встрѣчается; глагольное окончаніе *-тъ* въ извѣстныхъ случаяхъ часто отсутствуетъ; *-ёй* вмѣсто южнаго *-éй*; мѣстами *ьей (ьёй)* вмѣсто правильнаго *-ью* въ такихъ словахъ какъ óсеньёй, рóжьей; *щ* выговаривается какъ твердое *шш*; *-áхъ, яхъ* и т. д. остаются въ неизмѣненномъ видѣ.

Гласные звуки.

«Оканье» Шенкурскаго говора сказывается не только въ томъ, что *о* въ неударяемомъ слогѣ за исключеніемъ очень немногочисленныхъ случаевъ (см. выше) остается неизмѣняемымъ, но и въ замѣнѣ *а* звукомъ *о* преимущественно въ слогѣ непосредственно передъ удареніемъ. Слѣдующіе примѣры служатъ подтвержденіемъ этого правила: боран, гогара, зород, колоши, конава, корета, корман, кропива[2]), онбар(= амбаръ), солфетка, стокан, тореўка, тотарин. Въ третьемъ слогѣ передъ удареніемъ происходитъ подобное явленіе въ словахъ: громофон, онтерес (< антерес), опарат, сотона, торокан. Мнѣ извѣстенъ только одинъ случай, когда вмѣсто ударяемаго *а* стоитъ *о:* заимствованное слово тóнець (оно могло-бы появиться, опираясь на такія формы какъ тонцю́ю).

Примѣчаніе. Въ глагольныхъ формахъ многократнаго и несовершеннаго вида встрѣчается со строгой послѣдовательностью ударяемое *а:* áрывать (орать), важивать (возить), замораживать, зарабливать (рóбить), поторгавывать, похохатывать, приневаливать, присваивать, уницьтаживаться.

---

1) Каргопольскаго уѣзда. Здѣсь отмѣтимъ звукъ *h* въ род. п. прилагательныхъ и мѣстоименій, общій восточнымъ деревнямъ Шенкурскаго уѣзда и Каргопольскому уѣзду.

2) «Кропит вѣть, жгёт она».

Въ началѣ личныхъ именъ встрѣчается постоянно *о* вм. литературнаго *а*, какъ и въ старомъ языкѣ: Олёкса (Александръ), Ондрій, Онтонида, Ортемій, Офанасей. Начальное *о* имѣютъ, кромѣ того, почти всѣ личныя имена, которыя въ литературномъ языкѣ извѣстны съ *е*: Овдокéя, Олёна, Омельян, Опросинья, Офимья (но Jelisĕj, Jелизáр). Что-же касается рефлекса праслав. ор- въ началѣ слова, то въ нашемъ говорѣ мы встрѣчаемъ, какъ и можно было ожидать, ро-, вмѣсто литературнаго ра-: робота, рости, роз- (розóйденось, росцёт, но разум). Вмѣсто суффикса *-ка* (*-енка*, *-шка* и пр.) наблюдаемъ, за исключеніемъ лишь словъ на *-шка* женскаго рода (матушка), *-ко:* батько, зайко, дíтетко, дѣвцёнко, батюшко, робятишко (род. падежъ на -а), рубашонко, штанёнка худые (мн. ч.). Зато *-ко* какъ частица встрѣчается рядомъ съ *-ка:* гдѣ-ка, этта-ка, вондека, тандека.

Изъ случаевъ т. н. второго полногласія приведемъ слѣдующіе: молонья́ (при молманья), долог (= долгій). Вставочное *о* извѣстно еще словамъ: пязгону́ть (ударить), сбѣгонуть, столконул, тасконул (напр. зá -волосы). Въ словѣ кавaтрат (= квадратъ) вставлено *а*. Ср. еще вихарь (= вихрь).

Любопытно появленіе гласнаго *о* въ концѣ слова послѣ согласнаго, гдѣ онъ какъ-будто является замѣстителемъ стараго глухого звука. Такіе примѣры, какъ: мужико, домо, настухо, дѣдо, извошшико (ср. тамо, туто), сперва натолкнули меня на мысль, что здѣсь ничто иное какъ сокращеніе соотвѣтствующихъ членныхъ формъ мужик -от и т. д., по тому-же принципу, какъ напр. идёт: идё, бýдёт: бýдё, но другіе примѣры изъ глагольныхъ формъ: идёто, спúто, ходúто и даже идёшо, сразу представили затрудненіе и заставили смотрѣть на это явленіе какъ на стремленіе говора оканчивать слова (послѣ извѣстныхъ согласныхъ?) на гласные звуки (ср. случаи тепере, здисе).

Вмѣсто слоговыхъ р̥ъ, щъ, w̥ъ въ началѣ слова передъ согласной встрѣчаются извѣстныя многимъ другимъ говорамъ ар и ор, ом, оw: аржаной (при р̥жаной), артуть [1]), омшаник, офторник. Послѣднее слово

1) Быть можетъ, сюда-же слѣдуетъ отнести и сл. заартáцитьсе (=постѣсняться, заупрямиться), ср. А. А. Шахматовъ, Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 173.

мною записано еще въ видѣ вофторникъ и даже волторникъ съ тѣмъ-же начальнымъ в, которое нерѣдко предшествуетъ звуку *о* въ началѣ слова: вобратно, волтарь, Восподь и т. д.[1]). Кромѣ того въ двухъ словахъ *о* приставлено къ началу передъ плавными: олу́к (при улук = лукъ), оружьё (ср. орудіе).

Примѣчаніе. Окончаніе *-о* въ такихъ мѣстныхъ названіяхъ какъ Архангельско, Благовѣщенско, Шенкурско принимается за сокращенное окончаніе прилагательныхъ *-о* вм. *-ое*, поэтому и склоненіе этихъ словъ прилагательное.

Относительно судьбы древняго ъ можно отмѣтить еще слѣдующіе случаи, когда оно переходитъ въ *о*. Во-первыхъ въ флексіи такихъ словъ какъ потолок (нар. с потолоку), рот, лоб (в лобу́), мох (при мшить). Во-вторыхъ въ префиксахъ *въ-*, *съ-:* воходили, соходили, содвинуть, сокатиться, сошить (но збирать=собирать). Въ-третьихъ въ сл. долина (= длина). Очень возможно, что въ большинствѣ изъ приведенныхъ случаевъ мы имѣемъ дѣло со вліяніемъ аналогіи. Такъ, напр. на сохраненіе *о* въ первой группѣ словъ могли повліять именительные падежи, тогда какъ формы воходить и т. д. могли возникнуть подъ вліяніемъ формъ войду, вошелъ и проч. Такимъ-же путемъ могло совершиться развитіе ле<ль въ примѣрахъ: лёва-звѣря, легота, лёду (при льду), ленной (= льняной), лестить. Наоборотъ, *о* (ё) выпадаетъ, кромѣ сл. збирать, въ флексіи сл. зов (по зву) и урок, назём и въ сл. сток (= востокъ). Выпаденіе *о* распространено въ болѣе широкія области. Оно встрѣчается съ одной стороны въ серединѣ слова между согласными: благдарим, ермонах, пугвиця, уговрить, съ другой стороны въ концѣ сл. около: окоў ноце, окол обѣда. Выпаденіе же звука *а* наблюдается въ началѣ слова: либастр (= алебастръ), на ренду, рестант; въ серединѣ слова пляшшой (п. мороз) отъ палящій.

Послѣ шипящихъ встрѣчаемъ *о* и *а*, первое значительно чаще послѣдняго, вмѣсто литературнаго е: го́жо, жостокой, нашо, нбшонò, штожо; жалать, жалѣзной (при залѣзо), крашанина (матерія), крошанина (ку-

1) Ср. съ другой стороны возможное вліяніе предложнаго сочетанія во вторникъ.

шанье), ожарёлокъ (= воротничекъ); ср. жарафь, гдѣ древнее *о* изъ праслав. *е* перешло въ *а*.

Въ словахъ карасин, Мала́нья, Сарафим передъ нами случай спорадическаго перехода *е*>*а*, который обусловливается ассимиляціей гласныхъ. Изъ такихъ-же частичныхъ явленій, такъ или иначе касающихся гласнаго *о*, отмѣтимъ еще слѣдующее: о въ основѣ настоящаго времени отъ сл. плыть, слыть (плову и т. д.); звукъ *о* вм. литературнаго *ы* въ сл. ро́хлой быть можетъ восходить къ первоначальному *ъ*. Ср. давно́шной вм. давишній по тому-же принципу, какъ напр. утро — утрошной.

Перестановкѣ звуковъ обязаны слова корпивцятая (мука), гдѣ мы имѣемъ *о* вм. *у*, и корпива вм. кропива.

Отмѣтимъ древнія формы: одва (при едва), на однѣ́, ошшо.

Сочетаніе *-ае-* стягивается въ *а*. Это происходитъ въ глагольныхъ формахъ въ родѣ: бѣгаш, «сдумам — сдѣлам», «мы не спрашивам, он не сказыват», посматриват, слушат, знамо дѣло, бѣга (=бѣгаетъ), руками хлопа, быват (=быть можетъ), въ дальнѣйшемъ сокращеніи бат. Въ такомъ-же направленіи произошло сокращеніе сл. па(р)ень>пáе>пай>па̄. Стяженіе окончанія *-ая* въ *-а* встрѣчается въ формахъ прилагательныхъ и мѣстоименій; кромѣ того окончаніе *-ое* сокращается въ *-о* (до́лга палка, деревеньско нарѣ́цьё).

Въ цѣломъ рядѣ словъ неударяемое *о* послѣ губныхъ и гортанныхъ замѣняется звукомъ, близкимъ по своей закрытости къ *у*: будутсе, на булотѣ, бульница, бульшая, булесь (=болѣзнь), сево́гуда, гулик, куго, кумары, куро́ушка, куршын (= коршунъ), Микулай, мурозы, мурошка, скуря́е (= скорѣе), фуко́сы (= фокусы, быть можетъ здѣсь только перестановка *о* и *у*), хурошо, смуродина; ср. еще музгарь (= мизгирь), потруха. Послѣ *л* замѣчается подобное явленіе: войлук, яблук. Ср. еще случаи: дохтуръ, архитехтур. Кромѣ того, начальное неударяемое *о* передъ гортанными и, отчасти, губными подвергается такому-же измѣненію: угород, угро́мной, укошко, укуратно (= акуратно, черезъ окуратно), упеть (спорадически). Съ другой стороны ср. отюг (=утюгъ). Вмѣсто *а* встрѣчается *у* въ сл. трухмал (=крахмалъ). Благодаря вліянію окружающихъ звуковъ *у* является вм. *ы* въ словахъ буват, сколубатьсе. Перестановкѣ буквъ е и у обязана форма чуше́й.

Начальное *у* выпадаетъ: правля́ющой.

Что касается до звука *я*, то мы встрѣчаемъ его на мѣстѣ ударяемаго *е* въ слѣдующихъ глагольныхъ формахъ (по аналогіи съ вышеупомянутымъ чередованіемъ *а : о* въ соотвѣтствующихъ глагольныхъ формахъ): выплявывать, дохлябывать, задярживать, содярживать и пр., затясывать, обвяртываўсе, поляживать, но подергивать. Относительно появленія *я* вм. *е* въ формахъ жалял, ошалял, поцерня́л (ср. еще ви́дял) ср. ниже. Ударяемое *я* въ родительныхъ падежахъ мн. ч. отъ словъ типа имё (имя́н), племё обращаетъ на себя вниманіе. Окончаніе сравнительной степени *-яе* вм. *-ѣе*, напр. скуря́е, сиилягле, ливяе, быть можетъ, возникло подъ вліяніемъ такихъ случаевъ, гдѣ послѣ шипящихъ стоитъ *а*, напр. тишáе, свѣжáе.

Наряду съ запря́к (инф. запрекци́), затряс, затрясывать у меня записано нѣсколько случаевъ перехода ударяемаго *я* въ *ё*: крёж, потрёсывало.

Широко распространенная замѣна *я>е* наблюдается въ нашемъ говорѣ сплошь да рядомъ. Общимъ правиломъ можно считать то, что она появляется передъ мягкимъ согласнымъ, несмотря на то, будетъ-ли я подъ удареніемъ или неударяемое. Ударяемое *я*: бледь, велицеть, гонеют, гредины (отъ сл. гряд = градъ), есьвенно, есьли (= ясли), кацееш, докрицетьсе, минеть (= мѣнять), молцеть, наживлеть, напре́дёна, отворей, пеней, пецель, цонеть, пособлеть, прелиця (прялка), прибавлеют, пьениця, роспетьё, снеть, стоели, студеть, те́нёш, упетить; ср. сл. естреб. Неударяемое *я*: гледит, гореця́, ди́тетко, евить, ерить, ерьмяк (= армякъ), кланеитсе (= кланяется), кнеи́на (= княгиня), маетсе, маслениця, преди, семнадцеть, деревна (ср. царь). Въ слогѣ передъ удареніемъ *я* даже передъ твердымъ согласнымъ замѣняется звукомъ *е*: везать, взела, езык, емской, енварь, месной, реды, светой, травеной (даже тревеной, ср. церковнославянское трѣва). Путемъ аналогіи вѣроятно возникли рѣдко слышимыя: взел, закле́л, проклел; съ другой стороны имѣемъ жаля́л: жалѣли. Обращаемъ вниманіе на *ё* вм. *я* въ словахъ времё, јимё, симё и проч.

Возвратное мѣстоименіе звучитъ *-се*, передъ которымъ личныя окончанія *-ш*, *-т* и *-м* сдѣлались мягкими: сміе́мсе[1]) (= смѣёмся),

1) Мѣстами губной *м* остается твердымъ: берёмсе, смѣёмсе (на Двинѣ).

убьéссе, найдéтсе. Довольно часто *-се* употребляется независимо отъ того, какой звукъ, согласный или гласный находится передъ нимъ, напр. отказалисе.—Ср. еще дле, гле вм. для.

Примѣчаніе. По поводу формы завтре слѣдуетъ замѣтить, что она примыкаетъ къ существующей въ говорѣ формѣ завтро, какъ мѣстный п. утрѣ—въ значеніи завтра утромъ—къ именительному утро.

Параллельно тому, какъ изъ *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ (ср. ниже) развилось *и*, встрѣчается *и* изъ *я* передъ удареніемъ: глидѣть, јицё, јíцько, мишина, свитьё (= святки), свитиńá (= освященіе церкви). Отмѣтимъ еще сл. зáиць (=заяцъ), тысиця.

Въ окончаніи именит. падежа ед. ч. женскаго рода именъ прилагательныхъ *-яя* сокращается въ *-я:* задня, передня изба.

Передъ твердымъ согласнымъ гласная *е* въ слогѣ подъ удареніемъ звучитъ какъ *ё:* дёржиш, дешовле, молёнпа (=моленная), надёжда, нёбо, нёвод (мѣстами нéвод), осённой, смёртной, смирёной, хребётной, хрёс, церёвна, цёпотсе. Произносятъ все-таки клен и казéнной. Передъ мягкимъ согласнымъ сохраняется *е:* бьéссе (=бьёшься), дерьгать, живетсе, замéрьзнёт, приведéтсе. Въ концѣ слова въ открытомъ слогѣ *е* не переходитъ въ *ё:* іé (=её), идитé (=идёте); ср. все-таки слова типа Веденьё (=Введенье), сватаньё. Передъ *-й* въ падежномъ окончаніи *-ей* ед. числа женскаго рода мы встрѣчаемъ *ё* въ словахъ: всёй, твоёй, какъ напр. землёй [1]).

Судьбу звука *е* раздѣляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ древнее *ѣ*, стоящее подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ: бисёда, замёшка, осёдлой, телёга, цвёл (рядомъ съ цвеў). Отъ слова гнёздо употребительны формы гнѣ́зда, гнѣз (род. падежа мн. ч.), ср. гнѣздышко, точно такъ-же какъ отъ сл. звёзда́ им. пад. мн. ч. звучитъ звѣ́зды.

Даже въ слогѣ неударяемомъ встрѣчается очень часто передъ твердымъ согласнымъ *ё* вм. *е*. Въ зависимости отъ неударяемаго положенія артикуляція этого звука ослабляется, слышится «какъ-то средне между *ё* и *е*», какъ мнѣ передали мѣстные жители, 'ö или 'ö. Характерно то,

1) Ср. упомянутыя формы южнаго поднарѣчія землéй, Ильéй.

что въ этомъ отношеніи южное поднарѣчіе нашего говора не дѣлаетъ различія между *е* и *ѣ*, по крайней мѣрѣ въ слогѣ передъ удареніемъ. Такъ, на ряду съ такими словами какъ: бёдро, вёсна, дёржать, ёму, лёжать, нёсла, пёку, пёсок, рёбро, сёстра, тёлушка, тёмной, хлёбать, цёло (=чело), попадаются: бёгут, вёнок, ёдкой, ёздок, задёваёт, нёмой, пётухи, плёшивой, сёдок, сёнокос, тёсной, цвёла, цёловать[1]). Послѣ ударенія *ё* слышно не только передъ твердымъ согласнымъ, но и въ концѣ слова въ открытомъ слогѣ, причемъ *ё* слышится даже вмѣсто конечнаго *я:* бéрёг, витёр, волён (въ краткихъ формахъ прилагательныхъ), деревнёй, дуёт, кокуёт, пахнёт, писарём, за Питёром, плацёт, погрёб, помёр, поѣдём, сивёр, воскресеньё, зелёноё, именьё, морё, полё, правленьё, сухоё; времё, јимё.

На мѣсто *е* неударяемые слоги передъ мягкимъ согласнымъ часто имѣютъ *и:* бисёда, диревня, видёт, виденьё, воскрисенье, лéбидь, миддвидь, миня, нивѣска, нидиля, осинéсь, письця́ной, понидѝльник, сибя, тибѣ, типериче, титёрка, щитина; ср. тисóвая. Префиксъ *пре-* при прилагательныхъ превосходной степени превращается въ *при-*: прикрасной, пріугромной. Переходъ *е*>*и* постоянно происходитъ передъ окончаніемъ *-те* II лица мн. числа изъявительнаго наклоненія независимо отъ того, находится-ли удареніе на *-те* или до этого окончанія. При другихъ личныхъ окончаніяхъ замѣна *е* черезъ *и* попадается спорадически, преимущественно все-таки, если къ глагольной формѣ примыкаетъ возвратное мѣстоименіе. Примѣры: кладитé, найдитé, пойдитé, попадитé, рвитé, узнаитé; знáите, седите, тéните (=танете), хвастаите; кланеиссе, терéитсе. Наконецъ переходъ *е—и* встрѣчается подъ удареніемъ помимо такихъ личныхъ именъ какъ Матфій, Ондрій, Палагія (ср. Олексій, Сергій), еще въ словахъ артиль, щиль, килья. Ср. переходный гласный звукъ *и* между предшествующимъ *е* и палатальнымъ *с* въ словахъ короле^{и}сьво, копе^{и}сь.

Обратный переходъ *и — е* не отличается широкимъ распространеніемъ въ нашемъ говорѣ. Рядомъ съ его появленіемъ подъ удареніемъ:

---

1) Впрочемъ, тѣ-же самыя слова извѣстны и съ *е*.

кадрель, Лукея, луцена, Марея, молоцельник, мундер, Овдокея, Опросенья, видимъ: белоартія (= биліардъ), Василей Ивановецъ, деван, депломат, Еван Златоустой (Еван — быть можетъ, старинная форма имени), Ерина, залевалосе (и всѣ слова съ основой на лив-: левель, залевной, налевать, долев), кевóть, лемон, маменист, пуговецъ, ресунок, себирьской, сенод, спехай (пехнём, пехать, спёхано и пр.), тележан (= дилижансъ), шенель.

Примѣчаніе. Относительно такихъ случаевъ какъ истонелась, говорела (при говорили) см. ниже въ отдѣлѣ спряженія. — Мягкое окончаніе прилагательныхъ звучитъ *-ей, -ёй* (ср. твердое *-ой*): карей, перéднёй, синёй.

Мѣстами встрѣчается *е* вмѣсто *э* въ словѣ етот, ети и т. д.

Число случаевъ выпаденія *е* и *и* въ началѣ и срединѣ словъ очень ограничено. Выпаденіе *е* встрѣчается въ словахъ: Лисавета, веретно, хотьце (изъ хочется). Примѣры на выпаденіе *и:* менины, Осиф, струмент, Устиніан, боском, дѣдна, однаково, поду́, подём и т. д., мня, ср. да-ко (т. е. дай-ко).

О судьбѣ древняго глухого *ъ* мы уже имѣли случай говорить (случаи лéва, легóта). Здѣсь отмѣтимъ, съ одной стороны, звукъ близкій къ *и* въ словѣ палито, полу́палитó, съ другой стороны, звукъ близкій къ *ю* въ словѣ олюха (= ольха) и случаи въ родѣ вцерасе, здисе.

Въ словѣ Медост (= Модестъ) мы имѣемъ *е* благодаря перестановкѣ гласныхъ въ двухъ сосѣднихъ слогахъ. Перестановкѣ звуковъ обязана форма околинця (вмѣсто окольница = оконница).

Остается еще среди гласныхъ одно крупное и характерное явленіе: судьба древняго *ѣ*. Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что въ южномъ поднарѣчіи нашего говора существуетъ вполнѣ правильный переходъ *ѣ* — *и* передъ мягкимъ согласнымъ независимо отъ ударенія, между тѣмъ какъ въ сѣверномъ поднарѣчіи наблюдаются исключенія изъ этого правила. Но мы склонны думать — нѣкоторые случаи совпаденія подтверждаютъ наше мнѣніе, — что еще недавно переходъ *ѣ*—*и* распространялся на весь районъ, и что возвращеніе къ древнему *ѣ* вмѣсто ожидаемаго *и* произошло или путемъ аналогіи, или, въ сильнѣйшей степени, благодаря вліянію извнѣ, главнымъ образомъ изъ образованнаго

произношенія. Во-первыхъ, нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ южнаго поднарѣчія: винець, віеть (= вѣять), вѣковицьно, гови́ньё, дилить, на дилѣ, дити, звирь, здись, клить, колини, крипце, линь, в лисѣ, мидь, мисець, в мистѣ, нари́цьё, пить (=пѣть), рицька, свитит, си́кци (=сѣчь), стинь (= тѣнь), целовицескіе, цидить (настоящее время цѣжу). Примѣры изъ сѣвернаго поднарѣчія собраны главнымъ образомъ на Двинѣ, въ Борецкомъ и Кургоминскомъ сельскихъ обществахъ: видь (= вѣдь), виник, ви́рят, ви́тёр, вмистя́х, горили, жолтіют, здись, издят, ись (= ѣсть), лисница (= лѣстница), мидвидь, минеть, нидиля, одіяло, переби́гивают, писня, повить, подсвицьник, поньдильник, приснець, рики́, на свитѣ, свитит, сивер, сіели, сики́, си́ли, симена́, сись (= сѣсть), старови́рьской, удильной, уміют, хлибины, цивци (= цѣвки), человики, шалить. Въ Верхней Паденгѣ, которая по своему говору принадлежитъ къ сѣверной группѣ, въ западной части уѣзда, я записалъ правило, что *ѣ* измѣняется въ *и* только передъ удареніемъ и мягкимъ согласнымъ. Въ другихъ положеніяхъ *ѣ* и *и* чередуются, при чемъ установить правило для употребленія того или другого оказалось невозможнымъ. Примѣры: билиана, винець, мисить, роздилить, свитильно, свиця́ (и подсвицьник), сминеть (и сминивать), цидить, настоящее время цижу; вѣтер, жолтѣёт, имѣю, лѣсник, лѣсница, обѣдня, сгорѣли, сѣёт, сѣкли, сѣли; виник, мисець, сись.

Въ случаѣ стырлéть (= стрѣлять) произошла перестановка *р* и *и* послѣ того какъ *и* подъ вліяніемъ звука *р* отвердѣло въ *ы*.

Изъ области мелкихъ явленій среди гласныхъ отмѣтимъ *и* вмѣсто *ю* въ словахъ слина, цигуннік; *ы* вмѣсто *и* въ словахъ водыцька, без уты́ху, утыхаюци; *ю* вмѣсто *у:* тюфли. Въ частомъ употребленіи (я не) «знаю», (я не) «умѣю» сократились въ знай, умѣй, которому соотвѣтствуетъ въ этомъ отношеніи случай вкóйпору вмѣсто первоначальнаго въ кою пору.

Изъ случаевъ svarabhakti обращаемъ вниманіе на: сольина́-дни = съ Ильина дня, дольина́-дни, кольину-дню, «ды» вмѣсто да и.

Согласные звуки.

Въ области согласныхъ звуковъ Шенкурскій говоръ въ общемъ представляетъ не много крупныхъ и характерныхъ явленій для того, кто знакомъ съ сѣверно-великорусскими говорами вообще. Мы будемъ имѣть дѣло больше съ «мелкими явленіями», со случаями смягченія и отвердѣнія или частичныхъ пропусковъ и приставокъ согласныхъ, чѣмъ интересными законами перехода и замѣны одного звука другимъ. При общей бѣдности одинъ только южный типъ нашего говора поддерживаетъ нѣкоторое разнообразіе. Начнемъ съ явленія, характеризующаго всѣ сосѣдніе говоры, съ такъ называемаго цёканья. Звуки *ч* и *ц* совпали въ одномъ *ć*, который всегда звучитъ мягко и, благодаря своей мягкости, индивидуально можетъ переходить въ мягкое *ч*. Примѣровъ на употребленіе этого звука мы приводить не будемъ, такъ какъ ихъ можно видѣть на каждой страницѣ настоящаго описанія. Въ сочетаніи *-цьн-* (по обыкновенному литературному произношенію *-шн-*) *ц* или остается неизмѣненнымъ или переходитъ въ *с*: сердецьной, конецьно, наспицьник, подсвицьник, привыцьно, руцьная; исница (= яичница), молосной, пшописной; говорятъ мошно (= можно), ср. древнер. мочно. Если передъ *ц* стоитъ *с*, то такое сочетаніе можетъ измѣняться въ *śś*: песьсяной, сситашь; ср. розносцик рядомъ съ розношшик, сьцёт, сьця́сьё (= счастье), но: бесшо́сно (= безчестно)[1].

Въ словѣ церьи мы имѣемъ въ началѣ *ц* вмѣсто *с*. Обратное явленіе представляетъ случай свѣт (= цвѣтъ), свѣто́к, свѣтёт и пр. (на Двинѣ), сарапнуть и унистожилась (тамъ же).

Твердое сочетаніе *-тш-* наблюдается въ словахъ: буфетшик, кабатшик, лутшэ, илатшой, объѣтшик (при объѣщик), прикатшик. Вообще шипящее *ш* отличается твердостью, свойство, которое характеризуетъ и другое шипящее *ж*. Что касается до звука *щ*, то онъ произносится почти повсемѣстно какъ двойное твердое *ш*; только въ Липовкѣ и Кодемѣ, гдѣ южный типъ говора сохранился въ наибольшей свѣжести, слышится *štš*: вешшы и вештчи, ошшо и оштчо, шшока и штчока, шшука и

---

1) Ср. еще сьцеря́кова свиця́ рядомъ съ: стерлинова свиця.

шчука. Въ зависимости отъ этого раздѣленія стоитъ произношеніе мѣстоименія что: што (самое распространенное), šćо и ščо (въ упомянутыхъ двухъ мѣстностяхъ и мѣстами на Двинѣ); ср. еще съ одной стороны шти, и съ другой шчи. Липовскій говоръ заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что замѣняетъ всякое *шт* посредствомъ *štš*. Для освѣщенія этого интереснаго явленія приводимъ слѣдующіе примѣры: зашча́тной (= заштатной), Крашчат (= Кронштадтъ), шончовые марки, шчаны (= штаны), шчука (= штука).

И въ другомъ отношеніи Липовскій говоръ стоитъ особнякомъ. Параллельно тому, какъ изъ *шт* получается *štš*, сочетанія *жд* и *зж* измѣняются въ *ждж*. Мы къ сожалѣнію не имѣли возможности, какъ слѣдовало бы, изучить это явленіе и потому не можемъ точно опредѣлить всѣ возможные случаи, гдѣ оно наблюдается и, наоборотъ, гдѣ конечное *ж* или *д* отпадаетъ. Примѣры: вождже́, род. пад. множ. числа вождже́й, твор. пад. во́жджина, дождже́ отъ именит. дож, жджать (при подожди), зажджа (= жажда), нуждже, одёжджа, поѣжджай, уѣжджать. Въ той же мѣстности записаны формы: межутѐм, преже, хожже́ніе.— На Двинѣ я слыхалъ произношеніе урождай (рядомъ съ урожай), обижда́ют, осуждать, присуждали.

Звуки *с* и *з* постоянно смягчаются въ нашемъ говорѣ передъ палатальными согласными: замерьзьнёт, письця́ной, сьця́сьё. Индивидуально такія *ś* и *ź* стоятъ недалеко отъ *š* и *ž*. Такимъ путемъ возникли произношенія въ родѣ brušnića. Звукъ *с* въ суффиксѣ *ьск* отличается мягкимъ оттѣнкомъ: верьхоськіе, руськой, Сухоськой (фамилія Суховскій), при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что всякій согласный звукъ передъ этимъ суффиксомъ смягчается: заводь́ськіе, до Казаньськой, по салдатьському. Въ словѣ муськóй передъ нами случай, гдѣ предшествующее суффиксу *ж*, ассимилируясь съ *ś*, исчезаетъ. Во второмъ лицѣ единственнаго числа возвратной формы происходитъ схожее явленіе, *шьс* переходитъ въ *śś*: дерéссе, кла́нессе, стараессе.

Звукъ *ш* вмѣсто *с* подъ вліяніемъ ассимиляціи слышенъ въ словахъ: шошто́й, шушить; въ словѣ же шмуродина (= смородина, рѣдко) его появленіе остается загадкой.

Изъ замѣнъ звука *ж* отмѣтимъ случаи съ *з*, пользующіеся извѣст-

ностью въ болѣе широкихъ кругахъ среди сѣверно-великорусскихъ говоровъ: залѣзо, золѣзо (при жалѣзо), порозно, рогоза.

Не только въ суффиксѣ *ьск*, но и въ *ьсть* наблюдается палатальное ś: бурлатсьво, королесьво, сиротсьво, хозейсьво, но знакомсво. Здѣсь же отмѣтимъ, что передъ обоими суффиксами *в* выпадаетъ: верхоськіе, москоськой, попоськой, такоськіе; балосьво́, е́свенной, цюствовать, какъ оно вообще выпадаетъ передъ свистящими при стеченіи согласныхъ: здор, здумал, здынетсе, зуздать (= взнуздать), спомню, стать, сток («витёр со стоку»); ср. звиженьё (= Воздвиженіе).

Между свистящимъ и слѣдующимъ *р* появляется переходный зубной звукъ *д* или *т*: здрѣли или здрили (= зрѣли), здря, создрѣу́; страмишно и страм, строк («до строку»), струбы; ср. пондравитьсе. Что до зубныхъ вообще, то кромѣ обычнаго ихъ смягченія передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ: дьвери, дьвѣ, дородьнё, плотьник, родьник, мы постоянно сталкиваемся съ ихъ выпаденіемъ не только при стеченіи ихъ съ другими согласными, но и между гласными. Такъ сочетанія *зд* и *ст* сплошь да рядомъ выбрасываютъ *д* и *т* не только въ серединѣ слова, но и въ концѣ его. Изъ примѣровъ нѣкоторые встрѣчались уже раньше: гнѣз, грусь (= груздь), есвенной, зви́женьё, звѣз, кись, лисница, мос, мѣс (род. пад. мн. числа отъ мѣсто), невѣска, некорысная, отдас, погос, по́сной, слать, стрась, сця́сьё, укрась, у́сьё (= устьё), хвос, хресьянин, на шоскѐ; сюда же принадлежать болесь и жись. Звукъ *д* выпадаетъ между гласными: даи́и вѣсь, не отдаи́и, сваебной (ср. свайба); нā (= надоть > нāть > нā), гли-ко (= гляди-ко). Ср. еще попая́ (рѣдко, на Двинѣ) и иностранное слово канидат.

Глухое *т* вмѣсто звонкаго *д* мы имѣемъ въ словѣ швет; наоборотъ, вѣроятно подъ вліяніемъ сл. да, въ словѣ дак.— Въ словахъ крант, плант, романт (ср. кли́мант) послѣ *н* приставляется *т*. Слова Одес (= Одесса), адрес въ косвенныхъ падежахъ извѣстны съ *т* по аналогіи со словами съ сочетаніемъ *ст* (типа погос): в Одестѣ, адреста.

Мы перейдемъ къ зубно-носовому *н*[1]). Кромѣ его смягченія передъ

1) Велярное носовое ŋ встрѣчается только индивидуально: ľöžáŋka.

вышеупомянутыми суффиксами и вообще передъ слѣдующимъ палатальнымъ согласнымъ: женьськово, коньци, соньцё (при болѣе обычномъ соўнышко), ср. даже «к Ильиню дню», наблюдается въ конечномъ слогѣ *-ня* вмѣсто ожидаемаго *-на* въ словахъ: войня, Сосáння (=Сусанна), шохня́. Наоборотъ, гдѣ мы ожидали бы *-ня*, встрѣчается *-на:* бáрына (даже барна), барышна, бойна, государына, графина, заутрина, кнейна, колоколина, милостина [1]). Отвердѣніе звука *н* произошло, кромѣ того, въ суффиксѣ -ьн- прилагательныхъ: ближной, дальной, здѣшной, зимна, крайной, лѣтна, нижной, осённой, позной, ранной («ранного мороз не бьёт»), утромной. Сохранился, впрочемъ, и мягкій видъ суффикса: «востоцьню сторону», холодьнёй, дороднёй при дородной. Отмѣтимъ еще отвердѣніе *н* въ словахъ: зобёнка, менше. Удвоенныя *нн* упрощаются: зáспаной, нáзваной, рáнёной.

Въ цѣломъ рядѣ словъ наблюдается замѣна звука l' посредствомъ н́ и наоборотъ: корминець, корминниця, 'стебень, ципнята; мекильниця, околинця, писельниця, помлю, присталь, сумлёвáўсе.—Слово монастырь звучитъ часто моластырь, маластырь (на Двинѣ), изъ котораго по ассимиляціи плавныхъ произошла форма морастырь (Кодема). Ср. съ другой стороны антиллерія, анхирей, ярманга (= ярмарка).

Отмѣтимъ еще перестановку звуковъ *н* и *л* въ случаѣ глиной (= гнилой).

Изъ другихъ звуковъ, замѣняемыхъ зубно-носовымъ *н*, занимаетъ первое мѣсто губное *м*. Мы встрѣчаемъ его въ началѣ, концѣ и серединѣ слова, въ послѣднемъ положеніи, если послѣ него стоитъ согласный звукъ: небель, нимо; бальзан, енперія (= имперія), канпанія, канпáс, конбата, ланпа, сунка, тунба. Обратное явленіе, *м* вмѣсто *н*, встрѣчается рѣже, главнымъ образомъ въ собственныхъ именахъ: Микита, Микола, Микулай, мутрó; ср. рáдомица (т. е. радуница), Крамшчат.

Сказавъ еще, что *н* мѣстами измѣняется въ *д* въ словахъ: громофод (= граммофонъ, рѣдко), одбар (= амбаръ), подомарь, индивидуальное

---

1) Въ Двинскихъ грамотахъ 16 вѣка встрѣчается деревна, см. А. А. Шахматовъ въ Русск. Фил. Вѣстн. 1893, II, 256; ср. нынѣшнее деревён, род. пад. множ. числа.

вноигору (= подъ гору), и что такъ называемаго евфоническаго *н* въ связи съ предлогами въ говорѣ за рѣдкими исключеніями не существуетъ: с им, у ей; войиовать (= вынимать), вымать, зуздать (= взнуздать), наймовать, соймать (= снять)—мы, пожалуй, перечислили все существенное, касательно звука *н* [1]). Но прежде чѣмъ перейти къ губнымъ, скажемъ нѣсколько словъ о сочетаніи *мн*. Его можно встрѣтить въ неизмѣненномъ видѣ, даже вмѣсто другого сочетанія *бн:* много, надомно, но мѣстами оно уступаетъ свое мѣсто сочетанію *вн:* вного, гувно (при гуменник), тёвной ночи (В. Паденга); на ряду съ надомно существуетъ форма надовно. Обращаемъ вниманіе на слово комната. Его рѣдко произносятъ правильно; вмѣсто него то услышишь ковмата (Линовка), то конбата.

Можно считать общимъ правиломъ, что мягкость губныхъ наблюдается какъ передъ мягкими согласными, такъ и въ концѣ слова: диревьня, дѣфьки, земьлю, крипьце, купьця, серебьраная, хлѣбьник, ср. берёмсе, смiёмсе; вноф, голупь, декапь, картофь, крофь, нояпь, рупь. Изъ этого правила попадаются исключенія въ родѣ слѣдующихъ: дешевле, крѣпкіе, жарав (род. пад. мѣстами жарава́, журавль), сем и мѣстами формы типа берёмсе. Изъ отдѣльныхъ губныхъ отмѣтимъ двойное *м* вмѣсто сочетанія *бм:* оммануть, оммо́увитсе, оммо́кла, о́мморок, оммѣнил. Вставное *м* передъ другимъ губнымъ появляется въ случаѣ кумпал (= куполъ, на Двинѣ). При стеченіи согласныхъ въ концѣ слова конечное *м* отпадаетъ: сто пас (= пасмъ), повѣс (= повѣсмъ).

Двойное *в* замѣняетъ сочетаніе *бв:* оввалитсе, оввариіь, овветшать, оввѣнцеть (= обвѣнчать), оввoровать; оввѣшшать (= обѣщать); ср. еще случай аввокат, а съ другой стороны: обвязанность.

Въ началѣ слова передъ гласнымъ *о в* охотно приставляется: вобратно, волтарь, вофторник (ср. во вторникъ), вособенной, воспoдин, Восподь, восударь — три послѣднихъ слова послѣ отпаденія звука *г* — воцей (= очей; ср. позавоцъ); варган (= органъ). Вставное *в* въ серединѣ слова для устраненія стеченія гласныхъ наблюдаются въ словахъ: каравул, Левонид, Левонтей, Родивон. Наоборотъ, *в* выпадаетъ въ серединѣ

---

1) Ср. еще горазно, кажной.

слова, въ особенности передъ гласнымъ *у*: голоушка, дѣушка, золоушка, короушка, лоу́шка, трау́шка, трау́ (= траву); заиа́ть (= завивать), зоут, плыут, разѣ, откуда ра (= развѣ). — Иногда *в* отпадаетъ въ началѣ слова: Арла́мей, опи́ть.

Звукъ *в* въ роли слогового звука встрѣчается въ словѣ говрит. Въ быстрой рѣчи этотъ *в* мѣстами выпадаетъ: гори́т.

О переходѣ *мн* — *вн* мы говорили уже выше.

Вмѣсто сочетанія *хв* имѣемъ *ф*: фартал, фатера, фитанця. Послѣдній звукъ, кромѣ того, иногда замѣняетъ *х*; встрѣчается и обратное явленіе: *х* вмѣсто *ф*. Такое чередованіе *х* и *ф* главнымъ образомъ наблюдается на югѣ. Любопытно его появленіе въ падежныхъ окончаніяхъ, которыя вмѣсто *-ах*, *-ых*, *-их* и пр. имѣютъ *-аф*, *-ыф*, *-иф* и пр., и наоборотъ вмѣсто *-оф* — *-ох* (Липовка). Примѣры: куфарка, куфня, панафида, фто (рѣдко вмѣсто хто); онтраховать, душаф, нф, трёф, тѣф, худыф; «гау́сыкох нетъ» (= галстуковъ), мужиков.

Наконецъ *п* вмѣсто *ф* имѣемъ въ словѣ Опросинья.

О звукахъ *б* и *п* нечего говорить. Отмѣтимъ только *б* вмѣсто *в* въ словахъ обо́ща (=овощъ), нобойник (Двина), наоборотъ: овѣт (=обѣтъ), верло́г и ерло́г (= берлога), и съ другой стороны отпаденіе *п* въ сочетаніи *пс* въ началѣ словъ: салтырь, соло́мшык.

Изъ *задне-небныхъ* звуковъ въ нашемъ говорѣ чаще всего встрѣчаются г (т. е. *g*), *к* и *х*. Рядомъ съ ними существуетъ *h* въ такихъ словахъ какъ Боhа, боhатой, Носподь, хотя *h* здѣсь очень часто замѣняется звукомъ *г*. Въ одной мѣстности на западной границѣ уѣзда (Никольскій приходъ) нами записано нѣсколько случаевъ появленія *h* вмѣсто мгновеннаго *г*. Области распространенія послѣдняго звука намъ не удалось опредѣлить. Онъ, вѣроятно, тожественъ съ тѣмъ звукомъ *г* «съ густымъ придыханіемъ х», который слышенъ въ Вытегорскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи [1]). Проѣздомъ я слышалъ такой же звукъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ рядомъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ. Наши примѣры и наблюденія ограничиваются окончаніемъ родительнаго падежа прилагательныхъ и мѣстоименій на *-го*. Въ упомянутой мѣстности оно зву-

1) См. Живая Старина, 1893, 389.

чить *-hо*, между тѣмъ какъ въ остальныхъ мѣстахъ того района, гдѣ преобладаетъ сѣверный типъ говора, мы не замѣчали исключеній отъ обычнаго *-go*, чѣмъ именно сѣверное поднарѣчіе отличается отъ южнаго *-во*.

Въ сочетаніи *гд* мы имѣемъ повсемѣстно *в* вмѣсто *г* въ словахъ: иновды, ковда, ковды, товда, товды, но оногда. Въ словѣ «гдѣ» звукъ *г* иногда совсѣмъ отпадаетъ, подобно тому какъ онъ отпадаетъ въ началѣ слова передъ слѣдующимъ гласнымъ въ словахъ въ родѣ: јенераў, Олгоф (= Голгоѳа), осподин, Осподь, осударь. Пропускъ *г* встрѣчается даже въ серединѣ слова: кнейна.

Мягкое *г* переходитъ въ *д'* только въ словахъ неиѣстнаго происхожденія: анделы, еванделисты, Евденія, Сердѣй. Случай обратнаго перехода записанъ въ словѣ гле (= для); ср. индивидуальное глиннѣе.

Замѣна *к* посредствомъ *г* засвидѣтельствована въ словахъ: зерыгало, россонага (при россомака), ярманга.—Сл. гумага, гдѣ начальное *г* произошло изъ *б*, извѣстно не одному только Шенкурскому говору.

Примѣчаніе. Говоря о звукѣ *к* не слѣдуетъ забывать, что суффиксъ *-ика* въ названіяхъ ягодъ у насъ замѣняется другимъ суффиксомъ *-иця:* голубниця, жаравиця, церниця (но земланка).

Сочетаніе *гк* звучитъ *кк:* лёккой, мяккой (даже мякок).

Звукъ *к* въ сочетаніяхъ *кт* и *кр* обыкновенно переходитъ въ *х:* дохтур, карахтер, трахт, трахтир, хто; хрёс, хрёснóй, хресьянин. Ср. случаи кокти, нокти (при нокоть), к тому (при х тому). Далѣе, *х* вмѣсто *к* отмѣчено въ сл. балхон. Примѣровъ на обратную замѣну не оказалось больше одного: клѣв. Случай перестановки звуковъ *к* и *х* имѣемъ въ сл. кархóтина. Отмѣтимъ наконецъ случай перехода *в* передъ *ш* въ *к:* кукшин.

У меня еще записано нѣсколько случаевъ к' > т' и наоборотъ, какъ и слѣдовало ожидать при измѣненіи г' > д': бантеты, Мартели; кіатр (= театръ), кипографія, Костянкин (черезъ ласкательное Костя). Ср. еще слово матароны, трахмал (= крахмалъ).

Изъ *плавныхъ* звуковъ *р* отличается мягкостью не только передъ палатальными согласными и суффиксами *ьск* и *ьств*, но и въ нѣкоторыхъ положеніяхъ передъ твердымъ согласнымъ внутри слова: горьниця,

замерьзьнёт, корьмить, порьтит, серьцё, царьсьво, верьх, дерьгать, зерьгало, перьво, церьква, церьп, церьпать [1]). Слова верх, перво, серп, церква мѣстами слышны съ твердымъ *р*. Отмѣтимъ еще мягкое *р* въ словахъ: гряд (= градъ), франки (= французская болѣзнь).

Наоборотъ, вмѣсто ожидаемой мягкости наблюдается твердость разсматриваемаго звука въ слѣдующихъ случаяхъ: крык, крынка, прынець (= принцъ), рымское царьство, рынутьсе, рыскнуть, скрып (при скрипь, скрыпить), стрылéть (и стырлéть), товарыш. Мѣстами твердости здѣсь не встрѣчается.

Плавные *р* и *л* любопытны тѣмъ, что они часто замѣняютъ другъ друга, въ особенности въ такихъ словахъ, которыя имѣютъ по два *р* или *л* въ разныхъ слогахъ: велизор (= ревизоръ), калидор, кульер, лебро (рѣдко), Левер (= Ревель), левордей (= револьверъ), лекрут, леригія, леформатской, пролубь, пролѣха, фершал; ср. канцерярія, секлет. Перестановку *р* и слѣдующаго за нимъ гласнаго звука имѣемъ въ словахъ: бюрля́нтовой (= бриліантовый), корьпива, корпивцятая мука, стырлеть, ср. еще протверзитьсе (= протрезвиться). Въ словѣ вереническая (венерическая болѣзнь) звуки *р* и *н* оказались переставленными одинъ на мѣсто другого.

Иногда *р* исчезаетъ: декапь, кстипы (мѣстами крестины), ноябь, патрет, Пёт. Отмѣтимъ *н* вмѣсто *р* въ словѣ антиллерис, о которомъ рѣчь была уже раньше.

Къ тому, что мы выше говорили о другомъ плавномъ *л* (*l* вмѣсто *н́*), можно здѣсь еще прибавить, что этотъ звукъ иногда замѣняетъ *в*: волторник, слобода, треложить. Здѣсь же повторяемъ, что *л* въ концѣ слога въ южномъ районѣ нашего говора переходитъ въ неслоговой звукъ *ў*: вѣяўка, меўкой, нéдоўго, поўзи, пріѣхаў, соўнышко, тареўка.

Слово терплѣніе имѣетъ *л*, вѣроятно, по аналогіи съ формами соотвѣтствующаго глагола.

Обращаемъ, наконецъ, вниманіе на старую форму слова доло́нь (= ладонь).

Примѣчаніе. Къ вышеприведеннымъ случаямъ выпаденія звуковъ въ серединѣ и концѣ слова прибавимъ здѣсь нѣсколько при-

1) Ср. Пѣсни русскаго народа Истомина и Дютша, стр. 152 изъ Шенкурска.

мѣровъ на пропускъ цѣлаго слога или сочетанія звуковъ. Эти слова употребляются народомъ очень часто, обстоятельство, которое поясняетъ намъ, какимъ путемъ появилось стремленіе къ ихъ сокращенію. Таково слово бат, употребляемое въ смыслѣ нарѣчія со значеніемъ «быть можетъ»; на ряду съ нимъ говорятъ быват, которое сокращено изъ бываетъ («он бат не прйдет»). Слово дыть, вѣроятно, восходитъ къ «да вѣдь». «Может быть» иногда въ скорой рѣчи превращается въ мо-быть. Характерно для крестьянина Шенкурскаго уѣзда частое употребленіе слова на̃ въ смыслѣ обращенія и т. д. Вмѣсто него часто говорятъ паень и паре, не говоря уже о существованіи полнаго парень. Изъ личныхъ именъ нерѣдко слышимъ такія сокращенія какъ: Митрій, Олёкса и Олёксáн, Пантелей и Пантелии и пр.

Морфологія.

Имя существительное. Съ исторической точки зрѣнія Шенкурскій говоръ представляетъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ въ немъ еще можно найти, правда въ ограниченномъ количествѣ, отголоски старинной флексіи. Нерѣдко приходится констатировать, кромѣ того, вторженіе окончаній, заимствованныхъ изъ другихъ основъ, при чемъ невозможно провести точной грани между группами, употребляющими то или другое флексическое окончаніе. Отмѣтимъ еще одну особенность нашего говора. Случаи смѣшенія падежныхъ окончаній, за исключеніемъ лишь названнаго Калежскаго сельскаго общества, въ говорѣ котораго существуетъ смѣшеніе род., дат. и мѣстн. падежей единственнаго числа женскаго рода, въ нашихъ записяхъ сводятся къ крайне ничтожному числу. Всѣ они относятся къ употребленію дательнаго падежа множественнаго числа вмѣсто творительнаго въ связи съ предлогами *за* и *съ:* за глупостям, за грибам, за деньгáм, за роботам слѣдит, за ягодам; с людя́м. Только разъ я слышалъ «по лавками», но думаю, что это была ошибка, тѣмъ болѣе, что правильная форма творительнаго падежа въ данномъ случаѣ была бы лавкима.

Смѣшеніе древнихъ основъ на *-у* и *-о* сказывается прежде всего въ безразличномъ употребленіи окончанія *-у* въ родительномъ и мѣстномъ падежахъ отъ существительныхъ мужескаго рода на ряду съ окончаніями *-а* и *-ѣ*. Говорятъ: из банку-ту, два билету, вреду́ нѣт (т. е. вреда), до возрасту, году ошно нѣт, лоньсково году, не одново нѣт дому, кругом дому, у дому-ту, наварили киселю́, с краю-ту, смѣсь народу-ту, отвѣту, перевозу нѣт, два переду, съ погосту, до посаду, дле розъѣзду, жди росцёту, из рыни́ку, из свиньцю́, сну не́-было некакого; в вечеру́, в волоку сритіў, в городу (при: на́-городѣ), в дому, на каменю́ (и камню), в лёсу и в ли́сѣ, в лобу, при месецу, в песку, на цердаку, в двѣнадцетом этажу; изъ названій мѣстностей: на Югу́, в Херту́ (рѣка Хертъ). Мѣстами дѣлають различіе между окончаніями *-у* и *-а* смотря по тому, какое числительное употребляется при словѣ, такъ, напримѣръ, говорятъ два и три году, но цетыре года. Быть можетъ, здѣсь скрывается глухое воспоминаніе о двойственномъ числѣ.

Во множественномъ числѣ обращаетъ на себя вниманіе частое употребленіе собирательныхъ формъ рядомъ съ обычными формами множ. числа. Если именительный падежъ оканчивается на *-ьё*, формы другихъ падежей слѣдуютъ этому окончанію: родительный на -ья, дательный на *-ью* и т. д. Примѣры: гвоздьё, род. гвоздья, зу́бьё выпало, каме́ньё, кирпицьё, ко́льё, коре́ньё, ку́сьё, сту́льё (при стулы, стульёв), «карба́сья много стои́т на рѣкѣ». Но въ томъ случаѣ, когда именительный падежъ оканчивается на *-ья*, всѣ остальные падежи принимаютъ окончанія множественнаго числа: братья, родит. бра́тьей, бра́тьев, и братовья́ (ср. сыновья): братовей, деверья́: деверей; друговей въ пословицѣ: «Не имѣй сто рублей, имѣй сто друговей»; зетья́: зетей, мужья́: мужей, и мужовья́: мужовей, шурья́: шурей, творит. шуре́ми, и шуровья́.

Именительный падежъ множественнаго числа имѣетъ окончаніе *-и* въ словахъ: бе́си (при бѣсы), сусиди (при сусѣды).

Окончаніе именительнаго падежа на *-а́* встрѣчается часто: андела́, баркаса́, бора, волоса (но чаще во́лосы), дьявола́-тѣ, квартала, месеця́, морока (= облака), пёнуса, сумётá; даже «золотые литера́»; но до́мы и домы́, поясы и т. д.

По образцу словъ мужескаго рода, за исключеніемъ именительнаго падежа множественнаго числа, склоняются существительныя на *-ко* и *-шко:* батюшко, род. батюшка, но имен. падежъ множ. числа батюшка, ребетишка (напримѣръ «ребетишка пасут конéй»).

Существительныя на *-ин* принимаютъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа *-а:* горожана, дворяна, Котошана, міряна, Пинежана, татара, хресьяна; господа, род. господов; ср. Енскогóра. Нерѣдко слышны формы на *-ы* отъ словъ: барыны, род. барынов, господины, род. господинов, хозенны, род. хозеев. Относительно слова шурин см. выше.

Слова на *-ёнок* довольно часто (на Двинѣ почти исключительно) имѣютъ мн. ч. -ёнки, -ёнков и т. д., такъ сл. робёнокъ склоняется во мн. числѣ: робёнки, робёнков, робёнкам, робёнкима, робёнках; говорятъ жеребёнки, телёнки, шшенки́. Въ обращеніяхъ употребляется мѣстами на Двинѣ форма робя.

Родительный падежъ мн. ч. въ краткой формѣ употребляется отъ словъ: день—дён, лапоть—лапóт, ноготь—ногóт (при ногтей), рог—«без рог»; ср. меж двор. Наоборотъ, окончаніе *-ов* употребляется тамъ, гдѣ литературный языкъ обходится безъ него: волосов, сапогов, солдатов. Вмѣсто «людей» часто говорятъ человѣков: «как их звали, тѣх человѣков». Окончаніе *-ов* и *ёв* встрѣчается тамъ, гдѣ мы ожидали-бы *-ей,* и наоборотъ *-ей* вм. *-ов* и *-ев*: богатырёв, знахарёв, ключёв, ножов, огнёв, платежов, пріятелев, рублёв, сторожов, этажов; братéй, жеребцей, купцей, мѣсецéй.

Творительный падежъ мн. числа принимаетъ окончаніе *-ыма, -има, -ами, -ями* (*-еми*). Первыя, *-ыма* и *има,* въ которыхъ сохранилось древнее окончаніе *-ма* двойственнаго числа, употребляются тогда, когда удареніе не падаетъ на это окончаніе; *-ами* и *-ями* въ свою очередь въ такомъ случаѣ, если удареніе стоитъ на *-áми -я́ми.* Приведенныхъ у *Истомина* [1]) окончаній *-амы* я не слышалъ, хотя нарочно побывалъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пѣсни записаны. Примѣры: антиллери́стыма,

1) Пѣсни русскаго народа 116, 117.

бра́тьима, бурла́кима, ко́нима, монахима, проѣздыма, товарыма, ухватыма; клюка́ми, пустяка́ми, столами, топорами; огнёми, шурёми [1]).

Изъ склоненія отдѣльныхъ словъ отмѣтимъ: день, род. дни и дне, дат. дни и дню, твор. днём, мѣстн. дни, днѣ, (рѣдко дню), род. мн. ч. дён. Говорятъ напр. два́-дни, сегодне, третьёво-дне, съ Ильина́-дни, к тому дню, о христо́вѣ-дни. Отъ сл. камень род. камени, дат. каменю («к етому ка́меню»), твор. ка́менём, мѣстн. каменю́ и камню́. Сл. корень, корени, кореню, ко́ренём, коренѣ или кореню́; мн. ч. корени, ко́реней, ко́рении, ко́ренима, кореня́х, ср. коре́ньё.—Род. падежъ отъ сл. огонь часто звучитъ огни. Въ склоненіи сл. раз привлекаютъ вниманіе слѣдующія особенности: При числительныхъ два, три, «раз» вобщемъ не измѣняется; иногда говорятъ два раза́ и даже два разы́ (Кодема). Послѣдняя форма ничто иное какъ именительный падежъ мн. ч., ср. «два рубли» рядомъ съ два рубля. Рядомъ съ правильнымъ склоненіемъ слова жарафь (род. журавля, мн. журавли, журавлей) встрѣчаемъ новое образованіе: жараф, жарава́, мн. жаравы́, жаравóв. Сл. путь, родъ котораго, кстати сказать, колеблется между мужескимъ и женскимъ, заимствуетъ окончанія дат.-мѣст. падежей ед. числа изъ основъ на *-а* путѣ́.

Къ склоненію основъ на *-jo* примыкаютъ: зафтра, зафтрея, зафтрею (при зафтрѣ) и т. д., кофей, кофея, кофею.

При числительныхъ постоянно употребляется годóв вм. лѣт.

Въ одной мѣстности (Никольскій приходъ) я слышалъ «в госте» (в г. пойдёт) при имен. пад. мн. ч. «гости». Здѣсь, быть можетъ, скрывается древняя форма имен. падежа основъ на *-и*.—Въ Калежскомъ сельскомъ обществѣ на Двинѣ встрѣчается окончаніе *-и* вм. *-ѣ* въ мѣстномъ падежѣ ед. ч.: в городи, на столи.

О звательномъ падежѣ собственныхъ именъ мужескаго рода на *-а* см. ниже, когда рѣчь будетъ о словахъ женскаго рода.

---

1) Область распространенія окончанія *-има* идетъ непрерывно по всему Двинскому побережью, въ Вологодской губерніи, до села Васильевскаго на лѣвомъ берегу Двины (нѣсколько южнѣе Котласа и впаденія въ Двину Вычегды), гдѣ начинается граница Устюжскаго говора (совпаденіе дат. и твор. падежей мн. числа въ формѣ перваго и неслоговое *ў* вм. *л* въ извѣстномъ положеніи), какъ выяснилось на моей экскурсіи по Вологодской губерніи лѣтомъ 1911 года.

Слѣдующія слова перешли въ мужескій родъ: верлог и ерлóг (= берлога), кáлбас, клиник, подкóв, публик, фабрик, церемоній («с нами бабьима церемонія нѣту»), яблук.

Существительныя *женскаго рода*. Основы на *-а* (*-я*) принимаютъ въ творительномъ падежѣ ед. ч. окончаніе *-ой* (*-ей*); *-ою* (*-ею*) слышно только въ пѣснахъ. Если окончаніе *-ей* имѣетъ на себѣ удареніе, оно въ южномъ поднарѣчіи не измѣняется въ *-ёй*, между тѣмъ какъ на сѣверѣ слышны формы на *-ёй*: войнéй, Ильéй, землéй, твоéй.

Основы на *-ь* заимствуютъ на сѣверной территоріи нашего говора (мѣстами) окончаніе твор. падежа отъ основъ на *-я:* нóцьёй, осеньёй, рожьёй, тогда какъ южное поднарѣчіе употребляетъ обычныя: лошадью, ноцью, осенью. Тѣ-же основы употребляютъ въ дат.-мѣстн. падежѣ ед. числа окончаніе *-ѣ* по аналогіи съ основами на *-а*. Примѣры: к болéстѣ, в каждой волостѣ́, в грезѣ́, в одной должностѣ́, жизнѣ своей не рада, домы́ на задѣ́, в Кемѣ, в кровѣ́ были сани, в крѣпостѣ, на Ледѣ́, на лóшадѣ, по осинѣ́, на моёй паметѣ, в передѣ, на пецѣ́, на помоцѣ́, на пристанѣ́, по ржѣ.

Къ описанному типу склоненія примыкаютъ слова: доци или доцерь, мати или матерь, род. доцери, матери, дат.-мѣстн. доцерѣ, матерѣ, твор. дóцерьёй и доцерью, мáтерьёй и мáтерью.

Говорятъ силóи, сіўком.

Звательный падежъ, который употребляется при обращеніи или призывѣ, имѣетъ двѣ формы: сокращенную, безъ окончанія, и другую, съ протяжнымъ *-о*, которое очень часто переходитъ въ дифтонгъ *-о͡у* и даже въ звукъ, близкій къ *у*. Сокращенная форма, кажется, преимущественно слышится на югѣ. Говорятъ съ одной стороны: дѣв, Настах, Олёнк; День (отъ Евгеній), Олёкс, Гриш, Федьк, и съ другой стороны: дѣвко͡у, Миткино͡у, Лисенко̄, Настахо̄, Федько͡у.

Во множественномъ числѣ прежде всего отмѣчаемъ употребленіе собирательныхъ формъ, которыя склоняются по типу единственнаго числа: бабьё, вúцьё, гóрсьё, дúвьё, жéрдьё, кúсьё, кобúльё, кóжьё, погóдьё, свитьё (= святки), смольё (въ смыслѣ сырого матеріала, ср. финское terva: tervas).

Изрѣдка слышно окончаніе *-ов* въ род. падежѣ, главнымъ образомъ, во избѣжаніе стеченія согласныхъ: газетов, игро́в, лапков, невѣстов, поло́сков, полянков, сказков.—Рядомъ съ бань говорятъ ба́ней, ср. недѣ́лей. Отъ сл. деревня—деревён и рѣже дере́вён; отъ губернія—губе́рен, губерней.

Относительно окончаній творит. падежа слѣдуетъ сказать то, что нами уже сказано, когда рѣчь шла о существительныхъ мужескаго рода. Примѣры: бабыма, банима, буквыма, глупостима, лапкима, муто́вкима, писнима, розгима; но двеpя́ми, ногами, руками, слезами, стѣнами. Два раза у меня записано *-еми:* вшёми, па́зухеми (Двина). Окончаніе этихъ примѣровъ, быть можетъ, восходитъ къ древнему окончанію *-еми* у основъ на *-ь* (ср. вышеприведенное огне́ми).

Въ Калежскомъ сельскомъ обществѣ наблюдается смѣшеніе род. и дат.-мѣстн. падежей ед. числа: по зимы, на рѣки и т. д.

Обращаю вниманіе на образованія по аналогіи: вша (= вошь), мыша, о́сеня, постеля (винит. постелю), церква.

Отъ сл. любофь, род. любови, дат.-мѣстн. любо́вѣ. По тому-же типу склоняется сл. карто́фь, род. картови, картовѣ, с картовью,—Говорятъ свекро́фка.

Слова, имѣющія въ имен. падежѣ ед. ч. удареніе на послѣднемъ слогѣ, нерѣдко переносятъ его на первый слогъ слова не только въ винит. падежѣ, но и въ дательномъ: Дви́нѣ, зи́мѣ, рѣ́кѣ, сто́ронѣ, стѣ́нѣ.

Въ женскій родъ перешли: банка, вреда́ («вреды нѣт»), заработка, магазе́я и магази́на, мѣстами нарѣчья, червь.

Существительныя *средняго рода.* Родительный п. ед. ч. на *-у* встрѣчается крайне рѣдко, въ видѣ исключенія: с нача́лу, шкону-ту нѣт. За то гораздо шире распространены именительный и родительный падежи мн. ч. съ окончаніями *-ы* и *-ов*, заимствованными у мужескаго рода. Слѣдующія формы существуютъ наравнѣ другъ съ другомъ: болота—болоты, гнѣ́зда, гнѣз—гнѣ́зды, гнѣздо́в, дѣ́ў—дѣло́в, зёрён—зерно́в, о́кон—окно́в, пи́сём—письмо́в, ср. письмена́—письмен. Постоянно слышны: жито́в, лека́рсвов, лицёв, мѣстов, наказаньёв, общество́в, польто́в (т. е. пальто), пиво́в, проме́ньев, сѣдло́в, сѣно́в, тѣ-

лóв, утрóв.—Говорятъ ліцы. Сл. яблок, яблук цѣликомъ перешло въ мужескій родъ.

Отъ сл. колѣно—колѣна и колини, род. колѣн, колѣнов и колúней.

Собирательныя формы извѣстны: крылья; оконьё, рѣшóтьё, стекóльё.

Отмѣчаемъ множественное число отъ такихъ словъ какъ: житá, маслá (род. масёл), пивá, сѣнá (см. ниже въ отдѣлѣ синтаксиса). Отъ сл. обшество им. п. мн. ч. обшествá, отъ туловище—туловищá, дéрёво—дерёва, дерёв.

Слова мóрё и пóлё имѣютъ въ род. п. мн. ч. помимо формъ морей и полей формы морь и поль; ср. плецё—им. п. мн. ч. плéця, род. плець или плéцей.

При образованіи творительнаго падежа дѣйствуетъ тотъ-же законъ, съ которымъ мы встрѣчались уже раньше: ліцима, окныма; јицями (= яйцами), мѣстáми.

Отмѣтимъ *-ях* вм. *-ах* въ мѣстномъ п. мн. ч. въ словахъ вмистя́х, вутря́х; ср. воснях. Мягкость здѣсь—остатокъ старины.

Въ склоненіи основъ на *-н* мы наблюдаемъ любопытное смѣшеніе старыхъ и новыхъ, возникшихъ по аналогіи, формъ. Наиболѣе часто встрѣчается слѣдующій типъ склоненія: врéмё, род. врéмя, дат. времю, твор. времём, мѣстн. времѣ; мн. ч. имен. временá, род. время́н (при времён). Ср. и́мё—именá, имя́н, пламё—пламенá, пламя́н, плéмё, си́мё, тимё.

Помимо этихъ формъ наблюдаются литературныя формы, къ которымъ иногда еще приставляютъ новыя окончанія: по имени, по имéню, к тому времéню, племéню, к стремéню и т. д. Отъ сл. пасмо записано мн. ч. пасменá, род. пас.

Формы на небеси, до небеси по всей вѣроятности заимствованы изъ церковнаго языка.

Сл. дитя, кажется, не имѣетъ вполнѣ установленнаго рода и образа склоненія, обстоятельство, которое обусловливается рѣдкостью употребленія этого слова. Я записалъ формы: дитя, род. дитú, дат. дитѣ, вин. дитю́ и дитя («безпріютную дитю» т. е. парня, «на своево дитя на сердецьново»), твор. дитём, мѣстн. дитѣ; мн. ч. дúти, род. дитей, твор. дитя́ми.

Въ средній родъ перешли: бу́со, жорново́, колоко́ло, конопле̑, матéрьё, насто.

Имя прилагательное.

Среди прилагательныхъ обращаютъ на себя вниманіе излюбленныя стяженныя формы. Вмѣсто *-ая*, *-яя* говорятъ *-а*, *-я*, вм. *-ое*, *-ее*, *-о*, *-е*, вм. *-ые*, *-іе* изрѣдка *-ы*, *-и*. Такое изобиліе усѣченныхъ формъ затрудняетъ наблюдателя разобраться въ томъ, которая изъ данныхъ формъ стяженная и которая настоящая краткая, нечленная форма: ма́лы робята, «старо да мало осталось дома», «старо продавать, а ново купить», стары да ма́лы и т. д. Хорошо, если имѣются на лицо косвенные падежи; только посредствомъ этихъ падежей сомнѣнія разсѣиваются: «из бѣ́ла тѣла, из красна лёкка», добру́ целовѣку, «жива́ целовѣка не видѣли», «про ми́ла пѣсни поют», «отдай мниѣ посу́лёна» (т. е. мальчика), «спра́ведна на упокой», «погоды хороши нѣт» (изъ письма крестьянина). «Сольина́-дни сива́ коня в полѣ не витко»; ср. еще по та́лу, по́-суху, жи́ла нѣт (т. е. жилого дома).

Когда прилагательныя имѣютъ при себѣ членъ от, та, то, они употребляются въ краткой формѣ: «Этот бит-от которой лежал без памети» (т. е. битый), «нов-от, стар-от поп», мал-от правит, эта маленька-та, сам-от стар-от, «швецк-от язык знаёш». Борецк-от мужик; ср. ихно-то.

Именительный падежъ ед. ч. муж. рода оканчивается на *-ой*, *-ей* (*-ёй*).

Мы уже имѣли случай говорить объ окончаніи родительнаго падежа ед. ч. муж. и средн. рода -ого, -ёго и -ово, ёво (высо́кого, зло́го, лишнёго, свѣтлого, си́нёво, худо́го) [1]. Слова женскаго рода принимаютъ,

---

1) Съ цѣлью опредѣлить границу, гдѣ кончается область взрывного *г* въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ и начинается область *в*, я съѣздилъ въ ближайшія селенія Вологодской губ. и узналъ, что граница почти совпадаетъ съ губернской границею. На правомъ берегу Нижняя Тойма составляетъ переходное мѣсто, гдѣ еще изъ устъ старшаго поколѣнія можно слышать *г*, между тѣмъ какъ на лѣвомъ берегу до Пучеги включительно, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ губернской границы, говорятъ по Архангельски *г*. Молодое поколѣніе по обѣимъ сторонамъ границы и по всему Шенкурскому уѣзду старательно бросаетъ старинное произношеніе и примыкаетъ къ образованному *в*.

кромѣ обычнаго *-ой*, *-ые* (*-іе*), *-ыя* (*-ія*). Окончаніе *-ыя* встрѣчается главнымъ образомъ въ пѣсняхъ. Примѣры: бѣлые бумаги, холодьніе воды, живыя или живые воды (сказка), медвѣжьіе шерсти, сѣрые масти, способные погоды, «Иван возьмёт у іé колецько с руки у сонные», «со брусовыя лавицы» (пѣсня), «не давай ты руки правыя» (пѣсня).

Въ творительномъ п. ед. ч. женскаго рода всегда (кромѣ пѣсенъ) употребляется краткое окончаніе *-ой* (*-ей*).

Для всѣхъ родовъ существуетъ въ им. п. мн. ч. одно окончаніе *-ые* (*-іе*).

Творительный п. мн. ч. всегда имѣетъ окончаніе *-ыма* (*-има*) не смотря на то, находится-ли удареніе на этомъ окончаніи или нѣтъ: глухи́ма, злыма, молодыма, худыма; кра́сныма, низкима.

По образцу прилагательныхъ склоняются мѣстныя названія на -ск: Архангельско, Вельско, Микольско, Шенкурско, род. Архангельского, мѣстн. Шенкурском. Ср. на Бѣлом городѣ, до Нова города (по тому-же принципу какъ напр. к Царю́-Граду). — Изъ личныхъ мѣстоименій *его*, *ей*, *іé*, *их* образовались прилагательныя: егóнной, ёвóнной, еговой (негоф), ейной (нейной), іéнной, ихной, нихной, ифной. Изъ трехъ первыхъ егонной и еговой, конечно, слышны въ сѣверной части уѣзда, между тѣмъ какъ ёвонной преобладаетъ на югѣ, хотя въ видѣ исключенія его можно слышать и внѣ его первоначальной области. Отмѣтимъ еще новыя образованія въ родѣ: откудова, оттудова, откудошной, тутошной (ср. тамошной).

Въ формѣ *сравнительной степени* встрѣчаются окончанія: *-ѣе* (*-іе*), *-е*, *-яе* (*-áе*). Изъ этихъ окончаній *-яе* имѣютъ наибольшую площадь распространенія. Примѣры: быстря́е, веселя́е (даже веселяя), востря́е, громця́е, даля́е, знакомя́е, есня́е, крупця́е, ливя́е (= лѣвѣе), ловцяе, покрипцяе, поплотняе, свѣжáе, скуряе, сиkляе, строжае, тепляе, тишае, ходцяе, церняе. Одни и тѣ-же слова порою принимаютъ и другое окончаніе *-ѣе*: биліе, жарцѣе, звонціе, силѣе, стюденѣе, шумцѣе. Примѣры на *-е*: боле, корóце, краше, крипце, лекцé, мекце, мене, плоше, цище (= чище), шире; ср. боhате, здорове (при здоровше), свобóдне, сильнé, тяжéле, удобне. — Обращаемъ вниманіе на то, что числительное *первой* иногда встрѣчается въ формѣ сравнительной сте-

неніи: «как нерьвѣ́е было» (т. е. раньше), понерьвѣе бра́тьей, ср. «попре́же маленько иф».

О превосходной степени было-бы удобнѣе говорить въ другомъ, болѣе соотвѣтствующемъ мѣстѣ, такъ какъ въ ея образованіи играютъ роль такіе факторы какъ особая интонація (болѣе сильное удареніе, болѣе высокій тонъ ударяемаго слога, протяжное произношеніе звуковъ), повтореніе—напр. горе — горькой, красной—прикрасной, прибульной—бульной и пр. Отмѣтимъ, во-первыхъ, употребленіе мѣстоименія *самой*, *сама* (*-я*), *само* (*-е*) при прилагательномъ для выраженія его превосходнаго, усиленнаго качества: самой злятной, са́ма худая изба. Нерѣдко къ мѣстоименію приставляется членъ: сам-от стар-от, «неси са́мы-тѣ крѣпкіе», даже: сам-от перв-от; ср. выраженіе: «самые из лутших подарков». Вмѣсто этого послѣдняго оборота часто слышится составное слово, въ которомъ *само*-образуетъ первую часть: самолутшой, самолутша и т. д.

Когда уже не имѣется въ виду сравненія, а вообще говорится объ усиленной степени качества, выражаемаго прилагательнымъ, тогда нашъ говоръ прибѣгаетъ къ двоякому способу выраженія. Во-первыхъ, онъ употребляетъ префиксъ *при*-передъ прилагательнымъ: приглупой, прикрасной, пріугромной. Во-вторыхъ, онъ пользуется суффиксами: *-ушшой* (*-юшшой*), *-яшшой* (*-ашшой*): большушшой, большащой, манюшшой, тяжолу́щой, широку́щой, злашшой, матеря́шшой, скупяшшой, толстяшшой, худя́шшой; ср. богатѣ́юшшой.

Мѣстоименія. Мѣстоименіе *я* имѣетъ слѣдующія формы: род.-вин. меня, миня и мня, дат. минѣ и мнѣ, твор. мной, мѣстн. мнѣ. Второе лицо *ты* склоняется: род.-вин. тебя, тибя, тобя и тя, дат. тибѣ, тобѣ, тѣ, твор. тобой, мѣстн. тебѣ, тибѣ, тобѣ. Множественное число обоихъ лицъ имѣетъ тѣ-же формы, какъ и въ образованномъ языкѣ. Возвратное себя, сибя, собя, ся имѣетъ въ дат.-мѣстн. себѣ, сибѣ, собѣ, твор. собой.

он, *оно:* род.-вин. ёго, ёво, дат. ёму и т. д. *она:* род. ей, іе́, ее́, дат. ей, вин. іе́, ее́, ей, твор. ей, мѣстн. ей. Во множественномъ числѣ для всѣхъ родовъ: онѣ и они, их (иф), им, има́ (иногда имя́), их (иф). Обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что то-же самое «евфони-

ческое» *н*, которое только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ ставится послѣ предлога, часто (на Двинѣ) появляется безъ всякаго повода въ формахъ этого мѣстоименія, напр.: него люди науцили, опеть нему говорит: (хотя въ той-же связи: к ей, до их), отець нему будёт, да не видѣли него, окружаем ней, хватал ней, них-то, говорит ним. Этимъ формамъ обязаны своимъ происхожденіемъ образованія негоф, нейной, нихной вм. обычныхъ евонной, ейной, ихной. Такой-же любопытный остатокъ древняго двойственнаго числа въ формѣ твор. падежа какъ имá, имѣемъ и отъ другихъ мѣстоименій. Такъ у меня записаны слѣдующіе примѣры: с моимá брáтьима, со своимá апостолыма (разъ съ удареніемъ своúма), со всѣмá, тѣмá кáплима, э́тима, обѣмá руками.

Въ различіе отъ того *тот* и его формъ, которыя въ нашемъ говорѣ имѣютъ значеніе члена, появляется мѣстоименіе *тот там*, *тот там тот:* той там зимы отдана, тово там того вечера, в то там то воскресеньё. «Тот»—твор. тѣмъ и тымъ, мн. тѣ и тые, тѣх и тых, тѣм и тымъ, тѣмá.

Мѣстоименіе *сей* сохранилось въ выраженіяхъ въ родѣ: сéй-годъ, севóгода, сёгóвды, севодне, сéзимы, сéосени, на сём свѣтѣ, до сѣ́х-мѣс, до сѣх пор.

Сл. *этот* звучитъ часто етотъ, даже эфтот, ефтот (въ связи съ предлогами *в* и *на*), род.-вин. етого, ефтово (за е.); мн. ч. имен. п. етѣ. Вмѣсто «такой» говорятъ экой (екой), эка, эко. Ср. вообще роль указательной приставки э-, напр. въ сл. эстолько (показывая сколько), этак, этойды, этуды.

Отмѣтимъ сл. такóськой, такóська, такосько.

Отъ *сама* вин. падежъ будетъ самою, мн. самѣ, самѣх.

кой записано въ выраженіяхъ: коегóдне (= на дняхъ, когда-то), вкóйпору, в коем годѣ (= въ которомъ году).

Въ склоненіи сл. *которой* нашлись краткія формы: котора, которо, которы («а которы противны, тѣ и...»). Относительно сл. *нѣкоторой* отмѣтимъ, что предлогъ ставится между его составными частями, стало быть, напр. нѣ в котором царствѣ, такъ что съ точки зрѣнія своего склоненія это слово совпадаетъ съ отрицательнымъ «некоторой» («некоторой Олёкса не прúдёт»).

Какъ вопросительное мѣстоименіе употребляется колькóй (=сколькій, который), род. кольковó; ср. колько (=сколько), кольки («кольки дас, тольки и ладно»); но нескóлько («н. неважна»).

Къ мѣстоименіямъ *хто*, *што*, *которой* прибавляютъ *хош* для выраженія того отношенія, которое въ литературномъ языкѣ выражается посредствомъ хоть кто, кто угодно, кто-нибудь: Хто хош бери (= бери кто угодно), хто хош тебя повезёт, я што хош украду, хоть которой хош съѣздит, так отьцю отдаёт. Кстати, встрѣчается и хто-нинабýдь, хто-нинаесь, што-нинабудь; ср. куда-нинабудь, куда-набýдь.

Отмѣтимъ еще: *кажной*, *всяк (-ой)*, *всяка*, *всяко* (напр. всяк знал, всяко говорят), *какой-бы не*. При отрицаніи постоянно говорятъ «*не*цего» (не), нехто (не) и т. д.

Членъ. Рѣчь Шенкурскаго крестьянина изобилуетъ разнообразными формами члена. Онъ ставится не только при существительныхъ, но и при другихъ частяхъ рѣчи: мы наблюдаемъ его при прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ, числительныхъ, глаголахъ (въ особенности при неопредѣленномъ наклоненіи) и даже нарѣчіяхъ. Именительный падежъ имѣетъ слѣдующія формы: *от*, *та*, *то*, напр. жених-от, конь-от, мужик-от, отець-от («был у моего мужа отець, отець-от умёр»), баба-та, дѣвка-та, дѣло-то. Въ имен. падежѣ мн. числа преобладаетъ форма *тѣ*, изрѣдка можно слышать *ты*: болота-тѣ, дерёва-тѣ, иконы-тѣ, мужики-тѣ, рѣки-тѣ, уйты-тѣ; дóмы-ты, дѣфки-ты, заводы-ты, улки-ты (= улицы). Существительныя женскаго рода въ вин. падежѣ ед. ч. принимаютъ членъ въ формѣ *ту*: дверь-ту, дудку-ту, душу-ту, квашню-ту, рожь-ту («пусь он нам рожь-ту оставит»), смерть-ту («дай мнѣ, Господи, смерть-ту милосливу»). То-же самое *ту* фигурируетъ и при другихъ падежахъ, соотвѣтствуя данному падежному окончанію («гармонія гласныхъ»): барину-ту, жонишку-ту, парняќу-ту, Димитрію-ту (дат. п.); у дому-ту, оброку-ту, сахару-ту, «сѣнокосу-ту мало» (род. п.); в лѣсу-ту. Независимо отъ падежныхъ окончаній *ту* встрѣчается при существительныхъ не только единственнаго числа, но и множественнаго: днём-ту, «глаз-ту нѣт у ніé», зимой-ту, лѣтом-ту; в казармах-ту, в мѣшках-ту, лѣт-ту. При косвенныхъ падежахъ обоихъ чиселъ, однако, какъ общую форму больше упо-

требляють *то*: барнѣ-то, быков-то, кораблём-то, мужикам-то; попадается во мн. числѣ и *тѣ*: с дѣвкина-тѣ. Соотвѣтственно падежному окончанію, *та* слѣдуеть за род. падежомъ муж. и средн. рода: сына-та, кόля-та. Только у одной пожилой женщины мною записана форма *ты* въ связи съ род. падежомъ ед. ч. женск. р.: службы-ты нé-было, от Тетьмы-ты.

Здѣсь же приведемъ нѣсколько примѣровъ на употребленіе члена въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Съ личнымъ именемъ: Дмитрію-ту, Кузьмѣ-то отець, Роман-от. Съ прилагательнымъ: много-ли живы́х-тѣ, три смотрителя лѣсных-ту, хороша-та погода. Съ мѣстоимѣніемъ: этот дружок-от, «это тот учитель-от, которой...», сам-от, сами-тѣ; объ образованіи превосходной степени при помощи *самой* со членомъ см. выше (са́мы-тѣ крѣпкіе и т. д.). Съ числительнымъ: один-от волок (изъ двухъ извѣстныхъ уже раньше волоковъ), другой-от, одну-ту душу, два-тѣ сына, три-тѣ года. Съ глаголомъ: он спать-то любит, што шеголять-ту, гдѣ ты был-то. Съ нарѣчіемъ: «эй, вы боском-ту», домой-ту.

Числительныя. Въ склоненіи числительныхъ обращаемъ вниманіе на слѣдующее: *один*, род. одногó, одново, твор. одиѣм, одным; имен. п. мн. ч. однѣ, одны, твор. однѣмá, одны́ма. Ср. «ни одной».

два, *двѣ*, двух, двых, двыф (Липовка), двум, двым, двумá, дымá (разъ услышано двѣмя́, на Двинѣ).

три, трёх, трёф, трём, тримá, трёмá, трёх, трёф.

Неопредѣленное *два-три*, *двѣ-три*: было двѣ-три росы, версты двѣ-три.

На ряду съ два, три употребительны собирательныя *двоё*, *двои*, *троё*, *трои* (троё недѣль, трои сутки), твор. двои́ма, трои́ма. Въ этомъ отношеніи указываемъ на схожее употребленіе съ одной стороны *оба-обѣ* и съ другой стороны обóи (обои мужики, обои и́збы), род.- мѣстн. обѣ́х, обѣф: на обѣф сторонах, обóих (на обоих недѣлях), обѣ́их (даже при муж. родѣ), дат. обѣ́м и пр., твор. обѣмá, обóима, обѣ́има.

цетыре, род.-мѣстн. цеты́рёх, цетырёх, цетырёф, твор. цеты́рема, цетыремá.

петь, род. пети́, дат. пети, петим, твор. пети́мá; мѣстн. пети, петих.

Говорятъ: с восьми нарнина, семи десятиныма, семина́, десетина́ годами старше.

Отмѣтимъ еще собирательныя *цетвёро*, *цетвёры* (ц. ворота), род. цетвёрых, твор. цетвёрыма и цетверы́ма; *пе́теро*, *пе́теры*, петеры́ма, ше́стеро; семеры́ма, восьмёры́ма.

Сто, род. ста, сот (у́-ста, со́-ста, два́ста), дат. сту, стам (по́ сту), твор. стами. *Двеста*, на мѣ: *двисти*, но *триста*.

Тысиця. *Полтора*, *полторы*, род. полу́торых («больше полуторых годов жил», «полу́торыма годами старше»).

Изъ порядковыхъ: первой, дру́гой = второй, напр. другой дом, другіе сутки; третей, иногда съ удареніемъ на первомъ слогѣ, род. третьёго («третьёго-дни»); шостой, семой.

О сравнительной степени сл. первой ср. выше.

Глаголъ. Отмѣтимъ слѣдующія формы неопредѣленнаго наклоненія: берекци́, волокци́, достикци́, жекци́, запрекци́ (при запрець), лекци́, пекци́, помокци́, текци́, толокци́. Иногда и безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ: дости́кци, си́кци (при сѣ́кци), стри́кци. Мѣстами пропускаютъ гортанный звукъ, такъ что можно слышать даже въ двухъ сосѣднихъ деревняхъ, въ одной *сѣци* и т. д. и въ другой *сѣ́кци*. Окончаніе *-ти* наблюдается въ глаголахъ: гры́зти, ошибтись, перелизти, усестись (=усѣсться). Нерѣдко говорятъ: подойдить, придить и проч. Фонетическимъ путемъ возникли съ одной стороны окончанія *-сь*, напр. jись, крась, сись, а съ другой стороны окончанія *-ить* (вм. *-ѣть*): видить (видили, но видѣў, видял), висить, гори́ть (горили, но горѣў), жалить (я жалѣў, жалял, они жалили), смотрить (посмотріў), палить (опаля́л). Подъ вліяніемъ упомянутыхъ глаголовъ на *-ить*, которые въ формахъ прошедшаго времени (причастій на *-лъ*), смотря по характеру слѣдующаго согласнаго *л*, имѣютъ *и* или *ѣ*, образовались формы прошедшаго времени: говорѣла (но говорили), истопѣлась. Звукъ *я* въ формахъ видял, жалял и т. д., вѣроятно, обязанъ своимъ происхожденіемъ фонетическому чередованію *е* и *я* (ср. взеть, взял).—Отмѣтимъ неопредѣленное наклоненіе *владать*.

Въ спряженіи настоящаго времени обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что *-тъ* въ третьемъ лицѣ обоихъ чиселъ довольно часто,

въ сѣверной части обнимаемой говоромъ территоріи, отсутствуетъ. Собранные нами примѣры позволяютъ установить, что формы безъ *-тъ* наблюдаются: въ положеніи послѣ *-ае*, *-яе*, -е, -ё въ ед. числѣ, и послѣ *-я* во мн. числѣ. Примѣры: гуляё, затворяё, знаё, насвистываё, розцвѣтаё, цитаё, даже бѣга, нюха, хлопа, послѣ стяженія *-ае>-а;* буде, выткнё, можо, пашо, плацё, берё, вьё, живё, идё, поё, приведё, принесё, ростё; говря, варя, приходя, садя́, спя, хотя́, ѣдя́.

Такъ какъ неударяемое *е* передъ мягкимъ согласнымъ отличается склонностью переходить въ *и*, то мы не удивимся при встрѣчѣ такихъ формъ какъ кланиссе, кланитсе и пр. (но кланеютсе), тере́итсе. Звукъ *и* вм. *е* поэтому постоянно наблюдается въ окончаніи 2 лица мн. числа наст. времени *-ите* вм. *-ете*, *-ёте*. Удареніе стоитъ или на конечномъ слогѣ *-итé*, или впереди до этого окончанія, находясь въ зависимости отъ общаго движенія ударенія въ данномъ глаголѣ. Если удареніе, начиная съ 2 лица ед. числа, остается на личномъ окончаніи, мы имѣемъ *-итé*; въ противномъ случаѣ ударенія нѣтъ на разсматриваемомъ окончаніи: напр.: берегитé (= бережете), идитé (= идёте), кладитé; ср. сидитé, стоитé; пи́шите, пля́шите, сдѣлаите, тéните, трéплите; похорóните, скóчите. Само собою разумѣется, что одно-сложныя основы получаютъ *-итé:* біитé (= бьёте), мпитé, піитé, рвитé, скитé, спитé, ссите́.

Подъ вліяніемъ 1 лица ед. ч. и 3 лица мн. ч. гортанные остаются неизмѣненными, не переходя въ шипящіе, въ такихъ случаяхъ какъ: берегёт, волокитé, жгёт, запрегёт, засѣкёт, лéгеш, пекитé, стригёт, текёт. Исключеніе составляетъ сл. могу́ (помогу), мóжош, можот, даже можут. Противоположное явленіе, въ томъ смыслѣ, что всѣ остальныя формы наст. времени повліяли на форму перваго лица, встрѣчаемъ, правда не какъ общую для всего говора особенность, въ слѣдующихъ примѣрахъ: возвратю́, воротю (при вороцю), испóртю, катю́, молотю́, светю́ (= свѣщу); ср. морозю́; иногда даже храню́.

Глаголы на *-овать*, *-авать* часто при спряженіи пропускаютъ обычное чередованіе ова: уј, ава: ај; такъ говорятъ: даваё, подаваю, займоваетсе, оставаютсе, недоставает, приставает, ставает (= встаётъ), становате (= станyете).

Относительно ударенія отмѣтимъ: клю́ю, плю́ю; при́дет и придёт, при чемъ между обѣими формами существуетъ небольшая разница въ значеніи: при́дет выражаетъ обѣщаніе или предположеніе, между тѣмъ какъ придёт носитъ оттѣнокъ полной увѣренности.

Изъ спряженія отдѣльныхъ глаголовъ обращаемъ вниманіе на слѣдующія особенности.

Подъ вліяніемъ ед. ч. наст. времени возникли формы хо́цем, хо́ците (при хотитé), но хотя́т. На ряду съ хоцеш употребляютъ форму хош; ср. ея-употребленіе въ связи съ мѣстоименіемъ кто, которой и пр. Форма хотьце въ выраженіи «мнѣ не хотьце» восходитъ къ хочеся.

jисъ (=ѣсть): ѣм, ѣш, ѣс, идим (ѣди́м), идитé, идя́т (идя́).

дать: дам, даш, дас, дадим (даим), даитé, дадут; ср. даваю и пр., вы́даём.

есъ (иногда *е*) для всѣхъ лицъ: я есь твой сын, кто ты есь, хто тут есь, мы согласны, которые есь этта (= здѣсь), какіе Вы есь люди, они есь отсель.

плыть—плову, пловёш; *слыть*—слову, словёш.

помлить—помлю, помлиш.

Прош. время убе́г, -ла, прибѣг вм. убѣжалъ, прибѣжалъ.

Изъ области возвратныхъ глаголовъ слѣдуетъ сказать, что ударяемое *е* личнаго окончанія не переходитъ въ *ё* въ виду мягкости слѣдующаго за нимъ согласнаго: кладе́тсе, приведе́тсе, сміе́тсе, но, мѣстами, берёмсе. Для примѣра возьмемъ спряженіе глагола сміетьсе:

смію́сь	сміе́мсе и сміёмсе
сміе́ссе	сміите́сь
сміе́тсе	смію́тсе.

Употребляютъ гл. лежитьсе вм. ложиться.

Прошедшее время вспомогательнаго глагола вмѣстѣ съ прош. временемъ служитъ для выраженія давнопрошедшаго дѣйствія, plusquamperfectum'а, того, что уже было совершеннымъ, когда что-нибудь другое происходило, напр. простудіўсе быў, лѣс возіў (т. е. когда лѣсъ возилъ); которая вода была́ набралась во времё страшной качки; ошшо не собра́лись были; земля была высохла, но опеть промокла; все за-

сохло было во то времё, засохли были, минусь все проме́рало было, два раз обгорали были. Если глаголъ употребляется въ многократномъ видѣ, вспомогательный глаголъ слѣдуетъ его примѣру и ставится въ многократномъ видѣ: граф заказывал бывал.

Изъ области употребленія будущаго времени отмѣтимъ: кому я буду достанусь.

Формы многократнаго вида часто попадаются въ крестьянской рѣчи.

Обращаемъ вниманіе на слѣдующіе случаи: сказывливать, спрашы́вливать; жениватьсе, раживатьсе, умирывать, бирывать («откуля ты бирывана, молодица»), купливать, служивать, теривать. Изъ причастныхъ формъ многократнаго вида отмѣтимъ: хаживано (много у нас к вам хаживано), бывано.

Что касается до причастныхъ формъ дѣйствительнаго залога, то онѣ не пользуются особеннымъ распространеніемъ въ обыденной рѣчи. Дѣепричастіе наст. времени оканчивается на *-я* (*-а*): гледя́, лёжа, любя́, погодя́, поманя, с роду родесь, си́жа и сѣ́жа (въ зависимости отъ мѣстности; послѣдняя форма отъ сѣдѣти, ср. сѣжу́сь, сѣдисе; 2 л. мн. ч. сидитёсь; говорятъ, кромѣ того, сидя́сь), смотря́, стоя́, (мимо-) ходя́. Формы на *-ючи* крайне рѣдки: не бываючи, слыхаючи, ревит не утыхаюци. Записанныя нами прилагательныя формы причастій относятся къ области народной поэзіи: трясу́чаво, ходе́чаво и пр. (въ заговорѣ). Дѣепричастіе прош. времени на *-вши* встрѣчается чаще всего вмѣстѣ съ прош. временемъ вспомогательнаго глагола для выраженія минувшаго состоянія, какъ предикативное обстоятельное слово. Примѣры: я тоже выпивши был, раньше было лопнувши, он был роздѣ́вши, был согрѣвши, но угас (т. е. самоваръ). Такіе обороты однако не характерны для говора; скорѣе можно думать, что они появились какъ результатъ чужого вліянія. Духу мѣстнаго языка въ гораздо большей степени соотвѣтствуетъ употребленіе двухъ самостоятельныхъ личныхъ глаголовъ рядомъ другъ съ другомъ: выслужилсе, вышол; пріѣхали домой, соньцё закатаетсе.

Дѣепричастія въ предикативномъ употребленіи (типа: он вставши), я не слышалъ. Дѣепричастіе прош. времени отъ сл. jись звучитъ ѣдшы,

мѣстами ѣфшы и даже съ удареніемъ ѣши́ (Липовка; тамъ-же записана форма пивши́).

Причастіе прош. времени страдательнаго залога зато извѣстно всюду, и въ его употребленіи даже не дѣлаютъ различія между переходящими и непереходящими глаголами. Изъ своеобразныхъ формъ приведемъ слѣдующія: да́ван (прода́ван и пр.), да́ден (ср. краденъ), знат (узнат и пр.), одѣ́нной (ср. одѣну), проклене̇на (= проклята), сдѣлат. Ср. же́неноси, нанятось, поряжоноси, розойденóсь, росцитаноси; иденó (уйденó и пр.), ноцёвано, ха́живано, ѣхано, бывано, быто въ безличныхъ выраженіяхъ («здѣсь ѣхано», «как быто, так боле не говорят»; ср. финское oltu).

Наконецъ, отмѣтимъ формы повелительнаго наклоненія: ѣдь, јидь (поѣдь и т. д.), отъ сл. ѣхать; подь, подьте (ср. поду́, подёш). Форма прятай, спрятай, показываетъ, что этотъ глаголъ имѣетъ другое спряженіе, чѣмъ въ литературномъ языкѣ.

Нарѣчія, союзы, частицы. То, что у насъ записано, не отличается полностью и законченностью. Мы отмѣчали только то, что въ обыденной рѣчи бросалось въ глаза какъ особенность, отличающаяся такъ или иначе отъ литературнаго языка. Изъ нарѣчій мѣста въ нашихъ записяхъ нашлись слѣдующія:

здисе, здѣсяка, этта, эттака, эттакова, эттаки (въ значеніи: здѣсь, сюда, по этому мѣсту, этимъ путемъ), эвон-дѣ-ка, водѣ, эвон, эвон-ка, ево (вотъ, здѣсь), этамо, этам-ка, туто-ка, туто-тки, тамо, тамо-ка, тамо-тки, там-дѣ-ка, тойды, тойды́ и тойда (туда), этойды, этуда (=этимъ мѣстомъ), койды (куда, какимъ путемъ), тойдыма, койдыма, тудытыма, туды-там, отсель, отту́ля, оттуль-там, отку́ль, откуля, докуля, черес туль (черезъ это мѣсто), черес куль, доэ́туль, отовсюль; ося́пор, дося́пóр, досѣ́мѣс, пота́мѣс, пока́мѣс (по такое, какое мѣсто); «там» въ смыслѣ «туда» («ходили там на Погóс», «пошоў там г дому»; ср. въ старинномъ языкѣ смѣшеніе нарѣчій там и туда, Лавровскій, О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, 127); сыздаля́, назадь, назадѣ́, впередѣ, индѣ («тут и индѣ»), домóфь. Нарѣчія прямо, покрай и кругом встрѣчаются въ роли предлоговъ, при чемъ они требуютъ послѣ себя родительнаго падежа: прямо дороги, покрай волости, кругом двух церквей.

Нарѣчія времени: топерь, топере, типерице, нонѣ, нонице, нынь, нынице, втѣпóр, втѣ́поры (= тогда), ковды, иновды, покуль, покуля (пока, «поку́ля я не выросту»); утрѣ, зафтро, взафтро, зафтрѣ-ка, взафтрѣ-ка, заутрá, позау́тро, иззаутрá, послѣ-зафтро, послѣ-зафтрѣ, вецёр, утрось, вёснусь, зиму́сь, лѣ́тось, нацесь, осинéсь, сéй-год, севóгода, севóгоды, сегóвода, сегóводы, сегóвда, сегóвды, сегóдне, сéзимы, сéноци, сéосени; третьёго-дни, лони́, зáвсё (=всегда), опосля́; одиѣва и одíнова (= однажды), трижда, напéрво (= сперва); ономедни, ономéсь (=на дняхъ), онóвда, оногда; даве, давице; недавнó, издавнá; отродá; там (= тогда, напр. «бурлацька навезла там окошо»); год-óт-году; уж въ различіе отъ ужò (= сейчасъ, послѣ, погоди!).

Нарѣчія образа дѣйствія, качества, количества и пр.: эк, ек (= такъ), этак, во, дру́гоме, дру́гомя (= иначе), инáко, вóвсё, всяко (= всячески), коль (вопросительное), столь, колько, только (= столько); порато, крѣпко, горазно (усилительныя), поитто и пр. (обст. причины), окромя́.

ровно (= какъ будто, кажется, «у нас батюшко ровно идет»), быват, бат (= быть можетъ), поди-ко, поди-косе, поди знай («севодне, поди, студёнó», «в правленіи, поди-косе, огонь»), рá (= развѣ: «народ не ходит, ра хто поѣдет и только»); но, ну въ смыслѣ «да»—выраженіе согласія.

Изъ союзовъ: али, либо (ѣхаў али не ѣхаў, хозеин наперёдь али гось, пріѣдет либо останетсе), кабы, кабыть (кабы она выкупна была, она бы была вся твоя; кабы кажной день искать-то, так...), бу́де, ёжели.

Общеупотребительныя частицы: -ко, -кось, -косе (въ особенности при повелительномъ наклоненіи: «помани-ко»), -ка (при вышеприведенныхъ нарѣчіяхъ), -ткосе (приходиткосе), -тки. Отрицательныя не-, нѣ- (нѣ- отдѣляется предлогомъ отъ мѣстоименія, см. выше).

Удареніе. Если передъ словомъ стоитъ предлогъ без, до, за, из, на (над), от, по, под, у, и слово въ данной формѣ имѣло-бы удареніе на первомъ слогѣ, то удареніе, за немногими исключеніями, передвигается на предлогъ: бéз соли, дó году, дó города, дó вецера, дó крови, дó пояса, дó свѣту, но «до дóму, гдѣ...»; зá дешово, зá косу, зá остров,

зá смолу, зá сорок-ту, зá черту, и́з берегу, и́з лѣсу, и́з печи, нá волок, нá городѣ, нá лошадь, нá небѣ, нá озерѣ, нá сторону, нá сѣни, óт глаза, óт городу, год-óт-году, óт сѣна, пó вѣтру, пóгородски, пó Двинѣ (ср. дательный падежъ съ предлогомъ «къ» съ удареніемъ Дви́нѣ), пó льду, пó руцью, пó соль, пóд елью, пóд морём, пóд мостом, пóд носом, пóд осень, пóд сѣном, пóд съѣздом, у́ берегу, у́ города, у́ дому, у́ камени, у́ лошади, у́ мосту, у́ парня, у́ серьця, у́ Соли (= въ Сольвычегодскѣ), у́ сына. Ср. понáпрасну. Тоже самое часто происходитъ съ отрицательнымъ словомъ не: нé, брат! нé взяў, нé жив, нé пили. Отмѣтимъ еще случаи, когда два слова соединяются подъ однимъ удареніемъ: двá дни, третьёво-дни, около Петрóва дни, о Христóвѣ дни, с Ильинá дня, на босóй ногѣ, возлѣ́ рѣку, возлѣ́ себя, другóй ред.

Перечислимъ нѣсколько извѣстныхъ намъ особенностей по постановкѣ ударенія въ отдѣльныхъ словахъ. Изъ области существительныхъ: обшествó, знакомствó, Виденьё; вóйна, воля́, засу́ха, кáлбас, колокóло, корюхá, опéкун, ру́цей, сватаньё, случáй, сóсна, спи́на, сѣрá, Успленьё; дрóва, кóней, кóням, кóнима, хотя конь, коня́, куст, ку́ста, смѣх, смѣхá, цвѣ́ты, игрá, им. п. мн. ч. игры́, иногда такъ-же жены́, сестры́ (род. сéстёр), людя́м, дитя́м; ср. положеніе ударенія на первомъ слогѣ въ дательномъ пад. существительныхъ на *-а*: к вéснѣ, к Дви́нѣ, к зи́мѣ, к рѣ́кѣ, к стóронѣ, к стрáдѣ.

Изъ прилагательныхъ: голоднóй, голу́бой, грязнóй, ду́рной, жаркóй, крупнóй, ловкóй, мутнóй, нѣмóй, позднóй (поздóй), противнóй, прѣснóй, робкóй, рѣдкóй, скорóй, скуднóй, скуснóй, страшнóй, суровóй, сѣрóй, тихóй, толстóй, томнóй, торнóй, тѣснóй, у́жасной, цѣлóй, шаткóй, ѣдкóй, (ёдкóй); первóй, дру́гой, третéй; бѣднó, мошнó, мокрó, óпасно, страшнó, тё́мно, труднó.

Глагольныя формы: вопи́ть, ку́рить, ознакоми́тьсе, отвóрить, полóжить, ху́лить, церепáть, (= царапать) пóдождал, (при подождáть) пóслал, пóспал, прóспал; коси́т, разсерди́тсе, сади́т, станови́т, суши́т, клю́ёт, плю́ёт.

Синтаксисъ.

Согласованіе по смыслу встрѣчается при словахъ, которыя имѣютъ значеніе собирательности: относящіяся къ собирательному слову сказуемое и мѣстоименіе ставятся въ большинствѣ случаевъ въ множественномъ числѣ, напр. «народ-от говорят», «народ всё на грабку-ту ходят», «народ всѣ дома будут», «молодёж всѣ ходили ко мнѣ», «кампанія собираютсе», «публика большая сошлисе», «на горѣ скот-от ходят», «семейство зарабатывали», «народ-то у нас чудесной, они-то Вас стѣсняютсе», верхота́ (т. е. жители верховья) зовут Тунгас; ср. «не плачьте вы, меньшая братья». Сл. «прислуга» понимается то какъ собирательное слово, напр. «прислуга, ставайте!», то какъ слово, имѣющее значеніе единственности, причемъ оно можетъ употребляться въ формахъ множественнаго числа («говорит прислугѣ: бѣжи»). Кстати говоря, и слово «народ» можетъ иногда ставиться во множественномъ числѣ: «жнут народы всѣ», т. е. народъ изо всѣхъ деревень, всѣхъ домовъ.

При мѣстоименіи хто (нехто) сказуемое, правда не особенно часто, стоитъ во множественномъ числѣ: нехто не слыхали, хто ушли косить, хто куда; хто ји́дёт (= ѣдетъ), хто лошадей возят.

Если подлежащее состоитъ изъ существительнаго, употребляемаго въ единственномъ числѣ, и при немъ помѣщается другое существительное, связанное съ нимъ посредствомъ предлога съ, сказуемое принимаетъ форму мн. числа: ѣдут барын с барной, урядник с казначеем пріѣхали.

Для выраженія почтительности и вѣжливости сказуемое стоитъ во множ. числѣ не смотря на то, что подлежащее употребляется въ единственномъ: «фершал давали порошок», «поглядили начальство», «казна изрубили». Обращаемъ, кромѣ того, вниманіе на тотъ случай, когда первое лицо ед. ч. говоритъ о себѣ: «благодарим», множественное число котораго служитъ для выраженія скромности: «благодарим покорно всѣм хрещоным».

Сказуемое и опредѣленіе, которыя относятся къ собирательнымъ формамъ именъ существительныхъ, употребляемымъ, какъ сказано было уже выше, вмѣсто формъ мн. числа, ставятся въ ед. числѣ: «такоё сту́лье было поставлено».

При числительныхъ глаголъ принимаетъ то формы единственнаго числа, когда числительное понимается въ смыслѣ обстоятельства «сколько» и предложеніе носитъ характеръ безсубъектности, то формы мн. числа: «двѣ кухарки спит на пецѣ»; «два Романа уже задавилось», «два сторожа живет», «этта пришло два мужика», «двоё калик шло», «три пули прошло», «цетыре архіерея съѣхалось», «было-жило петь доцерей», «два было, оба померли», «домов шесь прибыло»; «двоё мужика карбас ладят».

Только разъ у насъ записанъ звательный падежъ въ функціи именительнаго-подлежащаго: «на стрѣцю ему (идет) Ефимяне» (въ духовномъ стихѣ про Алексѣя Божьяго человѣка).

Именительный самостоятельный при мѣстоименномъ подлежащемъ, обозначающемъ ту-же субстанцію, встрѣчается нерѣдко: «Ковды анделы Господни, в какоё врéмё онѣ плакали».

Именительный самостоятельный для обозначенія времени: он пришол серёдка дни, «недиля, как купили», «муж мой третей год как пóмёр», «товарыщи ево два или три дня ужо отправились домой» [1]).

Второй именительный падежъ встрѣчается при глаголахъ: быть, дѣлаться, называться, оказаться, итти и пр.: «и молодой был, нé пил», «он был половина на сухом берегу», «едрёна была я преже молодая-та», «вода числа дѣлаетсе», «она дѣлалась дѣвиця красива», «жись показалась тосклывая», «оказались всѣ (т. е. дочери) негодные», «живые и пошли», «большой вырос он».

Въ безсубъектныхъ оборотахъ въ качествѣ формальнаго подлежащаго довольно часто встрѣчается мѣстоименіе оно: «оно было невозможно розобрать», «оно как можно отстать-ту!», «оно можно и шанёжка јисти», «оно можно-же этак говорить», «оно надобы перёд переставить», «надоть оно ей (т. е. её) со двора пихнуть», «оно надобы, щобы дожжа не было», «што оно нужно узнать-то», «оно слѣдовало-бы эти предметы изучать», «как оно преже-то было у нас», «оно хорошо в рукавицях-ту», «оно есь теперь и то, што...», «оно хоть и песоцек есь»,

---

1) Изъ способовъ для обозначенія времени ср. слѣдующіе примѣры: «он пóмёр, восем годов есь», «больше мисяця тому времени», «назадь годов петдесѣть».

«оно нѣту севóгоды них», «оно было рублей десеть оброку-ту», «оно врéмём бывает, што...», «оно видáть ручки-тѣ», «оно у стариков так признато, што...», «оно как привыкнеш, так ничево», «оно прiѣдеш устáлой домой», «оно и подумаш, што..», «оно хоть не пушшают скотá туды», «оно дорого берут», «оно вѣть приходитсе спрашивать, гдѣ..», «оно ломает грозой дерёва» («мифологическое подлежащее»), «оно ведро сдѣлалось, знаш», «оно всё покинуло» (т. е. погодой), оно вѣть ноньче студенúе стало, оно тёплó в ызбѣ.

Примѣры безсубъектных оборотовъ безъ мѣстоименія оно: «ево туда переташчило» (невѣдомой силой), «из терплѣнія выбило ево», «людей росплодилосе», «мертвово оттуда (т. е. изъ земли) выкинуло»; «морошúт», «молодúт», «замолаживат»; съ творительнымъ орудія: «деревом голову ушибло», «дожжом привалило как»!.

Предлагаемъ еще нѣсколько образцовъ изъ области безсубъектныхъ оборотовъ: хрестам не слѣд (и «не слѣдно») так валетьсе; не охота ёму было итти; времё уж им закидывать; нельзя и косить стало; дым далéче видать; не видать престола будет; хорошо было видать, ковды вода была бульшая; мнѣ уж не сказать; тибѣ там не искать его; зелѣзной росы не промыть. Обращаемъ вниманіе на двойное «нужно надо»: тибѣ ра в Кургоминь нужно надо, нужно утка надоть поймать, мнѣ бы нужно надобы купить кое што.

Безсубъектный оборотъ съ глаголомъ въ страдательномъ залогѣ засвидѣтельствованъ не однимъ примѣромъ: «было побѣ́гано», «было помáенось», «было росцитанось», «этта недавнó ѣ́хано», «как негдѣ не бы́вано, а нецево и не вúдано», «как не быто, так не говорят». Дѣйствующее лицо выражается въ такомъ случаѣ, какъ и вообще часто при страдательныхъ оборотахъ, посредствомъ предлога *у*: «было у нас рóблено», «у вас на гумно не хóжоно», «у ево уйденó за кóнима», «у волкóв jидено корову, ето мѣсто выхвацено», «у мужиков тут уж выпито», «у коров в лѣсу нацёвано», «много-ли было у тебя данó в ярманьгѣ». Ср. «послаьны́ были у напяльников», «пошлина берéтсе у удѣла», «верлог у ево (т. е. медвѣдя) сдѣлат», «лекарьсво дано у фершала», «дом построен у мужиков», «цясы у кого-то заведены́», «пройдена вся волось у миня», «названьё данó у стариков», «у их была оставлена книга».

Къ категоріи безсубъектныхъ оборотовъ относятся выраженія съ родительнымъ падежомъ мн. ч.: «налéй-то есь», «тѣх волков ėсь, пробѣгают», «бывает пожаров», «гостей придет и надо потчевать», «рѣдко к нам таких людей евлéетсе», саўдят пришло искать ево, тут нашло мужиков, цыганов этта недáвно было.

Зато, вмѣсто безсубъектныхъ оборотовъ съ «надоть» и «нужно» (утвердительныхъ и отрицательныхъ) постоянно имѣемъ субъектные, при чемъ послѣднее слово не измѣняется по родамъ и числамъ: «мнѣ надоть тот старик, которой...», «мнѣ не надоть она, мнѣ надо деньги», «ты не надоть», «какая тебѣ надо палица», «мнѣ красной товар и не какая помлина не надоть», боле и некакая рыба не надо, «некакой ему не надо цяй», «онѣ не надоть эти обходы», «петь рублёв не надоть»; «нужно Вам коранна», «не нужно некакіе коровы», «не нужно-ли кóсы», «не нужно свѣт».

Если при оборотахъ съ «надоть», «нужно» находится неопредѣленное наклоненіе съ прямымъ дополненіемъ, то это послѣднее, когда оно состоитъ изъ существительнаго, прилагательнаго и мѣстоименія (кромѣ личнаго «она») въ женскомъ родѣ, употребляется въ формѣ именительнаго падежа: нужно утка надоть поймать; нужно грамматика знать; скоро надоть каша тебѣ хлёбáть; нáть ноцька спать перва; учить нать жона; нужно ему ошшо бутыўка купить; надо было новая простыня принести; надо лошадка прокормить; велика-ли надо пóланья сѣ́кци; трава косить нужно; Вам нужно карта снеть; нам нужно огородить нива; шея надоть отрубить; надоть ѣхать пахать пашня; «нужно синь кафтан носити, красная рубаха» (въ пѣсняхъ Истомина стр. 153); но: надоть ніé на ногах сплавить (т. е. корову). Ср. еще слѣдующіе случаи: кому другая сотня выдать можно; голова можно мыть вымыть; мошнó эта дѣушка взамуж взеть; приведéтсе вода пить, водка пить; придéтсе брать какая-нибудь (т. е. прислугу), рѣка-та видно отселя, отсель видно молённа-та. Само собою разумѣется, что приложеніе къ такому дополненію ставится въ томъ-же падежѣ: надоть живая (т. е. живой) рыба продать.

Слѣдуетъ замѣтить, что тѣ-же самыя слова *вообще* при инфинитивѣ вмѣсто формы винительнаго падежа принимаютъ форму имен. па-

дежа. Изъ этого общаго правила не составляютъ исключенія и обороты съ инфинитивомъ и дательнымъ дополненія. Примѣры: задумалось Яшкѣ открыть крѣпкая кровля от котла; напрасно Вам тратить гумага; дорого-бы стоило писать человѣческая жись; срубить-ли вица берёзова; с кѣм мнѣ-ка будёт свѣжа рыба кушать; «мужня жоноцька любити, убитому быти» (въ пѣсняхъ Истомина стр. 153), не знай, гдѣ копеецька-та нажить то; вицей жопа ему пропороть-бы; вам-бы такая (т. е. книга) купить; нам-бы служба накинуть на ево; нам долго-ли вода переливать; мнѣ вся ноцька не спать, ошно ему сидить зима, цяшка подать-бы, он бы тибѣ все пересказал.

Тоже самое явленіе, именительный падежъ въ смыслѣ прямого дополненія встрѣчается помимо инфинитива иногда даже при другихъ глагольныхъ формахъ, когда говорящій какъ-будто теряетъ изъ сознанія предыдущую часть предложенія: розвязаў *сунка*, там и митрополит; ковды однажды на вѣку соньцё видѣло по́д морём *земля*; *пара* ко́ней другой дёржит; приносит *бутылка* на стол; одна *половина* продала (т. е. она), другая сама ку́рит [1]); писня роскажом.

Нѣкоторые глаголы имѣютъ при себѣ винительный падежъ дополненія, который замѣняетъ обороты съ другими падежами или предлогами: грозит мужика, подражали тѣх людей; отвѣчаў все (т. е. за все).

Названія грибовъ иногда принимаются за одушевленныя существа; благодаря этому обстоятельству винительный надежъ такихъ именъ принимаетъ окончаніе, свойственное родительному: я вчерась только одново масленника нашоў; красного рыжика нашол. Точно такъ-же отъ сл. *скот* вин. падежъ постоянно звучитъ *скота́*: «скота загонили».

Родительный падежъ въ смыслѣ прямого дополненія для обозначенія или части предмета (родительный раздѣлительный) или непродолжительности дѣйствія, выражаемаго глаголомъ: просят кусков; дай мнѣ кобылы, он у меня лошади брал; дай ему, Господи, способные погоды; поправить сохи; покажи руки́, креста́; покажи-ка мнѣ письма́; посмотрить карабля; приснял башмака, лошадь пинка́ дала.

---

1) Ср. слѣд. случай, когда «половина» остается несклоняемой: «до половина ночи».

Обращаемъ вниманіе на слѣдующія тавтологическія выраженія, когда въ дополненія повторяется основа сказуемаго: царство царствуют, муку мупят; совѣту не совѣтуют, шутки шутят; думат глубокую думу [1]).

Изъ области употребленія инфинитива отмѣтимъ слѣдующіе случаи:

Неопредѣленное наклоненіе при прилагательномъ, нарѣчіи, произведенномъ отъ прилагательнаго, мѣстоименіи и существительномъ: спéрва непривыцьна косить-ту была, мнѣ с тобой морокóтно (т. е. тихо) итти, вода не скусно пить; доставать птиця труднѣе, какая роботать была! дома красота жить-то; такая благодать была жить-то, строк-от ошшо не вышол сидить-ту.

Отдаленное отношеніе неопредѣленнаго наклоненія къ главному глаголу предложенія (инфинитивъ въ смыслѣ цѣли, намѣренія и пр.): корман набрал (т. е. гороху) појись; робятам куплен (т. е. ковшъ) пить; отыскал лягу (= яму съ водою) напитьсе воды.

Неопредѣленное наклоненіе съ вспомогательнымъ глаголомъ: грáбить есь, убѣжали всѣ; он не бывал бурлацить.

«Возьму» съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ въ смыслѣ начну, стану: бѣжат на колоколину и возьмут тревожить во всѣ колокола вдруг, щобы народ сбѣгаўсе.

Иногда вспомогательный глаголъ употребляется рядомъ съ вполнѣ независимой глагольной формой: есь стража стоит; у Василія на вышкѣ есь стоят (т. е. иконы), сторожов этих сколько есь живет. Очень можетъ быть, что подобные обороты собственно состоятъ не изъ одного предложенія, а изъ двухъ, которыя, благодаря общему для нашего говора принципу построенія предложенія безъ помощи формальной связи, слились вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ приведенныя предложенія имѣли-бы видъ: есь стража, (она или которая) стоит; на вышкѣ есь, стоят. Такимъ-же путемъ возникли слѣдующія предложенія: есь-же (такіе, которые) бурлачат; есь (такіе, которые) уж ушли; ловят, есь (есть такіе, кто ловитъ), есь (такіе, которые) такіе вещи покупают несмотря, есь и лянтой зовут (т. е. есь такіе, которые ленту называютъ лянтой).

1) Ср. дѣльно дѣлат и усиленныя прилагательныя въ родѣ: горе-горькой, славо-славной.

«Есь» въ значеніи «на самомъ дѣлѣ», «дѣйствительно»: зашиб и есь; дѣло не сошлось и есь; двух-то сот нѣт и есь.

«Есь» съ причастіемъ страдательнаго залòга: отдана́ есь невѣста, маленько выпито есь, там уж есь провѣшоно́. Ср. «есь видно-жо доминки отсель с крыльця».

Изъ области употребленія временъ отмѣтимъ слѣдующее.

Настоящее время изъявительнаго наклоненія употребляется въ привѣтствіяхъ: здорово живёш! здорово идитé! здорово посѣ́жываите! здорово сидитé, стоитé и т. д. Первоначальный смыслъ подобныхъ привѣтствій по всей вѣроятности вопросительный; ср. утреннее привѣтствіе: «здорово нацёвали, всѣ крешшоные», на что отвѣчають: здорово, N. N. приходиткосе.

Подобно старинному языку прошедшеее время употребляется, когда говорятъ о моряхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, горахъ, дорогахъ, просѣкахъ и пр., имѣя въ виду первый моментъ нѣкогда совершившагося явленія, результаты котораго въ неизмѣненномъ видѣ существуютъ донынѣ: рѣка обошла деревню и выпала в Вагу, рѣка недалеко этта взялась, наша Вага выпала в Двину, а Двина выпала в море; наша Двина росполóжилась песками, гора обошла кругом; нас отдѣлило болóтына, дорога рядом подошла. Ср. еще выраженіе: под старось худо *увидѣл*— худо сталъ видѣть.

Повелительное наклоненіе въ формѣ второго лица употребляется при обращеніи къ третьему лицу: неловко брать, так не бери; куда ему любо, (туда) и пойди; ковда постригут, тут и живи. Даже съ условіемъ «бы»: «я бы пекла, она бы (въ то время) спи». Кстати, обращаемъ вниманіе на употребленіе второго лица ед. числа, когда рѣчь идетъ о неопредѣленномъ лицѣ: Кабы она (т. е. земля) выкупна была, она бы была вся *твоя;* хлѣб-соль *те* готова.

Единственное число довольно часто, въ особенности у существительныхъ изъ растительнаго и животнаго міра, имѣетъ собирательное значеніе, обозначая цѣлую совокупность данныхъ особей: землянка поспѣла; годом быват ей (т. е. черники) много; поѣхаў по ліс; картошку воровала; мало было огурця-та; много-ли суслóна, стручка́; нынѣ звѣ́ря не стало; комара́ у вас много; торокан бѣгает; зайця уж нѣт в лѣсу;

птица вывелась вся; птицю и бѣлку бьют; птицька да ворона все съѣла; ср., кол, жердь, шшепа́ въ собирательномъ смыслѣ, напр. шшобы не была шшепа на палубѣ.

Нѣкоторыя названія изъ области сельскаго хозяйства, которыя въ обыкновенномъ языкѣ употребительны въ единственномъ числѣ, часто принимають формы множественнаго числа, когда они понимаются въ дистрибутивномъ смыслѣ, со значеніемъ многихъ отдѣльныхъ массъ даннагѡ вещества, распредѣленныхъ по разнымъ мѣстамъ, напр. ржей-то нѣт, третей год уж (т. е. не только въ одной деревнѣ, но по цѣлымъ окрестностямъ); хлѣба́ у нас сей год хороши; во ржах травы ростут; всѣ ушли к сѣна́м (т. е. изъ каждаго дома на свой сѣнокосъ); сѣно́в и жито́в нѣт; овсами кормят коней; горохов насѣяно; тра́вы у нас ростут хорошіе; ср. у них сегодне пива́ варя́т, назьмов не возя весной.

Множественное число для обозначенія мѣста и времени. Сл. «улиця» безъ видимой причины часто ставится во множ. числѣ: «на улицях», «побѣжи там на улицях». Говорятъ: в верхах три комнаты; летѣть по воздухам; вмистя́х поѣхали; в головах, в ногах, в серёдках; к Овдокеям молоко будёт; зафтро в утрах; в осенях, к ноцям пошли; в полднях. Ср. имя обитателей въ смыслѣ обитаемаго ими края: в зыря́нах жил по́ два года.

Множественное число состоянія: во снях видѣла; в худыф душаф (т. е. при смерти); столь ру́цей глубок, што оммороки возьмут; у хресья́нина достатков нѣт; вся в слинах. Сл. «память» употребляется въ множ. числѣ: на наших паметях перемѣна стала.

Случаи: «Петры́ и Павлы, молите Бога за нас», «Флоры́ и Лавры» объясняются по всей вѣроятности вліяніемъ употребленія множ. числа для обозначенія времени, какъ у насъ было въ вышеприведенномъ примѣрѣ: «к Овдокеям», т. е. ко времени Евдокіевской ярмарки.

По поводу употребленія падежей отмѣтимъ слѣдующее.

Родительный времени: того ча́су и узнали (т. е. тотъ часъ-же), если парень тово году умрёт; кольќово году; севогодной весны; се́зимы, се́лѣта; это я первого году брала, как вѣнцялась; однова́ дни; утра́ туда пошол.

Родительный мѣры и количества: он осталсе двух годов; двыф недиль остаўсе сынок; цьих ты родов, цьих городов; три сажени глубины проходит в землю.

Родительный сравненія: боле нейнаго бывала. — Очень часто при формахъ сравнительной степени, помимо родительнаго сравненія, употребляются предлоги: против, супротив, напр.: ты на вершóнек против его меньше; три раз дороже против таксы; вдвóё свободне жить казённым хресьянам против удѣльных; вдвойнẃ больше против ве-цёршново.

Дательный для обозначенія принадлежности: хозеин дому; не знаю названія ему; номер улицѣ; мнѣ там доцька есь; сестра старику мать-та нему родная; мнѣ сестра будёт и внук; Кузьмѣ-то отець; Кузёмка, мнѣ которой парень умёр; даже въ такихъ случаяхъ какъ: мнѣ братов парень (т. е. сынъ моего брата).

Дательный лица съ инфинитивомъ: топерь нам не сказать. Дательный при гл. благодарить: благдарим всѣм хрешшоным.

Творительный орудія: 1) въ безсубъектныхъ оборотахъ: родимцем отняло у него руки; угла у дому-ту хватило караблём-то; плёнкима засѣло в трубѣ; 2) при глаголахъ играть, мѣнять и пр.: играть картыма, куклыма, параходыма, шарóм, рюхой, гармóньёй, гитарой, но: в скрипку; фуражкима сминели, кóнима сминеть.

Творительный образа дѣйствія: они в кампаніи всѣмá, двоúма, петерыима шли; они нему всѣма помош дают; народом тянут баркасá; тамъ судами солдаты ходят; семейством не ѣдят; слезами ревит; умом-то подумаш, так...; обшествóм возили; пýржит снѣгом; доит сметаной; домом живёш; ежели к кому лицём спит, за тово и взамуж отдам; сѣн-тѣ кладут кóпныма, кажной приход на сток (т. е. востокъ) иконыма; всѣмá силыма умоляя; вода замерзла ямкой (т. е. въ видѣ ямки); пасью оставил (т. е. не прикрытымъ), вѣть голодом не пойдеш (т. е. голоднымъ); ср. с колоколины спустіўсе затыўком.

Творительный сравненія и превращенія: двума горошиныма обвернусь; кóней оберну скотом; ковды (т. е. она бываетъ) лягухой, ковды как; каликима средимсе; кабы я комаром, я бы с тебя нековда не слетѣла. Ср. архиреем поставиў; я ошшо небольшим ходил; которой быў

раньше хоронили человѣком («творительный предикативный»); имё (дали ему) Олексѣем Божьим человѣком.

Творительный качества и отношенія: там служат, гдѣ ты откуль родом; я ногами слаб; умом крѣпок; умом помѣшалсе; темна рѣка водой; стёбенью прямое дерево; душина карасином, лекарьством дух; жалитсе головой; маетсе зубами. Послѣдніе примѣры могутъ быть отнесены и къ слѣдующей категоріи.

Творительный причины и основанія: нуждаемсе одными дровáми; нам этима дровами трудно; этим и досада; тѣм (т. е. комаромъ) лѣто и испорцено; цѣм я знай, мы цѣм знаём (т. е. почему); у меня брат этѣм (т. е. тифомъ) и ýмер.

Творительный времени: годом быват ей (т. е. ягоды) много; оно времём бывает, што...; сметана была постом коплена; серёдкой лѣтом попол домой; мы ходили туда утрами, он поѣхал свѣтом; великим постом платили; двумá днями выпьём (т. е. въ промежутокъ двухъ дней), рупь одной нидилёй зарабливат; послал ево други разом; ср. «прошло три года строком».

Творительный мѣста: ты дорогой умреш; ухом проломило (о болѣзни); выняў душу лѣвым-то боком зелѣзной клюкой; мы ѣхали темныма лѣсами; она побѣжала землёй; цёрт идет горой, а водяной водой. Сюда-же, пожалуй, примыкаетъ творительный въ пожеланіяхъ: «путёмъ-дорожкой» (мѣстами сохранилось только какъ архаизмъ въ обращеніи къ перелетнымъ птицамъ), «добрым здоровьем, путём-дорогой».

Творительный усиленія: ходóм ходят, съѣдóм съѣли, боём бьётсе на работѣ, стойкóм стоят, жонка рёвóм ревит, народ-от валóм валит туда; отымóм отымают, слыхóм не слыхала, видóм не видала; робята у той жонки жирьмя́ живут, вѣсьмя вѣситсе (о ягодахъ); мужик мужиком быў, он дурак дураком; чорна как смола смолой; малы́м малёшенки, глупы́м глупёшенки.

Творительный съ прилагательнымъ «согласной»: я тѣм согласна.

Изъ области опредѣленій намъ удалось записать мало характерныхъ чертъ. Отмѣтимъ родъ прилагательныхъ при именахъ «общаго рода» и уменьшительныхъ: горькая пьяница (о мужикѣ), вольница такая (о мальчикѣ); он уж бѣдная сирота; попала нему калика на стрѣцю; ў зыбки

я житель (говоритъ о себѣ женщина); без копейки я не ходок (говоритъ женщина), свое домишко; ср. «какой мой мужик неряха», бабенко злая; брателко мой; ну уж хозейка мнѣ какое лепетало попало.

Среднiй родъ употребляется для обозначенiя лица безразличнаго рода и когда говорятъ о молодыхъ или, презрительно, старыхъ существахъ и, наконецъ, для обозначенiя родства: старо да мало осталось дома, парнишко убѣжало, сынишко маленько, такое староё худое (о старикѣ), Ванька-та мнѣ будет своё, то моё сужоно (говоря о невѣстѣ).

Сочетанiе отець-мать, хлѣб-соль согласуется: первое съ муж. родомъ, второе съ женскимъ родомъ: «у смирёна отця-матери живут дѣти смиреные»; хлѣб-соль те готова.—Въ сочетанiи «чистяк-народ» («там живет чистяк-народ») аттрибутивное существительное служитъ эпитетомъ второго члена сочетанiя. Выраженiя въ родѣ «птицька-золотые литера́», «сто-рублей коня выводит» (т. е. сторублеваго). «сто локот трубу полотна», попадаются почти исключительно въ языкѣ сказокъ и пѣсенныхъ преданiй.

Иногда, если опредѣленiе состоитъ изъ личнаго мѣстоименiя, опредѣленiе и опредѣляемое слово сопоставляются паратактически, какъ самостоятельныя слова: «у мня у батюшка» (т. е. у моего батюшки), как у Вас у папаши, у меня у брата-та недавно нацёва́ли какiе-то; к ему к дрогам подошли; ср. на песках на угорах = на песчаныхъ угорахъ.

Для усиленiя прилагательныхъ и нарѣчiй употребляются, кромѣ вышеприведенныхъ способовъ усиленiя, нарѣчiя: крѣпко («крѣпко красива»), невси́лу, порато, больно, шибко («шыбко плох»), горазно, много («у вас много лутше»).

Употребленiе числительныхъ мало чѣмъ отличается отъ ихъ употребленiя въ литературномъ языкѣ. Ср. все-таки: три годы, оба мужики, оба по́лозы. Говорятъ «двѣ высокiе горы́», «три могуцiе богатыря» рядомъ съ «два парня хороших», «три высоких горы́». Собирательныя двоё, троё и пр., двои, трои, обои и т. д. требуютъ дополненiя во множ. числѣ, первыя въ род. падежѣ, послѣднiя въ именительномъ («тро́и лапти жолѣзные»).

Замѣна личныхъ мѣстоименiй описательными формами: «наш брат ей и кушат» (говорятъ и женщины); «к Вашей милостѣ пришоў».

Вопросительныя «какой» и «цей» иногда имѣютъ значеніе неопредѣленныхъ мѣстоименій: годов каких сорок (т. е. какихъ-нибудь), мальцик бѣжит цей (т. е. чей-то), нонче скидывали, я пошла, какіе (т. е. сѣно). Мѣстоименіе што употребляется: 1) при сравненіяхъ: «у их больше, што у нас», «у маменьки меньше, што у татеньки», «старой, што малой»; 2) вмѣсто относительныхъ который, кто: «ёму не попадали тѣ, што дѣвицѣ»; 3) для обозначенія причины (=почему, «пошто»): «ты мнѣ шчо не сказаў», «шчо не шевелитсе» (ср. «то-то и рож-та долго не поспіе»—т. е. потому-то); 4) указывая на «то» въ главномъ предложеніи: «не то невѣста, што за столом», «што жар, то студеня́е вода», што кисля́е (квасъ), то пріятнѣе; шчо дольше живеш, то хитра́е народ; дальше што, тѣм хуже дорога.

Примѣръ на употребленіе «сколько»: «жонок нѣту сколько дѣвок на рынкѣ».

Когда при сравнительной степени употребляется «чѣм», то оно со своимъ придаточнымъ предложеніемъ стоитъ впереди нарѣчія сравнительной степени: «чѣм отсѣкать голова мнѣ, так я лучше содвину карабли в воду», «давай чѣм бросать, так я лутше съѣм», «чѣм холодна вода пить, так лутше тёпла», «а чѣм мнѣ этаво дожидатьсе, я лутше волей к ему улечу». Слабая зависимость предшествующаго придаточнаго предложенія отъ сравнительной степени, которая въ этихъ примѣрахъ бросается въ глаза, явствуетъ еще изъ того, что главное предложеніе, которое въ этомъ случаѣ предшествуетъ придаточному, обходится безъ сравнительной степени: «иди кругом, чѣм безпокоить», «вы переведите за одново, чѣм скандалить вам», «пойду чай пить, чѣм пива пить», «давай, цѣм писать, так словясно передай».

Объ относительныхъ мѣстоименіяхъ слѣдуетъ сказать, что опредѣляемое слово, къ которому они относятся, стоитъ въ одномъ и томъ-же придаточномъ предложеніи съ ними, которое при этомъ, судя по почти единогласному свидѣтельству извѣстныхъ намъ примѣровъ, имѣетъ препозитивное положеніе по отношенію къ главному предложенію: «в котороё времё он помер, он мнѣ во снах видѣлсе», «если около которово дома услышат стук, то в том домѣ будет покойник», «которой жонилсе парень-от, так отець нему», котора дѣвиця бе́з пояса, у той укради ло-

пóтьё», «собака которой кости не может розъись, а поросёнок как рѣпу». Въ слѣдующихъ примѣрахъ опредѣляемое слово помѣщается въ главномъ предложенiи: «я которой играл, мнѣ ту палку принеси», «в лѣтне времё в которой служат, та называетсе холодна церковь»; ср. «принесите мнѣ от батюшка которой ковёр в Христову паску стелют, перед стол» (т. е. тотъ коверъ, который и т. д.). Если главное предложенiе стоитъ впереди, опредѣляемое слово повторяется въ придаточномъ предложенiи: «принесите мнѣ от батюшка рубашку, в которой рубашкѣ в Христов день к обѣднѣ ходит».

Выше уже была рѣчь о томъ, что относительное мѣстоименiе иногда пропускается. Теперь разсмотримъ другiе случаи т. н. паратактическаго построенiя предложенiй, когда придаточное предложенiе ничѣмъ не связано съ главнымъ: «так и дѣлала, за столом сидѣла» (т. е. въ то время, когда сидѣла з. ст.), «я стритiў ево, ѣдет мимо», «простудiўсе быў, лѣс возiў», ««весь роспотѣл, ѣду», «с которой (женщиной) мы говорили, Вы пришли-то с мужиком», вот ты затворял, парень-от ѣхаў с дровами (т. е. когда), «я видѣл ево, на улицѣ стоит», «я выѣхал, соньцё уж закатилось», «мы тѣ дороги пересѣкали, шли», «я устала, шла», «деньги-тѣ с собой взял, поѣхал?», «два раз купалсе, косил», «они вечером всё скосили, пришли», вот какой поворот дѣлаем, издим, «лавки отворятсе, прiѣдём», «кто там ступит, идет»; «не знай, пойдет» (т. е. въ смыслѣ косвеннаго вопроса: пойдетъ-ли), «видѣў, мимо-то ѣхаў» (т. е. что онъ ѣхалъ мимо), «я видѣл, его ташшили», «до того я ноши доташшила вся и околѣла», ноньче скидывали, я пошла, какiе (т. е. «когда я пошла, какiе-то скидывали»), «нутром заболѣла, поѣла» (т. е. послѣ того, когда поѣла).

Нѣсколько иной характеръ носятъ слѣдующiе случаи, въ которыхъ уже не чувствуется подчиненiя, а полная параллельность двухъ личныхъ глаголовъ: «рыб ловят издят», «вся деревня ходили поправели», «пуцьки рвут ходят», «учатсе ходят», «он попросит сходит», «онѣ цяй пьют сидят»; ср. еще «он осталсе лёжит», «мы долго баели стоели», «я правила сидѣла». Въ литературномъ языкѣ подобнымъ оборотамъ въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуютъ выраженiя съ инфинитивомъ, присоединеннымъ къ личному глаголу сказуемому.

Изъ области союзовъ обращаемъ вниманiе на частицы *ли—ли* въ

подчиненныхъ вопросительныхъ предложеніяхъ: не знай, пришоў-ли, нѣт-ли; идет-ли, нѣт-ли; есь-ли, нѣт-ли там водка; хорошо-ли, худо-ли.

«так» въ началѣ главнаго предложѐнія: скотина ежели не при́дет домой, так ищут, ищут; не отби́ла (т. е. баба), так жив-бы не́ был; есь вѣра, дак возьмёт дѣвку-ту; хош што, так украду; ср. безъ союза: спро́сят, скажи; привезёш дро́ва, оштрафуют; «как»-«так» или «как»-«то»: как всё скосили, так вёдра ждут, «ежели как писарю и помошнику, так просто невозможно»; как пир будёт, то эту рубашку надѣну. Въ отрывистой рѣчи часто эллиптически прекращаютъ предложеніе непосредственно послѣ «так»: пойдемте, робята, хто готов, так...; гдѣ найдёш, ушли, так.

Подобно безсубъектнымъ нельзя, нужно, надо, при «нѣту», для обозначенія прош. времени, употребляется «стало»: нѣту стало.

Для усиленія отрицанія употребляется выраженіе «не званія»: не дает спокою званія; памети званія нѣт; не званія нѣту (ср. при этомъ «всѣ до званія»). Спорадически встрѣчается простое отрицаніе вмѣсто двойного: «нехто его пихал», «нехто торопит».

О порядкѣ словъ. Собранные нами матеріалы къ сожалѣнію слишкомъ скудны для характеристики расположенія словъ въ предложеніи. Причина, вѣроятно, въ томъ, что разсматриваемый говоръ не представляетъ въ этомъ отношеніи рѣзкихъ особенностей, которыя бросались-бы въ глаза наблюдателю, знающему порядокъ словъ въ литературномъ языкѣ. Кромѣ того, далеко не всегда возможно установить строгія правила въ виду того обстоятельства, что расположеніе словъ стоитъ въ зависимости отъ цѣлаго ряда чисто случайныхъ факторовъ.

Что касается положенія опредѣлительныхъ словъ по отношенію къ опредѣляемымъ, то родительные падежи очень часто ставятся передъ тѣми словами, отъ которыхъ они зависятъ: «каких нибудь кочующих людей жилишшо», «роскрыў платков ящик», «льва звѣря кось», «Ильинской деревни выселок», «Фильки сын-от», «твоих хозеев родственники»; ср. «всѣх скорѣе набрала». Такой-же порядокъ наблюдается нерѣдко при дательномъ принадлежности: отцю мати, она мнѣ сестра будё, мнѣ братов парень. Когда опредѣленіе состоитъ изъ прилагательнаго, оно можетъ стоять и передъ опредѣляемымъ словомъ и послѣ него. Примѣры

на его постпозитивное положеніе: «трои лапти жолѣзные»; «два парня хороших»; «по саженѣ по печатной»; «за молоком за студёным схожу»; «у брата у евонново». Изъ опредѣленій-существительныхъ «рѣка» въ большинствѣ случаевъ ставится послѣ собственнаго имени: «Леди рѣки», «по Нондрусу по рѣкѣ есь харюс».

Для живости и краткости рѣчи часто эллиптически пропускають слова и цѣлыя части предложенія: Роман петлю снял да бѣгом; верста будёт больше; стрась плакали; он украл, некому боле; не одново дома нѣт, щобы не робіў и т. д.

О плеоназмѣ. Къ личному глаголу въ живомъ разсказѣ присоединяется соотвѣтствующая форма отъ сл. взять: ножкой попаў взяў; он взел вырыл мужика-та; бросіў взяў на́ полё; возьмёт и украдёт; уредник выгонит возьмёт, вот тя сокрушит возьмёт.

О предлогахъ. Общимъ правиломъ въ употребленіи предлоговъ слѣдуетъ считать, что предлогъ постоянно повторяется передъ каждымъ зависимымъ словомъ: у малых у робят; по этой по Тарнѣ по рѣкѣ; по Ледѣ по рѣкѣ выше; у деревеньских у старух, у старосты у торговця разо́брали; у отця у Якова; на самой на дорогѣ; за́ сто за́ двадцеть за́ петь вёрс, с Петром-то с Павловым.

Въ: пріѣжжали в ярмангу, купили в ярмангѣ, проситсе в роботу (= на работу), в рынок, и́з берегу в берег, в лугу; в учителях живёт, годовици-ровесници во робёнках шатаютсе, в животы, в саўдаты отдаваў сына, я быў в силах, рѣдка́я жонка в икотѣ, вся Двина в островах, взамуж, не в силу поздо стала, в яву́, в отця он матёрой; садилясь в стол, ку́рить в цигарку, в трубку, он читае в книгѣ.

На: на́ город ѣхал, жить на́ городѣ, на Питерѣ, дѣвки играют на деревнѣ, «как на городах, так кажной день Божей», на Чамовѣ (такъ называется одна деревня на Двинѣ; вообще «на» часто употребляется при названіяхъ деревень), на бору кормятсе (т. е. лошади), поѣхали на́ бор, на́ лѣс, я побѣжал на́ лошадь, на сани, вода пошла на межень, на свидѣтельство пріѣхал (т. е. больной) в город; на́ вецер (= вечеромъ), на этих годах ставлены, на двух недѣлях умёрло цетыре робёнка, на обоих недѣлях, троё умёрло на девети днях, три раз на недѣлѣ, петь копеек на́ день, иновды приходитсе два раза́ на́ день (т. е. пить чай);

назафтрѣ, наýтрѣ; пошол к ему на совѣт; на лицё красива, нá три языкá могу говорить-то, он учит их на много языков, деревня нá два плана, на оружьё ловят, тот тяжол нá ногу; женихи уж сватали на дѣвкѣ (Двина), согласилсе на услóвьё, удивилсе на это, спасибо на гостинцях, спасибо на том, што говорите со мной; недовольны будете на нас; мастер на рубку-ту, любитель он на капюли.

Съ: с Архангельского, с кою сторону (съ какой стороны); с Покрова, с роду не купалсе, с роду родесь не имѣли не одного; с кулаков вѣть достал шубу-ту; с простуды; моё (т. е. «конопле»), с меня ростом; с года два жил в Питерѣ; с тобой мы довольны.

Изъ: из половины косят сѣно, самые из лутших подарков; она баская из лиця, из себя красивой.

Къ: к нам касательно; учить к молитвѣ.

Надъ: над бабьима дѣло было (т. е. о бабахъ).

Подъ: под полосой (т. е. въ нижнемъ концѣ полосы), под Уральскіе горы (= около У. горъ), под сиверну сторону всѣ рѣки пошли, пóд весну меньше кашляю; наймоваў лошадь под обѣих, под бумагу пойдет лѣс, бьют под мясо.

По: пó воду, по травý, по тебя (= за тобой); по другой день приду, по другую ноць; борода по поясу (= до пояса), волосы по плецям, ноги не заслужили по колѣнам; по дружкам, по бабкам, по гостям ходит (т. е. въ качествѣ дружки, бабушки, гостя); по лѣту (= въ лѣтнее время), по зимѣ, по Паскѣ, пò темнѣ (= въ темноту), пошто, поетих мѣс (съ родительнымъ падежомъ, ср. «по колѣн» въ сосѣднемъ Устюгскомъ говорѣ, Русскій Филол. Вѣстникъ 1887, IV, 252), «не поцём не пойдет».

О: он шол о рѣку (т. е. возлѣ рѣки, по рѣкѣ), о полё о само (идеть граница), о берег; о празникѣ брюхá всё толстые, о хрестóвѣ-дни, о Рожесвѣ, об этой зимѣ; о трёф углаф (т. е. домъ); моя голова разбита об недостатках (причина), тосковалосе об ём ему, нé об ком мнѣ тосковать, соскуцилсе обо мнѣ, соскуцилсе об домѣ, о цём нельзя спать-то, о цём-же он не пришел (т. е. почему); об этом дорожáт, об каких дѣлах (т. е. по какимъ дѣламъ), об тѣх и говорить-то не хотьце, о себѣ живу (т. е. про себя).

Отъ: остров от Двины, от съёмщика мы работали, родилсе от меня (говорить отецъ), дом-от от хресьянина построилсе, от дожжов вода в колодцѣ, от его (вѣтра) вред ржѣ; отказал нам от дачи, отрубить от их головы, пришли о́т-сѣна (т. е. съ сѣнокосу).

Подлѣ («водлѣ»), *возлѣ:* подлѣ дом, подлѣ са́му дорогу, водлѣ рѣку, возлѣ Вагу, возлѣ́-рѣку, «бѣжит песик возлѣ лѣсик, мырку здынё, хвос подымё» (загадка о пароходѣ).

За: за вѣтром стоели на берегу (причина); за охотой (= на охоту).

При: копейка при вас (т. е. за вами).

Про: про тебя и нало́жоно (т. е. для тебя), мы про их не знаём, мы сегодне про вас поминали.

У: у кажного празника она в десеть изб сходит; у своих слуг спрашиват; «у» для обозначенія дѣйствующаго лица (agens) при страдательныхъ оборотахъ см. выше (у нас была полоса отдана ним, всё у мия выхожоно).

Для: любитель быў дле сказок.

Черезъ: через деньги пустили (т. е. за деньги), надо писать через губернатора, не будет-ли милось; черезъ употребляется, когда говорится о прошломъ времени: через недѣлю было такоё време, через двѣ недѣли (т. е. тому назадъ); черезъ имѣетъ кромѣ того самостоятельное значеніе: чуть не через налил.

Противъ, супротивъ: плести против меня мало осталось (т. е. народу), там широко супротив своего-то; примѣры на употребленіе этихъ предлоговъ при сравнительной степени приведены выше.

Покрай: покрай волоку, покрай волости.

Въ народныхъ пѣсняхъ *край* иногда имѣетъ значеніе предлога: край пути. Предлоги-нарѣчія *прямо, кругомъ* приведены были выше.

Употребленіе двухъ предлоговъ рядомъ: поза рѣкѣ идёт хто-то, поза овину, даже: «споза овину пойдёш прямо».

В. Мансикка.

Памяти Ев. Ев. Голубинскаго [1].

(† 7 Января 1912 г.).

Имя почившаго профессора Московской Духовной Академіи, знаменитаго историка нашей церкви, академика Ев. Ев. Голубинскаго уже давно поставлено молчаливымъ признаніемъ въ рядъ тѣхъ немногихъ именъ, о которыхъ говорятъ съ особымъ торжественнымъ уваженіемъ. Выдающаяся ученость, подвижническое трудолюбіе наряду съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, проявленными покойнымъ въ той особой учено-учебной и житейской обстановкѣ, среди которой ему приходилось жить, и которая до сихъ поръ для науки въ Россіи вообще, для нашей науки въ особенности, все еще не можетъ сдѣлаться только предметомъ изученія,—вотъ основныя данныя личности Ев. Ев-ча.

Начальные годы ученой работы Ев. Ев. и первые шаги его на профессорскомъ поприщѣ отдѣлены отъ насъ почтенною полувѣковою далью, и для нашего поколѣнія, какъ историкъ, онъ былъ опредѣленно-сложившейся величиною, въ оцѣнкѣ которой мы искали самоопредѣленія. Какимъ мы узнали его на студенческой скамьѣ, такимъ онъ оставался и позднѣе, далекимъ по направленію и общему міровоззрѣнію. Въ словѣ, посвященномъ его памяти хочется не только перечесть и вспомнить труды его нашей наукѣ, не только вновь перечувствовать всѣ тревоги и удары

---

1) Рѣчь, произнесенная на XLIX засѣданіи (29 февр. 1912 г.) секціи Русской исторіи Историческаго Общества при СПБ. Университетѣ, посвященномъ памяти Е. Е. Голубинскаго.

его жизни, но въ выясненіи его ученыхъ воззрѣній и самой личности этого подвижника науки— указать завѣты его намъ, «будущимъ работникамъ надъ русскою церковною исторіей, которыхъ ожидается еще некороткій рядъ» (Т. I[1] изд. 2. VI).

Евгеній Евсигнѣевичъ Голубинскій родился въ семьѣ священника села Матвѣева, Кологрив. уѣзда Костромской губ., 28 февраля 1834 г. При опредѣленіи въ Солигаличское дух. училище отецъ назвалъ сына фамиліей «Голубинскій» (самъ отецъ носилъ фамилію Пескова) въ честь знаменитаго земляка Ѳ. Адр. Голубинскаго, основателя русской теистической философіи.

По окончаніи Костромской семинаріи и Московской Духовной Академіи, въ 1858 г. Ев. Ев. получаетъ мѣсто преподавателя словесности въ Виѳанской семинаріи, откуда скоро (12 янв. 1861 г.) назначается баккалавромъ Московской Академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви, послѣ проф. Н. К. Смирнова, перваго профессора на этой каѳедрѣ, открывшейся въ 1858 г. Еще въ 1859 г. Ев. Ев. получилъ степень магистра богословія за сочиненіе «Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI вв. въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ» (Пр. къ «Тв. св. отц.» 1859 г.). Вѣроятно, къ этому же времени относится обѣтъ, данный самому себѣ, написать и напечатать не позднѣе, какъ черезъ 35 лѣтъ службы исторію русской церкви до учрежденія св. Синода. Къ задуманному «дѣлу жизни» Ев. Ев. подходилъ съ тою добросовѣстностью и фундаментальностью, какая характерна для него во всѣхъ вопросахъ научнаго изысканія. Въ программу работы, какъ подготовка и фондъ, входило изученіе церковной исторія Византіи и славянскихъ православныхъ народовъ, слѣды котораго видимъ въ изслѣдованіи «Константинъ и Меѳодій апостолы славянскіе» (рукопись), удостоенномъ въ 1869 г. полной Уваровской преміи, и въ «Краткомъ очеркѣ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской» (М. 1871.), до сихъ поръ во многомъ еще не устарѣвшемъ и не превзойденномъ. Къ той же порѣ подготовки относится «Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени взятія Константинополя Турками до настоящаго столѣтія» (Пр. Обоз. 1872, 1 и 2) и «Исторія алтарной преграды или иконостаса въ православныхъ

церквахъ» (ib. 1872,2). Въ программу входило и ученое путешествіе въ земли православнаго востока, что и исполнено было въ теченіе полутора года (май 1872—1874), причемъ командировка вышла изъ поставленныхъ рамокъ, такъ какъ захватила сверхъ Галиціи, Сербіи, Греціи, Константинополя также Италію и Св. Землю.

Въ 1880 г. появился I томъ (первая половина) знаменитой «Исторіи русской церкви», представленный Ев. Ев. на соисканіе степени доктора богословія въ Моск. Дух. Академію. Диспутъ происходитъ 16 декабря 1880 г.; оффиціальными оппонентами выступали Н. И. Субботинъ и В. О. Ключевскій [1]).—Только въ іюнѣ 1881 г., послѣ настойчивыхъ хлопотъ митр. Макарія, нашедшаго и средства къ напечатанію всего I тома,—Синодъ удостоилъ автора утвержденіемъ въ искомой степени. Въ томъ же году вышла и вторая половина I тома. О направленіи работъ Ев. Ев. въ изученіи исторіи нашей церкви и о нѣкоторыхъ результатахъ его изысканій можно было судить до появленія I тома по статьямъ въ Ж. М. Н. Пр. «Христіанство въ Россіи до св. Владимира (1876, ч. 187) и «Обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ и совершенное утвержденіе въ ней христіанской вѣры при его преемникахъ» (ib. 1877, ч. 190).

Изъ отношенія Синода къ присужденію степени было ясно, что авторъ и его работа «не понравились» и «взяты подъ подозрѣніе». Несмотря на присужденіе Академіей Наукъ за указанный первый томъ полной Уваровской преміи (рецензія принадлежитъ проф. И. И. Малышевскому—Зап. Ак. Наукъ. 41 т. Приложеніе) продолженіе опубликованія работъ остановилось, и только въ 1900 г. появилась первая половина II тома, гдѣ авторъ ограничился замѣчаніемъ: «Первый томъ моей Исторіи русской церкви, состоящій изъ двухъ половинъ, представляющихъ изъ себя двѣ отдѣльныя книги, я напечаталъ въ продолженіе 1880—81 г.; первую половину второго тома, который имѣетъ состоять также изъ двухъ половинъ въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ, выдаю въ 1900 г.: слѣдовательно, черезъ 19-ть лѣтъ. Промежутокъ годовъ такой, что, бывъ во время печатанія перваго тома человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, печатаю второй

---

1) См. «Прав. Обоз.» 1881 г. т. I, и Чт. въ Об. Люб. Дух. Пр., 1880, дек.

томъ сѣдымъ старикомъ. Относительно этого чрезвычайнаго, *не по моей доброй волѣ случившагося*[1]), замедленія могу только сказать, что оно крайне для меня прискорбно. Приготовивъ второй томъ къ печати вслѣдъ за первымъ, но не видѣвъ возможности напечатать его, я поступилъ съ нимъ такъ, какъ и долженъ былъ поступить, т. е. положилъ его въ ящикъ». (Т. II¹, V).

14 іюня 1882 г. Ев. Ев. получилъ званіе ординарнаго, а въ 1886 г. заслуженнаго профессора. Въ 1895 г.—Голубинскій вышелъ въ отставку.

За время между первымъ и опубликованіемъ первой половины II тома, Ев. Ев. подарилъ нашу науку такими монографіями, какъ «Прен. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра», «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами» (Богосл. В. 1892, янв.—апр.) и «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви», закрывшая собою трудъ г. Васильева, изъ отзыва на который она выросла. Къ этому же времени относятся три актовыхъ рѣчи 1881, 85 и 92 гг.: «О т. наз. Іоакимовской лѣтописи Татищева» (Пр. къ «Тв. св. от.» 1881, кн. 28), «Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе» (ib. 85 г., кн. 36) и «О значеніи пр. Сергія Радонежскаго въ исторіи нашего монашества» (Богосл. В. 92 г.).

Вслѣдъ за напечатаніемъ первой половины II тома, Ев. Ев. выпускаетъ вторымъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ, первую (1901 г.) и вторую (1904 г.) половины I тома и отдѣльной книгой «Исторію канонизаціи святыхъ» (1903 г.).

Въ 1904 г. Ев. Ев., первый изъ профессоровъ Московской Дух. Академіи, избирается въ ординарные академики, что вызываетъ появленіе нѣсколькихъ статей новаго академика въ «Извѣстіяхъ», а улучшеніе его матеріальныхъ средствъ—«Археологическаго атласа ко второй половинѣ I тома Исторіи русской церкви» (М. 1906). Въ 1905 г. Ев. Ев. издаетъ еще отдѣльной книжкой «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами». 1906 годъ принесъ первыя угрозы, во время не понятыя,—потерять зрѣніе, что и произошло въ 1907 г. Съ помощью С. А. Бѣлокурова въ 1909 г. появляется новое изданіе «Прен. Сергія Радонежскаго», но

---

1) Курсивъ мой.

второй половинѣ II тома при жизни Ев. Ев. не суждено было появиться. Слѣпцомъ Ев. Ев. диктовалъ свои воспоминанія своему родственнику и преемнику по каѳедрѣ С. И. Смирнову, и мы ждемъ отъ послѣдняго ихъ появленія въ печати при ближайшей возможности.

Всѣмъ памятныя недавнія событія русской общественности коснулись Ев. Е. въ видѣ назначенія его членомъ т. наз. Предсоборнаго присутствія (теперь нужно прибавить «Перваго»), на что онъ отвѣтилъ между прочимъ книжкой «Къ вопросу о церковной реформѣ» (М. 1906).

Въ 1895 г., когда Ев. Ев. вышелъ въ отставку, минуло 35 лѣтъ, данныхъ имъ самому себѣ на написаніе и напечатаніе исторіи русской церкви до св. Синода. Что переживалъ онъ въ эту пору, можно видѣть изъ тѣхъ немногихъ строкъ, которыми въ 1901 г. предваряется второе изданіе первой половины I тома: «Имѣвъ возможность сдѣлать для русской церковной исторіи значительно менѣе того, что желалъ было и надѣялся сдѣлать, утѣшаю себя словами библейскаго мудреца, который говоритъ: «много замысловъ въ сердцѣ человѣка, но состоится только опредѣленное Господомъ» (VI).

Такова тяжелая, отшельническая, трудовая ученая жизнь Ев. Ев. въ ея бѣгломъ обзорѣ [1]).

Когда выступалъ на ученое поприще Ев. Ев. Голубинскій, и когда формировались его ученые взгляды и пріемы,—русская общественная мысль работала особенно напряженно. Очень скоро переворотъ нашей исторіи 1861 г. отвлекъ мысль отъ изжившагося идеологическаго наслѣдства недавняго прошлаго, и не только наука, но и общественность задумались надъ иными заданіями, чѣмъ антитеза западниковъ и славянофиловъ. Достаточно извѣстно, какъ разными путями, но къ одной цѣли шло развитіе научнаго изученія исторіи, едва отзываясь во взглядахъ и мнѣніяхъ ученыхъ старыми переживаніями. Имена В. О. Ключевскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина очень ярко подчеркнутъ эту мысль. Ев. Ев. своимъ направленіемъ не вошелъ въ эту струю и занялъ съ нѣкоторымъ своеобразіемъ опредѣленно-западническую позицію.

---

1) См. П. Цвѣтковъ. Проф. Ев. Ев. Голубинскій (Бог. В. 1912, янв.) и С. Смирновъ. Голубинскій, Ев. Ев. (Прав. Богосл. Энц. т. IV, 502—508).

Это опредѣляло, видимо, не только направленіе работъ историка, но и содержаніе всей его жизни—его обѣтъ себѣ о написаніи исторіи русской церкви. Автобіографически звучатъ слова покойнаго: «Не великій толкъ и не великая польза отъ того, чтобы изображать себя прекрасными въ прошедшемъ съ помощью сочинительства и фантазій. Не это должно намъ дѣлать, а то другое, чтобы, имѣя мужество признавать прошедшее такимъ, какимъ оно было, стараться, въ нарочитое возмѣщеніе за него, стать возможно лучшими въ будущемъ» (Т. I[1]. 2 изд. XVIII, пр. 1).

Прошлое нашей исторіи представлялось взору историка, какъ и всякому западнику, двумя эпохами: Русь старая, до-Петровская и Русь новая, Петровская. Первая характеризуется въ такихъ выраженіяхъ: «грамотность, а не просвѣщеніе—въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владимира до Петра В.» (Т. I[1]. изд. 2. 720). Однако, существованіе слова митр. Иларіона о законѣ и благодати заставляетъ автора сдѣлать оговорку: «Владимиръ желалъ и пытался было ввести къ намъ просвѣщеніе, но его попытка осталась безуспѣшной» (ib. 720). Задаваясь вопросомъ, какъ могло это случиться, «почему мы вообще остались безъ просвѣщенія», историкъ видитъ этому причину въ нашей къ тому неспособности: «Не сознавая себя причастными къ исторической обязанности быть просвѣщенными...., мы и не позаботились о просвѣщеніи и нашли возможнымъ прожить и безъ него». (Т. I[1]. 2 изд. 719). Но это еще не полнота выраженія. Возвращаясь къ этой же темѣ въ другой связи, въ разборѣ и оцѣнкѣ источниковъ для изученія русской церковной исторіи, авторъ находитъ другія слова: «Наша церковная исторія не высока, т. е. ей суждено быть не высокою, не отъ какихъ либо случайныхъ обстоятельствъ, на которыя мы имѣли бы право сѣтовать, а по нашей собственной винѣ, потому что мы не написали ее болѣе удовлетворительнымъ образомъ. Не написали мы ее болѣе удовлетворительнымъ образомъ потому, что были неспособны написать. А были неспособны написать потому, что были не способны..... потому, что въ нашемъ прошломъ,—грустный и негрустный,—но дѣйствительный фактъ, мы представляли изъ себя историческій народъ невысокаго достоинства» (ib. XVII—XVIII).

Петръ вывелъ насъ изъ этого состоянія грамотности, съ Петра идетъ состояніе просвѣщенія. Отсюда должно «не сѣтовать на Бога за то, что онъ послалъ намъ Петра В., а развѣ молиться Богу, чтобы онъ послалъ намъ другого Петра В.» (ib. XVIII). Остается безъ прямого отвѣта вопросъ, что же сдѣлалъ еще Петръ съ нами, что съ этихъ именно поръ мы стали способны принять и удержать просвѣщеніе. Отвѣтъ данъ въ другомъ мѣстѣ: съ Петра пошли казенныя школы, онѣ то и удержали просвѣщеніе. Подвигомъ всей своей личной жизни Ев. Ев. какъ бы хотѣлъ наверстать безпечность предковъ, къ этому подвигу зоветъ онъ и читателя: «имѣя мужество признавать прошедше какимъ оно было, стараться, въ нарочитое возмѣщеніе за него, стать возможно лучшими въ будущемъ».

Данная тема о только грамотности въ старой Руси безъ преувеличенія—красная нить всѣхъ работъ Е. Е. Голубинскаго. Къ ней онъ возвращается каждый разъ, когда есть поводъ или возможность, и даже свою схему исторіи русской церкви строитъ на этой же темѣ. Собственно въ исторіи нашей церкви можно усмотрѣть—по его мнѣнію—два періода: до и послѣ Петра: «Если періоды въ исторіи обществъ суть пространства временъ, отличныя однѣ отъ другихъ не какими нибудь внѣшними и случайными признаками, а самой жизнью обществъ и ея характеромъ, то такихъ дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ, періодовъ въ исторіи русской церкви три: Кіевскій, Московскій и текущій Петербургскій. Періоды Кіевскій и Московскій собственно представляютъ собой одно цѣлое, характеризуемое отсутствіемъ дѣйствительнаго просвѣщенія,..... безъ котораго (мы) оставались до самаго Петра Великаго». (I[1]. 2 изд. XXI). Взявъ на себя задачу написать исторію именно этого перваго Кіево-Московскаго періода, Ев. Ев. пишетъ не столько исторію церкви, а исторію преобладанія религіозности (наружной набожности) надъ нравственностью (т. е. истиннымъ благочестіемъ). Исторія эта состояла «въ томъ, что въ продолженіе извѣстнаго времени религіозность держалась мѣры или не выступала изъ нея, а затѣмъ впала въ крайность. Время мѣры и время крайности—и составляютъ періоды Кіевскій и Московскій. Текущій періодъ Петербургскій есть періодъ водворенія у насъ настоящаго просвѣщенія, а вмѣстѣ съ симъ, подразумѣвается, и бо-

тіе совершеннаго пониманія христіанства» (ib. XXII). Въ другомъ мѣстѣ дается отвѣтъ на естественно-возникающій вопросъ, почему же религіозность впала въ крайность, послѣ времени міры,—это слѣдствіе московской отчужденности отъ Грековъ.

Приступая къ изученію источниковъ, авторъ встрѣтилъ два затрудненія: или полное ихъ отсутствіе или крайнюю ихъ ненадежность. Ненадежность эта такого рода, что пришлось «поставить своею нарочитою задачею критическое отношеніе къ матеріалу», ничего не рискуя заимствовать также и изъ вторыхъ рукъ. Отсутствіе матеріала вынуждало искать пособія въ двухъ средствахъ: «аналогіи и обратныхъ заключеніяхъ отъ позднѣйшаго времени». Это обстоятельство заставило Ев. Ев. предпринять грандіозную подготовку къ работѣ—изученіе церковной исторіи православнаго востока, соединенное съ личнымъ осмотромъ ея текущей жизни. Это вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ, что сложились историческія воззрѣнія Ев. Ев. еще въ пору ранней юности, что уже съ готовыми, прочно-усвоенными взглядами онъ приступалъ къ работѣ, и что имъ онъ оставался вѣренъ до конца жизни, обращаясь съ одинаковымъ жаромъ критики и тяжелаго сарказма, какъ къ «почтенному нашему историографу», такъ и ко всякому современнику, въ комъ заподозрѣвалъ иное представленіе о состояніи нашего просвѣщенія, какъ это было, напримѣръ, въ его полемикѣ съ Х. М. Лопаревымъ и Н. К. Никольскимъ въ связи съ ихъ объясненіями вновь ими открытаго посланія Климента Смолятича. Всѣ направленія нашей исторической науки оставались чужды Ев. Ев., и онъ вездѣ видѣлъ только свою тему и своихъ партнеровъ: «На меня крайне гнѣваются нѣкоторые особаго рода патріоты (теперь, впрочемъ, почти сполна вымершіе)» (ib. XVIII).

Самъ историкъ по своему чувствовалъ односторонность своей позиціи: «Можетъ быть я говорю (объ отсутствіи просвѣщенія до Петра) съ настоятельностью немного сверхдолжною; если это правда, то въ свое извиненіе могу сказать то, что историкъ живой человѣкъ, и что, говоря о прошедшемъ, онъ не можетъ совсѣмъ отрѣшаться отъ настоящаго. У насъ, вопреки свѣтлымъ надеждамъ, которымъ предавались современники почтеннаго историографа и во главѣ ихъ онъ самъ, еще и до сихъ поръ не вошло въ общее и живое сознаніе всѣхъ, что намъ настоятельно

необходимо просвѣщеніе, что какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви оно составляетъ ту первооснову, на которой зиждется все» (I² VII—VIII).

Какъ отсюда онъ выводилъ обязанность всей своей и нашей жизни возмѣщать усиленною работою скорбное прошлое нашей исторіи, такъ отсюда же для него вытекала обязанность историка быть въ своей работѣ и публицистомъ: «Говоря о недостаткахъ прошедшаго времени, иногда невозможно бываетъ не захватывать до нѣкоторой степени настоящаго по той очень простой причинѣ, что иногда прошедшее еще продолжаетъ болѣе или менѣе оставаться настоящимъ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ историкъ волей-неволей становится отчасти публицистомъ» (ib. VIII). И это служеніе наукѣ и обществу въ роли «апологета просвѣщенія»—онъ считалъ своею основною задачею, не уступая ни пяди тому, кто предъявлялъ ему требованіе не касаться настоящаго: «лучше подвергнуться упрекамъ людей, предъявляющихъ къ наукѣ ненаучныя и внѣнаучныя требованія, тѣмъ отказаться отъ обязанности быть историкомъ по искренней совѣсти» (ib. VIII).

Необходимость для собиранія матеріала «превратиться въ усерднѣйшаго такъ сказать тряпичника», «по десятку разъ тщательнѣйшимъ образомъ перерывать всякій хламъ», вызывая чувство недовольства и неудовлетворенности отъ достигнутаго, пріучаетъ относиться съ недовѣріемъ ко всему въ источникѣ, а тѣмъ болѣе въ выводѣ ученыхъ другихъ направленій. Необъятность изученія прошлаго только своими силами создала одиночество его исторіи русской церкви отъ русской исторіи, ея такъ сказать отчужденность. Любимая тема объ отсутствіи у насъ до Петра собственно просвѣщенія, обоснованная на нашей неспособности къ нему, къ тому же закрывала передъ взоромъ Ев. Ев. не только эту оторванность его работы отъ работъ русскихъ историковъ, но и въ самой церковной исторіи—многія стороны и темы. Многообразіе историческаго процесса, сложность и сплетенность разнообразнѣйшихъ историческихъ условій—все или почти все покрывалось утвержденіемъ отсутствія собственно-просвѣщенія до Петра, и даже колоссальная ученость въ области церковной исторіи православнаго востока и обѣщанныя аналогіи не были здѣсь живою водою.

Очень трудно указать подробно и точно тѣ пути и вліянія, какими развивалась ученая личность Ев. Ев. Можно догадываться о нѣкоторыхъ. Такъ, несомнѣнно, Ев. Ев. былъ однимъ изъ позднѣйшихъ «скептиковъ», правда, не въ узкомъ смыслѣ школы Каченовскаго, а въ смыслѣ того упрощеннаго взгляда на источникъ, какъ документъ или подлинный или неподлинный. Наслоенія, редакціи, тенденціозныя или естественныя и добросовѣстныя—были чужды «критическому» взгляду Ев. Ев., и не даромъ В. О. Ключевскій на диспутѣ упиралъ съ большою силою на устарѣлость даже для того времени (80 г.) представленія о «Повѣсти врем. лѣтъ», какъ «одной лѣтописи, которая вся составлена неизвѣстнымъ по имени монахомъ Печерскаго м-я, жившимъ во второй половинѣ XI—нач. XII в. (несправедливо принимаемымъ за Нестора)». (Т. I[1]. 2 изд. XIX). Положеніе, что «въ спискахъ этого устава (св. Владимира) много поправокъ, передѣлокъ, вставокъ, подновленій, словомъ, варіантовъ—*знакъ продолжительнаго практическаго дѣйствія устава*» [1]).—было внѣ историческаго признанія Е. Е. Голубинскаго.

Во взглядахъ на неспособность нашу къ просвѣщенію до Петра и на невысокое наше историческое качество — ясно чувствуется вліяніе западниковъ.

Животворящимъ лучемъ выдѣляется вліяніе на Ев. Ев. незабвеннаго А. В. Горскаго, указаніями котораго было вызвано предварительное и глубокое изученіе исторіи церквей православнаго востока.

«Почтенный исторіографъ», чуждый Ев. Ев. не только по взглядамъ на наше просвѣщеніе до Петра, но и всѣмъ пониманіемъ исторіи, какъ исторіи правительствъ,—былъ для Ев. Ев., какъ и для Полевого, величиною, въ отрицательномъ отношеніи къ которой Ев. Ев. находилъ свои положительные взгляды. Съ настойчивостью, только понятною въ этомъ сопоставленіи, Ев. Ев. опредѣляетъ исторію, «настоящую исторію», какъ исторію обѣихъ половинъ, т. е. и правительства, и общества. «Только въ наши дни совсѣмъ должнымъ образомъ понята и принята очень простая, повидимому, истина, что общества, какъ общества, съ своей жизнью должны составлять также предметъ исторіи» (ib. IX).

1) В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Ч. I, 304. М. 1904 (курсивъ мой).

Во всей своей ученой фигурѣ Ев. Ев-чъ кажется намъ повернувшимся взоромъ ко временамъ исторіографа, т. е. къ прошлому даже для его времени, отвернувшимся отъ настоящаго, ему современнаго, и, конечно, отъ будущаго. Вотъ почему Ев. Ев. выпала на долю незавидная ученая судьба не только въ томъ смыслѣ, что вызывала враждебное и гнетущее отношеніе верховъ церкви и ея «недреманнаго ока», но и въ томъ, что ему пришлось выступить на работу съ законченнымъ, рѣзкоочерченнымъ міровоззрѣніемъ, измѣнить которому онъ считалъ ниже достоинства, а органически даже и не могъ,—именно тогда, когда исканіе новыхъ путей уже налаживалось, и дружная работа пошла въ обходъ его позицій и впередъ. Достаточно сопоставить его первый томъ Исторіи русской церкви съ знаменитой «Боярской Думою», которая вышла въ свѣтъ почти одновременно со второю половиною перваго тома Ев. Ев., чтобы понять, какъ сверстники и товарищи по Академіи могли говорить на разныхъ языкахъ.

Въ этомъ, кажется, и разгадка того обстоятельства, что Ев. Ев. не посчастливилось у насъ создать плодотворной школы, и изученіе исторіи русской церкви пошло, да и должно было пойти, другими путями.

Все это, конечно, не должно закрывать отъ насъ всего значенія работы Ев. Ев. Исключительный знатокъ Византіи, онъ обогатилъ насъ цѣлымъ рядомъ выводовъ, которые безъ него бы отсутствовали. Оправдавъ на своемъ опытѣ вѣрность указаній А. В. Горскаго, онъ намъ ярко доказалъ плодотворность и неизбѣжность изученія церковной исторіи православнаго востока. Своимъ исключительнымъ трудолюбіемъ онъ обогатилъ нашу науку обширными томами своей замѣчательной Исторіи русской церкви, цѣнными монографіями и многими счастливыми сопоставленіями, къ которымъ еще долго будутъ обращаться историки, на которыхъ будутъ учиться, а многіе его выводы, несомнѣнно, усвоятъ, какъ прочное научное наслѣдство первокласснаго мастера.

М. Приселковъ.

Библіографическія мелочи *).

IV. Объ изданіяхъ „Комедіи о блудномъ сынѣ“.

Въ извѣстномъ трудѣ Д. А. Ровинскаго «Русскія народныя картинки» дано подробное описаніе (съ воспроизведеніемъ полнаго текста) книжки «Исторiа или дѣйствие евгꙇкиа при҇чи ѡ блудно҇ с҇не бываемое лѣта ѿ рж҇тва хр҇това 1685»[1]). Въ атласѣ къ «Картинкамъ» вся «Исторiа» представлена въ репродукціи, причемъ текстъ скопированъ повидимому отъ руки, такъ какъ начертанія буквъ нѣсколько разнятся отъ подлинника, а кое-гдѣ можно подмѣтить и нѣкоторыя неточности, напр. промысленікъ вмѣсто промыслеʼникъ (л. 5), сребро вмѣсто сребро҇ (л. 13), ваше вмѣсто ваше҆ (л. 28), ихъ вмѣсто ахъ (л. 18), тамꙋ вмѣсто томꙋ (ibidem), родости вмѣсто радости (л. 25), истоваре҇ вмѣсто и в товаре҇ (л. 41).

О времени выхода «Исторіи» Ровинскій замѣтилъ[2]): «Сопиковъ упоминаетъ о двухъ изданіяхъ этой книжки; при внимательномъ сличеніи экземпляровъ, находящихся въ библіотекахъ: Публичной, Московскаго Историческаго Общества, Академіи Наукъ, Н. С. Тихонравова и моей, никакой разницы ни въ текстѣ, ни въ картинкахъ, ни въ самой нумераціи мною не найдено. Бумага, на которой они напечатаны [,] сѣрая и безъ водяныхъ знаковъ». Къ сожалѣнію здѣсь не указано, подъ кото-

---

*) Первыя три главы этой статьи были помѣщены въ четвертой книжкѣ XIV-го тома «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», стр. 205—214.

1) III, 8—38. Мои ссылки на листки «Исторіи» сдѣланы сообразно съ принятой здѣсь Ровинскимъ нумераціей.

2) Стр. 9.

рымъ № значится «Исторія» у Сопикова; въ «Опытѣ россійской библіографіи» пишущій настоящія строки не нашелъ, можетъ быть по какому либо недосмотру, этой книги.

Въ «Примѣчаніяхъ и дополненіяхъ» къ своему труду Ровинскій даетъ новыя свѣдѣнія объ «Исторіи»: «Картинки этой книжечки награвированы на 64 отдѣльныхъ дощечкахъ, судя по работѣ, русскими мастерами, подъ надзоромъ Петра Пикарта, прибывшаго въ Россію въ 1687 году (см. Русскіе граверы, 262), и вѣроятно по его инвенціямъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго въ иностранныхъ изданіяхъ.

Изъ внимательнаго обозрѣнія одиннадцати неполныхъ экземпляровъ этой комедіи въ разныхъ собраніяхъ, оказывается, что она была издаваема три раза,—и всѣ три раза съ однѣхъ и тѣхъ же досокъ. Первое изданіе сдѣлано съ досокъ неподправленныхъ; во второмъ доски грубо пройдены рѣзцемъ, причемъ на картинкѣ № 2, въ нижней части, на плащѣ актера, говорящаго прологъ, видна черта, снизу вверхъ, происшедшая отъ сорвавшагося рѣзца, которымъ граверъ проходилъ доску; третье изданіе напечатано въ концѣ прошедшаго столѣтія, на тогдашней желтоватой бумагѣ, съ досокъ, сохранившихся еще въ исправномъ видѣ. Бумажныхъ знаковъ ни въ одномъ изъ трехъ изданій не имѣется» [1]).

«.....не подлежитъ сомнѣнію, что доски комедіи блуднаго сына гравированы по инвенція (рисункамъ) Пикара отца, имъ самимъ и подъ его смотрѣніемъ нашими граверами Леонтіемъ Бунинымъ и Григоріемъ Тепчегорскимъ, рука которыхъ видна на нѣкоторыхъ рисункахъ комедіи» [2]).

Въ позднѣйшемъ трудѣ Ровинскаго читаемъ[3]) объ «Исторіи» слѣдующее: «Всего въ ней 37 картинокъ, исполненныхъ очень грубо и безобразно, съ голландскаго образца, крѣпкой водкой, причемъ въ дѣло употреблены старыя, счищенныя доски, что видно изъ славянскихъ подписей, проглядывающихъ на нѣкоторыхъ картинкахъ (№ 33, 39 и № 36—41). Кто гравировалъ эти картинки, неизвѣстно; и слѣдуетъ ли

---

1) IV, 520.

2) Ibid., 521.

3) Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. СПБ, 1895, ст. 61 перваго счета (цитирую по однотомному изданію).

подправленный на заголовкѣ годъ 1685-й считать годомъ изданія этой книжки, или же она издана позднѣе, при Шхонебекѣ и Пикарѣ,—опредѣлить не берусь». Сообразно съ такимъ выводомъ въ спискахъ работъ Гр. П. Тепчегорскаго[1]) и Л. Бунина[2]) «Исторiя» не значится, если не считать слѣдующаго глухого упоминанія[3]): «Въ русскихъ Народныхъ картинкахъ поименовано еще нѣсколько досокъ, которыя по всей вѣроятности гравированы Л. Бунинымъ; ихъ нетрудно прослѣдить по приложенному къ означенному изданію алфавиту».

Такимъ образомъ Ровинскій, установивъ существованіе *трехъ* сходныхъ изданій «Исторіи», не могъ датировать ни одного изъ нихъ точно, но третье отнесъ къ концу XVIII вѣка. Этими тремя изданіями извѣстность «Исторіи» не ограничилась; ни въ одномъ изъ нихъ не было водяныхъ знаковъ, по вышеприведенному замѣчанію Ровинскаго; между тѣмъ Н. В. Губерти придадлежалъ экземпляръ «Исторіи» иного типа; «въ бумагѣ», пишетъ онъ[4]), «на которой напечатана книжка, просвѣчиваетъ 1781 годъ». Употребленное здѣсь выраженіе заставляетъ предполагать, что водяной знакъ экземпляра Губерти состоялъ изъ цыфры «1781» (подобныя филиграни были весьма распространены въ бумагѣ русскаго производства). Такимъ образомъ устанавливается существованіе по крайней мѣрѣ *четырехъ* изданій «Исторіи»; но число ихъ было несомнѣнно больше. Пишущему настоящія строки извѣстенъ дефектный экземпляръ этого произведенія, не подходящій ни къ описаннымъ у Ровинскаго тремъ типамъ, ни къ указанному у Губерти: въ бумагѣ его есть водяные знаки двухъ типовъ, но они представляютъ собою не цыфру, а буквы. Первый изъ нихъ имѣетъ видъ ГУБР, второй ФСГ П. Филигрань ГУБР зарисована въ извѣстномъ трудѣ Тромонина на XXXVIII таблицѣ подъ № 538 и въ «Первомъ годоуказателѣ знаковъ» датируется 1780 годомъ. На той же таблицѣ имѣется (подъ № 529) отдаленное подражаніе извѣстной голландской филиграни «Pro patria» съ буквами ГУБР (воспроизведено по копіи Тромонина въ книгѣ г. Н. П. Лихачева «Бумага и древнѣйшія бу-

1) Ibid., 651—655 второго счета.

2) Ibid., 86—88 второго счета.

3) Ibid., 88 второго счета.

4) Матеріалы для русской библіографіи, II, 559.

мажныя мельницы въ московскомъ государствѣ», СПБ, 1891, таблица 85, № 583); этотъ знакъ Тромонинъ датируетъ словами «около 1780». На таблицѣ LV подъ № 799 у Тромонина зарисована еще филигрань, состоящая изъ однихъ буквъ ГУБР (меньшей величины, чѣмъ № 538); ее онъ относитъ къ 1780 г.

Знакъ, состоящій только изъ буквъ ФСГП, находится у Тромонина на таблицѣ XXXVIII подъ № 528 и датируется временемъ «Около 1780». Тотъ же знакъ, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, зарисованъ на таблицѣ L подъ № 714 и въ «годоуказателѣ» отнесенъ къ 1780 г.

Совмѣстное нахожденіе въ одной книгѣ двухъ разныхъ филиграней одного и того же времени даетъ поводъ предположить, что это изданіе возникло вскорѣ послѣ производства его бумаги, въ данномъ случаѣ— въ 1780 г. или немногимъ позже. Если у Губерти былъ дѣйствительно экземпляръ съ водянымъ знакомъ «1781», то можно считать несомнѣннымъ, что число изданій «Исторіи» было *не менѣе пяти*. Пекарскій [1]) выразился правильно, сказавъ, что эта «книга сдѣлалась достояніемъ лубочныхъ изданій, на которыхъ долгое время выставлялся 1685 годъ». Если русскія книги XVIII и даже XIX вѣка нерѣдко перепечатывались по нѣскольку разъ съ одной и той же датой на заглавномъ листѣ, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать, что найдется еще много разновидностей гравированныхъ изданій, печатавшихся съ однихъ и тѣхъ же досокъ и потому не мѣнявшихъ своей даты—если она была выставлена.

V. Къ исторіи русской этнографіи XVIII вѣка.

Сборники русскихъ пѣсенъ и сказокъ, вышедшіе въ XVIII столѣтіи, до сихъ поръ не обслѣдованы надлежащимъ образомъ. Причина этого заключается вѣроятно въ весьма малой доступности ихъ; очевидно, что въ свое время они зачитывались публикой до полнаго уничтоженія и потому теперь экземпляры ихъ разъискиваются съ большимъ трудомъ. Тѣмъ большей благодарности заслуживаетъ недавняя попытка г. В. В. Сиповскаго разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, связанныхъ съ сочиненными

1) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 401.

на народный ладъ сказками (см. его «Очерки изъ исторіи русскаго романа», томъ I, выпуски 1 и 2, СПБ, 1909—1910). Само собою разумѣется, что въ такомъ огромномъ трудѣ (свыше 1600 страницъ убористаго, а иногда и мелкаго шрифта) встрѣчаются нѣкоторые пробѣлы и недосмотры[1]). Одинъ изъ нихъ касается книги «Похожденіе нѣкотораго россіянина. Истинная повѣсть, имъ самимъ писанная. Содержащая въ себѣ исторію его службы и походовъ съ приключеніями и слышанными имъ повѣстями» (Москва, 1790, двѣ части). Это произведеніе г. Сиповскій характеризуетъ[2]), какъ «романизированныя записки о дѣйствительныхъ приключеніяхъ автора» и замѣчаетъ[3]): «Нельзя сомнѣваться, конечно, что въ основѣ этого произведенія лежитъ Wahrheit, но несомнѣнно также, что сильно отразились на стилѣ его разсказа и литературныя вліянія» . . . . . Г. Сиповскому повидимому осталась неизвѣстною статья, въ которой подробно выяснено, сколько исторической истины заключается въ «Похожденіи» и кто былъ авторомъ этихъ первыхъ на русскомъ языкѣ *печатныхъ* мемуаровъ[4]).

Въ цитируемомъ изслѣдованіи о «Похожденіи» было обращено вниманіе на тѣ сказки, которыя авторъ мемуаровъ будто бы слушалъ отъ какого то солдата для отвлеченія отъ печальныхъ мыслей. Перечисливъ[5]) приведенныя «нѣкоторымъ россіяниномъ» сказки— «—1. О мертвецѣ и разбойникахъ. 2. О голобокомъ волкѣ. 3. О путешествующемъ солдатѣ. 4. О ворѣ и мошенникѣ. 5. О двѣнадцати бутылкахъ. 6. О вѣдьмѣ.

---

1) Напр. повѣсть «Филонъ» («Муза» 1796 г.) названа (II, 767) принадлежащей перу неизвѣстнаго автора, между тѣмъ какъ И. И. Мартыновъ въ своихъ запискахъ прямо приписываетъ ее себѣ (ср. Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, тома XII-го книжка 2, стр. 352—353).

2) I, 671.

3) Ibid., 676.

4) См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1901 г., № 8, стр. 225—284 втораго счета. «Забытые мемуары П. З. Хомякова» (подпись: М. П-ій). Можно думать, что авторъ «Похожденія», Петръ Захаровичъ Хомяковъ, въ свое время пользовался нѣкоторой извѣстностью; по крайней мѣрѣ книга «Добрыя мысли, или послѣднія наставленія отца къ сыну, исполненныя различными разсужденіями. Переводъ съ Латинскаго» (Москва, 1789) снабжена слѣдующимъ посвященіемъ: «Его Высокоблагородію Петру Захаровичу Хомякову, милостивому государю, приноситъ сей трудъ Александръ Губинъ».

5) Op. cit., 251—252.

7. О прохожемъ мальчикѣ»—авторъ статьи «Забытые мемуары П. З. Хомякова» замѣчаетъ[1]): «Нельзя при этомъ не вспомнить указанія Смирдинской «Росписи» (Приб. I, № 10682) на загадочное изданіе, весьма напоминающее своимъ заглавіемъ перечисленныя сейчасъ сказки. У Смирдина читаемъ: «Сказки о двѣнадцати бутылкахъ, о прохожемъ мальчикѣ, о вѣдьмѣ, о купцѣ и о прохожемъ солдатѣ» (in 8°). Годъ и мѣсто изданія не указаны, а потому и трудно сказать, не имѣя подъ руками вышеуказаннаго изданія, Хомяковъ ли внесъ чужой текстъ въ свою книгу или неизвѣстный издатель сказокъ воспользовался книгою Хомякова?».

Обозрѣвая вкратцѣ печатныя изданія русскихъ сказокъ XVIII вѣка, г. Сиповскій упомянулъ[2]) и «Сказку о 12 бутылкахъ, прохожемъ мальчикѣ и вѣдьмѣ, о Купцѣ и прохожемъ», имѣющуюся въ библіотекѣ Московскаго Историческаго Музея[3]). Сравненіе этой рѣдкой книги съ текстомъ «Похожденія» приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

а) отдѣльное изданіе заключаетъ въ себѣ только четыре перечисленныхъ въ заглавіи[4]) сказки, тогда какъ въ «Похожденіи» ихъ напечатано восемь (семь указанныхъ выше и присказка, представляющая собою, по словамъ автора[5]), «изрядное средство, приводить слушателей въ молчаніе»);

б) авторъ «Похожденія» раздѣлилъ сказки на вечера, и потому вставилъ въ текстъ «повѣстей» упоминанія о своемъ отходѣ ко сну;

в) порядокъ сказокъ въ обоихъ изданіяхъ различный:

«Сказки» etc:	*«Похожденіе», томъ II:*
«Сказка о двенадцати бутылкахъ» (стр. 3—14).	«СКАЗКА ПЯТАЯ. о двенадцати бутылкахъ» (стр. 45—56).

1) Ibid., 252[1].

2) Op. cit., II, 233, № 19.

3) По ходатайству Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ администрація Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея Имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III въ Москвѣ выслала мнѣ рукописную копію этого изданія, которой я и руководствуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи. Считаю долгомъ выразить глубокую признательность обоимъ вышеназваннымъ учрежденіямъ.

4) У г. Сиповскаго оно передано неточно; въ подлинникѣ оно имѣетъ такой видъ: «Сказки о двенатцати бутылкахъ О прохожемъ мальчикѣ. О вѣдьмѣ. О купцѣ. и о прохожемъ мальчикѣ».

5) Похожденіе, II, 2.

«Сказка о прохожемъ мальчикѣ» (стр. 15—18).	«СКАЗКА СЕДЬМАЯ. о прохожемъ мальчикѣ» (стр. 63—66).
«Сказка о вѣдьмѣ» (стр. 19—24).	«СКАЗКА ШЕСТАЯ. о вѣдьмѣ» (стр. 57—62).
«Сказка о Купцѣ и о прохожемъ Солдатѣ» (стр. 25—28).	—безъ заглавія (стр. 2—6).

г) самыя сказки въ обѣихъ версіяхъ тождественны, если не считать немногочисленныхъ варіантовъ; вотъ перечень ихъ:

«Сказки» etc.:	*«Похожденіе», томъ II:*
Сказка о двѣнадцати бутылкахъ.	
сильный потъ показывается........ (стр. 4—5).	нѣжный потъ показывается......... (стр. 47).
чувствуетъ лишь боль... (стр. 5).	чувствуетъ боль... (стр. 47).
увидѣвъ Миловиду въ первой разъ (стр. 6).	увидѣвъ прелесту въ первой разъ (стр. 48).
какъ скоро сію Алисаръ услышалъ (стр. 11).	какъ скоро Алисаръ услышалъ (стр. 53).
Сказка о прохожемъ мальчикѣ.	
воръ приближается къ нему съ худымъ намѣренія [sic] (стр. 16).	воръ приближается къ нему съ ножемъ (стр. 64).
Сказка о вѣдьмѣ.	
чрезъ нѣсколько минутъ вѣдьма опять заскрыпѣла зубами. Эка крѣпкая, чортъ те съ ѣстъ, говорилъ солдатъ (стр. 23).	чрезъ нѣсколько минутъ вѣдьма опять стремится его ухватить зубами. Эка крѣпкая, чортъ те съѣшъ, говорилъ солдатъ (стр. 61).
Сказка о купцѣ и о прохожемъ солдатѣ.	
Прохожій ни малой съ своей стороны сею должностью не обезпокоился (стр. 26).	Прохожій ни мало съ своей стороны сею должностью не обезпокоился (стр. 3).

Нѣкоторыя опечатки оказываются въ обѣихъ версіяхъ тождественными, напр. въ «Сказкѣ о двѣнадцати бутылкахъ»: «Нетерпѣливость получить страсти своей рѣшеніе мучило его безпрестанно» («Сказки», 9; «Похожденіе», II, 51) или въ «Сказкѣ о прохожемъ мальчикѣ»: «колься скрыпятъ» («Сказки», 17; «Похожденіе», II, 65).

Что касается самаго содержанія «Сказокъ», несомнѣнно, что первая изъ нихъ—о двѣнадцати бутылкахъ—не имѣетъ ничего общаго съ произведеніями руоскаго народнаго творчества, остальныя же могли бы оказаться въ основѣ и народными. Для образца приведу послѣднюю, которую г. М. П-ій сравниваетъ[1]) съ помѣщеннымъ въ сборникѣ Аѳанасьева разсказомъ о томъ «какъ мужъ отъучилъ жену отъ сказокъ».

«Сказка о Купцѣ и о прохожемъ Солдатѣ.

Нѣкоторый купецъ имѣя постоялой дворъ, и будучи до слушанія сказокъ великой охотникъ, пускалъ [sic] путешествующихъ ночевать съ коихъ вмѣсто платы бралъ сказки. Но какъ они не суть вещество, то купецъ нашъ никогда обогатиться ими не могъ. Нѣкогда къ прекращенїю сей его привычки, случилось итти отставному солдату, которой захваченъ будучи въ семъ селенїи ночною темнотою, принужденъ былъ просить ночлега у купца. Купецъ симъ случаемъ былъ весьма обрадованъ, наслышась отъ своихъ собратїй, что отставные солдаты сказывать сказки превеликїе мастера; чего для и пустилъ солдата съ тѣмъ условїемъ, чтобы онъ во всю ночь забавлялъ его сказками. Прохожїй ни малой съ своей стороны сею должностью не обезпокоился, но только съ тѣмъ обѣщался оную исполнить, чтобъ никто ему въ сказыванїи не мѣшалъ, а есть ли паче чаянїя, подтвердилъ онъ, кто преступитъ сей договоръ, тотъ долженъ самъ сѣсть на его мѣсто. Послѣ таковаго условія вошелъ онъ въ избу.

Хозяинъ тщательно старался приказывать, чтобы всѣ его домашнїя наблюдали осторожность въ то время, какъ начнутся сказки; однакожъ сїе его повелѣнїе осталось безъ успѣха. Послѣ ужина всѣ легли по мѣ-

1) Op. cit., 251[1].

стамъ, а солдату сего сдѣлать было не льзя потому, что онъ долженствовалъ какъ купца такъ и все его семейство во всю ночь забавлять сказками. Сперва онъ думалъ, что хозяинъ въ разсужденіи сна, которой таковымъ людямъ весьма надобенъ, отъ сей должности его уволитъ, однакожъ дѣло шло не на ту сторону. И такъ солдатъ не хотя быть нарушителемъ своего обѣщанія, началъ повѣствовать: *сычь сидитъ на соснѣ, а сова на ели.... сычь сидитъ на соснѣ, а сова на ели....* Таковое повтореніе продолжалось болѣе часа. Хозяинъ пришедъ въ нетерпѣливость слушать болѣе сей вздоръ закричалъ: ну къ чорту, что за сказка, не ужели у тебя только и будетъ? Хо! хо! хо! отвѣчалъ солдатъ, того то мнѣ было и надобно, чтобъ тебѣ сказка моя наскучила. Спасибо, что избавилъ ты меня отъ сего труда, сказывай же теперь самъ. Хозяину не льзя было отъ сего отговориться. Ну, слушай! сказалъ онъ, изрядно же ты меня поддѣлъ. Быть такъ сказывать сказку, только съ такимъ же условіемъ, чтобъ никто не перебивалъ и началъ: *гдѣ чортъ неноситъ, а къ намъ ночевать... гдѣ чортъ не носитъ, а къ намъ ночевать...* Сіи слова повторяемы были съ полчаса. Прямой ты чортъ, закричала жена лежа на печи, по моему мнѣнію и черти-то такъ не врутъ, кромѣ бѣшеныхъ. Хорошо жена, отвѣчалъ купецъ, ежели я говорю по чертовски, сказывай же ты по человѣчьи. Выговоривъ сіе отправился на палати. *Купчиха боясь побоевъ, начала: каковъ чортъ хозяинъ, таковъ и прохожей.* Сіи слова препроводили весь остатокъ ночи, ибо никто препятствовать имъ не отважился».

Не видавъ печатнаго экземпляра «Сказокъ», я не могу ни дать его библіографическаго описанія, ни сообщить, имѣются ли въ бумагѣ этого недатированнаго изданія водяные знаки, благодаря которымъ могъ бы опредѣлиться terminus post quem его появленія. Если бы выходъ «Сказокъ» былъ точно датированъ, можно было бы окончательно рѣшить вопросъ о соотношеніи этого изданія и соотвѣтствующихъ страницъ «Похожденія»; приведенныя выше сопоставленія даютъ поводъ предположить, что хронологическое первенство на сторонѣ «Сказокъ».

Казань,
сентябрь 1911 года.

Н. Петровскій.

О молитвахъ преп. Ѳеодосія Печерскаго.

Въ настоящее время извѣстно пять молитвъ, принадлежащихъ преп. Ѳеодосію или только приписываемыхъ ему. Собственно говоря, всѣ онѣ, какъ и все литературное наслѣдіе Ѳеодосія Печерскаго, находятся подъ вопросомъ. По словамъ одного изъ лучшихъ знатоковъ древне-русской письменности, Н. К. Никольскаго, изъ всѣхъ поученій, посланій, молитвъ и сказаній, надписываемыхъ именемъ Ѳеодосія, «въ настоящее время едва-ли можно отмѣтить хотя бы одно, которое не возбуждало бы серьезнаго сомнѣнія въ своей подлинности»[1]). Въ своихъ «Матеріалахъ», являющихся какъ бы охраннымъ каталогомъ произведеній русскихъ писателей X и XI вѣковъ и ихъ списковъ, г. Никольскій говоритъ только о трехъ молитвахъ съ именемъ Ѳеодосія и всѣ три называетъ не принадлежащими ему, а только «приписываемыми». О двухъ остальныхъ онъ и не упоминаетъ: очевидно, имъ онъ отказываетъ даже и въ такой долѣ подлинности... И, дѣйствительно, противъ каждой изъ молитвъ можно привести тѣ или другія отрицательныя инстанціи, сильнѣе или слабѣе подрывающія убѣжденіе въ ихъ автентичности.

Три молитвы, «приписываемыя» преп. Ѳеодосію или даже утвер-

---

1) Н. К. Никольскій, Матеріалы для повременнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI в.). (Спб., 1906), 160. Ср. мнѣніе проф. Пѣтухова, который считаетъ Ѳеодосія «по наиболѣе вѣроятнымъ даннымъ, авторомъ лишь очень небольшого числа поученій» (Русская литература. Историческій обзоръ главн. литературныхъ явленій древняго и новаго періода» въ «Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго Университета» 1902, № 2, 35).

ждаемыя за нимъ[1]), это а) «молитва о вѣрныхъ», б) находящаяся въ часословѣ Ярославскаго архіерейскаго дома и в) молитва для Симона варяга.

а) «Молитва св. Θеодосія Печерскаго за вся христіаны»[2]) сохранилась въ спискахъ очень древнихъ: въ пергаменной псалтири 1296 г. (въ Московской синод. библ. № 13), откуда она напечатана была Θ. Буслаевымъ[3]) и м. Макаріемъ[4]), въ Часословѣ Ярославскаго архіерейскаго дома XIII в.[5]) и во многихъ другихъ рукописяхъ[6]). М. Макарій, передавъ ее въ своей «Исторіи» почти буквально, заключилъ: «Молитва, очевидно, вполнѣ достойная великаго игумена Кіево-печерскаго»[7]). Подробнѣе аргументируетъ г. Чаговецъ, изслѣдователь сочиненій преп. Θеодосія. Анализируя молитву за христіанъ, онъ говоритъ: «Это—образецъ тихаго, смиреннаго, кроткаго обращенія къ Человѣколюбцу Богу, первообразомъ которой была молитва смиреннаго мытаря»... «Какъ христіанинъ и пастырь стада Христова, онъ молится объ обращеніи ко Христу язычниковъ...; по христіанскому милосердію онъ проситъ объ избавленіи отъ страданій всѣхъ заключенныхъ въ оковахъ и темницахъ и всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ. Будучи самъ подвижникомъ, онъ проситъ у Бога крѣпости къ подвигу всѣмъ затворникамъ, столпникамъ, пустынникамъ—«братіямъ нашимъ»; «какъ гражданинъ, онъ молится о князѣ, городѣ и всѣхъ живущихъ въ немъ, и какъ лицо духовное, онъ молится объ епископѣ, о братіи, о пресвитерахъ, діаконахъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ». Наконецъ, молится и объ умершихъ,—«о прощеніи

---

1) В. А. Чаговецъ, Жизнь и сочиненія преп. Θеодосія, 219—220 (Кіевскія «Университетскія Извѣстія» 1901 г., и отдѣльно).

2) Начало ея: «Владыко Господи Человѣколюбче»...

3) Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, стр. 25 (въ изданіи «Матеріалы для исторіи письменъ», Москва, 1855, отд. 4).

4) Ученыя записки Императорской академіи наукъ, т. II, кн. 2, 223—224.

5) Объ этомъ Часословѣ на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ 1899 г. сдѣлано было сообщеніе А. С. Раевскимъ, отнесшимъ составленіе его ко второй половинѣ XIII в. (Труды XI археологическаго съѣзда, II (1902), Протоколы, 72).

6) О нихъ у Н. К. Никольскаго, о. с., 194.

7) Исторія русской церкви, II², 130—131.

грѣховъ ихъ и о упокоеніи ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ оградѣ благого рая и жизни безконечной». «Всѣ эти прошенія, дѣлаетъ выводъ г. Чаговецъ, такъ гармонируютъ съ общимъ обликомъ нашего игумена, съ полною ясностью и рельефностью предстоящаго нашему воображенію, съ его кроткимъ взоромъ, чистымъ сердцемъ и безконечною любовію къ ближнему» [1]).

Конечно, всѣ эти разсужденія были бы много доказательнѣе, если бы насъ убѣдили въ томъ, что изложенныя здѣсь мысли и чувства могли быть свойственны одному только преп. Ѳеодосію... Между тѣмъ г. Чаговецъ не обратилъ, повидимому, вниманія и на то, что имя Ѳеодосія упоминается въ текстѣ этой молитвы, какъ имя третьяго лица. Именно, перечисляя святыхъ, къ предстательству коихъ прибѣгаетъ, авторъ молитвы называетъ «и святаго отца нашего Антонія и *Ѳеодосія, всея Руси свѣтильника, обѣщавшаго молитися за ны*». Нечего и говорить, что самъ Ѳеодосій не могъ включить своего имени въ число небесныхъ молитвенниковъ за современныхъ ему христіанъ. Впрочемъ, можно согласиться съ м. Макаріемъ, что это позднѣйшая вставка, которой такъ грѣшили древніе переписчики, не разъ къ имени Антонія присоединявшіе Ѳеодосія, какъ это удостовѣрено въ рукописяхъ Печерскаго патерика еще Кубаревымъ [2]).

б) Вторая молитва открыта г. Раевскимъ въ Часословѣ Ярославскаго архіерейскаго дома № 5—5, л. 226 (XIII в.). Здѣсь она озаглавливается, какъ «Молитва св. Иоана Златоустаго къ Господу о согрѣшеніихъ» [3]). Въ пользу ея принадлежности преп. Ѳеодосію говоритъ одно мѣсто въ ея текстѣ: «отмьсти богатыми даръми твоими и прочаия отцы и братью нашю *Феодосиия написавшаго молитвоу сию* и все сестры». Въ виду надписанія и того, что ни откуда не видно, что здѣсь разу-

---

1) Ibidem. Подлинной признаетъ эту молитву и акад. Е. Е. Голубинскій, предполагающій при этомъ, что она «назначалась для ежедневнаго домашняго чтенія на сонъ грядущій» (Исторія русской церкви, т. I, 1-ая половина, изд. 2 (1901), 839).

2) Исторія русской церкви II, 129 и пр. 227.

3) Начало ея: «Господи Боже мой великый, страшный, преславный, всея видимыя и разумныя твари сдѣтель и владыка, храняй»... (Н. К. Никольскій, о. с., 195).

мѣется Θеодосій Печерскій, нужно признать, что эта молитва еще менѣе защищена отъ подозрѣній касательно ея подлинности, чѣмъ предыдущая. И это тѣмъ болѣе, что несомнѣненъ вставочный характеръ словъ: «Феодосія—сию». Ясно, что эти слова стояли прежде на полѣ рукописи и, вѣроятно, обозначали переписчика молитвы, а потомъ вошли въ самый текстъ. Но это не значитъ, конечно, что молитва въ самомъ дѣлѣ составлена св. Златоустомъ: въ древне-русской литературѣ его именемъ называлось многое, ему не принадлежащее...

в) Третью молитву, составленную преп. Θеодосіемъ для Симона варяга, напечаталъ м. Макарій въ 1856 г. по рукописи Новгородской Софійской библіотеки № 503 [1]) и въ текстѣ своей «Исторіи русской церкви» (II, 131—132)—по Печерскому Патерику, гдѣ она впервые была напечатана еще въ 1661 г. Печерскій Патерикъ въ статьѣ Симона, епископа Владимирскаго: «Сказаніе о святой чудотворной церкви печерской каменной Успенія Пресвятыя Богородицы» говоритъ даже не объ одной этой, а о двухъ молитвахъ, почему то сливаемыхъ въ одну и м. Макаріемъ, и Е. Е. Голубинскимъ, и Н. К. Никольскимъ, и г. Чаговцемъ. О происхожденіи ихъ еп. Симонъ разсказываетъ слѣдующее. Однажды пришелъ къ Θеодосію Симонъ варягъ, много жертвовавшій на его обитель, и просилъ у него дара себѣ—какъ послѣ оказалось, молитвы о немъ и его родѣ. Тогда «преподобный» написа тако: «Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марія, и святыхъ силъ безплотныхъ»: и прочая словеса молитвы іеревскія прощалныя яже кончится сими: «Да будеши прощенъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, егда пріидетъ Праведный Судія судити живымъ и мертвымъ» (юже молитву оттолѣ начаша влагати оумершимъ въ руцѣ, якоже первый Сімонъ вложити себѣ повелѣ). Написа же святый при той молитвѣ Симону и сіе: «Помяни мя Господи егда пріидеши въ Царствіи си, воздати хотя комуждо по дѣломъ его: тогда оубо Владыко и раба своего Симона и Георгія, сподоби одесную тебе стати въ славѣ твоей, и слышати благій твой гласъ: «Пріидѣте благословеннін Отца моего, наслѣдуйте оуготованное вамъ царство отъ сложенія міра» [2]).

1) Ученыя записки Импер. Академіи Наукъ, т. II, вып. 2, 224.

2) Патерикъ или Отечникъ Печерскій. Кіевъ, 1661 г., л. 107 об.

Такимъ образомъ, здѣсь собственно двѣ молитвы: вторая отъ лица самого Симона и сына его Георгія, первая отъ имени іерея прощальная или разрѣшальная тѣмъ же Симону и Георгію уже по ихъ смерти. Даже если признать, что вторая—отъ лица самого Ѳеодосія и что обѣ онѣ являются отвѣтомъ на просьбу Симона—дать ему слово, которымъ бы Ѳеодосій благословилъ его и при жизни и по смерти своей и его [1]),—то и въ такомъ случаѣ обѣ части Ѳеодосіева благословенія предназначены на разные случаи—при жизни Симона и его родныхъ и—послѣ смерти каждаго изъ нихъ.

«Сказаніе» Симона Владимирскаго написано въ XIII в. [2]) и неизвѣстно, насколько вѣрно передаетъ факты и тексты молитвъ, составленныхъ для Симона. Во всякомъ случаѣ текстъ разрѣшительной молитвы, насколько онъ сохраненъ еп. Симономъ, не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ молитвамъ—ни той, которая читается надъ умершимъ (см. Требникъ), ни той, которая вкладывается ему въ руки. Не соотвѣтствуетъ она и молитвѣ Большого Требника Петра Могилы (1646 г.).

Въ томъ же Печерскомъ Патерикѣ, но въ другой статьѣ, сохранился текстъ еще двухъ молитвъ преп. Ѳеодосія, о которыхъ не говорятъ ни проф. Никольскій, ни акад. Голубинскій, ни г. Чаговецъ,—не говорятъ и не объясняютъ, почему. Только предположительно ихъ молчаніе можно объяснить слѣдующимъ замѣчаніемъ м. Макарія: «Молитвы преп. Ѳеодосія извѣстны намъ двоякаго рода: устныя, которыя сохранилъ въ житіи его преп. Несторъ (молитва преп. Ѳеодосія о стадѣ своемъ, т. е. объ инокахъ, и молитва, какую произнесъ онъ предъ своею кончиною) и которыя, какъ не написанныя самимъ Ѳеодосіемъ, не могутъ имѣть мѣста въ нашемъ обозрѣніи, а во-вторыхъ—письменныя» (II, 129 и пр. 120). Но если это такъ, т. е. если и другіе изслѣдователи устраняютъ молитвы, сохраненныя Несторомъ, изъ своего обозрѣнія по тому же побужденію, по какому и пр. Макарій, то справедливо ли это различеніе и это устра-

---

1) «Се оубо прошу оу тебе да даси ми слово, яко да благословитъ мя душа твоя, яко же въ животѣ такожде и по смерти моей и твоей» (л. 107).

2) Не ранѣе 1222 г. (Абрамовичъ Д. И. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ. Спб., 1902. Введеніе, XXVII).

неніе? Если эти двѣ молитвы не записаны лично Θеодосіемъ, то вѣдь и прочія сохранились не въ писанныхъ имъ оригиналахъ и, какъ мы видѣли, и съ внѣшней и съ внутренней стороны возбуждаютъ подозрѣніе касательно своей подлинности. Чѣмъ въ такомъ случаѣ предпочтительнѣе молитва, внесенная въ свое «Сказаніе» Симономъ Владимирскимъ въ XIII в., какъ написанная Θеодосіемъ, тѣхъ молитвъ, какія въ концѣ XI в. внесъ въ свое «Житіе Θеодосія»[1]) близкій къ нему по времени лѣтописецъ Несторъ[2]), какъ произнесенныя имъ? Переводя вопросъ на обще-литературную почву, приходится спросить: теряетъ ли свои авторскія права на стихи поэтъ, произнесшій ихъ экспромптомъ, причемъ эти стихи записаны другимъ лицомъ? А рѣчь судебнаго или парламентскаго оратора, записанная за нимъ стенографически, развѣ уже не принадлежитъ ему?— Вотъ поэтому мы и думаемъ, что Несторова запись Θеодосіевыхъ молитвъ, если быть можетъ не вполнѣ гарантируетъ точность текста, то вполнѣ сохраняетъ и фактъ составленія ихъ преп. Θеодосіемъ и все содержаніе ихъ. Настаиваемъ на этомъ тѣмъ сильнѣе, что обѣ молитвы сохранились во всѣхъ редакціяхъ Печерскаго Патерика и, что еще важнѣе, въ древнѣйшемъ спискѣ «Житія преп. Θеодосія»—въ такъ называемомъ Успенскомъ сборникѣ XII в.[3]).

Молитва преп. Θеодосія предъ своей кончиной, начинаясь изъявленіемъ полной покорности воли Божіей, содержитъ мольбу о милости къ душѣ умирающаго, чтобы она не встрѣчена была «противнымъ лукавствомъ», но была принята ангелами и ими проведена чрезъ мытарства къ свѣту Божескаго милосердія[4]).

Содержательнѣе и богаче мыслями другая приводимая Несторомъ

---

1) Написано оно около 1090 г.

2) Несторъ прибылъ въ Печерскій монастырь на другой годъ послѣ кончины Θеодосія († 1073 г.).

3) Нынѣ это Сборникъ Московской Синодальной библіотеки. По этой рукописи житіе издавалось О. М. Бодянскимъ (въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ 1858, III), А. Н. Поповымъ (тамъ же 1879, I и отд.) и А. А. Шахматовымъ и П. А. Лавровымъ («Сборникъ XII в.» Москов. Успен. Собора, вып. I, 1899).

4) Патерикъ Печерскій 1661 г., л. 81. Начало: «Воля Божія да будетъ, якоже благоизволи о мнѣ, тако и да сътворитъ»...

молитва преп. Ѳеодосія. Авторъ обращается къ Богу съ просьбой быть ему съ братіей помощникомъ и подателемъ всѣхъ благихъ, такъ какъ они собрались въ Его имя и во имя пречистыя Его матери соорудили «домъ сей». Пусть Богъ хранитъ ихъ отъ вселукаваго врага и, вселяя въ сердца ихъ страхъ свой, дастъ имъ наслѣдовать вѣчную жизнь.

Если брать эту молитву не въ контекстѣ, то легко подумать, что поводомъ къ составленію и произнесенію ея была постройка монастыря св. Ѳеодосіемъ и переходъ иноковъ на новое мѣсто, гдѣ была построена и новая церковь въ честь пресв. Богородицы [1]). Въ «Житіи» же Ѳеодосія эта молитва приведена, какъ доказательство того упованія и «тщанія» къ Богу, какое имѣлъ преподобный, не заботившійся о земномъ и памятовавшій всегда заповѣдь Господа объ уподобленіи птицамъ небеснымъ, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ и сыты бываютъ отъ щедротъ Отца небеснаго. «Тѣмъ же и моляшеся о семъ преподобный съ вѣрою несумѣнною сице глаголя» [2]) и далѣе—текстъ молитвы.

Самый текстъ молитвы «О стадѣ» дошелъ до насъ въ разныхъ редакціяхъ, начиная съ редакціи Успенскаго сборника и кончая той, которая находится въ сборникѣ Типографской библіотеки въ Москвѣ № 1805, л. 81-82. Послѣдній представляетъ собраніе разныхъ молитвъ, писанныхъ [3]) и печатныхъ, съ наклеенными по мѣстамъ гравюрами. Печатные тексты и гравюры даютъ думать, что этотъ сборникъ — южнорусскаго происхожденія и составленъ въ XVIII ст. Молитва «О стадѣ» здѣсь озаглавлена: «Молитва преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго къ Господу» и

---

1) Сооруженіе монастыря Печерскаго Несторъ приписываетъ въ «Житіи преп. Ѳеодосія» ему именно, хотя онъ же въ «Сказаніи что ради прозвася Печерскій монастырь» усвояетъ это дѣло преп. Антонію съ Варлаамомъ. Печерскій Патерикъ въ первомъ славянскомъ изданіи (1661 г.), примиряя это противорѣчіе, говоритъ, что монастырь основанъ Ѳеодосіемъ по благословенію Антонія (Д. И. Абрамовичъ, Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора лѣтописца. (Труды XI археологическаго съѣзда, II (1902), 22; ср. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ XVI—XVII).

2) Печерскій Патерикъ (1661). Въ Успенскомъ сборникѣ XII в.: «Тѣмь же по вься нощи моляшеся къ Богу съ сльзами о стадѣ своемъ глаголя» (Чт. Моск. общ. исторіи и древн. росс. 1879, I.—л. 30).

3) Въ числѣ ихъ есть любопытная по составу «Молитва въ четвертокъ ст҃ымъ апостоломъ» (л. 75 об. и слѣд.).

имѣетъ сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ продолженіе. Безъ сомнѣнія, послѣднее—новѣйшаго происхожденія. Мы приводимъ ниже полностью текстъ этой молитвы и для сравненія, чтобы была видна постепенность наростанія содержанія ея,—тексты Успенскаго сборника XII в. (по воспроизведенію А. Н. Попова) и Печерскаго Патерика 1661 г. Новѣйшій текстъ мы даемъ съ раскрытіемъ титлъ и съ нашей интерпункціей (въ подлинникѣ знаковъ препинанія нѣтъ); разрядкой обозначаемъ то новое, что внесено въ него по сравненію съ печатнымъ текстомъ 1661 г.

К. Харламповичъ.

Успенскій сборникъ XII в.

Яко ты ны еси вл҃дко съвъкоупилъ въ мѣсто се. и аще годѣ ти есть жити намъ въ немь. боуди намъ помощьникъ и податель вьсѣмъ бл҃гынимъ. се бо въ имя прѣст҃ыя мт҃ере твоея възграженъ бы҃ домъ сии. мы же пакы въ твое имя съвраны въ нь. и ты съблюди ны и съхрани ѿ вьсякого съвѣта вьселоукаваго врага. и съподоби ны полоучити вѣчьноую жизнь. присно же вълагаи въ ср҃дца наша страхъ твои. яко да тѣмь причастимъ бл҃гая она. яже оуготова правьдьникомъ.

Патерикъ 1661 г.

Вл҃ко ст҃ый, ты еси насъ совокупилъ на мѣстѣ семъ, аще оугодно есть ст҃ѣй твоей мл҃ти, еже жити намъ здѣ, буди намъ Помощникъ и податель всѣхъ бл҃гихъ: себо въ имя Пр҃тыя Мт҃ре твоея возгражденъ[1]) есть домъ сей, мыже въ твое имя собрани вонь[2]). И ты Гп҃ соблюди ны[3]) и сохрани отъ всякаго совѣта вселукаваго врага, и сподоби насъ получити вѣчную жизнь, пр҃но влагая въ ср҃ца н҃ша страхъ твой: яко да тѣмъ наслѣдимъ и бл҃гая она[4]), яже оуготована суть Пр҃вднымъ.

Сборникъ Типограф. библ. № 1805.

Владыко святый, Господи царю небесный! ты еси насъ совокупи на мѣстѣ семъ: аще угодно есть святѣй твоей милости, еже жити намъ здѣ,—буди намъ помощникъ и податель всѣхъ благихъ, ибо во имя твоея матере возгражденъ сей домъ, мы же во имя твое святое собрани въ домѣ семъ. и ты, Господи, соблюди насъ и сохрани отъ всякаго совѣта вселукаваго врага и сподоби насъ получити вѣчную жизнь. присно влагаю (sic) въ сердца наша страхъ твой, яко да и мы наслѣдимъ и благая оная, иже (sic) уготови на судъ праведнымъ, и заповеждь аггелу хранителю сохранити насъ,

1) Соградденъ—въ Печерскомъ Патерикѣ 1799 г.
2) въ него—въ изданіи 1699 г.
3) насъ.
4) оная.

рабовъ твоихъ, живущихъ въ домѣ семъ, отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и отъ всякаго нантія вражия соблюсти. на тя бо надежду возложихомъ вси нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. аминь.

Неизданное русское сказаніе о Жировицкой иконѣ Божіей Матери (въ связи съ исторіей русскаго дворянскаго рода Солтановъ Жировицкихъ).

I.

Введеніе церковной уніи въ Западной Россіи вызвало оживленную литературную полемику между уніатами и православными. Изъ лагеря западно-русскихъ уніатовъ выступили на литературное поприще люди, хотя и русскіе по происхожденію, но получившіе большею частью нерусское школьное образованіе (Ипатій Потѣй, Іосифъ Вельяминъ Рутскій, Іоакимъ Мороховскій, Левъ Кревза и др.). Притомъ же нѣкоторые изъ нихъ до принятія священнаго сана долго состояли на польской государственной службѣ (Потѣй, Мороховскій). Вполнѣ естественно было имъ писать и печатать свои книги и брошюры на польскомъ языкѣ. Но русскій языкъ не сразу исчезъ въ уніатской литературной полемикѣ и уніатской литературѣ вообще. Сочиненія уніатскихъ полемистовъ въ первые годы послѣ Брестскаго собора 1596 года почти всѣ печатались на двухъ языкахъ—русскомъ и польскомъ.

Особое мѣсто среди уніатскихъ писателей первой четверти XVII вѣка занимаетъ Іосафатъ Кунцевичъ. Его перу принадлежатъ написанныя на одномъ русскомъ языкѣ: а) «Катехизисъ»; б) «Уставъ для презвитеровъ»; в) трактатъ «о фальшованю писмъ словеньскихъ»; г) шесть небольшихъ богословскихъ трактатовъ, оставшихся не оконченными; д) житія святыхъ. Но всѣ эти сочиненія, даже Катехизисъ, не были въ свое время напечатаны.

Несмотря на авторитетный примѣръ Іосафата Кунцевича, русскій языкъ въ уніатской литературѣ не утвердился. Послѣдующіе уніатскіе писатели писали и печатали уже только на польскомъ языкѣ. Все-таки еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка у Іосафата Кунцевича среди уніатскихъ монаховъ были еще подражатели. Одинъ изъ нихъ монашествовалъ въ эти годы въ томъ монастырѣ, который самымъ своимъ устройствомъ обязанъ былъ Кунцевичу. Это—уніатскій монахъ Өеодосій Боровикъ, составившій въ Жировицкомъ уніатскомъ монастырѣ краткое историческое сказаніе на русскомъ языкѣ о Жировицкой чудотворной иконѣ Божіей Матери, съ обширнымъ къ нему предисловіемъ полемическаго характера, направленнымъ противъ протестантовъ, какъ отрицателей почитанія иконъ [1]).

Это русское историческое сказаніе Өеодосія Боровика, какъ и русскія сочиненія Іосафата, не было напечатано и до сихъ поръ даже совершенно не было извѣстно изслѣдователямъ древне-русской письменности. Оно сохранилось въ рукописи, принадлежащей теперь библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ (рукописное собраніе епископа Павла Доброхотова).

Оно находится въ небольшой тетрадкѣ, сложенной въ осьмушку. Первыя 22 страницы (или 11 листовъ) въ ней занимаетъ предисловіе,

---

1) Въ числѣ оставшихся неоконченными богословскихъ трактатовъ Іосафата Кунцевича были и направленные противъ протестантскаго ученія: «О мощахъ святыхъ», «О законникахъ» (см. нашу статью «О неизданныхъ сочиненіяхъ Іосафата Кунцевича» (Извѣстія Рус. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. XIV, кн. 3, и отд. оттискъ). Протестанты для проганды своихъ идей, какъ извѣстно, пользовались русскимъ языкомъ. Въ 1622 году на это обращалъ вниманіе своихъ читателей авторъ уніатскаго полемическаго сочиненія Antelenchus (Wilno, 1622): «До уніи былъ Скорина еретикъ-гуситъ, который печаталъ для васъ (православныхъ) книги по-русски въ Прагѣ»... «Симонъ Будный и Лаврентій Кришковскій печатали свой аріанскій ядъ по-русски»... «Помогли имъ (протестантамъ) въ этомъ и извѣстные московскіе чернецы (указаніе на Артемія и Өеодосія Косого), которыхъ самъ чортъ научилъ ереси. За ересь они осуждены были въ Москвѣ, а пришедши сюда, въ наши края, присосѣдились къ первѣйшимъ сенаторамъ и отравили большое число русскихъ» (стр. 49—50). Сильное распространеніе протестантства въ Новогородкѣ—Литовскомъ было предметомъ особой полемики между православными и уніатами («Elenchus» и «Antelenchus»).

или полемическій трактатъ о почитаніи иконъ, не имѣющій особаго отвѣчающаго его содержанію заглавія, а озаглавленный просто лишь: «До читателя». 12-го—14-го листовъ въ рукописи не достаетъ. На оборотѣ 15-го листа начинается самое историческое сказаніе о Жировицкой иконѣ. Оно занимаетъ страницы 15—19. За нимъ на листахъ 20 и 21 находятся удостовѣрительныя подписи. 22-й листъ незаписанный. Съ 23 листа начинается и оканчивается 31-мъ листомъ особое сочиненіе на польскомъ языкѣ: O cudach, ktore się wrzechmochoscią Božą przy obrazie Przeczystey Dziewicy w Zyrowiczach po dziś dzień dzieią. Такимъ образомъ во всей тетради 27 листовъ, или 54 страницы.

Рукописное сказаніе Θеодосія Боровика носитъ такое заглавіе: «Гисторня, або Повѣсть людеи розныхъ, вѣры годныхъ, о образѣ чудовномъ Пренасветеншое Дѣвы Маріи Жировицкомъ въ повете Слонимскомъ, во всемъ згодливая, коротко выписаная и зъ немалою працою и стаpанемъ собраная презъ многогрешного отца Θеодосия, З. Н. С. О. В.» (т. е. Закону нашего Св. Отца Василія).

Мѣста и времени составленія Θеодосіемъ «Гисторіи» не указано.

Вслѣдъ за самою «Гисторіею» въ рукописномъ спискѣ ея идутъ, какъ сказано выше, собственноручныя удостовѣренія десяти лицъ о томъ, что содержаніе «Исторіи», составленной Θеодосіемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ древнимъ преданіямъ, которыя имъ приходилось слышать о Жировицкой иконѣ Божіей Матери. Сначала идутъ удостовѣренія трехъ духовныхъ лицъ: іеромонаха базиліанскаго ордена Θеодосія (самого автора), священника Андрея Афанасовича Бегуновскаго и священника Опольской (нынѣ кобрин. уѣзда гродн. губ.) церкви Варѳоломея Поликарповича, бывшаго раньше въ теченіе двадцати лѣтъ священникомъ Жировицкой церкви. Священникъ Андрей Афанасовичъ Бегуновскій вслѣдствіе престарѣлаго возраста, не могъ собственноручно написать и даже подписать своего заявленія. За него сдѣлалъ это, по его просьбѣ, священникъ Люшневской (нынѣ слоним. уѣзда гродпен. губ.) церкви Исидоръ Ивановичъ. Записанное послѣднимъ удостовѣреніе священника Исидора Поликарповича датировано: 18 января 1625 года.

Въ числѣ удостовѣреній семи свѣтскихъ лицъ находимъ удостовѣренія двухъ лицъ, близко стоявшихъ къ Жировицкой церкви: 1) Мигагря,

состоявшаго на службѣ у Смоленскаго каштеляна Ивана Мелешко, управлявшаго Жировицкимъ его имѣніемъ и завѣдывавшаго Жировицкою церковью и 2) пономаря Жировицкой церкви Якова Санкевича, состоявшаго на службѣ еще у Ивана Александровича Солтана (умершаго въ половинѣ XVI вѣка). Въ числѣ давшихъ письменное удостовѣреніе лицъ былъ и другой служебникъ этого Солтана Никита Савицкій, или Федоровичъ.

Изъ остальныхъ четырехъ лицъ двое были служебниками послѣдняго представителя фамиліи Жировицкихъ Солтановъ, Даніила Давидовича Солтана: Иванъ Толкачевичъ (урядникъ его) и Николай Савичъ (тивунъ). Послѣдній въ моментъ дачи удостовѣренія былъ Жировицкимъ «церковнымъ подданымъ». Наконецъ, дали удостовѣренія подданный ктитора Жировицкаго (изъ села Залѣсья) Григорій Юнцевичъ и церковный подданный Афанасъ Мурашка.

Послѣ именныхъ удостовѣреній сдѣлано общее замѣчаніе, что и многіе другіе подтверждали справедливость всего написаннаго Ѳеодосіемъ въ его «Исторіи».

Только одно изъ приведенныхъ удостовѣреній датировано (1625 г.). Оно стоитъ на второмъ мѣстѣ. Всѣ послѣдующія удостовѣренія, очевидно, сдѣланы не ранѣе 1625 года.—Но самое историческое сказаніе о явленіи Жировицкой иконы Божіей Матери и построеніи церкви на мѣстѣ этого явленія, равно какъ и о чудесахъ, совершившихся въ Жировицахъ, составлено Ѳеодосіемъ Боровикомъ нѣсколькими годами раньше. Ко времени второй базиліанской конгрегаціи, происходившей въ Лаврышовѣ въ іюнѣ 1621 года, оно уже было готово. Конгрегація постановила: «книжечка о чудесахъ Жировицкихъ пусть будетъ издана въ свѣтъ» [1]).

Постановленіе конгрегаціи было исполнено. Въ 1622 году составленное Ѳеодосіемъ историческое сказаніе о Жировицкой иконѣ Божіей Матери появилось въ печати. Но оно появилось въ печати не на русскомъ, а на польскомъ языкѣ. Вотъ его полное заглавіе: Historia, abo powieść zgodliwa przez pewne podanie ludzi wiary godnych, o obrazie Przeczystey

1) Вилен. Археогр. Сборникъ, XII, 25.

Panny Mariey Zyrowickim cudotwornym W. X. L. w powiecie Słonimskim y o rozmaitych cudach, ktore się przy nim aż po dziś dzień za iey przyczyną wszechmocnoscią Bożą dzieią, pilnie zebrana y pierwszy raz w druk podana przez oyca Theodozego Borowika, Professa Zakonu S. Bazylego. Roku 1622. Книжка посвящена была Польской королевѣ и Литовской великой княгинѣ Констанціи (женѣ Сигизмунда III, урожденной австрійско-габсбургской эрцгерцогинѣ). Посвященіе датировано: Жировицы. 1622 года. Въ концѣ книжки отмѣчено, что она напечатана въ Вильнѣ, въ іезуитской типографіи.

Въ 1628 году вышло второе изданіе польской книжки Θеодосія Боровика о Жировицкой иконѣ (напечатанное въ Вильнѣ, въ базиліанской типографіи, находившейся въ Троицкомъ монастырѣ). Оно было посвящено той же королевѣ, но текстъ посвященія во второмъ изданіи иной. Оно также датировано: Жировицы. 1828 г. (Оба польскія изданія книжки Θеодосія Боровика имѣются въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ С. Петербургѣ, въ отдѣлѣ Rossica).

Предисловіе въ обоихъ польскихъ изданіяхъ книжки одно и то же. Въ немъ, между прочимъ, выясняется то, почему до водворенія въ Жировицахъ уніатскихъ монаховъ не было составлено ни исторіи явленія Жировицкой иконы Божіей Матери, ни описанія совершенныхъ ею чудесъ... Этимъ святымъ мѣстомъ (говорится въ предисловіи) владѣли и завѣдывали имъ свѣтскіе люди; духовные, бывшіе тутъ въ то время, также неспособны были сдѣлать это. Когда въ концѣ 1613 года это мѣсто стараніемъ Брестскаго, а потомъ Смоленскаго каштеляна Яна Меленко и его жены Анны, урожденной Фурсъ, перешло во власть базиліанскихъ монаховъ, они сочли своимъ долгомъ выяснить все дѣло. Притомъ же и многіе именитые и благочестивые люди усиленно просили монаховъ, чтобы они, собравши свѣдѣнія о явленіи Жировицкой иконы и ея чудесахъ у заслуживающихъ вѣры людей, огласили эти свѣдѣнія путемъ печати во всеобщую извѣстность.

Нельзя не отмѣтить того, что это мѣсто предисловія стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ другимъ мѣстомъ того же предисловія, гдѣ Θеодосій Боровикъ разсказываетъ о томъ, что во время пожара, случившагося въ Жировицкой церкви при Иванѣ Александровичѣ Солтанѣ,

сгорѣли, надо полагать, и тѣ книги, въ которыхъ изложена была исторія явленія Жировицкой иконы и совершавшихся отъ нея чудесъ. Еще болѣе рѣшительно сказано объ этомъ въ русскомъ текстѣ «Исторіи» Θеодосія: «и тая книжка, въ которую все писано, з оною церковью згорала».

Въ предисловіи къ польскому печатному изданію одною изъ причинъ составленія Θеодосіемъ Боровикомъ «Исторіи» Жировицкой иконы Божіей Матери выставлено намѣреніе его опровергнуть протестантскій взглядъ на иконы вообще. Но въ немъ на эту тему сказано сравнительно немного. Напротивъ, въ интересующемъ насъ русскомъ рукописномъ сказаніи Θеодосія Боровика находится цѣлый особый трактатъ полемическаго противопротестантскаго содержанія по вопросу объ иконопочитаніи. Этотъ трактатъ, въ пять разъ превышающій своими размѣрами самую «Гисторію» Θеодосія, долженъ былъ служить, по его замыслу, предисловіемъ къ этой «Гисторіи». Онъ заканчивается такимъ обращеніемъ «къ читателю»: «Велбъ ихъ (т. е. святыя мѣста) и ты, кгды ихъ Богъ увелбилъ, яко тежъ и Жыровицькая церковъ есть чудами зъ ласки Божое увелбена, уччона и надана, которые то тутъ южъ заразъ кластися починаютъ».

Текстъ обоихъ польскихъ изданій Исторіи Жировицкой иконы, составленной Θеодосіемъ Боровикомъ, тождественъ. Только въ пятой главѣ во второмъ изданіи вставленъ новый, дополнительный разсказъ о томъ, какъ наказаны были за свое невѣріе одинъ протестантъ изъ г. Слонима (въ 1618 г.) и одна протестантка: они отнеслись пренебрежительно къ камню, на которомъ произошло одно изъ явленій Жировицкой иконы Божіей Матеріи. Напротивъ, русскій текстъ «Гисторіи» Θеодосія Боровика отъ польскаго отличается значительно. Собственно въ содержаніи разницы между русскимъ и польскимъ текстами почти нѣтъ. Кромѣ вышеприведеннаго разсказа о наказанныхъ за невѣріе протестантѣ и протестанткѣ (отсутствующаго, конечно, въ русскомъ текстѣ), наиболѣе существенной вставкой въ польскихъ печатныхъ изданіяхъ является само по себѣ маловѣроятное сообщеніе о томъ, что устроитель первой Жировицкой церкви Солтанъ Александровичъ содержалъ при ней для непрерывнаго совершенія богослуженія двѣнадцать пресвитеровъ, а внукъ

его Иванъ Александровичъ Солтанъ, притомъ же числѣ пресвитеровъ, содержалъ при ней еще какого-то епископа съ нѣсколькими монахами. Что же касается внѣшняго изложенія, что въ этомъ отношеніи между русскимъ и польскимъ текстомъ большое различіе, и назвать одинъ изъ нихъ простымъ переводомъ съ другого никакъ нельзя. Польскій текстъ гораздо многословнѣе русскаго въ разсказѣ объ однихъ и тѣхъ же фактахъ. Въ польскомъ изданіи особенно увеличенъ отдѣлъ благочестивыхъ размышленій и поясненій. Польскій текстъ написанъ языкомъ болѣе витіеватымъ, риторическимъ, чѣмъ русскій текстъ. По этимъ причинамъ польскій текстъ занимаетъ несравненно болѣе мѣста, чѣмъ русскій текстъ. Польскій текстъ, въ виду этого, для удобства изложенія раздѣленъ на пять главъ, русскій же текстъ представляетъ собою одинъ сплошной разсказъ. Вообще на литературную обработку польскаго текста положено болѣе усилій, чѣмъ на таковую же русскаго текста. Русскій текстъ по сравненію съ польскимъ производитъ впечатлѣніе первоначальнаго, наскоро сдѣланнаго историческаго очерка.

Русскій текстъ «Гисторія» Ѳеодосія Боровика ни въ настоящемъ его видѣ, ни въ болѣе обработанномъ, не сдѣлался достояніемъ печати. По всей вѣроятности, причиной этого былъ все болѣе утверждавшійся въ высшей уніатской средѣ взглядъ на русскій языкъ, какъ на языкъ менѣе удобный, чѣмъ польскій, для популяризаціи путемъ печати тѣхъ или иныхъ идей и фактовъ. Вообще къ концу первой четверти существованія церковной уніи въ Западной Россіи, русскій языкъ въ уніатской литературѣ, не смотря на церковно-славянскій богослужебный языкъ уніатской церкви, совсѣмъ вытѣсненъ былъ языкомъ польскимъ. Русскіе уніатскіе литературные опыты осуждены были на вымираніе.

«Гисторія» Ѳеодосія Боровика на русскомъ языкѣ печатается въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Свѣдѣній о жизни и дѣятельности Ѳеодосія Боровика имѣется очень мало. Въ 1620 году въ одномъ документѣ упоминается «Ѳеодосіи Боровикъ, іеромонахъ Закону Светого Василия, Настоятель монастыра Виленского Светое Живоначальное Троицы». Въ 1623 году Ѳеодосій Боровикъ присутствовалъ на Рутской базиліанской конгрегаціи. Въ 1648 году онъ упоминается, какъ проповѣдникъ (Kaznodzieja) Минскихъ Вознесен-

скаго и Свято-Духовскаго базиліанскихъ монастырей. Въ 1652 году Өеодосій Боровикъ былъ суперіоромъ Жировицкаго монастыря 1).

II.

Начальная исторія Жировицкой иконы Божіей Матери тѣснымъ образомъ связана съ именемъ православныхъ пановъ Солтановъ, владѣльцевъ Жировицъ.

Родоначальникомъ Жировицкихъ Солтановъ былъ литовскій дворный маршалокъ Солтанъ Александровичъ.

Въ Жировицкомъ монастырѣ сохранилась (принадлежащая теперь Виленской Публичной Библіотекѣ) Минея мѣсячная (мартъ и апрѣль), переписанная по его приказанію въ 1487 году діакомъ Семеномъ («Сенкою») Яковлевичемъ, смольняномъ родомъ. Въ концѣ ея находится слѣдующая запись, имѣющая важное значеніе для біографіи родоначальника Жировицкихъ Солтановъ: «Изволися написати сія книгы... повелѣніемъ и желаніемъ пана Солтана, короля его милости маршалка литовскаго, нареченнаго въ святѣмъ крещеніи Александръ, сынъ пана Александра, подскарбего земли Литовьскыя» 2).

Изъ этой записи, прежде всего, видно, что отецъ родоначальника Жировицкихъ Солтановъ назывался Александръ и занималъ должность литовскаго земскаго подскарбія (государственнаго казначея). Въ одномъ современномъ юридическомъ актѣ (отъ 10 апр. 1473 г.) этотъ послѣд-

---

1) Архивъ зап.-рус. уніат. митрополитовъ (въ архивѣ Св. Синода), листъ Өеодосія Боровика на отдачу въ аренду земли отъ 22 марта 1620 года и запродажный листъ игумена и братія Минскихъ Вознесенскаго и Св.-Духовскаго монастырей отъ 30 іюня 1648 года, внесенный въ трибунальныя книги 2 декабря 1649 года (№№ 448 и 785 по печатному Описанію, выпускъ I).—Вилен. Археогр. Сборн., XII, 29, постановленія Рутской конгрегаціи.—Рукописная «Collectanea Historyca o Klasztorze Zyrowickim» Завадскаго: въ ней упоминается объ одномъ документѣ отъ 6 марта 1652 года за подписью его, какъ Жировицкаго суперіора (рукописное собраніе еп. Павла Доброхотова въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ).

2) Ф. Н. Добрянскій, Описаніе рукописей Вилен. Публ. Библіотеки (Вильна, 1882), стр. 287.

ній, вѣроятно, упоминается подъ именемъ «Александра скарбного» [1]). Очевидно, до назначенія земскимъ литовскимъ подскарбіемъ онъ состоялъ въ должности его помощника [2]).

Высокое государственное положеніе отца родоначальника Жировицкихъ Солтановъ, надо полагать, соединялось и съ соотвѣтствующимъ матеріальнымъ его обезпеченіемъ. Этимъ же послѣднимъ объясняется, въ свою очередь, то обстоятельство, что родоначальникъ Жировицкихъ Солтановъ, какъ увидимъ ниже, уже въ началѣ своей служебной карьеры является передъ нами человѣкомъ, вполнѣ матеріально обезпеченнымъ, располагающимъ средствами для обширнаго заграничнаго путешествія.

Изъ вышеприведенной записи въ рукописной Минеѣ видно, что родоначальникъ Жировицкихъ Солтановъ носилъ два имени: Солтанъ и Александръ [3]). Изъ этихъ именъ обычнымъ именемъ для него было не Александръ, а Солтанъ, какъ это будетъ видно изъ приводимыхъ ниже упоминаній о немъ въ разнаго рода историческихъ актахъ. Только въ королевскихъ рекомендательныхъ грамотахъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь, онъ именуется обоими своими именами (Alexander Solthan), да въ одномъ актѣ, болѣе поздняго уже времени (именно 1518 года), сынъ его названъ по отчеству Александровичемъ («Александро Александровичъ Солтановича») [4]). Обыкновенно этотъ послѣдній въ актахъ именуется Солтановичемъ, и, когда ему пришлось въ жалобѣ, поданной королю, упомянуть о покойномъ отцѣ своемъ, онъ назвалъ его просто Солтаномъ: «Жаловалъ намъ (королю) маршалокъ нашъ панъ Александръ Солтано-

---

1) Рус. Истор. Библ., XXVII, стр. 89 (Литов. Метр., II). У Вольфа (Senatorowie, 184) тутъ опечатка (1448 годъ вмѣсто 1478 г.).

2) Скарбный былъ помощникомъ земскаго подскарбія (проф. И. И. Лаппо, Великое княжество Литовское за время отъ Люблин. уніи до смерти Стефана Баторія, СПБ., 1901, стр. 655—656).

3) Вольфъ давно уже обратилъ вниманіе на то, что имя Солтанъ (татарскаго происхожденія, вѣроятно) было въ широкомъ употребленіи въ Литовской Руси XV и XVI вѣковъ, что его носили и князья, и земяне, и бояре. Такъ, имя Солтанъ носили одинъ изъ князей Збаражскихъ и одинъ изъ князей Сокольскихъ. Этимъ объясняется, по мнѣнію Вольфа, существованіе нѣсколькихъ, не родственныхъ между собою, дворянскихъ фамилій Солтановъ (Wolff, Kniaziowie Litewsko-Ruscy, 681).

4) Рус. Ист. Библ., XX, 1254 (Литов. Метр., I).

новичъ... имъ по смерти отца моего пана Солтана»... [1]). Родной братъ родоначальника Жировицкихъ Солтановъ, королевскій подскарбій Андрей Александровичъ не называется въ актахъ Солтаномъ или Солтановичемъ: «а свѣдомо то пану Андрею Олександровичу, подскарбьему королеву, а брату его пану Солтану, маршалку короля его милости» [2]). Сынъ этого Андрея Александровича, племянникъ родоначальника Жировицкихъ Солтановъ, дворный подскарбій и державца Веленскій, Иванъ Андреевичъ ни разу въ 18 актахъ Литовской Метрики не названъ Солтаномъ или Солтановичемъ [3]). Не называлъ онъ себя Солтаномъ и Солтановичемъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи, хотя племянника своего Ивана Алексадровича онъ назвалъ въ немъ Солтаномъ [4]). Очевидно, личное имя родоначальника Жировицкихъ Солтановъ съ теченіемъ времени превратилось въ фамильное, или родовое имя для его прямыхъ потомковъ.

Самое раннее упоминаніе о Солтанѣ Александровичѣ относится къ 1467 году. Оно находится въ отпускной рекомендательной грамотѣ, данной ему королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ Ягайловичемъ 20 апрѣля 1467 года въ г. Гроднѣ. Въ этой грамотѣ Александръ Солтанъ (Alexander Solthan) является уже въ должности состоящаго при великокняжескомъ дворѣ (continuus curiensis noster). Въ предупрежденіе, вѣроятно, возможныхъ при посѣщеніи разныхъ католическихъ странъ недоразумѣній, въ грамотѣ особо отмѣчена принадлежность его къ православной церкви (ritum Graecum sectans). Въ грамотѣ цѣлью предпринимаемаго Александромъ Солтаномъ заграничнаго путешествія указано желаніе его поклониться Гробу Господню въ Іерусалимѣ. Король Казиміръ въ грамотѣ рекомендуетъ Александра Солтана доброму

---

1) Ibid., 868.

2) Вилен. Археогр. Сборникъ, VI, стр. 2, грамота отъ 6 авг. 1486 г.

3) Рус. Ист. Библ., XX (Литов. Метр., I), страницы по указателю личныхъ именъ (стр. 137). Только въ привелеѣ 1547 года онъ названъ Iwan Soltanowic (М. К. Любавскій, Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства (Москва, 1910), стр. 338. Въ привелеѣ 1529 онъ названъ Iwanus Andrzeiowic de Poczepow (тамъ же, 329). Жена Ивана Андреевича Богдана Ѳеодоровна, урожд. княжна Четвертинская, также никогда не называется Солтановою (Archiwum Sanguszków VI, 6—7, 23—63).

4) Вилен. Арх. Сборн., VI, 25—26, отъ 24 авг. 1554 г.

вниманію католическихъ государей и подчиненныхъ имъ властей, во время путешествія его въ Іерусалимъ и обратно [1]).

Солтанъ Александровичъ направилъ свой путь, прежде всего, во владѣнія германской, или священной римской имперіи. Императоръ Фридрихъ III 1 декабря 1467 года, въ свою очередь, снабдилъ его пропускною рекомендательной грамотой для дальнѣйшаго путешествія. Въ императорской грамотѣ цѣлью путешествія Александра Солтана (Alexander Solthan ex Lithuania, ritum Graecum sequans) указывается желаніе его посѣтить возможно больше разныхъ странъ и усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ (militandi gratia) [2]).

Весной 1468 года Солтанъ Александровичъ былъ уже въ Италіи. Это видно изъ пропускныхъ рекомендательныхъ грамотъ, данныхъ ему 5 марта 1468 года сицилійскимъ королемъ Фердинандомъ (происходившимъ изъ арраганскаго дома и носившимъ титулъ короля іерусалимскаго и венгерскаго) и 4 апрѣля 1468 года папою Павломъ II. Въ грамотѣ сицилійскаго короля цѣлью путешествія Александра Солтана (Alexander Solthan, Regis Poloniae aulicus familiaris) выставляется желаніе его «изучить разные обычаи (ritus) людей и разныя установленія». Въ папской грамотѣ цѣлью путешествія Александра Солтана (dilectus filius Alexander Solthan de Magno Ducatu Lithuaniae) выставляется желаніе его устроить свои дѣла (pro suis peragendis necessariis negotiis) и въ особенности лично поклониться въ Іерусалимѣ Гробу Господню. Папа въ своей грамотѣ предписывалъ всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальственнымъ лицамъ и установленіямъ заботиться о безопасности и благополучіи Александра Солтана и его свиты (десять человѣкъ), и во время его путешествія туда и обратно, и во время остановокъ въ пути [3]).

---

1) Королевская отпускная грамота Солтану Александровичу (на латин. яз.) напечатана въ журналѣ Przegląd Poznański за 1862 годъ, въ первомъ выпускѣ за первое полугодіе (стр. 66). Тамъ же напечатаны и остальныя грамоты (тоже на латин. яз.), относящіяся къ его путешествію. Подлинники этихъ грамотъ въ 1822 г. проф. Вилен. университета Игн. Овацевичъ видѣлъ въ м. Дятловѣ (слоним. уѣзда) у гр. Солтана (Сѣверный Архивъ за 1822 г., часть 4, стр. 478).

2) Ibid., 67—68, Грамота дана in Nova Civitate.

3) Ibid., 68—70. Грамота сицилійскаго короля дана in civitate Puteolorum, папская грамота—въ Римѣ. О пребываніи Солтана Александровича (Soltanus

Изъ Италіи, надо полагать, Солтанъ Александровичъ отправился въ Святую Землю и оставался тамъ все лѣто и осень 1468 года. Лишь въ декабрѣ 1468 года мы видимъ его опять въ Италіи, въ Миланѣ, при дворѣ миланской герцогини Маріи Сфорца, именующей его въ своей грамотѣ выдающимся по военной доблести (virtute militari insignis). Она говоритъ въ грамотѣ о желаніи Александра Солтана посѣтить почти всю Европу, но не упоминаетъ уже о намѣреніи его отправиться въ Іерусалимъ [1]). О пребываніи Александра Солтановича въ Іерусалимѣ точныхъ свѣдѣній не сохранилось. Но память объ этомъ жила еще въ началѣ XVII вѣка. Въ изданномъ въ 1605 году Ипатіемъ Потѣемъ «Поселствѣ до папежа Рымского Сикста Четвертого отъ духовенства и отъ княжатъ и пановъ Русскихъ» (отъ 14 марта 1476 г.) панъ Солтанъ Александръ называется «великославный рыцеръ Божіа гробу» [2]). Въ составѣ имущества, оставшагося послѣ Солтана Александровича, находились: «кресть и зъ животворящимъ древомъ одного золота» и «отъ панагии отобрано образъ Божьего вънученья одного золота» [3]). Эти священные предметы могли быть привезены Солтаномъ Александровичемъ изъ Святой Земли.

По возвращеніи изъ Палестины Александръ Солтановичъ отправился на Пиринейскій полуостровъ. Посѣтилъ сначала Кастильское королевство, а потомъ Португальское. Португальскій король Альфонсъ въ своей грамотѣ (отъ 17 марта 1469 года) особенно отмѣтилъ военныя его дарованія (Alexander Solthan... militari robore praestantissimus) [4]).

Изъ Португаліи Солтанъ Александровичъ направился въ Бургундію. Бургундскій герцогъ Карлъ Смѣлый принялъ его особенно любезно. Въ рекомендательной грамотѣ отъ 24 мая 1469 года бургундскій герцогъ выражалъ свое полное сочувствіе похвальному намѣренію Александра Солтана (sincere dilectus dominus Alexander Solthan, miles ex

---

quidam ex Lithuania) въ Римѣ при папѣ Павлѣ II имѣется относящееся къ началу XVI вѣка свидѣтельство краков. каноника Яна Сакрана (Ioan. Sacranus, Elucidarius errorum ritus Rutheni).

1) Przegląd Poznański, стр. 70.

2) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 200.

3) Рус. Ист. Библ., XX (Литов. Метр., I), 872, 874.

4) Przegląd Poznański, стр. 70—71.

Lithuania) посѣтить возможно болѣе странъ и его любви къ военному дѣлу (militiae cupiditati). Въ тотъ же день, когда подписана была интересующаяся насъ грамота, Карлъ Смѣлый особымъ дипломомъ (24 мая 1469 г.) возвелъ Александра Солтана въ званіе своего совѣтника и шамбеляна (in consiliarium nostrum et cambellanum) со всѣми принадлежащими этому званію правами и преимуществами. Государственному канцлеру и первенствующему шамбеляну, при этомъ, предложено было герцогскимъ дипломомъ привести его къ установленной присягѣ [1]).

Изъ чтенія рекомендательной грамоты Карла Смѣлаго (1467 — 1477) и его диплома на шамбелянство (въ родѣ камергерства или флигель-адъютантства), даннаго Солтану Александровичу, при сравненіи ихъ съ грамотами другихъ владѣтельныхъ государей, выносится впечатлѣніе особеннаго личнаго расположенія отважно-воинственнаго бургундскаго герцога къ «воину родомъ изъ Литвы».

Результатомъ этого особеннаго расположенія Карла Смѣлаго къ Солтану Александровичу, вѣроятно, явилось и пожалованіе имъ этому послѣднему бургундскаго ордена Золотого Руна. Особаго диплома на этотъ орденъ не сохранилось, но о пожалованіи его Солтану Александровичу свидѣтельствуетъ самая опись оставшагося послѣ него имущества. Въ составѣ этого имущества находился: «на двухъ качалехъ стрыхъ Ушпанскій, перловый, со шлягомъ трясенымъ, уроблено въ него чотыри гривенки перелъ, а за пять копъ шлягу» [2]). Затѣмъ, въ упомянутомъ выше (изданномъ Ипатіемъ Потѣемъ въ 1605 году) «Поселствѣ до папежа Сикста» Солтанъ Александровичъ названъ: «рыцеръ ушпанскии, златого стрыха носитель» [3]). Въ обоихъ приведенныхъ свидѣтельствахъ орденъ Золотого Руна, пожалованный Солтану Александровичу, названъ испанскимъ, а не бургундскимъ; но это произошло, по объясненію Жихлин-

---

1) Ibid., 71 — 73. Дипломъ начинается такими словами: Notum facimus, quod Nos, audito laudabili testimonio, quod a pluribus, fidei dignis, probetur, de persona dilecti Nostri domini Alexandri Solthan, militis ex Lithuania oriundi, de cujus fidelitate, industria et morum probitate ad plenum confidimus... Въ рекомендательной грамотѣ Карла сдѣлано упоминаніе о вѣроисповѣданіи Солтана Александровича: ritum Graecorum sequans.

2) Рус. Ист. Библ., XX (Литов. Метр., I), 872.

3) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 200.

скаго [1]), оттого, что послѣ смерти Карла Смѣлаго съ выходомъ замужъ его дочери за испанскаго короля перешелъ въ Испанію и орденъ Золотого Руна. На языкѣ послѣдующихъ поколѣній пожалованный Солтану Александровичу бургундскій орденъ превратился въ испанскій.

Передъ возвращеніемъ на родину Солтанъ Александровичъ побывалъ еще въ Англіи. Англійскій король Эдуардъ IV (изъ Іоркскаго дома), шуринъ Бургундскаго герцога Карла Смѣлаго, также принялъ его очень любезно. Онъ не только снабдилъ его рекомендательною грамотою (отъ 4 іюня 1469 года), но и пожаловалъ ему золотую цѣпь (eundem Alexandrum aurea torque (qua divisa nostri milites utuntur) donavimus utendique ea ubique locorum dedimus facultatem). Въ грамотѣ король Эдуардъ упоминаетъ, что Александръ Солтанъ изъ Литвы (aulicus et familiaris польскаго короля) уже обозрѣлъ почти всю Европу (Europa paene ab eo peragrata [2]).

Когда возвратился Солтанъ Александровичъ на родину, остается неизвѣстнымъ. Въ современныхъ документахъ первыя о немъ упоминанія находимъ только подъ 1483 годомъ, когда онъ является маршалкомъ при Литовскомъ великокняжескомъ дворѣ. Всѣ 70-ые годы пятнадцатаго вѣка являются періодомъ жизни Солтана Александровича, покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Только подъ 1476 годомъ появляется его имя въ одномъ документѣ, но въ документѣ, давно заподозриваемомъ въ своей подлинности.

Намъ уже два раза пришлось упомянуть о томъ, что въ числѣ западнорусскихъ іерарховъ и вельможъ, участвовавшихъ въ составленіи «Поселства до папежа Рымского Сикста» (датированнаго 14 марта 1476 года въ Вильнѣ), находился и панъ Солтанъ Александровичъ: «Благородный мужъ, панъ Солтанъ Александръ, великославный рыцеръ Божіа гробу, и ушпанский, златого стрыха носитель, подъскарбій великославного двору пресвѣтлого короля Казимера» [3]). Это посланіе является

1) Zychliński, Kronika żałobna rodzin Wielkopolskich od. r. 1863 — 1876, Poznań, 1877, str. 413.

2) Przegląd Poznański, стр. 73—74.

3) Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 200 (тутъ перепечатанъ русскій текстъ посланія, напечатаннаго Потѣемъ въ 1605 году на рус. и польскомъ языкахъ.

однимъ изъ начальныхъ звеньевъ въ той длинной цѣпи западнорусскихъ уніональныхъ попытокъ, завершительнымъ звеномъ которой была Брестская церковная унія 1596 года. Солтанъ Александровичъ, такимъ образомъ, по возвращеніи на родину выступаетъ (въ половинѣ 70-ыхъ годовъ) въ качествѣ дѣятеля религіозно-церковнаго характера. И въ этомъ нѣтъ чего-либо совсѣмъ неожиданнаго. Уже одно поломничество его въ Святую Землю даетъ яркое свидѣтельство его повышенной религіозно-церковной настроенности. О томъ же можетъ свидѣтельствовать въ извѣстной мѣрѣ и посѣщеніе имъ Рима. Религіозно-церковная настроенность Солтана Александровича, при этомъ, имѣла, повидимому, довольно опредѣленный и устойчивый характеръ. Онъ не измѣнилъ православію на родинѣ, хотя и состоялъ при дворѣ великаго князя рим.-католическаго вѣроисповѣданія. Съ открытымъ греко-восточнымъ вѣроисповѣднымъ лицомъ (ritum Graecum sequans) являлся онъ повсюду и въ Западной Европѣ. Но среди чуждаго западно-европейскаго рим.-католическаго общества, при дворахъ рим.-католическихъ государей, при самомъ папскомъ дворѣ, вполнѣ естественно было ему держать себя въ религіозно-церковномъ отношеніи съ особенною осторожностью. Притомъ же ему, какъ и нѣкоторымъ другимъ западнорусскимъ церковно-общественнымъ дѣятелямъ того времени (послѣ Флорентійской уніи) могло быть не чуждо и стремленіе къ религіозно-церковному примиренію Востока съ Западомъ вообще на справедливыхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ воинственный, рыцарски-благородный характеръ Солтана Александровича, явственно подчеркнутый въ рекомендательныхъ грамотахъ разныхъ государей, всего менѣе даетъ основаній заподозривать его въ религіозно-церковной неискренности во время заграничнаго его путешествія. Соприкасавшіяся съ нимъ рим.-католическія церковныя сферы легко могли даже преувеличить примирительное настроеніе молодого литовско-русскаго придворнаго православной вѣры.

Участіе Солтана Александровича въ составленіи Посланія къ папѣ Сиксту IV возбуждаетъ сомнѣнія, даже при признаніи подлинности всего посланія [1]). Имя его, равно какъ имена братьевъ его Андрея Александ-

1) Обзоръ научныхъ мнѣній по вопросу о подлинности Посланія къ папѣ Сиксту IV сдѣланъ проф. В. З. Завитневичемъ въ его книгѣ: «Палинодія Заха-

ровича изъ Попортей и Іоанна, въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи этого посланія, находится только въ Потѣевскомъ спискѣ его. Этихъ трехъ именъ нѣтъ въ спискѣ Посланія, сохранившемся въ Римѣ, въ музеѣ Пропаганды и изданномъ о. Ант. Петрушевичемъ въ «Литературномъ Сборникѣ» (изд. Галицко-Русской Матицы) за 1869 годъ (вып. III и IV, стр. 223—260) [1]. Въ римскомъ спискѣ Пропаганды, притомъ же, имена составителей Посланія не въ началѣ его приведены, какъ въ Потѣевскомъ спискѣ, а въ концѣ списка, въ качествѣ подписей подъ нимъ... Въ Потѣевскомъ спискѣ имена всѣхъ участниковъ въ составленіи Посланія приведены не только съ указаніемъ ихъ оффиціально-служебнаго положенія, но и со всякаго рода необычными въ оффиціальныхъ бумагахъ, восхвалительными эпитетами по адресу ихъ. Въ римскомъ спискѣ Пропаганды этихъ послѣднихъ не имѣется...

Если мы въ частности обратимся къ тому, какъ въ Потѣевскомъ спискѣ названъ и охарактеризованъ Солтанъ Александровичъ, то тутъ многое возбудитъ у насъ сомнѣнія. «Благородный мужъ», «великославный рыцарь»—совсѣмъ не обычные эпитеты тогдашняго оффиціальнаго языка, въ особенности же въ просительномъ документѣ, адресованномъ такому высокопоставленному лицу, какъ папа. Затѣмъ, именованіе бургундскаго ордена въ 1476 году, т. е. раньше смерти Карла Смѣлаго († 1477 г.), испанскимъ набрасываетъ тѣнь на подлинность содержащаго это именованіе документа. Наконецъ, Солтанъ Александровичъ является здѣсь въ такой должности, въ какой не является ни въ одномъ другомъ совре-

ріи Копыстенскаго (Варшава, 1883) стр. 192—194. Объ отвѣтѣ папы Сикста IV на это Посланіе см. въ соч. А. В. Ярушевича: «Ревнитель православія князь Конст. Ив. Острожскій» (Смоленскъ, 1897), стр. 38. Проф. М. С. Грушевскій, не отрицая факта посольства къ папѣ Сиксту IV, высказываетъ рядъ сомнѣній въ подлинности обнародованнаго Потѣемъ текста Посланія (Історія України—Руси, т. V, ч. II, 531—535, т. VI, 561).

1) По свидѣтельству Петрушевича, въ Римѣ, въ Ватиканскомъ архивѣ, находится другой списокъ Посланія 1476 года, тождественный съ Потѣевскимъ (т. е. съ именами составителей въ началѣ Посланія и въ томъ числѣ съ именами Андрея Александровича, Солтана Александровича и брата ихъ Іоанна). Такой же списокъ сохранился и въ архивѣ Галицкой митрополіи въ Львовѣ, по свидѣтельству Петрушевича. Наконецъ, Петрушевичъ отмѣчаетъ, что въ Апологіи Мелетія Смотрицкаго упоминается о спискѣ Посланія 1476 года, хранившемся въ его время въ церкви села Вельбойна возлѣ Острога (249, 252, 255).

менномъ документѣ,—въ должности «подскарбія великославного двору пресвѣтлого короля Казимера». Въ современныхъ актахъ онъ именуется, начиная съ 1483 года и до самой смерти, маршалкомъ короля его милости. Сомнительно, чтобы онъ былъ королевскимъ подскорбіемъ раньше, чѣмъ сталъ маршалкомъ, такъ какъ должность подскарбія была важнѣе должности маршалка.

Несмотря однако на всѣ приведенныя возраженія и соображенія, даже признавая относящееся къ Солтану Александровичу въ Потѣевскомъ спискѣ мѣсто вставкой, носящей явные слѣды болѣе поздняго происхожденія, нельзя отрицать совершенно причастность его къ Посланію 1476 года. Объ этой причастности его къ Посланію 1476 года говоритъ слѣдующее мѣсто изъ изданной въ началѣ XVI вѣка (за сто слишкомъ лѣтъ до Потѣевскаго изданія Посланія) брошюры краковскаго каноника Яна Сакрана: Soltanus quidam nomine a Paulo Secundo et Ynasco, germanus eius, ex Lithuania, primores inter Ruthenos, ambo a Sixto Quarto Rome suscepti et bullis patentibus in suapte ritu manere permissi, ad suos reddentes, perti naciores ecclesieque magis infensi et blasphemi sunt reperti [1].

Изъ этого свидѣтельства, прежде всего, видно, что Солтанъ Александровичъ былъ вторично въ Римѣ при папѣ Сикстѣ IV (1471—1484), на этотъ разъ со своимъ братомъ [2]). Изъ него, затѣмъ, оказывается, что

1) Elucidaruis errorum ritus Rutheni, tractatus I, caput III (экз. Имп. Публ. Библ.), мѣста и времени изданія не обозначено. Въ 1582 г. Elucidarius Сакрана переизданъ въ сокращенномъ видѣ Ласицкимъ въ его изданіи De Russorum, Moscovitarum et Tatarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu, ex diversis scriptoribus (Spirae, 1582), причемъ упомянуто, что онъ составленъ былъ въ 1500 году (p. 184).

2) Этотъ братъ Солтана Александровича названъ въ Elucidarius'ѣ Сакрана Ynasco (М. С. Грушевскій, предполагая тутъ, вѣроятно, опечатку, называлъ его «Івашкомъ»—Історія Украини—Руси, т. V, ч. II, 532). Въ Потѣевскомъ спискѣ Посланія 1476 года братъ Солтана Александровича названъ такъ: «Благочестивый свѣтлый въ божественныхъ писаніяхъ книголюбецъ, киръ Иоанъ, братъ ихъ юнѣйшій, выбраный нынѣ подскарбимъ наивышшимъ земскимъ великого князьства литовского. Послушливый въ посланіи семъ»... Титулованіе Іоанна, брата Солтана Александровича, въ Потѣевскомъ спискѣ Посланія является еще болѣе страннымъ и необычнымъ, чѣмъ титулованіе самого Солтана. Совершенно очевидна тутъ тенденція подчеркнуть особое религіозно-церковное настроеніе Іоанна. Особенно это нужно сказать относительно слова «киръ», примѣненнаго тутъ къ нему (ни къ кому другому, даже къ духовнымъ лицамъ, оно тутъ не-

въ этотъ второй разъ Солтанъ Александровичъ былъ въ Римѣ у папы Сикста IV по религіозно-церковнымъ мотивамъ: папа разрѣшилъ ему и его брату (въ особыхъ буллахъ) держаться своего прежняго (т. е. греко-восточнаго) обряда, принявши ихъ, очевидно, въ общеніе съ римскою церковью. Безъ этого послѣдняго вся фраза была бы непонятна, да и сами братья Солтаны въ брошюрѣ Сакрана приведены лишь, какъ примѣръ, въ доказательство той основной мысли автора, что православнымъ вообще не слѣдуетъ вѣрить, когда они проявляютъ будто-бы намѣреніе вступить въ общеніе съ римскою церковью [1]).

Какое бы ни было отношеніе Солтана Александровича къ попыткѣ

примѣнено)... Примѣненіе этого архіерейскаго титула къ Іоанну въ Потѣевскомъ изданіи Посланія 1476 года сдѣлало свое дѣло: въ послѣдующей уніатской церковной литературѣ становится общепринятымъ отождествленіе этого Іоанна съ будущимъ Кіевскимъ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ (1507—1522)... А. В. Бѣлецкій въ особомъ небольшомъ изслѣдованіи «Родопроисхожденіе западно-русскаго митрополита Іосифа II Солтана» (Литов. Епарх. Вѣд. за 1895 годъ, № 44—46 и отд. оттискъ) напечаталъ нѣсколько документовъ и высказалъ нѣсколько вѣскихъ соображеній противъ этого отождествленія. Онъ поставилъ митр. Іосифа Солтана въ связь съ особой «боярской» фамиліей Солтановичей, жившей въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка въ Логойскомъ повѣтѣ (нынѣ Мин. губ.) и не имѣвшей ничего общаго съ Жировицкими Солтанами. Не всѣ препятствія къ установленію этого тезиса ему удалось устранить, но основная его мысль объ отсутствіи у митр. Іосифа Солтана родства съ нашимъ Солтаномъ Александровичемъ представляется болѣе или менѣе удобопріемлемой... И къ Жировицамъ, къ Жировицкимъ церкви и монастырю митр. Іосифъ Солтанъ не имѣлъ никогда никакого отношенія. Предметомъ особаго его вниманія, какъ извѣстно, былъ не особенно далеко отъ Жировицъ находящійся Супрасльскій монастырь (возлѣ г. Бѣлостока)... Въ историческихъ документахъ есть только намекъ на то, что у Солтана Александровича, кромѣ брата Андрея, былъ еще братъ Юрій (Вилен. Арх. Сборн., VI, 27, ср. Archiwum Sanguszkow, VI, 15, духовное завѣщаніе Ивана Адреевича отъ 24 авг. 1554 г.).

1) Считаемъ нужнымъ оговориться, что только хронологическое совпаденіе составленія Посланія къ папѣ Сиксту IV въ 1476 году и вторичной поѣздки Солтана Александровича въ Римъ при папѣ Сикстѣ IV, поѣздки, окрашенной въ нѣкоторый религіозно-церковный (въ смыслѣ уніи) колоритъ, служитъ основаніемъ къ утвержденію причастности Солтана Александровича къ составленію Посланія 1476 года и къ доставкѣ его въ Римъ... Возможно и совсѣмъ другое объясненіе дѣла: вторичная поѣздка Солтана Александровича въ Римъ при папѣ Сикстѣ IV, предпринятая имъ, можетъ быть, опять самостоятельно, послужила впослѣдствіи поводомъ къ тому, чтобы связать ее съ исторіей Посланія 1476 года. Но такое объясненіе дѣла представляется болѣе искусственнымъ.

церковной уніи при митр. Мисаилѣ, въ чемъ бы ни выражалось его участіе въ дѣлѣ посольства къ папѣ Сиксту IV по поводу этой уніи, онъ лично по возвращеніи изъ вторичной поѣздки въ Римъ не сталъ уніатомъ по убѣжденіямъ, а остался православнымъ. По свидѣтельству Яна Сакрана, писавшаго свою брошюру лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти Солтана Александровича, онъ по возвращеніи изъ Рима (какъ и братъ его) оказался упорнымъ врагомъ рим.-католической церкви.

Какъ мы сказали уже, о Солтанѣ Александровичѣ нѣтъ упоминанія въ современныхъ документахъ до 1483 года. 17 апр. 1483 г. впервые онъ упоминается въ судной грамотѣ Казимира: «маршалокъ нашъ, намѣстникъ Слонимскій, панъ Солтанъ Александровичъ» [1]). 9 ноября того же 1483 года опять упоминается «маршалокъ нашъ, намѣстникъ Слонимскій, панъ Солтанъ Александровичъ» [2]). Изъ двухъ приведенныхъ актовъ узнаемъ, что въ 1483 году Солтанъ Александровичъ занималъ должность «королевскаго», или «господарскаго», или «дворскаго» маршалка (впослѣдствіи для нея стало обычнымъ названіемъ «надворный» маршалокъ). Въ царствованіе Казимира IV это была еще дѣйствительная придворная должность (уже съ царствованія короля Александра, по словамъ Вольфа [3]), она стала простымъ почетнымъ титуломъ). Вмѣстѣ съ придворною должностью Солтанъ Александровичъ въ 1483 году проходилъ должность Слонимскаго великокняжескаго намѣстника. Съ какого времени онъ занялъ обѣ эти должности, остается неизвѣстнымъ.

Позднѣйшія упоминанія о Солтанѣ Александровичѣ въ актахъ даютъ слѣдующія данныя для уясненія его служебной карьеры: а) 25 сентября 1486 г. упоминается «маршалокъ нашъ, намѣстникъ Новгородскій (Новгородокъ-Литовскій) и Слонимскій Солтанъ Александровичъ» [4]); б) 11 ноября 1487 г. упоминается «маршалокъ нашъ, намѣстникъ Слонимскій, панъ Солтанъ Олександровичъ» [5]); в) въ 1490 г. упоминается Слонимскій намѣстникъ (и, вѣроятно, маршалокъ дворскій) панъ Солтанъ

1) Акты Зап. Рос., I, 102, № 81.
2) Акты Литов. Метрики, собранные Ѳ. М. Леонтовичемъ, т. 1, в. I, стр. 19.
3) Wolff, Senatorowie, 172.
4) Акты Зап. Рос., I, 109, № 89.
5) Archiwum Książąt Sanguszkow w Sławucie, t. I, 87, № 91.

Александровичъ [1]); г) 14 мая 1494 г. упоминается «маршалокъ, наместникъ Белскии панъ Солтанъ» [2]). Въ одномъ позднѣйшемъ актѣ (26 мая 1520 г.) находится указаніе, что Солтанъ Александровичъ былъ одно время Здитовскимъ державцей («какъ Здитовъ держалъ») [3]).

Изъ приведенныхъ актовъ видно, что Солтанъ Александровичъ оставался до конца своей жизни въ должности дворскаго или королевскаго маршалка. Что касается намѣстничествъ, то онъ дольше всего былъ намѣстникомъ Слонимскимъ. Уже въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ промѣнялъ Слонимское намѣстничество на Бѣльское. Второстепенное державство (въ родѣ Здитовскаго) онъ могъ совмѣщать съ главнымъ своимъ намѣстничествомъ.

Изъ спеціальныхъ государственныхъ порученій, выполненныхъ Солтаномъ Александровичемъ, историческіе акты отмѣчаютъ два порученія дипломатическаго свойства. Первое изъ этихъ порученій относилось къ области московско-литовскихъ отношеній. Онъ посланъ былъ литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ въ Москву съ объясненіями по поводу оказаннаго послѣднимъ гостепріимства бѣжавшему въ Литву Тверскому великому князю Михаилу Борисовичу. Солтанъ Александровичъ стоялъ во главѣ посольства (писаремъ при немъ былъ Петрашенько) [4]).

Второе порученіе дипломатическаго свойства стоитъ въ связи со смертью Казимира IV († 7 іюня 1492 г.). Какъ извѣстно, литовскіе вельможи рѣшили воспользоваться этою смертью для того, чтобы добиться для Литвы особаго государя, отдѣльнаго отъ Польши. Для осуществленія этого политическаго плана рѣшено было созвать (20 іюля 1492 г.) особый избирательный литовско-русскій сеймъ (который въ свое время и избралъ на литовскій великокняжескій престолъ Александра Казимировича). Такое рѣшеніе литовской рады стояло въ противорѣчіи съ предшествовавшими договорами польско-литовской уніи. Для соблюденія политическаго приличія, и чтобы это противорѣчіе нѣсколько сгладить, въ

---

1) М. К. Любавскій, Областное дѣленіе, 161 (ссылка на Литов. Метрику).

2) Рус. Ист. Библ., XXVII (Литов. Метр., II), 589.

3) Рус. Ист. Библ., XX (Литов. Метр. I), 1458.

4) Акты Зап. Рос., I, 109, № 89. Бѣгство Михаила Борисовича въ Литву относится къ 1486 году.

началѣ іюня 1492 года снаряжено было отъ новоизбраннаго Александра и Литовской рады особое посольство въ Польшу съ извѣщеніемъ о предсмертной волѣ короля Казимира (умершаго въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго въ гор. Гроднѣ). Согласно этой волѣ, Александръ Казимировичъ долженъ былъ занять Литовскій великокняжескій престолъ, а его старшій братъ Янъ Ольбрахтъ-Польскій королевскій престолъ... Выполненіе щекотливаго посольства возложено было Литовскою радою изъ числа свѣтскихъ ея вельможъ на нашего Солтана Александровича (изъ духовныхъ былъ въ посольствѣ рим.-католическій епископъ Луцкій и Брестскій) [1]).

Можетъ быть, за это посольство Солтанъ Александровичъ удостоился отъ Яна Ольбрахта и Александра Казимировичей особыхъ личныхъ подарковъ. Въ составѣ оставшагося послѣ его смерти въ Вильнѣ имущества находились: 1) «Кубокъ, што его милость король Ольбрахтъ далъ небожчику отцу моему (пишетъ Александръ Солтановичъ): было въ немъ тринадцать гривенъ серебра, кроме позолоты»; 2) «Кубокъ, што его милость король Александръ далъ: серебреный, позолочиваный»; 3) «Кубокъ другий, што его милость король Александръ далъ, владыки Смоленского Якима» [2]).

Наградой Солтану Александровичу за службу были, конечно, и должность дворскаго маршалка, и отмѣченныя выше предоставленныя ему великокняжескою властью намѣстничества Слонимское, Новогородское, Бѣльское, державство Здитовское. Но по условіямъ государственной службы того времени непремѣнной наградой ему за нее должны были быть и тѣ или иныя земельныя пожалованія. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о нихъ не отличаются полнотою и точностью. Притомъ же совсѣмъ невозможно земельныя владѣнія, пріобрѣтенныя самимъ Солтаномъ Александровичемъ, отдѣлить отъ земельныхъ владѣній, полученныхъ имъ по наслѣдству отъ отца.

Нѣкоторыя указанія, хотя, конечно, случайныя и не полныя, на земельныя владѣнія Солтана Александровича находятся въ описи движимаго имущества, оставшагося послѣ него въ Вильнѣ и Жировицахъ

---

1) Акты Зап. Рос., I, 116—117, № 101.
2) Рус. Ист. Библ., XX (Литов. Метр., I), 872.

(изъ-за этого имущества сынъ его Александръ велъ потомъ судебный процессъ съ Литаворомъ Хребтовичемъ и его женой). Въ этой описи упоминаются слѣдующія земельныя владѣнія Солтана Александровича: а) Жировичи; б) дворъ Вербскій; в) Шешкинскій дворъ; г) Волчинъ (нынѣ Брест. уѣзда Гродн. губ.); д) дворъ Несвижъ (нынѣ Мин. губ.) [1]. Въ современныхъ актахъ имѣются еще слѣдующія указанія на земельныя владѣнія Солтана Александровича: а) имѣньице Рудники въ Дорогицкомъ повѣтѣ; б) прудъ на рѣкѣ Ленѣ, между Теребунемъ (Брест. уѣзда) и Техновомъ [2]); в) фольваркъ Юрцовъ [3]).

По наиболѣе для насъ интересному вопросу о времени перехода во владѣніе Солтана Александровича Жировицъ имѣются болѣе точныя свѣдѣнія. Эти свѣдѣнія находятся въ специальномъ сочиненіи о фамиліи Солтановъ базиліанскаго писателя XVIII вѣка Стебельскаго [4]). По свѣдѣніямъ Стебельскаго, до 1493 года Жировицы съ окрестными селеніями принадлежали дворянскому роду Гойцевичей. Послѣ безпотомственной смерти послѣднихъ представителей этого рода, родныхъ братьевъ Алексѣя и Ивана Демьяновичей Гойцевичей, они поступили въ распоряженіе Литовскаго государя. Великій князь Литовскій Александръ грамотой своей отъ 20 марта 1493 года [5]), данной въ Дубичахъ, пожа-

---

1) Рус. Ист. Библ., т. XX (Литов. Метр., т. I), стр. 871—876.

2) Акты Литов. Метрики, собранные Θ. М. Леонтовичемъ, т. I, в. I, 19, 73.

3) Вилен. Арх. Сборн., IV, 305, инвентарь Смольянскаго имѣнія 1593 года. Солтанъ Александровичъ, какъ видно изъ приведенной въ этомъ инвентарѣ грамоты отъ 18 окт. 1592 г., продалъ фольваркъ Юрцовъ Андрею Сангушко Ковельскому.

4) Это оставшееся въ рукописи сочиненіе напечатано Вл. Середынскимъ въ IV томѣ краковскаго изданія Scriptores Rerum Polonicarum, подъ заглавіемъ: Ostatnie Stebelskiego prace.

5) O. c, 378. Подлинная жалованная грамота Солтану Александровичу на Жировицы находилась, по словамъ Стебельскаго, въ его время у Слонимскаго хорунжаго Микульскаго, владѣльца нѣкоторой части бывшихъ Солтановскихъ имѣній въ Слоним. уѣздѣ. У него же сохранялись и великокняжескія грамоты Литавору Хребтовичу о вводѣ Солтана Александровича во владѣніе Жировицами и другая Жировицкимъ «подданнымъ» (крестьянамъ) о повиновеніи новому владѣльцу. Стебельскій прибавляетъ, что во многихъ документахъ Жировицкаго монастыря есть ссылки на эти грамоты, въ частности въ составленномъ около 1680 года документѣ подъ заглавіемъ: Status causae Jmci Pana Przecławskiego (o. c., 383).

ловалъ Жировицы въ потомственное владѣніе маршалку своему, Бѣльскому намѣстнику Солтану Александровичу, въ награду за его вѣрную службу (или—точнѣе—присоединилъ къ его вотчинному владѣнію Шемкины). Въ жалованной грамотѣ были перечислены многочисленныя входившія въ составъ Жировицкаго имѣнія деревни: Вержболоты, Литва, Заверже, Станево, Русаково, Залѣсье, Окунинъ, Миронинъ, Скольдичи и др. Вводъ Солтана Александровича во владѣніе новопожалованными ему земельными владѣніями порученъ былъ великокняжескому дворянину и Слонимскому намѣстнику Литавору Хребтовичу [1]).

Въ послѣдній разъ Солтанъ Александровичъ упоминается въ современныхъ документахъ, какъ дѣйствующее лицо, 14 мая 1494 года [2]). Въ 1495 году 25 іюня (послѣ слова іюня Леонтовичъ ставитъ вопросительный знакъ), о немъ идетъ рѣчь, какъ уже объ умершемъ («небощикъ панъ Солтанъ Александровичъ») [3]).

Унаслѣдовавшій послѣ Солтана Александровича Жировицы сынъ его Александръ Солтановичъ остался по смерти отца несовершеннолѣтнимъ. Опекуномъ надъ нимъ сталъ его двоюродный братъ Литаворъ Хребтовичъ, въ 1495 году уже имѣвшій званіе господарскаго маршалка и занимавшій должность Слонимскаго намѣстника. Въ качествѣ опекуна, онъ уже въ 1495 году ходатайствуетъ передъ великимъ княземъ о разрѣшеніи обмѣнять принадлежавшее Солтану Александровичу имѣньице его Рудники (въ Дорогицкомъ уѣздѣ), перешедшее по наслѣдству къ Александру Солтановичу, на имѣньице великокняжескаго стрѣльца Низскаго Нивицы (Мельницкаго уѣзда) [4]).

---

1) Скольдичи находятся нынѣ въ предѣлахъ Слонимскаго Троицкаго прихода, Окунимово-Буллинскаго прихода, а остальныя—Миронинскаго прихода (Еп. Іосифъ, Гродненскій православно-церковный календарь, 2-ое изд. (Воронежъ, 1899), т. I, стр. 140, 189, 386.

2) Рус. Ист. Библ., XXVII, 539.

3) Акты Литов. Метрики, собранные Леонтовичемъ, т. I, в. I, 73.

4) Акты Литов. Метрики, собранные Леонтовичемъ, т. I, в. I, 73, отъ 25 (іюня?) 1495 г. въ Вильнѣ. Въ этомъ документѣ Литаворъ Хребтовичъ называетъ покойнаго Солтана Александровича своимъ дядей («дядя его»). Можетъ быть, сестра Солтана Александровича была замужемъ за отцомъ Литавора Хребтовича. На комъ былъ женатъ Солтанъ Александровичъ, не имѣется свѣдѣній въ документахъ. Повидимому, жена Солтана Александровича умерла раньше его (и умерла въ Вильнѣ). Въ составѣ движимаго имущества, оставша-

Александръ Солтановичъ въ документахъ упоминается въ первый разъ подъ 1507 годомъ. Онъ называется въ документѣ этого года: «панъ Александро Солтановичъ». Такъ же именуется онъ въ 1511 и въ 1514 году [1]). Но въ 1516 г. онъ является уже въ званіи дворскаго, или господарскаго маршалка [2]). Въ этомъ званіи онъ, подобно отцу своему, остается, какъ увидимъ ниже, до конца жизни.

По достиженіи совершеннолѣтія, Александру Солтановичу пришлось начать съ опекуномъ своимъ продолжительный процессъ изъ-за оставшагося послѣ отца имущества. Этотъ процессъ начался еще при жизни Александра Казимировича († 19 авг. 1507 г.). Александръ Солтановичъ принесъ ему жалобу на жену своего опекуна Ядвигу Хребтовичъ, къ которой, послѣ того, какъ Литаворъ Хребтовичъ попалъ въ московскій плѣнъ, перешло на храненіе все имущество («вся скарбы») его отца. Онъ просилъ великаго князя приказать Ядвигѣ Хребтовичъ передать ему все это имущество. Великій князь исполнилъ просьбу Александра Солтановича: велѣлъ ей возвратить ему имущество. Но Ядвига Хребтовичъ только часть имущества возвратила. Возвратить остальное отказалась. Вслѣдствіе этого Александръ Солтановичъ, 23 іюля 1507 года, жаловался (въ Вильнѣ) на Ядвигу Хребтовичъ новому Литовскому великому князю Сигизмунду Казимировичу [3]).

6 іюня 1511 года Александръ Солтановичъ, въ Брестѣ, въ присутствіи всей рады Литовской, жаловался великому князю Сигизмунду

гося въ Вильнѣ послѣ Солтана Александровича упоминаются особо: «Тые речи небожчицы матки моее (заявляетъ Александръ Солтановичъ), которые поставлены были у Матеея, подъ печатью небожчика отца моего», т. е. были опечатаны послѣ ея смерти Солтаномъ Александровичемъ (Рус. Ист. Библ., XX (Литов. Метр., I), 872—873). Александръ Солтановичъ былъ единственнымъ сыномъ Солтана Александровича: о братьяхъ и сестрахъ его никакихъ нѣтъ упоминаній во всемъ длинномъ процессѣ его изъ-за наслѣдственнаго имущества, о которомъ будетъ у насъ рѣчь ниже... Изъ актовъ Литовской Метрики видно, что Литавору Хребтовичу принадлежалъ «дворъ въ Берестейскомъ повете Жировичи» (ibid., 973, 1000).

1) Рус. Ист. Библ., XX (Литов. Метр. I, 565, 679, 832).

2) Ibid., 868.

3) Ibid., 868—869, 565. Литаворъ Хребтовичъ находился въ это время въ московскомъ плѣну. Онъ взятъ въ плѣнъ въ битвѣ при р. Ведрошѣ 14 іюля 1500 года.

на самого Литавора Хребтовича, возвратившагося къ этому времени изъ московскаго плѣна. Жалобщикъ и отвѣтчикъ явились лично на великокняжескій судъ. Представлена была и опись спорнаго имущества. Хребтовичъ однѣ изъ перечисленныхъ въ ней вещей соглашался возвратить Александру Солтановичу, другія—не соглашался. Великій князь приказалъ Хребтовичу первыя изъ этихъ вещей возвратить Солтану Александровичу немедленно. Что же касается остальныхъ вещей, то онъ предоставилъ послѣднему право требовать вновь ихъ возвращенія формальнымъ судебнымъ порядкомъ... [1]) Литаворъ Хребтовичъ не хотѣлъ ихъ возвращать. Онъ утверждалъ, что они всѣ уже возвращены Александру Солтановичу его женой въ его отсутствіе (во время московскаго плѣна). Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ хотѣлъ представить на третій день въ судъ самое жену свою, но на дѣлѣ не представилъ ея, сославшись на ея болѣзнь. А вскорѣ послѣ самъ онъ умеръ [2]).

Въ 1516 году Александръ Солтановичъ вновь жаловался, во время Брестскаго сейма, великому князю на Ядвигу Хребтовичъ. Великій князь разсматривалъ дѣло въ присутствіи всей рады Литовской (ея члены тутъ всѣ переименованы). Послѣ обмѣна возраженіями обѣихъ споривших сторонъ, великій князь призналъ Ядвигу Хребтовичъ отвѣтчицей по настоящему дѣлу, хотя она доказывала, что искъ къ ней предъявленъ неправильно, такъ какъ наслѣдство Литавора Хребтовича перешло не къ ней, а къ его дѣтямъ. Великій князь постановилъ, что она должна явиться на судъ къ отвѣту въ тотъ срокъ, къ которому ее позоветъ Александръ Солтановичъ. Велѣвши внести въ актовыя книги представленную Александромъ Солтановичемъ опись спорнаго имущества, великій князь обѣщалъ въ новый, назначенный имъ, срокъ окончательно разсмотрѣть и рѣшить дѣло [3]).

Александръ Солтановичъ въ томъ же 1516 году вновь позвалъ Ядвигу Хребтовичъ къ суду господарскому въ Вильну. Онъ говорилъ, что нѣкоторую часть имущества она ему возвратила, но возвратить все

1) Рус. Ист. Библ., XX, 679.

2) Ibid., XX, 869—870.

3) Рус. Ист. Библ., XX, 868—877. Тутъ и находится опись имущества Солтана Александровича, которою мы не разъ уже пользовались.

остальное имущество по описи отказывается. Отвѣтчица, явившись лично въ судъ, просила отложить дѣло, въ виду того, что у нея не имѣется съ собою въ данный моментъ документовъ, которыми она надѣется защитить себя. Великій князь отложилъ разсмотрѣніе дѣла на четыре недѣли [1]). Нѣсколько разъ послѣ этого, Ядвига Хребтовичъ уклонялась отъ явки въ судъ [2]). Въ концѣ концовъ Солтанъ Александровичъ вышелъ побѣдителемъ изъ долгой тяжбы; но и Ядвига Хребтовичъ не особенно пострадала. Великій князь присудилъ ее къ уплатѣ Александру Солтановичу, въ вознагражденіе за растраченное его имущество, двухъ тысячъ шести сотъ копъ грошей литовскихъ. Уплата ею этой суммы обезпечена была на ея имѣніяхъ Сувекѣ и Косовѣ, которыя переходили въ завѣдываніе къ Александру Солтановичу впредь до полнаго разсчета ея съ нимъ. Но ко времени этой стадіи интересовавшаго насъ судебнаго процесса, Ядвига Хребтовичъ, по иску ея дочери и зятя, лишена была великокняжескимъ судомъ (въ 1517 году) владѣнія имѣніями Сувекъ [3]) и Косово [4]). Эти имѣнія перешли къ ея дочерямъ и зятьямъ, которымъ и пришлось вѣдаться съ Александромъ Солтановичемъ по дѣлу уплаты ему 2600 копъ грошей, обезпеченныхъ на присужденныхъ имъ судомъ имѣніяхъ [5]).

Изъ другихъ имущественныхъ процессовъ Александра Солтановича, отобразившихся въ актахъ Литовской Метрики, можно отмѣтить два слѣдующихъ процесса. 1) Въ 1516 г. онъ велъ процессъ съ Каменецкими (Каменецъ-Литовскъ) земянами Голимонтами изъ-за Ужиковской земли, входившей въ составъ его «двора Волчина» (эта земля была признана его собственностью) [6]). 2) Въ 1514 г. на Александра Солтановича жаловался великому князю слуѵжебникъ Слонимскаго намѣстника Яна Николаевича, по имени Мишко. Этотъ Мишко жаловался на отнятіе у него

---

1) Ibid., 941—942.

2) Ibid., 1160—1161, 1164.

3) Нынѣ Новоалександр. уѣзда Ков. губ.

4) Нынѣ Слоним. уѣзда Гродн. губ.

5) Ibid., 976. 7 іюля 1517 г. Александръ Солтановичъ получилъ уже 1300 копъ грошей. Отъ 400 копъ онъ самъ отказался. Остальныя 900 копъ обѣщаны были къ уплатѣ въ будущемъ году (ibid., 1140—1141).

6) Ibid., 902—904, 907—908, 1254—1255.

Александромъ Солтановичемъ имѣнія, имъ же ему и подареннаго за то, что Мишко «служилъ ему зъ молодыхъ лѣтъ, и его грамоты вчилъ»... Александръ Солтановичъ обвинялъ Мишко въ утайкѣ и растратѣ имущества, оставшагося послѣ Солтана Александровича, о чемъ ему сказалъ служебникъ Петрушко Пузовскій [1]).

Имя маршалка господарскаго Александра Солтановича упоминается не разъ въ актахъ позднѣйшаго времени: подъ 1518—1522 гг. [2]), подъ 1528 г. [3]), подъ 1529 г. [4]) и подъ 1536 г. [5]). Въ грамотѣ Сигизмунда Августа отъ 19 іюня 1546 года упоминаются «люди... монастыря Святого Симеона, пана Александра Солтановича, на церковныхъ земляхъ сѣдячіе» [6]). Изъ этихъ словъ видно, что Брестскій Симеоновскій монастырь былъ подъ патронатомъ Александра Солтановича.

Свѣдѣнія о семейномъ положеніи Александра Солтановича находятся въ вѣновой записи, выданной имъ самимъ женѣ его на Жировичи и Шешкини 10 января 1549 года [7]). Изъ этой записи узнаемъ, что Александръ Солтановичъ былъ женатъ на единственной дочери Смо-

---

1) Ibid.. 832—833.

2) Ibid., 1075, 1355, 1381, 1423, 1479, 1507.

3) Акты Вилен. Арх. Ком., XXIV, 1 мая 1528.

4) Въ привелеѣ 1529 года Alexander Soltanowic упомянутъ безъ обозначенія его придворной должности, но съ прибавкой: de Poczepow. Съ этой прибавкой тутъ упомянутъ и его двоюродный братъ Иванъ Андреевичъ (М. К. Любавскій, Очеркъ Исторіи Литов.-рус. государства, 328—329). Очевидно, Почеповъ принадлежалъ еще ихъ дѣду. Но фактически Почеповомъ владѣлъ Иванъ Андреевичъ, какъ онъ же владѣлъ и Попортями. Это видно изъ его духовнаго завѣщанія отъ 24 авг. 1554 года: «имѣніе мое отчызное Почепово въ Евьѣ», «имѣнье мое отчызное Попорти» (Вилен. Арх. Сборн., VI, 26, 27). Въ Потѣевскомъ спискѣ Посланія къ папѣ Сиксту IV братъ Солтана Александровича титулуется: «панъ Андрей съ Попортей, сынъ пана Александра подскарбего» (Арх. Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, 200). Вѣроятно, Почепово и Попорти принадлежали еще этому послѣднему (подскарбію Александру), а отъ него перешли къ его старшему сыну (Андрею), а потомъ къ старшему внуку (Ивану Андреевичу)... Почепово и Евье нынѣ въ трокскомъ уѣздѣ вилен. губ., а Попорти въ двухъ миляхъ отъ Кернова.

5) Archiwum Sanguszkow, IV, 7, 27, 68, 70.

6) Вилен. Арх. Сборн., XI, стр. 4.

7) Эта запись сохранилась въ поздней копіи, принадлежащей рукописному отдѣленію библіотеки Имп. Академіи Наукъ (собраніе еп. Павла Доброхотова).

ленскаго окольничаго князя Олехны Васильевича Глазины [1]). Онъ женился на ней въ то время, когда отецъ ея уже умеръ, и она жила у своего дяди господарскаго секретаря Ивана Сапѣги [2]).

Жениться на ней онъ рѣшился «по совѣту своихъ друзей». Повидимому, въ моментъ сватовства и сговора княжна Ѳеодора Глазина была несовершеннолѣтней. По крайней мѣрѣ, Александръ Солтановичъ говоритъ въ своей грамотѣ, что онъ управлялъ ея имѣніями и пользовался ихъ доходами въ теченіе шести лѣтъ до свадьбы ихъ. Какъ назывались эти имѣнія и гдѣ они находились, Александръ Солтановичъ не указываетъ. Стебельскій, которому интересующая насъ запись Александра Солтановича также была извѣстна, говоритъ, что они находились въ Смоленскомъ воеводствѣ и, послѣ присоединенія этого воеводства къ Москвѣ въ 1514 году, навсегда были потеряны для Ѳеодоры Александровны, урожденной княжны Глазина [3]). Александръ Солтановичъ указываетъ въ своей грамотѣ только количество имѣній («дворовъ») своей жены, бывшихъ или вотчиннымъ владѣніемъ ея отца и матери, или полученныхъ отцомъ ея за службу. Ихъ было всего числомъ девять.

Въ 1549 году Александръ Солтановичъ, въ виду тяжкой болѣзни своей, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, рѣшилъ обезпечить имущественное положеніе своей жены, въ виду, съ одной стороны, большой матеріальной пользы, извлеченной имъ когда-то изъ ея имѣній, и въ благодарность ей, съ другой стороны, за ея заботливый уходъ за нимъ во время его болѣзни. Онъ записалъ ей шесть тысячъ копъ грошей литовскихъ, обезпечивши ихъ на своихъ имѣніяхъ Жировицахъ и Шешкиняхъ. Ни самъ онъ, ни сынъ его Иванъ, ни жена послѣдняго, ни другіе какіе-

---

1) По свидѣтельству Стебельскаго, въ его время въ Жировицкомъ монастырѣ хранился крестъ, устроенный, какъ видно изъ надписи на немъ, для Лясковицкой церкви въ 1492 г. по волѣ Смоленскаго окольничаго князя Александра Васильевича (Scriptores, IV, 385). О кн. Олехно Васильевичѣ Глазына нѣкоторыя свѣдѣнія находятся въ генеалогическомъ очеркѣ С. Л. Пташицкаго «Князья Пузыны», С.-Петербургъ, 1899, стр. 8—10.

2) Иванъ Богдановичъ Сапѣга еще при Александрѣ получилъ должность господарскаго писаря. Въ 1511 г. онъ уже былъ трокскимъ городничимъ, а въ 1514 году витебскимъ воеводой (Sapiehowie I, 25).

3) Scriptores, IV, 385.

либо родственники не должны были впредь ничего себѣ брать изъ доходовъ съ этихъ имѣній. Въ случаѣ смерти Александра Солтановича, вдова его имѣла право жить въ этихъ имѣніяхъ и пользоваться ихъ доходами безусловно, причемъ ни сынъ его Иванъ, ни жена его, ни другой кто-либо изъ родственниковъ не должны были вмѣшиваться въ ея дѣла по управленію этими имѣніями. Послѣ смерти своей она могла завѣщать вышеупомянутыя шесть тысячъ копъ грошей, кому и на что пожелаетъ, и тотъ, кому она ихъ завѣщаетъ, получалъ право пользоваться доходами съ имѣній Жировицы и Шешкини до тѣхъ поръ, пока сынъ ея Иванъ, или его жена, или ихъ дѣти, или кто-либо изъ близкихъ родныхъ не внесутъ ему полностью этой суммы... Остальныя имѣнія Александра Солтановича, надо думать, перешли по наслѣдству прямо къ его сыну Ивану.

Изъ записи 10 января 1549 года выносится впечатлѣніе, что Жировицы и Шешкини были главнымъ мѣстомъ пребыванія Александра Солтановича и его жены Өеодоры Александровны. Этими имѣніями по этой, вѣроятно, причинѣ Өеодора Александровна и пожелала лично владѣть въ случаѣ смерти мужа [1]).

III.

Возстановивши по историческимъ актамъ основныя черты жизни и дѣятельности перваго и второго представителей православно-русскаго дворянскаго рода Солтановъ Жировицкихъ, считаемъ своевременнымъ при свѣтѣ жизни ихъ разсмотрѣть ту часть составленной базиліаниномъ Өеодосіемъ Баровикомъ рукописной «Гисторіи о образѣ чудовномъ Пренасветейшое Дѣвы Маріи Жировицкомъ», которая касается перваго явленія этого образа и связанной съ нимъ постройки первой церкви въ Жировицахъ.

По разсказу Өеодосія Боровика въ русской рукописной «Гисторіи», (въ обоихъ древнѣйшихъ польскихъ печатныхъ ея изданіяхъ никакой даты

1) Самая запись 10 янв. 1549 г. писана въ Шешкиняхъ. На четвертой страницѣ листа, на которомъ переписана запись, сдѣлано кѣмъ-то замѣчаніе, что въ записи «нѣтъ никакого упоминанія о Жировицкомъ монастырѣ».

не указано) первое явленіе Жировицкой иконы Божіей Матери и постройка первой церкви въ Жировицахъ произошли около 1500 года въ царствованіе Казимира III (по литовскому счету) Ягайловича. Казимиръ умеръ въ 1494 году. Ясно, что Боровикъ, указавши на 1500-ый годъ, нѣсколько отодвинулъ дату этого явленія и постройки церкви отъ хронологическихъ рамокъ Казимирова царствованія, какъ и дату послѣдняго года жизни Солтана Александровича, строителя, по нему, первой Жировицкой церкви (1494 или 1495-ый годъ). Впрочемъ, весь начальный разсказъ его носитъ такой неопредѣленный характеръ, сами его хронологическія указанія (1500-й годъ и царствованіе Казимира III) такъ неустойчиво сопоставлены въ разсказѣ, что ихъ несовпаденіе не выступаетъ особенно рѣзко. Тѣмъ не менѣе при печатаніи книжки Ѳеодосія Боровика оно было замѣчено: въ польскихъ печатныхъ изданіяхъ обозначенія года (1500) не имѣется.

Уже сто лѣтъ спустя, въ печатной исторической литературѣ о Жировицкой иконѣ появилась новая дата перваго ея явленія. Въ 1721 г. вышло въ свѣтъ на итальянскомъ языкѣ краткое историческое извѣстіе о явленіи чудотворной иконы Жировицкой Божіей матери, составленное каноникомъ Исидоромъ Нарди. Въ 1728 году въ Супраслѣ оно напечатано было на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Relacya Historyczna o ziawieniu cudownego obrazu Nayswiętszey Panny Żyrowickiey (переводъ Игн. Кульчинскаго)[1]). Въ историческомъ извѣстіи Нарди годомъ перваго явленія Жировицкой иконы указанъ 1470-й годъ. Этотъ годъ принятъ былъ во всей почти послѣдующей уніатской церковной печатной литературѣ о Жировицкой иконѣ. Онъ попалъ, затѣмъ, и въ нашу русскую печатную церковную литературу [2]) и держится въ ней

---

1) Второе польское изданіе вышло въ 1738 г. въ Вильнѣ, третье — въ 1747 г. въ Супраслѣ. Мы пользуемся этимъ послѣднимъ (экз. библ. С.-Петербург. дух. академіи). Въ рукописной Collectanea Historica o Klasztorze Żyrowickim, составленной Жировицкимъ суперіоромъ Завадскимъ въ 1713 году, года явленія Жировицкой иконы не указано, но указано, что она явилась на грушѣ двѣстѣ сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ (собр. еп. Павла Доброхотова въ библ. Имп. Академіи Наукъ).

2) «Жировицкая чудотворная икона Божіей Матери и Жировицкая обитель», Вильна, 1867.

до сихъ поръ... Принятая Нарди дата (1470 г.) не выходитъ изъ рамокъ царствованія Казимира (1440—1492), но она оказывается совсѣмъ несостоятельной уже потому, что лишь двадцать лѣтъ спустя послѣ нея (въ 1493 г.) Жировицы поступили во владѣніе Солтана Александровича, при которомъ, по Нарди, чудотворный образъ явился въ Жировицахъ.

Современнаго первому явленію Жировицкой иконы представителя рода Солтановъ и создателя первой Жировицкой церкви Θеодосій Боровикъ называетъ: «панъ Александръ Солтанъ, рыцеръ гробу Божого и подскарбій надворный великаго княжества Литовскаго» (въ польскихъ изданіяхъ прибавлено: «кавалеръ Золотого Руна»). Очевидно, у Боровика тутъ рѣчь идетъ о первомъ представителѣ Жировицкихъ Солтановъ, Солтанѣ Александровичѣ... Въ титулованіи подскарбіемъ, а не маршалкомъ, Боровикъ пошелъ, очевидно, за извѣстнымъ «Поселствомъ до папежа Римского Сикста». Только въ немъ одномъ находится этотъ титулъ (какъ и указаніе на ордена Солтана Александровича).

Со времени составленія базиліаниномъ Боровикомъ Исторіи о Жировицкой иконѣ Божіей Матери въ западнорусской печатной литературѣ утвердилось мнѣніе о томъ, что эта икона явилась впервые при Солтанѣ Александровичѣ, и что Солтанъ Александровичъ былъ первымъ строителемъ церкви въ Жировицахъ. Это мнѣніе принято было А. Кояловичемъ[1]) и цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ писателей. Это же мнѣніе принято и Исидоромъ Нарди, книжка котораго вообще была весьма популярна въ Западной Россіи.

Но наряду съ этимъ прочно утвердившимся въ печатной литературѣ мнѣніемъ объ Александрѣ Солтановичѣ, какъ первомъ строителѣ Жировицкой церкви, среди историческихъ изслѣдователей базиліанскаго ордена довольно рано стало распространяться другое мнѣніе—о болѣе позднемъ явленіи Жировицкой иконы и построеніи Жировицкой церкви, хотя это мнѣніе почти не выходило изъ рукописей на поверхность печатной литературы.

Около 1630 года неизвѣстный составитель исторической записки,

1) Miscellanea rerum ad statum Ecclesiasticum in magno Litvaniae ducatu pertinentium, Vilnae, 1650), p. 28.

носившей заглавіе: «Status causae Jmci Pana Przecławskiego», высказалъ предположеніе, что первое явленіе Жировицкой иконы и построеніе первой церкви въ Жировицахъ произошли при второмъ уже представителѣ рода Жировицкихъ Солтановъ, Александрѣ Солтановичѣ. Неизвѣстному автору извѣстна стала жалованная грамота короля Александра Солтану Александровичу на Жировицы, данная 20 марта 1493 года. Ему, очевидно, казалось маловѣроятнымъ, чтобы Солтанъ Александровичъ, такъ недолго жившій послѣ полученія этой грамоты, успѣлъ устроить церковь въ новопожалованномъ ему Жировицкомъ имѣніи. Само собой разумѣется, что о построеніи ея въ царствованіе Казимира не могло быть и рѣчи, такъ какъ Жировицы принадлежали тогда еще Гойцевичамъ... Того же мнѣнія (объ явленіи Жировицкой иконы при Александрѣ Солтановичѣ и о построеніи имъ первой церкви въ Жировицахъ) держался въ XVIII вѣкѣ и базиліанскій историкъ Стебельскій. И для него главнымъ основаніемъ служила жалованная грамота 20 марта 1493 г. [1]). Сочиненіе Стебельскаго не было въ свое время напечатано, но едва-ли осталось неизвѣстнымъ послѣдующимъ дѣятелямъ базиліанскаго ордена. Когда въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка между бѣлымъ и чернымъ уніатскимъ духовенствомъ возникъ споръ относительно нѣсколькихъ приходскихъ церквей, захваченныхъ въ свои руки базиліанскими монахами, въ числѣ ихъ и относительно Жировицкой церкви [2]), Брестская уніатская консисторія, защищавшая интересы бѣлаго духовенства, утверждала,

---

1) Scriptores, IV, 380—384. Ко времени Стебельскаго высказаны были мнѣнія о еще болѣе позднемъ происхожденіи Жировицкой иконы и церкви. Базиліанинъ Ольшевскій относилъ происхожденіе ихъ ко времени послѣ 1549 года, а іезуитъ Guppenberg ко времени около 1576 года. Главнымъ основаніемъ для нихъ служило молчаніе о Жировицкой церкви вышеотмѣченной вѣновой записи Александра Солтановича женѣ его отъ 10 янв. 1549 года... Стебельскій полемизируетъ съ ними. Въ доказательство болѣе ранняго (при Александрѣ Солтановичѣ, а не послѣ него) происхожденія Жировицкой иконы и построенія Жировицкой церкви онъ ссылается на крестъ кн. А. В. Глазины, отца Ѳеодоры Солтанъ (съ датой 1492 г.), сохранившійся въ Жировицкой церкви и ею, очевидно, въ эту церковь пожертвованный, и на привѣску къ Жировицкому образу польской королевы Боны, жены Сигизмунда I (ibid.).

2) Дѣло Архива 2-го Департамента Рим.-Катол. Дух. Коллегіи за 1822 годъ № 61, рапортъ Брест. уніат. консисторіи отъ 12 марта 1823 года (въ архивѣ Св. Синода).

что Жировицкая базиліанская церковь первоначально съ 1470 года была приходскою церковью, ссылаясь на самими же базиліанскими монахами составленную и напечатанную Исторію Жировицкой иконы Божіей Матери [1]). Базиліанскимъ монашескимъ властямъ начала XIX вѣка, чтобы отстоять Жировицкій монастырь отъ притязаній бѣлаго духовенства, нужно было, если не совсѣмъ уничтожить, то, насколько возможно было, сократить тотъ періодъ исторіи Жировицкой церкви, когда она была не монастырскою, а приходскою церковью. Историческая справка, представленная литовскимъ базиліанскимъ провинціаломъ Цезаріемъ Каминскимъ во 2-ой Департаментъ Рим.-Католической Духовной Коллегіи 25 сент. 1823 г. (въ отвѣтъ на указъ этого Департамента отъ 31 октября 1822 г.) гласила слѣдующее: «Изъ документовъ съ несомнѣнностью открывается, что Жировицы не раньше поступили во владѣніе Солтановъ, какъ въ 1493 году, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ жалованная грамота Александра, великаго князя Литовскаго, въ этомъ году въ Дубичахъ данная. А отсюда слѣдуетъ заключить, что чудесное явленіе иконы Пресвятой Матери Божіей Жировицкой не могло произойти въ 1470 году, равно какъ Александръ Солтанъ, кавалеръ Гроба Божія, не могъ въ этомъ году водворить въ Жировицахъ священниковъ и духовниковъ. Всего вѣроятнѣе, все это произошло при второмъ Александрѣ Солтанѣ, сынѣ кавалера Гроба Божія (послѣ 1549 года), который былъ, какъ и его отецъ, надворнымъ маршалкомъ литовскимъ, потому что вѣновая запись, въ этомъ году 10 января составленная Александромъ Солтаномъ въ пользу жены его Θеодоры, урожденной Глазина, на имѣніе Жировицы, совсѣмъ не упоминаетъ о церкви Жировицкой, между тѣмъ какъ таковая же запись Ивана, сына Александра Солтана, составленная 20 сентября 1572 года въ пользу жены его Марины, княжны Соломерецкой, выразительно отмѣчаетъ право подаванія церкви (podawanie cerkiewne). Равнымъ образомъ и актъ продажи отъ 25 ноября 1587 года,

---

1) Бѣлое духовенство стремилось обратить земельные и иные доходы базиліанскихъ монастырей, образовавшихся изъ приходскихъ церквей, на содержаніе проектированныхъ къ открытію уніатскихъ духовныхъ семинарій... Нѣсколько лѣтъ спустя, Жировицкій монастырь использованъ былъ для этой цѣли. Въ 1828 году въ немъ открыта была Литовская духовная семинарія.

заявленный въ Слонимскомъ земствѣ 17 іюня 1588 года, упоминаетъ о церкви и монастырѣ въ вышеприведенныхъ словахъ.—Въ виду того, что сказаніе той книжки[1]) явно противорѣчитъ приведеннымъ документамъ,—въ виду, затѣмъ, того, что нѣкоторое время Жировицами съ церковію и монастыремъ владѣла (trzymała w posiadłości) еврейка Эстера въ вознагражденіе за убійство ея мужа владѣльцемъ Жировицъ Иваномъ Солтаномъ,—слѣдуетъ заключить, что, если и были когда-либо Жировицы во владѣніи бѣлаго духовенства, то они были въ его владѣніи въ теченіе гораздо болѣе короткаго времени, чѣмъ насчитанное Консисторіей (Брестской) время»[2]).

Такимъ образомъ, базиліанскіе монахи, въ началѣ XVII вѣка на основаніи живущаго въ народѣ преданія пріурочивавшіе первое явленіе Жировицкой иконы Божіей Матери и устроеніе первой церкви въ Жировицахъ ко времени перваго владѣльца Жировицъ изъ фамиліи Солтановъ, Солтана Александровича, еще въ XVIII вѣкѣ въ этомъ усумнились. Вмѣсто Солтана Александровича, они стали то и другое пріурочивать ко времени жизни сына его, Александра Солтановича. Отказаться отъ древняго народнаго преданія они сочли себя вынужденными въ виду ставшей имъ извѣстной (но неизвѣстной, конечно, Ѳеодосію Боровику) жалованной грамоты Александра Казимировича отъ 20 марта 1493 года Солтану Александровичу на Жировицы. Но прямыхъ доказательствъ устроенія первой церкви въ Жировицахъ и Александромъ Солтановичемъ у нихъ не было. Напротивъ, загадочное молчаніе о церкви въ Жировицахъ предсмертной вѣновой записи его (отъ 10 янв. 1549 г.) давало нѣкоторое основаніе болѣе скептически настроеннымъ писателямъ относить

---

1) Подъ той книжкой (owey Książeczki) разумѣется, конечно, составленная баз. Ѳеодосіемъ Боровикомъ Исторія о явленіи Жировицкой иконы Божіей Матери,—можетъ быть, даже русскій рукописный экземпляръ ея, издаваемый теперь нами.

2) Рукописная книга библіотеки Имп. Академіи Наукъ изъ Собранія епископа Павла Доброхотова, подъ заглавіемъ: Wiadomość o stanie Klasztora Bazylianskiego Żyrowickiego, roku 1823 miesiąca Września 25 dnia sporządzona. Кромѣ провинціала Каминскаго, подъ нею подписались настоятель Жировицкаго монастыря Іосафатъ Слободской и протоконсульторъ Литовской провинціи Леонтій Околовъ (составитель ея). Другой экземпляръ той-же Wiadomości хранится въ архивѣ Св. Синода.

начало церковной исторіи Жировицъ къ еще болѣе позднему времени, къ 70-мъ годамъ XVI-го вѣка, съ которыхъ начинаются въ документахъ первыя упоминанія о церкви въ Жировицахъ. Въ началѣ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка къ этому послѣднему мнѣнію (правда, подъ угрозой тяжелыхъ матеріальныхъ потерь для ордена) склонилось оффиціально и высшее орденское базиліанское начальство.

При настоящемъ состояніи документальныхъ данныхъ трудно рѣшить вопросъ о времени построенія первой церкви въ Жировицахъ, даже приблизительно. Но все-таки въ самое послѣднее время напечатано коечто такое, что не было извѣстно базиліанскимъ писателямъ, интересовавшимся исторіей Жировицкой иконы и что имѣетъ нѣкоторое значеніе для уясненія времени устроенія первой церкви въ Жировицахъ.

Въ XXII томѣ Актовъ Виленской Археографической Коммиссіи (стр. 178) напечатана жалоба Томки Хмѣльницкаго, урядника Слонимскаго старосты Гр. Воловича, на нанесеніе ему побоевъ и захватъ у него денегъ людьми князя Гаврила Комбулатовича. Это событіе произошло, какъ видно изъ жалобы Томки Хмѣльницкаго, «въ року семъ 1565-мъ, месеца сентебра осмого дня, въ суботу, на ярмарку въ Жировичахъ, на день нароженья Панны Марии»...[1]). Очевидно, въ 1565 году въ Жировицахъ уже существовала церковь, если ярмарка въ Жировицахъ была пріурочена къ дню одного изъ православно-христіанскихъ праздниковъ, и притомъ богородичныхъ праздниковъ. Ярмарки при церквахъ, въ дни ихъ храмовыхъ попреимуществу праздниковъ, образовывались обыкновенно не сразу, а постепенно, съ теченіемъ времени. Существованіе въ 1565 году въ Жировицахъ ярмарки въ праздникъ именно Пресвятой Богородицы можетъ указывать на болѣе или менѣе продолжительное уже существованіе въ Жировицахъ передъ этимъ годомъ именно Богородицкой церкви. Во всякомъ случаѣ для начальнаго термина Жировицкой церкви получилась нѣсколько болѣе ранняя дата, чѣмъ извѣстная раньше (1565 вмѣсто 1572).

Жалованная грамота короля Александра Солтану Александровичу отъ

---

1) Первая, извѣстная по документамъ, церковь въ Жировицахъ, была въ честь Успенія Пресвятой Богородицы (ср. прим. на стр. 62).

20 марта 1493 года потому, главнымъ образомъ, сыграла такую разрушительную роль въ начальной церковной исторіи Жировицъ, что казалось маловѣроятнымъ, чтобы Солтанъ Александровичъ въ оставшееся, столь недолгое уже, время его жизни (умеръ не позже 1595 года) успѣлъ сколько-нибудь прочно обосноваться въ новопожалованномъ ему Жировицкомъ имѣніи и устроить въ немъ церковь, если ея тамъ до него не было. Но такое представленіе дѣла, столь само по себѣ естественное, оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ однимъ современнымъ документомъ. Разумѣемъ много уже разъ цитированную опись имущества, остававшагося послѣ Солтана Александровича (напечатанную въ Рус. Ист. Библ., XX, 871—877). Изъ этой описи, прежде всего, оказывается, что движимое имущество Солтана Александровича, поступившее на храненіе къ Литовору Хребтовичу, находилось въ двухъ мѣстахъ—въ Вильнѣ и Жировицахъ. Въ описи сначала идетъ: «Рейестръ пана Солтана скарбу, што у Вильни былъ при немъ» (стр. 871). Затѣмъ слѣдуетъ: «Речи тые, што въ Жировичахъ были»... (стр. 873). Нѣсколько ниже: «Тые речи, што пани Литоворовая изъ Жировичъ побрала за Бибикова наместнитства» (стр. 876). Изъ этихъ словъ описи имущества Солтана Александровича видно, что къ моменту своей смерти онъ успѣлъ уже довольно значительно обосноваться въ Жировицахъ. Въ этотъ моментъ значительная часть цѣннаго имущества его находилась въ Жировицахъ, а не въ какомъ-либо другомъ изъ его болѣе давнихъ имѣній.

Въ описи имущества Солтана Александровича, находившагося въ Жировицахъ, обращаетъ на себя вниманіе еще упоминаніе «ризницы». Перечисляя «тѣ речи (т. е. вещи), што пани Литоворовая изъ Жировичъ побрала», опись въ частности указываетъ: «зъ рызницы выняла крестъ великий, серебреный, позолочаный; кадило серебреное; две запоны новыхъ; а полавочникъ, два ковры новыхъ»... (стр. 876). Изъ этого мѣста описи открывается, что въ Жировицахъ (до Александра Солтановича, во всякомъ случаѣ) существовала особая ризница, заключавшая въ себѣ серебряныя церковно-богослужебныя принадлежности. Существованіе ризницы предполагаетъ и существованіе церкви.

Вообще опись имущества Солтана Александровича, нахожденіе значительной части этого имущества въ Жировицахъ, существованіе въ

Жировицахъ особой ризницы съ церковными принадлежностями, составлявшими собственность Солтана Александровича, даетъ нѣкоторое основаніе относить возникновеніе церкви въ Жировицахъ къ болѣе древнему времени, чѣмъ это утверждали позднѣйшіе уніатскіе писатели, не знавшіе интересующей насъ описи.

IV.

У Александра Солтановича отъ его брака съ Θеодорой Александровной былъ одинъ только сынъ Иванъ, въ 1549 году уже женатый. Выкупилъ ли онъ Жировицы у матери, или другимъ какимъ-либо путемъ получилъ ихъ отъ нея, они во всякомъ случаѣ поступили къ нему во владѣніе, хотя время ихъ перехода къ нему по документамъ точно установить невозможно. Въ 1555 году Жировицы, по документамъ, уже принадлежатъ ему [1]). Само собой разумѣется, что всѣ остальныя имѣнія Александра Солтановича тотчасъ же по смерти его перешли къ Ивану Александровичу, какъ единственному наслѣднику. Въ 1554 году по духовному завѣщанію двоюроднаго дяди, дворнаго подскарбія и Веленскаго державцы Ивана Андреевича онъ получилъ Пречистенскій монастырь въ Трокахъ и домъ въ Вильнѣ [2]).

Служебная карьера Ивана Александровича была слѣдующая. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ онъ является въ документахъ въ должности Ляховицкаго старосты, или державцы [3]). Позднѣе, въ 1567 году, онъ является уже въ должности Остринскаго державцы и въ 1575 году въ званіи дворнаго маршалка [4]).

---

1) Акты Вилен. Арх. Ком., XXII, 43—44, отъ 22 дек. 1556 года. Кромѣ Жировичъ тутъ упоминается «именье Вербское» пана Ивана Солтановича. Въ 1565 г. упоминается село пана Ивана Александровича Солтана Раковщина (ibid., 162—163).

2) Вилен. Арх. Сборникъ, VI, 25—28, отъ 24 авг. 1554 г.

3) Акты Вилен. Арх. Ком., XXII, 171, 240, 286, 290 отъ 31 іюля 1565 г. и 22 мая, 19 и 22 іюля 1566 г.

4) И. И. Лаппо, Вел. княжество Литовское во второй половинѣ XVI в. (Юрьевъ, 1911), стр. 339. Ср. упом. из слѣд. стран. документы отъ 20 сент. и 6 окт. 1572 г. и 12 января 1575 года. Въ этой должности и въ этомъ званіи онъ и умеръ... Вдову его Марину Васильевну король называетъ (въ 1579 г.) «маршалковою нашою, старостиною Остринскою» (Вилен. Арх. Сборн., VI, 47).

Женатъ былъ Иванъ Александровичъ Солтанъ на княжнѣ Маринѣ Васильевнѣ Соломерецкой [1]). Въ пользу ея онъ составилъ въ Вильнѣ 20 сентября 1572 года дарственную запись на имѣніе Жировицы. Составленіе этой записи Иванъ Александровичъ Солтанъ, державца Остринскій, мотивируетъ желаніемъ своимъ вознаградить жену за любовь и вѣрность ея въ теченіе всей ихъ долгой совмѣстной жизни, особенно-же во время постигавшихъ его тяжкихъ болѣзней: ему желательно, чтобы она по смерти его не терпѣла никакого униженія отъ дѣтей и родственниковъ и могла жить съ достоинствомъ и въ довольствѣ. Иванъ Александровичъ Солтанъ записью своею отдалъ въ даръ своей женѣ: «имене и дворъ Жировичи съ подаванемъ церковнымъ, и зъ фольваркомъ Сколдичами, зъ будованемъ дворнымъ, зъ бояры и слугами путными, зъ селы и зъ прыселками, и зъ челедю неволною, зъ стадомъ коннымъ, зъ быдломъ фолварковымъ, зо всими кгрунты оремыми и неоремыми, зъ пущами, боры, гаи и зъ сеножатми, зъ ставы и ставищы, зъ млыны и ихъ вымилками, зъ ловы зверыными и пташыми»... Жировицкое имѣніе подарено было Маринѣ Солтанъ безъ всякихъ ограниченій въ полную собственность... Дарственная запись вручена была Иваномъ Александровичемъ Солтаномъ лично Виленскому воеводѣ кн. Николаю Радивилу на Дубинкахъ и Биржахъ, Литовскому канцлеру и, по его приказанію, внесена 6 октября 1572 года въ Виленскія гродскія книги... 12 янв. 1575 года выпись ея изъ Виленскихъ гродскихъ книгъ перенесена въ Слонимскія земскія книги по личному распоряженію Ивана Солтана, маршалка господарскаго и державцы Остринскаго, его служебникомъ [2]).

Вышеупомянутая дарственная запись Ивана Александровича Солтана [3]) содержитъ уже въ себѣ ясное упоминаніе о церкви въ Жиро-

---

1) Первымъ бракомъ она была замужемъ за кн. Владиміромъ Юрьевичемъ Гольшанскимъ—Дубровицкимъ, умершимъ въ 1545 году (Wolff, Kniaziowie, 494).

2) Современная копія этой записи сохранилась въ рукописномъ собраніи епископа Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ). Тутъ находится и другая, болѣе поздняя, копія (писанная польскимъ алфавитомъ).

3) Фамилія Солтанъ уже окончательно утвердилась за Иваномъ Александровичемъ. Въ Актахъ Вилен.-Арх. Коммиссіи онъ называется такъ: «Иванъ Александровичъ Солтанъ» (128, 160, 162, 171, 212), «Иванъ Солтанъ» (240, 248, 297), «панъ Солтанъ» (4, 290, 296). Только одинъ разъ онъ названъ «Иванъ Солтановичъ» (42).

вицахъ. Этою записью Иванъ Александровичъ предоставилъ своей женѣ во владѣніе имѣніе Жировицы съ правомъ подаванія церкви. Мы уже упоминали выше, что подъ 1565 годомъ въ Жировицахъ, принадлежавшихъ тогда Ивану Александровичу Солтану, происходила 8 сентября, въ праздникъ Рождества Пресвятой Богородицы, ярмарка. Нѣсколько раньше, около 1558 года, совершилось передъ образомъ Божіей матери въ Жировицкой церкви первое записанное Жировицкими базиліанами чудо-исцѣленіе Раины Война, умершей въ 1610 году въ должности игуменьи Варваринскаго монастыря въ Пинскѣ [1]).

Историческіе акты не даютъ никакихъ данныхъ для религіозно-церковной характеристики Ивана Александровича Солтана. Изъ рукописнаго историческаго сказанія Θеодосія Боровика узнаемъ, что первая церковь (деревянная), построенная въ Жировицахъ, впослѣдствіи сгорѣла (пожаръ произошелъ отъ неосторожно не потушенной свѣчи). Чудотворный образъ первоначально помѣщенъ былъ въ «церковкѣ», а потомъ выстроена была для него временная деревянная церковь нѣсколько большихъ размѣровъ. Иванъ Александровичъ Солтанъ задумалъ построить каменную церковь, сталъ приготовлять матеріалы для постройки, но не докончивши дѣла, скончался... Въ печатномъ польскомъ изданіи сочиненія Θеодосія Боровика сказано, что Иванъ Александровичъ постройку каменной церкви началъ уже двадцать лѣтъ спустя послѣ пожара. Въ печатной же книжкѣ прибавлено, что въ моментъ изданія ея пустыремъ еще стояли недоконченныя каменныя стѣны предпринятой Иваномъ Александровичемъ церковной постройки.

Время жизни Ивана Александровича Солтана значительно меньшимъ промежуткомъ отдѣлено было отъ времени жизни составителя интересующаго насъ историческаго сказанія о Жировицкой иконѣ Божіей Матери,

---

1) Объ этомъ исцѣленіи разсказывала 11 февр. 1618 г. въ Жировицахъ базиліанскимъ монахамъ сестра исцѣлившейся Дорота Войнянка. Объ этомъ же исцѣленіи свидѣтельствовали Вилен. р. катол. епископъ Бенедиктъ Война, литов. канцлеръ Левъ Сапѣга и смолен. каштелянъ Иванъ Мелешко... Въ записи о первомъ чудѣ въ 1-мъ пол. печатномъ изданіи 1622 года разсказывается, что король Стефанъ Баторій (1575—1586) вызывалъ Раину Война въ Гродну, чтобы услышать изъ ея устъ разсказъ объ исцѣленіи... 10 марта 1580 г. онъ назначилъ ее Пинскою игуменьею (Акты Зап. Рос., III, 252).

чѣмъ времена Александра Солтановича и особенно Солтана Александровича. Народныя воспоминанія объ этомъ времени отличились уже большею свѣжестью и опредѣленностью. Это вполнѣ и отразилось на повѣствованіи о. Ѳеодосія Боровика объ обстоятельствахъ постройки второй деревянной церкви (вмѣсто сгорѣвшей) въ Жировицахъ, а также объ оставшейся недоконченною постройкѣ каменной церкви въ Жировицахъ.

Стебельскій (въ его «Послѣднихъ трудахъ») указываетъ особенную причину того, почему предпринятая Иваномъ Александровичемъ постройка каменной церкви въ Жировицахъ осталась неоконченной. Этой причиной, по его объясненію, было то обстоятельство, что онъ увлекся распространившимися тогда въ Польшѣ и Литвѣ реформаціонными идеями, отступилъ отъ православной вѣры и перешелъ въ протестантство [1]).

V.

Послѣ смерти Ивана Александровича Солтана всѣ его имѣнія, не исключая и Жировицъ, поступили въ раздѣлъ между четырьмя его сыновьями Давидомъ, Ярославомъ, Иваномъ и Александромъ [2]). Братья сами учинили раздѣлъ наслѣдства и актъ раздѣла внесли въ Слонимскія гродскія книги. По этому раздѣлу младшіе братья («братия молодшая») получили слѣдующія имѣнія: Иванъ—имѣніе Несвижъ въ Новгородскомъ повѣтѣ, а Александръ имѣнія Буйничи [3]) и Юрцево («на Руси», въ Оршинскомъ повѣтѣ). Жировицкое имѣніе раздѣлено было пополамъ

1) Scriptores, IV, 390. Изъ другихъ источниковъ не имѣется свѣдѣній о переходѣ Ивана Александровича Солтана въ протестантство. Судя по статистическимъ свѣдѣніямъ статьи «Zbory i senatorowie protestanccy w dawnej Polsce», напечатаннымъ въ приложеніи къ польскому переводу сочиненія гр. Красинскаго (Zarys dziejow powstania i upadku reformacji w Polsce, Warszawa, 1904—1905), возлѣ Жировицъ протестантскихъ зборовъ не было.

2) Въ такомъ порядкѣ (старшинство, очевидно, по возрасту) они перечислены въ королевской грамотѣ отъ 20 апрѣля 1579 года (Вилен. Арх. Сборн., VI, 47).

3) Объ обстоятельствахъ перехода къ Александру Солтановичу Буйничей находятся свѣдѣнія въ Рус. Ист. Библ., XX, 1423—1424, отъ 24 марта 1520 года.

между старшими братьями Давидомъ и Ярославомъ [1]). Очевидно, оно считалось главнымъ.

Время раздѣла братьевъ въ точности неизвѣстно. Въ 1587 году во владѣніи Жировицами произошла новая перемѣна. Нуждаясь въ деньгахъ, Ярославъ Ивановичъ Солтанъ продалъ свою часть Жировицкаго имѣнія одному изъ своихъ младшихъ братьевъ, Ивану Ивановичу. Онъ продалъ ее за 3,000 копъ грошей литовскихъ. Продажная запись подписана Ярославомъ Ивановичемъ Солтаномъ и его женой Варварой, урожденной Галензковской, 25 декабря 1587 года [2]).

Эта продажная запись представляетъ для насъ особенную важность потому, что въ составѣ проданной Ярославомъ Солтаномъ Ивану Солтану половины Жировицкаго имѣнія находилась Жировицкая церковь. Опредѣляя составъ проданнаго имѣнія, Ярославъ Солтанъ выражается такъ: «Дворъ Жировицкии зо всимъ его будованьемъ, зъ огороды овощовыми и ярынными, зъ навозы, съ полями и со всими кгрунтами, зъ дворными сеножатми, зъ болоты, зъ речками, зъ озеры, зо ставы и зъ ставищами, зъ ловы рыбными, зъ гоны бобровыми, зъ млыны и зъ ихъ вымелками, зъ гаями, зъ лесами, зъ борами, зъ дубровами, съ пущою, зъ деревомъ бортнымъ, со пчолами, зъ ловы зверынными, куними и пташыми, зъ бояры и дворными людми, подданными таглыми и осад-

1) Ярославу Ивановичу Солтану въ составѣ его половины Жировицкаго имѣнія достались слѣдующія села: Литва, Залѣсье, Завершы, Русаково, Степевичи и др. (Акты Вилен. Арх. Ком., XXVIII, 59). Ярославу Солтану достался и Волчинъ: 9 мая 1586 г. онъ далъ фундушовую запись Волчинской церкви (Акты Вилен. Арх. Ком., III, 18—19). 12 янв. 1604 г. Ярославъ Солтанъ составилъ въ пользу своего сына Іеронима отказную грамоту на имѣніе Клейничи (тамъ же, II, 20—21). Давиду Солтану достался «монастырь церкви Светого Семіона и село Муравецъ» въ Брестскомъ воеводствѣ. Впослѣдствіи онъ продалъ ихъ Іерониму Ярославичу Солтану (тамъ же).

2) Копія этой записи (на рус. языкѣ, но польскимъ алфавитомъ переписанная) сохранилась въ рукописномъ собраніи еп. Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ). Въ этомъ же собраніи имѣется и другая ея копія, болѣе древняя (русскимъ алфавитомъ писанная); но въ этой копіи есть только ея начало (продолженіе утеряно)... 30 дек. 1587 г. продажная запись внесена была въ Слонимскія гродскія книги, а 17 іюня 1588 года въ Слонимскія земскія книги... Изъ этой записи и заимствованы нами всѣ свѣдѣнія о раздѣлѣ имѣній между четырьмя братьями Солтанами и о продажѣ Ярославомъ Солтаномъ половины Жировицкаго имѣнія Ивану Ивановичу Солтану.

ными, зъ челедью невольною и зъ ихъ службою и зъ ихъ землями, зъ цынши грошовыми, зъ дяклы данными, медовыми и зо всякими ихъ пожитками и повинностями, тактежъ у зъ *половицою монастыра Церкви Жировицкое и вшелякими пожитки, накладомъ церковнымъ, также и подданными монастырскими*, и зо всимъ на все, яко се того имения Жировицкого половица сама въ собе и въ пожиткахъ своихъ маетъ».

Изъ приведенныхъ словъ продажной записи видно, что въ Жировицахъ въ 1587 году уже существовало особое земельное пространство или владѣніе, именовавшееся «монастыръ Церкви Жировицкое». У «монастыра церкви Жировицкой» были свои, ему принадлежавшіе, крестьяне («подданные монастырскіе»). Эти церковно-монастырскіе подданные числились въ общемъ составѣ Жировицкаго имѣнія. Въ составѣ его числился и «накладъ церковный», т. е. церковно-богослужебныя принадлежности. Очевидно, Жировицкая церковь, не смотря на нѣкоторую имущественно-земельную самостоятельность, причислялась къ наслѣдственному имѣнію Жировицкихъ Солтановъ. Они владѣли ею на всѣхъ правахъ частнаго церковнаго патроната.

Продажная запись 1587 года представляетъ собою первый документъ, въ которомъ упоминается о существованіи въ Жировицахъ не только церкви, но и монастыря. Сопоставляя этотъ документъ съ документами 1572 и 1575 гг. (въ которыхъ упоминается только о церкви въ Жировицахъ), епископъ Павелъ Доброхотовъ дѣлалъ догадку, что монастырь въ Жировицахъ основанъ вдовой Ивана Александровича Солтана Мариной Васильевной, урожденной княжной Соломерецкой. Но какихъ-либо прямыхъ документальныхъ данныхъ для подтвержденія этой догадки не существуетъ. Съ другой стороны, въ церковно-исторической наукѣ установлено уже, что одно названіе «монастырь» не имѣетъ значенія безусловнаго аргумента при рѣшеніи вопроса о томъ, съ монастыремъ ли въ нашемъ современномъ смыслѣ слова, или просто съ болѣе чтимою у мѣстнаго населенія церковью приходится изслѣдователю имѣть дѣло въ томъ или другомъ случаѣ. Въ продажной записи 1587 года невольно обращаетъ на себя вниманіе и та своеобразная форма, въ которой впервые появляется названіе «монастырь» въ приложеніи къ Жировицамъ: это не

просто монастырь (въ которомъ, конечно, есть церковь), а «монастырь церкви» въ Жировицахъ. Главное тутъ, очевидно, церковь, а монастырь—нѣкоторая принадлежность ея.

Въ русскомъ рукописномъ сказаніи Ѳеодосія Боровика о явленіи Жировицкой иконы Божіей Матери нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ Жировицахъ монастыря въ эпоху принадлежности Жировицъ Солтанамъ. Въ польскомъ печатномъ изданіи этого сказанія говорится, что Солтанъ Александровичъ для непрерывнаго и болѣе удобнаго совершенія богослуженія передъ новоявленной въ Жировицахъ иконой содержалъ при устроенной имъ церкви двѣнадцать пресвитеровъ («какъ объ этомъ разсказываютъ люди, слѣдуя преданію»). Потомокъ его, надворный маршалокъ Иванъ Александровичъ Солтанъ, унаслѣдовавшій благочестіе своего предка (по разсказу того же польскаго печатнаго изданія) содержалъ на свои средства въ Жировицахъ, при томъ же числѣ пресвитеровъ, еще и какого-то епископа съ нѣсколькими монахами (episkopa jakiegos'z kilką zakonnikow).

Эпоха Ивана Александровича Солтана сравнительно не такъ уже далеко отстояла отъ того времени, когда собирались матеріалы для польскаго изданія книжки Ѳеодосія Боровика, и память о монахахъ, жившихъ когда-то возлѣ церкви въ Жировицахъ, могла къ этому времени храниться еще въ памяти мѣстнаго населенія [1]). Нужно имѣть въ виду, что пребываніе монаховъ при приходскихъ церквахъ было довольно распространеннымъ явленіемъ въ Западной, какъ и въ Восточной Россіи. Могли монахи отъ времени до времени селиться и при Жировицкой церкви, прославленной чудотворнымъ образомъ,—могли селиться, конечно, съ разрѣшенія владѣльцевъ имѣнія Жировицъ, для удовлетворенія религіозно-церковныхъ потребностей богомольцевъ. Конечно, всего этого недостаточно для утверж-

1) Стебельскій говоритъ, что монахи, жившіе въ Жировицкомъ монастырѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, удалены были изъ Жировицъ Ярославомъ Солтаномъ и его братьями, принадлежавшими къ «еретической сектѣ» (протестантству). Въ подтвержденіе своего сообщенія, Стебельскій ссылается на извѣстное намъ польское печатное изданіе книжки Ѳеодосія Боровика и на хранившійся въ его время въ Жировицкомъ монастырѣ документъ: Reskrypt, albo odpowiedz' na punkta... Przecławskiego (Scriptores, IV, 390).

денія того, что въ XVI вѣкѣ существовалъ въ Жировицахъ настоящій, организованный православный монастырь. Но есть все-таки нѣкоторое основаніе для того, чтобы предположить, что уже въ XVI вѣкѣ нѣкоторое время существовалъ при Жировицкой церкви небольшой монастырекъ приходско-богадѣленнаго типа, съ особымъ зданіемъ для него, съ доходами съ особыхъ приписанныхъ къ нему крестьянъ, съ особою предоставленною ему землею.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ Иванъ Ивановичъ Солтанъ владѣлъ и управлялъ самъ своимъ Жировицкимъ имѣніемъ. Въ 1603 году онъ сдалъ его въ аренду [1]) еврею изъ города Хомска (нынѣ Кобрин. уѣзда Гродней. губ.) Ицхаку Михелевичу, «фактору товаровъ лѣсныхъ имѣнья Жаберскаго» (находившагося возлѣ Хомска и принадлежавшаго жмудскому каштеляну Николаю Нарушевичу, а потомъ его сыновьямъ). Иванъ Солтанъ вмѣстѣ съ женой своей Христиной Станиславовной, урожденной Серовичъ, сдалъ свое Жировицкое имѣніе Ицхаку въ аренду на четыре года за двѣнадцать сотъ копъ грошей литовскихъ. Всю эту арендную плату Ицхакъ внесъ впередъ при заключеніи съ нимъ аренднаго контракта. По условіямъ этого контракта (внесеннаго въ Слонимскія земскія книги 8 января 1603 года) [2]), Иванъ Солтанъ обязывался въ теченіе четырехъ арендныхъ лѣтъ никакимъ способомъ не вмѣшиваться ни въ «дворъ», или «домъ» [3]), ни въ имѣніе Жировицкое, «ни въ которые пожитки», и никакого препятствія арендатору въ спокойномъ управленіи ими не чинить, подъ угрозой штрафа въ двѣнадцать сотъ копъ грошей литовскихъ.

---

1) Всѣ сообщаемыя ниже свѣдѣнія о сдачѣ въ аренду Жировицкаго имѣнія, объ убійствѣ арендатора Ицхака Иваномъ Солтаномъ и судѣ надъ нимъ заимствуются нами изъ судебнаго декрета по этому дѣлу Слонимскаго гродскаго суда отъ 5 апрѣля 1605 года (Акты Вилен. Арх. Ком., XXVIII, 60—72, № 66).

2) Къ контракту былъ приложенъ инвентарь «двора имѣнья Жировицкого, кгрунтовъ, бояръ и подданныхъ и всѣхъ пожитковъ», составленный и подписанный Иваномъ Солтаномъ 31 октября 1602 года и тоже внесенный въ Слоним. земскія книги (стр. 69).

3) Въ текстѣ контракта слова «дворъ Жировицкій» и «домъ Жировицкій» пана Ивана Солтана употребляются, какъ синонимы (стр. 61).

Арендаторъ Ицхакъ поселился въ Жировицахъ въ помѣщичьемъ дворѣ, или домѣ, перевезши въ него значительную часть своего имущества изъ Хомска, хотя, повидимому, самъ не жилъ въ Жировицахъ постоянно. У него былъ въ Жировицахъ особый управляющій имѣніемъ Станиславъ Томашевскій. Во владѣніяхъ арендатора-еврея, какъ и слѣдовало ожидать, появилось тотчасъ же не мало евреевъ изъ сосѣдняго города Слонима. Они жили и въ самыхъ Жировицахъ, и во входившихъ въ составъ Жировицкаго имѣнія селахъ (Литвѣ, Залѣсьѣ, Завершахъ, Русаковѣ, Стеневичахъ, и др.), «купуючы волы, яловицы, куры, гуси, меды, хмели и иншую живность, и корчмы маючы, въ дворѣ шинкуючы медъ и горелку»... Въ 1604 году всѣ эти разсѣявшіеся по Жировицкому имѣнію евреи занесли, по утвержденію Ивана Солтана, въ него изъ Слонима моровую язву. Нѣкоторые изъ нихъ сами сдѣлались ея жертвою, какъ и управляющій Томашевскій. Отъ нея же погибла большая часть населенія входившихъ въ составъ Жировицкаго имѣнія деревень [1]).

Насколько правъ былъ Иванъ Солтанъ, приписывая евреямъ занесеніе въ предѣлы его имѣнія моровой язвы, трудно сказать. Безцеремонное хозяйничанье въ его имѣніи еврея-арендатора и другихъ евреевъ не могло не возбудить у него неудовольствія. Сдавши Ицхаку въ аренду свое Жировицкое имѣніе и уступивши ему самый свой дворъ, или домъ Жировицкій, Иванъ Солтанъ, повидимому, не уѣхалъ изъ Жировицъ, а перебрался на жительство въ Жировицкій монастырскій дворъ. Жировицкій монастырь съ его дворомъ и земельными владѣніями, находившійся въ совмѣстномъ владѣніи Давида и Ивана Солтановъ, не сданъ былъ, повидимому, въ аренду Ицхаку. Иванъ Солтанъ принадлежавшую брату Давиду половину Жировицкаго монастыря самъ взялъ у него въ такъ называемое

---

1) Акты Вил. Арх. Ком., XXVIII, 58—60, № 65, жалоба Ивана Солтана отъ 24 марта 1605 года. Тесть упомянутаго въ текстѣ Томашевскаго, господарскій земянинъ Упитскаго повѣта Александръ Короткій жаловался Слонимскому гродскому суду на Жировицкаго арендатора Ицхака Михелевича за то, что онъ безпричинно лишилъ Томашевскаго должности, выгналъ его съ женой изъ Жировицкаго двора и захватилъ ихъ имущество, послѣ того какъ они гдѣ-то умерли отъ моровой язвы (Акты Вилен. Арх. Коммиссіи, XXVIII, 56—58, № 64).

заставное владѣніе: «часть монастыря Жировицкого, и зъ доходы церковными, и часть фолварку, при монастыру Жировицкомъ будучого, его милости пана Давыда Солтана, которую панъ Иванъ Солтанъ правомъ заставнымъ отъ брата своего, его милости пана Давыда Солтана держалъ» [1])... Можно думать, что пріобрѣтя такимъ способомъ все Жировицкое монастырское земельное владѣніе въ свое распоряженіе, Иванъ Солтанъ съ 1603 г. жилъ въ Жировицкомъ монастырскомъ дворѣ, самъ ведя въ немъ хозяйство. Такое сосѣдство по мѣсту жительства Ивана Солтана съ арендаторомъ Ицхакомъ Михелевичемъ не могло способствовать поддержанію между ними добрыхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ ниже, денежныя отношенія между ними однимъ внесеніемъ Ицхакомъ арендной платы за четыре года впередъ не окончились.

Враждебныя отношенія Ивана Солтана съ Ицхакомъ разрѣшились убійствомъ послѣдняго 6 января 1605 года. Въ позовѣ въ Слонимскій гродскій судъ (отъ 22 февраля 1605 года) обвиненіе Ивана Ивановича Солтана въ этомъ убійствѣ формулировано было такимъ образомъ:

Господарскій земянинъ Иванъ Ивановичъ Солтанъ, старостичъ Остринскій и маршалковичъ господарскій, съ женой его Христиной Станиславовной, урожденной Серовичъ, вызывался къ отвѣту въ Слонимскій гродскій судъ [2]) по обвиненію въ томъ, что 6 января 1605 года вечеромъ онъ самолично съ многими слугами, боярами и подданными своего двора монастырскаго Жировицкаго [3]), взявши съ помощь себѣ

---

1) Акты Вилен. Арх. Ком., XXVIII, 102.

2) Вызывались они въ судъ литовскимъ ловчимъ, Лодзейскимъ старостой Яномъ Нарушевичемъ, какъ опекуномъ его племянниковъ Петра, Стефана, Станислава и Яна Николаевичей Нарушевичей, владѣльцевъ г. Хомска и имѣнія Жаберскаго (въ Пинскомъ повѣтѣ), въ предѣлахъ которыхъ имѣли пребываніе вдова убитаго Ицхака Михелевича Естера Хемиина и братья его Хаимъ и Абрамъ Михелевичи.

3) «Зъ многими слугами и подданными двора своего монастырскаго Жировицкого, а меновите зъ Маткомъ урядничкомъ, Яномъ Чарковскимъ» (стр. 61). Въ нападеніи на Ицхака не участвовали слуги и подданные Жировицкаго помѣщичьяго двора, сданнаго Иваномъ Солтаномъ въ аренду Ицхаку, а лишь слуги, бояре и подданные Жировицкаго монастырскаго двора. Очевидно, они находились въ распоряженіи не Ицхака, а Ивана Солтана. Въ числѣ ихъ былъ и особый «урядничекъ», т. е. управляющій, или экономъ.

слугъ, бояръ и подданныхъ брата своего Давида Солтана изъ его Жировицкаго имѣнія (съ вѣдома, вѣроятно, самого Давида Солтана), умышленно, съ оружіемъ и со стрѣльбой, напалъ на имѣніе и дворъ Жировицкіе, отданные имъ въ аренду Ицхаку Михелевичу въ 1603 году, арендатора Ицхака Михелевича жестосердно убилъ, а его тѣло, взявши съ собой, бросилъ потомъ въ р. Щару. Кромѣ того, онъ, Иванъ Солтанъ, причинилъ раны брату его Абраму Михелевичу и слугѣ его Щерскому. Наконецъ, онъ, Иванъ Солтанъ, на второй и третій день послѣ убійства взялъ себѣ и перевезъ въ свой монастырскій дворъ въ Жировицахъ все движимое имущество убитаго (въ позовѣ былъ перечисленъ весь обширный составъ его)... По обвиненію во всѣхъ этихъ преступленіяхъ Иванъ Солтанъ съ женой его вызывались въ Слонимскій гродскій судъ на 1 апрѣля 1605 года.

На судѣ нѣкій Якубъ Михайловичъ Венцковичъ, именовавшій себя земяниномъ и хоружичемъ Волковыйскаго повѣта, заявилъ, что убійство Ицхака совершено имъ, а не Иваномъ Солтаномъ. Но гродскій судъ, по ходатайству обвиняющей стороны, не призналъ его отвѣтчикомъ по дѣлу объ убійствѣ Ицхака, усумнившись въ самой личности и званіи его. Главнымъ же мотивомъ для суда въ данномъ случаѣ было то обстоятельство, что самъ Иванъ Солтанъ въ поданномъ имъ въ Волковыйскій гродскій судъ 19 марта 1605 года заявленіи призналъ себя виновникомъ убійства Ицхака, хотя и заявилъ, что совершилъ его по необходимости, въ видахъ самообороны. Въ представленной обвиняющею стороною въ судъ копіи этого заявленія говорилось: «Панъ Солтанъ року 1605 месеца Генвара шостого дня, у дворе Жировицкомъ былъ и тамъ якобы за неякимъ контрактомъ тому жыду небощыку Ицхаку Михелевичу за аренду того имения Жировицкого грошы отдавать мелъ, где жъ якобы тотъ небощыкъ жыдъ зъ нимъ, паномъ Солтаномъ, звады зачавшы, битисе мелъ, котораго признаваетъ самъ панъ Солтанъ забилъ, будучы прымушоный и боронечы здоровья своего» (стр. 65). Защитникъ Солтана заявилъ на судѣ о подложности вышеупомянутаго заявленія. Защитникъ обвиняющей стороны такое его утвержденіе назвалъ пустыми словами («голыя слова»). Самъ Солтанъ, когда судъ не призналъ отвѣтчикомъ Венцковича, ушелъ изъ засѣданія суда. Судъ продолжалъ разборъ дѣла въ его отсутствіе.

Неблагопріятнымъ для Ивана Солтана обстоятельствомъ было то, что убитый имъ еврей пользовался правами польскаго шляхетства [1]).

Обвиняющая сторона требовала отъ суда смертной казни Ивана Солтана и его жены. Слонимскій гродскій судъ на этомъ пунктѣ съ нею не согласился, хотя и призналъ фактъ убійства Ицхака Иваномъ Солтаномъ. Онъ присудилъ Ивана Солтана и его жену къ уплатѣ вдовѣ убитаго Естерѣ двадцати копъ грошей «кгвалту», ста копъ грошей «головщизны», тридцати тысячъ пяти сотъ тридцати золотыхъ убытковъ («шкода») и двѣнадцати сотъ копъ грошей неустойки («заруки») согласно съ арендным условіемъ. Кромѣ того, судъ присудилъ ихъ къ уплатѣ Абраму Михелевичу (брату убитаго) двадцати копъ грошей и Андрею Щерскому пяти копъ грошей. Всего Солтанъ съ женой присуждены были къ уплатѣ 13,537 копъ грошей. На покрытіе этой суммы опредѣлено было судомъ Жировицкое имѣніе Ивана Солтана и всякое иное его и его жёны имущество, движимое и недвижимое, гдѣ бы оно ни находилось, а если бы его не достало для уплаты, то разрѣшилось искать и «на особахъ ихъ власныхъ».

Обвиняющая сторона осталась недовольна рѣшеніемъ Слонимскаго гродскаго суда и заявила, что будетъ аппелировать на него въ главный литовскій трибуналъ. Иванъ Солтанъ остался имъ также недоволенъ, и также аппеллировалъ къ суду трибунала. Гродскій судъ аппелляціи обѣихъ сторонъ принялъ и направилъ дѣло въ трибунальный судъ [2]).

Литовскій главный трибуналъ въ томъ же 1605 году (въ Минскѣ) не только утвердилъ рѣшеніе Слонимскаго гродскаго суда относительно взысканія съ Ивана Солтана 13,537 копъ грошей литовскихъ, но и усилилъ еще наложенное имъ наказаніе, присудивши Ивана Солтана

---

1) Суду предъявлена была жалованная грамота короля Сигизмунда I (1625 года) о предоставленіи «жиду Михайлу Езофовичу» (дѣду убитаго Ицхака) потомственнаго шляхетства съ гербомъ «за великія годности и заслуги». Такимъ образомъ Ицхакъ Михелевичъ оказался «учтивымъ шляхтичемъ» по происхожденію. Правъ шляхества онъ не утратилъ, такъ какъ не занимался «ни корчмою, ани которымъ ремесломъ, также мѣреньемъ локтя», а занимался арендованіемъ имѣній и т. п. (стр. 70).

2) На этомъ оканчивается служившее намъ матеріаломъ дѣло Ивана Солтана въ Слоним. гродскомъ судѣ отъ 5 апр. 1605 года.

къ смерти («на голову всказалъ и на выволанье до его королевское милости отослалъ»). Въ исполненіе трибунальнаго рѣшенія, Слонимскій гродскій судъ произвелъ оцѣнку всего Жировицкаго имѣнія Ивана Солтана. Онъ оцѣнилъ все имѣніе Жировицкое («дворъ, кгрунты, бояре, оселые, земли пустые, и сѣножати, и болота, и ставы, млыны, гае и пущу, и дерево бортное, гоны бобровые, ловеня звиру и птаховъ, и озера ова згола вси пожитки, тому имению належачие, также и фольварокъ у манастыру Жировицкомъ, кгрунты, люди, до того фольварку належачие, также и самый тотъ манастыръ, церковъ и доходы церковные») въ 4671 копу и 45 грошей литовскихъ. Въ виду того, что Иванъ Солтанъ не могъ уплатить опредѣленной трибунальнымъ судомъ суммы, Слонимскій гродскій судъ все Жировицкое имѣніе, въ вышеуказанномъ его составѣ, передалъ въ завѣдываніе («въ моцъ и держанье») еврейкѣ Естерѣ, вдовѣ Ицхака Михелевича, и ея сыну Михелю Ицхаковичу... Такимъ образомъ Жировицкая церковь, не только съ ея земельными владѣніями, но и съ чисто-церковными доходами, по рѣшенію литовскаго главнаго трибунала и Слонимскаго гродскаго суда, передана была въ распоряженіе и для финансовой эксплоатаціи еврейкѣ Естерѣ съ ея сыномъ [1]).

VI.

Но такое положеніе вещей продолжалось недолго. Въ 1606 году одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, Мстиславскій каштелянъ Иванъ Мелешко съ женой своей Анной, урожденной Фурсъ, вошелъ въ соглашеніе съ еврейкой Естерой и ея сыномъ объ уплатѣ имъ той суммы денегъ, которую долженъ былъ по судебному рѣшенію уплатить ей Иванъ Солтанъ. Вслѣдствіе этого она передала ему находившее въ ея завѣды-

---

1) Всѣ эти данныя заимствованы нами изъ продажной записи Ивана Солтана Ивану Мелешко на имѣніе Жировицы, отъ 12 янв. 1609 года. Копія этой записи (на рус. языкѣ) находится въ рукописномъ собраніи еп. Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ), въ двухъ видахъ: одна писанная русскимъ, и другая, писанная польскимъ алфавитомъ. Въ обѣихъ этихъ копіяхъ цифра наложеннаго судомъ взысканія опредѣлена въ 30,537 копъ литов. грошей.

ванія Жировицкое имѣніе Ивана Солтана со всѣми ея правами на него и отказались въ пользу его отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій своихъ къ Ивану Солтану. Оффиціальная передача Жировицкаго имѣнія еврейкою Естерою Ивану Мелешко состоялась 6 августа 1606 года. По составленному вознымъ вводному листу, отъ еврейки Естеры къ Яну Мелешко перешли: 1) «дворъ и имѣніе Жировичы зо всими кгрунты, бояри и поддаными, зо всими пожитки» («часть пана Ивана Солтана») и 2) «манастыръ Жировицкий съ церковью и зъ доходы церковными и фольваркъ, пры монастыру Жировицкомъ будучай, такъ часть Ивана Солтана и малжонки его пани Кристыны Сировичовны, яко и часть манастыра Жировицкого и зъ доходы церковными и часть фольварку, при манастыру Жировицкомъ будучого, его милости пана Давыда Солтана, которую панъ Иванъ Солтанъ правомъ заставнымъ отъ брата своего его милости пана Давыда Солтана держалъ, зо всимъ на все, яко то имъ (т. е. Естерѣ и ея сыну) чрезъ пана судью гродского Слонимского въ держанье подано и на инвентару, отъ пана судьи имъ даномъ, описано и доложено есть» [1]).

Выписанныя нами слова вводнаго листа 1606 года и продажной записи 1609 года ясно показываютъ, что монастырь Жировицкій въ періодъ перехода его отъ Солтановъ къ Мелешко былъ составною частью Жировицкаго имѣнія, но составною частью, значительно уже обособившеюся отъ остального имѣнія. У него былъ свой особый фольваркъ, съ особыми землями и людьми, къ нему принадлежавшими. Мы уже раньше говорили, что въ самихъ Жировицахъ монастырь представлялъ собою особый дворъ, или домъ (судебное дѣло 1605 года). Во вводномъ листѣ упоминается въ Жировицахъ «церковь». Особо упоминаются «церковные доходы».

---

1) Акты Вилен. Арх. Ком., XXVIII, 101—102, № 86, явка вводнаго листа отъ 16 авг. 1606 г. Въ вводномъ листѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что Жировицкое имѣніе передано было еврейкѣ Естерѣ по инвентарю, составленному Слоним. гродскимъ судьей, а Ицхакъ принялъ его отъ Ивана Солтана по инвентарю, явленному имъ въ Слоним. земскомъ судѣ. Слѣдовательно, изъ того, что церковь Жировицкая съ монастыремъ находится въ первомъ изъ этихъ инвентарей, еще не слѣдуетъ, что она находилась и въ послѣднемъ инвентарѣ, т. е. что самъ Иванъ Солтанъ въ 1603 году передалъ ее въ аренду еврею Ицхаку.

Существованіе чудотворной иконы въ Жировицкой церкви, очевидно, создавало особый значительный источникъ доходовъ отъ богомольцевъ, шедшій, какъ видно, не въ пользу служившаго при ней духовенства, или не въ пользу только этого духовенства, но и въ пользу Жировицкихъ помѣщиковъ-владѣльцевъ и ихъ арендаторовъ... Довольно частое употребленіе въ приведенныхъ нами документахъ 1605—1606 гг. словъ: «монастырь Жировицкій», «дворъ монастырскій Жировицкій», «бояре монастырскіе», «подданые монастырскіе»,—даетъ, повидимому, право заключать, что въ Жировицахъ тогда существовалъ въ такомъ или иномъ видѣ монастырь. Но заключенію такого рода препятствуетъ слѣдующій документъ отъ 20 ноября 1606 года. Иванъ Солтанъ разсказываетъ въ немъ о самовольномъ задержаніи земяниномъ Петромъ Кендеравскимъ денежныхъ документовъ, отданныхъ ему Солтаномъ на сохраненіе. Это было тогда, когда Иванъ Солтанъ, послѣ состоявшагося уже трибунальнаго о немъ декрета, старался, гдѣ и какъ могъ, скрыть свое движимое имущество. Часть этого имущества онъ довѣрилъ на сохраненіе Кендеравскому, когда послѣдній 19 сентября 1605 года прибылъ къ нему въ Жировицы: «доименья двора моего, названого Манастыра» (пишетъ Ив. Солтанъ). Тамъ, «въ томъ дворе Манастыру» Солтанъ и передалъ документы Кандеравскому... Отъ этихъ словъ Ивана Солтана, когда онъ упоминаетъ о Жировицкомъ монастырѣ, получается впечатлѣніе, что рѣчь идетъ тутъ не о какомъ бы то ни было монастырѣ, а о монастырскомъ уже только зданіи и земельномъ владѣніи.

Принадлежалъ ли Иванъ Ивановичъ Солтанъ къ православному, или къ протестантскому вѣроисповѣданію, трудно сказать за неимѣніемъ данныхъ. Стебельскій утверждаетъ, что онъ былъ «еретикъ» (т. е. протестантъ), что онъ не только не окончилъ начатой его отцомъ постройки каменной церкви въ Жировицахъ, но и при старой, деревянной церкви держалъ только одного священника для удовлетворенія церковныхъ потребностей своихъ крестьянъ и для извлеченія доходовъ съ приходившихъ въ Жировицы богомольцевъ [1]). Во всякомъ случаѣ изъ свидѣтельства Стебельскаго вытекаетъ, что Жировицкая церковь, въ періодъ принадлежности

1) Scriptores, IV, 391—392.

ея Ивану Ивановичу Солтану, не была уніатской, а оставалась православной. Это тѣмъ болѣе можно утверждать, что другой патронъ—владѣлецъ Жировицкой церкви Давидъ Ивановичъ Солтанъ былъ (вопреки мнѣнію Стебельскаго [1]) православнымъ по вѣрѣ. Это видно изъ того, что онъ принималъ участіе въ борьбѣ Виленскаго православнаго духовенства, православныхъ шляхтичей и мѣщанъ Виленскихъ съ уніатскимъ митрополитомъ Ипатіемъ Потѣемъ. Въ числѣ другихъ ревнителей православія онъ 30 апрѣля 1609 года подписалъ письменную протестацію противъ уніи и уніатскаго митрополита и представилъ ее ко внесенію въ виленскія гродскія книги. Когда же виленскій гродскій урядъ отказался принять ее для внесенія въ эти книги, Давидъ Солтанъ вмѣстѣ съ тѣми же ревнителями православія заявилъ протестъ противъ дѣйствія этого уряда въ трибунальномъ судѣ (6 мая 1609 г.) [2]).

Только переходъ половины Жировицкаго имѣнія съ православною церковью къ Ивану Мелешко могъ стать угрозой для нея. Иванъ Мелешко въ это время, вѣроятно, принадлежалъ уже къ уніатской церкви. Около 1603 года онъ сталъ уже Мстиславскимъ каштеляномъ [3]), а извѣстно, что Сигизмундъ III сенаторскаго званія не жаловалъ ни православнымъ, ни протестантамъ (за исключеніемъ случаевъ крайней политической необходимости). Но съ другой стороны, Иванъ Мелешко съ 1606 года не сталъ еще полновластнымъ патрономъ Жировицкой церкви, какъ увидимъ изъ его дѣйствій по закрѣпленію за собою Жировицъ... Въ виду всего этого, и послѣ перехода Жировицъ къ Мелешко, Жировицкая церковь нѣкоторое время оставалась еще православной. Переходъ ея въ унію совершился лишь лѣтомъ 1609 года, послѣ окончательной побѣды, одержанной въ это лѣто митр. И. Потѣемъ и уніею въ Вильнѣ, Гроднѣ, Новогородкѣ и другихъ городахъ митрополичьей епархіи. Въ числѣ другихъ православныхъ духовныхъ лицъ, подписавшихъ 25 іюля 1609 года обязательство повиноваться уніатскому митрополиту, названъ «Григорей Олексѣевичъ Сула, священникъ Жировицкій» [4]).

---

1) Ibid., 392.
2) Вилен. Арх. Сборн., VI, 184; Опис. док. архива ун. митр. I, 128.
3) Wolff, Senatorowie, 115.
4) Вилен. Арх. Сборн., VI, 156—157.

Въ 1606 году Жировицкое имѣніе Ивана Солтана съ церковью и «монастыремъ» перешло къ Ивану Мелешко путемъ денежной сдѣлки его съ еврейкою Естерою, которая за извѣстную сумму уступила ему всѣ свои права на нихъ, а также всѣ свои претензіи къ Ивану Солтану, санкціонированныя судебнымъ рѣшеніемъ. Иванъ Солтанъ былъ теперь, повидимому, весь въ рукахъ Ивана Мелешко. Тѣмъ не менѣе прошло цѣлыхъ три года, прежде чѣмъ Иванъ Мелешко добился отъ Ивана Солтана формальной уступки ему Жировицкаго имѣнія. Какою цѣною онъ добился этого, остается неизвѣстнымъ, какъ неизвѣстно и то, какую сумму въ дѣйствительности онъ уплатилъ за Жировицы еврейкѣ.

12 января 1609 года составленъ былъ особый продажный актъ на имѣніе Жировицы. Въ началѣ этого акта разсказана исторія выкупа Мстиславскимъ каштеляномъ Иваномъ Мелешко у еврейки Естеры присужденнаго ей гродскимъ и трибунальнымъ судомъ Жировицкаго имѣнія Ивана Солтана съ монастыремъ и церковью. Затѣмъ, слѣдуетъ заявленіе Ивана Солтана и его жены о томъ, что они, не имѣя средствъ уплатить Ивану Мелешко и его женѣ всю сумму штрафа, присужденнаго съ нихъ судомъ въ пользу еврейки Естеры и переуступленнаго ею Ивану Мелешко и его женѣ, отказываются навсегда отъ всякихъ правъ на свое бывшее Жировицкое имѣніе, а также и на «дворецъ манастыра Жировицкого, и *съ церквами*, и зъ доходы церковными, и зо всякими пожитками теперешними и потомъ будучими».... и «на фольваркъ, при манастыру будучий, на самый тотъ монастырь съ церковью». Иванъ Солтанъ и его жена отказались отъ всякихъ правъ на свое бывшее Жировицкое имѣніе, въ томъ числѣ и на монастырь съ церквами и фольваркомъ, а жена Ивана Солтана, кромѣ того, и отъ записанной ей мужемъ на Жировицахъ вѣновой суммы въ размѣрѣ одной тысячи копъ, въ знакъ благодарности Ивану Мелешко и его женѣ за то, что они отказались отъ взысканія съ нихъ вышеупомянутаго штрафа, наложеннаго на нихъ гродскимъ и трибунальнымъ судомъ («што ихъ милость, яко христіанскіе панове, взглядомъ прозбы и убоства нашого вчинити рачили»). Въ заключеніе акта, Иванъ Солтанъ и его жена заявляли, что всѣ жалованныя грамоты и купчія крѣпости («вси листы, права, привилья и твердости») на Жировицкое имѣніе находятся у ихъ племянника Данiила Давидовича Солтана

(владѣльца другой половины Жировицкаго имѣнія), и предоставляли Ивану Мелешко и его женѣ право защищать судомъ свои интересы въ случаѣ ихъ нарушенія имъ [1]).

Приведенный нами документъ отъ 12 января 1609 года, составленный въ формѣ продажной записи, юридически-безповоротно закрѣплялъ за Иваномъ Мелешко Жировицкое имѣніе Ивана Солтана, которое фактически перешло къ нему еще въ 1606 году. Въ составѣ этого имѣнія юридически закрѣплялся за нимъ и Жировицкій монастырь, причемъ въ записи 12 января 1609 года впервые въ одномъ мѣстѣ упомянуто было не объ одной церкви, а о церквахъ въ Жировицахъ. Но изъ записи не совсѣмъ ясно, всецѣло ли Жировицкій монастырь перешелъ къ Ивану Мелешко, или остались въ силѣ, въ такой или иной мѣрѣ, права на него Даніила Солтана, наслѣдника Давида Ивановича Солтана.

У Ивана Мелешко вскорѣ вышли какія-то недоразумѣнія съ Даніиломъ Солтаномъ изъ-за пріобрѣтенной имъ половины Жировицкаго имѣнія, въ частности изъ-за особаго монастырскаго фольварка, числившагося въ составѣ этого имѣнія. Иванъ Мелешко оказался вынужденнымъ обратиться къ суду, чтобы вытребовать у Даніила Солтана документы, касавшіеся Жировицкаго имѣнія. Изъ посланнаго Даніилу Солтану Слонимскимъ земскимъ судомъ позова оказывается слѣдующее:

Брестскій каштелянъ [2]) Иванъ Мелешко съ женой купили (писалось въ этомъ позовѣ) въ потомственное владѣніе у господарскаго земянина слонимскаго повѣта Ивана Солтана и его жены имѣніе Жировицы съ селами, къ нему принадлежащими, именно Верболотами, Залѣсьемъ, Литвою, Стеневичами, Русаковомъ, Заверщемъ, Окуниномъ и Мирониномъ, «и съ фолваркомъ при манастыре Жировицкомъ заложеня церкви Пречистое Богородицы, и зъ людми, до того фолварку належачими, и

---

1) Цитированная на стр. 49 запись. Она внесена была въ Слонимскія земскія книги 13 янв. 1609 года. 29 окт. 1609 г. составленъ былъ служебникомъ Ивана Мелешко Иваномъ Мизгиремъ инвентарь утвари Жировицкой церкви, какъ видно изъ упоминанія о немъ въ «Fundusz Monastyra Zyrowickiego» (Собр. Павла Доброхотова).

2) Брестскимъ каштеляномъ онъ сталъ съ 11 іюня 1610 года (Wolff, Senatorowie, 99).

церковъ, такъ деревяную, яко и мурованую, со всемъ на все, подъ зверхность ихъ милостей, и подаване особъ духовныхъ до тыхъ церквей со всими апаратами и наданями церковными, што бы деи одноколвекъ въ той церкви при поданю ее ихъ милостямъ было и што бы ихъ милость съ тою куплею своею въ держане увошли, и яко се тая маетность Жировичи купля ихъ милости сама въ собе здавна мела и теперъ маетъ, и яко ихъ милостямъ отъ пана Ивана Солтана и малжонки его милости есть продано»…. Такимъ образомъ, Иванъ Мелешко съ женой его пріобрѣли, по ихъ словамъ, въ полное и безраздѣльное свое владѣніе, вмѣстѣ со всѣмъ Жировицкимъ имѣніемъ Ивана Солтана, и Школдицкій монастырскій фольваркъ съ принадлежавшими къ нему людьми, а также деревянную и каменную [1]) церкви въ Жировицахъ, съ правомъ подаванья къ нимъ духовныхъ лицъ. Но они сами, какъ видно изъ интересующаго насъ позова, признавали, что права владѣнія ихъ на Жировицкій монастырь съ его церквами и фольваркомъ Школьдицкимъ не столь явнобезспорны, какъ на самое Жировицкое имѣніе съ входившими въ составъ его селами: «а ижъ до тое маетности (т. е. до Жировицкаго имѣнія) и фолварокъ Школьдыцкии належитъ, въ чомъ объясненя нетъ, до того объясненя васъ позываютъ». Иванъ Мелешко съ женой и позывали въ Слонимскій земскій судъ Даніила Солтана и жену его Екатерину, ур. Жабчанку, для того, чтобы они предъявили суду всѣ грамоты, крѣпости и дѣла, относившіяся къ имѣнію Жировицкому, монастырю и фольварку Школдыцкому («листы, привилья и вся справы и твердости, на то имене Жировичи, на манастыръ и фолварокъ Сколдицкии»), такъ какъ послѣ смерти покойнаго Давида Ивановича Солтана (у котораго они хранились, какъ у старшаго брата) они порешли къ Даніилу Солтану, какъ его сыну.

Дѣло разсматривалось въ Слонимскомъ земскомъ судѣ 4 іюня 1611 года. Повѣренный Ивана Мелешко просилъ судъ приказать Даніилу Солтану представить суду и внести въ актовыя книги его всѣ документы, касающіеся имѣнія Жировицъ, монастыря и фольварка Скольдыцкаго,

1) Въ интересующемъ насъ документѣ впервые указано, что Жировицкая (деревянная) церковь была посвящена имени Пречистой Богородицы. Подъ каменною церковью нужно разумѣть, конечно, начатую, но не достроенную Иваномъ Александровичемъ Солтаномъ церковь...

такъ какъ Иванъ Мелешко съ женой, какъ главные владѣльцы («старшіе участники»), желаютъ имѣть ихъ копіи. Онъ ходатайствовалъ еще о томъ, чтобы Даніилъ Солтанъ, послѣ представленія документовъ, принесъ присягу, что у него не имѣется уже никакихъ другихъ документовъ. Повѣренный Даніила Солтана говорилъ, что Иванъ Мелешко къ вышеупомянутымъ документамъ никакого отношенія не имѣетъ, такъ какъ онъ пріобрѣлъ Жировицкое имѣніе не отъ Ярослава Солтана, къ которому оно перешло по наслѣдству, а отъ Ивана Солтана, который пріобрѣлъ его у брата покупкою. «Прето (говоритъ онъ) его милость панъ брестскии и ее милость пани брестская ведали, што куповали, а теперъ уже нехай на томъ переставуютъ и тымъ се контентуютъ, што ихъ милость у пана Ивана Солтана купили, не потребуючы болшъ въ Сколдычахъ ниякое части»... Слонимскій земскій судъ объясненія повѣреннаго Даніила Солтана призналъ неосновательными и постановленіемъ своимъ предписалъ Даніилу Солтану немедленно представить ему, для внесенія въ его актовыя книги, всѣ имѣющіяся у него документы, относящіеся къ Жировицкому имѣнію. Что же касается вышеупомянутой присяги, то отъ принесенія ея судъ освободилъ Даніила Солтана... Въ виду такого постановленія земскаго суда, Даніилъ Солтанъ объявилъ, что документы суду предъявитъ. Онъ только просилъ у суда отсрочки въ представленіи ихъ до будущей сессіи Слонимскаго земскаго суда, такъ какъ ихъ въ тотъ моментъ не было при немъ, потому что онъ въ послѣднее время не жилъ въ Жировицахъ и прибылъ въ Слонимъ на судъ прямо изъ Вильны. Судъ на отсрочку согласился, обязавши Даніила Солтана явиться на будущую сессію его съ документами безъ особаго о томъ повѣстки [1]).

---

1) Рѣшеніе Слонимскаго земскаго суда, состоявшееся 4 іюня 1611 года по дѣлу Ивана Мелешко съ Даніиломъ Солтаномъ, сохранилось въ оффиціально засвидѣтельствованной копіи въ рукописномъ собраніи епископа Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ). Въ томъ же собраніи находятся и двѣ другихъ копіи этого рѣшенія (одна изъ нихъ писана польскимъ алфавитомъ)... Надо думать, что Даніилъ Солтанъ въ свое время представилъ въ Слонимскій земскій судъ документы относительно Жировицкаго имѣнія. Копіи этихъ документовъ въ 1613 году Иванъ Мелешко передалъ игумену Жировицкаго монастыря Іосафату Кунцевичу, какъ увидимъ ниже.

VII.

Переходъ Жировицкаго имѣнія (половины его) къ Ивану Мелешко произвелъ существенную перемѣну въ положеніи религіозно-церковныхъ дѣлъ въ Жировицахъ. Ко времени этого перехода монашествующихъ въ Жировицахъ, несомнѣнно, уже не было, даже въ самомъ ограниченномъ и случайномъ числѣ. Въ Жировицкой (деревянной) церкви богослуженіе совершалось бѣлыми священниками. «Жировицкая деревянная церковь (говорится въ польской печатной Исторіи о Жировицкой иконѣ Божіей Матери) и монастырь при ней такъ сильно осиротѣли и обнищали, что еле два, а потомъ и одинъ свѣтскій священникъ, могли тамъ содержаться. И мы сами, монахи (уніатскіе), вступивши въ это святое мѣсто, въ самой церкви, весьма опущенной, едва-едва-что нашли» [1]). Ни въ одномъ изъ раньше цитированныхъ нами документовъ не упоминается о монахахъ въ Жировицахъ. Въ одномъ документѣ 1611 года упоминается «слуга (Ивана Мелешко) и дякъ панъ Василій Алимповичъ, который мешкаетъ домомъ своимъ при церкви Жыровицкой заложенья Светое Пречистое манастыра Жыровицкого» [2]). Въ числѣ лицъ, удостовѣрившихъ подписью своею правдивость написанной о. Ѳеодосіемъ Боровикомъ на русскомъ языкѣ «Исторіи» о Жировицкомъ образѣ Божіей Матери, находится, какъ сказано выше, собственноручная подпись священника Опольской церкви Варѳоломея Поликарповича, бывшаго раньше въ теченіе двадцати лѣтъ священникомъ при Жировицкой церкви (см. въ печатаемой Исторіи о. Боровика). Въ числѣ подписей подъ этою же рукописною «Исторіею» находится подпись слуги Ивана Александровича Солтана, а потомъ пономаря Жировицкой церкви, Якова Санкевича (тамъ же).

Призваніе вновь монаховъ въ Жировицы, но уже не православныхъ монаховъ, а уніатскихъ, было дѣломъ Ивана Мелешки. Это поселеніе въ Жировицахъ уніатскихъ монаховъ было само по себѣ

---

1) Относительно каменной церкви въ Жировицахъ, постройка которой начата была Иваномъ Александровичемъ Солтаномъ, Ѳеодосій Боровикъ въ той же польской печатной исторіи (изданной въ 1622 г.) говоритъ: «до сего времени еще не доконченныя, эти каменныя стѣны, прекрасныя и крѣпкія, стоятъ пустыремъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ уже» (отд. IV).

2) Акты Вилен. Арх. Ком., XVIII, 225, отъ 28 апр. 1611 г.

однимъ изъ важныхъ моментовъ въ начальной жизни уніатскаго монашества вообще. Идея внутренней реорганизаціи западно-русскаго уніатскаго монашества (первое обнаруженіе которой можно видѣть въ написанномъ въ 1605 г. въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ Іосифомъ Вельяминомъ Рутскимъ сочиненіи Discursus de corrigendo regimine in ritu Graeco) ко времени перехода Жировицъ къ Ивану Мелешко достигла уже значительной степени въ своемъ созрѣваніи. Послѣдняя борьба православныхъ элементовъ монашества въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ съ уніей (борьба, объединившаяся съ общей тогда борьбой всего православнаго духовенства, дворянства и мѣщанства съ уніей въ Вильнѣ) окончилась въ 1609 году полнымъ торжествомъ уніи, переходомъ Виленскаго Троицкаго монастыря въ безраздѣльную власть Іосифа Вельямина Рутскаго и Іосафата Кунцевича. Послѣ этой побѣды, которой противоборствовалъ другой владѣлецъ Жировицкаго имѣнія (Давидъ Солтанъ), обоимъ вышепоименованнымъ иниціаторамъ западно-русскаго уніатско-монашескаго возрожденія можно уже было приступить къ реализаціи своихъ идей и дальше Вильны и стѣнъ Виленскаго Троицкаго монастыря. Ближайшею цѣлью монашеско-реформаторскихъ плановъ Рутскаго и Кунцевича и сталъ не особенно далекій отъ Вильны Слонимскій повѣтъ, и въ этомъ повѣтѣ привлекли къ себѣ ихъ вниманіе два пункта—Бытень и Жировицы, принадлежавшія двумъ выдающимися въ уніатской средѣ панамъ—Слонимскому маршалку Григорію Тризнѣ и Брестскому каштеляну Ивану Мелешко. Спеціальная церковно-экономическая командировка въ намѣченные зоркимъ глазомъ Іосифа Рутскаго пункты (его родина Рута находилась не далеко отъ этихъ пунктовъ) возложена была на главную нравственную силу реорганизовавшагося уніатскаго монашества—Іосафата Кунцевича. По словамъ составленной Рафаиломъ Корсакомъ, Кіевскимъ митрополитомъ (1637—1641), біографіи Іосифа Рутскаго (Vita Iosephi Velamin Rutski), Іосафатъ Кунцевичъ обратилъ Ивана Мелешко въ унію и убѣдилъ его основать мужской монастырь въ его имѣніи Жировицахъ, при уединенной, но и издревле славившейся чудесами церкви [1]). Можно думать, что тутъ въ сообщеніе Рафаила Корсака

1) Упомянутыя въ текстѣ Discursus и Vita Rutscii находятся въ одномъ рукописномъ сборникѣ Имп. Академіи Наукъ изъ собранія сп. Павла Доброхо-

вкралась нѣкоторая неточность: Іосафату Кунцевичу принадлежала честь не обращенія Ивана Мелешки въ унію (въ интересующую насъ его поѣздку), а утвержденія его въ уніи и созданія у него рѣшимости обратить Жировицкую, уже уніатскую (съ 1609 года), церковь въ монастырь [1]).

Однимъ фактическимъ водвореніемъ при Жировицкой церкви, вмѣсто приходскаго духовенства, уніатскихъ монаховъ благорасположеніе къ нимъ Ивана Мелешко не ограничилось, да этимъ не могли и удовольствоваться Рутскій съ Кунцевичемъ, давно уже пролагавшіе путь къ созданію въ будущемъ базиліанскаго ордена. Имъ нужна была, для осуществленія ихъ организаторскихъ плановъ, вся полнота владѣльческихъ правъ на Жировицкій монастырь. И до водворенія ихъ въ Жировицахъ, существовалъ здѣсь монастырь (хотя бы и безъ монаховъ) въ качествѣ особой единицы земельно-экономическаго хозяйства, въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ. Такое положеніе ему при Жировицкой церкви создали въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній владѣльцы Жировицкаго имѣнія Солтаны. Но они не дали ихъ «Жировицкому монастырю» никакой юридической самостоятельности. Фактически онъ представлялъ собою нѣчто въ хозяйственномъ отношеніи отдѣльное отъ остального Жировицкаго имѣнія Солтановъ, но въ то же время онъ числился и въ общемъ составѣ этого имѣнія, и Солтаны имъ владѣли и распоряжались, какъ своею частною собственностью. Въ этомъ, конечно, лежала причина и фактической непрочности Жировицкаго монастыря, какъ церковно-монашеской общины. Въ послѣдній періодъ принадлежности Жировицъ Солтанамъ положеніе «Жировицкаго монастыря» еще ухудшилось, такъ какъ онъ оказался въ совмѣстномъ владѣніи двухъ пановъ-владѣльцевъ—Давида (потомъ Даніила) Солтана и Ивана Солтана (потомъ Ивана Мелешко)... При такомъ положеніи дѣла, Рутскому и Кунцевичу естественно было поза-

---

това (о нихъ см. нашу статью въ Христ. Чтенія за 1909 г., авг.—сент., 1089—1108).—Бытенская церковь построена Гр. Тризной въ 1593 г. До этого времени Бытенская волость принадлежала къ Миронимскому приходу (тотъ же рукописный сборникъ, л. 10 об.).

1) По словамъ Якова Суши, Іосафатъ Monasterii Zyrovicicnsis Superiorem agens, aedificiis illud, amplitudine Ecclesiam ornamentisque sacris decoravit (Susza, Cursus vitae B. Iosaphat Kuncevicii, Romae, 1665, p. 24.

ботиться, прежде всего, объ юридическомъ обезпеченіи за уніатскимъ монашествомъ Жировицкаго монастыря съ его святынями и съ его движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Въ эту сторону, дѣйствительно, и направились всѣ ихъ заботы съ первыхъ же шаговъ ихъ на Жировицкой почвѣ.

29 октября 1613 года Иванъ Мелешко далъ первую желанную Рутскому и Кунцевичу грамоту Жировицкому уніатскому монастырю. Эта грамота не сохранилась. Она погибла, въ числѣ другихъ Жировицкихъ документовъ, въ моментъ убійства Іосафата Кунцевича въ Витебскѣ въ 1623 году. Но объ общемъ содержаніи ея можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ для этого подтвердительная грамота Жировицкому монастырю дочери Ивана Мелешко Богданы Прецлавской. По ея словамъ, отецъ ея, купивши у Ивана Солтана половину имѣнія Жировицъ, памятуя, что Божіе—Богови, тотчасъ по вступленіи во владѣніе своей половиной Жировицъ, отдалъ на церковь и монастырь уніатскаго исповѣданія, къ которому онъ самъ принадлежалъ, всѣ земли, подданныхъ и прочее, что предоставили имъ Солтаны по своему благочестію. Отцу Іосафату Кунцевичу, котораго игуменомъ Жировицкаго монастыря назначилъ протоархимандритъ ордена Св. Василія Іосифъ Рутскій (галицкій епископъ въ то время), онъ, Иванъ Мелешко, предоставилъ во владѣніе и передалъ (черезъ слугу своего Ивана Мизгиря) церковь Жировицкую и монастырь, съ землею, съ подданными и съ фольваркомъ, къ нему принадлежащимъ, и со всѣми принадлежностями, съ золотомъ, серебромъ, облаченіями, съ образомъ, чаши, кресты серебряные, ризы, евангелія, много книгъ церковныхъ и прочее. Все это онъ передалъ по подробному инвентарю, ничего для себя не удержавши [1]).

Грамота, данная Иваномъ Мелешко игумену Жировицкаго монастыря

1) Вкладная грамота Богданы Прецлавской отъ 15 дек. 1623 года. Она имѣется въ рукописномъ собраніи епископа Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ), въ копіи, имъ самимъ переписанной. Еп. Павелъ нашелъ ее въ одномъ старинномъ евангеліи, принадлежавшемъ Жировицкому монастырю... Въ записи Прецлавской сказано, что разные Жировицкіе документы, по словамъ базиліанъ, находились у Іосафата Кунцевича и погибли въ Витебскѣ (базиліане тогда же составили и внесли въ актовыя книги особую протестацію по этому поводу).

Іосафату Кунцевичу 29 октября 1613 года, и фактическій вводъ его во владѣніе этимъ монастыремъ, со всѣми принадлежащими ему угодьями черезъ владѣльческаго служебника, не гарантировали еще, съ точки зрѣнія утвердившихся въ Жировицахъ уніатскихъ монаховъ, правъ полной, непререкаемой собственности ихъ на этотъ монастырь. Объ укрѣпленіи этихъ правъ они и продолжали хлопотать въ ближайшіе годы.

Первый благопріятный случай къ этому представился имъ пять лѣтъ спустя. Въ 1618 году умерла жена Ивана Мелешко Анна, урожденная Фурсъ. Во время похоронъ ея одинъ изъ жировицкихъ монаховъ, по имени Ѳеоктистъ (вѣроятно, старшій изъ нихъ, управлявшій монастыремъ) обратился къ Ивану Мелешко съ просьбой о томъ, чтобы онъ на память будущимъ вѣкамъ возобновилъ юридическимъ путемъ («поновилъ правне») свое наданье на Жировицкую церковь и монастырь. Мелешко, не мало времени прожившій тогда въ Жировицкомъ монастырѣ, согласился исполнить просьбу Ѳеоктиста [1])... Такимъ образомъ явился новый актъ интромиссіи, или ввода во владѣніе, Жировицкаго уніатскаго монастыря предоставленными ему уже раньше церковью, строеніями и земельными угодьями, датированный 15 мая 1618 года [2]).

Явившись въ Слонимскій гродскій судъ, гродскій возный Слонимскаго повѣта Якимъ Лукашовичъ Мизгиръ, заявилъ, что 15 мая 1618 года Смоленскій каштелянъ Иванъ Мелешко, согласно съ прежней своей грамотой, навсегда отдалъ и предоставилъ («правомъ вечнымъ до держаня, владзы и уживаня подалъ и завелъ и поступилъ») Жировицкую церковь съ монастыремъ и всѣми угодьями преподобному въ Бозѣ отцу Іоасафату Кунцевичу, архимандриту Виленскому и игумену монастыря Жировиц-

---

1) Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ копіи письма Ивана Мелешко къ митр. Іосифу Рутскому отъ 28 мая 1623 года изъ Бусяжа, находящейся въ рукописномъ собраніи еп. Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ).

2) Двѣ подлинныя оффиціальныя выписи этого акта находятся въ рукописномъ собраніи еп. Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ). Обѣ онѣ выданы старшему Жировицкаго монастыря Яну Дубовичу 31 мая 1630 года (одна изъ гродскихъ, другая изъ земскихъ Слонимскихъ книгъ). Тутъ же находится и болѣе поздняя частная копія этой выписи (писанная польскимъ алфавитомъ).

каго, и всѣмъ преподобнымъ отцамъ и братіямъ монахамъ закона Св. Василія В., настоящимъ и будущимъ. Частнѣе и опредѣлительнѣе Иванъ Мелешко (по словамъ акта 15 мая 1618 года) отдалъ имъ и предоставилъ: «церковъ въ имению своемъ Жировичахъ, такъ деревеную заложеня Успения [1]) Пречистое Богородицы, яко и мурованую, зъ манастыромъ и фолваркомъ, до того манастыра прыналежачымъ, правомъ вечнымъ купленымъ отъ славное памяти его милости пана Ивана Ивановича Солтана, старостича Острынского, посполу зъ дворомъ и именемъ Жировичами, ктиторства и подаваня помененыхъ церквей и манастыра Жировицкого зъ части собе заведеное набывши, зо всими апаратами, скарбами и зъ доходы церковными, зъ будованемъ манастырскимъ, оборнымъ и гуменнымъ и зъ дворцомъ, до того манастыра зъ давныхъ часовъ належачымъ... зъ поддаными, съ людми оселыми и неоселыми, зъ грунты вшелякими, оромыми и неоромыми, зъ лесомъ, называемомъ Викнею, зъ деревомъ въ немъ бортнымъ, зъ волными прыробками, зъ речкою и крыницами, зо всими полями, поплавами и сеножатми болотными и мурожными, зъ уходами здавна звыклыми, и штоколвекъ одно въ обрубе давномъ манастырскомъ было и есть, то есть почавши отъ Любиское дороги, которая прыпираетъ до кгрунтовъ ясне вельможного его милости пана Леона Сапеги, канцлера великого князства Литовского, Шиловицкихъ, а оттоль логомъ презъ болото, прозываемое Власовку, ажъ до перелесанки, уппраючы о границу зъ кгрунты самогожъ его мимилости пана Мелешка дворными Жировицкими и зъ Завершенскими, ажъ знову до Любиское дороги, то все зо всими пожитками теперешними и напотомъ будучыми» [2])... Отъ права собственности («зъ належности своее») на все это Иванъ Мелешко (по словамъ акта 15 мая 1618 года) навсегда добровольно отказался («зрекшися»). Онъ отказался отъ права

---

1) Тутъ впервые въ документахъ деревянная Жировицкая церковь названа Успенскою. Каменная церковь по храмовому празднику не названа. Очевидно, она еще не была окончена постройкой и освящена.

2) Стебельскій, говоря о наданьяхъ Ивана Мелешки (1613 и 1618 гг.), поясняетъ, что онъ далъ Жировицкому монастырю «фольваркъ, который находится насупротивъ церкви, одно село, которое теперь именуется мѣстечкомъ, и другое село Стайки, называвшееся раньше Огородниками, съ лѣсомъ Викней, тутъ же возлѣ монастыря растущимъ» (Scriptores, IV, 393).

собственности не только на то, что въ упомянутомъ Жировицкомъ монастырскомъ обрубѣ издавна находилось, но и на то, чѣмъ въ будущемъ его увеличать и улучшать сами монахи («што бы законницы напотомъ ку пожитку своему прымножити могли»).

Въ виду отказа Ивана Солтана отъ всякихъ правъ собственности на Жировицкій монастырь и церкви, на ихъ земельныя и иныя угодья и доходы, даже на ктиторство надъ ними (или подаванье ихъ), «его милость велебный въ Бозе отецъ Іосафатъ Кунцевичъ и велебныи отцове и братия, при немъ на сесъ часъ будучая, черезъ возного и сторону шляхту, тыхъ церквей и всего манастыра старовечного Жировицкого съ приналежностями его державчыми зоставши, до моцы и уживаня своего взяли и вечистыми посесорми того всего зостали»... Присутствовавшіе при совершеніи акта возный и понятые—шляхтичи и представили въ Слонимскій судъ, для внесенія въ актовыя книги его, грамоту, удостовѣрявшую его совершеніе («квитъ»).

Увѣдомляя (23 мая 1618 г.) митр. Іосифа Рутскаго о составшемся 15 мая въ Жировицахъ актѣ интромиссіи, Иванъ Мелешко писалъ ему: «казаломъ объихаты грунты манастырские въ обрубе одномъ все черезъ возного и сторону, абы такъ Ваша Милость въ поссесыю правно вошли, ажебы и урочища въ интромиссіи помепено... Только Ваша Милость за мене осиротелого и детки мои не припоминайте въ молытвахъ своихъ светыхъ» [1]).

---

1) Цитир. на стр. 61 письмо. Въ этомъ письмѣ Иванъ Мелешко пишетъ, что онъ слышалъ отъ о. Өеоктиста, что о. Дороөея перемѣщаютъ изъ Вильны въ Полоцкъ. Мелешку, видимо, это было непріятно. Онъ проситъ Рутскаго снестись по этому поводу съ полоцкимъ архіепископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ: «нехай яко игуменъ и моего манастыра, хочъ водле глосты, радытъ о о томъ местцу светомъ, яко мне упрпобецалъ, брата Дороөтея пришлетъ, бо естъ добрый церковникъ»... Изъ этихъ словъ Мелешко видно, что Іосафатъ Кунцевичъ, ставши архіепископомъ Полоцкимъ (28 іюня 1617 г. коадъюторомъ, а 31 марта 1618 г. архіепископомъ) продолжалъ оставаться игуменомъ Жировицкаго монастыря... Дороөей Лециковичъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, съ 1609 года, когда онъ прибылъ въ Вильну изъ Бреста въ качествѣ пѣвчаго митр. Потѣя, находился въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ. Въ 1621 г., по приглашенію Іосафата, онъ прибылъ въ Полоцкъ и оставался его архидіакономъ до самой ужасной его смерти. Онъ не только находился возлѣ Іосафата въ Ви-

Изъ позднѣйшей вкладной записи дочери Ивана Мелешко Богданы Прецлавской узнаемъ еще, что онъ тогда же вручилъ Іосафату Кунцевичу всѣ документы (prawa wszystkie y twierdosci y prywileia) относительно Жировицкой церкви и Жировицкаго монастыря, полученные имъ отъ Солтановъ, и налоговыя квитанціи [1]).

Выше было отмѣчено, что земельныя владѣнія Жировицкого монастыря въ одномъ пунктѣ непосредственно соприкасались съ Шиловицкими владѣніями литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Вслѣдствіе близости Шиловичь отъ Жировицъ и отсутствія церкви въ Шиловичахъ, Шиловицкіе владѣльцы издавна предоставляли Жировицкой церкви въ пользованіе часть своей земли, непосредственно прилегавшей къ ея собственности земельнымъ владѣніямъ. Эта часть земли, поступившей во владѣніе Жировицкой церкви, тоже не была, конечно, укрѣплена за ней законнымъ образомъ. Утвердившіеся въ Жировицахъ уніатскіе монахи, добившись отъ Ивана Мелешко юридическаго закрѣпленія за церковью и монастыремъ своей земли, обратились вслѣдъ затѣмъ, надо думать, съ просьбой о томъ же къ владѣльцу Шиловицкаго имѣнія Льву Сапѣгѣ. Результатомъ этой просьбы и явилась его подтвердительная вкладная запись въ пользу Жировицкаго монастыря, сдѣланная имъ 22 августа 1616 года собственноручно въ монастырскомъ напрестольномъ евангеліи [2]).

Въ этой записи Левъ Сапѣга, въ виду того, что прежніе владѣльцы Шиловицкаго имѣнія предоставили Жировицкой церкви значительное количество («шматъ») пашенной земли («по сей стороне речки, гдѣ теперъ сельцо Огородники сѣдятъ»), и въ виду того, что имѣніе Шиловицы досталось ему «съ подаваньемъ церкви Божые»,—счелъ своимъ долгомъ подтвердить право владѣнія Жировицкой церкви этою землею. Мало того:

тебскѣ въ моментъ смерти его (12 ноября 1623 г.), но и самъ сильно пострадалъ отъ совершившей убійство толпы... Эти свѣдѣнія извлечены нами изъ подлиннаго процесса канонизаціи Іосафата (рук. отд. библ. Имп. Академіи Наукъ, собраніе еп. Павла Доброхотова) и находятся въ нашей статьѣ «О неизданныхъ сочиненіяхъ Іосафата Кунцевича», напечатанной въ «Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, томъ XIV, кн. 3, и отд. оттискъ, стр. 18).

1) Цит. въ прим. запись на стр. 60.

2) Она напечатана въ Вилен. Арх. Сборникѣ, VI, 205.

отъ себя онъ пожертвовалъ Жировицкой церкви Шиловицкую корчму («тамъ же въ Жировичахъ по сей стороне речки, где и Огородники церковныя сѣдять») съ землей, на которой эта корчма стояла, и съ прилегающими къ ней пашней, лугомъ и зарослями («надъ тою речкою и верхъ»). Кромѣ того, онъ пожертвовалъ въ Жировицкую церковь ризу, поручи, епитрахили, архіерейскую митру и посохъ, серебранныя чашу и дискосъ... Левъ Сапѣга, сдѣлавшій эти пожертвованія въ Жировицкую церковь, выразилъ желаніе, чтобы въ ней всегда молились за короля, королеву, королевичей, его (жертвователя) и его дѣтей и весь христіанскій народъ.

Въ томъ же 1616 году, въ которомъ Жировицкому уніатскому монастырю удалось расширить свои земельныя владѣнія на счетъ сосѣдняго Шиловицкаго имѣнія, ему пришлось испытать непріятности отъ другого сосѣда,—отъ владѣльца другой половины Жировицкаго имѣнія, Даніила Давидовича Солтана. 6 іюля 1616 года, во время уборки хлѣба, онъ самолично напалъ на монаха Жировицкаго монастыря Ѳеоктиста, возившаго снопы ржи съ монастырскаго поля (въ урочищѣ Дубовый лужокъ на клину), гдѣ жало рожь 14 жнецовъ. По словамъ Ѳеоктиста, Даніилъ Солтанъ подъѣхалъ къ нему на конѣ и «не уважая его духовнаго званія, какъ еретикъ» [1]), билъ его палкой по спинѣ и ткнулъ ею въ губу и подбородокъ. Когда же палка сломалась, онъ сошелъ съ коня, погнался за нимъ и, догнавши, сталъ бить саблей. Ѳеоктистъ, весь избитый, со слезами и низкими поклонами, умолялъ Солтана пощадить его, указывая на то, что онъ не тронулъ ни его поля, ни его засѣва, ни его хлѣба, что онъ собирался возить только то, что сжато было жнецами на монастырской землѣ. Только служебникъ Янъ Велюнскій удержалъ его отъ побоевъ. Солтанъ, сѣвши на коня, приказалъ согнать съ монастырскаго поля жнецовъ и взять возъ, на которомъ Ѳеоктистъ собирался возить снопы, и отправить его съ хлѣбомъ въ свое имѣніе... Оскорбленный и избитый Солтаномъ монахъ Ѳеоктистъ, опасаясь ежечасно за свою жизнь и въ виду того, что Солтанъ насильственно возбраняетъ монахамъ пользоваться принадлежащею имъ пашнею, подалъ лично

1) Эпитетъ «еретикъ», вѣроятно, означаетъ протестантъ.

протестацію о всемъ происшедшемъ въ Слонимскій гродскій судъ, предоставляя самому пану Мелешко законнымъ путемъ возстановить свои владѣльческія права, попранныя Солтаномъ, и прося судъ освидѣтельствовать нанесенныя ему Солтаномъ раны... По опредѣленію Слонимскаго гродскаго суда, возный съ понятыми 7 іюля отправился въ Жировицы. Онъ освидѣтельствовалъ монаха Θеоктиста и нашелъ на его тѣлѣ не мало ранъ, панесенныхъ палкой и саблей, между прочимъ и рану на верхней губѣ. Онъ же съ понятыми и управляющимъ Жировицкимъ имѣніемъ Ивана Мелешко ѣздилъ на спорное поле, гдѣ произошло столкновеніе Солтана съ Θеоктистомъ. На этомъ полѣ въ тотъ моментъ оказалось девять жнецовъ, присланныхъ Солтаномъ, которые жали для него рожь. Взятый Солтаномъ возъ находился, по ихъ словамъ, въ его дворѣ... Составивши обо всемъ этомъ актъ, возный внесъ его въ Слонимскія гродскія книги [1]).

Исходъ разсказаннаго нами столкновенія Жировицкаго монастыря со вторымъ Жировицкимъ владѣльцемъ-помѣщикомъ Д. Д. Солтаномъ намъ неизвѣстенъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это столкновеніе послужило однимъ изъ поводовъ къ тому, чтобы жировицкіе монахи усугубили свои старанія и хлопоты по дѣлу о большемъ юридическомъ и фактическомъ укрѣпленіи за ихъ монастыремъ земельныхъ владѣній, предоставленныхъ имъ грамотой Ивана Мелешко въ 1613 году. Эти старанія и хлопоты ихъ, какъ мы видѣли выше, увѣнчались успѣхомъ два года спустя послѣ прискорбнаго столкновенія (15 мая 1618 г.). Но подтвердительное предоставленіе Иваномъ Мелешко Жировицкому монастырю всѣхъ его прежнихъ земельныхъ владѣній и отказъ его отъ ктиторскихъ правъ надъ монастыремъ и его церквами не создавали еще для Жировицкаго монастыря полной, неограниченной самостоятельности. Иванъ Мелешко былъ владѣльцемъ соб. одной половины Жировицкаго имѣнія. Владѣльцемъ другой его половины оставался все—тотъ же враждебный уніатскимъ монахамъ Даніилъ Солтанъ. Съ владѣніемъ же второй половиной единаго нѣкогда Жировицкаго имѣнія соединялись и кти-

1) Копія жалобы Θеоктиста на Даніила Солтана находится въ рукописномъ собраніи еп. Павла Доброхотова (рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ).

торскія права владѣльца ея по отношенію къ Жировицкимъ церквамъ и монастырю. Вышеописанное самоуправство (по взгляду Жировицкихъ монаховъ) Даніила Солтана на монастырской пашнѣ, было, надо думать, съ точки зрѣнія самого Даніила Солтана, не совсѣмъ самоуправствомъ. Къ сожалѣнію, эта его точка зрѣнія въ данномъ случаѣ (въ письменномъ документѣ враждебной ему стороны) для насъ неясна.

Для полной юридической и фактической самостоятельности Жировицкаго монастыря необходимо было отреченіе отъ всякихъ правъ на него и Даніила Солтана. Какія усилія положили на достиженіе этого Жировицкіе уніатскіе монахи съ своимъ игуменомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ во главѣ, въ точности неизвѣстно. Но уже въ 1620 году цѣль ихъ была достигнута. Іосафатъ Кунцевичъ обратилъ изъ протестантства въ унію Даніила Солтана [1]. 26 іюля 1620 года Даніилъ Солтанъ, въ качествѣ владѣльца другой половины Жировицъ имѣвшій унаслѣдованныя отъ предковъ своихъ права и на другую половину Жировицкаго монастыря и церкви, отрекся отъ всякихъ правъ своихъ на нихъ, равно какъ и отъ всякихъ монастырскихъ доходовъ [2].

---

1) Susza, Cursus Vitae B. Iosaphat Kuncevicii, p. 25.

2) Такъ передано содержаніе фундушовой записи Даніила Солтана отъ 26 іюня 1620 года въ «Вѣдомости о фундушахъ базиліанскихъ монастырей», составленной начальствомъ базил. ордена по приказу митр. Іосафата Булгака 26 апр. 1809 года (Архивъ Св. Синода, дѣло 2-го деп. Рим.-катол. дух. коллегіи за 1822 г. № 61, л. 95—96). Актъ интромиссіи совершенъ былъ и внесенъ въ Слоним. земскія книги 8 авг. 1620 г. (ibid., 504—505). Въ фундушовой записи Даніила Солтана было сказано, что она составлена имъ во вниманіе къ тому, что «съ давнихъ временъ его предки погребались въ Жировицкой церкви» (Wiadomość o stanie Klasztora Zyrowickiego, roku 1823 września 25 dnia sporządzona, находящаяся въ рукописномъ собраніи еп. Павла Доброхотова, въ рук. отд. Библ. Имп. Академіи Наукъ). Изъ инвентаря земель Трокскихъ церквей, составленнаго въ 1701 году, видно, что Даніилъ Солтанъ отказался въ пользу м. Рутскаго и отъ правъ своихъ и власти надъ Трокскими церквами и ихъ фундушами (актъ былъ внесенъ 8 авг. 1620 г. въ Слоним. гродскія книги). Фундушы этихъ церквей были тогда уже расхищены, и Даніилъ Солтанъ самъ лично ничего не могъ предпринять для ихъ возвращенія вслѣдствіе затруднительнаго положенія своихъ дѣлъ вообще (Вил. Арх. Сборн., II, 173). По Стебельскому, Давидъ Солтанъ погребенъ былъ въ Жировицахъ. По его же свидѣтельству, Даніилъ Солтанъ уступилъ 26 іюля 1620 года свое ктиторское право на Жировицкій монастырь и церковь своему двоюродному брату Адріану Подберезскому, монаху Жировицкаго монастыря, и въ его лицѣ базиліанскому ордену (Scriptores, IV, 392, 394). Перечень относящихся сюда документовъ находится въ «Funduszu Monastyra Zyrowickiego» (рук. собр. Павла Доброхотова).

Послѣ совершенія этого акта Даніилъ Солтанъ не долго уже владѣлъ Жировицкимъ имѣніемъ. 6 іюня 1621 года онъ продалъ все свое Жировицкое имѣніе литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ за 5000 копъ литовскихъ грошей, оставивши себѣ только фольваркъ и деревню Скольдычи. Актъ продажи 16 іюня 1621 года внесенъ былъ въ Слонимскія земскія книги. Но и Левъ Сапѣга не долго владѣлъ Жировицкимъ имѣніемъ. 21 октября 1621 года онъ продалъ его Смоленскому каштеляну Ивану Мелешко, который такимъ образомъ сдѣлался владѣльцемъ всего Жировицкаго имѣнія, обѣихъ его половинъ [1]).

По смерти Смоленскаго каштеляна Ивана Мелешко, давняго и главнаго благодѣтеля Жировицкихъ базиліанъ († 13 мая 1622 года) [2]), все Жировицкое имѣніе досталось его дочери Богданѣ, по первому мужу Божиминской, по второму Прецлавской. Къ ней-то, послѣ убійства въ Витебскѣ Іосафата Кунцевича (12 ноября 1623 года), въ виду пропажи въ моментъ его смерти всякаго рода документовъ Жировицкаго монастыря, въ томъ числѣ и грамотъ ея отца (1613 и 1618 гг.), и обратился уніатскій митрополитъ и протоархимандритъ базиліанскаго ордена Іосифъ Вельяминъ Рутскій съ просьбою о подтвержденіи грамотъ ея отца Жировицкому монастырю. Съ этой просьбой онъ спеціально послалъ къ ней нареченнаго Полоцкаго уніатскаго архіепископа Антонія Селяву и ея брата, Слонимскаго хорунжаго, Юрія Мелешко. Богдана Прецлавская 15 декабря 1623 года и дала Жировицкому монастырю подтвердительную грамоту на все то, что ему было предоставлено «старовѣчною фундаціею» Солтановъ и ея отцомъ. Все это она подтвердительно предоставляла митрополиту Іосифу Рутскому и въ его лицѣ всему базиліанскому ордену, не оставляя ни за собой, ни за мужемъ своимъ Андреемъ Прецлавскимъ, ни за дѣтьми ихъ (если ихъ пошлетъ имъ Богъ) ничего

1) Scriptores, IV, 392, Stebelski. Даніилъ Солтанъ продалъ Льву Сапѣгѣ Жировицкое имѣніе съ Васьковскимъ и Богдановскимъ фольварками и съ деревнями: Залѣсье, Вержболоты, Окуниново, Литва, Русаки и Миронимъ.

2) Stebelski (Scriptores, IV, 392). Даніилъ Солтанъ умеръ въ 1634 году въ Школдычахъ и погребенъ въ Жировицкой церкви. Онъ былъ женатъ на Христинѣ, урожденной Брестиной. Сынъ ихъ Александръ остался сиротой 15 лѣтъ послѣ смерти отца. Онъ служилъ въ 1637 г. въ домѣ (był pokojowym) митр. Рафаила Корсака (ibid., 394).

по части владѣнія церковью, монастыремъ и землями, находящимися уже въ спокойномъ завѣдываніи и пользованіи Жировицкихъ базиліанскихъ монаховъ. Богдана Прецлавская оставляла только право пожизненнаго подаванія Жировицкой церкви за собой и за своимъ мужемъ Андреемъ Прецлавскимъ, а также право пожизненнаго проживанія ея внука Халецкаго въ небольшомъ домикѣ, построенномъ за погостомъ по правую сторону церкви на монастырской землѣ, на случай пріѣзда ея и ея мужа. За этимъ исключеніемъ, все остальное она вновь подтверждала за Жировицкаго монастыремъ: «поля всѣ и огороды, именно фольваркъ и дворецъ, идя вверхъ, до дворца моего Жировицкаго по лѣвой сторонѣ... также все около церкви деревянной и каменной до самой рѣчки Викни, на которой теперь стоитъ монастырская мельница и которая граничитъ съ землями, наданными на упомянутую церковь и монастырь его милостью паномъ Львомъ Сапѣгою и его предшественниками, также съ полемъ, называемымъ Стаями, съ лугами, болотами, идя къ рѣчкѣ Стежалкѣ, упираясь въ болото Власовку, съ лѣсомъ Викней, деревомъ бортнымъ до самыхъ границъ земель двора Шидловицкаго,—все это въ одномъ обрубѣ, какъ въ интромиссіи покойнаго отца моего описано и подтвердительными фундушовыми грамотами его милости пана Даніила Солтана и моею нынѣшнею утверждено». Въ благодарность за все это Жировицкіе монахи обязаны были всегда молиться за самое жертвовательницу и за ея мужа Андрея Прецлавскаго. Кромѣ того должны были еженедѣльно на заупокойныхъ обѣднѣхъ поминать имена ея родителей Іоанна и Анны и ея перваго мужа Матѳея (Божиминскаго), а также имена ея, жертвовательницы, ея вышеупомянутаго второго мужа и ея дочери Анны (Божиминской), послѣ смерти ихъ [1]).

Къ тому времени, когда Ѳеодосій Боровикъ принялся за составленіе «Исторіи» о Жировицкой иконѣ Божіей Матери, не только Иванъ Мелешко, но и Даніилъ Солтанъ отказались уже отъ всякихъ правъ на Жировицкій монастырь [2]) и Жировицкую церковь. Жировицкій базиліанскій

1) Цит. въ прим. 121 запись на стр. 60.

2) Рафаилъ Корсакъ приписываетъ Ивану Мелешко постройку новаго или во всякомъ случаѣ капитальную перестройку стараго зданія самого монастыря въ Жировицахъ: «монастырь запущенный отстроилъ» (ср. прим. на стр. 58).

монастырь бодро и увѣренно могъ смотрѣть въ глаза будущему. Ему предстояла видная, по временамъ даже блестящая, роль въ судьбахъ базиліанскаго ордена и даже всей западно-русской уніатской церкви. Въ частности ему суждено было занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи западно-русскаго уніатскаго образованія [1]).

П. Жуковичъ.

1) Главная часть рукописнаго собранія епископа Павла Доброхотова, принадлежащаго нынѣ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ, принадлежала до перехода его въ руки этого епископа библіотекѣ Жировицкаго базиліанскаго монастыря. Въ нашей настоящей статьѣ мы воспользовались спеціально-жировицкими документами обширнаго рукописнаго собранія епископа Павла для возстановленія древнѣйшей исторіи Жировицкаго монастыря съ его чудотворной иконой Божіей Матери. Въ этомъ собраніи находится не мало матеріаловъ и для всей дальнѣйшей исторіи этого монастыря... Переходъ Жировицкаго рукописнаго собранія къ епископу Павлу Доброхотову объясняется тѣмъ, что онъ, до постриженія въ монашество называвшійся Прокопіемъ Низовичемъ, состоялъ съ 1837 до 1845 г. преподавателемъ Литовской, сперва уніатской, а потомъ (съ 1839 г.) православной духовной семинаріи, находившейся въ м. Жировицахъ (слоним. уѣзда гродн. губ.) и помѣщавшейся въ зданіяхъ Жировицкаго монастыря. Въ Жировицахъ онъ и женился на дочери извѣстнаго протопресвитера Антонія Тупальскаго (біографическія свѣдѣнія о Павлѣ Доброхотовѣ находятся въ изданномъ А. С. Родосскимъ «Біографическомъ словарѣ студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи», С.-Петербургъ, 1907).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Гистория, або Повѣсть людей розныхъ, вѣры годныхъ, о образѣ чудовномъ Пренасвятейшое Дѣвы Маріи Жировицкомъ въ повѣте Слонимскомъ, во всемъ згодливая, коротко выписаная и зъ немалою працою и старанемъ собраная презъ многогрешного отца Өеодосія, З. Н. С. О. В.

Молитъ усердно всякаго прочитающаго сия, да проглаголетъ занъ: Отче нашъ.

Всему повѣту Слонимскому не естъ тайно, же около року Господнего а҃ф҃ на томъ месцу, на которомъ теперъ суть церкви, монастырь и роли, была великая пуща, маючая в собе немало звѣру, якожъ розумѣю, же для жыру бярзо способного, который былъ в той пущы бестиямъ, то месце одъ продковъ Жировомъ, або Жировичами есть названо, або тежъ одъ хлопца тогожъ назвиска Жыръ, который неколись по части уживалъ тое пущи. До которое пастухомъ славное памети Его Милости Пана Александра Солтана, рыцера гробу Божого и Подскарбего Надворного Вл. Кн. Л. (который собе у Казимера Третего Якгеловича, короля Польского, тые Жыровичы выслужилъ) уражилосе з быдломъ загнати, которои прехажаючися обачилъ единъ з нихъ на древе грушновомъ лесномъ якобы во огню якомъ образъ стоячи; чымъ престрашонымъ будучи, зволалъ товариство, которое пришедши тожъ видели, и не рыхло осмелившися, кгды вже огонъ той гаснувъ (якось имъ на он часъ видело), образъ взели и пану своему занесли, которого онъ взявши до шкатулы сховалъ. Але Господь Богъ, который звыклъ прославляти прославляющихъ Его, не допустилъ наяснейшое денницы оболоками неведомости людское засланять и такъ знаменитого скарбу в землю закопать, але рачей жебы всимъ требующимъ былъ выставленый, и для того безъ вотпеня з шкатулы зникнулъ. Хотечи его бовемъ разъ указать гостемъ, ничого не знашовъ, чомуся побожный панъ велце выдивовать не моглъ. Повторе,

кгды тыежъ пастухове, способомъ вышеи писанимъ на томъ же местцу тотъ же образъ знашедши, пану оддавали, здумевалсе, не ведаючи, што мелъ з нимъ чинить. Спустившись еднакъ на волю Божию, ехалъ самъ до тое пущы съ пастухами, видеть хотечи местце, на которомъ имъ образъ показовалъ. Тамъ приехавши, долго з великимъ подывенемъ мыслилъ, што бы то было, же ся такъ на незвычаиномъ местцу знаидовалъ, и в такихъ мысляхъ былъ презъ килка годинъ въ захвиценю, где се досконале о воли Божои доведалъ. В часе потомъ короткимъ казалъ розрубивать оную пущу, а потомъ церковъ спаналую будовать, которая кгды докончоная была, уберами ее вшелякими надалъ и тотъ образъ чудовный, в сребро оправивши, в ней поставилъ и немало презвитеровъ ховалъ для одправованя порадного и уставичного набоженства. Тая помененая церковъ в колкодесять лѣтъ по збудованю отъ свечи, с припадку недобре загашоное, вся немалъ в попелъ се обернула. Образъ еднакъ св. и таблички приносные при нимъ вцале наидено, ачъ врихле потомъ самъ образъ зникнулъ и перенеслъся былъ невидоме (безъ вонтпеня справою анъгелскою) на камень великии, который и теперъ естъ на томъ же местцу подъ горою, идучы до церкви мурованое. А в тымъ, кгды вси о томъ образе светомъ пытали, фрасовали и стумилисъ, неведаючи, гдѣ бысь поделъ, детки (по немаломъ часе), которыесь на онъ часъ в школе учили, играючи в день коло погорелиска, видели на око панну якусь барзо сличную, в коле пломенистомъ на ономъ камени седячую, чымъ престрашившисе добеглисе и презвитеромъ ознаимили. Они засе, повести детиннои не верачи, сами пошли смотрить, если быть такъ было. Идучи тамъ, особы вже не видели, але свечу якуюсь горащую здалека обачили (которая потомъ, кгды по тотъ образъ св. со крестами приходили, зникнула) и образъ о своеи моцы стоячы, которого з набоженствомъ взявши, первеи до домку одного, а потомъ до церковки, врихле зготованое, з веселемъ невымовнымъ внесли, где презъ не малыи часъ стоялъ, и чуда великие тамъ же бывали. Але з ыншими весполъ оздобами и тая книжка, в которую все писано, з оною церковью, вышеи помененою, згорала. А ижъ множство людеи з розныхъ сторонъ и далекихъ в потребахъ своихъ на то местце св. приеждзало, такъ же се зместить в оной церковце не могло, збудовано потомъ троха большую церковъ з дерева до

часу и образъ чудовныи до нее перенесено. А в тымъ Его М. Панъ Иванъ Александровичъ Солтанъ, Маршалокъ Надворныи Е. К. М., матерню на мурoване церкви кгрунтовное готовалъ, которое не докончивши с тымъ се светомъ пожекгналъ. До того и то поведають, же по взятю образа св. з оного каменя зъявилась барзо добре выражоная рука правая и седзене, которые знаки для частого толченя от розныхъ людеи (поведають бовемъ, же отъ фебры помочнымъ естъ) загладили. Образъ самъ естъ каменныи, светло шаровыи, рытыи, кгруглодолгии, накшталтъ яица. Постатъ на нымъ Пречистое Дѣвы Марии од головы по бедра вырыта [1]), а на правои руце Младенецъ Іс. целыи, вырытыи, для частого цалованя людеи побожных трохась выгладилъ, бо ажъ до нашихъ часовъ безъ шкла его ховано. Запахъ меваетъ самъ презъ се барзо пенкныи и приемныи. На остатокъ и то треба ведать, же в очахъ людеи дворныхъ и въ герезии або в греху смертельнымъ будучихъ отменяется, часомъ бовемъ чорнымъ, а часомъ якобы чимъ заслоненымъ показуется, што килка особь на себе доброволне дознали. Великости его хто хочетъ, можетъ се з учтивостю присмотритъ. Ласки барзо значное от Господа Бога за причиною Царицы Небесное тые дознаваютъ, которыесь на то местце светое з вѣрою щирою и з уфностю великою оферуютъ. Того всего поведачемъ и сведками суть тые, которыхъ имена нижеи видишъ.

Ѳеодосии іеромонахъ закону Св. Василия сознаваю тымъ писанемъ руки моее власное, жемъ такъ власне отъ многихъ людеи о томъ образѣ светомъ слышалъ, яко се тутъ гистория писала.

---

1) Академикъ Н. П. Кондаковъ («Иконографія Богоматери», С.-Петербургъ 1911), стр. 52—53. пишетъ: «Жировицкая икона Божіей Матери типъ «Умиленія», но сохранившій болѣе итальянскій живописный характеръ, чѣмъ всѣ греко-итальянскіе переводы этого типа». Но это не доказываетъ еще непремѣнно западнаго, итальянскаго ея происхожденія. Типъ Умиленія для иконъ Божіей Матери, послѣ завоеванія крестоносцами Константинополя и Палестины, сталъ весьма распространеннымъ и въ восточной иконописи. Сходство съ Жировицкой иконой, по основному типу, представляютъ,, по свидѣтельству того же автора, Смоленская икона Божіей Матери въ Ростовской церкви Св. Косьмы и Даміана и Донская икона Божіей Матери. Иконы типа Умиленія свойственны XIV и XV вѣкамъ. Въ первомъ польскомъ печатномъ изданіи «Исторіи» Жировицкой иконы Божіей Матери помѣщено изображеніе ея.

Я Исидоръ Ивановичъ, священикъ Люшневъскии, будучи прошоныи отъ чесного отца Анъдрея Афанасовича Бегуновского, которыи презъ старость свою великую не могучи свои руки подписать, при памети еднакъ будучи, вызнавалъ предо мною и предъ чесным отцемъ Феодосиемъ, иеромонахомъ закону Светого Василия, которыи его о всемъ выпытовалъ, же все такъ власне было, яко се тутъ гистория о образе Жировицкомъ Пречистои Богородицы обписала, для чого то все и я зезнаваю, пишучи рукою моею власною року ҂ахке мца ген. ӣі дня.

Я Варфломеи Поликарповичъ, предъ тымъ будучи свещеникомъ Жировицкимъ литъ к҃, а теперъ Опольскимъ, сознаваю тымъ писанемъ, жемъ такъ власне отъ продковъ моихъ слышалъ о образи светомъ Жировицкомъ, яко ся тутъ гистория писала.

Я Мизкгиръ, слуга велможного пана Ивана Мелешко, каштеляна Смоленского, урядникъ и дозорца маетности и церкви Жировицкое, сознаваю тымъ писанемъ моимъ, жемъ такъ власне о томъ образе чудовномъ одъ розныхъ людеи слышалъ, яко се тутъ тая история написала. Власна рука.

Иванъ Толкачевичъ, урядникъ его милости пана Данила Давыдовича Солтана, сознал предъ многими, же такъ тежъ власне одъ продковъ своихъ слишалъ о томъ образѣ, яко се тутъ писало.

Яковъ Санкевичъ, слуга его милости пана Ивана Александровича Солтана, а потомъ панамаръ Жыровицкое церкви, также поведалъ и зознавалъ предъ розными отцами, же и онъ также слышалъ власне, яко се тутъ написало о томъ образѣ.

Никита Совицкии, або Өедоровичъ, слуга тогожъ пана Ивана Солтана, тожъ все власне поведалъ о томъ образе Св., яко се гистория написала.

Григореи Юнцевичъ, з села прозываемаго Залеся, подданыи его милости пана Анъдрея Предславскаго, ктитора Жировицкого, пытаныи отъ отцовъ законниковъ сознавалъ, же также власне отъ продковъ своихъ слышалъ о образе чудовномъ, яко се написало.

Афанасъ Мурашка, подданыи церкви Жыровицкое, также все власне о всемъ повядалъ, яко се гистория написала.

Миколаи Савичъ, передъ тымъ тивунъ пана Даниеля Солтана, а теперъ подданный церковныи, все тое, што се писало, сознавалъ предъ многими, жесь онъ также слышалъ отъ родичовъ своихъ, яко се тутъ о образе светомъ написало.

И многие иншие въ той повести въ одно немалъ згажали, што все на вечную наметь въ тые церковные книги вписало во честь Божую и пречистое Дѣвы Марии.

Лѣтописецъ въскорѣ патріарха Никифора въ Новгородской Кормчей.

Для будущаго историка древне-русской хронологіи важно знать, въ какомъ видѣ доходили до нашихъ лѣтописцевъ иностранныя сочиненія по хронологіи; были ли это точные переводы, выдержки, простыя изложенія или передѣлки? Рѣшеніе этихъ и многихъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей хронологіи, возможно лишь послѣ тщательнаго изученія состава дошедшихъ до насъ памятниковъ по хронологіи. Однимъ изъ такихъ памятниковъ является извѣстная хронологическая статья патріарха Никифора: χρονογραφία σύντομος, какъ называли прежде, или χρονογραφικὸν σύντομον, какъ называютъ эту статью теперь. Переводы на славянскій языкъ этого памятника византійской хронографіи весьма цѣнились въ древней Руси и въ другихъ славянскихъ государствахъ; слѣды вліянія этого произведенія на русскую хронологію вообще и на датированіе отдѣльныхъ событій въ частности многочисленны.

Благодаря небольшому объему этого произведенія греческіе оригиналы хронографикона пріобрѣтались, повидимому, безъ особыхъ затрудненій, а потому въ рукахъ у древнихъ книжниковъ нашихъ имѣлось нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга переводовъ. Они носили обычно названіе «лѣтописца въкратцѣ», «—въскорѣ», «—въборзѣ» и т. п.

Изъ дошедшихъ до нашего времени переводовъ хронографикона наиболѣе близкимъ къ подлиннику надо, кажется, признать «лѣтописецъ въскорѣ» въ Кормчей XVI-го вѣка, хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F II—250). Этотъ изводъ лѣтописца буду обозна-

чать сиглой F. Существуютъ признаки того, что памятникъ этотъ есть копія съ болѣе древняго перевода, нынѣ или утраченнаго, или еще не найденнаго. Не имѣя въ виду въ настоящей работѣ аргументировать по этому поводу, я считаю однако необходимымъ замѣтить, что главнѣйшимъ признакомъ того, что F есть копія съ болѣе древняго перевода, служитъ неправильное по мѣстамъ раздѣленіе славянской рѣчи на отдѣльныя слова. Видно, что составитель извода F имѣлъ въ рукахъ не греческій оригиналъ хронографикона, а славянскій переводъ, въ которомъ отдѣльныя слова не были раздѣлены промежутками, а потому переписчикъ, копируя собственныя имена, не всегда вѣрно раздѣлялъ рѣчь на отдѣльныя слова [1]).

«Лѣтописцы» Никифора, приложенные къ спискамъ Никоновской лѣтописи, весьма отличаются отъ F, а слѣдовательно и отъ греческаго оригинала хронографикона. Но зато изводы эти весьма близки къ «лѣтописцу патріарха Никифора», помѣщенному въ Новгородской Кормчей, хранящейся въ Московской Синодальной Библіотекѣ (№ 312, листы 567 обор.—575 обор.).

Интересна также обработка неполнаго «Лѣтописца» въ рукописномъ Сборникѣ Н. В. Никифорова, издан. подъ наблюденіемъ С. А. Бѣлокурова въ Чт. Им. О. Ис. и Др. Рос. за 1898-ой годъ.

Прежде чѣмъ приступить къ сравнительному изученію различныхъ изводовъ этого «лѣтописца», прежде чѣмъ изслѣдовать вліяніе этого произведенія на хронологическія выкладки нашихъ древнихъ писателей, мнѣ казалось небезполезнымъ, и даже необходимымъ, подвергнуть внимательному разсмотрѣнію «лѣтописецъ въскорѣ» Новгородской Кормчей. Буду обозначать этотъ изводъ сиглой НК. Изводъ НК признаю древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ. Разсмотрѣніе этого извода, по моему мнѣнію, тѣмъ необходимѣе, что слѣды вліянія этого именно памятника, или, что вѣроятно вѣрнѣе, его неизвѣстнаго намъ прото-оригинала, на судьбу древне-русской хронологіи несомнѣнны.

1) Такъ 'Ан'тонин' же веиръ не могло быть переводомъ имени Ἀντωνῖνος ὁ καὶ Βῆρος, а копіей съ фразы, имѣвшей начертаніе: антонинъжевеиръ. Подобнымъ же образомъ: Левъ и[ж] Икононъ не могло быть переводомъ Λέων ὁ καὶ Κόνων, а образовалось изъ фразы: левьиконинъ.

Главнѣйшая цѣль настоящаго изслѣдованія — опредѣлить отношеніе НК къ греческому подлиннику. Поэтому считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ хронографиконѣ Никифора.

I Χρονογραφικὸν σύντομον въ изданіи де-Боора.

§ 1. Лучшимъ изданіемъ произведеній патріарха Никифора признается въ наше время изданіе де-Боора [1]).

Хронографиконъ въ подлинникѣ не дошелъ до насъ. Поэтому де-Бооромъ изданъ такъ сказать сводный текстъ, составленный по 10 изслѣдованнымъ имъ спискамъ, хранящимся въ разныхъ библіотекахъ Запада. Изслѣдованные де-Бооромъ списки значительно различаются между собой: переписчики вносили отъ себя разныя перемѣны, такъ что установить подлинный текстъ патріарха невозможно. Остается даже неизвѣстнымъ самое заглавіе труда Никифора.

1. Въ Cod. Parisinus Regius 1320 статья Никифора называется: Νικηφόρου πατριάρχου κωνσταντινουπόλεως χρονογραφικὸν ἐν συντόμῳ. (Де-Booръ обозначаетъ этотъ списокъ сиглой P).

2. Въ Cod. Oxoniensis Baroccianus 196 статьѣ Никифора дано заглавіе: Ν. π. κ. χ. ἐν ἐπιτόμῳ. (Сигла B).

3. Въ Cod. Oxoniensis Laudianus 39 неполное произведеніе Никифора называется: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ν. π. κ. χ. ἐν συντόμῳ ἀπὸ Ἀβραάμ. (Сигла L).

4. Этотъ памятникъ въ Cod. Monacensis graecus 510 носитъ заглавіе Διονύσιος μοναχὸς τοῦ ἐν ἁγ. π. ἡ. Ν. π. κ. χ. ἐν συντόμῳ. (Сигла M).

5. Въ Cod. Parisinus supplem. graec. 67 произведеніе Никифора называется Ν. π. Κ χρονικὸν ἐν συνόψει. (Сигла S).

6. Въ Cod. Parisinus Regius 233 читаемъ: Τοῦ ἐν ἁγ. π. ἡ. Ν. π. κ. χρονογραφικὸν σύντομον. (Сигла E).

---

1) Nicephori Archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Ed. Carolus de Boor. Lipsiae in aedibus B. S. Teubneri. MDCCCLXXX.

Нѣтъ однообразныхъ заглавій и въ остальныхъ спискахъ. Какъ видно изъ приведеннаго списка, нынѣ принято для обозначенія труда Никифора пользоваться терминомъ «χρονογραφικὸν σύντομον», взятымъ изъ E. Мы будемъ называть его просто *хронографикономъ*.

§ 2. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что недошедшее до насъ подлинное произведеніе Никифора надо признать окончательно утеряннымъ. Это мнѣніе молчаливо допускаетъ, что хронографиконъ *былъ* нѣкогда вполнѣ законченъ авторомъ. Но,—это есть лишь одна изъ возможныхъ гипотезъ; возможны однако и другія гипотезы. Можно, напримѣръ, предполагать, что Никифоръ *не успѣлъ закончить* своей работы, что смерть застала автора за собираніемъ матеріаловъ для краткой хронологіи, когда сдѣланныя патріархомъ выписки и справки изъ трудовъ другихъ писателей были систематизированы лишь схематически; возможно думать, что ближайшіе друзья и поклонники Никифора, не называя своихъ именъ (можетъ быть за исключеніемъ монаха Діонисія, см. рук. M), попытались закончить начатый патріархомъ трудъ, сдѣлавъ тотъ или другой отборъ собраннаго Никифоромъ матеріала и изложивъ его отъ имени патріарха ἐν συντόμῳ, ἐν ἐπιτόμῳ, ἐν συνόψει и т. п.

Лично я, опираясь на нѣкоторые замѣченные мною факты, твердо держусь высказанной мною гипотезы. Но, преслѣдуя въ настоящей работѣ своей особыя задачи, я не считаю возможнымъ аргументировать въ пользу высказанныхъ мною предположеній, а поэтому, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, я въ дальнѣйшемъ буду называть хронографиконъ произведеніемъ самого патріарха Никифора.

Де-Бооръ раздѣляетъ 10 изслѣдованныхъ имъ списковъ на 2 группы: на группу изъ поименованныхъ выше (§ 1) 6-ти списковъ, группа N, и на группу изъ остальныхъ списковъ, группа N'. Къ этой послѣдней группѣ примыкаетъ латинскій переводъ хронографикона, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Никифора извѣстнымъ Анастасіемъ Библіотекаремъ.

Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ списки группъ N и N' настолько близки другъ къ другу, что де-Бооръ для этихъ частей хронографикона даетъ одинъ, общій текстъ; но мѣстами списки этихъ двухъ группъ настолько расходятся, что, во избѣжаніе затрудненій при составленіи своднаго текста,

де-Бооръ приводитъ двѣ параллельныхъ редакціи этихъ мѣстъ хронографикона, одну, близкую къ тексту всѣхъ списковъ N, другую — для N′. Варіанты указаны въ примѣчаніяхъ. Такой способъ изданія даетъ возможность, при желаніи читателя, возстановить текстъ любого изъ 10 списковъ, конечно, въ предположеніи, что де-Бооръ въ своихъ примѣчаніяхъ исчерпалъ всѣ особенности каждой рукописи [1]).

§ 3. Изучая тексты извѣстныхъ мнѣ списковъ «лѣтописца патріарха Никифора» въ связи съ греческимъ оригиналомъ хронографикона, я прихожу къ заключенію, что всѣ извѣстные мнѣ славянскіе переводы и передѣлки хронографикона сдѣланы по оригиналамъ, принадлежащимъ къ группѣ N, а не N′. Къ группѣ N принадлежитъ и тотъ гипотетическій оригиналъ, съ котораго сдѣланъ переводъ НК. Буду называть его сиглой Z.

Поэтому, желая сдѣлать болѣе нагляднымъ отношеніе НК къ греческому оригиналу, я счелъ необходимымъ къ издаваемому мною тексту НК присоединить параллельно греческій текстъ хронографикона группы N по изданію de Boora. Текстъ этотъ буду обозначать сиглой DB. Къ изданію этого греческаго текста меня побуждаетъ также желаніе дополнить примѣчанія, сдѣланныя де-Бооромъ, варіантами изъ двухъ греческихъ рукописей хронографикона, хранящихся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, и бывшихъ неизвѣстными де-Боору.

Одинъ изъ этихъ греческихъ списковъ хронографикона—буду обозначать его сиглой X—находится въ Сборникѣ (XVI вѣка) статей смѣшаннаго содержанія. (№ 426, Влад. 439). Произведеніе X въ этомъ сбор-

1) Повидимому, при послѣдующемъ переизданіи хронографикона редактору нужно будетъ еще разъ тщательно провѣрить полноту этихъ примѣчаній. Въ необходимости такой провѣрки я убѣдился лично, благодаря слѣдующему обстоятельству. Изучая славянскіе переводы хронографикона въ связи съ греческимъ текстомъ, я увидѣлъ для себя крайнюю необходимость осмотрѣть двѣ страницы изъ списка P (§ 1). Поэтому я обратился въ Національную Библіотеку въ Парижѣ съ просьбой снять для меня фотографическіе снимки съ этихъ двухъ страницъ. Національная Библіотека съ необычайной любезностью, быстро и изящно исполнила мою просьбу, за что я приношу ей свою глубокую благодарность. Сличая полученные мною снимки съ текстомъ де-Боора, я убѣдился, что не всѣ особенности этого памятника, имѣющіяся на этихъ двухъ страницахъ (см. § 21 наст. работы), отмѣчены де-Бооромъ въ его примѣчаніяхъ.

никѣ озаглавлено: χρονογραφικὸν ἐν συντόμῳ νικηφόρου τοῦ πατριάρχου и помѣщается на листахъ 170—173 об.

Хронографиконъ X составленъ (или дополненъ) въ началѣ XV вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ дата въ концѣ этого памятника византійской письменности: τῷ 6929 ἔτει, ἰνδ. 14, ἰαννουαρίῳ 19, ἡμέρα κυριακῇ. ○ καὶ ☾ κύκλοι 13. Дата эта дана по константинопольской эрѣ: 19-ое января приходилось въ воскресенье 1421-го года, индиктъ былъ 14, а круги солнца (○) и луны (☾) были дѣйствительно 13.

Кромѣ текста, общаго со спискомъ DB, въ X имѣется нераздѣльно слѣдующее за нимъ продолженіе. Продолженіе это въ началѣ своемъ очень схоже съ тѣмъ, которое находится въ спискѣ M (тоже изданное де-Booромъ въ качествѣ приложенія къ трудамъ Никифора); въ концѣ же X расходится и съ этимъ спискомъ.

Часть X, общая съ DB, принадлежитъ къ группѣ N; но мѣстами текстъ дополненъ.

Второй изъ греческихъ списковъ Синодальной Библіотеки—буду называть его У—помѣщается въ рукописи № 467 (Влад. 318) и носитъ названіе: τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν νικηφόρου πατριάρχου κωνσταντινουπόλεως χρονογραφικὸν ἐν συντόμῳ. Уже самое заглавіе этого произведенія указываетъ на близость списка У къ L (§ 1). Но списокъ L, вѣроятно, подъ вліяніемъ Евсевія, ведетъ хронологію отъ Авраама, между тѣмъ какъ У начинаетъ лѣтосчисленіе, какъ и всѣ остальные списки типа N, со временъ Адама. Полагаю, что У древнѣе списка L и принадлежитъ къ числу родоначальниковъ послѣдняго. Списокъ L по опредѣленію де-Боора относится къ XI вѣку. У помѣщенъ въ греческомъ памятникѣ тоже XI вѣка, который составленъ, по опредѣленію Н. П. Попова, около 1041 года; такимъ образомъ возможно, что У былъ написанъ ранѣе XI вѣка.

Изученіе НК и F показываетъ, что оба эти памятника составлены по рукописямъ, родственнымъ У, но не тождественнымъ съ послѣдней. На это обстоятельство указываетъ то, что и въ НК и въ F оказались фразы, имѣющіяся въ DB, но отсутствующія въ У.

Считая У древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ списковъ хронографикона, я приложилъ возможныя усилія къ тому, чтобы всѣ особенности У попали

въ примѣчанія къ тексту DB. Я не заботился лишь о правильной передачѣ пунктуаціи этого памятника, иначе пришлось бы испещрить текстъ де-Боора чрезвычайно большимъ числомъ примѣчаній, такъ какъ въ изданіи де-Боора пунктуація не находится въ соотвѣтствіи съ пунктуаціей изслѣдованныхъ имъ списковъ. Не менѣе тщательно указаны мною варіанты списка X.

II. Какой эры держался самъ Никифоръ?

§ 4. Въ виду распространенности на Руси хронографикона въ переводахъ, передѣлкахъ, извлеченіяхъ и сокращеніяхъ важно знать, каковы съ хронологической стороны внутреннія качества произведенія Никифора, а главное—какой эры держался самъ Никифоръ? Лишь зная это, можно твердо говорить о томъ, какого рода хронологическія свѣдѣнія получали русскіе при посредствѣ этого памятника, и какъ трактовали они эти свѣдѣнія? Безъ знанія этого можно легко притти къ ошибочнымъ выводамъ, изучая даты тѣхъ древнихъ русскихъ хронологовъ, которые оперировали съ числами Никифора. Въ подтвержденіе моей мысли я укажу на примѣръ О. Бодянскаго. Въ своей работѣ о славянскихъ письменахъ [1]) Бодянскій, между прочимъ, анализируетъ нѣкоторыя данныя «лѣтописца» патріарха Никифора. Извлекая со страницъ этихъ лѣтописцевъ 5500 лѣтъ отъ Адама до Христа, Бодянскій трактуетъ этотъ 5500-ый годъ Никифора, какъ годъ, на 8 лѣтъ предшествующій 5508-му году константинопольской эры. Это положеніе, весьма естественное по соображеніямъ чисто ариѳметическимъ, не оправдывается фактами технической хронологіи. Какъ будетъ показано далѣе, 5500-й годъ Никифора совпадаетъ съ 5516-мъ годомъ константинопольской эры, а слѣдовательно, 5500-ый годъ Никифора не предшествуетъ 5508-у году сентябрьскаго времясчисленія (= константиноп. эры), а, наоборотъ, слѣдуетъ за 5508-мъ годомъ черезъ 8 лѣтъ. Такимъ образомъ неполная освѣдомленность Бодянскаго въ хронологіи Никифора повлекла за собой многіе ошибочные выводы о датахъ древнихъ писателей, державшихся чиселъ Никифора.

---

1) О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Сочиненіе О. Бодянскаго. М. 1855 годъ.

§ 5. Въ русской литературѣ, на сколько мнѣ извѣстно, совершенно не существуетъ изслѣдованій, посвященныхъ хронологіи Никифора. Да и на Западѣ ученые интересуются Никифоромъ весьма мало. Даже де-Booръ, издавая хронографиконъ, не анализируетъ хронологію патріарха. Гельцеръ въ своемъ классическомъ трудѣ объ Юліи Африканѣ и византійской хронографіи [1]) удѣляетъ Никифору не болѣе 4-хъ страницъ, находя его хронографиконъ работой, не играющей никакой роли въ исторіи хронологіи. Работа Никифора, по мнѣнію Гельцера, содержитъ такое множество дефектовъ, которое совершенно обезцѣниваетъ весь трудъ патріарха. Свои положенія о дефектахъ хронографикона Гельцеръ подтверждаетъ многими примѣрами. Такъ Гельцеръ справедливо указываетъ, что Никифоръ не съумѣлъ справиться съ лѣтами Мафусаила. Мафусаилъ долженъ былъ бы умереть до потопа, бывшаго, по Никифору, въ 2242 году отъ Адама. Но если, опираясь на числа Никифора, подсчитать, въ какомъ году умеръ Мафусаилъ, то окажется, что онъ умеръ въ 2256-мъ году [2]), переживъ потопъ на 14 лѣтъ. Гельцеръ не щадитъ Никифора за этотъ дефектъ въ счетѣ лѣтъ допотопныхъ патріарховъ [3]).

1) Sextus Julius Africanus und die Byzantinische Chronographie V. Heinrich Gelzer. Leipzig. 1898. (1-ое изд. этого труда вышло, кажется, въ 80-хъ годахъ XIX в.).

2) Эту сумму нѣкоторые и считаютъ вѣрной (см. Изслѣдованіе библейской хронологіи. Соч. Ивана Спасскаго, Кіевъ 1857, стр. 51. Эта работа съ хронологической стороны не имѣетъ никакихъ достоинствъ, но по собранному въ ней фактическому матеріалу заслуживаетъ вниманія).

3) Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, почему Гельцеръ такъ сильно нападаетъ на Никифора за эту именно ошибку? Вѣдь ошибка эта имѣется въ Библіи (LXX)! Ошибочность библейскихъ чиселъ въ этомъ мѣстѣ была извѣстна многимъ древне-христіанскимъ писателямъ. Такъ Блаженный Августинъ (V в.) въ своемъ трудѣ De Civitate Dei этой ошибкѣ посвящаетъ цѣлую главу (IX Lib. XV): De annis Mathusalem, cujus aetas quatuordecim annis diluvium videtur excedere. Бл. Августинъ, признавая наличность ошибки въ Библіи, протестуетъ однако противъ предположенія, что ошибку эту сдѣлали LXX толковниковъ... Sed inquiunt non esse credibile septuaginta interpretes, qui uno simul tempore unoque sensu interpretati sunt, errare potuisse, aut ubi nihil eorum intererat, voluisse mentiri; Iudaeos vero, dum nobis invident, quod Lex et Prophetae ad nos interpretando transirint, mutasse quaedam in codicibus suis, ut nostris minueretur auctoritas.. certum est tamen non vixisse Mathusalem post diluvium... Почемъ знать, можетъ быть Никифоръ сознательно допустилъ у себя эту ошибку, не рѣшаясь мѣнять чиселъ, данныхъ LXX-ю толковниками? Принятая Никифоромъ система лѣтосчисленія отъ этой ошибки не страдаетъ ни мало.

Укажу еще на Гельцеровскій примѣръ неточности хронологіи Никифора. Давая отъ потопа до Авраама (у Никифора ошибочно ἕως τέλους Ἀβραάμ) 1072 года, Никифоръ приводитъ однако слагаемыя, которыя въ суммѣ даютъ 1082, а сумма 2242-хъ и 1072-хъ лѣтъ у Никифора оказывается равной 3310 годамъ.

Нельзя не согласиться съ Гельцеромъ, что хронографиконъ Никифора пестритъ дефектами. Я не согласенъ лишь съ тѣмъ, что эти дефекты проистекаютъ отъ некомпетентности въ хронологіи самого Никифора: вина, по моей гипотезѣ (§ 2), должна быть частію переложена на тѣхъ лицъ, которыя взяли на себя трудъ завершенія начатой работы патріарха.

§ 6. Указывая на многіе дефекты хронографикона, доказывая не полную безукоризненность въ подсчетѣ Никифоромъ 5500-тъ лѣтъ отъ Адама до Христа, Гельцеръ не останавливается на вопросѣ, по какой системѣ считалъ Никифоръ года отъ Адама?

Въ древности существовало нѣсколько системъ счисленія 5500-тъ л. отъ Адама до (воплощенія или рождества) Христа. Наибольшей извѣстностію пользовались однако только три системы: Юлія Африкана, Анніана и византійская система κατὰ Ἀλεξανδρεῖς.

1. 5500-й годъ Юлія Африкана (III вѣкъ) былъ по его счету годомъ воплощенія Христа, т. е. годомъ, вмѣщавшимъ въ себѣ и Благовѣщеніе и Рождество Христово. 5500-й годъ Африкана совпадаетъ со 2-мъ годомъ до Р. Х. по нашей эрѣ, или съ —1-мъ годомъ по астрономическому счету (съ 752-мъ годомъ ab Urbe condita по Varro).

2. Анніанъ (иные-Аніанъ, V в.) считалъ время александрійскимъ календаремъ (12 мѣсяцевъ по 30 дней и 5 или 6 дополнительныхъ дней). Но за начало своего церковнаго года онъ считалъ не 1-й тоутъ, а 29 фаменотъ, день Благовѣщенія (= 25 марта нашего календаря). 5500-й годъ Анніана начался Благовѣщеніемъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи о рожденіи Христа и включалъ въ себѣ самое Рождество Христово; слѣдовательно, годъ этотъ былъ, какъ и у Юлія Африкана, годомъ воплощенія Христа. Но анніановскій 5500-й годъ никакой своей частію не совпадалъ съ 5500-мъ годомъ Африкана. Подлинной работы Анніана (ни

копіи съ нея) не сохранилось. Остались лишь цитаты изъ анніановскаго труда у другихъ историковъ (преимущ. у Синкелла). Изъ этихъ цитатъ извѣстно, что Христосъ пострадалъ въ еврейскую пасху въ концѣ 5533-го анніановскаго года, а воскресъ 29-го фаменота, 25-го марта, въ воскресенье, въ 1-й день 5534-го анніановскаго года. Этотъ фактъ можетъ разсматриваться, какъ ключъ къ раскрытію анніановской системы счета лѣтъ. Первое воскресенье послѣ перваго весенняго полнолунія (еврейская пасха) падало на 29-ое фаменотъ въ 42-мъ году нашей эры. Если 5534-й годъ Анніана начался 25 марта 42-го года нашей эры, то 5500-й годъ Анніана начался въ 8-мъ году нашей эры, когда шелъ 5509-й годъ эры Юлія Африкана и 5516-й годъ константинопольской эры. Съ точки зрѣнія исторической критики система Анніана въ высокой степени нелѣпа. Хотя исторія и не оставила намъ ни точной даты Рождества Христова, ни года Его страданій, но точно извѣстно, что въ 8-мъ году нашей эры, когда по Анніану родился Христосъ, уже давно не было въ живыхъ Ирода, а въ 42-мъ году нашей эры, когда Онъ пострадалъ по Анніану, не было Понтійскаго Пилата. Нелѣпая съ исторической точки зрѣнія система счета лѣтъ Анніана подкупала своей внѣшней стройностью, законченностью съ пасхалистической точки зрѣнія, а потому она получила широкое распространеніе. Въ особенности привлекало къ себѣ вниманіе христіанъ то, что и реальное Благовѣщеніе и реальное Воскресеніе по системѣ Анніана случилось въ одно и тоже число солнечнаго календаря (25 марта). Слѣды вліянія идей Анніана на нашъ церковный мѣсяцесловъ видны до сихъ поръ. Такъ до сихъ поръ у православныхъ христіанъ пасха, падающая на 25-ое марта (какъ въ 1912 году), называется не просто «пасха», а кіріопасха, ибо этотъ именно день по Анніану Господь (κύριος) нашъ освятилъ и своимъ воплощеніемъ и своимъ воскресеніемъ [1]).

1) Отмѣчая 25-е марта (29 фам.) какъ день воскресенія Христа, Анніанъ долженъ былъ 17-е марта (21 фам.) считать за Лазарево воскрешеніе. Слѣды этого Анніановскаго счета видны въ томъ, что православная церковь до сихъ поръ 17-го марта вспоминаетъ «Воскресеніе Лазаря» (см. Полный мѣсяцесловъ Востока, Арх. Сергія, 1-ое изданіе 2-ой т. стр. 69). Такимъ образомъ воскрешеніе Лазаря вспоминается церковью обычно два раза въ годъ: 17-го марта (по-

3. Эра Анніана съ теченіемъ времени преобразовалась въ особую эру, извѣстную подъ названіемъ византійской эры κατὰ Ἀλεξανδρεῖς. Когда произошло это преобразованіе, нынѣ сказать довольно трудно. Повидимому дѣло происходило такъ. Александрійцы, привыкшіе считать за начало года 1-й тоутъ (29-ое или 30-ое августа), принявъ эру Анніана, перенесли начала годовъ Анніановской эры на этотъ 1-й тоутъ. Византійцы, смотрѣвшіе въ то время на многія вещи черезъ александрійскія очки, хотя и усвоили себѣ александрійскій счетъ, но перенесли начало года на 1-ое сентября; сдѣлать это было не трудно, такъ какъ 1 тоутъ лежитъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ 1-мъ сентябремъ, этимъ привычнымъ началомъ византійскаго года. Гораздо труднѣе былъ вопросъ о нумераціи годовъ. Надо было твердо рѣшить, когда начинать смѣну N-1-го года на N-ый? Въ тотъ ли анніановскій годъ, который 6 мѣсяцевъ тому назадъ съ 25 марта *считается уже* N-ымъ годомъ, или въ тотъ (N-1-ый) — анніановскій годъ, который черезъ 6 мѣсяцевъ 25-го марта перейдетъ въ N-ый? По соображеніямъ пасхалистическимъ александрійцы, а за ними и византійцы, рѣшили вопросъ вторымъ способомъ. 5500-й годъ александрійскаго счета, а также византійскаго κατὰ Ἀλεξανδρεῖς, былъ тотъ, 25-го марта котораго начинался 5500-й годъ Анніана. Этотъ 5500-й годъ византійскаго года κατὰ Ἀλεξανδρεῖς оказался впослѣдствіи тождественнымъ съ 5516-мъ годомъ константинопольской эры, извѣстной у нѣкоторыхъ хронологовъ подъ названіемъ византійскаго счета κατὰ ῥωμαίους, а у насъ подъ именемъ лѣтописнаго сентябрьскаго лѣтосчисленія. Повидимому такое рѣшеніе вопроса передвигало и Благовѣщеніе и Рождество Христово на 1 годъ назадъ сравнительно со счетомъ Анніана. Это можно видѣть изъ слѣдующаго. 5500-й годъ Анніана былъ, какъ уже сказано выше, годомъ воплощенія, и начался онъ 25 марта 5500-го года александрійскаго счета. Этотъ 5500-й александрійскій годъ, начался ранѣе 5500-го анніановскаго года на полгода. Тотъ годъ, въ который начался 5500-й

стоянное воспоминаніе) и въ Лазареву субботу на 6-ой недѣлѣ великаго поста (подвижной праздникъ). Только въ такихъ годахъ, какъ 1912, въ которыхъ пасха приходится на 25-ое марта, оба эти церковныя воспоминанія сливаются въ одно.

александрійскій годъ, былъ 7-мъ годомъ нашей эры; въ этомъ 7-мъ году нашей эры заканчивался 5499-й годъ александрійскаго счета. А въ нашихъ Слѣдованныхъ Псалтиряхъ подъ 25-мъ марта значится, что въ 5499-мъ году 25-го марта было Благовѣщеніе. Отсюда и слѣдуетъ, что періодъ «воплощенія» по александрійскому счету предшествовалъ на 1 годъ «воплощенію» по Анніану.

§ 7. Можно доказать, что Никифоръ держался, или вѣрнѣе, стремился держаться византійскаго счета κατὰ ᾿Αλεξανδρεῖς.

Въ исторіи хронологіи большую роль играетъ эпоха Александра Македонскаго. Годъ смерти Александра Македонскаго начинаетъ собой особую эру, извѣстную подъ названіемъ эры «отъ смерти Александра» (техн: ἀπὸ τῆς[τοῦ] Ἀλεξάνδρου τελευτῆς), впослѣдствіи болѣе извѣстной подъ названіемъ эры «отъ Филиппа» [1]). Эра отъ смерти Александра была отдѣльнымъ звеномъ египетской эры Набонассара и, какъ таковое, была построена на постоянномъ египетскомъ (впослѣдствіи александрійскомъ) календарѣ въ 365 дней (безъ эмболимическихъ годовъ въ 366 дней). Поэтому начала египетскихъ лѣтъ изъ года въ годъ скользили по числамъ всякаго другого календаря съ эмболимическими (високосными) годами. Первый день (1-ое число тоута) перваго года эры отъ смерти Александра совпадалъ съ 1-мъ днемъ 425-го года эры Набонассара и соотвѣтствовалъ 12-му ноября 324 года до Р. Х. по нашей (пролептической) христіанской эрѣ [2]).

---

1) Нѣкоторые неопытные хронологи смѣшивали эту эру «отъ смерти Александра» съ другой, независимой отъ этой, но носившей похожее названіе «эры отъ Александра» (см. § 37).

2) Въ виду важности для дальнѣйшаго (см. § 34) считаю необходимымъ замѣтить, что 1-й тоутъ 295-го года отъ смерти Александра падалъ на 31-ое августа 30-го года до Р. Х. по нашей эрѣ. Съ этой даты начинается новое звено эры Набонассара, такъ называемая эра отъ Августа-Σεβαστοῦ. Впослѣдствіи, послѣ преобразованія египетскаго лѣтосчисленія на александрійское лѣтосчисленіе съ эмболимическими годами (и послѣ другихъ поправокъ), 1-й тоутъ эры отъ Августа-Σεβαστοῦ сталъ фиксироваться на 29 (а послѣ эмболимическаго александрійскаго года на 30) августа юліанскаго календаря. Эта эра отъ Августа не тождественна со счетомъ лѣтъ Августа по римскому счету и началась на 15-мъ году этого послѣдняго счета. Въ этой наличности двухъ различныхъ спо-

Никифоръ въ своемъ хронографиконѣ отмѣчаетъ начало этой эры отъ смерти Александра словами: ὁμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τελευτῆς Ἀλεξάνδρου ἔτη 5167. [§ 43]. По какой эрѣ данъ этотъ 5167-ой годъ?

Если отъ Адама до смерти Александра прошло 5167 л., а до Христа 5500 лѣтъ, то отъ смерти Александра до Христа по Никифору прошло 333 или 332 года. А такъ какъ 1-й годъ эры отъ смерти Александра начался въ 324 году до Р. Х. и протекалъ по 323 году до Р. Х., то это значитъ, что Р. Х. по Никифору падало на 8-ой или 9 годъ нашей эры (смотря по тому, какъ считалъ Никифоръ—inclusive или exclusive). Такимъ образомъ мы имѣемъ счетъ если не совсѣмъ александрійскій, то весьма близкій къ счету лѣтъ κατὰ Ἀλεξανδρεῖς.

§ 8. Къ такому же результату приходимъ, исходя изъ другой даты Никифора. Послѣ обозначенія числа лѣтъ царствованія Діоклетіана (20 л. по Никифору) въ хронографиконѣ значится: ὁμοῦ ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τελευτῆς Διοκλητιανοῦ ἔτη 5796, ἀπὸ δὲ τοῦ πάθους τοῦ κυρίου ἕως τῆς ἀρχῆς Διοκλητιανοῦ ἔτη 276 [см. § 69 текста].

Прежде всего надо исправить очевидную ошибку, которая однако имѣется во всѣхъ спискахъ хронографикона: 276 лѣтъ прошло не отъ страданій Христа, а отъ ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου. Ошибка исправляется числами самого Никифора; если бы признать запись хронографикона вѣрной, то: отъ Адама до Христа . . . . 5500 лѣтъ
отъ воплощенія до τοῦ πάθους 33 года
отъ страданій до начала Діоклетіана 276 лѣтъ
Діоклетіанъ царствовалъ 20 лѣтъ, слѣдовательно отъ Адама до смерти Діоклетіана надо было бы считать 5829 лѣтъ, а не 5796, какъ сказано у Никифора. Еще можетъ быть нагляднѣе слѣдующее разсужденіе. Если до смерти Діоклетіана прошло 5796 лѣтъ, то отъ Адама до начала Діоклетіана прошло 5776 лѣтъ, ибо онъ царство-

собовъ счисленія лѣтъ императора Августа не разбирались многіе древніе хронологи. По мнѣнію покойнаго проф. В. В. Болотова, самъ Анніанъ создалъ свою нелѣпую съ исторической точки зрѣнія эру, запутавшись въ годахъ царствованія Августа.

валъ по Никифору 20 лѣтъ. Если изъ числа лѣтъ отъ Адама до начала царствованія Діоклетіана вычтемъ число лѣтъ отъ Адама до воплощенія, то разность дастъ интервалъ отъ воплощенія до начала Діоклетіана. Разность эта равна 276. Слѣдовательно, 276 лѣтъ есть по Никифору число лѣтъ ἀπὸ τῆς ἐνανθρωπήσεως, а не ἀπὸ τοῦ πάθους ἕως τῆς ἀρχῆς Διοκλητιανοῦ. Что и требовалось обнаружить. Итакъ, по надлежащемъ исправленіи, имѣемъ: отъ Адама до смерти Діоклетіана 5796 л., а отъ воплощенія до начала Діоклетіана 276 лѣтъ.

Совершенно понятно зачѣмъ Никифоръ прибѣгаетъ къ такой сложной формулѣ. Первый интервалъ Никифору нуженъ какъ историку-христіанину: царствованіемъ Діоклетіана кончается языческій періодъ византійской исторіи и начинается «христіанское царство» [см. § 70 текста]. Второй интервалъ ему нуженъ какъ хронологу: Никифоръ знаетъ, что съ началомъ царствованія Діоклетіана началась новая эра, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ «отъ Діоклетіана», или, какъ говорили впослѣдствіи христіане χρόνοι ἀπὸ τῶν μαρτύρων, «лѣта мучениковъ чистыхъ». Начало этой эры относится къ 29-му августа (1-й тоутъ) 284 года по Р. Х. по нашей эрѣ. Но годъ этотъ Никифоръ считаетъ 276-мъ; слѣдовательно, годъ воплощенія по Никифору протекалъ по 8-му году нашей эры. Это и означаетъ, что Никифоръ считаетъ по византійской эрѣ κατὰ Ἀλεξανδρεῖς.

§ 9. Къ сожалѣнію въ текстѣ DB есть роковая для хронологіи Никифора ошибка въ счетѣ лѣтъ Константина Великаго. Въ § 71 текста читаемъ:

Κωνσταντῖνος ἔτη 31. Τῷ 12 ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἡ πρώτη σύνοδος γέγονε... ἔτους 318 ἀπὸ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου. Γίνονται οὖν τὰ πάντα ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τῆς Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου τελευτῆς ἔτη 5837.

Первый вселенскій соборъ былъ въ 325 году нашей эры.

Это было въ 5833-мъ году по византійской эрѣ κατὰ ῥωμαίους и въ 5817 году—κατὰ Ἀλεξανδρεῖς. Такъ какъ по александрійскому времясчисленію Благовѣщеніе, начало ἐνανθρωπήσεως, пріурочивалось къ 5499-му году, то 325-й годъ нашей эры (май—іюнь) былъ

317-мъ годомъ отъ Р. Х. по александрійской эрѣ и 318-мъ годомъ отъ ἐνανθρωπήσεως. Такимъ образомъ, давая 318-й годъ отъ начала воплощенія до 1-го собора, Никифоръ продолжаетъ считать «по александрійски».

Но не правъ Никифоръ, утверждая, что 1-й соборъ былъ на 12-мъ году царствованія Константина. Авторъ Пасхальной Хроники, Синкеллъ и многіе другіе хронологи, предшественники Никифора, считаютъ, что первый соборъ былъ на 20-мъ году царствованія Константина.

Я не буду въ настоящій моментъ останавливаться на возможныхъ объясненіяхъ происхожденія этой ошибки (см. § 37), но утверждаю, что ошибка эта не была случайной, и послѣдствія этой ошибки видны изъ дальнѣйшихъ чиселъ Никифора. Если Константинъ царствовалъ 31 годъ, а соборъ былъ на 12-мъ году, то послѣ собора Константинъ по Никифору долженъ былъ царствовать 19 лѣтъ и умереть въ $5500 + 318 + 19 = 5837$-мъ году, что и дано Никифоромъ. Годъ этотъ, конечно ошибоченъ, ибо номеръ его получился отъ суммированія слагаемыхъ, изъ которыхъ одно завѣдомо невѣрное (19). И дѣйствительно: Константинъ умеръ въ маѣ 337-го года нашей эры. Это былъ май 5845-го года константинопольской эры, май 5829-го года византійской эры κατὰ Ἀλεξανδρεῖς, и нѣтъ такой эры, по которой это былъ бы маемъ 5537-го года. Такимъ образомъ, благодаря ошибочному интервалу отъ начала царствованія Константина до 1-го собора (12 лѣтъ), въ хронографиконѣ Никифора появляется новая, особая эра, которую однако никто никогда не составлялъ, которой никто никогда не держался. Не составлялъ ее и Никифоръ; она явилась сама собой, какъ естественное слѣдствіе ошибки Никифора. Но въ результатѣ получилось любопытное совпаденіе: если изъ 5837 лѣтъ отъ Адама до смерти Константина вычесть 5500, то получается 337, т. е. какъ разъ годъ нашей эры, въ который умеръ Константинъ. Такое свойство чиселъ Никифора не могло не привлечь къ себѣ вниманія диллетантовъ хронологіи, каковыми были славянскіе писатели временъ X, XI, XII, XIII, XIV вѣковъ. Принимая византійское времясчисленіе, наши книжники, знакомые съ времясчисленіемъ на Западѣ, конечно, пытались установить соотвѣтствіе между константинопольской эрой и лѣтосчисленіемъ Запада. Переходъ черезъ 5508 лѣтъ нравиться

не могъ, ибо византійская литература, циркулировавшая на Руси, давала 5500 лѣтъ отъ Адама до Христа. Ошибочныя числа Никифора неожиданно устанавливали эту связь между восточнымъ и западнымъ времясчисленіемъ: стоило изъ чиселъ Никифора, взятыхъ отъ временъ Константина, вычесть 5500, какъ получались года христіанской эры, принятой на Западѣ. Было изъ за чего увлекаться Никифоромъ! Пусть диллетантъ-историкъ заинтересовался, напримѣръ, годомъ смерти Ювіана. Имѣя въ рукахъ «Никифора», онъ *долженъ* былъ считать такъ:

1) Отъ Адама *до* смерти Константина	5836 лѣтъ
2) Сыновья Константина [§ 72]	24 года
3) Юліанъ [§ 72]	2 года 6 мѣс.
4) Ювіанъ [§ 73]	— 9 мѣс.

А всего отъ Адама до смерти Ювіана 5863 года 3 мѣсяца. Слѣдовательно, Ювіанъ умеръ въ 5864-мъ году. Вычитая изъ этого числа 5500, историкъ-диллетантъ получалъ 364-й годъ отъ Р. Х. Этотъ результатъ не могъ не радовать нашего ученаго, которому, вѣроятно, было извѣстно изъ западныхъ источниковъ, что Ювіанъ былъ найденъ въ постелѣ мертвымъ въ ночь съ 16-го на 17-ое февраля какъ разъ 364-го года (нашей христіанской эры).

§ 10. Датируя 1-й соборъ и смерть Константина такъ, какъ это значится въ хронографиконѣ, Никифоръ руководился, вѣроятно, соображеніями, казавшимися ему основательными. Но въ тоже время онъ чувствовалъ, что въ хронологіи временъ Константина у него не все обстоитъ благополучно. Никифоръ, повидимому, дѣлалъ попытки найти и исправить вкравшуюся гдѣ-то ошибку. Онъ передѣлывалъ редакцію хронографикона въ этомъ мѣстѣ, пробовалъ мѣнять нѣкоторыя числа. Это видно, напримѣръ, изъ того, что тексты N и N′ со временъ Константина (и до Зенона) настолько различаются между собой, что de Boor принужденъ приводить двѣ параллельныхъ редакціи хронографикона, одну для N, другую для N′. Въ изложеніи исторіи Константина въ N′ внесена поправка: 1-й соборъ показанъ на 20 году царствованія Константина, хотя годъ смерти императора оставленъ 5837-ой. Не свидѣтельствуетъ ли

это о томъ, что Никифоръ въ своихъ запискахъ для краткой хронологіи дѣлалъ самъ исправленія, помарки и тѣмъ самымъ далъ матеріалъ для двухъ различныхъ редакцій хронографикона N и N′?

Если Никифоръ когда либо провѣрялъ свои даты, то онъ не могъ не видѣть ошибки въ исторіи Константина; онъ долженъ былъ ее видѣть, ибо во всей дальнѣйшей части работы онъ продолжалъ держаться византійской эры κατὰ Ἀλεξανδρεῖς. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ можно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ чиселъ хронографикона. Укажу на одно изъ нихъ. Въ § 82 текста DB читаемъ: Ἰουστῖνος ἀνεψιὸς Ἰουστινιανοῦ ἔτη 12 μῆνας 10 ἡμέρας 20. Τῷ 7 ἔτει αὐτοῦ ἐπληρώθη κύκλος α′ τοῦ ἁγίου πάσχα ἐτῶν 532, ἐξότε ὁ κύριος ἡμῶν Ἰ. Χ. ἐσταυρώθη (ἰνδ. 6) ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου 6065.

Постараемся точно опредѣлить, о какомъ κύκλος α′ говоритъ Никифоръ.

Въ древности циркулировало среди христіанскихъ обществъ нѣсколько различныхъ 532-хлѣтнихъ пасхальныхъ круговъ. Наибольшею извѣстностію пользовались однако только три цикла: Викторія, Анніана, впослѣдствіи приспособленный къ византійскому счету времени κατὰ Ἀλεξανδρεῖς, и византійскій циклъ, извѣстный подъ названіемъ великаго индиктіона (напрасно приписываемаго нѣкоторыми историками [1]) Діонисію Малому).

1) Викторій (иногда: Victorius, Victorinus и даже просто Victor, V в.) по особымъ соображеніямъ страданія Христа относилъ къ 5229-му году Викторіанской эры. Годъ этотъ совпадалъ съ 28-мъ годомъ нашей эры

1) Въ Жур. Мин. Н. Пр. за 1857-ой г. кн. 12 имѣется статья акад. Куника: «Доказательство, что текущій Великій Индиктіонъ начинается 1-го марта 6917-го мартовскаго и сентябрьскаго года отъ С. М. (= 1 марта 1409 юліанскаго года) въ пятницу». Начинается статья такъ: «Великимъ Индиктіономъ—Ἡ Βίκτορος или Διονυσίου περίοδος, Cyclus magnus, Великій кругъ, Cyclus paschalis—называется 532-лѣтній періодъ времени» и т. д. Термины, стоящіе между тире — —, по мнѣнію Куника, представляютъ изъ себя разныя названія одного и того же Великаго Индиктіона. Это есть крупное недоразумѣніе, раздѣляемое очень многими. Всѣ эти термины (за исключеніемъ «Великаго круга») служатъ для обозначенія различныхъ цикловъ, отличныхъ отъ Великаго Индиктіона. Съ точки зрѣнія технической хронологія вся статья Куника, начиная съ ея заглавія, есть сплошное недоразумѣніе.

и считался первымъ въ первомъ циклѣ 532-лѣтняго викторіанскаго періода, называемаго annus magnus. Первый annus magnus Викторія окончился въ 5760-мъ году Викторіанской эры или, что то-же, въ весенній періодъ 559-го года нашей эры, въ весенній періодъ 6067-го года византійской эры κατὰ ῥωμαίους (константинопольской эры), въ весенній періодъ 6051-го года византійской эры κατὰ 'Αλεξανδρεῖς. Въ этомъ году царствовалъ еще Юстиніанъ I, а слѣдовательно, не объ этомъ κύκλος α' говоритъ Никифоръ.

2) 532-лѣтній циклъ Анніана, по словамъ хронологовъ (напр. Синкелла), былъ проведенъ отъ сотворенія міра; только въ этомъ видѣ и извѣстенъ этотъ, такъ называемый, александрійскій циклъ. Въ 6065-мъ г. этой эры заканчивался 213-й годъ XII-го періода этого цикла, а не κύκλος α'. Слѣдовательно, не объ этомъ циклѣ ведетъ рѣчь Никифоръ.

3) Тѣмъ паче не о Великомъ Индиктіонѣ говоритъ авторъ хронографикона, ибо Великій Индиктіонъ проводится тоже отъ Сотворенія Міра, и κύκλος α' Великаго Индиктіона закончился еще во времена Адама.

Исторія оставила намъ слѣды существованія нѣкоторыхъ иныхъ 532-лѣтнихъ цикловъ, проводимыхъ отъ страданій или Воскресенія Христа. Такъ въ Chronicon paschale читаемъ[1]): Τούτῳ τῷ ε' καὶ λ' ἔτει τῆς 'Ιουστινιανοῦ βασιλείας ἐπληρώθη τὰ 532 ἔτη τοῦ ἑορταστικοῦ κύκλου τοῦ ἁγίου... σταυροῦ... Καὶ ἄρχεται ἡ δευτέρα περίοδος (слѣдовательно, окончился κύκλος α')…. τῶν 532 ἐνιαυτῶν.

Циклъ этотъ не тождественъ съ Викторіанскимъ и кончился позднѣе его (въ 562 г. нашей эры). Начался κυκλος α' съ 31-го года нашей эры, съ 1-го года послѣ страданій Христа по эрѣ Chronicon paschale. Естественно рѣшить вопросъ, не могъ ли во времена Юстина окончиться какой-либо изъ подобныхъ цикловъ, о которыхъ, однако, извѣстные мнѣ источники по исторіи пасхалистическихъ вычисленій молчатъ?

7-мъ годомъ царствованія Юстина II (объ этомъ именно годѣ гово-

---

1) Цитирую по изданію Migne. Patrologiae cursus completus... Patrologiae graecae t. XCII. 1860, стр. 952.

ритъ Никифоръ) надо признать 573-й годъ нашей христіанской эры. Индиктъ весенняго періода этого года былъ дѣйствительно 6, какъ говоритъ Никифоръ. Пасхальный періодъ этого года протекалъ по 6081-мъ году константинопольской эры и по весеннему періоду 6065-го года византійской эры κατὰ 'Αλεξανδρεῖς, т. е. по году, номеръ котораго даетъ патріархъ Никифоръ. Могъ ли въ этомъ году окончиться какой-либо изъ 532-лѣтнихъ цикловъ? Годъ этотъ, 573-й нашей эры, въ весеннемъ періодѣ совпадалъ съ 565-мъ годомъ отъ воплощенія Христа по александрійскому счету. Но 565=532+33. А изъ этого равенства слѣдуетъ, что въ 573-мъ году нашей эры *могъ* окончиться κύκλος α' нѣкотораго 532-лѣтняго цикла, первый годъ котораго совпалъ съ 5534-мъ годомъ по александрійскому счету. Отсюда заключаемъ, что если Никифоръ говоритъ объ окончаніи κύκλος α' въ 6065 году, то это означаетъ, 1) что Никифоръ попрежнему считаетъ κατὰ 'Αλεξανδρεῖς (что и требовалось обнаружить), и 2) что въ древности (даже въ IX вѣкѣ) существовалъ циклъ въ 532 году, пріуроченный къ александрійской эрѣ, и начавшійся съ года Воскресенія Христа (5534) по анніано-александрійскому счету [1]).

---

1) Хотя этотъ, второй, выводъ и не имѣетъ непосредственно отношенія къ занимающему насъ вопросу о хронологіи Никифора, но я позволяю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее. Какъ сказано выше, 532-лѣтній александрійскій циклъ былъ проведенъ отъ сотворенія міра. Такая конструкція цикла приписывается самому Анніану. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ одинъ изъ современныхъ хронологовъ, Franz Rühl: Auf diese 532-jährige Periode baute Anianos dann auch eine Weltära auf, indem er die erste Periode mit dem Iahre der Schöpfung beginnen liess. (Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit. von Franz Rühl. Berlin. 1897. стр. 117-я).

Такъ ли это? Работа Анніана намъ извѣстна лишь по выдержкамъ изъ нея; знанію о хронологіи Анніана мы обязаны Синкеллу. Не ошибался ли Синкеллъ, приписывая Анніану проведеніе своего цикла отъ Сотворенія міра? Не было ли это работой александрійцевъ? Не проводилъ ли самъ Анніанъ свой 532-лѣтній циклъ отъ киріопасхи, отъ 29 фаменотъ (25 марта) 5534-го года своей эры? Вѣдь это такъ естественно для хронолога-пасхалиста, устанавливавшаго особую эру и даты страданій и воскресенія Христа! Если Никифоръ поминаетъ въ IX вѣкѣ о такомъ циклѣ, то это значитъ, что циклъ имѣлъ широкое распространеніе, что онъ принадлежалъ лицу авторитетному. Кому другому можетъ принадлежать циклъ, начинающійся съ года, признаннаго за годъ Воскресенія Христа Анніаномъ, какъ не самому Анніану? Возможно, что такъ называемый «александрійскій циклъ» есть и de facto циклъ Александрійцевъ; а поминаемый Никифоромъ циклъ есть циклъ самого Анніана.

§ 11. Патріархъ Никифоръ умеръ раньше смерти императора византійскаго Михаила II-го. Между тѣмъ въ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ спискахъ хронографикона перечень императоровъ продолжается вплоть до Василія. Слѣдовательно, въ хронографиконѣ мы имѣемъ дѣло не съ самимъ Никифоромъ, а съ его продолжателями.

Естественно спросить себя, а какой эры держались эти продолжатели?

Къ счастію, мы имѣемъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно.

Во всѣхъ спискахъ хронографикона, не исключая L и У, точно обозначенъ годъ смерти императора Михаила II: ὁμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τελευτῆς Μιχαὴλ ἔτη 6338. [§ 97 текста].

Михаилъ умеръ 1 октября 829 года нашей эры.

Эта дата принадлежитъ 6322 году византійской эры κατὰ Ἀλεξανδρεῖς и 6338 году константинопольской эры. Изъ сопоставленія этихъ чиселъ слѣдуетъ, что продолжатели работы Никифора держались константинопольской эры, а не византійской κατὰ Ἀλεξανδρεῖς, какъ самъ патріархъ.

§ 12. Обозрѣвая все сказанное въ настоящей главѣ, мы можемъ утверждать: если хронографиконъ представляетъ изъ себя, по выраженію Гельцера, скелетъ историческихъ событій, то скелетъ этотъ былъ плохо собранъ.

1) Самъ Никифоръ стремился держаться византійской эры κατὰ Ἀλεξανδρεῖς. При вычитаніи изъ годовъ этой эры, выраженныхъ отъ Адама, 5500-тъ получаются года отъ Р. Х., но не отъ того Р. Х., которое признается нашей христіанской эрой, а отъ Р. Х. по Анніановскому (mutatis mutandis) счету. Чтобы по вычитаніи 5500-тъ получить года отъ Р. Х. нашей эры, надо къ полученной разности придать 8 [1]), а для періода сентябрь—декабрь 7. Изъ годовъ этой эры получаются года константинопольской эры прибавленіемъ числа 16.

1) Бодянскій *вычитаетъ* 8, а потому получаетъ года на 16 единицъ меньшіе, чѣмъ слѣдуетъ.

2) Въ исторіи Константина Великаго, благодаря ошибкѣ въ счетѣ лѣтъ, протекшихъ отъ начала царствованія Константина до 1-го вселенскаго собора, въ хронографиконѣ появляется новая эра, никѣмъ никогда не разработанная: вычитая изъ годовъ этой эры, выраженныхъ отъ Адама, 5500-тъ, получаемъ прямо года нашей христіанской эры.

3) Въ концѣ хронографикона имѣется дата, данная по константинопольской эрѣ: годъ смерти Михаила II. Чтобы изъ годовъ этой эры получить года отъ Р. Х. нашей христіанской эры, надо вычитать 5508, а для сентября—декабря 5509.

Отсюда мы заключаемъ, что хронографиконъ Никифора не могъ дать нашимъ предкамъ никакихъ правильныхъ, выдержанныхъ единствомъ направленія, свѣдѣній по хронологіи. Не зная дефектовъ этого хронографикона, они смотрѣли на это произведеніе, какъ на безусловно безошибочное; но, работая надъ числами этого «лѣтописца», наши хронологи могли получать сбивчивыя даты. 1) Идя отъ эпохи Рождества Христова, они получали даты по александрійской эрѣ; 2) идя отъ эпохи Константина Великаго, они получали числа по иной, ошибочной эрѣ, которую можно было бы назвать «никифоровской», если бы только эта эра не получалась у Никифора *вопреки* его намѣреніямъ; 3) идя, наконецъ, отъ эпохи Михаила II, они получали даты по константинопольской эрѣ. Такъ что для одного и того же событія они могли получать (и получали!) три разныхъ даты, въ зависимости отъ исходнаго момента для вычисленій.

Конечно, все это вносило большую путаницу въ древне-русскую хронологію, въ судьбѣ которой хронографиконъ игралъ не послѣднюю роль.

Мнѣ кажется, что указанныя обстоятельства необходимо имѣть въ виду при перечисленіи лѣтописныхъ датъ (ранняго періода) на нашу эру.

III. Объ изданіяхъ «лѣтописца» Никифора въ Новгородской Кормчей.

§ 13. «Лѣтописецъ» Новгородской Кормчей былъ изданъ приложеніемъ къ 1-у изданію 1-го тома Пол. Собр. Рус. Лѣт. Императорской Археографической Коммиссіи. Томъ этотъ уже давно вышелъ изъ про-

дажи; а при 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ Лаврентіевской Лѣтописи, помѣщавшейся въ этомъ томѣ, интересующаго насъ приложенія не давалось. Поэтому я не находилъ возможнымъ производить изслѣдованіе НК по этому изданію; тѣмъ болѣе, что самое изданіе не воспроизводитъ памятника съ желательною для изслѣдованія точностію. Для подтвержденія своей мысли укажу лишь на одинъ примѣръ неудачнаго раскрытія титлованнаго слова. На страницахъ этого изданія читаемъ: «Манасиа недѣлю. при томь Воуганти създанъ бысть». Между тѣмъ въ Новгородской Кормчей имѣется: манастиа ·нє· при томь... и т. д. Уже одно то, что нє стоитъ между двумя точками, показываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ «недѣлей», а съ числомъ 55, но что подъ титломъ ошибочно поставлено д. И дѣйствительно, въ DB читаемъ: Μανασσῆς ἔτη νε΄. и т. д.

Академикъ И. И. Срезневскій издалъ отдѣльно русское прибавленіе «лѣтописца» (Михаилъ лѣтъ ·ві· съ Василькмь и т. д.) въ VIII томѣ Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Спб. 1860 г. (стр. 390—393).

Но здѣсь, во-первыхъ, НК изданъ частично, а во-вторыхъ, и эта часть издана не настолько тщательно, чтобы можно было пользоваться этимъ изданіемъ безъ опасеній за правильность выводовъ. Въ изданіи этомъ имѣются разнаго рода дефекты: пропуски, ошибки, неоговоренныя опечатки. Въ особенности досадны, съ моей точки зрѣнія, ошибки въ воспроизведеніи чиселъ оригинала. Укажу лишь на нѣсколько примѣровъ разнаго рода дефектовъ изданія. (См. стр. 272).

Эти примѣры не исчерпываютъ всѣхъ дефектовъ на 3-хъ столбцахъ, взятыхъ подъ рядъ; а всѣхъ столбцовъ издано И. И. Срезневскимъ $8^2/_5$.

Имѣя все это въ виду, я нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ производить изслѣдованіе НК по самому оригиналу. Черезъ посредство и при любезномъ содѣйствіи Н. П. Попова, которому я приношу свою глубокую благодарность, Московская Синодальная Библіотека не отказала мнѣ въ изготовленіи фотографическихъ снимковъ со страницъ этого драгоцѣннаго памятника. По этимъ снимкамъ и произведено мною изслѣдованіе НК.

Новгородская Кормчая.		Изданіе И. И. Срезневскаго.
Листъ, столбецъ, строка.	Написано.	Напечатано.
573, 3, 2	словинѣ	словѣне
573, 3, 17	лѣ҃·ѕт҃о·	лѣ҃·г҃т ●
573, 4, 18	лѣ҃·л҃·а·ѿ҃·ꙁ҃·	лѣ҃·л҃·а҃·ѿ·ꙁ҃
573, 4, 21	Костантинъ с҃нъ львовъ зать романовъ ц҃ртвова	костантинъ с҃нъ львовъ ц҃ртвова
574, 1, 8	а҃г·к҃з·лѣ҃	ꙁ҃г·к҃в·лѣ҃
574, 1, 13	лѣ҃·гуа҃г·	лѣ҃·гуꙁ҃ г·

§ 14. Въ виду важности для исторіи русской хронологіи памятника НК, я счелъ необходимымъ издать этотъ памятникъ древне-русской письменности по имѣющимся у меня фотографическимъ снимкамъ. Мнѣ хотѣлось воспроизвести рукопись съ возможною точностью, дѣлая лишь незначительныя отступленія внѣшняго характера. Считаю необходимымъ оговорить эти отступленія.

1) Отдѣльныя слова рѣчи раздѣлены промежутками, чего нѣтъ въ подлинникѣ.

2) Текстъ рукописи НК по особымъ соображеніямъ раздѣленъ на отдѣльные параграфы (лѣвый столбецъ при славянскомъ текстѣ). Никакого дѣленія на параграфы въ подлинникѣ нѣтъ.

3) Для вящшаго различенія параграфовъ въ моемъ изданіи въ концѣ параграфовъ поставлены (passim) вертикальныя черточки; никакихъ черточекъ въ рукописи нѣтъ.

4) Печатая параллельно съ русскимъ текстомъ греческій DB, я принужденъ былъ для сохраненія параллелизма мѣстами разрывать непрерывно идущія въ подлинникѣ строки и отдѣлять ихъ пробѣлами. Никакого разрыва текста НК (и DB!) въ подлинникѣ нѣтъ.

5) При славянскомъ текстѣ въ правомъ столбцѣ помѣчаются номера листа рукописи, номеръ столбца рукописи и строки, при чемъ номеръ столбца поставленъ въ видѣ показателя степени при номерѣ листа.

Такихъ обозначеній въ НК нѣтъ. Имѣется лишь счетъ листовъ; номеръ листа въ рукописи поставленъ въ правомъ верхнемъ углу правой страницы открытой книги.

«Лѣтописецъ» написанъ въ два столбца на страницѣ, по 25 строкъ въ каждомъ столбцѣ. Пергаментъ и чернила рукописи въ хорошей сохранности; потемнѣли лишь корешковыя части листовъ. Но и на такомъ темномъ фонѣ буквы рукописи видны отчетливо; слѣдовательно, есть полная возможность воспроизвести памятникъ съ надлежащей точностью. Затруднительно лишь воспроизведеніе точекъ надъ буквами и между отдѣльными словами: нѣкоторыя изъ этихъ точекъ еле различаются, а кромѣ того несомнѣнно, что къ числу точекъ, написанныхъ переписчикомъ, отъ времени присоединились новыя точки, изъ которыхъ однѣ свидѣтельствуютъ о давнемъ симбіозѣ человѣка съ мухами, а другія появились отъ тренія мелкихъ, незамѣтныхъ глазу, неровностей листа о загрязненныя части противуположной страницы закрытой книги.

IV. Общая характеристика отношенія НК къ DB.

§ 15. Такъ какъ главнѣйшая цѣль настоящей статьи—опредѣлить отношеніе НК къ греческому оригиналу, то русское дополненіе о дѣлахъ на Руси я оставляю безъ разсмотрѣнія. Я съуживаю рамки своего изслѣдованія только потому, что вопросъ о способѣ прикрѣпленія событій русской жизни составителемъ НК къ хронологіи Никифора есть вопросъ большой важности, требующій спеціальнаго изслѣдованія. Это спеціальное изслѣдованіе не мыслимо безъ предварительнаго рѣшенія другихъ, болѣе мелкихъ вопросовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и вопросъ объ отношеніи НК къ DB. Не зная этого отношенія, историкъ можетъ приходить къ не совсѣмъ точнымъ выводамъ. Образцы такихъ выводовъ имѣются въ изобиліи, напримѣръ, въ указанномъ выше изслѣдованіи О. Бодянскаго, во многихъ другихъ отношеніяхъ классическомъ. Укажу на одинъ.

Сравнивая матеріалъ, даваемый «лѣтописцемъ» Никифора, съ соотвѣтствующимъ матеріаломъ въ хроникѣ Амартола, Бодянскій не безъ

основаній говоритъ, что не Никифоръ *могъ* заимствоваться у Амартола, а Амартолъ у Никифора; весь вопросъ лишь въ томъ, *заимствовался ли фактически* Георгій Монахъ у патріарха? Бодянскій не сомнѣвается, что заимствованія имѣли мѣсто; въ этомъ его убѣждаетъ сходство нѣкоторыхъ мѣстъ въ произведеніяхъ этихъ двухъ писателей. «Сходство», говоритъ Бодянскій, «простирается даже на самыя выраженія; на при-«мѣръ, изъ многаго малое: По Сампсонѣ не бысть соудїи лѣтъ·м҃· тѣмь и велико ѕло бысть, читаемъ у Никифора: ꙗко по Самсонѣ «не бѣ княжениꙗ лѣтъ·м҃· тѣмь же и велико ѕло бы҃, читаемъ и «у Амартола. Или въ первомъ: Иоулїи Кесарь ·ӣі·лѣтъ. Тои ѕакон «дасть индикта и високостъ иѕобрете. По Иоулїи Августъ, «сыновець кго. октавинъ сынъ, иже и Савастъ нарече҃са лѣтъ·н҃ѕ· «а во второмъ: Иоулии цр҃ь кдинодержець лѣтъ ·н҃і· тъ же и ѕа-«коны дасть, индикта и висекта ѡбрѣте. По Иоулии ѡблада «Августъ. сн҃вець кго-ѡктавинъ сн҃ъ, иже Севастъ нареч҃е бы҃· «лѣ҃·н҃ѕ· Очевидно, не Никифоръ у Георгія, но етотъ (sic) у него заим-«ствовался, такъ какъ первый кончиной своей опередилъ послѣдняго» (l. c. стр. 131). Эта аргументація неотразима, но только для того, кто не знаетъ отношенія цитируемаго извода «лѣтописца» къ оригиналу хронографикона Никифора. Дѣло въ томъ, что выписанныя Бодянскимъ изъ «лѣтописца» фразы не принадлежатъ Никифору, а представляютъ изъ себя вставку переводчика, взятую имъ изъ хроники Амартола. Такимъ образомъ предположеніе о заимствованіяхъ Амартола изъ хронографикона Никифора само собой отпадаетъ. Въ работѣ Бодянскаго среди высокоцѣннаго матеріала не мало такихъ мѣстъ, которыхъ онъ, конечно, не написалъ бы, если бы ему были извѣстны точнѣе отношенія цитируемыхъ имъ переводныхъ памятниковъ къ ихъ оригиналамъ.

§ 16. НК не есть переводъ, а передѣлка хронографикона Никифора. Изъ всего числа славянскихъ словъ, которыми выраженъ «лѣтописецъ» въ интересующей насъ части (т. е. безъ добавленій о дѣлахъ на Руси), 63% переведены съ греческаго, а 37% вставлены. Почти такое же отношеніе между числомъ греческихъ словъ, переведенныхъ на славянскій языкъ (62%) къ числу греческихъ словъ, опущенныхъ перево-

домъ (38%). Въ общемъ, НК и абсолютно и относительно короче[1]) греческаго оригинала.

Плотность, съ которой передѣлка греческаго оригинала распредѣлена по всему памятнику НК, въ разныхъ частяхъ памятника не одинакова. Есть мѣста, которыхъ передѣлка коснулась весьма мало, но есть мѣста, представляющія изъ себя сплошную передѣлку. Наибольшей передѣлкѣ подверглись центральныя части DB.

Подъ терминомъ «передѣлка» я разумѣю: 1) пропуски переводомъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній греческаго текста; 2) вставки словъ и предложеній, не имѣющихъ для себя соотвѣтствующаго матеріала въ DB. 3) всякаго рода неправильности перевода.

а) Всѣ *пропуски* греческаго текста въ славянскомъ переводѣ НК можно раздѣлить на 3 категоріи: 1) пропуски, сдѣланные повидимому *ради сокращенія* самаго перевода; къ этой категоріи я отношу пропуски разнаго рода историческихъ справокъ, введенныхъ Никифоромъ лишь для нѣкотораго освѣщенія эпохи, о которой идетъ рѣчь, но не представляющихъ изъ себя существенно важной части въ хронологическомъ смыслѣ; 2) ко второй категоріи пропусковъ можно отнести тѣ, которые носятъ *характеръ случайности*, ибо по содержанію своему опущенныя части хронографикона важны для цѣлости хронологической лѣстницы событій. Пропуски этой категоріи могли произойти лишь по совершенно случайнымъ причинамъ: дефектныя мѣста въ оригиналѣ, съ котораго дѣлался переводъ, дефекты въ оригиналѣ перевода, съ котораго копировался НК, невниманіе переписчика и т. п. 3) Къ третьей категоріи я отношу пропуски, сдѣланные съ *цѣлью исправленія* подлинника въ мѣстахъ, показавшихся переводчику недостаточно точными. Внѣшній

---

1) По произведеннымъ мною ad hoc подсчетамъ, при правильномъ переводѣ греческаго текста повѣствовательнаго характера на древне-славянскій языкъ, 8 греческихъ словъ въ среднемъ выражаются 7-ю славянскими; а при переводѣ статей хронологическаго характера (съ большимъ числомъ собственныхъ именъ и чиселъ) 10 греческихъ словъ выражаются 9 древне-славянскими. Поэтому при точной передачѣ хронографикона древне-славянскій переводъ, *относительно* равный греческому оригиналу, долженъ былъ бы быть *абсолютно* короче оригинала на 1%. Между тѣмъ НК короче ДВ на 8%.

признакъ пропусковъ этой категоріи есть своего рода систематичность въ уклоненіи отъ перевода данныхъ однороднаго содержанія.

в) Мѣста, *вставленныя* переводчикомъ, можно раздѣлить тоже на 3 категоріи. 1) Къ 1-ой категоріи я отношу вставки, сдѣланныя повидимому *для улучшенія* (съ точки зрѣнія переводчика) текста, показавшагося переводчику недостаточно планомѣрнымъ. Вставки этой категоріи часто идутъ параллельно съ выпусками греческаго текста 3-ей категоріи. 2) Ко второй категоріи я отношу вставки, сдѣланныя повидимому *ради полноты* перевода, когда по мнѣнію переводчика, авторъ хронографикона недостаточно подробно говоритъ о предметѣ. 3) Вставки 3-ей категоріи сдѣланы повидимому *для заполненія дефектныхъ мѣстъ* оригинала. Вставки этой категоріи часто сопутствуютъ пропуски 2-ой категоріи.

с) Оцѣнивая *качества передачи* на славянскій языкъ переведенныхъ мѣстъ подлинника нельзя не притти къ заключенію, что въ общемъ переводъ сдѣланъ довольно *неудовлетворительно*. Неудовлетворительность перевода сказывается главнымъ образомъ въ качествѣ передачи на славянскій языкъ тѣхъ немногихъ фразъ повѣствовательнаго характера, которыя не были опущены совсѣмъ; фразы эти переданы большею частію «своими словами», съ отступленіемъ отъ смысла передаваемой фразы, часто даже съ искаженіемъ его. Неудовлетворительность перевода такъ велика, что у меня невольно закрадывается подозрѣніе: не сдѣланы ли пропуски 1-ой категоріи не *ради* сокращенія «лѣтописца», а просто *за неумѣньемъ* совладать съ трудностями греческой рѣчи? Это подозрѣніе подтверждается и тѣмъ, что составитель НК, вообще говоря, полноты текста не боялся: онъ самъ дѣлалъ вставки, порою весьма обширныя.

§ 17. Обозрѣвая всѣ особенности НК, разсматривая ихъ въ связи съ греческимъ текстомъ DB, поражаешься двумя обстоятельствами: съ одной стороны НК носитъ слѣды плохого знанія переводчикомъ греческаго языка и исторіи, а съ другой стороны, въ памятникѣ этомъ есть много яркихъ свидѣтельствъ остроумія и находчивости автора, его нѣкоторой начитанности, сказавшихся въ исправленіяхъ и дополненіяхъ греческаго

текста. Для объясненія наличности такихъ противорѣчивыхъ свойствъ текста НК, я позволю себѣ привести слѣдующую гипотезу.

1) Вѣроятно греческій оригиналъ Z, попавшій въ руки первопереводчика, былъ самъ недостаточно исправенъ, т. е. рукопись была подержанная со значительными дефектами чисто внѣшняго характера. Греки охотно сбывали ненужный имъ «хламъ», а славяне дорожили каждымъ исписаннымъ клочкомъ пергамента: любовь къ старинѣ — наслѣдственная черта многихъ русскихъ людей. Здѣсь мнѣ невольно вспоминаются слова покойнаго знатока хронологіи, проф. В. В. Болотова: а) «славяне и русскіе доставали греческія рукописи (переведенныя потóмъ на славянскій языкъ) «во время странствій по святымъ мѣстамъ... в) Разумѣется, греки не «имѣли охоты именно тѣ рукописи, которыя были особенно нужны имъ «самимъ, отдавать паломникамъ. Пришельцамъ дарили или продавали «такія книги, въ которыхъ не было практической надобности. Къ этой «категоріи практическіе люди причисляли, конечно, и книги устарѣлыя[1])», и обветшалыя, прибавлю я отъ себя.

2) Дефектный экземпляръ Z попалъ въ руки, вѣроятно, начинающаго переводчика и при томъ не сильнаго знатока греческаго языка, которому можетъ быть въ видѣ перваго самостоятельнаго опыта былъ порученъ переводъ этого несложнаго въ сущности оригинала. Невѣдомый переводчикъ по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья добросовѣстно исполнилъ порученное ему дѣло: передалъ славянскими буквами греческія имена, исковеркавъ нѣкоторыя изъ нихъ до неузнаваемости, проставилъ славянскими буквами числительныя, передалъ содержаніе несложныхъ предложеній подлинника, допуская по малому знанію языка уклоненія отъ смысла ихъ, выпустилъ, наконецъ, всѣ трудныя для него мѣста, признавъ ихъ, можетъ быть не съ совсѣмъ спокойной совѣстію, маловажными для «лѣтописца». Такимъ путемъ могъ получиться перво-переводъ, который я буду обозначать сиглой К. Переводъ этотъ не дошелъ до насъ. О существованіи такого древняго перевода, а не передѣлки вродѣ НК, насъ

---

1) Слѣды древнихъ мѣсяцеслововъ помѣстныхъ церквей. Василія Болотова. Спб. 1893. Отдѣльный оттискъ изъ Христіанскаго Чтенія за 1893 г. (январь—февраль).

убѣждаетъ то, что въ Сильвестровскомъ изводѣ Лаврентіевской лѣтописи имѣются слѣды вліянія на этотъ изводъ какого-то хронографикона Никифора, въ которомъ *небыло* тѣхъ *особенностей*, которыми НК отличается отъ DB.

3) Можно предположить, наконецъ, что этотъ перво-переводъ К со временемъ попалъ въ руки опытнаго читателя-историка, но у котораго однако оригинала хронографикона не было. Вѣроятно, этотъ неизвѣстный хронологъ, ознакомившись съ рукописью, оцѣнилъ многія достоинства «лѣтописца въскорѣ», оцѣнилъ его краткость, схематичность,—свойства, удобныя для всякаго рода справокъ историческаго и хронологическаго характера. Конечно, отъ его опытнаго взгляда не укрылись и нѣкоторые изъ недостатковъ попавшей къ нему рукописи. Всѣхъ дефектовъ перевода, какъ таковаго, этотъ читатель усмотрѣть, конечно, не могъ, за неимѣніемъ оригинала для сравненія. Оцѣнивъ достоинства «лѣтописца», этотъ невѣдомый историкъ-хронологъ рѣшилъ переписать рукопись, дополнивъ и исправивъ замѣченные дефекты.

Такимъ путемъ могла получиться первая обработка рукописи К. Эту гипотетическую обработку буду называть КК. Въ получившейся передѣлкѣ хронографикона съ одной стороны остались неисправленными многія уклоненія отъ греческаго текста, остались невосполненными многіе пропуски, сдѣланные перво-переводчикомъ (ибо у автора КК не было оригинала); но съ другой стороны, въ рукописи появились дополненія, исправленія, сдѣланныя по источникамъ, независимымъ отъ произведенія патріарха Никифора и имѣвшимся въ рукахъ у автора этой рукописи КК.

Мнѣ кажется неизбѣжнымъ допустить существованіе такой рукописи, по которой былъ со временемъ составленъ «лѣтописецъ въскорѣ» въ Новгородской Кормчей. Къ такому допущенію приводитъ сравнительное изученіе НК и «лѣтописцевъ» въ спискахъ Никоновской лѣтописи. Они весьма близки другъ къ другу; родственная ихъ связь несомнѣнна. По времени написанія Никоновской лѣтописи и Новгородской Кормчей можно было бы предполагать, что «лѣтописцы» Никоновской лѣтописи заимствованы изъ Новгородской Кормчей. Но анализъ текстовъ НК и Никоновскихъ «лѣтописцевъ въскорѣ» показываетъ, что оба эти памятника проп-

зошли отъ болѣе древняго списка, чѣмъ НК. Въ этомъ меня убѣждаетъ то, что въ лѣтописцахъ Никифора Никоновской лѣтописи есть числа, болѣе близкія къ DB, чѣмъ къ НК. Если бы «лѣтописцы» Патріаршей лѣтописи получились черезъ посредство промежуточныхъ копій отъ НК, то указаннаго явленія не могло бы быть: всякая послѣдующая копія, непровѣренная по оригиналу, скорѣе удаляется отъ него, но отнюдь не приближается.

Интересенъ фактъ: въ извѣстной хронологической таблицѣ Кирика, несомнѣнно составленной по Никифору, есть числа, отличныя отъ чиселъ DB, но общія съ соотвѣтствующими числами НК. Если мы въ началѣ XII вѣка, когда жилъ Кирикъ, встрѣчаемся съ нѣкоторыми, немногими правда, особенностями перевода НК, то мысль невольно направляется на этого незауряднаго писателя-хронолога: ужъ не онъ ли, этотъ доместикъ Кирикъ, былъ авторомъ этой первопередѣлки «лѣтописца», этого гипотетическаго памятника КК? Вѣдь Новгородская Кормчая хранитъ на своихъ страницахъ и «вопрошаніе Кирика», въ ней, въ этой Кормчей, появляется впервые статья «Великаго книжника Антиохіискаго ѡ коландѣхъ!» Статью эту Кирикъ изучалъ и зналъ, какъ о томъ можно догадываться по записи Кирика въ 1-ой Новгородской Лѣтописи подъ 6644-мъ годомъ.

Не имѣю основаній такъ или иначе рѣшать вопросъ объ авторѣ *протооригинала* для рукописи НК. Но въ память о Кирикѣ называю его сиглой КК.

Сдѣлавъ общую характеристику отношеній НК къ греческому оригиналу, дополнивъ ее гипотезой, направленной къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей этихъ отношеній, считаю нужнымъ указать на наиболѣе выдающіяся частности.

При ссылкахъ на издаваемый мною текстъ, номера параграфовъ этого текста ставлю въ квадратныя скобки [ ], параграфы настоящаго изслѣдованія заключены въ простыя скобки ( ).

V. О ветхозавѣтныхъ патріархахъ до Авраама включительно [1—20].

§ 18. Текстъ DB въ указанной заглавіемъ части переведенъ въ НК далеко не съ буквальной точностію. Главнѣйшія особенности НК слѣдующія.

1) Въ НК опущены переводомъ двѣ обширныя историческія справки Никифора: о временахъ Фалека и о миссіи Авраама. Обѣ эти справки опущены, вѣроятно, перво-переводчикомъ К, который согласно моей гипотезѣ затруднялся переводить греческую рѣчь повѣствовательнаго характера.

Въ виду важности для дальнѣйшаго (§§ 29, 42) считаю нужнымъ указать, что обѣ эти справки заимствованы Никифоромъ почти съ буквальной точностію изъ Chronicon paschale [1]). Фактъ заимствованія Никифоромъ текста изъ Пасхальной Хроники, кажется, никѣмъ до сихъ поръ замѣченъ не былъ, между тѣмъ фактъ этотъ во многихъ отношеніяхъ интересенъ. Во-первыхъ онъ свидѣтельствуетъ объ эрудиціи Никифора, а во-вторыхъ, и о томъ, что Никифоръ не просто собиралъ матеріалы для своей хронологіи, но и обрабатывалъ этотъ матеріалъ сообразно своимъ цѣлямъ. Авторъ Пасхальной Хроники держится лѣтосчисленія со счетомъ 5506 лѣтъ отъ Адама до Христа, между тѣмъ какъ Никифоръ держится византійской системы κατὰ Ἀλεξανδρεῖς. Чтобы пользоваться матеріаломъ Хроники, Никифоръ долженъ былъ приспособлять его къ избранной имъ системѣ времясчисленія.

§ 19. Въ НК изъ всей исторической справки о Фалекѣ оставлена одна первая фраза, да и то въ измѣненной сравнительно съ подлинникомъ редакціи: въ НК говорится о раздѣленіи *языковъ*, а не о раздѣленіи

---

1) Справка о Фалекѣ. Chr. pasch. стр. 113, срав. [11]. Ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ Φάλεγ διεμερίσθη ἡ γῆ: διὸ καὶ σημαίνεται Φάλεγ τῇ Ἑβραίων φωνῇ μερισμός. Κατὰ τοῦτον ἡ πυργοποιία συνέστη, καὶ ἀπὸ μιᾶς τῆς πάλαι διαλέκτου πολυφωνία γέγονε καὶ ἡ καθ' ἕκαστον τῶν γλωσσῶν διαφορά, ὡς μέμνηται τούτων ἡ θεία Γραφὴ λέγουσα. (Далѣе—выписка изъ Библіи).

Справка объ Авраамѣ. Chr. pasch. стр. 180, срав. [18]. Ἀβραὰμ δὲ ἦν ἐτῶν πέντε καὶ ἑβδομήκοντα, ὅτε θείου χρησμοῦ καταξιοῦται καὶ τῆς πρὸς αὐτὸν γενομένης ἐπαγγελίας..... καὶ τὴν ἐξ Αἰγύπτου πορείαν τοῦ Ἑβραίων ἔθνους, ἔτη τυγχάνει υλ'. ὧν μέμνηται Παῦλος Γαλάταις ἐπιστέλλων· «Διαθήκην» и т. д.

земли, какъ въ DB. Разница на первый взглядъ ничтожная, но по моему мнѣнію знаменательная. Замѣна раздѣленія земли, размѣшеніемъ, раздѣленіемъ языковъ произведена, мнѣ кажется, не авторомъ К, а авторомъ КК. Авторъ К, вѣроятно, вѣрно перевелъ первую фразу историческои справки, но бросилъ дальнѣйшій переводъ по трудности греческой рѣчи. Но авторъ КК, увидавъ, что по рукописи К при Фалекѣ было раздѣленіе *земли*, усумнился въ правильности перевода. Какъ начитанный человѣкъ, онъ согласиться съ этимъ никакъ не могъ. Наши знатоки священнаго писанія и любители чтенія статей на церковно-историческія и библейскія темы строго различали раздѣленіе *земли* отъ раздѣленія, «размѣшенія», «смѣшенія» *языковъ*. Этому различенію учили и Библія и разныя апокрифическія сказанія. Не даромъ въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приводятся отрывки (въ свободномъ изложеніи) изъ Библіи, гдѣ говорится объ этомъ предметѣ: «И сказалъ Господь: вотъ одинъ народъ, и одинъ у «всѣхъ языкъ; и вотъ, что они начали дѣлать, и не отстанутъ они отъ «того, что задумали дѣлать; сойдемъ же и *смѣшаемъ* тамъ *языкъ* ихъ, «такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другого. *И разсѣялъ* ихъ Господь «оттуда *по всей землѣ*; и они перестали строить городъ (и башню). «Посему дано ему имя: Вавилонъ, ибо тамъ *смѣшалъ* Господь *языкъ* «всей земли *и* оттуда *разсѣялъ* ихъ Господь *по всей земли*» (Бытія, XI, 6—9). Это мѣсто изъ Библіи послужило темой для разработки апокрифа, по которому у Евера было два сына, Фалекъ и Ектанъ. Фалекъ умыслилъ по водамъ хожденіе и *при немъ* было *раздѣленіе языковъ*, при Ектанѣ же послѣдовало *раздѣленіе земли*. Становясь на точку зрѣнія читателя, проникнутаго этого рода знаніями, легко понять, что авторъ КК не могъ допустить такой вопіющей ереси, будто бы *при Фалекѣ* было раздѣленіе *земли*, какъ говорилъ «лѣтописецъ» К; въ результатѣ—то исправленіе текста, которое мы имѣемъ въ НК.

§ 20. 3) Въ НК имѣются фразы объ Энохѣ и Серухѣ, которыхъ нѣтъ въ DB: 1) и оугоди енохъ бо҃у. и не ѡбрѣташеса ѩко престави и бъ҃ [4] и 2) то сероухъ и първоенага коумиры творити [14]. Фразы эти взяты составителемъ, вѣроятно, изъ какой либо Палеи: въ нѣкоторыхъ спискахъ Палеи фразы эти, дѣйствительно, встрѣ-

чаются. Такъ въ Палеѣ № 653 Библіотеки Соловецкой Обители читаемъ: и оугоди енохъ богови ·и не обрѣташеса· ꙗко престави и҆ бг҃ъ и далѣе: сеи же серухъ нача испѣрва кумиры творити въ родѣ своемъ [1]). Первая фраза имѣется въ Библіи почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ [2]); но 2-ой фразы въ Библіи нѣтъ. Свѣдѣнія о кумиротвореніи Серуха повидимому были очень распространены на Руси, что видно напр. изъ того, что свѣдѣнія объ твореніи Серухомъ кумировъ попали въ древнѣйшія наши лѣтописи и другіе памятники древней письменности

§ 21. 4) НК существенно отличается отъ DB записью о рожденіи Мафусаиломъ Ламеха: Мафоусалъ былъ л҃ѣ. рѯз. роди ламеха. Всѣ списки N имѣютъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ [§ 5] дефектъ, отмѣчаемый де Бооромъ: фраза о рожденіи Мафусаиломъ Ламеха опущена, остался лишь конецъ какого-то предложенія (несомнѣнно аналогичнаго той фразѣ, которую мы имѣемъ въ НК): ὁμοῦ ζήσας ἔτη ϠΞΘ'.

Въ частности вотъ что имѣется въ разныхъ спискахъ хронографикона. Условимся предполагаемый пропускъ въ спискѣ хронографикона обозначить знакомъ====.

Въ: BMSXY: ==== ὁμοῦ ζήσας ἔτη ϠΞΘ'.

Въ Р: ==== ὁμοῦ ζήσας ἔτη ϠΞΘ', т. е. такъ же, какъ въ предыдущихъ пяти спискахъ, но на поляхъ около этой фразы стоитъ: ἔζησε Μαθουσάλα ρπζ' (а не ρξζ') ἔτη καὶ (?) γεννᾷ τὸν Λάμεχ (Объ этой особенности списка Р де Бооръ не упоминаетъ въ примѣчаніяхъ къ своему изданію хронографикона).

3) Въ спискѣ Е: Μαθουσάλα γενόμενος ἐτῶν ρξζ' ====ἔτη ϠΞΘ'.

4) Во всѣхъ N': Μαθουσάλα γενόμενος ἐτῶν ρξζ' γεννᾷ τον Λάμεχ====.

---

1) Лично я этой Палеи не изучалъ, но свѣдѣнія о ней и объ этихъ двухъ фразахъ въ ней мною взяты изъ книги И. Я. Порфирьева: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой Библіотеки. Спб. 1877. (Сборникъ Отд. Русск. яз. и Слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. XVII. № 1).

2) Въ современномъ славянскомъ переводѣ: И угоди Енѡхъ Бг҃у, и не обрѣтáшеся, занѐ преложѝ егò Бг҃ъ. (Быт. 5. 24).

Если мы составимъ фразу, элементы которой взяты изъ вышеприведенныхъ, частично попорченныхъ, фразъ, то получимъ:

Μαθουσάλα γενόμενος ἐτῶν ρξζ′ (ρπζ?)γεννᾷ τὸν Λάμεχ, ὁμοῦ ζήσας ἔτη ϡξθ′, т. е. какъ разъ такую, переводъ которой имѣемъ въ спискѣ НК.

Особенности трактуемаго мѣста хронографикона можно объяснить себѣ такъ.

Мы уже знаемъ, что у Никифора въ лѣтахъ Мафусаила есть ошибка, по которой Мафусаилъ долженъ былъ пережить потопъ на 14 лѣтъ (§ 5, глава II). Никифоръ, думается мнѣ, не могъ не видѣть этой ошибки, и вѣроятно стремился ее исправить. Возможно, что въ собранныхъ имъ матеріалахъ при имени Мафусаила и въ годахъ его оказались слѣды разныхъ пробъ исправить эту ошибку. Въ текстѣ оказались перечеркиванія, помарки (ρξζ′, ρπζ...). Возможно, что Никифоръ убѣдился въ невозможности исправить ошибку прибавленіемъ двадцати лѣтъ (какъ въ Библіи) къ жизни Мафусаила до рожденія Ламеха (ρπζ′ — ρξζ = 20). Испортивъ помарками свой текстъ, Никифоръ ограничился простымъ заявленіемъ, имѣющимся во всѣхъ спискахъ хронографикона: κατ᾽ αὐτὸν τελευτᾷ τὸν κατακλυσμόν [§ 5]. Испорченный помарками текстъ Никифора былъ различнымъ образомъ прочтенъ составителями хронографикона (по матеріаламъ Никифора; см. глава I § 2). Одни выбросили начало фразы (BMSXУ), другіе середину (E), третьи — конецъ (N′); нашелся такой, который *почти* правильно уловилъ содержаніе фразы Никифора (P), но привелъ отброшенное Никифоромъ число 186 вмѣсто 166. И наконецъ одинъ, составитель списка Z, возстановилъ правильно всю фразу Никифора. Переводъ ея попалъ въ К, затѣмъ КК и наконецъ въ его дериваты: НК и въ Никоновскую лѣтопись.

Таково *возможное* объясненіе происхожденія разбираемой фразы НК. Конечно, возможно, что рукопись Z, наравнѣ съ другими списками N, была не менѣе испорчена, чѣмъ списки BSXУ и т. д. Но что авторъ КК, замѣтивъ ошибку переписываемаго «лѣтописца», исправилъ ее, пополнивъ фразой, составленной по Библіи. Такъ какъ Никифоръ бралъ самъ текстъ изъ Библіи, то вполнѣ возможно, что вставленная фраза оказалась тождественной по содержанію съ той, которая получена мной

на основаніи изученія редакцій этой фразы во всѣхъ спискахъ хронографикона. Это второе объясненіе я считаю, однако, менѣе вѣроятнымъ, ибо въ Библіи число лѣтъ Мафусаила при рожденіи Ламеха есть 188, а не 166 (по нѣкоторымъ спискамъ LXX—182, какъ и въ евр.).

§ 22. 5) Интересна особенность перевода фразы о рожденіи Симомъ Арфаксада [§ 8]. Де-Booръ считаетъ эту фразу въ спискахъ N попорченной. Фраза эта въ изданіи де-Боора напечатана такъ:

Μετὰ δὲ τὸν κατακλυσμὸν
ἔτους β′
Σήμ, υἱὸς Νῶε,......
......γεννᾷ τὸν Ἀρφαζὰδ
καὶ и т. д.

Многоточіе показываетъ, что по мнѣнію де Боора въ текстѣ N есть пропускъ. Въ N′ эта фраза изложена такъ: Μετὰ δε τὸν κατακλυσμὸν Σήμ, υἱὸς Νῶε, γενόμενος ἐτῶν ρ′ γεννᾷ τὸν Ἀρφαξάδ. Вѣроятно, въ Z эта фраза была изложена иначе: Μετὰ δὲ τὸν κατακλυσμὸν ἔτους β′ Σήμ, υἱὸς Νῶε, γενόμενος ἐτῶν ρ′, γεννᾷ τὸν Ἀρφαξάδ, по крайней мѣрѣ переводъ *этой именно* фразы имѣемъ мы въ НК, но съ перенесеніемъ начала фразы (μετὰ—β′) въ конецъ. Я думаю, это сдѣлано не случайно. Возможно, что авторъ КК усмотрѣлъ существованіе нѣкотораго дефекта въ обозначеніи лѣтъ Сима при рожденіи Арфаксада. Симъ вошелъ въ ковчегъ ста лѣтъ; какимъ образомъ могло случиться, что у него черезъ два года родился Арфаксадъ, а возрастъ остался тотъ же? Естественно было для разрѣшенія недоумѣній отправиться къ Библіи. Тамъ оказалась фраза, аналогичная Никифоровской, но построенная нѣсколько иначе: Σήμ, υἱὸς Νῶε ἐτῶν ἑκατὸν, ὅτε ἐγέννησε τὸν Ἀρφαξὰδ δευτέρου ἔτους μετὰ τὸν κατακλυσμόν [1]). Сообразно съ этой библейской

1) Беру греческій текстъ Библіи (LXX), такъ какъ мнѣ неизвѣстно ни одного древне-славянскаго перевода Библіи; допускаю, что этотъ послѣдній былъ близокъ къ тексту. Въ современной славянской Библіи фраза эта переведена такъ: и бѣ́ше Симъ сы́нъ ста лѣ́тъ, егда̀ роди́ Арфаѯа́да, во второ́е лѣ́то по потопѣ: (Быт. 11, 10)

редакціей авторъ КК и изложилъ фразу хронографикона, т. е. отнесъ въ конецъ предложенія слова «во второе лѣто по потопѣ». Авторъ КК *вѣрилъ*, что Библія точнѣе и лучше передаетъ факты священной исторіи. Что могла значить фраза «во второе лѣто по потопѣ» въ библейской редакціи? Вѣроятно, что авторъ КК счелъ возможнымъ истолковать эту фразу, какъ условную, для обозначенія понятія «послѣ потопа». Встарину предпочитали включительный счетъ; день, мѣсяцъ, годъ, въ который что-либо случилось, считался для этого событія *первымъ* днемъ, мѣсяцемъ, годомъ; непосредственно слѣдующій день, мѣсяцъ, годъ былъ уже *вторымъ*[1]). Въ библейской редакціи говорится о томъ, что Арфаксадъ родился *по выходѣ* Сима изъ ковчега, когда ему еще не минуло 101-го года. Очевидно, что эти или подобныя соображенія заставили автора КК при передачѣ никифоровской фразы придерживаться Библіи.

§ 23. б) Давъ такое толкованіе фразѣ «во второе лѣто по потопѣ», авторъ КК принималъ, конечно, что отъ рожденія Сима до рожденія Арфаксада надо считать 100 лѣтъ, а не 100+2 года. Несомнѣнно, что, рѣшая вопросъ объ истолкованіи вышеразобранной фразы, авторъ КК провѣрилъ числа хронографикона. Эта провѣрка привела его къ ряду неожиданныхъ открытій. Выяснилось: 1) что 2 года отъ потопа до рожденія Арфаксада у Никифора входятъ въ общую сумму лѣтъ, 2) что отдѣльныя слагаемыя хронографикона даютъ въ суммѣ не 1072 года, какъ сказано въ рукописи, а 1082 года; 3) что итогъ отъ Адама до Авраама есть 3324 года, а не 3310, какъ въ лѣтописцѣ Никифора[2]).

1) δεύτερος часто употребляется въ смыслѣ «слѣдующій».

2) Интересна у Никифора эта сумма 3310 л. отъ Адама до Авраама. Не могла ли она произойти такъ. Вѣроятно, Никифоръ получилъ у себя правильную сумму 3324 года. Но онъ зналъ, что Мафусаилъ пережилъ (по числамъ) потопъ на 14 лѣтъ. Не думалъ ли Никифоръ избавиться отъ этихъ лишнихъ 14-ти лѣтъ отсѣченіемъ ихъ отъ 3324-хъ лѣтъ? Дѣлая разныя «пробы», онъ, хотя не надолго, могъ притти и къ этой мысли; затѣмъ онъ могъ ее отбросить, какъ абсолютно невѣрную; но услужливые друзья Никифора, заканчивавшіе хронографиконъ, подобрали и пустили въ оборотъ именно эту, ошибочную, сумму, т. е. (3324—14=) 3310?

Сдѣланныя авторомъ КК открытія вызывали рядъ вопросовъ: 1) какую сумму считать вѣрной, 1072 г. или 1082 года? 2) Что дѣлать съ 2 излишними годами Сима? 3) Что дѣлать съ завѣдомо невѣрной суммой 3310 лѣтъ отъ Адама до Авраама?

Не знаю опредѣленно, ставилъ ли себѣ такіе вопросы авторъ КК, но отвѣты на нихъ мы имѣемъ въ НК:

1) авторъ КК призналъ вѣрной сумму 1082;

2) 2 лишнихъ года Сима рѣшилъ не считать;

3) сумму 3310 лѣтъ, какъ завѣдомо невѣрную, рѣшилъ отбросить.

Признавъ вѣрной не окончательную сумму лѣтъ отъ потопа до Авраама 1072 года, а сумму отдѣльныхъ слагаемыхъ, т. е. 1082 года, авторъ КК не ввелъ, однако, эту сумму явно, а, раздѣливъ весь указанный періодъ на двѣ части, далъ ее двумя отдѣльными слагаемыми (530 и 552), въ суммѣ равными этому числу. Почему онъ такъ сдѣлалъ, я не знаю. Можетъ быть такое рѣшеніе болѣе соотвѣтствовало тогдашнимъ понятіямъ о литературной этикѣ: замѣнить невѣрное число патріарха Никифора—съ точки зрѣнія тогдашнихъ литературныхъ правилъ—новымъ, вѣрнымъ—неприлично, но дать *новыя* числа, просуммировъ отдѣльныя группы слагаемыхъ, допустимо. А разбить сумму 1082 года на 2 слагаемыхъ оказалось очень удобнымъ: между потопомъ и Авраамомъ оказалось событіе міровой важности—столпотвореніе вавилонское, которое и было взято авторомъ КК за точку дѣленія всего періода на 2 части. Дата столпотворенія, признанная византійскими учеными за вѣрную, автору передѣлки хронографикона, повидимому, не была извѣстной; а поэтому очень интересно видѣть, какъ онъ осуществилъ свои намѣренія. Въ сущности авторъ КК считалъ отъ потопа до раздѣленія языковъ, а не до столпотворенія; раздѣленіе языковъ было при Фалекѣ. Лѣта всей жизни Фалека неизвѣстны, извѣстенъ лишь возрастъ Фалека при рожденіи Рагава (134 года); на какомъ году жизни Фалека случилось раздѣленіе языковъ, хронографиконъ молчитъ. Оставалось лишь двѣ комбинаціи, либо сосчитать число лѣтъ отъ потопа «до рожденія Фалека», либо отъ потопа «до рожденія Фалекомъ Рагава». При первой комбинаціи періодъ отъ потопа до размѣшенія языковъ выходилъ равнымъ 530, а отсюда до Авраама 552 лѣтъ; при второй комбинаціи

первый періодъ выходилъ 664 г., а второй 418. Первая комбинація давала почти равныя числа для обоихъ слагаемыхъ, вторая—весьма неравныя. Авторъ КК предпочелъ первую, какъ болѣе красивую въ ариѳметическомъ смыслѣ комбинацію. Тѣмъ, что 530 лѣтъ протекли отъ потопа до раздѣленія земли, бывшаго *при* Фалекѣ, а самого Фалека еще *не было*, ибо онъ только родился въ этомъ году, авторъ КК, повидимому, не стѣснялся.

Не менѣе своеобразенъ пріемъ автора КК для исключенія двухъ лѣтъ Сима (отъ потопа до рожденія Арфаксада); повидимому, авторъ счелъ болѣе цѣлесообразнымъ измѣнить года не у одного какого либо изъ послѣдующихъ патріарховъ, а у нѣсколькихъ, увеличивая года одному и уменьшая другому, но такъ, чтобы общая сумма лѣтъ отъ потопа до Авраама стала равной 1082 года. Полную картину всѣхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ авторомъ КК, возстановить невозможно, такъ какъ мы не знаемъ, какія числа стояли въ спискѣ Z, и, слѣдовательно, неизвѣстно, всѣ ли тѣ числа НК, которыя отличаются отъ чиселъ DB, были *измѣнены* авторомъ, или они переписаны изъ Z. Укажу для примѣра число лѣтъ Арфаксада при рожденіи Каинана; въ НК стоитъ 135, въ DB—130; но въ одномъ изъ списковъ хронографикона (Cod. Paris. Regius 1711) стоитъ 135; возможно, слѣдовательно, что и въ Z было 135 [1]). Чѣмъ руководился авторъ КК, мѣняя лѣта патріарховъ сказать невозможно, но, повидимому, эти соображенія не были навѣяны изученіемъ какого-либо памятника древней письменности, а обусловливались простымъ, ничѣмъ не мотивированнымъ *усмотрѣніемъ*, граничащимъ съ произволомъ.

§ 24. Сличая тексты НК и DB, нельзя не видѣть явной тенденціи у составителя КК обрисовать каждаго патріарха съ хронологической сто-

---

1) Приведу таблицу, въ которой собраны числа лѣтъ патріарховъ изъ разныхъ памятниковъ древней письменности R.=Cod. Paris. Reg. 1711. (De Boor); JH=Cod. Jenensis (De-Boor); LXX Библія въ переводѣ LXX толковниковъ; Vu—Библія Vulgata; Eb.=Еврейская Библія; Sa=Библія самаритянская. Sd.=Symeon Logotheta (Gelzer); LG=Leo Grammaticus (Gelzer); Th=Theodosios Melitenos (Gelzer); Po= Iulius Pollux (Gelzer); Syn=Synkellos; CP=Chronicon Paschale; I=Julius Hilario (Gelzer); GA=Амартолъ; Пр.=сербскій Порфирьевскій списокъ (Споменик III).

Имена патріарховъ	Возрастъ патріарха при рожденіи старшаго сына въ памятникахъ:																	
	HK	DB	R	J	E	LXX	Vu	Eb	Sa	SL	LG	Th	Po	Syn	CP	JH	GA	Пр
Симъ (отъ потопа)	—	2	2	2	2	2?	2?	2?	2?	2	—	—	2	—	—	2	2	2
Арфаксадъ	135	130	135	130	130	135	35	35	135	132	—	135	137	135	135	135	132	132
Каинанъ	130	130	133	130	—	130	—	—	—	137	130	—	—	130	130	130	137	137
Сала	135	133	133	134	133	130	30	30	130	130	130	130	130	130	130	134	130	
Еверъ	130	133	133	133	133	134	34	34	134	134	134	134	134	134	134	130	134	134
Фалекъ	134	133	133	133	130	130	30	30	130	130	130	130	130	130	130	132	130	130
Рагавъ	137	135	135	135	135	132	32	32	132		132	130	132	132	132	130	132	132
Серухъ	132	137	133	137	—	130	30	30	130		130	130	130	130	130	79	130	130
Нахоръ	79	79	79	79	79	79	29	29	79		79	79	79	79	79	70	79	79
Фара	70	70	70	70	—	70	70	70	70		70	70	70	70	70	70	70	70

роны двумя факторами: 1) возрастомъ патріарха при рожденіи старшаго сына и 2) числомъ лѣтъ всей жизни патріарха (за исключеніемъ Адама). Такой тенденціи въ самомъ хронографиконѣ нѣтъ: въ DB хронологическіе факторы распредѣлены весьма неравномѣрно, какъ это не трудно усмотрѣть изъ текста. Укладывая каждаго патріарха на своего рода Прокрустово ложе, составитель КК принужденъ былъ либо отсѣкать часть данныхъ DB, либо, наоборотъ, прибавлять недостающія числа (преимущественно лѣта всей жизни патріарховъ). Вставленныя числа большею частію заимствованы изъ Библіи, хотя и не совсѣмъ удачно: числа лѣтъ жизни послѣ рожденія сына (для послѣпотопныхъ патріарховъ) приняты за лѣта всей жизни.

Благодаря указанному однообразію въ обозначеніи хронологическихъ факторовъ, разсматриваемая часть НК представляется болѣе изящной, чѣмъ подлинникъ DB.

О другихъ особенностяхъ разсматриваемой части текста НК я упоминать не буду.

VI. Отъ Авраама до Іисуса Навина [21 и 22].

§ 25. Этотъ небольшой абзацъ въ НК представляетъ изъ себя довольно удовлетворительный переводъ подлинника DB. Въ НК опущенъ лишь счетъ лѣтъ отъ потопа [*ἔτη ,γχπθ' κατὰ τοὺς ο'*]. Но это— весьма естественно. Авторъ КК вѣроятно усмотрѣлъ, что соотвѣтственное мѣсто имѣвшагося у него «лѣтописца» дефектное, если только переводъ К былъ точенъ. Дѣйствительно, въ DB значится: *ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη ,γχπθ' κατὰ τοὺς ο'*. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что счетъ ведется до *ἐπὶ τὴν ἐξ Αἰγύπτου πορείαν*. Конечно,—это не вѣрно. По какой-то причинѣ въ N оказался пропускъ цѣлой фразы между *κατακλυσμοῦ* и *ἔτη*, такъ что де-Booръ, издавая текстъ, въ указанномъ промежуткѣ ставитъ многоточіе ($1^1/_2$ строки). Не одинъ переводчикъ КК замѣтилъ дефектъ этой фразы. Переписчикъ, напримѣръ, рукописи Y, замѣтивъ ошибку, надъ словомъ *κατακλυσμοῦ* поставилъ

ἀδάμ, желая тѣмъ исправить текстъ. Авторъ КК предпочелъ выпустить всю фразу. Конечно, онъ исправилъ бы ее, а не выбросилъ, если бы ему было извѣстно, что въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографикона (N′) фраза эта изложена такъ... ἐπὶ τὴν ἐξ Αἰγύπτου πορείαν... ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη ͵αψπζ′, ἀπὸ δὲ Ἀδὰμ κατὰ τοὺς ο′ ἔτη ͵γχπθ′, κατὰ δὲ ἄλλους ͵γωκθ′.

Возможно, конечно, что до автора КК совсѣмъ не дошла трактуемая фраза, что ее выбросилъ перво-переводчикъ К, который не могъ понять, что такое κατὰ τοὺς ο′.? Фактъ знаменательный: ни одинъ изъ «κατὰ τοὺς ο′» не попалъ въ НК (въ N фраза эта повторяется 3 раза, въ N′—четыре); фразу эту, вѣроятно, систематически выбрасывалъ авторъ К, вообще говоря, довольно малосвѣдующій человѣкъ, а авторъ КК возстановить фразу за неимѣніемъ греческаго оригинала не могъ.

Въ связи съ фактомъ изчезновенія изъ перевода КК фразы κατὰ τοὺς ο′ интересно было бы выяснить, насколько въ X, XI, XII вѣкахъ на Руси были распространены свѣдѣнія о переводѣ LXX толковниковъ? Въ Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка академика И. И. Срезневскаго при словѣ «семидесятный» нѣтъ указаній на то, чтобы въ древне-русскихъ памятникахъ поминалось это слово для обозначенія толковниковъ.

Въ «лѣтописцѣ» F κατὰ τοὺς ο′ переведено 2 раза изъ 3-хъ, но и этотъ переводъ оставляетъ читателя подъ сомнѣніемъ, понималъ ли переводчикъ смыслъ переводимой фразы. Такъ фраза [§ 8] Ἀρφαξὰδ... γεννᾷ τὸν Καϊνάν, ὥς τινες εἶπον παρὰ γὰρ τοῖς ο′ οὐκ ἐμφέρεται:... переведена[1]) такъ: 'Арфаксадъ... ро^ди^ Каинана ꙗкоже нѣцїи рѣша ѿ семьдесат'ныи^х^ же не ꙗвлаѥтса; а въ интересующемъ насъ мѣстѣ переведена по семьдесꙗт'ныимъ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы числительное «семьдесятный» могло употребляться безъ существительнаго (апостолъ, тълкъ и т. п.). Впрочемъ я ставлю лишь вопросъ, отнюдь не посягая на то или другое рѣшеніе его, какъ выходящее изъ доступныхъ мнѣ предѣловъ.

---

1) Цитирую по рукописной копіи съ F.

VII. Отъ Іисуса Навина до Давида [§ 23—28].

§ 26. Это мѣсто рукописи НК, въ противоположность только что разсмотрѣнному, носитъ на себѣ слѣды большихъ передѣлокъ текста DB: различаются нѣкоторыя числа, введены новыя имена, мѣстами измѣнена группировка лицъ и событій. Авторъ протооригинала для НК по какимъ то причинамъ текстъ Никифора частично замѣняетъ совершенно другимъ текстомъ. Можетъ быть къ тому его побуждали внѣшніе дефекты рукописи К, можетъ быть, исправная съ внѣшней стороны, рукопись К содержала въ себѣ явно неудовлетворительный текстъ по своему внутреннему содержанію, можетъ быть имѣли мѣсто и та и другая причины, этого я не знаю; но фактъ тотъ, что авторъ КК замѣнилъ часть текста «лѣтописца» текстомъ изъ Хроники Амартола. Это лучше всего видно изъ прилагаемой таблицы 1-й. Въ таблицу внесены въ краткой формулировкѣ данныя изъ НК, DB и изъ Хроники Амартола [1]). Числа этой Хроники славянскаго извода провѣрены по подлинному тексту, изданному Де-Бооромъ [2]), во избѣжаніе случайныхъ ошибокъ, которыя могли попасть въ изданный экземпляръ рукописи славянскаго перевода.

Сличеніе транскрипціи именъ, порядокъ и группировка лицъ и событій, имена числительныя и проч. показываютъ нижеслѣдующее.

1) Текстъ НК, выраженный строками 1, 3, 7, 8, 16, 18, 22, 24, 26 и 27 таблицы 1-й, взятъ изъ Хроники Амартола, а не изъ хронографикона Никифора.

2) Текстъ НК, выраженный строками: 2, 9, 17, 20 и 29 таблицы, составленъ по Никифору, а не по Амартолу.

3) Строки таблицы 1-й: 5, 10, 11, 12, 13, 14, 19, 21, 23 и 28 даютъ текстъ НК, согласный и съ Хроникой Амартола и съ хронографикономъ Никифора, при чемъ строки 13 и 14 были ошибочны уже

---

1) Цитирую по изданію Хроники Амартола Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новорос. Универ. по списку Библ. Москов. Духовной Академіи № 100.

2) Georgii Monachi chronicon, edidit Carolus De-Boor. MCMIV. Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri.

въ экземплярѣ КК, ибо и въ Никоновской лѣтописи и въ НК на этомъ мѣстѣ разныя, не равныя числа.

4) Что касается до строкъ 4 и 6, то разсмотрѣніе ихъ показываетъ, что соотвѣтствующій имъ текстъ КК былъ составленъ несомнѣнно по Амартолу, но впослѣдствіи былъ перепутанъ. Такой же перепутанный текстъ имѣется и въ «лѣтописцахъ» разныхъ списковъ Никоновской лѣтописи.

То обстоятельство, что часть текста НК составлена по Никифору, часть—по Амартолу, говоритъ въ пользу того, что въ рукахъ КК былъ текстъ, частично попорченный дефектами внѣшняго характера, и что авторъ КК замѣнялъ *лишь дефектныя* строки «лѣтописца» Никифора текстомъ изъ Амартола. Повидимому, авторъ КК не подозрѣвалъ, что, пополняя текстъ «лѣтописца» Никифора строками изъ «Хроники» Амартола, онъ дѣлаетъ значительныя отступленія отъ хронографикона, воображая, что свѣдѣнія, данныя Амартоломъ, должны быть тождественными со свѣдѣніями хронографикона. Въ противномъ случаѣ онъ взялъ бы всѣ числа у Амартола.

Таблица 1-я.

Строки.	Лѣтописецъ Новг. Сокращенный текстъ.	Кор. Года.	Хронографиконъ. Сокращенный текстъ.	Ник. Года.	Хроника Амартола. Сокращенный текстъ.	Года.
1	І͠съ навгинъ воеводьст.	32	Ἰησοῦς ὁ τ. Ναυῆ	27	І͠съ наоугинъ	32
2	Старци соудиша	23	πρεσβύτεροι	23	старѣи июда соужаше	7
3	Гофонилъ	50	Γοθονιὴλ	40	Гофонилъ	50
4	Ѥгломоу ц͠рю моавскоу	8	Ἀλλόφυλοι	8	хоусарафемъ	8
5	аѡдъ плем. ѥфрѣмова	80	Ἀὼδ ἐκ ψυλῆς Ἐφραὶμ	80	аводъ	80
6	иноплеменьници	18	Ἀλλόφυλοι	18	ѥгломъ ц. моавьска	18
7	самагарь	7	—	—	самѣгаръ	7
8	Баракъ и дѣвора	40	Δεβόρρα καὶ Βαρὰκ	40	варакъ и девера	40
9	подъ иноплеменьн.	20	Ἀλλόφυλοι	20	навимъ	20
10	мадиѡне	7	Μαδιναῖοι	7	Мадиамъ	7
11	гедеѡнъ	40	Γεδεὼν	40	Гедеонъ	40
12	авимелехъ	3	Ἀβιμέλεχ	3	адимелехъ	3
13	фола	31	Θωλᾶ	23	фола	23
14	аиръ	30	Ιαὴρ	22	аиръ	22
15	аманати	18	Ἀμμανῖται	18	аманитѧны	18
16	ѥфтаи	6	Ἰεφθάε	6	ѥффаи	6
17	ѥсевонъ	7	Ἐσεβὼν	7	авесъ	7
18	ѥломъ	10	Ἐλὼν	10	ѥломъ	10
19	лавдонъ	8	Λαβδὼν	8	лавдинъ	8
20	подъ иноплеменьн.	40	Ἀλλόφυλοι	40	соущихъ кол. тимлѧ	40
21	самсонъ	20	Σαμψὼν	20	Самсонъ	20
22	по самсонѣ не б͠ѣсоудьѣ	40	—	—	бы безначальствие	40
23	илии жрьнь	20	Ἠλὶ ὁ ἱερεὺς	20	илии архиерѣи	20
24	—	—	ἀναρχίας	30	—	—
25	пророкъ самоилъ	30	—	—	самоилъ иерѣи п͠ркъ	30
26	—	—	Σαμουὴλ καὶ Σαοὺλ	40	—	—
27	Саоулъ	40	—	—	Саоулъ	40
28	Давидъ	40	Δαυὶδ	40	Давидъ	40
29	ѿ исхода до д͠вда	630	ἀπὸ τ. ἐξόδου ἑ. Δαυὶδ	630	—	—

Н. В. Степановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка.

А. И. Яцимирскій въ своемъ «Отчетѣ Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ о командировкѣ за границу и по Россіи въ 1910—11 году» (см. «Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ за 1911 годъ») удѣлилъ моей брошюрѣ «Кирилловскія рукописи Дрезденской Королевской Публичной Библіотеки» (Кіевъ 1911 г.) нѣсколько страницъ (страницы 5—9 отдѣльнаго оттиска «Отчета»).

Замѣчанія суроваго критика побуждаютъ меня сдѣлать нѣсколько возраженій.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что обвиненіе въ неумѣніи «вычислять даты отъ Рождества Христова» (стр. 5) является не въ мѣру суровымъ и до нѣкоторой степени неосмотрительнымъ по той причинѣ, что даты (рукопись датирована) рукописи (Of. 88) ҂зрк҃з (7126, т. е. отъ Р. Хр. 1618) и ҂зр҃л (7130, т. е. отъ Р. Хр. 1622) приведены въ моемъ описаніи полностью (стр. 3); очевидно, выставленная арабскими цифрами дата «1522», какъ равнымъ образомъ и датировка рукописи XVI вѣкомъ является просто корректурнымъ недосмотромъ, въ которомъ, конечно, я признаю себя виновнымъ, но во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ это полагаетъ А. И. Яцимирскій; что же касается водяного знака «корона», то о немъ въ моемъ описаніи сказано, что онъ «*напоминаетъ* корону въ водяномъ знакѣ, описанномъ у Лихачева подъ № 2706» (стр. 2, вверху); но эти слова нисколько не являются *утвержденіемъ*, что знакъ рукописи и знакъ, описанный Лихачевымъ, тождественны или близко походятъ другъ на друга; равнымъ образомъ, по

моему мнѣнію, ссылка такого характера, какъ сдѣланная мною, на атласъ водяныхъ знаковъ не можетъ служить указаніемъ на желаніе выдать рукопись за болѣе старую, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что, ссылаясь на III томъ работы Лихачева: «Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ», я зналъ о существованіи на 295 и 296 страницахъ I-го тома описанія и датировки интересующаго меня водяного знака.

На стр. 6 «Отчета» г. Яцимирскій обвиняетъ меня въ томъ, что «на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ путаются *з* и *ь*, ꙗ и *я*, *и* и ї, ѧ и ꙗ, *ш* и *щ*, *я* и ѧ, *о* и *а*, з и ꙅ, *а* и *и*, ї и *j* (котораго въ рукописи нѣтъ совсѣмъ)». Не имѣя возможности провѣрить въ данный моментъ по подлиннику рукописи справедливость указанія г. критика, я во всякомъ случаѣ не признаю себя виновнымъ въ томъ, что «путаются» всѣ приведенныя выше буквы, и протестую противъ обвиненія въ путаницѣ ї и *j*: подобной путаницы нѣтъ въ приведенныхъ мною выпискахъ изъ рукописи, какъ нѣтъ *j* и въ заглавіи статьи изъ сборника XVII вѣка (Of. 90); заглавіе это въ моемъ описаніи находится на стр. 11 (л. 181—186 об.), и А. И. Яцимирскій отвелъ ему очень большое мѣсто на 8-й стр. своего «Отчета».

Вмѣсто совершенно ясно напечатаннаго Іоа̂на А. И. Яцимирскій напечаталъ Ї̈оа̂на, съ *j* передъ *о*, хотя на той же страницѣ, нѣсколькими строками ниже, гдѣ приводится исправное чтеніе, напечатано ïоа҃на, т. е. съ ї вмѣсто *j*, каковой яко бы находится въ моемъ описаніи.

На той же 8-й стр. «Отчета» г. Яцимирскій заявляетъ о томъ, что мое раздѣленіе статьи о приходѣ къ римскому кесарю Лазаревыхъ сестеръ «...вводитъ въ старую письменность какую то особую редакцію, если даже не особое произведеніе, и вводитъ будущихъ изслѣдователей въ прискорбное заблужденіе»; на это я рѣшаюсь отвѣтить, что такое утвержденіе, будто изслѣдователи впадутъ въ «прискорбное заблужденіе», является нѣсколько поспѣшнымъ и преувеличеннымъ, такъ какъ приведенныхъ въ моемъ описаніи словъ вполнѣ достаточно, чтобы составить представленіе о томъ, что являетъ собой текстъ, помѣщенный въ дрезденскомъ сборникѣ.

Что же касается общаго упрека въ томъ, что «часто начала статей не отдѣлены отъ заглавій, а иногда начало отдѣлено отъ заглавія не въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ, и разбиваетъ такимъ образомъ цѣлую фразу» (стр. 6), то, дѣйствительно, это замѣчаніе я считаю справедливымъ, какъ считаю себя виновнымъ и въ пропускѣ нѣсколькихъ статей, отмѣченныхъ А. И. Яцимирскимъ на 6 и 7 страницахъ «Отчета», но лишь съ той оговоркой, что причиной такого дѣленія послужило то обстоятельство, что приблизительно таково выдѣленіе заглавій разсказовъ и въ рукописи, о которой идетъ рѣчь.

Вообще же, какъ мнѣ кажется, требованія, предъявленныя г. Яцимирскимъ къ моимъ замѣткамъ изъ записной книжки; нѣсколько преувеличены, что видно хотя бы изъ того мѣста (стр. 7), гдѣ говорится, что «приводятся библіографическія указанія большею частію относительно общеизвѣстныхъ произведеній и ограничиваются просто ссылкой на изданія, часто безъ указанія страницъ, и такія ссылки не имѣютъ никакой цѣны».

Въ послѣднемъ случаѣ позволю себѣ не согласиться и именно по той причинѣ, что ссылки, сдѣланныя мной на изданія текстовъ, всегда (за исключеніемъ двухъ случаевъ) содержатъ въ себѣ указаніе страницъ, на которыхъ напечатаны тексты, имѣющіе отношеніе къ описываемымъ; въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, имѣющій предъ глазами мою брошюру.

Относительно же изслѣдованій и обзоровъ цѣлыхъ группъ произведеній я полагалъ и полагаю, что при всякаго рода библіографическихъ работахъ вполнѣ достаточно ограничиться простымъ указаніемъ имени автора, заглавія книги и, если возможно, года и мѣста изданія, такъ какъ для «ученаго изслѣдователя» этого вполнѣ достаточно. Мои же замѣтки о дрезденскихъ рукописяхъ имѣли цѣлью дать понятіе объ ихъ составѣ, а не библіографическое разысканіе о разнообразныхъ памятникахъ старинной славяно-русской литературы.

С. Ф. Шевченко.

Библіографія.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Со вступительной статьей и примѣчаніями А. А. Чебышева. СПБ. 1911. 247 стр.

Первоначально эти письма Катенина къ Бахтину печатались на страницахъ Русской Старины, причемъ публикація ихъ тянулась въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и, быть можетъ, въ этомъ нужно видѣть причину, почему письма эти при своемъ опубликованіи на страницахъ журнала не привлекли къ себѣ того вниманія, котораго они безусловно заслуживаютъ и по самой личности своего автора и по своему весьма любопытному содержанію. До сихъ поръ изъ обширной Катенинской переписки извѣстны были только его письма къ артисткѣ А. М. Колосовой, ставшей впослѣдствіи женой ученика и друга Катенина, знаменитаго трагика В. А. Каратыгина; ихъ сравнительно давно уже опубликовалъ на страницахъ той же Русской Старины г. Боцяновскій.

Опубликованныя теперь г. Чебышевымъ письма Катенина къ Бахтину являются очень цѣннымъ дополненіемъ и, несомнѣнно, сослужатъ прекрасную службу для выясненія и характера и литературной дѣятельности Катенина, одного изъ самыхъ интересныхъ людей первой половины XIX вѣка. Даже на людей совершенно иного склада воззрѣній и подъ старость Катенинъ производилъ очень сильное впечатлѣніе, напримѣръ, на А. Ѳ. Писемскаго, по преданію, изобразившаго Катенина среди дѣйствующихъ лицъ одного своего романа. За послѣднее время у насъ начинаетъ пробуждаться значительный интересъ къ Катенину, какъ это показываютъ посвященные ему труды гг. Кубасова, Бертенсона и Пиксанова. Поэтому предпринятая А. А. Чебышевымъ публикація новыхъ его писемъ является чрезвычайно своевременной и нужной. Опубликованныя имъ 111 писемъ извлечены изъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, изъ Архива извѣстнаго дѣятеля того самаго Костромского края, гдѣ такъ долго томился Катенинъ: Н. Н.

Селифонтова. Они охватываютъ промежутокъ отъ 4 апрѣля 1821 г. по 26 февраля 1842 г., когда изъ-за видимо охладѣвшихъ между корреспондентами отношеній переписка эта оборвалась. Понятно, что не всѣ письма представляютъ одинаковый интересъ и среди нихъ возможно найти нѣсколько, отъ отсутствія которыхъ едва-ли получился бы особенный ущербъ; таковы напримѣръ №№: 38—44, 51, 56, 57, 94. Къ тому же, видимо, съ теченіемъ времени уровень умственныхъ и художественныхъ запросовъ Катенина понижался, почему его раннія письма гораздо интереснѣе позднихъ, особенно же тѣхъ, которыя Катенинъ пишетъ послѣ своего вторичнаго поступленія на службу въ Кавказскую армію. Но и за этимъ вычетомъ въ письмахъ Катенина остается такъ много драгоцѣннаго матеріала, что они должны занять по праву одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди нашей эпистолярной литературы.

Вполнѣ понятно, что особенный интересъ представляютъ тѣ мѣста вновь опубликованныхъ писемъ Катенина, гдѣ онъ говоритъ либо о самомъ Грибоѣдовѣ, либо о его знаменитой комедіи. Прежде всего въ 19 письмѣ изъ Кологрива отъ 18 марта 1825 находимъ выписку 10 стиховъ изъ Горе отъ ума:

Но если Генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ниполитъ Маркелычъ.
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мѣлочь?
Прочти, да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то,
Да приговаривать: писать! писать! писать!
Однако можешь ты въ журналахъ отыскать
Его *Отрывокъ*, *Взглядъ* и *Нѣчто*.
О чемъ бишь *нѣчто?*... Обо всемъ,
Все знаетъ, мы его на черный день пасемъ (стр. 83).

Эта редакція представляетъ нѣкоторыя, далеко не лишенныя значенія отступленія отъ ранѣе извѣстныхъ чтеній этого отрывка изъ 4 акта знаменитой комедіи, соотвѣтствующаго стихами 140—150 по рукописи Московскаго Историческаго Музея (изданіе 1903 г. нумерацію которой я и проставилъ выше при выпискѣ), и по тѣмъ рукописнымъ и печатнымъ матерьяламъ, которые были использованы проф. И. А. Шляпкинымъ для его изданія (II, 319). Приведемъ наиболѣе существенныя изъ этихъ отступленій:

ст. 144 послѣ «прочти» вездѣ читается еще, «братецъ», опущенное Катенинымъ.

Ст. 146 Да приговаривать: вездѣ, кромѣ *Ж*: «и приговаривать». *Да* даетъ только *Ж* ст. 147. Вездѣ слова расположены иначе:

«Въ журналахъ можешь ты однако отыскать».

ст. 148 Въ музейномъ изданіи всѣ три существительныя съ малой буквы. И. А. Шляпкинъ даетъ на основаніи своихъ матерьяловъ такое чтеніе:

его отрывокъ: *Взглядъ* и *Нѣчто*.

Правда, эти отступленія не особенно значительны, но если Катенинъ самъ не позволялъ себѣ уклоненій отъ бывшаго у него подъ руками списка, то при изученіи вопроса о филіаціи Грибоѣдовскихъ рукописей, даже по этому отрывку можно будетъ хоть отчасти судить о томъ спискѣ, который принадлежалъ Катенину и былъ имъ, по всей вѣроятности, полученъ отъ самого Грибоѣдова.

Затѣмъ немного выше въ томъ самомъ письмѣ Катенинъ пишетъ своему корреспонденту: «Грибоѣдову я писалъ на счетъ Горя отъ Ума, онъ не соглашается и оправдывается всѣми обыкновенными софизмами Авторовъ, то есть сочиняетъ новую піитику». Несомнѣнно здѣсь идетъ рѣчь о хорошо извѣстной защитѣ Грибоѣдова въ письмѣ къ Катенину отъ января 1825 (издано у И. А. Шляпкина I, 196). Изъ возраженій Грибоѣдова видно, что нападки Катенина по преимуществу касались слѣдующаго: 1) погрѣшность въ планѣ, 2) сцены связаны произвольно, 3) характеры портретны, 4) дарованія болѣе, нежели искусства. Еще раньше, 17 февраля того же года Катенинъ поспѣшилъ очень подробно пересказать въ письмѣ къ Бахтину (№ 18 стр. 76—80) содержаніе комедіи Грибоѣдова, ограничившись слѣдующимъ замѣчаніемъ: «судить не стану, покуда Вашего мнѣнія не услышу. Стихи вольные, легкіе и разговорные, побочныя лица, являющіяся на мигъ, мастерски обрисованы; жаль только, что эта фантасмагорія не театральна: хорошіе актеры этихъ ролей не возьмутъ, а дурные ихъ испортятъ». Послѣднее сужденіе особенно любопытно въ устахъ такого опытнаго театрала, какъ Катенинъ. Его краткость б. м. объясняется тѣмъ, что читаемъ въ письмѣ къ нему Грибоѣдова отъ 14 февраля того же 1825 года: «ты говоришь, что замѣчанія твои останутся между нами» (I. 198). Въ томъ же письмѣ Грибоѣдовъ выговаривалъ Катенину: «Зачѣмъ ты не даешь сыграть Андромахи? Семенова душею этого желаетъ» (I. 199). 18 марта Катенинъ пишетъ Бахтину: «чуть только напечатаю мои стихотворенія, либо въ Петербургѣ пущу Андромаху на театръ, все стадо заревѣтъ, всѣ Гуси встрепенутся за Капитолій» (стр. 82). Стало быть теперь мы получаемъ косвенный отвѣтъ на вопросъ Грибоѣдова, и такихъ случаевъ, гдѣ пе-

реписка Катенина съ Бахтинымъ является ключемъ къ пониманію писемъ Грибоѣдова, можно было бы легко еще указать нѣсколько.

Пожалуй еще интереснѣе, что 29 мая 1828 г. Катенинъ писалъ про мать Грибоѣдова: «случайно довелось мнѣ однажды, лѣтъ десять тому назадъ, прочитать письмо матери Грибоѣдова къ сыну. Онъ тогда, чиномъ Титулярный Совѣтникъ, вошелъ снова въ службу и сбирался въ Персію съ Мазоровичемъ: мать, радуясь его опредѣленію, совѣтовала ему отнюдь не подражать своему пріятелю, *мнѣ*, потому де, что эдакъ, прямотой и честностью, не выслужишься; а лучше дѣлай, какъ твой родственникъ *такой-то*, который подлецъ, какъ ты знаешь, и все впередъ идетъ; а какъ же иначе? Вѣдь самъ Богъ кому мы докучаемъ молитвами, любитъ, чтобы передъ нимъ мы безпрестанно *кувыркъ да кувыркъ*.—Такъ вѣщала нѣжная мать» (стр. 121). Не трудно усмотрѣть въ этихъ совѣтахъ родной матери большого сходства съ взглядами, которыя развиваетъ во 2-омъ актѣ Фамусовъ, ссылаясь на Максима Петровича.

Обыкновенно изслѣдователи думаютъ, что въ лицѣ Фамусова Грибоѣдовъ изобразилъ своего родного дядю по отцу, Алексѣя Ѳедоровича (ср. *С. Васильевъ*. Къ характеристикѣ Фамусова. *Рус. Обозр.* 1890, № 9, стр. 107). Но теперь благодаря Катенину мы узнаемъ взгляды на этотъ счетъ родной матери автора великой комедіи, и начинаешь думать, что не одинъ дядя могъ доставить ему краски для образа Фамусова: вполнѣ пригодный матерьялъ былъ еще гораздо ближе. Вмѣстѣ съ тѣмъ это объясняетъ также, почему чувствуется такая тѣсная, личная связь между завѣтными чувствами и мыслями самого Грибоѣдова и иными рѣчами Чацкаго, какъ это очень тонко подмѣтилъ Алексѣй Веселовскій (Этюды и характеристики [3]626 сл.).

Первое упоминаніе о Грибоѣдовской комедіи находимъ въ письмѣ отъ 26 января 1825 г. (№ 17) гдѣ Катенинъ пишетъ: «Изъ новостей у насъ самая любопытная: Горе отъ ума, комедія Грибоѣдова въ четырехъ дѣйствіяхъ и въ вольныхъ стихахъ съ риѳмами. Часть ея напечатана въ Альманахѣ Булгарина: Русская Талія. У меня она есть вся; Грибоѣдовъ мнѣ ее прислалъ въ рукописи, ибо ни играть, ни печатать не позволено. Ума въ ней точно палата, но планъ, по моему, недостаточенъ, а характеръ главный сбивчивъ и сбитъ (manqué); слогъ часто прелестный, но сочинитель слишкомъ доволенъ своими вольностями: такъ писать легче, но лучше ли чѣмъ хорошими александринскими стихами? врядъ» (стр. 74).

За такое отношеніе къ великой комедіи А. А. Чебышевъ судитъ въ своей прекрасной вступительной статьѣ Катенина, пожалуй, черезчуръ строго (стр. 8). На его взглядъ, «односторонность и педантизмъ помѣ-

шали Катенину оцѣнить все значенiе безсмертнаго творенiя Грибоѣдова». Но въ интересахъ исторической перспективы не грѣхъ было бы припомнить и сужденiе Бѣлинскаго о той же пьесѣ, ушедшаго въ сущности не особенно далеко отъ Катенина. Что касается сомнѣнiй Катенина на счетъ ея театральной сценичности, то въ устахъ человѣка, считавшаго идеаломъ сценическаго творчества игру Тальма и Марсъ, иного приговора и нельзя ожидать, если-бы даже онъ освободился вполнѣ отъ односторонности и педантизма. Да и была ли эта пьеса вполнѣ сценична, пока Чацкаго играли трагики, а роль Софьи, во всякомъ случаѣ, весьма существенная, и до сихъ поръ не нашла себѣ мало мальски сносной исполнительницы, постоянно оставаясь бѣлымъ пятномъ. Сверхъ того надо стать на точку зрѣнiя Катенина, неизмѣнно обращавшаго громадное вниманiе на метрическiй строй стиха и въ своихъ собственныхъ произведенiяхъ усердно работавшаго надъ этой ихъ стороной (см. стр. 34); его наблюденiя надъ нашимъ произношенiемъ, неуклонно принимаемомъ во вниманiе при составленiи стиховъ, заслуживаютъ полнаго вниманiя (см. стр. 114 ср. 117). Вотъ почему и Пушкинскаго Онѣгина онъ коритъ за небрежность (стр. 119), что не мѣшало ему видѣть въ немъ chef d'oeuvre Пушкина; ср. 188, гдѣ онъ проситъ Бахтина при изданiи его сочиненiй прибавить въ одномъ мѣстѣ подстрочное примѣчанiе, «что А. С. Пушкинъ, кажется, согласенъ съ П. А. Катенином въ фактурѣ пятистопнаго ямба, ибо тоже вездѣ ставитъ цезуру на 2-й стопѣ». Если бы судьи Пушкина даже въ новѣйшее время такъ внимательно изучали его стихъ, академику Коршу, конечно, не удалось бы сказать столько новаго своими разысканiями о стихосложенiи Пушкина. И отношенiе Катенина къ Гюго прежде всего объясняется тѣмъ, что, на его взглядъ, стихъ Гюго гораздо ниже Расинова (стр. 181), хотя въ 1833 г. Катенинъ долженъ былъ признать того же Гюго генiальнымъ стихотворцемъ (стр. 217).

Не менѣе примѣчательны отзывы Катенина о Пушкинѣ. «Въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ—смысла вовсе нѣтъ (стр. 65). Въ Онѣгинѣ всего лучше глава шестая (стр. 25)». Перебирая отзывы Катенина объ остальныхъ дѣятеляхъ тогдашней литературы и журналистики, видишь, что онъ мало чѣмъ и кѣмъ былъ доволенъ: порицанiя и нападки, подчасъ очень рѣзкiя и совсѣмъ не справедливыя, заполняютъ его переписку. На одобрительные, или по крайней мѣрѣ снисходительные, отзывы Катенинъ гораздо скупѣе, и эту особенность уже личнаго его характера, а не литературныхъ его взглядовъ, надо имѣть въ виду, и при его оцѣнкѣ Грибоѣдовской комедiи. Видимо, характеръ Катенина не принадлежалъ къ разряду благожелательныхъ. Помимо того, очень часто его суровые

отзывы о современныхъ литераторахъ вызваны его враждой къ романтизму, хотя, какъ совершенно справедливо указываетъ А. А. Чебышевъ въ своей вступительной статьѣ, собственные стихотворные опыты Катенина показываютъ, что самъ онъ не рѣдко оказывался во власти романтическихъ вкусовъ. Здѣсь можно было бы указать, какъ на особенно разительный примѣръ, на его «Ольгу» (Сочиненія изд. Бахтина, т. II, стр. 30—40), гдѣ романтическій трафаретъ выполненъ цѣликомъ: тутъ и мертвый женихъ, и кладбище, и мѣсяцъ и т. п.

Гораздо чаще находится у Катенина доброе слово по адресу его знакомыхъ актеровъ, особенно его ученика: знаменитаго трагика В. Каратыгина и его жены Колосовой; и сама она и мать ея пользовались особеннымъ его расположеніемъ. Въ одномъ изъ писемъ Катенинъ говоритъ о себѣ: я издавна былъ и слылъ un pelier de théâtre (стр. 105); и переписка вполнѣ подтверждаетъ это: съ наибольшимъ интересомъ говоритъ онъ о театрѣ, больше всего проситъ у своего корреспондента новостей по театральной части (см. стр. 33, 43, 47, 52, 54 и т. д.) и немного писемъ, въ которыхъ бы не упоминался какой-нибудь театральный дѣятель. Благодаря этому опубликованная переписка является безцѣннымъ кладомъ для исторіи нашего театра въ Александровскую и Николаевскую эпоху. При разборѣ даже разныхъ театральныхъ пустяковъ Катенинъ обнаруживаетъ, кромѣ исчерпывающей освѣдомленности, еще и очень тонкую наблюдательность. Такъ, напримѣръ, очень интересны его указанія на счетъ плана комедіи Делавиня «Школа стариковъ» (стр. 71).

Къ своимъ письмамъ Катенинъ имѣлъ обычай прилагать послѣднія свои стихотворныя работы. Такъ онъ посылаетъ свои переводы на французскій языкъ двухъ стихотвореній Державина (стр. 62—64), нѣсколько эпиграммъ на общихъ знакомыхъ (стр. 171, 217). Особенно интересна идиллія «Дура» про племянницу деревенскаго старосты на Унжѣ, Ненилу (стр. 232—233). Эти всѣ произведенія не находятся въ двухтомномъ собраніи сочиненій Катенина, устроенномъ при содѣйствіи того самаго Бахтина, къ которому обращены изданныя нынѣ А. А. Чебышевымъ письма. Теперь мы получили цѣнныя къ нему дополненія; такимъ образомъ постепенно подбирается матеріалъ для того дѣйствительно полнаго собранія сочиненій Катенина, котораго онъ давно по праву ожидаетъ и которое, навѣрно, рано или поздно да появится. Очень пригодятся тогда и тѣ признанія о пріемахъ своего творчества, которыя въ этихъ письмахъ не разъ дѣлаетъ Катенинъ. То, что онъ, напримѣръ, говоритъ о своемъ отношеніи къ французскому подлиннику при сочиненіи комедіи «Сплетни» (стр. 24—25) весьма полезно для выясненія вопроса о степени само-

стоятельности многихъ русскихъ комедій Александровскаго времени, въ томъ числѣ, пожалуй, даже и «Горя отъ ума».

Письма изданы г. Чебышевымъ со строгимъ соблюденіемъ подлиннаго правописанія Катенина (стр. 18). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ не помѣшало бы указаніе на то, какъ надо возстановлять написаніе отдѣльныхъ словъ, далеко не безразличное для ихъ надлежащаго пониманія. Такъ, думается мнѣ, на стр. 19 и во второй строкѣ текста снизу «сынамъ» надо бы печатать съ большой буквы, какъ это сдѣлано 9 строками выше и какъ читаемъ на стр. 27: вѣдь рѣчь идетъ безусловно о Сынахъ Отечества въ примѣненіи къ названію раздосадовавшаго Катенина журнала.

Коль скоро переписка Катенина полна намеками на цѣлый рядъ тогдашнихъ литературныхъ и театральныхъ новинокъ, понятными Бахтину съ полуслова, то намъ безъ подробныхъ примѣчаній не разобраться бы въ ихъ значеніи. Поэтому можно только всемѣрно привѣтствовать А. А. Чебышева, съ рѣдкимъ трудолюбіемъ пересмотрѣвшаго великое множество старинныхъ журналовъ и газетъ, чтобы въ обильныхъ примѣчаніяхъ точно указать номера, гдѣ появилась статья, упомянутая въ объясняемомъ письмѣ, или чтобы сообщить біографическія свѣдѣнія о лицахъ, подчасъ очень мало извѣстныхъ. Все это потребовало громадной траты времени и вниманія. Но обстоятельностью своихъ примѣчаній г. Чебышевъ такъ избаловалъ читателя, что онъ въ итогѣ становится слишкомъ требовательнымъ. Вотъ почему и я позволяю себѣ въ заключеніе указать почтенному издателю нѣсколько случаевъ, гдѣ его примѣчанія не грѣхъ было бы расширить. Дѣлаю это исключительно въ разсчетѣ, что это пригодится для того будущаго полнаго собранія сочиненій Катенина, взяться за которое, на мой взглядъ, больше всего съ руки самому г. Чебышеву.

Если иногда онъ указываетъ на новѣйшія изслѣдованія, посвященныя лицу, упомянутому въ текстѣ, то въ примѣчаніи первомъ на стр. 42 о О. М. Сомовѣ умѣстно было бы указать на интересныя статьи о немъ В. В. Данилова. Точно также на стр. 145, гдѣ Катенинъ указываетъ авторовъ, отразившихся на Пушкинской «Полтавѣ», слѣдовало бы указать на соотвѣтствующее мѣсто въ любопытной статьѣ акад. Н. П. Дашкевича объ этой поэмѣ (напечатана уже послѣ смерти автора въ брошюрѣ: Памяти почетнаго Члена Историческаго Общества Нестора Лѣтописца, Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1908, стр. 45—59 см. стр. 53 слѣд.).

На стр. 37 надо исправить данный въ примѣчаніи совсѣмъ неудачный переводъ Вергиліева стиха. Наконецъ, на страницѣ 212 при имени поэта Лактанція А. А. Чебышевъ ограничивается указаніемъ года его

смерти. Но это ничего не говоритъ читателю. Гораздо полезнѣе было бы указать, что его поэму о Фениксѣ обычно издавали вмѣстѣ съ Клавдіаномъ, который какъ разъ въ ту пору сильно интересовалъ Катенина: тогда было бы ясно, какъ наткнулся Катенинъ на такого мало распространеннаго писателя. Но, конечно, все это ничтожныя мелочи.

Б. Варнеке.

Проф. Н. К. Грунскій. Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ. Т. I. Вып. 1—2. Ж. М. Н. П. 1910 г. 169 стр. Вып. 2. Юрьевъ 1911 г. 80 стр. Т. 2. Юрьевъ 1911 г. 338 стр. (Приложеніе: «Къ Зографскому Евангелію»).

Обширный трудъ проф. Грунскаго имѣетъ полное право на вниманіе спеціалистовъ. Заключая въ себѣ обстоятельное изложеніе и характеристику трудовъ по синтаксису, начиная XVII вѣкомъ и кончая работами современниковъ, онъ охватываетъ почти все важнѣйшее сдѣланное преимущественно славянскими учеными въ области синтаксиса славянскихъ языковъ. Какъ и естественно, особенно много вниманія удѣляетъ проф. Грунскій трудамъ Буслаева (вып. 2-ой, т. 1), А. А. Потебни (т. 1, вып. 2), Миклошича, Ягича и Вондрака (т. 2).

Кромѣ, пожалуй, Буслаева, ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей не можетъ еще считаться отошедшимъ въ область исторіи. Ихъ работы по синтаксису отнюдь не вышли еще изъ круга обиходной литературы и не могутъ считаться такими, о которыхъ дальнѣйшія изслѣдованія сказали свое заключительное слово и такъ или иначе избавили отъ необходимости обращаться къ нимъ и считаться съ ними. Поэтому мы бы не рѣшились трудъ профессора Грунскаго въ бо́льшей части его разсматривать, какъ трудъ историческій. Намъ представляется по указанному соображенію болѣе соотвѣтствующимъ видѣть въ немъ преимущественно критическую работу, задача которой пересмотръ той постановки синтактическихъ вопросовъ, какую мы находимъ у указанныхъ изслѣдователей. Такая работа не можетъ не представлять значительнаго интереса уже потому, что большая часть поставленныхъ вопросовъ еще не рѣшена, для освѣщенія ихъ продолжаютъ привлекаться новые матеріалы, и потому авторъ, стоящій въ курсѣ современной литературы, сопоставивъ цѣнные матеріалы изслѣдователей недавняго прошлаго съ тѣмъ, что́ сдѣлано въ но-

слѣднее время, можетъ, если и не рѣшить поставленные вопросы, то, по крайней мѣрѣ, внести къ нимъ не мало цѣнныхъ дополненій и коррективовъ. Если бы, соотвѣтственно сказанному, мы захотѣли составить себѣ мнѣніе о трудѣ профессора Грунскаго, то намъ пришлось бы отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) Что́ новаго далъ авторъ въ «исторической» части своего изслѣдованія, т. е. въ той части, которая посвящена работамъ, не представляющимъ въ настоящее время безотносительнаго научнаго интереса? 2) Насколько хорошо охарактеризованы имъ работы современниковъ и ученыхъ недавняго прошлаго, сохранившія свое научное значеніе? 3) Насколько онъ въ курсѣ научной литературы вообще? 4) Наконецъ, что́ новаго въ освѣщеніе трактующихся вопросовъ вносятъ его самостоятельныя соображенія?

На первый вопросъ отвѣчаетъ самъ авторъ въ заключительной главѣ 2-го тома (III. Итоги изслѣдованія). Эти итоги представляютъ полныя выписки (ср. стр. 11, т. I и 220 стр. т. 2, стр. 19 (I) и 226 (II), 25 (I) и 226 (II) и т. д.) почти всего, что́ не является конспектомъ изслѣдуемыхъ работъ, а потому даютъ полное представленіе о добытыхъ результатахъ. Мы попытаемся, стараясь не отбрасывать ничего важнаго, передать ихъ вкратцѣ.

Общія наблюденія сводятся къ слѣдующему:

«Общая черта, которая характеризуетъ первые опыты церковно-славянскаго и русскаго синтаксисовъ, это чисто практическое направленіе. Синтаксисъ занимается сочетаніемъ словъ въ рѣчь, а такъ какъ слова уже по своимъ формальнымъ основамъ разбиваются на извѣстныя категоріи, на части рѣчи, то синтаксисъ и занимается указаніемъ тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ возможно правильное ихъ сочетаніе». — Первыя попытки составленія славянскаго и русскаго синтаксисовъ отражаютъ направленіе, характеризующее греческій синтаксическій трудъ Аполлонія Дискола [1]). — «Въ нашихъ первыхъ опытахъ грамматики мы кое-гдѣ встрѣчаемъ данныя изъ народныхъ говоровъ, «просторѣчья», затѣмъ на эти данныя уже какъ-то не обращается никакого вниманія, пока наконецъ этимъ даннымъ начинаютъ придавать особенное значеніе». — Логическое теченіе проникало въ труды по синтаксису постепенно (Ломоносовъ, Барсовъ). «На общемъ фонѣ логическаго ученія и предложеніе, будучи первоначально внѣ синтаксиса, постепенно входитъ въ послѣдній и дѣлается главнымъ существеннымъ элементомъ синтаксическаго ученія». Эти данныя заставляютъ проф.

---

1) Объ Аполлоніи Дисколѣ ср. Ягичъ. Beiträge, стр. 10.

Грунскаго «отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ утвердившемуся положенію, что въ данномъ случаѣ въ построеніи нашего синтаксиса отразились печальные слѣды системы Беккера».

Изъ частныхъ наблюденій авторъ отмѣчаетъ слѣдующія:

1. М. Смотрицкій пользовался грамматикой Альвара. 2. Вліяніе на Смотрицкаго грамматики Ласкариса, которое отмѣтилъ Будиловичъ, по мнѣнію Грунскаго, не доказано. (Стр. 11, т. I, стр. 220, т. II). На стр. 225, разсмотрѣвъ указанія Макарушки («Грамматика Мелетія Смотрицкаго»), проф. Грунскій это вліяніе допускаетъ. 3. Грамматическій трудъ, приписываемый Ададурову, не представляетъ собою сокращенія грамматики М. Смотрицкаго. 4. Трудъ Смотрицкаго въ научномъ отношеніи выше труда Крижанича. «Если у Смотрицкаго мы лишь отчасти замѣчаемъ вымышленныя правила, да и то подъ вліяніемъ образцовъ иностранныхъ, у Крижанича подобныя правила—цѣлая система: личный произволъ у него господствуетъ». 5. «Въ нѣкоторыхъ пунктахъ грамматики Ломоносова какъ-то чувствуется, что составитель русской грамматики XVIII вѣка былъ недалекъ отъ истины, но подходилъ къ ней неправильнымъ путемъ». Истина, къ которой онъ, по наблюденію проф. Грунскаго, былъ близокъ — законъ экономіи въ языкѣ. — Ломоносовъ дѣлалъ обобщенія, опираясь на малое количество фактовъ. 6. Барсовъ сравнительно съ Ломоносовымъ дѣлаетъ шагъ впередъ: имъ «развита была лишь отчасти внесенная Ломоносовымъ струя освѣщенія явленій языка посредствомъ общихъ логическихъ законовъ» и продолжено изученіе русскаго языка. 7. «На основаніи грамматикъ Ломоносова, Смотрицкаго и отчасти Anfangsgründe Ададурова составленъ синтаксисъ въ «Россійской грамматикѣ, сочиненной Императорской Академіей», изданный въ первый разъ въ 1802 г.». 8. Къ началу XIX вѣка относятся переводы общихъ грамматикъ Портъ-Рояля и Фатера. Первая не имѣла никакого значенія; вторая — пользовалась авторитетомъ. 9. Синтаксисъ Пухмайера отличался для своего времени большими достоинствами, которыми всецѣло обязанъ Добровскому. Грамматика Пухмайера не осталась безъ вліянія на дальнѣйшую разработку русской грамматики. 10. Логическое направленіе современной учебной грамматики ведетъ свое начало отъ Греча, а не Буслаева. 11. Востоковъ въ своемъ синтаксисѣ по существу не далъ ничего новаго.

Цѣнность этихъ наблюденій не одинакова. Такъ, что касается 1) то проф. Грунскій, очевидно, прибавилъ немногое къ тому, на что первый указалъ проф. Перетцъ, отмѣтившій вліяніе на Смотрицкаго грамматики Альвáра въ ученіи о стихосложеніи. Наблюденіе второе не

имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ то, что́ авторъ отрицаетъ въ положеніи Будиловича, онъ принимаетъ въ нѣсколько иной формулировкѣ Макарушки. Въ наблюденіи третьемъ, по сравненію съ указаніемъ Будиловича, дано развѣ только болѣе точное выраженіе его мысли (Будиловичъ говоритъ объ «извлеченіи», Грунскій—о «передѣлкѣ»).

Сомнительна доказательность наблюденія пятаго: основывается оно, повидимому, исключительно на мысли Ломоносова о томъ, что въ мѣстоименіи, нарѣчіи и междометіи выражается стремленіе сократить рѣчь. Вліяніе Добровскаго на Пухмайера (9)—фактъ общеизвѣстный.

Не будемъ касаться той части изслѣдованія, въ которой характеризуются труды Θ. И. Буслаева, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова и др. и обратимся прямо къ 3 выпуску I-го тома и тому II — трудамъ А. А. Потебни, Миклошича, Ягича и т. д., ставя намѣченные выше вопросы.

Насколько точно изложены и хорошо охарактеризованы труды упомянутыхъ изслѣдователей? — Общее впечатлѣніе, которое производитъ работа проф. Грунскаго въ этой части, таково: мы имѣемъ несомнѣнно выдержки изъ того, о чемъ говорили характеризуемые изслѣдователи, но выдержки, стоящія почти внѣ всякой связи одна съ другой и производящія впечатлѣніе конспектовъ, какіе пишутся для самихъ себя, т. е. извлекается кое-что наиболѣе заслуживающее быть отмѣченнымъ, а все остальное, и въ томъ числѣ связующія звенья, предполагается сохраняющимся въ памяти. Конечно, умѣнье систематично развивать свои положенія—достоинство, которымъ обладаютъ далеко не всѣ даже и крупные ученые, и поэтому всегда можно предполагать, что нѣкоторая несвязность въ изложеніи ихъ ученій у проф. Грунскаго — вина самихъ авторовъ; что это однако далеко не такъ и что упрекъ въ несвязности изложенія должно отнести къ проф. Грунскому, мы попробуемъ доказать на одномъ примѣрѣ. Примѣръ этотъ даетъ намъ, кажется, возможность съ одинаковой опредѣленностью выяснить, какъ то, насколько связно проф. Грунскій иногда излагаетъ занимающія его ученія, такъ и насколько точно. Мы попытаемся, именно, сличить изложеніе «Beiträge zur slavischen Syntax» въ книгѣ проф. Грунскаго съ самимъ трудомъ акад. Ягича.

Въ книгѣ Грунскаго, стр. 44 (первая страница изложенія) читаемъ: «Основой предложенія ак. Ягичъ считаетъ verbum finitum и согласно съ Потебнею такіе примѣры, какъ *хочу* и пр. считалъ безсубъектными (строго грамматически)». Ягичъ (стр. 13)—: «Wir gehen also für die *indoeuropäische*[1]) Syntax von dem Grundsatz aus, dass die geringste

1) Курсивъ мой.

Einheit des Satzes ein Verbum finitum (ganz selten auch der Infinitiv) bildet». Проф. Грунскому «indoeuropäische» представляется, по-видимому, словомъ, не имѣющимъ никакого серіознаго значенія, и, опуская его, онъ, кажется, не замѣчаетъ, что мысль Ягича получаетъ совершенно неправильное освѣщеніе. Извѣстно, что нѣкоторые ученые (Потебня. Изъ зап. по русской грамм. 2 I, 101, примыкающій къ нему проф. Д. Кудравскій «Психологія и языкознаніе», стр. 246 Изв. Ак. 1904 г. кн. 2 и др.) не считаютъ возможнымъ дать общее для всѣхъ языковъ вселенной опредѣленіе предложенія и думаютъ, что каждый разъ это опредѣленіе слѣдуетъ ограничивать извѣстной семьей языковъ. Этого самаго мнѣнія держится, очевидно [1]), и Ягичъ, считающій необходимымъ сдѣлать въ своемъ опредѣленіи упомянутое ограниченіе. Въ случаѣ опущенія послѣдняго, какъ это имѣемъ у проф. Грунскаго, Ягичъ даетъ поводъ для упрека въ чрезвычайно неудачномъ опредѣленіи предложенія, упрека, какъ видимъ, имъ совершенно не заслуженнаго. Кромѣ указанной погрѣшности въ передачѣ взгляда Ягича, въ приведенной фразѣ обращаетъ на себя вниманіе также несвязность общей мысли. Какая связь между первой половиной фразы: «Основой предложенія ак. Ягичъ считаетъ verbum finitum» и второй: «и согласно съ Потебнею такіе примѣры, какъ *хочу* и пр. считалъ безсубъектными (строго грамматически)?» Связь намъ уяснитъ текстъ Ягича. Въ главѣ «Die einfachste Form des Satzes» ходъ мыслей таковъ: Логическое сужденіе и грамматическое предложеніе не совпадаютъ другъ съ другомъ. Въ первомъ необходимы субъектъ и предикатъ, тогда какъ во второмъ подлежащее можетъ отсутствовать. «Строго говоря, грамматически даже формы словъ, какъ *хочу*-*хоћу*, *могу*—безличныя предложенія, такъ какъ субъектъ въ рѣчи прямо не выраженъ, и однако, хотя *хоћу* не можетъ логически быть названо сужденіемъ, грамматически оно—предложеніе, такъ какъ состоитъ изъ такой части рѣчи, которая, имѣя форму, обозначающую лицо, и значеніе, выражающее дѣятельность или состояніе, т. е. verbum finitum, сама можетъ представлять предложеніе». Нельзя однако рѣшающей въ данномъ случаѣ считать одну внѣшнюю грамматическую форму глагола: въ русскомъ, напр., языкѣ имѣется огромное количество предложеній, образованныхъ формами, въ морфологическомъ отношеніи не представляющими глагола, какъ, «Богъ просилъ». «Но ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со вторичными процессами, т. е. съ позднѣйшимъ выпущеніемъ связки».

---

1) Ср. «Es sind offenbar Sprachen der höchsten Rangordnung, die die Kategorie des Verbums vom Nomen so scharf unterscheiden, wie die indoeuropäischen». (стр. 12).

Въ изложеніи Грунскаго все это претерпѣло существенныя измѣненія: во второй половинѣ формы приведено второстепенное замѣчаніе, внѣ контекста совершенно теряющее свой смыслъ, и механически связано съ первой половиной — тезисомъ основнымъ, къ тому же еще искаженнымъ въ существенномъ пунктѣ. Слабый намекъ на порядокъ изложенія Ягича даетъ, пожалуй, только прошедшее вр. «считалъ» («и считалъ безъсубъектными»), если сопоставить его съ наст. временемъ «считаетъ» первой половины фразы. Не останавливаясь на фразахъ, слѣдующихъ непосредственно за приведенной, въ которыхъ тоже мысли Ягича излагаются не совсѣмъ точно, обращаюсь къ стр. 46. «Ягичъ затрудняется» — пишетъ проф. Грунскій — «назвать безсубъектными предложеніями предложенія типа: *есть люди, зубы*. Онъ не соглашается также видѣть въ формахъ *люди, зубы* и пр. винительный падежъ, не соглашается такимъ образомъ съ мнѣніемъ Миклошича, не принимаетъ его предположенія, что отрицательныя предложенія, какъ *нѣтъ сестры* и данныя польскаго языка jest parę osób и пр. могли бы указывать на первоначальность оборотовъ съ винительнымъ падежомъ въ оборотахъ утвердительныхъ». Понять смыслъ этой фразы безъ текста Ягича намъ представляется не легкимъ.

Прежде всего насъ смущаетъ слово «также». Насколько мы понимаемъ, оно должно вводить новую мысль: утверждалъ, молъ, Ягичъ то-то, утверждаетъ онъ въ добавленіе къ этому еще другое. На самомъ же дѣлѣ, положеніе, выраженное въ первой части фразы: «Ягичъ затрудняется назвать безсубъектными предложеніями предложенія типа «есть люди», есть прямое слѣдствіе того, о чемъ говорится во второй: Ягичъ именно потому не можетъ данныя предложенія назвать безсубъектными, что *люди, зубы* могутъ быть не винительными падежами. А доказываетъ онъ это такимъ образомъ: «Mann könnte hier sagen, dass *люди, зубы* ohnehin kein echter Nominativus sei, sondern Accusativus. Doch damit ist die Sache nicht abgethan. Der Nominativ kann doch auch regieren, z. B. jesu vlastele i jesu kmetići (1395)». Приведя далѣе примѣры употребленія несомнѣннаго Accusativ'а: *było chwilę, jest u mnie parę osób*, Ягичъ указываетъ, что эти примѣры ограничиваются обозначеніемъ времени и мѣры: «Man kann diese Accusative als die Zeit oder massbestimmende Casus ansehen». Отсюда уже ясно, почему онъ не допускаетъ, что безлично, какъ думалъ Миклошичъ, могло говориться въ утвердительномъ оборотѣ: «есть сестру дома», какъ безлично говорилось въ отрицательномъ: «сестры нѣтъ дома».

Беру слѣдующую страницу, 47 (съ послѣдними строками 46). «Говоря о подлежащемъ и вполнѣ правильно указывая на сохраненіе

мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго благодаря главнымъ образомъ прошедшему времени (гдѣ подобныя мѣстоименія были нужны), ак. Ягичъ замѣчаетъ, что обороты съ подлежащимъ мѣстоименіемъ 2 лица замѣняютъ иногда обороты пассивные, напр. *надо хвалить, а то обидишь*». Опять у проф. Грунскаго соединены разныя вещи, о которыхъ авторъ толкуетъ раздѣльно. Первая мысль Ягича такова: при 1-омъ и 2-омъ лицѣ глагола мѣстоименіе часто опускается, при чемъ въ разной мѣрѣ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Въ русскомъ языкѣ потребность въ немъ больше, чѣмъ въ другихъ, ввиду того, что лицо не выражено морфологически въ прошедшемъ времени. При формахъ настоящаго времени личное мѣстоименіе опускается чаще. Изъ другихъ языковъ чешскій и польскій употребляютъ мѣстоименіе чаще, чѣмъ сербскій. Вторая мысль: «Die 2 Person sing. ersetzt die passive[1]) Ausdruckweise». Въ изложеніи проф. Грунскаго обѣ мысли разсматриваются, какъ имѣющія нѣчто общее, и, очевидно, совершенно неосновательно.

Стр. 48: «Относительно прилагательныхъ Ягичъ опровергаетъ неправильное мнѣніе Миклошича, что прилагательныя переходятъ въ имена существительныя только посредствомъ суффиксовъ. Указывается цѣлый рядъ примѣровъ, когда прилагательныя имѣютъ значеніе именъ существительныхъ». Обращаясь къ Ягичу, видимъ, что говоритъ онъ не совсѣмъ о томъ, на что указываетъ Грунскій. Рѣчь у него идетъ о вопросѣ, «можетъ ли самостоятельно стоящее прилагательное быть подлежащимъ въ предложеніи». Миклошичъ (Syntax 6) допускалъ это только для языковъ, знающихъ членъ при прилагательныхъ и потому отрицалъ у языковъ славянскихъ. Ягичъ приводитъ примѣры несомнѣнныхъ прилагательныхъ, выступающихъ въ качествѣ подлежащаго.

Тѣ четыре страницы, относительно которыхъ нами произведена свѣрка изложенія съ самой работой, даютъ, намъ кажется, вполнѣ достаточный матеріалъ для характеристики труда проф. Грунскаго со стороны точности и ясности. Было бы однако ошибочно думать, что сдѣланная характеристика работы можетъ относиться лишь къ нѣкоторымъ ея страницамъ. Наоборотъ, должно констатировать, что упреки вродѣ сдѣланныхъ выше, вызываются разсматриваемой книгой въ значительной ея части.

Такое же невыгодное впечатлѣніе съ этой стороны производитъ и приложеніе: «Къ Зографскому Евангелію».

Въ этой статьѣ на стр. 278 (т. 2) читаемъ: «Думать, что для

1) Вѣрнѣе «безличн.», какъ исправляетъ Грунскій.

Зографскаго Евангелія переходъ ь—ъ, есть переходъ *вполнѣ гласныхъ* [1]), какъ то признаетъ и какъ на первый планъ выдвигаетъ это проф. Лескинъ въ своей новой [2]) работѣ. (Die Vocale ъ, ь in den Cod. Zogr.... Arch. 27 III 322), мы не можемъ». Причины столь рѣшительнаго несогласія проф. Грунскаго съ Лескиномъ станутъ совершенно ясны, если сопоставимъ взглядъ Лескина въ изложеніи Грунскаго съ подлинной работой знаменитаго лингвиста: «Bei der Betrachtung des Umlauts gehe ich zunächst von der wohl allgemein angenommenen Ansicht aus, dass es sich dabei um einen *rein vokalischen* [3]) Vorgang handelt, d. h. der Vokal ъ in ь, ь in ъ übergegangen ist». Далѣе Лескинъ самъ отвергаетъ общепринятый взглядъ на переходъ ъ>ь, ь>ъ, какъ переходъ вокалическій, и предлагаетъ свое объясненіе: ь и ъ въ ЗЕ, по его мнѣнію, отражаютъ въ случаяхъ упомянутаго перехода лишь твердость и мягкость предшествующаго согласнаго. Приведенные факты нѣсколько подготовили для насъ отвѣтъ на третій поставленный въ началѣ статьи вопросъ.

Съ того времени, какъ родство индо-европейскихъ языковъ стало общепризнаннымъ фактомъ, наука о языкахъ отдѣльныхъ народностей индо-европейской семьи перестала быть науками національными, представляющими интересъ только для соотвѣтственныхъ народовъ. Онѣ давно слились въ общее теченіе науки сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, и въ настоящее время можетъ считаться общепризнаннымъ положеніе, что правильное освѣщеніе фактовъ одного языка безъ привлеченія фактовъ другого въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ привести къ плодотворнымъ результатамъ. Послѣднее обстоятельство не устраняетъ на практикѣ необходимости ограничиваться изученіемъ только той или другой языковой области; но это не значитъ, конечно, что кто-либо изъ изслѣдователей можетъ считать для себя позволительнымъ игнорированіе фактовъ, добытыхъ изученіемъ общаго. Въ особенности это слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи синтактическихъ явленій, которыя въ гораздо меньшей степени индивидуальны, чѣмъ явленія фонетическія. Благодаря тому, что, вслѣдствіе этого свойства, изученіе фактовъ синтаксиса въ отдѣльныхъ языкахъ давало относительно мало матеріала для имѣющаго самостоятельный интересъ изслѣдованія, почти всегда синтаксисъ, выходящій за предѣлы чисто описательнаго, былъ синтаксисомъ общимъ. Это же самое можно сказать и о синтаксисѣ славянскихъ языковъ. Поэтому при характеристикѣ его, при изложеніи его исторіи,

1) Курсивъ автора.

2) Статья первоначально напечатана въ Сб. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. 83, 1907 г.

3) Курсивъ мой.

нельзя никоимъ образомъ отрывать его не только отъ синтаксиса индоевропейскаго, но и отъ синтаксиса общаго—синтаксическихъ вопросовъ общаго языкознанія.

Въ начальныхъ строкахъ настоящей рецензіи мы указали на тѣ требованія, которыя позволительно предъявить къ книгѣ проф. Грунскаго: характеристика трудовъ современниковъ и ученыхъ недавняго прошлаго имѣетъ свой raison d'être, если не преслѣдуетъ цѣлей популяризаціи, въ томъ только, что даетъ возможность автору исправить на основаніи новаго матеріала ошибки характеризуемыхъ ученыхъ и внести новыя данныя для освѣщенія трактующихся вопросовъ. Положеніе изученія синтаксиса, о которомъ только что шла рѣчь, налагаетъ, кромѣ того, на автора обязанность привлечь, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія работы по синтаксису индо-европейскихъ языковъ и общаго языковѣдѣнія. И вотъ позволительно поэтому спросить, насколько авторъ разбираемаго труда въ курсѣ этихъ работъ. Мы, кажется, не ошибемся, если къ важнѣйшимъ трудамъ, привлеченіе которыхъ обязательно для автора, причислимъ «Grundriss» Дельбрюка и «Völkerpsychologie» Вундта. Авторомъ использованъ только второй. Можно было бы, пожалуй, скрѣпя сердце, удовлетвориться и одной «Völkerpsychologie» (важнѣйшее изъ Дельбрюка такъ или иначе вошло въ рядъ извѣстныхъ Грунскому работъ), если бы можно было сказать, что этотъ трудъ авторомъ дѣйствительно использованъ.

На самомъ дѣлѣ привлекается матеріалъ изъ него очень рѣдко и, повидимому, совершенно случайно: ссылка на него и изложеніе его мыслей имѣемъ въ т. I, вып. 3 (стр. 7—8) тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о происхожденіи языка, стр. 11—объ опредѣленіи предложенія, въ приложенныхъ въ концѣ этого выпуска «Примѣчаніяхъ» (стр. 77)—о возможности предложеній безъ глагола. Во второмъ томѣ Вундтъ не привлекается. Между тѣмъ, если гдѣ его соображенія заслуживали упоминанія, такъ именно въ этомъ томѣ, потому что у Вундта (Vlkps. II² 220 и) есть рядъ критическихъ замѣчаній, имѣющихъ въ виду принципіальную точку Миклошича. Можно соглашаться съ ними или не соглашаться, но игнорировать ихъ во всякомъ случаѣ неудобно.

Впрочемъ, мы не знаемъ, должно ли сожалѣть о томъ, что Вундтъ привлекается проф. Грунскимъ сравнительно рѣдко: въ тѣхъ случаяхъ, когда это привлеченіе имѣетъ мѣсто, не обходится безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Именно, на стр. 7 Вундту ставится въ упрекъ, что онъ, критикуя Naturlauttheorie, выставляетъ противъ нея неубѣдительные доводы. По словамъ Грунскаго: «(Вундтомъ) приводятся переходы, которые бы не признали приверженцы Naturlauttheorie идущими въ доказательство ихъ теоріи (такъ какъ эти переходы плодъ позднѣйшаго времени

и образованія, въ сущности, по аналогіи; для примѣра возьмемъ хотя бы русское: ахъ—ахнуть)». Но то, на что указываетъ Грунскій, Вундтъ отнюдь не упускаетъ изъ виду: на стр. 314 I_1^2 (на которую ссылается Грунскій) онъ ясно говоритъ, описывая ходъ развитія междометія: (Neben dem Übergange der Interjektion aus ihrer primären in diese sekundären Formen) gibt es nun noch einen zweiten Weg, auf dem der Naturlaut Eingang in die Sprache finden kann. Er besteht darin, dass ein solcher unmittelbar von der Sprache aufgenommen und in *sprachliche Formen gekleidet wird*[1]). Указаніе же Вундта (I_2^2 633 стр.) касается исключительно междометій, какъ словарнаго (корневого) матеріала и потому не заключаетъ, кажется, ничего такого, съ чѣмъ бы приверженцы Naturlaut-theorie могли спорить.

Указаніемъ на стр. 72 («Мысль о томъ, что существуютъ предложенія безъ глаголовъ, предложенія безъ предикатовъ, доказывалъ въ послѣднее время Вундтъ. Такимъ образомъ и здѣсь несогласіе съ основной точкой зрѣнія Потебни, отожествлявшаго предикативность съ понятіемъ предложенія») Грунскій подтверждаетъ высказанное выше предположеніе о томъ, что онъ не отличаетъ опредѣленія предложенія вообще отъ опредѣленія, имѣющаго въ виду одну семью языковъ: у Вундта общее опредѣленіе, у Потебни опредѣленіе индо-европейскаго предложенія въ согласіи съ его мыслью о томъ, что опредѣленіе предложенія слѣдуетъ давать отдѣльно для каждой лингвистической группы (см. выше).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что кромѣ «Völkerpsychologie» Вундта, авторъ привлекаетъ къ освѣщенію вопросовъ своей темы и другія иностранныя работы. Но и тутъ дѣло не обходится безъ промаховъ. Такъ, на стр. 255 (II т.) проф. Грунскій, упрекая Вундта въ слишкомъ скороспѣлыхъ попыткахъ снова прибѣгнуть къ помощи логическихъ категорій, приписываетъ ему трудъ Штейнталя «Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft» («...«слишкомъ скороспѣлыми кажутся попытки, напр. Вундта, снова прибѣгнуть къ помощи логическихъ категорій (ср. особенно его «Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft»)). Мы охотно предположили бы, что имѣемъ въ данномъ случаѣ предъ собой легко возможную подстановку именъ, если бы контекстъ ясно не говорилъ, что рѣчь идетъ именно о современномъ писателѣ. (Книга Штейнталя вышла въ 1871 г.).

Чтобы отвѣтить на послѣдній изъ поставленныхъ въ началѣ настоящихъ замѣтокъ вопросовъ, остается разсмотрѣть самостоятельныя замѣчанія автора.

---

1) Курсивъ мой.

Первое условіе цѣнности критики, конечно, то, если она направлена на дѣйствительно высказанныя критикуемыми авторами соображенія. Въ большомъ числѣ случаевъ, какъ отчасти ясно изъ предыдущаго, имѣетъ мѣсто въ книгѣ проф. Грунскаго обратное: авторъ спѣшитъ высказать свое не согласіе съ тѣмъ или инымъ положеніемъ раньше, чѣмъ даетъ себѣ трудъ вполнѣ уяснить его. За вычетомъ случаевъ, гдѣ критическія замѣчанія автора являются результатомъ недоразумѣнія, остальныя его указанія можно разбить на двѣ группы: критическія замѣчанія въ собственномъ смыслѣ слова и впечатлѣнія автора, не обставленныя никакой или почти никакой аргументаціей. Впечатлѣніе, произведенное на насъ трудомъ проф. Грунскаго въ этомъ отношеніи, таково, что вторая группа отнюдь не уступаетъ по количеству первой: квалификаціями, вродѣ той, какую авторъ даетъ мысли Лескина, пестритъ вся книга. Что же касается самостоятельныхъ замѣчаній автора, заключающихъ нѣкоторыя доказательства, то они въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ или касаются такихъ мелочей, какія авторъ съ чистой совѣстью могъ бы обойти молчаніемъ, или сообщаютъ общеизвѣстные факты. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя извлеченныя самимъ авторомъ въ «Итогахъ» (слѣдовательно, важнѣйшія) замѣчанія, касающіяся Потебни: [1]) 1) Достоинство взглядовъ Потебни не пострадало отъ того, что онъ не могъ ознакомиться съ позднѣйшими трудами Вундта.—Положеніе это не можетъ считаться доказаннымъ, такъ какъ сказанное авторомъ на стр. 245—246 только слова: единственно возможная аргументація — сличеніе ученій того и другого; но сличеніе это, какъ уже указывалось, совершенно не проведено. Двѣ-три бѣглыхъ ссылки не могутъ дать никакого представленія ни о количествѣ точекъ соприкосновенія, ни о важности имѣющихся между ними различій. 2) «Мысль и языкъ» Потебни не является вполнѣ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Основныя мысли внушены изслѣдователю современною нѣмецкою наукою и развиты имъ нѣсколько дальше». 3) «Потебня называлъ всякое слово, взятое внѣ предложенія, «искусственнымъ препаратомъ». Это такъ, но при изученіи какой-либо науки вовсе не возбраняются эти «искусственные препараты»». 4) «Частичный вопросъ, какимъ является вопросъ о «сокращеніи» придаточныхъ предложеній, можетъ служить яркимъ, типичнымъ доказательствомъ того, какъ трудно задаваться «реформой» грамматики, если не усвоена сущность научнаго теченія и если авторъ того или другого учебника не обладаетъ способностью представить результаты научные

---

1) Группировка ихъ принадлежитъ рецензенту.

въ видѣ доступной цѣльной картины». Слѣдуетъ указаніе на синтаксисъ для средне-учебныхъ заведеній Брешенкова и выводъ, что лучше оставаться при хорошихъ, хотя и не научныхъ старыхъ учебникахъ, чѣмъ при плохихъ новыхъ.—Основная мысль автора, конечно, справедлива и давно нашла себѣ выраженіе въ реченіи: «не берись не за свое дѣло»; но чтобы единичный примѣръ (ссылка на синтаксисъ Овсянико-Куликовскаго въ аргументацію не вошла) что-нибудь еще, кромѣ этой мысли, доказывалъ, позволяемъ себѣ усумниться. 5) Авторъ томъ I и II изслѣдованія Потебни ставитъ выше, чѣмъ III-й и т. д.

Приведенное составляетъ всѣ важнѣйшія самостоятельныя указанія автора.

Сдѣланныя бѣглыя замѣчанія по поводу работы проф. Грунскаго, разумѣется, не претендуютъ на значеніе обстоятельной критики и не имѣютъ въ виду привести къ отрицательному выводу о всемъ трудѣ вообще. Возможно, что болѣе компетентный читатель отыщетъ въ книгѣ достоинства, которыя не были замѣчены нами. Этому придется, конечно, только порадоваться, такъ какъ наша синтактическая литература не настолько богата, чтобы можно было безъ сожалѣнія отрицать значеніе за двутомнымъ изслѣдованіемъ, требовавшимъ во всякомъ случаѣ не малаго труда.

Л. Булаховскій.

Харьковъ. Декабрь 1911 г.

Отвѣтъ на статью П. А. Кулаковскаго (Журн. Мин. Нар. Просв., 1912, августъ) *).

Три года тому назадъ, осенью 1909 года, вышелъ въ свѣтъ, подъ моей редакціей, помѣченный, по издательской практикѣ, 1910 годомъ переводъ 2 (1906) краковскаго изданія книги извѣстнаго польскаго историка Грабеньскаго (Смоленьскаго) «Dzieje narodu polskiego». Из-

---

*) Редакція «Журн. Мин. Нар. Просв.» не могла напечатать мой отвѣтъ г. Кулаковскому въ ближайшихъ №№ журнала, какъ уже заполненныхъ; поэтому я и печатаю свой отвѣтъ въ готовой уже къ выходу въ свѣтъ настоящей книжкѣ «Извѣстій».

12 сентября, 1912 г. *Н. Я.*

даніе русскаго перевода этой книгъ было выполненіемъ части цѣлаго плана — дать рядъ научныхъ пособій по исторіи славянскихъ народовъ, особенно народа польскаго, для студентовъ и курсистокъ историко-филологическихъ факультетовъ Россіи. Этотъ планъ, задуманный мною подъ вліяніемъ нуждъ, выяснившихся въ ходѣ преподаванія мною исторіи славянскихъ народовъ въ С.-Петербургскихъ высшихъ школахъ, былъ не только разработанъ, но и осуществленъ мною совмѣстно съ моимъ учителемъ и предшественникомъ по преподаванію, профес. и акад. В. И. Ламанскимъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы остановились именно на польскихъ книгахъ гг. Кутшебы и Бальцера — по исторіи общественно-государственнаго строя Польши и на книгѣ г. Грабеньскаго — по внѣшней, политической, исторіи Польши. Эти книги отлично дополняли другъ друга, различаясь по построенію и подбору матеріала, по школамъ польской исторіографіи. В. И. Ламанскому удалось склонить покойнаго А. С. Суворина къ изданію въ 1907—1908 гг. двухъ первыхъ книгъ, мнѣ въ 1909 году посчастливилось добиться того же отъ издательства «Книжный магазинъ Учебное дѣло». Мнѣ пришлось взять на себя большую и хлопотливую работу по пріисканію переводчиковъ (до 15 студентовъ и курсистокъ, русскихъ и польскихъ) этихъ книгъ изъ состава своихъ слушателей и слушательницъ, редакторскаго просмотра и исправленія сдѣланнаго ими перевода, корректуръ и т. п. Кромѣ того, я приготовилъ свои вступительныя статьи ко всѣмъ тремъ книгамъ, изъ которыхъ, однако, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ (см. ниже), одна статья, именно при книгѣ г. Грабеньскаго, не увидѣла свѣта. Двѣ напечатанныя вводныя статьи мои нашли отличный пріемъ въ научной печати (проф. Ѳ. Ѳ. Зигель въ «Журн. Мин. Нар. Просв.»). Во всякомъ случаѣ, свой технически-редакторскій трудъ я несъ съ облегчающей мыслью о выполненіи мною обязанности преподавателя-слависта. Потомъ я получилъ и другое моральное удовлетвореніе: за исключеніемъ книги г. Бальцера — превосходнаго, но нѣсколько спеціальнаго труда, критическаго обзора работы Кутшебы, — обѣ остальныя книги начали довольно быстро расходиться, облегчая дѣло преподаванія исторіи славянъ не только для меня, но и для другихъ славистовъ-историковъ (см. ниже), вызвали интересъ и среди русскихъ историковъ и юристовъ и изъ неславистовъ.

Но одна изъ этихъ книгъ, именно книга Грабеньскаго, вышедшая уже три года тому назадъ и почти разошедшаяся, не понравилась одному изъ моихъ товарищей по наукѣ славяновѣдѣнія и по преподаванію на Высшихъ Женскихъ Курсахъ г. Раева, П. А. Кулаковскому, который теперь, черезъ 3 года послѣ выхода книги — впрочемъ, уже вторично

(впервые — зимой 1910—11 г. въ «Окраинахъ Россіи», № 51—2 *1910* и № 3 *1911 г.*)—въ августовской книгѣ «Журн. Мин. Нар. Пр.» за 1912 г. выступилъ не только противъ книги Грабеньскаго, но и противъ меня, какъ редактора русскаго ея перевода, даже какъ преподавателя исторіи славянъ въ высшихъ школахъ СПБурга.

Находя нужнымъ отвѣтить на послѣднее выступленіе г. Кулаковскаго, я начну съ того, что̀ имѣетъ меньше значенія съ точки зрѣнія какъ г. Кулаковскаго, такъ и моей и читателей нашихъ, т. е. съ упрековъ въ неудовлетворительности самого перевода книги Грабеньскаго. Прежде всего, я долженъ исправить одну фактическую ошибку г. Кулаковскаго: онъ именуетъ меня *переводчикомъ* книги; между тѣмъ переводчиками были студенты и курсистки, а я лишь редактировалъ ихъ работу, просматривалъ и исправлялъ переводъ. Самъ г. Кулаковскій признаетъ *особую трудность* переводовъ со славянскихъ языковъ на русскій. Эта трудность для меня—редактора увеличивалась тѣмъ, что мнѣ пришлось имѣть дѣло съ переводомъ *многихъ* лицъ. Я вполнѣ допускаю, что, не смотря на всѣ мои старанія, въ переводѣ студентовъ и курсистокъ остались нѣкоторые недосмотры, опечатки, даже ошибки. Но ихъ относительно немного — и переводъ въ цѣломъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ. Съ большинствомъ же упрековъ г. Кулаковскаго я не могу согласиться. Такъ, вопреки мнѣнію г. Кулаковскаго, я продолжаю считать правильнымъ: 1) мое стремленіе, по возможности, точно передавать польское произношеніе польскихъ собственныхъ именъ, фамилій (мягкія *ń* и *ś* и т. п.), 2) мое обозначеніе непольскихъ мѣстностей, но въ предѣлахъ старой государственной Польши и для временъ этой Польши, въ оффиціальномъ польскомъ видѣ: если, напримѣръ, древне-русскій и современный русскій Юрьевъ приходится для періодовъ нѣмецкаго и польскаго владычества надъ нимъ именовать не Юрьевомъ, а Дерптомъ, то тоже должно быть примѣнено и къ Андрееву—Енджееву и т. п., тѣмъ болѣе въ переводѣ польской книги по польской исторіи. Вѣдь, русскія (нѣм. и др.) названія ихъ извѣстны всѣмъ изъ учебниковъ русской географіи, исторіи и т. д. Г. Кулаковскій долженъ былъ-бы тѣмъ болѣе остаться спокойнымъ, что я не проводилъ всегда послѣдовательно своей точки зрѣнія, часто оставляя привычныя русскія названія (см., напримѣръ, *Холмъ*, а не *Хелмъ* на стр. 59, 134 и др.; *Холмщина* на стр. 574 и др.). Между тѣмъ г. Кулаковскій негодуетъ по поводу *Вилькомежа* вм. *Вилькоміра*, какъ, можетъ быть, нѣкоторые нѣмцы не одобрятъ *Гданьска* вм. *Данцига*. . . .

Но я долженъ отмѣтить, сверхъ этихъ пунктовъ нашего съ г. Кулаковскимъ разногласія, еще нѣкоторые упреки г. Кулаковскаго, которые

представляются мнѣ уже совершенно непонятными. Онъ, напримѣръ, объясняетъ опечатки, въ родѣ «Холмскій» вмѣсто «Хелминьскій» (Холмъ, Хелмно), незнаніемъ дѣла редакторомъ перевода. Если я, какъ редакторъ перевода, по условіямъ печатанія книги, *былъ лишенъ возможности* приложить къ книгѣ списокъ опечатокъ и недосмотровъ, то, казалось бы, это не должно было давать основанія г. Кулаковскому обвинять меня въ незнаніи того, что̀ отчетливо отмѣчено (различіе Холма—Хелма и Хелмна), напр., на стр. 134 редактированной мною книги, гдѣ описанъ административно-территоріальный составъ Речи Посполитой, и на приложенной къ книгѣ картѣ, знаніе чего требуется мною даже отъ студентовъ и курсистокъ.... Но г. Кулаковскій не ограничивается и этимъ: онъ ставитъ такой, напримѣръ, вопросъ: «почему переводчикъ польской книги сохранилъ слова «хлопы», «хлопство», лишь только рѣчь идетъ о русскомъ народѣ, крестьянствѣ?» Мнѣ остается только отослать г. Кулаковскаго и читателей, напримѣръ, къ стр. 95, 161, 571, 572 и др. книги Грабеньскаго, гдѣ они найдутъ слово «хлопы» примѣнительно и къ польскимъ крестьянамъ, или къ переводу, подъ моей же редакціей, книги Кутшебы, гдѣ къ польскимъ крестьянамъ систематически примѣненъ только терминъ «хлопы». И уже-ли еще я долженъ объяснять г. Кулаковскому и — тѣмъ болѣе —читателямъ, что въ примѣненіи къ крестьянству Польши польскаго техническаго историко-юридическаго термина «хлопы» не имѣется ничего оскорбительнаго?...

Перехожу къ укоризнамъ г. Кулаковскаго мнѣ уже въ томъ, что я редактировалъ переводъ именно книги Грабеньскаго, къ его нападкамъ на самоё книгу Грабеньскаго. Г. Кулаковскій, прежде всего, недоволенъ тѣмъ, что мною выбрано для перевода краковское изданіе книги Грабеньскаго, по сообщенію г. Кулаковскаго, «воспрещенное» цензурой къ обращенію въ Россіи, а не варшавское, сокращенное, широко распространенное въ Россіи и допущенное въ польскія среднія школы Россіи. Оставляя въ сторонѣ его «цензурный аргументъ», я, прежде всего, недоумѣваю относительно смысла и укора и пожеланія г. Кулаковскаго по существу, при томъ съ точки зрѣнія именно самого г. Кулаковскаго: вѣдь, онъ самъ же пишетъ, что «разница между обоими польскими изданіями не во взглядахъ, не въ изложеніи и даже не въ освѣщеніи фактовъ прошлаго въ жизни польскаго народа, не въ тенденціи». Если дѣло обстоитъ такъ, и если — далѣе — г. Кулаковскій утверждаетъ о краковскомъ изданіи, что это «плохая книга, съ невѣрнымъ освѣщеніемъ историческихъ фактовъ» и т. д., то какой же есть смыслъ въ задаваемомъ г. Кулаковскимъ вопросѣ: «какая надобность могла быть въ переводѣ на русскій языкъ и изданіи въ Петербургѣ краковскаго, запре-

щеннаго изданія, а не допущеннаго къ широкому обращенію въ Россіи варшавскаго изданія *той же книги* (курсивъ мой), того же автора по исторіи польскаго народа»?... Я долженъ при этомъ исправить и невѣрное сообщеніе о дѣйствительномъ различіи краковскаго изданія отъ варшавскаго, которое, по г. Кулаковскому состоитъ, будто бы, въ обиліи «анекдотовъ» въ первомъ изданіи, выпущенныхъ во второмъ: въ дѣйствительности, краковское изданіе, въ 592 стр., отличается отъ варшавскаго, въ 465 стр., тѣмъ, что даетъ — на 183 (401—584) стр. русскаго перевода — исторію польскаго народа послѣ паденія Речи Посполитой, т. е. съ конца XVIII вѣка до нашихъ дней, чего нѣтъ въ варшавскомъ изданіи. Этотъ очеркъ польской исторіи въ XIX вѣкѣ, лучшій изъ существующихъ въ польской литературѣ, и составляетъ не только отличіе, но и преимущество краковскаго изданія книги Грабеньскаго сравнительно съ варшавскимъ.

Перехожу къ утвержденію г. Кулаковскаго, будто книга Грабеньскаго научно-плохая книга. Это утвержденіе не вѣрно.

Конечно, книга Грабеньскаго, какъ всякое дѣло человѣческое, не свободна отъ ошибокъ, односторонностей, неправильныхъ сужденій; какъ всякій обзоръ національной исторіи, она проникнута страстной любовью къ родному народу; какъ польская книга, она не чужда и нѣкотораго вполнѣ понятнаго польскаго патріотизма, особенно по вопросамъ объ отношеніяхъ поляковъ и Польши къ тѣмъ народамъ и государствамъ, въ обладаніе которыхъ попали части былой Речи Посполитой. А если г. Грабеньскій съ печалью и обидой говоритъ о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ, постигшихъ поляковъ въ результатѣ возстанія 1863 г., то стоитъ лишь вспомнить, сколько этихъ именно ограниченій и стѣсненій уже отмѣнено съ 1905 г. (тогда печаталось второе изданіе книги Грабеньскаго) или готовится къ отмѣнѣ (законопроекты о городскомъ и земскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ и т. д.) самой же русской властью, очевидно, въ сознаніи тягости ихъ не только для поляковъ, но и для Россіи, чтобы съ терпимостью отнестись къ настроеніямъ польскаго автора....

И безъ всякихъ цитатъ изъ книги Грабеньскаго, тѣмъ болѣе—безъ искусственнаго вырыванья и подбора изъ книги Грабеньскаго отдѣльныхъ словъ и выраженій, всякій человѣкъ пойметъ, что ни одинъ честный историкъ-полякъ не будетъ смотрѣть, *морально не можетъ смотрѣть*, нашими, русскими, глазами на такіе, напр., моменты и стороны польско-русскихъ отношеній, какъ исторія уніи, казачества, раздѣлы Польши, польск. возстанія XIX в. и т. д. Но изъ всѣхъ польскихъ общихъ обзоровъ польской исторіи книга Грабеньскаго наименѣе повинна въ указанныхъ выше грѣхахъ. Даже въ изложеніи печальной исторіи

польско-русскихъ отношеній, гдѣ столь трудно, если не невозможно, сохранить полное безстрастіе и объективность, какъ русскому, такъ и поляку, Грабеньскій не впадаетъ въ полную польскую исключительность, отмѣчая ошибки и грѣхи не только съ русской, но и съ польской стороны, понимая и русскія точки зрѣнія на вещи.

Въ видѣ примѣровъ, я укажу на слѣдующее. Характеризуя отношенія русско-польскія внутри Речи Посполитой, Грабеньскій признаетъ угнетеніе русскаго православнаго крестьянскаго и казацкаго населенія—(стр. 73, 78, 183 и 193), обиды, нанесенныя Хмельницкому (193), безъ прикрасъ описываетъ жестокія расправы съ русскими крестьянами и казаками во время возстанія Хмельницкаго кн. Вишневецкимъ (стр. 193) и съ гайдамаками въ XVIII в. (стр. 284), разсматриваетъ угнетеніе русск. правосл. населенія, какъ причину обращенія его за помощью къ Россіи въ XVIII в. (стр. 192); говоря объ отношеніяхъ поляковъ и Россіи въ періодъ паденія Речи Посполитой и позднѣе, Грабеньскій высказываетъ трезвые взгляды на политику русскаго посла въ Варшавѣ Штакельберга и вообще Россіи въ эпоху Постояннаго Совѣта (стр. 305); сочувственно характеризуетъ личности и политику имп. Павла I, Александра I и Николая I—до возстанія 1831 (стр. 445, 449, 455, 466), польскую политику Александра II (стр. 543 и 570). Особенно знаменательно у Грабеньскаго признаніе Вел. княж. Литовскаго во время соединенія его съ Польшей русскимъ и по населенію и по культурѣ (стр. 71), а его территорій — до конца Речи Посполитой — русскими и литовскими, а не польскими землями (стр. 473, 493, 562, 568), что нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ заключительныхъ словахъ книги: «*польская національность ослабѣла тамъ, гдѣ она не имѣла опоры въ народн. массахъ—на Литвѣ и Руси*» (стр. 583). Если въ этихъ словахъ Грабеньскій вѣрно и откровенно выразилъ одну сторону трагизма польско-русскихъ отношеній, то столь же искренне и правильно опредѣлилъ онъ и другую сторону этого трагизма въ томъ мѣстѣ своей книги (стр. 9—10), гдѣ онъ, говоря о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, рисуетъ двойственность культурныхъ вліяній на славянство и, прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи Польши, говоритъ: «Славянство было разбито на части, отличающіяся моральнымъ воспитаніемъ, чуждыя и даже враждебныя другъ другу въ силу культурныхъ различій; Польша, какъ представительница западной культуры, въ продолженіе долгаго времени должна была бороться съ частью славянства, воспитанной подъ вліяніемъ востока (Византіи)».

Но что особенно цѣнно, Грабеньскій такъ, какъ никто изъ польскихъ авторовъ общихъ обзоровъ польской исторіи, вскрылъ основные грѣхи

историческаго развитія Польши и неудержимость того внутренняго распада, который привелъ къ концу польское государство.

Грабеньскій считаетъ одной изъ основныхъ причинъ паденія Польши религіозную нетерпимость католической церкви къ иновѣрцамъ и мракобѣсіе. Онъ ярко обосновываетъ эту свою мысль, говоря о ненависти въ Польшѣ къ иновѣрію (стр. 118—19), о гибельности католической политики Сигизмунда во внутреннихъ дѣлахъ (унія) и внѣшнихъ—въ отношеніяхъ къ Москвѣ и къ Габсбургамъ (стр. 180—2, 184 и 186), давая блестящія характеристики господства въ Польшѣ системы клерикализма (241—2) и іезуитовъ (243—4) съ печальными ихъ послѣдствіями, характеризуя неискреннее отношеніе Польши даже «эпохи реформъ» къ диссидентамъ (стр. 275), отмѣчая возвраты іезуитизма и ханжества въ «эпоху реформъ» (стр. 321) и Царства Польскаго (458).

Столь же ярко и безпощадно вскрываетъ Грабеньскій другой грѣхъ Польши—всевластіе шляхты. Въ этомъ можно убѣдиться, читая у Грабеньскаго общую характеристику соціально-политич. тупости шляхты XVII—XVIII вв. (стр. 243), въ томъ числѣ и магнатеріи (стр. 303 и 307), ея безсердечнаго отношенія къ крестьянству (стр. 118—19, 148, 161—2, 163) и мѣщанамъ (159) не только вообще въ XVI—XVIII вв., но и въ «эпоху реформъ» (стр. 322, 354, 361), даже позднѣе, во время возстанія 1831 года (стр. 500) и при Велёпольскомъ (556).

Грабеньскій сурово развѣнчиваетъ многія «героическія» фигуры, эпохи и моменты польской исторіи, разбиваетъ красивыя легенды. Обращаю вниманіе на суровый приговоръ его о королѣ Я. Собѣскомъ (стр. 218), на убійственныя характеристики конфедерацій не только Тарговицкой (349, 375), но и Барской (285, 287, 292), такихъ дѣятелей, какъ Понинькій (стр. 295), Браницкій (308), еп. Солтыкъ (308). Грабеньскій не замалчиваетъ грѣховъ даже и четырехлѣтняго сейма (стр. 370), движенія Костюшки (393). Онъ развѣнчиваетъ «наполеоновскую легенду» въ Польшѣ (стр. 439 и 442). Пессимизмомъ овѣяны у Грабеньскаго картины возстанія 1831 г.: можно убѣдиться въ этомъ, читая его отзывы о нелегальномъ поведеніи Госуд. Совѣта въ началѣ движенія, убійственныя характеристики Патріотическаго общества и «Народн. Жонда», на фонѣ чего столь характерна и его симпатичная характеристика Хлопицкаго (479). Безжалостны и трезвы у него описанія жизни польской эмиграціи послѣ 1831 г., притомъ въ обоихъ ея теченіяхъ (541—2). Обращаясь къ послѣднимъ страницамъ книги Грабеньскаго, мы видимъ туже самую позицію историка-критика, одинаково неудовлетвореннаго и Велёпольскимъ (553—4) и Замойскимъ (545),

подмѣчающаго слабыя стороны дѣятелей и вождей возстанія 1863 г.: и варшавской молодежи (546), и уличной толпы (555, 558), и партіи «красныхъ (561), и наконецъ, «Народнаго Жонда» (стр. 567). Обращаю особенное вниманіе на мрачные приговоры Грабеньскаго о «народѣ, опускающемся въ пропасть своего паденія безъ сознанія причинъ зла и средствъ спасенія» (конецъ стр. 244, ср. и нач. стр. 243).

Не даромъ же съ такимъ гнѣвомъ было встрѣчено появленіе книги Грабеньскаго (1 изд.) въ тѣхъ именно кругахъ польскаго общества, которые еще не освободились отъ старыхъ грѣховъ Польши... *Іезуитскій органъ «Przegl. powsz»*. (№ 96, стр. 415—17 и № 183, стр. 432) *и «Przegl. Katolicki»* (г. 30, стр. 145—146) писали въ слѣдующемъ родѣ: ...У Грабеньскаго враждебное отношеніе къ католической церкви... Цѣль всѣхъ его научныхъ трудовъ — нарисовать возможно болѣе отвратительную картину дѣятельности католической церкви (въ Польшѣ)... Причиной всего зла была въ Польшѣ, по Грабеньскому, католическая церковь... Молодежь наша какъ-бы не сказала себѣ: разъ таковы были, по Грабеньскому, наши предки, то неудивительно, что и сейчасъ у насъ худо, и нельзя ни надѣяться, ни работать надъ тѣмъ, чтобы было лучше...

Отмѣченныя мною и столь неугодныя польскимъ іезуитамъ и «станчикамъ» достоинства книги Грабеньскаго мѣтко охарактеризовалъ академ. В. И. Ламанскій — даже по г. Кулаковскому, «несомнѣнно авторитетнѣйшій русскій славистъ» — въ своемъ отзывѣ (въ газетѣ «Рѣчь, 1911, 3 января) объ этой книгѣ, какъ о «лучшемъ обзорѣ исторіи польскаго народа, въ которомъ отлично вскрыты два основныхъ зла исторіи Польши — угнетеніе шляхтой простого народа и господство іезуитскаго фанатизма».

Имѣя въ виду именно эти достоинства, я не только взялъ на себя редакцію перевода книги Грабеньскаго, но и рекомендовалъ и рекомендую изученіе ея своимъ слушателямъ и слушательницамъ.

Г. Кулаковскій очень недоволенъ этимъ обстоятельствомъ, опасаясь особенно того, что студенты и курсистки усвоятъ себѣ, какъ разъ, тѣ ошибки и односторонности, которыхъ г. Грабеньскій, какъ полякъ, не чуждъ при изложеніи и оцѣнкѣ польско-русскихъ отношеній. Въ основѣ этихъ опасеній могутъ лежать, очевидно, лишь 1) взгляды на русскую учащуюся въ высшей школѣ молодежь, какъ на совершенно неспособную мыслить, хотя сколько нибудь, самостоятельно, отличать правду отъ заблужденія, и 2) особенно — предположеніе, будто и профессора, преподаватели исторіи славянъ, исторіи Россіи и т. п. въ русской высшей школѣ, не знакомятъ своихъ слушателей и слушательницъ съ иными, не

польскими, прежде всего русскими, точками зрѣнія на ходъ русско-польскихъ отношеній (самъ же г. Кулаковскій проговаривается о томъ, что «профессоръ русской исторіи принужденъ излагать съ каѳедры и исторію Речи Посполитой»!). Эти взгляды и предположенія г. Кулаковскаго, которыми только и могутъ быть объяснены его страхи, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Студенты и курсистки и изъ лекцій и изъ литературы узнаютъ не только о русскихъ и польскихъ взглядахъ на русско-польскія отношенія, но и о разнообразныхъ оттѣнкахъ тѣхъ и другихъ. А, вѣдь, только изъ такого научнаго «столкновенія мнѣній», обязательнаго для высшей школы, можетъ родиться то, что̀ носитъ имя «относительной научной истины». И нельзя не улыбаться, напримѣръ, страхамъ г. Кулаковскаго передъ возможностью тлетворнаго вліянія на студентовъ и курсистокъ сообщеній Грабеньскаго о поведеніи Петра Великаго въ Полоцкѣ... Что новаго о Петрѣ дадутъ эти сообщенія студентамъ и курсисткамъ, отлично освѣдомленнымъ и изъ лекцій и изъ книгъ, да еще, вѣроятно, съ гимназическихъ лѣтъ, о томъ, какъ работалъ Петръ своей «дубинкой», о расправахъ его со стрѣльцами, съ сыномъ Алексѣемъ, о его «всешутѣйшемъ соборѣ» и т. п.? И если освѣдомленность объ этихъ дѣлахъ Петра не мѣшаетъ нашей учащейся молодежи, вмѣстѣ со всей Россіей, склоняться передъ величіемъ генія Петра, то можетъ-ли помѣшать этому освѣдомленность о полоцкихъ происшествіяхъ?... Я не могу не сообщить г. Кулаковскому, что не одинъ я, вслѣдъ за В. И. Ламанскимъ, нахожу возможнымъ и нужнымъ рекомендовать своимъ ученикамъ изученіе книги Грабеньскаго. Мнѣ извѣстно, что почтенный изслѣдователь русско-литовской, отчасти и польской исторіи, какъ московскій проф. М. К. Любавскій, какъ преподаватель исторіи западныхъ славянъ, рекомендуетъ своимъ слушателямъ готовиться къ экзамену по редактированной мною книгѣ Грабеньскаго. Въ «Обозрѣніи преподаванія въ Кіевскомъ Университетѣ на 1911—12 г.» (см. Кіевскія Универс. Извѣстія, 1911 г., октябрь) знатокъ славянской исторіи, столь чтимый самимъ же г. Кулаковскимъ, проф. Т. Д. Флоринскій, при объявленномъ имъ курсѣ польской исторіи, рекомендуетъ студентамъ въ числѣ пособій, прежде всего, рекомендуемую и мною книгу Грабеньскаго.

Г. Кулаковскій еще разъ дѣлаетъ фактически невѣрное сообщеніе обо мнѣ лично, уже какъ и о преподавателѣ исторіи славянъ и экзаменаторѣ по этому предмету. Г. Кулаковскій, ссылаясь на какой-то изданный кружкомъ нѣсколькихъ студентовъ — въ литографированномъ видѣ — текстъ моей экзаменаціонной програмы, со внесеніемъ въ него подробнаго оглавленія пособій, старается дать понять, что я признаю и требую отъ студентовъ на экзаменѣ *только* книгу Грабеньскаго. По

наведенной мною справкѣ, и въ этомъ студенческомъ изданіи указана, въ видѣ пособій, кромѣ книги Грабеньскаго, еще книга Кутшебы. Я же вынужденъ отослать г. Кулаковскаго къ *дѣйствительно моей, печатно изданной историко-филологическимъ факультетомъ СПБ. Университета программѣ*, которую онъ, при желаніи, можетъ достать или въ Университетѣ или у меня лично. Тамъ онъ найдетъ, что я требую отъ экзаменующихся по исторіи Польши изученія *трехъ* слѣдующихъ пособій: 1) книги Кутшебы, 2) книги Грабеньскаго («для усвоенія главнѣйшихъ явленій политической исторіи Польши») и 3) своего обзора исторіи Польши въ 47 томѣ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона; тамъ онъ найдетъ и то, что я предлагаю желающимъ замѣнять и книгу Грабеньскаго книгами или Бобжиньскаго, или А. Левицкаго, или Ф. Конечнаго.

Г. Кулаковскій стремится отожествить мои взгляды на польскую исторію вообще и на русско-польскія отношенія въ частности со взглядами Грабеньскаго и съ этой цѣлью указываетъ, какъ на обстоятельство яко-бы подтверждающее такое отожествленіе, на то, что я не далъ («не осмѣлился» дать!) при переводѣ книги ни вводной статьи, ни дополненій, ни примѣчаній, присоединяя ироническое замѣчаніе, что я, однако, пополнилъ библіографію Грабеньскаго указаніями на переведенную, подъ моей редакціей, книгу Кутшебы и на редакцію перевода Бобжиньскаго проф. Н. И. Карѣевымъ. На это я вынужденъ отвѣтить слѣдующее. Когда я, приступая къ печатанію книги Грабеньскаго, обратился къ нему за нѣкоторыми справками, нужными мнѣ для вводной статьи, г. Грабеньскій письменно заявилъ мнѣ, что онъ рѣшительно противъ появленія какой-либо статьи о немъ и его книгѣ, критическихъ примѣчаній и т. п. Простое литературное приличіе заставило меня склониться передъ этимъ опредѣленно заявленнымъ желаніемъ и выпустить книгу Грабеньскаго не въ томъ видѣ, какъ книги Кутшебы и Бальцера. Что касается ироническаго замѣчанія относительно моихъ дополненій въ библіографіи, то я долженъ разочаровать г. Кулаковскаго: его «парѳянская» стрѣла летѣла худо, мимо цѣли, ибо... дополненія сдѣланы г. Грабеньскимъ, а не мною...

Г. Кулаковскій дѣлаетъ и другіе намеки на тожественность моихъ воззрѣній съ воззрѣніями г. Грабеньскаго (опредѣленіе отвѣтовъ изучавшихъ книгу Грабеньскаго и экзаменующихся у меня, какъ «клятвы словами учителя», т. е. меня, и проч.). На эти намеки отвѣчу слѣдующее: кто пожелалъ-бы ознакомиться *съ моими воззрѣніями* на славянское—въ томъ числѣ и польское—прошлое и современное, на національные и религіозно-церковные вопросы у славянъ, тотъ можетъ обратиться къ моимъ

вводнымъ статьямъ при книгахъ Кутшебы и Бальцера, къ названному уже выше обзору исторіи Польши въ 47 т. Словаря Брокгауза и Ефрона, къ обзору исторіи Болгаріи въ VII т. «Нов. Энцикл. Словаря» Брокгауза-Ефрона, наконецъ, къ моимъ статьямъ: «Уроки Галицкой политической мудрости для поляковъ Ц. Польскаго» («Слово», № 374, 4 февраля 1906 г.), «Національно-демократическій проектъ автономіи Царства Польскаго» («Страна», № 73, 16 мая, 1906 г.), «Къ заявленію польскихъ депутатовъ Государственной Думѣ 30 апрѣля» (СПБ. Вѣдомости, 1906, № 98, 5 мая).

Въ этихъ работахъ *желающіе* найдутъ достаточно матеріала для разрѣшенія вопроса о справедливости намековъ г. Кулаковскаго...

Н. Ястребовъ.

4 сентября, 1912 г.

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

составляемое А. Л. Бемомъ, В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ

подъ редакціей В. Н. Бенешевича.

1911 г. **Выпускъ II (до 1 декабря)**

(Окончаніе).

Šedivý, E. Lékárník Angelus a jeho botanická zahrada (Časopis českého lékárnictva, 1908, XXVII).

Sedláček, Aug. Svobody Protivy z Kasejovic. (ČČH, XVII, 167—177).

Sedláček, A. Dějiny královského krajského města Písku nad Otavou. Písek.

Semanský, A. Paměti městyse Uhřiněvse a okolí. Praha, 1910. 218.

Šimák, J. V. Listář fary Turnovské z let 1620—1696. (Věstník král. České Spol. Nauk.) 1910, č. VI, 154. Реценз.: **J. Volf** (ČMKČ, LXXXV, 289—291).

Šimák, J. V. O nynějších názorech českého dějepisectví (Česká Škola, VIII, 10—12, 25—28, 40—44).

Šimák, J. V. Příspěvek ke statistice obchodu a řemesel v Boleslavsku v XVIII. stol. (Z archivu turnovského.) (ČSPSČ. XIX, 14—16).

Šimák, J. V. Rukopisy majorátní knihy hrabat z Nostitz a Rhienecka v Praze. (Vyd. Česká Akademie). Praha, 1910. XI+166.

Šimák, J. V. Zprávy o některých farách a školách v Hor. Pojizeří v době protireformační (SAM, XXIII, 563—572).

***Simon, G.** Schwaz und Umgebung. Ein Beitrag zur Geschichte unserer Heimat. Schwaz, Selbstverlag, 1909. 40. Реценз.: (MVGD, 1910, XLVIII, Beil., 39—50).

Siuda, A. Swięty Stanisław w świetle Galla, Kadłubka i Wojciechowskiego. Kraków, 1910. 94.

Skopec, J. Recense Paměti Frant. J. Vaváka, souseda a rychtáře Milčického z let 1770—1816. Praha. Реценз.:—**k**—(ČMM, XXXV, 259—261).

Škultéty, J. Slováci pred Bernolákom a stúrom. (SlP, XXIX, 733—737).

Skup, W. Kuratorya jeneralna a szkoły średnie w królestwie polskiem przed rokiem 1831. (PgN, VII, 479—491).

Skup, W. Warszawskie Liceum Królewskie (1804—1806). (Bibl Warsz, III, 489—528).

***Sladký, V.** Opavsko za válek husitských. (Progr. gymn. v Opavě 1909—10. 24).

Slaski, B. Lustracja starostwa Kościerzyńskiego z r. 1664. (ZTNT, 1910, 239—246).

Slavík, F. A. O popisu Čech po třicetileté válce. Реценз.: **J. Pekař**

(ČČH, 1910,XVI, 441—446); **Chval** (ČMM, XXXV, 117—119).

S(lepánek), **Č.** Polské školství v Rusku. (Komenský, XXXIX, č. 20). Реценз.: — **aček.** (PřRev, VII, 25—26).

Slużewski, W. Zarys historji handlu v Polsce. Warszawa, 1910. 16°. 103. Реценз.: **I. Baranowski** (Książka, XI, 17).

Smičiklas, T. Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatskoj, Dalmatije i Slavonije. Izdala Jugoslavenska Akademija znan. i umjet. Svezak VII. Listine godina 1301—1320. Zagreb, 1910. VIII+668.

Smolarski, M. Józef Kalasanty Szaniawski. (Przyczynek do charakterystyki). (BiblWarsz, 1910, listopad, 232—257).

***Smoleński, Władysław.** Emigracya polska w latach: 1795—97. Materyały historyczne. (Odbitka z «Przeglądu historycznego»). Warsz. 100.

Snopek, F. Studie cyrillomethodějské. Rozšířený otisk z «Hlídky» 1904—1906. Brno, 170. Реценз.: **S.** (Ateneum Kaplańskie, 1910, IV, 94—95).

Sochåň, P. Životopis Karla Ruppeldta. (Živ, I, 49—51).

Sokolnicki, M. Porozbiorowe dzieje Polski w świetle nowych badań. Rozdz. III. 1772—1788. (Krytyka, XIII, 1, maj, 240—248, lipiec—sierpień, 21—28).

Sokołowski, A. Jeneral Ignacy Prądzyński w świetle wlasnych pamiętników, koresponden i nowszych badań. (PgPol, CLXXXI, 73—88, 198—215, 314—335).

***v. Sokołowski, E.** Krakau im XIV. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte des Magdeburger Rechts in Polen, Marbug, Diss. 1909, 81.

Soldier. Odsiecz wiedeńka 1683 roku. (PgH, 1910, X., 351—371).

***Sommerfeldt, G.** Der Konflikt des Freiherrn Jonas Kasimir zu Eulenburg mit preussischen Ständen vom Mai 1656 und Eulenburgs Berichte über die Gesandtschaftsreise zum Zaren Alexei nach Riga. (Mitteil. d. Literar.» Ges. Masovia 1909, XIV, 1—139).

Sommerfeldt, G. Die Lage des deutschen Ordens nach der Schlacht bei Tannenberg. Danzig, 1909. Реценз.: **A. Prochaska** (KwH, 1910, XXIV, 648—650).

Soplica, T. Wojna polskorosyjska 1792 r. Tom I. 1906. 481+6 (нен.). Реценз.: **T. Korzon** (KwH, XXV, 98—105).

Souček. J. Zastavení král. komorních statků Zbirova, Točníka a Královského Dvora knížeti Janovi z Lichtenšteinu r. 1710. (ČMKČ, LXXXV, 277—278).

Souček, S. Vztahy Štítného ke krásnu (Výroční zpráva 2. čes gymn. st. v Brně 1909/1910). Brno, 1910. 74.

Stark, J. Das Deutschtum in der Bukowina (DE, 1909, VIII, 105—106).

Starzyński S. Sejmowa reforma wyborcza 1908—1910. (PgPA, XXXVI, 1—16).

Starzeński, M. Kartki z pamiętnika (1757—1795). (BiblWarsz, III, 209—240, 409—440).

Stecka, M. Edward Dembowski. (PgH, XII, 43—70, 185—209).

Stefański, K. Współczesne stronnictwa polityczne w królevstvie polskiem, IV. (Krytyka, XIII, 1, marzec, 138—145, kwiecień).

Stibitz, Jos. Beitrag zur nordböhmischen Lehrerbewegung 1848 und ihren Folgen. (MVGD, 1910, XLVIII, 221—246).

Strohal, R. Zapisnici vrbničkoga notara (bilježnika) iz godine 1644 i 1645. (VZA, 1910, XII, 147—162).

Strohal, R. Zapisnici notara dobrinjskih od god. 1603—1641. (VZA, 1910, XII, 107—121).

***Stübe, R.** Die Eindeutschung der Venden und Preussen im Lichte der Urkunden (Deutsche Welt, 1909, № 45).

***Studnicki, W.** Sprawa polska. Poznań, Warszawa, 1910. 576. Реценз.: **Z. Bujakowski** (BiblWarsz, II, 385—386).

Šufflaj, M. Pseudobrocardus. Rehabilitacija važnog izvora za povijest Balkana u prvoj polovini XIV. vijeka. (VZA, XIII, 142—150).

Šusta, J. Purkrabské účty panství novohradského z l. 1390—1391. (Histor. Archiv č. 35). Praha, 1909.

Swistun, F. Spory austryackich Rusinów o kwestyę narodowości. (SSł, 1910, II, 250—276).

Sylvius, Aeneas. Historie česká. Vydal **Jiří Vičar.** Praha, «Světové knihovny», sv. 856—858.

***Szarota, M.** Die letzten Tage der Republik Krakau. Breslau, J. Kern. VII+175.

Szelągowski, A. Kwestya ruska w świetle historyi. Warszawa. 141. Реценз.: **Ig. B.** (BiblWarsz, III, 386—388).

Szreniawa, A. Krajobraz narodowy w Anglii i w Polsce. II. (PgNar, 1910, III, t. VI, 686—706).

Szymusik, F. Julian Dunajewski. (PwN, 1910, XXXVIII, 878—892).

Tarnowski, S. Po zamknięciu uniwersytetu. (PgPol, CLXXIX, 283—291).

Teige, J. Základy starého místopisu Pražského. Реценз.:—x. (ČMM, XXXV, 123—125).

Teige, J., Kutfner, H. a Herain, J. Na Bíle Hoře. Se 40 obrazy i 11 mapami. Praha, 1910. 87. Реценз.: **J. Kolář** (ČSPSČ, XIX, 19—21).

Tenora, J. Dobré zdání rad císařských pro Čechy a Moravu po bitvě Bělohorské. (H, 1910, XXVII, 17—22, 96—104, 183—188).

Tesař, P. Výpis archivu Napajedelského. (ČMMZ, XI, 101—122, 265—281).

***Tetzner, F.** Die Schulbildung der Philipponen zur Zeit ihrer Einwanderung in Ostpreussen (Mitteil. d. Gesellsch. f. deutsche Erziehungs-u. Schulgesch., 1910, XX 42—48).

Tischer, Fr. Paměti fary Jindřichohradecké. Jindř. Hradec, 1910, 311.

Tokarz, W. Warszawa przed wybuchem powstania 17 kwietnia 1794 r. Kraków. VII+328.

Traub, H. Zřízení techniky brněnské r. 1849 a její ráz národní. (ČMMZ, X, 25—49, 190—217).

Traversa, E. Das Friaulische Parlament bis zur Unterdrückung des Patriarchates von Aquileia durch Venedig (1420) I. Teil. Wien. XI+143. Реценз.: **Dr. Mal** (Carn, II, 325—327).

Trawiński, K. Zwyczaje Handlowe. Z aktów handlowej i przemysłowej we Lwowie z lat 1900—1909. (PgPA, 1910; 1911, XXXVI, 17—30).

***Treixler, G. und Donath, O.** Gödinger Urkunden. Teil III. (Programm der Landesrealsshule in Göding, 1909. 50).

Tretiak, A. John Harington, epigramatysta dworski z czasów królowej Elżbiety (1561—1612). Kraków, 1910. 85. Реценз.: **R. Dybowski** (PgPol, CLXXIX, 366—370).

Tretiak, J. Bohdan Zaleski do upadku powstania listopadowego 1802—1831. Kraków, VIII+500. Реценз.: **F. Kucharski** (BiblWarsz, II, 164—167).

***Tyszkiewicz, Michał.** Materyały historyczko-genealogiczne do monografii domu Tyszkiewiczów. T. I. Wiek XV—XVII (1413—1599) Warsz. 23 и 2 табл.

Učeň, F. Zrušení roboty a desátku na Moravě. (Program reálky v Bučovicích za 1908/09. 14).

V., J. Die Lex Čelakovský und die čechischen Minoritäten (ČR, IV, 171—181).

Višinka, F. Panství Pernštejnské za doby kolem třicetileté války (ČMM, 1910, XXXIV, 146—158, 281—298).

knez Vojnović, L. Dubrovački arhiv. (Savr, VI, 468—472).

knez Vojnović, L. Benjamen Kallay. (Savr, VI, 225—235, 291—297).

***Vojtíšek, V.** Pivovar «u Šenfloků a jeho historie». V Praze, 1909. 32.

Volf, J. Lament měšťanů z Těšína r. 1629. (ČMKČ, XIII, 465—471).

Volf, J. Soupis nekatolíků uprchlých z Čech z r. 1736. (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 324—334).

Volz, G. B. Friedrich der Grosse. Nachtrag dazu (MF, 1910, XXIII, 224—225).

Vošnjak, J. Dodatki k «Spominom». (Veda, I, 59—64) 1. Jos. Vit. Schneid. (147—155). 2. Minister A. baron Pražák. (243—250). 3. Ed. grof Taaffe. (363—368, 481—485).

Vrtel, St. Korespondencya ks. Alojzego Osińskiego. (PamLit, X, 79—85).

Vyhlídal, J. Pruský sněm a Moravci na Ratiborsku. Opava, 1909. 36. Реценз.: **J. Kapras** (ČMM, 1910. XXXIX, 87—88).

Výžinkár, M. K. Z obecnej zápisnice obce Súlova (1828—1842). (Pokračovanie) (SMSS, XVI, 49—56).

***W., L.** Niektóre wiadomości o Gdańsku i o Sopotach i kwestya kaszubska. Sopoty-Gdańsko, 1910. Реценз.: **S.** (Gryf, 1910, 220—221).

W., W. Kalwarya wejherowska. (Gryf, 1910, II, 136—144).

Wäber, Al. Preussen und Polen... Реценз.: **M. Gehre** (DE, 1909, VIII, 115—116).

Wankl, J. Příspěvek k dějinám Slovanů v Evropě. 1885. (ČVSO, 1910, XXVII, 42).

Warcholik, S. i Brzeziński, M. Śląsk Cieszyński i jego odrodzenie. Z mapą i licznemi rysunkami. Wydaw. im. Słaszyca. Warszawa, 1909. Реценз.: **A. Szycówna** (NoweTory, 1910, V, 1, 60).

Wasilewski, L. Ze stosunków polsko-ruskich w Galicyi wschodniej. (BiblWarsz, III, 448—464).

Weigner, L. Dánské lidové školy vysoké a naše besídky pro mládež odrůstající (ČOsv, VI, 9—12, 44—45, 70—72).

***Weimann, R.** Der Fürstentitel des Erzbischofs von Gnesen (Histor. Monatsblätter f. d. Provinz Posen, 1909, X, 1—8).

Wegnerowicz, W. R. O «sprawie mniejszości» w Czechach. (SSł, II, 17—30).

Weyssenhoff, I. O «zbieraczu» polskim. (PwAnt, I, 1910, 1—3).

***Widmer, G.** Über die Verbreitung und den Untergang des Templerordens in Deutschland (Österreich. Programm d. II. Deutschen Staatsrealschule in Prag-Kleinseite 1909. 17).

Wierzbowski, T. Matricularum regni Poloniae summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur. T. I. (1447—1492), II (1492—1501), III (1501—1506). Warszawa, 1905—1908. Реценз.: **I. Крипякевич** (ЗНІ, 1910, кн. VI, 174—176). Pars IV. Volumen I. Acta cancellariorum (1507—1548). Warszawa, 1910. VII+477. Реценз.: **J. Baranowski** (Książka, XI, 109—110).

***Wierzbowski, T.** Raporty generalnych wizytarów z r. 1784 (Komisya edukacyi narodowej i jej sznały w Koronie (1773—1794). Zeszyt 27. Warsz. 93.

Wierzbowski, T. Raporty generalnych wizytatorów z roku 1783. Warszawa, 1910, 100. Реценз.: **I. Baranowski** (Książka, XI, 156—157).

Wilczek, M. Bilder aus dem Offizierleben des XVIII. Jahrh. Nach dem Tagebuche des Husaren-Leutnants Frhr. von Wilczek; vor allem Erlebnisse im polnischen Feldzuge von 1794. (Unterhaltungsbeil. zur Tägl. Rundschau, 1909, № 69, 70, 73).

Wirth, Z. Soupis památek historických a uměleckých král. hlav. města Prahy. (ČČH, XVI, 1910. 412—418).

***Wlast.** Karotkaja Historyja Biela rusi. Вильна. 1910. 104. Съ рпс.

***Włodek, L.** Polskie kolonie rolnicze w Paranie. Warszawa, 1910. Реценз.: **W. Dunin** (BiblWarsz, 1910, listopad, 366—371).

Wolański, A. Jana Trylnera dwa dokumenty mennicze z 1636 r. (Z archiwum młynowskiego). (WNA, 5—6, 23—24).

Wolkan, R. Der Briefwechsel des Eneas Silvius Piccolomini. *(выше XVI/$_1$, 330)*. Реценз.: **L. Bąkowski** (KwH, 1910, XXIV, 650—654).

Wołyniak. Bazylianie w Owruczu. (PwN, XXXIX, 269—288, 367—374, 445—454).

VII. Frekwencya w szkołach owruckich w XIX. wieku.

Wotschke, F. Der Briefwechsel der Schweizer mit den Polen. *(выше XV/$_3$, 411)* Реценз.: **K. Hartleb** (KwH, 1910, XXIV, 657—663).

Z., K. Spominki Książąt Pomorskich w katedrze Pelplińskiej. (Gryf, 1910, II, 116—120).

Zakrzewski, W. Stanisław Góski i jego prace historyczne. Propozycya i zarys programu konkursu. Kraków, 1909. Реценз.: **J. Siemieński** (KwH, 1910, XXIV, 654—656).

Zasarovich-Hrebelianovich, Prince. The Servian people, their past Glory and their destiny. Lond. and N.-Jork. Реценз.: **А. Б—въ** (ИВ, авг., 729—730).

Zawiliński, R. Z północnych kresów Polszczyzny. (PgP, 1910, CVIII, 46—61, 214—228).

***Zawisza, O.** Dzieje Strumienia. I. Cieszyn, 1909. 194. Реценз.: **F. Popiołek** (MiesPed, 1910, XX, 31—32).

Zawisza, O. O najstarszych mieszkańcach księstwa Cieszyńskiego. (ZarS, 1910, III, 116—121).

— Zbiór listów własnoręcznych różnych Kardynałów do rodziny XX. Radziwiłłów (1545—1729). (KwLit, 1910, I, 3, 3—12).

Zdziarski, S. Młoda Ukrajina na schyłku rewolucyi. (SSł, II, 31—51, 144—156).

Zechenter, G. K. Z vlastného životopisu (SlP, XXXI, 216—234).

Zemmrich, J. Die berufliche und soziale Gliederung der Deutschen und Tschechen in Böhmen (DE, 1909, VIII, 57—58).

Zíbrt, Č. Žehnání I. Cyrilla Jednotou v Lešně 1632. (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 429—434).

Zich, O. Z posledních let činnosti O. Hostinského. (ČMysl, XI, 3—5).

Zieleńczyk, A. Historiozofia Trentowskiego (BiblWarsz. 1910, I, 339—353).

Zimmermann, K. Ks. Patron Wawrzyniak. (PgP, CIX, 15—29, 199—215, 337—349; CX, 73—89).

Г. Исторія церкви.

Алфавитъ (духовный) 21-го вѣка. (МатСект, IV, 1—464).

Произведенія (разработка ученія, исторіогр. свѣдѣнія, посланія, воззванія, поученія, проповѣди, размышленія, пѣсни, письма) «новоизраильтянъ», гл. обр. вождя «Новаго Израиля» В. К. Лубкова.

— Андрей Юродивый. Переписка Воронежскаго епископа Антонія съ княземъ Л. Н. Голицынымъ Сообщ. **А. А. Титовъ.** (РА, № 4, 635—639).

Арсеній, іеромонахъ. Икона Ангела-хранителя конца XVII в. съ дидактическимъ содержаніемъ. (ТрЦ-АрхОЛДПр, I, 84—88).

Ассоновъ, В. И. Нѣкоторыя черты изъ жизни и быта православнаго духовенства Калужской епархіи въ нач. XIX в. (ИзвКалАрхКом, XXI, прил. 1—11).

Бердниковъ, И. С. Отзывъ о соч. Андрея Жукова подъ заглавіемъ: «Отношеніе между свѣтскою и церковною властью въ патріаршій періодъ русской исторіи», представленномъ на соисканіе степени магистра богословія (ПрС, янв., прил. журн. сов., 1—3).

— Богословская энциклопедія... (*выше XV/₂, 314*). Т. XI. Клавда—книги апокрифическія Новаго Завѣта. Спб. 1910. 470+XI.

Бодянскій, А. М. Духоборцы. Сборникъ разсказовъ, писемъ, документовъ и статей по религіознымъ вопросамъ. Вып. 2-й. Письма и документы. Харьковъ. VII+129. Реценз.: **Вл. Бончъ-Бруевичъ** (СМ, іюнь, 342—345).

Бончъ-Бруевичъ, Вл. Новый Израиль. Происхожденіе, ученіе, бытъ и современное состояніе. (МатСект, IV, XXIII—CXXVIII).

Бончъ-Бруевичъ, В. Д. Сектантство въ освободительную эпоху. (ВелРеф, V, 253—268).

Бончъ-Бруевичъ, Вл. Сіонскія пѣсни Новоизраильской общины. (МатСект, IV, 423—428).

Бончъ-Бруевичъ, В. Д. Судъ Израильскій. (МатСект, IV, 205—207).

Боровкова - Майкова, М. Нилъ Сорскій и Паисій Величковскій. (СбПлат, 27—33).

Бочаровъ, Г. Н. Къ родословной преподобнаго отца Серафима Саровскаго чудотворца (ТрКурскАрхКом, I, 86—114).

Бронзовъ, А. А. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. Во-

споминанія. Спб. Реценз.: **С.** (ИВ, апр., 310—312).

Богуславскій, Гр. О Борисоглѣбской церкви г. Смоленска. (СмолСт, в. I, ч. 1, 177—194).

Бузескулъ, В. Амфіанъ Степановичъ Лебедевъ. (Историч. этюды, 388—401). *(выше XVI/1, 304)*.

А. С. Лебедевъ—профессоръ. Исторія церкви Харьковскаго у-та.

Бѣдновъ, В. Преосвященный Ѳеодосій, епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій, и его труды по исторіи Екатеринославщины. (ЛѣтЕкатАрхКом, в. VI, 89—115)

Бѣлогостицкій, В., свящ. Реформа Петра В. по высшему церковному управленію. Спб., 1910. 70.

В. Е. Оптинскій старецъ іеросхимонахъ о. Іосифъ. (+9 м. 1911 г.). (ДЧт., іюнь, 109—113).

***Варакинъ, Д.** Разсмотрѣніе примѣровъ, приводимыхъ въ защиту реформъ бывшаго патріарха Никона. М. 1910 (Изд. союза старообр. начетчиковъ), 169+2.

***Варакинъ, Д. С.** Обзоръ вѣроученія странниковъ бѣгуновъ. М. 53.

Введенскій, С. Н. Изъ церковной старины Воронежскаго края. (ВоронСт, вып. IX, 236—254).

I. Св. Митрофанъ Воронежскій, какъ ходатай за невинно пострадавшихъ. (1685 г.). — II. Карачунскій игуменъ Варсонофій (1621 — 1625 г. г.) — Г. Коротояка Архангельскій попъ Іоакимъ (1684—1685 г. г.).

Введенскій, С. Н. Къ біографіи суздальск. митрополита Иларіона. (ТрВладАрхКом, X, отд. I, 1—5).

Викторовскій, П. Г. Западно-русскія дворянскія фамиліи... *(выше XV/2, 300)*. Дворяне Тышкевичи. (ТКА, февр., 259—273). Съ генеалогической таблицей.

Виноградовъ, Н. А. Св. Арсеній, еписк. Тверской. *(выше XIV/2, 385)*. Реценз.: (ТвСт, февр. 44—45).

Виноградовъ, Н. Матеріалы для исторіи русской церкви, къ юбилею Отечественной войны 1812 г. Состояніе церквей, причтовъ и приходовъ гор. Рузы и Рузскаго у., Моск. губ., послѣ нашествія непріятеля. (ЧтОЛДПр, февр., 130—135; мартъ, 203—205).

Воздвиженская, Е. Соловецкій монастырь и старообрядчество (СтМ, февр., 108—119).

—Возстаніе православныхъ противъ израильтянъ въ станицѣ Камышеватской, Ейскаго отдѣла, Кубанской обл. 1909 г., 24-го октября. (МатСект., IV, 414—416).

***Воловей, Ѳеодосій.** Незаконность, недѣйствительность и безблагодатность старообрядческой—бѣлокриницкой іерархіи, основанной въ Австріи въ Бѣлой Криницѣ въ 1846 г. бѣглымъ греческимъ митрополитомъ Амвросіемъ. Кишиневъ. 360.

— Выпись изъ метрической книги о рожденіи В. С. Лубкова (МатСект, IV, 215—218).

Устанавливается русское происхожденіе вождя «Новаго Израиля» В. С. Лубкова.

— Высокопреосвященный Димитрій Муретовъ, бывшій архіепископъ херсонскій и одесскій (1811—1883 г. г.). (По поводу столѣтія со дня рожденія его). (Кіевск ЕпВѣд. № 4, 80—84).

—*Высокопреосвященный Никаноръ, бывш. епископъ орловскій и сѣверскій (съ 1899 г.—28-е

марта 1902 г.). Краткій очеркъ его архипастырской дѣятельности въ Орловской епархіи. Казань. 1910. 318 и 1 портр.

В-скій, А. Новые труды, посвященные памяти святителя Іоасафа Горленко (ВР, № 5, 679—685).

Георгіевскій, В. Т. Дѣло «о проявившихся вновь Владимірской епархіи во Флорищевой пустынѣ мощахъ и чюдесахъ» (ТрВладАрхКом, X, отд. I, 1—32).

Глубоковскій, Н. Н. Отзывъ о сочин. студ. свящ. **А. Ахматова** на тему: «Обзоръ русской богословско-догматической литературы съ 1876 по 1890 годъ». (ХрЧт, мартъ журн. сѣв., 420—421).

Глубоковскій, Н. Письма архіепископа рязанскаго († 11 ноября 1863 г). Смарагда (Крыжановскаго) къ архимандриту Іероѳею (Добрицкому, † 30 ноября 1882 г.) изъ Орла, Рязани и С.-Петербурга. (1847—1863 г. г.). (ХрЧт, мартъ, 380—397).

Глубоковскій, Н. Н. Письма Смарагда (Крыжановскаго), архіеп. Рязанскаго († 1863, XI, 11), къ Пелагеѣ Васильевнѣ (Шеншиной). (1859—1860). (ХрЧт., янв., 116—133).

Глубоковскій, Н. Н. Родословіе Смарагда (Крыжановскаго), архіепископа Рязанскаго († 11 ноября 1863 г.). (ЧтОИД, № 1, IV, 1—46) и отд. М. 1910. 46.

— Дѣтскіе годы и ученіе въ Бирюченск. духовн. училищѣ Димитрія (Самбикина), архіеп. казанск. и свіяжск. († 17 марта 1908 г.) Автобіографическія замѣтки. Съ предисловіемъ **Д. В. Цитовича.** (ВоронСт, вып. IX, 27—35).

Голощетовъ, С. Протопопъ Аввакумъ... *(выше XVI/₁, 332).* (ДЧт, янв., 64—75; февр., 198—211; мартъ, 343—353; апр., 431—441; май, 82—86).

Голубевъ, И. Современное отношеніе католическихъ писателей къ русской церкви и православію (ДЧт, янв., 53—63).

Отношеніе о. Аврелія Пальміери (Соч. «La Chiesa Russa», *(выше XVI/₁, 319)* и «Il progresso dommatico nel concetto cattolico» (Firenze 1910, XX+303) и Макса герцога Саксонскаго (его статья: «Pensées sur la question de l'union des églises» въ журн. «Roma e l'Oriente» (novembre 1910, № 1, 13—29).

Голубовъ, Н. Характеристика избіенія сектантовъ Новоизраильской общины, въ селѣ Бутурлиново, Воронежск. губ., въ 1903 г., въ 1-й день Пасхи. (МатСект, IV, 385—395).

— Грамота патріарха Филарета Никитича герцогу шлезвигъ-голштинскому Фридриху. 1632 г. августа 12. Сообщилъ **С. В. Арсеньевъ.** (ЧтОИД, № 1, IV, 46—48).

— Грамота (благословенная) святѣйшаго патріарха Адріана, отъ 7200 г. Сообщ. **Н. Н. Серебрянскій.** (ТрПскЦеркАрхКом, т. I, отд. 1, 76—77).

Гречевъ, Б. Святитель Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій и обоянскій (Опытъ историческаго очерка). (БВ, іюль—авг., 614—637; сент., 190—208;

Гроссу, Ник., свящ. Архіепископъ Димитрій Муретовъ, какъ церковный проповѣдникъ. (ТКА, мартъ, 429—443).

Гроссу, Н., свящ. Отзывъ о сочиненіи студента Михаила Хоро-

шилова: «Русское церковное проповѣдничество второй половины 19 вѣка въ его борьбѣ съ матеріализмомъ и соціализмомъ. (ТКА, янв., прил. 600—603).

***Гумилевскій, Н.** Православная церковь и Л. Н. Толстой (Руков. для сельск. паст. Кіевъ. 1910 № 47. 257—263).

Гурій, іером. Главнѣйшіе моменты въ исторіи молдавскаго книгопечатанія въ Бессарабіи. (ТрБессар. Церк. Ист.-Арх. Общ., вып. I, 1—22).

Начало книгопечатанія въ Бессарабіи и учрежденіе «Бессарабской Экзаршеской типографіи». Обстоятельства закрытія Экзаршеской типографіи. Тридцатилѣтній перерывъ въ исторіи молдавскаго книгопечатанія въ Бессарабіи. Возрожденіе молдавскаго книгопечатанія. Изданіе перваго русско-молдавскаго листка и его значеніе. Возстановленіе типографіи для печатанія богослужебныхъ молдавскихъ книгъ.

Гурій, іером. Православная миссія среди ламаитовъ и мѣры къ ея наилучшей постановкѣ по трудамъ Казанскаго и Иркутскаго миссіонерскихъ съѣздовъ. (ПрС, янв., 95—133).

Гурьяновъ, В. П. Запрестольный крестъ Успенскаго собора, сооруженный повелѣніемъ царя Іоанна Васильевича Грознаго (ТрЦ-АрхО ЛДПр, I, 74—83).

***Давидовичъ, Б.** Святый Алексій, митрополитъ всея Руси. Очеркъ его жизни и дѣятельности церковной и государственной. Спб. 1910. 57.

Дилетантъ. Къ исторіи происхожденія образа Пресвятыя Богородицы «Прибавленіе ума». (ДЧт, іюнь, 137—140).

Дмитріевскій, А., свящ. Идея и бытъ въ старообрядчествѣ. (СтМ, апр., 302—306).

Добронравовъ, В. Г. Переяславскій Троицкій Даниловъ монастырь. (Къ 400-лѣтію со дня его основанія). (ТрВладАрхКом, X, хрон., 1—11).

— Донесеніе комиссіи изъ профессоровъ: **П. Кудрявцева, В. Экземплярскаго** и **Ѳ. Мищенко** о присужденіи преміи за труды наставниковъ и воспитанниковъ академіи, помѣщенныхъ въ академическихъ изданіяхъ за 1909 г. (ТрКА, мартъ, протоколы, 95—96).

Въ мартовской книгѣ отзывъ о соч. **Н. И. Петрова** и начало отзыва о работѣ проф. **Ѳ. И. Титова.**

Дружининъ, В. Г. Словесныя науки въ Выговской поморской пустыни. (ЖМНПр, іюнь, отд. II, 225—248).

Духовской, Вл. Прошлое и настоящее Успенской Колмовской церкви Новгородск. епархіи по поводу 600-лѣтія со времени устройства и ея освященія. Кіевъ, 1910. 16.

— Дѣло о монастыряхъ Смоленской епархіи 1781 — 1783 г.г. (СмолСт, в. I, ч. 2, 81—103).

Хранится въ архивѣ Смоленск. Духовной Консисторіи за № 10-17. Изданіе сокращенное.

***Евгеній, еп.** О церковномъ прославленіи и почитаніи св. праведной Іуліаніи Лазаревской. (Историч. очеркъ). Муромъ. 1910. 34+II. Въ приложеніи: Житіе св. праведной Іуліаніи Лазаревской. (въ 2-хъ редакціяхъ) и служба ей. Спб. 1910. 48.

— Жизнеописаніе полное со всѣми случаями, страданіями и странствіями въ долголѣтней жизни нашей, Григорія и Наталіи

Савченко. Записалъ **Вл. Бончъ-Бруевичъ** (МатСент, IV, 347—384).

Г. и Н. Савченко принадлежатъ къ общинѣ Новаго Израиля.

—*Жизнь Архимандрита Никодима Казанцова. Изд. ред. «Бог. Вѣстника». Сергіевъ посадъ, 1910.

Жуковичъ, П. Н. Кіевскій соборъ 1629 года (по новымъ матеріаламъ). (ХрЧт, янв., 74—92; мартъ, 353—369).

Жуковичъ, П. Н. Отзывъ о сочиненіи **прот. Г. Шавельскаго:** «Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи (1833—1839 г.г.)». (ХрЧт, янв., прил. жур. совѣта за 1909—10 г. г. 377—391).

Жуковичъ, П. Сеймовая борьба... *(выше XIV/₄, 350).* Пятый выпускъ. (1625—1629 г. г.). Спб. 1910. VII+199. Реценз.: **И. А.** (ИВ, февр., 726—727).

Завитневичъ, В. Отзывъ о сочиненіи студ. Владимира Черняховскаго: «Религіозный бытъ Слободской Украйны». (ТКА, янв., прил., 616—620).

— Духовное завѣщаніе порховскаго помѣщика Ладыженскаго. Сообщ. **К. И. Ильинскій** (ТрПскЦеркАрхКом, I, отд. 1, 64—70).

— Замѣтки (путевыя) ректора Екатеринославской духовной семинаріи Іакова Вечеркова Сообщ. **В. Б-въ.** (ЛѣтЕкатАрхКом, в. VI, 38—88).

Зенинъ, Н. Д. Дневникъ В. Т. Зеленкова. (СтМ, мартъ, 196—202).

Къ біографіи старообрядческихъ начетчиковъ. Приложенъ портретъ.

Зѣнковичъ, А. Ф. (сообщ.). Православный архіепископъ изъ виленцевъ. (ЗС.-З. Отд. ИГО, I, 217—219). Архіеп. Григорій Германъ Загорскій. (архіеп. Полоцкій 1595—1600).

***Извѣковъ, Н. Д., прот.** Московскій Придворный Благовѣщенскій соборъ. М. 120+1 л. рис.

— Изъ архивныхъ матеріаловъ. Сообщ. **В. Б.** (ЛѣтЕкатАрхКом, в. VI, 198—215).

Изъ переписки Одесск. прот. Θеодора Огинскаго съ архіеп. екатериносл. Платономъ (Любарскимъ) (198—206).—Изъ переписки Дюка де-Ришелье съ архіеп. Іовомъ (Потемкинымъ) (206—209).—Письмо кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго къ архіеп. Амвросію (Сребреникову) (210—211). — «Опредѣленія» архіеп. Платона (Любарскаго) касательно порядка замѣщенія приходскихъ должностей (212—213).—Письмо митр. Гавріила (Банулеско-Бодони) къ арх. Платону (Любарскому) (214—215).

— Изъ церковной лѣтописи. Матеріалы, сообщенные **Я. П. Новицкимъ.** (ЛѣтЕкатАрхКом, в. VI, 116—128).

I. Ордеръ правителю намѣстничества Екатеринославскаго господину ген.-маіору и кавалеру Тутолмину. —II. Документъ, относящійся къ путешествію Екатерины II въ Новороссію. —III. Къ исторіи Покровскаго собора въ Александровскѣ.—IV. Резолюція Аѳанасія, еписк. новороссійскаго и днѣпровскаго, о замѣченныхъ непорядкахъ въ епархіи. —V. О перемѣщеніи Новороссійск. архіерейск. дома съ консисторіею и семинаріею изъ Новомиргорода въ губ. г. Екатеринославъ и о переименованіи преосвященнаго Аѳанасія архіепископа вмѣсто новороссійскаго и днѣпровскаго —екатеринославскимъ, херсонскимъ и таврическимъ. —VI. Образчикъ духовнаго суда 80 лѣтъ тому назадъ. —VII. Свѣдѣнія о землетрясеніи въ Маріупольскомъ у., сообщенныя священниками чрезъ Маріупольск. Духовное Правленіе Аѳанасію, архіепископу новороссійскому и днѣпровскому.

Иннокентій, еписк. Выборное начало (СтМ, янв., 13—20).

Иннокентій, еписк., и Усачевъ, И. Е. Докладная записка членамъ согласительной комиссіи по старообрядческому законопроекту. (СтМ, янв., 52—57).

И-нъ, К. Наши миссіонеры въ борьбѣ съ сектантствомъ. (ВР, № 8, 259—269).

По поводу книгъ: **М. А. Кальневъ:** 1) Русскіе сектанты, ихъ ученіе, культъ и способы пропаганды. Одесса. 2) Сборникъ 12-ти главнѣйшихъ противосектантскихъ бесѣдъ. Одесса.

— Истор. матер. о церквахъ и селахъ XVI—XVIII вв... *(выше XVI/$_1$, 307).* Вып. II. Верейская, Дмитровская и Троицкихъ вотчинъ десятины. II. Дмитровская десятина. (ЧтОИД, III, отд. I, 123—336).

Іосифъ, еписк. Святитель Димитрій — обличитель клеветы и защитникъ невинныхъ. (ДЧт, апр., 408—412).

Іустиновъ, П. Къ исторіи Ѳедосѣевскаго толка. *(выше XVI/$_1$, 333).* (БВ, май, 194—208).

—*Русскіе сектанты, ихъ ученіе, культъ и способы пропаганды. Братскій трудъ членовъ IV Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда (съ портретами сектантовъ и картинами сектантскихъ радѣній). Редактировалъ **М. А. Кальневъ.** Одесса. IV+336. Рецснз: **Савва Потѣхинъ** (КіевскЕпВѣд, № 3, 71—72).

— Канонъ Спасителю и Господу нашему Іисусу Христу, составленный графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ. Сообщ. **В. С. Арсеньевъ.** (ЧтОЛДПр, мартъ. 194—202).

К‹едровъ›, Н. Пастыри древнерусской церкви и ихъ ученіе въ политической жизни отечества въ удѣльный періодъ исторіи. (ЧтОЛОПр, 1910, дек., 736—785; 1911, февр., 112—124; мартъ, 189—193).

Кемура, Ш. С. Стара хришћанска црква у Сарајеву. (ГлЗМ, XXIII, 297—302).

Кіяшко, Ив. Ив. Екатерино-Лебяжская св. Николая пустынь. Краткая историческая справка. (КубанскСб, XV, 208—230).

Кіяшко, Ив. Ив. Черноморская женская монашеская общежительская пустынь во имя Св. Маріи Магдалины. (Краткая историческая справка). (КубанскСб, XV, 231—236).

Клейнъ, В. К. Омофоръ изъ Патріаршей ризницы, извѣстный подъ названіемъ: «Омофоръ Шестого Вселенскаго Собора» (ТрЦ-Арх ОбщЛДПр, I, 67—73).

— Книги переписныя Успенія Пречистыя монастыря, что въ Старицѣ на посадѣ у Волги на берегу. Лѣта 7115 год, мѣсяца августа въ 6 день. (ТвСт, янв., ; февр., 33—36; мартѣ, 22—26; апр., 20—25; май, 34—40).

— Книги приходо-расходныя Воронежскаго Архіерейскаго дома 1705 г., съ предисловіемъ **Т. М. Олейникова** (ВоронСт, вып. IX, 61—96).

***Князьковъ, С.** Какъ начался расколъ русской церкви. Историч очеркъ. Изд. 3-е, испр. и доп. Спб, 109.

Колоколовъ, М. Къ столѣтію Воскресенскаго собора въ г. Карчевѣ (1810—1910) Истор. справка. (Тверск. Епарх. Вѣд., 1910, №№ 39 и 40).

Корсаковъ, Д. А. П. В. Знаменскій. (По поводу 50-лѣтія его научной дѣятельности). (ЖМНПр, янв., отд. IV, 30—38).

***Кременецкій, Ал-сандръ, свящ.** Альбомъ. Благовѣщенскій соборъ Воронежскаго первоклассного Митрофанова монастыря и іерарха Воронежской каѳедры. Воронежъ. 1910. 55. Съ портр.

Крыловъ, Ив. Къ исторіи церкви Іоанна Предтечи въ г. Старицѣ. (ТвСт, май, 25—27).

—*Историческій очеркъ Старицкаго Успенскаго монастыря, издан. **И. П. Крыловымъ** въ память 800-лѣтія существованія монастыря. 1110—1910 г. Старица, 1910. 16°. 20.

Ламоновъ, А. Д. Старообрядческая община станицы Кавказской, Кубанской области, пріемлющая священство Бѣлокриницкой іерархіи 1794—1909 г. г. (КубанскСб, XV, 385—478).

Ларскій, І. Вопросы текущей жизни. Матеріалы для русскаго Декамерона. (СМ, янв., 330—345).

Изъ современной жизни монастырей.

Лебедевъ, Д., свящ. Средники. Къ вопросу о происхожденіи этой старообрядческой секты. (ЖМН Пр, май, отд. II, 106—156).

***Лейсманъ, Н. А., прот.** Судьба православія въ Лифляндіи съ 40-хъ до 80-хъ г. г. XIX ст. Рига. 1910. 12.

Лепорскій, П. И., Отзывъ о сочиненіи студента свящ. **А. Ахматова** «Обзоръ русской богословско-догматической литературы съ 1876 по 1890 годъ». (ХрЧт. мартъ, журн. сов., 417—420).

Литвиновъ, В. В. Питомцы Воронежской духовной семинаріи, вышедшіе изъ духовнаго званія. (ВоронСт, вып. IX, 255—294).

***Лихачевъ, А.** О старообрядцахъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Петрозаводскъ. 16°. 26.

Лебедевъ, А. Къ исторіи старообрядчества на Иргизѣ. (Отд. отт. изъ журн. «СтМ»). М. 23.

Лебедевъ, М. Е. Къ исторіи Псковской духовной семинаріи. (ТрПскЦерАрхКом, п. I, отд. 1, 52—63).

Состояніе семинаріи при архіеп. псковскомъ Евгеніи II (Казанцевѣ).

***Лубковъ, В. С.** Второе пришествіе Христа на землю. Ростовъ-на-Дону. Реценз.: **Вл. Бончъ-Бруевичъ** (СМ, авг., 357—358).

Лубковъ, В. С. Книга жизни и положеніе христіанской истины. («На зарѣ новой Эры»). (МатСект., IV, 52—105).

Ученіе «Новаго Израиля».

Лубковъ, В. С. Краткій катехизисъ основныхъ началъ вѣры Новоизраильской общины. (МатСект, IV, 106—123).

Лубковъ, В. С. Основное руководство жизни Новоизраильской общины. (МатСект, IV, 24—51).

Лубковъ, В. С. Символъ вѣры Новоизраильской общины. (Мат Сект, IV, 124—125).

Лупповъ, П. Н. Христіанство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX в. Изслѣдованіе. Вятка. 1911. XXI+XVI+568+XXXIV. (=Тр ВятскАрхКом, 1911, в. I—II).

Книга снабжена указателемъ собств. именъ.

—*Лѣтопись Вознесенской церкви слободы Казацкой, Старооскольскаго уѣзда, Курской губ. Спб. 1910. 38.

М., Л. С. Ректоръ Кишиневской духовной семинаріи, архимандритъ Тихонъ Солнцевъ и его записки о Бессарабскихъ монастыряхъ. (1849—1859). (ТрБессар ЦеркИстАрхОбщ, вып. II, 422—443.

Отт. изъ №№ 43—44 «КишЕпВѣд» за 1909 г.

М., П. Основное руководство жизни Ново-израильской общины. Ростовъ на/Д. 32. Реценз.: **Вл. Бончъ-Бруевичъ** (СМ, авг., 359—360).

***Макарій, архим.** Описаніе чудотворной иконы Святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца, находящейся въ Новогородскомъ Дворчицкомъ соборѣ. Извлечено изъ Изв. Имп. Арх. Об-ва. Вып. 6. Сбп. 1859 г. Новгородъ. 14.

Макаровъ, В. Е. Очеркъ исторіи Рогожскаго кладбища въ Москвѣ. (Къ 140-лѣтію его существованія: 1771—1911 г. г.). (СтМ, янв., 30—39, февр., 100—108: мартъ, 189—195; апр., 278—284).

Максъ, принцъ Саксонскій. Мысли по вопросу объ уніи церквей. Переводъ и послѣсловіе свящ. **Н. Сахарова** (БВ, февр., 320—345).

«Pensées sur la question de l'union des Églises» помѣщены въ ноябрск. книжкѣ журнала «Roma e l' Oriente» (1910 г.). По поводу этой статьи: Саксонскій принцъ Максъ объ уніи церквей (ХолмЦеркЖизнь, № 1, 13—15). Саксонскій принцъ Максъ и червоно-русскіе уніаты. (ib. № 2, 46—49). Открытое письмо принцу Максу Саксонскому (ib. № 3, 91—92). **Р. Троцкій:** Папа о статьѣ принца Максимиліана, герцога Саксонскаго (ЦеркВѣд, № 2, 88—90).

Малининъ, В., Отзывы о сочиненіи студента **Михаила Хорошилова** «Русское церковное проповѣдничество второй половины 19 вѣка въ его борьбѣ съ матеріализмомъ и соціализмомъ». (ТКА, янв., прил., 603—605).

Мальцевъ, Л. П. Берлинскій Братскій Временникъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границей. (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Въ двухъ частяхъ, съ 76 рис. Берлинъ, Реценз.: Σ (ИВ, мартъ, 1098—1101).

Мансуровъ, П. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. Часть первая. Центральное управленіе. М. 1909. Реценз.: **Іеромонахъ І.** (НВ, февр., 723—724).

—*Матеріалы для біографіи епископа Порфирія Успенскаго. Т. II. Переписка. Подъ ред. **П. В. Безобразова.** Спб. 1910. 1037.

—Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики церквей Калужской епархіи. Малоярославская десятина. Малоярославской десятины жилыя данныя церкви. 7136 (1628)—1746 г. г. (КалужскСт, V, 1—71).

—*Матеріалы для исторіи церквей Владимірской губерніи. Отдѣлъ третій для Владимірской, Гусской, Медужской и Ярославской десятинъ. Вып. VI. М. 146+1 нен.

—Матеріалы для исторіи церквей Калужской епархіи, собранные свящ. **Г. И. Холмогоровымъ.** Вып. IV. Боровская десятина. Отд. III. Указатель къ III-му отдѣлу Боровской десятины. (КалужскСт, V, I—VIII). Боровская десятина (продолженіе). (ib. 172—206). Боровского уѣзда вотчинныя, помѣстныя, патріаршія, митрополичьи, монастырскія и соборнаго

духовенства села, сельцы, деревни, пустоши съ ихъ церквами и пустовыми церковными мѣстами и землями XVI—XVIII в. в. (окончаніе III отдѣла Боровской десятины). (ib. 107—258).

Начало матеріаловъ напечатано въ IV томѣ КалужскСт. (1904 г.): Вып. I. Тарусская десятина. Съ предисловіемъ **Н. Ѳ. Цвѣткова** (КалужскСт, IV, I—VII и 1—37). Вып. 2 и 3. Боровская десятина. Отд. I и II. (ib. I—II; 3—169).

—Матеріалы къ исторіи и изученію русск. сектантства... *(выше XV/$_3$, 416)*. Вып. IV. Новый Израиль. Съ предисл. и примѣчаніями **Вл. Бончъ-Бруевича.** Спб. CXXXII+485. Реценз.: **В. Троцкій** (ИВ, апр., 312—314); **І. Л.** (СМ, іюль, 358—359).

Съ многими иллюстраціями. Есть подробный алфавитный указатель.

Машуковъ, В. Воспоминанія старожиловъ объ иконѣ «Плачущаго Спасителя», находящейся въ г. Екатеринославѣ въ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ. (ЛѣтЕкатАрхКом, 132—143).

Машуковъ, В. Краткое сказаніе объ иконѣ «Плачущаго Спасителя» (ЛѣтЕкатАрхКом, в. VI, 144—147).

Машуковъ, В. Нѣсколько документовъ, относящихся къ епархіямъ Полтавской и Херсонской. (ЛѣтЕкатАрхКом, VI, 161—193).

Содержаніе: I. О церквахъ города Полтавы. II. О Крестовоздвиженскомъ полтавскомъ монастырѣ. III. О Вознесенскомъ Пушкаровскомъ женскомъ монастырѣ (нынѣ церковь с. Пушкаровки вблизи города Полтавы. —IV. О Сокольскомъ Преображенскомъ мужскомъ монастырѣ (нынѣ мѣст. «Соколка» кобелекскаго у., Полт. губ.). —V. О церквахъ г. Елисаветграда. —VI. О Новомиргородѣ (Херсонск. губ.).

Машуковъ, В. О землетрясеніи въ г. Екатеринославѣ въ 1838 г. (ЛѣтЕкатАрхКом, в. VI, 129—131).

Къ исторіи каѳедральнаго Преображенскаго собора.

—Письма Задонскаго затворника Г. А. Машурина къ Т. Гр. и С. И. Викулинымъ (ВоронСт, вып. IX, 1—10).

Съ вступленіемъ **П. Никольскаго**».

Мельгуновъ, С. Религіозно-общественныя движенія русскаго народа въ XVIII в. *(Ср. XVI/$_1$, 334)*. (Кн. для чтен. по ист. нов. вр., II, 690—748).

Мельниковъ, А. Самобытность старообрядчества. (РМ, май, отд. II, 72—81).

***Миловидовъ, А. И.** Распоряженія и переписка гр. М. Н. Муравьева относительно римско-католическаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вильна, 1910. 38.

Молоствова, Е. В. «Іудействующіе въ русскомъ сектантствѣ: I. Ересь «жидовствующихъ». II. «Субботники». III. «Іеговисты». (Пережитое, т. III, 231—263).

Муравьевъ, М. В. Челобитная прихожанъ Череменецкаго монастыря патріарху Іоакиму. (Докладъ). (СбНовгОбщЛюбДр, II, 17—23).

Случай насильственныхъ дѣйствій надъ монастыремъ другого монастыря.

—Матеріалы для ист. русск. церкви: Письма архіеп. **Неофита.** *(выше XVI/$_1$, 335)*. (ЧтОЛДПр, 1910, ноябрь, 704—718; 1911 г., янв., 54—64; февр., 136—149; мартъ, 206—221; апр., 311—315; май, 396—397).

Мельниковъ, Ѳ. Е. Талантливый изслѣдователь раскола (Членъ Госуд. Совѣта, прот. Т. Буткевичъ). М. 1910.

Митроцкій, М. свящ. Мужъ долга и правды. (Къ предстоящему прославленію святителя Іосифа Горленко). (КіевскЕпархВѣд, № 5, 100—104).

—*Молитвенникъ духовныхъ христіанъ Молоканъ. Тифлисъ. 1910. 16°. 213.

—Письмо московскаго митрополита Филарета къ Андрею Николаевичу Муравьеву. Сообщ. **А. В. Муравьевъ.** (СтарНов, XIV, 514).

—Три письма † архіепископа Димитрія Муретова къ † митрополиту Платону Городецкому (КіевскЕп Вѣд, № 4, 84—88).

Письма относятся къ 1882 г.

Мухинъ, Н. Отзывъ о сочиненіи студента Владимира Черняховскаго «Религіозный бытъ Слободской Украйны». (ТКА, янв., прил. 614—616).

Никольскій, А. И. Къ исторіи упраздненныхъ и оставленныхъ на своемъ содержаніи монастырей Новгородской епархіи (СбНовгОб ЛюбДр, III, 12).

I. Возстановленіе упраздненнаго Новгородск. Савво-Вишерскаго монастыря. II—Вѣдомость учиненная въ Новгородской духовной консисторіи изъ присланныхъ вѣдомостей изъ монастырей оставленныхъ на свое содержаніе колико во оные монастыри въ прошломъ 1768-омъ году въ зборѣ имѣлось денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ.

Никольскій, Н. К. Отзывъ о сочиненія А. Н. Котовича подъ заглавіемъ: «Духовная цензура въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка (1799—1855 г.г.)». (ХрЧт. янв., прил., журн. сов. за 1909/10 г. г., 355—359). Прибавленіе проф. **П. Н. Жуковича** къ этому отзыву. (ib. 359—360).

Никольскій, Н. К. Отзывъ о сочиненіи **прот. Г. Шавельскаго:** «Послѣднее возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Бѣлорусской епархіи (1833—1839 г. г.)». (ХрЧт, янв., журн. сов. за 1909—10 г. г., 391—397).

***Никольскій, Н., свящ.** Матеріалы по описанію Троице-Пятницкаго женскаго монастыря, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи. Весьегонскъ. 64.

Никольскій, П. В. Монашество на Дону въ XIX вѣкѣ. Очеркъ I: Пещерокопательство въ XIX в. Очеркъ II: Задонскіе старцы XIX в. (ВоронСт, вып. IX, 149—235).

—Нѣсколько новыхъ извѣстій о наслѣдникахъ Кишиневскаго митрополита Гавріила Бануленко. Сообщ. **Л. С. М.** (ТрБессарЦерк ИстАрхОбщ., вып. I, 23—41).

Напеч. также въ «Киш. Еп. Вѣд.» за 1907 г. №№ 14, 16—17.

— Письма **А. Н. Муравьева** (1861—1870 г. г.). Сообщилъ **Н. Н. Оглоблинъ** (ЧтОИД, III, отд. III, 1—12).

Олейниковъ, Т. М. Описаніе рукописнаго сборника разныхъ бумагъ временъ св. Митрофана. (ВоронСт, вып. IX, 38—60).

Павловская, Н. Т. Воспоминанія о высокопреосв. Іосифѣ, бывшемъ архіепископѣ воронежскомъ и задонскомъ († 19 февр. 1892 г.). Матеріалы для его біографіи). (ВоронСт, вып. IX, 11—26).

Павловскій, И. Ф. Кременчугскіе старообрядцы и обращеніе ихъ въ единовѣріе. Полтава, 1910. 45. Реценз.: **П. Россіевъ** (РА, III, вн. обл.).

П‹архомови›чъ, А. Инспекторъ Кишиневской духовной семинаріи,

протоіерей Г. И. Галинъ. (ТрБессар ЦеркИстАрхОбщ, вып. I, 62—69).

Къ матеріаламъ для исторіи Кишиневской дух. семинаріи. Напечатано также въ «Киш. Епарх. Вѣд.» за 1907 г. № 45).

Пархомовичъ, А. Преосвященный Августинъ, епископъ аккерманскій, викарій Кишиневской епархіи, съ сообщеніемъ свѣдѣній вообще о его жизнедѣятельности. (Тр БессарЦеркАрхОбщ, вып. II, 263—312).

Пархомовичъ, А. Преосвященный Димитрій, епископъ-викарій бендерскій и аккерманскій, съ краткимъ очеркомъ предшествовавшей его жизни и дѣятельности. (Тр БессарЦеркИстАрхОбщ., вып. II, 230—244).

Пархомовичъ, А. Преосвященный Петръ, епископъ аккерманскій, викарій Кишиневской епархіи, съ сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній вообще о его жизнедѣятельности. (ТрБессарЦеркИстАрхОбщ., вып. II, 244—263).

Пархомовичъ, А. Ректоръ Кишиневской духовной семинаріи, архимандритъ Варлаамъ. (Тр БессарЦеркИстАрхОбщ, вып. I, 50—61).

Напечатано также въ «Киш. Еп. Вѣд.» за 1907 г. № 44.

Пархомовичъ, I. Краткій историческій очеркъ противо-раскольнической миссіи въ Кишиневской епархіи съ 1813 до 1910 г. Кишиневъ, 1909 г. 128. (=ТрБессар ЦеркИстАрхОбщ, вып. III, 1—128).

Пархомовичъ, I. Преосвященный епископъ Аркадій. (ТрБессарЦерк ИстАрхОбщ, вып. II, 319—407).

Преосв. Аркадій, бывшій еписк. аккерманскій († 11 сент. 1908 г.). Содержаніе: I. Послѣдніе дни жизни его.—II. Смерть и погребеніе его.—III. Краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его и отношеніе къ нему духовенства и свѣтскаго общества. Въ приложеніи дано: А) Слово въ недѣлю православія преосвящ. Аркадія. (401—406). Б) Поученіе предъ плащаницей въ Великую пятницу его-же (406—407).

Пархомовичъ, I. Преосвященный Никодимъ, епископъ аккерманскій, викарій Кишиневской епархіи. (Тр БессарЦеркИстАрхОбщ., вып. II, 410—421).

Платоновъ, А. И. Къ вопросу о предстоящей церковной реформѣ. Молоканство, баптизмъ и наша великая церковная нужда. Спб. 32. Реценз.: **Вл. Бончъ-Бруевичъ.** (СМ, іюнь, 340—341).

***Плотниковъ, К.** Исторія русскаго раскола старообрядчества. Изд. 6-е. Спб. II+218.

***Макаровъ, Б. Е.** Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней. М.

— Письмо архіепископа волынскаго къ Константинопольскому патріарху о болгарахъ. (ВолЕп Вѣд. № 6, 125—126). Отвѣтъ вселенскаго патріарха преосвященному Антонію, архіепископу волынскому, на его письмо о примиреніи съ болгарами (ib., 125—126).

Покровскій, И. М. Отзывъ о соч. Андрея Жукова «Отношеніе между свѣтскою и церковною властію въ патріаршій періодъ русской исторіи». (ПрС, янв., прил., журн. сов. 4—22).

— Отзывъ о соч. прот. Іоанна Саввинскаго: «Астраханская епархія (1602—1902 г. г.)», вып. первый—общее историческое обозрѣ-

ніе епархіи. Изд. 2-е испр. и доп. Астрахань. 1905. 403. (ПрС, янв., прил. журн. сов. 23—42.

— Поморскіе ѿвѣты. Напечатаны съ подлинника. Москва, тип. П. П. Рябушинскаго, 1911. 1 л. безъ нумер.+XVI+1 л. безъ нумер.+ Хг. Изд. Моск. Старообр. Братства Честн. и Животв. Креста.

—Поморскіе отвѣты «съ подлиннаго оригинала за подписями выговскихъ пустынножителей». Изд. Христіанск. типографіи при Преображ. богад. домѣ въ Москвѣ 1911.

Пономаревъ, А. И. Отзывъ о сочиненіи А. Котовича «Духовная цензура въ Россіи (1799—1855). Спб., 1909 г. (ХрЧт, янв., жур. совѣта за 1909—10 г., 360—370).

Поповъ, І. В. Отзывъ о соч. прот. Іоанна Саввинскаго: «Астраханская епархія (1602—1902 г. г.). Вып. 1—2. Астрахань. 1905. (ПрС, янв., прил. журн. сов., 43—47).

Поповъ, М. Жалованье духовенству въ древней Руси. (РА, II, 188).

Приведена челобитная XVII в., хранящаяся въ Уфимскомъ архивѣ, о выдачѣ жалованья изъ казны.

Поповъ, Н. П. Соборы патріарха Іоакима на митрополита Смоленскаго Симеона. (СмолСт, вып. I, ч. 1, 313—343).

***Постниковъ, І., свящ.** Исторія одного закрытаго монастыря (Добрынская пустынь и Добрынская икона Святителя Николая въ Бѣжицкомъ городскомъ соборѣ). Тверь. 44.

***Постниковъ, І., свящ.** Преподобный Нектарій Бѣжицкій. Тверь, 1910. 28.

—Преосвященные викаріи Кишиневской епархіи. (ТрБессар ЦеркИстАрхОбщ, вып. II, 227—230).

Приселковъ, М. Митрополитъ Иларіонъ, въ схимѣ Никонъ, какъ борецъ за независимую русскую церковь. (СбПлат, 188—201).

***Пр-ій, И. В.** Началовождь и первоучитель раскола-старообрядчества, протопопъ Аввакумъ. Спб. 22.

—Программа и резолюція съѣзда представителей Новоизраильской общины евангельскаго вѣроученія, 3-го февр. 1906 г. (МатСект, IV, 161—168). Воззваніе Новоизраильской общины къ старѣйшинамъ Израиля (ib, 169—170). Посланіе по Новому Израилю 1906 г. (ib, 171—172).

Прозрителевъ, Г. Н. Къ исторіи раскола и сектантства на Кавказѣ. Скопцы. (ТрСтаврАрхКом, вып. II, отд. II, 1, 1—19).

—Протоколъ Духовной Консисторіи 1750 г. 6 марта, по опредѣленію преосв. Антонія, о дачѣ за сказываніе проповѣдей проповѣдникамъ по 50 к. въ награжденіе. Сообщ. **В. И. Шабалинъ.** (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 102).

Пругавинъ, А. С. Сютаевцы. *(выше XVI/1, 337).* Реценз.: (ВЕ, апр., 332—333).

—Пѣсни Сіонскія Новоизраильской общины евангельскаго вѣроученія. (МатСект, IV, 429—464).

Р. Современная теософія въ Россіи *(выше XVI/1, 336).* (ВР, 1910, № 24, 729—746).

Радченко, К. Ѳ. Этюды по богомильству. Народныя космогоническія легенды славянъ въ ихъ

отношеніи къ богомильству. Введеніе. I—II. (Изв, XV/4, 73—131).

I. Содержаніе и анализъ нѣкоторыхъ, преимущественно малорусскихъ, космогоническихъ легендъ изъ числа изданныхъ за послѣднее время, по отношенію къ космогоническимъ представленіямъ богомиловъ и катаровъ (с. 74). II. Отношеніе миѳологіи разсматриваемыхъ въ первой главѣ народныхъ космогоническихъ легендъ къ миѳологіи богомиловъ (с. 109).

Рейнке, Н. Маріавиты. Юридическое положеніе маріавитской церкви. Спб. 1910.

— Автобіографическія записки архіеписк. Савва, (БВ, янв., 529—544; февр. 545—560, мартъ, прил., 561—576; апр., 577—590).

Савва, В. И. Матеріалы изъ архива Нѣжинскихъ братства и магистрата. Вып. I. (=СбНИ, VI, I—III и 1—53).

—Стихотвореніе епископа Іустина. Сообщ. **А. Селивановъ** (ТрРяз АрхКом, XXXIV/1, 59).

***Сенатовъ, В.** Безпоповцы—противообщинники. (Церковь, 1910, № 51, 1255—1258).

Серебрянскій, Н. Очерки по исторіи монастырской жизни... *(вышеXIV/1, 363 и XIV/2, 387).* Реценз.: **И. А-въ.** (ТрПскЦеркАрх Ком, I, отд. 2, 12—18).

Синявскій, А. Преосвященный Ѳеодосій, епископъ екатеринославскій. (ЛѣтЕкатАрхКом, 216—225).

Скабаллановичъ, М. Н. О лекціяхъ по богословію архим. Димитрія Муретова въ ихъ студенческихъ записяхъ. (ТКА, мартъ, 444—449).

— Сказаніе (старообрядческое) о патріархѣ Никонѣ, написанное настоятелемъ Выгорѣцкаго общежительства Андреемъ Діонисіевичемъ. Съ предисловіемъ **А. Титова.** (РА, III, 321—368).

Скворцовъ, Н. А., свящ. Храмъ Знаменія Пресв. Богородицы за Петровскими воротами, въ Никитскомъ сорокѣ города Москвы (Истор.-археол. очеркъ). (ТрЦ-АрхОЛДПр, I, 35—66).

Скворцовъ, Н. А. Переписная книга домовой патріаршей казны, составленная при патріархѣ Іоасафѣ I въ 1634 г. (ТрЦ-Арх ОЛДПр, I, 108—139).

Скворцовъ, Н. А. Матеріалы для исторіи московскихъ церквей въ эпоху Отечественной войны 1812 г.: Вѣдомости о соборныхъ, ружныхъ и приходскихъ въ Москвѣ церквахъ, въ какомъ онѣ состояніи послѣ бытности непріятеля» по сорокамъ: Китайскому и Ивановскому (ТрЦ-АрхОЛДПр, I, 192—225).

Скворцовъ, Н., Матеріалы для исторіи русской церкви. О состояніи церквей и причтовъ Пречистенскаго сорока города Москвы послѣ непріятельскаго нашествія въ 1812 г. (ЧтОЛДПр, апр., 304—310).

Смирновъ, П. С. Споры въ расколѣ во второй четверти XVIII вѣка. (ХрЧт, янв, 50—73; февр., 168—195; мартъ, 325—352).

***Снопекъ, Францискъ.** Объ отношеніи учениковъ св. Меѳодія къ Риму (Историческо-догматическое изслѣдованіе) М. 24.

Соколовъ, В. Иконы, приписываемыя кисти св. Иннокентія, перваго епископа Иркутскаго. (ИКО, XXVII/2, 132—138).

Соколовъ, Н. И., прот. Икона «Страстей Господнихъ» изъ риз-

ницы Московской Покровской общины сестеръ милосердія. (ТрЦАрхОЛДПр. I, 89—91).

Соколовъ, И. П. Протопресвитеръ I. Л. Янышевъ, какъ дѣятель по старокатолическому вопросу. (ХрЧт, февр., 229—251).

— Къ исторіи монастырей. Изгнаніе игумена изъ монастыря, 1682 г. Сообщ. **Ив. Суворовъ.** (РС, ноябрь, 448).

— Церковь Успенія Пресвятой Богородицы въ селѣ Волотовѣ, близъ Новгорода, построенная въ 1352 г. По обмѣрамъ и рисункамъ академика архитектуры **В. В. Суслова.** (=Тр. Моск. Предварительнаго Комитета XV Археол. Съѣзда. Т. II. Подъ ред. гр. **Уваровой.**) М. 4°. 65. Съ рис.+IV табл.

Титовъ, Ан. Вопросъ о святыхъ мѣстахъ Іерусалима по русской дипломатической перепискѣ въ XIX в. (ДЧт, февр., 263—272).

По поводу напечатанной о. Александромъ Поповымъ двухъ томовъ дипломатической корреспонденціи, касающейся Іерусалима, за 1800—1853 гг.

Титовъ, А. Высокопреосвященнѣйшій Іаковъ *(выше XV/$_3$, 419).* М. 1910. Реценз.: ***А. К—ово** (ИВ, февр., 716—719).

Титовъ, Ан. Два подвижника Спасо-Яковлевской Димитріевской обители. (ДЧт, янв., 35—52).

Іеромонахъ Амфилохій (въ мірѣ Андрей Яковлевичъ); о. Пахомій (1825—1904).

Титовъ, А. А. (сообщилъ). Дѣло о великоустюжскомъ іеромонахѣ Платонѣ (его мощи). (РА, № 6, 275—292).

Титовъ, А. А. Казанскій митрополитъ Ефремъ и его рѣчь, произнесенная при короновании царя Михаила Θеодоровича. (ЧтОЛДПр, февр., 125—129).

Титовъ, А. А. Іосифъ, архіепископъ Коломенскій. (Дѣло о немъ 1675—1676 гг.) (ЧтОИД, III, отд. I, I—VI+1—160).

Титовъ, А. А. (сообщилъ). Къ жизнеописанію епископа Порфирія Успенскаго. Изъ писемъ его къ разнымъ лицамъ. (РА, III, 463—482).

Титовъ, Ан. Изъ бумагъ нижегородскаго архіепископа Іакова Вечеркова. (ДЧт, іюнь, 165—172).

Титовъ, А. А. Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Съ 15 рис. М. 1910. 160. Реценз.: **А. К—ово** (ИВ, янв., 318—380).

Титовъ, Ан. Троицкій Желтоводскій монастырь въ Нижегородской губерніи. (Съ прил. 2-хъ рис.). (ДЧт, февр., 168—180, март., 300—312; апр., 413—430).

***Титовъ, Θ. И.** Кіевская Академія въ эпоху реформъ (1796—1819 гг.). Вып. I. Кіевъ. 1910. 47.

Титовъ, Θ. И. Крит.-библ. обзоръ нов. трудовъ по ист. русской церкви *(выше XVI/$_1$, 336).* Вып. X. Кіевъ, 1910. 28. Вып. XI. Кіевъ. 32.

Титовъ, Θ. И. Къ исторіи Кіевской духовной Академіи въ XVII—XVIII вв. III: Воспитанники Академіи на службѣ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ связи съ біографіей Софронія Тернавіота (ТКА, янв., 63—80; февр., 196—233).

Тихоміровъ, Н. Д. Галицкіе и Литовскіе митрополиты 14—15 в. и отношеніе къ нимъ епископовъ Полоцкой и Туровской епархій. (ТрВитебскАрхКом., кн. I, 1—17),

— Наставленія **св. Тихона Задонскаго** пастырямъ. Къ 50-тилѣтію со дня прославленія Св. Тихона Задонскаго (13 авг. 1861—1911 гг.) (ВоронСт, вып. IX, 325—343).

*__Третьяковъ, М.__ Сектантство Тамбовской губ. Спб. 50.

Троицкій, Вл. А. С. Хомяковъ и древне-церковные полемисты (ВР, № 18, 731—748).

Троицкій, І., прот. Объ отношеніи къ Кіеву святителя Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородск. и Обоянск. (КіевскЕпВѣд., № 3, 49—57).

— Труды собранія старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, переходящее отъ господствующей церкви, состоявшагося въ Обл. Войска Донского, на зимовникѣ В. Я. Королькова, 8-го—9-го дек. 1910 дек. 1910 г. М. 31.

— Указъ отъ 9 іюня 1744 г. за № 860 Стефана (Калиновскаго), епископа псковск. и нарвск., о повседневномъ богослуженіи во всѣхъ церквахъ Псковской епархіи. Сообщ. **Ал. С. Ляпустинъ.** (ТрПскЦеркАрхКом., I, отд. 1, 71—74).

— Указъ отъ 30 іюня 1765 г., № 1512, преосвящ. Иннокентія, епископа псковск. и рижск., объ исправленіи иконъ мученика Христофора «съ песьею главою». Сообщ. **свящ. Ал. С. Ляпустинъ.** (ТрПскЦеркАрхКом, I, отд 1, 74—75).

— Письма высокопреосвященнаго Филарета Московскаго къ Екатеринѣ Владимировнѣ Новосельцовой. М. 2 нен. + 246. Реценз.: **П. Б[артеневъ].** (РА, № 6, на обл.).

Философовъ, Д. Старообрядчество и православіе. (РМ, май, отд. II, 62—71).

Фотій, архим. Письмо къ неизвѣстному. Сообщ. **В. С. Арсеньевъ.** (РС, апр., 86).

Францевъ, Вл. Русская икона, чтимая въ Чехіи (ЗОИФП II, V, отд. II, 92—99).

Икона Богоматери въ г. Ичинѣ (Jičín) въ храмѣ св. Игнатія.

Холмогоровъ, Г. И., свящ. Выписки изъ документовъ Моск. Архива Мин. Юст., не вошедшія въ I т. изданныхъ Моск. Гор. Думою «Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей, собр. В. И. и Г. И. Холмогоровыми при руководствѣ И. Е. Забѣлина», М. 1884 г. и изъ документовъ Моск. Дух. Консисторіи (ТрЦ-Арх ОЛДПр., I, 140—172).

Хромовъ, І. И. О прошломъ «оказательствѣ» раскола. (Къ годовщинѣ смерти свящ. о. Андрея Журавлева) (СтМ, февр., 124—130).

Челахъ, А. Бессарабскія богослужебныя книги на румынскомъ языкѣ. (ТрБессарЦеркИстАрхОбщ, вып. II, 178—206).

Чернявскій, Ефимъ. Происшествіе въ хуторѣ Новопашковскомъ, Кубанской области, Ейскаго отдѣла, Апрѣля 3-го дня 1906 г., то есть на третій день св. Пасхи. (Мат Сект, IV, 406—413).

Къ преслѣдованію сектантовъ общины Новаго Израиля.

Четвериковъ, И. Отзывъ о сочиненіи студента **Ѳ. Цыганкова** «Преосвященный Игнатій (Брянчаниновъ) и его аскетическія воззрѣнія». (ТКА, янв, прил. 610—612).

Чинновъ, П. Участіе древне-русскихъ митрополитовъ въ современной имъ государственной и общественной жизни (ВР, № 13, 35—56).

Шадринъ, І., свящ. Старообрядческія кладбища по Сибири (СтМ, янв., 51—52).

Шебатинскій, К. Развѣнчаніе католицизма (ВР, № 5, 611—622; № 6, 717—725).

Шереметьевъ, С., гр. Дѣла Греческія. (СбПлат, 176—187).

Отрывокъ изъ «Греческихъ Дѣлъ», хранящихся въ Моск. Глав. Арх. Лит. Ин. Дѣлъ, относящихся къ 1604 г.

Шестаковъ, С. О началѣ христіанства въ Херсонѣ (Serta Borysth, 183—208).

Шишковъ, С. Н. Новонамѣренъ дамаскинъ въ Бачковския монастирь отъ XVIII вѣкъ. (РодНапр, 1911, VIII, 214—226).

Шурашовъ, И. В. О подложности подписей на кн. «Православное исповѣданіе» (СтМ, февр., 130—134).

Экземплярскій, В., Отзывъ о сочиненіи студента **Ѳ. Цыганкова** «Преосвященный Игнатій (Брянчаниновъ) и его аскетическія воззрѣнія». (ТКА, янв., Прил., 613—614).

Ясинскій, І. Помраченіе высокопреосвященнаго Иринея. (ИВ, ноябрь, 530—551).

Caspar, E. Studien zum Register Johanns VIII. (NADG, XXXVI, 77).

Въ этой статьѣ Caspar рѣшаетъ вопросъ о подлинности реестра папы Іоанна VIII.

***Gerst-Tetzner.** Die Glaubenslehren der Philipponen zur Zeit ihrer Einwanderung in Ostpreussen (MF, 1910, XXIII, 1—27).

***Gerst-Tetzner.** Die Philipponen. 1) Die Raskolniken. 2) Die Philipponen. 3) Ursachen der Auswanderung einer Anzahl von Theodosiern aus Polen nach Preussen. 4). Geschichte der Auswanderung der Theodosier aus Polen nach Preussen (1827, 1830—1833). 5). Statistische Nachrichten über die Kolonien der Altgläubigen in Preussen. (Zschr. d Altertumsges. Insterburg, 1909, XI, 44—84).

***Godlewski, M.** Monumenta Ecclesiastica Petropolitana. Спб. 1909.

***Hrachovský, F.** Nová literatura cyrillo-methodějská a unionistická. (Meditace, II, 707—713).

Hrdy, J. Die Aussiger Marienkirche vom Jahre 1426 bis zum Jahre 1538. (MVGD, 1910, XLVIII, 180—208).

Jašek, A. Was ist die cyrillomethodeische Idee? Velehrad, Реценз.: **H.** (ND, XVIII, 792—793).

«Подъ Кирилло-Меѳодіевской идеей» разумѣется въ этой клерикально-тенденціозной брошюрѣ сближеніе славянъ посредствомъ соединенія церквей восточной и западной подъ главенствомъ папы. Для проведенія этой идеи въ жизнь предлагается устроить «Akademiam Velehradensem».

Kaczmarczyk, V. Ciężary na rzecz w Polsce XIII i XIV w. (PgH, 1910, XI, 144—160).

Kantak, K. Z Kroniki Bernardynów Toruńskich. (ZTNT, 1910, 212—217).

Kitts, E. J. Pope John the twenty-third and Master John Hus of Bohemia. London, 1910. XXX+446. Реценз.: **Boh. Baxa** (ČMKČ, LXXXV, 282—284).

Kroess, A. S. J. Geschichte der Böhmischen Provinz der Gesellschaft Jesu. I. Band: Geschichte der ersten Kollegien in Böhmen, Mähren und

Glatz von ihrer Gründung bis zu ihrer Auflösung durch die böhmischen Stände 1536—1619. Wien, 1910. XXVII+1007. Реценз.: **J. Morávek** (ČČH, XVII, 451—459); **X.** (ČMM, XXXV, 263—265).

ks. Kujot. Czy w Pelplinie już przed Cystersami (1276, 1274) był kościoł parafialny św. Stanisława? (ZTNT, II, 53—55).

***ks. Kurczewski, J.** Kościoł zamkowy czyli katedra wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju. Część II. Zródła historyczne na podstawie aktów kapitulnych i dokumentów historycznych. Wilno, 1910. 381.

Loesche, G. Von der Duldung zur Gleichberechtigung. Archivalische Beiträge zur Geschichte des Protestantismus in Österreich 1781—1861. Wien.

Naegle, A. Die Gründung des Bistums Prag und deren nächste religiös-kirchliche und politisch-nationale Bedeutung. (DA, IX, 395—420).

Naegle, A. Die beiden ersten Prager Bischöfe Dietmar und Adalbert. (DA, IX, 651—671, 727—762).

Nitowski, J. Islam i katolicyzm w Bośni w chwili obecnej. (SSł, 1910, I, 242—260).

Ohanowicz, A. Ciężary państwowe duchowieństwa w Polsce w drugiej polowie XV. i początkach XVI. wieku (1447—1530). Lwów. 388.

Otto, R. Uber die Dorpater Klöster... *(выше XVI/₁, 338).* Реценз.: **N. Bonwetsch** (DLZ, XXXII. 597—598).

Popoff, Alexandre, père. La question des lieux saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX siècle. 1—(1800—1850) et 2—partie (1851—1853). St-Pétersbourg, 1910—1911. 360—762.

А. Поповъ, Вопросы о святыхъ мѣстахъ Іерусалима по русско-дипломатической перепискѣ въ XIX в. Реценз.: **Ан. Титовъ.** (ИВ, стр. 306—307).

***Rutkowski, I.** Klucz Brzozowski biskupstwa Przemyskiego w wieku XVII... *(выше XV/₃, 421).* Реценз.: **L. Baranowski** (Książka, 1910, X, 325—326).

***Sas, J.** W sprawie Jezuitów na Białej Rusi. Z okazyi książki M. Loreta «Kościoł katolicki a Katarzyna II». (PgP, CX, 187—208, 369—381, CXI, 69—80).

Sasinek, F. V. Dva listy pápeža Klementa VI z r. 1346. (SlP, XXXI, 351—355).

Sasinek, F. V. Náboženstvo sv. Stefana. (SlP, XXX, 164—177).

Sedláček, A. Prvotní nadání Třebického kláštera. (ČMM, XXXV, 200—207).

Snopek, F. Bulla Industriae tuae listinou nepodvrženou. (ČMM, XXXV, 1—60).

Snopek, F. Kyrill und Methodius, die Slavenapostel. Kremsier. 471. Реценз.: **A. Brückner** (GGA, № 10); **F. J. Rypáček** (ČMM, XXXV, 265—267); **J. Tenora** (H, XXVIII, 233—236).

Sosnowski, I. Zatarg arcbpa Dunina z rządem pruskim o małżeństwa mieszane. (Ateneum Kaplańskie, 1910, III, 310—324, 385—398, IV, 21—36).

Steska, V. Usoda cerkva na Kranjskem v jožefinski dobi. (Carn, II, 147—156).

Truhelka, Ć. Testamenat gosta Radina. Prinos patarenskom pitanju. (ГлЗМ, XXIII, 355—376).

Vajs, J. Úcta sv. patronů českých v liturgických knihách charvatsko-hlaholských (ČKD, LI, 417—424).

***Vavek, Frz.** O některých reformách církve katolické v zemích koruny české za císaře Josefa II. (Program st. reálky v Kostelci nad Orlici, 1909. 7).

Volf, I. Kollegium dohlédačů v české církvi v Rixdorfě u Berlína. (ČL, XXI, 1—5).

Volf, I. Založení českého kostela Betlemu v Berlíně. (Květy, XXXI, 43—47).

Völker, K. Der Protestantismus in Polen *(выше XV/₃, 422)*. Реценз.: **T. Grabowski** (KwH, XXV, 96—98).

Vydra, K. S. O katolické protireformaci v Horaždovicích. (PAM, 1910, XXIV, 35—42).

Wotsche, Fh. König Sigismund August von Polen und seine evangelischen Hofprediger. (Archiv für Reformationsgeschichte, 1906, IV, 329—350).

— *Zbiór pomników reformacyi kościola polskiego i litewskiego. Zalytki z wieku XVI—go. Staraniem Synodu Jednoty Ewangelicko-Reformowanej Litewskiej (=Monumenta Reformationis Polonicae et Lithuaricae). Serya. I. Zesz. I. Wilna, XIV+201.

Zdziechowski, M. Problemat religijny w Rosyi. (SSł, II. 1—17).

— Življenje sv. Roze Viterbske device III. reda sv. Frančiška. 6. Sv. Roza v pregnanstvu (1250—1251). 7. Slava in smert sv. Roze. (CvFr, 1910, XXVII, 296—304, 329—335).

Zoubek, F. I. Byl-li Komenský přivržencem chiliasmu. (Beseda Učitelská, XLI, 217—218).

Д. Исторія права.

Аваліани, С. Земскіе соборы... *(выше XVI/₁, 339)*. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, янв, крит, об, 1—2).

Аваліани, С. Исторіографія земскихъ соборовъ. (ЗНУ, II, 1—134 и 2 нен.).

***Аваліани, С. Л.** Крестьянская реформа въ Закавказьѣ. Спб. Реценз.: **А. Хахановъ.** (РусскВѣд, № 42—22 февр.).

Аваліани, С. О представительствѣ на земскихъ соборахъ XVI в. и нач. XVII в. (ЗНУ, II, 1—87).

Анисимовъ, В. И. Надѣлы. (Вел Реф, VI, 76—103).

Арсеньевъ, К. Юбилей Сената. (ВЕ, апр, 262—270).

Базановъ, И. А. Вотчинный режимъ въ Россіи... *(выше XV/₃, 422)* Реценз.: **Д. Ц.** (РА, 1910, дек, на обл.).

Башмаковъ, А. А. Очерки права родового, наслѣдственнаго и обычнаго. Юридическія изслѣдованія. Спб. IV+445+20.

Бенемановскій, М. Ч. Душевная грамота вдовы Өедосьи (ИКО, 1910, вып. 5, 471—482).

Берендтсъ, Э. Н. Проекты реформы Сената въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I (ИстПрСен, III, 1—166).

Берендтсъ, Э. Н. Проекты реформы Правительствующаго Се-

ната во второй половинѣ XIX ст. (ИстПрСен, IV, 454—494).

Бикерманъ, І. М. Черта еврейской осѣдлости. Спб. IV+152. Реценз.: (РБ, апр, отд. II, 79—82); **Я. Букштейнъ** (РМ, февр, кр. об., 63—64); **Н. Борецкій-Бергфельдъ** (СМ, іюнь, 345—346).

Блиновъ, И. А. Вступленіе къ IV т. ИстПрСен. (ИстПрСен, IV, 3—15).

линовъ, И. А. Отношеніе Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ до реформъ 60-хъ гг. (ИстПрСен, III, 506—657).

Блиновъ, И. А. Отношеніе Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ послѣ реформъ 60-хъ гг. (ИстПравСен, IV, 108—214).

***Блиновъ, Ив.** Отношеніе Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ въ XIX в. Спб. 288. Реценз.: **Б. Б. Веселовскій** (СМ, іюнь, 348—349).

Блиновъ, И. Проектъ реформы Сената Кампенгаузена (СбПлат, 476—484).

Богословскій, М. М. Земскія челобитныя въ древней Руси. (Изъ исторіи земскаго самоуправленія на сѣверѣ въ XVII вѣкѣ). (БВ, янв, 133—150; февр., 215—242; мартъ, 403—419, 685—696).

Бороздинъ, И. Н. Къ вопросу о феодализмѣ въ Россіи. (Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907 г.). (ЗМАИ, т. VII, XI, 1—8).

***Бороздинъ, И. Н.** Русская конституція XVII в. (Запр. Жизни, 1910, № 7).

Вернеръ, И. И. О времени и причинахъ образованія московскихъ приказовъ. М. 1907. (=ЗапИмп Лиц, вып. I, отд. I, 1—112; вып. II, отд. I, 113—199).

Веселовскій, Н. «Миньятъ». (Сб Плат, 17—26).

Русское слово восточнаго происхожденія, встрѣчающееся въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній русск. государей съ азіатскими владѣльцами.

Веселовскій, С. Двѣ замѣтки о Боярской думѣ (СбПлат, 299—310).

***Владимірскій-Будановъ, М. Ф.** Das Russische Recht. Русская правда. Кіевъ. 24.

***Волковъ, Н. Е.** Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе Имп. Александра III. 1881—1894. Спб. 1910, IX+372+III и 1 портр.

Ворисъ, А. Х. Положенія 19 февраля. (ВелРеф, VI, 1—53).

Всеволожскій, Д. А. Форменная одежда сенаторовъ, чиновъ оберъ-прокурорскаго надзора и канцелярія Правительствующаго Сената. (ИстПрСен, V, 93—104).

Гагенъ, В. А. Личный составъ и организація Правительствующаго Сената. (ИстПрСен, III, 243—403).

До реформъ 60-хъ гг.

Гагенъ, В. А. Организація Правительствующаго Сената. (ИстПрав Сен, IV, 16—66).

Послѣ реформъ 60-хъ гг.

Гагенъ, В. А. Отношеніе Сената къ Верховной власти. (ИстПрСен, III, 167—190).

До реформъ 60-хъ гг.

Гагенъ, В. А. Отношеніе Сената къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, не подчиненнымъ его надзору. (ИстПрСен, III, 191—242).

До реформъ 60-хъ гг.

Гераклитовъ, А. Документы XVII в. Саратовск. Радищевскаго музея. (ТрСаратАрхКомм, XXVI, отд. I, 32—58).

Содержаніе: Три владѣнныя выписи на сѣнные покосы въ Курдюмскомъ займищѣ (1685—1696 г.), выданные нѣкоторымъ Саратовск. обывателямъ. Двѣ жалованныхъ грамоты предку. Радищевыхъ—Кунаю Елизаровичу Радищеву (1619 г. и 1623 г.). Послушная грамота на помѣстье Курмышенъ Мартына и Андрея Реутовыхъ (1650 л.). Списокъ жалованной грамоты торговымъ людямъ. Моск. гостинной сотни. (1688 г.). Жалованная грамота кіевскому войту, бурмистрамъ, райцамъ и всѣмъ кіевскимъ мѣщанамъ (1700 г.). Послѣдній документъ (Рад. Муз. № 5230) богатъ бытовыми подробностями.

Гераклитовъ, А. Фамильныя бумаги дворянъ Жуковыхъ. (ТрСарат АрхКомм, XXVI, отд. I, 254—259).

Содержитъ: 1) списокъ (конца XVII в.) съ грамоты вел. кн. Ивана Васильевича, выданный Игнату Жукову 1 ноября 1547 г.; 2) списокъ отказной книги 1723 г. Саратовскаго края.

***Герье, В.** 1861—19 февр.—1910 19 іюня. Второе раскрѣпощеніе. Общія пренія по указу 9 ноября 1906 г. въ Гос. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ. Съ текстомъ указа 9 ноября 1906 и закона 14 іюня 1910. М. VIII+232. Реценз.: **Д. К.** (ВЕ, стр. 343—345).

ф.-Гернетъ, А. О. Кругъ вѣдомства департамента Герольдіи по охраненію сословныхъ правъ. (Ист ПравСен, IV, 356—395).

Гессенъ, Юлій. Законодательство о жительствѣ евреевъ въ Россіи. (РМ, май, отд. 82—92)

***Гнѣвушевъ, А. М.** Новгородскій дворцовый приказъ въ XVII вѣкѣ. (Краткій очеркъ дѣятельности приказа и документы). М. XXXVI+162.

Гогель, С. К. Кругъ вѣдомства и очеркъ дѣятельности Правительствующаго Сената. (ИстПрСен, III, 404—505); IV, 67—107).

Гогель, С. К. Охраненіе правъ личности. (ИстПрСен, IV, 335—345).

***Гогель, С. К.** Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи. (Отт. изъ юбилейной исторіи Сената). Спб. 4°. 208.

Гогель, С. К. Правотворческая дѣятельность Сената въ области уголовнаго права. (ИстПрСен, IV, 396—420).

Послѣ реформъ 60-хъ гг.

Гогель, С. К. Сенатское дѣлопроизводство въ XIX ст. до реформъ 60-хъ гг. (ИстПрСен, III, 658—683).

Гогель, С. К. Сенатское дѣлопроизводство въ XIX ст. послѣ реформъ 60-хъ гг. (ИстПрСен, IV, 441—453).

Голицынъ, П., кн. Первый вѣкъ Сената *(выше XVI/$_1$, 340)*. Реценз.: **В. Р<удако>въ.** (ИВ, мартъ, 1117—1118).

Грабарь, В. Э. Отзывъ о сочиненіи С. М. Горяинова Босфоръ и Дарданеллы. Спб. 1907 (Отчетъ о L присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб. 1910, 145—168).

Граве, К. В. Мѣстонахожденіе, помѣщеніе и убранство Сената со дня его учрежденія по настоящее время. (ИстПрСен, V, 1—71).

— Записка, почему владѣютъ Смоленскіе купцы и мѣщане землями во уѣздѣ и крестьянами. Сообщ. **В. Грачевъ.** (СмолСт, в. I, ч. 2, 153—156).

Григорьевъ, В. Реформы мѣстн. управленія... *(выше XV/$_2$, 423).*

Реценз.: **С. А. Корфъ** (Право, 1910, № 41, 2455—2459).

Гусевъ, П. Откуда произошло названіе: Ропата? (СбНовгОбщ ЛюбДр, вып. II, 12—14).

Византійское духовенство, появившееся на Руси, перевело ходячее названіе католической церкви—castellum, cościol—на свой языкъ словомъ rapation, которое и передало своей паствѣ. Позже оно получило презрительное значеніе.

Данъ, Ф. 50 лѣтъ крестьянскаго законодательства. (Наша Заря, № 2, 15—26).

—Грамоты (закладныя) на земли въ Великорѣцкомъ тягломъ стану. Сообщ. **В. Д. Емельяновъ.** (ТрВятск АрхКом, 1910, II—III, отд. III, 126—131).

— Документовъ (нѣсколько) Бѣльской приказной избы 1680 г. Переп. **Н. Рѣдковъ.** (СмолСт, в. I, ч. 2, 57—56).

Жариновъ, Д. А. Крестьяне церковныхъ вотчинъ. (ВелРеф, I, 147—162).

Жбанковъ, Д. Смертные приговоры и казни въ 1905—1910 годахъ. (СМ, апр, 291—315; май, 203—218).

— Запись Аникѣя Васильева Леванидова, данная брянчанину Андрею Иванову Полтеву, 1686. (СмолСт, в. I, ч. 2, 77—80).

Ивановъ, Г. Т. О магистратскихъ и монастырскихъ крестьянахъ города Переяславля. (ТрПолтАрхКом вып. VI, ч. I, 37—40).

— *Исторія русскаго права. Московскій періодъ. Извлеченіе изъ книги проф. **Мрогекъ Дроздовскаго.** М. 1910. 51.

— *Исторія русскаго права періода Имперіи. Хронологическая таблица, составл. студ. Имп. СПб. унив. **Е. А. Б.** примѣнительно къ курсу орд. проф. В. Н. Латкина. Спб. f°. 1 листъ.

— Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ (1711—1911 г.). Т. I—IV и V дополнительный. Спб. 4°. Реценз. **В. Р<уда-ко>въ.** (ИВ, май, 646—649); **В. Л.** (СтГ, мартъ, 33—34).

Јовановић, С. Уставно право. Београд, 1907. (I томъ энциклоп. «Основи јавног права краљевине Србије» од Слободана Јовановића и Др. Косте Кумануди). Реценз.: **B. V.** (Veda, 1911, I. 298—303).

Каблешковъ, А. Сѫдебната власть въ България. (ЛБКД, 1909, 98—138).

Карѣевъ, Н. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи. *(выше XVI/1, 340).* Реценз.: **И. Бороздинъ.** (ВЕ, апр, 342—343).

Катаевъ, И. М. Законодательство о крестьянахъ при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ I. (ВелРеф, II, 70—85).

***Катаевъ, М. М.** Мѣстныя крестьянскія учрежденія. (Историч. очеркъ ихъ образованія и нормъ дѣятельности). Ч. I. Спб. 128.

***Катаевъ, М. М.** Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Спб. 139.

Клочковъ, М. Къ юбилею Сената (РС, февр, 379—384).

Клочковъ, М. Манифестъ 1797 г. о трехдневной барщинѣ. (СбПлат, 127—175).

Ковалевскій, М. Земство въ шести губерніяхъ Западнаго края. (ВЕ, март., 243—259).

Ковалевскій, М. Прошлое и настоящее 87-й статьи. (ВЕ, апр, 408—418).

— Книга (переписная) церковныхъ посадскихъ дворовъ города Котельнича и дворовъ въ волостяхъ тяглаго и оброчнаго стана переписи Михаила Петровича Воейкова и подьячаго Ѳеодора Прокофьева (186) 1678 г. (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. II, 1—151).

— Копіи съ купчихъ земель вотчины Трифонова монастыря Сообщ. **В. И. Шабалинъ.** (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 68—71).

Корниловъ, А. А. Крестьянское самоуправленіе по Положенію 19 февраля. (ВелРеф, VI, 137—157).

Корфъ, С. А., бар. Администр. юстиція въ Россіи. Спб. 1910. Т. I и II. Реценз.: **А. Елистратовъ** (ВЕ, апр., 350—353).

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., Крестьянство и земство. (ВелРеф, VI, 277—287).

— Купчая на продажу бѣглой Марьи Терентьевой. Сообщ. **С. Щегловъ.** (ТрСаратАрхКомм, XXVI, отд. I, 252—253).

Лаппо, И. И. Великое княжество литовское... *(выше XVI/₁, 341).* Реценз.: **В. Пичета.** (РМ, іюнь, кр. об., 235—236).

Лаппо, И. Постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 г. (Сб Плат, 361—374).

Лаппо-Данилевскій, А. С. Отчетъ о подготовительныхъ работахъ для изданія «Сборника грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи» за 1910-й г. (ИзвАк, № 4, 201—204).

Левицький, К. Початки розвою наших економічних інституций. (см. Конгрес, 557—564).

Леонтьевъ, А. А. Законодательство о крестьянахъ послѣ реформы. (ВелРеф, VI, 158—199).

Литовскій, Г. Участіе русскихъ евреевъ въ отправленіи правосудія. По архивнымъ матеріаламъ. (Пережитое, т. III, 158—198).

Лукомскій, В. К. Кругъ вѣдомства департамента Герольдіи. Храненіе гербовъ Государственныхъ и Императорскаго дома. (ИстПр Сен., IV, 346—355).

Лященко, П. Послѣдній секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу. (По матеріаламъ архива Госуд. Совѣта). Спб. 56. Реценз.: **Ал. Попельницкій** (СМ, апр, 360—363).

Магазинеръ, Я. М. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (ст. 87 Осн. Зак). Приложенія: 1) Практика чрезвычайно-указн. права въ Россіи. 2) Нормы иностраннаго права, аналогичныя ст. 87. Спб. 172. Реценз.: **К. Тахтаревъ** (СМ, апр, 366—367).

Маклаковъ, В. III сессія Государственной Думы. Отчетъ депутата. (РМ, февр, II, 96—125).

Мартыновъ, Б. С. О семейной собственности у крестьянъ. (ЖМЮ, № 2, 45—115).

Медемъ, В. Еврейскій вопросъ въ Россіи. (ВЕ, апр. 271—284).

Мијатовић, С. М. Изъ живота нашега народа, с правног гледишта. (АПДН, кн. X, 42—51).

Михайловъ, П. Е. Новооткрытые документы и «заповѣдныя лѣта». (ЖМНПр, февр., отд. III, 375—410).

По поводу книги: Архивный матеріалъ. Новооткрытые документы помѣстно-

вотчинныхъ учрежденій Московскаго государства XV—XVII ст. Т. I. 1905. Т. II. 1909. Сост. **Д. Я. Самоквасовъ.**

Мулюкинъ, А. С. Объ индивидуализмѣ древняго русскаго гражданскаго права. Одесса. 18.

Мурзановъ, Н. А. Списокъ сенаторовъ (22 февр. 1711—15 янв. 1911). (ИстПравСен, V, 105—162).

Мутафчиевъ, П. Селското землевладѣние въ Византия. (МСб, 1909, XXV, Дѣлъ II, 72, и отдѣльный оттискъ).

Никольскій, Н. В. Владѣнная память рч҃з (1689) г. Свіяжск. у. дер. Андреевой безъясашной чувашѣ Иштыбайкѣ Ахтубаеву съ товарищами на урочища и угодья по р. р. Черемшану, и Атасу. (ИКО, 1910, вып. 5, 489—493).

Никоновъ, С. П. Основныя начала Положеній 19 февраля 1861 г. Одесса. 73. Реценз.: **Б. Веселовскій** (СМ, іюль, 353).

Новиковъ, В. Н. А. Я. Пассоверъ, какъ руководитель II группы юридическихъ конференцій помощниковъ прис. повѣренныхъ. (Матеріалы для характеристики). (Право, 1910, № 39).

Нольде, А., бар. Къ исторіи составленія проекта «Свода степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ Восточной Сибири» (СбПлат, 502—521).

Нольде, А. Э., бар. Двухсотлѣтіе Правительствующаго Сената. (ЖМЮ, № 2, 1—18).

Нольде, А. Э., бар. Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи. (ЖМЮ, № 3, 41—86).

Нольде, А. Э., бар. Правотворческая дѣятельность Правительствующаго Сената въ области гражданскаго права. (ИстПрСен, IV, 421—440).

Нольде, А. Э., бар. Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Павла I. (ИстПрСен, II, 695—779).

Нольде, Б. Э., бар. Босфоръ и Дарданеллы. (РМ, апр, отд. II, 1—21).

По поводу книги: **Serge Gorialnow.** Le Bosphore et les Dardanelles. Paris. 1910.

***Нольде, Б. Э., бар.** Очерки Русскаго Государствен. Права. Спб. 554.

***Обнинскій, В.** Новый строй. Ч. I. Манифестъ 17 окт. 1905 г.—8 іюля 1906 г. М. 157 и 6 л. рис. Ч. II. Реакція. 163—237 стр. и 5 л. рис.

— Опись док. и дѣлъ, хранящ. въ Сенатск. Арх. Отд. I, т. I-II. Спб. 1909—1910. Отд. II, т. I-II. Отд. III, т. I. Реценз.: **А. Прѣсняковъ.** (ВЕ, іюнь, 347—348).

— Описаніе докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Синода. Т. XXXIX. (1759 г.) Спб. 1910.

Островская, М. Судное дѣло XVII в. по поводу складной записи. (ИКО, XXVII/1, 51—60).

Пекарскій, I. М. Изданія при Сенатѣ. (ИстПравСен, V, 73—92).

Пекарскій, I. М. Кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената по дѣламъ казеннаго управленія и казеннаго обложенія. (ИстПрСен, IV, 294—334).

— Перечни дѣлъ, входившихъ въ кругъ вѣдомства Сената въ 1801—1826 гг. (ИстПрСен, III, 687—701).

— Перечень предметовъ вѣдомства I департамента Прав. Сената, представленный министромъ юсти-

ціи Д. Н. Замятнинымъ въ 1867 г. (ИстПрСен, IV, 497—501).

Платоновъ, С. Ѳ. Введеніе. (ИстПрСен, I, 1—43).

Введеніе къ Истор. Правит. Сената за двѣсти лѣтъ.

Покровскій, С. П. Правовое значеніе совѣта министровъ въ Россіи. (ЮрЗ, вып. II (VI) 615—636).

Порфирьевъ, С. Нѣсколько данныхъ о приказномъ управленіи въ Казани въ 1627 г. (ИКО, XXVII/$_1$, 75—85).

Порфирьевъ, С. Списки воеводъ и дьяковъ по Казани и Свіяжску, составленные въ XVII столѣтіи. (ИКО, XXVII/$_1$, 61—74).

Прѣсняковъ, А. Е. Правительствующій Сенатъ въ XVIII столѣтіи. (ЖМЮ, № 3, 4—40).

Прѣсняковъ, А. Е. Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны. (ИстПрСен, II, 3—314).

— Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80—1800), т. II, (1671—1739). Спб. 1910. II+386.

Рывкинъ, М. Д. Велижское дѣло въ освѣщеніи мѣстныхъ преданій и памятниковъ. (Пережитое, т. III, 60—102).

Ритуальный процессъ 1823 г. противъ евреевъ, какъ средство воздѣйствія на массы въ рукахъ уніатовъ.

Самоквасовъ, Д. Я. Архивный матеріалъ. Новооткрытые документы помѣстно-вотчинныхъ учрежденій... *(выше XV/$_3$, 379)*. Отзывъ **А. М. Гнѣвушева** (ЖМНПр, май, отд. III, 167—179).

— Сенатскій Архивъ. XIII. *(выше XV/$_2$, 320)*. Реценз.: **Г. Прозрителевъ** (ТрСаратАрхКом, XXVI) отд. I, 241—245). Т. XIV. Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за февраль—декабрь 1764 г. Спб. 1910. XI+27+665. Реценз.: **В. Рудаковъ** (ИВ, мартъ, 1085—1088).

— Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Екатерины II. (ИстПрСен, II, 329—691).

Составили бар. **А. Нольде** (стр. 623—674), **М. А. Поліевктовъ** (402—411 и 674—681) и **Н. Д. Чечулинъ** (329—401, 412—622 и 681—691).

Сергѣевичъ, В. Древн. русскаго права... *(выше XIV/$_2$, 388)*. Т. III. Землевладѣніе, тягло, порядокъ обложенія. Изд. 2-е. Спб. XII+496.

— Русская правда въ четырехъ редакціяхъ. По спискамъ археографическому, троицкому и князя Оболенскаго съ дополн. и варіантами изъ другихъ списковъ. Изд. **В. Сергѣевича**, 2-е. Спб. XXII+51 и 2 табл.

Слабченко, М. Е. Опыты по исторіи права Малороссіи XVII и XVIII вв. Одесса. II+292.

— Списокъ сенаторскихъ ревизій XIX вѣка (ИстПрСен, V, 503—508). Списокъ сенаторовъ, производившихъ ревизіи въ XIX в. (алфавитный). (ib. 509—512). Списокъ губерній, въ которыя посылались ревизующіе сенаторы въ XIX в. (ib. 513—516). Составилъ **И. А. Блиновъ**.

Стаховичъ, Ал-дръ. Холмскій вопросъ. (РМ, февр., II, 74—95; мартъ, 87—105).

Стефановичъ, Д. О Стоглавѣ. *(выше XIV/$_2$, 388)*. Реценз.: **Г. З. Кунцевичъ**. (Изв, XV/$_4$ 317—340).

Стратоновъ, И. Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси (ЗКУ, № 8, 97—128).

Тельбергъ, Г. Г. Система государственныхъ преступленій въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. (ЖМЮ, № 4, 146—185).

Тарановскій, Ѳ. В. Отзывъ о сочиненіи **бар. С. А. Корфа: «Административная юстиція въ Россіи»** (томы I и II, Спб., 1910). (ЗЮУ, № 8, 1—22).

Тютрюмовъ, И. М. Второй Департаментъ Правит. Сената. (Ист ПравСен. IV, 215—293).

— Указъ Екатерины II 1785 г. (ТрСтаврАрхКом., вып. II, отд. I, 2, 2 нен., янв.).

О составленіи Кавказскаго намѣстничества изъ двухъ областей: Кавказской и Астраханской.

Филипповъ, А. Н. Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ (1711—1741). Спб. 4°. 598.

Филипповъ, А. Н. Высокій Сенатъ въ царствованіе Екатерины I и Петра II. (ИстПрСен, I, 345—475).

Филипповъ, А. Н. Правительствующій Сенатъ въ царствованія Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича. (ИстПрСен, I, 479—640).

Филипповъ, А. Н. Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго. (ИстПрСен, I, 47—341).

Флоровскій, А. В. Изъ ист. Екатерин. законодат. комиссіи 1767 г. *(выше XVI/₁, 343)*. (=ЗНУ, вып. II). Реценз.: **С. Аваліани** (ИВ, мартъ, 1088—1089).

Цыпкинъ, П. С. Пріобрѣтеніе имущественныхъ правъ въ крестьянскомъ быту. Сводъ данныхъ, добытыхъ этнографическими матеріалами покойнаго кн. В. Н. Тенишева. (ЖМЮ, № 1, 99—126).

Чечулинъ, Н. Д. Сенатъ въ царствованіе императора Петра Ѳеодоровича (ИстПрСен, II, 315—325).

Шабалинъ, В. И. О поселеніи архіерейскихъ крестьянъ за земляхъ дворцовой слободы Кухарки. (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 18—67).

Шабалинъ, В. И. (сообщилъ). О спорныхъ земляхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, принадлежащихъ Чердынскому Богословскому монастырю. (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 72—77).

Шарскій, К. И. Алфавитные указатели. (ИстПрСен, V, 163—216).

Содержитъ: 1) указатель личныхъ именъ, 2) географическій указатель.

Шаховской, Д. И., кн. Выкупные платежи. (ВелРеф. VI, 104—136).

Шумаковъ, С. А. Сотницы, грамоты и записи. Вып. VI. (ЧтОНД, III, отд. I, I—IV+1—127).

Содержаніе: А. Противни съ писцовыхъ книгъ землямъ Троице-Сергіева монастыря 1592—1594 гг. по Кашину, Казани и Свіяжску. Б. Изъ алексинскихъ столбцовъ Помѣстнаго приказа 1627—1708 гг.

Шумаковъ, С. Къ вопросу о задворныхъ и полонныхъ людяхъ. (ТрВитебскАрхКом, кн. I, 1—30).

Приведено три дѣла: I. Дѣло объ отпускѣ на волю Ф. Т. Туркова и о записи его на службу въ рейтары 1685—1688 гг.—II. Челобитная Алферія Лукина Зенбулатова о невзиманіи податей съ его боровскихъ людей 1686 и 1688 гг.—III. Дѣло о помѣстьѣ В. О. Хитрово со крестьяны и съ задворными

людьми между его вдовой Натальей и ея вторымъ мужемъ Т. Ив. Грековымъ и С. и В. Б—выми Хитрово 1689—1691 гг.

Ardalić, Vl. Privatno pravo u Bukovici (Dalmacija). (ZbNŽ, 1910, XV, 255—278).

Balzer, O. Niższe warstwy rycerstwa polskiego w statutach Kazimierza Wielkiego. (Сб. по Славянов. СПБ., 1909 стр.). Реценз.: **K. Kadlec** (ČMKČ, LXXXV, 476—478).

Balzer, O. Corpus iuris polonici. Реценз.: **S. Estreicher** (CPE, 1910, XI, 279—284).

***Berendts, E. N.**, The rights of Finland according to european sholars: A rejoinder (translated from the Russian). Спб. 29.

Čelakovský, J. O účasti českomoravských právníkův a stavů na kodifikaci občanského práva rakouského. Proslov při instalaci rektorské dne 9. listopadu 1911 (NL, № 313, 12/XI нов. ст. 1911).

Chodynicki, H. Sejmiki ziem ruskich w wieku XV. Lwów, 1906. 120. Реценз.: **N. Michalewicz.** (Ruś, I, 106—112).

Demel, J. Dějiny fiskálního úřadu v zemích Českých. Díl I. Fiskální úřad. Oddělení II. Doba 1620—1740. Praha, 1909. VI+374. Реценз.: **P.** (ČMM, XXXV, 351—352).

Dragan, M. Testament Kazimierza Wielkiego. (Sprawozd. dyzekcji c. k. gimn. V. we Lwowie). Lwów.

Dvořák, Rud. Změny ve zřízení městském na Moravě r. 1848. (ČMM, 1910, XXXIV, 14—33).

***Dziewulski, S.** Statystyka projektu rządowego o wyodzębnieniu Chełmszczyzny w świetle krytyki. Warszawa, 1910. Реценз.: **W. Dunin** (BiblWarsz, I, 590—594).

Flieder, R. Corona regni Bohemiae. (SVPS, 10, 45—66, 292—305).

Flieder, R. Příspěvky k dualistickým ústavám stavovským. (Knihovna SVPS, Řada stát. č. XXI). Praha, 1910. 156. Реценз.: **J. Kapras** (ČMKČ, 1911, LXXXV, 284—286).

Содержитъ: «Dualismus stavovských ústav v territoriích říše Římskoněmecké a poměr zeměpanských rad k němu», и «Královská rada česká a její ústavní vztah k obci zemské za Habsburků doby předbělohorské».

***Gebhard.** Russisches Familien-und Erbrecht *(выше XVI/₁, 345)*. Реценз.: **Ив. Перетерскій.** (Рѣчь. № 2—3 янв.).

Goetz, L. Der Titel «Grossfürst» in den ältesten russischen Chroniken. (ZOEĞ, I, 177—213).

Goriainow, Serge. Le Bosphore et les Dardanelles. Étude historique sur la question des Détroits, d'après la correspondance diplomatique déposée aux Archives Centrales de St.-Petersbourg et à celles de l'Empire. Préface de M. Gabriel Hanotaux. Paris, 1910.

См. статью **бар. А. Э. Нольде** въ РМ, апр., отд. II, 1—21.

Gruber, D. Primjedbe na Karacsonyijevu kritiku Tomašićeva djela. (VZA, XIII, 65—113).

См. еще: **Tomašić, N.**

Hönigsberg, L. O austrijskoj osnovi kaznenog zakona. (MPDZag, 1910, XXXVI, 692—706).

Kaczmarczyk, K. Ciężary ludności wiejskiej i miejskiej na prawie niemieckim w Polsce XIII i XIV w.

Warszawa, 58. Реценз.: **I. Baranowski** (Książka, XI, 242—243).

Kaindl, R. Zur Geschichte des deutschen Rechts in Polen. (DE, 1909, VIII, 91—92).

Kapras, J. Srovnání sporů stavů opavských r. 1534. (VMOp, 18, 1—16).

Kapras, J. Štěrbův výklad českých termínů právnických. (SVPS, 10, 125—128).

Klaić, V. Zanimljiva isprava od g. 1605. (VZA, 1910, XII, 248—249).

Konopczyński, W. System konstytucyjny Konarskiego. (PgPol, CLXXXII, 23—43).

***Kościński, K.** O prawnem upewnieniu posiadania i hipotece w dawnej Polsce a księgach hipotecznych w Prusiech. Poznań. 31.

Kraushar, A. Uwagi nad prawem lennem w Rzplitej i o znaczeniu wyrazu «domus» w sukcesyi dóbr lennych. (SprTNhist, 1911, IV, № 1, 5—16).

***Kubíček, E.** Ústava země moravské na konci samostatnosti čěské. (Progr. gymn. ve Valašském Meziříčí 1909/10 r.) 13.

Kutrzeba, S. Źródła polskiego ceremoniału koronacyjnego. (PgH, XII, 71—83, 149—164, 285—307).

— Ordo coronandi regis Poloniae. Wydał **Stanisław Kutrzeba.** Kraków, 1910. 88.

Malota, I. Vývoj státoprávního poměru. Moravy k Čechám. *(выше XV/$_3$, 427).* (H, 1910, XXVII, 778—799, 873—901, 965—981).

Maršan, R. Vliv cizích ústav na ústavní zákony Rakouské z l. 1848—49. Č. 1. (SVPS, 10, 305—316).

Mayer, A. Die bäuerliche Hauskommumion (zadruga) in den Königreichen Kroatien und Slavonien. Heidelberg, 1910. XII + 173. Реценз.: **I. Strohal.** (MPDZag, 1910, XXXVI, 1058—1063, 1137—1143).

Müller, V. Právní základ národního školství v Čechách. Praha, 1910. Реценз.: **Kd.** (PR, XXIV, 575—576).

Nosek, F. Proměny na právě horenském. (SA, VIII, 27—31).

Podliska, F. Starobylé přísahy a pravní zvyklosti českého lidu. (ČL, 1910, XX, 138—141).

Ružić, I. Spoznaja prava u hrvatskim pravnim izvorima. (Doprinos k pravnoj terminologiji). (MPDZag, 1910, XXXVI, 718—729).

Ságadin, Dr. Državnopravna nagodba med Avstrijo in Ogrsko l. 1867. (Veda, I, 401—408).

Sokołowski, E. Krakau im XIV Jahrhundert *(выше XVI/$_1$, 344).* Реценз.: **B., I.** (BiblWarsz, 384—385).

***Stieber, M.** České státní smlouvy. Historický nástin. Díl I. Praha, 1910. 362. Реценз.: **V. N.** (ND, XVIII, 1911, 867—868).

Strohal, I. O zadruzi u staroj dubrovačkoj republici. (MPDZag, XXXVII, 336—337).

Strohal, R. Statut veprinački. (Novo ispravljeno izdanje sa uvodom i tumačem). (MPDZag, 1910, XXXVI, 899—910).

Strohal, R. Sudovanje u Veprincu u 16. vijeku. (MPDZag, 1910, XXXVI, 1037—1040, 1076—1087).

Strohal, R. Tako zvani zakon cara Konstantina i Justinijana u Srba i uopče u juznih Slavena. (MPDZag, XXXVII, 229—241).

Šilović, J. Studije o reformi hrvatskoga kaznenoga zakona. I. Uvjetna osuda. Реценз.: **Mil. Gruber** (MPD Zag, XXXVII, 358—360, 475—480).

Šilović, J. O razvoju krivnje u hrvatskom kaznenom pravu. (MPD Zag, 1910, XXXVI, 774—779).

Svoboda, E. O právní povaze pražských podjezdů a podloubí. (Správní obzor, 1910, 2, 173—189, 272—276).

Tomašić, N. Temelji državnoga prava... Реценз. **D. Gruber** (VZA, XIII, 65—113).

Vojtíšek, V. Manualy radní Nového Města Pražského z let 1548—1553. (Příspěvek vývoji městských knih pražských). (ČSPSČ, XVIII, 87—99).

Vošnjak, B. Ustava in uprava ilirskih dežel (1809—1813). Prispevki k nauku o recepciji javnega prawa prvega francoskega cesarstva. Ljubljana, 1910. 41+285. Реценз.: **Lokar** (LZ, XXXI, 159—160).

— Zmiana ustawy krajowej, o szkołach realnych. (Muz, 1910, XXVI, listopad, 347—361).

Е. Исторія искусства.

Адарюковъ, В. Я. Добавл. и испр. къ словарю Д. А. Ровинскаго... *(выше XV/$_3$, 411).* (СтГ, 1910. окт., 49—72; ноябрь, 53—66; дек., 51—66).

Александренко, И. Современное украинское искусство въ Галиціи (Иск, № 10, 397—413).

Алексѣевъ, В. А. Плюшкинскій музей (ИВ, ноябрь, 697—703).

Alienus. Выставка картин художника Івана Северина. (Укр. Хата, III, 43—46).

Анисимовъ, К. Реставрація фресокъ церкви Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ. (СтГ, февр., 43—50 и примѣч. 50—52).

***Аплаксинъ, А. П.** Русское церковное искусство и его современныя задачи. Спб. 16°. 72.

Арсеній, архим. Справка объ иконѣ Божіей Матери, называемой «Троеручица» (ВР, № 5, 685—686).

***<Арсеньевъ, В. С.>** Поѣздка въ Езерище и Иваново 25 іюля 1910 г. («ВитГубВѣд», № 171 1910 г.). Реценз. **Н. Г.** (СтГ, 1910, ноябрь, 68).

Ассоновъ, В. Къ вопросу о происхожденіи статуи императрицы Екатерины II въ Екатеринославѣ (ИзвКалАрхКом, XXI, 47—49).

***Бенуа, А.** Путеводитель по картинной галереѣ Имп. Эрмитажа. Спб. IV+446+135. Съ рис. Реценз.: **С. Жебелевъ** (ЖМНПр, сент., 189—192).

*—Въ память Л. Н. Толстого. Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ. Подъ ред. **Ю. Битовтъ** II М. 41—80 лист. рис. и портр. Вып. III. М. 4°. 17 стр. и 40 табл. рис.

***Богословскій, П.** Описаніе иконъ, хранящихся въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей. Ростовъ-Ярославскій, 1909. 118.

Бондаренко, Е. Подмосковные дворцы XVIII в. (СтГ, мартъ, 11—30 и примѣч. 31—32).
Съ многоч. иллюстр.

Быстровъ, С. Н. Знаменное пѣніе въ старообрядческой исторіи. (СтМ, февр., ОтдЦеркПѣн, 21—24).

Буслаевъ, Ѳ. И. Сочиненія... *(выше XV/$_2$, 321).* Т. II. Реценз.: **Ю. В.** (Ап, № 2, 58).

R. О новомъ портретѣ А. С. Пушкина работы И. Е. Рѣпина. (ИВ, іюль, 216—218).

***Веретенниковъ, В. И.** Художественная школа въ Харьковѣ въ XVIII в. (Изъ СбХИО, XIX, въ память проф. Е. К. Рѣдина). Харьковъ. 13.

Веретенниковъ, В. Лампи-отецъ и его мысли объ Академіи Художествъ. (СтГ, 1910, ноябрь, 22—28).

Съ иллюстр. Въ письмѣ кн. **Абамелекъ-Лазарева** (ib., дек., 78) внесено исправленіе ошибокъ.

Верещагинъ, В. Въ ущельяхъ пламенной Колхиды. (СтГ, 1910, апр., 43—44).

Къ разрушенію памятниковъ старины.

***Верещагинъ, В. А.** Русская карикатура. В. Ф. Тиммъ. Спб. 95.

В⟨ершинскій⟩, А. Тверской музей. Иконы письма Симона Ушакова въ Тверскомъ музеѣ. (ТвСт, февр., 37—40).

В⟨ершинскій, А.⟩. Змѣевики изъ коллекціи Тверского музея. (ТвСт, май, 45—47).

Вершинскій, А. Тверской Музей. II. Иконы Новгородскихъ святыхъ въ Тверскомъ Музеѣ. III. Мѣдные кресты съ изображеніемъ св. Никиты, казнящаго бѣса. (ТвСт, мартъ, 27—30).

***Вильчковскій, С. Н.** Царское Село. Спб. 276+1 нен. Съ 72 рис., 16 портр., 6 снимк. и план.

Врангель, Н., бар. А. Г. Венеціановъ въ частныхъ собраніяхъ. (Апол, май, 43—45) и отд. Спб. 69. Съ 29 рис.

Съ иллюстраціями.

Врангель, Н., бар. Еще нѣсколько словъ о выставкѣ «Ст. Годовъ» (СтГ, 1910, окт., 26—30).

Къ «Замѣткамъ» Гофстеде-де-Гроотъ (ib., 20—25).

Врангель, Н. Н., бар. Историческая выставка архитектуры въ Академіи Художествъ. (Апол, май, 5—14).

Врангель, Н. Н., бар. Мстиславъ Валеріановичъ Добужинскій. (Апол, № 2, 25—35).

Приложенъ списокъ работъ М. В. Добужинскаго. Со многими иллюстраціями.

В⟨рангель⟩, Н., бар. Новыя пріобрѣтенія Русск. Музея Имп. Александра III. (СтГ, мартъ, 39—41).

—Выпись изъ лѣтописи Успенской, что въ Бору, церкви г. Рыльска (ТрКурскАрхКом, I, 296—298).

Wierzbicki, Stefan. Современная польская живопись. Перев. съ рукописи **Вл. Ходасевича** (Апол, 1910, іюль-авг, 5—19).

Г., И. Новооткрытыя фрески Московскаго Успенскаго собора. (СтГ, 1910, дек., 39—43).

Гайдебуровъ, П. П. Испытаніе лаврами (Алконостъ, кн. I, 22—41).

В. Ф. Коммисаржевская на сценѣ Александринскаго театра.

—*Галерея графа Н. А. Кушелева-Безбородка. Альбомъ. Текстъ **М. М. Далькевича.** Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Вып. I-III; Вып. IV. Спб. 1910. f°. 8 и 16 рис. Реценз.: **Н. Л.** (ИВ, февр., 739).

—*Галерея Лемерсье. Каталогъ выставки картинъ и рисунковъ покойнаго художника В. В. Верещагина и собранной имъ коллекціи японскихъ предметовъ (принадлежащихъ вдовѣ его Л. В. Верещагиной) М. 24.

Гансенъ, О. Межигорскія клейма. (Иск, № 6—7, 271—273). Съ рис.

Къ исторіи Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики, конца XVIII в.

Георгіевскій, В. Т. Иконы Іоанна Грознаго и его семьи въ Суздалѣ. (СтГ, 1910, ноябрь, 3—21).

Голомбіевскій, А. Еще о портретѣ княгини Елены Степановны Куракиной. (СтГ, февр., 69—71).

См. ib. ноябрь, 32—35).

Голомбіевскій, А. Покинутая усадьба. Село Надеждино, бывшее имѣніе кн. Куракиныхъ. (СтГ, янв., 3—25).

Голомбіевскій, А. Попытка опредѣлить извѣстный женскій портретъ. (СтГ, 1910, ноябрь, 32—35).

О портретѣ кисти Ротари, изображающемъ, якобы, Агриппину Александровну Рибопьеръ, рожд. Бибикову. По мнѣнію автора, портретъ изображаетъ княгиню Ел. Степ. Куракину, рожд. Апраксину (5 сент. 1735—29 окт. 1768).

Грабарь, И. Ист. русск. искусства. Т. I. Архитектура. До-петровская эпоха. Выпуски 1, 2, 3 и 4. Реценз.: **П. Булычевъ** (ЖМНПр, янв., 216—220).

Грабарь, Иг. Ист. русск. искусства Вып. 6—11.

Грабарь, И. О предѣлахъ вандализма. (СтГ, янв., 49—54).

Къ сломкѣ постройки Т. де-Томони «Склады на Сальномъ буянѣ», и «Аптечнаго Корпуса» Московск. Университета, постройки Григорьева.

Гродзкій, Б. М. А. Балакиревъ. Краткій очеркъ его жизни и дѣятельности. Значеніе его въ области развитія русской музыки. Спб. 78. Съ 4 рис.

Грузинскій, А. С. Пересопницкое Евангеліе, какъ памятникъ искусства эпохи возрожденія въ южной Россіи въ XVI в. (Иск, № 1, 1—48). Реценз.: **М. Возникъ** (ЗШ, 1911, 163—164).

Грязновъ, А. Ф. Ярославская Большая Мануфактура за время съ 1722 по 1856 г. М., 1910. 4° IV+554. Реценз. **Z.** (СтГ, янв., 47).

Гусевъ, П. Л. О лунѣ подъ крестомъ на куполахъ русскихъ церквей (СбНовгОбщЛюбДр, вып. 2, 7—11 и 1 л. рис.).

Д., С. О поступленіяхъ въ Музей 1812 г. (СтГ, 1910, ноябрь, 46).

Даниловъ, В. В. Изъ прошлаго Екатеринославскаго театра. (ЛѣтЕкатАрхКом, в. VI, 3—12).

Евреиновъ, Н. Мартыновъ (къ 50-лѣтію со дня смерти) (Апол, 1910, сент., хрон., 28—30).

Евѳимовъ, Г. Сказанія о св. мученикѣ Христофорѣ и его иконографическія изображенія. (ТрБессарЦеркИстАрхОбщ, вып. II, 207—226).

Отт. изъ № 38 «КишЕпВѣд» за 1908 г.

***Жураковскій, Евг.** Краткій курсъ исторіи русской живописи XIX в. Индивидуализмъ въ новой русской живописи. М. 108+1 нен. Съ рис.+4 табл.

Златоверховниковъ, Н. И. Иконописаніе въ Курской губ. (ТрКурскАрхКом, I, 78—85).

И., М. Древнѣйшія изображенія св. кн. Анны Кашинской (ТвСт, май, 50—51).

Краткое изложеніе доклада **В. П. Гурьянова** на засѣданія Церк.-Арх. отдѣла ОбЛюбДухПр. (см. приб. къ 34-му вып. ИзвИмпАрхКом, стр. 34—35).

—Къ исторіи постройки С.-Петербургскаго Троицкаго собора. Сообщ. **И. С. Б.** (РС, ноябрь, 425).

Ивановъ, А. М. А. Врубель. (Иск, № 5, 198—213).

Ивановъ, А. П. Врубель. Біографическій очеркъ. (=Современное искусство. Серія иллюстрированныхъ монографій. Вып. 2). Спб. 84+IX. Съ 23 рис.

Извѣковъ, Н. Д., прот. Московскій придворныйБлаговѣщенскій соборъ. (ЧтОЛДПр, янв., 22—39; февр., 94—111; мартъ, 173—188; апр., 290—303; май—іюнь, 371—387).

—Иконописцы и иконопродавцы по Вятской и Пермской провинціямъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Съ предисловіемъ **Вл. Емельянова.** (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, отд. III, 77—102).

Jiránek, M. Письмо изъ Чехіи. (Апол, 1910, іюль-авг., хрон., 2—5).

О чешской живописи, гл. обр. Antonin'ѣ Slavíček'ѣ (1870—1910).

Камышниковъ, Л. Врубель. (НЖ, 1910, дек.—№ 1, 158—171).

Камышниковъ, Л. Наши художники. Н. Рерихъ. (ВсеобщЖ, № 4, 161—168 столбц.).

Карасевъ, А. Гр. Өед. Львовскій *(выше XV/₂, 322)*. (ДЧт, апр., 487—492; май, 48—68; іюнь, 201—210; іюль—авг., 252—258).

Каратыгинъ. Вяч. М. А. Балакиревъ. (Апол, 1910, сент., 48—70).

Каратыгинъ, Вяч. Молодые русскіе композиторы *(выше XVI/₁, 346)*. (Апол, 1910, дек., 37—48).

Клейнъ, В. К. Двѣ неизвѣстныя гравюры XVIII вѣка. Съ двумя фототипическими табл. (ЗМАИ, т. VII, VII, 1—4).

Кобылинъ, А. Н. Домъ князей Ромодановскихъ въ г. Курскѣ (съ рисункомъ и планомъ). (ТрКурск АрхКом, I, 120—126).

Колесса, Ф. Мельодії українських народніх дум. Серія I. У Львові, 1910. LXXXVIII+178+20.

Кондаковъ, Н. В. Иконографія Богоматери Реценз.: **К. Широцький.** (ЗШ, 1911, CI, 161—162). (СтГ, янв., 44—46).

Кузьминъ, Е. «Историческій путь» въ Кіевѣ. (СтГ, мартъ, 45—46).

Кузьминъ, Е. М. Межигорскій фаянсъ. (Иск, № 6—7, 255—268).

Къ исторіи Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики (конца XVIII в.).

Курбатовъ, В. Я. Историческая выставка архитектуры и художественной промышленности. (Иск, № 8—9, 325—364).

Л., Г.-Ремонтъ Ипатіевскаго монастыря въ Костромѣ. (СтГ, янв., 56—57).

Л., С. А. Къ рисункамъ. (ТрПск ЦеркАрхКом, т. I, ард. 2, 19—20).

Рисунки: 1) Наличникъ наружныхъ дверей храма бывшаго Пантелеймоновскаго монастыря около Пскова. 2) Рѣзныя царскія врата изъ Снятогорскаго монастыря около Пскова.

Лаврентьева, С. «Другъ дѣтей» Е. М. Бёмъ. (Біографическій эскизъ). (РС, мартъ, 485—500).

Лашковъ, Н. Переписка Ле-Дюра съ гр. Аракчеевымъ въ 1818—1819 гг. о бронзовой люстрѣ (РС, ноябрь, 338—342).

Линковскій, В. Архитектурныя модели въ Россіи. (СтГ, 1910, дек, 3—16 и примѣч. 17—19).

Лукомскій, Вл. О геральдическомъ художествѣ въ Россіи. (СтГ, февр., 5—29 и примѣч. 30—35).

Лукомскій, Вл. О постройкѣ зданія Сената. (СтГ, февр., 36—40 и примѣч. 41—42).

Лукомскій, Г. Наша архитектура отъ Петра I до Николая I. (Ап, май, 15—22).

Лукомскій, Г. Украинскій барокко. (Апол, № 2, 5—13).

Со многими иллюстраціями.

***Маковскій, Серг.** Н. А. Тарховъ. (Апол, 1910, дек., 15—21).

Приложенъ списокъ работъ Н. А. Тархова (19—21 стр).

Маковскій, С. Н. К. Чурлянисъ. (Апол, май, 23—28).

Н. К. Чурлянисъ, композиторъ и живописецъ, по происхожденію литовецъ (1875—† 1911).

Муратовъ, П. Н. П. Крымовъ. (Апол, мартъ, 17—23 и 6 лит. иллюстрацій).

Приложенъ списокъ произведеній Н. П. Крымова (1904—1910).

***Никольскій, В.** Русскіе художники. В. И. Суриковъ. Спб., 1910.

—О ларцѣ, временъ Алексѣя Михайловича, въ которомъ А. С. Пушкинъ хранилъ свои рукописи. (Изв, № 8, 593—594).

Заявленіе **М. Гофмана** въ Имп. Ак. Наукъ.

—Къ біографіи художника Д. Г. Левицкаго. Сообщ. **И. Ф. Павловскій.** (РС, ноябрь, 282).

Художникъ-портретистъ († 1822 г.).

Павлуцкій, Г. Г., Орнаментъ Пересопницкаго Евангелія. (Иск, февр., 83—92). Съ рис.

Прозрителевъ, Г. Н. Казанскій каѳедральный соборъ въ Ставрополѣ. (Съ однимъ рис.). (ТрСтавр АрхКом, II, отд. I. 11, 1—22).

***Пушкинъ, А. С.** Золотой пѣтушокъ. Постановка С. И. Зимина. Эскизы декорацій и костюмовъ **Н. Билибина.** М., 1910.

Р., Н. Къ исторіи сервиза съ зеленой лягушкой. (СтГ, 1910, дек., 77).

Раевскій, С. Къ постройкамъ стараго Петербурга. (РС, іюнь, 507—523).

Римскій-Корсаковъ, Н. А. «Музыкальныя статьи и замѣтки» (1869—1907). Со вступительной статьей **М. Ф. Гнѣсина.** Подъ редакціей Н. Римской-Корсаковой. Спб. 223+XLVI. Реценз., **В. Вальтеръ** (СМ, іюнь, 356—357).

Романовъ, Н. И. Музей изящныхъ искусствъ въ Москвѣ. (ЗМАИ, томъ VII, III, 1—19).

Ростиславовъ, А. Б. Кустодіевъ. (Апол, 1910, дек., 7—14).

Приложенъ списокъ работъ Б. Кустодіева. Съ многочисл. иллюстраціями.

Ростиславовъ, А. «Золотое Руно». (Апол, 1910, іюль-авг., хрон., 42—44).

Ростиславовъ, А. О «любви къ старинѣ» и Калужскомъ Гостинномъ дворѣ. (СтГ, янв., 57—59).

Ростиславовъ, А. Охрана старины и съѣздъ зодчихъ. (СтГ, февр., 59—61).

Ростиславовъ, А. Ренессансъ русской церковной архитектуры. (Апол, 1910, іюль-авг., 20—30).

Ростовцевъ, М. И. По музеямъ южно-славянскихъ столицъ. (ЖМНПр, іюнь, отд. IV, 35—46).

—*Русская женщина въ гравюрахъ и литографіяхъ. Выставка портретовъ. Спб. 64. Съ 15 рис.

***Сидамонъ-Эристова, В. А.** и **Шабельская, Н. П.** Собраніе русской старины. Вып. I. Вышивка и кружева. М. 1910.

Симони, П. К. Н. Е. Струйской, поэтъ-метроманъ и его сельская типографія (1788—1796). (СтГ, янв., 38—42).

Приложена литература о Н. Е. Струйскомъ (ib. 42—43). См. письмо **В. Семен-**

никова (ib. февр., 72), вносящее исправленіе.

***Смирновъ, Я. И.** Описаніе одного польскаго сборника портретовъ XVII вѣка (отт. изъ труд. XIV Арх. съѣзда, т. III). М. 4°. 83+VI лл. портр.

— Снимки съ древне-христіанскихъ изображеній. (СтМ, янв., стр. 5 и 59; мартъ, стр. 180).

Къ статьѣ **Н. Д. Зенина** «Исторія двуперстія въ картинахъ». (*выше XVI*/1, *346*). 1. Изображеніе Спасителя на слоновой кости (Парижъ, Лувръ, XI в. Изъ коллекціи Н. Д. Зенина). 2. Часть древняго складня изъ слоновой кости (латинск. происхожденія). Парижъ, Лувръ, 2125. VI в. (два перста отбиты, но ясно видно двуперстіе). Изъ коллекціи Н. Д. Зенина. 3. Изображеніе Благовѣщенія. Средніе вѣка. Парижъ, Лувръ, № 1, 1265.

Сологубъ, Ѳедоръ. Восходящая Альдонса. (Алконостъ, кн. I, 1—3).

Памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

Сосновскій, К. П. Храмъ Покрова Пресвятой Богородицы въ с. Макаровкѣ, Льговск. у., Курск. губ. (съ изображеніемъ иконостаса). (ТрКурАрхКом, I, 163—165).

***Судравскій, В. К.** Военная галлерея Зимняго Дворца. (Къ предстоящему юбилею 1812 г.). Спб. 1910. 38.

Сумцовъ, Н. Ф. Новости по исторіи украинскаго искусства. (ВХИФО, вып. I, 58—69).

Сусловъ, В. В. Русское зодчество по преданьямъ народной старины. Изд. т-ва Голике и Вильборгъ. Спб. 4°. 2 нен.+54. Реценз.: **Н. Л.** (ИВ, сент., 1163—1164).

Swastica. Польская хроника. (Апол, май, 59—61).

О № 1 журнала «Sztuka». Польскій театръ.

Тепловъ, А. Н. Одинъ изъ памятниковъ наступающаго въ русской жизни пятидесятилѣтія (РС, февр., 301—308).

Памятникъ Александру II въ г. Ченстоховѣ, работы Опекушина, воздвигнутый въ 1889 г. на средства, собранныя мѣстными крестьянами.

Тимофеевъ, Г. М. А. Балакиревъ въ Прагѣ. (Изъ его переписки). (СМ, іюнь, 147—186).

Титовъ, Ан. (сообщ.). Краткая записка о раскольническихъ слободахъ, монастыряхъ, вновь возникшихъ сектахъ и прочихъ тому подобныхъ. (ДЧт, іюль-авг., 265—300).

Составлена единовѣрч. монахомъ Мельхиседекомъ Якубовскимъ по порученію преосв. Іакова, еписк. Саратовскаго въ 1837 г.

Титовъ, Андр. Памятная доска Екатеринѣ II. (СтГ, 1910, дек., 76—77).

Сооружена С. Е. Карновичемъ въ знакъ благодарности за пожалованіе Ярославскихъ вотчинъ. Нынѣ принадлежитъ автору замѣтки.

Троицкій, В. И. Плащаница XVII в., работы В. Познанскаго. (ВМАИ, т. IX, II, 1—20).

Тугендхольдъ, Я. Осенній Салонъ. (Апол, 1910, дек., 26—36).

Гл. VI-я посвящена русскому искусству, представленному въ осеннемъ салонѣ.

Тугендхольдъ, Я. «Русскій сезонъ» въ Парижѣ. (Апол, 1910, сент., 5—23).

Русскій балетъ и декоративное искусство.

Т., L. Эрмитажъ. (СтГ, февр., 61—62).

Новая картина, извлеченная изъ кладовыхъ.

Успенскій, А. И. По поводу одной замѣтки о словарѣ царскихъ иконописцевъ и живописцевъ XVII в. (ЗМАИ, т. IX, IV, 1—2).

По поводу замѣтки **бар. Н. Врангеля** (СтГ, 1910, ноябрь, 66—67).

Успенскій, А. И. Древне-русскій буквенный орнаментъ. (ТрЦ-Арх ЛДПр, I, 1—34).

Успенскій, А. И. Царскіе иконописцы и живописцы XVII в. *(выше XVI/$_1$, 348)*. Реценз.: **Н. Новомбергскій.** (ЖМНПр, мартъ, отд. III, 175—178); **бар. Н. Врангель** (СтГ, 1910, ноябрь, 66—67).

Успенскій, А. И. Фрески церкви Преображенія Господня Спасо-Мирожскаго монастыря. Съ 6-ю фотографическими таблицами. (ЗМ АИ, т. VII, I, 1—12).

Успенскій, А. И. Очерки по ист. русск. искусства... *(выше XV/$_2$, 324)*. Отзывъ **В. Прилуцкаго** (Чт КА, X).

Успенскій, В. И. и **Целепи, Л. Н.** Бытовая жизнь Великаго Новгорода по «Царственному лѣтописцу». (СбНовгОбщЛюбДр, вып. II, 1 нен. л. и 16 л. рисунковъ).

Успенскій, В. И. и **Целепи, Л. Н.** Объясненіе къ картинамъ изъ царственнаго лѣтописца, напечатаннымъ во 2-мъ выпускѣ Сборника. (СбНовгОбщЛюбДр, вып. III, 4 стр.).

Фартусовъ, В. Д. Нѣсколько словъ о живописи, иконописи и фряжскомъ письмѣ. (ТрЦ-АрхОЛ ДПр, I, 92—97).

Фалькерзамъ, А., бар. Новый залъ драгоцѣнностей Императорскаго Эрмитажа. (СтГ, янв., 26—33).

***Финдейзенъ, П.** Музыкальная Старина. Сборникъ статей и матеріаловъ для исторіи музыки въ Россіи. Вып. IV. Спб. 1907. 67—161. Вып. V. Памяти Степана Васильевича Смоленскаго. Спб. 102 Съ 5 рис.

Цвѣтаевъ, И. В. Музей изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III при Московскомъ университетѣ. (ЖМНПр, авг., отд. 4; 31—57).

Цвѣтковъ, П. В. Болгарскій распѣвъ. (СтМ, февр, ЦеркПѣн, 24—26).

Цвѣтковъ, П. В. (†). Къ исторіи древняго церковнаго «Знаменнаго пѣнія. (Докладъ на концертѣ 13 марта с. г.). (СтМ, апр., Церк. Пѣн. 67—74).

Чечулинъ, Н. Гравированные портреты Нестора лѣтописца. (Сб Плат, 70—75). Съ 2-мя портретами.

Устанавливается, что портретъ Нестора (см. Ровинскій «Сл. русск. грав. портр.» т. II, стр. 1351—52), изданный кн. Бѣлосельскимъ, отпечатанъ съ доски гравера XVIII в. Б. Фоллино, работы художника Рибейры съ нѣкоторыми измѣненіями.

Шадринъ, І. Изгоняютъ. (СтМ, мартъ, 204—205).

Отношеніе православнаго духовенства къ древнимъ памятникамъ иконографіи.

Шамуринъ, Ю. О Рокотовѣ. (СтГ, февр., 71—72).

Шемшуринъ, А. О. В. Гзовская. М. 1909. Реценз.: **З.** (Апол, 1910, стр. 52—54).

Шереметевъ, С. Д. (сообщилъ) Два обелиска. (РА, май, 109—112).

О Кусковскомъ обелискѣ въ память Ланского.

Шереметевъ, С. Д. (сообщилъ) Къ исторіи Шереметевскихъ пѣвчихъ. (РА, май, 112).

Щ., В. Старое искусство въ Галиціи. (Иск, № 10, 414—424).

Щербаківський, В. Архитектура у ріжних народів і на Украіні,

Львів—Київ, 1910. 256. Реценз.: **В. Кричевський** (ЛНВ, XIV, т. LIII, 440—441).

***Щербатова, М. Н., кн.** Матеріалы для справочной книги по русскимъ портретамъ. М. 1910. Вып. 1 (А.) и 2 (Б.). Реценз.: **бар. Н. Врангель** (СтГ, февр., 53—55).

Э., П. Замокъ въ Мирѣ. (СтГ, 1910, ноябрь, 47—48).

Эттингеръ, П. Выставка произведеній А. Орловскаго въ Варшавѣ. (СтГ, янв., 62—63).

Янжулъ, Ив. И. Е. Цвѣтковъ— основатель Цвѣтковской картинной галлереи въ Москвѣ. (РС, февр., 321—335) и отт. Спб. 17. Съ портр.

Яремичъ, С. П. Строенія Межигорской фабрики. (Иск, № 6—7, 274—292) съ планами и рис.

Къ исторіи Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики конц. XVIII в.

Яремичъ, С. П. Александръ Бенуа. (Иск, № 4, 152—169).

Съ многочисленными иллюстраціями.

Яремичъ, С. М. А. Врубель. (=Собраніе иллюстрированныхъ монографій подъ ред. **Игоря Грабаря**). Реценз.: **Л. Камышниковъ** (НЖ, № 6, 264—266).

Ritter, W. Моравская живопись. (Апол, 1910, дек., хрон., 11—14).

Ritter, W. Письмо о славянскомъ искусствѣ. (Ап. апр., хрон. 6—8).

Bareš, F. Šlechta a umění (barokní) v Boleslavsku v l. 1660—1760. (PAM, 1910, XXIV, 135—136).

***de Basily-Callimaki.** J. B. Isabey, sa vie et son temps. Paris, 1909. Реценз.: бар. **А. Фелькерзамъ.** (СтГ, 1910, дек., 67—71).

Въ книгѣ воспроизведено много русскихъ портретовъ Изабэ. Авторъ рецензіи приводитъ списокъ оригиналовъ Изабэ, не упомянутыхъ въ трудѣ г-жи Базили. См. письмо въ редакціи княжны **П. М. Голицыной** (ib., 1911, янв., 64), вносящей исправленіе.

Batka, R. Studien zur Geschichte der Musik in Böhmen. (MVGD, 1910, XLVIII, 144—149).

***Batowski, J.** Wystawa dzieł Jana Piotra Norblina (1745 — 1830). Warszawa, 1910. 30.

Branberger, J. Počátky moravské opery. (ND, XVI, 572—577).

Braniš, J. Svatá Koruna. (Dodatky). (ČSPSČ, XIX, 1—4).

Chybiński, A. Notatki biograficzne o przełożonych kapeli rorantystów w XVII st. (KwMuz, I, 142—146).

Chybiński, A. Kilka słow o dawnych polskich skrzypcach. (KwMuz, 1911, I, 147).

Chybiński, A. Teorya mensuralna w polskiej literaturze muzycznej pierwszej połowy XVI w. (RAkUmF, ser. 3, t. 3, 361—386). Реценз.: **Н. О.** (KwMuz, I, 204—205).

Chybiński, A. Tabulatura organowa Jana z Lublina (1540). (KwMuz, I, 9—35, 122—141).

***Chybiński, A.** Materyały do dziejów krol. kapeli Rorantystów na Wawelu. Część I: 1540—1624. Kraków, 1910. Реценз.: **Н. О.** (KwMuz, I, 204); **H. Opieński** (Książka, 412).

Czarnecki, Kaz. Wagner, Strauss a młoda muzyka Polska. (PgN, VII, 64—92).

Doležil, H. Odkaz Fibichův. (Hud Rev, 1910, III, 441—452).

Doležil, H. Nová theorie o národním rázu hudby umělé na Moravě (HudRev, 1910, III, 266—271).

Doležil, H. Morava a B. Smetana (HudRev, II, 477).

Dunin-Kozicki, J. Białystok w XVIII wieku. (Miasto, jego mieszkańcy, charakterystyka J. K. Branickiego, majątki hetmańskie białostocki pałac.) (KwLit, I, 3, 59—80).

Edgar, E. Naše vědění o Jos. Mánesovi. (PokrR, 1910, VI, 598—611).

Emingerová, K. České styky Bedřicha Chopina (Zvon, 1910, X, 261...

Fabian, V. Cínové křtitelnice v chrámech pražských. (OAM, 1910, XXIV, 114—122).

— Zdeněk Fibich. († 1901) *Památník Fibichův. Uspořádal **A. Rektorys.** (Dalibor, 1910, XXXII, seš. 42—47, стр. 315—350).

Содерж.: Hostinský, O.: † Fibich. — Nejedlý: Z. Fibich a Hostinský.—Rektorys, A.: Z. Fibichova mládí.—Fibich, R.: Rodokmen Z. Fibicha.—Pešek, J.: Počátky kritické činnosti Z. Fibicha.— Rektorys, A.: Fibich dramaturg.—Helfert, W.: Z. Fibichovy knihovny.— Axman, E.: Fibichův koncertní melodrama.—Zich, O.: Z. Fibicha symfon. báseň «Potopený zvon».— Čapek, B.: Dva symfonické fragmenty Fibichovy.— Nejedlý, Z.: Operní pokusy a plány Z. Fibicha.— Rektorys, A.: Z. korrespondence Fibichovy.—Hostinský, O.: Osudy zpěvoher Fibichových na Národ. divadle.—Foerster, J. B.: Vzpomínka.—Šubert, F. A.: Několik rysů.—Pippich, K.: Několik vzpomínek.— Piskáček, A.: Dva okamžiky.

Foerster, J. B. P. I. Čajkovský. (Lum, XXXIX, 168—172).

Gawiński, A. Marjan Wawrzeniecki. Studium. (Sfinks, 1910, XII, 2—30).

Gostomski, W. Problemat pracy polskiej. (Rzecz z powodu «Legiendy młodej Polski» Stanislawa Brżozowskiego, Lwów, 1910), (Sfinks, XIII, 86—110, 265—281).

Hajdecki, A. Vestigia artificum Polonorum Viennensia. (1793 — 1810) Część druga. (PwN, XXXIX, 16—26). Roman Wincenty Jeuffroy. (103—114).

***Harlas, F. X.** Malířství. České umění. Sv. 1. Praha, 1909, 268. Реценз.: **K. B. Mádl** (Národní listy, 1909, č. 87); **F. X. Šalda** (Novina, II, 376—378); (VS, XIII, 178—179); **R. Tyršová** (Osvěta, 1909, 660—662).

Hejnic, O. Jakub Jan Hartmann, malíř. (PAM, 1910, XXIV, 135—138).

Чешскій живописецъ конца XVII в.

Helfert, V. K otázce národnosti v děj. hudby v Čechách: Jiří Benda. (ND, XVI, 740—753).

Herain, J. Hlavní oltář v kostele Karla Boromejského ve Vídni dílo Ferd. Max. Brokoffa. (ČSPSČ, XIX, 5—9).

Hnilička, A. Kde domov můj (Hud Rev, 1910, III, 23—27).

Касается чешскаго національнаго гимна.

Hnilička, J. V. J. Tomášek jako theoretik, myslitel a badatel hudební. (ČR, 1910, III, 664—670).

Hoffmeister, K. Vítězslav Novák. (HudRev, 1910, III, 497—507).

***Hostinský, O.** Smetanovy názory na hudbu. (Dalibor, XXXI, 224—238).

Jachimecki, Z. Kilka niekompletnych kompozycyi polskich z XVI w. (KwMuz, I, 36—38).

Jachimecki, Z. Wydawnictwa polskie w roku jubileuszowym Chopina. (PgPol, CLXXIX, 232—235).

***Jachimecki, Z.** Wpływy włoskie w muzyce polskiej. Część I. 1540—1640. Kraków.

Jachimecki, Z. O muzyce. Nowe plony muzyki polskiej. (MLA, I, 58—63).

***Jiránek, M.** O českém malířství moderním. (VS, XIII, 199 — 210, 251—263).

Jiránek, M. Příležitostná kapitola o starším českém umění (VS, 1910, 388—391).

***Jiřík, F. X.** Vývoj malířství českého v XIX stol. Praha, 1909. 154.

***Jones, E. Alfred.** The Tzar's Collection of Old Englisch Watches. («The Connvisseur», № 108, авг. 1910). Реценз.: (СтГ, 1910, ноябрь, 68).

Kaczmarczyk, K. Wyrób złotnika Toruńskiego Clausena z r. 1796. (ZTNT, 1910, 204—205).

Kamper, J. Z počátku novočeského divadla. (Lumír, 1909, XXXVIII, 74—81, 117—126).

Kamper, J. V. J. Tomášek. (Hud Rev, 1910, III, 199—203).

***Kamper, J.** Petr Brandel. Praha. Реценз.: **F. P.** (ČSPSČ, XIX, 22—23).

Karłowicz, M. Notatki o dawnych polskich zkrzypcach. (z papierów pośmiertnych). (KwMuz, I, 39—47).

Kestrzyński, S. i Opieński, H. Hymn na cześć Krakowa z XV-go wieku Mikołaj z Radomia (KwMuz, I, 5—8, 115—121).

Klein, F. Kościół ŚŚ. Piotra i Pawła w Krakowie. Kraków, 1910, 35. Реценз.: **F. Kópera** (KwH, 1910, XXIV, 629).

Kraushar, A. Karol Grell, rytownik, i szkic rysunkowy arysty—malarza Aleksandra Orłowskiego z roku 1802. (Sfinks, 1910, XII, 199 — 208).

—*Les anciennes Écoles de Peinture dans les Palais et Collections privées Russes représentées à l'exposition organisée à St.-Pétersbourg en 1908 par la revue d'art ancien «Staryé Gody» Bruxelles. S. v. Oest & C° 1910. Реценз.: (СтГ, февр., 55).

Kohút, J. Priebeh života slovenského divadla v Turčianskom Sv. Martine. (SlP, XXXI, 165—171).

—Kwartalnik Muzyczny. Organ «Sekcyi naukowej» przy Towarzystwie Muzycznem w Warszawie. Rok I, zeszyt 1. Реценз.: **Z. Jachimecki** (PgPol, CLXXXI, 253—257).

Leger, L. La renaissance tchèque au XIX siècle. Paris, XV+271. Реценз.: **Č. Zíbrt** (ČMKČ, LXXXV, 393—395).

***Machač, J.** Bedřich Smetana a cizina. Hradec Králové, 1910. Реценз.: **L. Vycpálek** (HudRev, 1910, III, 415—417), = (Venkov, 1910, č. 236).

***Machač, J.** Bedřich Smetana a cizina do konce roku 1908. (Ratibor, 1909, č. 9, 10, 11, 17, 18, 19, 20, 22, 24, 28, 48).

Mareš, F. Stavitel Pavel Ignác Bayér. (PAM, 1910, XXIV, 123—134, 362—370).

Чешскій архитекторъ XVII вѣка.

Markovičová, L. Slovenská pieseň. (Naše Slovensko, 1910, III, 195 — 206).

Matějček, A. Mosaika a problém barvy. (VS, XV, 35—46).

Статья касается большей частью мозаикъ въ храмѣ св. Вита въ Прагѣ.

M. [atějček]. Mosaika chrámu sv. Víta. (VS, XV, 72).

Mauder, J. Tvůrce Krocínovy kašny. (Zvon, IX, 612—613, 633—634).

Nejedlý, Z. Smetaniana. (HČ, IV, č 13, 17, 21, 29, 37, 41).

***Neuwirth, J.** Von deutscher Kunst in Prag. (DA, VIII, 349—365).

Pacovský, E. Šedesáte let českého umění. (Meditace, II, 45—55).

Podlaha, A. Materialie k slovníku umělců a uměl. řemeslníků v Čechách. (PAM, XXIII, 445—589).

Pollak, O. Studien zur Geschichte der Architektur Prags 1520—1600. (Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses XXIX, 2) Wien, 1910. Реценз.: **F. P.** (CSPSČ, XIX, 21—22).

—Portrety polskie w. XVI – XIX, wydane przez Marję z hr. Branickich ks. Jerzową Radziwiłłową pod redakcją dra. **J. hr. Mysielskiego** prof. Uniw. Jag. T. I, zesz. 1. Lwów, 4°, 51 + X таблицъ. Реценз.: **F. Klein** (PgP, CX, 253—257).

Pułjanowski, B. Pamiątki polskie w Cesarskim Ermitażu w Petersburgu. (KwLit, I, 4, 97—106).

Prusiewicz, A. Teatr polski w Kamieńcu Podolskim. (Ruś, I, 64—95).

Ritter, W. Poznámky o hudební kultůře Slováků. (Naše Slovensko, 1910, III, 169—177).

Simonówna, A. Stosunek sperontesa: «Singende Muse an der Pleisse...» do muzyki ludowej Polskiej. (KwMuz, I, 48—54).

Smolík, J. Ezechiel Paritius-Ezechiel Sýkora. Český malíř ve Slezsku. (PAM, 1910, XXIV, 9—12).

Soukup, J. O svobodných umělečnostech neb kunstech 1771. (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 376—377).

Šourek, O. Dopisy Ant. Dvořáka Dru Emilu Kozánkovi v Kroměříži. (HudRev, 1910, III, 298—305, 345—349, 398—403).

Stasiak, L. O narodowości Wita Stwosza. Kraków, 1910. 38. Реценз.: **E. Niewiadomski** (Książka, XI, 245).

Štěpán, V. a Novotný, J. Glossy k Borisi Godunovu. (HudRev, IV, č. 1). Реценз.: **Dr. Č.** (PřRev, VII, 8—9).

Steska, V. Slikar Janez Wolf (1825—1884). Ljubljana, 1910. Реценз.: **Mantuani** (Carn, II, 215—216).

Sulík J. Lidová galerie v Kutné Hoře. (PR, XXIV, 165—167).

Szreniawa, A. Dzieła polskie w muzeum sztuki rosyjskiej. (PgN, VII, 93—98).

Tatarkiewicz, Wl. Wystawa dzieł Aleksandra Orłowskiego (1777—1832). Katalog. Warsz. 1910. 56.

Treter, M. January Suchodolski. Korrespondencya artysty z lat 1849—1869. (PwN, XXXIX, 40—62).

Treter, M. Polski malarz-oryentalista i jego podróż na wschód w 1852 i 1853 roku. (MLA, I, 265—278).

Walde, O. Det Rosenbergska Bibliotekets ex libris, Ett tillägg. (Allmänna Svenska Boktryckareföreningens Meddelanden. Stockholm, 2—3).

Wawrzeniecki, M. Matejko, jako antysemita. (Sfinks, 1910, XII, 252—255).

Wellner, K. Mikuláš Aleš. (PokR, XXIII, 52—58, 156—161, 263—267).

Wellner, K. Antonín Slavíček. (PR, XXIV, 52—58).

Выдающійся чешскій живописецъ XX в.

***Winter, Z.** Řemesla a živnosti XVI věku v Čechách.. Реценз.: = (ČVSO, 1910, XXVII, 69—71).

Winter, L. Tvůrce kašny Krocínovy. (Zvon, IX, 305—308, 613—614).

—Wizerunki Królów i Książąt polskich. Zeszyt I. Warsz. 1 стр. + 16 лл. рис.

Z., I. H. VI. umetniška razstava v paviljonu R. Jakopiča. (Spomladanska razstava).— Umetniška razstava na Bledu 1911.—Mednarodna umetniška razstava v Rimu. (Veda, 493—497).

Zahorski, W. Kościół św. Mikołaja w Wilnie. (KwLit, I, 3, 41—50).

Zíbrt, Č. Mozartův přítel a životopisec prof. Fr. Němeček, protektor muzikantské společnosti v Sadské 1818. (Kvety, 1910, XXXII, 505—512, 617—622).

Zubatý, J. Z upomínek na Antonína Dvořáka. (HudRev, 1910, III, 16—20).

Zubatý, J. Hlas volajícího na poušti? (HudRev, II, 161—166).

Къ 5-той годовщинѣ смерти Дворжака.

Zubrzychi, S. J. Skarb architektury w Polsce. Tom I, 100 tablic. Реценз.: **F. Kopera** (KwH, 1910, XXIV, 625—626).

IV. Исторія славяновѣдѣнія.

А. Статьи общаго характера. Б. Статьи, посвященныя дѣятельности и памяти выдающихся лицъ. В. Некрологи. Г. Собранія сочиненій. Д. Указатели.

— Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1910 г. (ВЕ, 1910, дек., 458—463).

— † М. Н. Альбовъ, (род. въ 1851 г., † въ іюнѣ 1911). Некрологи: (РМ, іюль, хр. 47).

Писатель беллетристъ.

Арнаудовъ, И. Доситей Обрадовичъ. (По случай стогодишнината отъ смъртьта му). (СлГ, IX, 86—88).

Арсеньевъ, Н. М. М. Стасюлевичъ (28 авг. 1826.,+23 янв. 1911). (ВЕ, февр., III—VIII).

Арсеньевъ, К. † П. Ф. Якубовичъ (ВЕ, апр., 418—420).

Ар-нъ, К. (solus). Т. Г. Шевченко, 1861—1911. (ВсеобщЖ, № 4, 9—32 столб.).

Ашевскій, С. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ современниковъ. Спб. VIII + 328. Реценз.: (РБ, май, отд. II, 168—169); **Г. Плехановъ** (СМ, май, 346—349); (ВсеобщЖ, № 5, 217—218 столбц.); (НовЖВ, іюнь, 132).

***Афонскій, А. П.** Н. И. Пироговъ. Его жизнь и педагогическая проповѣдь. М., 1910. 87.

Б., Н. и Щ., Д. Выставка художественныхъ произведеній Т. Г. Шевченко. Кіевъ. (Иск, март., 135—143).

Б., П. Поминки по Н. И. Пироговѣ (РА, 1910, дек., 687).

Б⟨артеневъ⟩, П. Ѳ. В. Чижовъ. Къ столѣтію его памяти. (РА, II 310—312).

— † И. И. Барышевъ, (род. 1854,+въ іюнѣ 1911 г.). Некрологи: (РМ, іюль, хр., 46).

Московскій журналистъ и драматургъ, писавшій подъ псевдонимомъ Мясницкій.

Бенешевичъ, В. Н. М. И. Горчаковъ (некрологъ). (ЖМНПр, мартъ, отд. IV, 1—17) и отд. Спб. 19.

***Бехтеревъ, В. М.** Софійскій съѣздъ и впечатлѣнія изъ Болгаріи. Спб. 24.

— Библиографически Бюлетинъ. За депозиранитѣ въ Софийската народна библиотека книги, списания и вѣстници прѣзъ 1906 — 1907 г. Година X — XI. Изд. Народната библиотека въ София. София, 1910.

Бобчевъ, Н. С. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. (Животъ, славянофилски идеи и заслуги къмъ славянството и България). (СлГ, IX, 80—85).

Бончевъ, Г. Георги Н. Златарски. («Лѣтописъ на българ. книж. Друж. въ София» за 1909 годъ, 71—88).

Бороздинъ, И. Графъ А. С. Уваровъ. (Къ 25-лѣтію со дня его смерти). (Гермесъ, 1910, № 1, 7—12).

Бороздинъ, И. Памяти В. О. Ключевскаго († 12 мая 1911). (СМ, май, 309—312).

Боцяновскій, Вл. Памяти В. Г. Бѣлинскаго (ВсеобщЖ, № 6, 9—18 столбц.).

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Юбилейное изданіе (1811—1911). Подъ ред. **Ивана-Разумника,** Спб. Т. I. CXXIV+1040; т. II—1140 столб.; III—1117 столбц. Реценз.: (ВЕ, апр., 335—336); (РБ, іюнь, отд. II, 150—151).

Изданіе снабжено вступительными замѣтками Иванова-Разумника, примѣчаніями и историко-критическимъ и біографич. очеркомъ. Приложенъ портретъ Б-аго и именной алфавитн. указатель.

Бѣлинскій, В. Г. Собр. соч. въ 6 томахъ. Съ портретомъ, автографами и письмами автора, указателемъ разбираемыхъ писателей и произведеній, указателемъ темъ и вопросовъ, затрагиваемыхъ авторомъ попутно въ различныхъ статьяхъ и критико-біографическимъ очеркомъ **Г. В. Александровскаго.** Подъ ред. **Б. К. Фукса.** Изд. книгоизд. Б. К. Фукса, 3-е. Т. I. Кіевъ, VIII+311 и 2 портр. Т. II, 322+11. Т. III, 330. Т. IV, 292.

Бѣлинскій, В. Г. Собраніе сочиненій. Подъ редакціей **Н. Д. Носкова.** Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. XXXII+1766+X стр. (въ 2 столбца). Съ рис. Реценз.: **Вл. Краніхфельдъ** (СМ, апр., 359 — 360); (Рб, іюнь, отд. II, 151—152).

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Съ избранными письмами Бѣлинскаго. Со справочнымъ указателемъ соч. Бѣлинскаго. Т. I—IV. Изд. Южн.-Рус. книг. Ф. А. Іогансона, 4-е. Кіевъ. 746+682+756+667+X и портр.

***Бѣлинскій, В. Г.** Статьи о Кольцовѣ съ приложеніемъ библіографическаго указателя литературы о Кольцовѣ и списки темъ по его сочиненіямъ. (Литературная Библіотека № 4). Вильна, 66+1 нен.

***Бѣлинскій, В. Г.** Статьи о Державинѣ. Статьи о Лермонтовѣ. Историко-литературная библіотека подъ ред. **Иванова-Разумника.** Спб., 16-е XV+123+XXVIII+265.

***Бѣлинскій, В. Г.** Статьи о Лермонтовѣ. Съ приложеніемъ біографіи Лермонтова, библіографическаго указателя литературы о Лермонтовѣ и списка темъ для самостоятельныхъ работъ по его со-

чиненіямъ. (= Литературн. библ. № 3). Вильна, 1910. XXIX + 168.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о Пушкинѣ. Историко-литературная библіотека подъ ред. **Иванова-Разумника,** ч. I и II. Спб. 16°. LIV + 330 + 469. Реценз.: **П. Сакулинъ** (РусскВѣд, № 42, 22 февр.).

— Бѣлоконская, В. Н. († 22 мая 1910 г.) Некрологи: (РусскВѣдом, 1910, № 120; ИВ, 1910, іюль, 343—344).

В., С. Н. Д. Сергѣевскій, какъ ученый и профессоръ. (ЖМЮ, № 1, 791—205).

Вардар. Календар за просту годину 1911. Г. VI. Издање Друштва Кола Српских сестара. Београд, 1910, 148.

Василевскій, Л. Писатель-другъ. П. Ф. Якубовичъ (П. Я.) † 17 марта 1911 г. (ВсеобщЖ, № 5, 5—20 столбц.).

Василенко, Н. Памяти Н. И. Костомарова, какъ историка (Кіевская Мысль, 1910, № 97—98).

Васильевскій, В. Г. Труды. *(выше IV/₂, 293).* Т. I и II, вып. 1-ый. Реценз.: **И. Бороздинъ** (ВЕ, 1910, іюнь, 413—415).

***Винаверъ, М.** С. А. Муромцевъ, какъ адвокатъ. Спб. 23.

Водовозовъ, В. Петръ Филипповичъ Якубовичъ (Совр, апр., 296—305).

Водовозовъ, В. В. С. А. Муромцевъ, какъ предсѣдатель Государственной Думы. (Совр, янв., 282—305).

— Воиновъ П. В. (Некрологъ) (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, 6—8).

† 4 окт. 1910 г. Членъ Вятск. Уч. Арх. Ком.

Врх, Р. Доситијеве књижевне првине. (Бранк Коло, XVII, 183 + 186).

— Выставка артистичних творів Т. Шевченко («Рада» № 46—23 февр.).

— Вѣнокъ на могилу Сергѣя Андр. Муромцева. Подъ ред. **В. П. Обнинскаго.** М. 1910. 4°, 263 + 1. Реценз.: **Г.** (Рѣчь, № 30—31 янв.).

— **Вукова преписка. Књига трећа.** Реценз.: **Н. Петровскій.** (Изв, XV/₂, 241—247).

***Вѣтринскій, Г.** Т. Г. Шевченко. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ прилож. портрета и избран. произведеній Шевченко въ переводѣ русскихъ поэтовъ. М. 80.

В-ъ. Петръ Кузьмичъ Козловъ. (Русскій изслѣдователь Центральной Азіи) (РС, апр., 3—33).

***Галаховъ, І.** Николай Ивановичъ Пироговъ и его религіозно-философскіе взгляды. Томскъ. 18.

Георгијевић, М. Једно писмо Доситеја Обрадовића. (Бранк Коло, XVII, 200—201).

Гессенъ, І. В. Смерть Сергѣя Андреевича Муромцева (Право, 1910, № 42).

— † Голицынъ, А. Н., князь († 18 февр. 1911). Некрологи: (ИВ, апр., 387; МоскВѣд. № 46); **П. Б⟨артеневъ⟩** (РА. № 4, 639).

Авторъ записокъ, помѣщенныхъ въ РА за 1887 г., вып. X.

— † Голубевъ, В. С. († 3 янв. 1911 г.). Некрологи и статьи его памяти: (ИВ, февр., 802—803); (Рѣчь, № 4); **В. П.** (Рѣчь, № 3—4 янв.); **Д. Протопоповъ** (Рѣчь, № 4—5 янв.), **А. Рыкачевъ** (ibid.); **Н. Львовъ** (РМ, февр, II, 184—186);

Д. Протопоповъ (ibid. 186—188); П. Б. Струве (ibid. 188—189).

Вас. Сем. Голубевъ — публицистъ по земскимъ вопросамъ, редакторъ журн. «Земское дѣло».

Гнатюк, В. Десятилїтє українсько-руськоЇ Видавничої Спилки у Львові. (ЛНВ, 1910, XIII, 49, 335—344).

Головацький, Я. Корѐспонденција.... в літах 1835—49 *(выше XIV/₄, 355)*. Реценз.: **S. Zdziarski.** (PgP, 1910, lipiec, 113—114).

Голомбіевскій, А. А. Н. Супоневъ. 1770—1819. (ТрВладАрхКом, X, хрон., 46—50).

А. Н. Супоневъ—бывшій Владимірск. гражданск. губернаторъ. Біограф. очеркъ перепечатанъ изъ II-го тома Сборника біографій кавалергардовъ (стр. 442—446) съ нѣкоторыми дополненіями Н. А. Мурзанова.

— А. П. Голубцовъ (20 ноября 1860 г. + 4 іюля 1911 г.). Некрологъ. (БВ, іюль — авг., 1—47).

Приложенъ списокъ трудовъ А. П. Голубцова, проф. по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики Моск. Дух. Ак.

Горнфельдъ, А. А. М. Скабичевскій. Некрологъ. (РБ, янв., II, 191—193).

***Городецкій, Б. М.** Систематическій указатель содержанія «Историческаго Вѣстника» за 25 лѣтъ. (1880—1904 гг.).

— Н. Я. Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Спб. 1910.

Грујић, Р. М. Говор у славу владике Никанора Грујића—Срб Милутина, приликомъ стогодишњице његова рођења. (БГл, XIX, 49—61).

Грушевський, М. Два юбилеї. (ЛНВ, XIV, Т. LIII, 449—458).

Т. Г. Шевченко и освобожденіе крестьянъ.

Грушевський, М. На українські теми. (ЛНВ, LIII, 57—66).

Грушевский, О. Українське письменство в 1909 р. (ЛНВ, 1910, XIII, січень, 86—99).

Д. Д. Микола Костомаров. (Світло, 1910, ч. 4, 19—33).

Дамбергъ, В. Янъ Порукъ. (РМ, авг, хрон, 28—30).

Я. Порукъ, видный латышскій писатель, скончавшійся 11 іюня с. г. въ Юрьевѣ.

Дере, Ђ. Змај Јован Јовановић и Хорације. (ЛМС, 1910, LXXXVI, св. II, 1—9).

Доброславскій, В. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ. (ВР, № 4, 441—458; № 5, 594—610; № 6, 743—757.

—†Василь Доманицький. (1877—1910). (Уч. 1910, XXI, 273—275); **М. Грушевський** (ЛНВ, 1910, XIII, вересень, 541—543).

Дарош, С. Кріпацтво в тварах Шевченка. («Рада», № 46—26 февр.).

Дорошенко, В. Борис Грінченко. (1863—1910) (ЛНВ, 1910, XIII, вересень, 448—469).

Дыбовъ, Г. Г. Ecce Homo! (Съ рис.) (ТрСарАрхКом, XXVII, 2, 41—51).

Поѣздка въ с. Волхонщину, им. Н. В. Калачова.

Дьяконовъ, М. А. М. И. Горчаковъ. 1838 — 1910. Некрологъ. (ИзвАк, 1910, № 13, 973—974).

Ефремовъ, С. Манівцями (Рада, 1910, ч. 79).

Къ 25 лѣтію со дня смерти Костомарова.

***Ефремовъ, С.** Над могилою Бориса Грінченка. Автобіографія,

похорон. споминн, статті. Кіевъ. 1910. 183. Съ портр. и рис.

Ефремовъ, С. Памяти П. И. Житецкаго (Кіевск. Мысль, № 65—6 марта).

Ђирић, И. Доситеj као богослов. (Бранк Коло. XVII, 189—192).

Ђорђевић, Т. Р. Доситеj Обрадовић и Румуни. (СКГ, XXVI, 452—461).

Жебелевъ, С. А. Памяти Е. К. Рѣдина (ЗапКласОтдИАО, VI, VIII—XIII).

Живановић, J. Из српскога jезика. Сложене риjечи у «Животу Доситеjа Обрадовића». (Бранк Коло, XVII, 316—317).

— † Житецкій, П. И. († 5 марта 1911). Некрологи: **В. П.** (Кіевск. Мысль, № 65—6 марта); **Всев. Чаговецъ.** «Цвѣты запоздалые» (Памяти П. И. Житецкаго) (Кіевск. Мысль, № 78—19 марта); (ИВ, апр., 389—390); (Рѣчь, № 65); (РМ, стр, хрон, 54).

— † Проф. Г. Н. Златарски. (Пр ПДБ, 1910, кн. IV, III—IX).

Игнатьевъ, С. Наша слабость на Востокѣ (По поводу русско-персидской школы въ Тавризѣ) (ИВ, апр., 205—210).

Игнатовъ, И. Памяти Шевченко. (РусскВѣд, № 46—26 февр.).

Илешић, Фр. Доситеj и Словенци. (БранкКоло, XVII, 201—202).

Ильинскій, Г. А. Памяти профессора М. Г. Халанскаго. (Изв, XV/4, 222—228).

Ирскій. Великій украинецъ. (Кіевск. Почта, № 620—26 февр.).

Jагић, В. Доситиjева рjечитост. (БранкКоло, XVII, 177—180).

Jаковљевић, М. О Доситиjеву jезику и стилу. (БранкКоло, XVII, 203—206).

К., Д. Тарасъ Шевченко. Къ 50-лѣтію со дня смерти. (Кіевск. Отклики, № 8—26 февр.).

— † П. К. Камышанскій, (Некрологъ) (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, 3—5).

† 24 сент. 1910 г. Предсѣдатель Вятской Уч. Арх. Ком.

— **Календар Просвjета на годину 1911.** Уредио В. Ћоровић. Сараjево, 1910, 222, 8°.

— **Другъ народа Александръ** Львовичъ Караваевъ. Спб. 1910. Реценз.: **В. В.** (ВЕ, 1910, ноябрь, 422—425); **А. Фаресовъ.** (ИВ, 1910, ноябрь, 747—748).

Сборникъ статей памяти депутата второй Гос. Думы, павшаго отъ руки убійцы 5 марта 1908 г.

*Карауловъ, В. А. († 19 дек. 1910). **Петръ Струве.** Памяти В. А. К-а (РМ, февр., II, 181—183). Некрологи: (ИВ, февр., 804—805 и «Рѣчь» 1910, № 349).

Кауфманъ, А. Е. Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ (Изъ личныхъ воспоминаній и разсказовъ) (ИВ, 1910, окт., 225—234).

Кизеветтеръ, А. А. Памяти В. О. Ключевскаго (РМ, іюнь, отд. II, 135—140).

— **А. А. Киселевъ,** (род. 1838, † 20 янв., 1911). **Некрологи:** (РМ февр., II, 261).

К—въ, — извѣстный русскій пейзажистъ.

Клименко, Ю. На батьківщинї Т. Г. Шевченка. (ЛНВ. Т. LIV, 197—208).

Клочковъ, М. Изъ траурныхъ воспоминаній. В. О. Ключевскій. 1839—1911. (Совр, май, 344—353).

— В. О. Ключевскій. (16 янв. 1841 † 12 мая 1911). Некрологъ (БВ, май, 5—24).

Рѣчи проф. І. А. Артоболевскаго, С. И. Смирнова.

Ковалевскій, М. М. Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. (НПеВ, 1910, ноябрь, 81—86).

Ковалевскій, М. Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.—Опытъ его характеристики. (ВЕ, 1910, ноябрь, 363—367).

Ковалевскій, М. Ключевскій, В. О. † Некрологъ. (ВЕ, іюнь, 406—411).

Книжникъ. Невѣста Шевченка. («Кіевск. Мысль», № 57—26 февр.).

***Коганъ, П.** Бѣлинскій. М. 80.

***Коганъ, П.** Бѣлинскій и его время. М. 151.

Колосовъ, Н., свящ. Мое знакомство съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). (ЧтОЛДПр, 1910, окт. 575—584).

Колтоновская, Е. Критикъ-идеалистъ. (Памяти Бѣлинскаго). (Нов ЖВ, май, 78—88 столбц.).

Колтоновская, Е. Т. Г. Шевченко. (26 февр. 1861 г.—26 февр. 1911 г.) («Рѣчь», № 55—26 февр.).

Колтоновская, Е. † Александръ Михайловичъ Скабичевскій. (ВЕ, февр., 379—383).

— Перший Український просьвітно-економічний конгрес уладжений Товариством «Просьвіта» в сорокліте заснованя у Львові в днях 1. і 2. лютого 1909 року. Протоколи і реферати зредагували **Др. Іван Брик і Др. Михайло Коцюба.** Львів, 1910. Коштом і накладом товариства «Просьвіта». XVI+656, 8°.

— † А. А. Копыловъ. Некрологъ: **В. Баскинъ.** (ИВ, апр., 391—392)

Русскій композиторъ.

Кореневскій, П. На могилѣ Шевченко («Кіевск. Мысль, № 57—26 февр.).

Кореневскій, П. И. У могилы Т. Г. Шевченко. (Къ 50-лѣтію со дня его кончины). (ИВ, февр., 604—616).

Корниловъ, А. А. Къ біографіи Бѣлинскаго. (Новыя данныя). (РМ, іюнь, отд. II, 18—45).

Содержаніе: общій характеръ «Телескопа» и «Молвы». Предположеніе о принадлежности статьи «О стихотвореніяхъ г. Языкова», подписанной буквами Y—z (Телескопъ №№ 2 и 3 за 1834 г.), перу Бѣлинскаго. Письма изъ Премухинскаго архива Бакуниныхъ: 1) Н. В. Станкевича отъ 11 августа 1836 г., 2) И. П. Клюшникова отъ 12 сент. 1836 г., 3) Н. И. Надеждина отъ 12 окт. 1836 г. (между прочимъ о письмѣ Чаадаева), 4) анонимное (Кетчера?), подписанное «Другъ»; послано послѣ обыска, произведеннаго въ московской квартирѣ Бѣлинскаго.

Кояловичъ, М. Памяти Герцена. (Совр, февр., 213—214).

Кранихфельдъ, Вл. П. Т. Г. Шевченко—пѣвецъ Украйны. Критико-біографическій очеркъ 1861—1911. Спб. 96.

— *Крекнинъ, И. Д. (Некрологъ) (ТрВятскАрхКом, 1910, II—III, 9—10).

Членъ ВятскАрхКом, † 12-го окт. 1910.

Крестић, М. Нешто о западној просветној филозофији. (Бранк Коло, XVII, 224—230).

Касается Доснеея Обрадовича.

— † Крестовская, М. В. Некрологъ. (ИВ, 1910, авг., 720—721).

— † Лебедевъ, П. О. Некрологи. (ИВ, 1910, окт., 408 — 409; Рѣчь, 1910, № 248).

П. О. Лебедевъ — редакторъ-издатель «Саратовскаго Листка», одинъ изъ заслуженныхъ работниковъ провинціальной печати.

Кричевський, В. Другий конкурс на памятникъ Шевченка. *(выше XVI/₁, 340).* (ЛНВ, XIV, т. LIII, 574—576).

—Крыжицкій, К. Я. († 4 апр. 1911 г.). Некрологи: (ИВ, май, 725—727); (Рѣчь, № 93).

Кузьминъ, Е. Шевченко художникъ и граверъ. («Кіевск. Мысль», № 56—25 февр.).

Кузьминъ, Е. М. Т. Г. Шевченко (Шк, февр., 54—67, мартъ, 99—110).

Съ иллюстраціями.

***Кулаковскій, П. А.** Русскій русскимъ. Вып. IV. Славянскій съѣздъ въ Софіи. Спб. 124.

Кулаковскій, П. А. Софійскій славянскій съѣздъ. (Окраины Россіи, 1910, № 34—35, 489—493; № 36—37, 514—520; № 38—39, 538—545; № 40, 561—565 и № 41, 578—584).

Лавров, П. Доситеjева «Пѣсна о избавленію Сербіе» у Петроградском издању из 1806 године. (СКГ, XXVI, 462—466).

Лазаревскій, Б. Шевченко и женщины (ВсеобщЖ, № 4, 129—140 столбц.).

Лаппо-Данилевскій, А. С. К. К. Ширренъ. Некрологъ († 28 ноября 1910 г.) (ИзвАк, № 2, 103—106).

К. К. Ширренъ, бывш. проф. Дерптскаго у-та, большой знатокъ исторіи Ливоніи.

Латкинъ, В. Н. Памяти В. И. Сергѣевича (ЖМЮ, № 2, 19—44).

— *Левенфельдъ, Рафаилъ (род. 1854, † въ дек. 1910). Некрологъ. (РМ, янв., II, 235—236).

Л—дъ—нѣмецкій литературный критикъ, переводчикъ и популяризаторъ Толстого.

***Ликинъ, Н.** Памяти проф. В. О. Ключевскаго, † 12 мая 1911 г. Н.-Новгородъ. 8.

— Лихачевъ, В. С. († 5 ноября 1910). Некрологи. (ИВ, 1910, дек., 1222; НовВр. 1910, № 12448).

Лихачевъ извѣстенъ своими переводами въ стихахъ комедій Мольера «Тартюфъ» и «Школа женъ».

В. Л(ьвовъ)-Р(огачевскій). И. А. Коноваловъ. Некрологъ. (СМ, іюнь, 289—290).

И. А. Коноваловъ († 28 апр. 1911) авторъ ряда очерковъ изъ деревенской жизни, печатавшихся въ «Русск. Бог.» и «Совр. Мірѣ».

Львовъ-Рогачевскій, В. Три могилы. Г. Елисеевъ (1821—янв. 1891). С. Н. Южаковъ (1849—1910). А. Скабичевскій (1838—1910). (СМ, янв, 354—357).

Львовъ-Рогачевскій, В. Первый народный поэтъ (Т. Г. Шевченко). (СМ, февр, 263—275).

Лопатинъ, Г. В. А. Карауловъ. Письмо въ редакцію. (Совр., янв., 401—404).

Лузинъ, А. Педагогическія воззрѣнія Н. И. Пирогова (ПрС, февр., 194—200).

М., С. Портретъ Р. И. Лукомскаго, писанный Т. Г. Шевченкомъ. (Иск, мартъ, 145).

***Максимовић, J.** Змаjево назаренство. Београд, 1910. 24. Реценз.: **Н. Ђурић** (БГл, 1910, Књ. XVIII, 294—299).

—Мандельштамъ, I. Е. (1846 г., † 1911). Некрологъ. (РМ, мартъ, хран, 50).

Филологъ и историкъ-литературы.

—Матеріалы до української бібліографії. Видає бібліографічна ко-

місія Наук. Тов. им. Шевченка. Том II, Українська бібліогр. Австро-Угорщини за роки 1886—1900. Лївів, 1910. 262.

Миодраговић, J. Доситеj Обрадовић као просветитељ народа српског. (Годишњица Николе Чупића, књ. XXX). Београд. Реценз.: **J<ован> С<керлић>** (СКГ, XXVI, 494).

Мисирковъ, К. Бѣлѣжки по южнославянската филология и история. (БългСб, 1910, XVII, кн. IX и X).

— Муромцевъ, Серг. Андр. (Право, 1910, № 41); **Н. Гольденбахъ.** Свѣтлой памяти С. А. М-а. М. 1910. 3; **Г. Градовскій.** По поводу кончины С. А. Муромцева. Новгородъ. 1910. 5.

Наумовъ, Н. Шевченко и Мистраль. (Историко-литературная параллель). (Аи, май, 35—42).

Невѣдомскій, М. Прокладатель путей (Къ столѣтію годовщины В. Г. Бѣлинскаго). (НЖ, № 6, 110—145 столбц.).

Новицький, О. Т. Шевченко як маляр. (ЛНВ, Т. LIV, 78—84).

О<стоjић>, Т. Живот и рад Доситеjа Обрадовића. Преглед. (Бранк Коло, XVII, 180—183).

— Обозрѣніе трудовъ по Славяновѣдѣнію. Спб. Реценз.: **I. Кревецький** (ЗШ, II, 212—216).

— Обрадовић, Доситеj. († 1811). **J. М.** (SSł, VII, 364—367). **Šević. M.** (Veda, I, 277—280).

Остальныя юбилейныя статьи подъ именами авторовъ въ этомъ же отдѣлѣ.

*Овсянниковъ, В. П. Некрологи: (ИВ, янв., 393—394; Бирж. Вѣд. № 12229); (РМ, апр., хрон. 54).

Извѣстный художникъ и иллюстраторъ.

Остоjић, Т. Живот Доситеjа Обрадовића, изъ његових дела Нови Сад. Рец.: **J<ован> С<керлић>** (СКГ, XXVI, 493—494).

Остоjић, Т. Доситеjеви стихови. (СКГ, XXVI, 467—476).

Остоjић, Т. Извор Доситеjеве христоитиjе. (БранкКоло, XVII, 187—189).

Остоjић, Т. Узор нравоученија и баснама. (БранкКоло, XVII, 202—203).

— Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1902 и 1903 годы. Спб. 1910. 247 и 154+193. Реценз.: **В. Р—въ** (ИВ, 1910, дек., 1162—1165); **П. Б.** (РА. 1910, № 10, на обл.).

— Отчетъ о состояніи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія за 1909—10 г. (ЧтОЛДПр, 1910, сент., 495—526; окт., 594—617).

Пантелѣевъ, Л. Смерть и похороны Шевченка. (Рѣчь, № 55—26 февр.).

Приведена полностью рѣчь студента-поляка **В. Ю. Хорошевскаго** на могилѣ Т. Г. Ш—а.

Пенев, Б. Доситеj Обрадовић код Бугара. (СКГ, XXVI, 438—451).

Перетцъ, В. Н. П. И. Житецкій. (Некрологъ). (ЖМНПр, іюнь, отд. IV, 54—58).

Перетц, В. Памяти Павла Житецкаго. (ЗШ, Т. 102, 5—10).

Петровскій, Н. М. Проф. Л. Нидерле о болгарахъ (ИКО, 1910, вып. 5, 501—502).

Петровскій, С., прот. Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ (къ 100-лѣтію со дня рожденія). Одесса. 1910. 32. Реценз.: **С. Аваліани** (ИВ, апр., 308—309).

Отд. отт. изъ XXX т. Зап. Одесскаго Об-ва Ист. и др.

***Пироговъ, Н. И.** Сочиненія. Т. I. Педагогическія и публицистическія статьи. Кіевъ. 1910. 965. Т. II. «Вопросы жизни». Дневникъ стараго врача. 681. Реценз: **А. Фоминъ** (ИВ, янв., 326—327); (РБ, апр., отд. II, 83—84).

Плехановъ, Г. Виссаріонъ Бѣлинскій и Валеріанъ Майковъ (СМ, май, 169—202).

Отношеніе литературныхъ взглядовъ Бѣлинскаго къ взглядамъ Майкова.

***Покровская, М. И.** Александра Яковлевна Ефименко. (Женск. Вѣстн., 1910, № 12, 251—252).

Поповић, П. Доситеј и Лабрпјер. (СКГ, XXVI, 477—479).

Поповъ, Н. Начало византиновѣдѣнія въ Россіи. (СбКлюч, 435—448).

Пријатељ, И. Неколико напомена о Копитареву занимању Доситејевим делима. (БранкКоло, XVII, 220—223).

Пружанскій, Н. О. Мое знакомство съ М. М. Стасюлевичемъ. (ИВ, апр., 200—204).

Пыпинъ, А. Н. Мои замѣтки. *(выше XV/$_2$, 326)*. Реценз.: **А. Фоминъ.** (ИВ, 1910, сент., 1082—1083); **Н. Л.** (РС, 1910, іюнь, на обл.); **Č. Zíbrt.** (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 380—381); **Н. К., Пиксановъ.** Памяти Александра Николаевича Пыпина. (Изв, XV/$_3$, 220—228).

Пѣшехоновъ, А. Памяти товарища. (РБ, мартъ, отд. I, 8—10).

Памяти П. Ф. Якубовича († 17 марта 1911 г.).

Радзикевич, В. Марія Конопніцка. (Некрольог). (Уч, 1910, XXII, 306—310).

Радонић, Ј. Доситеј Обрадовић према историји. (СКГ, XXVI, 480—484).

Решетар, М. Два ситнија прилога. I. Доситеј у Смирни. II. О христоитији. (БранкКоло, XVII, 186—187).

Рожковъ, Н. В. О. Ключевскій. (Звѣзда, № 24—28 мая).

Руварац, Д. Дан смрти Доситијеве. (БранкКоло, XVII, 230—234).

Руварац, Д. Противници штампања Доситијевих дела. (Бранк Коло. XVII, 192—199).

Рудаковъ, В. Е. Архивные розыски о рожденіи Бѣлинскаго и о происхожденіи его матери. (ИВ, май, 594—602).

Устанавливается день рожденія по выписи изъ метрическихъ книгъ — 1 іюня 1811 г. Мѣсто рожденія — Свеаборгъ. Урожденная фамилія матери — Иванова.

Русановъ, Н. С. С. Н. Южаковъ, соціологъ и публицистъ. (РБ, янв., II, 64—98).

***Русова, С.** Т. Г. Шевченко. Кіевъ, 80.

Рѣдковъ, Н. Иванъ Ивановичъ Орловскій, товарищъ предсѣдателя Смоленск. Уч. Арх. Комиссіи. (СмолСт, в. I, 71, III—XVI).

† 17 іюня 1909 г. Приложенъ портретъ.

— Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина съ портр., 7 отд. таблицами, 5 рис. въ текстѣ, нотами и картой. Спб., 1909. VIII + 668. (Изд. И. Р. Геогр. Общ.). Редактировалъ дѣйств. чл. **А. Д. Рудневъ.** Реценз.: **П. А. Ровинскій** (Изв, XV/$_3$, 314—333).

— Сборникъ Отдѣленія Рус-

скаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. 88-й. Спб., 1910. 8°. II+I+15+398—I+I+IV+1—156+2 табл.+157—286+1.

Семевскій, В. У могилы П. Ф. Якубовича. (РБ, апр., отд. II, 124—126).

Рѣчь, сказанная на похоронахъ 19 марта.

—Сергѣевичъ В. И. (род. 1832 г., † 29 ноября 1910). Некрологи: **А. Кизеветтеръ.** (РМ, янв., II, 230—232).

— Систематическій каталогъ книгъ Московской Епархіальной Библіотеки. (ЧтОЛДПр, 1910, сент., 536—543).

Изданія Библіи на слав. и русск. яз.

Скерлић, Ј. Стогодишњица Доситеја Обрадовића. (СКГ, XXVI, 417—422).

Славинскій, М. Муза Шевченко и ея общественное служеніе (ВЕ, февр., 294—302).

— «Славянскій Міръ». Ежемѣсячный журналъ литературы, искусства и критики. 1910. I—VIII, Реценз.: **С. Л. А—въ** (ИВ, 1910, дек., 1174—1175).

Смирновъ, А. В. Д. П. Моренковъ и М. И. Алякринскій (ТрВладАрх Ком, X, отд. I, 1—15).

Моренковъ и Алякринскій — врачи, извѣстные своею благотворительностью.

Смуток, П. З російсько-українського життя. (ЛНВ, 1910, XIII, червень, 573—582).

Соколовъ, С. Д. Источники и пособія для изученія Саратовскаго края. Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ внѣ Саратовскаго края. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Саратовъ. 1910. VI+84. Реценз.: **Пав. Черняевъ** (ИВ, 1910, ноябрь, 745—746).

Соколовъ, В. П. Николай Васильевичъ Калачовъ (2 мая 1819 г.— 25 апр., 1885 г.). (ТрСарАрхКом, XXVII, 1, 1—24).

Соколовъ, И. И. Сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора Ѳ. А. Курганова (ИВ, мартъ, 1069—1076).

***Соколовъ, Л.** Н. И. Пироговъ. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). Кіевъ, 1910. 49.

Соллертинскій, С. А. Памяти о. Іоанна Леонтьевича Яньшева. (ХрЧт, янв., 93—101).

Стајић, В. Рационализам великога учитеља (Доситеја Обрадовића). (БранкКоло, XVII, 215—220).

Старосивильскій, С. Н. И. Пироговъ. (Великій цѣлитель тѣла и воспитатель души). (РС, авг., 224—236).

— Стасюлевичъ, Мих. Матв. (род. 1826 г., † 23 янв. 1911 г.). Некрологи: (РМ. февр., II, 261); **А. Максимовъ.** (РусскВѣд, № 19—25 янв.), (ИВ, февр., 806—808); (Рѣчь, № 23).

— Памяти Михаила Матвѣевича Стасюлевича. (ВЕ, мартъ, 390—426).

Содержаніе: I. **В. Бузескулъ** Труды М. М. С-ча по древней исторіи (390—394). II. **Ив. Гревсъ.** М. М. С-чъ, какъ составитель исторической хрестоматіи (394—397). III. **Н. Карѣевъ.** Книга М. М. С-ча о философіи исторіи (397—399). IV. **П. Потѣхинъ.** М. М. С-чъ, какъ членъ и предсѣдатель городской коммиссіи по народному образованію (400—405). V. **И. Зубаревъ.** М. М. С-чъ, какъ гласный думы (406—410). VI. **А. Слонимскій.** М. М.

С-чъ, какъ редакторъ (410—416). VII. **А. Ѳ. Кони.** М. М. С-чъ, какъ характеръ (416—426).

Стояновъ, К. Различна отплата на единъ ученъ елино- и славянофилъ. (Dr. K. Krumbacher.) (СлГ, 28—34).

— Графъ Г. С. Строгановъ (СтГ, 1910, ноябрь, 51).

Струве, П. Б. С. Ѳ. Шараповъ. (РМ, авг., хрон., 6—9).

Къ его смерти.

Сумцовъ, Н. Ф. На Западѣ и дома. (Этюды путешественника). (ЗМАИ, т. IX, I, 1—160).

Оглавленіе II отд.: Дома. Изъ московскихъ впечатлѣній. Полтавщина. На родинѣ Шевченка. День въ Сумахъ. Крымъ въ поэзіи и въ прозѣ жизни.

Сумцовъ, Н. Ф. П. И. Житецкій (ВХИФО, вып. I, 35—38).

***Тезяковъ, Н. И.** Ник. Ив. Пироговъ, какъ врачъ и общественный дѣятель. (Рѣчь въ Саратовск. физико-медицинскомъ обществѣ въ день 100-лѣтія со дня рожденія Н. И. Пирогова). Саратовъ, 1910. 28.

Теодоровъ Баланъ, А. Български книгописъ за сто години 1806—1905. Материали. Изд. Българск. Книж. Дружество. София, 1909.

Томашівський, С. Іван Созанський. Посмертна згадка. (ЗШ, т. 102, 162—164).

Украинецъ. Къ вопросу о самостоятельности украинской культуры. (Письмо въ редакцію). (РМ, май, отд. II, 131—146).

Умановъ-Каплуновскій, В. М. Л. Кропивницкій. «Украинскій батька» (Къ годовщинѣ смерти, 9 апр., 1911 г.) (ВсеобщЖ, № 5, 21—30 столбц.).

— **Филипповъ, С. Н.** († 31 дек. 1910). Некрологи: (ИВ, февр. 808—898); (НовВремя, № 12503)

С. Н. Филипповъ — писатель, авторъ ряда беллетристическихъ произведеній и путевыхъ очерковъ.

Фирсовъ, Н. Н. (А. Рускинъ). Рускіе ученые въ Персіи. (ИВ, февр., 653—658).

***Флоринскій, Т.** Славяновѣдѣніе. Лекціи, чит. въ 1910—11 г. Изд. слушат. ист.-фил. фак. кіевск. в. ж. к. Кіевъ. 224.

— Фофановъ, К. М. († 17 м. 1911 г.) Некрологи и статьи его памяти: **Валерій Брюсовъ.** Некрологъ. (РМ, іюль, хрон. 45—46); **Е. Колтоновская** (ВЕ, іюль, 411—416).

***Францевъ, В. А.** Проектъ польско-славянскаго ученаго общества С. Б. Линде. Варшава, 13. Реценз.: **М. Н.** (ČMKČ, LXXXV, 478—479).

Францевъ, В. А. Польское славяновѣдѣніе. *(выше XIV/4, 356).* Реценз.: **E. Woroniecki** (SSł, 1910, I, 319—327).

Францевъ, В. А. Письмо къ В. Ганкѣ изъ славянскихъ земель, Варшава, 1905. Реценз. **E. Woroniecki** (SSł, 1910, I, 401—405).

— Др. Аугуст Харамбашић (1861—1911). Некрологъ: **J. Храниловић** (ЛМС, св. 9, 75—80).

***Хлѣбородъ, Ф. С.** Софійскій конгрессъ или ликвидація обанкротившагося неославизма. Спб. 1910. 52.

Вар., Марко. Доситеј (Обрадовић) и Томазео (Никола). (ЛМС, LXXXVII, 62—67).

— Цвѣтковъ, П. В. († 20 марта 1911). Статьи его памяти и некро-

логи: **Вл. Макаровъ.** Пав. Вас. Цвѣтковъ. (СтМ, апр, ЦеркПѣн, 53—56); **Р. Горевъ.** На смерть П. В. Цвѣткова (ib. 56—58); **Л. Тумановъ.** Некрологъ (ib. 58—61) **Вл.** Похороны П. В. Ц—а (ib. 61—64).

Ћонић, У. Помени о Доситеју Обрадовићу у Бечким архивима. (СКГ, XXVI, 491—492).

Чаговецъ, Вс. Т. Г. Шевченко. (Какъ поэтъ и гражданинъ). («Кіевск. Мысль», № 57—26 февр.).

Чајкановић, В. О реду и изворима Доситејевих басана. (СКГ, XXVI, 485—490).

Чериковеръ, С. Сербія, Боснія и Герцеговина. М. 1910. 118. Реценз.: **В. Линдъ** (РМ, февр., пр. об., 68—70).

Чилингировъ, С. Шевченко на български. (СлГ, 37—40).

Чуковскій, К. Шевченко. (Посвящается И. Е. Рѣпину). (РМ, апр., отд. II, 86—101; май, отд. II, 99—110).

Шевић, М. Доситеј и Русо. (Бранк Коло, XVII, 211—215).

— Шевченко, Т. Малюнки. За артистичним доглядом проф. **В. В. Мате.** Вып. I. Изд. Об-ва имени Т. Г. Шевченко. Спб. 4°. 3+15 и 30 рис.

— Шевченко, Т. Кобзарь. Въ переводѣ на русскій языкъ подъ ред. **М. Славинскаго.** Спб. XXVIII+252. Реценз.: **К.** (СМ, мартъ, 356).

— Шевченко, Т. Г. «Кобзарь» въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. Общ. любителей россійской словесности. М. 136+1 потр. Реценз.: **Ю. Веселовскій** (РусскВѣд, № 46—26 февр.).

— Шевченко, Т. Пѣсни. Подъ ред. **В. В. Вересаева.** Въ преводѣ Ив. Бѣлоусова, С. Дрожжина, Л. Мея, А. Плещеева, Ив. Сурикова и др. М. IV+40.

— Шевченко, Т. Твори въ двахъ томах. Том перший. Кобзарь. Під ред. **В. Доманицькаго,** з життеписом, портрітом і 53 малюнками Н. Ткаченко та С. Дудіна. Изд. В. Яковенка, 3-е. Спб. XXIX+600 и 53 рис.+1 портр.

— Т. Г. Шевченко и дѣти. («Кіевск. Почта», № 620—26 февр.).

Широцький, К. Шевченкова наречена. (ЛНВ, XIV, LIII, 275—289).

Широцький, К. «Сама собі в хатї господина». (Картина Т. Шевченко). (ЗШ, CI, 102—108).

Шишмановъ, Ив. Д. Кузманъ Шапкаревъ. (1834—1909). («Лѣт. на българ. книж. Друж. въ Софія» за 1909 годъ, 89—94).

Шурмин, Ђ. Доситије и Хрвати. (СКГ, XXVI, 430—437).

— Щегловъ, И. † 4 іюня 1911 г. Некрологи и статьи его памяти. **В. Б.** (РМ, іюль, хр. 46.

— Юбилейный сборникъ Литературнаго фонда *(вып. XV/$_2$, 326)*. Реценз.: **А. Фоминъ.** (ИВ, 1910, іюль, 292—293).

— Южаковъ, Серг. Ник. (род. 1849 г., † 29 ноября 1910). Некрологи: (РМ, янв., II, 233). **Короленко, В.** (РБ, 1910, дек.,); **Слонимскій, Л.** (ВЕ, янв., 334—338).

Ющишин, І. Союз славянського учительства в Австрії (Уч, XXIII, 55—56).

Ягичъ, И. В. Исторія славянской филологіи. Петербургъ, 1910. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1910, LVIII, стр. CCCLXXVI—CCCLXXVII); **М.**

Speranskij (AslPh, XXXII, 571—580); **J. Polívka** (LF, XXXVIII, 28—43); **V. Flajšhans** (ČMKČ, LXXXV, 175—177).

— Телеграммы и письма, полученныя послѣ кончины П. Ф. Якубовича, его семьей и редакціей «Русскаго Богатства» (РБ, апр., отд. II, 127—142). Вѣнки, возложенные на гробъ П. Ф. Якубовича (ib. 142—144).

— Якубовичъ, П. Ф. († 17 марта 1911). Некрологи и статьи его памяти: **Л. В.** (Кіевск. Мысль, № 78—19 марта). **Книжникъ.** Изъ біографіи П. Ф. Якубовича (ib.); **Д. А.** Памяти П. Ф. Якубовича (ib.); (ИВ, апр., 397—398); (Рѣчь, № 75); (РМ, апр., хрон., 54—55); (ИВ, май, 731—732); (РусскВѣд, № 63).

— 25-го лютого 1861—1911. («Рада», № 46—26 февр.).

Къ 50-лѣтію со дня смерти Т. Г. Шевченко.

Adámek, K. Památce Jana hr. Harracha. (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 353—361, 434—439, 446—457; LXXXV, 75—90).

***Auerhan, J.** Všeobecně přístupné knihovny, čítarny a musea, stále zřízená divadla a jeviště v královstvi Českém r. 1905. (Zprávy zemského stat. úřadu, sv. XIV, seš. 1). Praha, 1910. Реценз.: **F. P.** (ČSPSČ, XIX, 23).

— Bart-Čišinski, Jakub. († 16. X. 1909). Nekrolog: (ČMS, 137—144).

Barwiński, Eug. Bibliografia historyi polskiej. (KwH, XXV, 131—143).

Bidlo, J. O historii Slovanstva jako celku. (ČČH, XVII, 144—151).

Boczkowski, H. Tomasz Garrigue Masaryk. (Krytyka, 1911, styczeń, I, 34—40).

Bráfová, L. Rieger Smetana Dvořák. (Osvěta, 1910, XL, 23 и пр.).

Budisavljević, B. Franu Kurelcu—14. I. (Savr, VI, 81—87).

Calma, M. Milostné dopisy Bedř. Smetany. (Světozor, 1909, 546—547, 570—571, 619—620, 641—642, 665—666, 659—690, 713—715, 737, 785—786, 833—834).

— Cankow Dragan. (11/24. III). **G. J.** (SSł, VII, 356—363).

— Działalność pedagogiczna s. p. M. Brzezińskiego. (Wych, IV, 108—124).

Ch<alupný> E. Zapomenuté jubileum Oldř. Kramáře. (Přehled, VII, 761—673).

Chlebowski, B. Kazimierz Kaszewski. (1825—1910). (SprTNjęz, 1910, Rok III, № 5). 6, 8°.

Chlebowski, Br. Kazimierz Kaszewski (1825—1910). (Książka. 1910, X, 437—441).

Chlebowski, C. Roman Plenkiewicz. Wspomnienie pośmiertne. (SprTNjęz, R. III, № 6).

Ciechowski, W. Czasopismo polskie na Litwie. IV—VII. (KwLit, 1910, I, 3, 13—40) VIII—X. (I, 4, 67—96).

— Čítanka slovenská. Vydává Moravskoslezská beseda v Praze redakcí Fr. Bílého a nákladem E. Šolce v Telči na Moravě. Реценз.: **S. K.** (SlPř, 1910, XIII, 96—97).

Dieterich K. Zum Gedächniss an Karl Krumbacher (23/IX 1856—12/XII 1909). (NJKA 1910, XXV, 279—295).

Drtina, F. Komenského idea humanitní. (PR, XXII, 1909, 7).

—Prof. František Drtina (1861—1911). **Ki** (ČMysl, XII, 324—325).

— V. J. Dušek. (17. III. 1911). **I. Horák** (NárV, VI, 91—92).

Dyk, V. T. G. Masaryk (Samostatnost, 1910, č. 25, 28, 31, 34, 37, 39, 42, 45).

F., W. Bolesław Limanowski. (Krytyka, 1910, listopad, 185—191).

Fancev, Fr. Parnica Blaža Škrinjarića. (VZA, XIII, 1—14).

Francev, V. A. V. D. Lambl, Havlíčkův spolupracovník Nár. Novin (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 446—451).

Francisci, J. Vlastní životopis. (SlP, XXX, 8—29, 96—99).

G., J. Echa zjazdu Sofijskiego. (SSł, VII, 1, 170—192).

Gebauerová, M. Dopisy prof. E. Alberta prof. J. Gebauerovi... (LF, 1910, XXXVII, 465—467; XXXVIII, 43—46).

Grabowski, T. S. Poprzez Słowiańszczyznę. Portrety i profile. Rozprawy i sprawozdania literackie. II. Romantyzm Polski wśród Słowian. (Cz. I. Słowiane zachodni). Wpływy i pokrewieństva. Lwów 1910, 44, 8°. Реценз.: **B. Chlebowski** (Książka, 1911, XI, 240—241).

Grabowski, T. Stefan Sawwow Bobczew. (SSł, 1910, I, 294—318).

— *Ivan Grohar. L., H. J. (Veda, I, 504—505). **Mantuani** (Carn, II, 228—229).

Hahn, W. Dziesięciolecie Towarzystwa dla popierania nauki polskiej. (1901—1910). (Książka, XI, 1—5).

Hajný, M. K otázce kultûrní vzájemnosti slovanské. (PR, XXIV, 41—43).

***Grabowski, T. S.** Działalność prof. M. Murki. Sprawozdanie krytyczne. Kraków, 1910. Реценз.: **M. Hýsek.** (LF, XXXVII, 1910, 391—392).

— Dr. Jaromír Hanel. (20. XI. 1910). **J. Demel** (ČMM, XXXV, 244—248). **J. Strohal** (Ljet, XXV, 118—129). **J. Strohal** (MPDZag, XXXVII, 1—7).

Havelková, V. Výstava jihoslovanského vyšívání a krojû «Srbská žena» v Praze. (NárV, 1910, V, 192—194).

Helfert, J. A. Bernhard Bolzano. (VČSN, 1909, č. VI). 32. Реценз.: **J. H.** (Čas, 1909, č. 310, 311).

***Herben, J. Fr.** Faustýn Procházka, (BesČ, XIV, 388, 394—397).

Idinek, I. N. Záhady ze života Iana Amosa Komenského. (ČMKČ, 1910. LXXXIV, 1—8).

Jindřich, K. V. S. Solovjev—katolík. (H, 1910, XXVII, 802—806).

— Dr. Herm. vitez Jireček od Samokova. **J. Strohal** (Ljet, 25, 106—117).

— Jordan, Genrich. († 3 марта 1910). Nekrolog. (ČMS, 144—147).

Jurečka, G. Karel Krumbacher, zakladatel moderní Byzantologie. (ČVSO, 1910, XXVII, 64—67).

***Kamiński, J.** Przyczynek do charakterystyki szkoły historycznej prof. Hruszewskiego. Lwów, 1910, 16.

Klimt, A. Prof. Dr. Fr. Krejčí jako filosof. (VMyšl, IV, 225—231).

Kołodziejczyk, E. Z przeszłości Słowianofilstwa w Polsce. (SSł, 1910, I, 37—39, 116—120, 180—184, 329—334, 393—397, II, 46—47, 156—160, 181—184; VII, 1, 207—208; 1911, VII, 382—384, 448—451).

—† Marya Konopnicka. (MiesPed, 1910, XX, 145—148).

Konvalinka, K. M. Marjanović o jihoslovanské kultuře. (SlPř, XIII, 357—359).

Kotik, A. Fr. Faustýn Procházka. (Osvěta, 1909, 699—706, 789—801).

Krivic, R. K petdesetletnici dra Fr. Drtine. (Veda, 485—493).

Kvěchová, M. Výstava krajek v Narodopisnem Museu Českoslovankém (NárV, 1910, V, 191—192).

Limanowski, B. Stanisław Worcell. Zyciorys z 7 rycinami. Kraków, 1910. X+417.

Limanowski, B. Jan Olrych Szaniecki. Szkic biograficzny. (Bibl Warsz, 1910, LXX, t. 4, 535—555).

Lutomski B. Różnice. (Lużne uwagi o naszym i niemieckin sozyalizmie). (PgNar, 1910, III, t. VI, 295—314).

M., J. Tolstoj, jako pedagog. (N Tory, 1910, V, 2, 379—386).

Malý, J. Vědomosti o nás v Anglii a Americe. (ČMKČ, LXXXV, 222—226).

Mańkowski, A. Zapomniana broszura o Kaszubach. (Gryf, 1910, 266—267).

Marcinowska, I. Spuścizna Elizy Orzeszkowej. (PwOśw, 1910, X, 268—275).

Niederle, L. Slovanský Svět. Zeměpisný a statistický obraz současného Slovanstva. Praha, 1910, 197. Реценз.: **S. Zdziarski** (PgP, CIX, 116—122).

Novák, I. V. I. A. Komenského věnování zamyšleného překladu bible sultánovi. (Komenský, XXVII, 436—439).

Nosovský, K. Soupis českých a slovenských současně vycházejících časopisů. Praha, 1909. Реценз.: **J. Magiera** (SSł, 1910, t. I, 271—272).

Novák, F. V. České dějiny v literaturách slovanských. (ČMKČ, LXXXV, 431—446).

Novák, I. V. Poměr I. A. Komenského k tehdejším vědám přírodním (VPř, V, 201—208, 233—235, 268—271).

Pintar L. Die Absendung des Codex Suprasliensis aus Laibach nach Wien im Jahre 1850. (AslPh, XXXII, 622—625).

Radič, S. Slovanský koncentrator. Život a dílo Ljudevíta Gaje. (Osvěta, 1909, XXXIX, 2, 775—782).

Ranoszek, K. Byzantynistyka i Krumbacher. (PgP, CIX, 301—311, CX, 60—72).

Rawita-Gawroński, F. Profesor Hruszewskij i jego historya Ukrainy—Rusi. Kilka słów, kilka uwag. (SSł, VII, 337—356).

Rejowicz, J. Pięćsetlecie krakowskiej kongregacji kupieckiej. Kraków, 1910. 16.

— Revue franco-bulgare, publiée par la Sociéte des Anciens Élèves du Collège français de Philipoppoli. 1910. Реценз.: **K. C.** (РодНапр, 1910, VIII, 49—50).

— Rocznik Slawistyczny, tom I i II. Реценз.: **E. Berneker** (DLZ, 1910, XXXI, 1367—1369); **A. A. Kryński** (Książka, 402—403).

— Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. Tom III. Wilno, 1910, 152. Рец.: **G. Korbut** (Książka, 404—405).

Rostohar, M. Jdeje o zgodovini filozofije južkih Slovanov. (Veda, I, 48—59, 143—147).

S. Jubileum stých, narozenin Karla Hynka Máchy. (Máj, IX, 90—92).

S. P. Životopis Dr. Samuela Czambela. (Živ, I, 25—26).

Salomon, R. G. Eine russische Publikation zur päpstlichen Diplomatik. (Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde, 1906/1907, XXXII, 459—475).

Касается работы Лихачева о папѣ Піи V.

— Serbien. Wirtschaftliche Lage im Jahre 1909, unter Berücksichtigung der Vorjahre. Bericht des kaiserlichen Konsulats in Belgrad. 1910. Реценз.: **Ђ. Ђурић** (СКГ, XXVI, 240—245).

Sochář, P. Jaroslav Vlček. (Živ, I, 73—75).

— Adolf Sommer († 3. IX. 1909). Nekrolog. (ČMS, 134—137).

Škavić, J. Dositej Obradović. O stotoj godišnjici njegove smrti. (Napr, LII, 337—345).

Šurmin, Gj. Dositije Obradović † 1811. (Savr, VI, 209—214).

Šurmin, Gj. Dositije Obradović u Dalmaciji. (БранкКоло, XVII, 234—235).

Szombathy, J. Matthäus Much. (Mitt. Anthrop. Ges. Wien. 1910, XXXX, 48—50).

Traub, H. Dějiny Matice Moravské. (Pokračování). (ČMM, XXXV, 60—102, 154—192).

Tunkl, A. Šezdesetogodišnjica rođenja Tome Masaryka. (Napr, 1910, LI, 196—213).

***Ułaszyn, H.** Filologja i lingwistyka prof. A. Brücknera. Szkic polemiczny. Kraków, 1910. VII + 152.

V., B. Sociološki pomen nemško-slovanske jezikovne mejč. (Veda, I, 393—397).

Vašek, A. Počátky Vlasteneckého musea v Olomouci. (ČVSO, 1910, XXVII, 16—28).

Vraz, Stanko Spominu Stanka Vraza. Časopis za zgodovino in narodopisje. VII letnik, 3 in 4 snopič. Реценз.: **F. Ilešič** (Carn, II, 312—314).

Woroniecki, E. Słowianofilstwo Czartoryskich. (Geneza politycznego słowianofilstwa polskiego, okolo r. 1740). (SSł, VII, 405—414).

Woroniecki, E. Rosyjskie dzieło o Słowianoznawstwie polskiem. (SSł, 1910, I, 319—327).

Woroniecki, E. Słowianofilstwo królestwa kongresowego. (SSł, 1910, II, 70—104).

Zíbrt, C. Literatura kulturněhistorická a ethnografická 1909—1910. I. Kulturní vývoj člověka pod vlivem polohy zeměpisné a poměrů zemědělských. (ČL, 1910, XX, 155—160).

Zíbrt, Č. Literatura kultůrněhistorická a ethnografická 1990—1910. II. Duševní vývoj a výchova v kultůrních dějinách lidstva. (ČL, XX, 198—208).

Zíbrt, Č. Pobyt P. J. Šafaříka v Berlíně r. 1841 a ve Vídni r. 1848 i 1851 v novém světle dopisů choti Julii. (Osvěta, 1909, 451—457, 543—550, 617—623, 707—712).

Zíbrt, Č. Život a činnost P. J. Šafaříka ve světle dopisů synovci Janovi (1854—59). (ČMKČ, 1910, LXXXIV, 334—353).

Zieleńczyk, A. Drogi i bezdroża filozofji polskiej. (Sfinks, 1910, czerwiec, 443—454, lipiec, 63—82, sierpień, 306—333).